0052

АБУ-Л-ФАЗЛ БЕЙХАКИ

ИСТОРИЯ МАС'УДА

1030-1041

Перевод с перс., вступление и комментарии А. К. Арендса.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Деятельность Абу-л-Фазла Бейхаки (По техническим причинам имена собственные, географические названия и термины на восточных языках переданы в настоящей книге в приближенной транскрипции без применения диакритических знаков.), знаменитого дебира и главы государственного секретариата, протекала в период бурных событий, совершившихся в первой половине XI в. на обширном пространстве от Кашмира до областей Персидского Ирака, от Хорезма до р. Инда, где в течение нескольких

десятилетий огнем и мечом было создано громадное государство под властью династии Газневидов. Едва успев подняться до апогея величия, это раздираемое классовыми противоречиями и освободительной борьбой покоренных народов государство, спустя полстолетия с его основания уже утратило свое могущество под неудержимым натиском объединенных туркменских племен. Эту очень недолгую, но весьма знаменательную эпоху [1] отобразил в своем историческом сочинении Бейхаки.

С той поры прошло 900 лет. Не много материальных следов осталось от эпохи первых Газневидов: одинокие развалины дворцов и мечетей, остатки мавзолеев и крепостных сооружений [2], разбросанных на территории исчезнувшего государства, небольшое количество реалий, собранных в музеях. Счастливей оказались письменные памятники духовной жизни. Из созданных в то время произведений великих ученых Абу Али ибн Сины и Абу Рейхана Бируни и других сохранились до наших дней главнейшие. Уцелел и начатый несколько ранее мировой шедевр «Шах-наме» Фердовси и сравнительно большое

количество стихов плеяды придворных поэтов султана Махмуда, сына его Мас'уда и их вассалов, хотя из общей массы литературы в стихах и прозе, появившейся на свет в первой половине XI в., это составляет лишь небольшую часть, прочее погибло. **[6]**

Пострадал, к сожалению, и написанный в начале второй половины того же столетия выдающийся труд Абу-л-Фазла Бейхаки: от него до нас дошло только около трети, все остальное было утрачено еще очень давно. Однако и уцелевший фрагмент свидетельствует о том, что автор совсем не напрасно указал в своей книге на ее внутренние достоинства. Она бесспорно является самым замечательным историческим трудом не только для своего времени, но и для более позднего средневековья, за исключением разве двух известных книг *Та'рих-и-Джахан-гушаи* Алааддина Ата Мелика Джувейни и *Джами ат-таварих* Фазлаллаха Рашидаддина, знаменитых историков монгольского периода.

Абу-л-Фазл не был зачинателем историографии на языке классического периода таджикской и персидской литературы. Исторические книги на языке фарси-дери писали уже давно, и для сочинения подобного рода произведений к годам его жизни уже установился определенный канон, строго лимитировавший их содержание в соответствии с пониманием исторической науки в те времена. Выработался и особый стиль исторического повествования на языке фарси, сжатый, сухой и бесстрастный, лишенный риторических прикрас. Суть содержания исторических книг, существовавших в его пору, Абу-л-Фазл охарактеризовал довольно метко. «В историях, — пишет он, — читают, что такой-то царь отправил такого-то военачальника на такую-то войну и что в такой-то день сразились или помирились и что этот побил того, а он сего, и на этом они разошлись».

И в самом деле, историография в странах Среднего Востока даже после арабского завоевания еще долгое время ограничивалась, главным образом, описанием жизни монархов и рассказами о походах и

сражениях. Народные движения, охватывавшие огромные пространства, изображались в искаженном виде, с позиций господствующего класса. Что же касается быта народных масс или политического и экономического состояния того или иного государства, то эти вопросы писатели исторических хроник, за весьма редкими исключениями, обходили молчанием, как материю низкую, недостойную внимания читателей, которыми были преимущественно представители феодальной знати, по заказу и ради которой сочинялись исторические книги.

Совсем иначе понимал смысл и задачи бытописания Абу-л-Фазл Бейхаки. «В прочих историях, — замечает он, сопоставляя свой труд с аналогичными сочинениями других авторов, — нет такой пространности, ибо они смотрят на события проще и упоминают лишь небольшую их часть». Существовавшая в ту пору историография перестала удовлетворять Абу-л-Фазла и он, нарушая привычный канон, внес в нее ряд новшеств, которые сразу же доставили его труду превосходство над

произведениями старых хронистов. Тем не менее, он все же [7] оставался сыном своего века: превозмочь целиком исстари сложившуюся в историографии традицию он не мог. В сохранившейся части его «Истории», посвященной правлению султана Мас'уда, центральной фигурой от начала до конца является названный султан в окружении ближайших советников и высших государственных чиновников. Но и тут есть черта, которая отличает нашего автора от обычного типа придворного летописца, пишущего приукрашенную историю своего повелителя ради прославления его, в чаянии получить за то награду побогаче. Абу-л-Фазл заинтересован, как будто, больше в том, чтобы труд его сделался достоянием грядущих поколений, чем его современников. «Цель моя заключается не в том, — пишет он, — чтобы рассказать людям нашей поры о жизни султана Мас'уда; они его видели и осведомлены... Моя цель состоит в том, чтобы написать достойную летопись и возвести величественное здание, так чтобы воспоминание о нем сохранилось до скончания веков».

В книге Бейхаки уже нет сухой регистрации примечательных фактов редкими, бесцветными мазками, как у предыдущих хронистов, а есть насыщенный множеством деталей и подробностей красочный рассказ о них. Он хорошо сознает действенность индивидуальных черт человеческого характера и необходимость изображения их в историческом рассказе. Персонажи его книги уже не безжизненные манекены, носящие известные имена, титулы и звания и неведомо почему совершающие те или иные поступки. У него все главные действующие лица, кто в большей, кто в меньшей мере, выступают наделенные присущими им слабостями, страстями и добродетелями и потому предстают перед нами как живые люди. Абу-л-Фазл понимает и значимость мелких, на первый взгляд, незначительных фактов и обстоятельств, которые в известный момент могут послужить непосредственным поводом и толчком к крупным, исторически назревшим событиям.

Абу-л-Фазл Бейхаки в общей сложности провел около 25 лет на службе в государственном секретариате или иначе посольском диване (*диван-и*

рисалат), занимая последовательно должность помощника начальника и затем главы этого учреждения. Служба в этой «сокровищнице тайн», как тогда секретариат называли в обществе, естественно, ставила его в положение полной осведомленности в вопросах внутренней и внешней политики первых Газневидов. Все важные государственные документы, в том числе дипломатические, секретная шифрованная переписка со своими послами, с наместниками в оккупированных областях и с тайными и явными информаторами проходила через его руки. «Я сам переписывал набело послания к халифу, к туркестанским ханам и окрестным князьям, сам расшифровывал тайнопись», — замечает он с гордостью. Это значит, что ему поручали окончательную литературную обработку и переписывание набело **[8]** каллиграфически, что считалось большим искусством, черновые наброски документов, составленных его начальником и ментором Абу Насром Мишканом, и что он делал переводы тайнописи для доклада султану. Редко

какому историографу выпадала возможность быть столь осведомленным о положении государственных дел как Абу-л-Фазлу, для которого не было особых причин сознательно искажать сообщаемые факты.

Значительное количество сведений, помещенных в «Истории Мас'уда», — это рассказы упомянутого Абу Насра Мишкана. Трудно «было бы найти более компетентный источник для освещения периода прошлого царствования и оставшихся для Абу-л-Фазла неизвестными фактов поры правления Мас'уда. Других своих устных информаторов он выбирал из числа свидетелей, на которых мог положиться. Называя их по имени, он рекомендует их с лучшей стороны в смысле достоверности показаний. «Как же я примусь за благословенную пору этого государя, ежели не удастся раздобыть те сведения; ведь будет обман, коль скоро они будут измышлены», — пишет Бейхаки, собираясь повествовать о детстве и юности Мас'уда. «Нелепо было бы писать что-либо похожее на неправду»... — говорит он в другом месте. Это придает его труду значение исключительно добросовестного,

надежного и авторитетного источника, почему на него часто ссылались историки последующих веков, иногда цитируя его без указания имени автора. Пользуясь трудом Абу-л-Фазла Бейхаки в настоящее время, можно исправить немало ошибок и неточностей, допущенных более поздними хронистами.

Намеревался ли Абу-л-Фазл написать историю Газневидов еще задолго до того, как взялся за ее сочинение, или это делалось с какой-то другой целью, но он довольно рано начал собирать копии с. государственных документов, к которым был как-то причастен, копии с писем официальных лиц, частные письма, записи устных сообщений, сделанных ему разными людьми, записи стихов малоизвестных и совсем неизвестных в литературе поэтов и т. п. и хранить их в своем домашнем архиве. Когда же под конец своей служебной деятельности он потерпел крушение, дом его подвергся нарочитому разграблению [3] и личный его архив при этом либо погиб в общем разгроме, либо был со специальной целью изъят. На протяжении «Истории Мас'уда»

Абу-л-Фазл не раз возвращается к этому печальному факту, горько сожалея об утрате дорогих ему документов. «Ежели бы мои бумаги и списки с подлинников преднамеренно не уничтожили, моя «История» предстала бы в ином виде. Да рассудит меня Аллах с тем, кто это содеял!» — восклицает он с болью.

Некоторые документы ему впоследствии все же удалось разными путями восстановить. К ним относятся копии с послания эмира **[9]** Мас'уда к Кадыр-хану и двух вербальных нот, отправленных с послом, копия с послания халифа ал-Каима к эмиру Мас'уду, копия с присяжной грамоты Мас’уда на верность халифу, копия с послания Мас'уда к хорезмшаху Алтунташу и копии с реляций и донесений разных должностных лиц. Абу-л-Фазл поместил их в соответствующих главах «Истории Мас'уда» и тем самым придал ей еще большую ценность.

Сверх того, что уцелевшая часть труда Бейхаки является самой полной историей периода правления

Мас'уда [4], в ней содержится еще много интересных сведений из истории государств Саффаридов и Саманидов, а также истории периода объединения туркменских племен под властью Сельджукидов. Особо важное значение труд Абу-л-Фазла имеет для восстановления истории народов, ныне населяющих среднеазиатские республики, входящие в состав Союза Советских Социалистических Республик. Сюда относятся сообщения Абу-л-Фазла о взаимоотношениях Газневидов с Хорезмом, с туркестанскими Илеками, с Сельджукидами и туркменскими племенами. Эти отношения, выливавшиеся в форму обмена посольствами, дипломатической переписки, заключения договоров и обязательств или открытых военных действий, направленных в конечном счете Газневидами к тому, чтобы не допустить Илеков и Сельджукидов перейти через Аму-Дарью и вторгнуться в Хорасан и области к югу от Мавераннахра, описаны довольно обстоятельно, с упоминанием таких деталей, каких опять-таки нельзя найти в других источниках. Встречаются в «Истории Мас'уда» и отдельные

указания на взаимоотношения туркестанских Илеков с туркменами.

Картину жизни трудового населения, крестьян и городских ремесленников Абу-л-Фазл прямо не показывает, но судить о ней можно безошибочно по необузданной тирании правителей областей, по безудержному произволу и насилию, чинимыми налоговыми чиновниками при взимании податей и всяческих чрезвычайных поборах. Об этом наш автор говорит совершенно открыто. Всякая законность грубо попиралась, чиновники действовали близко к тому, как ведет себя вражеское войско в захваченном городе, отданном ему на разграбление. В этом не остается никакого сомнения, когда читаешь места, где Абу-л-Фазл останавливается на положении в Хорасане, житнице Газнийского царства, на завладение которой в первую очередь были направлены усилия Сельджукидов. Здесь особенно неистовствовал стоявший во главе гражданского управления этой провинции Абу-л-Фазл Сури. Бейхаки знакомит читателя с примерным перечнем подарков,

присланных из Хорасана ко двору Мас'уда [5], лично для него, в рамазане 625/1034 г. сверх установленных налогов, поступавших в местную и общегосударственную казну. Стоимость этих подарков исчислялась **[10]** в четыре миллиона диремов; такого рода подношения производились регулярно.

Обозрев подарки, Мас'уд обратился к финансовому чиновнику, рассказавшему этот случай Абу-л-Фазлу Бейхаки, со словами: «Добрый слуга этот Сури, будь у меня двое-трое этаких слуг, получалось бы много прибытку». — «Точно так, — ответил я, — но не решился сказать: надо бы спросить у хорасанских раиятов, благородных и простых, сколько им доставлено мучений, покуда заготавливали такие дары. Завтра объявится, каково будет последствие этого дела», — так заключил свой рассказ этот чиновник. Ответом была общая ненависть всех слоев населения в Хорасане к Сури и заодно к султану Мас'уду, потакавшему разбою своих чиновников. «Когда ему (Сури) развязали руки в Хорасане, — пишет Абу-л-Фазл, — он разорил всех вельмож и

рейсов и отобрал у них без меры добра, а зло от его тиранства пало на бедняков. Из того, что он отбирает, он только пять диремов из десяти отдает султану». Сказанное можно, пожалуй, не пояснять — высшая администрация провинции грабила феодалов-помещиков и администрацию помельче, а те в свою очередь грабили трудовой народ. Отсюда понятно, что в Хорасане постоянно то тут, то там вспыхивали народные возмущения, которые правительству приходилось подавлять военной силой.

Обездоленные крестьяне и городские ремесленники покидали насиженные места и, не находя себе иного применения, все больше и больше умножали толпы нищих на базарных площадях, либо поступали в полки газиев и принимали участие в походах на Индию [6], а самые отчаянные и смелые пополняли ряды повстанцев или сбивались в шайки и занимались разбоем на больших дорогах. Об одной такой шайке, предводимой неким Кухандизи — правильно было бы в данном случае ее назвать не шайкой разбойников, а организованным и хорошо

вооруженным отрядом партизан-повстанцев, нашедшим себе удобное для обороны укрытие в горах — рассказывает наш автор. Он же сообщает и о трагическом конце этого отряда, захваченного обманным способом в плен и уничтоженного до последнего человека по повелению султана Мас'уда.

«А знать извелась, — продолжает Абу-л-Фазл, — и начала писать, письма в Мавераннахр, посылать послов к турецким вельможам и упрашивать, чтобы они побудили туркмен занять Хорасан... У осведомителей не доставало смелости писать правду о Сури, а эмир ничьих слов о нем не слушал и любовался его чрезмерными подношениями до тех пор, пока Хорасан взаправду не пропал из-за тиранства и лихоимства Сури. Кончилось тем, что пришли неприятели и захватили Хорасан», — рассказывает Бейхаки. Не лучше было положение и в других областях, подвластных Газневидам. **[11]**

Кое-где в книге автор слегка приподнял завесу над жизнью мужской половины дома богатой служилой знати: много роскоши, много пьянства и

извращенных нравов. Ценители изящной словесности проводили приятные часы за неизменной чашей вина, слушая декламацию стихов известных и неизвестных поэтов, экспромты, тут же сочиненные кем-либо из присутствующих, и музыку и пенье мутрибов.

Зато о жизни царского двора Абу-л-Фазл Бейхаки, прекрасно осведомленный о ней, дает читателю полное представление. В его «Истории» читатель знакомится с порядком простых и торжественных выходов султана, происходивших обыкновенно рано утром, после восхода солнца — вообще вся деловая жизнь в стране начиналась с рассветом и замирала после захода солнца; знакомится с тайными совещаниями султана с членами правительства и личными его советниками, присутствует на пышно обставленных приемах послов со всем их сложным ритуалом, узнает, как происходило награждение чиновников за служебные заслуги, как выглядело парадное одеяние султана, министров, камергеров, гвардейцев. Читатель видит, как совершаются обряды мусульманских праздников и праздников,

сохранившихся как пережиток со времен культа Ахура Мазды; перед его глазами проходит открытая часть обряда бракосочетания членов царствующей династии и т. п.

За этой полной блеска и великолепия стороной жизни царского двора Абу-л-Фазл демонстрирует и другую, закулисную сторону, где жизнь протекала в атмосфере постоянной подозрительности и недоверия падишаха к своим царедворцам и царедворцев друг к другу. Здесь все проникнуто неприязнью, коварством, завистью и кознями, стремлением во что бы то ни стало выслужиться перед падишахом, оговаривая своих товарищей, и жаждой любым способом устранить соперника. Красной нитью через всю книгу проходит борьба двух партий: махмудовцев и мас'удовцев. Первые — старые соратники султана Махмуда, занимавшие при нем высокие государственные посты, и их приверженцы. После смерти султана они посадили на престол второго его сына, слабовольного Мухаммеда, не считаясь с тем, что официально наследование престола Мас'удом не было отменено.

Вторые — приверженцы самонадеянного и энергичного Мас'уда, друзья его детства и юности, участники веселых пирушек, приятели из числа офицеров армии и своекорыстные авантюристы, сделавшие на него ставку еще в бытность его престолонаследником. Мас'уд, достигнув верховной власти, расправился с махмудовцами, устранив прежде всего их главу, старшего хаджиба Али Кариба и несколько других лиц, а прочих отрешив от должностей в государственном аппарате. Отсюда непрестанная глухая борьба, бесконечные интриги, заговоры. **[12]**

Был ли Абу-л-Фазл сторонником одной из этих партий, принимал ли участие в их распре? На этот вопрос прямого ответа в его «Истории» нет, но вникая поглубже в некоторые места его повествования, можно сделать известные выводы, которые дают довольно недвусмысленный ответ. По словам нашего автора, он в течение 19 лет был учеником и помощником Абу Насра Мишкана, прославленного главы государственного секретариата. К моменту поступления Абу-л-Фазла в

это учреждение Бу Наср уже лет 10—12 служил в нем. Так, по крайней мере, явствует из слов нашего автора, когда он по случаю смерти Абу Насра в 431/1039 г. говорит, что тот умер, проработав 30 лет. Занимая при султане Махмуде высокий пост, он вместе с тем состоял в группе приближенных к султану вельмож, был верным его соратником и пользовался особым расположением и доверием султана. Об этом рассказывает не только Абу-л-Фазл, но подтверждают и другие источники [7]. В последние годы жизни султан Махмуд круто изменил свое отношение к сыну и наследнику престола Мас'уду, которого имел основание подозревать в намерении насильственно захватить престол, свергнув или убив отца. Махмуд завещал членам правительства и близким к нему лицам после его смерти возвести на престол другого сына, Мухаммеда, не аннулировал, однако, при этом официального права Мас'уда на наследование престола. В группе сановников, исполнивших это завещание, был и Абу Наср Мишкан. Абу-л-Фазл Бейхаки все это время неотлучно находился при нем,

и нет сомнения, что будучи обязан Абу Насру своим служебным положением и материальным благополучием, он безоговорочно и совершенно искренно соглашался с проводимой его патроном политикой и придерживался его мнений по всем вопросам. Следовательно, к кругу махмудовцев Абу-л-Фазл был так или иначе близок.

Когда Мас'уду, благодаря переходу на его сторону всей армии, в которой он был популярен, удалось низложить Мухаммеда и стать во главе государства, он решил продолжать ту же внешнюю политику, которую вел его отец. Не находя в рядах своих сторонников достойного кандидата на пост начальника государственного секретариата и зная, сколь высоко ценил султан Махмуд Абу Насра Мишкана за выдающиеся способности и верную службу, он решил пренебречь его участием в возведении на престол Мухаммеда и сохранить его на прежнем посту начальника государственного секретариата, а вместе с ним часть старых чиновников этого учреждения, в их числе и Абу-л-Фазла Бейхаки. При новом султане Абу-л-Фазл

сумел поставить себя так, что вскоре завоевал его полное доверие. И когда Абу Наср Мишкан умер, султан даже оставил Абу-л-Фазла в должности помощника вновь назначенного главы секретариата, ярого противника махмудовцев, несмотря на усилия его выжить Абу-л-Фазла из этого **[13]** учреждения, пользуясь близостью к Мас'уду и своим влиянием на него. Абу-л-Фазл нигде не обнаруживает свою связь с махмудовцами и нигде не намекает на скрытое участие в борьбе с партией Мас'уда, в его словах даже подчас звучит укоризна, когда он упоминает об их происках, И все же, когда читаешь его рассказы о коварном устранении Али Кариба, о казни Хасанека, о покушении на жизнь хорезмшаха Алтунташа или о судьбе свергнутого эмира Мухаммеда, то несмотря на всю сдержанность нашего автора, невольно чувствуешь, что его симпатии на стороне этих людей. Мас'удовцы, как можно судить по некоторым, высказываниям Абу-л-Фазла, не слишком, ему доверяли и недолюбливали его, но поскольку Мас'уд ему благоволил, его терпели. Когда же после смерти этого султана на престол вступил Мавдуд, они

сумели добиться его отставки, причем таким способом, что по признанию автора, он еще через 20 лет испытывал на себе отклики его.

Главным действующим лицом «Истории Мас'уда», как сказано является сам Мас'уд. Как же относился Абу-л-Фазл к нему? Какой образ этого падишаха запечатлел он в своей книге, этом «величественном здании, дабы память о нем пребыла до скончания веков»? Бейхаки начал писать «Историю» лет через восемнадцать после смерти Мас'уда, находясь в опале и не у дел. Казалось бы, что по прошествии такого срока он мог излагать свое мнение об этом падишахе и его деяниях более или менее свободно, не опасаясь репрессий. Однако, нужно помнить, что он писал в период правления двух сыновей Мас'уда, Фаррухзада и Ибрахима, и что это обязывало его из уважения к ним к известной сдержанности, в суждении об их отце и что будучи в опале, он, по его же словам, не терял надежды снова быть призванным на государственную службу, что тоже заставляло соблюдать осторожность. Мы уже сказали, что Абу-л-Фазл не менее четверти века провел на службе

дипломата и вращался в придворном кругу, где всякий неверный шаг мог привести к печальным для него последствиям, что в конце концов и случилось. Это научило его осторожности и умению либо совсем скрывать свои мысли, либо высказывать их в форме, допускающей возможность различного толкования, или выражать свое мнение такими словами, что обнаружить истинный его смысл удавалось не сразу. Поэтому в его повествовании очень многое читается между строк. Как полагалось верноподданному, доброму мусульманину и к тому же царедворцу в прошлом и, возможно, в будущем, царь в его сочинении должен был быть представлен в ореоле славы, в блеске высокой доблести и всяческих добродетелей. И Бейхаки не жалеет красных слов и ярких красок и как будто старается показать читателю Мас'уда именно в таком виде, начиная с поры юных его лет. Но если хвале по адресу Мас'уда придавать тем меньше значения, чем больше ее по количеству, если, отодвинуть на задний **[14]** план славословие и игнорировать повторение трафаретных формул благих пожеланий при каждом

упоминании имени Мас'уда, то перед читателем предстанет весьма неприглядный облик этого падишаха уже с начальных шагов его правления — это упрямый, своенравный самонадеянный и подозрительный деспот, коварный и жестокий лицемер и в то же время игрушка в руках своекорыстных советников. Внезапные порывы великодушия и добросердечия носили в нем скорей наигранный характер, скорей то было желание казаться великодушным, справедливым и добрым, ибо таково было традиционное представление о повелителе. Мас'уд, в противоположность отцу, был совершенно лишен государственного ума, он плохой администратор и оказался бездарным полководцем, когда пришлось вести войну с Сельджукидами, противником упорным и изворотливым. Ко всему тому Мас'уд был пьяница, пристрастие которого к вину обостряло дурные нравственные качества и сводило на нет хорошие.

Именно таков подлинный образ султана Мас'уда даже по внесении смягчающей поправки в это суждение, приняв во внимание кодекс морали

восточного феодала. Разумеется, Бейхаки ни разу в своей книге не награждал падишаха упомянутыми эпитетами, но они неизбежно рождаются в мыслях внимательного читателя, когда он знакомится с рядом эпизодов из жизни султана Мас'уда. Достаточно вспомнить рассказ Абу-л-Фазла о том, как были устранены Али Кариб и его брат Менгитерак, рассказ о казни Хасанека, о покушении на жизнь хорезмшаха Алтунташа, о разграблении города Амуля и уничтожении пленных повстанцев, о неумном поведении Мас'уда на войне с туркменами, приведшем к катастрофе под Денданеканом, о попойке на лоне природы, где падишах одержал верх над всеми собутыльниками, влив в себя гомерическое количество вина, и наконец, о малодушном бегстве из Газны в Индию, где настиг его бесславный конец. Да и что можно было ожидать от государя, который, приглашая человека на пост везира, приказывает передать ему, что препоручает ему все дела государства, оставляя за собой только устройство развлечений, увеселений, винопитий, игры в човган и ведение войны, и что усмотрению и

решению везира он никак противоречить не станет. Все это у нашего автора рассказано с большим тактом, спокойно, без следов возмущения, даже с попытками оправдать отвратительные поступки ссылками на божественное предопределение, так что обвинить автора в умышленном унижении достоинства султана и оскорблении памяти своего государя никак нельзя. И только один раз, когда Абу-л-Фазл повествует об ужасных бесчинствах и грабежах, учиненных с ведома или по повелению Мас'уда, он не может полностью подавить своего негодования и пишет: «Мне нельзя не рассказать о таких происшествиях, потому что от сего возрастает бдительность... в бытописании не **[15]** дозволяется искажение, переиначивание, недомолвка или словесное расточительство» ... «Все совершенные преступления и злодеяния пали на голову Бу-л-Хасана Ираки и других, но и эмиру тоже следовало бы поступать рассудительно в подобных делах. Очень мне тяжело, что с пера моего сходят такие слова, но что же делать, в бытописании нельзя считаться с лицами».

В таких же приглушенных тонах обрисованы коррупция высоких должностных лиц, расхищение государственных ценностей, преступная экономия средств на содержание армии в целях личного обогащения и т. п.

Такой манеры повествования мы у других писателей той эпохи не встречаем. Это, очевидно, на языке Абу-л-Фазла означало «выметать прах из всех углов и закоулков» и было в ту пору ново. Конечно, наш автор вымел далеко не весь прах. Едва ли он мог позволить себе написать больше, все из того же чувства самосохранения. Ведь кое-кто из его бывших противников еще оставался жив, и более доскональное разоблачение могло бы обойтись ему слишком дорого, тем более, что когда он писал свою «Историю», он был, по существу, беззащитен. Довольно и того, что он сделал, для его времени это был шаг весьма смелый.

Манера повествования Абу-л-Фазла дала повод некоторым ученым востоковедам назвать его книгу не историческим трудом в собственном смысле, а

скорее правдивыми и обстоятельными, хотя и несколько бессвязными и многословными записками умного наблюдателя [8], мемуарами [9], дневником газневидского чиновника [10]. По авторитетному мнению В.В. Бартольда [11], труд Бейхаки есть живое отражение эпохи. Однако сам автор всюду называет свой труд словом *ma'pux*, т. е. хроникой, историей, летописью и нам думается, «Историю Мас'уда» так и следует рассматривать, ибо тогда Абу-л-Фазл Бейхаки предстает перед нами как новатор, попытавшийся придать историографии новую форму и влить в нее новое содержание.

* * *

Известия о жизненном пути Абу-л-Фазла Бейхаки весьма скудны, как впрочем о многих других замечательных людях XI в., ученых, поэтах, государственных деятелях. Первоисточниками сведений о нашем авторе служат: *Та'рих-и Бейхак* («История округа Бейхак»), труд его земляка Абу-л-Хасана Али Бейхаки, известного в литературе под именем Ибн Фундук,— в этой книге, написанной

через столетие (1167 — 1168 г.) после «Истории Мас'уда», составитель упомянул всех известных уроженцев этого округа, живших до него, в том числе Абу-л-Фазла, **[16]** как одного из самых знаменитых дебиров; составленная в первой половине XIII в. книга Мухаммеда Ауфи *Джавами ал-хикайат* («Собрание рассказов»), своего рода историческая хрестоматия с отрывками из разных сочинений, в том числе и из произведений Абу-л-Фазла. Некоторые извлечения из утраченных томов его труда, следующих за «Историей Мас'уда», помещенные в книге Ауфи, позволяют дополнить его биографию еще несколькими эпизодами. То немногое, что можно найти в двух названных книгах, это, в сущности говоря, все, что со стороны известно о жизни Абу-л-Фазла Бейхаки, если не считать некоторых указаний, прямых и косвенных, сделанных им о себе в «Истории Мас'уда». Сведения Ибн Фундука и Ауфи впоследствии неоднократно пересказывались вплоть до последнего времени [12]. Основные данные жизни Абу-л-Фазла, упомянутые в биографической справке Ибн Фундука, столь

немногочисленны, что мы воспроизводим их ниже в переводе [13].

«Аш-шейх Абу-л-Фазл Мухаммед б. ал-Хусейн ал-катиб ал-Бейхаки. Он был дебиром султана Махмуда, заместителем Абу Насра, сына Мишкана; был дебиром султана Мухаммеда и дебиром султана Мас'уда; затем дебиром султана Мавдуда, затем дебиром султана Фаррухзада. Когда пресекся срок царствования султана Фаррухзада, он (Абу-л-Фазл) предпочел удалиться на покой и занялся сочинением книг. Место его рождения — селение Харисабад. Ему принадлежат сочинения *Китаб зинат ал-куттаб* («Книга Украшение писцов») — об этом искусстве нет другой подобной книги — и История от начала поры Себук-тегина до начала поры султана Ибрахима; он изложил их (т. е. Газневидов) историю день за днем. В ней, наверное, более 30 томов. Из совокупности их я видел несколько томов в книгохранилище Серахса, один том в книгохранилище (медресе Хатун) Махд-и Ирак и несколько томов в руках резных лиц. Но полностью (всех томов) я не видел. Убеждающая сила и

прелесть его слога привлекала много жадных слушателей... Его (Абу-л-Фазла) за незаконное наложение печати (*мухрзани*) казий в Газне приказал посадить в тюрьму. Потом Тоггрул, ... [14] беглый гулям дома Махмудова, захватил Газнийское царство, убил султана Абдаррашида и отправил слуг государевых в крепость, в том числе и Абу-л-Фазла, которого он из узилища казия перевел в крепостную тюрьму. По прошествии небольшого времени Тогрул был убит.... [15] Зубиндаром. Срок его господства не превышал 57 дней и царство (снова) досталось потомкам Махмуда. Кончина Абу-л-Фазла Мухаммеда, сына Хусейна Бейхаки, катиба, (случилась) в месяце сафаре лета четыреста семидесятого», т. е. в августе-сентябре 1077 г.

В этой справке мы опустили только принадлежащее, по словам Ибн Фундука, Абу-л-Фазлу упоминание о страшном голоде, свирепствовавшем в 401/1011 г. в Хорасане и Ираке, его суждение о том, как надлежит жить государевым слугам и отрывок стихов в четыре **[17]** строки на арабском языке, якобы написанных Абу-л-Фазлом в тюрьме. В приведенной нами части

биографической справки Ибн Фундука есть неточности и сомнительное место, о чем речь будет ниже.

Год рождения Абу-л-Фазла устанавливается косвенным путем. Рассказывая об одном событии 402/1011 —1012 г., он пишет что ему тогда было 16 лет, а в другом месте он отмечает, что в 450/1059 г. ему исполнилось 65 лет. Таким образом, годом рождения Абу-л-Фазла нужно признать 385/995 г. Принимая во внимание указанную Ибн Фундуком дату смерти, можно считать, что Бейхаки умер в возрасте 85 лет лунных или на 83 солнечном году. Селение Харисабад, упомянутое Ибн Фундуком, находилось в округе Бейхак, по которому Абу-л-Фазл получил нисбу. Центром этого округа, входившего в состав Нишапурской области Хорасана, был, как и сейчас, город Себзевар. О семье его ничего не известно. Бегло он упоминает своего отца, называя его ходжой, но не указывая имени. В 1025—1026 гг. отец находился в Систане и был там, по-видимому, крупным чиновником на службе султана Махмуда. Семейство, из которого

происходил Абу-л-Фазл, было, надо думать, богатым, владело недвижимостью и принадлежало к знати. Это можно заключить по тому, что в государственный секретариат допускались только отпрыски знатных родов и, сверх того, прием туда был сопряжен с ценными подношениями султану.

В «Истории Мас'уда» Бейхаки ничего не говорит о своей юности, о годах, предшествовавших его поступлению в государственный секретариат. По некоторым данным можно понять, что годы его учения протекали в Нишапуре, тогда большом культурном центре, где имелись высшие богословские школы-медресе и библиотеки. В возрасте 25—26 лет, т. е. около 411/1021 г. он был принят на службу в государственный секретариат в Газне под начало Абу Насра Мишкана, и с этого момента определился его дальнейший служебный путь, путь дебира, к которому он, вероятно, готовился уже с юношеских лет. Профессия дебира была нелегкой. Хороший дебир, прослуживший ряд лет у владетельного лица и достигший зрелого возраста, оставался не только секретарем, слепо

исполнявшим приказания своего повелителя, но делался вместе с тем и советником и доверенным человеком, которому поручалось исполнение различных заданий: быть секретарем, советником или даже главой посольства, отправляемого в чужую страну, вести переговоры с прибывающими из чужих стран послами, разрабатывать разные политические планы по наметкам, полученным от своего господина и т. п. Чем могущественней было владетельное лицо, тем многообразней и трудней была работа дебира. Наиболее одаренные и опытные нередко на склоне лет достигали высоких постов в государстве, их назначали на должность главы какого-нибудь ведомства или миссии. Примеров тому в книге Абу-л-Фазла немало. **[18]**

Требования, которым должен был соответствовать хороший дебир, были высоки. Автор «Кабус-наме», современник Абу-л-Фазла Бей-хаки, перечисляет в названной книге все необходимые качества, которыми должен обладать дебир [16]. Прежде всего он должен быть на высоте образованности своего века, быть сведущим в основах существовавших тогда

наук и в совершенстве владеть языками фарси-дери и арабским; он должен быть мастером эпистолярного стиля, уметь выражать мысли как можно лаконичней, но вместе с тем ясно, и не пользоваться такими речевыми оборотами и словами, которых люди уже не понимают. Дебир обязан быть красноречивым оратором и уметь применять правила риторики, уметь украшать речь и письмо подобранными к случаю цитатами из Корана и хадисов, приводить кстати аналогичные случаи из истории минувших веков, знать правила стихосложения и уметь сочинять стихи на арабском языке и на фарси, и наконец, владеть искусством каллиграфии. Кроме того, дебир должен иметь хорошую память, быстро соображать и находить нужный ответ, быстро вникать в суть дела, вести собственный дневник, быть осведомленным о делах должностных лиц вплоть до везира и хранить тайны своего повелителя. Лучшей добродетелью дебир а считалось умение держать язык за зубами.

Всеми этими качествами Абу-л-Фазл обладал. Его живой ум, широкая эрудиция, литературные

способности и умение успешно выполнять возлагаемые на него поручения вскоре сделали его близким человеком Абу Насра Мишкана, его правой рукой. А в пору правления Мас'уда он снискал покровительство этого султана. Наиболее достойным кандидатом на пост начальника государственного секретариата после смерти Абу Насра Мишкана был Абу-л-Фазл, однако султан Мас'уд, воздержался от назначения его на эту должность, объясняя это молодостью лет нашего автора, хотя Абу-л-Фазлу было тогда уже 45 лет. По существовавшему в те времена обычаю, на важные государственные посты назначали только стариков, переваливших за шестой десяток. Новый начальник секретариата, Абу Сахль Завзани, глава сторонников Мас'уда и ярый недоброжелатель Абу Насра Мишкана, перенес неприязнь на Абу-л-Фазла. Совместная работа их не ладилась. Стремление Абу Сахля установить в секретариате новые порядки и вести дела не так, как их вел Абу Наср Мишкан, вскоре привело к открытому конфликту с Абу-л-Фазлом, продолжавшим держаться линии своего прежнего

начальника. Абу-л-Фазл подал султану прошение об отставке от должности помощника Абу Сахля Завзани и переводе в какое-нибудь другое ведомство. Но султан отказался удовлетворить это прошение, объявил, что питает к нему полное доверие, и приказал Абу Сахлю исправить отношение к своему помощнику и заместителю. **[19]**

Отношения внешне как будто улучшились, но не успело царство Мас'уда кончиться его гибелью, не успел сын его Мавдуд силой оружия одолеть освобожденного из заключения брата его отца, эмира Мухаммеда, предать его вместе с сыновьями казни и сесть на престол, как служебное положение Абу-л-Фазла переменилось в худшую сторону, и он вскоре был удален из государственного секретариата. «Потому что — пишет наш автор — переменился человек. Отчасти вина лежала на мне, и наступила суровая полоса моей жизни: я еще в молодые годы попал в клетку; были совершены ошибки. Я то поднимался, то падал и испытал много мягкого и жесткого. Прошло 20 лет, и я все еще наказан, а все миновало». Что же случилось? До сих пор это

остается тайной и, вероятно, останется тайной, ибо мало надежды, чтобы открылся какой-нибудь доселе неизвестный источник, который пролил бы свет на этот незначительный факт. Вероятней всего, «ошибки» Абу-л-Фазла были каким-то политическим просчетом с его стороны, иначе они не давали бы себя знать ещё через 20 лет после их совершения. О них сейчас можно строить лишь разные предположения, исходя из слов самого Абу-л-Фазла и слов историка Гардизи.

Когда читаешь о систематических неудачах Мас'уда на войне с Сельджукидами, то невольно возникает мысль о том, что причина тому кроется не только в отсутствии у султана дарования полководца, не только в дурном снабжении армии и неприспособленности ее вести боевые операции в условиях пустыни, но что была еще какая-то сила, усугублявшая и без того тяжелое положение армии, сила, которая располагала ее на таких лагерных стоянках, где нет ни воды, ни корма для животных, сила, которая всячески поддерживала в голодающих бойцах ропот и нежелание драться с противником,

которая каждый раз препятствовала развитию успеха даже в редких случаях победы, выпадавшей на долю войск Мас'уда, которая, наконец, в момент решительного сражения толкнула часть войск к переходу на сторону противника, а другую часть увлекла в беспорядочное бегство. И понемногу в голову читателя приходит другая мысль, мысль о существовании заговора близких к престолу людей, которые, прикрываясь всеобщим недовольством в стране, задались целью произвести дворцовый переворот, лишив сначала Мас'уда могущества путем военного разгрома, и что заговорщики находятся здесь же, в армии. Почувствовал это или узнал достоверно и сам Мас'уд. Сейчас же после возвращения жалких остатков войск из-под Денданекана в Газну, он со свойственным ему коварством приказывает арестовать всю военную верхушку: главнокомандующего Али Дая, командующего войсками в Хорасане, хаджиба Субаши и начальника гвардии Бектугды. Тем временем сильный отряд хаджиба Алтун-таша, отправленный на усиление гарнизона Балха, на

который **[20]** возлагали большие надежды, был в пути рассеян противником вследствие преступной беспечности.

Напряженное состояние среди войсковой старшины и лиц, окружающих Мас'уда, нарастает все сильней и достигает высшей точки в дни отъезда султана и Индию. Абу-л-Фазл, продолжая в это время официально оставаться помощником Абу Сахля Завзани, ведет себя несколько странно, как можно заключить из его же повествования. Он выступает как бы посредником между недовольной войсковой старшиной и Мас'удом, настойчиво уговаривает Абу Сахля уехать в Буст, куда его посылает султан, а сам в эти дни очень сближается с везиром Ахмедом, сыном Абдассамада, которого Мас'уд вместе с царевичем: Мавдудом и сильным отрядом войск посылает из Газны в сторону Тохаристана в виде заслона. Бейхаки уговаривается с везиром о необычайной тайнописи между ними и принимает от него ценный подарок за то, что его стараниями кедхудаем при Мавдуде был назначен зять везира. Абу-л-Фазл упоминает о последних приготовлениях

султанского двора к отъезду в Индию, но ничего не говорит о том, собирался ли он сам тоже выехать из Газны вместе с двором. В дороге, как известно, гулямы сначала ограбили султанский обоз с ценностями, а затем задержали Мас'уда в одной из крепостей. Вслед за этим был провозглашен султаном его брат Мухаммед, а Мас'уд умерщвлен в заключении [17].

Возможно, что это и было целью заговора, возможно, что Абу-л-Фазл в какой-то степени был в нем замешан, за что и был изгнан из государственного секретариата, когда Мавдуду все же удалось завладеть престолом. Вскоре был отравлен в тюрьме и везир Ахмед, сын Абдассамада [18]. Не менее вероятно, что были и такие заговорщики, которые стремились возвести на престол другого брата Мас'уда, Абдаррашида, человека тоже достаточно безвольного и бесталанного, «удобного» для феодальной знати. Абдаррашид во время борьбы Мавдуда с Мухаммедом согласился соблюдать нейтралитет [19], но надежды сделаться главой государства, видимо, не оставлял. Через восемь лет

после смерти Мавдуда верховная власть перешла к нему и он, возможно, за помощь, оказанную ему Абу-л-Фазлом еще до воцарения Мавдуда, назначил его руководителем государственного секретариата. Это, очевидно, и был подъем в суровой полосе жизни нашего автора, последовавший за падением при Мавдуде. Может быть, его политические «ошибки», за которые он поплатился, заключались именно в причастности к указанным заговорам.

Абдаррашид правил недолго, около четырех лет, но еще до его конца: Абу-л-Фазла снова постигла беда. Как видно, в результате интриг его противников, он за «незаконное наложение печати» по приговору газнийского казия был посажен в тюрьму. Здесь мы подошли к сомнительному **[21]** месту в биографической справке, составленной Ибн Фундуком, верней, к сомнительному толкованию этого места и переводу его на европейские языки. Ибн Фундук говорит: *** т.е. «и его за *** казий приказал заключить в тюрьму». Переводчики решили читать *мухрзани*, что может означать «наложение печати», и поскольку наложение печати само по себе

не есть наказуемое преступление, то, чтобы оправдать заключение в тюрьму, в переводе было добавлено еще слово «незаконное», хотя в тексте оригинала его нет. Если согласиться с таким толкованием переводчиков, то нужно будет признать, что незаконное наложение печати главой государственного секретариата на какой-то документ, а так, очевидно, и следует понимать толкование переводчиков, попадает в разряд преступлений, граничащих с государственной изменой. В таком случае, не совсем понятно, почему приговор Абу-л-Фазлу вынес городской казий. Ведь казий обычно судил воров, разбойников, мошенников, убийц и т. п. или разрешал тяжбы по гражданским искам. За подобные преступления своих чиновников, даже за более легкие, с виновным расправлялся сам султан, примеров в «Истории Мас'уда» можно найти немало. Не с большим ли основанием и не правильней ли читать *мухрзани* как два слова: *махр-и зан-и*, т. е. приданое одной, какой-то жены или женщины [20]. Если вспомнить, что в книге Абу-л-Фазла рассказывается не раз об

интригах и кознях с участием женщин, то в данном случае логичней было бы допустить какой-то подстроенный казус с приданым, который казий разрешил по шариату, заключив виновника в тюрьму, нежели видеть здесь «незаконное» наложение печати. К тому же слово *мухр* — печать в «Истории Мас'уда» встречается только один раз в рассказе о Бармекидах, где оно употреблено в сложном глаголе *мухр кардан* (не *мухр задан*!) в смысле наложения печати на запертый ларец с драгоценностями. А проставление печати на бумагах, замещающее подпись, у Абу-л-Фазла всюду *тавки кардан*.

Пока Абу-л-Фазл находился в заключении в казийской тюрьме, султана Абдаррашида свергли и казнили вместе с 11 членами династии [21]; престол узурпировал бывший гулям Тогрул. При каких обстоятельствах Абу-л-Фазл был освобожден из крепости, куда его перевел узурпатор, неизвестно. Но с большой долей уверенности можно сказать, что, по крайней мере, до окончания им «Истории Мас'уда», а может быть и до самой его смерти, он

больше на государственной службе не состоял. Тут мы встречаемся с первой неточностью в справке Ибн Фундука. Он утверждает, что Абу-л-Фазл Бейхаки был дебиром последовательно у султанов Махмуда, Мухаммеда, Мас'уда, Мавдуда и Фаррухзада, по окончании царствования которых отстранился от дел. Имя Абдаррашида, при котором, по собственным словам нашего автора, он был главой государственного секретариата, в ряду султанов **[22]** опущено. В действительности же Бейхаки не состоял на службе Фаррухзада, и это видно из того, что он начал сочинение «Истории Мас'уда» в пору правления этого султана, «сидя, — как он выразился, — в углу праздности», т. е. в отставке. Это подкрепляется еще и тем фактом, что когда он прервал писание главы о событиях 424 г. х. по случаю смерти Фаррухзада, то ни словом не обмолвился о том, что служил этому султану, как можно было бы ожидать. Он даже гораздо больше прочувствованных слов высказал по адресу нового султана Ибрахима, чем по адресу Фаррухзада.

Допустил ли ошибку в справке сам Ибн-Фундук или ее позднее внесли переписчики, остается неясным.

В той же справке Ибн Фундука находим и наиболее раннее указание на труды Абу-л-Фазла Бейхаки, их два: *Зинат ал-куттаб* («Украшение катибов») и «История от начала поры Себук-тегина до начала поры султана Ибрахима». Первый труд не сохранился и о нем ничего не известно. Вероятно, это было руководство для *катибов* (мн. ч. *куттаб*) или, что то же, для дебиров. По имеющимся сведениям, в одном частном собрании рукописей в Тегеране хранятся несколько листов с объяснением некоторых профессиональных терминов письмоводства, приписываемых перу Абу-л-Фазла. Было высказано предположение [22], что это, возможно, извлечение из названного выше руководства для катибов. Какое название дал автор второму, главному своему труду, в точности неизвестно. В справке Ибн Фундук назвал его, как указано выше, а в другом месте [23] упомянул под названием *Та'рих-и ал-и Махмуд* («История рода Махмудова»). Позднее в разных источниках

появились еще и другие названия: *Джами ат-таварих* («Сборник историй»), *Джами'у фита'рихи али Сабук-тагин* [24] («Собрание рассказов из истории рода Себук-тегина») др. Публикуемая нами в русском переводе часть труда Абу-л-Фазла Бейхаки — *Та'рих-и Мас'уди* («История Мас'уда») — больше известна среди востоковедов под названием *Та'рих-и Бейхаки* («История Бейхаки»), что, однако, не совсем удачно, так как ее часто смешивают с *Та'рих-и Бейхак* («История округа Бейхак»), о которой шла речь выше.

Ибн Фундук два раза утверждает, что весь исторический труд Абу-л-Фазла составлял более чем 30 томов [25], но добавляет, что всех томов полностью не видел [26]. Таким образом, число 30 остается все же под некоторым сомнением [27]. Из указанного количества томов уцелела только часть, а именно, конец пятого тома, шестой, седьмой, восьмой, девятый и начало десятого, содержащие в себе почти всю историю правления Мас'уда, по имени которого уцелевшая часть томов и была названа. Дано ли было в свое время такое название автором — сомнительно.

Все прочие тома, как уже было сказано, утрачены очень рано, как и многие рукописные книги домонгольского периода. Однако следы содержания некоторых пропавших томов в виде отрывков, подчас в **[23]** значительно измененной редакции, встречаются в произведениях более поздних авторов: *Джавами ат-таварих* Мухаммеда Ауфи (635/1261 г.), *Табакат-и Насири* Казн Минхадж Сираджа (658/1261 г.), *Маджма ал-ансаб* Мухаммеда б. Али Шабанкараи (733/1333 г.), *Та'рих-и Хафиз-и* Абру (829/1427 г.), *Асар ал-вузара* Сейфаддина Укайлй (833/1430 г.) и др.

Ибн Фундук пишет, что Абу-л-Фазл в своем главном труде повествует «день за днем» историю от начала поры Себук-тегина до начала поры султана Ибрахима, т. е. историю приблизительно 80 лет. Следовательно, в первых пяти томах должна была заключаться история периода Себук-тегина и Махмуда, т. е. немногим более 50 лет, в томах VI — X — история 10 лет правления Мас'уда, а в остальных — минимум 20 томах — история 20 с небольшим лет, из которых примерно восемь лет

приходятся на Мавдуда, четыре года на Абдаррашида, семь лет на Фаррухзада и остальное время на Мас'уда II, Али Абу-л-Хасана и узурпатора Тогрула. Иначе говоря, на трех самых значительных представителей Газнийской династии отводится одна треть труда, а на трех гораздо менее значительных — две трети. Явное несоответствие. Начальных и конечных томов сочинения Абу-л-Фазла нет, проверить свидетельство Ибн Фундука как будто невозможно, и читатель остается в недоумении.

Однако это недоумение легко рассеивается, если обратить внимание на две фразы Абу-л-Фазла, сказанные между прочим: «Я пишу историю пятидесяти лет, которая укладывается на нескольких тысячах листах» ... значит, уже не 80 с лишним лет, а только 50, и в другом месте: «Махмуд Варрак [28] остановил свое перо в силу того, что я начал (мою «Историю») с этого (четыреста) девятого года». Итак, Бейхаки начал свой труд не с Себук-тегина, родоначальника Газнийской династии, как пишет Ибн Фундук, а с 409/1019 — 1020 г. или с 21 года правления султана Махмуда, когда тому оставалось

еще около девяти лет жизни. Почему Абу-л-Фазл начал именно с этой даты, он тоже сам поясняет: «Досточтимые ученые мужи поведали историю справедливого эмира Себук-тегина от начала его отрочества ... и о тех трудных подвигах, кои были совершены им, покуда он не приобрел степень эмира в Газне и не скончался в этом высоком сане и дела перешли к Махмуду, как написали и обстоятельно изложили. Я же (написал) до конца жизни (Махмуда). То, что лежало на них, они исполнили, а то, что выпало на мою долю, я тоже исполнил в меру моего знания, покуда не дошел до этого великого государя», т. е. Мас'уда. Одним из «досточтимых мужей», о которых говорит Абу-л-Фазл, был, несомненно, Абу Наср Мухаммед ал-Утби, придворный историограф Махмуда, доведший свои труд *Китаб ал-Йамини* («Книга Десницы державы») [29] тоже до событий 409 — 411 гг. х. А другой был, вероятно, Махмуд Варрак [30], **[24]** написавший историю «нескольких тысячелетий» и остановивший свое перо на 409 г. х. в силу того, что отсюда начал писать свою «Историю» Абу-л-Фазл.

Пятидесятилетний период истории, о котором упомянул Абу-л-Фазл, начатый в 409/1019 — 1020 г., должен был закончиться в 459/1066 — 1067 г., т. е. охватить еще лет семь-восемь царствования султана Ибрахима, правившего 40 лет, что являлось для нашего автора частичным исполнением заветного желания: «И я, Абу-л-Фазл, пребуду в сем обманчивом, пожирающем людей мире дотоле, покуда не напишу книгу о деяниях сего царского дома и о счастливой поре этого падишаха». И эти годы правления султана Ибрахима вполне согласуются со словами Ибн Фундука о том, что труд Абу-л-Фазла Бейхаки был доведен до начала поры названного султана. С такой поправкой к сведению Ибн Фундука повествование Абу-л-Фазла распределяется по томам гораздо равномерней, отмеченная выше диспропорция в значительной мере сглаживается, и недоумение читателя исчезает.

Высказанное предположение, что Абу-л-Фазл Бейхаки, прежде чем приступить к повествованию начиная с 409 г. х., предпослал ему краткое сообщение о событиях предшествующих лет, для

чего воспользовался соответствующей частью труда Махмуда Варрака [31], заслуживает известного внимания. Может быть именно это обстоятельство привело нашего автора к конфликту с сыновьями Варрака и заставило его перестать пользоваться этим трудом.

Дата, когда Абу-л-Фазл начал писать свой труд, узнается из его слов, что некоторые сведения о султане Мухаммеде он слышал от каввала Абдаррахмана «через семь лет после того, как начал эту «Историю», в воскресенье 11 числа месяца раджаба лета четыреста пятьдесят пятого», т. е. 10 июля 1063 г. Следовательно, начало работы падает на 448/1056 г. Известны даты сочинения некоторых мест «Истории Мас'уда». Так, к главе о казни Хасанека автор приступил, по его словам, в месяце зу-л-хиджжа 450 г. х., т. е. в январе 1059 г., а главу о событиях 424 г. х. он прервал по случаю смерти султана Фаррухзада и восшествия на престол Ибрахима 19 сафара 451 г. х., т. е. 6 апреля 1059 г. Если эти даты точны, то по ним можно заключить, что наш автор писал «Историю Мас'уда» не подряд,

главу за главой, как они следуют в книге, а в разбивку. Случалось, по-видимому, так, что он начинал главу, а затем откладывал ее окончание до другого времени, ибо нельзя себе представить, чтобы примерно за три месяца, прошедшие с января до 6 апреля 1059 г., он успел написать около 11 печатных листов в нынешнем исчислении. Именно столько обнимает его повествование от начала главы о казни Хасанека до прерванного места в главе описания событий 424 г. х. Перерыв в написании этой главы, как кажется, был довольно продолжительным, и окончание ее автор **[25]** перенес в следующий том. Несколько раз Абу-л-Фазл говорит, что нужные сведения продолжали поступать к нему даже в процессе сочинения книги, и тогда ему приходилось возвращаться назад к уже написанным рассказам и делать в них дополнения, как например, со сведениями, полученными от каввала Абдаррахмана в 1063 г. В каком году Абу-л-Фазл кончил писать «Историю Мас'уда», сказать трудно. Как видим, в 1063 г. он еще продолжал над ней работать, но над какой ее частью, установить невозможно.

Поскольку Абу-л-Фазл писал, главным образом, о том, что видел и пережил сам или лично слышал от свидетелей, то у него не было нужды обращаться к сочинениям других авторов. Только в тех случаях, когда он рассказывает о событиях отдаленного прошлого, он ссылается на источники, откуда почерпнул сведения, чаще всего не называя их ближе и ограничиваясь лишь указаниями, вроде следующих: «в преданиях о халифах дома Аббасова я читал, что».., или «я, Абу-л-Фазл, просмотрел множество книг, особливо преданий, и позаимствовал из них»..., или «в исторических книгах говорится»... и т. п. Но кое-где читатель встречает и конкретное указание на источник. Так, приступая к очень интересной главе о Хорезме, он пишет: «За долгое время до этого я видел книгу, написанную рукой устада Абу Рейхана [32],а он был человек столь сведущий в словесности и понимании сущности вещей, в геометрии и философии, что в его пору другого подобного ему не было, и он ничего не писал наобум. Я говорю столь длинно, чтобы стало ясно, сколь я был осторожен в этой «Истории» ... И

ниже: «Повествуя о Хорезме, я признаю за лучшее начать с истории дома Ма'мунова, по преемственной связи с Абу Рейханом, который поведал» ... Далее следует краткий проспект виденного Абу-л-Фазлом труда Бируни по истории Хорезма. Затем, после слов: «Абу Рейхан писал так»... следует отрывок повествования от лица Бируни, в виде прямой его речи. О том, что Абу-л-Фазл в главе о Хорезме воспользовался материалом из недошедшей до нашего времени книги великого среднеазиатского ученого Абу Рейхана Бируни, в востоковедческой литературе отмечалось неоднократно [33]. Наиболее подробные сведения об этом заимствовании привел в свое время В. В. Бартольд, опубликовав исторические факты, сообщаемые Абу-л-Фазлом Бейхаки по книге Бируни. Но, если мы не ошибаемся, до настоящего времени не было обращено внимания на форму самого заимствования, между тем как она вызывает к себе интерес, поскольку является прямой цитатой слов самого Бируни. Во всех известных списках «Истории Мас'уда» книга Бируни названа *Машахир Хваризм*, т

е. «Знаменитые люди Хорезма», тогда как в биографическом словаре Якута [34], где помещен перечень трудов Бируни в области гуманитарных наук, упоминается вместе с другим несохранившимся сочинением его *Китабу та'рихи айами-с-султани Махмуд еа ахбари* **[26]** *абих* («История дней султана Махмуда и предания об отце его»), труд под названием *Китаб ал-мусамара фи ахбари Хваризм* («Беседа относительно известий о Хорезме»). Несомненно, что оба названия относятся к одному и тому же труду: Якут почти дословно цитирует слова Бируни о глубоком к нему уважении Абу-л-Аббаса Ма'муна, как к ученому, с теми же арабскими стихами и ссылкой Бируни на предание о таком же отношении халифа Ма'муна к Сабиту б. Курра, как и в «Истории Мас'уда» Абу-л-Фазла Бейхаки.

Известно, что в предисловии к своему труду по фармакогнозии *Китаб ас-сайдана фи-т-тибб* Абу Рейхан Бируни очень резко отозвался о языке фарси, как равно и о родном ему хорезмском [35], в смысле их совершенной непригодности для сочинения научных

книг. Для ученых трудов, по его убеждению, годился только арабский [36]. Действительно, все дошедшие до нас труды его написаны на этом языке [37]. Отрывок же из его истории Хорезма, помещенный в книге Абу-л-Фазла Бейхаки, передан на фарси-дери. Значит ли это, что Бируни не столь уж строго придерживался правила создавать научные произведения исключительно на арабском языке, тем более, что в его время другие ученые все же писали свои труды и на языке фарси-дери? Дать решительный ответ на основании лишь небольшого отрывка, воспроизведенного к тому же в чужом труде, было бы несколько рискованно.

Если Бируни написал историю Хорезма на арабском языке, то Абу-л-Фазлу Бейхаки, владевшему этим языком очень хорошо, часто цитирующему арабские стихи, подчас вставляющему даже в собственное повествование целые пассажи на арабском языке, казалось бы, не было никакой нужды цитаты из книги Бируни переводить на фарси. Ведь не сопровождал же он переводом помещенные в «Истории Мас'уда» пространные документы,

составленные на арабском языке. На первый взгляд, сказанное говорит как будто за то, что история Хорезма была составлена автором на фарси. Однако то обстоятельство, что прямая речь Абу Рейхана у Бейхаки по стилю и лексике нисколько не отличается от части главы, не заимствованной у Бируни, и вообще, от всех прочих глав «Истории Мас'уда», дает основание полагать, что Абу-л-Фазл, не имея под рукой книги Бируни («я видел книгу Бируни задолго до этого»...), лишь пересказывает по памяти соответствующие места из написанного по-арабски произведения Абу Рейхана. Абу-л-Фазла интересовал, главным образом, Хорезм эпохи первых Газневидов, точнее, события периода времени, непосредственно предшествовавшего завоеванию его султаном Махмудом, и самого, завоевания, т. е. приблизительно до 1018 — 1020 гг. Поэтому в сделанном им кратком резюме содержания книги Абу Рейхана Бируни он мог и не упомянуть о периоде истории Хорезма до последнего Ма'доунида, который, возможно, в книге имелся. **[27]**

Называет Абу-л-Фазл и другой использованный им источник — известный перевод Ибн Мукаффы со среднеперсидского языка книги *Хватай-намаг*, которая помогла ему при рассуждении о некоторых обычаях царей. Наконец, в той же главе о Хорезме он упомянул еще один источник, назвав его *Кутуб сийар ал-мулуки аджам* («Книга жизнеописаний персидских царей»), но под ним он подразумевал, по всей вероятности, тот же перевод Ибн Мукаффы.

* * *

Задумав написать историю первых Газневидов, Абу-л-Фазл Бейхаки вменил себе в обязанность, как уже говорилось выше, описывать события и факты не так, как это делалось в исторических книгах до него. С этой целью он не только расширил существовавшие раньше рамки исторического повествования и вложил в него новое содержание, но придал ему и новую форму. В результате, благодаря его достоинствам отличного стилиста, писательскому таланту и литературному вкусу появилась на свет не только насыщенная

разнообразными фактами правдивая летопись, как можно судить по «Истории Мас'уда», но одновременно и замечательное для той эпохи произведение художественной прозы. Подчас даже становится трудно решить, какому аспекту его труда отдать преимущество: историческому или литературному.

Старейшие литературные памятники в прозе [38] на языке фарси-дери относятся к X в. [39] По сведениям, которые можно почерпнуть в более поздних источниках, количество литературы на этом языке в то время было довольно значительно, но до наших дней дошло, в общей сложности, лишь около полутора десятка произведений, большей частью научного содержания. Как можно судить по этим книгам, появившимся на свет по преимуществу в государстве Саманидов, сочинения в прозе в ту пору писали еще очень простым языком. Автор ограничивался передачей только «голого факта» и не упоминал ничего такого, что не имело прямого касательства к делу. Простота языка прозы находила свое выражение в несложном синтаксическом строе

предложений, в ограниченности словарного состава и в отсутствии риторических украшений речи. Следы влияния арабского языка были еще очень слабо заметны и процент проникших в нее арабских слов был ничтожно мал [40].

После распада государства Саманидов и возникновения Газнийского царства политические и культурные связи последнего с Багдадом, особенно вошедшего в его состав Хорасана, значительно усилились. Сближение первых Газневидов с дским халифатом в **[28]** поисках союзника против тюркских народов Средней Азии и введение при султане Махмуде в 1010 г. закона о составлении правительственных актов, дипломов, жалованных грамот и т. п. на арабском языке и произведении на этом же языке переписки государственного секретариата вызвали среди интеллегенции повышенный интерес к арабскому языку и литературе. С этого времени влияние их на язык фарси-дери и создаваемую на нем литературу в прозе стало проявлять себя гораздо заметней.

Хотя до сих пор не было обнаружено ни одного литературного памятника в прозе на фарси-дери, относящегося к первым десятилетиям XI в., быть может, вследствие некоторого упадка литературной деятельности в этой отрасли, однако по нескольким произведениям второй половины XI в. можно установить, что усилившееся влияние арабского языка сказалось далеко не сразу. Прозу на фарси-дери продолжали сочинять в старинной манере еще до самого конца этого века. Именно в такой манере были написаны около половины XI в. книги *Зейн ал-ахбар* Гардизи и *Та'рих-и Систан* и созданные во второй половине этого же века произведения Насир-и Хусрова. В той же старинной манере продолжали писать и суфийские книги. Лишь в XII в. эта манера уступила место заимствованному от арабской литературы витиеватому стилю (*сабк-и фанни* [41]), развившемуся в ней еще в минувшем столетии. В этом стиле в первой половине XI в. написал по-арабски свой труд *Китаб ал-Йамини* Мухаммед б. Абдалджаббар Утби, придворный историограф султана Махмуда.

Однако во второй половине XI в., наряду с прозой в духе прошлого века, на языке фарси-дери вышли в свет четыре книги, которые по стилю и манере резко от нее отличались и сразу приковали к себе внимание образованных слоев общества. То были книги: «Макамы Абу Насра Мишкана» и «История» Абу-л-Фазла Бейхаки, «Кабус-наме» Унсур ал-Ма'али Кабуса и «Сийасат-наме» Низам ал-мулька [42]. Известный иранский поэт и филолог М. Бехар (1880—1951) в трехтомном полезном и интересном труде о развитии персидской стилистики с древнейших времен [43] посвятил анализу синтаксиса, стиля и лексики названных четырех книг отдельную главу и обстоятельно показал в ней то новое, что они содержат в себе в указанных областях по сравнению с «саманидским», по выражению Я. Рипки, стилем.

Повествовательная речь Абу-л-Фазла прежде всего гораздо пространней старой прозы. Предложения у него более многочленны, сочинение и подчинение их сложней. Для придания большей ясности повествуемому предмету и уточнения его содержания и для того, чтобы подчеркнуть качества

и свойства действующих лиц, он вводит в литературный обиход слова и выражения, которые до него не употреблялись. Его словарный состав значительно расширен, главным **[29]** образом, за счет арабской лексики, которая достигает у него уже десяти процентов [44]. Он часто употребляет всевозможные эпитеты, поговорки и пословицы как на фарси-дери, так и на арабском языке, так что если бы повествование Абу-л-Фазла Бейхаки изложить в стиле Табари-Бал'ами [45], то две трети слов пришлось бы отбросить [46]. Однако пространность речи нашего автора отнюдь не досужее многословие, у него лишних слов нет, все они на месте и помогают отчетливо вообразить рисуемую им картину, хотя автор несколько раз в своей книге выражает опасение, что он излишне растягивает повествование и может наскучить читателю. Опасение совершенно напрасное, его рассказ столь увлекателен, что читатель не только не замечает каких-либо длиннот, но скорей сожалеет, что не находит в книге еще больших подробностей. Автора можно было бы, пожалуй, упрекнуть только в том, что он иногда

отклоняется от темы, считая долгом помянуть близких ему приятелей, имена которых называются в ходе повествования. Но автор и сам чувствует некоторое неудобство таких отступлений и извиняется перед читателем, говоря, что не может не помянуть друзей из чувства уважения к ним.

Абу-л-Фазл в «Истории Мас'уда» прибегнул и к некоторым риторическим приемам с целью украсить и придать живость повествованию. Труд его представляет собой летопись, где в последовательном порядке, год за годом, описаны совершившиеся события и происшествия. Погодные записи являются как бы основными главами книги [47]. Часть этих основных глав содержит выделенные особыми заголовками рассказы [48] в более подробном изложении о каких-нибудь значительных событиях данного года, или вставные рассказы-аналогии, приведенные к случаю из истории прошлых веков. К последним относятся рассказы о Бузурджмихре, о Харун-ар-Рашиде и Яхье Бармеки, о Харун-ар-Рашиде и двух подвижниках, об Абдаллахе, сыне Зубейра и Хаджжадже и др. В этих рассказах,

главным образом, и проявил себя писательский талант Абу-л-Фазла. Современные нам иранские филологи и литераторы [49], которым мастерство нашего автора близко и понятно в силу интуитивного восприятия красот родной речи, хотя и ставшей теперь архаичной, единодушны в высокой оценке стиля Абу-л-Фазла, образности его языка и умения вести рассказ живо и увлекательно. Словом, они единодушны в признании его *фасахат ва балагат*, т. е. убеждающей силы и красоты слога и чистоты языка, которую отметил Ибн Фундук еще 800 лет тому назад. А один из них, известный литературовед и критик [50], в тридцатых годах текущего столетия даже писал, что еще не читал в лучших образцах творчества поэтов и. сочинениях писателей-романистов ни одного бейта и ни одной строки, которые по своей прелести и производимому впечатлению были бы равны слову Фердовси или походили на произведение Бейхаки. **[30]**

Повествование Абу-л-Фазла Бейхаки от начала до конца выдержано в реалистическом духе, особенно батальные сцены. В них нет обычных для

историографов восточного средневековья гипербол, упоминания о «несметных полчищах витязей, от топота коней и стука мечей которых меркнет солнце, содрогается земля и текут реки крови». Наоборот, у нашего автора на поле сражения все происходит довольно буднично и потому правдиво. Подчас он достигает высоких ступеней драматизма, как например, в главе о казни Хасанека, в повести об Афшине и спасении от него Абу Дулефа и др. Тон всего повествования чрезвычайно привлекает и располагает к себе читателя.

Часто наш автор в подражание арабской прозе цитирует в подходящих местах стихи. В отличие от прежней прозы у него представлены не только стихи, имеющие прямое отношение к повествуемой истории или составляющие органическую часть ее, или стихи Корана, а поэтические иллюстрации, имеющие цель подкрепить или доказать какой-нибудь сообщаемый факт, или сделать внушительней совет и наставление, обращенные к читателю. К цитатам из поэтических произведений у Абу-л-Фазла большая склонность, причем он явно отдает предпочтение

стихам, написанным арабами и иранцами по-арабски. Из 23 поэтов, названных по именам, только семь представлены стихами на фарси-дери: Рудаки, Дакики, Унсури, Мас'уд Рази, Ма'руфи, Абу-л-Фазл Джумахи и Абу Ханифа Искафи. Из арабских поэтов чаще других цитируется популярный Мутанабби, затем Абу-л-Атахийа, Аттаби, Хутай'а, Абу Нувас и другие, из неарабов, писавших по-арабски: Абу-л-Фатх Бусти, Абу Исхак Саби, Абу Сахль Завзани и др. Из 15 случаев анонимных стихов, в подавляющем большинстве арабских, очень возможно, что некоторая часть принадлежит самому Бейхаки, не чуждому, как было замечено, поэтическому искусству. Интересно отметить, что Абу-л-Фазл нигде в своей книге не привел стихов придворных поэтов Махмуда и Мас'уда. Исключение составляют лишь начальные строки касыды «царя поэтов» Унсури, которые наш автор цитирует в главе о Хорезме по случаю одержанной Махмудом победы. Отсутствие в его труде стихов поэтов придворного круга Абу-л-Фазл в одном месте объясняет тем, что

стихи эти хорошо известны из дивалов их авторов и цитирование их только растянуло бы его труд.

Абу-л-Фазл рассказывает, что по возвращении остатков разбитого войска Мас'уда из-под Денданекана в Газну у него появилось желание сочинить книгу, где бы разгром был описан не в столь мрачных красках. В этой книге, по его мысли, проза должна была перемежаться стихами, но в течение 20 лет, прошедших после катастрофы, он среди поэтов-современников не мог найти ни одного достойного этой работы, И только начав писать «Историю Мас'уда» ему довелось познакомиться с факихом Абу Ханифой Искафи, о способностях **[31]** которого слышал раньше. В нем он, наконец, нашел подходящего поэта и попросил его сочинить стихи для предполагаемой книги, а также касыду, в которой бы описывалась смерть Махмуда, воцарение Мухаммеда, приход из Исфагана Мас'уда и дальнейшие события. Абу Ханифа Искафи выполнил этот заказ блестяще, по отзыву Абу-л-Фазла, и он поместил его произведения в соответствующих местах «Истории Мас'уда». Касыда, помещенная на

стр. 263 — 267, сохранилась со столь многими дефектами, что подготовители последних изданий текста «Истории Мас'уда» оказались не в силах ее поправить [51]. Поэтому мы решили воздержаться от перевода ее на русский язык и повторить ее в таком виде, как она напечатана в издании Гани и Файяза.

Абу-л-Фазл несколько раз употребляет слово макама, прилагая его к некоторым рассказам в его книге. Однако у нашего автора это [Не приключенческая новелла, написанная с риторическими изощрениями в рифмованной прозе, с вкрапленными в нее стихами, со сверкающими блестками юмора и остроумия в духе Бади аз-замана Хама-дани (ум. 398/1007), с которой Абу-л-Фазл, как человек высоко образованный и любитель изящной словесности был несомненно знаком. У него макама скорей в более раннем ее значении, в котором была известна в арабской литературе еще века за два [52] до появления на свет «Истории Мас'уда», а именно, в значении рассказа о беседе по различному поводу и на разные темы между чем-то замечательными мужами. Но верней всего, термин макама у Абу-л-Фазла не есть

обозначение особого литературного жанра, у него это попросту рассказ, написанный живой повествовательной речью, без вычур и без стихов, со слов собеседника. Так, например, макамами он назвал рассказ о детстве и юности эмира Мас'уда, написанный со слов Абу Са'ида Аб-далгаффара, в юных годах находившегося в окружении этого царевича, и рассказы о покушении на жизнь хорезмшаха Алтунташа и инциденте с факихом Абу Бекром Хусейри, написанные со слов Абу Насра Мишкана. Но аналогию к последнему рассказу, которая следует непосредственно за ним и которую наш автор заимствовал из книжного источника, он назвал не макамой, а хикайат, т. е. Просто рассказ, повесть.

Здесь необходимо сказать несколько слов об одной недошедшей до нас книге, так называемой Макамат-и Абу Наср-и Мишкан, т. е. Макамы (рассказы) Абу Насра Мишкана, авторство которой до последнего времени оставалось не совсем ясным. Некоторые были склонны считать ее составителем Абу Насра Мишкана, другие — Абу-л-Фазла Бейхаки [53].

Фрагменты этой книги сохранились в нескольких произведениях более поздних писателей, в частности, в книге Асар ал-вузара Сейфаддина Укайли, который в списке источников, привлеченных; им для составления своего труда [54], прямо приписывает **[32]** авторство *Макамат-и Абу Наср-и Мишкан* Абу-л-Фазлу Бейхаки. И он, несомненно, прав. В рассказе, написанном опять-таки со слов Абу Насра Мишкана, о приглашении султаном Мас'удом ходжи Ахмеда, сына Хасанг Мейменди на пост везира, Абу-л-Фазл, доведя повествование до заключения соглашения между эмиром и везиром, замечает: «Содержание присяжной грамоты и соглашения мною уже приведено в Макамах Махмуди, которые я сделал, в «Книге макам», и здесь не повторяю, потому что слишком растянулось бы».

То обстоятельство, что рассказ написан со слов Абу Насра Мишкана и является, следовательно, такой же макамой, как и его рассказы, упомянутые выше, что сам Бейхаки говорит о включении текста соглашения и присяжной грамоты в сочиненную им «Книгу

макам» и что, наконец, Сейфаддин Укайли воспроизвел эти два документа в своем труде (см. Приложение II и III), как заимствованные из книги *Макамат-и Абу Наср-и Мишкан*, позволяет без колебаний признать автором этой книги Абу-л-Фазла Бейхаки. Авторство его подтверждается еще и тождеством стиля фрагментов «Книги макам» и «Истории Мас'уда». Макамы, как можно судить по сказанному, представляли собой сборник рассказов Абу Насра Мишкана, записанных и обработанных нашим автором. Как явствует из его слов, он составил его раньше «Истории» и, по-видимому, посвятил памяти своего начальника и учителя. Неясно остается только, почему книга названа *Макамат-и Махмуди*. В другом месте «Истории Мас'уда» Абу-л-Фазл в связи, со смертью Абу Насра Мишкана пишет: «Его деяния, сообщения и обстоятельства жизни таковы как упомянуто в «Макамах» и в сей «Истории», имея в виду все ту же книгу *Макамат-и Абу Наср-и Мишкан*. Однако на этот раз к слову *макамат* эпитет *махмуди* добавлен только в тексте, изданном Адибом Пешавери [55] (см.

ниже), и это вносит в смысл известную путаницу. Название *Макамат-и Махмуди* могло бы относиться лишь к одной или ряду глав одного из утраченных начальных томов труда Бейхаки, отведенных султану Махмуду, подобно тому, как в «Истории Мас'уда» есть макама о нем. Очевидно и в первом случае тоже не обошлось без чьей-то приписки. Сама фраза «приведено в Макамах Махмуди, которые я сделал, в «Книге макам»... вызывает сильное подозрение, что эпитет *махмуди* в ней не на месте.

Существует мнение [56], что на Абу-л-Фазла Бейхаки настолько сильно повлиял арабский язык, что автор с «большой охотой» сочетал слова в предложения по правилам арабского синтаксиса и что поэтому в «Истории Мас'уда» имеется изрядное количество предложений, которые можно было бы перевести с фарси на арабский, нисколько не изменяя порядка их членов. Не отрицая известного воздействия арабского языка на ираноязычную литературу XI в. и, в частности, на произведения Абу-л-Фазла Бейхаки, согласиться с подобным мнением **[33]** все же весьма трудно, ибо невозможно допустить, чтобы

влияние арабского языка в указанном смысле сказалось бы особо сильно на Бейхаки, в меньшей мере еще на двух-трех писателях, а остальных бы не затронуло. Ведь есть же произведения в прозе XI в., созданные после Бейхаки, где «арабские предложения» представлены в гораздо меньшей мере, как в Кабус-наме и Сийасат-наме, или в Сафар-наме Насир-и Хусрова, где их нет совсем. А позднее, в XII и XIII вв., когда в историографии стало особо сильно заметно влияние изобретенного арабами вычурного стиля, синтаксический строй все же сохранился присущий фарси-дери.

Не говоря уже о невероятности искусственной пересадки синтаксиса чужого языка на родной, упомянутое мнение противоречило бы безусловно верному утверждению цитированных выше филологов о литературном вкусе Абу-л-Фазла и красоте его слога, потому что коверкание синтаксического строя родной речи никак не могло бы быть воспринято ни современниками автора, ни позднее, как красноречие. Необычные для книжного фарси-дери синтаксические конструкции, кстати

сказать, и сейчас возможные в эмоциальной речи [57], по-видимому, все же другого происхождения, но какого именно, сказать пока трудно за неимением достаточного количества письменных памятников с аналогичным строем предложений, которые можно было бы исследовать в этом направлении. Не следует упускать из виду, что о локальных особенностях говора Газны X — XI вв., где Абу-л-Фазл создавал свои труды, ничего не известно.

Стиль и манера Абу-л-Фазла Бейхаки, к сожалению, не привились в литературной прозе на языке фарси-дери и в последующие эпохи к ним не возвращались.

* * *

Число известных списков «Истории Мас'уда» сравнительно невелико. Часть манускриптов хранится в библиотеках разных европейских стран, Ирана, Турции, Египта и Индии, часть находится в руках частных владельцев. В нашей стране три списка хранятся в Ленинграде [58]. Старейшие списки, над которыми приходилось работать востоковедам, относятся к XVII в. Рье датирует две принадлежащие

Британскому музею рукописи XVI в. [59]. Более ранних списков до сих пор обнаружено не было. Далеко не во всех списках указана дата их исполнения, и относительный возраст определяется по палеографическим признакам. Самые поздние экземпляры переписаны в XIX в. Таким образом, со времени написания труда Бейхаки до дней исполнения наиболее старых списков прошло не менее 500 — 600 лет. За этот долгий период **[34]** времени авторский текст «Истории Мас'уда» разделил судьбу всех древних рукописей: в процессе многократной переписки он испытал на себе замену устаревших, малопонятных слов, отдельных выражений и некоторых грамматических категорий употребительными в пору жизни переписчиков, искажение, а иногда пропуск фраз, непонятных им. Однако, если сопоставить текст различных изданий труда Абу-л-Фазла Бейхаки, опубликованных за минувшее столетие, о которых речь будет ниже, то придется признать, что по сравнению с некоторыми другими древними письменными памятниками дело с текстом «Истории Мас'уда» обстоит все же

благополучно. Ни модернизация его, ни приспособление к локальным языковым особенностям не внесли больших изменений; архаизм первоначального текста, в общем, сохранился и историческое содержание его не пострадало. Но привлекать даже последние публикации текста «Истории Мас'уда» в лингвистических работах можно, конечно, только с большой осмотрительностью и оговорками.

Все рукописные экземпляры труда Бейхаки можно разделить на две группы: списки индийского происхождения и списки иранского происхождения. Каждая из этих групп имеет свои достоинства и недостатки. Индийские списки в меньшей степени подверглись произволу со стороны переписчиков и, следовательно, текст их ближе к оригиналу. В них отсутствуют переводы на фарси документов, написанных по-арабски. Переводов этих, наверное, не было и в авторском тексте. Зато в арабской прозе и стихах в индийской группе много неправильностей. В списках иранского происхождения, наоборот, арабский текст гораздо

исправней, зато к тексту повествования на фарси-дери переписчики приложили руку значительно больше. Уцелевшая часть труда Бейхаки начинается с письма царедворцев султана Мухаммеда к эмиру Мас'уду. Уже после утраты начальных томов для лучшего понимания читателей было добавлено анонимное предисловие-резюме предыдущего повествования. В индийской группе списков этого предисловия либо совсем нет, либо оно составлено кратко. В иранской же группе предисловие более пространно, как в издании текста, с которого нами исполнен русский перевод. Степень внешней сохранности известных списков тоже различна. Чаще всего у них отсутствуют начальные и конечные листы.

В первый раз текст «Истории Мас'уда» был издан ровно сто лет тому назад в Калькутте. Книга появилась в серии публикаций Азиатского общества Бенгала. Текст был подготовлен английским ориенталистом В. Морлеем [60], но выпущен в свет уже после его смерти. Для текстологической работы было привлечено несколько списков труда Абу-л-

Фазла Бейхаки. В основу был положен список XVI в. индийского происхождения. Ныне он хранится в Британском музее и описан в **[35]** каталоге Рье [61]. Издание исполнено типографским способом. Текст в общем подготовлен тщательно, без неоправданных правок, но отсутствие в книге примечаний, комментариев и указателей — весь научный аппарат ее заключается в кратком предисловии и немногих указаниях на разночтения по подсобным спискам — чрезвычайно затрудняет пользование ею.

Через 25 лет с лишним издание текста «Истории Мас'уда» было повторено в Тегеране литографским способом. Подготовителем и комментатором текста явился иранский ученый Ахмед Пешавери [62], известный также под именем Адиб Нешавери. Для подготовки текста он пользовался изданием Морлея, но основой для него служила рукопись, которую он не назвал. В его распоряжении имелись еще и другие списки. Подготовленный текст был каллиграфически переписан почерком насх, но без интервалов между словами и предложениями. Примечания, сделанные рукой самого Адиба Пешавери, написаны вкривь и

вкось, иногда кувырком, нечетким почерком. И то и другое сильно затрудняет чтение людям, малоискушенным в чтении рукописей. По сравнению с предыдущим изданием в нем содержится гораздо больше пояснительных примечаний, но поскольку они не подкреплены ссылками на какие-либо источники, то много теряют в своей ценности. Кроме того, подавляющее количество их, по существу говоря, не имеет никакого отношения к публикуемому тексту «Истории Мас'уда». В тексте можно найти немало произвольных правок издателя. Отсутствие в книге указателей тоже является большой помехой в пользовании ею.

После выхода в свет тегеранской литографии о труде Абу-л-Фазла Бейхаки как будто забыли, и только акад. В. В. Бартольд на рубеже прошлого и текущего столетий широко воспользовался этим ценным историческим источником для своего выдающегося исследования «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Потом опять наступает волоса затишья. Лишь в тридцатых годах в Иране, в связи с некоторым оживлением в деле публикации

рукописных памятников старины, снова возник интерес к нашему автору и его произведению. Появились статьи в периодической печати, за ними работа М. Бехара об истории развития персидской стилистики, в которой были отмечены литературные достоинства «Истории Мас'уда», после чего, почти через полстолетия, прошедшего от выхода в свет литографии Адиба Пешавери, в Тегеране, в 1319/1941 г. литературоведом и писателем Са'идом Нафиси был опубликован первый том нового издания труда Бейхаки [63]. Издатель поставил себе целью опубликовать текст «Истории Мас'уда» на высоте требований современной науки и устранить, по возможности, недостатки предыдущих печатных изданий. Однако после выхода первого тома издание второго затянулось на долгое время. Он увидел **[36]** свет лишь в 1325/1947 г., а заключительный, третий том, — в 1332/1954 г. Это издание, конечно, много лучше двух ранее вышедших, однако на высоте современной науки оно все же не оказалось вследствие, как нам кажется, недостаточной организованности труда издателя. В основу был

положен текст издания Морлея, а в качестве подсобных источников были взяты два экземпляра издания Пешавери с соображениями и примечаниями, сделанными их учеными владельцами. Часть примечаний в этом издании перенесена из тегеранской литографии, часть принадлежит Са'иду Нафиси. Комментарии издателя носят несколько бессистемный, как бы случайный, характер, но некоторые сделаны весьма обстоятельно.

Пока тянулось издание СН, в Тегеране же, в 1324/1945 г. вышла в свет еще одна публикация текста «Истории Мас'уда», осуществленная профессорами Тегеранского университета Гани и Файйазом [64]. Получив задание подготовить для учебных целей историческую хрестоматию, они, работая над текстом Бейхаки, настолько увлеклись им, что решили издать его отдельной книгой. Для этого они воспользовались всеми ранее выпущенными изданиями и двумя списками, которые еще для этой цели не привлекались. Подготовители издания не ставили перед собой

слишком высоких задач, хорошо сознавая трудность их успешного решения. Однако в конечном счете их работа оказалась наиболее удачной. Издатели не положили в основу ни одной из упомянутых выше публикаций и ни одной рукописи, а критически оценивая всю проделанную до них текстологическую работу, составляли текст по методу отбора. Текст их издания получился вполне надежный. Что касается примечаний, то они менее многочисленны. Приложенные в конце книги комментарии, авторы, к сожалению, нашли нужным сократить, чтобы не превысить намеченный объем книги. В отличие от прочих в этом издании имеется ряд указателей, что придает ему особую ценность. С этого издания сделан наш перевод.

Полного перевода «Истории Мас'уда» на европейские языки до сих пор не существовало. Пересказ и перевод отдельных отрывков можно найти в уже упомянутом выше исследовании В. В. Бартольда, впоследствии переведенном на английский язык. В 1939 г. вышел в свет сборник «Материалы по истории туркмен и Туркмении» [65], в

котором представлены извлечения из текста «Истории Мас'уда», содержащие в себе сведения о борьбе Газневидов с Сельджукидами. Перевод цитат в книге В. В. Бартольда и перевод извлечений в «Материалах» не преследовали иной цели, кроме передачи на русском языке сообщаемых Абу-л-Фазлом Бейхаки фактов из истории народов Средней Азии. Литературное и языковое своеобразие источника и сохранение; его в переводе в указанных работах в расчет не принималось. **[37]**

Во второй половине прошлого столетия А. Казимирский в исследовании творчества поэта Минучихри [66] (ум. 1040—1041) привел конспективное содержание труда Бейхаки, местами в виде пересказа, местами в виде перевода (последнего меньше) в качестве исторического введения. Этот перевод не свободен от ошибок и в настоящее время устарел. Помимо этих, сравнительно крупных отрывков, в недавних работах ряда авторов встречаются более мелкие цитаты из «Истории Мас'уда», эффектные по содержанию, но не всегда имеющие прямое отношение к трактуемой теме и

переведенные без учета предшествующего и последующего за цитатой текста, почему они тоже .либо не всегда точны, либо из них делают неверное заключение. Не так давно в Каире был опубликован арабский перевод «Истории Мас'уда». Его исполнители — университетские профессора, египтянин Яхья Хашшаб и иранец Садик Наш'ат. На эту публикацию откликнулся известный арабский ученый Таха Хусейн в небольшой заметке, помещенной в тегеранском журнале *Йагма* [67]. К сожалению, с этой книгой нам еще не удалось ознакомиться de visu, а потому судить о ней не беремся.

Мы уже упомянули, что предлагаемый ниже перевод «Истории Мас'уда» сделан, в основном, по тексту, изданному Гани и Файйазом. Поскольку, однако, и это издание, несмотря на его достоинства, все же нельзя признать последним словом текстологического исследования труда Абу-л-Фазла Бейхаки, мы в тех случаях, где текст этой книги вызывал сомнения, привлекали и все ранее вышедшие публикации, о которых шла речь выше, и

при наличии разночтений избирали наиболее верный, на наш взгляд, вариант. Перевод наш мы стремились сделать как можно более близким к тексту оригинала, ничего из него не выбрасывая, но при этом избегали дословности, чтобы не повредить ясности и правильности русского языка и не вызвать у читателей впечатление, что Абу-л-Фазл Бейхаки, вопреки сказанному о его стиле и языке, не умел говорить свободно и гладко. Предпочтение всюду отдавалось смысловому переводу, в особенности там, где слишком близкий перевод явно наносил ущерб пониманию мысли автора. Само собой, что те места, где текст оригинала испорчен и смысл его в какой-то степени неясен, оговорены в примечаниях.

Поговорки и пословицы, встречающиеся в повествовании Абу-л-Фазла, если точный перевод терял их остроту, мы заменяли соответствующими русскими поговорками и пословицами, а буквальный перевод воспроизводили в примечаниях. Несвойственные книжному языку фарси-дери синтаксические конструкции автора «Истории Мас'уда» в русском переводе теряют свою

необычайность, так как порядок членов такого «инвертированного» предложения в большинстве случаев почти совпадает со стандартным порядком членов в русском предложении. **[38]**

Изменять же порядок членов русского предложения, для того чтобы передать особенность строя большого числа предложений у Абу-л-Фазла, мы сочли нецелесообразным. Отдельные выражения и обороты речи, допускающие иное толкование и иной перевод, мы также воспроизводили в примечаниях. Там же всюду нами указаны попадающиеся в. книге нашего автор а социально-экономические термины, чтобы из контекста можно было точнее уяснить различные оттенки их значения в первой половине XI в. в пределах Газнийского царства.

В примечаниях же; даются краткие сведения об упоминаемых в, труде Бейхаки исторических лицах, известных по другим источникам, а также сведения о населенных пунктах, за исключением крупных городов, которые, продолжают существовать поныне под тем же названием, как например, Герат, Газна,

Мерв, Нишапур и т. п., и сведения; о физико-географических объектах. Объяснение непереведенных терминов читатель найдет либо в примечании при первом упоминании, либо в приложенном небольшом глоссарии. Все написанное Абу-л-Фаздом Бейхаки по-арабски заключено в звездочки.

Вступительная статья и научный аппарат, приложенный к переводу, разумеется, отнюдь не представляют собой законченное исследование содержания «Истории Мас'уда». Главная цель перевода на русский язык этого незаслуженно отодвинутого на задний план исторического и литературного памятника заключается в том, чтобы привлечь к нему более пристальное внимание и пробудить к нему больший интерес в первую очередь советских востоковедов разных специальностей. Если эта цель окажется достигнутой, тогда, несомненно, труд Абу-л-Фазла Бейхаки сделается предметом всестороннего изучения и займет подобающее ему место среди древних первоисточников.

* * *

В заключение считаю своим долгом принести глубокую благодарность старшему научному сотруднику Института востоковедения АН УзССР А. Расулеву за полученные от него с неизменной готовностью ценные советы и консультации, принесшие мне большую пользу, а также научному сотруднику Т. А. Дубровской и З. В. Арендс, принимавшим деятельное участие в подготовке к печати настоящей книги.

Комментарии

1. Поскольку общественные отношения, политическая борьба сторон и духовная жизнь этой эпохи уже освещалась с разных точек зрения на основании первоисточников и по дошедшим до нас памятникам письменности и материальной культуры, мы в настоящей статье специально не касаемся этих вопросов и отсылаем читателей к указанной ниже литературе: В. В. Бартольд, К истории крестьянских движений в Персии, "Из далекого и близкого прошлого", сборник в честь И. Н. Кареева, 1923; он

же, Очерк истории туркменского народа, сб. "Туркмения", т. 1, 1929, гл. II; он же, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II, 234—334; А. Е. Бертельс, Насир-и Хосров и исмаилизм, 1959, 9—47; Е. Э. Бертельс, История персидско-таджикской литературы, 1960, 109—128, 167—193, 287—306, 375—376; Б. Г. Гафуров, История таджикского народа, 1, 1955, 218—246; В. Ю. Захидов, Бируни как мыслитель, сб. "Бируни", М., 1950; Б. Н. Заходер, Хорасан и образование государства сельджуков, "Вопросы истории", 1945, № 5—6; История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в., под ред. В. В. Струве, И. А. Орбели и И. П. Петрушевского, 1958, 120—164; История народов Узбекистана, 1, 1950, 274-286; И. П. Петрушевский, Городская знать в государстве Хулагуидов, "Советское востоковедение", 1948, т. V; С. П. Толстов, Бируни и его время, сб. "Бируни", М., 1950; он же, По следам древнехорезмийской цивилизации, 1948, 234—244, 565—270; А. Ю. Якубовский, Время Авиценны, .Изв. АН СССР", Отд. общ. н., 1938, № 3; он же, Махмуд Газневи, сб. "Фердовси", 1934; он же, Сельджукское

движение и туркмены, "Изв. АН СССР", Отд. общ. н., 1937, № 4; он же, Феодальное общество в Средней Азии и его торговля с восточной Европой в X-XV вв., Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. 1, 1932; W. Barthold, Turkestan down to the Mongol Invasion, transl. by V. Minorsky, QMS, NS, V, 1958; E. G. Browne, A Literary History of Persia, II, ch. X-XIV; H. Elliot and J. Dowson, The History of India as told by its own Historians, II, 53—154; Hashmi Yusuf Abbas, Society and Religion under the Ghaznawids, Journ. of the Pakistan Histor. Soc., 1958, oct., vol. 6, pt. 4, 254—268; Muhammad Nazim, The Life and Times of Sultan Mahmud of Ghazna, 1931; A. Mueller, Der islam im Morgen-und Abendland, II, 48-70; J. Rypka, Iranische Literaturgeschichte, 1959, 170-178.

2. С. А. Ершов, Данденакан (Археологические разведки у Таш-Рабата в 1942г,), КСИИМК, XV, 1947; Б. П. Денике, Архитектурный орнамент Средней Азии, М.—Л., 1939, 46—70; М. Е. Массон, Городища Старого Тер-еза и их изучение, Труды Узбекистанского филиала АН СССР, сер. 1, вып. 2,

Ташкент, 1941; Г. А. Пугаченкова, Пути развития архитектуры Южного Туркменистана... Труды ЮТАКЭ, М. 1958, гл. IV и отдельные описания; В. А. Шишкин, "Курган" и мечеть Чор-сутун в развалинах Старого Термеза, Труды АН Уз ССР, сер. 1, вып. 2, Ташкент, 1945; D. Schlumberger, La grande mosquee de Lashkari Bazar, "Afghanistan", No 2,1952; do, Le palais Ghaznevide de Lashkari Bazar, "Syria", t. XXIX, 1952.

3. *** рукописи ИВАНУзССР № 306, лл. 16 аб и № 307, лл. 564 б — 565 б.

4. W. Barthold, Turkestan down to the Mongol Invasion. Translated by V. Minorsky and revised by the author... Second edition., 24. Дальнейшие ссылки на "Туркестан" В. В. Бартольда сделаны по этому изданию.

5. Е. Э. Бертельс в Истории персидско-таджикской литературы", 292, присылку даров по недоразумению отнес к султану Махмуду.

6. А. Ю. Якубовский, Махмуд Газневи, сб. "Фердовси", 91.

7. ***

8. Ch. Rieu. Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum, 1, 159.

9. E. Sachau, Zur Geschichte und Chronologie von Khwarizra, II, 5.

10. A. Mueller, Der Islam im Morgen-und Abendland, II, 194.

11. В. В. Бартольд,— Иран, исторический обзор, 67.

12. См. в EI заметку В. В. Бартольда Al-Baihaki Abu-1-Fazl Muhammad al-Husain; ГФ, предисловие; *** Несколько пополнил биографию сведениями из труда Бейхаки Риза-заде Шафак в статье ***.

13. *** ркп. ИВАНУзССР №1524, л. 856, о ней СВР, 1, 105 Ташкент, 1952.

14. Прозвище Тогрула в рукописи искажено.

15. Имя в рукописи искажено.

16. Кабус-наме, перевод Е. Э. Бертельса, 168 сл.

17. Kitab Zainu'l Akhbar. Composed by Abu Sa'id... Gardizi. Edited by Muhammad Nazim, 110.

18. *** ркп. ИВАНУзССР, № 2009. лл. 122 б—123 а, о ней СВР, 1, 124, Ташкент, 1952.

19. Zainu'l Akhbar, 111.

20. Так, по-видимому, понимал и М. Бехар, ***

21. Tabakat-i Nasiri, transl... by H. G. Raverty, I, 99.

22. ГФ, предисловие, стр. 1

23. *** ук. ркп., л. 9 а.

24. Hajji Khalifa, II, 508, 580.

25. *** ук. ркп., л. 85 б: *** л, 9 а: ***

26. *** там же, л. 85 б.

27. Весь труд Бейхаки был, по-видимому, первоначально написан автором в виде отдельных томов. Впоследствии, после утраты большей их части, оставшуюся часть стали переписывать как

одну книгу, без разделения на тома, так что в известных сейчас списках границы сохранившихся томов почти стерлись.

28. Труд Махмуда Варрака не дошел до нас и о том, что он существовал, известно только по рассказу Абу-л-Фазла Бейхаки. Barthold, Turkestan... 21; В. В. Бартольд, Иран, 67.

29. Сочинение 'Утби было два раза издано в Индии: Шпренгером в 1847 г. в Дели и Хамидаддином в 1883 г. в Лахоре. В 1286/1869 г. в Каире был опубликован текст истории 'Утби с комментариями Шейха Манини. В 1858 г. в Тегеране была издана литография персидского перевода Китаб ал-Йамини, исполненного в начале XIII в. Абу Шараф Насихом Джурбадакани. С персидского перевода сделал английский перевод J. Reynolds, Kitab-i Yamini. Historical Memoirs of the Amir Sabaktagin and the Sultan Mahmud of Ghazna, London, 1858. Книга 'Утби названа по титулу султана Махмуда Йамин ад-довле, т. е. "Десница державы".

30. Не исключается также возможность, что это была утраченная история Махмуда, написанная Абу Рейханом Бируни. См. стр. 40.

31. Риза-заде Шафак, указ. ст. ***

32. Следует отметить, что называя Абу Рейхана, Абу-л-Фазл Байхаки ни разу не упоминает нисбу Бируни.

33. E. Sachau, o. c.; W. Barthold, Turkestan... 20.

34. Irshad al-arib... Ed. D. S. Margoliouth, GMS, VI, 6, ***

35. И. Ю. Крачковский, Избр. соч., IV, 245 со ссылкой на Krause.

36. M. Meyerhof, Das Vorwort zur Drogenkunde des Beruni, Berlin, 1932, arab. Text, 13.

37. Высказанное R. Wright'ом (The Book of Instruction... III) предположение и Джелалом Хумайи (***) утверждение, что персидская версия названного труда принадлежит перу самого Бируни, остаются под большим сомнением, если принять во

внимание его суждение о языке фарси в книге ас-Сайдана фи-т-тибб, его последнем произведении.

38. Мы здесь не имеем в виду находки в Хотане документа на новоперсидском языке, относимого к VIII в.

39. Речь в этой статье идет исключительно о прозе на языке фарси-дери. Ни поэтические произведения на этом языке, ни литература на арабском языке, созданная в указанный период представителями ираноязычных народов, здесь не затрагиваются.

40. J. Rypka, o. c., 151; ***

41. Термин, введенный М. Бехаром.

42. Издана в русском переводе Б. Н. Заходера, "Сиасет-намэ", 1949.

43. ***

44. ***

45. Имеется в виду сокращенная, местами дополненная обработка (963 г.) Абу Али Мухаммеда Бал'ами известной хроники Табари.

46. ***

47. Глава о событиях 423 г. х. не имеет особого заголовка. Летопись этого года начинается с рассказа о прибытии посла из Багдада. Описание событий 424 г. х. обрывается на 3 рамазана и продолжается дальше с 10 рамазана 425 г. х. Здесь либо еще очень давно был утрачен ряд листов авторского текста, или испорчена датировка. В нескольких местах заглавия погодных записей восстановлены нами.

48. Эти заголовки, написанные, как правило, по-арабски, возможно добавлены значительно позднее.

49. Риза-заде Шафак, ук. ст., *** СН, предисловие к т. I; ГФ, предисловие;

50. ***

51. ГФ, 275, прим. 2; СН, 1, 336, примеч. 7.

52. C. Brockelmann, GAL, I, 94.

53. ***

54. *** указ. ркп., л. 5 б.

55. СН, 1, 172 отождествляет все три названия: — ***

56. *** Риза-заде Шафак, ***

57. А. К. Арендс, Краткий синтаксис современного персидского языка, 80—82. Ср. замечание А. А. Ромаскевича о языке Бейхаки, МИТТ, 1, 43,

58. ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, ркп. ПНС-125 и ПНС-126; Лен. отд. ин-та нар. Азии, Ms. 02, С. 398.

59. Ch. Rieu, Catalogue... 1, 158 b, 160 b.

60. The Tarikh-i Baihaki containing the life of Masoud, son of Sultan Mahmud of Ghazna... ed. by W. N. Morley... (Bibliotheca Indica), 1861—1862.

61. Ch. Rieu, Catalogue... 1. 158 b — 160 a.

62. ***

63. ***

64. ***

65. Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1, 234—308, Извлечения из Та'рих-и Бейхаки по изд. Морлея, перевод под редакцией А. А. Ромаскевича.

66. A. Biberstein-Kazimirski, Menoutchehri, poete persan du 11-eme siecle... texte, traduction, notes et introduction historique, Paris, 1886—1887, pp. 18—142.

67. ***

АБУ-Л-ФАЗЛ БЕЙХАКИ

ИСТОРИЯ МАС'УДА

1030-1041

Во имя Аллаха милостивого, милосердого! /***1***/

Повествующий эту быль, Абу-л-Фазл Бейхаки, дебир, о виденном им самим рассказывает так:

Когда покойный султан Махмуд, сын Себук-тегина Гази, - да будет им доволен Аллах, получил в Газне [божие] повеление переселиться в иной мир [и]

вверенную на время драгоценную душу отдал обратно творцу душ, старший сын его и наследник престола, эмир Мас'уд, пребывал в Исфагане, собираясь двинуться на Хамадан и Багдад, и обретался очень далеко от престола царства. Основываясь на этом, хранители и столпы Махмудовой державы, как-то: старший хаджиб эмир Али Кариб [1], Азуд ад-довле эмир Абу Якуб Юсуф, сын Насирад-дина Себук-тегина, брат султана [2], который был сипахсаларом, эмир Хасан [3], везир, который был известен под именем везир Хасанек, Бу Наср Мишкан [4], начальник посольского дивана, Бу-л-Касим Кесир, начальник воинского дивана, Бектугды, начальник дворцовых гулямов [5], Абу-н-Наджм Аяз [6] и Али Дая, родственник султана, все они совместно с прочими знатными и могущественными мужами, с одобрения друг друга, и как того требовало время [7], привезли из Гузганана [8], расположенного близко от столицы, меньшого сына покойного султана, да просветит Аллах его доказательство, эмира Абу Ахмеда Мухаммеда [9] и посадили его заместо великого отца на престол

царства, а старший хаджиб, эмир Али Кариб, самый именитый из хранителей державы, стал во главе правления и начал вершить государственные дела. Когда эмир Мас'уд, да смилуется над ним Аллах, отменив решение идти на Багдад, прибыл из Исфагана в Рей, из Рея в Нишабур и из Нишабура в Герат, эмир Али, опять-таки с согласия и одобрения прочих могущественных сановников, заключил эмира Мухаммеда в теги-набадскую крепость Кухтиз [10]. Извиняясь тем, что это было совершено ради пользы [государства], они сие послание [11] посредством Менгите-рака, брата старшего хаджиба, и Бу Бекра Хусейри, недима покойного султана, доставили ко двору государя султана Мас'уда, да будет ими доволен Аллах [12]. **[44]**

[ЛЕТОПИСЬ ГОДА ЧЕТЫРЕСТА ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО]

/*2*/ СПИСОК [13]С ПОСЛАНИЯ, КОТОРОЕ СТОЛПЫ МАХМУДОВОЙ ДЕРЖАВЫ ИЗ ТЕГИНАБАДА ОТПРАВИЛИ К ЭМИРУ МАС'УДУ В ГЕРАТ

«Да пребудет долгой жизнь властителя мира, преславного султана-благотворителя, в величии и

могуществе, в царском достоинстве и преуспеянии, в обретенном спокойствии и неусыпном стремлении к заветной цели на этом свете и в загробном мире!

Отписали слуги государя из Тегинабада в понедельник третьего числа месяца шавваля о положении победоносного воинства, кое ныне находится здесь, в том смысле, что как только будет сюда высочайшее повеление, полк за полком, решившись служить высочайшему двору властителя мира, преславного султана-благотворителя, да продлит Аллах его век, окажут помощь в победе его стягу [14], дабы все препятствия и помехи рухнули и сгинули и дела пришли в порядок и выправились. А сердца [слуг его] покорны и решения и намерения их искренни, *слава Аллаху, господу миров! Да будет благословение над посланником его Мухаммедом и всем семейством его!* Суд божий свершается по воле Аллаха, велик он и всемогущ, и по слову и велению его, а не по хотению человеческому, ибо по воле его, хвала ему и слава, совершается коловращение судеб и ему принадлежит вынесение приговора, одарить ли или ввергнуть в несчастье,

удовлетворить ли всяческие желания, предоставить ли силу и мощь. И что бы он ни сделал — то справедливо. Царство на земле по милости его достается от сего тому и от того сему, покуда *истинно, Аллах наследует землю и тех, кто на ней, и он есть наилучший из наследующих* [15]. А эмир Абу Ахмед, да продлит Аллах его здоровье, был ростком от корня державного рода покойного эмира, да просветит Аллах его доказательство. [Но] всякий [росток], самый крепкий, самый сочный и самый преуспевающий [16], /***З***/ ведь отнюдь даже не допустит и не согласится, коль кто-нибудь из слуг царского дома, или иной кто, станет вести о нем неподобающие речи, ибо что бы ни говорили, возвращается к **[45]** великому корню. Поскольку в предвечности было решено, что он [эмир Мухаммед] некоторое время будет сидеть на престоле царства Газны, Хорасана и Хиндустана, который был местом эмиров, его отца и деда, да будет над ними милость Аллаха, то ему сесть и украсить [собой] тот престол было неизбежно. В тот день у него было право на то. Не миновать ему было отдавать повеления по

разному поводу, как [их] отдают государи, а те, кто состояли при нем, люди разного рода, самые высокие и самые низкие, покорно и послушно исполняли повеления и соблюдали таким образом условия повиновения. Когда же его время прошло и господь бог, велик он и всемогущ, удостоил слуг старшим ростком от корня государства, [то есть] истинным наследником престола, и осенил государство, ибо он был наместником [отца] и наместником наместника, избранника божьего [17], привет ему, [слуги государя] ныне поневоле поспешают восстановить [его] право и признать послушание ему самой священной для себя обязанностью.

Сего дня, коим помечено послание всех слуг государевых, они поступили согласно высочайшей воле, начертанной высочайшей рукой в записках, и заключили эмира Мухаммеда в крепость Кухтиз. После этого войска при оружии построились рядами от самого сераперде до отдаленного места в поле, и пошли большие разговоры и споры. Он, [эмир Мухаммед] говорил, что его, дескать, нужно отправить обратно в Гузганан вместе с людьми или

свезти его самого к высочайшему двору. В конце концов было постановлено на том, чтобы ему оставаться взаперти в крепости со своими домочадцами и недимами, с подчиненными им слугами, покуда не придет о нем высочайшее повеление. Хаджиб Бек-тегин со своим хейлем и пятью сотнями отборных всадников стоит под крепостью, расположившись в шаристане Рутбиль [18], для охраны ее, дабы, когда слуги [твои] отсюда уедут /***4***/ и направятся к высочайшему двору, не случилось беды.

Сих двух слуг [19] избрали из числа вельмож, дабы они, ежели будут спрошены, разъяснили как обстоят дела. По милости властителя мира, преславного султана, да продлит Аллах его царство, подобало бы простить то, что слуги [его] натворили сначала, ибо ежели они и учинили тогда ради спокойствия некое дело и поступили по-своему, то в этом они соблюли указ покойного повелителя, да будет им доволен Аллах. Ныне же, когда объявился государь самый правый, и пришло его повеление, слуги полностью исполнили те условия службы и повиновения, кои

обязательно требовались, и пребывают в ожидании ответа на эту службу и [надеются], что он прибудет вскоре [с указанием], как должно поступить с эмиром Абу Ахмедом и насчет других дел, дабы было исполнено согласно с ним. [Слуги государя] послали спешных гонцов из числа хейльташей в Газну и оповестили о делах, которые произошли, и о прибытии в счастливый час в Герат высочайшего **[46]** знамени, да окажет ему Аллах помощь, дабы государыня-мать и прочие слуги возрадовались и совершенно успокоились. Эту добрую весть везут [также] в Синд [20] и Индию, чтобы в областях тех владений не случились беспорядки. *С соизволения Аллаха, да будет славно поминание его!*».

Итак, Бу Бекр и Менгитерак поехали. Таким же образом отправили в Газну и трех спешных хейльташей, и в пятницу здесь, в Тегина-баде, прочитали хутбу на имя султана Мас'уда. В соборную мечеть явились султанский хатиб, старший хаджиб и все вельможи, жертвовали много диремов и динаров и совершилось славное дело. Было послано

письмо, чтобы и в Бусте [21] тоже прочитали хутбу. [Там так] и поступили и пышно отпраздновали.

Ежедневно хаджиб Али выезжал в поле и останавливался. Вельможи, придворные /**5**/ сановники и обладатели меча и пера тоже приезжали вкупе, останавливались, сидя верхом, и до позднего утра обменивались новостями. Ежели с какой-нибудь стороны доходила свежая весть, ее рассказывали, а ежели где-либо происходили беспорядки, то их устраняли с помощью письма и конного [гонца] в соответствии с обстоятельствами и показанием свидетелей; затем они снова возвращались в свои шатры. Эмира Мухаммеда содержали прекрасно, его личным недимам было позволено ходить к нему, а также его кавва-лам и мутрибам. Виночерпии носили вино и разного рода плоды и пахучие травы.

От каввала Абдаррахмана я слышал, что эмир Мухаммед два-три дня был словно ошеломлен и печален; когда он садился за еду, то удалял всех своих людей. На третий день Ахмед Арслан сказал [ему]: «Да будет долгой жизнь господина! Что

суждено, то неминуемо сбудется. Пребывать в печали — невелика польза. Господину снова следует обратиться к вину и радостям жизни, а то мы, слуги, опасаемся, как бы его, сохрани бог, не одолела черная желчь [22] и не принесла с собой болезни». Эмир, да будет им доволен Аллах, подавил печаль и в тот день в собрании прослушал несколько песнопений. С каждым днем он постепенно отходил, так что когда рать выступила в Герат, он снова обратился к вину. Однако, [хотя] питье обставлялось пышно, со сладкими закусками, каждая чаша [сопровождалась] печальным вздохом, ибо вино и веселье хороши, когда на сердце спокойно. То, что говорят, будто опечаленным людям нужно пить вино, дабы утешить горе, — большая ошибка. Да, вино сразу утешает и умаляет [горе], но когда /***6***/ оно окажет свое действие и ложатся почивать, то похмелье столь отвратительно, что [люди] уснуть не могут, и это продолжается два-три дня.

Хейльташи, ездившие в Газну, вернулись обратно и рассказали, что когда радостная весть дошла до Газны, то знать и простой народ, **[47]** низкие и

благородные [там] несколько дней ликовали, приносили в жертву [скот] и раздавали много милостыни, потому что дело упрочилось и пришло в порядок. Серхенг Бу Али, кутвал, сказал, что по всем владениям написали письма об этом известии, и в своем письме упомянул, что по прибытии письма из Тегинабада он отдал распоряжение изготовить с него списки, чтобы послать в Синд и Индию, а также в области Газны, Балха, Тохаристана [23] и Гузганана, дабы повсюду стала известна важность этого события и [люди] успокоились бы. [И еще] посланные спешные хейльташи говорили: «Вельможи, факихи, судьи и хатиб оставались в рабате Джармак [24] вследствие случившегося события. Когда же мы прибыли туда из Тегинабада, они обрадовались и повернули обратно в Газну. А когда мы доехали до Газны и отдали письмо серхенга кутвалу, он сейчас же распорядился, чтобы в крепости пробили в литавры и протрубили в рога. Радостную весть распространили повсюду, и государыня, родительница эмира Мас'уда, со всеми благородными женщинами спустилась из крепости

вниз и отправилась в серай Абу-л-Аббаса Исфераини [25], /7/ как было в обычае у эмира Мас'уда в пору эмира Махмуда. Все ученые законоведы, вся знать и простой народ отправились туда же, чтобы принести поздравления. Толпами туда пришли на поклон и городские мутрибы и трубачи Шадиабада [26], все с сазами. И нас отпустили обратно. Мы получили больше пятидесяти тысяч диремов золотом, серебром и одеждой. День прошел славно, так что никто подобного не помнил. Приехали мы рано на заре, а в полночь повернули обратно с ответами на письма».

Старший хаджиб Али очень обрадовался таким известиям, написал эмиру Мас'уду письмо и послал его с двумя хейльташами. Он обстоятельно доложил о делах и отправил [также] все письма, которые были получены из Газны.

В субботу, в половине месяца шавваля, прибыло письмо от эмира Мас'уда, [привезенное] двумя его всадниками. Один был турок, другой бедуин. Ехали они о четыре-конь и поспели в четыре с половиною дня. [То был] ответ на письмо, которое повезли

хейльташи, с упоминанием о заключении эмира Мухаммеда в крепость Кухтиз. Когда Али прочитал письма [27], он сел верхом, выехал в пате и вызвал [к себе] всех вельмож. Они сейчас же приехали, и Бу Са'ид, дебир, стал во всеуслышание читать письмо, письмо весьма ласковое, полное сердечной теплоты. [Эмир] обращался с любезными словами ко всем своим родичам [28], свите и войскам. Написано оно было рукой дебира Тахира, начальника посольского дивана, и украшено высочайшей печатью. Несколько строк было начертано собственноручно эмиром Мас'удом старшему хаджибу Али. Обращение было: «превосходительный хаджиб, брат», ласка и любезность беспредельны, как равные пишут равным. Когда Бу Са'ид произнес имя султана, все спешились и снова **[48]** сели верхом [на коней]. Письмо прочитали. Полк за полком подходили войска и их уведомляли о содержании письма, они лобызали землю [29] и удалялись. Повеление [хаджибу] Али было такое: /***8***/ дескать, надобно отправить [в Герат] родичей султана, свиту и рать, полк за полком, как [хаджиб] признает за лучшее. Затем

вслед за ними двинулся бы он сам с индийским войском, слонами, арсеналом и казной и здрав и невредим прибыл бы ко двору, да знал бы, что все государственные дела милостиво возложены на него, и [что] его достоинство и сан превосходят все прочие.

Старший хаджиб промолвил: «Сказать надобно накибам, чтобы воротили рать назад и остановили, ибо сегодня у меня к сим вельможам есть несколько важных дел, и моя священная обязанность о них доложить, а потом, завтра, пусть подумают, как отправить рать, полк за полком, согласно велению султана государя». Накиб каждого отряда ушел, и все войска повернули назад и стали на месте. Старший хаджиб поехал обратно и увел с собой всю войсковую старшину, тазиков и турок. Они расположились в уединенном месте. Али передал Бу Са'иду, дебиру, собственноручное письмо эмира Мас'уда, которое они не видели, дабы тот его прочитал. Рукой [эмира] было начертано: «Нам известно, что в то время, когда отец наш, покойный эмир, скончался и превосходительный эмир призвал

[нашего] брата Абу Ахмеда воссесть на престол царства, то ради благополучия царства иного средства не было. Мы повоевали тогда дальние области, весьма славные, и намеревались идти [еще дальше] на Хамадан и Багдад, ибо дейлемцев [30] нечего было опасаться. Мы написали письмо к брату, через того сейида, с соболезнованием и поздравлением и советом. Ежели бы он послушался, сделался бы нашим наместником и прислал бы нам сразу то, что мы просили, то мы его ни в коем случае не стеснили бы, вызвали бы тех лиц из сановников и военачальников, которые по [нашему] разумению были нужны, и двинулись бы на Багдад, дабы царство мусульман стало находиться под нашим и [нашего] брата /***9***/ началом. Однако брат не нашел для себя пути благоразумия и вообразил, что наши, рабов [божиих], предначертания равносильны предопределению творца. Ныне, поскольку дело дошло до того, что он обретается вольно [31] в крепости. Кухтиз, его ни в коем случае нельзя отсылать в Гузганан, и было бы некрасиво брать его с собой [сюда], поскольку он заключен, ибо ежели

бы он прибыл в Герат, мы с ним в таком [его] состоянии не могли бы свидеться. Самое лучшее для него — в почете и уважении пребывать в той крепости [вместе] со всеми своими домочадцами и таким числом людей, какое ему там надобно, ибо нет указа задерживать кого-либо из его людей. Хаджиб Бек-тегин, человек рассудительный, пусть находится у подножия крепости со своими людьми. Должность тегинабадского правителя [32] и должность шихне **[49]** Буста мы пожаловали ему, пусть пошлет в Буст своего наместника. И еще большие будут ему милости, коль поусердствует на службе, ибо мы намереваемся из Герата пойти в Балх и провести там эту зиму. Когда минует праздник нового года, мы отправимся в Газну и уладим, как должно, дело брата, потому что для нас нет человека дороже его; пусть обо всем этом узнают, ежели будет угодно Аллаху, велик он и всемогущ».

Когда это письмо было выслушано, все сказали: «Господин поступил тогда совершенно справедливо, что отправил посла, а теперь [поступил] еще справедливей. Каково мнение хаджиба на сей счет?»

— Тот ответил: «Это письмо, ежели вы скажете, нужно бы послать эмиру Мухаммеду, дабы было ему ведомо, что по повелению государя он остается здесь и что пристав /***10***/ и страж его объявлен, мы же все от его дела отстранены». — «Обязательно надобно послать, чтобы он знал, в чем дело, и впредь вел разговоры с хаджибом Бек-теги-ном», — сказали [все]. — «Кто же отнесет [письмо] к нему?» — «Да любой, кого назовет хаджиб». Хаджиб назвал законоведа Небиха и войскового судью Музаффара и сказал: «Ступайте к эмиру Мухаммеду и представьте ему это письмо. Посоветуйте ему, обойдитесь с ним любезно и расскажите, что мнение государя султана насчет его очень хорошее, а когда мы, слуги, прибудем к высочайшему двору, то сделаем его еще лучше. Дня через два-три мы все отсюда уйдем, и дела, мол, твои теперь зависят от хаджиба Бек-тегина, а он человек благоразумный и мудрый, будет блюсти право твоего величия, и то, что тебе нужно будет сказать, говори ему».

Оба эти человека отправились к Бек-тегину и сказали ему, по какому делу пришли, что без его приказа

никто не смеет входить в крепость. Бек-тегин назначил к ним своего кедхудая, и они вошли в крепость, предстали пред лицо эмира Мухаммеда и выполнили обряд приветствия. Эмир спросил, каковы вести от брата и когда рать пойдет к нему. Они ответили: «Известия от государя султана все весьма благоприятны. Рать выступит дня через два-три, а следом за ней — старший хаджиб. Вот ради этого и пришли [твои] слуги», — и они вручили эмиру письмо. Эмир прочитал и слегка насупился. Небих промолвил: «Да будет долгой жизнь эмира! Султан ведь брат, он будет блюсти право эмира и будет оказывать любовь. Не следует огорчаться, нужно быть довольным судом господа, велик он и всемогущ». И много еще таких же добрых слов сказал [Небих]. «Короче говоря, бывает так, как должно быть. Надобно вернуться к радостям жизни, ибо говорят: /***11***/ «существует судьба, а бог милостив».

Эмир обошелся с ними ласково и сказал: «Не забывайте меня». Они возвратились обратно, и то, что было, рассказали старшему хаджибу Али. **[50]**

Люди все разошлись и стали готовиться ехать в Герат, поскольку [старший] хаджиб дал позволение на отъезд. Он также распорядился принять в расчет жалование и содержание эмира Мухаммеда и приказал тегинабадскому амилю, чтобы тот хорошо заботился [об эмире], так чтобы не было неисправности. Позвал он к себе и хаджиба Бек-тегина, вручил ему жалованную грамоту с печатью [33] государя на [исправление] должности шихне в Бусте и правителя Тегинабада. Хаджиб встал, повернулся лицом в сторону, где пребывал государь, и облобызал землю. Хаджиб Али позволил ему удалиться, похвалил и сказал: «Оставь свой хейль, а прочих воинов, которые с тобой у подножия крепости, отошли в войсковой стан, чтобы они отправились с нами. Будьте благоразумны и бдительны, дабы никакой беды не случилось». Тот поблагодарил и вышел. Воинов, находившихся при нем, он отослал в стан, призвал кутвала крепости и сказал: «Теперь, когда рать уходит, нужно быть особо осторожным. Без моего позволения никого в

крепость не пропускать!» Все дела упрочились, и люди начали отправляться на служение в Герат.

О ТОМ, ЧТО ПРОИСХОДИЛО С ЭМИРОМ МАС'УДОМ ПОСЛЕ КОНЧИНЫ ЕГО РОДИТЕЛЯ ЭМИРА МАХМУДА, ДА БУДЕТ БЛАГОВОЛЕНИЕ АЛЛАХА НАД НИМИ, ВО ВРЕМЯ ЦАРСТВОВАНИЯ ЕГО БРАТА В ГАЗНЕ ДО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЕГО В ТЕГИНАБАДЕ, О РЕШЕНИИ ЕГО ДЕЛА И ВОСШЕСТВИИ НА ПРЕСТОЛ ЦАРСТВА В ГЕРАТЕ, ДА БУДЕТ МИЛОСТЬ АЛЛАХА НАД НИМИ ВСЕМИ!

В прочих историях нет такой пространности, ибо они смотрят на события проще и упоминают лишь небольшую [их] часть. Я же, взявшись за сей труд, хочу воспроизвести историю полностью и вымести прах из всех углов и закоулков, дабы ничто из происходившего не осталось сокрыто. И ежели сия книга растянется и усугубит за чтением скуку читателей, горячо прошу их милость не относить меня к числу докучливых людей, потому что нет ничего, чего не стоило бы прочитать, ни одна, наконец, повесть ведь не лишена соли, которая не стоила бы внимания.

/***12***/ То, что было сделано эмиром Мас'удом в Рее [34] и Джибале [35] до взятия им Исфагана, я уже соразмерно изложил в [месте, отведенном] остатку жизни его отца, эмира Махмуда, и сделал из этого отдельную

главу, как [читатели] уже видели и читали. Как пришел к концу срок царствования его брата, эмира Мухаммеда, и как его посадили в крепость Кухтиз, [тоже] уже объяснено, [а равно, как] пришел ответ на письмо, написанное эмиру Мас'уду, в коем он повелел, чтобы [рать и сановники] явились ко двору в Герат, и они стали готовиться к отбытию. Как это происходило и как они прибыли ко двору, я пока **[51]** оставил [в стороне], потому что обязан [сперва] изложить, что во время царствования эмира Мухаммеда делал эмир Мас'уд, покуда не прибыл из Рея в Нишабур и из Нишабура в Герат, ибо в этот промежуток времени произошло много примечательного, и это непременно нужно описать, чтобы полностью выполнить условия сочинения истории. [Вот поэтому] я теперь приступаю к изложению того, что эмир Мас'уд, да будет им доволен Аллах, содеял и какие дела сотворил в то время, когда его отец, эмир Махмуд, скончался, когда его брат, эмир Мухаммед, прибыл в Газну и воссел на престол царства, до дня его свержения в Тегинабаде, дабы сказано было все. А после того, как

я с этим покончу, я снова вернусь к тому, как рать отправилась из Тегинабада в Герат, а следом за ней [старший] хаджиб и что произошло, когда они прибыли в Герат, и как обернулось дело эмира Мухаммеда, когда хаджиб Бек-тегин перевез его из тегинабадской крепости в крепость Ман-диш, сдал [там] кутвалу и [сам] уехал.

Эмир Мас'уд находился в Исфагане [36] и имел намерение оставить там [за себя] сипахсалара Ташферраша, а [самому] пойти на Хамадан и Джибаль. Слуги уже вывезли за город сераперде и [эмир] хотел было на той же неделе выступить. В субботу, за десять дней до конца месяца джумада-л-ула лета четыреста двадцать первого [37], внезапно пришла весть, что отец его эмир Махмуд, да будет им доволен Аллах, скончался, дела возглавил ***/13/*** старший хаджиб Али Кариб и что тотчас же отправили спешных конных [гонцов] в Гузганан, чтобы эмир Мухаммед немедля приехал и сел на престол царства. Когда эмир [Мас'уд], да будет им доволен Аллах, узнал об этом событии, он был

сильно ошеломлен, и все его мероприятия, которые он собирался осуществить, расстроились.

Я слышал от ходжи Тахира, дебира — уже после того как эмир Мас'уд перешел в Балх и дела поправились — что он говорил: «Когда эти вести дошли до Исфагана, то в полдень того же дня эмир Мас'уд позвал меня, уединился [со мной] и сказал: «Отец мой скончался и на престол царства призвали моего брата». Я ответил: «Да будет вечная жизнь государю». Затем он бросил мне письмо [на его имя]: читай, мол! Я развернул письмо, это был почерк его тетки, благородной Хатли [38], она писала: «Наш государь, султан Махмуд, в час предвечерней молитвы, в. четверг, когда оставалось семь дней до конца месяца раби ал-ахир [39], скончался, да смилуется над ним Аллах, и счастье слуг [его] пришло к концу. Мы вместе со всем гаремом находимся в Газнийской крепости и послезавтра объявим о его смерти. В час предзакатной молитвы государя похоронили в саду Пирузи, и все мы тоскуем по нему, ибо прошла уже неделя, как мы не видели его. Все дела вершит хаджиб Али. После

погребения, в ту же ночь, в Гузганан отправились спешные конные гонцы, чтобы [твой] брат немедля приехал сюда и сел на престол **[52]** царства. Твоя тетка из жалости, которую питает к эмиру-сыну, в ту же ночь написала своей рукой записку и приказала назначить двух самых расторопных стремянных [40], которые до этого приехали к эмиру с несколькими важными бумагами, дабы они тайком выехали из Газны с этой запиской и поскорее доставили [ее] на место. Эмир знает, что брат [его] не справится с таким большим делом, а у царского семейства врагов много и мы, женщины, и сокровища остались без защиты [41]. Необходимо, чтобы [эмир] сей же час взялся за это дело, ибо он наследник отцовского престола, и не занимался бы теми областями, кои захватил. Другие владения можно будет завоевать [потом], ведь дела, содеянные до сих пор, совершены благодаря величию отца [эмира]. Когда весть о его смерти станет общеизвестна, дела примут иную окраску. Корень — это Газна и затем Хорасан, а все прочее — ветви. /***14***/ Пусть [эмир] хорошо обдумает то, что я написала, и наискорейшем образом

приготовится прибыть [сюда], дабы престол царства и мы не пропали. И пусть поскорее вернет обратно нарочных, потому что тетка ждет$_г$ устремив глаза на дорогу. Все, что здесь происходит, будет отписано к нему».

Узнав про все дела, я сказал: «Да будет долгой жизнь государя? Нет никакой нужды совещаться. Должно действовать согласно тому, что написано [в этой записке], ибо все, что [в ней] сказано, — совет самый настоящий. Никому об этом не нужно говорить». — «Именно так, — -ответил эмир, — правильное мнение то, что высказала тетка, я так и поступлю, ежели угодно будет господу богу, велик он и всемогущ. Что же касается совещания, то оно бесполезно. Подымись, пошли людей, позовите сипахсалара Таш[ферраша], старшего хаджиба Алтунташа и прочих вельмож и предводителей, я с ними тоже поговорю и послушаю, что они скажут. Тогда на чем порешим, то и сделаем».

Я встал и послал людей. Народ собрался; пошли к эмиру. Когда уселись, эмир рассказал о событии, а

мне передал записку, чтобы я прочитал им. Когда я кончил [чтение], они сказали: «Да будет жизнь государя долгой! Царевна подала хороший совет и весьма вовремя оповестила. Большое счастье, что сообщение пришло сюда, ибо ежели бы высочайшее стремя в час добрый уже двинулось отсюда, осеняло бы [теперь] другой край, дело еще не было бы совершено и это сообщение прибыло бы туда, то поневоле пришлось бы повернуть назад, [а это] было бы позорно. Что думает сейчас по этому поводу [сам] государь?» — «А вы что думаете, как лучше поступить?» — спросил он. «По нашему, самое лучшее поскорее выступить [отсюда]». — «Я тоже стою за это, — сказал [эмир], — однако завтра мы прикажем объявить о смерти отца. Когда будет исполнен обряд оплакивания, отправим посла к Сыну Каку [42] и задобрим его. Несомненно, это известие достигнет до него раньше, чем к нему приедет наш человек. Для **[53]** него выгодно, чтобы мы отсюда ушли. Какое бы решение мы не вынесли, он согласится услужить нам откупными деньгами [43] и торговаться с нами не станет, /***15***/ ибо [все равно]

из того, что обещал [уплатить], он ничего не даст, потому что понимает, когда мы повернем обратно, у нас случится много важных дел, от которых мы долгое время не освободимся. Но однажды для нас [все же] будет предлог возвратиться [сюда]». Все сказали: «Очень хорошо, решено правильно, ничего нет лучше. Чем скорее высочайшее стремя выступит в Хорасан, тем лучше. Расстояние дальнее, а газнийцы самообольщаются, будто дело для нас затянется». Эмир промолвил: «Ступайте, а я еще рассмотрю получше, и то, что признаю нужным, прикажу».

На другой день эмир устроил прием, в белом кафтане, белом плаще и белой чалме [44]. Все вельможи, предводители и разного рода воинство явились на поклон [тоже] одетые в белое. Было много скорби. Три дня совершался царский обряд оплакивания, как было положено, так, что все это одобрили. Когда окончился срок [оплакивания] несчастья, эмир назначил посла и его отправили к Бу Джа'фару, сыну Каку Ала ад-довле. Расстояние до него было близкое, [но] прежде чем это извещение

успело дойти [до него], повелитель верующих прислал письмо с ходатайством, чтобы Исфаган был возвращен обратно Ала ад-довле. Он, дескать, будет наш наместник, а сколько будет положено денег за откуп, он выплатит. Податель письма, будет ли ему ответ или нет, пусть останется на месте.

Однако на сей раз эмир Мас'уд счел это обстоятельство выгодным для себя и отправил посла с письмом и устным сообщением такого рода: «Мы-де ходатайство повелителя верующих выслушали покорно, ибо [оно] для нас, слуг господина, не есть ходатайство, а повеление, и хотя нам предстоит [уладить] дела поважнее исфаганских, [мы все же повинуемся, поскольку] более достойного наместника, чем эмир Ала ад-довле не находится. Ежели бы сначала, когда мы вознамерились пойти на эти края, прислали посла, представили доводы и не было бы сказано того упрямства и упорства, то [этой] беды не приключилось бы. Но что можно сделать? Так должно было быть. Теперь вопрос стоит иначе, мы оставили намерение отправиться в ту сторону, перед нами другое неотложное дело: мы идем в

Хорасан, потому что великий /***16***/ султан скончался и государственные дела остались там совсем без присмотра. Прибрать к рукам основное — лучше, чем увлекаться побочным, особливо, ежели оно находится далеко и ускользает. В Рей, Тарум [45] и области нами взятые, будут назначены шихне, чтобы в наше отсутствие [там] ни в коем случае не приключились беспорядки. Ежели кто-нибудь будет носиться с пустыми мечтаниями и искать удобного повода, то эти мечтания и поводы [завершатся тем], что мы сядем на престол отца, и уж [тогда] ни за что эту область не оставим без внимания, **[54]** ибо мы пристально присматриваемся к добру и злу этой страны и [они] нам известны. С высоты отцовского престола [по отношению] к той стране будет предпринят иного рода порядок действий, потому что там [у нас], слава Аллаху, воинов, снаряжения и оружия много. А сейчас эмиру [Ала ад-довле] надлежит это обязательство поскорее исполнить и не затягивать время вопросами и ответами, дабы нам уйти, доведя дело до конца. Поэтому, если он станет подсовывать гнилой товар, говоря, что нужно, мол,

действовать помедленнее, потому что эмир Мас'уд уже на крыльях отступления и здесь недолго будет оставаться, то [повелитель верующих] не покупал бы [такой товар]; покупать не нужно и слушать такие речи не нужно, ведь наша ярость велика, и ежели мы возвратимся сюда в ярости, то дело примет другой оборот, вот и все!».

Посол уехал и сообщение доложил. Сын Каку внимательно его выслушал, счел для себя весьма и весьма выгодным и дал благоприятный ответ. Три дня они провели в спорах, покуда не порешили на том, что Сын Каку будет наместником эмира [Мас'уда] в Исфагане, в то время, когда тому случится [оттуда] отлучаться, и ежегодно будет выплачивать двести тысяч гератских динаров и десять тысяч штук одежды из податей той области [46], сверх подношений к [праздникам] новруза и михрегана [47], разных вещей, арабских лошадей и верховых мулов с седлами и снаряжением всякого рода для похода. Эмир, да будет им доволен Аллах, принял его извинение, /***17***/ очень ласково обошелся с послом и приказал, чтобы на имя Бу Джа'фара, сына

Каку, написали жалованную грамоту на [правление] Исфаганом и областью. [Затем] приготовили почетный халат и отпустили посла.

Отпустив посла, — когда оставалось пять дней до конца месяца джумада-л-ухра [48] — эмир весело и победоносно выступил из Исфагана в Рей. К его прибытию в Рей, тамошние жители, узнав об этом заранее, очень постарались и украсили город, украсили сверх всякой меры. Однако [эмир Мас'уд] остановился на окраине города, где [ему] раскинули шатер, и сказал: «Надо ехать [дальше]». Жители Рея, знатные и простой народ, вышли навстречу и усердно [его] приветствовали. А эмир отправил своих доверенных людей в город, чтобы они поглядели на украшения, которые сделали, и ему доложили. И эмир похвалил жителей Рея за такую службу.

Здесь ему стало известно из писем верных людей, что эмир Мухаммед приехал в Газну, что все дела вершит он и войско все целиком подчинилось и стало послушно ему, ведь говорят же: мир — раб

динаров и диремов. Эмир Мас'уд, да будет им доволен Аллах, при этом известии очень встревожился и тотчас же счел за благо назначить послом в Газну сейида Абдалазиза Аляви, человека хитрого ума. По повелению эмира написали письмо от него к брату с поздравлением **[55]** и соболезнованием [49] и [послали] словесное уведомление насчет наследования и государства, как об этом будет рассказано [ниже] о поре правления эмира Мухаммеда, а пока хватит этого.

После того, как [эмир] отправил Аляви послом, в Рей прибыло послание от повелителя верующих ал-Кадира биллах, да будет им доволен Аллах с соболезнованием и поздравлением, как водится в подобных случаях. [Это был] ответ на письмо, которое написали из Исфагана ради извещения о кончине султана Махмуда и о предстоящем движении в Хорасан и [заключавшее в себе] просьбу о стяге, договоре и прочем, что сему сопутствует из почетных прозвищ и титулов, ибо он наследник престола Махмуда. Повелитель прислал ему при этом послании жалованную грамоту в том, что

захваченные им владения Рей, Джибаль и Исфаган закрепляются за ним, что [ему] поспешно надлежит идти /***18***/ в Хорасан, дабы в той большой пограничной области не произошло расстройства, а то, что испрашивалось — стяг, договор и прочие милости — посылаются вслед с послом. Этому посланию эмир Мас'уд сильно обрадовался, и он воспрянул духом. Он приказал прочитать послание во всеуслышание, пробить в литавры и протрубить в рога. С послания и жалованной грамоты изготовили списки и отправили в Исфаган и Тарум, в области Джибаль, Гурган [50], Табаристан [51], Нишабур и Герат, дабы людям стало известно, что наместник повелителя верующих и наследник отцовского престола — эмир Мас'уд.

В это же время подоспели спешные гонцы из Газны и привезли письма от эмира Юсуфа, старшего хаджиба Али, Бу Сахля Хамдеви, ходжи Али Микала и серхенга Бу Али, кутвала. Все они выражали покорность и заявляли: дескать, эмир Мухаммед был призван в Газну ради спокойствия времени, чтобы не случилось какого-либо беспорядка, [но] он с этим

делом никогда не справился бы, ибо ничем не занимается, кроме пиршеств и веселья. Государю, который есть истинный наследник, престола отца, надобно поспешить с бодрым сердцем, торжествуя, и как можно скорее достигнуть престола царства. Как только, мол, они услышат его имя из Хорасана, то явятся к нему на поклон. Родительница эмира Мас'уда и его тетка, благородная Хатли, тоже написали и указали, что на слова этих слуг можно положиться, Ибо то, что они говорят, правда. Благодаря этим письмам, эмир, да будет им доволен Аллах, сильно окреп сердцем. Он созвал собрание знатных лиц, преданных ему, рассказал им об этих обстоятельствах и сказал: «Вот как обстоят дела, что предпринять?» — «Правильное мнение то, что у государя», — ответили они. [Эмир] сказал: «Ежели мы сердцем своим привяжемся к этим краям, дело станет трудным. Мы повоевали мечом несколько областей, весьма славных, но в конце концов это все же ветви, а привязаться /***19***/ сердцем к ветвям и бросить корень — это нелепо. Самое лучшее для нас — поспешить в **[56]** Нишабур и Герат с намерением

добраться до корня. Ежели так, как пишут, то мы без всякой войны приведем дело в порядок, достигнем престола царства, и ни одного противника не останется. [Тогда] нам снова можно будет подумать об этих областях». Они ответили: «Мнение, сказанное государем, самое правильное. Чем скорей он отсюда выступит, тем лучше». — «Здесь обязательно нужно будет оставить шихне, кого назначим и сколько всадников?» Они ответили: «Кого бы ни избрал государь, всякий, кто здесь останется, останется с охотой. Сколько здесь надлежит оставить воинов — ясно. Ежели жители Рея сохранят верность, то нужно будет оставить кого-нибудь только для вида, а если не сохранят, то оставь мы даже много воинов, это не поможет». — «Правильно, я и сам так думаю, как вы говорите. Я оставлю здесь Хасана, сына Сулеймана, с пятью сотнями отборных всадников. Призовите завтра знатных людей Рея, дабы что нужно сказать на сей счет, было бы сказано, потому что, как бы ни было, послезавтра мы выступим, ибо мешкать не к чему». — «Слушаемся», — сказали они и удалились.

Послали людей к рейским вельможам и сообщили: «Высочайшая воля такова: завтра всем быть к сераперде». — «Слушаемся и повинуемся», — ответили они.

На следующий день вышла большая толпа знати — сейиды, казии, имамы, факихи и старшины со множеством простого народа разного рода, подчиненного им. Эмир, да будет им доволен Аллах, приказал устроить торжественное шествие и обставить все попышней. У [царского] шатра стояло множество гулямов и множество конных и пеших в поле, утопая в оружии. Открыли прием. Вельможи и войсковая старшина сидели перед [эмиром], а прочие стояли. Потом привели рейских вельмож, человек пятьдесят-шестьдесят самых именитых. Эмир подал знак, /***20***/ чтобы всех усадили поодаль, и затем начал речь. А когда этот государь держал речь, людям, живущим на свете, представлялось, что он рассыпает жемчуг и колет сахар. В сей «Истории» будут приводиться его речи как сказанные, так и писанные, дабы читателям стало известно, что не зря рассказывают о царях. *Рек Аллах, велик он и

всемогущ, и слово его — истина. Он дал ему преимущество в знании и телесной силе: Аллах дает царство свое кому хочет* [52]. [Эмир] спросил знатных людей [Рея]: «Каков был до сих пор наш образ действий? Не стесняйтесь, говорите прямо, не опасайтесь». Они ответили: «Да будет долгой жизнь государя! С тех пор, как мы избавились от злосчастья и насилия дейлемцев, и слава сей великой державы, пусть она пребудет вечно, распростерлась над нами, мы отдыхаем во сне безопасности и воздеваем руки горе, дабы господь, да славится поминание его, не отнял [от нас] сень милости и справедливости государя, ибо ныне мы спокойно едим, спокойно спим и не боимся за свою жизнь, за женщин, за деревни и именья [53], чего не бывало при **[57]** дейлемцах». Эмир промолвил: «Нам придется уйти [отсюда], поскольку перед нами большое дело и оно главное. Пришли письма от родичей и свиты, что султан, наш отец, да будет им доволен Аллах, скончался. Они говорят, что [нам] надобно поскорее прийти и привести в порядок государственное дело, не малое ведь владение Хорасан, Хин-дустан, Синд,

Нимруз [54] и Хорезм. Ни в коем случае его нельзя оставлять без внимания, оно — корень. Но как только мы покончим с теми делами, обязательно будут сделаны мероприятия касательно здешних областей. Мы или пришлем кого-нибудь из любезных наших сыновей, или именитого салара со снаряжением и значительным войском. Теперь же мы оставляем здесь шихне с небольшим числом бывалых бойцов и [посмотрим], какие действия обнаружатся с вашей стороны. Ежели мы увидим послушание нелицемерное, несомненное, то будем столь справедливы [к вам] и добры, сколь нельзя больше, а ежели вы будете противиться, то за это испытаете на себе достойное возмездие от нас, и господь бог, велик он и всемогущ, простит нас, ибо виноваты будете вы. Исфаганская область и жители ее /***21***/ для живущих на свете — хороший пример. Вам надлежит дать твердый, решительный ответ, не хитрить и не отвиливать, так чтобы на него можно было положиться».

Когда эмир закончил эту речь, рейские знатные люди поглядели друг на друга, и казалось так, будто они

испугались и в большом недоумении. Они подали знак городскому хатибу, а это был старец почтенный, преклонного возраста, видавший много на своем веку. Он поднялся и сказал: «Да будет долгой жизнь государя ислама! Они в этом великом собрании и в этом чрезмерном благолепии робеют и теряются, что ответить. Ежели бы высочайшему усмотрению было угодно приказать одному из доверенных лиц царского двора сесть вне царского двора, то сии слуги [государя] пошли бы туда [55] и дали ответ». — «Ладно», — сказал эмир, и рейскую знать повели в большой шатер, где заседал дебир Тахир, а все дела правил он, поскольку был самым вельможным [сановником]. Тахир пришел и сел. Эти люди явились к нему, а между собой они уже порешили, какой дадут ответ. Тахир сказал: «Государево слово вы слышали, каков будет ответ?» — «Да будет долгой жизнь ходжи-начальника [56], — ответили они, — все мы, слуги, вынесли единодушное решение и сообщили его хатибу, а то, что [ходжа] услышит из наших уст, пусть перескажет эмиру». — «Это вы

хорошо постановили, — сказал Тахир, — каков же ответ, чтобы не затягивать разговор?»

Хатиб сказал: «Эти именитые мужи и предводители — такие люди, что, что бы они ни сказали и ни постановили, ежели бы в городе было даже дважды тысяча тысяч жителей, то они им повиновались /***22***/ бы. [Собравшиеся] говорят: около тридцати лет они были пленниками в руках дейлемцев и законы ислама были заброшены, ибо царство **[58]** таких [людей], как Фахр ад-довле [57] и Сахиб Исмаила, сына Аббада [58], попало в руки женщины и [ее] неспособного сына [59]. Они простирали руки к господу богу, велик он и всемогущ, дабы он внушил государю ислама Махмуду прийти сюда, оказать им помощь, избавить от притеснения и разврата карматов [60] и негодяев; устранить тех неспособных [правителей], кои нас не в силах оборонять, и удалить их из владения. [Эмир Махмуд] назначил нам господина справедливого, любезного и властного, подобного ему самому, и счастливо ушел обратно. Покуда тот государь еще не ушел, сей господин нисколько не предавался отдыху, потник

его коня не просыхал, он воевал мир и свергал тиранов и бесталанных [властителей], так что ежели бы не случилось это великое событие, — смерть его отца, то он ныне дошел бы уже до Багдада и свергнул бы еще других неспособных [правителей] и бездельников, а раиятам тех областей была бы оказана помощь и они тоже отведали бы сладости правосудия. До сих пор, покуда знамя его пребывало в Исфагане, здесь, в нашем городе и области, как известно, был один хаджиб [в должности] шихне с двумя сотнями всадников, и ни у одного из оставшихся негодяев не находилось смелости пошевельнуться, ибо ежели бы кто-нибудь вознамерился учинить злое дело и пришел бы сюда, и силы его составляли бы тысячу или две тысячи [человек], меньше или больше, [даже] до десяти тысяч, наши молодцы и храбрецы непременно взялись бы за оружие и примкнули к шихне государя, дабы за злодеяние те негодяи получили возмездие во славу господа бога, велик он и всемогущ. Ежели господин [наш] дошел бы даже до Мисра [61], то мы остались бы все теми же — мы не знаем разницы

между этими двумя расстояниями. Когда государь покончит с предстоящими делами, а это будет скоро, потому что его высоким помыслам [ничто] не угрожает, и он счастливо вернется сюда [сам] или пришлет начальника, /***23***/ то коль скоро [мы] сегодня покорные слуги, в тот день [мы] сделаемся еще более покорны, ибо великое благоденствие, нами полученное, мы не скоро выпустим из рук, покамест в нас есть жизнь. И ежели сегодня, когда государь устроил прощальное торжество, он водрузит здесь кнут, то мы и ему будем повиноваться. Вот наше слово». Хатиб повернулся к народу и спросил: «Речь, мною сказанная, ваши слова?» Все ответили: «Наши, мы даже еще больше послушны, чем было сказано». «*Да вознаградит вас Аллах*, — произнес Тахир, — доброе слово вы молвили и исполнили законное требование великого пастыря» [62]. Он встал, пошел к эмиру и доложил ему этот ответ. Эмир очень обрадовался и сказал: «Если привалит счастье, Тахир, то все дела идут одно подстать другому. Очень умный ответ они дали, эти люди заслуживают всяческой ласки. Прикажи, чтобы казию, рейсу,

хатибу, главе сейидов и старшине газиев приготовили халаты сейчас же, для рейса, главы сейидов и казия золотые, а прочим — с позолотой, да надели бы на **[59]** них. И представь их мне, чтобы они выслушали мое слово, а потом ты с мертебедарами отправь их как можно лучше в город». Тахир поднялся и сел в стороне, позвал казначеев, и они приготовили халаты. Когда все было сделано, он снова вернулся к [рейским] вельможам и сказал: «Ответ, который вы дали, я доложил государю. Ответ ему очень по душе пришелся, и он его одобрил. Вашим вельможам, состоящим в должности, он пожаловал знатные, достойные [их] халаты. Поздравляю. Пойдемте, с богом, в вещевую палату, там в добрый час наденете их».

Сипахдары отвели /***24***/ [упомянутых] пять человек в вещевую палату и надели на них халаты. Затем Тахир пошел к эмиру и представил [пред лицо его] всех именитых мужей Рея. Эмир встретил их ласково и сказал несколько любезных слов, а они выразили много добрых пожеланий и удалились. Мертебедары

наилучшим образом проводили их в город. Горожане очень ликовали, рассыпали много диремов и динаров и проводили мертебедаров обратно, хорошо ублаготворив.

На другой день, когда [эмир] закончил прием, явилась на поклон вся рейская знать с [упомянутыми] предводителями. Посмотреть на зрелище собралось более десяти тысяч мужчин и женщин. Знать усадили в нимтерге, и эмир, да будет им доволен Аллах, вызвал Хасана, сына Сулеймана, который был из славных эмиров Джибаля Гератского [63], милостиво к нему обратился и сказал: «Завтра мы выступаем и поручаем тебе эту область как [нашему] шихне. Ты слышал слова [рейских] именитых людей, будь же благоразумен и бдителен, чтобы не случилось беды в наше отсутствие. Обходись с жителями этой области любезно и являй добрый нрав. Будь уверен, когда мы достигнем престола и дела пойдут согласно нашей воле, мы позаботимся об этой области и пришлем сюда какого-нибудь сильного салара с войском и доверенным человеком из числа обладателей пера, дабы все поступали по

его указу, покуда не будет захвачен весь Ирак, ежели будет угодно господу богу. Надобно, чтобы вельможи и раияты были довольны тобой и благодарили, и будет тебе в удел за это по нашему благоусмотрению премного милости, богатства, достоинства и высокий сан». Хасан, сын Сулеймана, встал — по чину он не имел право сидеть в этом собрании — облобызал землю и, стоя, произнес: «Я покорный слуга и такое место не для меня. Но раз государь жалует [его] мне, то я, служа ему, исполню все, что в человеческих силах». Эмир приказал отвести его в вещевую палату и надеть на него драгоценную одежду, [достойную] исправляющего должность шихне: /***25***/ кафтан с эмирского плеча из румского [64] шелка, золотой пояс весом в пятьсот мискалей и другие предметы подстать этим. Хасан, сын Сулеймана, предстал пред лицо эмира в этой одежде, отвесил поклон и услышал из высочайших уст похвалу. Потом он явился в шатер Тахира, и Тахир [тоже] **[60]** выразил ему много похвал. Рейскую знать пригласили туда же, и Тахир рассказал им об этом обстоятельстве. Они сильно

обрадовались, много благодарили и желали добра. Затем Тахир велел Хасану, сыну

Сулеймана, чтобы он в дарованной одежде, с большим отрядом войск отправился в город и с ним вместе именитые мужи. Город украсили и бросали [в народ] много денег. Хасана, сына Сулеймана, поместили в серае, который прекрасно отделали, и жители хорошо воздали ему должное [65].

На другой день, в четверг, когда оставалось тринадцать ночей месяца раджаба лета четыреста двадцать первого [66]; эмир Шихаб ад-довле Мас'уд в счастливый и благоприятный час выступил из города Рея с очень значительным походным и боевым снаряжением и войском и остановился в двух фарсангах от города. Множество народу стеклось сюда на поклон и чтобы поглядеть. На другой день эмир сел верхом, отпустил обратно Хасана, сына Сулеймана, с [его] людьми, и быстро двинулся вперед. Дойдя до Хувара [67] Рейского, он поручил город за'иму области, отдал распоряжения, какие надлежало отдать и пошел дальше. Когда он прибыл

в Дамган, там предстал пред его лицо ходжа Бу Сахль Завзани [68], бежавший из Газны, как об этом было изъяснено раньше. Эмир принял его ласково. Приехал [Бу Сахль] налегке со скудными пожитками. Вельможи эмира Мас'уда доставили ему некоторые принадлежности и вещи, потому что он очень бедствовал. У эмира с ним была негласная беседа, которая тянулась от предзакатной молитвы до полуночи. В прошлые времена, когда эмир Шихаб ад-довле пребывал в Герате, наиболее почтенным из его слуг был этот человек. Однако он не ладил с людьми, был груб, неприятен и весьма желчен. Поскольку дела его явны, я не скажу больше сего, ибо он отошел [в иной мир], а конец человеческих деяний — смерть. Добрые деяния и добрый нрав лучше, /***26***/ ибо приносят пользу в обоих мирах.

Поскольку положение и место почтенного [Бу Сахля] при эмире Мас'уде, да будет им доволен Аллах, было выше прочих слуг, то ему завидовали, писали на него доносы, говорили о его верования. И его в пору султана Махмуда увезли в Газну и содержали в крепости, как я рассказывал в «Яминовой истории» [69]

. Но он умер, и те люди, которые писали доносы, тоже скончались, да и нам придется умереть, ибо день жизни уже склонился к вечеру. О веровании этого человека, кроме хорошего, я ничего не скажу. Знавал я его лет тринадцать-четырнадцать и пьяным и трезвым, но никогда не слышал ни слова [от него], и он ничего не говорил [такого], что могло бы служить доказательством скверны его веры. Я знаю, что пишу, и засвидетельствую это в день воскресения из мертвых, и тем, кто писал доносы, допрос и судилище будут строгие — придется держать ответ. *Да сохранит Аллах нас и всех мусульман от зависти, зла, греха и ошибки, по благости и **[61]** милости своей*. Поскольку Завзани занимал такое видное положение [при дворе Мас'уда], как мы рассказывали, то он и приехал в Дамган. Эмир встретил его с почетом, и состоялась та негласная беседа. Все слуги стали взирать на него другими глазами, потому что видели его и раньше вельможным, а с прибытием его у них разбивались их страстные мечты; поэт сказал:

*И вот пришел и бросил палкой Моисей,
И чары исчезли и пропал чародей*.

Этот человек сделался как бы везиром, эмир все время вел разговоры только с ним, и высокомерие Тахира и прочих спало. Насчет всего распоряжался [Бу Сахль Завзани], и важность его возрастала.

Когда эмир Шихаб ад-довле снялся из Дамгана и прибыл в одну деревню в фарсанге от Дамгана, где имелся большой кариз, явился тот стремянный, который был отправлен по повелению султана Махмуда, да будет им доволен Аллах, с украшенным высочайшей печатью большим посланием с похвалой за исфаганскую службу, за вещевой припас [70] и за казну, /***27***/ а [также] с маленькими записками к военачальникам, Сыну Каку и прочим, дескать, сын мой мятежник, как я уже рассказал раньше [71]. Стремянный спешился, облобызал землю, вытащил из-под кафтана высочайшее послание и протянул. Эмир, да будет им доволен Аллах, придержал коня. Один из хаджибов принял послание и передал эмиру, тот стал читать. Окончив чтение, он спросил стремянного: «Уже прошло пять-шесть месяцев, с

тех пор, как написали это письмо, где ты пропадал, почему так опоздал?» — «Да будет долгой жизнь государя, — ответил тот, — когда раб [твой] из Баглана [72] выехал в Балх, то занедужил и некоторое время оставался там, а когда приехал в Серахс [73], там [в то время] находился хорасанский сипахсалар хаджиб Гази и пришло известие о кончине султана Махмуда. [Сипахсалар] отправился в Нишабур, взял с собой меня и не позволил следовать [дальше], потому-де, что государь счастливо едет сюда, отправляться, мол, не стоит, дороги небезопасны и не следует ехать одному, дабы не вышло беды. Когда же к сипахсалару пришло письмо, что государь двинулся из Рея, он мне дал разрешение ехать. Путь от Нишабура досюда очень неспокоен. Я принял много мер предосторожности, пока сумел добраться». Эмир спросил: «А где маленькие записки, которые тебе дал Бу Наср Мишкан, сказавши, что их надо держать хорошо спрятанными, покуда не будут доставлены?» — «У меня», — ответил стремянный, снял седло, вскрыл войлок потника и извлек наружу записки в восковой

оболочке и затем вынул их из воска. Эмир, да будет им доволен Аллах, сказал Бу Сахлю Завзани: «Возьми!» Бу Сахль взял их. «Читай, что там написано», — сказал [эмир. Завзани] прочитал одну и сказал: «Тоже такого же рода, как **[62]** говорил государь». Прочитал другую, просмотрел еще, все такие же, и он промолвил: «Все написаны одинаково». Эмир взял одну, прочитал и сказал: «В точности то же самое мне писали из Баглана о содержании этих записок. Хвала Аллаху всевеликому! Государь прожил [свою] жизнь до конца, достиг всех [своих] желаний и несчастного сына покинул /***28***/ в чужой земле, среди многочисленных врагов. Ежели господь, велик он и всемогущ, оказал сыну помощь и даровал победу, чтобы его руками были сотворены кое-какие дела, то он этим обязал его к ликованию, какой же смысл гневаться».

Бу Сахль и прочие, кто были с эмиром, заметили: «Он хотел одно, а господь, велик он и всемогущ, — другое, ибо вот пожаловал же он его место, царство, казну и все прочее, что у него было, государю.

Обязательно нужно сохранить эти записки, чтобы люди их прочитали и узнали, к чему склонялся отец и чего хотел господь, велик он и всемогущ, а также узнали бы сердце и веру писавших». — «Что это вы говорите, — возразил эмир, — ежели он в конце жизни счел такую обиду необходимой и в этом у него была какая-то цель, то в ней следует видеть тысячу назиданий, которые он хранил для меня. Он с лихвой простил мне много проступков, а выговоры мне принесут пользу ныне, да смилуется над ним господь, пусть славится поминание его, ибо ни одна мать не родит [такого человека] как Махмуд. Что же до писавших, то какое обвинение можно им предъявить? Ведь они люди служилые, а служилым людям как же не повиноваться, особливо государю. Ежели бы мы приказали какому-нибудь дебиру, напиши, мол, то-то, то хотя бы в этом была его погибель, разве он осмелился бы не написать?» Он велел все те записки изорвать и бросить в тот кариз и погнал коня, а стремянному пожаловал пять тысяч диремов.

Когда люди умные дочитают до сего места, то хотя бы они и раньше относились к образу жизни и обычаю этого государя с уважением и одобряли его, они [теперь] узнают его еще лучше и им станет еще ясней, что он был единственный [в своем роде человек] в его время. [Вот почему] мне, /***29***/ Абу-л-Фазлу, пришли на память здесь два необыкновенных рассказа. Один — рассказ о перемене к Бу Сахлю в сердцах слуг эмира Мас'уда. Увидев его, они, желая того или не желая, стали его уважать. И людям надлежит стараться [74], *ежели они [кого-нибудь] возвеличили и сделали именитым, оказывать ему почтение [всегда], в бедности и в богатстве, дабы, покуда не сойдет в могилу, он не утратил бы чести. Другой — рассказ о разорвании записок и бросании их в воду, дабы написавшие их, и те лица, которым писали, услышав об этом обстоятельстве и успокоившись душой, поняли бы, что эмир Мас'уд больше [к этим запискам] не вернется. Государей в таких случаях вдохновляет господь бог, велик он и всемогущ! **[63]**

Что касается рассказов о скромности, то я читал в повестях о халифах, что когда Харун-ар-Рашид, повелитель верующих, вознамерился из Багдада пойти в Хорасан, а эта история долгая, и в книгах установлено по какой причине это намерение возникло, то он, дойдя до Туса$_{г}$ занемог и находился на краю гибели. Он призвал Фазла, сына Раби, а тот состоял при нем везиром после семейства Бармеки [75]. Когда Фазл, сын Раби, явился, Харун-ар-Рашид остался с ним наедине и сказал: «О Фазл, дело мое пришло к концу и смерть близка. Надобно [поступить] так: когда я отойду, похороните меня здесь и когда покончите с погребением и оплакиванием, то все, что у меня есть, казну, арсенал и другие вещи, гулямов и мулов, все отправь в Мерв к сыну моему Ма'муну, потому что Мухаммед [76] в них не нуждается; он наследует Багдад, престол халифата и разные сокровища. Людям, которые здесь, воинству и слугам, предоставь сделать выбор: каждый, кто захочет пойти к Ма'муну, пусть идет, не удерживай. /***30***/ Покончив с этим, ступай в Багдад к Мухаммеду и будь его везиром и советником и

соблюдай мой раздел между всеми тремя сыновьями. Знай, ты и все слуги мои, что ежели вы совершите вероломство и ступите на путь несправедливости, то это грех. Господь, велик он и всемогущ, [этого] не одобрит, и вы сгинете один за другим». Фазл, сын Раби, ответил: «Обещаю господу, велик он и всемогущ, и повелителю верующих, что буду блюсти завещание и исполню его».

В ту же ночь Харун-ар-Рашида не стало, да будет над ним милость Аллаха. На другой день его похоронили и достойно совершили обряд оплакивания. Фазл сказал всему войску и слугам без различия, что, дескать, надобно идти в Багдад, и они пошли, [однако] кроме тех, кто склонялся на сторону Ма'муна, [эти] уходили тайком или без почета, явно к Ма'муну в Мерв. Фазл выступил и направился в Багдад. Багдадские дела подчинились его приказу, а Мухаммед, сын Зубейды, Предавался пиршествам и забавам. Потом Фазл стал добиваться лишить Ма'муна сана наследника престола и говорил хатибам, чтобы они поносили его с минбаров, а стихотворцам приказал его высмеивать в стихах; это

история долгая. Цель заключается в нечто ином. Хотя Фазлу удавалось нападать и наносить обиду Ма'муну, но отменить приговор господа бога, велик они всемогущ, он не смог, потому что Тахир Зу-л-яминейн [77] пошел [в поход], и Али, сыну Исы [78], находившемуся в Рее, отрубили голову и доставили ее в Мерв. Оттуда совершили нападение на Багдад с двух сторон, с одной стороны Тахир, с другой — Харсама, сын А'яна. Борьба продолжалась два с половиной года, покуда Мухаммед, сын Зубейды, не попал в руки **[64]** Тахира; его казнили, а его голову послали в Мерв к Ма'муну и халифство укрепилось за ним. Два года Ма'мун прожил в Мерве. За это время произошли [разные] события, покуда он не достиг Багдада, и дело халифата не упрочилось, и не исчезли все причины разрухи, противления и распри, так что на сердце не осталось никаких забот.

Фазл, сын Раби, спрятался и три года с лишним скрывался, а потом попался в руки Ма'муна. Это история долгая и найти ее можно в сведениях о халифах. Ма'мун по части доброты, разума, благородства, человечности и прочих доблестей,

которыми должны обладать великие люди, /***31***/ был единственным в его время. Не взирая на столько отвратительных поступков и обид, кои ему причинил Фазл, он отпустил ему вину, простил его и отправил домой, с тем чтобы он больше не являлся на поклон [во дворец]. Когда Фазл довольно долгое время оставался в бездеятельности, поднялись его заступники, ибо он был большой человек и всюду имел руку, и стали искать удобного случая смягчить сердце Ма'муна и расположить его к Фазлу, дабы тот велел ему снова являться на поклон. Когда такой указ вышел, Фазл послал кого-то к Абдаллаху, сыну Тахира — это был старший хаджиб Ма'муна, водивший большую дружбу с Фазлом — и известил его, что повелитель верующих, дескать, простил мне зло и повелел мне являться на поклон во дворец. После господа бога, да славится поминание его, я обязан тебе всем тем, что выпало мне [на долю], потому что ты на этот счет оказал столько любезности и так взялся за дело, что оно вышло. Поскольку повелитель верующих велел мне являться на поклон, а ты знаешь, что чин мой и сан были

высоки, как равно и у моего отца, и это высокое положение создалось исстари, то надо бы оказать еще одну любезность и спросить, в каком чине он будет меня считать. Это делается через тебя, ты по должности [своей] можешь спросить, ибо ты старший хаджиб, и у повелителя верующих не будет подозрения, что я просил навести справку для себя». Абдаллах ответил: «Хорошо, все, что будет возможно на этот счет, я сделаю».

В час предзакатной молитвы, когда Абдаллах пошел во дворец и приема не было, он написал записку Собранию халифата [79] : «Государь, повелитель верующих, как подобает великодушию и мягкости его, дал указание, дабы тот провинившийся слуга, которого воскресило прощение повелителя верующих, то есть Фазл, сын Раби, являлся на поклон во дворец. Все слуги вследствие этого великодушного взгляда, коим [повелитель верующих] удостоил [провинившегося слугу], возымели большие надежды. Каково же теперь высочайшее повеление, в каком чине полагать мне его при дворе, покуда он не вступит на службу

престолу халифата?» Когда личный служитель доставил записку Ма'муну, — а таких записок Абдаллах по государственным делам писал множество в такое время, /***32***/ когда не бывало приема, и получал ответы, **[65]** написанные Ма'муном собственноручно, — на нее пришел ответ такого рода: «О Абдаллах, сын Тахира, повелитель верующих ознакомился с тем, что ты написал насчет Фазла, сына Раби, бессовестного, вероломного злоумышленника. Ему оставлена жизнь, а он жаждет еще повышения в чине. Считать его в самом низком чине, как считают безвестных ексуваров. Вот и все!»

Получив такой ответ, Абдаллах, сын Тахира, опечалился весьма. Записку с ответом на обороте он через одного из своих верных людей совершенно тайно переслал Фазлу и сообщил ему на словах: «Вот, дескать, какого рода получен ответ. Хорошо было бы, чтобы Фазл пришел ранним утром и сел в том месте, которое я прикажу приготовить, и само собой, об этом больше не стоит говорить и справляться, потому что нельзя знать, не произойдет ли, боже упаси, беды. Государь милостив и

совестлив. Увидев, он, может быть, не одобрит, что ты состоишь в таком невзрачном чине, и со временем дело поправится». Когда доверенный человек пришел к Фазлу, передал ему сообщение, и тот ознакомился с запиской и ответом, Фазл передал: «Повинуюсь любому приказу. То, в чем мое благо, ты видишь лучше. Распоряжайся, ведь ты Абдаллах, я же дальше этого не пойду». Абдаллах приказал в первом халифском серае, в суффе, сделать шадурван и постлать несколько [ковров] махфури: он решил посадить в той суффе Фазла, сына Раби, до [начала] приема. Через эту суффу нужно было проходить в другие сераи, — а сераи были отведены чиновным лицам из [числа] дежурных [хаджибов] и военных, — покуда не доходили до помещения везира и старшего хаджиба. В силу указа повелителя верующих [Абдаллах] устроил для Фазла место в прихожем серае [80] и объявил ему, чтобы он пораньше утром, /***33***/ еще до света, сел в той суффе под шадурваном. Когда наступил день и люди начали сходиться, все проходившие через первый серай, завидев Фазла, сына Раби, поневоле подходили к

нему и кланялись со всей почтительностью, потому что видели его раньше в величии, почете и внушавшим страх. Они смотрели на него с большим почтением и уважением. А он каждого тепло спрашивал [о здоровье] и извинялся, покуда они проходили мимо него. Когда [начали] появляться вельможи, столпы [халифата], именитые лица и хаджибы, то каждый таким же образом, в меру своего [достоинства], тепло его расспрашивал и считал себя обязанным [изъявить ему] почтение и уважение. Старший хаджиб Абдаллах, сын Тахира, приветствовал его больше всех, оказал ему внимание, извинился за то, что посадил его в прихожем серае, что было [сделано] в силу указа, и обнадежил, что все, что ему удастся достигнуть для него в смысле благосклонности и доброго слова [Ма'муна], он ничего не упустит сообщить. И он прошел дальше и удалился в свою комнату до начала приема. **[66]**

Когда повелитель верующих открыл прием, все вельможи, как-то: сановники, столпы державы, хаджибы и сипахсалары, простые люди и знатные

вышли и встали в соответствии с их достоинством и чином, [затем] сели и затихли. Старший хаджиб Абдаллах, сын Тахира, предстал перед повелителем верующих и доложил: «Слуга [твой] Фазл, сын Раби, согласно указу явился. Как было велено, я поместил его в прихожем серае и степень его полагаю низкой. Будет ли повеление привести его?» Повелитель верующих на мгновение призадумался, и его мягкость, великодушие и добрый нрав побудили его распорядиться привести Фазла. Абдаллах, сын Тахира, приказал одному хаджибу привести его. Явившись в присутствие халифа, Фазл строго исполнил требования [обряда] поклонения, скромности и покорности. Он попросил извинения за свои безмерные преступления и, обливаясь слезами, молил о прощении. Его величеству халифу стало совестно, он смилостивился и отпустил совершенные им преступления, простил его и удостоил степени целования руки.

Когда прием закончился и все разошлись по своим местам, Абдаллах, сын Тахира, взяв себе в помощники везира в деле Фазла, сына Раби,

обратился к милости его величества халифа, чтобы расположить его к нему. И [халиф] повелел назначить Фазлу место в серае, где сидели вельможи, и обнадежить его насчет покровительства и благоволения. /***34***/ В тот же час Абдаллах, сын Тахира, вышел от халифа и пожалование, которое соизволил [сделать] халиф, довел до его сведения, определил его достоинство и подал надежду на дальнейшую поддержку. Фазл благодаря этому ожил и сел отдохнуть на том месте, кое ему назначил Абдаллах, сын Тахира, покамест Абдаллах, сын Тахира, не закончит дел в присутствии халифа и не наступит время удалиться из халифского дворца и ехать домой.

Фазл, сын Раби, продолжал еще находиться в халифском дворце, когда Абдаллах, сын Тахира, вышел, [чтобы отправиться домой]. Фазл поехал его проводить. Абдаллах потянул за поводья [коня], остановился и стал извиняться и упрашивать не провожать его. Но тот никак не отставал и доехал с ним повод к поводу до дверей его дома. Подъезжая к дому, Абдаллаху стало очень совестно перед Фазлом,

сыном Раби, и он смущенно стал [опять] извиняться и уговаривать его вернуться. Фазл, сын Раби, сказал ему: «Ты оказал мне столько покровительства, милости и великодушия, сколько мог оказать в силу своего происхождения, благородства и человечности. Я не нашел в мире сделать более достойного за твои труды, как проводить тебя бок-о-бок от халифского дворца до твоего дома. Клянусь господом богом, велик он и всемогущ, что с тех пор, как живу, я даже с халифами не ездил повод к поводу. И вот я поехал бок-о-бок с тобой ради того, чтобы отблагодарить тебя за благородную услугу, что ты мне **[67]** оказал». Абдаллах ответил: «Да, это так, как ты говоришь [81]. Эту великую награду, которую ты жалуешь мне, я принимаю сердцем и оком и весьма признателен за нее и я сберегу ее как честь для моего дома».

Фазл, сын Раби, повернул коня и направился домой. Околоток и серай свой он застал полным вельмож и знатных людей столицы. Он сел на свое место, просил извинить его и отпускал и удерживал гостей до самой ночи. И Абдаллах, сын Тахира, приехал в час предзакатной молитвы, поздравил его и

удалился. Рассказ пришел к концу, и умный человек, который над ним поразмыслит, поймет, каковы вельможи в наше время [82].

/35/ А теперь о записках. В то время, когда Ма'мун находился в Мерве, а Тахир и Харсама сжимали [в тисках] его брата Мухаммеда, сына Зубейды, шла упорная борьба и время тянулось; багдадские предводители, вельможи и разных сословий люди [83] сблизились с Ма'муном и писали [ему] записки. Ма'мун приказал эти записки сложить в несколько корзин и хранить. Точно так же [поступил] Мухаммед. А когда Мухаммеда казнили и Ма'мун прибыл в Багдад, казначеи те записки, что велел хранить Мухаммед, принесли к Ма'муну и доложили об обстоятельствах, [связанных] с этими записками, которые писали из Мерва. Ма'мун уединился со своим везиррм Хасаном, сыном Сахля, и рассказал ему о своих и брата его корзинах с записками и спросил, что же с ними делать. Хасан ответил: «Предателей обеих сторон надобно удалить». Ма'мун рассмеялся и сказал: «О Хасан, ведь в то время в двух державах не оставалось никого, кто бы не ушел,

не примкнул бы к врагу и нас не покинул. Нас было два брата и оба имели право притязать на престол; царства, а эти люди не могли знать, что произойдет между нами, и думали [только] о своем благополучии. Но что они ни делали, все было ошибкой, ибо слугам надлежит хранить доверие. Никто не нанес ущерба правде. Поскольку господь бог, велик он и всемогущ, халифат отдал нам, мы пренебрежем этим и никому не причиним сердечных мук». Хасан промолвил: «Государь прав в своем великодушном мнении, а я не прав. Дурной глаз прочь!» Потом Ма'мун приказал принести корзины и положить их на костры, чтобы записки сгорели. Люди мудрые поймут, в чем соль этого рассказа.

Оба рассказа кончились и, следовательно, я возвращаюсь к [прерванной] истории. Цель приведения этих рассказов заключалась [в желании] украсить эту «Историю» и [еще в том], чтобы каждый кто умен и уму его помогает какая-нибудь доблесть, /***36***/ и кому судьба оказывает содействие и возвышает его господство, ухитрился бы посредством принуждения [себя], постепенно и по

порядку, еще больше поднять свое достоинство, а не внушать себе, что трудно, дескать, **[68]** достигнуть той степени, которую обрел такой-то, — иначе он станет тугодумом и лентяем — или [внушать себе], как, мол, возможно постичь такую-то науку, которую знает такой-то. Наоборот, он должен приложить все свои душевные силы, чтобы достигнуть той степени и [познать] ту науку, потому что было бы большой бедой для человека без образования, которого господь, велик он и всемогущ, одарил высокими помыслами и острым умом и который в силах достигнуть некой степени и [может] изучить некую науку, [если] бы он не отдался этому и бессильно отступил. Очень хорошо сказал на этот счет один из больших людей:

*Я не вижу в пороках людей ничего [хуже],
Чем отказ способных от того, что они в силах исполнить*.

Польза от книг, рассказов и жизнеописаний [людей] минувших [времен] в том, чтобы их мало-помалу читали и извлекали [из них] что нужно и пригодно. *А Аллах волен [оказать] помощь свою*.

* * *

Когда эмир Шихаб ад-довле, да будет им доволен Аллах, выступил из Дамгана, он соизволил приказать [написать] письма хорасанскому сипахсалару Гази, а [также] казням, вельможам, рейсу и амилям, что он-де пришел, и надобно, чтобы дела правили так-то. А хаджибу Гази, кое-какое доброе дело которого уже обнаружилось и оказало большую услугу, за что он обретет весьма славный плод, надлежит, мол, явиться к нам на служение с войсками как с теми, кои у него были, так и с новыми, кои он соберет, все снаряженные и в полном вооружении. И да будет [ему] ведомо, что тех людей, коих он наново завербовал, надлежит содержать таким именно образом, как он рассудил и поступил, и [пусть им] будут милости и льготы. Кормовое довольствие, которое надлежало заготовить рейсу и амилям, мы, мол, считаем уже лежащим наготове. А коли в чем-либо есть непорядок, то немедля надобно исправить, потому-де, что приезд наш весьма близок. /***37***/ По получении писем со спешным хейльташем хаджиб Гази и прочие принялись еще ревностней за работу и

то, что еще не было сделано, сделали полностью [84], а всякую трудную задачу, которая становилась сомнительной, исполняло воинство [85].

Здрав и невредим, сопровождаемый успехом, эмир Мас'уд прибыл в округ Бейхак [86]. Хорасанский сипахсалар Гази с большим войском выехал для торжественной встречи его, как следует все украсил и приготовил. Эмир стоял на холме, Гази выступил вперед и троекратно облобызал землю. Эмир приказал оказать ему честь, и его поддерживали под руки, покуда он всходил на холм. Он поцеловал **[69]** стремя эмира. Эмир сказал: «То, что лежало на тебе, ты совершил, то, что лежит на нас, сделаем мы. Сегодня мы жалуем тебя сипахсаларом, а когда здравы и невредимы прибудем в Нишабур, ты будешь награжден достойным халатом». Гази еще три раза облобызал землю, и сипахдары [громким голосом] вызвали коня [87] сипахсалара и посадили [его] верхом. Он остановился поодаль от эмира, подозвал накибов и сказал: «Надобно передать войскам, чтобы приготовились к смотру и прошли мимо [эмира], дабы государь поглядел на них, а

предводители и вожаки [88] пусть приветствуют получше». Накибы помчались, объявили и передали. Раздался барабанный бой, звуки труб и громкий клич воинов. Сначала многочисленные коноводы вели [заводных коней] с полным вооружением, в конских боевых доспехах, [за ними] шли гулямы в снаряжении, со значками и короткими копьями, собственный хейль [эмира] из множества конных и пеших, а вслед за ними, один за другим, хейли серхенгов, весьма хорошие и сполна вооруженные. Хейль за хейлем проходил мимо, а серхенги лобызали землю и останавливались. Покуда не прошли все, заняло время от позднего утра до пополуденной молитвы. Потом эмир милостиво обратился /***38***/ к сипахсалару Гази и серхенгам, сказал им любезные слова и спустился с холма.

На другой день он выехал верхом и направился в город. Расстояние было в три фарсанга. [В течение времени] между двумя молитвами он находился в движении и доехал до Хабгаха. В Нишабуре осталось немного народу: все вышли [из города], чтобы [исполнить] обряд встречи и поглядеть на зрелище.

[Встречавшие] выражали добрые пожелания, и чтецы Корана читали Коран. Эмир, да будет им доволен Аллах, говорил каждому вельможе любезные слова, особенно казию, имаму Са'иду, который был его учителем. Жители жаждали этого государя, и день выдался такой, какого никто не запомнил. Когда [эмир] доехал до окраины города, он повелел отпустить народ, затем потянул к саду Шадьях и счастливо там расположился десятого числа месяца ша'бана сего года [89]. Здания Шадьяха украсили разноцветными коврами, принадлежавшими также и везиру Хасанеку, из [числа] тех ковров, которые приготовил Хасанек для этих зданий, подобных которым никто не запомнил. Людей, которые их видели здесь, я записал, чтобы они [это] засвидетельствовали для меня.

На другой день в Венечной суффе [90], посередине сада, эмир воссел на престол и открыл прием, прием очень торжественный. Множество гулямов стояло, [начиная] от края суффы до отдаленного места, бесчисленные сипахдары и мертебедары стояли до ворот сада, а в поле — много конных. Явились на

поклон родичи и свита, [некоторые] сели, [некоторые остались] стоять. [Эмир] приказал, чтобы сипахсалара посадили. Вошли казии, факихи и улемы, принесли **[70]** поздравления, [выразили] соболезнование и похвалу эмиру, да будет им доволен Аллах. Такой прием, какой он оказал казию Са'иду [91], /***39***/ Бу Мухаммеду, сыну Али, Бу Бекру, сыну Исхака, сына Махмашада Керрами [92], он не оказал никому другому. Потом, обратившись лицом ко всем, он промолвил: «Этот город очень счастливый, я люблю его и его жителей. То, что вы сделали из любви ко мне, не сделали ни в одном городе Хорасана. Перед нами большое дело, насколько видно, оно весьма скоро разрешится по милости господа бога, да славится поминание его. Когда с ним будет покончено, наши взоры обратятся на хорасанцев, и особо большое внимание будет уделено сему городу. Ныне же мы повелеваем, чтобы немедленно уничтожили новые хасанековы. правила и чтобы производство дел в Нишабуре при судебных разбирательствах и иных, вели по старинным правилам, ибо то, что сделали Хасанек и его люди,

до нас дошло еще в то время, когда мы пребывали в. Герате, и мы этого не одобрили, однако [тогда] было не до разговора. За то, что они содеяли, возмездие само придет к ним. Два: раза в неделю будет [происходить] разбор жалоб [93]. Собрание для разбора жалоб и двери дворца открыты для каждого, у кого есть жалоба. Надлежит прийти и без стеснения доложить ее, дабы оказано было полное правосудие. Помимо [собрания для] разбора жалоб, есть еще при дворе хаджиб Гази, сипахсалар, и еще другие есть доверенные [наши] люди, надлежит приходить к ним во дворец и в диван и рассказывать им про свои дела, дабы они сделали то, что надобно сделать. Мы дали указ, чтобы сегодня же осмотрели тюрьмы и сняли оковы с ног узников, чтобы спокойствие от прибытия нашего распространилось на все сердца. Впредь, ежели кто-либо пойдет по пути безрассудства и насилия, тот получит по заслугам».

/***40***/ Когда присутствовавшие выслушали эти царские слова, они очень возликовали и пожелали добра [государю]. Казий Са'ид сказал: «Султан в этом собрании удостоил [нас] такого правосудия и

благодеяния, что никто не находит слов. Есть у меня нужда одна, коли будет дозволено сказать [ее] ради благословенного дня и счастливого собрания». Эмир ответил: «Все, что казий скажет, то хорошо и верно». «Государь знает, — сказал [казий], — что род Микалов — древний род, в нашем городе они свои, и следы их [деяний] налицо. Я, Са'ид, по милости и воле господа бога, да славится поминание его, и по благодати знания, происхожу из рода Микалова и соблюдение законных прав его лежит на моей обязанности. Те из рода сего, кто продолжает жить, терпят большие притеснения от Хасанека и прочих, *ибо на имения их наложен арест, а вакфы их дедов и отцов тоже утратили силу и доход с них получил другое назначение [94]. Не рассудит ли эмир за благо издать на этот счет указ, достойный его благочестия и высоких помыслов, дабы множество народу из [рода Микалова], **[71]** пострадавшего и напуганного, [снова] зажило в достатке, вакфы оживились и доход с них был бы обращен на установленные цели» [95]. — «Очень хорошо», — ответил эмир, да будет им доволен Аллах, и тут же указал казию Мухтару, сыну

Бу Са'да, чтобы вакфы, принадлежащие роду Микалову, он полностью изъял из рук захватчиков и поручил какому-нибудь верному человеку, чтобы тот нес о них заботу, собрал бы доходы с них и обратил по принадлежности [96]. «Что же до имений, — [сказал он], — то обстоятельства их нам не ведомы, и мы не знаем, каково было высочайшее решение на сей предмет покойного эмира, нашего отца. Бу-л-Фазлу и Бу Ибрахиму, сыновьям Ахмеда, сына Микала, и прочим надлежит пойти в диван к Бу Сахлю Завзани и обстоятельно рассказать положение, дабы он доложил нам и все, что нужно, было бы приказано по [нашему] усмотрению. Казию разрешается давать такие советы, /***41***/ кои были бы приемлемы для всех, а когда мы уедем, вести с нами переписку». [Казий] сказал, что так и сделает и вознес хвалу [эмиру]. Все люди рода Микалова и их сродственники отправились в диван и доложили о положении, что всех, дескать, земледельцев, управляющих и богатых землепашцев [97], всех, кого вызывали, схватывали и отбирали от них громадное имущество [98], и все почтенные, благородные люди превратились в

подлых [99]. Бу Сахль рассказал правду эмиру, да будет им доволен Аллах; им возвратили имения и они снискали [царскую] благосклонность.

В эти дни из Рея пришли письма [такого содержания]: «Когда высочайшее стремя [оттуда] двинулось в путь, один из шаханшахов [100] вознамерился с многими удальцами пойти на Рей, чтобы учинить там злодеяния. Их предводитель, из остатков рода Буйе, прислал посланца к Хасану, сыну Сулеймана, а тот обратился к рейским вельможам, дескать, что следует ответить, что делать? Они сказали: «Ты помолчи, дать ответ надлежит нам». Они доставили посланца в город и три дня налаживали дело и собирали народ. Затем, на четвертый день, вывезли посла в поле и поставили на одном холме. Подошел Хасан, сын Сулеймана, со своим хейлем, готовый [к бою], и проследовал мимо. Вслед за ним [двигались] горожане, более десяти тысяч человек в полном вооружении, большей частью пешие, из числа населения города и ближайших окрестностей. Когда этот народ проследовал мимо, рейские вельможи спросили

посла: «Видел?» И еще сказали [ему]: «Наш султан — Мас'уд, сын Махмуда, и мы повинуемся ему и его людям. На господина твоего и на всякого, кто без указа нашего султана сюда придет, здесь найдутся закаленные дротики и сабли. Ступай обратно и то, что видел и слышал, доложи, не обманывая, да скажи, что султан вызволил нас из рук дейлемцев, и жители Рея за эти дни узнали спокойствие, ибо избавились от вас». Посол **[72]** ответил: «Я так и скажу». Ему воздали должное, и он все, что видел, описал.

Горсть крикунов и крамольников, которые собрались вместе, говорили тщеславному Бунду, что простого народа, мол, бояться нечего, надобно напасть, мы-де в три дня отдадим Рей в твои руки. Протрубили в рога и двинулись на Рей. Хасан, сын Сулеймана и рейские вельможи, получив известие о том, что противник явился, /***42***/ выступили вместе с народом, который собрался, и с другими людьми, которые подошли, покуда приезжал и уезжал посол. Когда они сошлись друг с другом и находились близко от города, Хасан, сын Сулеймана, сказал: «Пришедший

[противник] — это горсть бродяг, собравшихся отовсюду. За час времени из них можно сделать кладбище. К ним надобно послать посла и получить возможность оправдаться, что коль скоро они не уберутся, то мы перед господом богом, велик он и всемогущ, виноваты не будем за пролитие их крови». Рейские именитые люди назначили [посланцем] хатиба и отправили его к тщеславному Бунду сказать: «Дескать, не совершай [нападения], побойся бога, велик он и всемогущ, не обагряй себя кровью этой горсти крикунов, коих ты собрал. Вернись обратно, ты нам не султан и не пастырь. Впав в нужду, ты, высокого происхождения [ради], нас беспокоишь. Тебе мы дадим, должное, а перед жалкой толпой, которая с тобой, никакого, страха [у нас] нет. Говорим это для того, чтобы не лилась кровь, а за насилие ты будешь в ответе».

Хатиб поехал и передал извещение. Тщеславный Бунд и крикуны возмутились, вдруг завопили и подобно огню сорвались с места, чтобы драться. Хатиб возвратился обратно и доложил: «Они, мол, доброго ответа нам не дали, вы, дескать, теперь

[сами] лучше знаете, [что делать]». Хасан, сын Сулеймана, очень хорошо приготовился [к бою] и всех расставил по своим местам, а народ, который был вооружен послабее, держал наготове. Из города к воротам стеклось более пятидесяти-шестидесяти тысяч человек. Хасан сказал рейсу и вельможам: «Назначьте людей, чтобы не позволяли простому люду выходить за городские ворота и прикажите ему оставаться в своих жилищах [101], покуда я с готовыми к бою воинами пойду на противника». Рейс и вельможи назначили людей и приняли эту предосторожность, а Хасан, уповая на волю Аллаха, да славится поминание его, двинулся в дело, не спеша и в порядке. Боевая пехота скрыто остановилась впереди конницы. Противник тоже подошел, и закипел сильный бой. Забытые богом [102] несколько раз, напрягая силы, нападали, однако никакого успеха не добились, ибо ряды Хасана оказались весьма стойки. Когда день стал жарче, презренных одолела жажда /***43***/ и они утомились. Около часа пополуденной молитвы Хасан приказал вынести вперед большое знамя и счастливо бросился

с испытанной, отборной [73] конницей в наступление, ударив сам на небольшой полк противника. Знамя тщеславного Бунда захватили и противнику нанесли поражение, страшное поражение. У Бунда был отборный арабский скакун, он и еще несколько человек на добрых конях умчались, а пешая сволочь отстала среди ручьев и в оврагах. «Дайте-ка [им], — молвил Хасан, — бросьте очень стесняться много убивать, сделайте [так], чтобы впредь у них зубы притупились на Рей и они бы больше не приходили». Люди Хасана ринулись и начали разить насмерть. Горожане тоже вырвались наружу и пошли убивать. И многих перебили и захватили в плен. В час предзакатной молитвы Хасан приказал: «Прекратите убивать и брать [в плен], потому что стало поздно». Они перестали, спустилась ночь. Народ вернулся в город, а остатки побежденных, которые всюду попрятались, с наступлением ночи бежали.

На другой день Хасан сказал, чтобы доставили пленников и [отрубленные] головы. Оказалось восемь тысяч восемьсот с лишним голов и тысяча

двести с лишним человек пленных. [Хасан] распорядился поставить треноги вдоль пути, по которому пришли те забытые богом, и водрузить на них головы. Соорудили [также] сто двадцать виселиц и повесили на них [часть] пленных и злодеев, которые были посильнее. Страху нагнали много. Остальных пленников освободили, сказав: «Убирайтесь, и то, что видели, расскажите. Всякий, кто мечтает [попасть] на виселицу /***44***/ и потерять ни за что голову, пусть приходит». Пленники ушли [103], а жители Рея, да будет долгой жизнь государя, остались верны всему, что обещали, и нисколько не поскупились [в изъявлении] рабской преданности и любви [к государю]. Величию великой державы здесь выпала великая слава, так что ни один противник уже не возымеет намерения сюда прийти. Коль будет на то высочайшее усмотрение, то следовало бы наградить здешних вельмож за то, что они сделали, дабы служили они еще ревностней, ежели будет угодно Аллаху всевышнему».

Когда эмир Мас'уд, да освятит Аллах его дух, ознакомился с этим письмом, он весьма обрадовался

и повелел трубить в рога и бить в литавры. Добрых вестников отправили обратно, оказав [им] почести, а нишабурские вельможи вышли на мусаллу вознести благодарственную молитву за прибытие эмира в Нишабур и за вновь дарованную победу. Они принесли в жертву много [скота] и раздали много милостыни. А эмиру каждый день была какая-нибудь приятная весть.

На той же неделе прибыло известие, что посол ал-Кадира биллах, да будет им доволен Аллах, находится близ Бейхака и что он [везет] с собой такие высокие пожалования, каких не помнят люди, и подобных коим ни одному государю не бывало. Эмир, да будет им доволен Аллах, по получении этой радостной вести совсем расцвел **[74]** и приказал приготовить послу самую достойную встречу. [Еще раньше] горожане приходили к казию Са'иду и говорили, что они, услышав о приближении эмира к Нишабуру, желали бы соорудить арки и устроить большое гулянье, [но] рейс [104] ответил: «Нельзя этого делать, ибо эмира постигло великое горе со смертью султана Махмуда, да просветит Аллах его

доказательство, хотя оно и желательно. Это я говорю по его повелению, — надобно отложить на другое время». [На сей раз они снова явились и сказали]: «Вот уже миновал долгий срок, дела с каждым днем все больше приходят в согласие с желанием, да к тому еще и посол приезжает из Багдада со всем, чего хотелось. Не счел бы казий возможным попросить эмира заронить радость в сердца многочисленного народа тем, что государь позволил бы и разрешил устроить великолепное торжество».

/***45***/ «Ладно, — ответил казий, — вы хорошо говорите и весьма своевременно». На другой день он доложил об этом эмиру и получил соизволение. Казий переговорил с рейсом, что торжество, мол, надобно устроить самое наипышное. Рейс отправился домой, вызвал старост городских околотков и базаров и сказал: «Эмир позволил вам украсить город. Надобно устроить самое пышное торжество, какое можно, дабы посол халифа понял, каков ныне наш город, и чтобы эмир еще больше полюбил этот город за то, что высокие пожалования халифа достались ему в нашем городе». Они

ответили: «Слушаемся», — и удалились. И они сотворили такое дело, что никто ни в какие времена в этом роде не запомнил, так что от дорожных ворот города до базара .стояли арка за аркой и палатка за палаткой до шаристана пятничной мечети [105], где послу отделали помещение.

Когда эти дела справили и пришло известие, что посол подъехал на расстояние двух фарсангов, вышли для приема мертебедары и повели [с собой] пятьдесят заводных лошадей. Все воинство [тоже] выступило и двинулось вперед с большим поездом сановников, в безмерном благолепии, с сипахсаларом во главе. [Выехал] и другой поезд из казиев, сейидов, улемов и факихов, и третий — из придворных вельмож-обладателей пера. Они наилучшим образом проводили в город посла Бу Мухаммеда Хашими, близкого родственника халифа, в понедельник за десять дней до конца месяца ша'бана сего года. Вельможи и военачальники расстались с послом у городских ворот и разъехались по домам, а мертебедары доставили его до базара и ездили, люди бросали диремы, динары, сахар и прочее, потешники

забавляли, и был такой день, какого никто не запомнил. Покуда посольский пристав разместил посла в отделанном [для него] серае, прошло время между двумя молитвами. Когда посол расположился в серае, посольский пристав распорядился сначала принести ему приготовленные сверх всякого счета и меры яства. За едой посол **[75]** по-арабски похвалил Нишабур, пожелал добра нашему государю и сказал, что за свою жизнь он не запомнил того, что видел сегодня. Как только посол кончил трапезу, поднесли сладкие закуски в несметном множестве и двадцать тысяч диремов серебра /***46***/ на баню, так что он обомлел. А эмир, да будет им доволен Аллах, поблагодарил нишабурцев.

После этого прошло два-три дня. Эмир изволил сказать, что следует, мол, привести посла и обставить [прием] с наивозможнейшим великолепием. Бу Сахль Завзани заметил: «То, что государю надлежит приказать по части двора, эмирского собрания, гулямов, мертебедаров и тому подобного, пусть велит сипахсалару, чтобы тот справил; а мне, слуге, указал бы меру, дабы я сделал,

что нужно и что по моей части. [Что] читал и видел, как было при покойном султане, да будет им доволен Аллах, я скажу, чтобы справили».

Эмир одобрил и приказал позвать сипахсалара Гази. Эмир сказал: «Я велел представить посла халифа и то, что он привез из жалованных грамот, подарков, наград и титулов и о том, что здесь будет происходить, оповестить повсюду. Тебе надобно сказать воинству, чтобы оно сегодня вечером справило все свои дела и поутру в полном вооружении, в хорошем убранстве, как нельзя лучше, все явилось [сюда], дабы я приказал, что ему надлежит делать». — «В точности исполню», — ответил [сипахсалар] и удалился. То, что требовалось приказать, он приказал и дал распоряжения, какие надлежало дать. Эмир, да будет им доволен Аллах, распорядился насчет гулямов и прочего, и все справили по-царски.

На другой день сипахсалар Гази прибыл ко двору со всем воинством и остановился. Всем серхенгам он дал распоряжение встать в два ряда, начиная от

дворца, со своими хейлями, при значках. Полотнища значков этих двух рядов простирались от ворот сада Шадьях до отдаленного места. А внутри сада, от Венечной суффы до дворца, протянулись в два ряда гулямы в полном вооружении, в цветных кафтанах, и с ними мертебедары. Для доставки даров из Нишабура заранее послали мулов и оставили [их] у посла. Бу Сахль же скрытно кого-то послал и попросил халифскую жалованную грамоту и указы. Просмотрев и сделав с них переводы и снова завернув в обертку из черного [106] шелка, он вернул [их] обратно.

/***47***/ Когда посольский пристав приехал к послу, посла посадили на заводного коня, покрытого черным, а стяг вручили одному всаднику, и тот вез [его] позади посла. Вслед за послом вели вереницу мулов с сундуками халифских даров и десять коней, из них два в золотой сбруе и с золотыми подковами, а восемь в попонах и покрывалах. Путь следования посла хорошо украсили. [Перед ним] рассыпали **[76]** диремы и динары, и он ехал, покуда не достиг рядов

конных войск. Раздались звуки литавр и рогов и крик народа.

Посла и вельмож вели между двух рядов войск, а серхенги с двух сторон рассыпали монеты, покуда посол не доехал до престола. Эмир восседал на престоле, открыв прием, а родичи и свита сидели и стояли. Посла опустили [с коня] на добром месте, [затем] привели пред [лицо эмира]. Он строго по чину выступил вперед и поцеловал руку [государю. Эмир] его посадил перед престолом. Сев, посол приветствовал [государя] от имени повелителя верующих и присоединил к сему добрые пожелания. Эмир Мас'уд царственно отвечал ему. Затем посол встал на ноги и положил на престол жалованную грамоту [халифа] и послание. Эмир приложился к ним устами и подал знак Бу Сахлю Завзани, чтобы он взял их и прочитал. Когда тот дочитал до поздравления эмира, эмир встал, облобызал ковер престола и снова сел. Бу Сахль прочитал жалованную грамоту и послание и пересказал вкратце перевод по-персидски, в немногих словах. Потом раскрыли сундуки и извлекли дары: шитые и

нешитые ткани. Посол поднялся; вынули семь дуваджей [107], один из них черный, прочие — багдадское дабики [108], очень редкостное, царское. Эмир сошел с престола, развернули молитвенный коврик, — так поступил [в свое время] Якуб, сын Лейса [109], — эмир Мас'уд надел [пожалованный] халат и исполнил два рак'ата молитвы. Бу Сахль Завзани заранее сказал эмиру, что так надобно сделать, когда он наденет почетное одеяние из рук халифа, как подобает преемнику отца [110]. Поднесли и венец, ожерелье и верхового коня, /***48***/ меч, перевязь и то, что было в обычае привозить оттуда. Родичи и свитские рассыпали перед престолом монеты в несметном множестве. Посла отпустили наилучшим образом. Султан встал, сходил в баню и переоделся. Он приказал раздать нищим двести тысяч диремов. Потом явились собеседники и сотрапезники [111], а раньше приготовили очень пышное угощение. Привели посла и посадили его за султанский стол. Покончив с трапезой, на посла надели весьма драгоценный халат и проводили его с большими почестями обратно домой. В тот же день, в час

предзакатной молитвы, посольский пристав доставил лично от него дар: двести тысяч диремов, лошадь с золотым конским убором, пятьдесят штук некроенных тканей добротных и алоэ, мускуса и камфоры несколько кошелей. [Султан] дал позволение на отъезд, и посол пустился [в обратный путь] в последний день месяца ша'бана.

Султан изволил приказать написать письма в Герат, Пушенг [112], Тус, Серахс, Нису [113], Баверд, Бадгис [114] и Гянджрусту с радостной вестью о событии, которое с ним произошло [по милости] Собрания халифата [115]. С жалованной грамоты и послания изготовили списки и объявили почетные титулы, дабы к великому султану обращались и **[77]** называли его этими [титулами]. /***49***/ А султанские титулы были такие, как я записал: Поборник веры в Аллаха, Хранитель рабов Аллаха, Отмститель врагам Аллаха, Помощник наместника Аллаха [116] [на земле], повелителя верующих. Жалованная грамота гласила так: «Повелитель верующих пожаловал тебя всеми владениями, которыми владел отец твой, Десница государства, Хранитель мусульманской общины,

Устав веры, Прибежище ислама и мусульман, Друг повелителя верующих [117]. То, что ты [уже] повоевал — Рей, Джибаль, Исфаган, Тарум и другие области, а равно то, что ты захватишь после сего из стран Запада и Востока — принадлежит тебе и останется за тобой». Гонцы увезли эти письма, в упомянутых городах прочитали хутбу на имя султана Мас'уда, и власть его простерлась по Хорасану.

После отбытия посла султан Мас'уд воспрянул духом и принялся за дела иного рода. Подошел месяц поста и стали поститься. В половине месяца рамазана сего года [118] султан Мас'уд двинулся из Нишабура. В тот же день он соизволил подарить халатами казия Са'ида, его сыновей, сейида Бу Мухаммеда Аляви, Бу Бекра Махмашада, городского казия и хатиба. Эмир прибыл в Герат за два дня до конца сего же месяца и остановился в кушке Мубарек и там справил такой праздник, что [люди] утверждали будто ни один государь подобного праздника не справлял. Стол с угощениями накрыли для султана в новом здании, которое построили в саду Аднани, и еще другие столы накрыли в саду Аднани. За те столы посадили

серхенгов военных отрядов [119] и хейльташей. Стихотворцы читали стихи. Во время трапезы придворные вельможи, сидевшие за султанским столом, поднялись, облобызали землю и сказали: «Уже прошло пять-шесть месяцев, как государь не вкушал радостей вина. Ежели и был [к тому] предлог, то теперь он миновал: дела идут как желательно, что, ежели государь соизволит попировать?» Государь ответил согласием, потребовал вина и его принесли. Мутрибы /***50***/ взялись за плектры, и поднялось веселье. Начали налегать на вино, так что все разошлись навеселе, исключая сипахсалара, который вина не пил никогда.

Каждый день беспрестанно приходили записки от газнийского воинства о: том, что оно делает, что творит, как справляло дело согласно тому, что приказывал государь. Утром в понедельник десятого числа месяца шавваля [120] внезапно ко двору султана Мас'уда приехали Менгитерак, брат старшего хаджиба Али Кариба, с законоведом Хусейри, недимом. Султану тотчас же доложили. «Примите [их]», — сказал он. Они вошли, облобызали землю и

промолвили: «Да будет благословен государь, [дела] пришли в порядок, брата [твоего] задержали». Султан усадил их и оказал им много ласки. Они представили письмо тегинабадской свиты. Султан велел принять [его] и прочитать, **[78]** потом сказал: «Хаджиб поступил так, что мы благодарны за ум и любовь его, а прочие, которые последовали за ним, соблюли наше право, и о вознаграждении слуг [наших] мы позаботимся. Вы приехали весьма поспешно, ступайте, отдохните немного, а в час предзакатной молитвы приходите опять, чтобы доложить известия и рассказать о событиях». Оба удалились. Их расположили в одном месте, в богато убранном серае и послали [им] множество яств и сладких закусок. Они немного поели и отправились в баню.

Когда султан их отпустил, он позвал Бу Сахля, дебира Тахира и других вельмож, уединился [с ними], и пошел обстоятельный разговор, покуда не порешили на том, чтобы в час предзакатной молитвы пожаловать Менгитераку чин хаджиба, нарядить его в черное и достойно, одарить, точно так же и

Хусейри. В час предзакатной молитвы послали двух заводных коней и доставили Менгитерака и Хусейри [ко двору]. Они предстали. Сели уединенно, так что при султане находились [только] дебир Тахир и Бу Сахль Завзани. [Приехавшие] доложили известия и пространно рассказали о положении. Когда их отпускали обратно, султан повелел отвести Менгитерака в вещевую палату и надеть на него одеяние хаджиба. [Менгитерак] предстал пред лицо султана в черном кафтане и двурогой шапке [121]. Султан сказал: «Поздравляю. Твоя обязанность в чине хаджиба — быть подручным брата [твоего], старшего хаджиба Али». Он облобызал землю и удалился. /***51***/ На факиха Бу Бекра Хусейри надели халат весьма драгоценный, такой, что дают недимам. Его тоже представили [пред лицо государя]. Султан с ним обошелся ласково и сказал: «В пору моего отца ты много понес трудов из любви и приязни к нам и [ныне] оказал этакую услугу. Вознаградить тебя стало еще большим долгом [для нас]. Сей [халат] лишь для порядка, знак, а вслед [за ним] ты увидишь [другие] милости». Хусейри пожелал добра и

удалился. Эмир велел всем вельможам и служителям, чтобы они отправились к тем двум [мужам] домой с поздравлением, и они весьма усердно воздали им должное. В час вечерней молитвы султан повелел написать с лаской ответ на письмо тегинабадской свиты, а старшему хаджибу Али отписали [отдельно] [тоже] очень ласково. Султан украсил письма своей печатью и собственноручно начертал несколько слов. Написали [также] распоряжение и [другие] письма и отправили. Были назначены один хейльташ и один араб из числа самых быстрых девсуваров, и в час молитвы на сон они уехали в Тегинабад. *А Аллах знает лучше!*. **[79]**

О ТОМ, ЧЕМ ЗАВЕРШИЛИСЬ ЭТИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ДОСТОЙНЫЕ ВНИМАНИЯ, СООБЩЕНИЯ ПОСЛЕ НИХ, ПРИБЫТИЕ РАТИ ИЗ ТЕГИНАБАДА В ГЕРАТ И СОБЫТИЯ ТОГО ВРЕМЕНИ

Когда, рассказывая «Историю», я дошел до того места, как оба всадника, хейльташ и бедуин, прибыли в Тегинабад /***52***/ с ответом на письма старшего хаджиба Али Кариба, и он насчет крепости Кухтиз и эмира Мухаммеда дал хаджибу Бек-тегину распоряжение в таком роде, [как было упомянуто], а

воинству сказал, что вам-де завтра будет указано, в каком порядке надобно пойти в Герат, то на этом я остановил рассказ, потому что по правилу бытописания обязательно требовалось упомянуть [сначала] сведения о делах эмира Мас'уда во время царствования [его] брата Мухаммеда в Газне. Я взялся за это и рассказал, начиная с того времени, когда он выступил из Исфагана, и до прибытия [его] в Герат, так чтобы читателям [все] стало известно весьма обстоятельно. Теперь я берусь [поведать] о выступлении рати из Тегинабада в Герат, полк за полком, и отъезда старшего хаджиба Али следом за ней и о том, что произошло по каждому делу, дабы было ведомо и ясно, что я не сделал упущения.

Когда из Герата пришел ответ на письмо через хейльташа и человека из арабов, его, как я рассказывал раньше, прочитали. Старший хаджиб Али Кариб на другой день выехал верхом в поле и [туда же] явилось все воинство. [Хаджиб] сказал ему: «Согласно полученному повелению султана вам надлежит отправиться в Герат, так чтобы уже сегодня и завтра вся рать выступила, кроме

индийского войска, которому надлежит идти со мной, а я буду тыловым полком и двинусь отсюда следом за вами». [Все] ответили: «Слушаемся», — и тотчас же начали весьма спешно отправляться [в путь], так что никто друг из-за друга не задерживался. Служилая знать и именитые люди, вроде недимов и иных, отпустили обозы, чтобы идти вместе с хаджибом, и пошли они быстро. Везира Хасанека в Герат увезли ночью, потому что прибыл собственноручно подписанный султаном указ, что его-де надлежит отправить раньше рати. Этот указ доставили три всадника из принадлежавших Бу Сахлю Завзани, ибо он был зол на везира Хасанека. Начальник посольского дивана, ходжа Бу Наср Мишкан точно так же выехал срочно. Когда он собирался двинуться в путь, то зашел [сначала] к старшему хаджибу Али и пробыл у него до позднего утра. [Затем] он вернулся к себе и поехал вместе с Бу-л-Хасаном Укайли, войсковым судьей /***53***/ Музаффаром, Бу-л-Хасаном Кархи и ученым законоведом Небихом, с недимами и людьми разного разбора. Он был весьма озабочен.

Я слышал от него, он сказал: «Когда я сообщил хаджибу, что хочу ехать, [что] есть у меня кое-какое дело в Герате, которое я **[80]** должен справить, покуда хаджиб в счастливый час не приедет [туда], он уединился со мной и сказал: «Прощай, добрый друг, долгое время мы были вместе, и друг на друга обиды у нас нет». Я спросил, что у хаджиба на сердце, почему он так отчаивается и говорит такие слова. Он ответил: «У меня на сердце одна только правда и добрые чувства. Никогда от меня не исходили ни предательство, ни кривда. Говоря сейчас «прощай», я не хочу [сказать], что не поеду вслед за вами. Однако [все же] прощай и знай доподлинно, что это так: султан Мас'уд задумал меня погубить, и вы меня больше не увидете. Эти любезные письма, чрезвычайно [ласковое] обращение, собственноручно написанные слова, пожалование брата [моего] чином хаджиба — все это обман, и от такого человека, как я, этого не спрятать. Все это зернышки, чтобы заманить меня в силок. Ведь Али Дая в Герате, хаджиб Бильга-тегин и прочие люди, кои ни бабы, ни мужчины, а ныне и

этот народ имеет доступ к султану и побуждает его к тому, чтобы хаджиб Али не вмешивался. Хаджиб Гази получил должность сипахсалара, и говорят, он — все. Где уж тут ему смотреть на меня. Мне очень легко забрать эту казну, слонов, сильный отряд индийцев и всяких других [воинов], многочисленных гулямов, которые у меня есть, приверженцев и прислугу и пуститься в путь на Систан, ведь с этим войском можно прибрать к рукам Керман и Ахвач до самого Багдада, ибо найдутся там бездельники, подлецы, негодяи и неудачники, чтобы мне себя обезопасить. Но [от этого] смута в [царском] семействе не стихнет, а начало ей я [положил]. Окрестные /***54***/ царьки приписывают сей позор государю моему Махмуду, и говорят, такой властелин, как он, прожил, мол, долгую жизнь, победил всех царей на земле, а не сумел перед смертью навести порядок в своем доме, что случились эдакие события. Я бы счел приемлемым, ежели бы меня посадили где-нибудь в заключение и там держали, дабы я просил прощения у господа бога, да славится поминание его, ибо грехов у меня

много. Однако знаю я, что эти жалкие люди не позволят царевичу оставить меня в живых, потому что боятся меня. А он зарится на мое добро [122] и пожитки и себя позорит. Сразу же, как государь мой скончался, я совершил пребольшую ошибку, сегодня я [ее] понял, да что толку. Зачем было привозить его брата Мухаммеда? Надобно было допустить царевичей съехаться и поговорить [друг с другом], а родичи и свитские были бы [у них] посредниками. Одним из них был я, и чтобы уладить дело, больше всего обращались ко мне; я не сделал [этого], а ведь был кормилицей добрее матери, жертвовал собой. Ныне все разбежались, каждый убрался подальше, а меня прозвали Али-эмироделец. Судьба свершила свое дело, пусть будет так, как предопределил господь, да славится поминание его. **[81]** Я довольствуюсь судом [божиим]. Как бы ни было, а по воле своей я бесчестия не приму».

Я сказал: «Да будет долгой жизнь эмира, старшего хаджиба, нет ничего, кроме блага и добра. Когда я приеду в Герат и где-нибудь зайдет разговор, что мне следует сделать?» Он ответил: «На сей счет не стоит

заводить речи, потому что он, [эмир Мас'уд], сразу поймет, что я [что-то] заподозрил и переговорил об этом с тобой, — тебе это повредит, да и мне не принесет пользы. Но ежели зайдет где-нибудь речь, — я же уверен, что не зайдет, покуда не попаду к ним в лапы-то надобно соблюсти дружбу и уважить хлеб-соль, которую водили, а там посмотрим, что будет. Знай, что все дела теперь стали иными; когда приедешь в Герат, сам увидишь. Ты и в своем-то деле не будешь знать, что делать, ибо новопожалованные люди так поставили дело, что махмудовцы среди них на положении предателей /***55***/ и чужаков. Бу Сахль Завзани особенно [крепко] взялся за дело, установил [свои] правила, всех подкупил и ныне с султаном Мас'удом таков как есть, разве только государю станет совестно; а ежели не станет, то и вы на краю гибели». Сказав эти слова, он заплакал, обнял меня и простился. И я ушел [от него]».

Я, Абу-л-Фазл, говорю, что такие люди, как Али, встречаются редко. Когда он вел такие речи с моим наставником, то говорил, словно видит и знает, что

его постигнет. После того, как его устранили в Герате и дело его пришло к концу, я спустя долгое время слышал, что когда он уезжал из Тегинабада в Герат к эмиру Мас'уду, то написал письмо к своему кедхудаю и доверенному в Газне, к человеку по имени Себести, сын которого Мухсин жив и поныне. В этом письме рукой Али были [написаны] такие слова: «Я поехал в Герат и мнится мне, что свидание с тобой и домашними случится [лишь] в день воскресения из мертвых. Поэтому никаких распоряжений [моих] не было. Ежели же по милости божей свершится вопреки [сему], то я позабочусь, прикажу, что надо приказать насчет всего». Это я слышал от его дебира Бу Са'ида уже после того, как дни Али пришли к концу. Да будет милость Аллаха над всеми ними.

Когда рать приблизилась к Герату, султан Мас'уд сел на коня и выехал в поле с превеликой силой, снаряжением и убранством. Полк за полком подходили войска и от всего сердца приветствовали [султана], потому что очень любили его. Было прямо похоже на то, будто в сей день они вступили в

райские сады. Эмир устно всех хвалил чрезмерно. Все дела вершил хаджиб Гази, который был сипахсаларом. Али Дая тоже [мог] сказать слово и пользовался уважением [государя] за то, что перетянул из Газны гулямов и [потом] отправился в Нишабур, однако его слово не имело такого веса, как слово Гази. Он злобился на него, но пользы [от этого] не было никакой. С **[82]** наставником моим Бу Насром [султан Мас'уд] обошелся весьма ласково, однако было похоже на то, будто он говорил: махмудовцы, дескать, сильно провинились и они чужаки среди масудовцев. Ежедневно Бу Наср являлся на поклон, но в посольский диван не заглядывал — в посольском диване восседал дебир Тахир /***56***/ с пребольшой спесью и важностью.

Пришло известие, что старший хаджиб Али прибыл в Исфизар со слонами, казной, индийским войском и обозами. [Этому] весьма обрадовались. Я слышал так, будто совсем не верили, что Али придет в Герат. Для встречи его беспрестанно посылали верных людей и с каждым новую милость, какую-нибудь любезность, теплое слово. И брат его, хаджиб

Менгитерак, писал и говорил [ему], что надобно-де явиться поскорей, потому что дела идут согласно желанию. В среду третьего числа месяца зу-л-ка'да сего года [123], очень рано утром, Али прибыл и с ним человек двадцать гулямов, а обозы и свита [двигались] за ним в пяти-шести фарсангах. Было очень темно. [Прямо] с дороги он явился ко двору и остановился в дехлизе старого серая Аднани. Кроме этого серая, [был] другой, весьма просторный и прекрасный, а помимо того сада, были еще другие сады и здания, которые построил эмир Мас'уд. Бывало, султан находился там, в серае Аднани, и там открывал прием, а бывало, он находился в тех своих зданиях.

Когда Али расположился в дехлизе, то каждый, кто приходил, кланялся ему так, как кланяются государям, потому что сердца и очи были преисполнены почтения к этому человеку. А он с каждым любезно вступал в разговор, но усмехался горько. Никогда я не видывал его громко смеющимся, а все только с улыбкой [на губах], ибо был он человек суровый и к тому же [теперь] очень

подавлен, он ведь говорил, будто знает, что [с ним] случится. Наступил день, и султан открыл прием в зданиях, минуя сад Аднани. Али и вельможи вошли в дверь серая со [стороны] сада, а хорезмшах и прочий народ — в дверь со стороны шаристана. Султан был на престоле в риваке, который примыкает к беседке [124]. Он посадил Алтунташа по правую руку от престола, эмира Азуд ад-довле Юсуфа, дядю, /***57***/ посадил напротив [себя], а вельможи и почтенные мужи державы сидели и стояли.

Старший хаджиб Али Кариб выступил вперед и трижды облобызал землю. Султан, махнув рукой, подозвал его к престолу и подал ему руку, чтобы он поцеловал. Али положил перед султаном очень дорогое жемчужное ожерелье и рассыпал ради него тысячу динаров сипахдари [125]. Затем султан указал ему [место] по левую сторону. Хаджиб Менгитерак поддержал его под руку, и старший хаджиб, облобызав землю, сел напротив хорезмшаха Алтунташа и снова облобызал землю. Султан промолвил: «Добро пожаловать! Ты из любви к нам **[83]** понес много трудов». [Али] ответил: «Да будет

долгой жизнь государя. Все было моей виной. Однако поскольку с высочайших уст сошли такие слова, я [снова] ожил и окреп сердцем». Алтунташ, хорезмшах, сказал: «Государю случилось быть далеко, шел он медленно и дел у него было много. Было бы нелепо, [коли] область, доставшаяся с такой славой, была бы утрачена. У нас, слуг [государя], и разум и сердце служили ему до сего дня, когда мы сподобились счастья. Слуга [султана], Али, много потрудился, чтобы не случилось беды, а я, слуга [твой], хотя и находился далеко, писал обо всем, что считал правильным. Сегодня, слава Аллаху, дела пришли в порядок без того, чтобы случиться несчастью. Государь молод, воссел на место отца, желания [его] исполнились, пусть же [ему] наслаждение молодостью и царством будет на долгое время. Хотя достойных слуг много, кои пришли недавно и еще придут, но есть здесь несколько подвинутых в годах, состарившихся на службе султану Махмуду, ежели будет на то высочайшее благоусмотрение, то их следовало бы сохранить, дабы Не пошло так, как домогается враг, ведь

старики — украшение царства. [Я], слуга [твой], говорю это не ради себя, ибо ясно, сколь долго мне еще осталось [жить], нет, это лишь совет, который я подаю, хотя государь выше того, чтобы нуждаться в совете слуг. Говоря эти слова, я, покуда жив, спешу исполнить условия покорного служения».

/***58***/ Султан ответил: «Слова хорезмшаха для нас равносильны словам отца, мы слушаем их с удовлетворением и принимаем любезный совет его. Когда же это было, чтобы Али не соблюл нашей пользы? А то, что он ныне содеял, для всех ясно. Из того, что он говорил и писал, для нас ничего не осталось сокрытым. Ему будет воздано должное».

Хорезмшах поднялся, облобызал землю и удалился в ту же дверь, в которую вошел. Хаджиб Али тоже поднялся, чтобы выйти. Султан подал знак: садись-де. Народ удалился, и султан остался с ним негласно. Был там хаджиб Менгитерак и стояли Бу Сахль Завзани, дебир Тахир и дебир Ираки. У двери стоял дворцовый хаджиб [126], да вокруг престола вооруженные телохранители [127] и человек сто

гулямов висачных [128]. Султан сказал старшему хаджибу: «Брата моего Мухаммеда приходится содержать там в Кухтизе или в другом месте, потому что сейчас, в такую жару, не стоит его везти ко двору. Мы собираемся [провести] эту зиму в Балхе. Потом, весной, когда приедем в Газну, насчет его будет приказано, что найдет нужным [наше] мнение». «Повелевает ныне государь, — ответил Али, — он приказывает то, что считает должным высочайшее разумение. Кухтиз — крепкое [место], и хаджиб Бек-тегин под крепостью ожидает повеления». [Султан] спросил: «Что стало с той мелочью, которую [эмир Мухаммед] отправил в Гузганан со своим кедхудаем Хасаном?» — «Да будет долгой жизнь **[84]** государя, — ответил Али, — Хасан доставил ее в крепость Шадьях [129]. Он человек бывалый и осторожный и не сделал ничего, что не даст ему возможности выполнить долг. Быть может, угодно будет, чтобы какой-нибудь верный человек спешно поехал и доставил ту казну?» — «С богом, ступай, приляг отдохнуть, — сказал султан, — с тобой еще много расчетов и дел». Али облобызал

землю, поднялся и пошел в ту сторону сада, /***59***/ откуда пришел; провожали мертебедары.

Султан сказал Абдусу [130] : «Догони хаджиба и скажи, есть, мол, еще устное сообщение, посиди немного в суффе, которая к нам поближе». Абдус ушел. Султан обратился к дебиру Тахиру: «Спроси у хаджиба, по какое время войскам выдано жалование [131], и кто лучше снаряжен потому что я хочу послать отряд в Керман свергнуть тщеславца Ису, ставшего почти мятежником, дабы был посажен на его место Бу-л-Аскар, его брат, который несколько времени тому назад бежал от него и находится [здесь] при дворе». Тахир пошел, вернулся обратно и доложил: «Старший хаджиб говорит, что жалованье выдано полностью войскам до конца года, что снаряжены они очень [хорошо] и никаких отговорок приводить не могут. Кому будет приказ, тот и пойдет». «Очень хорошо, — заметил султан, — сказать хаджибу, чтобы удалился».

Хаджиб Менгитерак облобызал землю и сказал: «Не позволит ли государь, чтобы слуга [твой] Али

сегодня побывал у меня, да и прочие слуги, кои вместе с ним, потому что я распорядился приготовить шурбу». Султан с приветливым лицом ответил: «Прекрасно. Ежели есть в чем нужда, то пусть мои служители приготовят». Менгитерак еще раз облобызал землю и пошел на пир. Только какого же брата Али он угощал? Ведь Али-то уже схватили! Вопрос, [переданный] через Тахира о войске и Кермане, был просто ветром в клетке. Еще заранее решили, что нужно сделать, и сипахсалару Гази было приказано: как только старший хаджиб явится к султану, ты-де тотчас же соберись, выезжай с отрядом конных навстречу его обозам и все начисто ограбь. И сипахсалар Гази отправился. Когда хаджиб Менгитерак вышел [от государя], ему сказали, что старший хаджиб сейчас находится в суффе, а когда он заявился в суффу, вошли тридцать /***60***/ гулямов, схватили его и сняли с него кафтан, шапку и сапоги, так же как они сперва поступили с его братом; потом их отнесли в одно помещение, находившееся рядом с той суффой. Ферраши взвалили их на спину, ибо на них были тяжелые оковы. *Так закончилась пора их

обоих*. Вот Али и судьба, которая постигла его и приверженцев его!

Глупец тот, кто привязывает сердце к сему вероломному и обманчивому миру и ни во что не ценит свое благополучие, достоинство и силу. Люди мудрые не соблазняются им. Очень хорошо сказал Аттаби [132], стихи: **[85]**

*Сердце мое довольствуется моим трудом спокойно,
И я не тружусь вокруг тех источников дохода,
Ибо жирные дела находятся в зависимости
От сложенного в утробы господ*.

Велик тот человек, который умеет довольствоваться малым и сломить шею зависти. Сын Руми [133] в этом смысле тоже всадил стрелу в мишень, сказав стихи:

*Если Аллах надел на тебя одежду здоровья
И дал тебе пищу дозволенную и вкусную, /***61***/
Ты не завидуй богатым, ибо подлинно
То, что судьба вам, отмерив, дает, она же отбирает*.

И наставник [наш] Рудаки [134] сказал, а он хорошо знал свет и познакомил с ним людей, стихи:

Сон прелестный сей мир навевает,
Мудр же тот, в ком не дремлет душа.
Несчастью равна его доброта,
Радость его до горя доводит.
Что сидишь ты в сем мире пригожем?
Ведь деянья его все нелепы,
Дурна наука его, сам пригож,
Ведет себя мерзко, с виду ж красив.

Ясно, что Али устранили так же, как в [свое] время низвергли Бу Муслима [135] и других, о чем можно найти в книгах. А ежели говорят, что на сердце у Али было нечто иное, то [лишь] господь бог, велик он и всемогущ, может знать тайные помыслы рабов [своих]. Мне до этого дела нет, мое дело повествовать. Все они ушли [в иной мир] и сойдутся в том месте, где тайны откроются. Довод людей умных, у которых была возможность говорить об этом почтенном вельможе, состоял в том, что они говорили: какое дело ему было до возведения [на престол] и свержения эмиров. А когда по этой причине его пора совсем «стала уже подходить к концу, где ему было совладать с судьбой. *Да сохранит нас Аллах от судьбы, побеждающей злом!*.

Когда большое дело Али прикончили, и сипахсалар Гази возвратился обратно после встречи обозов и гулямов, и обозы и все, что у Али имелось, разграбили, то возникла опасность, что будут ограблены и многочисленные обозы родичей, свиты и людей, которые шли с ним вместе. Однако сипахсалар Гази отлично принял меры предосторожности, дабы никому ни на волос не было причинено ущерба. Махмудовцы были сильно испуганы этим устранением Али и насторожились. Султан послал Абдуса к хорезмшаху Алтанташу и на словах ему передал: «Али до сего времени делал не то, что было соразмерно с его **[86]** достоинством и степенью. Отчего он не посмотрел на хорезмшаха и не последовал [его примеру]. /***62***/ Какое дело [было] ему до призвания [нашего] брата, надобно было повременить, покуда мы тоже приедем. Он один из родичей и свитских, то, что делали они, и ему бы делать. А уж коли он призвал нашего брата, так почему он ему изменил, почему, невзирая на данные им торжественные клятвы, он продал господа бога, велик он и всемогущ. На сердце у него было

предательство. Все это стало нам ясно, и он посажен, ибо в этом заключалось благо. Для жизни его никакого вреда не будет. Его посадили в одном месте и хорошо будут содержать до той поры, когда наше мнение о нем не станет лучше. Это обстоятельство для того сообщается хорезмшаху, дабы он не вообразил чего-либо другого».

Хорезмшах Алтунташ прислал ответ: «Благо слуг в том, что повелевают государи. Кто может увидеть то, что усматривает высочайшее разумение? Слуга [твой] из Хорезма [136] советовал Али как в письмах, так и в устных извещениях [через других людей], что не нужно хватать через край. Однако он возвеличился будучи посредником, как должно не послушался, и его постигла [такая] судьба. А человек он с именем и благородный, подобный ему не скоро найдется. Есть у него завистники и враги и он родственник, пусть же государь не губит его зря по наговору клеветников, ведь такого, как он, у него нет». Эмир ответил: «Я так и поступлю, Али мне пригодится для больших дел. Это только взыскание да зубы, которые ему были показаны».

От Мус'ади я слышал, представителя двора [137], что хорезмшах впал в превеликое отчаяние, что [от страха] у него руки-ноги отнялись. Однако держался он очень твердо, дабы не заметили, что ему не по себе. Весьма скрытно он передал Бу Насру Мишкану и Бу-л-Хасану Укайли: «Так и потекут дела? Что такого сделал Али, что с ним нужно было этак поступить? Я на деле убедился, что эти новопожалованные люди не допустят, чтобы остался хоть один из отцовских [слуг]. Обдумайте меры и пустите в ход тонкие ухищрения, чтобы мне /***63***/ уехать [отсюда], ибо я не вижу [для себя] признаков добра и просвета». Бу-л-Хасан ответил, как всегда, скупо, сказав: «Мус'ади, ты бы оставил меня с самим собой, ибо султан и меня тоже считает в числе отцовских [слуг]. Однако, поскольку султану известно, что целью моих слов является только добро, то я постараюсь ради этого дела и сегодня же займусь им, дабы цель была достигнута и хорезмшах по сердечному желанию друзей уехал. Хотя этот новопожалованный народ делает свое дело, но в конце концов эмир на сей счет разговаривает и с

отцовскими [слугами], ибо он долгое время с ними встречался и их испытал». А Бу Наср Мишкан ответил: «Благодарствую и считаю за честь. Султан обошелся со мной очень ласково и подал мне добрые надежды. От верных людей я слышал, что он не позволил кому-либо **[87]** вести речи насчет меня. Все это было и говорилось, однако до сих пор он ни о чем со мной не беседовал. Ежели он заговорит и попросит какого-нибудь совета, то я сперва начну с хорезмшаха, дабы он [мог] уехать, как желает. Но во всяком случае хорезмшаху не следует откладывать разговора с ним об отъезде. Ежели он будет на этот счет беседовать [с султаном], то лучше всего пусть скажет, что он, дескать, состарился и ничего дельного от него уже не получится. Мол, желание его заключается в том, чтобы проститься навсегда с военной службой и поселиться у гробницы покойного эмира. Пусть один из сыновей государя станет хорезмшахом, дабы его сыновья и все, кто у него есть, состояли при том царевиче, потому что это дело решено честно. Когда [хорезмшах] скажет так, то его не станут донимать и вскорости отпустят, ибо

понимают, что ту пограничную область не прибрать к рукам, кроме как с помощью его величия». Благодаря этим двум ответам, особенно словам Бу Насра Мишкана, хорезмшах Алтунташ ободрился и успокоился, отдохнул и вздохнул спокойно.

А султан прислал на имя сипахсалара Гази жалованную грамоту на управление Балхом и Семенганом [138]. Его люди быстро отвезли грамоту в Балх, дабы [там] прочитали хутбу на его имя. Занялись делами. Распоряжался всем Гази и с ним же происходили негласные совещания касательно войска. Отцовские слуги были сильно уязвлены этим /***64***/ и сердито ворчали. В конце концов они свалили его, как я потом расскажу. Са'ид Серраф, кедхудай [сипахсалара] Гази, пошел в гору, *всем людям — назначенный день*. По-правде, он был не безобразен в деле, однако ошибку совершил. Его соблазняли стать мушрифом над своим господином, и он прельстился халатом и золотой сбруей, которые получил. Он исполнил обязанность соглядатая, господин его попал в беду, но и он [сам] тоже. Наилучшее украшение для слуги — честность. После

падения сипахсалара Гази Са'ид крутился в мельнице судьбы, то поднимаясь, то опускаясь, то находясь при деле, то нет, *покуда после славы и высокого положения не сделался сторожем Тигра* [139]. Ныне, в лето [четыреста] пятидесятое [140], он [проживает] в Мультане на службе у ходжи-начальника Абдаррезака и вот уже несколько лет состоит у него в недимах, найдя себе пристанище и довольствуясь малым. У меня для вас [141] есть подробные сведения, весьма ясные, как будет рассказано, *ежели будет угодно Аллаху всевышнему*.

Было поднято дело везира Хасанека о том, что в пору молодости он совершал то, чего нельзя было делать, не держал язык за зубами и попусту оскорбил сего великого могущественного государя. Поэт хорошо говорит, стихи: **[88]**

Держи язык твой, не болтай, не то пострадаешь,
Подлинно, несчастье кормится словом*.

И еще он крайне хорошо говорит о молодых людях, стихи:

*Коль делами правят молодые люди,
А не старики, в некоторых делах ты заметишь беспорядок*.

От Бу Али Исхака я слышал, будто Бу Мухаммед Микал говорил; «Где там *в некоторых — во всех беспорядок*». Везир [142] Бу Сахль Завзани был весьма плох с отставленным везиром Хасанеком, потому что в пору [своего] везирства тот выказывал пренебрежение к [Бу Сахлю] до тех пор, покуда государь [143] не стал постоянно гневаться на Бу Сахля и не сделал с ним в Балхе того, что сделал. Теперь же Бу Сахль немедленно приказал, чтобы везира Хасанека препоручили Али Раизу, который был слугой Бу Сахля, дабы тот отвел его в свой дом и подвергал всякого рода унижению. /***65***/ Из-за того, что творилось, люди стали говорить о Бу Сахле Завзани и говорили дурно, что великие-де мужи прославились тем, что когда одолевали врага, то обходились с ним по-добру, ибо оказывать добро выше, чем унижать. [Слова] *прощение у достоинства его* — весьма похвальны; встречается также пословица, которая гласит: *ежели ты властвуешь, то прощай*. Однако Бу Сахль не считал

нужным [поступать] этак и тешил сердце, мстя ему. Ни Бу Сахля не стало, ни Хасанека. Я потому упомянул об этом, что кое-кому, быть может, пригодится.

Бу Сахль Завзани назначил накиба Бехрама и отправил с украшенным печатью султана указом к Ченги, [находившемуся] близ Кашмира, чтобы он тотчас же освободил великого [144] ходжу Ахмеда, сына Хасана, да будет им доволен Аллах, и с почетом и уважением отправил бы [его] в Балх, потому что предстоят важные государственные дела; вместе с ним надобно поехать и Ченги, дабы его вознаградили за то, что он подавал этому ходже добрые надежды и оказывал услуги. Когда покойный султан скончался, он оберегал ходжу от врагов. Бехрам был послан за ним потому, что Бу Сахль в минувшие времена находился в стесненных обстоятельствах и занимался прислуживанием и воспитанием сыновей у ходжи и видел много добра от него. В этом случае он хотел отплатить ему [добром же]. Враги ходжи, проведав об этом, сильно испугались. Когда и каким образом ходжа прибыл в

Балх и как ему была дана должность везира, я расскажу.

Учитель мой, ходжа Бу Наср Мишкан, находился в сильном страхе и не сидел в посольском диване. В диване был Тахир и делами правил он. По прошествии недели султан Мас'уд, да смилуется над ним Аллах, призвал Бу Насра [к себе], усадил, милостиво с ним поговорил и спросил: «Отчего ты не сидишь в посольском диване?» [Тот] ответил: «Да будет долгой жизнь государя, там Тахир, человек весьма способный, сведущий и хорошо знающий дела и привычки государя. А я уже стал стар и не справляюсь с делами. Вот кабы высочайшее мнение **[89]** признало нужным, /***66***/ чтобы слуга [государя] только являлся ко двору и оказывал кое-какие услуги, вознося добрые пожелания?» — «Это что за речь, — сказал [султан], — я знаю тебя и не знаю Тахира. [Тебе] надлежит ходить в диван, ибо важных государственных дел много. Таких, как ты, нужно бы человек десять, да нет [их]. Кроме тебя, у нас нет никого. Как же можно, чтобы ты не сидел в диване? У нас к тебе доверия в десять раз больше, чем было у

отца. Надобно заняться делами и подавать нам такие же советы, как ты подавал отцу, дабы они были выслушаны, ибо нам уже давно известно твое участие и добрый совет». Бу Наср как положено поклонился, и [султан] с почетом и уважением отослал его в посольский диван. Он приобрел большую силу, и [государь] стал приглашать его на негласные совещания и обсуждение мероприятий. А Бу Сахль Завзани приготовил к стрельбе лук [злого] умысла и пристрастия, но никакое злословие не достигало цели до тех пор, покуда он не сказал, что с Бу Насра, дескать, можно взять триста тысяч динаров. Султан [на это] ответил: «У Бу Насра таких больших денег нет, и откуда им быть? А ежели и есть, то его способности нам дороже этих денег. Разговоры о нем надлежит прекратить, ибо я не сочувствую вашим разговорам». В беседе с Бу-л-Ала, лекарем, султан жаловался на Бу Сахля, что он, мол, так-то говорил о Бу Насре, а мы-де ему дали такой-то ответ. Бу-л-Ала рассказал [это] Бу Насру.

От ходжи Бу Насра я слышал, он говорил: «На этой неделе меня однажды призвал султан, уединился [со

мной] и сказал: «Дела, слава Аллаху, по милости его пришли в порядок, и мнение наше останавливается на том, чтобы в ближайшее время не ехать в Газну, а отправиться отсюда в Балх. С хорезмшахом же, который находится здесь и всегда был с нами прямодушен, — сейчас к тому подходящее время, — мы обойдемся чрезвычайно милостиво и подобру его отпустим. Начнем переписку с членами ханского дома [145] и расскажем им об этих обстоятельствах, покуда не будут посланы послы и не обновлены договоры. А в Газну мы поедем весной. Что ты скажешь на это?» Я ответил: «Все, что задумал государь, есть само благоразумие и поступать иначе не следует». — «Я желаю [сделать] еще лучше, — промолвил [государь, — тебе] надлежит, не стесняясь, дать добрый совет /***67***/ и показать недостатки и достоинства этого дела». Я сказал: «Да будет долгой жизнь государя, есть у меня несколько советов, да опасаюсь я, что тяжки будут, ибо слова горькие. Слова слуги [твоего], кои выскажет он как совет, государь, быть может, передаст своим ближним людям [146], а тем они придутся не по нраву,

и скажут они, что Бу Насру-де мало, что хорошо живет, он еще тянется к должности везира и устроителя дел. Для слуги [твоего] лучше было бы заняться своим ремеслом дебира, и он надеется, что его освободят от дачи других советов». — «Я **[90]** решительно не согласен, — ответил [государь], — никто не смеет со мной пускаться в разговоры на сей счет, ибо место каждого известно». — «Да будет долгой жизнь государя, — сказал я, — раз высочайшее повеление таково, то слуга [твой] выскажет два-три соображения и, высказывая их, отблагодарит сему великому царскому дому за милости. Государю надобно знать, что покойный эмир был такой человек, подобного которому не было на свете во всех смыслах. Время его походило на красивое свадебное торжество. Он долго прожил, хорошо вник в дела и понял их нутро и внешность. Он предпринял путь, шел по нему прямо и оставил его, скончавшись. [Мне], слуге [твоему], ныне больше всего по сердцу следовать его путем и, дабы никому беды не произошло, не допускать, чтобы у кого-либо нашлась возможность говорить о государе,

что-де такое-то дело он сделал плохо, надо бы лучше. И еще, обе большие рати и противоположные мнения объединились и стали единогласны. С помощью их можно победить весь мир и завоевать великие государства. Надобно, чтобы [и впредь] они оставались [такими]. Сегодня я, слуга [твой], сказал лишь столько, но это главное. Покуда слуга [твой] будет состоять у дел и словам его будут придавать вес, он никогда не преминет высказывать то, что считает правильным». — «Твои слова весьма прекрасны, — ответил [государь], — и я согласен, чтобы все так делалось». Я пожелал добра и удалился». Но поистине, не прошло и двух недель, как отъезд из Герата отпал, потому что основные решения переменили.

Вот одна из крупных ошибок, которая была совершена. Еще до того, как эмир Мас'уд перешел из Нишабура в Герат, прибывали известия из Газны, что войска, передвигаясь, устраивают побоища и от [их1 неумеренности народ впал в нужду. /***68***/ Высочайший ум касался до всего. Он назначил посла, чтобы тот отправился к Али-тегину [147],

человека очень расторопного, которого звали Бу-л-Касим Раххаль, и написали письмо: «Мы идем на брата. Ежели эмир [Али-тегин] в этой войне нас поддержит, явившись сам лично или прислав кого-либо из сыновей с сильным и снаряженным отрядом войска, то когда дела пойдут согласно желанию, сыну его будет отдано весьма знатное владение по эту сторону» [148]. Советники его [эмира Мас'уда] представили, что такое решение весьма чревато последствиями и что Али-тегин-де с одной этой областью не отстанет, у него возникнут еще желания. В самом деле, когда не отдали одну область, которую он требовал, то такой человек, как хорезмшах Алтунташ, из-за Али-тегина погиб и тот разграбил Чаганьян, как я потом расскажу эти события в истории лет, о которых повествую.

Другая ошибка состояла в том, что туркмен, сожравших хорасанскую приманку [149] и [которых] покойный султан силой меча отбросил в Балханские горы, перетянули на свою сторону и пригласили **[91]** прийти ради того, чтобы было больше войска. И они пришли, Кзыл, Бука, Кокташ и другие предводители,

оказали несколько настоящих услуг, но в конце концов разобиделись и вновь вернулись к своему обычаю, то есть к грабежу, как я расскажу, покуда из-за них не пропали такой салар как Ташферраш и области Рей и Джибаль. А какого труда стоило Арслан Джазибу [150] и сипахсалару Гази выгнать туркмен из Хорасана — [даже] не представляли. *Не противься преднамеренно приговору Аллаха, да будет славно поминание его*. Эти туркмены явились на поклон к султану, и тот назначил к ним сипахсаларом хаджиба Хумарташа. В это время в Герате [султан] постановил отправить войско в Керман с каким-нибудь внушающим уважение саларом [во главе], чтобы посадить в Кермане Бу-л-Аскара, /***69***/ который несколько лет тому назад явился в Нишабур, бежав от брата, а мятежного тщеславца Ису извести. Поэтому, посовещавшись с Алтунташем и сипахсаларом Гази, саларом этого предприятия был назначен джамедар Ярук-Тугмиш [151] с четырьмя тысячами человек дворцовой конницы и тремя тысячами пехоты. Хаджибу Хумарташу тоже было приказано, чтобы те туркмены пошли с ним и

сражались бы по повелению джамедара, ибо начальник — он. Снарядившись, они выступили из Герата в сторону Мекрана и вместе с ними Бу-л-Аскар.

После их отправления эмир сказал Азуд-ад-довле Юсуфу: «Дядя, ты уже некоторое время отдыхаешь, а говорят, что кусдарский правитель, [пользуясь] смутным временем, зазнался. Тебе бы надобно пойти в сторону Буста со своими гулямами и встать в Кусдаре [152], дабы и кусдарец исправился, прислав харадж за два года, да и войску в Мекране прибавилось бы больше силы от твоего пребывания в Кусдаре». — «Очень хорошо, — ответил эмир Азуд-ад-довле Юсуф, — государю надлежит приказывать, что хочет». Султан оказал ему милость, подарил драгоценный халат и сказал: «Счастливый путь. Когда мы двинемся из Балха в Газну после [праздника] новруза, мы тебя позовем, так чтобы ты прибыл в Газну наравне с нами». Он выступил из Герата на Буст, Завулистан [153] и Кусдар со своими гулямами, с семью-восемью султанскими серхенгами и пятью сотнями конницы. Я слышал достоверно,

что этим серхенгам султан Мас'уд тайно приказал: «Прислушивайтесь, мол, к Юсуфу, дабы он не мог уйти куда-нибудь». И еще слышал, что его хаджиба Тогрула тайно поставили над ним мушрифом, чтобы он считал каждое его дыхание и доносил обо всем, что будет происходить. И этот подлец, которого [эмир Юсуф] любил как сына и даже /***70***/ сильней, исполнил поручение. Юсуфа потому отослали, дабы некоторое время его не было при дворе, ибо говорили, будто он задумал стать саларом и войско начало поглядывать на него. **[92]**

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ЭМИРА МУХАММЕДА, ДА БУДЕТ ИМ ДОВОЛЕН АЛЛАХ, ПОСЛЕ ТОГО, КАК ОН БЫЛ СХВАЧЕН, ДО ПЕРЕВОДА ЕГО ИЗ КРЕПОСТИ КУХТИЗ В КРЕПОСТЬ МАНДИШ

Выше я рассказал, какие [меры] предосторожности в силу полученного высочайшего указа султана Мас'уда принял старший хаджиб Али, *[когда] отправился из Тегинабада в Герат, как-то: назначение хаджиба Бек-тегина и возложение на него [ответственности] за все, что случится [154] с заключенным. А теперь, поскольку я покончил с рассказом о переходе рати в Герат, устранении

хаджиба Али Кариба и о том, как продвигались другие дела, и подошел к тому, как султан Мас'уд [намеревался] перейти из Герата в Балх, я повествование об этом [покуда] прерываю и продолжаю излагать обстоятельства жизни заключенного, дабы то, что происходило в то время, когда рать ушла из Тегинабада в Герат и его перевели из крепости Кухтиз в крепость Ман-диш, было бы изложено полностью, и история была бы завершена. Когда же я покончу с этим, тогда снова вернусь к тому, как эмир Мас'уд двинулся из Герата в Балх, ежели будет угодно Аллаху.

Я слышал от каввала, устада Абдаррахмана: «Когда войска из Тегинабада ушли в Герат, я и мне подобные, служившие эмиру Мухаммеду, походили на рыбу, которая из воды попала на сушу — [мы были] ограблены и стали нищими. Сердце не позволяло нам уйти куда-либо из-под крепости Кухтиз, и мы надеялись, не призовет ли султан Мас'уд [эмира Мухаммеда] в Герат, и снова засияет свет. *Я* /***71***/ по обыкновению ежедневно являлся на поклон, я и товарищи мои — мутрибы, каввалы и

старые недимы. Там нам [давали] чего-нибудь поесть и в час вечерней молитвы мы возвращались назад. Хаджиб Бек-тегин принял много [мер] предосторожности, однако никому из нас не запрещал [посещать] эмира Мухаммеда. Содержание всегда было в избытке, так что ежели, например, [эмир] потребовал бы птичьего молока, [Бек-тегин] тотчас же доставил бы. Эмир Мухаммед, да будет им доволен Аллах, тоже стал несколько довольней, начал попивать вино и пил постоянно.

Однажды мы пили вино на самой высокой хазре [155]. Мы сидели перед [эмиром Мухаммедом], а мутрибы пели и играли. Вдали показалось [облако] пыли. «Что бы это могло быть?» — спросил эмир, да будет им доволен Аллах. — «Не можем знать», — отвечали [ему]. Он сказал одному верному [своему] человеку: «Спустись вниз, сбегай и узнай, что за пыль такая». Верный человек поспешно удалился. Через долгое время, он вернулся обратно и что-то сказал эмиру на ухо. «Слава Аллаху», — промолвил эмир, расцвел и очень повеселел, так что мы все подумали, что пришло весьма важное известие, но спросить было

неудобно. Когда почти уже наступил час вечерней молитвы, мы [собрались] уходить. [Эмир] позвал меня одного и привлек меня совсем **[93]** близко [к себе] — так близко он никогда меня не ставил [перед собой] — и сказал: «Дебир Бу Бекр [156] благополучно выехал в Гермсир, чтобы дорогой через Керман отправиться в Ирак и Мекку. [Теперь] сердце мое спокойно за него, что он не попадет в лапы тех нечестивцев, особенно Бу Сахля Завзани, который жаждет его крови. Эта пыль от него, он ехал на верховом верблюде и вполне счастливо». Я ответил: «Слава богу, велик он и всемогущ, что сердце господина успокоилось за него». Он сказал: «Есть еще одно желание, ежели оно исполнится, я помирюсь со всем, что случилось со мной. Ступай и держи этот разговор в тайне». Я удалился.

/***72***/ Через несколько дней после этого, близко к часу вечерней молитвы, к хаджибу Бек-тегину из Герата прибыл верховой на верблюде. [Об этом] доложили эмиру, да будет им доволен Аллах. Он послал к Бек-тегину Бу Насра, лекаря, из числа [своих] недимов и передал [через него]: «Я, дескать, слышал, из Герата

прибыл верховой на верблюде, в чем дело?» Бек-тегин ответил: «Все хорошо, султан отдал распоряжение насчет дальнейшего». Когда [наступил] день, мы намеревались пойти в крепость на поклон, [однако] люди Бек-тегина сказали [нам]: «Вы сейчас уходите, потому что есть одно неотложное дело. К эмиру прибыл добрый и милостивый указ, его нужно исполнить. После придете как обычно». На сердце у нас стало тревожно, мы повернули обратно, очень озабоченные и печальные. Когда прошло два дня, эмир Мухаммед, да будет им доволен Аллах, стал беспокоиться и сказал кутвалу: «Нужно спросить хаджиба, отчего ко мне никто неприходит»

Кутвал послал кого-то и спросил. Хаджиб прислал к нему своего кедхудая и передал на словах, что верховой на верблюде приехал из Герата с султанской грамотой. [Государь-де] насчет эмира дал указ добрый и милостивый. Из Герата к эмиру едет доверенный человек [султана] с несколькими обязательными для исполнения извещениями. Быть может, он приедет еще сегодня. Вот в чем

заключается причина. Беспокоиться нечего, потому что нет ничего, кроме блага и добра. «Прекрасно», — сказал эмир и немного успокоился, но не так, как следовало бы.

В час пополуденной молитвы тот доверенный прибыл, его звали Ахмед Таштдар и был он из родни и ближних людей султана Мас'уда. Тотчас же хаджиб Бек-тегин отослал его в крепость. [Там] он оставался до вечерней молитвы и снова спустился вниз. Потом в точности стало известно, что известия от султана Мас'уда были добрые: «Нам ведомо то, что произошло. Теперь по каждому делу приказывается исполнить неотложные мероприятия. Эмиру, брату [нашему], надобно оставаться бодрым и не допускать в мыслях никаких подозрений. Эту зиму мы проведем в Балхе, а весной, когда приедем в Газну, будут **[94]** приняты меры доставить [туда] и брата. Перечень того, /***73***/ что из казны было с его кедхудаем послано в Гузганан, надлежит передать сему доверенному, а также по его приказу все, что взяли из казны. Наличные деньги, ткань, драгоценности, где бы они ни были спрятаны или

находились при нем в серае гарема, должны быть полностью сданы хаджибу Бек-тегину, дабы он вернул все в казну. Перечень того, что сдадут хаджибу, пусть [брат мой] вручит сему доверенному, чтобы о том стало известно». Эмир Мухаммед, да будет им доволен Аллах, отдал перечни и то, что из казны находилось у него и у обитательниц гарема, вручил хаджибу. Прошло два дня, покуда покончили с этим, и в эти два дня никого к эмиру Мухаммеду не пропускали.

На третий день хаджиб сел верхом и подъехал к самой крепости, туда же привели слона с балдахином. [Хаджиб] на словах передал, что указ таков, чтобы эмира перевели в крепость Мандиш, ибо содержать его там лучше; хаджибу же ехать с отрядом, который стоит у подножия крепости, потому что хаджибу с теми людьми, что при нем, придется отправиться по важному делу. Услышав это, эмир Джелаль ад-довле Мухаммед заплакал, ибо понял, в чем дело. Волей-неволей его одного повели из крепости вниз. Поднялся вопль его домашних. Когда эмир сошел вниз, он крикнул [кутвалу]:

«Спроси у хаджиба, таков ли указ, чтобы меня увезли одного?» Хаджиб ответил: «Нет, с ним поедут все его домочадцы; дети все уже приготовились, но некрасиво было бы перевозить их вместе с ним. Я нахожусь здесь для того., чтобы всех благополучно отправили вслед за ним, так что к часу предзакатной молитвы они здравы и невредимы прибудут к нему».

Эмира увезли. При нем находились сотни три конных и кутвал крепости Кухтиз с тремя сотнями пехотинцев, хорошо вооруженных. Обитательниц гарема усадили на носилки, а прислугу на мулов и ослов. Много бесчеловечности было совершено под видом проверки. Было так, будто хотели вывалять в грязи сына Махмуда. Султан Мас'уд узнав об этом, тоже очень упрекал Бек-тегина, однако расследования не было. /***74***/ Мастер слова, поэт Лейси, весьма прекрасно сказал на сей счет, двустишия:

Шел караван в Даскару [157] [однажды] из Рея,
Показалась река и люди взошли все на мост.
Разбойников свора узрела его издалека,
Каждый молвил из них: «Кто-то лютым стал львом!

Что вздумалось ворам, они утащили и скрылись;
Был один человек, кто с ворами шел заодно,
Некий путник, путем сим обрел он много диремов.
Когда же стал он богат, речь его сделалась странной,
Сколь ни пытали его, ответ оставался один:
«Ограблен был караван и дельце шайки удалось». **[95]**

В час предзакатной молитвы домочадцы прибыли к эмиру Мухаммеду. Увидев всех подле себя, он возблагодарил господа бога, велик он и всемогущ, и позабыл об [отобранном] богатстве. Приехал и хаджиб и расположился неподалеку. Он приказал схватить там Ахмеда Арслана и отвезти в Газну, дабы серхенг кутвал Бу Али отправил его в Мультан [158], и он безвыездно оставался там в городе. Прочим служителям его, вроде недимов и мутрибов, сказали: «Уходите, мол, каждый по своему делу, потому что нет приказа кому-либо из вас ходить к нему». Абдаррахман, каввал, рассказывал: «На другой день все разошлись. Я и товарищ мой, и Насери, и Багеви [159] украдкой последовали вслед за эмиром, ибо сердце не позволяло отвернуться от него. Я сказал: «Из верности [к нему] дойдем до крепости, а когда его туда доставят, повернем обратно». Когда снялись

из Дженгель Аяза /***75***/ и приближались к округе Валишт [160], вдали, с левой стороны дороги, показалась крепость Мандиш [161]. Свернули с пути и направились в ту сторону. Я и этот благородный человек дошли вместе с ними до подножия крепости. Мы увидели крепость, [расположенную] очень высоко, и лестницу с бесчисленными ступенями, так что стоило большого труда, покуда кто-нибудь мог [туда] взобраться. Эмир Мухаммед спустился из балдахина, на нем были оковы, простые обувь и шапка и шелковый кафтан яхонтового цвета. Мы видели его, но не было возможности поклониться [ему] или подать знак. На нас напал плач. Не слезы, а Тигр и Евфрат рекой лили Насири и Багеви, бывшие с нами. Был один из недимов этого государя, он хорошо сочинял стихи и песни, он [тоже] заплакал и затем тут же сразу сложил прекрасные стихи:

О государь, что же приключилось с тобою?
Ведь вышел твой враг из твоей же рубашки.
Из несчастий вышло твое наихудшим,
От царства отца тебе достался Мандиш [162].

Два очень дюжих человека подхватили его под руки, и он начал подниматься с большим трудом. Поднявшись на несколько ступенек, он присаживался и отдыхал. Когда он уже был далеко, но еще виден глазу, он сел. Издалека на дороге показался всадник на верблюде. Эмир Мухаммед его заметил и не пошел дальше, чтобы спросить, чего ради приехал всадник. Он послал кого-то из своих к хаджибу Бек-тегину, Верховой приехал с письмом. Это было собственноручное письмо султана Мас'уда к брату. Бек-тегин тотчас же послал его наверх. Эмир, да будет им доволен Аллах, все сидел на той же ступеньке, а мы смотрели. Прочитав письмо, он земно поклонился [163], затем встал, взошел в крепость и скрылся с глаз. Всех его домочадцев доставили туда же и нескольких служителей /***76***/ из мужчин, о которых был приказ. Хаджиб Бек-тегин и [его] люди пустились в обратный путь. Я, Абдаррахман, **[96]** люблю совать нос, куда не просят, как нишабурские кумушки, — «мать умерла, а десять диремов долгу», — разыскал тех двух человек, которые поддерживали эмира под руки, и спросил, почему

эмир положил земной поклон? Они ответили: «А тебе какое до сего дело? Ты бы спел, что поэт говорит, вот эти стихи:

*Не вернется ли, о шатры, наше время,
Иль пути ему нет после ухода его?*».

Я ответил: «Верно, есть такая песня, однако я пристал, чтобы послушать иное остроумное слово, да пойти себе». Они рассказали: «Письмо было собственноручное от султана Мас'уда; мы, дескать, приказали посадить хаджиба Али, посадившего эмира, и воздать ему должное его же рукой, дабы ни один слуга господину своему такой дерзости не учинял. Я-де хотел эту радость сообщить эмиру-брату, ибо знал, что он весьма обрадуется. А эмир Мухаммед поклонился земно всевышнему господу и сказал: «Все, что я сегодня испытал, мне приятно, потому что неблагодарного изменника устранили и желаниям его на этом свете пришел конец». И мы с товарищем ушли» [164].

От того же каввала, устада Абдаррахмана, я слышал через семь лет после того, как начал эту «Историю»

[165], в воскресенье одиннадцатого числа месяца раджаба лета четыреста пятьдесят пятого [166], — а я вел речь о царствовании Мухаммеда, — он [Абдаррахман] рассказывал: «Несмотря на то, что я знаю столько редкостных песен, эмир Мухаммед большей частью просил меня спеть эту, так что редко бывали собрания, когда я не певал ее, стихи:

*Не нова ваша измена и не удивительна,
А вот верность ваша неслыханное чудо.
Нет чести в вашей измене, честь в моей страсти,
В моем доверии к словам лжи и обмана»*.

Хотя эти два двустишия — обращение влюбленного к возлюбленной, человеку умному следует смотреть на них как на роковое предсказание, слетавшее с уст сего государя. Бывали /77/ в жизни его черные дни, а он оставался беззаботен со всей добротой, которую оказывал в дни своего эмирства воинству и раиятам, подобно смыслу этих двух двустиший. *Всемогущий существует, и то, что присудит Аллах, то сбудется. Да пробудит нас Аллах от сна беспечных по милости своей!*.

Потом я расскажу, в своем месте, что произошло с заключенным. Покончив с этим делом, хаджиб Бектегин поехал в Газну, как было велено, дабы оттуда отправиться в Балх вместе с родительницей султана Мас'уда, прочим гаремом и благородной Хатли. Так что они с предосторожностью туда прибыли. **[97]**

Когда все дела в Герате пришли в полный порядок, султан Мас'уд сказал моему наставнику Бу Насру: «То, что надлежало повелеть насчет всяких дел, приказано, и мы на этой неделе тронемся в Балх, чтобы там зазимовать и постановить с туркестанскими ханами то, что надлежит постановить. Мы изучим положение той страны. Подоспеет также ходжа Ахмед, сын Хасана, и вопрос о везирстве разрешится. Тогда отправимся в Газну». Бу Наср ответил: «То, что государь надумал, все обязательно для исполнения и совершенно верно». Султан сказал: «Надобно, как водится, написать письмо повелителю верующих о том, что произошло, дабы [ему] было известно, что дела пришли в порядок без пролития крови». Бу Наср ответил; «Это тоже святая обязанность. И еще Кадыр-хану [167]

нужно написать, пусть кто-нибудь из стремянных спешно отвезет и передаст ему сию радостную весть. Потом, когда высочайшее стремя счастливо прибудет в Балх, надо будет позаботиться отправить именитого посла для заключения договора». Султан промолвил: «Значит, надобно приступить к делу поскорей, потому что отъезд наш близок, дабы оба письма были отосланы до того, как мы выступим из Герата».

Наставник мой составил два письма так, как это делал [только] он, одно по-арабски к халифу и одно по-персидски к Кадыр-хану, и [их] отослали, о чем я уже в нескольких местах говорил. Любопытно было, что из Ирака /***78***/ привезли с собой несколько человек, как-то: Бу-л-Касима Хариша и других и хотели их поставить выше моего наставника, потому-де что они способней. И я бы сказал, что они весьма недурно сочиняли стихи и хорошо исполняли обязанности дебира. Однако писать так, как надлежит писать от царей к царям, [это все же нечто] иное. Человек становится сведущ тогда, когда научится писать и понимать всю широту дела. Хотя

мой наставник по части мудрости и учености был тем, чем был, [однако] по части умения достохвально, ясно и красно писать он был единственным в его время. Из зависти к нему каждый из той братии сочинил [свой] черновик. Мне стыдно сказать, каковы они были. Султану Мас'уду стало известно об этом случае, а потом, когда прибыл великий ходжа Ахмед, тот еще больше убедил [государя], и спеси у завистников сразу поубавилось. Я изготовил список с него, так же как и другие, которые упомянул в сей «Истории». Послание к повелителю верующих было такого содержания, да будет оно известно, коли захочет Аллах, велик он и всемогущ!

«Во имя Аллаха милостивого, милосердого! После вступления и благих пожеланий [168]. Хану ведомо, что великие люди и цари мира, поддерживающие друг с другом дружбу и следующие по стезе доброй воли, заключают [между собой] соглашения и обмениваются посланиями, а затем доводят сближение до такой степени, что устраивают [друг с другом] встречу, встречу должную и достойную, и на

свидании **[98]** закладывают основание доброго соседства, заключают договоры и возлагают на себя обязательства безмерные. Договоры же и обязательства, которые заключены, они исполняют, дабы царские дома были единодушны, и все причины отчужденности [между ними] исчезли. Все это они делают ради того, чтобы, когда явится глашатай господень и они распростятся с престолом царства и отойдут [в иной мир], сыны их, обладающие правом воссесть на престол и заместить их, могли бы жить со спокойным сердцем, а враги их не могли бы улучить удобный повод, посягнуть и достигнуть [своей] цели.

От хана не скрыто, каков был жизненный путь нашего покойного отца. Он был [наделен] всем тем, что необходимо /***79***/ великим государям и даже больше. Сие объяснять нет надобности. Его душевные качества, величие, способности и грозность хан видел воочию. [Хан] знает, два больших мужа скончались [169]. Они заставили много потрудиться свои светлые умы, пока не установились приязнь, согласие, дружба и товарищество. И сие

свидание друг с другом под Самаркандом было столь славное и прекрасное, что весть о нем дошла до дальних и ближних [мест], и о нем узнали друзья и враги. Это событие стало памятным днем, так что уже многие годы не предается забвению. Без сомнения, они приняли на себя эти труды ради того, чтобы их потомки получали радость от той приязни и собирали плоды от тех семян, которые они посеяли. Ныне, когда престол достался нам, и дело обстоит так, как не скрыто для обеих сторон, благоразумие повелевает и опытность настаивает приложить усилия к тому, чтобы воздвигнутые здания дружбы поднялись еще выше, дабы друзья с обеих сторон радовались, а завистники и враги проводили жизнь в ослеплении и безверии и чтобы живущим на свете стало достоверно известно, что [оба] царских дома были единодушны, а ныне стало еще лучше, чем было. Мы молим господа, да будет славно поминание его, о вернейшей помощи на сей счет, ибо он оказывает помощь рабам [своим] *рукой своей и всеобъемлющей благостью*.

И слышал, должно быть, хан, да продлит Аллах его величие, что когда отец наш, да будет над ним милость Аллаха, отошел [в иной мир], нас не было у престола царства. Шестьсот-семьсот фарсангов мира сего мы прибрали к рукам и сколько ни двигались вперед, перед нами растилались знатные области, и население всех этих областей гордилось, что наше имя осенит их и они будут украшены нашим правлением. Все люди вздевали руки, молясь, чтобы сделаться нашими подданными. Повелитель верующих удостоил [нас] почестями, завязал переписку, дабы мы поспешили пойти на Град мира [170] и избавили величие халифата от умаления достоинства, чинимого шайкой низких людей, и [чтобы] позор сей устранили мы. /***80***/ Решение наше остановилось на том, что само собой, высочайшее повеление обязательно **[99]** [должно] быть исполнено и счастье свидания с повелителем верующих [должно] быть нами получено. Однако приспела весть, что отец наш преставился. Потом услышали мы, что брата нашего, Мухаммеда, поскольку мы находились далеко, родичи и свитские тотчас же

призвали из Гузганана, посадили на престол царства и приветствовали как повелителя. И в этом они усматривали спокойствие времени, потому что мы пребывали далеко. Кроме того, отец наш, хотя он и сделал нас наследником престола при жизни своей, в последнее время, когда здоровье его пошатнулось и появилась слабость в верности суждения, ранее столь сильном, без основания затаил на нас обиду, как это свойственно нраву человеческому, особенно [нраву] царей, которым тяжко бывает видеть кого-либо, кто обладает правом их заместить. Он оставил нас в Рее, потому что знал, что та страна до [самого] Рума, а в другую сторону до Мисра, вдоль и поперек, вся, будет украшена нашим правлением, что Газна и то, что завоезано [из областей] Хинду-стана, мы отдадим брату, дабы не достались чужому, и что он б нашим наместником, и мы будем оказывать [ему] самую боль честь.

Мы отправили к брату посла с соболезнованием и поздравление восшествием на престол царства. Через посла мы передали словесное сообщение, в коем заключалось наше обоюдное благо, спокойствие

Хорасана и Ирака [171] и душевный покой тысячи тысяч людей. Мы ясно сказали: для нас-де впереди столь много областей, и их по указу повелителя верующих надлежит завоевать и прибрать к рукам, ибо нет им предела и меры. Между обоими братьями необходимы взаимная поддержка, единодушие и согласие. Все причины споров должны быть отброшены, дабы [та часть] мира, которая гордится и славится, стала бы нашей. Однако условие таково: в самое ближайшее время к нам должно быть прислано военного припаса [172] пять тысяч верблюжьих поклаж оружия, двадцать тысяч лошадей верховых и вьючных, две тысячи конных гулямов, вооруженных и снаряженных, и пятьсот отборных легких боевых слонов. А брат пусть будет нашим наместником, так чтобы с минбаров в городах сначала поминали наше имя и хутбу читали на наше имя, а потом на его, а на монетах, диремах и динарах и на тиразах сначала выводили бы наше имя, а потом — его. Судьи и начальники почт, осведомляющие о событиях, /***81***/ назначаются по выбору нашего величества, дабы мы повелевали в мусульманской [общине] что повелеть

надлежит. Мы займемся стороной Ирака, Гузов и Рума, а он Разной и Хиндустаном, чтобы нам исполнить сунну пророка, да будет над ним благословение Аллаха, и был бы соблюден путь, по которому шли наши отцы, и благотворность его навеки сохранилась для потомков.

И ясно было сказано: ежели то, о чем мы распорядились, не **[100]** будет сделано вскорости, и займутся отговорками и проволочкой, то нам непременно придется возвратиться обратно, и [тогда] все, что по-воевано, останется в небрежении. [Придется] обратиться к вопросу царствования, ибо он корень, а все прочее — ветви. И когда в руках корень, то справиться с ветвями легко. Ежели, не дай бог, между нами поднимется открытая вражда, то неминуемо прольется кровь, случатся бедствия и несчастья, и они обратятся на него, ибо поскольку я наследник престола и отца и любезное обхождение считаю для себя обязательным, то живущие на свете поймут, что я был совершенно справедлив.

Когда посол добрался до Газны, в голове брата уже засела пустая мечта о престоле и царстве, он протянул руку к казне и начал [ее] раздавать; ночи и дни он предавался удовольствиям и не видел правильного пути. А люди, которые старались подчинить его своей воле [173], достигнув успеха, не желали, чтобы царство попало в руки законного [государя], потому что он стал бы держать их в должных границах. Они заставили нашего брата вернуть нам посла обратно и назначили с ним своего посла с горстью лести и извещением: дескать, что наследник престола отца — он, [брат], а Рей [отец] отдал нам ради того, чтобы когда на него падет приговор смерти, каждый из нас ограничился бы тем, что у него имеется. И ежели-де мы его сегодня на этом решении оставим в покое, то все, что прошено прислать из гулямов, слонов, лошадей, мулов и оружия, он-де пришлет тогда, когда будет [от нас], обязательство не посягать на Хорасан. Наместником нашим он ни в коем случае не будет и чтобы судей и начальников почт [мы] не посылали.

Когда мы получили такого рода ответ, стало несомненно, что справедливости не будет и что они не на правом пути. /***82***/ В тот же день мы выступили из Исфагана [обратно], хотя намеревались идти на Хамадан, Хульван [174] и Багдад. Хаджиб Гази в Нишабуре объявил знаки нашей власти и прочитал хутбу [на наше имя], раияты и вельможи той области покорились нам, и он собрал большое войско и привел [к нам]. Мы поставили в известность повелителя верующих о своем решении и попросили у него письменного одобрения и подтверждения [нашего] права на владение Хорасаном, всем государством отца и тем, что захвачено: Реем, Джибалем, Исфаганом, а также тем, что удастся завоевать [в будущем], — хотя мы и имели [на то] право, — дабы было по его указу, согласно шариату.

По вступлении нашем в Нишабур приехал посол халифа с грамотой, стягом, почетными титулами и дарами, подобных которым не было ни у одного государя. Его приезд совпал с прибытием из Газны серхенга Али Абдаллаха, Абу-н-Наджма Аяза и Нуш-тегина, личного слуги [покойного отца], с

большей частью дворцовых гулямов! Пришли: **[101]** к нам и письма из Газны тайно, что хаджиб [Али, сын] Иль Арслана, глава хаджибов, и хаджиб Бектугды, начальник гулямов, изъявили покорность. И Бу Али, кутвал, и прочие вельможи и начальники [тоже] написали и изъявили покорность и послушание. Бу Али, кутвал, сказал, что брат-де наш не справится с делом, и положение таково, что [когда] появится наше знамя, все покорно предстанут на служение нам.

Мы повелели, чтобы с этими людьми, прибывшими из Газны, обошлись ласково и газнийским вельможам отписали добрые ответы. Из Нишабура мы двинулись [дальше]. На двенадцатый день праздника [175] пришло письмо от хаджиба Али Кариба и войсковых начальников, находившихся в Тегинабаде вместе с нашим братом, что когда-де до них дошла весть о нашем движении из Нишабура, они заключили брата в крепость Кухтиз. Брат Али, Менгитерак, и факих Бу Бекр Хусейри, приехавшие в Герат, обстоятельно доложили о положении и

запросили наше мнение, чтобы действовать согласно распоряжениям, которые получат от нас.

Мы соизволили ответить и ободрить Али, всех вельмож и все воинство, и было сказано, чтобы брата с предосторожностью содержали в крепости, а Али и вся рать явилась бы ко двору. После этого войско, полк за полком, пустилось в путь, пока не прибыли все в Герат. Обе рати слились друг с другом, сердца воинов и раиятов успокоились и они воспряли духом, подчинясь и покорясь нам. Пошли письма о всех /***83***/ этих событиях по всему государству, а также в Рей, Исфаган и тамошние области, дабы доподлинно стало известно в дальних и близких [местах], что дела и речи пришли в согласие и все причины борьбы и распри исчезли. В столицу халифата тоже был отправлен посол и написаны письма с упоминанием этих событий и испрошены высочайшие указы по различным поводам. К Сыну Каку и другим, находящимся в Рее и Джибале до Хульванского перевала, мы [тоже] велели написать письма, что положение успокоилось добрыми мерами и с легкостью.

Мы ясно заявили, что вслед [за письмом] туда будет отправлен вельможный салар, чтобы взять в руки завоеванную страну и захватить другие, дабы они не предавались сновидениям и не обольщались пустой мечтой, что ту страну и дела [ее] бросят без внимания. Достославный хаджиб, дядя, хорезмшах Алтунташ, советник, который в наше отсутствие давал газнийцам добрые советы, но они словам его не придавали значения, явился сюда, в Герат, на поклон. Он будет отпущен обратно с наивысшей лаской, как подобает его положению, достоинству и честности.

На этой неделе мы двинемся отсюда. Все желания достигнуты, и мир в стремлении быть нам покорным успокоился. Отослано письмо, украшенное царской печатью, чтобы превосходительный ходжа Бу-л-Дасим Ахмед, сын Хасана, коего держал в крепости Ченги, приехал **[102]** в Балх с большим почетом и уважением, дабы рука несчастья перестала касаться его и он украсил бы нашу державу своими разумными суждениями и мероприятиями. Хаджибу Арьяруку, салару Хинду-стана, мы тоже послали

приказание явиться в Балх. Из Газны от ку-твала' Бу Али пришло письмо, что всю казну — динары, диремы, ткани, всякого рода ценности и оружие — он сдал нашим казначеям и, слава Аллаху, не осталось никаких причин для спора, которым нужно было бы заботить сердце. Поскольку наши дела, таким образом, пришли в порядок, хану посылается добрая весть, дабы ему стало ведомо, что происходило, и он получил бы свою долю участия в этой радости и распространил эту весть так, чтобы она дошла до дальних и ближних [мест], ибо поскольку [оба] царских дома единодушны, то благодаря господу богу, да славится поминание его, благо, которое обновилось для нас, обновилось и для него.

/***84***/ Вслед [за посланием] будут назначены послы Абу-л-Касим Хусей-ри, из круга доверенных моих людей, и казий Бу Тахир Таббани, из [числа] именитых судей, дабы они отправились в вашу благодатную страну, да сохранит ее Аллах, и заключили новые договоры и обязательства. Мы ожидаем вскорости ответное письмо и, услышав

снова известия о здоровье хана и о том, что дела [его] идут согласно с намерениями и желаниями, мы наденем [на себя] одежды радости и сочтем это за величайший из даров, по воле Аллаха, велик он и всемогущ, и с соизволения его».

Это письмо с одним стремянным было отослано к Кадыр-хануг. который тогда был еще жив и умер [только] спустя два года после этого. Такого же достоинства письмо пошло с одним факихом, наподобие полупосла [176], к халифу, да будет им доволен Аллах. После того, как эти письма были отправлены, эмир выступил из Герата в понедельник, в половине месяца зу-л-ка'да сего года [177], в Балх через Бадгис и Гянджруста, со всей ратью, внушая страх.

Хорезмшах Алтунташ находился при нем, озабоченный тем, что с ним произойдет. Несколько раз Бу-л-Хасан Укайли представлял его дело. Султан говорил о нем много хорошего, выражал насчет его удовольствие и сказал: «Ему надобно возвратиться в Хорезм. Нельзя, чтобы с ним случилась какая-нибудь

неприятность». Бу-л-Хасан уведомил [об этих словах] Алтунташа. Бу Наср Мишкан тоже рассказал дебиру Алтунташа, что слышал, и тот успокоился. От ходжи Бу Насра я слышал, [как] он рассказывал:

«Хотя положение Алтунташа [в самом деле] такое, и эмир им стал весьма доволен за столь много советов, которые он дал, и [за то], что он теперь, когда узнал, что дела уладились, сразу же приехал в Герат и привез много денег [178] и подарков, однако эмира все же настроили так, что Алтунташа необходимо устранить, на негласном **[103]** совещании эмир [даже] кое-что на сей счет высказал. Мы много увещевали эмира и говорили, что [Алтунташ-де] покорный слуга, что у него-де много детей, свиты, слуг и приверженцев и что он, мол, не совершил преступления и не заслуживает надобности быть недовольным им. /***85***/ Хорезм же — пограничная область турок, где возможно вторжение и она покорна [179]. «Все это так, — ответил эмир, — как вы говорите, и я им доволен и приказал наказать тех людей, которые говорят о нем нелепые речи, так что после этого ни у кого уже не хватит смелости сказать

о нем что-либо, кроме хорошего». И он изволил приказать приготовить ему халат и отпустить, чтобы он отправился к себе. Эмир призвал недима Бу-л-Хасана Укайли, передал ему доброе известие для Алтунташа и сказал: «Я хотел было увезти его в Балх и потом там подарить халат и отпустить, чтобы он вернулся в Хорезм, да подумал, не задержится ли он там слишком долго, а в той стране ведь может случиться какая-нибудь беда. К тому же ехать в Андхуд из Фарьяба — близко. Пускай приготовится ехать из Фарьяба».

Когда Алтунташ услышал это известие, он поднялся, облобызал землю и сказал: «Мне, слуге, было бы приятнее, поскольку я стал стар, оставить ратное дело, отправиться в Газну и поселиться у могилы покойного султана. Но раз таков приказ государя, я повинуюсь».

На другой день эмир дошел до Фарьяба. Он велел [подарить] Алтунташу приготовленный халат, весьма великолепный и красивый, и к тому, что было в обычае в пору султана Махмуда, он еще сделал

добавления. [Алтунташ] предстал пред лицо его и отвесил поклоны. Эмир обнял его, был с ним весьма любезен, и тот с большим почетом удалился. Все вельможи и царедворцы побывали у него и отменно воздали ему должное. Он получил позволение уехать на другой день. Вечером он прислал ко мне, а я — Бу Наср, Бу Мансура, своего дебира, — этот человек был из [числа] личных его доверенных, — и передал на словах: я-де получил позволение отправиться в Хорезм, /***86***/ завтра вечером, когда узнают, нас уже не будет. Запрашивать мнение, чтобы ехать, я больше не буду, ибо основание [дела] вижу шатким. Государь мягок, благороден и великодушен, однако, как я убедился на деле, из той шайки людей, кои собрались вокруг него, каждый поставлен как бы везиром, и он слушает [их] слова и согласно с ними поступает. Они погубят это правое дело. Я уезжаю и не знаю, что станется с вами, потому что здесь нет никаких признаков добра. Ты, Бу Наср, побеспокойся о моем деле, как поступал до сих пор, хотя ты и сам не прочен в своей должности, ибо порядок, что был, распался, и все дела переменились, но я не говорю:

что будет? А я [ему] ответил, что сделаю так, и стал еще больше тревожиться, чем раньше, хотя и знал о том, что он бы сказал. **[104]**

Когда оставалась еще одна стража ночи, Алтунташ со своими телохранителями сели на коней и тронулись в путь. Он приказал не бить в литавры, чтобы не догадались о его отъезде. А с вечера эмира убедили, что Алтунташа надо непременно убрать и нельзя терять удобного случая. Покуда узнали, Алтунташ успел пройти десять-двенадцать фарсангов в сторону своего владения. Вслед за ним отправили Абдуса и [приказали] сказать [Алтунташу], что есть-де несколько важных дел, которые остались не сказанными, и несколько наград, которые он не получил, что мы-де дали позволение уехать и он уехал, а дела остались. И они беспокоились, вернется ли он или нет. Когда Абдус его догнал, он ответил: «У меня-де, слуги [государя], имелось повеление уехать и по высочайшему указу я двинулся в путь. Возвращаться было бы нелепо, оставшиеся распоряжения можно передать письменно. Кроме того, вчера вечером пришло

письмо от ходжи Ахмеда, сына Абдассамада [180], кедхудая, что кёчаты [181], джи-граки и кыпчаки волнуются из-за моего отсутствия, как бы не стряслось беды». [Алтунташ] отдал должное Абдусу, чтобы расположить его к себе, и попросил [его] извинить. В тот же час Алтунташ сел на коня и один-два фарсанга вел с собой Абдуса, якобы под предлогом неотложного с ним разговора. Он сказал ему несколько слов потаенно и затем отпустил обратно.

/***87***/ Когда Абдус возвратился в войсковой стан и рассказал, как обстоит дело, то стало ясно, что человек сильно боялся. В тот день говорили много нелепых речей. Бу-л-Хасана Укайли, через посредство коего передавались устные сообщения Алтунташу [от эмира], обвинили в измене, сочли сторонником Алтунташа и говорили: «Отцовские-де приверженцы эти не хотят позволить совершиться желаниям государя или чтобы были добыты какие-либо средства [182] ; все-де они держат язык во рту друг у друга [183]. Эмир прикрикнул на них, обругал и осадил. Потом он позвал меня, [Бу Насра], уединился

[со мной] и сказал: «Кажется, Алтунташ уехал напуганный?» — «Да будет долгой жизнь государя, — ответил я, — с чего бы? Не обязательно ему было уезжать напуганным. Он человек очень умный и исполнительный, много ласки видел от государя, да и [нас], слуг, много благодарил». [Государь] сказал: «Да, так было, однако, мы слышим, что появились подозрения». — «По какой же причине?» — спросил я. Он рассказал и молвил: «Они не хотят допустить, чтобы какое-либо дело оставалось на верной основе», — и [затем] поведал мне все, что произошло. «Я, слуга [государя], высказывал это еще в Герате, — сказал я, — но с высочайших [уст] тогда сошли слова, что у них на то не будет возможности, а теперь, как слышит и видит слуга государя, у них имеется полная возможность. В пути, когда мы ехали, Алтунташ высказал несколько мыслей слуге [государя]. Он совсем не жаловался, **[105]** но по-дружески произнес несколько слов о том, что весьма сочувствует державе [государя]. Речь сводилась к тому, что он-де не видит, чтобы дела [были поставлены] на верной основе, что государь-де

великодушен, бесподобен, мягок и благороден, однако слушается [только] того, кто с ним говорит последний [184]. Всякий осмеливается вести с ним речи, не считаясь со своим положением, и его [Алтунташа] не допустят до государя. А от меня-де, Алтунташа, не исходит ничего, кроме рабского послушания и покорности. Теперь, мол, я по высочайшему повелению уезжаю и весьма печалюсь и трепещу за эту великую державу, как подобает слугам и сочувствующим людям; и я-де не знаю, каково будет положение [в будущем].

Мне, слуге [государя], он поведал столько, и в этом ничего подозрительного не кажется. /***88***/ [Но, может быть], государь еще что-нибудь слышал? Он полностью рассказал мне что произошло и как его к тому понуждали. Я сказал: «Я, Бу Наср, ручаюсь, что от Алтунташа не исходит ничего, кроме правды и покорности». — «Если так, — ответил государь, — то надо залучить его сердце, нужно написать письмо с собственноручной моей припиской, что мы-де через Абдуса известили его о необходимости переговорить с ним кое о чем, а он ответил так, как

ты слышал. Ежели эти слова не будут написаны, у него сохранится подозрение». Я сказал: «Пусть государь слуге [своему] скажет, что он считает целесообразным, дабы слуге [его] стало ясно и он понял, о чем должен писать». — «О благе государства, — ответил он, — о текущих делах и делах, нам предстоящих. Надобно написать то, что благоразумно и окончательно успокоит сердце Алтунташа, чтобы никаких подозрений не осталось». Итак, я приступил к работе, сказав: «Я понял, как надо написать послание. Кого бы высочайшее повеление наметило отвезти [его]?» [Государь] ответил: «Письмо нужно отдать его представителю двора, чтобы он отправился вместе с Абдусом». — «Слушаюсь» — промолвил я, — пошел и написал послание так, как следует ниже».

ПОСЛАНИЕ, НАПИСАННОЕ ХОРЕЗМШАХУ ОТ СУЛТАНА МАС'УДА ДА БУДЕТ ИМ ДОВОЛЕН АЛЛАХ! [185]

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердого! После вступления и благих пожеланий [186]. В сердце моем мы держим превосходительного хаджиба, дядю, хорезмшаха Алтунташа, в той же степени, как

[держал] отец наш, покойный эмир, ибо с поры детства и до сего дня он относился к нам участливо и любезно, как отцы к сыновьям, потому что в то время, когда отец наш пожелал иметь наследника престола и он обратился к хаджибу и другим вельможам, тот самоотверженно встал на нашу сторону, дабы то высокое предназначение было **[106]** осуществлено на наше имя. И еще потому, что когда завистники и недруги расхолодили к нам и ожесточили сердце [отца], и он сослал нас в Мультан и уже готов был переменить доброе мнение, которое у него было о нас, а халатом наследника престола удостоить другого человека, [превосходительный хаджиб] проявил [к нам] большую доброту и применил тонкие ухищрения, дабы дело наше не лишилось основы; он пользовался удобными случаями, хитрил, приобретал помощников для того, чтобы вызвать и вернуть нам благоволение государя. И тот отозвал нас из Мультана и снова отправил в Герат. /***89***/ А когда [отец наш] решил пойти на Рей, и мы состояли при нем, а хаджиб из Гурганджа [187] приехал в Гурган и пошла речь о разделе владений

между нами, братьями, то он выказал к нам большое сочувствие и тайно передал сообщение, что в настоящее-де время никак нельзя вести переговоры, надобно, мол, покориться всему тому, что надумает и повелит государь; и мы приняли этот отеческий совет. Конец тому был таков, как он виден сейчас. Когда же отец наш скончался и брата нашего доставили в Газну, то письма, кои писал [превосходительный хаджиб], и советы, которые он давал, его стояние за нас и отход от [противников] были таковы, что могут быть написаны и сказаны только людьми сочувствующими, умными и истинными друзьями. Сейчас мне все это рассказали, и правда открылась. Можно понять, до какой степени [доходит] его непоколебимость в дружбе и покорности, и можно понять, до какой степени дойдет у нас, всегда испытывавших [его] единомыслие [с нами] и честность, непоколебимость в любезном обхождении [с ним], в препоручении ему областей, в повышении его сана и достоинства и в возвышении его сыновей, награждая их титулами и должностями. В ту пору, когда мы прибыли в Герат и

позвали его, чтобы он повидался с нами и пожал плоды своих добрых деяний, он двинулся в путь еще до того, как до него дошло послание, и направился служить [нам].

Мы хотели повезти его с собой в Балх, во-первых, ради того, чтобы в государственных делах, нам предстоящих, обращаться к его просвещенному уму, поскольку тот оставался не занят, например, [по части] переписки с туркестанскими ханами, заключения соглашений и обязательств, возвращения Али-тегина, соседа, в [ранее] бывшие границы и меру, ибо во время случившегося междуцарствия тот стал заноситься, [а также] оказания милостей родичам и придворным, содержания каждого из них соответственно [его] значению, достоинству и чину и исполнения их чаяний. [Нам] хотелось, чтобы все это делалось с его ведома и одобрения.

Во-вторых, мы располагали проводить его обратно наиболее достойным образом, но когда мы подумали, что Хорезм — большая пограничная страна и он оттуда уехал, а мы еще не достигли Газны, **[107]** то,

может случиться, что враги истолкуют это на иной лад; нельзя, чтобы в его отсутствие там произошел беспорядок, и мы дали /***90***/ [ему] позволение на отъезд. Как доложил Абдус, и к нему пришли письма, что искатели удобного случая зашевелились, а тут [как раз] случилось позволение ехать обратно, и он тотчас же, как можно скорей, пустился в путь. По нашему повелению следом за ним поехал Абдус, встретился с ним и передал ему возрастающее наше уважение и доложил, что есть-де еще несколько вопросов, кои следовало бы с ним обсудить. [Однако] Абдус получил ответ, что поскольку [хаджиб] уже в пути, то возвращаться, пожалуй, нелепо, а дела и поручения, какие есть или могут быть, можно исполнить по письму. Когда Абдус явился ко двору и об этом доложил, мы признали уважительным мнение хаджиба на сей счет. Он счел себя обязанным так поступить из сочувствия и сердечного отношения к нам и [нашей] державе. Поскольку он узнал, что в той пограничной стране может случиться беда, как писали его доверенные люди, он поспешил поскорее взяться за дело. А

вопросы, которые нужно было обсудить с ним устно, пусть будут решены путем переписки.

Но одно нам причиняет досаду и беспокоит: нельзя, чтобы речи завистников [нашей] державы имели успех. Дело в том, что они прилагают свои усилия к тому, чтобы [хаджиб] уехал и бежал. Они умножают [наши] заботы подобно скорпиону, дело которого — жалить всех, кто попадется. Мы не знаем, верно то или нет, что приходит к нам в сердце, но мы считаем [для себя] обязательным стараться изо всех сил [содействовать] всему, что приносит ему душевное спокойствие и удовлетворение. [Наше] мнение признало необходимым написать сие послание и оно скреплено нашей собственноручной подписью. Бу Са'ду Мус'ади, доверенному человеку и представителю двора его, дано распоряжение спешно отвезти послание и доставить обратно ответ, дабы он стал известен. Есть несколько неотложных дел, за которые мы примемся, как только здравы и невредимы прибудем в Балх, а именно: переписка с туркестанскими ханами, приглашение [в Балх] великого ходжи Абу-л-Касима Ахмеда, сына Хасана,

да продлит Аллах поддержку его, дабы пожаловать ему должность везира, и история с хаджибом Асиг-тегином [188] /***91***/ Гази, который сослужил нам службу в Нишабуре, столь добрую, за что и получил должность сипахсалара. [Хаджибу] надобно выслушать и те мысли, которые переданы устно, и дать на них исчерпывающий ответ, дабы он стал известен. Да будет ведомо [хаджибу], что за какое из этих дел мы не взялись бы, мы о том будем беседовать с ним, как беседовал отец наш, покойный эмир, да будет им доволен Аллах, ибо мнение его благословенно. Надобно, чтобы и он так поступил, показал бы нам нутро своего сердца, без всякого стеснения поведал целесообразность и **[108]** правильность дел, потому что мы очень высоко ценим его слова, да было бы [ему] это ведомо».

Приписка эмира Мас'уда, да будет им доволен Аллах: «Превосходительный хаджиб, хорезмшах, да продлит Аллах его величие, пусть доверяет сему письму и не опасается, ибо душа наша на его стороне. Аллах, да поможет судить о законных правах его!»

Когда Абдус и Бу Са'д вернулись обратно, мы уже прибыли в Балх. Они привезли весьма хороший и учтивый ответ со множеством лестных слов, изъявлением рабской верности и весьма прекрасно изложенным извинением за поспешный отъезд. Эмир уединился со мной и Абдусом и сказал; «Мы хорошо постарались и сумели залучить Алтунташа, несмотря на то, что его здорово напугали и он уезжал поспешно. Однако [наше] послание его успокоило, вся его неприязнь исчезла, и человек [снова] счастлив». [Алтунташ] прислал письменные ответы такого содержания:

«О туркестанских ханах. Переписка с ними по благополучном и счастливом прибытии в Балх относится к неотложным обязанностям. Ведь покойный эмир сколько потрудился и [какие] сердства [189] истратил, покуда Кадыр-хан, благодаря могуществу [эмира] и его поддержке, не сделался ханом и дело его не упрочилось. А ныне это следует усилить, дабы дружба стала крепче. Они не то, что настоящие друзья, однако показное дружелюбие

будет сохраняться и никаким подстрекательством они заниматься не будут.

Что касается Али-тегина, то он — настоящий враг, змея с оторванным хвостом, брата которого Туган-хана выбросили из Баласагуна [190], благодаря грозной силе покойного эмира. Друг никогда не станет врагом. С ним тоже надобен какой-нибудь договор /***92***/ и некоторое сближение. Хотя на них нельзя будет положиться, [но] сделать это надо неукоснительно. А когда это будет сделано, области Балх, Тохаристан, Чаганьян [191], Термез [192], Кубадьян [193] и Хутталан [194] надобно будет наполнить народом [195], ибо всякое место, которое [Али-тегин] обнаружит незанятым, он при удобном случае разграбит и разорит.

Что до ходжи Ахмеда, то подобного рода разговоры меня не касаются, и я стою в стороне. То, что по высочайшему мнению лучше и более подходит, то и надобно сделать, ведь люди знают, что между мной и тем несравненным вельможей имеется неудовольствие.

О хаджибе Асиг-тегине. Покойный эмир после смерти Арслана Джазиба вместо Арслана оценил проявленную им [Аси-тегином] доблесть из числа множества достойных. людей, какие у него имелись, а видел и знал он и других. Ежели бы он не был достоин столь знатной должности, то покойный эмир не назначил бы. Государю он сослужил хорошую службу. Нельзя все только прислушиваться к людским толкам, надобно блюсти и благо государства. **[109]**

Поскольку государь в послании, кое соизволил [прислать] слуге своему, дал разрешение и распоряжение посредством переписки показать благоразумный образ действий, то он и высказал одно соображение сему доверенному человеку [196] — оно хорошо известно самому государю, в моих словах и в словах прочих слуг нужды нет — что покойный эмир [свой] срок отжил и, предоставив государю весьма могущественную державу и прочное основание для царства, он отошел [в иной мир]. Ежели высочайшее усмотрение одобрит, то пусть никто не находит смелости и возможности

переменить [хотя бы] одно из правил [покойного эмира], ибо [тогда] перевернется основа всех дел. Больше сего слуга [государя] не скажет [ничего], довольно и этого».

Эти слова государю пришлись очень по душе, и мы удалились. На другой день Мус'ади пришел ко мне и передал устное сообщение от хорезмшаха: «Враги, дескать, свое дело сделали, а государь султан [все же] соизволил обо мне, единственном искреннем и верном слуге [своем], высказать то, что достойно его великодушия, и я, мол, знаю, что поправил [дело] ты. Я немного поуспокоился и пошел. Однако пусть государь твердо знает про себя, /***93***/ что ежели у высочайшего двора впредь случится [хоть] тысяча важных дел, то не стоит и звать, — я ни за что не явлюсь. Но коль скоро нужно будет послать войско или где-нибудь придется сослужить службу, и мне будет повелено быть военачальником и предводителем, то я-де ту услугу окажу и не пожалею ни души, ни тела, ни достояния, ни людей, ибо я видел душевные качества его величества и отлично [их] понял. Не допустят те люди, чтобы

какое-нибудь дело шло или покоилось на верной основе. Государь-де тут ни в чем не повинен, виноваты те, кто учат дурному; пусть же он хорошо поймет это обстоятельство.

Я, Бу Наср, исполнил порученное, пошел и доложил эмиру, попросив оставить [это] в тайне, но оно не осталось [в тайне. Тогда], чтобы свалить хорезмшаха, придумали другое мероприятие — слабенькое, бессильное. Успеха оно не имело. А подозрительность человека возросла». Потом, в своем месте [об этом] будет рассказано.

На этом же пути в Мервaрруд [197] ко двору прибыл ходжа Хасан, кедхудай, да продлит Аллах его здоровье, кедхудай эмира Мухаммеда. Ехал он из Гузганана. Казну он сложил в крепости Шадьях в силу повеления эмира Мас'уда, сдал ее доверенному человеку его, чтобы перевезти в Газну. В этом деле он постарался сыскать расположение и оказал добрую услугу. Явившись со значительными дарами и обильными подношениями, он исполнил обряд поклонения, и эмир его обласкал, милостиво с ним

разговаривал и похвалил его за честность и надежность, и столпы [государства] и вельможи [тоже] выразили ему одобрение за честность, верность и услугу, которую он **[110]** оказал по поводу большой казны. Когда он понял, что дело его господина кончилось, он не привязал своего сердца к этим богатствам и не отдался в руки дьявола, а пошел честным и праведным путем, ибо был человек весьма умный, испил горячего и холодного, читал книги и знал, что его ждет впереди, так что, конечно, достоинство свое он сберег.

Во время этого пути ходжа Бу Сахль Хамдеви заседал в нимтерге дивана и вел переговоры о сделках [198], потому что умел это лучше всех, получил к тому же силу везира [199], и эмир взирал /***94***/ на него благосклонным оком. А в войсковом диване заседал Бу-л-Касим Кесир, и о войске эмир вел разговоры с ним. Придворные ходжи и мустовфии, как-то: Тахир, Бу-л-Фатх Рази и другие сидели рядом с Бу Сахлем Хамдеви, Должность везира исправлял Бу-л-Хайр Балхи, бывший при покойном эмире амилем Хутталана. Тахир, Ираки и дебиры, приехавшие из

Рея, сидели с Бу Насром Мишканом в посольском диване. Тахир и Ираки держали себя очень высокомерно. Тайные беседы [эмир] чаще всего вел с Бу Сахлем Завзани. Этот заключал сделки [200], разбирал спорные дела [201], производил отчуждение имущества [202], и люди его боялись. Через него же передавались устные сообщения [от государя], все больше о важных государственных делах. Весьма приближен был и Абдус, вникавший во все дела. Муэззин, доверенный человек Абдуса, отвез старшего хаджиба Али в крепость Керек [203], находящуюся в Джибале Гератском, и сдал [его] тамошнему кутвалу, ставленнику Абдуса. Все доклады касательно Али после этого делал Абдус, и письма, приходившие от керекского кутвала, представлял он. Затем он отсылал их к моему наставнику [204], а я, Бу-л Фазл, писал по указанию наставника ответы. Дальше я расскажу, что произошло с Али до его кончины. Менгитерака тоже увезли, сдали кутвалу Бу Али я держали в Газнийской крепости. Прочих его братьев и челядинцев всех устранили и начисто отобрали все,

что у них было. Сына Али, герхенга Мухсина, отправили в Мультан. Он был очень молод, но умен и скромен и поэтому, конечно, на него было обращено внимание, и он был освобожден от оков и испытаний и приехал в Газну. Ныне эн в почете и уважении живет в Газне. Он продолжает оставаться столь же скромен и нетребователен, занят службой и не ищет лишнего, да продлится жизнь его благополучно!

Султан Мас'уд, да будет им доволен Аллах, счастливо, на радость друзей, дошел до Шапургана [205] и там /***95***/ отпраздновал день жертвоприношения [206]; [потом] двинулся дальше в Балх, прибыл туда в понедельник, седьмого числа месяца зу-л-хиджжа лета четыреста двадцать первого [207] и в добрый час расположился в кушке Дер-и Абдал'ала. Весь мир [вокруг] походил в то счастливое время на пышное свадебное празднество, особливо Балх. На другой день [султан] устроил **[111]** торжественный прием. Балхские вельможи, явившись на поклон с дарами, вернулись обратно, осыпанные милостями и ласкми

и каждый занялся исправлением своей должности, а [государь] пировал [208].

* * *

Я довел повесть об этом государе до сего места и для меня было обязательно, чтобы я рассказывал, начав с того дня, когда до него дошло известие, что его брата свергли в Тегинабаде [и] он вступил на престол, но я не рассказал, потому что этот владыка еще как бы готовился стать на ноги и двигался на Балх. Теперь же, когда он прибыл в Балх и все дела пришли в порядок, необходимо повествовать «Историю» в ином виде.

Сперва я напишу вступительное слово и присоединю к нему несколько рассуждений, а потом начну повествовать историю светлейшей жизни его, что составит отдельную книгу. Молю бога, велик он и всемогущ, о наилучшей помощи и поддержке, чтобы завершить сию «Историю». *Воистину, хвала богу, благоприятствующему и помогающему милостью, силой и превосходством, и да благословит Аллах Мухаммеда и все семейство его!*

НАЧАЛО ИСТОРИИ ЭМИРА ШИХАБ АД-ДОВЛЕ МАС'УДА, СЫНА МАХМУДА, ДА БУДЕТ МИЛОСТЬ АЛЛАХА НАД НИМИ!

Говорит Абу-л-Фазл Мухаммед, сын Хусейна Бейхаки, да будет над ним милость Аллаха! Хотя сия часть истории опережена тем, что уже упоминалось [выше], однако по ступени [своей должна] была бы предшествовать она. Для начала надобно знать, что покойный эмир, да смилуется над ним Аллах, был цветком молодого деревца, от которого родилось и выросло царство, и как павший жертвой эмир Мас'уд воссел на престол царства и на место отца [своего]. Досточтимые ученые мужи поведали историю справедливого эмира Себук-те-гина, да будет им доволен Аллах, от начала его отрочества до той поры, когда он попал ко двору Альп-тегина, старшего хаджиба и сипахсалара дома Самани, и тех трудных подвигов, кои были совершены им, /***96***/ покуда он не приобрел степень эмира в Газне и не скончался в этом высоком сане, и дела перешли к эмиру Махмуду, как написали и обстоятельно изложили.

Я же написал [историю] до конца жизни [Махмуда]. То, что лежало на них, они исполнили, а то, что выпало на мою долю, я тоже исполнил в меру моего знания, покуда не дошел до этого великого государя [209]. У меня нет никакого превосходства в учености и нет у **[112]** меня их степени, [но] поскольку я выдержал [испытание], то и дошел до сего места. Цель моя заключается не в том, чтобы рассказать людям нашей поры о жизни султана Мас'уда, да просветит Аллах его доказательство, ибо они его видели и осведомлены о его величии, доблести и присущих ему особенностях во всех областях управления государством и главенства. Моя цель состоит в том, чтобы написать достойную летопись и возвести величественное здание, так чтобы воспоминание о нем сохранилось до скончания веков. Молю господа вековечного о помощи завершить его: *Аллах — податель помощи!* Поскольку я в [этой] «Истории» обязался перед восшествием на престол каждого государя написать вступительное слово, а затем уже заняться повествованием истории, то я теперь это

обязательство солюдаю, *по воле Аллаха и с помощью его*.

Рассуждение. Я так говорю: из минувших царей, наиболее достойных, есть небольшое число самых знаменитых, и из этого числа [особо] называют двоих — грека Александра и перса Ардешира [210]. Поскольку наши государи и повелители превзошли этих двух человек по всем статьям, то обязательно надобно знать, что наши цари были самые великие на земле, ибо Александр был мужем, огонь владычества коего обрел силу, взвился вверх на несколько дней весьма недолгих, а затем сделался пеплом. Захватывая великие царства и бродя по благоустроенным областям мира, он вел себя так, как будто кто-то проходит разные местности, дабы ими [только] полюбоваться. Когда же он захотел, чтобы государи, которых он победил, склонились перед ним и посчитали себя ниже его, то впрямь было похоже на то, будто они ему [в том] торжественно поклялись, а он ту [клятву] приравнял к [настоящей], чтобы она не казалась ложной. Какая: польза кружить по свету? Царю нужно быть правителем

властным. Когда он захватывает какое-нибудь царство или страну, но не может прибрать их к рукам и вскоре уже тянется за другим царством и все так же проходит дальше, оставляя его в небрежении, то все языки получают полную возможность говорить: «Он слаб и явил полное бессилие».

Самыми великими подвигами Александра, /***97***/ описанными в книгах, считают то, что он убил Дария, который был царем персидским, и Фора, царя Хиндустана. С каждым из этих двух мужей он совершил преступление весьма мерзкое и большое. Преступление с Дарием состояло в том, что он в Нишабуре, на войне, пробрался под видом посла в войско Дария. Александра опознали и хотели схватить, однако он [успел] бежать, а Дария убили его же доверенные люди, и все пошло кувырком. Преступление с Фором заключалось в том, что когда между ними поднялась война и затянулась, Фор вызвал Александра на единоборство, и оба пошли друг на друга, а это недопустимо, **[113]** чтобы государь подвергал себя такой опасности. Александр был человек хитрый и коварный. Прежде чем

сойтись с Фором, он применил такую хитрость для убийства его: в стороне войска Фора [вдруг] раздался сильный крик. Фор забеспокоился и оглянулся в сторону, а Александр воспользовался удобным мгновением, ударил его и поразил насмерть.

Словом, Александр был мужем внушительного вида, громогласный и мечущий молнии, наподобие тучи весной и летом, ибо он пронесся над царями на свете, излил дождь и снова исчез. *Рассеялся быстро, как будто летняя туча!* После него царство греков продержалось и длилось на земле пятьсот лет. Оно существовало благодаря правильному совету, который дал Аристотель, наставник Александра, сказав: «Царство надобно разделить между царьками, дабы они занимались друг другом и не покушались на Рум». Их называли сатрапами [211].

Что же касается Ардешира Папакана, то важнейшее, что о нем передают, это то, что он вернул былое могущество Персии и установил среди царей справедливые законы. После него некоторые придерживались их и, клянусь жизнью, сей [царь]

был велик! Однако господь бог, велик он и всемогущ, привел к концу царствование сатрапов, дабы Ардеширу дела удавались с легкостью. Говорят, эти два человека творили чудеса, как пророки.

У царского же дома нашей великой державы столько подвигов и достойных деяний, как не было, ни у кого; о них уже упоминалось в сей «Истории» и будет сказано еще. Посему, ежели какой-нибудь хулитель или завистник скажет, что корнем славных мужей /***98***/ нашего великого царского дома является некий отрок безвестный [212], то ответ ему таков: с тех пор, как господь бог, да славится поминание его, сотворил Адама, божественное предопределение поступает так, что царству случается перейти от людей одной веры к людям другой веры, от одной стороны к другой. Самое сильное подтверждение тому, что я говорю, — речение создателя, да славится величие его и да святятся имена его, рек он: «*Скажи, боже, владыка царства! Ты даешь царство, кому хочешь, ты отнимаешь царство от кого хочешь; ты возвеличиваешь, кого хочешь и уничижаешь, кого

хочешь. В руке твоей благо, воистину ты волен над всеми»* [213].

Итак, надлежит знать, что в снятии [в силу] предопределения господня, да славится поминание его, рубашки царства с одних людей и надевание [ее] на других заключается божественная мудрость и общая для всего народа на земле польза, которых разум человеческий не в силах постигнуть. Никому не пристало размышлять, почему это так, дабы уразуметь еще больше [смысл этого] изречения. Хотя сей закон точен и непреложен, и необходимо покоряться приговору **[114]** господа бога, велик он и всемогущ, [все же] ежели люди умудренные начнут вдумываться в этот сокровенный вопрос, делать заключения и выводы, дабы получить какое-нибудь ясное доказательство, то им станет несомненно, что создатель, да славится величие его, есть ведатель тайн, которому известно несовершившееся. В его предведении значится, что на свете в таком-то месте появится человек, от которого слугам его будет спокойствие и безопасность, а земле изобилие и благоустроение, и он установит незыблемые законы.

Так что когда от того семени достанется этому человеку, он так посеет [его], что современники его, простые и благородные, склонятся перед ним, подчинятся и покорятся и этой покорностью не навлекут на себя никакого позора. Как только [Аллах] выдвинет такого государя, он приводит к нему сколько-нибудь человек, его помощников и слуг подстать ему, один другого знатней, способней, достойней, отважней и мудрей, дабы страна и ее народ стали еще краше, благодаря этому государю и этим сподвижникам [его], до той поры, как предопределил господь бог, велик он и всемогущ. *Да будет благословен Аллах, наилучший из творцов!* [214].

С пророками, да будут молитвы божий над «всеми ними, происходило точно так же со времен Адама, мир ему, до «Печати пророков» [215], избранника [божия], привет ему. Поскольку избранник [божий], привет ему, был единственным на земле, то необходимо уяснить [себе], каких товарищей ему дал [Аллах], что они содеяли после кончины его и на какую ступень вознесли ислам, как сие явствует из

историй и житий. Сей божественный закон пребудет до воскресения из мертвых, /***99***/ с каждым днем все крепче, явней и возвышенней, *хотя бы и был противен безбожникам* [216].

Дело насиро-ямино-хафизо-му'иновской [217] державы, очевидной и в наши дни, которой преславный султан Абу Шуджа Фаррухзад [218], Сын Поборника веры в Аллаха, да продлит Аллах его век, правит по праву наследования, наследования законного, тоже шло таким образом. Господь бог, да славится поминание его, когда захотел, чтобы на земле появилась такая великая держава, возвел справедливого эмира Себук-тегина от ступени неверия на ступень веры в бога и даровал ему мусульманство, а потом возвышал его, покуда от корня благословенного дерева не появились отпрыски во много раз могучей, чем [сам] корень. Теми отпрысками [Аллах] украсил ислам и могущество наместника пророка, привет ему, он связал с ними. Ежели посмотреть, то Махмуд и Мас'уд, да будет над ними милость Аллаха, были два ярких солнца, закрытых [в пору] утренней и вечерней зари, но когда утро и вечер миновали,

сияние этих солнц стало явно. И вот теперь от тех солнц произошло столь много знаменитых светил и без числа блистающих планет. Да здравствует навеки сия великая **[115]** держава, с каждым днем все могущественней, на зло врагам и завистникам!

Поскольку я кончил и это рассуждение, я начал еще одно, которое ближе сердцам и его скорее услышат уши, а уму оно не будет стоить большого труда. Знай, что господь всевышний одной силой наделил пророков, да будет благословение господне над всеми ними, а царей — другой, и наказал народам на земле: вам-де надобно следовать за этими двумя силами и признавать сей праведный божеский путь. Всякий же, кто его будет [пытаться] познать по вращению небосвода, по созвездиям и знакам зодиака [219] и отрицать [промысл] создателя, [тот] му'тазелит, зиндик [220] и материалист и место его в аду. *Да хранит нас Аллах от оставления без помощи*. Сила пророков, привет им, творила чудеса, то есть то, что не в состоянии сделать [обыкновенные] люди, а сила царей — это тонкая мысль, превосходство, торжество и победа над

врагами и правосудие, которое они оказывают согласно повелениям всевышнего господа. Разница между царями, божьей помощью [221] и инаковерующими похитителями власти [222] заключается в том, что царям, когда они справедливы, благодеятельны, благонравны и совершают геройские подвиги, следует покоряться /***100***/ и считать поставленными от бога, а тиранов, которые притесняют и злодействуют, следует называть вероотступниками и вести с ними священную войну. Это такие весы, на которых взвешивают благодетеля и злодея, и они становятся явны, и без сомнений можно узнать, кого из двух нужно сохранить. Государей наших, тех, кто помер, пусть простит господь, а тем, что живут, продлит век земной. Достойно лицезрения, как жизнь их протекала и протекает в правосудии, благочестии, целомудрии, боголюбии, прекрасном досуге, умиротворении людей и стран, обуздании насильников и притеснителей, чтобы стало совершенно ясно, что они суть избранники

создателя, велик он и всемогущ и да святятся имена его!

Покоряться им была и есть [наша] обязанность. Ежели в то время вместо таких наших царей приходила какая-нибудь беда и [народ] испытывал разочарование, или происходило какое-нибудь необыкновенное событие, как часто бывает на свете, то людям умным надлежит глядеть на них мудрым оком и не впадать в заблуждение, ибо предопределение создателя, велик он и всемогущ, изначала начертанное на скрижали, не подвергается изменению. *Не восставай против приговора его, да славится поминание его! Бог есть истина, хотя не знают ее смертные; день есть свет, хотя не видит его слепец [223]. И прошу Аллаха всевышнего, дабы сохранил он нас от греха и заблуждения по всемогуществу, доброте и всеобъемлющей милости своей*.

Покончив с вступительным словом, я счел необходимым изложить еще одно рассуждение, которое пригодится как государям, так **[116]** и

прочим, дабы каждый разряд людей в меру своего знания пользовался им. Посему начинаю с рассказа о том, в чем состоит особенность человека мудрого и справедливого, чтобы стоило называть его достойным, и [в чем] особенность тиранов, чтобы безусловно называть их варварами, дабы стало совершенно ясно, что чем глубже мудрость [кого-либо], тем больше его славят уста [людей], и чем скуднее его разум, тем недостойней он кажется народу. Самые знаменитые мудрецы, жившие в древние времена, говорят, что в числе откровений, которые господь бог, велик он и всемогущ, ниспослал пророкам в [разное] время, одно содержало в себе слова, сказанные людям: «Познай самого себя, /***101***/ ибо ежели ты познаешь самого себя, ты постигнешь сущность вещей». Наш пророк, привет ему, сказал: «*Кто познал душу свою, уже познал господа своего*». Это слово кратко, но смысла в нем много, ибо тот, кто не может познать самого себя, как сумеет познать [сущность] других вещей? Он — из числа животных и даже хуже животных, ибо у тех нет способности различать

[добро и зло], а у него есть. Следовательно, ежели хорошо поразмыслить, — в том прекрасно построенном предложении и кратких словах заключено великое поучение. Каждый, кто познал себя, [познал], что он живет и, в конце концов, со смертью превратится в ничто и снова всемогуществом создателя, да славится величие его, восстанет из гроба, тот познал творца своего и убедился, что создатель не бывает подобен созданному; в нем зарождается праведная вера и полная убежденность. Тогда же он узнает, что состоит из четырех веществ, благодаря которым существует его тело, и всегда, когда в одном из этих веществ случается изъян, равновесие нарушается и появляется недуг. В нашем теле — три силы: первая — разум и речь, местонахождение их — голова и по соучастию — сердце; вторая — гнев, местонахождение его — сердце; третья — желание, местонахождение его — печень. Каждую из этих сил приравнивают одной какой-либо душе, хотя прибежищем этих [душ] является [только] одно тело. Речь об этом долгая и ежели заняться обстоятельным

рассказом на сей счет, то потеряется [главная] цель, я же [здесь] высказал [лишь несколько] соображений, дабы [от них] получилась польза. Что касается силы разума и речи, то для нее в голове есть три места, одно называется воображением. Первая степень ее — способность видеть и слышать вещи; вторая степень — способность различать и наблюдать, то есть эта степень может различать правду и ложь, добро и зло, возможное и невозможное; третья степень состоит в том, что все, что она не увидела бы, она может понять и сделать наблюдения. Затем из этого сопоставления [трех степеней] должно уразуметь, что средняя [степень] более возвышенна, ибо она подобна судье, к которому обращаются по делам, суд и решение принадлежит ей. Первая **[117]** же [степень] — справедливый свидетель, говорящий правду, потому что все, что видит и слышит, сообщает судье и отвечает, когда тот спросит. Так обстоит дело с душой говорящей. Что же касается души гневливой, ей предоставлено домогаться чести и славы, но не чинить насилия, и когда ей /***102***/ нанесут обиду, заниматься мщением. А душе

желающей присуща любовь к яствам, вину и прочим наслаждениям.

Затем должно усвоить получше, что душа говорящая — царь могущественный, побеждающий и подавляющий. Ему надлежит быть справедливым и править отлично и твердо; не так, чтобы уничтожать или быть [слишком] добрым, но и не так, чтобы казаться бессильным. Отсюда, гнев есть войско этого царя, с помощью которого он исправляет беспорядки, укрепляет пограничные области, отражает неприятеля и охраняет подданных. Надобно, чтобы войско было наготове и, будучи наготове, повиновалось царю. Душа желающая — подданные этого царя. Нужно, чтобы они боялись царя и войска, страшно боялись и слушались.

Каждого человека в таком роде, как я упомянул, то есть у которого все три силы проявляются надлежащим образом, так что они уравновешивают друг друга, достойно называть превосходным, совершенным и настоящим мудрецом. Но ежели в людях одна из этих сил станет подавлять другую,

тогда обязательно появится недостаток, соразмерный [степени] подавления. Сложение людей, когда присмотреться, одинаково со [сложением] животных. Однако господь бог, да славится поминание его, даровал людям две милости: знание и труд, [поэтому] они, конечно, отличаются от животных и их постигает награждение и наказание [божее]. Теперь, следовательно, без сомнения можно понять, что тот, кто получил такую степень, обязан управлять своей плотью, дабы следовать путем самым достохвальным и знать, докуда простирается разница между добром и злом, чтобы стремиться к тому, что наиболее похвально, и отстраняться от того, что наиболее предосудительно, и воздерживаться.

Поскольку это обстоятельство рассказано, то теперь открываются два пути: путь добра и путь зла. У них есть признаки, по которым доброе и злое можно различить. Надо, чтобы видящий поразмыслил об образе жизни людей и уразумел, что все хорошее, что достается ему от них, есть доброе, а потом сопоставил бы свой образ жизни с ихним, и ежели он

окажется не таким, то понял бы, что он нехорош; ведь люди свои пороки [сами] не могут распознать. Один мудрец выразился с намеком, что ни у кого-де нет глаз, замечающих [свои] пороки. Стихи: **[118]**

*Каждый человек замечает порок, кроме своего,
И слеп он к пороку в себе самом.
Каждому человеку неизвестны его изъяны;
Но явны ему недостатки в собрате его.*

/***103***/ Бывает также, что человек очень умен, но сила гнева и сила желания одерживают над ним верх, сила разума терпит поражение и отступает назад, и человек сей неминуемо впадает в заблуждение. Быть может он [даже] понимает, что попал между двух могучих врагов и что оба они сильнее его разума и что разуму нужно применить много ухищрений, чтобы справиться с этими двумя врагами, говорят, *горе сильному среди слабых!* Отсюда можно понять, каково бывает положение, когда слабый попадает между двух сильных. Тогда недостатки и пороки проявляются, а достоинства и добродетели прячутся. Ученые люди сравнили человеческую плоть с домом, в котором живут человек, свинья и

лев. Они разумели под человеком разум, под свиньей — желание, под львом — гнев. И сказали они: «Кто из этих трех сильнее, тот и хозяин дома». Такое положение [люди] видят воочию и знают из сравнений. Каждый, кто твердо властвует над своей плотью и в состоянии свернуть шею алчности и желанию, достоин называться человеком мудрым и воздержанным. Человек же, которым целиком может завладеть желанье, так что он только и стремится его удовлетворять, глаза же его разума остаются слепы, подобен свинье. Так же и человек, которого одолевает гнев и в гневе он нисколько не склонен к пощаде и милосердию, подобен льву.

Этот вопрос надобно, конечно, разъяснить больше. Когда какой-нибудь хулитель скажет: коль скоро желанья и гнев не нужны, то господь бог, велик он и всемогущ, и не создал бы их в плоти человека, то ответ [ему] таков: «Создатель, да славится величие его, во все, что он создал, вложил какую-нибудь пользу, общую и явную. Ежели бы он не создал желанья, то никого не влекло бы к пище, от которой зависит жизнь тела, и к совокуплению, в коем

продолжение жизни рода; людей не осталось бы и мир пришел бы в запустение. А ежели бы он не создал гнева, никто не обратился бы к отмщению и сохранению себя от позора и гнета, не занимался бы отплатой и не ограждал бы своей семьи и достояния от захватчика, и благополучие сразу пресеклось бы. Однако необходимо и похвально, чтобы сила желания и сила гнева находились в подчинении у силы разума, чтобы сила разума считала обе других как бы верховыми животными, на которых она ездит, по усмотрению своему погоняет вперед или поворачивает назад, а ежели они не слушаются /***104***/ и хорошо не объезжены, тотчас же устрашает их кнутом и бьет, ежели это бывает нужно. Когда желанье появляется, налагала бы [ему] на ноги путы и крепко привязывала к коновязи, так чтобы оно не могло развязаться, **[119]** ибо ежели развяжется, то [сила разума] погубит самое себя и того человека, в котором находится.

Надобно также, чтобы человек понимал, что эти имеющиеся у него два врага суть враги, страшней и сильней которых не может быть. Пусть же он

постоянно будет настороже от них, дабы они, не дай бог, когда-нибудь не провели его и не предстали перед ним под видом друга, каким является разум, и чтобы человек не натворил чего-нибудь мерзкого, посчитав это за добро, или не совершил над кем-либо насилия, предположив, что сие справедливо. Дабы обезопасить себя от коварства этих двух врагов, пусть все, что захочет сделать, представит разуму, который является истинным его другом. Каждый раб [божий], которому господь бог, велик он и всемогущ, даровал светлый разум, и он этому разуму, своему истинному другу, представляет [все] дела, а разуму помогает знание, [кто] читает и следует преданиям о минувших людях, блюдет и дела своего времени, тот сумеет понять, что означает доброе деяние и что означает злое деяние, хорош ли конец того и другого или нет, что говорят люди и что одобряют, и отчего о людях остается самая лучшая память. Есть много разумников, заставляющих людей идти по праведному пути, а сами указанным путем не следуют. Сколь много я вижу людей, призывающих творить добрые дела и запрещающих дурные,

сказывающих людям, что такие-то дела не следует совершать, а такие-то дела делать должно, а сами далеки от этого.

Имеется также множество лекарей, говорящих: то-то не следует есть, потому что от него возникает такая-то болезнь, тогда как сами едят его часто. Есть и философы — их считают врачами нравственности, — которые запрещают [совершать] весьма мерзкие дела, но когда комната опустеет, сами их творят. Есть люди невежественные, не понимающие, в чем заключается сущность подобных дел, но поскольку они невежды, им это простительно. Однако людям образованным и знающим сие простить нельзя. Человек умный, твердый и постоянный — тот, кто, /***105***/ благодаря своему ясному суждению, сердцем заодно с обществом и умеет подавлять пыл нелепых желаний. Следовательно, ежели человеку не помогает своя [собственная] сила, то пусть он изберет несколько лиц из самых верных советчиков и наидостойнейших людей, которые ему указывали бы его пороки. Таким образом, когда он будет бороться с могучими врагами, засевшими в его сердце и душе,

и окажется не в состоянии совладать с ними, то совещался бы с этими советчиками, дабы они [ему] показали его лицо благоразумия, ибо избранник [божий], привет ему, сказал: *Правоверный есть зеркало правоверного*.

Гален был самый великий врач своего века, так что не было ему равного в науке врачевания мяса, крови и естеств [224] человеческого **[120]** тела, а еще бесподобней он был в лечении душевных свойств [человека]. У него по этому [поводу] имеются трактаты, весьма прекрасные, о познании человеком самого себя, от коих читателям большая польза. Основное в этом деле [225] — следующее, [он говорит]: «Каждый разумный человек, который не может понять свой порок и пребывает в заблуждении, должен обязательно избрать одного друга из числа друзей, самого умного, самого доброго советчика и самого превосходного, и с его помощью разобраться в своих действиях, обычаях и нравственных качествах, дабы тот без пристрастия ему показал его хорошие и дурные [стороны]. В том, что я говорю, всех более нуждаются цари, ибо их повеления

подобны острому мечу, и никто не смеет им противоречить. Ошибку, допущенную ими, трудно бывает исправить.

Я прочел в повестях о персидских царях в переводе Ибн Мукаффы [226], что самые великие и наидостойнейшие цари имели обыкновение постоянно, днем и ночью, покуда не ложились почивать, держать при себе мудрых людей, наимудрейших [своего] времени. Они были над ними как бы блюстителями [нравов], чтобы показывать им, что доброго и что дурного происходило от образа жизни, обычаев и повелений тех высокомерных гордецов, которые были царями. То есть, когда царя толкает страсть мерзкая, и он желает проявить могущество и грозность, за которыми кроется пролитие крови /***106***/ и искоренение [целых] семейств, то, быть может, мудрые советники это поймут, представят ему, чего стоит и сколь мерзко это, расскажут ему предания о минувших царях, осудят и сделают предупреждение на основании божественного закона, дабы он своим умом и рассудком сделал [нужные] выводы, и гнев и ярость

утихли. И тогда он поступит так, как решат справедливость и правда, ибо когда в нем поднимаются гнев и ярость, в тот час на его разум налетает великое моровое поветрие и он нуждается в лекаре, который сумел бы устранить это поветрие, дабы бедствие стихло.

У людей, хоть царей, хоть не царей, у каждого есть душа и называют ее духом, орган весьма важен и ценен, и есть тело, которое называют плотью, она очень ничтожна и ничего не стоит. Подобно тому, как лекари и врачи избирают плоть, чтобы быстро исцелить ее от случившегося недуга и приготовляют снадобья и яства для нее, чтобы она поправилась, было бы гораздо уместнее, чтобы лекари и врачи предпочитали лечить дух от того поветрия, ибо всякий разумный человек, который поступит не так, сделает плохой выбор, потому что он пренебрежет важным и протянет руку к неважному. Подобно тому, как у тех лекарей есть снадобья и пахучие корни, привезенные из Хинду-стана и отовсюду, у этих людей тоже имеются лекарства — это разум и

хороший опыт как от испытанного [лично], так и от вычитанного из книг. **[121]**

Я прочел в истории дома Самани, что Насру, сыну Ахмеда [227], было восемь лет от роду, когда он остался без отца, потому что Ахмеда убили на охоте. На другой же день этого отрока посадили на престол царства, на место отца. Сей царственный львенок был очень красив, превзошел всю науку обхождения царей [с людьми] и был бесподобен. Однако в нем было чрезмерно много злобы, ярости и властности. В гневе он отдавал жестокие повеления, покуда люди не пришли в ужас. Но при всем этом он прибегал к разуму и понимал, что такие нравственные качества весьма непохвальны.

/***107***/ Однажды он уединился с Бал'ами [228], который был его главным везиром, и с Бу Тайййбом Мус'аби, начальником посольского дивана, — оба они в то время были несравненны во всех отраслях науки — и рассказал им полностью свою жизнь. Он сказал: «Я знаю, то, что исходит от меня — великий грех, но я не в состоянии подавить в себе гнев, когда же огонь

гнева моего утихнет, я раскаиваюсь, но какая в том польза, ведь головы уже отрублены, хозяйства разорены, бесчисленные палочные удары нанесены. Как помочь этому делу?» Они ответили: «Быть может будет хорошо, ежели государь приставит к себе очень умных недимов. При большом уме у них, возможно, еще окажется милосердие, жалостливость и мягкость. [Тогда] пусть [государь] даст им позволение без чина, когда государь разгневается, непрестанно [за кого-нибудь] заступаться и утишать гнев ласковым обхождением. Коль скоро государь сотворит добро, то они приукрашивали бы [это] добро в его глазах, дабы он прибавил [к нему] еще. Мы знаем, ежели поступить таким образом, то дело поправится».

Такой совет Насру, сыну Ахмеда, пришелся весьма по душе. Он одобрил их слова, похвалил за то, что они сказали и промолвил: «Я еще добавлю к этому кое-что другое. Торжественно заклинаю, дабы все, что я повелеваю в гневе, не приводили в исполнение в течение трех дней, покуда в это время не погаснет огонь моего гнева и заступники не найдут нужных

слов. Тогда я рассмотрю их и учиню расспрос. Ежели окажется, что гнев мой был справедлив, то пусть бьют палками, но так, чтобы ударов было менее сотни, а ежели я гневался несправедливо, то наказание отменю и возвышу тех лиц, которых повелел казнить, коль скоро они достойны повышения. Ну, а ежели наказание соответствует шариату и [тому], как выносят приговор казии, пусть [его] исполняют». Бал'ами сказал и Бу Таййиб: «Ничего не осталось [добавить], дело поправилось».

Тогда Наср, сын Ахмеда, повелел: «Пойдите и поищите в моем государстве самых умных людей, и сколько их ни нашлось бы, пусть доставят во дворец, дабы я приказал то, что надлежит приказать». Оба сановника удалились весьма довольные, ведь им угрожала превеликая беда [229], и приступили к розыску мудрых людей /***108***/ в стране. В общем **[122]** доставили в Бухару семьдесят с лишним человек, сановитых, родовитых и богатых, и оповестили о том Насра, сына Ахмеда. Он сказал: «Этих семьдесят с лишним человек, коих отобрали, надобно испытать в течение года, чтобы оставить из них несколько

самых мудрых». Так и сделали, и от тех людей оставили трех старцев, самых мудрых, самых ученых и самых опытных. Их привели к Насру, сыну Ахмеда, и Наср испытывал их еще одну неделю. Когда он признал их единственными [в своем роде], он поведал им свою тайну, написал очень страшную клятву, прочел ее вслух и дал им позволение заступаться по любому случаю и разговаривать [с ним] совсем свободно. Прошел год с того времени. Наср сделался вторым Ахнафом, сыном Кайса [230], и столь мягок, что его ставили в пример. Непохвальные нравственные свойства сразу покинули его.

Кончилось и это рассуждение, и я знаю, что люди умные, хотя речь и затянулась, одобрят [ее], потому что нет ничего написанного, чего не стоило бы раз прочитать. После нашего века к ней обратятся люди других веков и поймут. Для меня несомненно, что ныне, когда я пишу сие сочинение, в нашей великой столице, да пребудет она вечно, есть вельможи, которые, займись они повествованием истории этого государя, всадили бы стрелу в мишень и показали бы

людям, что они верхом на коне, а я пеший, да и в пешем хождении [рядом] с ними я оказался бы вял и с подагрической ногой. Следовало бы так, чтобы они написали, а я поучился, и когда бы рассказывали, я бы послушал. Однако, поскольку державная власть возложила на них заботу думать о важных делах и преуспевать [в них], то они и стараются, чтобы ни в коем случае не произошло непорядка, и какой-нибудь враг, завистник и хулитель не достиг желанного. Где уж им браться за повествование истории, хранить [в памяти] столько событий и сведений и написать их, и как им к тому привязаться душой? Поэтому я, замещая их, предпринял этот труд, ибо ежели бы я [его] отложил, ожидая, что они сами займутся этим делом, то, может быть, они так и не взялись бы [за него], и когда бы прошло долгое время, события /***109***/ скрылись бы с глаз и из сердец людей. А захоти [взяться] за это дело кто-либо другой, то, возможно, у него не оказалось бы такого коня, на каком еду я, и славные следы этого великого царского дома стерлись бы. Я видел множество историй царей, составленных до меня их слугами, и в

этих историях они [от себя] прибавляли и убавляли и таким образом хотели их приукрасить. Жизнь же государей этого царского рода, да смилуется Аллах над покойными из них и да прославит живущих, совершенно противоположна [жизни тех], ибо, слава всевышнему богу, они словно ясное солнце, и господь бог, да славится поминание его, освободил меня от необходимости прикрашивать и выставлять в ложном виде. **[123]**

Поскольку я вступительные рассуждения кончил, то снова возвращаюсь к изложению «Истории» и молю господа, да славится поминание его, помочь завершить его по правилам бытописания. До этого, в минувшем повествовании, я привел две главы из жизни великого государя [эмира Мас'уда], да просветит Аллах его доказательство, одну о том, что совершено было его рукой из славных дел после того, как эмир Махмуд, да будет им доволен Аллах, вернулся из Рея и препоручил это владение ему, и вторую о том, что с ним приключилось счастливого по милости господней, да славится поминание его, после кончины его отца во владении его брата, в

Газне, до того времени, как он прибыл в Герат, дела пришли в порядок и цели были полностью достигнуты, для того, чтобы осведомить об этом читателей. С ним случались необыкновенные и удивительные происшествия. В пору его отца было несколько событий, все я поведал в сей «Истории» на своем месте, при описании лет эмира Махмуда. Было и несколько других случаев, которые имели место в пору его отрочества, когда он стал более самостоятелен [231], и отец сделал его наследником престола.

Я слышал кое-что об этом когда находился в Нишабуре, не будучи удостоен счастья служить сей богоутвержденной державе, но всегда хотел об этом услышать от надежного человека, который сам был бы очевидцем. Но такого случая не выпадало до сего времени, когда я приступил к составлению сей «Истории». Страстное желание добыть эти [сведения] все возрастало, потому что уже долгие годы, как я за этой работой [232] и все думаю, как же я примусь за благословенную пору этого государя,

ежели не удастся раздобыть те сведения, [ведь] будет обман, коль скоро они будут измышлены.

Счастливый случай выпал в начале лета четыреста пятидесятого [233], /***110***/ когда ходжа Бу Са'ид Абдалгаффар Фахир, сын Шерифа, хамид амир ал-му'минин [234], да продлит Аллах его славу, оказав милость, разыскал меня в этом углу праздности, потрудился прийти ко мне, одарил меня всем тем, чего я искал, а потом и написал своей рукой. Он тот надежный человек, у которого все, что подтвердят его разум и знание, не нуждается ни в каком свидетеле, ибо сей ходжа, да продлит Аллах его благоденствие, еще будучи четырнадцати лет отроду вступил в службу этого государя и, служа ему, испил много горячего и холодного, испытал много лишений и перенес большие опасности с таким человеком как Махмуд, да будет им доволен Аллах, покуда, конечно, сей государь, достигнув престола царства, не стал его содержать так, как содержал в смысле большой любви и полного доверия [к нему]. **[124]**

Мне приходилось общаться с этим ходжой в исходе двадцать первого года [235], когда знамя павшего жертвой эмира [236], да будет им доволен Аллах, прибыло в Балх. В нем, [в Абдалгаффаре], я нашел весьма ученого мужа. Он заседал в посольском диване вместе с моим наставником и большую часть дней своих проводил при государе в личных его покоях. Следовало бы и даже было бы священной обязанностью для меня блюсти его право на титулование, однако в бытописании не принято большее, чем я выразил. Каждый умный человек, обладающий знанием, сумеет понять, что *хамид амир ал-му'минин* значит: достоенный похвалы от величества халифата [237], какой еще титул может быть выше этого? Эта честь была ему оказана в благословенную пору эмира Мавдуда, да смилуется над ним Аллах, когда эмир отправил то в Багдад послом по очень важному делу. Ходжа поехал и исполнил то дело так, как исполняют люди мудрые, видавшие свет. Он возвратился обратно, достигнув цели, как я обстоятельно расскажу, когда дойду до времени эмира Мавдуда [238].

В пору эмира Абдаррашида из всех надежных людей и слуг [государевых] доверие пало на него поехать в Хорасан [тоже] по важному делу заключения договора и соглашения с некоторыми власть имущими лицами, которые ныне держат Хорасанскую область [в своих руках]. В то время посольским диваном ведал я. Эти обстоятельства я тоже расскажу в своем месте. После того, как над головой этого юджи пронеслись еще разные события, мягкие и жесткие, в сию счастливую пору преславного султана Абу Шуджа Фаррухзада, сына Мас'уда, да продлит Аллах его жизнь и да дарует победу его знамени, ему была пожалована должность рейса в Бусте. Долгое время он пробыл в той области, и оставил [по себе] добрые следы, а ныне он живет /***111***/ в Газне в почете и уважении в своем доме. Я набросал [здесь только] *несколько слов о его жизни. Подробности ее я очень пространно изложу в сей «Истории» на своих местах, ежели будет угодно Аллаху всевышнему. Несколько сведений из макам о эмире Мас'уде, да будет им доволен Аллах, которые я слышал от ходжи, я

изложил ниже, дабы они стали известны. Когда же я с ними покончу, то приступлю к [описанию] восшествия этого государя на престол царства в Балхе и расскажу о счастливой поре его [царствования].

МАКАМА О БЫТИЕ ЭМИРА ШИХАБ АД-ДОВЛЕ МАС'УДА НАСЛЕДНИКОМ ПРЕСТОЛА И О ТОМ, КАК, ТЕКЛА ЕГО ЖИЗНЬ

В месяцах лета четыреста первого [239], когда эмир Махмуд, да будет им доволен Аллах, пошел по заминдаверской дороге на гузов [240] и Гур [241] через Буст, он приказал сыновьям своим, эмирам Мас'уду и Мухаммеду, и брату своему Юсуфу, да будет милостив ко всем ним **[125]** Аллах, остаться в Заминдавере [242], там же оставил он и самые тяжелые обозы. Обоим царевичам было тогда по четырнадцати лет, а Юсуфу — восемнадцать. Эмир Махмуд оставил их там потому, что считал Заминдавер благодатным [краем], ибо первое владение, которое справедливый эмир Себук-тегин, его отец, да будет им доволен Аллах, отдал ему, был этот край. Деду моему, а я Абдалгаффар, в ту пору, когда государь пошел на Гур и тех эмиров поселили

там в доме Бай-тегина Заминдаверского, который властью эмира был правителем того края, от [эмира] вышло повеление, чтобы он поднялся служить царевичам и исправно доставлять им содержание и жалование. И была у меня бабка, женщина благочестивая, благоразумная, она читала Коран и умела писать, а также держала в памяти много толкований на Коран и объяснений преданий о пророке, *да благословит его Аллах и да приветствует*; к тому же она хорошо готовила яства и пития, весьма прекрасные, на это она была мастерица. И вот дед мой и бабка занялись служением царевичам, которых там поселили. Царевичи выпрашивали у старушки сластей, яств и [исполнения всяких] желаний, и она к тому прилагала старанья, так что [все] выходило прекрасно. Постоянно они призывали ее к себе, чтобы она рассказывала повести и предания, /***112***/ и полюбили это. А я уже был очень большой, ходил в школу читать Коран, прислуживал, как прислуживают мальчики, и возвращался обратно, пока [однажды] случилось так, что воспитателю

своему, которого звали Басальми [243], эмир Мас'уд сказал: «Следовало бы Абдалгаффара поучить кое-чему из словесности». Тот научил меня двум-трем касыдам из дивана Мутанабби [244] *Остановимся — поплачем,* и по этой причине я сделался посмелее.

В ту пору я видел, что царевичи садились так: слуга Рейхан [245], приставленный эмиром Махмудом и смотревший за ними, приводил эмира Мас'уда и [его] усаживали первым на садр, затем приводили эмира Мухаммеда и усаживали по правую руку от Мас'уда, так чтобы одно колено приходилось вне садра, а другое колено на нихали [246], [потом] приводили эмира Юсуфа и сажали его вне садра по левую руку. Когда же они выезжали на прогулку или поиграть в човган, Мухаммед и Юсуф находились при Мас'уде для услуги, вместе с хаджибом, который был раньше назначен. В час предзакатной молитвы, когда воспитатель возвращался назад, то сначала удалялись те двое, а после эмир Мас'уд, через часок после них. За всем воспитанием присматривал слуга Рейхан, и ежели он замечал что-нибудь неподобающее, то покрикивал.

Два раза в неделю они садились верхом и разъезжали по сельской округе. У эмира Мас'уда вошло в обычай каждый раз, когда они выезжали, устраивать им угощение. Доставляли множество прелестных яств от моего деда и бабки. Часто требовали разные вещи тайком, так **[126]** то на поварне никто ничего не знал. Был гулям маленький по имени дра-тегин, участник в таких делах — он передавал сообщения деду бабке. Рассказывали, что этот Кара-тегин [потом] стал первым гуля-юм у эмира, что в Герате он получил должность накиба, а позднее делался у эмира Мас'уда хаджибом. Яства доставляли в поле нежданно. Устраивал [эмир Мас'уд] и большие приемы, приглашал Хасана, сына эмира Феригуна, правителя Гузганана и прочих, кто был ему ровесник, а после трапезы дарил их чем-либо.

Бай-тегин Заминдаверский, правитель края, сам был первым гуля-юм у эмира Махмуда, и эмир /***113***/ Махмуд обходился с ним уважительно. А у него была жена, деловитая, набожная. В ту пору, когда эмир Лас'уд взошел на престол царства после отца, он весьма хорошо обращался с этой женщиной из

уважения за прошлые заслуги, так что она была для него как бы равной родительнице. Несколько раз здесь, в Газне, на собрании у эмира Мас'уда — я тоже там присутствовал — эта женщина повествовала о делах [минувших] времен и царственном образе жизни эмира [Махмуда], и эмиру [Мас'уду] это очень приходитесь по душе, и он много расспрашивал о местностях, о селениях, о яствах. Сей Бай-тегин Заминдаверский в то время, когда эмир Махмуд захватил Систан и Халаф [247] пал, привез с собой сто тридцать павлинов, самцов и самок. Говорят, павлины в Заминдавере и в наших домах развелись от них. Чаще всего они выводили цыплят на куполах, эмир их очень любил и лазал за ними по крышам. И в нашем доме на куполе в двух-трех местах они снесли яйца и вывели цыплят.

Однажды эмир Мас'уд с крыши окликнул бабку, чтобы подошла, и когда она приблизилась, он рассказал: «Во сне я видел, будто был в стране Гур, и так же, как и в наших местах, там тоже был и замок и много павлинов и петухов. Я ловил их и совал за пазуху, а они у меня под кафтаном бились и

трепыхались. Ты всякое знаешь, растолкуй, что это значит?» Старушка ответила: «Если захочет Аллах, эмир эмиров завоюет Гур и гурцы покорятся». Он сказал: «Я ведь царства отца не получил, как же я их повоюю?», — а старушка в ответ: «Когда вырастешь, если будет на то воля Аллаха, велик он и всемогущ, это сбудется. Ведь я помню султана, отца твоего, он бывал здесь в дни юности и эта область принадлежала ему. А теперь он забрал большую часть мира да еще захватывает. Будь и ты таким, как отец». — «Дай бог», — промолвил эмир. В конце концов случилось именно так, как он видел во сне: область Гур ему покорилась. Много славных подвигов он совершил в Гуре, как будет упомянуто в сей макаме.

В месяцах лета четыреста двадцать первого [248], когда довелось мне, а я Абдалгаффар, вступить в службу государю, да будет им доволен Аллах, он повелел мне принести с собой из тех павлинов несколько самцов и самок; было доставлено шесть пар. Он приказал устроить их **[127]** в саду, и они несли яйца

и выводили цыплят; в Герате от них осталось потомство.

Гурские князья явились к эмиру на поклон, кто по доброй воле, кто из страха, ибо он совершил великие /***114***/ подвиги, так что они его боялись и притаили дыхание. Ни в какие времена не сказывали и в книгах не читали, чтобы гурцы оказали этакую покорность и послушание какому-нибудь государю, как [оказали] ему.

В лето четыреста пятое [249] эмир Махмуд из Буста вторгся в Хуванин [250], область Гура, смежную с Заминдавером. Там жили неверные [251], самые нечистые и самые сильные, и теснин и крепких замков там было множество. Эмира Мас'уда он взял с собой, и Мас'уд при отце совершил большие дела и подвиги и сражался, сидя верхом на коне. Когда отряд гурцев укрылся в замке, их предводитель поднялся на одну из башен замка, очень насмехался и оскорблял мусульман. [Эмир Мас'уд] попал стрелой ему в горло, убил, и тот свалился с башни. Товарищи его упали духом и сдали замок, а

причиной всему был лишь один молодецкий выстрел. Окончив бой, эмир Махмуд возвратился в шатер и усадил львенка за трапезу, оказал много ласки и повелел добавить ему еще разного богатства. По этим и подобным им подвигам, совершенным Мас'удом в юности, когда он был наследником престола, [эмир Махмуд] видел и понимал, что когда он покинет сию прелестную обитель, то никто, кроме Мас'уда, не сумеет поддержать этот великий царский род, да здравствует он навсегда! И вот, бесспорное доказательство теперь явно: уже двадцать девять лет, как эмир Махмуд, да будет им доволен Аллах, скончался, а, не взирая на многие неблагоприятные обстоятельства, что сложились [за это время], таких законов и достохвальных установлений, какие есть в этой великой державе, нет нигде и не указывают на них ни в странах ислама, ни [в странах] неверия. Да здравствует великий царственный род, пусть главы его будут победоносны, а враги да потерпят поражение! Да здравствует преславный султан Фаррухзад, сын сего великого государя, счастливый

и могущественный, и да насладится он царством и молодостью, ради Мухаммеда и семейства его !

В лето четыреста одиннадцатое [252] эмир отправился в Герат и в этом же году вознамерился пойти на Гур. В субботу, десятого числа месяца джумада-л-ула [253], он выступил из Герата с многочисленной конницей и пехотой, с пятью самыми легкими слонами. Первой /***115***/ стоянкой было [селение] Башан [254], второй — Хайсар [255], третьей — Бурьян [256]. Здесь он пробыл два дня, покуда не подоспела вся рать. Затем он пошел в Пар [257], где пробыл два дня, а оттуда отправился в Чишт [258], оттуда в Баг-и Везир Бирун, а это первый рабат на границе Гура. Когда гурцам об этом стало известно, они вошли в неприступные крепости, которые у них были, и стали готовиться к войне. Эмир, да будет им **[128]** доволен Аллах, еще до того, как выступить в поход, склонил на свою сторону Бу-л-Хасана, одного из самых замечательных гурских предводителей, склонил его к послушанию и порешил с ним на том, что когда победоносное войско с нашим знаменем дойдет до этого рабата, то и тебе, мол, Бу-л-Хасан надобно туда

прибыть со снаряженным войском. Бу-л-Хасан явился в этот же день с большим вооруженным отрядом, так что говорили, будто было три тысячи человек конных и пеших. Он предстал [пред лицо эмира], положил поклоны и поднес много денег и даров, как-то: кольчуг, щитов и того, чем славен Гур, а эмир оказал ему много ласки. Вслед за Бу-л-Хасаном прибыл Ширван. Это был еще один предводитель из пограничной области Гура и Гузгана-на, которого расположил к себе царевич. Он явился с многочисленной конницей и пехотой, дарами и несметными деньгами [259]. Эмир Мухаммед в силу того, что эта местность была смежной с Гузгананом, применил множество ухищрений, чтобы этот предводитель переметнулся к нему и вступил в число его [приверженцев], но тот, конечно, благосклонного ответа не дал, ибо простые смертные стояли за Мас'уда.

Когда прибыли эти два предводителя и люди получили подкрепление, эмир в пятницу снялся [со стоянки] и пошел в передовом полку, налегке, готовый к бою, с пятидесятью-шестидесятью

гулямами и сотнями двумя самых бывалых пехотинцев разного рода. Подошли к замку, который назывался Бертер [260], сильно укрепленной крепости, [а в ней] находился воинственный народ, /***116***/ хорошо вооруженный. Эмир покружил вокруг крепости и осмотрел места для приступа. В его глазах, при его высокой доблести и храбрости, крепость и воины [ее] показались ему не бог весть какими. Не дожидаясь, покуда подойдет войско, он завязал бой при том числе людей, [какое у него было], и сам своей драгоценной особой пошел вперед в дело с гулямами и пехотинцами, с кличем «Аллах велик!» Нечестивцы в гурском замке заметались, и вдруг подняли шум, да такой ужасный, что чуть было не разверзлась земля; они думали, что это [их] народ, который [живет] у подножия крепости. «Возмитесь за стрелы!» — приказал эмир гулямам. Гулямы начали метать стрелы и так стали одолевать, что никто из гурцев не решался высунуть голову из башни. Тем самым пехотинцы получили возможность взобраться на башни по веревочным лестницам и перебить великое множество [гурцев].

Нечестивцы понесли поражение, и гулямы и пехотинцы очистили [от них] стены и башни, многих убили, многих забрали в плен и захватили богатую разнообразную добычу. Уже после взятия крепости приспело остальное войско, и все хвалили за то, что этакая крепость была взята столь [малым] числом людей.

Оттуда эмир двинулся в область Резан [261]. Жители Резана, когда до них дошла весть о том замке, большей частью бежали; в кушках **[129]** осталась только самая малость народу. Эмир даровал им пощаду, дабы все беглецы вернулись обратно; и они согласились платить дань [262] и поднесли много даров золотом, серебром и оружием. От этой местности до Джурваса [263], где сидел дармишпат [264], было десять фарсангов. [Эмир] решил не посягать [на это владение] и не вторгаться [туда], ибо дармишпат еще раньше присылал посла, изъявил покорность и послушание и сказал, что когда-де эмир вернется обратно в Герат, он [сам] явится к нему на поклон и даст согласие платить дань. Эмир повернул в сторону, и повел рать в область Вей, /***117***/ а эта

область и место очень трудно доступное, входящее в совокупность Гура. Население его самое воинственное и самое сильное. В минувшие времена это была столица государя гурцев. Каждому правителю, которому принадлежала эта область, была покорна вся область. Прежде, чем двинуться в ту сторону, эмир отправил туда послом одного ученого человека с двумя гурцами из числа людей Бу-л-Хасана Ха-лафа и Ширвана, дабы они служили переводчиками, послал через них очень решительные требования и, как водится, пригрозил и обнадежил. Послы уехали, а вслед за ними [двинулся] эмир. Когда послы прибыли к тем гордецам и передали им сообщение, они пришли в превеликую ярость и заявили, что эмир-де сильно ошибается, когда полагает, что здешний народ такой же, какой он видел раньше, и через который прошел. Пусть, мол, приходит, здесь найдутся мечи, копья и камни. Послы возвратились обратно и передали устные сообщения. Эмир подтянулся вплотную и на ночь расположился у подошвы горы; войску раздали оружие. На заре эмир сел верхом, пробили в

литавры, протрубили в рога и попытались взобраться на гору. На вершине горы показались гурцы, словно муравьи и саранча, хорошо вооруженные, и преградили пути и проходы. Они подняли крик и рев и стали из пращей метать камни. По счастью, гора была пологая и землистая и со всех сторон для подъема были подступы.

Эмир поделил тропы между войсками, а сам пошел прямо перед собой, ибо там завязался сильный бой. Бу-л-Хасана Халафа он послал справа от себя, а Ширвана слева. Нечестивцы встретили их яростно и держались стойко, особенно напротив эмира. Большую часть троп на той горе гурцы держали в своих руках с помощью стрел и понимали, что наступил решительный бой. Все они двинулись на знамя эмира, и сражение ожесточилось. Три всадника из их бойцов напали на эмира. Эмир размахнулся и ударил одного в грудь булавой, весом в двадцать менов, и уложил его наповал, так что тот уже не имел силы встать. Гулямы постарались и сбили с коней двух других. И было так, что гурцы испугались, обратились вспять и, отбиваясь,

отступили /***118***/ до селения, которое находилось у подножия горы; оттого многие были убиты и уведены в плен. Когда потерпевшие поражение добрались до **[130]** селения, они заняли его замок. По гурскому обычаю, в селении было много кутков, и гурцы снова приготовились сражаться. Женщин, детей и то, что доходило до них, они пропускали в крепкий, неприступный замок, который был у них за спиной. Сражение продолжалось до вечерней молитвы. Множество нечестивцев было убито, и многие мусульмане тоже пали жертвой, а когда наступила темная ночь, нечестивцы бежали, покинув селение. Всю ночь победоносное войско занималось грабежом и загребало добычу.

На рассвете эмир повелел пробить в литавры, сел на коня и стал подвигаться к замку, а он находился в двух фарсангах, и нужно было миновать много теснин, покуда не дошел до того места в час пополуденной молитвы. Замок оказался весьма неприступным, так что говорили, будто во всем Гуре нет крепче замка и никто не помнил, чтобы его брали силой. Там эмир остановился и отдал приказ войскам

расположиться с четырех сторон замка. Всю ночь работали и расставляли камнеметы. Когда наступил день, эмир сел на коня и сам своей драгоценной особой пошел на бой. Он пустил в ход камнеметы и [те] стали метать камни, а под две башни, что находились напротив эмира, повели подкопы. Гурцы завязали бой с башен и крепостных стен, крепче которых не бывает. Как только повергали наземь какую-либо из башен, туда сбегалось множество народу и дралось врукопашную. Бой продолжался четыре дня, с каждым днем все ожесточенней. На пятый день разгорелся еще более жестокий бой. Обе стороны старались изо всех сил, так что страшней этого не бывает. Эмир приказал дворцовым гулямам выдвинуться вперед и подавить гурцев стрелами. Стрелам пособили камня три из камнемета. Эмир дал повеление нести вперед знамя, а сам спокойно двинулся вслед, чтобы гулямы, окольные люди и войска всех родов приободрились и стали биться еще яростней. Гурцы упали духом и пустились наутек.

В час дополуденной молитвы от стрельбы камнеметов ***/119/*** рухнула большая стена, взвились

вверх пыль, земля, дым, огонь и в замок был сделан пролом. Гурцы в том месте заметались, а к пролому уже с четырех сторон направлялось [наше] войско. Нечестивцы у пролома бились неистово, ибо сознавали, что сражаются за [свою] жизнь, но в конце концов они потерпели поражение, и замок взяли мечом. Множество гурцев было перебито, многие просили пощады, чтобы их взяли в плен. Их пощадили, и пленникам и добыче не было предела и меры. Эмир повелел объявить через глашатаев: «Добро [265], серебро, золото и пленников дарю войску, а оружие, кое добыли, надлежит сдать!» Много оружия снесли к [эмирскому] шатру: то, что было более пригодно и поредкостней, взяли в собственность эмира, а остальное поделили между воинством. Пленников, одну половину, [эмир] препоручил Бу-л-Хасану Халафу, а другую половину — Ширвану, чтобы **[131]** они увели их в свои владения. Замок эмир повелел сравнять с землей, дабы впредь ни один мятежник там не зазнавался.

Когда весть о селении, замке и его людях распространилась среди гурцев, все покорились и

стали послушны, испугались и дали согласие платить харадж. Дармишпат тоже испугался и понял, что ежели [эмир]: пойдет на него, то он падет через неделю. [Поэтому] он отправил посла и изъявил крайнюю покорность и послушание и надбавил еще сверх того, что согласился платить в виде дани [266] и в виде подношений. Бу-л-Хасан и Ширван, коих он сделал своими заступниками и с коими вел переговоры, походатайствовали, чтобы эмир принял его извинение и не посягал на него. [Эмир] приказал отправить его посла обратно по-хорошему, с тем условием, чтобы он отдал обратно все крепости, которые захватил в пределах Гарчистана. Дармишпат покорно и безвозмездно сдал крепости кутвалам эмира и все, что согласился уплатить, доставил к царскому двору еще покуда эмир находился в Гуре, а когда эмир здрав и невредим прибыл в Герат, он явился к нему на поклон, удостоился халата и милостей и с теми двумя предводителями возвратился в свое владение.

Когда эмир покончил с делом того замка, он потянулся к замку Тур [267], ***/120/*** а это тоже был замок

весьма крепкий и знаменитый. Там сражение задержало его на семь дней, и понадобилась помощь гурских витязей, покуда замок не был взят силой меча. Много гурцев было убито, много добычи захвачено. Эмир посадил там своего кутвала и ушел обратно в Герат. В Марабаде, в десяти фарсангах [268] от Герата, собрали все подношения и оружие, которые гурцы согласились привезти вместе с тем, что послал дармишпат, дабы эмир не шел на них. В те дни он мне, а я, Абдалгаффар, напомнил о том сне, который он видел в Заминдавере: «Бабка твоя хорошо истолковала, так и вышло». Я поклонился и сказал: «Это показ того, что видел господин».

Эта повесть о Гуре потому так запомнилась, что ни один государь из мусульман или неверующих не сумел так одолеть гурцев, как покойный султан Мас'уд, да будет им доволен Аллах. В первое время завоевания Хорасана, когда господу богу, велик он и всемогущ, было угодно распространить мусульманство рукой великих людей, живших в начале ислама, [именно тех], что разбили персов и бросились на Мадаин [269], а Ездигерд [270] бежал и умер

или был убит, и совершились великие, славные дела, [эти люди] все же не смогли проникнуть внутрь страны гурцев. И эмир Махмуд, да будет им доволен Аллах, тоже два-три раза по заминдаверской дороге вторгался в разные места Гура однако в теснины его он не входил. Нельзя сказать, чтобы он был слишком слаб для прохождения по теснинам: [просто] его мнения и намерения были иные, чем у молодых [людей]. Во времена Саманидов один предводитель по имени Абу Джа'фар Ремади [271], полагавший себя **[132]** равным Абу-л-Хасану Симджуру, несколько раз по повелению Саманидов ходил на Гур со своими людьми, орудиями и снаряжением. Гератский вали поддерживал его своим хашаром и воинами. [Абу Джа'-фар Ремади] приложил много усилий и проявил большую храбрость, пока не добрался до Хайсара [272] и Тулека [273], но до сердца Гурской /***121***/ земли никто так и не прошел, и [никто] не совершил таких больших дел, как этот достославный государь. И все они отошли [в иной мир], да будет милость Аллаха над ними всеми!

Вот еще кое-что о бдительности, решительности и осмотрительности этого досточтимого государя, да будет им доволен Аллах, в пору его молодости, когда он пребывал в Герате, попивал украдкой от отца вино, уединялся скрытно от служителя Рейхана и содержал мутрибов, мужчин и женщин, которых приводили к нему потайными ходами. В кушке сада Аднани он распорядился построить помещение для дневного отдыха. В нем проложили водопроводные трубы с мелкими отверстиями [274] и развесили полотнища, так что когда вода из водоема начинала течь и с помощью устройства [275] подымалась на крышу дома, то растекалась по трубам и смачивала полотнища. Все это помещение от потолка до пола расписали картинками из «Алфийи» [276] о разнообразных встречах мужчин с женщинами, и все нагих, так что намалевали целиком ту книгу: изображения, рассказы и слова. А кроме этих изображений нарисовали [другие] изображения под стать им. Эмир в час полуденного отдыха уходил туда и там почивал. У молодых людей уж водится так или наподобие этого.

Хотя у эмира Махмуда был некий мушриф, который постоянно находился при его сыне, покуда тот пребывал на мужской половине дворца со [своими] недимами, приглядывался к тому, чем они дышат и доносил, однако было условлено, чтобы в личные покои тот мушриф доступа не имел. Поэтому у него были тайные соглядатаи из таких людей, как гулямы, ферраши, старухи, мутрибы и прочие, которые то, что узнавали, передавали, так что для [эмира Махмуда] о жизни этого сына /***122***/ ничего не оставалось скрыто. Постоянно в письмах он журил Мас'уда и делал ему наставления, ибо тот был его наследником, и эмир знал, что сын наследует ему на престоле. Подобно тому, как отец держал тайных доносчиков при сыне, точно также и сын имел своих тайных доносчиков при отце из тех же разрядов [людей], которые все, что происходило, доносили. Один из них был личный служитель Нуш-тегин, ближе которого у эмира Махмуда слуги не было; а благородная Хатли, тетка [Мас'уда] сама пеклась о нем.

Итак, об этом помещении с картинками из «Алфийи» весьма потаенно написали эмиру Махмуду и указали: «Пройдя дворец Аднани, есть сад большой, в саду по правую руку есть водоем большой, а на краю водоема по левую руку — то помещение. День и ночь на нем **[133]** два замка, внизу и наверху, и их открывают тогда, когда туда приходит почивать эмир Мас'уд, а ключи на руках у служителя, которого зовут Бешарет». Когда эмир Махмуд был об этом деле извещен, он в час полуденного отдыха пришел в хергах и рассказал про него личному служителю Нуш-тегину и распорядился: скажи-де такому-то хейльташу, который из наездников был наибыстрейшим наездником и не имел себе равных, чтобы он приготовился, потому что будет послан кое-куда по важному делу. Пусть, мол, едет поскорее, да разузнает об этом помещении; да чтобы про это дело никто не знал. «Слушаю и повинуюсь», — ответил Нуш-тегин. Эмир Махмуд прилег, а тот пошел в свой висак и назначил одного из своих девсуваров с тремя отборными своими конями и наказал ему, чтобы он в шесть суток с половиной

домчался до Герата к эмиру Мас'уду, совершенно скрытно, и написал своей рукой эмиру Мас'уду записку, представил положение и сообщил, что-де после этого моего наездника, приедет султанский хейльташ, чтобы осмотреть то помещение. Он приедет через полтора дня по прибытии этого наездника; никого он не будет бояться, пойдет прямо к тому помещению и сломает замки. Пусть же эмир поскорей возьмется за это дело, как признает за лучшее. И девсувар тотчас же поскакал. Затем Нуш-тегин послал кого-то позвать хейльташа, как было велено. Тот явился готовый [ехать]. Эмир проснулся во время между двумя молитвами, сотворил пополуденную молитву, и получил досуг. Он позвал /***123***/ Нуш-тегина и спросил: «Хейльташ явился?» — «Явился, сидит в палатке». «Принеси бумагу и чернила». Нуш-тегин принес, и эмир своей рукой написал открытую грамоту [277] в таком роде:

«Во имя Аллаха милостивого, милосердого! Повеление Махмуда, сына Себук-тегина, сему хейльташу таково, чтобы доехал он в восемь дней до Герата. Когда приедет туда, то чтобы отправился

сразу же ко двору сына моего Мас'уда, никого не боялся бы, обнажил меч и всякому, кто попытался бы его задержать, рубил голову. А также вошел бы внутрь дворца, не взирая на сына, а из дворца Аднани пошел бы в сад. В саду по правую руку есть водоем, а на краю его с левой стороны — помещение; пусть войдет в это помещение и хорошенько осмотрит его стены, каковы они, да глядит тщательно. [Затем] сейчас же удалился бы, ни с кем не разговаривая, и возвратился бы в Газну. А образ действия Кутлуг-тегина, хаджиба Бихишти, состоит в том, чтобы поступать по сему повелению, если ему жизнь дорога. Ежели же он проявит пристрастие, то ему не жить. Всякое содействие, какое нужно оказать хейльташу, пусть окажет, дабы оно вызвало [наше] удовлетворение, по воле Аллаха и с помощью его. Все».

Окончив писать, он вызвал хейльташа, приложил к этой открытой грамоте печать, отдал ему и сказал: «Ты должен в восемь дней доехать до Герата, поступить такого и так-то, выяснить и разузнать все **[134]** обстоятельства. И дело это держи в тайне».

Хейльташ облобызал землю, промолвил: «Слушаюсь и повинуюсь», — и вышел. Личному своему служителю Нуш-тегину эмир сказал, что хейльташу-де надобно из конюшни отпустить резвого коня, да пять тысяч диремов, и Нуш-тегин удалился. На отпуск коня и денег и на отбор лучшего коня ушло время, и провозились целый день, покуда, [наконец], к часу вечерней молитвы все выправили и передали хейльташу, и тот поскакал.

А девсувар Нуш-тегина, как ему было наказано, прибыл в Герат. Эмир Мас'уд /***124/*** ознакомился с запиской, распорядился, чтобы наездника где-нибудь поместили, и тотчас же приказал позвать гяджгеров [278]. Стены того помещения побелили и выгладили, так что казалось, будто на стенах [никогда] и не было рисунков. Повесили занавесы [279], прибрали и заперли на замки. Никто не знал в чем дело.

Вслед за девсуваром подоспел хейльташ, на восьмой день поздним утром. Эмир Мас'уд сидел в суффе дворца Аднани с недимами, а Кутлуг-тегин Бихишти сидел в дергахе вместе с другими хаджибами, свитой

и мертебедарами. Хейльташ подъехал, сошел с коня, обнажил меч, и взял подмышку булаву, а коня оставил. Кутлуг-тегин сейчас же вскочил на ноги и спросил: «В чем дело?» Хейльташ, не отвечая подал ему открытую грамоту и вошел во дворец. Кутлуг-тегин прочитал грамоту, вручил ее эмиру Мас'уду и спросил, как следует поступить. «Надобно исполнить повеление, каково бы оно ни было», — ответил эмир. Во дворце поднялась суматоха. Хейльташ прошел до двери того помещения, пустил в ход булаву, сломал оба замка, отворил дверь и вошел. Он увидел чисто выбеленное помещение с гладкими [стенами] и развешанными занавесами. [Хейльташ] вышел.

[Потом] он облобызал землю перед эмиром Мас'удом и молвил: «Слугам нет иного выхода, как исполнять приказания. Это неприличие я совершил по повелению эмира Махмуда. Мне дан приказ тотчас же возвратиться обратно, как только я осмотрю помещение. Я еду теперь же». — «Ты приехал вовремя и исполнил повеление султана, [моего] отца, — ответил эмир Мас'уд, — а теперь по нашему приказанию побудь здесь еще день, ибо, может

статься, тебе помещение показали не то. Пусть покажут тебе все дворцы и помещения». — «Слушаюсь и повинуюсь, — сказал тот, — хотя мне такого распоряжения не давали». Эмир сел верхом и уехал. В двух фарсангах [от города] есть сад, который называют Билаб [280], место трудно доступное, там у него с челядинцами была усадьба. Он приказал, чтобы дворцовые люди все перешли туда и не показывались. Гарем и /***125/*** гулямы уехали. Затем Кутлуг-тегин Бихишти, мушриф и начальник почты провели хейльташа повсем дворцам и показали ему каждое помещение отдельно, пока не осмотрели все. Было установлено, что нет ни одного помещения такого рода, как донесли [эмиру Махмуду]. Потом написали письмо, **[135]** изобразив это дело, и выдав хейльташу десять тысяч диремов, отправили обратно, а эмир Мас'уд возвратился в город. Когда же хейльташ приехал в Газну и все, что произошло, полностью доложил, и письма тоже были прочитаны, эмир Махмуд заметил: «Да будет над ним милость Аллаха! Много лжи рассказывают о моем сыне». И дальнейший розыск был прекращен.

В ту же пору молодости и юности он занимался телесными упражнениями: мерялся силой, поднимал тяжелые камни, боролся. [Эмир Мас'уд] приказывал строить шалаши [281] для охоты на цапель и других птиц, и я несколько раз видел, как он в очень морозные дни, при сильном снеге ездил туда, охотился и сходил с коня, так что в промежуток между двумя молитвами он успевал перенести столько мучений, сколько может вытерпеть лишь гранитный камень. В такую стужу и передрягу он надевал сапоги на голую ногу и говорил; «К таким вещам надобно привыкать, чтобы люди не сдавали, когда попадут в беду и трудное положение». Ездил он также и на охоту за львами [282] до ... [283] Исфизара и Адрескена [284], а из тех лесов до Фераха [285], Зиркана и Шернера [286]. Побродив там, он ехал в Буст и Газну. На льва он выходил один на один и не позволял, чтобы ему помогал кто-нибудь из гулямов или сопровождающих людей. Так он поступал оттого, что обладал большой силой и смелостью. Если он поражал льва оружием, /***126***/ и оно не оказывало

действия, то он мужественно, не отступая, брался за льва и затем быстро его добивал.

В то время, когда он шел в Мультан, чтобы там жить, ибо отец на него рассердился по наветам, которые сделали, — а это история долгая, — он в области Киканан [287] занялся охотой на львов, [хотя] страдал тогда четырехдневной лихорадкой. У него было обыкновение, когда, лев появлялся, брать в руку короткий дротик с крепким древком и короткое, толстое копье, дабы если он метнет дротик и дела не выйдет, то быстро пустить копье, чтобы удержать льва на месте. Это он проделывал своими силами, и лев корчился на копье, пока не ослабевал и не валился наземь. А бывало, лев попадался такой, что сопротивлялся весьма упорно, тогда эмир подзывал гулямов, и те, мечами и боевыми топорами зарубали льва. В тот день случилось так, что эмир метнул дротик, а лев пригнулся и дротик пролетел у него над головой; эмир пустил копье и нанес льву сильную рану в грудь, но по слабости от болезни не смог его должным образом удержать на месте: лев оказался очень большим, ловким и сильным. Он ухватился за

копье и напряг силы, копье переломилось, и лев готов был ринуться на эмира. Государь изо всех сил двумя руками ударил льва древком по морде, так что сразил его и тот упал. Эмир прижал его [к земле] и кликнул гулямов. Один гулям по_ имени Кумаш, его оруженосец, в диване его называли силачом, подбежал и нанес льву такой увесистый удар, что сразу **[136]** прикончил его, и тот рухнул. Все были ошеломлены. Теперь стало ясно: то, что писали в книгах о приключении Бехрам-гура, было правдой. После того эмир уже стал такой большой, что всю охоту проводил верхом на слоне. Я видел однажды, как он охотился на слоне в Хиндустане. Морду слона, как водится, прикрыли железом. Из зарослей вышел громадный лев и направился на слона. Эмир метнул /***127/*** дротик, попал льву в грудь и нанес ему тяжелую рану. От боли и ярости лев сделал прыжок и вскочил на затылок слона, слон заметался, эмир припал на колено, полоснул мечом и отрубил льву обе передних лапы. Лев свалился на землю и издох. Все присутствовавшие признались, что отроду не помнят такого о ком-либо.

Еще до того, как сесть на престол царства, он [как-то раз] совершал прогулку и направлялся в Герат, [тогда] он в один день убил восемь львов и одного поймал на аркан. Когда он расположился в шатре, то устроил пир. Я, Абдалгаффар, стоял [тут же]. Зашел разговор об этих львах, и каждый высказывал какую-нибудь похвалу. Ходжа Бу Сахль Завзани попросил чернил и бумаги и сочинил несколько двустиший, весьма прекрасных, как было свойственно ему, ибо он был единственным в своем роде по части словесности, дара речи и стихов. Стихи очень понравились эмиру. Все их одобрили и стали переписывать. И я это тоже сделал, но стихи у меня пропали куда-то. Пару двустиший, кои до сих пор у меня в памяти, я написал — хотя они и не следуют по порядку — в заключение этого рассказа [288].

*Клинок и копье, стрела и тетива лука —
Нужды в них тебе нет: рок правит мненьем твоим.
Коль возьмешься за дело, кое трудно исполнить,
Любовь прояви и за тобою победа.
Кто добывал на охоте в один раз восемь
Львов, тот человеческих чад сочтет за ничто.
Коль взойдешь ты, то солнце и месяц померкнут,
Коль будешь ты щедр, то отступят море и дождь.*

Этот вельможа сказал правду — в нашем государе все это было в избытке. Стихи о нем выходили отличные, и не бывало нужды называть ложью, когда [о Бу Сахле] говорили «прекраснейший из поэтов». /***128***/ Храбрость, мужество, смелость [эмира] были таковы, как уже упоминалось, а щедрость была такая, что он однажды ночью подарил одному купцу, которого звали Бу Мути Сегзи, шестнадцать тысяч динаров. У этого подарка [тоже своя] повесть. Сей Бу Мути был человек весьма богатый во всех отношениях, и был у него отец по имени Бу Ахмед Халиль. Однажды вечером отец по счастливой случайности попал во дворец по какому-то делу, которое он имел к дежурному хаджибу, и задержался [там]. Когда нужно было возвращаться домой, была уже поздняя ночь; он боялся, как бы по дороге не случилось беды, и **[137]** остановился в царском дехлизе, — а был он человек известный и пользовался большим уважением, — сипахдары оказали ему любезность, и он остался [на ночь].

Вошел один служитель и потребовал сказителя преданий. Случайно ни одного сказителя не

оказалось на месте. Благородный Бу Ахмед встал и пошел со служителем, а служитель полагал, что он сказитель. Придя в эмирский хергах, он начал повествовать какое-то предание. Услышав чужой голос Абу Ахмеда, эмир незаметно поглядел на него, увидел [незнакомого] человека, [но] ничего не сказал, пока повествование не кончилось. Это было очень хорошее и красивое предание. «Ты кто такой?» — воскликнул эмир. [Тот] ответил: «Раба [твоего] зовут Бу Ахмед Халиль, он отец Бу Мути'я, соучастника в торговых делах господина». — «Сколько годового дохода насчитали мустовфии за твоим сыном?» — «Шестнадцать тысяч динаров». — Дарю ему этот доход из уважения к твоей старости и из уважения к нему самому». Старик пожелал ему много добра и удалился. И привели во дворец одного турецкого гуляма, из принадлежавших его сыну, чтобы купить. [Эмир] соизволил сказать, что этого гуляма тоже надобно отдать обратно: я, дескать, не желаю и ни в коем случае не допущу, чтобы что-либо ихнее перешло в мою собственность. Более

совершенного великодушия и человечности не бывает.

Еще больше он подарил Манк [289] Али Меймуну. Сей Манк был человек из числа газнийских кедхудаев и обладал большим богатством [290]. Когда он скончался, после него остались вакфы, несметное количество имущества и рабат, где [ныне] сидит ходжа имам Бу Садик Таббани, да продлит Аллах его здоровье! Повесть об этом имаме будет изложена очень пространно в своем месте, ежели будет угодно Аллаху, велик он и всемогущ!

ПОВЕСТЬ О МАНК АЛИ МЕИМУНЕ И ЭМИРЕ

Этот человек имел обыкновение ежегодно приготовлять много маринадов и сыров и подносить /***129***/ эмиру Махмуду, да будет над ним милость Аллаха; когда же началось царствование эмира Мас'уда, и он из Балха пришел в Газну, [Манк] поднес и ему множество маринадов и холста, сотканного руками благочестивых женщин. Эмиру это очень понравилось и он оказал ему много ласки и сказал: «Часть собственных овец моего отца, да

будет над ним милость Аллаха, коих у него было множество, я выделяю ему, да моих собственных овец, которых пригнали из Герата, тоже надобна передать ему, дабы он о них заботился. А в [их] счете ему нужно будет дать поблажку, так чтобы получилось для него побольше льготы, потому что он человек благочестивый и нам сгодится». Приказание его быстро привели в исполнение. **[138]**

Через год эмир поехал в Балх, потому что там нашлись важные дела, как об этом будет поведано [ниже]. Манк Али Меймун по обыкновению своему прислал множество маринадов, присовокупил к ним еще вяленого мяса и прочей [снеди] и просил Микаила Беззаза [291], друга своего, чтобы он поднес их [государю]. Прислал он также письменный свой отчет, что за ним числится дохода пятнадцать тысяч динаров и шестнадцать тысяч овец. Написал он еще и прошение и просил передать султанских овец, находившихся у него, кому-нибудь другому, ибо стал он стар и уже больше не в силах за ними присматривать, да чтобы повременили и

предоставили ему отсрочку, дабы он мог выплатить [указанный] доход по частям в три года.

В тот час, когда явился [ко двору] Микаил Беззаз и доставили маринады, сосуды вскрыли и стали отведывать, я, Абдалгаффар, присутствовал. Микаил представил отчет и прошение, и эмир сказал [мне]: «Возьми и читай». Я взял и прочитал оба, а [эмир] засмеялся и сказал: «Манку много причитается от нашего семейства, дарю ему этот доход и овец. Пусть Абдалгаффар сходит в счетную палату [292] и скажет мустовфиям, чтобы похерили этот доход и недоимку с него». Я написал распоряжение и эмир поставил свою подпись, а Манк приобрел большое уважение. Отменным великодушием и благородством надобно обладать, чтобы быть в состоянии так поступить. Да помилует нас господь бог и да славится поминание его!

Еще выше и достойней прославления другой [случай] с Бу Са'идом, сыном Сахля. Сей человек долгое время был кедхудаем /***130***/ и аризом у эмира Насра, сипахсалара, брата султана Махмуда, да

осенит их Аллах своим милосердием. Когда Наср скончался, Махмуд по соответствию и пригодности этого человека пожаловал ему должность [управителя] всех собственных государевых имений в газнийском [округе] [293], а она равнялась должности газнийского сахиб-дивана. Долго он исправлял эту должность, а после кончины султана Махмуда эмир Мас'уд вверил ему дела газнийского сахиб-дивана заодно с управлением личных государевых имений [294]. Почти пятнадцать лет [Бу Са'ид Сахль] вел эти дела, потом государь приказал ему составить отчет. Мустовфии рассмотрели его отчет и вышло, что за ним числится чистого дохода семнадцать раз тысяча тысяч диремов, а своих собственных у него оказалось [только] тысяча тысяч диремов наличными [295]. Все поговаривали, что-то станется с Бу Са'идом за такой огромный доход, потому что видели, как эмир Махмуд повелел расправиться битьем кнутом, отрубанием рук и ног и пытками с ма'дилдаром [296], который был гератским амилем, и с собственным слугой государя Са'идом [297], управлявшим

газнийскими имениями, и амилем Гардиза [298] за то, что за ними пропали доходы. **[139]**

Однако эмир Мас'уд был весьма совестлив и милосерд, к тому же Бу Са'ид, сын Сахля, раньше по [доброте] сердца оказал ему много хороших услуг, как равно и в ту пору, когда управлял государственными имениями при эмире Махмуде. Когда государю эмиру Мас'уду доложили о столь огромном, принадлежавшем ему доходе, он велел позвать мустовфия Тахира и Бу Са'ида и сказал [им]: «Доложите мне положение совершенно точно». Тахир перечислил статью за статьей и показал, что тысяча тысяч диремов у Бу Са'ида имеется, а шестнадцать [раз] тысяча тысяч диремов, числящихся за ним, нет нигде, и слов нет, что Бу Са'иду придется уплатить [их] из своих [денег]. «Что скажешь, Бу Са'ид, — промолвил эмир, — где эти деньги?» [Тот] ответил: «Да будет долгой жизнь государя! Управление Разной [299] — это море, дно и глубина коего неведомы. Клянусь всевеликим и преславным господом богом, /***131***/ что я, раб, не совершил никакого вероломства. Это недоимка за

несколько лет, и сей доход государь имеет получить с раба [своего]». — «Дарю тебе эти деньги, — сказал эмир, — ибо у тебя есть на них право. Встань и ступай с миром домой». От радости Бу Са'ид горько расплакался. Тахир, мустовфи, заметил. «Сейчас впору радоваться, а не тужить и плакать». — «Я оттого заплакал, — сказал Бу Са'ид, — что мы, слуги, служим такому государю, столь мягкосердому, щедрому и великодушному к нам. Ежели он лишит нас своей доброты и ласки, каково же нам будет [жить]». Эмир обратил к нему несколько милостивых слов, и он удалился. Не может быть благосклонности выше этой. И все они померли, да смилуется Аллах над ними всеми!

А тому, что было им роздано стихотворцам, и меры нет. Так, однажды ночью он одарил поэта Аляви Зинати [300] одним пильваром диремов, то есть тысячью тысяч диремов, да еще таких, в коих на каждые десять диремов приходилось девять с половиной [чистого] серебра. Сие тяжеловесное вознаграждение он велел нагрузить на слона и отправить к Аляви на дом. Подарки в тысячу

динаров, пятьсот динаров, в десять тысяч динаров, больше или меньше, поэтам, а равно и своим недимам, дебирам и слугам, в поисках предлога [им] что-либо подарить, [тоже] были бесчисленны. В начальную пору [своего царствования] он раздавал гораздо больше, а под конец ветерок стал понемногу остывать. Таков уж закон времени, ничто не остается постоянным, все изменяется.

По милосердию и состраданию эмир [Мас'уд] стоял на такой высоте, что когда однажды он приехал в Газну [и] там обнаружились преступления и провинности, [совершенные] феррашами, он сказал дворцовому хаджибу, что этим феррашам, коих было двадцать человек, надобно, дескать, дать двадцать палок. Хаджиб подумал, что каждому велено дать по двадцать палок, и когда одного начали сечь **[140]** Бирунхане и нанесли [ему] три удара, [эмир] крикнул: «Я приказал дать каждому по одной палке, да и ту прощаю, не бейте!» Всех отпустили. Это есть высшая ступень /***132/*** мягкосердечия и великодушия. Столь прекрасны [слова]: «*Прощение — у достоинства его!*»

Когда эмир Махмуд вознамерился пойти из Гургана на Рей и восстановил между братьями эмирами Мас'удом и Мухаммедом необходимое согласие, в тот день для эмира Мухаммеда ко дворцу выкликнули коня эмира хорасанского [301], и он повернул обратно в Нишагар, а эмиры Махмуд и Мас'уд, отец и сын, на другой день потянулись на Рей. Когда же там дела пришли в порядок, и эмир Махмуд принял твердое решение вернуться назад, он одарил сына халатом и изестил его через Бу-л-Хасана Укайли, что, дескать, сыну моему Мухаммеду, как ты слышал, ко дворцу нашему выкликали коня эмира хорасанского, а ты ныне наш наместник и в этой бескрайней области повелеваешь от нашего [имени] неограниченно. Чему ты отдаешь предпочтение, чтобы твоего коня выкликали как коня царя царей [302] или как коня эмира иракского? Услышав эти слова, эмир Мас'уд встал, облобызал землю, затем сел и молвил: «Скажи государю, как [мне], слуге его, суметь отблагодарить за милости, когда ж ежечасно получает все новые награды, которые не успевает прочуствовать. С государей и отцов иного не

требуется, как удостоить своих слуг-сыновей добрым именем тогда, когда они появляются на свет. А для сих совершенно обязательно, когда они возмужают [303], нести достохвальную службу, дабы к имени [своему] сделать прибавление. Государь удостоил слугу [своего] прекраснейшим именем, и то [имя] — Мас'уд; и славнее всего, что оно соразмерно с именем государя [304], да пребудет он вечно. Ныне, когда согласно полученному повелению, [слуга его] будет находиться [слишком] далеко, чтобы являться на поклон к государю и лицезреть его, он обязан оставаться при том имени, что у него имеется, дабы добиться к нему прибавлеия. Ежели господь, велик он и всемогущ, захочет, чтобы меня называли теми званиями, то я обрету их во славу могущества государя». Этот ответ он дал в моем, Абдалгаффара, присутствии, и я слышал потом, что когда эти слова передали эмиру Махмуду, тот смутился и тихо удалился, говоря: «Очень прекрасно он сказал, человек приобретает имя доблестью».

В то время, когда эмиры, отец и сын, да будет ими доволен Аллах, /***133***/ двигались на Рей, несколько

человек дворцовых гулямов эмира Махмуда, как-то: Кай-оглан, Арслан и хаджиб Чабек, получившие впоследствии от эмира Мас'уда, да будет им доволен Аллах, звание аджиба, Эмирбача, бывший главным вожаком дворцовых гулямов, и кое-кто из серхенгов и старшин висаков [305] негласно искали сближение [с эмиром Мас'удом], оказывали ему услуги и передавали **[141]** устные извещения. Был у них и некий престарелый ферраш, который приносил и уносил сообщения. Кое-что об этом дошло до слуха эмира Махмуда, потому что эмир Мухаммед тайно держал людей, чинивших розыски в делах брата, и постоянно чернил его [в глазах] отца.

Однажды, на стоянке под названием Чаштваран, захотел отец устранить сына. В час предзакатной молитвы эмир Мас'уд явился ко двору на поддон, пробыл там немного времени и поехал обратно. Вдогонку за ним прибежал Бу-л-Хасан Кархи и доложил: султан, дескать, говорит, не уходи, погоди в дежурной палатке [306], потому у нас будет пиршество, и мы желаем лично тебя угостить вином, дабы ты удостоился такого благоволения. Эмир сел в

дежурной палатке и радовался этой удаче. Тотчас же явился старый ферраш и принес сообщение от тех гулямов: «Господин, будь бдителен, кажется, отец злоумышляет на тебя!» Эмир Мас'уд потихоньку удалился и сразу же послал кого-то к своим предводителям и гулямам: «Будьте настороже, седлайте коней и держите оружие при себе, так велит благоразумие». Они зашевелились, Махмудовы гулямы тоже пустились в разговоры, и волнение охватило весь стан. Немедля об этом известили эмира Махмуда, он растерялся и понял, что дело не пойдет, что может выйти такая беда, что трудно будет ее поправить. Около часа вечерней молитвы он послал к сыну Бу-л-Хасана Укайли с извещением, что у нас-де было желание выпить вина и тебя вином угостить, однако недосуг нам — предстоит решить важные вопросы, [пиршества] не будет. Возвращайся счастливо [к себе], а это дело отложим до Рея. Когда благополучно доберемся туда, ты этой милости удостоишься.

Эмир Мас'уд облобызал землю и удалился, торжествуя. /***134***/ Сейчас же появился старый

ферраш и принес сообщение от гулямов Махмуда: [все], дескать, сошло преблагополучно, а мы уже между собой решили, что коль скоро есть замысел [причинить] эмиру недоброе, то мы подымем мятеж, потому что к нам пристало еще множество гулямов, и все на нас глядят. Эмир ответил любезно, отнесся к ним милостиво, подал много надежд и разговор прекратил. Эмир Махмуд потом несколько раз пил вино как в пути, так и в Рее, и после угощения этого сына вином, так и не открылось, что эмир Мас'уд наедине со слугами и верными своими людьми говорил: наш-де отец злоумышлял, однако господь бог, да славится поминание его, не захотел [того]. По прибытии в Рей эмир Махмуд расположился в Дулабе, на табаристанской дороге, а эмир Мас'уд стал станом в Алиабаде, на казвинской дороге. Между обеими ратями было расстояние в полфарсанга. Стояла сильно жаркая погода, так что старшины и вельможи для дневного отдыха приказали строить сердабе. Построили сердабе и для эмира Мас'уда, весьма приглядное и просторное, и он пребывал в нем с позднего утра до предзакатной

молитвы то почивая, то **[142]** предаваясь удовольствиям и тайно попивая вино, то правя дела. Раз, в знойный полдень, махмудовы гулямы и предводители, переодевшись в дождевые плащи из холстины и в чалмах, пришли пешком к эмиру Манс'уду. Пируз Везари, служитель, знавший эту тайну, испросил для них прием. Они спустились в то сердабе и, как положено, отвесили поклон. Эмир обратился к ним милостиво и ласково и [снова] их крепко обнадежил. Они сказали: «Да будет долгой жизнь господина! Султан-отец сильно к тебе нерасположен и ищет, как бы суметь тебя устранить, однако побаивается. Он знает, что все им пресытились беспокоится, как бы не стряслась большая беда. Ежели государь велит, то мы, все слуги и гулямы, встанем за тебя и свергнем его, о когда мы восстанем, то сторонние люди [307] нам помогут, и ты /***135***/ избавишься от несчастья и успокоишь сердечную муку». — «[В таком деле] я вам никак не товарищ, — ответил эмир, — остерегайтесь таких речей, за [такое] деяние знаете, что бывает. Ведь эмир Махмуд — мой отец, и я не

потерплю, чтобы над ним пронеслась буря. Мне приятны его наказания; он государь, равных коему нет на свете, и ежели, сохрани боже, случится что-нибудь подобное тому, что вы говорите, то позор не смоется с нашего рода до [самого] воскресения мертвых. Отец состарился, одряхлел и недужен, жизнь его близится к концу, и я молюсь, чтобы она [прошла], как предопределил господь бог, велик он и всемогущ. От вас я не прошу большего, как присягнуть мне на верность, когда его постигнет смерть, ибо никому не избежать». И он велел мне, а я Абдалгаффар, взять с них клятву, и они удалились.

Между эмиром Мас'удом и Минучихром, сыном Кабуса [308], правителем Гургана и Табаристана, постоянно поддерживалась переписка весьма тайная как в пору, когда [эмир Мас'уд] пребывал в Герате, так и в это время. [Минучихр] прислал к эмиру Мас'уду некоего человека по имени Хасан Мухаддис [309], дабы он служил эмиру, повествуя предания, и вместе с тем время от времени привозил и отвозил письма и устные сообщения. Всегда, когда [эмир Мас'уд] отправлял этого сказителя в Гурган, он

находил повод послать туда семян благовонных трав, померанцев, плодов и прочего. В то время, когда эмиры Махмуд и Мас'уд, да будет ими доволен Аллах, находились в Гургане намеривались пойти на Рей, сей сказитель отправился к Минучихру в Ситарабад [310], а Минучихр вернул его обратно с одним из своих верных слуг, человеком ловким и краснословом, под видом бедуинов, их наряде и одежде, и вместе с ними негласно прислал [эмиру Мас'уду] множество закусок, записки и письма и [разные] диковинки из Гургана и Дихистана [311], сверх того угощения, что он послал для эмира Махмуда. **[143]**

Эти доверенные люди Минучихра, сказитель и его товарищ, приезжали и уезжали два раза, и дело дошло до того, что Минучихр попросил от эмира Мас'уда обязательство и клятву, как в обычае между царями. Потом, однажды ночью, в ту благословенную пору, после молитвы на сон /***136***/ явился некий пердедар — ныне, в дни преславного султана Абу Шуджа Фаррухзада, сына Поборника веры в Аллаха, он состоит кутвалом крепости

Секавенд [312] — и позвал меня, а я Абдалгаффар. По приходе его выяснилось, что меня зовут по важному делу. Я привел себя в порядок и пошел вместе с хаджибом.

Эмира я застал в хергахе, сидящим на престоле, а перед ним чернила и бумага, [тут же] стоял Говхара'ин Хазинедар, один из близких в ту пору к эмиру людей. Я отвесил, как полагалось, поклон, и [эмир] указал мне сесть. Я сел. «Подай Абдалгаффару чернила и бумагу», — сказал [эмир] Говхара'ину. Тот положил передо мной бумагу и чернила и сам вышел из хергаха. Эмир кинул мне черновик обязательства и клятвы, кои сам написал своей рукой. А писал он так, что лучше нельзя было; даже искусные дебиры и то были не в силах [писать] таким слогом. Бу-л-Фазл в сей «Истории», в нескольких местах, привел [образцы его письма] и в его руки попадало много черновиков и записок этого государя [313]. Я внимательно прочел черновик, [эмир] писал:

«Говорит Мас'уд, сын Махмуда. Клянусь богом, велик он и всемогущ, — далее [следовали] слова клятвы, как пишут в соглашениях, — что до той поры, покуда великий, небесновысокий эмир Абу Мансур Минучихр, сын Кабуса, будет [заодно] с нами и будет полностью и до конца исполнять условия соглашения» Лишь только я сведал об этом, мне будто таз с огнем вылили на голову. Я страшно испугался махмудовой ярости и засох. Эмир заметил во мне следы замешательства и спросил: «В чем дело? Отчего ты остановился, ни слова не скажешь? Удался ли сей черновик?» — «Да будет долгой жизнь господина, — сказал я, — написать так, как господин, не под силу ни одному искусному дебиру, однако тут есть что заметить; быть может, оно не понравится и придется некстати. Могу сказать [о том только] с позволения». — «Сказывай», — приказал он. «От сведения господина не скрыто, — сказал я, — что Минучихр боится отца господина, а отец господина от болезненной немощи ныне в таком [состоянии], что утаить /***137***/ нельзя. Он дошел до конца [своей] жизни, и [слух] об этом долетел до

всех окрестных падишахов и непокорствующих гордецов. Они и боятся и отомстить хотят суметь как-нибудь. Они твердо знают, что коль скоро султан скончается, то эмиру Мухаммеду его места не занять и он не утвердится [на царстве], а господина они [тоже] побаиваются, ибо сень и слава его известны их сердцам, и [ведомо] им, что целей своих достигнуть они не смогут. Как **[144]** ее можно спокойно доверять Минучихру? Ведь когда сие обязательно попадет к нему, украшенное собственноручной подписью господина, он начнет заискивать у султана Махмуда и перешлет обязательство к нему. Произойдет такая беда, благодаря которой он своей цели достигнет и будет находиться в безопасности. Государи часто прибегают к уловкам. Коль скоро дело не идет с помощью неприязни и открытой вражды, то чтобы его двинуть, они обращаются к лицемерию и обману. Буде даже Минучихр этой низости не совершит, то ведь эмир Махмуд начеку и бдит, коварен и всеведущ. За господином у него тоже есть соглядатаи и лазутчики; на всех дорогах он поставил и назначил

дозорных. Ежели этого человека изловят [314], отберут у него сие обязательство и отправят к эмиру Махмуду, как будет за это не ответить?» «Так верно, как ты говоришь, — промолвил эмир, — Минучихр упорно настаивает получить это обязательство, ибо знает» что дни моего отца сочтены, и хочет за наш счет укрепить свою сторону, он ведь человек подвинутый в годах, умный и дальновидный. [Но] неловко мне ему отказывать, раз он мне сделал столько услуг и [ко мне] расположен».

Я ответил, что хорошо бы написать как-нибудь так, чтобы оно не могло послужить доказательством для эмира Махмуда против господина, буде письмо попадет в его руки. «Как же написать?» — спросил он. Я ответил: «Хорошо было бы, конечно, написать так, дескать, эмир [Минучихр] присылал к нам гонцов и письма, он обращался к нам, искал [нашего] расположения [к нему], оказывал бескорыстные услуги и выразил, [наконец], пожелание, чтобы между нами существовал договор. Мы отвечаем ему, что-де не считаем приемлемым его домогательство быть возвеличенным, дабы завязать с нами дружбу;

мы [просим] его одуматься, удовлетворить его мы [не можем]. Не подлежит сомнению, что мы — слуга, сын и послушный исполнитель воли султана Махмуда. Все, что мы совершаем в подобного рода деле, не осуществляется до тех пор, покуда мы не представим [его] великодержавному государю, ибо коль скоро произойдет не так, то первым осудит нас сам же эмир [Минучихр], а за ним и другие люди. [Однако] разве мы можем поставить эмира Минучихра в неловкое положение отказом? Договор, разумеется, надо заключить... и я написал затем [текст] договора, любезничая на такой лад:

/***138***/ СПИСОК С ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

«Говорит Мас'уд, сын Махмуда: «Клянусь богом и покровительством господним, [клянусь] господом, сведущим тайное и явное, [творимое] созданиями [его], что доколе великий эмир Абу Мансур Минучихр, сын Кабуса, будет покорен, послушен повелениям и платить **[145]** дань государю преславному султану Абу-л-Касиму Махмуду, Поборнику веры в Аллаха [315], да продлит Аллах его

жизнь, и [доколе] он будет соблюдать условия договора, который он заключил с султаном и скрепил торжественной клятвой при свидетелях, и ничего в нем не переменит, я буду пребывать в сердце, помыслах и убеждениях [моих] его другом и буду друг его друзей и противник и враг его врагов, буду помогать и пособлять ему и хранить условия единодушия, буду строго блюсти его представительство в Высоком собрании при государе отце, [и] ежели мы заметим [в государе] неудовольствие и неприязнь, то будем стараться их устранить. А буде высочайшее усмотрение решит оставить нас в Рее, я буду [оставаться] с ним [316] все таким же и буду согласен на все, от чего зависит польза владения [317], царского дома и самого народа [его]. До тех пор, покуда эмир Минучихр будет оставаться покорен и соблюдать условия договора, который заключил, я [тоже] останусь с ним таким же. А ежели я отступлю от клятвы и нарушу договор, тогда да поразит меня гнев господень, велик он и всемогущ, ибо вместо могущества и силы его я положился на свою силу и мощь и [да поразит меня

гнев] пророков, да будет благоволение божие над ними всеми. Написано тогда-то».

В таком виде [эмир Мас'уд] был этим обязательством удовлетворен и послал [его] к Минучихру. Тот ответил, что будет покорным слугой, и сердце его [эмира Мас'уда] успокоилось. Вот тут-то и надо заметить способность этого Абдалгаффара, дебира, блюсти пользу царевича, и какова была его честность и верность.

Окончились и эти рассказы, и я, призывая Аллаха, подателя помощи, возвращаюсь к главной моей задаче, к повествованию «Истории».

В пятом томе я рассказал, что эмир Мас'уд прибыл в Балх в воскресенье, /***139***/ в половине месяца зи-л-хидджа лета четыреста двадцать первого, и занялся вершением государственных дел. Казалось, мир походил на прекрасное свадебное празднество, [потому что] все пришло в порядок и царские родичи, свита и раияты успокоились, подчинившись и покорившись этому государю. Все дела государева двора правил хаджиб Гази, который был

сипахсаларом и правителем областей Балх и Семенган. Его кедхудай, Са'ид Серраф, скрытно наблюдал за ним и тайно доносил обо всем, что он делал. Ежедневно хаджиб Гази являлся в царский дворец на поклон. Впереди него дейлемцы и щитоносцы тащили около тридцати щитов золотых и серебряных, с несколькими хаджибами во главе, в черных шапках и поясах, а человек тридцать гулямов [двигались] позади, и каждый из них нес какую-либо из разнообразных вещей. Я не видывал, чтобы хорезмшах или Арслан Джазиб и другие предводители эмира **[146]** Махмуда являлись ко двору таким образом. В Балхе его коня подавали к прихожему сераю [318], как бывало [подавали] коней эмиров Мас'уда, Мухаммеда и Юсуфа. Сидел он в тереме дивана до того часа, когда открывался прием. Для Али Дая, членов царского семейства и важных саларов внутри этого серая был весьма длинный дуккан, и до начала приема они там сидели. Когда хаджиб Гази шествовал в терем, он проходил мимо них. Само собой, все вставали и кланялись, покуда он шел мимо. Очень неприятно было этим людям

видеть хаджиба Гази в таком чине, ибо они знали его раньше незначительным [человеком]. Они ворчали и судачили, но все это было неверно и нехорошо, ибо мир держится на владыках, кого они возвысили, того возвысили, и никому не приличествует спрашивать, почему это так. Ма'мун по этому поводу сказал: *Мы — мир, из знатных самый знатный и из простых самый простой*.

В повестях о рейсах я читал, что Ашнас — его называли Афшин [319] — закончил победоносно войну с Бабеком Хурремдином [320] и прибыл в Багдад. Му'тасим, повелитель верующих, да будет им доволен Аллах, приказал всем мертебедарам: мол, надобно [сделать] так, когда Ашнас будет подъезжать ко дворцу, то чтобы все [в честь] его сошли с коней и шли [пешими] впереди него, доколе он не дойдет до меня. Хасан, сын Сахля [321], невзирая на высокий сан, который у него был в свое время, сошел с коня ради Ашнаса. Его хаджиб, видя, что он идет еле держась на ногах, заплакал. Хасан это заметил, но ничего не сказал. Когда они вернулись /***140***/ домой, он спросил: «Почему ты заплакал?». Тот

ответил: «Я не мог видеть тебя в таком состоянии». «Сын мой, — промолвил [Хасан], — эти государи возвеличили нас, но не стали великими через нас. Доколе мы с ними, остается только послушно исполнять повеления».

Хаджибу Гази доносили о ворчании и разговорах этих людей, а он смеялся и не боялся этого, потому что высокомерие заложил в его голове еще эмир Махмуд, когда, не видя никого более достойного, поручил ему должность такого человека, как Арслан Джазиб. Об этом я уже рассказал в «Яминовой истории» [322]. По сему поводу мне вспомнился замечательный рассказ; я излагаю [его] здесь, дабы он стал известен. Подобными рассказами история украшается.

РАССКАЗ О ФАЗЛЕ, СЫНЕ САХЛЯ ЗУ-Р-РИ'АСАТЕЙНЕ, И ХУСЕЙНЕ, СЫНЕ МУС'АБА

Рассказывают, что Фазл, везир Ма'муна, в Мерве попрекнул Хусейна, сына Мус'аба, отца Тахира Зу-л-яминейна, и сказал: «Твой сын Тахир переменился, стал высокомерен и забывается». Хусейн **[147]** ответил: «О везир, я старик и сей державе покорный

слуга. И знаю я, вам отлично ведомы мои добрые советы и преданность. Есть у меня ответ насчет его, весьма короткий, но огорчительный. Ежели угодно, я скажу». «Разрешаю», — сказал [везир]. «Да поможет Аллах везиру! Повелитель верующих из числа самых низших своих родичей и слуг взял за руку Тахира, рассек ему грудь, вынул оттуда беспомощное сердце, какое бывает у таких, как он [бедняков], и вложил в него сердце, коим он убил брата своего халифа Мухаммеда, сына Зубейды. Вместе с тем сердцем, которое он дал Тахиру, он дал [ему] и снаряжение, и силу, и войско. Ныне, когда его дело достигло такой ступени, что [ни от кого] не скрыто, ты желаешь, чтобы он преклонил перед тобой голову и стал опять таким, каким был изначала. Этого никогда не случится, разве только ты его низведешь на ту ступень, что была первоначально. Я сказал, что знал, а повелеваешь ты». Фазл, сын Сахля, смолчал. В тот день он не сказал ничего и ушел. Известие об этом доложили Ма'муну. Ответ Хусейна, сына Мус'аба ему очень понравился. «Мне этот ответ приятнее, — промолвил он, — чем взятие Багдада, которое

совершил его сын». И [халиф] отдал ему округ Пушенг, потому что Хусейн находился в Бушендже [323].

/***141***/ Одно предание порождает другое. О Зу-р-ри'асатейне, как называли Фазла, сына Сахля, о Зу-л-яминейне, как называли Тахира, и о Зу-л-каламейне, который был начальником посольского дивана Ма'муна, я расскажу длинную повесть, дабы тому, кто ее не знает, она стала известна.

Когда Мухаммед, сын Зубейды, был убит и халифство досталось Ма'муну, он два года с чем-то оставался в Мерве. Повесть об этом долгая. Фазл, сын Сахля, желал передать халифство от рода Аббасова роду Алиеву. Он сказал Ма'муну: «Ты дал обет при мне и поклялся, что когда господь всевышний покончит с правлением твоего брата и ты станешь халифом, то назначишь наследника престола из [рода] Алиева. Хотя [это] на тебя не похоже, но ты как будто свалил со своих плеч бремя и обет и клятву не исполняешь». «Прекрасно, — промолвил Ма'мун, — кого же мне назначить наследником престола?» —

«Али, сына Мусы, [прозванного] ар-Риза, — ответил тот, — он ныне имам и пребывает в Граде посланника божия [324], мир ему». — «Надо кого-нибудь тайно послать к Тахиру, — сказал [халиф], — и написать ему, что мы-де желаем сделать то-то и то-то, дабы он послал человека, доставил Али из Медины, привел бы его негласно к присяге и наилучшим способом отправил в Мерв, чтобы здесь объявить о присяге и престолонаследии». «Повелителю верующих следовало бы написать письмо своей рукой», — заметил Фазл. Тот **[148]** немедленно потребовал чернила и бумагу, написал письмо и отдал его Фазлу. Фазл вернулся домой, заперся и написал все, что надлежало написать. Справив дело, он послал надежного человека с этими распоряжениями к Тахиру, а Тахир немало обрадовался этому обстоятельству, потому что [сам] тяготел к роду Алиеву. Он это поручение как следует обделал и назначил одного верного мужа из числа весьма близких к себе поехать вместе с человеком Ма'муна.

Оба направились в Медину, встретились негласно с Ризой, представили [ему] письмо и сообщили устные извещения. Риза пошел на это дело неохотно, поскольку понимал, что на успех расчитывать трудно. Однако он все же свое согласие дал, потому что нельзя было не исполнить воли Ма'муна, и скрытно, в переодетом виде, приехал в Багдад. Его поместили в прекрасном месте. Через неделю, когда он отдохнул, к нему [однажды] ночью, в глубокой тайне, явился Тахир, смиренно поклонился ему, обратился с любезной речью и представил собственноручную записку Ма'муна, сказав: «Я — первый, кто по указу повелителя верующих, /***142***/ государя моего, приведет тебя к присяге; когда же я приму присягу сам, то сто тысяч конников и пехотинцев, кои со мной, все [тоже] присягнут». Риза, упокой его господь, выпростал для присяги правую руку, как обычно, Тахир же протянул левую. «Что сие значит?» — спросил Риза. «Десница моя уже занята присягой Ма'муну, — ответил [Тахир], — а шуйца свободна, потому я ее и протягиваю». Риза похвалил его за это, и оба они присягнули.

На другой день [Тахир] с большими почестями отправил Ризу в путь, и его доставили в Мерв. Когда он отдохнул, к нему ночью на свидание пришел Ма'мун и вместе с ним был Фазл, сын Сахля. Они усердно задавали друг другу вопросы, Риза много благодарил Ма'муна и рассказал [ему] случай о левой руке и присяге. Поступок Тахира пришелся Ма'муну очень по душе и Ма'мун его [тоже] похвалил и сказал: «О имам, то была первая рука, которая прикоснулась к твоей благословенной руке, посему ту шуйцу я нарекаю десницей». Вот по этой причине Тахира зовут Зу-л-яминейн [325].

Потом дело Ризы было объявлено. Ма'мун назначил его своим преемником, опустил долу черные знамена и вздел зеленые [326]. На диремах, динарах и тиразах выводили имя Ризы. Событие разгласили. Ма'мун сказал Ризе: «Тебе надобно взять [себе] везира и дебира, дабы они пеклись о делах твоих». «О повелитель верующих, — ответил [Риза], — мне по душе Фазл, сын Сахля, потому что он исправляет должность моего кедхудая, и Али, сын Са'ида, начальник посольского дивана халифа, который

сочиняет послания от моего [имени]». Ма'мун одобрил его слова и распорядился, чтобы оба эти мужа «служили также и Ризе. Фазл а оттого звали Зу-р-ри'асатейн [327], а Али, **[149]** сына Са'ида — Зул-л-каламейн [328]. То, что мне хотелось рассказать об этих трех почетных прозвищах, я рассказал и дальнейшее повествование [о них] прекращаю, ибо оно [слишком] пространно и его можно найти в исторических книгах.

Хаджиб Гази давил на сердца махмудовцев как самая тяжелая гора. Дело его с каждым днем возносилось все выше, великолепие возрастало, а милости эмира Мас'уда, да будет им доволен Аллах, в смысле угощения обедом, сажания выше других, приглашения на пиршества, оказания почестей и награждения почетной одеждой превысили всякую меру. Хотя Гази никогда не пил и не пьет вина и среди людей не найдется более коварного и более многознающего, /***143/*** чем он, он все сильней делался предметом зависти и заглядения. Завел он себе около тысячи человек конных и соответствующее тому убранство и принадлежности. В конце концов,

однако, когда дело дошло до последней черты, его поразил дурной глаз, ибо махмудовцы не переставали строить ему козни, дабы доставить человека в Газну. О том, что с ним приключилось, я расскажу в своем месте, ибо сейчас не время. Все разговоры о войске эмир вел с ним, а он от воинства выступал посредником, чтобы все обращались к нему, так что когда он выезжал из ворот кушка, его сопровождал очень большой поезд. Махмудовцы учинили подвох — подговорили людей, чтобы они о нем расписывали картины [329]. Эмир, само собой, прислушивался, [хотя] такие вещи от него не были скрыты, — никто не видывал и в книгах не читывал про более умного, великодушного и мягкосердого царя, — покуда дело не дошло вот до чего.

Однажды [государь] пил вино, пил целую ночь, а наутро объявил прием в большой суффе. Как полагается, хаджибы пошли первыми, а вслед за ними стали сходиться вельможи, по порядку садились или оставались стоять, В дверь вошел Гази, а расстояние до суффы было немалое. Эмир велел двум хаджибам пойти встретить сипахсалара. Никто

не помнил, чтобы когда-нибудь какому-либо сипахсалару оказывалась такая честь. Хаджибы пошли и на середине серая встретили Гази. Еще прежде хаджибов к нему подоспело несколько человек и оповестили, [что будет встреча]. Когда хаджибы подошли к нему, он склонился и облобызал землю. Его взяли под руки и почтительно посадили. Эмир обратился к нему и сказал: «Сипахсалар нам заместо брата. Службу, кою он сослужил нам в Нишабуре и [после] по сей день ни при каких обстоятельствах мы не забудем. За часть службы [ему] уже воздано, а за большую часть ее еще остается отблагодарить **[150]** со временем. Мы слышим, что кое-кому твое главенство не по нраву, и тебя представляют другим людям в ложном виде. Ежели попытаются вызвать в нашем сердце нерасположение к тебе, смотри, не осердись сам, ибо наше благоволение к тебе таково, как ты слышал с наших слов». Гази встал, облобызал землю и промолвил: «Коль высочайшее мнение таково, /***144***/ я, слуга твой, не побоюсь никого». Эмир велел принести кафтан со своего плеча, и его набросили на

Гази. Гази встал, надел на себя кафтан и облобызал землю. Эмир приказал принести охотничий пояс, осыпанный драгоценными камнями, подозвал его к себе и перепоясал его своей рукой. Гази [еще раз] облобызал землю и удалился [из дворца] с такими почестями, подобных которым никто не запомнил.

Наставник мой, Бу Наср, да смилуется над ним Аллах, пребывал в Герате в унынии, как я уже поведал раньше. Эмир, да будет им доволен Аллах, не раз утешал его, чтобы придать бодрости, и ныне, в Балхе, Бу Наср удостоился высокой милости. Жители столицы, являясь в посольский диван, вели переговоры с моим наставником, хотя Тахир и приобрел уже силу и значение. Люди видывали Тахира, стоящим перед Бу Насром, как правителя двора этого государя. Наш диван помещался в тереме прихожего серая [330]. Бу Наср заседал там, как в былое время, на левой стороне терема, где было посветлей. Ходжа-начальник Абу Сахль, да продлит Аллах его помощь, начальник посольского дивана в царствование преславного султана Абу Шуджа Фаррухзада, сына Поборника веры в Аллаха, — да

пребудет вечно [его] державность, — Бу Сахль Хамадани [331], ныне здравствующий в почете и уважении, прекрасный сын вельможи, отец коего служил у знаменитых везиров, брат его Бу-л-Кдсим Нишабури, большой мастер, Адибек Бу Мухаммед Дергари [332], человек умный, благовоспитанный, недурной стихотворец, но неважный дебир, сидели по левую руку от Тахира. Перед Тахиром ставили пребольшую серебряную чернильницу на скатерти из черного шелка. А Ираки, дебир, Бу-л-Хасан, хотя и слыл за способного [человека], /***145/*** сам редко сидел в диване. Он по большей части находился при эмире, вел другие дела и был влиятельным лицом в государственном совете.

В те дни, когда садры дивана и дебиры занимали место в [упомянутом] порядке, Ираки приходил в терем и садился в нимтерге, так что приходился посередине между обоими вельможами, в передней части терема, и приступал к работе. Каждый, кто приходил в посольский диван, завидев Бу Насра, обязательно заводил разговор с ним, а ежели требовалось что-либо написать, то просили его.

Недимы, приносившие от эмира устные сообщения по какому-нибудь важному государственному делу, которое [надлежало] изложить письменно, **[151]** тоже обращались к Бу Насру. В конце концов дошло до того, что на одной стороне все время работали, а на другой стороне поглядывали. Разве только время от времени приходил кое-кто из людей, знакомых с Тахиром по Ираку, и просил его составить письменную жалобу или прошение о вспомоществовании или подорожную [333]. Тахир приказывал написать, и они беседовали.

Через два-три дня, прошедших таким образом, однажды поздним утром эмир призвал Бу Насра, — он слышал о том, как Бу Насру приходится заседать в диване, — и распорядился: нужно-де составить поименный список дебиров, тех, кои были с тобой, и тех, что приехали со мной из Рея, дабы было приказано, что надлежит приказать. Наставник мой пришел в диван, имена [дебиров] обоих разрядов были написаны, и список он представил эмиру. «Убейдаллаха, племянника Бу-л-Аббаса Исфераини и Бу-л-Фатха Хатими писать не надобно, — сказал

эмир, — я им дам другую должность». «Да будет долгой жизнь государя, — возразил Бу Наср, — принять Убейдаллаха в диван мне велел эмир Мухаммед из уважения к его деду. Сам он скромный молодой человек, почерк у него прекрасный и с обязанностями дебира он справляется отлично. Что касается Бу-л-Фатха Хатими, то зачислить его в диван распорядился сам государь еще при жизни эмира Махмуда, потому что он сын слуги государя». «Все это так, как ты говоришь, — заметил [эмир], — но в прошлом они в твоем диване были соглядатаи, коих назначил я, а теперь они для дивана не годятся». «Очень обидно, что я об этом узнал только сегодня!» — промолвил Бу Наср. «А чтобы ты сделал, ежели убедился в том раньше?» — спросил эмир. «Я выгнал бы обоих из дивана, — ответил [Бу Наср], — ибо дебиры предатели для дела не гожи». Эмир рассмеялся и сказал: «Не следует объявлять им о нашем разговоре, а то они огорчатся». Не видал я никого более великодушного и милосердного, чем он! «Мы прикажем должное, — сказал [эмир], — /***146***/ чем занимался Убейдаллах [раньше]?» — «Он

был начальником почты в Серахсе, а Бу-л-Фатх — начальником почты в Тохаристане», — ответил Бу Наср. «Ступай», — сказал эмир, и Бу Наср удалился.

На другой день, когда у эмира был прием, мы все стояли. Эмир позвал, и Убейдаллах выступил из рядов. «Ты в посольском диване состоишь?» — спросил эмир. «Состою», — ответил тот. «А какая должность у тебя была при моем отце?» — спросил эмир. «Был начальником почты в Серахсе». «Жалую тебе [снова] ту же должность, а в диване тебе уже больше не сидеть, там полно народу. И дед и отец твой несли службу, потрудись и ты для меня. Заходи к недимам, когда придет время, тебе дадут назначение». Убейдаллах облобызал землю и вошел обратно в ряд. Затем эмир вызвал Бу-л-Фатха **[152]** Хатими, тот выступил вперед. «Для Балха и Тохаристана потребен мушриф честный и способный. Мы избрали тебя. Абдус по нашему велению скажет тебе то, что надобно сказать». Бу-л-Фатх тоже облобызал землю и встал в ряд. После [эмир] сказал Бу Насру: «Надо написать две жалованные грамоты для этих двух, а мы поставим

печать». «Слушаюсь», — ответил Бу Наср. Обе грамоты были написаны и украшены печатью [эмира]. Оба [дебира] покинули диван, и никто не узнал, в чем было дело, а я, Бу-л-Фазл, слышал это от своего наставника. И все они отошли в иной мир, да смилуется Аллах над ними всеми!

Должности и дела, коими занимались дебиры, сохранились за ними. Должность начальника почты в Систане, в прежнее время пожалованная Хасанеку и считавшаяся важной и почетной, была отдана Тахиру, а должность кухистанского [334] дебира — Бу-л-Хасану Ираки. Тогда же произвели подсчет. Ежемесячное содержание для всех составляло семьдесят тысяч диремов. Может ли милость быть еще выше? Дебиры, прибывшие недавно и не имевшие содержания, получили содержание и работу позднее. Дебир Тахир был озадачен тем, что его дела идут без успеха, и сильно этим смущался. Кончилось тем, что он стал редко являться в диван, а ежели и приходил, то вскоре же удалялся. Он начал пить вино и кутить, ибо владел земельными угодьями [335] и большим богатством, было у него и множество

гулямов, луноликих девушек, пышного убранства и утвари. ***/147/*** Случилось однажды, что эмир распорядился о назначении четырех мушрифов для всего государства. [Их] избрали. «Надобно передать Бу Насру, — изволил сказать эмир Тахиру, — чтобы написали жалованные грамоты». Тахир пошел и передал [приказание] Бу Насру. «Прекрасно — ответил [Бу Наср], — будут написаны». Тахир, раздосадованный, удалился к себе и прислал ко мне правителя своего двора со словами: мне-де обязательно надо с тобой переговорить, есть устное сообщение для Бу Насра. Когда будешь возвращаться из дивана, заиди ко мне. Я рассказал [об этом] моему наставнику. «Что же надобно пойти», — ответил он.

Итак, возвращаясь из дивана, я направился к Тахиру. Его дом находился в околотке Симгеран [336], в балхском шаристане Я увидел серай, украшенный, как рай, с большой роскошью. Благородство и великодушие [Тахира] были совершенны, и держал он себя с достоинством. Он посадил меня рядом с собой на почетное место, и нам подали угощение,

прекрасное и весьма изысканно приготовленное Пришли его недимы и раздалась музыка мутрибов. Мы откушали. Вино-питие было устроено в другом месте. Пошли туда, и я узрел великолепие безмерное, невозможное описать. Мы приступили к делу и пир **[153]** пошел горой. Когда чаша с вином совершила несколько кругов, появился казначей [Тахира] и передо мной положили пять штук высокоценной одежды и кошель с пятью тысячами диремов и снова приняли в сторону. Вслед за тем много серебра и одежд раздали недимам, мутрибам и гулямам.

Потом, на пиру, [Тахир] втихомолку сказал мне: «Я не отрицаю главенства, важности и старшинства начальника Бу Насра, и той славы великой, которую он приобрел с давних пор. Но ведь прибывают же и новые люди и, благодаря государю падишаху, обретают звание и достоинство. Хотя мы ныне и начальствуем вдвоем в диване, я его признаю [главой], а себя считаю ниже [его]. Государь султан пожалует мне другую должность, более высокую, чем у меня сейчас. Однако до той поры, покуда эмир не даст повеления, я ожидаю, что поскольку сам

соблюдаю его главенство и старшинство, он тоже будет относиться ко мне с уважением. Сегодня, когда [государь] приказал [составить] жалованные грамоты мушрифам, он по этому поводу разговаривал со мной. Ему и прочим совершенно ясно, что в отправлении дел, в правилах, приемах и навыках работы дивана, в [вопросах] сбора налогов и имущественных я разбираюсь лучше [Бу Насра], однако я, оберегая его достоинство, передал [приказание эмира] ему. Я надеялся, что он скажет мне написать, /***148***/ но когда он [этого] не сказал, я обиделся. Ради того я тебя и побеспокоил, чтобы рассказать об этом, а ты представь [Бу Насру в таком виде], как найдешь лучше». Я тотчас же высказал ему в ответ все, что требовалось сказать, развеселил его, и в круговую пошли чаши еще большего размера. День пришел к концу, и все мы разошлись.

Чуть свет меня позвал к себе наставник, и я пошел. Он расспросил меня о том, что произошло, и я ему точно и обстоятельно все рассказал. [Наставник мой] посмеялся, да будет им доволен Аллах, и промолвил: «Сегодня я тебе покажу, что значит понимать и не

понимать производство дел». Я пошел к себе, а он сел верхом и поехал. Следом за ним отправился и я. Когда происходил прием у государя, по странной случайности эмир обратился к моему наставнику и спросил: «Я говорил Тахиру, чтобы он передал тебе насчет жалованных грамот муширифам, они уже составлены?» [Наставник мой] ответил: «Я набросал черновик, сегодня его перебелят, дабы государь просмотрел, а [потом] напишут». «Ладно», — сказал государь. Тахир тихо удалился. Мы вернулись обратно в диван. Бу Наср взял в руку-перо сочинительства и начал составлять указ, а меня посадил перед собой, чтобы я переписывал набело. Так прошло время до часа пополуденной молитвы, и на свет появилась такая жалованная грамота, что все вельможи и садры признались: никто, дескать, подобной жалованной граматы на должность мушрифа [до сей поры] еще не **[154]** видывал, да и не увидит». Жалованная грамота была переписана мною на дести бумаги почерком мукрамат [337]. [Бу Наср] снес ее к эмиру и прочитал. [Грамота] весьма понравилась, и с нее [потом] изготовляли списки.

Тахир сразу сдался и полностью уразумел, чего стоит сам. Впоследствии, до самого его отъезда в Ирак на должность везира, он уже больше не заводил речи с Ташферрашем о занятиях по письменной части. Хотя все произошло [именно] так, наставник мой передал ему на словах через меня сообщение. Я сходил к нему и исполнил поручение, и он воспрял духом и повеселел. После между ними завязались добрые отношения и постоянная переписка. Они [даже] сиживали вместе и попивали вино, ведь наставник мой на сей предмет был в свое время дока, несмотря на кручину. *Да будет над ним милость Аллаха и благословение его!*

Комментарии

1. Али б. Иль-Арслан ал-Кариб — играл заметную роль при дворе султана Махмуда. После смерти последнего по инициативе Али Кариба на престол был возведен брат эмира Мас'уда Абу Ахмед Мухаммед Джемаль ад-довле, а сам Али Кариб сделался фактическим главой правительства. Он же

известен под именем Али Хвиша-ванда. Raverty, Tabakat-i Nasiri, I, 89.

2. Абу Якуб Юсуф Азуд ад-довле (“Рука государства”) — дядя эмира Мас'уда, но всего на четыре года старше племянника. Воспитывался вместе с эмирами Мас'удом и Мухаммедом. См. выше, стр. 124—125.

3. Абу Али ал-Хасан б. Мухаммед ал-Аббас из рода Микал. В детстве вступил на службу султана Махмуда. Будучи приятен в обращении и обладая красивой внешностью, он вскоре сделался одним из приближенных царедворцев султана и заслужил от него ласкательное имя Хасанек, под которым и стал известен в широких кругах. Пользуясь неограниченным доверием султана, он занимал видные государственные посты. Сумел отстранить Ахмеда б. Хасана Мейменди от должности хакима и мута-саррифа Нишапура и послал туда вместо себя своих чиновников, которые там полновластно распоряжались от его имени. Незаконными способами скопил огромное богатство. *** л. 119 а.

Дальнейшие биографические сведения о нем сообщает Абу-л-Фазл Бейхаки в своей “Истории”.

4. Хотя мы оставили это имя в том виде, как оно обычно встречается в нашей современной литературе, правильно было бы его назвать Абу Наср, сын Мишкана, как указывается в ранних источниках, например, *** Ибн Фундука, л. 85 б.

5. Т. е. султанской гвардии, состоявшей в большинстве своем из рабов (гулямов) тюркского происхождения.

6. Абу-н-Наджм Аяз — гулям и фаворит султана Махмуда, оказывавший сильное влияние на султана.

7. ***

8. Гузганан (или по-арабски Джузджанан) —область на северо-западе нынешнего Афганистана, пределы которой в разное время то суживались, то расширялись. В конце X в. Гузганан был княжеством, которым правила местная династия Феригунидов, находившаяся в вассальной зависимости от Саманидов. После падения этой

династии в 999 г. Махмуд Газнийский низложил Феригунидов. Эмир Мухаммед являлся наместником султана Махмуда в Гузганане и пребывал там.

Автор Худуд ал-Алем сообщает: “Гузганан — область благоустроенная и весьма богатая, в ней распространены правосудие, справедливость и безопасность. Это область, на востоке коей лежат области Балх и Тохаристан до пределов Бамияна. На юге ее — конец области Гур и предел Буста; на западе его (Гузганана) — область Гарчистан, касаба Пишин, до пределов Мерва; на севере он простирается до пределов Джейхуна... В этой области разводят много лошадей и производят войлок, дорожные сумы, конские подпруги, ковры и паласы” (л. 20 б); H'A Min, 328 ff.

9. Абу Ахмед Мухаммед — сын султана Махмуда, брат эмира Мас'уда. Хотя Мухаммед здесь назван “меньшим” сыном, но на самом деле он был одних лет с Мас'удом (см. стр. 124—125) и вероятно от другой матери.

10. Тегинабад — несуществующий в настоящее время город, находившийся по всей вероятности на месте старого Кандагара, т. е. на полпути между нынешним Кандагаром и берегом р. Ангераб, среди высоких и крутых скал. Бартольд, Обзор, 51. Кухтиз (Острая гора) в ВМ всюду: Кухшер (Львиная гора).

11. Т. е. следующее ниже, с которого и начинается уцелевшая часть “Истории” Бейхаки.

12. Позднейшее добавление, сделанное неизвестным автором. См. “От переводчика”, стр. 34.

13. ***. ВМ: вместо этого стоит слово *** — упоминание.

14. *** — штандарт, жалуемый халифом, вместе с прочими инсингниями (см. стр. 42) при инвеституре.

15. Неточная цитата из Кор. 19_{41}.

16. Еще первые издатели “Истории” Бейхаки, ВМ и АП, обратили внимание на то, что эта фраза в списках либо искажена, либо какая-то часть ее

выпала, а потому общий смысл ее и последующих слов остается не совсем ясным.

17. Т. е. халифа, наместника основоположника ислама Мухаммеда.

18. Чтение названия места сомнительно. В списках “Истории” Бейхаки имеется несколько разночтений, из которых наиболее подходящим к данному случаю нам кажется вариант в одном из подсобных списков BM, а именно — ***

19. Т. е. Бу Бекра Хусейри и Менгитерака.

20. Границы Синда в IX—XI вв. не совпадают с границами современной провинции Синд в западном Пакистане, Автор Худуд ал-Алем указывает следующие пределы территории: “на востоке — река Инд, на юге — Великое море (т. е. Индийский океан), на западе — область Керман, на севере — пустыни, примыкающие к пределам Хорасана. Эта область жаркая [***] в ней много пустынь, а гор мало” (л. 26а); H'A Min, 371—372.

21. Буст — город близ впадения реки Аргендаб в Хильменд (нынешнее название его Кала-и Бист). В Худуд а л-Алем говорится: “Буст — большой город с крепостной стеной, расположенный на берегу реки Хидменд, с многими округами. Это ворота в Хиндустан и торговое место. Жители воинственны и храбры. Там произрастают плоды, которые сушат и увозят в другие места, и [выделывают] кербас и мыло”, л. 22 а; H'A Min, 344,9; Le Strange, 344—345.

22. Т. е. меланхолия.

23. Название Тохаристан у Бейхаки применено в узком смысле, т. е. для области, расположенной к югу от Аму-Дарьи, к востоку и югу от Балха (Бартольд, Обзор, 12) до Гиндукуша. В Худуд а л-Алем читаем: “Тохаристан область богатая, большей частью гористая, а в степях ее место [жительства] турок халадж. В этой области разводят лошадей и овец и имеется много злаков [***] и разнообразных плодов (лл. 21 а—21 б); H'A Min, 337.

24. Точное местоположение рабата Джармак не установлено; из контекста можно только вывести,

что он находился на дороге из Газны в Тегинабад (Кандагар).

25. Абу-л-Аббас б. Ахмед Исфераини был сначала в числе секретарей [***] и наместников [***] саманидского полководца Амин ад-довле Фаика. После поражения хорасанского наместника Абу Али Симджура и Фаика он попал на службу к эмиру Себук-тегину. По вступлении на престол султан Махмуд назначил Абу-л-Аббаса везиром, и на этом посту он оставался 10 лет. Он принадлежал к числу очень образованных людей своего века и был способным государственным деятелем. В результате дворцовых интриг султан Махмуд заключил его в крепость, где он был убит по выступлении Махмуда в поход на Сумнат *** лл. 94б—96а. Дом Абу-л-Аббаса Исфераини, как сказано ниже (стр. 445), находился в Газне, в Дих-и Ахенгеран.

26. По-видимому, один из околотков города Газны.

27. Выше говорилось о письме в единственном числе.

28. В оригинале слово *** . Судя по таким пожеланиям как *** (стр. 242 ориг.) или *** (стр. 114 ориг), под указанным словом следует понимать членов царствующего дома.

29. Ко времени описываемых событий выражение “лобызать землю” уже утратило свое буквальное значение, аналогично русскому “бить челом (о землю)”, и значило отвесить низкий поклон в пояс. Переводчики часто передают это выражение словами “земно поклониться”, “пасть ниц” и. т.п., хотя для действительно земного поклона наш автор применяет арабское слово *** то самое, которое употребляют и в мусульманском молитвенном ритуале. Мы пишем в переводе “облобызать землю” с целью сохранить образность языка оригинала.

30. Жители Дейлема, т. е. горной части иранской провинции Гилян в юго-западной части побережья Каспийского моря, по обе стороны главного хребта. Страна, изрезанная узкими долинами и глубокими ущельями, лесистая и почти лишенная дорог. Населенная свободолюбивым и воинственным

народом, она всегда упорно оборонялась от всяческих вторжений в нее иноземных завоевателей. В половине X в. из Дейлема вышла шиитская династия Буйе (или в арабизованной форме Бувейх), очень быстро захватившая весь запад и юг Ирана с городами Реем, Хамаданом, Исфаганом, Керма-ном и Ширазом, а затем и Ирак Арабский с Багдадом и Басрой. С отдельными буидскими княжествами султану Махмуду Газнийскому и его сыну Мас'уду приходилось вести войны, о которых частично упоминает в своей “Истории” Абу-л-Фазл Бейхаки. H'A Min, 384—385. Буидов часто называли “дейлемцами”.

31. Т. е. не в оковах.

32. *** т. е. должность тегинабадского вали.

33. ***

34. Рей — один из древнейших городов Ирана, ныне не существующий; сохранившиеся следы его можно видеть в 8 км. к юго-востоку от Тегерана. По свидетельству географов X в., Рей был большим

городом, но по величине все же уступал Нишапуру. Полного расцвета он достигал в XI—XII вв. Округ отличался плодородием, но климат его считался вредным для здоровья; см. Бартольд, Обзор, 84 и сл.

35. Джибаль — историческая горная область Ирана, включавшая в себя округа городов Рея, Хамадана и Исфагана. Арабские средневековые географы относили к Джибалю и горы к северу от Хамадана до границ Азербайджана; Бартольд, Обзор, 138; H'A Min, 328; Le Strange, 185—231.

36. В оригинале всюду ***.

37. 27 мая 1030 г. Соответствия всюду указаны по юлианскому календарю.

38. Сестра султана Махмуда. Пользовалась большим влиянием при дворе.

39. 29 апреля 1030 г.

40. *** — стремянный — уБейхаки скорей имеет значение курьера или посланца, отправляемого с важным поручением.

41. *** ГФ неясное нам выражение *** толкует как *** — стать ясным, объявиться (стр. 13 текста), очевидно принимая его за пассивную форму выражения *** значением — объявить [***], упомянутого М. Бехаром (***). Однако такое значение к данному случаю едва ли подходит. Поэтому выражение "мы попали в степь" нами условно передано в переводе словами "мы остались без защиты".

42. Сын Каку — Абу Джа'фар Мухаммед ибн Какуйе Ала-ад-довле из династии Какуидов, (Каквейхидов, 1007—1041), владел Хамаданом, Нехавендом, Исфаганом, Йездом и др. городами.

43. ***; т.е. согласиться уплатить определенную сумму денег за взятое на откуп право сбора податей и налогов.

44. Белый цвет в то время был знаком траура.

45. Тарум — город в Дейлеме.

46.*

47. Новруз — “новый день” — день весеннего равноденствия (21 марта), начало нового года по древнеиранскому календарю, первое число месяца фарвердина. Михреган — день осеннего равноденствия (23 сентября), которое приходилось на 16 число месяца михра. Вследствие неточности древнеиранского календаря даты их несколько сдвинулись, и в пору описываемых Абу-л Фазлом Бейхаки событий новруз и михреган праздновались до наступления действительных равноденствий.

48. 31 мая 1030 г.

49. Т. е. поздравления по случаю восшествия на престол и соболезнования по случаю смерти отца.

50. Гурган — область, прилегающая к юго-восточной части Каспийского моря. На западе она соприкасалась с Табаристаном, на юге и востоке — с Хорасаном. Самым северным округом ее, по восточному берегу Каспийского моря, был Дихистан. В состав области входил Астрабад, в средние века промышленный город, славившийся выделкой шелковых тканей. Город Гурган в X—XI вв. был

столицей местной династии Зияридов и “считался первым по величине городом в прикаспийских областях”. В течение указанного периода времени Зияриды находились в подчинении то у Саманидов, то у Буидов, то у Газневидов, династия эта кончила свое существование в 1042 г; Le Strange, 376. О местоположении Дихистана см. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 32 и сл.

51. Современный Мазандеран на южном берегу Каспийского моря был до арабского завоевания известен под названием Тапуристан по имени обитавшего там в древности народа тапур. Арабы название области переделали в Табаристан. В средние века он был несколько меньше нынешнего Мазандерана; на востоке он примыкал к области Гурган, граница проходила между Астрабадом и Тамише (Тамис), в одном переходе на запад от Астрабада; западным рубежом считался город Чалус (Шалус) в 20 фарсангах от главного города области Амуля. Расстояние от моря до гор нигде не превышало одного дня пути. Горная часть области была покрыта густым лесом; в низменной части было

развито шелководство и садоводство, возделывался рис, прибрежное население занималось рыболовством. Табаристан входил в состав владения Зияридов. Бартольд. Обзор, 80—81; он же, К истории орошения Туркестана, стр. 32 и сл.; Худуд ал-Алем, лл. 29б—30а; V. Minorsky, Mazandaran, El, s. v.

52. Кор. 2_{243}; 7_{67}:

53. ***

54. Нимруз — то же, что Систан; Alberuni's India... 97.

55. Далее в оригинале следуют слова “где сидит Тахир”, по-видимому, вписанные по ошибке.

56. ***

57. Абу-л-Хасан Али Фахр ад-довле Буид правил в Рее и Хамадане с 976 по 997 г. и в Исфагане с 984 г.

58. Сахиб Исмаил, сын Аббада, родом из Талькана — везир Бундов Му'аййид ад-довле и Фахр ад-довле в 938—997 гг., один из просвещеннейших людей своего времени. Ему принадлежала большая

библиотека, для перевозки которой, по преданию, понадобилось бы около 400 верблюдов. J. Rypka, Iranische Literaturgeschichte, 147.

59. За неспособностью сына Фахр ад-довле — Абу Талиб Рустема Маджд ад-довле (997—1029), низложенного Махмудом Газнийским, государством фактически управляла его мать, умная и энергичная женщина, прозванная ас-Сайида, т. е. госпожа.

60. Строго говоря, название карматы (от арабск. *** мн. ч. ***) относится к членам тайной организации, возникшей среди арабов в южной Месопотамии после восстания рабов (занджей) в конце IX в. Сообщество карматов нашло широкое распространение среди крестьян и ремесленников и за пределами Месопотамии, в Йемене и Хорасане, в Ахсе оно даже образовало независимое от халифата государство. В более широком смысле карматами называли участников мощного антифеодального движения, охватившего весь мусульманский мир в XI—XII вв. Борьба велась во имя реформ, основанных на равенстве и справедливости. Это

движение получило поддержку со стороны исмаилитства, одной из шиитских сект, распространенной в то время в восточных областях халифата, главным образом на территории нынешнего Ирана и Афганистана, и стоявшей в оппозиции к арабскому халифату. Антифеодальная борьба стала сочетаться с борьбой за национальное возрождение и освобождение.

61. Миср — т. е. Египет в его средневековых границах,

62. Т. е. эмира Мас'уда.

63. Джибаль Гератский — горная местность в 18—20 км к востоку от Герата.

64. Т. е. шелка, привезенного из Рума (Малой Азии).

65. ***. Обычное поздравление с поднесением подарков лиц, получивших награду от государя или назначение на должность.

66. 22 июля 1030 г.

67. Хувар — восточный округ Рея, отделенный от последнего горным перевалом. От западного края перевала от города Рея насчитывалось 12 фарсангов. Бартольд. Обзор, 84.

68. Бу Сахль Мухаммед, сын Хасана Завзани, в пору султана Махмуда состоял при его дворе. Тайно поддерживал эмира Мас'уда и интриговал против царедворцев, пользовавшихся благосклонностью Махмуда, за что был удален от двора в Газну, где содержался в крепости. Характер этой непривлекательной личности весьма красочно очерчен автором на протяжении всей книги как на основании рассказов, главным образом Абу Насра Мишкана, так и на основании личного общения. См *** лл. 122а—122б.

69. *** — недошедшая до нас часть “Истории” Бейхаки, повествующая о царствовании Махмуда Газнийского и событиях его поры.

70. ***

71. Очевидно в утраченной части “Истории”.

72. Баглан — селение в Тохаристане в шести днях пути от Балха, через Хульм и Семенган. Бартольд, Обзор, 14—15.

73. Серахс в X—XI вв. был большим городом в полвеличины города Мерва. Le Strange, 396.

74. От знака * до сноски персидский текст фразы испорчен, и в списках, привлеченных для подготовки опубликованных до сего времени изданий “Истории” Бейхаки, представлен в различных вариантах, из которых нет ни одного удовлетворительного Поэтому предлагаемый перевод условен.

75. Члены происходившего из Балха дома Бармекидов в течение почти полустолетия занимали ключевые посты в правительстве халифата. В 803 г. везир Джа'фар Бармеки был казнен, другие члены этого семейства заключены в тюрьму и имущество их конфисковано.

76. Мухаммед, сын Зубейды — сын Харун ар-Рашида, брат Ма'муна, притязавший на престол халифата.

77. О Тахире Зу-л-Яминейне см. ниже, стр. 147, 148 и сл.

78. Али, сын Исы — сын Исы б. Али, наместника Хорасана, назначенное после падения дома Бармекидов. Деятельность этого наместника привела к народному восстанию, в ходе которого он погиб. Его сын вступился было за отца, но полководец Харсама б. А'ян вскоре вынужден был его устранить.

79. Один из титулов халифа.

80. ***

81. В оригинале глагол в третьем лице.

82. ***

83. ***

84. ***. Возможен и другой вариант перевода.

85. ***

86. Бейхак — округ в Нишапурской области Хорасана с административным центром Себзевар. Ибн. Фундук в Тарих-и Бейхак сообщает (л. 117а),

что после смерти султана Махмуда Нишапур и Бейхак отказались читать хутбу на имя его сына Мухаммеда. Мухаммед отправил туда карательный отряд войск, который узнав в пути о приближении из Исфагана эмира Мас'уда, повернул обратно из Мервруда.

87. Автор в нескольких местах своей “Истории” упоминает существовавший обычай вызывать через служителей к выходу из дворца коня вновь пожалованного сановника, громко провозглашая его новую должность или новое звание.

88. ***

89. 13 августа 1030 г.

90. ***

91. Кази Са'ид Абу-л-Ала — глава старинного и могущественного рода Микали в Нишапуре и Б'ейхаке. Ибн Фундук в своей Та'рих-и Бейхак называет родоначальником этого дома Микала, сына Абдалвахида, якобы потомка Диваштича (пенджикентского дихкана), а этот в свою очередь

являлся будто бы потомком сасанидского царя Вахрама V (Бехрам-Гура, 420—438). К подобного рода родословным надо, однако, относиться с большим сомнением, так как в те времена феодальная знать для подкрепления своих политических и экономических притязаний нередко пользовалась подложными генеалогиями. Ниже, на стр. 196—197, сказано, что Кази Са'ид был законоучителем Мас'уда и Мухаммеда.

92. Имеется в виду Абу Бекр Мухаммед б. Бу Бекр Исхак б. Махмашад. Каррамиййа — религиозная секта, основанная Абу Абдаллахом Мухаммедом, сыном Каррана, по которому она и получила свое название. В пору эмира Себук-тегина главой этой секты был Абу Бекр Исхак б. Махмашад (ум. 994 г.). Секта пользовалась покровительством Себук-тегина. Позднее неоднократно упоминаемый Абу-л-Фазлом Бейхаки Кази Са'ид Абу-л-Ала по настоянию халифа ал-Кадира побудил султана Махмуда запретить секту керрамитов. Сын Абу Бекра Исхака, Абу Бекр Мухаммед, официально отрекся от учения секты, а ее приверженцы стали подвергаться гонениям. Однако

многие из них продолжали втайне исповедывать это учение.

93. *** Что в данном случае речь идет именно о разборе жалоб, подтверждается также словами Гардизи: *** Zainu'l-Akhbar, 95.

94. ***

95. ***

96. ***

97. ***

98. ***

99. К слову *** есть вариант ***

100. Т. е. один из членов династии Буидов. Титул шаханшаха впервые после арабского завоевания принял Азуд ад-довле (949 — 983). См. История Ирана с древнейших времен, 141.

101. Как видно из этого мероприятия, газневидский начальник гарнизона не слишком доверял “простому люду” Рея.

102. *** — так правоверные мусульмане обычно называли исмаилитов и последователей других религиозных сект. СН. 1, 43.

103. Вероятно, далее часть фразы из текста выпала.

104. Должно быть описка; как следует из контекста, нужно читать “казий”.

105. ***

106. Черный — цвет дома Аббасидов.

107. *** — длинный просторный плащ, покрывающий все тело до стоп.

108. *** — ткань, которую производили в городе Дабик в Египте. Здесь, по-видимому, идет речь о такого же рода ткани багдадской выделки. Дабики было распространенно и в Хорезме, очевидно местного производства. Barthold, Turkestan... 236.

109. Якуб б. Лейс — по происхождению крестьянин-бедняк, родоначальник возникшей в половине IX в. династии Саффаридов в Систане. Глава одного из нескольких самостоятельных государств,

образовавшихся в IX в. в восточном халифате, на территории Ирана и Мавераннахра, вследствие развития феодальных отношений и роста народно-освободительной борьбы в покоренных арабами странах, приведшей к политическому распаду Халифата. История Ирана с древнейших времен, стр. 109—113.

110. ***

111. ***

112. Пушанг — город на реке Гери-руд на расстоянии одного перехода от Герата на пути в Нишапур. Город окружен был рвом и сильно укрепленной стеной. В “Истории” Бейхаки название этого города встречается в форме Бушанг и в арабизованных формах Бушандж и Фушандж. Бартольд, Обзор, 41; Худуд ал-Алем, л. 19б; Le Strange, 411.

113. Ниса — древний город, ныне остались только развалины, в 18 км к северо-западу от Ашхабада. Основание Нисы относится еще к временам родового

общества. Большое значение город имел в пору Парфянского царства, но с падением его понемногу пришел в запустение. Наивысшего расцвета город достиг в XI—XII вв. Автор Худуд ал-Алем отмечает Нису как город лежащий среди пустынных гор, с дурным климатом, но богатый. К области Нисы относили находившийся в четырех днях пути от нее рабат Фераву или Ферав (ныне Кзыл-Арват), состоящий из трех соединенных между собой крепостей, сооруженных для защиты от вторжений огузов. Город Баверд или Абиверд сохранился в виде небольшого селения, расположенного неподалеку от станции Каахка. Автор Худуд ал-Алем указывает, что округа этого города представляла собой возделанные земли, с хорошим климатом и воинственным населением. Из Абиверда шел прямой путь в Мерв. Труды ЮТАКЭ под ред. М. Е. Массона, Ашхабад 1949 г., 1, стр. 55 и сл., Бартольд, Обзор, 60—61; Худуд ал-Алем, лл. 19б и 29 б; Le Strange, 394.

114. Бадгис — область между Гератом и Серахсом, на территории которой насчитывалось до 300

населенных пунктов. Вся площадь земли обрабатывалась под посевы различных культур, поля орошались искусственным путем. Гянджруста — область между Гератом и Мерваррудом (Мерврудом), тоже весьма плодородная. Административным центром ее был небольшой город Бевен. Бартольд, Обзор, 83; Худуд ал-Алем, л. 20а.

115. Титул халифа.

116. ***

117. ***

118. 16—17 сентября 1030 г.

119. ***

120. 12 октября 1030 г.

121. ***

122. ***

123. 2 ноября 1030 г.

124. ***

125. ***

126. ***

127. ***

128. Т. е. гулямов, живущих в висаках [***]. См. глоссарий.

129. ГФ, ссылаясь на примечание в этом месте в тегеранской литографии, полагают, что речь идет о балхском Шадьяхе, который упомянут в Му'джам ал-булдан.

130. В Zainu'l Akhbar указывается полное его имя: Абу Са'д Абдус б. Аб-дал'азиз.

131. ***

132. Аттаби Кулсум б. Амр — арабский поэт, ум. 823 г. Подвизался сначала у Бармекидов, после их падения — при дворе Харун ар-Рашида. См. *** и сл. В приведенных в ал-Агани образцах творчества

Аттаби, стихов, цитированных Абу-л-Фазлом Бейхаки, нет.

133. Ибн ар-Руми — эротический и сатирический поэт, погибший за свой едкий язык в 889 или 896 г. E. G. Browne, A Literary History of Persia, I, 357.

134. Абу Абдаллах Джа'фар б. Мухаммед Рудаки (ум. 940—41) — поэт, родоначальник таджикской средневековой литературы.

135. Абу Муслим — вождь народного движения в Иране, разгромивший халифат Омейядов и содействовавший передаче халифата Аббасидам. Был лицемерно приглашен во дворец второго дского халифа Мансура (754—775) и предательски убит.

136. Хорезм — древнее государство, центром которого являлся одноименный оазис, расположенный в низовьях р. Аму-Дарьи (ныне частью на территории Каракалпакской АССР Узбекской ССР, частью на территории Туркменской ССР). В 712 г. Хорезм завоевали арабы, уничтожившие древнехорезмийскую культуру. В

конце X в. арабский наместник объединил под своей властью весь Хорезм. В 1017 г. Хорезм захватил Махмуд Газнийский, который на место свергнутого правителя из арабской династии возвел на престол хорезмшахов своего ставленника Алтунташа. См. в конце книги главу о Хорезме.

137. ***. В данном случае представитель двора хорезмшаха. Представители двора являлись как бы постоянными полномочными послами вассальных правителей при правительстве сюзерена. Этот же термин встречается в “Истории Бейхаки” и в значении управляющий, правитель двора.

138. Семенган — город в расстоянии четырех дней пути от города Балха через Хульм; находился на месте крепости Хайбак, существующей в настоящее время. Через него шла главная дорога из Балха в Индию. Автор Худуд ал-Алем отмечает: “Это город, расположенный среди гор. Есть там горы белые как мрамор, в них вырыты помещения для собраний, кушки и кумирни и конюшни со всеми принадлежностям ми, кои нужны для кушков, и

сделаны разные изображения обычаев индийцев". Бартольд, Обзор, 15.

139. "Сделаться сторожем реки Тигра" — заниматься пустяками, не имеющим значения делом.

140. 1058—1059 г.

141. Т. е. для читателей.

142. Описка. Бу Сахль Завзани в эту пору не был везиром и занимал этот пост спустя продолжительное время после смерти Мас'уда, при Тогруле. *** ркп. № 306. л. 512 б.

143. Т. е. султан Махмуд.

144. *** - титул везира, главы правительства при Газневидах.

145. *** — т. е. с членами династии туркестанского хана, Илекханидами.

146. ***

147. Али-тегин — илек, владетель Бухары и Самарканда, ум. в 1034 г. Подробнее о нем см.: Barthold, Turkestan... 280—282, 284—286.

148. Т. е. на левой стороне Аму-Дарьи.

149. *** — приманка в виде корма для пернатой дичи.

150. Арслан Джазиб — старший хаджиб и полководец султана Махмуда Газнийского.

151. Это имя имеет много разночтений, ГФ, стр. 69.

152. Кусдар — город в Синде (теперь в северо-восточной части Белуджистана), существует и в настоящее время под этим женазванием. Владетель Кусдара не признавал над собой никакой власти, кроме власти халифа. Значение города определялось соединением в нем важных торговых путей, ведших из западного Ирана и северо-западного Афганистана в Индию. Бартольд, Обзор, 51.

153. Или Забулистан; в Худуд ал-Алем читаем: “Что касается Газны и тех областей, кои к ней примыкают, то все они называются Забулистан” (л. 22б).

154. ***

155. ***

156. По-видимому, это тот самый Бу Бекр Кухистани, о котором сообщается в Zainu'l Akhbar (стр. 86), что он состоял при эмире Мухаммеде в бытность его в Гузганане в качестве доверенного человека. Отсюда, очевидно, и вражда к нему со стороны Бу Сахля Завзани.

157. Даскара — арабское название развалин большого города Дастагерда (времени Сасанидов), приблизительно на полпути между Багдадом и Ханикином. Бартольд, Обзор, 132.

158. Мультан — город в западном Пакистане. В 1006 г. он был завоеван и разорен Махмудом Газнийским под предлогом борьбы с карматами. В средние века Мультан имел большое значение как город, лежащий на караванном пути в Среднюю Азию и Иран.

159. СН считает, что последние два союза “и” излишни и полагает, что имя товарища — Насири Багеви, так как из дальнейшего текста якобы явствует, что эмира Мухаммеда провожали только два человека.

160. Возможно, что округ Валишт или Валиштан, как он назван ниже, на стр. 433, и как Ибн Фундук его называет (*** л. 49а), относя его к области Буст и упоминая в нем административный центр Сива, тождественен округу Балис с городами Сифенджай, Кушк и Сиви, упоминаемым Бартольдом в Обзоре, стр. 51, и в Худуд ал-А лем, л. 22а. В этот округ вел путь из Педжевая, находившегося в одном переходе от Тегинабада. См. также H'A Min, 346, 18.

161. См. Raverty, Tabakat-i Nasiri, I. 32 — 33.

162. Эти стихи приписываются поэту Фаррухи. Бертельс, История..., 300, со ссылкой на Дабира Сийаки.

163. ***

164. Конец рассказа каввала Абдаррахмана, начатого на стр. 96.

165. ***

166. Т. е. 10 июля 1063 г., в четверг, а не в воскресенье.

167. Кадыр-хан Юсуф (404/1013—423/1032), илек, владетель Хотана. Султан Махмуд Газнийский во второй половине своего правления поддерживал Кадыр-хана в его борьбе с другими членами династии илеков.

168. Т. е. после трафаретного вступления к посланиям и письмам, адресуемым к высокопоставленным лицам, которое автор для краткости здесь опускает.

169. Все издатели текста “Истории Мас'уда” понимают глагол *** как “умершие”. В этом случае речь может идти несомненно о Махмуде Газнийском и, по всей вероятности, об умершем в 1017—1018 г. илеке Туган-хане, брате Кадыр-хана, верном союзнике Махмуда; Barthold, Turkestan... 274, 279.

Однако глагол *** все же остается под некоторым сомнением, поскольку автор всюду в своей книге передает “умирать” глаголом *** — пройти мимо, миновать, отойти — без приставки ***.

170. *** — эпитет Багдада.

171. Имеется в виду Ирак Персидский [***] т. е. западная часть Ирана. Ирак Персидский в большей своей части совпадал с Джибалем.

172. ***

173. ***

174. Хульван — город, развалины которого еще лет 100 назад были видны близ Зохаба, в Касриширинском округе на западе Ирана, около границы с Ираком. См. Путевой журнал Е. И. Чирикова, XVIII и сл., 314 и сл., 601.

175. Выше (стр. 67) говорилось, что Мас'уд выступил из Нишабура в половине месяца рамазана.

176. ***

177. Если день недели назван правильно, то выступление произошло 17 зу-л-ка'да 16 ноября 1030 г.

178. ***

179. ***

180. В Zainu'l-Akhbar указывается его полное имя: Абу Наср Ахмед б. Мухаммед б. Абдассамад.

181. Кёчаты — *** — Махмуд Кашгарский упоминает их как тюркское племя, живущее в Хорезме. *** Стамбул, I, 1333, 298. Племя джиграк связывают предположительно с тюркским племенем *** Кыпчаки (половцы) — тюрко-язычный народ, обитавший во время описываемых Бейхаки событий в центральной н западной части нынешнего Казахстана. О наличии в ту пору кыпчаков в Хорезме впервые сообщается в “Истории Мас'уда”, МИТТ, I, 234.

182. ***

183. Т. е. все единомышленники, и что говорит один, то повторяет другой.

184. *** СН. 89.

185. Добавлено по СН.

186. См. выше, примеч. 168.

187. Гургандж — столица средневекового Хорезма. Развалины его находятся у южной окраины Куня-Ургенча. В X—XI вв. Гургандж считался самым большим городом на левой стороне Аму-Дарьи и стоял в одном фарсанге от главного русла реки. В Гургандже скрещивались караванные пути, связывавшие Среднюю Азию с Поволжьем, Кавказом и Ираном. А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча, “Изв. Госакадемии матер. культ.”, 1930, т. VI, в 2, 8-9

188. Это имя в списках “Истории” Бейхаки пишется разно: *** и совсем без диакритических знаков. Нами условно принято чтение по-русски: Асиг-тегин.

189. ***

190. Баласагун — главный город Семиречья. Туган-хан был изгнан оттуда Кадыр-ханом Юсуфом и его сыновьями. W. Barthold, Turkestan... 285.

191. Чаганьян (Саганиан) — область долины реки Сурхан или Сурхандарьи, как ее называют в настоящее время, протекающей по территории Узбекской ССР. Главный город этой области, носивший то же название, находился в 24 фарсангах от Термеза на месте нынешнего города Денау. В городе имелась цитадель, и хотя по площади он был больше Термеза, но по числу населения и по материальному благосостоянию уступал последнему. В X в. в области находилось до 16000 селений. Управлял областью владетель ее, эмир из местной династии, после падения Саманидов подчинявшийся Газневидам.

192. Термез (Тирмиз) — в X—XII вв. большой цветущий город на берегу Аму-Дарьи на месте впадения в нее Сурхандарьи. Он имел большое торговое значение и являлся важной стоянкой для судов, перевозивших товары по Аму-Дарье. На

самом берегу, у устья Сурхандарьи, была сооружена сильная крепость. Хотя Термез и прилегающие к нему земли составляли самостоятельную область, однако, как мы увидим ниже, начальник крепости [кутвал], ее гарнизон и чиновники гражданского управления области назначались Газневидами до 1041 г.

193. Кубадьян (Кабадиан) — область между реками Кафирниган и Вахш, притоками Аму-Дарьи, протекающими по территории Таджикской ССР. Главный город области носил то же название.

194. Хутталан — область между реками Вахш и Пяндж. Главным городом, столицей местного эмира, считался Хульбук, стоявший немного южнее нынешнего Куляба, а самым значительным по величине городом считался Мунк, находившийся на месте ныне существующего Бильджуана. Barthold, Turkestan... 69, 71—76; А. М. Беленицкий, Исторический очерк Хутталя..., Мат. и исслед. по археол. СССР, № 15, 127.

195. Слово *** — люди, народ — служило также синонимом слов воины, войска.

196. Т. е. подателю письма.

197. Или Мервруд; его местоположение окончательно не определено. Его относят и к городу Маручаку и к городу Бала Мургабу на реке Мургаб, на территории нынешнего Афганистана, близ советско-афганской границы. В Худуд а л-Алем говорится, что город был богатый и цветущий, на склоне горы и что мимо него протекала Мервская река, т. е. Мургаб. Бартольд Обзор, 25; Le Strange, 404—405.

198. ***

199. ***

200. ***; ВМ —***; СН— ***; перевод условен.

201. ***

202. ***

203. Чтение условно; в подлиннике ***

204. Т. е. к Абу Насру Мишкану.

205. Нынешний Шиберган; город входил в состав области Гузганан. Бартольд, Обзор, 22—23;

206. Празднуется 10 зу-л-хиджжа.

207. Дата едва ли правильна. Если 10 зу-л-хиджжа [9 декабря] была сделана остановка, то в Балх, отстоящий от Шапургана приблизительно на 100 км. [18 фарсангов], Мас'уд мог прибыть не ранее 13 зу-л-хиджжа, т. е. 12 декабря 1030 г., если только не допустить, что праздник жертвоприношения был отпразднован до срока. Указанное в тексте 7 зу-л-хиджжа действительно приходилось на понедельник, если принять во внимание, что сутки у мусульман начинаются с заходом солнца.

208. Дальше, должно быть, следует том VII.

209. Т. е. до эмира Мас'уда.

210. Т. е. Александра Македонского и Ардешира, сына Папагана (226—240), основоположника империи Сасанидов.

211. ***.

212. Намек на Себук-тегина, родоначальника династии Газневидов, попавшего в юном возрасте рабом к саманидскому полководцу Альп-тегину. См. ниже рассказ на стр. 197 и сл.

213. Кор.$^{3}_{25}$

214. Кор.$^{23}_{14}$

215. Эпитет Мухаммеда, основателя ислама.

216. Кор. $^{9}_{33}$

217. Сложное прилагательное, составленное из сокращенных титулов Насирад-диналлах, Ямин ад-довле, Хафиз Ибадаллах, Му'ин Халифаталлах, т. е. титулов Себук-тегина, Махмуда, Мас'уда и Мавдуда Газнийских.

218. Абу Шуджа Фаррухзад Джемаль ад-довле, сын Мас'уда, султан, 1053— 1059.

219. Т. е. согласно учению астрологии.

220. Му'тазилиты — адепты рационалистического движения в исламе, утверждавшие наличие свободной воли у человека и отрицавшие божественное предопределение. В частности, они отвергали существовавшее в исламе представление, что в день воскресения из мертвых праведники узрят бога. Зиндик — вначале последователь манихейства, позднее вообще инаковерующий, еретик, вольнодумец.

221. ***

222. ***

223. Последние две фразы в ряде списков названы стихами и написаны в виде стихов. На самом деле это не стихи, а проза.

224. ***

225. Т. е. в трактатах Галена.

226. Абдаллах ибн ал-Мукаффа (ум. 757) — переводчик исторической хроники Хватай-намаг с среднеперсидского на арабский язык.

227. Наср И б. Ахмед (914—943).

228. Абу-л-Фазл Мухаммед б. Убейдаллах, ум. 940 г., отец переводчика известного труда Табари.

229. Т. е. опасность самим подвергнуться гневу Насра.

230. Ахнаф б. Кайс [Абу Бекр Даххак], жил в пору основоположника ислама Мухаммеда. Участвовал в знаменитом сражении при Сиффине и в завоевании арабами Хорасана. Умер в 66 г. х. Его доброта и мягкосердечие стали нарицательными. ***, Истанбул, 1306/1889, 1, 800.

231. *** — т. е. выпрямил шею, поднял голову.

232. ***

233. Т. е. в начале 1058 г.

234. См. следующую страницу.

235. Т. е. в конце 1030 г.

236. Т. е. эмира Мас'уда, убитого в 432/1041 г.

237. Перевод автора не совсем точен, следовало бы: “удостоенный похвалы повелителя верующих”, т. е. халифа.

238. Эта часть “Истории” Бейхаки не сохранилась.

239. 1010—1011 г.

240. Гуз (гузы, огузы) — союз некоторых тюркских, древнемонгольских и сакско-массагетских племен, существовавший в VI—XI вв. в Приаралье. Приблизительно с середины X в. и до первой трети XI в. государство гузов занимало обширное пространство, гранича на юго-востоке с областями Тараза и Шаша (ныне Джамбула и Ташкента). Во второй половине X в. гузы, селившиеся на правом берегу Аму-Дарьи, приняли ислам и стали называть себя туркменами, и это название мало-помалу вытеснило название гузы. В начале XI в. гузы под предводительством вождей из рода Сельджукидов начали продвижение в области к западу и юго-западу от Аму-Дарьи, т. е. на территорию современной Туркменской ССР. См. также С. П. Толстов, Города гузов, “Советская этнография”, 1947, № 3, 101.

241. Гур — горная область, составляющая центральную область современного Афганистана и граничившая с Гузгананом, Гарчистаном и Гератской областью. Высокие горы и глубокие ущелья делали эту страну неприступной. В ней находилось значительное количество селений, укрепленных замков и крепостей. К концу X в. ислам был распространен в Гуре только в районах, примыкавших к областям с мусульманским населением. Из Гура в соседние области доставляли рабов, панцыри кольчуги и разного рода оружие. Бартольд, Обзор, 36, 54; Худуд ал-Алем, л. 21б. H'A Min, 342—343

242. Заминдавер — область [широкая долина] между Гуром и Б'устом, с того места, где течение реки Гильменд сворачивает на юго-запад. По ней пролегал путь из Герата в Индию. Le Strange, 339.

243. *** — точная огласовка не установлена.

244. Абу Таййиб Ахмед б. ал-Хусейн Мутанабби (915—965) — классик арабской поэзии. Блестящий

панегирист, его касыды носят печать высокого оэтического мастерства.

245. Рейхан-хадим; последнее слово здесь употреблено в специальном значении “евнух”, служитель гарема, на что указывает и прозвище, обычное для такого рода служителей.

246. *** — вообще почетное место— центральный медальон на поле ковра; *** полоса с растительным орнаментом, окаймляющая ковер.

247. Велиаддин Абу Ахмед Халаф б. Ахмед, 942-43—1002-03, владетель Систана.

248. Ошибка, нужно 401/1010—1011 г.

249. 1014—1015 г.

250. Хуванин — так в Худуд ал-Алем, л. 22а; в нашем подлиннике, видимо, ошибочно Хвабин.

251. Автор называет гурцев неверными и нечестивцами, потому что к началу XI в. еще далеко не все население Гура было мусульманское.

252. 1020—1021 г.

253. 1 сентября 1020 г., в четверг, а не в субботу.

254. Башан — селение [***] в Гератской области, см ГФ, 115.

255. Хайсар — селение на пути из Герата в Гур, в двух дневных переходах от первого. Бартольд, Обзор, 37.

256. *** ВМ; *** АП: на поле примечание: “Бузйан — *** по словам Якута, селение [***] в Гератской области”.

257. *** — правильное название и местоположение не установлены.

258. Чишт — селение в двух днях пути от Обе (Офы) на восток. Бартольд, Обзор, 36.

259. ***

260. *** - чтение в переводе условное, местоположение не выяснено.

261. *** — в ряде списков *** Местоположение не выяснено, чтение в переводе условное.

262. ***

263. *** — Джурвас, такую огласовку дает АП; согласно примечанию там же — город в Гуре. Вариант: ***

264. *** дармишпат или дармешпат; должно быть, титул владетеля части Гура или даже всего Гура. См. H'A Min, 333, 48; 346, 12—15; ср. там же, 343.

265. ***

266. ***

267. Встречаются разночтения ***; чтение в переводе условное, местоположение не установлено.

268. К востоку от Герата, на современных картах — Марва. Бартольд, Обзор, 36.

269. Столица империи Сасанидов на р. Тигре.

270. Ездигерд III (632—651) — последний царь из династии Сасанидов.

271. *** BM: ***; в Zainu'l-Akhbar, 35—36: ***.

272. Название Хайсар здесь вызывает сомнение, так как выше (стр. 127) селение под этим названием указано на пути из Герата в Гур, на значительном расстоянии от последнего.

273. *** по Zainu'l-Akhbar — ***, что может быть ближе к истине. В Tabakat-i Nasiri, 362, крепость Тулак упоминается в округе Герата.

274. ***

275. ***

276. *** — ходившие в то время по рукам книги, аналогичные индийским Кама сутра.

277. *** — открытый приказ.

278. Т. е. штукатуров. Гядж — подвергнутая обжигу природная смесь гипса с глиной.

279. *** — это можно понять и так: раскинули ковры.

280. *** или ***

281. *** — значение слова в точности не установлено, перевод условный.

282. *** — это слово действительно значит “лев”, и львы, как известно, водились в полупустынях Иранского плоскогорья, но, вероятно, уже тогда, когда Абу Фазл писал свой труд, это же слово употребляли и для обозначения тигра потому что он повествует об охоте в зарослях вдоль рек (Адрескен, Исфизар) и в лесах, где львы вряд ли водились. Нам доводилось видеть в современных афганских печатных изданиях с изображениями представителей местной фауны изображение тигра с подписью *** — лев.

283. Непонятное слово *** по-видимому, искажение.

284. Исфизар — округ к югу от Герата, входивший в состав Гератской области. В нем два города:Адрескен, в двух переходах от Герата, и Исфизар (ныне Себзевар), в одном переходе к югу от Адрескена. Бартольд, Обзор, 44.

285. Фарах — город на левом берегу Фарах-руда, существует и в настоящее время. Там же, 45.

286. Местоположение Зирекана и Шернера [***] не установлено.

287. *** — в Худуд ал-Алем, л. 26 а — *** —город в области Туран (северо-восточная часть Белуджистана), через которую вели пути в Мультан и в Кусдар. Ср. H'A Min, 373, 12.

288. Далее следует заголовок: “Двустишия шейха Абу Сахля Завзани в похвалу великого султана Мас'уда, сына Махмуда, да будет ими доволен Аллах!” Заголовок, по-видимому, является позднейшей вставкой, что побудило нас привести его в сноске.

289. ***

290. ***

291. Ибн Фундук отмечает, что Беззаз — имя старинного рода шейхов и купцов в Бейхаке. Само слово значит "суконщик", *** л. 64 а.

292. ***

293. ***

294. ***

295. *** — поскольку значение этого термина для поры Газневидов окончательно не исследовано, мы останавливаемся на значении “наличные деньги” — cash, — на которое указывает В. Минорский, хотя и для гораздо более позднего времени, Tadhkirat al-Muluk... 152.

296. *** и *** термин не установлен. Возможно искажение.

297. ***

298. Гардиз или Гардез — город в одном переходе от Газны по пути в Индию, расположенный на холме. В нем имелась цитадель с тремя крепостными стенами. Бартольд, Обзор, 52; Худуд ал-Алем, л. 16 а; H'A Min, 251, 47.

299. *** — т. е. исправляя должность амиля Газны и т. д.

300. В подлиннике Зейнаби.

301. Т. е. наместника Хорасана.

302. ***, т.е. титулом, присвоенным свергнутой султаном Махмудом в Рее династией Бундов: См. прим. 100 к этой же главе.

303. ***

304. Т. е. имена Махмуд и Мас'уд одинаково огласованы.

305. ***

306. *** т. е. в палатке, где находились дежурные хаджибы и дебиры.

307. ***. ГФ в примеч. поясняет: ***

308. Фелек ал-Ма'али Абу Мансур Минучихр б. Кабус, Зиярид (1012—1029).

309. Т. е. Хасан, знаток и сказитель преданий об образе жизни и поступках Мухаммеда, основоположника ислама.

310. Т. е. Астрабад.

311. См. выше, примеч. 50.

312. Секавенд упоминается в Худуд ал-Алем, л. 22а, как небольшой городок в Завулистане. H'A Min, 347, 21.

313. Вставка, сделанная в рассказе Абдалгаффара, вероятно, самим Абул Фазлом Бейхаки.

314. Т. е. человек который должен был отвезти обязательство Мас'уда.

315. Этот титул здесь очевидно применен ошибочно, так как принадлежал не Махмуду, а сыну его Мас'уду.

316. Т. е. с эмиром Минучихром.

317. Т. е. Гургана.

318. ***

319. Абу-л-Хасан Хейдер б. Каус, родом из Усрушаны, полководец халифов Ма'муна (813—833) и Му'тасима (833—842).

320. Бабек — вождь народной войны против арабского завоевания, охватившей в первой четверти IX в. весь Азербайджан и часть Армении. В 837 г. Бабек был схвачен и предан мучительной казни.

321. Хасан б. Сахль — наместник западных областей халифата при Ма'муне. Mueller, Der Islam... I, 502.

322. *** т.е. в части “Истории” Бейхаки, посвященной Махмуду Ямин ад-довле.

323. См. выше, примеч. 112.

324. Т. е. в гор. Медине.

325. Т. е. обладателем двух десниц.

326. Зеленый — цвет дома Али, четвертого халифа (656—661), двоюродного брата и зятя Мухаммеда.

327. Т. е. обладатель двух главенств.

328. Т. е. обладатель двух каламов, двух тростниковых палочек для письма.

329. Т. е. пускали о нем порочащие слухи, оговаривали его.

330. ***

331. Так нисба указана в ВМ, в АП — *** в подсобном списке ГФ *** Поскольку строкой ниже упомянут его брат с нисбой Нишабури, надо полагать, что нисба Абу Сахля была не Хамадани.

332. *** ВМ: *** АП: Дауд-бек Бу Мухаммед Гази.

333. ***

334. Кухистан — горная область в южной части Хорасана. В X в. был населен преимущественно кочевниками. Административным центром был город Каин с цитаделью и рвом вокруг. Другим значительным городом был Тун. Бартольд, Обзор, 93—94; Худуд ал-Алем, л. 19 б; H'A Min, 326.

335. ***

336. Т. е. серебряных дел мастер.

337. Т. е. мелким, убористым почерком.

ЛЕТОПИСЬ ГОДА ЧЕТЫРЕСТА ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО

Первое число месяца мухаррама в этом году [1] случилось в субботу. Эмир Мас'уд, да будет им доволен Аллах, в этот день в кушке /***149***/ Дер-и Абдала'ла перешел в сад, чтобы там жить. Там же разместили и диваны и еще множество построек прибавили там. Когда я туда приехал через год, дехлиз, дергах и дукканы все были другие, их соизволил [построить] этот государь, ибо он столь хорошо разумел строительство зданий, что зодчих не ставил ни во что. Вот, новые дома, которые вы видите в Газне, достаточно свидетельствуют [об этом]. В Нишабуре, в Шадьяхе дергахов и майданов не было; их он тоже начертил своей рукой, — один прекрасный серай и несколько маленьких сераев и майданов, так что [там] стало так, как [теперь]. В Бусте, в Дешт-и Човган [2], он повелел соорудить разные пристройки в Ляшкергахе эмира [3], своего отца так что и посейчас некоторые стоят на месте. Сей царь был мастером во всяком деле, *господь да помилует его и да будет славно поминание имени божиего*.

Из Герата через людей Бу Сахля Завзани было отправлено письмо [государя], чтобы ходжа Ахмед, сын Хасана, явился ко двору, и Ченги, начальник крепости, освободил его от уз [4]. Ходжа Ахмед говорил ранее хаджибу Арьяруку, салару Хиндустана, что твое, дескать, имя как будто запачкано. Лучше поедем со мной к государю, вот увидишь, я скажу государю, что следует, и ты вернешься сюда обратно [одаренный] почетной одеждой и обласканный, потому что дела пришли в порядок и теперь на престол царства воссел такой великодушный и мягкосердный государь, как эмир Мас'уд. Арьярук не устоял перед соблазном, на него подействовали чары этого большого человека, и он поехал с ним. В пути он оказывал ходже столь много услуг, что им конца-краю не было. В ту пору из людей пера не было никого знатней, чем он. Досточтимый ходжа Абдарреззак, старший сын ходжи Ахмеда, сына Хасана [5], был заключен в **[156]** крепости Нендене [6]. Сариг, виночерпий, освободил его согласно повелению [государя] и доставил к отцу. Сын в присутствии отца много благодарил

Сарига, а ходжа промолвил: «Я ему еще больше благодарен», — [потом], обратившись к Саригу, сказал: «Возвращайся назад в Нендене, потому что пограничное место нельзя оставлять без начальника [7]. По приезде ко двору я о тебе /***150***/ доложу [государю], про то, что тебе полагается [касательно] повышения в чине, ты получишь». Сариг повернул обратно, а великий ходжа, не спеша, доехал до Балха, явился на служение к эмиру, отдал поклон и изъявил смиренность и покорность. Эмир тепло его расспросил [о том, как он поживает], удостоил [царского] покровительства и милостиво с ним] побеседовал. Ходжа откланялся и удалился. Остановился он во [вновь] отстроенном доме, три дня отдыхал, а затем явился ко двору.

Так говорит Бу-л-Фазл Бейхаки: когда сей вельможа отдохнул, с ним путем устных передач начали вести переговоры, о том, чтобы ему [занять] место везира, но он никак не соглашался. [У власти] в то время стоял Бу Сахль Завзани. Все дела находились в его руках: он отбирал в казну [имущество] людей, заключал соглашения, окупал и продавал, все делал

он. Негласные беседы эмира чаще сего велись с ним и с Абдусом. Предпочтение отдавали то одному, о другому [8], и оба они были озлоблены друг на друга. Сторонники отца, махмудовцы, довольно над этим потрудились, дабы самим счастливо отделаться. Никогда я не видывал Бу Насра более встревоженным и потерявшим самообладание, чем в те дни.

Устные сообщения, которые от ходжи Ахмеда, сына Хасана, передавали Бу Сахлю [Завзани], сводились к тому, что я, дескать, состарился и с этим делом никак не справлюсь. Бу Сахль Хамдеви способный человек и смышленный, ему надобно предоставить должность ариза, а тебе — место везира, я же буду блюсти пользу государства издали и давать нужные указания. На это Бу Сахль [Завзани] отвечал: где, мол, мне равняться с господином, разве я подходящий человек для такого дела? Не гожусь я, кроме как для злодеяния. А ходжа возражал, дескать, слава Аллаху, разве не ты управлял всем с той поры, как прибыл в Дамган к эмиру, так что государственные дела поправились. Ныне на

престоле государь и в государстве все благополучно; теперь лучше всего довести тебе дело до конца. Бу Сахль в ответ: мол, происходило так потому, что [тогда] при государе никого не было, а [сейчас], когда ты, господин, приехал, откуда у меня и подобных мне [людей] возьмется [столько] смелости и дерзости? Куда былинке до солнца! Все-де мы ничего не стоим, приехал настоящий господин, и у всех руки стали коротки. «Ладно, — сказал ходжа, — я об этом подумаю», — и отправился домой. **[157]**

За два-три дня по этому делу к нему было послано пятьдесят-шестьдесят устных сообщений, но он никак не соглашался. Однажды ходжа явился на поклон [во дворец]. Когда он собрался удалиться, эмир его усадил, остался с ним наедине и спросил: «Почему ходжа не соглашается на это предложение? Ему же известно, /***151/*** что он для нас заместо отца. Нам предстоит множество важных дел, не надо бы жалеть для нас своих способностей». Ходжа ответил: «Я слуга покорный и после приговора Аллаха всевышнего я жизнь получил от государя. Но стал я стар и устал от трудов, да и зарок дал, что больше ни

в каких должностях служить не стану, ибо претерпел я много мук». — «Мы изволим разрешить тебя от клятвы, — сказал эмир, — только не нужно нам отказывать». — «Коли так необходимо, чтобы слуга [твой] занял сию должность, — возразил [ходжа], — то с высочайшего позволения он сядет в тереме и что [надумает] сообщить, передаст через верного человека Высокому собранию, выслушает [его] ответ и тогда поступит согласно высочайшей воле». — «Прекрасно, — промолвил [государь], — кого же ты пожелал бы из доверенных людей?» [Ходжа] ответил: «Думаю, Бу Сахля Завзани, да неплохо бы сюда пристегнуть и Бу Насра Мишкана, — он человек прямодушный и в прошлом принимал участие в моих переговорах». — «Очень хорошо», — заключил эмир, и ходжа удалился.

Он пришел в посольский диван и уединился [вдвоем с Бу Насром]. [Потом] я от Бу Насра Мишкана слышал, он рассказывал: «Стал я собираться уйти, но [ходжа] усадил меня и сказал: «Не уходи, дескать, ты понадобишься, есть сообщение в государево собрание. Он, мол, не оставит меня в покое, покуда я

сижу в углу, хотя мне впору замаливать грехи перед господом богом, велик он и всемогущ, а не занимать место везира». — «Да будет долгой жизнь господина, — отвечал я, — эмиру больше нравится так, как он решил, да и слугам [его] это тоже по душе, но господину придется потрудиться — важных вопросов весьма много и разрешить их удовлетворительно нельзя иначе, как с помощью светлого разума и знания ходжи». — «Так, так, — промолвил ходжа, — однако я здесь замечаю многих везиров, полагаю, что и от тебя это не скрыто?» — «Да, есть, конечно, — сказал я, — но ведь другого не остается, как послушно исполнить повеление». Спустя немного я спросил: «Однако, зачем тут я? Хватит одного Бу Сахля, я и так из-за него в полном отчаянии и всеми силами [стараюсь] ухитриться уйти на покой». «Об этом ты и не помышляй, — ответил [ходжа Ахмед], — у меня доверие [только] к тебе». Я поклонился.

Пришел Бу Сахль и принес сообщение от эмира: государь, дескать, говорит, что ходжа в пору отца нашего понес много трудов и претерпел много

невзгод и обвинений. [Даже] очень удивительно, что **[158]** его оставили в живых. То, что он остался жив, послужит украшением времени нашего царствования. Ходже надобно [лишь] дать согласие на везирство; это, дескать, требуется /***152/*** для твоей же славы. Подручные и помощники есть, все будут трудиться, как ты укажешь, дабы дела утвердились в порядке. Ходжа ответил: «Я дал зарок больше совсем не служить на султанской службе, но раз государь повелевает и изволит разрешить меня от клятвы, я соглашаюсь. Однако эта служба будет сопряжена с условиями. Ежели [я], раб, потребую исполнения всех условий, и государь их прикажет исполнить, то все слуги [государевы] сразу же выступят против меня, станут моими врагами и снова поведут ту же игру, как вели в пору покойного эмира, и я опять попаду в большую беду, а ныне у меня врагов нет и живу я со спокойным сердцем. Ну, а коль скоро я не потребую исполнения условий, то совершу предательство, мне припишут бессилие, и не простят меня ни господь бог, велик он и всемогущ, ни государь. Ежели для моей службы подчас это будет

необходимо, я потребую исполнения ее условий полностью и буде [тогда] получу согласие и поддержку, то осуществлю все, что нужно с помощью добрых советов и сочувствия».

Мы [с Бу Сахлем] оба пошли переговорить с султаном. Я спросил у Бу Сахля: «Раз в этом деле ты участвуешь, зачем тут я?» — «Ходжа пожелал тебя, — ответил он, — наверное, у него нет доверия ко мне». Бу Сахлю было очень неприятно, что я встрял в это дело. Когда мы предстали перед [государем], я, соблюдая приличие, хотел было, чтобы докладывал Бу Сахль. Однако, как только он начал говорить, эмир, взглянув на меня, предложил докладывать мне. Бу Сахль молча вышел. Я полностью доложил сообщение [ходжи Ахмеда]. Эмир ответил: «Я все дела препоручу ему, кроме развлечений, увеселений, вина, игры в човган и войны. Всем прочим придется распоряжаться ему, его усмотрению и решению я никак противоречить не стану».

Я возвратился назад и принес [этот] ответ. Бу Сахль удалился [из дворца] раньше, а я все, [что поручали

мне], возлагал на него. Но что было делать, ни эмир, ни ходжа от меня не отступали. [Ходжа Ахмед] в ответ сказал: «Я повинуюсь, а пока что подумаю и напишу соглашение, дабы завтра его доложили на высочайшее усмотрение, да прибавит ему Аллах превосходства, и я получил бы собственноручные ответы государя султана, скрепленные его печатью. И пусть это дело обставят так, как в пору покойного эмира, ты ведь знаешь, /***153***/ как оно тогда было справлено, тебе [это] ведомо, на то ты и Бу Наср». Мы пошли и доложили [государю]. Эмир сказал: «Хорошо, завтра ему надобно покончить все дела, чтобы послезавтра надеть одеяние [везира]». Мы ответили, что доложим и пошли. **[159]**

[Но эмир] окликнул меня, Бу Насра, и сказал: «Когда ходжа удалится [к себе], ты вернись обратно, у меня есть к тебе вопрос». — «Слушаюсь», — ответил я, пошел к ходже и доложил ему [все]. Бу Сахль ушел, а мы с ходжой остались. «Да будет долгой жизнь господина, — сказал я, — в первый раз, когда мы несли сообщение [к эмиру], я по дороге спросил у Бу Сахля, причем, дескать, я, ежели в этом деле

участвуешь ты?» А он ответил: тебя-де потребовал ходжа, видно, он мне не доверяет. «Да, я потребовал, — промолвил ходжа, — для того, чтобы при мне находился мусульманин, который не лжет, слов [моих] не извращает и знает, что нужно делать. А сей жалкий сводник и прочие полагают, что ежели я эту должность приму, то им надлежит такого везира упрятать. Для начала я искалечу ему шею так, чтобы он дошел до последнего издыхания и перестал тянуться к везирству, да и другим тоже. Знаю, он не стерпит и за это дело прицепится, ведь государь многих прихвостней допустил к своему престолу и сделал их дерзкими. То, что необходимо, я с помощью добрых советов и сочувствия сделаю, а там посмотрим, что произойдет».

[Ходжа] удалился [к себе], а я пошел к эмиру. Он спросил меня, что напишет ходжа. «Завелся такой обычай, — ответил я, — что когда какому-нибудь знатному лицу дают должность везира, везир пишет соглашение и испрашивает исполнения условий своей службы. На них государь пишет своей рукой ответ, а затем скрепляет ответ своей печатью и под

конец клянется господом богом, да славится поминание его, что на тех условиях будет оберегать везира. Везир громко прочитывает [свою] присяжную грамоту и все условия, ставит под ними свою подпись и призывает свидетелей, что будет вершить дела согласно им». — «Значит, надобно будет написать все, что нам должно ответить на [условия] соглашения, и присяжную грамоту, дабы завтра покончить с этим вопросом и послезавтра надеть [на ходжу] одеяние [везира], а то все дела приостановились». — «Слушаюсь», — ответил я и удалился. Я составил черновик, и в час предзакатной молитвы эмир остался со мной наедине, обо всем осведомился и одобрил».

На другой день явился ходжа, и когда прием у государя кончился, пришел в терем, остался наедине и сел. Бу Сахль и Бу Наср отнесли соглашение к эмиру. Эмир потребовал чернила и бумагу и статья за статьей написал собственноручно на соглашении ответы и скрепил своей печатью, а внизу написал присягу. /***154***/ [Соглашение] принесли к ходже. Прочитав ответы, он встал и облобызал землю.

[Затем] он пошел к престолу, поцеловал руку эмира, отступил назад и сел. Бу Сахль и Бу Наср представили ему присяжную грамоту. Ходжа громко прочитал ее и поставил на ней свою подпись, призвав **[160]** в свидетели Бу Насра и Бу Сахля. Эмир за письменную присягу обратился к ходже с милостивой речью и дал ему хорошие обещания, а ходжа облобызал землю. Потом [эмир] сказал: «Пора расходиться, ибо завтра состоится облачение в одеяние [везира], а то все дела приостановились; есть у нас много важных вопросов и нужно все разрешить». — «Слушаюсь и повинуюсь», — промолвил ходжа. Соглашение унесли с ним, а присяжную грамоту положили [на сохранение] в государственной канцелярии [9]. Содержание присяжной грамоты и соглашения я уже привел в Макамах Махмуди [10], которые я сделал, в Книге макам [11], и здесь не повторяю, потому что слишком растянулось бы.

Всем стало совершенно ясно, что вопрос о должности везира разрешился, и в сердца запало беспокойство, ибо у власти стал человек немалый.

Люди, на которых ходжа был в обиде, сильно перепугались, а Бу Сахль Завзани стал заноситься как нельзя ужаснее. Он объяснял людям так, будто везирство предлагали ему, а он, дескать, не захотел и вызвал ходжу. Однако люди с умом понимали, что это не так, как он рассказывает. Султан Мас'уд оказался гораздо догадливей, благородней и благоразумней, не отдавая никому должности везира, покуда оставался жив ходжа Ахмед. Он понимал, сколь велика мера значения и способности каждого. Ясным доказательством тому, что я сказал, является следующее. Когда ходжа Ахмед помер в Герате, эмир пересмотрел этих людей [12], но помнил ходжу Ахмеда, сына Абдассамада, и говорил: «Для сей должности нет более достойного человека, чем он» [13]. Поскольку в повествовании истории я дошел до этого места, то изложу сие обстоятельство полностью. Говорю я о нем не потому, что терпел от Бу Сахля несправедливости, ведь он и все эти люди уже отошли [в иной мир], да и мне ясно, сколько самому еще осталось жить, а рассказываю я правду и знаю, что люди умные и видевшие свет, читающие

ныне написанное мною, меня не осудят. Ведь те [слова], что я написал в эдаком роде, — покорные слуги, за которых я отвечаю, клянусь Аллахом, да славится поминание его, удерживающим нас и всех мусульман от греха и ошибки по милости, превосходству и всеобъемлющему милосердию своему,

/***155***/ На другой день, девятого числа месяца сафара [14] ходжа явился ко двору. Он пошел впереди, а за ним последовали сановники, вельможи, серхенги, родичи государя и свита и сотворили обряд поклонения [государю]. Обратившись к ходже, эмир сказал: «Надобно [тебе] надеть одеяние везира, ибо у нас много дела впереди. [Всем] надлежит знать, что ходжа наш — наместник во всем, что обращается на пользу [нашей державы]. Его распоряжение и указание имеют силу во всех делах и то, что он порешит — неоспоримо». Ходжа **[161]** облобызал землю и промолвил: «Слушаюсь и повинуюсь». Эмир сделал знак хаджибу Бильга-тегину, предводителю хаджибов, чтобы он проводил ходжу в вещевую палату. Тот подошел и взял ходжу под

руку, ходжа поднялся и направился в вещевую палату. [Там] он оставался до позднего утра, ибо для облачения одеяния разведыватель небес [15] определил счастливый час. Все царские родичи и свита оставались поодаль [16], кто сидя, кто стоя. Ходжа надел одеяние, — я [тоже] стоял и смотрел и то, что я рассказываю, рассказываю как очевидец, имевший [к виденному] касательство и [производивший] оценку, — то был кафтан из багдадского саклатуна [17], белый пребелый, с весьма мелким узором [18], [к нему] чалма из длинного полотнища, однако необычайно тонкого и дорогостоящего, весьма тонкий с вышивкой плащ [19], большая цепь и пояс со всаженными в него сорокамискаловыми [20] бирюзовыми каменьями. Хаджиб Бильга-тегин оставался, сидя у дверей вещевой палаты.

Когда ходжа вышел, он встал, поздравил и вручил ходже один динар, платок и два пребольших бирюзовых камня, вправленных в перстень, и пошел впереди ходжи. [Ходжа] сказал ему: «Заклинаю тебя душой и головой султана, шествуй рядом со мной и скажи другим хаджибам, чтобы они шли впереди».

«Не говори мне этого — ответил Бильга-тегин, — ты ведь знаешь мою любовь к тебе, к тому же на тебе государево одеяние и нам, слугам, надлежит блюсти его славу». И он пошел впереди ходжи. При нем находились [еще] два других хаджиба и множество мертебедаров. [Тогда же] произвели одного из гулямов ходжи в хаджибы с цветным кафтаном, ибо хаджибу ходжи не в обычае шествовать впереди него в черном. Когда он дошел до середины палаты, навстречу ему вышли другие хаджибы, /***156***/ подвели его к эмиру и усадили. «Да будет благословен ходжа!» — возгласил эмир. Ходжа поднялся, облобызал землю, подошел к престолу и поднес эмиру жемчужное ожерелье. Говорили, что цена ему была десять тысяч динаров. Эмир Мас'уд вручил ходже бирюзовый перстень, на камне которого было начертано имя эмира, и промолвил: «Се перстень царства нашего, даем его тебе, дабы было ведомо [всем], что вторым, после нашего приказа, повелевает ходжа». Ходжа принял [перстень], облобызал руку эмира и землю и удалился к себе домой. За ним двинулась такая свита, подобно коей

никто не запомнил, так что в султанском дворце не осталось никого, кроме дежурных. Ходжа вышел через Дер-и Абдал'ала и последовал к дому. Начали являться вельможи и служилая знать. Они подарили столь много гулямов, денег [21] и одежд, каких не видывали ни у одного везира, одни от души ради сближения [с ходжой], другие из страха [перед ним]. То, что было доставлено, переписали, чтобы все отдать султану, так что [ходжа] не взял для себя даже нитки, ибо он был **[162]** самый благовоспитанный и самый благородный человек своего времени. Просидел он, [принимая поздравителей], до самой пополуденной молитвы и только ради молитвы поднялся. И день прошел весьма славно.

На другой день [ходжа Ахмед] явился ко двору. На нем уже не было [пожалованного] одеяния, а справил он себе кафтан, по обычаю прежних времен; [на голове же у него] была нишабурская или каинская чалма. В таком наряде этого вельможу, да будет им доволен Аллах, видели постоянно. От верных его людей, например, от Ибрахима Кайни, его кедхудая, и других я слышал, что у него было двадцать-

тридцать одинаковых кафтанов, кои он носил целый год, а люди думали, что это один и тот же кафтан, и говорили: «Боже мой, кафтан-то не изнашивается!» — Не на сие гляди, а на усердие человека [22]. Доблести и деловитости его не было меры, и я потом, в своем месте, о них расскажу. Когда проходил год, справляли еще двадцать-тридцать кафтанов и сдавали в вещевую палату.

В сей день, когда он явился на поклон и прием кончился, султан Мас'уд, да будет им доволен Аллах, остался с везиром наедине и их тайное собеседование продолжалось до пополуденной молитвы. У некоторых от страха язык присох; это был барабан, в который били под ковром, звук поднимался после [боя] и выходил мерзкий. Не только я, но и кроме меня другие так и не /***157***/ узнали, что происходило на том заседании. Однако, когда появились следы такого рода, что некоторых пожаловали должностями и одарили халатами, а некоторых выставили и надавали им по шее, и дела [их] стали видны, то умные люди поняли, что все это есть следствие того негласного совещания.

Когда литавры во дворце пробили час пополуденной молитвы, ходжа вышел. Выкликнули его коня и он уехал. В этот день до самого вечера к нему приходили люди, которым было чего бояться, и приносили дары. Ходжа позвал к себе Бу Мухаммеда Каини, личного своего дебира, который в пору его злосчастья состоял в дебирах у ходжи Абу-л-Касима Кесира по повелению эмира Махмуда, а потом находился в диване Хасанека, и дебира Ибрахима Бейхаки, служившего в нашем диване, и сказал им: «Дебирам волей-неволей приходится исполнять приказы, но у меня есть к вам доверие [23]. Завтра вам надлежит явиться в диван и приступить к работе по письменной части и привести [с собой] помощников и писарей».— «Слушаемся и повинуемся»,— ответили они. Дебир Бу Наср Бусти, поныне здравствующий,— человек благоразумный, отличный писец с прекрасным почерком руки; в Хиндустане он оказал многочисленные услуги ходже, в беде остался ему верен, и когда ходжа получил **[163]** свободу, он вместе с ним приехал в Балх. Ходжа обошелся с ним милостиво и соизволил

предоставить ему высокую должность: [Бу Наср] отправился выколачивать налог [24]. И он собрал большие средства [25]. Бу Мухаммед и Ибрахим скончались, да простит их господь, а Бу Наср здравствует, он остался в Газне на службе царскому дому и в пору везирства Абдаррезzака, да продлит Аллах его силу, он был его начальником посольского дивана. [Ходжа Ахмед] оказал милость и Бу Абдаллаху Парси, и тот все время трудился у ходжи. Этот Абдаллах во время везирства ходжи был начальником почты в Балхе и трудился славно. Во время несчастья [ходжи] он [тоже] испил много горя. При отставке Абдаллаха Эмирек Бейхаки [26] спешно выехал из Газны, как я рассказывал, и у Абдаллаха отобрали многочисленное имущество.

/***158***/ На следующий день, во вторник, ходжа явился ко двору, повидал эмира и затем пошел в диван. [Там] постлали молитвенный коврик близ его садра, из шелка бирюзового цвета. [Ходжа] прочитал два рак'ата молитвы, затем сел с краю садра и потребовал чернил. Принесли [чернила], десть бумаги и книгу для записей, как приносят и кладут везирам. [Ходжа]

взял ее и написал там: *Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Хвала Аллаху, господу миров, и да почиет благословение на посланнике его, избраннике Мухаммеде, и на всем семействе его! Да зачтет мне Аллах, наилучший заступник. О боже, я следую смиренно тому, что ты любишь и одобряешь, милосерднейший из милосердных! Пусть он отпустит неимущим и бедным из благодарности к Аллаху, господу миров: монетой чеканной — десять тысяч диремов, хлебов — десять тысяч, мяса — пять тысяч, кербаса — десять тысяч зар'ов*. Затем он кинул книгу даватдару и тот сейчас же [написанное] привел в исполнение. Потом ходжа сказал: «Введите жалобщиков и просителей». Привели несколько человек. [Ходжа] выслушал их речи, справедливо разрешил [прошения] и отпустил их удовлетворенных, сказав: «Заседание дивана и двери палаты открыты, нет никаких преград, пусть приходит каждый, у кого есть дело». Люди очень благодарили и преисполнились надежд. Пришли мустовфии и дебиры и строго по порядку расселись по ту и по эту сторону. [Ходжа Ахмед] обратился к

ним и промолвил: «Завтра приходите так, чтобы суметь дать ответ на все, что я спрошу, не отсылая [к другому]. До сих пор дела шли непохвально, всякий занимался своим, а дела султанские пребывали в расстройстве. Ахмед, сын Хасана, отлично вас знает, и так, как было до сего дня, он дальше не потерпит. Придется вам надеть другую шкуру и всякому исправлять свою должность!» Никто и дохнуть не посмел, все перетрусили и приумолкли. Ходжа встал и отправился домой. **[164]**

В тот день до вечера тоже приносили подарки. В час предзакатной молитвы [ходжа] потребовал реестры [27] и сличил их с теми, что составили султанские казначеи и придворные мушрифы. Их поразрядно представили эмиру Мас'уду: несметные суммы денег золотых и серебряных, некроеные ткани, дорогих тюркских гулямов, высокоценных лошадей и верблюдов /***159***/ и все, что было наиважнейшее из царских украшений и предметов роскоши. Эмиру это очень понравилось и он сказал: «Ходжа — человек неимущий, почему он не забрал это обратно?»,— и велел, чтобы Абдус доставил к нему десять тысяч

динаров, пятьсот тысяч диремов, десять дорогих турецких гулямов, пять царских верховых лошадей, двух подседельных мулов и десять верблюдов. Когда Абдус прибыл с этими дарами к ходже, тот встал, облобызал землю и горячо помолился [за эмира]. Абдус же вернулся обратно.

На другой день, в среду, седьмого числа месяца сафара [28], ходжа явился во дворец, и эмир занялся разбором жалоб. Это был день весьма важный, знаменитый и торжественный. Когда прием кончился, ходжа пришел в диван, приступил к исправлению [своей] должности и повел дело так, как умел вести он. Поздним утром он позвал к себе Бу Насра Мишкана. [Бу Наср] явился в диван. [Ходжа] негласно передал для эмира устное сообщение, что, дескать, дело войскового надзора в беспорядке, как я уже докладывал государю. Бу Сахль Завзани пользуется уважением и стал досточтимым человеком. Ежели высочайшему мнению будет угодно, то пусть, позовет его [государь] и пожалует [его] халатом, чтобы он взял [на себя] надзор за этим делом, ибо оно —

важнейшая из обязанностей. А я-де все, что сумею по части руководства и поддержки, исполню, дабы войсковое дело пришло в порядок. Бу Наср отправился и передал сообщение. Эмир сделал знак Бу Сахлю,— тот находился с недимами, сидя в собрании,— чтобы он подошел, и сказал ему несколько слов. Бу Сахль облобызал землю и вышел. Два хаджиба — один внутреннего серая, другой — внешнего [29]—проводили его в вещевую палату, надели на него весьма дорогостоящий халат и золотой семисотенный [30] пояс, кои все справили еще той ночью. Бу Сахль явился [еще раз к эмиру] и отвесил поклон. «В добрый час!—сказал эмир,— [тебе] следует пойти к ходже и действовать по его указанию, надобно позаботиться о войсковом деле, ибо оно важнее всех дел». — «Слушаюсь и повинуюсь»,— ответил Бу Сахль, вышел и направился прямо в диван ходжи. Ходжа посадил его пониже себя и наговорил много любезностей. Бу Сахль вернулся домой, и все вельможи, царские родичи и свитские поехали к нему, воздали должное и принесли без меры всякого добра. Он же отдал

распоряжение переписать рее, что доставили, и отправить в казну. **[165]**

На следующий день Бу Сахлю Хамдеви, который был отставлен от должности везира [31], пожаловали весьма прекрасный халат, чтобы он исправлял должность мушрифа [всего] государства с тем, чтобы те четыре человека, коих до этого поставили мушрифами, /***160***/ были [отныне] его подручными вместе со всеми дворцовыми мушрифами. [Бу Сахль Хамдеви] предстал перед эмиром и отвесил поклон. Эмир сказал: «[За нами] долг за старую твою службу. Ты проявил любовь [к нам] и совершал подвиги, приветствуя нашу державу. Дело, порученное тебе, надобно исполнить в точности». — «Слушаюсь и повинуюсь»,— ответил [Бу Сахль Хамдеви], вышел и направился в диван. Ходжа усадил его по левую руку, строго соблюдая чин, и сказал ему очень много хорошего. Ему тоже воздали должное и то, что поднесли, он отослал в казну.

Дело диванов окрепло. Значение и сила дивана везира были таковы, что подобного никто не помнил.

Эмир соизволил дать везиру очень значительную власть, и он сразу же начал мстить и неистовствовать. Он разгласил происшествия с ходжами Бу-л-Касимом Кесиром, отставленным от должности ариза, Бу Бекром Хусейри и Бу-л-Хасаном Укайли, состоявшими в числе недимов. На них уже совершались посягательства, как я раньше повествовал в сей «Истории». Хусейри сам был могуществен в пору эмира Махмуда; на пирах он ссорился с этим государем и два раза был бит. Кесир сам исправлял должность везира, а Бу-л-Хасан купил [32] его [33] гуляма. Я расскажу после, что произошло с каждым из них.

В воскресенье одиннадцатого числа месяца сафара [34] старшему хаджибу [35] пожаловали очень большие знаки отличия: литавру, широкие значки, манджук, гулямов, несметную сумму диремов [36], ткани некроеные и прочие предметы по тому же перечню, как давали хаджибу Али Карибу под Гурганом. Когда прием кончился, эмир приказал проводить его в вещевую палату. [На него] надели кафтан; литавру поставили возле верблюдов, а значки у ворот дворца.

Манджук, гулямов, несметные диремы и сундуки с тканями разместили посередине сада. [Бильга-тегин] предстал пред лицо в пожалованном черном кафтане, в двурогой шапке, [опоясанный] золотым поясом. Он отправился на хазру и исполнил обряд поклонения. Эмир ласково с ним поговорил, и он вышел и явился в диван ходжи. Ходжа сказал ему много любезных слов, и он поехал домой. Вельможи и знать весьма достойным образом воздали ему, что полагалось, и должность старшего хаджиба тоже закрепилась за этим сановником. Он был человек /***161***/ великодушный, щедрый и благородный, однако нрав имел крутой, и повадку его считали непохвальной. Нет человека без изъяна! Совершенство — Аллах, да будет он преславлен и всевелик! **[166]**

С факихом Бу Бекром Хусейри в эти дни случилось происшествие: в состоянии опьянения рука его совершила преступление и по сей причине его поразила рука ходжи, он отомстил ему и достиг своей цели. Хотя эмир немедленно по-царски исправил [случившееся], честь этого человека в скором времени пропала. Я расскажу обстоятельства

этого дела, дабы оно стало известно. *Нельзя отвратить приговор Аллаха, да будет он преславен и всевелик!* Случилось так, что Хусейри со своим сыном Бу-л-Касимом был в саду, в саду ходжи Али Микала, расположенном поблизости. Они выпили без меры вина и там заночевали. Утром выпили еще,— а пить вино поутру непохвально, умные люди редко так поступают,— и пили до поры между двух молитв. Потом, не переставая попивать, проехали к околотку Кой Ибад и, не доезжая до базара Ашикан — отец сидел в люльке, сын верхом на коне и [с ними] человек тридцать гулямов,— им случайно повстречался один из личных слуг ходжи, [тоже] верхом. Улица была узкой, и люди по ней передвигались с трудом.

Хусейри пришло в голову,— как приходит в голову пьяным,— почему, дескать, этот всадник не сошел с коня и мне не поклонился?— И он его скверно обругал. Человек ответил: ты-де, царский недим, почто меня поносишь? У меня есть господин поважнее тебя и тебе подобных, и этот господин — великий ходжа. Хусейри обругал и ходжу и крикнул:

«Хватайте этого пса, посмотрим, у кого найдется храбрости прийти к нему на помощь!»— и он еще крепче помянул ходжу. Гулямы Хусейри налетели на этого человека, надавали ему в шею увесистых тумаков и разорвали на нем кафтан Бу-л-Касим, сын Хусейри, прикрикнул на гулямов, ибо он был осмотрителен, дальновиден и очень умен,— его большой ум был таков, что ныне он получил доброе вознаграждение: с тех пор, как он совершил хаджж [37], он отстранился от [царской] службы, /***162***/ удалился в скромную обитель. служит господу богу и творит благие деяния. Долгие лета сему вельможе и доброму другу!— Он очень извинился перед тем человеком и умолял его ничего не говорить об этом происшествии своему господину, потому что завтра сам попросит прощения за него, и ежели разорвали один кафтан, то он вернет обратно три. Разъехались.

Поразмыслив, этот человек не нашел в себе [силы] пренебречь [случившимся], потому что у низких наемных слуг в обычае раздувать такие дела, о последствиях же они не заботятся. Происшествие это случилось пятнадцатого числа месяца сафара [38],— он

примчался к ходже Ахмеду, рассказал приключение, преувеличив в десять-пятнадцать раз показал разбитую голову и лицо и порванный кафтан. Ходже это пришлось весьма кстати, ибо он искал повод наказать Хусейри. Он смекнул, что время сейчас благоприятное, потому что эмир, наградив его вчера кафтаном везира, сегодня не станет на сторону **[167]** Хусейри. Найдя пыльное место, [ходжа] сумел [на нем] поваляться.

На следующий день эмир возымел желание отправиться в Мейхваран позабавиться охотой. Вывезли сераперде, всю кухонную утварь, питейный припас и прочие вещи, утром ходжа сел и написал своей рукой записку, [приложил] к ней печать, и послал к Бильга-тегину, сообщив на словах: «Ежели-де эмир спросит, почему не явился Ахмед, то надобно вручить ему сию записку, а буде не спросит, все равно, мол, нужно [ее] отдать, ибо она важна и откладывать не годится». Бильга-тегин ответил: слушаюсь, — они дружили друг с другом. Эмир не устраивал приема, поскольку собирался выехать. Вынесли значок и зонт, и множество гулямов стояло

[в порядке]. Раздался голос, чтобы подавали слониху с балдахином. Подвели. Эмир сел в балдахин, и слониху погнали. Все вельможи стояли пешие, чтобы отвесить поклон, и когда [эмир] появился, они поклонились. Доехав до ворот терема и не видя ходжи Ахмеда, [эмир] спросил: «Отчего не явился ходжа?» Бу Наср Мишкан ответил: «Сегодня пятница и он знал, что государь решил поехать на охоту, не по этой ли причине он не явился». Хаджиб Бильга-тегин подал записку, ходжа, дескать, рано утром прислал эту записку и передал мне на словах, мол, спросит ли государь или не спросит, /***163***/ почему Ахмед не явился, а записку эту надобно [государю] вручить. Эмир взял записку — слониху остановили — и прочитал [Ходжа] писал: «Да будет долгой жизнь государя! Я, слуга [его], говорил, что из меня везира не получится, потому что не допустят; каждый вобрал себе в голову спеси, а у меня, старой головы, избавившись от несчастья, уже нет больше мочи открыто бороться с людьми и делать своим врагом целый мир. Однако, поскольку государь своими высокими словами подал мне

добрую надежду, были взяты царские обязательства и по милости всевышнего господа я, благодаря государю, вновь обрел жизнь, высочайшее повеление было исполнено. Но не прошло и десяти дней, как Хусейри запятнал славу этого прекрасного деяния. Он возвращался в люльке из сада, напившись допьяна. На базаре Са'иди, не в безлюдном месте, а на виду у множества народа он велел гулямам побить тяжким боем [моего] доверенного человека, и те разорвали на нем кафтан. А когда он сказал, я, мол, слуга Ахмеда, [Хусейри] на Ахмеда обрушил сто тысяч ругательств. [Я], слуга [твой], ни за что ко двору не явлюсь и должность везира исправлять не стану, потому что переносить унижение от таких людей тяжко. Ежели угодно государю, то пусть отпустит слугу своего, чтобы поселился он в каком-нибудь рабате или крепост по высочайшему усмотрению. А коли не удостоит отпустить, то приказал бы наказать Хусейри так, чтобы пострадало и имущество его и тело — он ведь разжирел и вытряс бы из отца и сына побольше денег. **[168]** [Я же], слуга [твой], с отца и сына достану в

государственную казну триста тысяч динаров, и сия собственноручно написанная записка да послужит тому доказательством. Все».

Эмир, прочитавши записку, свернул ее, отдал телохранителю, носившему чернильный прибор, сказал: «Сохрани!» — и погнал слона. Все [стали спрашивать], что, дескать, теперь может произойти, что покажется из-за завесы? В поле [эмир] отдал распоряжение, чтобы сипахсалар Гази, Арьярук, салар Хиндустана, и прочая свита вернулись обратно, ибо не было им повеления ехать на охоту. Он поехал со своими недимами. Потом подозвал к слону старшего хаджиба Бильга-тегина и сказал ему несколько слов по-турецки. Хаджиб повернул обратно [в город]. Эмир вызвал и Бу Насра Мишкана. Один накиб поскакал. [Бу Наср] находился в диване. «Государь зовет»,— сказал накиб. [Бу Наср] сел верхом /***164/*** и помчался. Прибыв к эмиру, он небольшую часть пути проехал с ним рядом.

Бу Наср не вернулся в диван, а направился в дом великого ходжи Ахмеда. Он прислал диванбана Бу

Мансура и распорядился распустить дебиров. Мы разошлись. Вслед за наставником я двинулся к дому великого ходжи, да будет им доволен Аллах. Я увидел толпу и давку и столько зевак, что им числа не было. «В чем дело?» — спросил я у одного человека. Тот рассказал: «[Городской] наместник [39] в дом ходжи привел Бу Бекра Хусейри с сыном, в джуббе и высоких сапогах, и держит здесь, и дыбу [тоже] доставили. Никто не знает, что случилось. Приехали кое-кто из знатных лиц и остановились, сидя верхом,— сегодня ведь пятница,— а никого не приняли, кроме ходжи Бу Насра, который приехал и вошел [в дом]». Я, Бу-л-Фазл, стал беспокоиться, когда услышал [это], потому что тот вельможа и сын вельможи весьма ко мне благоволили. Я вошел во двор и пробыл там до позднего утра. После принесли чернила и бумагу, и я только слышал, как Абдаллах Парси громко сказал: «Великий ходжа говорит, что хотя государь султан приказал тебе и сыну твоему по тысяче палок каждому, но я, дескать, сжалился над тобой и наказание прощаю. Надобно уплатить пятьсот тысяч динаров и откупиться от палок, а

ежели нет, то приказ немедленно будет исполнен. Однако нет нужды, чтобы вы и батогов вкусили и деньги уплатили». Отец и сын в ответ: «Слушаемся и повинуемся тому, что ходжа повелевает, но пусть смилуется, он ведь знает, что у нас и десятой доли той возможности нет». Бу Абдаллах удалился, снова приходил и уходил, покуда не сошлись на трехстах тысячах динаров и они дали в том подписку. Было приказано взять обоих под стражу. Народ разошелся, а наставник мой, Бу Наср, остался там выпить вина. Я [тоже] пошел **[169]** домой.

Через час ко мне явился пристав Сенгуй и сообщил: «Меня, раба, прислал ходжа Бу Наср и велел передать тебе на словах: ты, мол, Абу-л-Фазл, поезжай-ка к государю султану и доложи, что я, [Бу Наср], отправился согласно высочайшему повелению /***165***/ к ходже и вылил воды в огонь, чтобы Хусейри и его сына не били. [От них] отобрали подписку [уплатить] триста тысяч динаров, и [обоих] взяли под стражу. Великий ходжа от того, что повелел [сделать] государь, и от новой [его] милости, которой удостоился, сильно приободрился и повеселел и

оставил [меня], слугу твоего, выпить [с ним] вина; было бы зря не уважить [его]. Вот причина моей неявки и присылки мною Бу-л-Фазла, дабы за невежливость и самомнение на меня не было наложено взыскание». Я тотчас же отправился и на окраине города нашел эмира, расположившегося в одном саду, за развлечением и питьем вина. [С ним вместе] сидели недимы, играли и пели мутрибы. «Придется сообщение изложить письменно,— сказал я себе,— ежели не удастся сказать устно, пусть прочитает и цель будет достигнута». Затем я очень обстоятельно написал записку и выступил вперед. «В чем дело?» — окликнул меня эмир. «Слуга [твой], Бу Наср, прислал сообщение»,— ответил я и показал записку. «Прими»,— сказал он даватдару. Тот взял и подал эмиру. Прочитав, эмир подозвал меня к себе, отдал мне обратно записку и неслышно для других сказал: «Поезжай назад к Бу Насру и передай ему, что [все] вышло хорошо, и мы, дескать, тебя хвалим за то, что ты сделал. Послезавтра, когда мы возвратимся, мы прикажем все остальное, что потребуется. Ты, мол, отлично поступил, что не

приехал и остался по-приятельски у ходжи за чашей вина». Я удалился и в час предзакатной молитвы возвратился в город, позвал Сенгуя и написал на бумаге: «Слуга [твой] съездил и поручение исполнил». До часа полуночной молитвы [мой наставник] оставался у ходжи и вернулся обратно сильно навеселе. На другой день, рано утром, он позвал меня. Я пошел. Он сидел один «Что ты сделал?» — спросил он меня, и я ему рассказал целиком все, что было. «Хорошо», —промолвил он, — потом сказал: «Этот ходжа пошел действовать, он здорово будет мстить и [много] народу проглотит. Однако наш государь — покровитель, он не забывает оказанную ему услугу. Когда он прочел записку ходжи, ему во что бы то ни стало нужно было сохранить [для себя] сердце ходжи, нельзя было допустить, чтобы вновь назначенному везиру через неделю было нанесено [безнаказанно] такое оскорбление. Государь рассудил и приказал старшему хаджибу отправиться во дворец отдать распоряжение [городскому] наместнику привести Хусейри с сыном в дом ходжи вместе с палачом и

дыбой и отсчитать каждому по тысяче ударов, чтобы впредь никто не отваживался бы поминать **[170]** имя ходжи иначе /***166***/ как добром. Отдав столь страшное повеление, [эмир], несмотря на то, что Хусейри совершил большое преступление, все же не хотел, чтобы честь и слава Хусейри сразу погибли. Ко мне спешно приехал человек и позвал [к государю]. Когда я явился к султану, он во всеуслышание сказал: «Ты что же это не захотел с нами поехать развлекаться?».—«Счастье слуги твоего в том,— ответил я, чтобы [всегда] служить государю, но ведь государь велел ему написать несколько важных писем в Рей и ту область и сказал, что приходить [самому] не надобно, а надо прислать дежурного дебира». Он рассмеялся,— при всех обстоятельствах он был великодушен,— и промолвил: «Помню, я ведь пошутил. Есть еще несколько соображений, которые необходимо написать в письме. Я хотел бы сообщить их тебе с глазу на глаз, а не через кого-нибудь другого». Он велел остановить слона. Слоновод спустился с шеи слона наземь, а также

помощник его и гулям-телохранитель, который находился в балдахине вместе с султаном.

Сначала он прочитал мне записку ходжи и [затем] сказал: «Хаджиб отправился, чтобы залучить обратно сердце ходжи. Я дал такое распоряжение, чтобы он обязательно привел в исполнение наказание за совершенное преступление, дабы [нам] не потерять сердце ходжи. Однако, я в долгу у Хусейри, потому что из недимов моего отца нет никого, кто бы столь много пострадал за меня, и я ни за что не буду помогать ходже глотать слуг [моих] в отместку. Меру я предоставляю [выбрать] тебе; сохрани в тайне то, что я сказал тебе, и уладь это происшествие хоть нашим повелением, хоть своей рукой, но так, чтобы его не истязали. Хаджибу мы сказали по-турецки, чтобы он их постращал и задержал, покуда не подоспеешь ты и не потушишь пожар». — «Слуга [твой] понял, — ответил я, — все, что на сей счет необходимо, будет сделано»,—и я поспешно отбыл обратно- Положение было таково, как ты видел. Хаджибу я сказал, что следует подождать исполнять высочайшее повеление, покуда

я не повидаю великого ходжу, а Хусейри я сказал: стыдно, мол, тебе, ты старый человек, а беспрестанно по /***167***/ чему-либо роняешь свою честь и тревожишь сердца друзей». «Теперь не время меня бранить,— ответил он,— такая уж мне судьба; надобно придумать, как поправить дело».

Потом для меня испросили прием [у ходжи] и тотчас же приняли. По дороге я видел Бу-л-Фатха Бусти, одетого в рубище, с бурдюком на плечах. Он преградил мне путь и сказал: «Уже почти двадцать дней я таскаю воду на конюшню, заступись [за меня], ведь я знаю, сердце великого ходжи смягчилось, а кроме как с помощью твоих слов ничего не выйдет».— «Я иду по важному делу,— ответил я» — когда его справлю, то постараюсь и для тебя. Надеюсь, желание **[171]** будет достигнуто». Придя к ходже, я застал его в гневе и ярости. Я поклонился. Он очень живо расспросил, [как я поживаю], и сказал: «Я слышал, ты поехал к эмиру, почему ты вернулся?»— «Государь отправил меня обратно по рейским делам, которые ведомы господину,— ответил я,— но письма можно написать завтра,

сегодня у меня ничего не получается. Я пришел выпить немного вина с господином по случаю милости, которая снова оказана господину султаном из-за происшествия с Хусейри».— «Это ты отлично сделал,— промолвил [ходжа],— и я за это благодарен. Однако я совсем не желаю, чтобы ты просил за [Хусейри], ибо я ни за что согласия не дам, и ты огорчишься. Эти сводники забыли Ахмеда, сына Хасана, потому что несколько времени место оставалось свободно. Они захотели подчинить себе слабого везира и сочли его бессильным! Им покажут ширину гилима [40], чтобы очухались!» — и, обратившись к Абдаллаху Парси, ходжа спросил: «Их еще не подтянули на дыбе?» — «Подтянут,— заметил я, — воля высокого господина. Я попросил старшего хаджиба, чтобы повременил немного, покуда не повидаю господина».— «Ну, повидал,— промолвил он,— а заступничества твоего я слушать не стану; все равно побьют, чтобы протрезвились. Абдаллах! Ступай, скажи, чтобы обоих подтянули на дыбе».— «Ежели нельзя обойтись без батогов,— сказал я,— то нам надо остаться вдвоем и поговорить

малость по-хорошему и бить их повременим, а там будет воля господина». Ходжа кликнул /***168***/ Абдаллаха, чтобы он вернулся назад.

[Все] вышли, так что остались мы один на один. «Да будет долгой жизнь господина,— начал я,— в делах нельзя пускать стрелы из всех сил. Великие люди говорят «могучий прощает» и считают удачей, когда могут простить вместо того, чтобы предаваться мщению. Господь, велик он и всемогущ, даровал господину могущество и милосердие и удостоил его спасения от беды и неволи. Надо обязательно в свою очередь ответить добром каждому, кто [ходже] причинил зло, дабы тому человеку стало стыдно и он раскаялся. Предание о Ма'муне и Ибрахиме перед взором и в сердце господина [41]. Напрасно было бы об этом рассказывать, ибо это все равно, как ежели бы я повез финики в Басру. Поскольку султан явил великодушие и призрел сердце и достоинство ходжи и прислал [меня], старика, сюда, и повелел подобного рода наказание, то следует понять, какое страдание было причинено его сердцу, ибо он ведь любит этого человека за то, что ему пришлось за

него претерпеть от отца. Долг господина — поступить так, как поступают благородные и могущественные люди — не оскорблять его. Мне, слуге, было бы приятнее, чтобы [ходжа] пощадил чувства государя и велел бы этого человека задержать, [но] не бить, а отобрать от него с сыном письменное **[172]** обязательство на имя государственной казны [42]. Потом вопрос о деньгах [43] пусть будет повергнут [к стопам] государя,— что он сам соизволит приказать. Я сильно подозреваю, что он его простит, а ежели ходжа походатайствует, чтобы султан простил Хусейри, будет еще лучше, ибо и он будет благодарен [ходже]. Господин знает, в этих делах у меня иной корысти нет, как благополучие обеих сторон. В меру моего знания я высказал тебе все, что пришлось. [Теперь] воля твоя, чем кончаются такие дела, тебе лучше знать».

Выслушав меня, ходжа склонил голову, подумал немного и понял, что речь моя искренна, ибо он был не из таких, коим подобные вещи остаются сокровенны. «Ради тебя прощаю [их],— промолвил он,— но что у них есть, у отца и сына, придется

отдать султану». Я поклонился, и он начал посылать Абдаллаха Парси, покуда вопрос не разрешился и от Хусейри не взяли обязательства [уплатить] триста тысяч динаров. Обоих отвели под стражу. Потом ходжа потребовал яств, вина и мутрибов, /***169***/ и мы принялись за дело. Когда мы выпили несколько чаш вина, я сказал: «Да будет долгой жизнь господина, [сегодня] счастливый день, и есть у меня еще одна неотложная просьба».— «Проси,— промолвил [ходжа],— получишь добрый ответ». Я сказал: «Встретил я Бу-л-Фатха с бурдюком,— весьма безобразный конюх. Ежели нужно было его подвергнуть наказанию, [так он его уже] получил. У него большие заслуги перед господином, и султан его знает и по обыкновению эмира Махмуда взирает на него благожелательно, простил бы господин и его тоже по милости». — «Прощаю,— ответил [ходжа],— пусть позовут его!» Позвали. Он предстал в тех же лохмотьях, облобызал землю и, стоя, остановился. «Ну что, раскаялся молоть вздор?» — спросил [его] ходжа. «О господин, бурдюк и конюшня заставили меня раскаяться». Ходжа

посмеялся и приказал отвести Бу-л-Фатха в баню и надеть на него одежду. Он [снова] явился и облобызал землю. [Ходжа] его посадил и велел принести яства. Бу-л-Фатх немного поел. Затем [ходжа] изволил дать ему толику вина, тот выпил. В довершение ходжа милостиво поговорил с ним и отослал домой. После этого мы выпили еще весьма много вина и разошлись. Бу-л-Фазл! Большой вельможа сей Ахмед, но явился он ради мщения. У меня сильное отвращение к тому, что он предпринимает. Во всяком случае у султана это для него не пройдет: султан не допустит, чтобы он извел его слуг. Не знаю, чем кончатся эти дела. Слова мои держи в тайне и ступай, приготовься отправиться к эмиру».

Я удалился, приготовился ехать и пришел обратно [к Бу Насру]. Он дал мне запечатанное письмо, я взял и направился к месту охоты. Приехал я туда незадолго до часа вечерней молитвы и нашел султана, пившего целый день вино и затем удалившегося в хергах и **[173]** остазшегося наедине. Я понес письмо к [султанскому] денщику Агаджи, отдал ему и сел где-

то возле сераперде. На рассвете явился ферраш и позвал меня. Я пошел. Агаджи ввел меня. Эмир находился на тахтираване [44] в хергахе. Я поклонился. «Передай Бу Насру: то, что он сделал насчет Хусейри — прекрасно. Вот, мы возвратимся в город и все, что нужно будет приказать, мы прикажем». Эмир сотворил утреннюю молитву и двинулся в город. Я погнал к городу побыстрей, /***170***/ чтобы увидеть моего наставника и, присутствуя при встрече, приветствовать великого ходжу вместе со всеми саларами и служилой знатью. Бу Наср видел меня, но ничего не сказал, и я встал на свое место. Показался значок и зонт султана; эмир сидел на коне. Собравшиеся двинулись вперед. Мой наставник подался ко мне и сделал знак, я подошел. «Что ты сделал? Что было?» — спросил он тихо. Я рассказал, как происходило. «Я так и знал», — промолвил он, и они тронулись. Подъехал эмир, [все] сели верхом. Ходжа находился справа от эмира, Бу Наср впереди, прочая свита и вельможи еще дальше впереди, чтобы не было никакой давки. Эмир все время разговаривал с ходжой, покуда не доехал до сада. «Что сделано с

этим нахалом?» — спросил эмир. Ходжа ответил: «Пусть государь [сначала] счастливо расположится на месте, а [после] я извещу его через Бу Насра о том, что произошло и что надобно сделать».— «Ладно»,— промолвил эмир, и они поехали дальше.

Эмир направился на хазру, а ходжа уединился в тереме дивана, позвал моего наставника и передал [ему] устное извещение [для эмира]: дескать, государь, как подобает его высокому благоволению, сберег мою честь от [оскорбления] Хусейри, и я, слуга его, покуда буду жить, не сумею отблагодарить за одну только эту милость. Хотя Хусейри человек беспутный и вздорный, но он старик, у него имеются старые заслуги, он постоянно был единственным слугой и другом государя и по причине любви [к государю] претерпел невзгоды, как он видел сам. Сын его умней и воздержанней, чем он, и стоит службы. Подобных им, когда бывает нужно, не скоро сыщешь, а ныне надобно, чтобы к государю приспело побольше достойных рабов и слуг. Может ли рабская верность допустить устранение двух таких слуг? Цель моя заключается в том, чтобы

знатным и простым людям стало совершенно ясно, насколько высоко меня ценит высочайшее мнение. Эта цель мною достигнута — все поняли, что должны блюсти свой предел. Я сам понял столько, что бить их не надо, отправил их под стражу, дабы немного их отрезвить. И письменное обязательство они дали покорно и с охотой, что окажут услугу государственной казне тремястами тысяч динаров. Эти деньги они дать могут, но разорятся, а нищие слуги не потребны. Ежели высочайшее мнение согласится, то не следовало бы отвергать **[174]** моего заступничества за них, а подарить им эти деньги и отправить обоих домой с почетом.

/***171***/ Бу Наср поехал и передал это великодушное сообщение. Эмиру оно пришлось очень по душе и он ответил: «Мы, дескать, принимаем заступничество ходжи насчет Хусейри с сыном, [но] дело их в его руках. Ежели он считает, что хорошо их отпустить, пусть отпустит и возвратит им соглашение». Бу Наср приехал обратно и передал [ответ] ходже. Эмир из ривака перешел во дворец, и ходжа тоже прибыл домой и приказал подать двух собственных своих

верховых животных к караульному дому, посадить [на них] отца и сына и с почетом доставить к нему. Когда они явились, то облобызали землю и смиренно сели. Ходжа несколько времени то сурово, то мягко бранил Хусейри, и тот просил извинения. Старик он был красноречивый, наговорил лестных слов, и ходжа заключил его в объятья, попросил [в свою очередь] извинить его, обласкал, поцеловал в лицо, сказав: «Возвращайся домой к прежней жизни, ибо портить вам жизнь считаю мерзким. Завтра владыка султан пожалует тебя халатом». Хусейри облобызал руку ходжи и землю, так же поступил и сын его. Потом, сев верхом на коней ходжи, они вернулись домой, в Кой Ала, с великим почетом. Люди потянулись к ним, чтобы поздравить, и отец с сыном сидели рядом. Я, Бу-л-Фазл, был их соседом и пошел к ним тайком раньше [других] гостей. Хусейри сказал мне: «Сколько жить буду, не сумею воздать достойно ходже Бу Насру, но буду благодарить его и за него молиться». Я, разумеется, ни словом не обмолвился о том, как все происходило, ибо это было бы неприлично, а только пожелал ему добра и

удалился. Я рассказал об этом моему наставнику. Наставник поехал поздравить, и вместе с ним явился я.

Хусейри с сыном вышли далеко навстречу. Сели и оба принялись благодарить. Бу Наср ответил: «Известно, каковы были мои старания, благодарите султана и ходжу». Сказав это, он удалился. Недели через две я слышал от Бу Насра, что эмир в тесной беседе, за вином, открыл Хусейри, как все происходило. Хусейри в тот день был в желтой как шафран джуббе, а сын его в бундарской джуббе [45], очень роскошных, в них их и привезли. На другой день их [опять] привезли к султану, и он с ними обошелся милостиво. Ходжа попросил, чтобы обоих отвели в вещевую палату. [Там] по повелению султана на них надели халаты. [Оттуда] они предстали пред лицо [эмира], а от него [отправились] к ходже. Затем от ходжи обоих со многими почестями повезли домой. Горожане усердно воздали им должное. Все они уже померли, кроме ходжи Бу-л-Касима, сына Хусейри, который еще жив. Да

здравствует он, и да смилуется Аллах над ними всеми! **[175]**

Каждый, кто прочитает сию макаму, /***172***/ должен смотреть на нее как на поучительный пример и мудрое назидание, а не глядеть на нее как на сказку, дабы твердо уяснить [себе], какие были и есть великодушные люди. В повестях о халифах я прочел один рассказ поры Му'тасима, он немного похож на то, что я рассказал, но происходило все страшнее. Я счел за нужное привести его [здесь], ибо книга, особенно историческая, украшается такими вещами, ведь слово расцветает от слова, дабы для читателей возросло удовольствие, и [книга] больше читалась, ежели будет угодно Аллаху, велик он и всемогущ!

РАССКАЗ ОБ АФШИНЕ И СПАСЕНИИ ОТ НЕГО БУ ДУЛЕФА

Исмаил, сын Шихаба, говорит: «Я, дескать, слышал от Ахмеда, сына Абу Дуада, — а Ахмед сей был человек, который вместе с должностью главного судьи исправлял еще и должность везира, был самым знаменитым везиром своего времени и служил трем халифам, — как он рассказывал: «Однажды, в пору

Му'тасима, я проснулся в полночь и сколько ни ухитрялся, сон ко мне не шел. На меня напала сильная печаль и тоска, причины коей я не мог понять. Что-то случится,— подумал я про себя. Крикнул гуляма, постоянно находившегося при мне, звали его Селам, и велел ему сказать, чтобы оседлали коня. «Господин,— ответил он,— сейчас полночь, завтра не твой черед, ведь халиф сказал тебе заняться таким-то делом, и приема у него не будет. А ежели ты намерился повидать кого-нибудь другого, то опять же сейчас не время выезжать». Я промолчал, ибо понимал, что он рассуждает правильно. Однако, я не находил себе покоя, и сердце подсказывало, что что-то стряслось. Встал, крикнул слугам, чтобы зажгли свечи, пошел в баню и умыл руки и лицо, но покоя все не было, покуда я вдруг не пошел и не оделся. Оседлали осла, я сел верхом и поехал.

Куда я еду, я совсем не понимал. Наконец, я сказал себе, что лучше всего направиться во дворец, несмотря на очень ранний час. Ежели примут — хорошо, а ежели нет, то вернусь обратно, быть может, это наваждение исчезнет из моего сердца.

Поехал во дворец. Добравшись туда, я известил дежурного хаджиба. Тот сразу же вышел ко мне и спросил: «Что означает [твой] приезд в такую пору? Тебе же хорошо известно, что повелитель верующих со вчерашнего дня /***173***/ предается развлечению, и ты некстати».— «То, что ты говоришь, совершенно верно, — ответил я, — но все же доложи государю о моем прибытии. Ежели можно будет, он соизволит меня принять, а ежели нет, я удалюсь».— «Хорошо»,— промолвил он, сейчас же доложил, сразу ж вернулся и сказал: «Пожалуйста, [государь] **[176]** принимает, войди». Я вошел и увидел Му'тасима в глубокой задумчивости, одного. Он ничем не был занят. Я произнес приветствие, он ответил на него и сказал: «О Бу Абдаллах, почему ты так поздно пришел? Я уже давно дожидаюсь тебя». Услышав это, я оторопел. «О повелитель верующих, я пришел очень рано, полагал, что государь почивает, и даже сомневался, примет ли он меня или нет?» — «Разве ты не знаешь, что случилось?» — спросил он.— «Не знаю,— сказал я». «Мы

принадлежим Аллаху и к нему мы возвращаемся!— воскликнул он,— садись же, послушай».

Он рассказал: «Этого пса, нахала, полубезбожника Бу-л-Хасана Афшина в силу того, что он сослужил [нам] добрую службу, сокрушил Бабека Хурремдина [46] и долгое время воевал, покуда его не схватил, мы за то безмерно возвысили и возвели на очень высокую ступень. Поэтому он стал беспрестанно доискиваться у нас, чтобы мы развязали ему руки в отношении Бу Дулефа ал-Касима, сыча Исы ал-Кереджи ал-Иджли [47], дабы забрать [себе] его добро и владение, а [самого] убить — ты ведь знаешь до чего доходит между ними вражда и нетерпимость — но я ему ничего на это не отвечал, потому что Бу Дулеф человек достойный, для дела полезный и имеет старые заслуги, да к тому же и у тебя с ним дружба. Но вчера вечером я совершил промах, Афшин долго упрашивал, я несколько раз отказывал, однако он не отставал, и я, наконец, согласился. А теперь я в ужасе, ибо нет сомнения, что как только наступит утро, Бу Дулефа схватят — он, бедный, ничего не знает — и отведут к Афшину,

получившему свободу действия, и тот его сейчас же загубит».

«Боже мой, боже мой!— воскликнул я,— о повелитель верующих, ведь это же убийство, которое господу богу, велик он и всемогущ, не будет угодно!» Я начал читать стихи из Корана и предания и затем сказал: «Бу Дулеф — слуга государя и арабский конник. Хорошо известно, что сделал он в области Джибаль, сколько совершил подвигов и сколько раз подвергал жизнь опасности, покуда не ушел на покой. Ежели этот человек падет, то родичи и люди его молчать не станут, они возмутятся, и подымется великая смута». Халиф ответил: «О Бу Абдаллах! То что ты /***174***/ говоришь, совершенно верно, и для меня не тайна. Но я [теперь] бессилен, ибо Афшин вчера вечером заручился моей поддержкой, и я обязал себя торжественной клятвой не изымать [Бу Дулефа] из его рук и не давать повеления его вызволить».— «Как же помочь этой муке, о повелитель верующих?» — спросил я. «Я не знаю иного средства, как поехать тебе сейчас же к Афшину. Ежели он не примет тебя, ты ворвись и

приступи к этому делу с просьбой, мольбой и плачем, но, само собой, от меня ему никаких сообщений, ни мало, ни много, не передавай и ничего не рассказывай. Может быть он уважит тебя, ибо знает твой **[177]** сан и чин, и откажется от Бу Дулефа, не станет его губить и препоручит тебе. Ну, а ежели он ходатайство твое отвергнет, значит, такова судьба, и помочь делу никак нельзя».

«Когда я услышал это от халифа,— рассказывает Ахмед,— то потерял рассудок. Сел верхом и бросился в околоток везири с несколькими моими людьми, прибывшими [ко мне], а двух-трех всадников отправил вскачь домой к Бу Дулефу. Я мчался на коне, не соображая, где я, на земле или на небе. Тайласан [48] с меня слетел, я даже не заметил. Поскольку день уже был близок, я опасался, что опоздаю, что Бу Дулефа привезут, убьют и дело будет потеряно. Когда я доехал до дехлиза дома Афшина, все хаджибы и мертебедары выбежали, как всегда, ко мне [навстречу], не понимая того, что должны были бы удержать меня под каким-нибудь предлогом, потому что мой приезд об эту пору мог

оказаться для Афшина очень неприятным. Меня ввели в дом и распахнули занавес. Людям моим я велел оставаться в дехлизе и прислушиваться к моему зову. Войдя внутрь дома, я застал Афшина сидящим в углу садра. Перед ним на суффе был постлан нат [49] и на нем сидел Бу Дулеф с завязанными глазами, в одних шароварах. [Тут же] стоял палач с обнаженным мечом. Афшин и Бу Дулеф [о чем-то] спорили, а палач ждал только возгласа «дай [ему]», чтобы отсечь Бу Дулефу голову.

Когда взор Афшина пал на меня, ему стало не по себе, от ярости он побледнел и покраснел, жилы на шее у него вздулись. /***175***/ Было у нас такое обыкновение, что когда я приезжал к нему, он подходил ко мне и склонял голову долу, так что она доставала до моей груди. На сей раз он не сдвинулся с места и выказал [мне] полное небрежение. Я же не смутился и не оробел, ибо шел на важное дело. Я поцеловал его в лицо и сел сам. Он даже не взглянул на меня, и я это стерпел. Я начал разговор о чем-то, чтобы его занять, лишь бы не дать ему сказать

палачу «руби мечом!» Он совсем не глядел на меня. Я поднялся и повел речь на иной лад, стал расхваливать персов, ибо сей человек был из них, из Усрушаны [50]. Я ставил персов выше арабов, хотя понимал, какой это великий грех, но поступал я так ради Бу Дулефа, дабы не пролилась его кровь. Афшин не слушал меня. «О эмир, да сделает меня господь твоей жертвой,— сказал я, — ради Касима, сына Исы, пришел я, чтобы оказал ты божеское великодушие и отдал его мне, за это тебе многое зачтется». С гневом и презрением он ответил: «Не отдаю и не отдам! Повелитель верующих выдал его мне и вчера вечером побожился, что больше о нем не произнесет ни слова, дабы я мог поступить, как захочу, ибо я давно уже этого жажду». Я подумал про себя: «Ахмед, твое слово и приговор — закон на всем Востоке и Западе. **[178]** а ты терпишь такое унижение от этой собаки». И опять я сдержался: нужно было перенести любое оскорбление ради Бу Дулефа.

Я встал и поцеловал Афшина в лоб и проявил нетерпение. Еще раз поцеловал его в плечо, он не

внял и этому. Снова я подошел и поцеловал ему руку. Он увидел, что я, [наконец], собираюсь опуститься на колени, чтобы облобызать [ему ноги], и тогда он с бешенством сказал: «Доколе это будет продолжаться? Клянусь богом, ежели ты даже тысячу раз облобызаешь землю, никакой пользы не будет и согласия моего ты не получишь!» Во мне забушевали ярость и негодование, так что я вышел из себя. Эта падаль, полу безбожник, выражает мне такое пренебрежение! [Но] для благородного Бу Дулефа я пойду на риск, будь что будет. Считаю, что позволено так поступить. Затем я сказал: «О эмир, то, что пришлось, я тебе благородно /***176/*** высказал и сделал, а ты не соблюл моего достоинства. Тебе ведомо, что халиф и все вельможи его столицы, и те, которые выше тебя, и те, которые ниже, оказывают мне почтение, что на Востоке и на Западе слово мое — закон. Хвала господу богу, велик он и всемогущ, что мне нет нужды тебя благодарить. Но довольно обо мне. Теперь слушай слово повелителя верующих, он повелевает: «Не убивай Касима Иджли, не обижай и сей же час отправь его обратно домой, ибо руки

твои коротки до него, а ежели ты его убьешь, я [халиф] отплачу [тебе тем же]». Услышав эти слова, Афшин задрожал, у него отнялись руки и ноги. «Ты вправду передаешь сообщение государя?» — спросил он.— «Да,— ответил я,— разве ты когда-нибудь слышал, чтобы я измышлял его приказания?— и крикнул своим людям: войдите!»

Вошло человек тридцать-сорок понятых [51]. «Будьте свидетелями,— обратился я [к ним],—что я передал сему эмиру Бу-л-Хасану Афшину устное сообщение повелителя верующих Му'тасима. [Повелитель верующих] говорит: «Бу Дулефа не убивай, не обижай и отправь обратно домой, а ежели убьешь, то за него убьют тебя». Потом я спросил: «Касим, ты здрав?» — «Здрав»,— отвечал он. «Нет ли увечий?»— «Нет». Людям своим я сказал: «Будьте свидетелями, он здрав и невредим». — «Свидетельствуем», — ответили они. В гневе я вышел и, словно потеряв сознание и чувства, пустил коня рысью.

Всю дорогу я твердил себе: «Ты [52] еще неизбежней сделал убийство Бу Дулефа, ибо сейчас же вслед за тобою примчится Афшин, и повелитель верующих скажет: «Я-де такого распоряжения не давал» Афшин вернется назад и убьет Касима. Когда я подошел к денщику [халифа], я был в таком состоянии, что на мне выступил пот и я задыхался. [Денщик] испросил для меня прием, я вошел и сел. Увидев меня в таком виде, повелитель верующих, по великодушию своему, велел денщику отереть с моего лица пот и ласково спросил: «Что **[179]** с тобой, Бу Абдаллах?» — «Да будет долгой жизнь повелителя верующих, — ответил я, — то, что приключилось со мной сегодня, я за всю жизнь не запомнил. Как жаль мусульманство, коему /***177***/ приходится терпеть подобное от скверны безбожия!» — «Расскажи», — приказал он.

Я обстоятельно стал рассказывать, как все происходило. Когда я дошел до того места, как поцеловал Афшина в лоб, потом в плечо, потом поцеловал в обе руки и уже нагибался к ногам, а Афшин сказал: «Ежели ты даже тысячу раз

облобызаешь землю, то пользы не будет, я все-таки убью Касима», — в дверь [вдруг] вошел Афшин, в поясе и шапке. Я замер и оборвал речь, подумав про себя: «Зловещий случай! Ведь я еще не досказал повелителю верующих, что от его имени передал не приказанное распоряжение не убивать Касима. Вот Афшин сейчас начнет разговор об этом распоряжении, и халиф скажет, я-де его не давал. Я буду опозорен, а Касим убит; этого я боялся. Но господь бог, да славится поминание его, расположил иначе. Халифу было очень мучительно слышать, как я целовал Афшину руки и плечо и намеревался поцеловать ноги и как он сказал, что пользы не будет, ежели я [53] даже тысячу раз облобызаю землю,

Когда Афшин сел, он в сердцах спросил повелителя верующих: «Вчера вечером государь развязал мне руки в отношении Касима, а сегодня верно ли устное распоряжение, переданное Ахмедом, не убивать Касима?» — «Распоряжение — мое, — ответил Му'тасим,— ты разве когда-нибудь слышал, чтобы устное распоряжение, которое Бу Абдаллах передавал от нас или отцов наших, оказалось бы не

верно? Ежели мы вчера после настойчивых просьб ответили тебе согласием насчет Касима, то тебе все же следовало бы знать, что он потомственный слуга нашего семейства. Было бы умнее пригласить его [к себе], отблагодарить душевно и, наградив, отправить домой. А оскорблять Бу Абдаллаха было гнусней всего. Но ведь всякий поступает сообразно естеству и происхождению своему. Где уж персам любить арабов, когда им досталось от их мечей и копий. Ступай и впредь будь благоразумней и скромней».

Афшин встал разбитый, не владея руками и ногами, и удалился. Когда он ушел, Му'тасим спросил: «О Бу Абдаллах, как это ты осмелился передать от моего имени не приказанное распоряжение?». «О повелитель верующих,— ответил я,— не мог я допустить пролитие мусульманской крови, /***178***/ и это моя заслуга; господь всевышний не взыщет с меня за эту ложь», — и я привел несколько стихов из Корана и преданий о пророке, привет ему! Халиф рассмеялся и промолвил: «Правильно, так и надобно было поступить, как поступил ты. Клянусь богом, велик он и всемогущ, Афшин не уйдет от меня

живым, ибо он не мусульманин!» Потом я помолился хорошенько за **[180]** повелителя верующих, возликовал, что Касим снова обрел жизнь и заплакал. «Позовите кого-нибудь из хаджибов!» — крикнул Му'тасим. Позвали, хаджиб явился. «Пойди в дом Афшина с моим собственным конем, посади на него Бу Дулефа Касима, сына Исы Иджли, и отвези с почетом и уважением в дом Бу Абдаллаха». Хаджиб пошел, и я тоже удалился.

По дороге я не мешкал, потому что знал, что хаджиб и Касим уже доехали до моего дома. Стало быть, я вернулся [поскорее] домой и застал Касима сидящим в дехлизе. Увидев меня, он пал в ноги. Я обнял его, поцеловал, ввел в покои и удобно усадил. Он все плакал и благодарил. «Благодари не меня,— сказал я,— а господа бога, велик он и всемогущ, и повелителя верующих благодари за то, что снова обрел жизнь». Хаджиб Му'тасима проводил его домой со многими почестями» [54].

Из этого рассказа каждый сможет понять, что за великодушные люди то были. Все они отошли [в

иной мир] и осталась от них на память лишь добрая слава. Я записал это предание с той только целью, чтобы читателям досталась от меня какая-нибудь польза, а теперь, поскольку я с этим покончил, я снова возвращаюсь к повествованию «Истории». * А Аллах знает лучше!*

КАЗНЬ ЭМИРА ХАСАНЕКА, ВЕЗИРА, ДА СМИЛУЕТСЯ НАД НИМ АЛЛАХ!

Прежде, чем приступить к повествованию о казни этого человека, я сначала напишу несколько слов [от себя], а затем изложу [саму] повесть. Ныне, когда я ее начинаю, в месяце зу-л-хиджжа лета четыреста пятидесятого [55], в счастливую пору преславного султана Абу Шуджа Фаррухзада, сына Поборника веры в Аллаха, да продлит Аллах его жизнь, из тех людей, о коих я поведу речь, остались в живых один-два человека, [ныне] отстранившихся от дел. Ходжа Бу Сахль Завзани тоже уже несколько лет как помер- В ответ на вопрос, не из-за него ли был схвачен Хасанек, [скажу], что дела этого касаться не буду ни в коем случае — хотя /***179***/ мне Бу Сахль не по душе — ибо мне уже стукнуло шестьдесят пять лет и приходится отправляться вслед за ним. В «Истории»,

которую я повествую, я не обмолвлюсь ни единым словом, могущим повести к пристрастным толкам и омрачению, дабы читатели этого сочинения не говорили: да будет стыдно сему старику. Наоборот, я расскажу такое, в чем читатели со мной согласятся и никакого упрека мне не выразят.

Сей Бу Сахль, сын имама, был человек внушающий к себе уважение, ученый и образованный, однако в естестве его прочно укрепились злонамеренность и неприязнь — *неизменимо сотворенное Аллахом* [56],— и в злобе он не знал угрызений совести. Он беспрестанно выжидал, когда великий и могущественный государь гневался на **[181]** кого-нибудь [из слуг своих], того слугу наказывал и отстранял. Тогда он выскакивал сбоку, находил удобный случай, разжигал [гнев] еще больше и навлекал на того слугу большие страдания. А потом Бу Сахль хвастался: это я, мол, свалил такого-то, и ежели он сделал, то испытал и отведал. Умные люди понимали, что это не так, качали головой и втайне над ним потешались: он-де враль. И только наставника моего, несмотря на все происки, чинимые

им, он не смог устранить и не сумел достигнуть своего желания потому, что промысел божий не поддерживал и не одобрял его раздорничания, к тому же Бу Наср был человек дальновидный. В пору эмира Махмуда, да будет им доволен Аллах, Бу Сахль, не изменяя своему государю [57], сумел расположить к себе сердце султана Мас'уда, да смилуется над ним Аллах, во всех смыслах, ибо понимал, что престол царства после отца достанется ему.

Иное было поведение Хасанека, который из приверженности к эмиру Мухаммеду и желая сохранить расположение Махмуда и блюсти его волю, обижал сего [58] царевича, строил [ему] всяческие козни и говорил: «Противники не решатся на то, чтобы с государем что-нибудь случилось». Совсем как Джа'фар Бармек. Семейство Бармеки-дов везирствовало во времена Харун ар-Рашида и конец их дела был такой же, какой пришел этому везиру. Слугам и рабам следует придерживать свой язык [в разговоре] с государями, ибо нелепо лисам ссориться со львами. Бу Сахль, несмотря на сановитость,

богатство и на людей его, рядом с Хасанеком был только каплей воды в реке. Другое дело касательно превосходства в учености. А что до совершенных им злых выходок, /***180***/ о которых я до этого рассказывал в «Ис-тории», то одной из них были слова, сказанные Абдусу: «Передай твоему эмиру: то, что я делаю, я делаю по повелению моего государя. Ежели когда-нибудь престол царства достанется тебе, Хасанека нужно будет казнить»- Само собой, когда султан-государь скончался, сему Хасанеку пришлось сесть на деревянного коня [59]. Что значили тут Бу Сахль и другие, помимо Бу Сахля? Хасанек ведь поплатился за свою необузданность и дерзкие выходки. Три вещи государь ни за что никогда не прощает: *беспорядок в царстве, разглашение тайны и противление. Упаси нас Аллах от неудачи!*

Когда Хасанека доставили из Буста в Герат, Бу Сахль Завзани препоручил его своему слуге Али Раизу, и ему пришлось претерпеть такие разнообразные унижения, какие он претерпел, ибо поскольку положение его было безвыходно, ему мстили и

сводили с ним счеты. За это люди порицали Бу Сахля, дескать, сраженного и упавшего бить нельзя. Мужчина — тот, о котором говорят: *прощение в достоинстве его*, и который может это сделать. *Рек Аллах, да будет, **[182]** он преславен и всевелик, и слово его — истина: «О подавляющие гнев и прощающие людей, Аллах любит творящих благодеяния*» [60].

Когда эмир Мас'уд, да будет им доволен Аллах, следовал из Герата в Балх, Али Раиз вел Хасанека в оковах и обходился с ним пренебрежительно. Бывало и вымещение зла, нетерпимость и отместка. Насколько я слышал от Али, — он когда-то мне сказал [это] за тайну,— из гнусностей, кои Бу Сахль приказывал чинить над этим человеком, исполнена была лишь десятая доля, было проявлено многосдержанности. В Балхе [Бу Сахль] настойчиво внушал эмиру, что Хасанека-де надобно немедленно казнить, но эмир был добр и великодушен. Доверенный человек Абдуса сказал однажды после смерти Хасанека,— я слышал это от моего наставника,— что эмир говорил Бу Сахлю: дескать,

для того, чтобы убить этого человека, нужно иметь довод и оправдание. А Бу Сахль [будто] ответил: «Самый большой довод тот, что он кармат, принимает подарки от египтян с целью оскорбить повелителя верующих ал-Кадира биллах, задержал письмо эмира Махмуда и теперь постоянно об этом говорит. Государь помнит как в Нишабур приезжал посол халифа, привез знамя, дары и жалованную грамоту и [помнит], каково было на сей счет устное сообщение [повелителя верующих]. Волю халифа необходимо исполнить».— «Я об этом подумаю»,— ответил эмир.

/***181***/ Тоже и мой наставник рассказывал со слов Абдуса, который был очень плох с Бу Сахлем, что поскольку Бу Сахль говорил об этом весьма много, то однажды, когда ходжа Ахмед, сын Хасана, собирался удалиться после приема, эмир сказал, чтобы он подождал один в тереме, потому что будет ему устное сообщение через Абдуса. «Ходжа пошел в терем,— [рассказывал Абдус],— а эмир, да будет им доволен Аллах, позвал меня и сказал: «Сообщи ходже Ахмеду, что, дескать, дело Хасанека тебе не

безызвестно, что [тебе ведомо], сколько неприятностей он мне причинил в пору моего отца и какие он на меня совершал посягательства после смерти отца, в пору моего брата, однако [ничего] у него не вышло. Но поскольку господь бог, велик он и всемогущ, отдал нам престол царства без труда, то наша воля — принять извинения виноватых и не заниматься прошлым. Однако идут разговоры о веровании этого человека, о том, что он принимает подарки от египтян на зло халифу, оскорбляет повелителя верующих и остановил переписку моего отца. Говорят, что посол, приезжавший в Нишабур и доставивший договорную грамоту, стяг и дары, будто бы передал устное сообщение [халифа], что Хасанек—кармат, и его, дескать, надобно казнить смертью. Мы слышали об этом в Нишабуре, но хорошо не помним. Как на это смотрит ходжа, что скажет?». Когда я передал сообщение, ходжа долго размышлял, потом спросил меня: «Что случилось у Бу Сахля с Хасаненком, почему он прилагает **[183]** такое старание пролить его кровь?» — «Сам не могу хорошо понять,— ответил я, — слышал только, что

однажды Бу Сахль пришел в серай Хасанека в пору его везирства пешком и в дурра'е [61]. Какой-то пер-дедар отнесся к нему с пренебрежением и прогнал».— «Боже мой,— ответил ходжа,— к чему хранить в сердце столь пустячное оскорбление!»

Потом он сказал: «Передай государю, что в то время, когда я, заключенный, пребывал в крепости Каланджар [62], и на мою жизнь посягали, господь бог, велик он и всемогущ, меня сохранил, и я дал обет и поклялся, что [никогда] больше не буду вести речи о смертной казни кого-либо, правой или неправой. Тогда, когда Хасанек из хадж-жа возвратился в Балх, мы были в отъезде в Мавераннахре и встретились с Кадыр-ханом. После обратного приезда в Газну нас посадили и [нам] неизвестно, что происходило по поводу Хасанека, и о чем покойный эмир вел переговоры /***182***/ с халифом. Точные сведения имеются у Бу Насра Мишкана, его и надо расспросить. Эмир-государь — повелитель, то, что надлежит приказать, пусть приказывает. *Ежели за Хасанеком будет доказана принадлежность его к карматству, я слова не скажу, потому что касательно

его в этом наказании есть желанная цель. Я без обиняков заявил о том, чтобы о нем насчет меня разговора не было, ибо мне претит смертная казнь живущих на свете людей [63]. И коль скоро это так, я не [могу] принять от султана предостережение, что совершаю, дескать, вероломство ради того, чтобы не казнили смертью Хасанека или кого-либо другого. Смертная казнь, без сомнения, дело не шуточное». Когда я принес этот ответ, [эмир] долго думал и. затем сказал: «Передай ходже: то, что окажется необходимо, будет повелено». Ходжа поднялся и пошел в диван. Идя [туда], он сказал мне: «Абдус, сколько можешь, настаивай перед государем, чтобы кровь Хасанека не проливали, не то возникнет бесчестие». — «Слушаюсь», — ответил я, вернулся обратно и доложил султану. Судьба сидела в засаде и готовила свое дело.

После этого [эмир] беседовал с моим наставником. О том, что происходило на том негласном собеседовании, наставник рассказывал: «Эмир, дескать, расспросил меня о Хасанеке, затем о халифе, а потом задал вопрос, что, мол, ты скажешь о вере и

убеждениях этого человека и о получении им подарка от египтян? Я тут же обстоятельно рассказал все о жизни Хасанека, как он отправился в хаджж и из Медины поехал обратно через Сирию в Вади-л-кура [64], как он получил египетские подарки, как было необходимо принять их, о путешествии через Мосул без заезда в Багдад и о том, как халифу пришло на ум, не приказал ли [ему так поступить] эмир Махмуд». «Так в чем же тут вина Хасанека,— спросил эмир,—ежели он ехал через пустыню, то стало быть он домогался убить всех тех людей?» — «Выходит **[184]** так,— /***183***/ ответил я,— халифу [это] изображали на всякие лады, покуда он не разобиделся, вышел из себя и назвал Хасанека карматом». Па этому поводу была переписка и ездили гонцы. Покойный эмир со свойственной ему обидчивостью и сварливостью однажды сказал: «Сему выжившему из ума халифу надобно написать, что я ради дома Аббаса по всему свету шарю, выискивая карматов; кого находят и уличают, казнят смертью. Было бы мне достоверно известно, что Хасанек кармат, так повелитель верующих уже

получил бы уведомление, как с ним поступили. Хасанек мой воспитанник и наравне с моими сыновьями и братьями, и коль скоро он кармат, то и я кармат». Хотя это было сказано не по-царски, я, пойдя в диван, написал послание так, как слуги пишут господам. В конце концов, после долгих переговоров, порешили на том, чтобы халат, полученный Хасанеком, и редкостные вещи, кои египтяне посылали эмиру Махмуду, отправили с послом в Багдад, дабы их сжечь. Когда посол возвратился обратно, эмир спросил, в каком месте сожгли тот халат и драгоценности, потому что эмиру было весьма неприятно, что халиф назвал Хасанека карматом. Скрытно озлобление и нетерпимость халифа все возрастали, не явно, до тех пор, покуда эмир Махмуд не скончался. Все, что было, слуга [твой] полностью рассказал».— «Я понял», — промолвил эмир [Мас'уд]».

После этого совещания Бу Сахль, конечно, не унялся. Во вторник, двадцать седьмого числа месяца сафара, когда кончился прием, эмир сказал ходже: посиди, дескать, в тереме, ибо туда приведут Хасанека

вместе с судьями и очистителями, дабы то, что было [им] куплено, все вкупе переписать на наше имя и засвидетельствовать.— «Слушаюсь»,— ответил ходжа и пошел в терем. Туда же пришли считавшиеся ходжами вельможи, начальник посольского дивана, ходжа Бу-л-Касим,— несмотря на то, что находился в отставке,— Бу Сахль Завзани и Бу Сахль Хамдеви. Эмир прислал туда ученого законоведа Небиха и войскового судью Насра, сына Халафа. Явились туда также и балхские казии, сановники, богословы и законники, очистители и исправители [65] и люди известные и благочестивые. Когда это блестящее общество собралось, я, Бу-л-Фазл, и еще некоторые люди /***184***/ сидели снаружи терема на дукканах, поджидая Хасанека. Прошел час. Появился Хасанек без оков, в джуббе чернильного цвета, почти черной, поношенной, в дурра'е и очень красивой накидке, в нишабурской потрепанной чалме, в новых высоких микаловских сапогах [66], с приглаженными на голове волосами, спрятанными под чалму, и только чуть-чуть было видно. С ним были начальник караула [67] Али Раиз и много разного

рода пешего люда. Его привели в терем и там он оставался почти до часа пополуденнои молитвы, затем его вывели и снова отправили под стражу. Следом за ним вышли **[185]** судьи и законоведы. Я только слышал, как двое разговаривали друг с другом: «Кто толкает Бу Сахля на это? Ведь он свою честь потеряет». За ними вышел ходжа Ахмед с вельможами и отправился к себе домой.

Наср, сын Халафа, был моим другом, и я спросил у него, что происходило [в тереме]. «Когда Хасанек вошел,— рассказал он,— ходжа встал. Поскольку он оказал [вошедшему] такое почтение, все, кто с охотой, кто нехотя тоже поднялись. Бу Сахль не мог сдержать своей ярости, он [только слегка] привстал и [что-то] проворчал под нос. Ходжа заметил ему: «Ты как-то все не доделываешь». Тот совсем вышел из себя. Хасанек хотел было сесть перед ходжой, [но тот] не позволил, и Хасанек сел по правую руку от меня. Справа от себя [ходжа Ахмед] посадил ходжу Абу-л-Касима и Бу Насра Мишкана,— невзирая на отставку, Бу-л-Касим Кесир пользовался очень

большим уважением,— а слева [посадил] Бу Сахля. От этого он еще больше распалился.

Великий ходжа обратился к Хасанеку и спросил: «Как поживает ходжа? Как проводит время?» — «Благодарю»,— отвечал Хасанек. «Не надобно сокрушаться, — сказал ходжа, — у людей случаются этакие обстоятельства. Нужно покорно исполнить все, что велит государь, ведь покуда душа в теле, надежда есть стотысячекратный покой и утешение». У Бу Сахля не хватило больше терпения и он сказал: «Как решается господин так разговаривать с этакой карматской собакой, которую по приказу повелителя верующих предадут казни?» Ходжа гневно посмотрел на Бу Сахля. «Не знаю, кто собака,— промолвил Хасанек,— людям, живущим на свете, известны род мой и все то, что у меня имеется из принадлежностей, прислуги и добра. Я вкушал радости жизни и вершил дела, и конец делу человеческому — смерть. Коль пришел сегодня смертный час, никто его отдалить не сможет, казнят ли меня или суждено мне умереть иначе, ибо я не важнее Хусейна, сына Али [68]. Сей ходжа [69], который

обо мне так говорит, [когда-то] сочинял для меня стихи и простаивал у дверей моего дома. А что до разговоров о карматстве, то лучше было бы задержать его /***185***/ по подозрению в этом, а не меня; сие известно. Я же подобных вещей [за собой] не знаю». У Бу Сахля взыграла желчь, он завопил и начал было ругаться, но [ходжа] прикрикнул на него и сказал: «Есть ли хоть какое-нибудь уважение к государеву собранию, в котором мы [сейчас] заседаем? Мы собрались ради дела, когда покончим с ним, делай, что хочешь, ведь этот человек уже пять-шесть месяцев, как в ваших руках». Бу Сахль замолчал и до конца заседания не проронил ни слова.

В купчей крепости [70] перечислили всю движимость, имущество и [все] имения [71] Хасанека, как принадлежащие [отныне] султану. Одно **[186]** за другим называли Хасанеку имения, и он подтверждал продажу их добровольно и с охотой. Деньги, кои за них определили, он получил, и лица, [находившиеся там], дали [в том] письменное свидетельство. [Войсковой] судья составил судебную запись с решением и приложил к нему печать [72],

[равно] и другие казии, как положено, в подобных случаях. Когда с этим покончили, Хасанеку сказано было удалиться. Он обратился к ходже и сказал: «Да будет долгой жизнь великого ходжи! В пору султана Махмуда я по его воле говорил вздор о ходже. Все это было ошибкой. Что толку от покорного исполнения повеления? Везирство мне поручили, приневолив, то не мое было место. На ходжу я никакого посягательства не учинял и с его людьми обходился по-доброму». Потом он промолвил: «Я совершил ошибку и заслуживаю любое наказание, какое прикажет государь, но пусть не пренебрегает мной великодушный государь. Я уже отрекся от жизни, позаботьтесь о моей семье. Да простит меня ходжа!» — и заплакал. Присутствующим стало жалко его, а ходжа прослезился и сказал: «Прощаю тебя! Не следует так отчаиваться, еще все может обойтись благополучно. Я обдумал, и ежели [таков] над ним приговор господа бога, велик он и всемогущ, то я согласен позаботиться о семье его». Затем Хасанек встал, встал и ходжа и [прочий] народ*. Когда все вышли и удалились, ходжа долго

выговаривал Бу Сахлю, а тот очень извинялся: я, дескать, не мог совладать со своей желчью. Войсковой судья и законовед Небих доложили об этом собрании эмиру. Эмир позвал Бу Сахля и [тоже] хорошо его пробрал: я, мол, признаю, что ты жаждешь крови этого человека, [но] везира нашего /***186***/ честь и достоинство должно было соблюдать. «Я вспомнил ту дерзость,— ответил Бу Сахль,— которую он позволил себе по отношению к государю в Герате в пору эмира Махмуда, и не мог себя сдержать. Больше такой оплошности не допущу». От ходжи-начальника Абдарреззака я слышал, что той ночью, наутро после которой Хасанека казнили, Бу Сахль явился к его отцу [73] в час молитвы на сон. «Зачем ты пришел?» — спросил отец Абдарреззака. «Я не уйду, покуда господин не уснет,—ответил Бу Сахль,—ибо не нужно, чтобы он писал султану записку и заступился за Хасанека».— «Я написал бы, да вы все испортили, это очень нехорошо»,— сказал отец Абдарреззака и ушел в спальню.

В тот день и в ту ночь осуществляли мероприятия для казни Хасанека. Нарядили двух вестников в

одежде гонцов [74], кои приехали из Багдада и привезли письмо от халифа, что Хасанека, кармата, надобно казнить и побить камнями, дабы в другой раз наперекор халифам никто не надевал египетский халат и паломников в ту страну не водил. Когда все было устроено, на следующий день, в среду за два дня до конца месяца сафара, эмир Мас'уд выехал с **[187]** намерением три дня охотиться и развлекаться с недимами, ближними людьми и мутрибами. В городе он приказал городскому наместнику воздвигнуть помост для казни с краю балхской мусаллы, в шаристане, и народ повалил туда. Бу Сахль верхом подъехал к помосту и остановился на возвышении. Еще раньше отправились конные и пешие, чтобы привести Хасанека. Когда его вели мимо базара Ашикан и он вступил в шаристан, его встретил придержавший там коня Микал. Он обозвал Хасанека наймитом и осыпал его гнусными ругательствами. Хасанек не взглянул на него и ничего не ответил. Простой народ слал проклятия Микалу за его непристойное поведение и за хулу, которая срывалась с его уст. А что говорили о

Микале люди избранные, даже сказать нельзя. После Хасанека сей Микал, женатый на сестре Аяза, испытал много несчастий и претерпел много невзгод. Он жив и поныне и отдается служению бога и чтению Корана..., но когда какой-нибудь друг поступает мерзко, какой смысл рассказывать?

Хасанека подвели к подножию помоста — *упаси нас, боже, от злого приговора!* — и поставили гонцов, кои приехали из Багдада. Хасанеку приказали снять одежду. Он сунул руку за пазуху, подтянул гашник, завязал исподницы штанов, скинул джуббу и рубаху, отбросил их вместе с чалмой. И встал нагой, в одних штанах, скрестив руки, телом подобный серебру, лицом словно сто тысяч /***187***/ писаных красавцев. Весь народ из сострадания к нему плакал. Принесли железный шелом с наличником, нарочито тесный, так что он не покрывал ему лица и головы. Раздался приказ: «Прикройте ему голову и лицо, чтобы не разбить камнями, потому что голову отправим в Багдад к халифу!» Хасанека продолжали все так же держать, покуда не доставили более просторный шелом. Как

раз в это время подъехал верхом джамедар Ахмед и, обратившись к Хасанеку, передал ему устное сообщение: государь султан говорит: это, дескать, твое заветное желание, кое ты сам просил [меня исполнить], когда, мол, станешь царем,— казни меня. Мы хотели помиловать тебя, но повелитель верующих пишет, что ты сделался карматом, и по его указу тебя предают смертной казни. Хасанек и тут ничего не произнес. На голову и лицо ему нахлобучили принесенный широкий шелом и затем крикнули: «Беги!» [Но] он не проронил ни звука и их не испугался. Кругом закричали: «Не стыдно вам?! Человека, которого убиваете, возведите на помост!» Поднялось большое волнение, [но] в народ помчались конные и волнение уняли. Хасанека подняли на помост, довели до места, до кобылы, на коей он никогда не сидел. Палач крепко привязал его и выпустил [концы] веревок. Раздался приказ: «Камнями его!». Никто не притронулся к камням, все **[188]** плакали навзрыд, особенно нишабурцы. Тогда раздали деньги горсти бродяг, чтобы они побили камнями, но человек уже был мертв: палач накинул

ему на шею веревку и удавил. Вот Хасанек, его судьба и повесть о нем, да будет над ним милость Аллаха!

/***188***/ Сей рассказ весьма поучителен: все причины распри и вражды за хрупкие блага сего мира они отложили в сторону. Глупец тот, кто душой привязывается к этому миру, ибо подает он милостиво, а отнимает мерзко! Стихи:

*Клянусь жизнью твоей, этот мир для житья не место,
Коль для острого глаза слетит с него покрывало.
Пребывание в нем жизнь людей веселит, однако,
Он век их снабжает недолгоценными вещами.*

Рудаки говорит:

Гостю, зашедшему в дом мимоходом,
Сердце навек оставлять в нем не гоже.
Глубоко под прахом тебе почивать,
Хоть ныне твой сон на шелковой ткани.
Что пользы тебе пребывать меж людей,
В могилу сойдешь ведь ты одиноко.
Друг твой под прахом — муравль да муха,
Заместо кудрей, украшавших тебя,
Теперь только ветхие пряди волос.
Цена им пусть будет динар иль дирем

Увидев тебя с пожелтевшим лицом,
Сердце остынет его, он не слепой.

Когда с этим покончили, Бу Сахль и народ удалились с места казни, и Хасанек остался одинок, как одинок появился из чрева матери. Потом я слышал от Бу-л-Хасана Хербели, моего друга и близкого к Бу Сахлю человека, он рассказывал: «Раз Бу Сахль пил вино, вместе с ним был и я. Он устроил прекрасное собрание, стояло много гулямов, и мутрибы все [были] с приятными голосами. Между тем тайком от нас он приказал принести голову Хасанека на блюде с крышкой. Потом сказал: «Доставили плодов первинок, покушаем их?» — «Покушаем»,— ответили все. «Подайте»,— приказал [Бу Сахль]. Принесли блюдо, поодаль сняли крышку. Увидев голову Хасанека, мы обомлели, я потерял сознание, а Бу Сахль смеялся. Случайно он держал в руке вино, вылил в сад [75]. Голову унесли. На другой день, оставшись вдвоем, я его очень бранил, [а] он ответил: «У тебя куриное сердце,— с головой врага так и следует поступать. История эта получила огласку. Все порицали Бу Сахля и кляли за нее. С

того дня, как казнили Хасанека, наставник мой, Бу Наср, не переставал поститься, был очень удручен и озабочен, каким я его никогда не видывал. «Какая еще надежда осталась?» — повторял он **[189]** [беспрестанно]. В таком же состоянии пребывал ходжа Ахмед, сын Хасана, и в диване не сидел.

/***189***/ Хасанек почти семь лет оставался [вздетым] на столб. Ноги его совсем облезли и ссохлись так, что и следа не осталось, покуда не разрешили снять и похоронить. И никто не знал, где голова, где тело. Мать Хасанека была женщина очень твердая духом. Я слышал так, что месяца два-три от нее скрывали это событие. Когда же она узнала, то не стала вопить и причитать, как делают женщины, а наоборот, заплакала горько, так что у присутствующих от ее скорби сердце обливалось кровью. Потом она промолвила: «Большой человек был мой сын: такой государь, как Махмуд, дал ему сей мир, а такой государь, как Мас'уд, тот мир». Обряды оплакивания сына она исполнила весьма достойно. Умный человек, слышавший об этом, высказывал одобрение. И было за что. Один из нишабурских стихотворцев

сочинил на смерть его жалобные стихи, и они здесь упоминаются:

...Отсек ему главу, что головой была голов,
Была венцом красы столетия и царства.
Кто б ни был он — кармат, еврей или безбожник,
С престола уведенным быть на плаху — не законно.

Подобное на свете уже бывало. Когда Абдаллах, сын Зубейра [76], да будет им доволен Аллах, сел халифом в Мекке, и Хиджаз и Ирак ему покорились, а брат его Мус'аб присоединил к его халифату Басру, Куфу и Савад, то Абдалмелик, сын Мервана, с большим войском пошел из Сирии на Мус'аба, ибо у него были люди, оружие и снаряжение. Между ними произошла великая битва, и Мус'аб был убит. Абдалмелик повернул обратно в Сирию, а на Мекку отправил Хаджжаджа, сына Юсуфа [77], с огромным снаряженным войском, как об этом обстоятельно упоминается в летописях. Хаджжадж подошел и завязал сражение с Абдаллахом. Мекка была окружена, и Абдаллах заперся в меккской мечети. Сражение ожесточилось. Против зданий были

пущены в ход камнеметы. Метали камни, покуда один минарет не обрушился.

Абдаллах, поскольку положение его стало весьма трудным, прекратил бой. Хаджжадж прислал к нему устное уведомление: «Дескать, остается день-два до твоего пленения. Я знаю, что в ответ на мое предложение тебя пощадить, ты не сдашься, так сдайся по приказу Абдалмелика, я отправлю тебя в Сирию с почестями, не в оковах. Тогда он будет знать, что надобно сделать, дабы не причинить еще большего разрушения священному храму».—«Я подумаю об этом», — ответил Абдаллах. В ту ночь он /***190***/ совещался со своими приверженцами, кои еще оставались [с ним]. Большинство советовало, **[190]** нужно, мол, сдаться, дабы усобица утихла и тебе не причинили страдания. Он пошел к матери, Асме,— она была дочерью Бу Бекра Сиддика, да будет им доволен Аллах,—и рассказал ей все обстоятельства. Несколько времени Асма подумала, потом спросила: «О сын, восстание, кое ты поднял против дома Омейи, оно ради веры или мирских благ?» — «Клянусь богом,— ответил он,— оно ради

веры, и доказательство тому то, что я из благ мирских не взял ни одного дирема, что тебе ведомо».— «Тогда,— промолвила мать,— претерпи и смерть и убийство и примерную казнь, как брат твой Мус'аб, ибо отец твой был Зубейр Пловец [78], а дед с моей стороны — Абу Бекр Сиддик [79], и-да будет им доволен Аллах. Он был благороден и не поддался приказу сына Зияда, Убейдаллаха». — «О мать, — сказал [Абдаллах], — и я тоже стою за то, что ты говоришь, но я хотел знать, что думаешь и чувствуешь ты об этом деле. Теперь я знаю, и смерть за веру мне радостна, но страшно мне, что коль убьют, то надругаются над телом». Мать ответила: «Когда режут овцу, что ей до того, примерная ли то казнь и сдерут ли с нее шкуру».

Абдаллах всю ночь молился и читал Коран. На рассвете он совершил полное омовение, сотворил в сообществе утреннюю молитву и в двух рак'атах [ее] прочел суру «Нун и Перо» [80] и суру «Не проходило ли над человеком» [81]. [Потом] надел кольчугу и нацепил оружие — у арабов пешим, как он, никто не бился — тотчас же обнял мать и простился [с ней], а

мать поправляла на нем кольчугу, зашивала под мышками и говорила: «Ты стисни зубы с этими нечестивцами», — как будто посылала его скушать халвы и, конечно, не голосила, как делают женщины. Абдаллах вышел. Войско свое он нашел разбежавшимся, повернувшим вспять и оставившим его, кроме немногих его домочадцев и родичей, кои в латах, кольчугах и шеломах хотели вместе с ним оказать сопротивление. «Повернитесь ко мне!»— крикнул он. Все повернулись к нему. Абдаллах прочел этот бейт:

*Коль я узнаю свою судьбу, то ее претерплю,
А кое-кто знает ее, но считает далекой*.

Придя на место боя, они остановились. Был вторник, семнадцатое число месяца джумада-л-ула семьдесят третьего года хиджры. С той стороны появился Хаджжадж, сын Юсуфа, с многочисленным войском и построил его. Жителей Химса он поставил против Ка'бьг, дамассцев — против ворот Бену Шейба, /***191/*** арданцев — пробив ворот Сафы и Марвы, палестинцев — против ворот Бену Джумах, киннасринцев — против ворот Бену Сахам.

Хаджжадж и Тарик, сын Амра, с большим отрядом войска встали у Марвы, там же держали и большое знамя. **[191]**

Абдаллах, сын Зубейра, увидев надвинувшееся на него со всех сторон несметное войско, обернулся к своим людям и сказал: «*О потомки Зубейра! Коль вы мне по душе, то потому, что мы все из семьи арабов. Нам прервали дальнейшую жизнь, но нас не обрекли на позор! И еще, о племя Зубейра, да не устрашат вас удары мечей! Всюду, где бы я ни появлялся, меня находили едва живого среди убитых. Лечение нанесенных [мечами] ран мучительней боли от их ударов. Берегите мечи свои, как бережете свою честь. Неизвестен из вас никто, кто бы сломав меч свой, спас себе жизнь, ибо коль скоро у мужа пропадет оружие, он станет как беспомощная женщина. Не взирайте на трудности. Будьте каждый образцом храбрости для других. Не отвлекайтесь расспросами обо мне, пусть никто не спрашивает — где Абдаллах, сын Зубейра, а буде кто спросит обо мне — я в первом ряду*». Потом он прочитал стихи:

*Сыну Сельмы он не желает быть невечным,
Какую бы хитрость тот ни применил.
Я не куплю себе жизнь путем позорным,
Не вознесусь, смерти страшась, [на небо], здравый* [82].

Потом он крикнул: «С богом! Вперед, доблестные воители, нападайте!» Как разъяренный лев он бросался во все стороны. Не было стороны, куда бы он ни устремлялся с менее десятка бойцов, где бы прочь от него в страхе не бежали [враги], подобно тому, как лисы удирают от львов. Они дрались на жизнь и смерть. Бой становился все жарче, /***192***/ а врагов было много. Абдаллах напряг силы, чтобы отбросить всех людей, стоявших против ворот, на Хаджжаджа, и те уже были близки к бегству. Хаджжадж приказал выдвинуть вперед знамя, и люди пришли в себя. Из среднего полка выступили прославленные бойцы и сцепились друг с другом. В этой схватке Абдаллаха, сына Зубейра, сильно ударило в лицо камнем, с лица побежала кровь. Он сказал:

*Не льется кровь из наших ран на следы позади нас,
А каплет кровь на стопы наши, идущие вперед!*

Другой камень, еще сильней, попал в грудь, так что оттого у него задрожали руки. Один из новообращенных людей Абдаллаха, заметив кровь, закричал: «Повелителя верующих убили!» Враги не могли его узнать, ибо лицо его было закрыто, [но] когда они услышали новообращенного, то поняли, кто Абдаллах. Множество людей поспешили к нему и убили [83]. *Да будет им доволен Аллах*. Голову его сняли и принесли к Хаджжаджу, тот положил земной поклон. Поднялся крик: «Абдаллаха, сына Зубейра, убили!» Зубейровцы держались, покуда не перебили всех. Усобица улеглась. **[192]** Хаджжадж вступил в Мекку и приказал исправить минарет, разрушенный камнеметом, и произвести другие благоустройства. Голову Абдаллаха, сына Зубейра, да будет им доволен Аллах, [Хаджжадж] отправил к Абдалмелику, сыну Мервана, а тело его велел вздеть на столб. Весть о его убиении принесли к матери. Она не стала голосить, а [только] промолвила: «*Мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!* Ежели бы мой сын поступил не так, то он не был бы сыном Зубейра и внуком Бу Бекра Сиддика, да будет

ими доволен Аллах!» Прошло некоторое время, Хаджжадж спросил: «Что делает эта старуха!» Ему рассказали о ее словах и душевной стойкости. «Великий боже!— сказал он,— ежели бы Айша, матерь веруюих, и эта сестра были мужчины, то халифство никогда не досталось бы дому Омейи. Вот сила духа и стойкость! Надо бы ухитриться вам суметь привести ее к сыну, что-то она [тогда] скажет?» Для этого назначили несколько женщин, они постарались и ухитрились свести Асму в ту сторону. Увидев столб, она поняла, что [на нем] ее сын. Она повернулась к одной из женщин, самой знатной из всех, и [только] сказала: «Не пришло ли время снять с коня этого всадника?» Больше ничего она не добавила и ушла. Известие об этом принесли к ХаджЖаджу, он остался в изумлении и приказал снять и похоронить Абдаллаха.

/***193***/ Хотя сей рассказ долог, в нем есть польза. Я приведу еще два случая, чтобы стало [совершенно] ясно, что у Хасанека были на свете товарищи [по несчастью] повыше его. Ежели его постигло то же, что постигло их, то удивляться нечего. И еще: ежели

его мать не голосила и промолвила такие слова, то пусть ни один хулитель не говорит, что этого не могло быть. [Оно могло быть], потому что среди мужчин и среди женщин есть разные, *господь твой создает что хочет и по воле своей* [84].

Харун ар-Рашид, приказав казнить смертью Джа'фара, сына Яхьи Бармека, распорядился, чтобы его разрубили на четыре части и вздели на четырех столбах. Эта повесть очень известна, и я не привожу ее [здесь], потому что речь весьма долгая, читателям она наскучит и они позабудут «Историю» и, быть может [85], станут говорить о Бу-л-Фазле неподобающие вещи. Харун тайком назначил людей, чтобы они хватали каждого, кто подходил к столбам, оплакивал, причитал и жалел, приводили бы к нему и наказывали. Через некоторое время Харун раскаялся, что низверг семью Бармеки. Однажды шел какой-то басриец; его взор упал на один из джа'фаровых столбов и он сказал себе:

*Ей-ей, не будь пред доносчиком страха
И пред недреманным оком халифа, **[193]**

Мы бы свершили тебе поклонение
Так же, как люди смиренно чтут Ка'бу [86]*.

Тотчас же известие об этом и стихи довели до слуха Харуна, и человека, схватив, [тоже] привели к нему. Харун спросил: «Ты нашего глашатая слышал, почему ослушался?» — «Я слышал,— ответил [басриец],— но семье Бармеки /***194***/ я столь обязан, как никто не слыхивал подобного. Хотел я тайком исполнить свой долг и исполнил, да согрешил — не соблюл повеления государя. [Однако] ежели они достойны своей участи, то что бы ни постигло меня,— я все приемлю». Харун попросил рассказать, человек рассказал. Харун заплакал и простл человека. Эти длинные повести не лишены примечательностей, тонких мыслей и назидательности.

Читал я в повестях о халифах, как один из дебиров рассказывает: «Бу-л-Везир, дескать, поручил мне диван подаяний и кормления [87] в пору Харун ар-Рашида. Однажды, уже после падения семейства Бармеки, я просматривал какой-то довольно старый свиток и на одном листке [88] увидел, что было

написано: «По приказу повелителя верующих к эмиру Абу-л-Фазлу Джа'фару, сыну Яхьи ал-Бармеки, да продлит Аллах его сияние, отнесено золота — столько-то, серебра — столько-то, ковров — столько-то, одежд — столько-то, благовоний — столько-то, а всего на сумму тридцать раз тысяча тысяч диремов». Потом, [говорит он], я наткнулся на другой листок, на нем было написано: «В сей день отпустили стоимость дров и нефти для сожжения на базаре тела Джа'фара, сына Яхьи Бармеки — четыре дирема и четыре данека с половиной». Боже праведный, навеки бессмертный!

Я, Бу-л-Фазл, просмотрел множество книг, особенно преданий, и позаимствовал из них. В сей «Истории» я веду такие речи ради того, чтобы спящие и соблазненные мирскими благами проснулись и каждый делал бы лишь то, что для него принесет пользу сегодня и завтра. *Аллах помогает тому, кем он доволен по всеобъемлющей милости своей и милосердию*.

Ибн Бакийят ал-Вузара [89] тоже казнили в ту пору, когда Азуд ад-довле Фенна Хусров взял Багдад и сын его дяди, Бахтиар, был убит,— его звали Иззад-довле,— в борьбе, которая шла между ними. То рассказ длинный и излагается он в книге «Таджи», сочиненной Бу Исхаком [90], дебиром. Сей сын Бакийят ал-Вузара был гордец из гордецов, человек образованный и богатый, имел много оружия, снаряжения и слуг, но [нрав] у него был необузданный. Он служил везиром и халифу ат-Та'и ли-л-лах ***/195/*** и Бахтияру и во время происходившей распри совершал невежливые, обидные и безрассудные поступки в отношении такого человека, как Азуд ад-довле, тогда как при бессилии своего государя совершение [таких поступков] ошибка. **[194]**

От судьбы он уйти не мог: когда Азуд ад-довле взял Багдад, он, конечно, приказал его казнить, и его убили стрелами и камнями. На смерть его сложили следующие жалобные стихи [91]:

*Высочайший в жизни сей и в загробной!
Клянусь, ты одно из чудес на земле!

Когда вокруг тебя стоят люди, они словно
Собрались к тебе в день раздачи наград.
Ты стоишь среди них как проповедник,
А люди стоят, будто они на молитве.
В душе они почитают величие твое,
Его берегут и хранят надежные люди.
Ты к ним простираешь торжественно руки,
Словно тянут к тебе они руки с дарами.
Горят по ночам огни вокруг тебя,
Таким ты бывал в дни твоей жизни.
Когда чрево земли оказалося тесным,
Чтоб вместить величие твое после смерти,
Могилой твоей стало пространство меж землей и небом,
За саван пришлось одеянье, несомое ветром.
Ты раньше Зейда сел верхом на коня,
На коего сел он в минувшие годы.
А сие — добродетель, подражанья достойная,
Она брань врагов от тебя отвращает.
Я до тебя никогда не видал существа,
Кое было бы объято столь большим благородством.
Судьбы превратностью ты пренебрег,
И месть несчастья тебя погубила.
От перемен ночей ты нас оберегал,
Добиваться стал рок твоего поношенья.
Твоя несчастная судьба для нас все доброе
В великие грехи преобразила.
Для общества ты был счастливою звездой,
Ушел ты и от злополучия оно распалось,
/***196***/ Во мне тоска сердечная таится по тебе,
Смягчается она лишь слез потоком неуемным.

О если бы я в состоянии был исполнить
Свой долг тебе, признать заслуги и что должно,
Я б землю всю осыпал мерными стихами,
С проливающими слезы оплакивая друга.
Нет в прахе у тебя могилы, чтоб сказать: полейте!
Но ты как столп стоишь под проливным дождем из слез.
Однако буду горевать я по тебе смиренно,
Боясь, чтоб кто-нибудь не счел меня ума лишенным.
И да приветствует тебя навеки милосердный
По милости, являемой нам беспрестанно*.

Эти прекрасные стихи принадлежат Ибн ал-Анбари, и в сказанном выше стихе «Ты раньше Зейда сел на коня» он имеет в виду Зейда, сына Али, сына ал-Хусейна, сына Али [92], сына Абу Талиба, да будет ими всеми доволен Аллах! У этого Зейда не хватало больше сил терпеть тиранство дома Омейи, он восстал в пору халифства **[195]** Хишама, сына Абдалмелика [93], а Наср, сын Сейяра был [тогда] эмиром Хорасана. Повесть об этом восстании долгая, ее можно найти в летописях. Кончилось дело Зейда тем, что его убили, да будет над ним милость Аллаха. [Тело] его вздели на столб и держали на столбе три-четыре года, *да рассудит Аллах его и все семейство посланника с ними!* Стихотворец дома

Аббаса побуждает Бу-л-Аббаса Саффаха [94] к избиению сынов дома Омейи в касыде, которую он сочинил. Имя стихотворца было Седиф; эти стихи я привожу из той касыды:

*Вспомни о гибели ал-Хусейна и Зейда
И об убиенном в стороне Михраса* [95].

Сообщение о казни Хасанека я довел до конца и связал его в этом сочинении с несколькими растянутыми и скучноватыми повестями и замечаниями. Может быть, читатели простят меня, примут мои извинения и не останутся мною недовольны. Приступаю снова к «Истории», ибо еще много удивительного [остается] за завесой. Коли жив буду, все расскажу, ежели будет угодно всевышнему Аллаху.

/197/ ОТПРАВЛЕНИЕ В ЭТО ВРЕМЯ ПОСЛОВ К КАДЫР-ХАНУ ДЛЯ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ БРАЧНОГО ДОГОВОРА И ОБЯЗАТЕЛЬСТВА МЕЖДУ ОБЕИМИ СТОРОНАМИ

Когда эмир Махмуд, да будет им доволен Аллах, встретился с Кадыр-ханом и дружба была подкреплена договором и обязательством, как я уже

раньше рассказывал весьма подробно [96], состоялось соглашение в том, что благородная Зейнаб [97] с нашей стороны будет отдана в жены Богра-тегину, сыну Кадыр-хана, коего впоследствии звали Богра-хан [98]. До прошлого года, четыреста сорок девятого, он еще был жив и был столь алчен, что Арслан-хан его сверг и такого могучего племянника убил. И [как раз тогда], когда его дело окрепло, он получил повеление [переселиться в иной мир] и сравнялся с прахом. Весьма удивительно дело некоторых сынов Адама, мир ему! Они желают друг другу зла и грызутся ради полученных на [кратковременное] подержание благ сего мира, а потом им приходится все бросить и уйти одиноко в землю, тяжко покаранными. Какая от сего польза? Какой умный человек отдаст этому предпочтение? Но как им быть, когда они так поступают? Ведь судьбы не превозмочь.

Одна из дочерей Кадыр-хана по брачному договору должна была стать женой эмира Мухаммеда, потому что эмир Махмуд, да будет им доволен Аллах, в ту пору предпочитал, чтобы стороны во всем поддерживали Мухаммеда — почем он знал, что

скрыто за завесой неизвестности. Когда же эмир Мухаммед попал в узилище и стало **[196]** невозможно привезти ту девицу, пришла надобность заключить новый брачный договор на имя эмира Мас'уда, да будет им доволен Аллах. В понедельник, третьего числа месяца раби ал-аввель [99] [эмир Мас'уд] встретился негласно с везиром ходжой Ахмедом и с моим наставником Бу Насром. Они обсудили сей вопрос и было решено отправить двух именитых послов,— одного из числа недимов и одного из числа казиев,— для [заключения] договора и обязательства. [Выбор] единодушно [пал] на ходжу Бу-л-Касима Хусейри, который жив поныне, да здравствует он, /***198***/ и на Бу Талиба Таббани, происходившего из знаменитого семейства Таббани. Он был единственным по своей учености, знанию, богобоязненности и воздержанию, при всем этом статного роста и хорош собой. Почерк и перо его были подстать лицу. Редко я видел в Хорасане почерк равный по красоте его почерку. Сей благородный человек три года оставался в стране турок. Он возвращался обратно, достигнув цели, но

когда добрался до Первана [100], то [там] скончался. В своем месте я об этом расскажу.

Мой наставник написал послание и два словесных заявления на сей счет, весьма замечательных. Первоначальный образец [их] пропал и я, конечно, его переписал [101], ибо каверзное Дело, чтобы [его опять] увидеть. Сначала я поведаю о семействе Таббани, потому что это связано с несколькими мыслями о государях, а потом будут приведены списки, так как в каждом таком отрывке из отрывков найдется много любопытного и достопримечательного. А я делаю свое дело и докучаю, авось извинят.

ПОВЕСТЬ О СЕМЕЙСТВЕ ТАББАНИ

Имя и дни семейства Таббани [102] пошли от имама Абу-л-Аббаса Таббани, да будет им доволен Аллах. Он дед ходжи имама Бу Садика Таббани, да продлит Аллах его здоровье, который ведет ныне достойную жизнь, пребывает в рабате Манк Али Меймуна и ежедневно издает свыше ста фетв. Он духовный глава века во всех науках. Причины его

присоединения к сей державе я изложу в этой главе, а затем, в пору каждого из государей сего дома, да будет ими всеми доволен Аллах, я расскажу о предводительствах, полномочиях и должностях, кои ему жаловали *по воле Аллаха и по соизволению его*.

Бу-л-Аббас, его дед, был в Багдаде учеником Якуба Абу Юсуфа, сына Эйюба. А Бу Юсуф Якуб Ансари был главным казием Ха-рун ар-Рашида и учеником Абу Ханифы [103], да будет им доволен Аллах, без спора одного из неопровержимых имамов и людей свободной воли [104]. Бу-л-Аббаса тоже считают в числе сподвижников Абу Ханифы, потому что в [книге] «Мухтасар-и Са'иди» [105], составленной казием имамом Абул-л-Ала Са'идом, да смилуется над ним Аллах, **[197]** законоучителем султана Мас'уда и эмира Мухаммеда, сыновей султана Ямин ад-довле, да будет всеми ими доволен Аллах, я видел, что в основах статей написано: «Это слова Бу Ханифы и сказанные Бу Юсуфом, Мухаммедом [и] Зуфаром, Бу-л-Аббасом Таббани и казием Абу-л-Хайсимом» [106].

И был один законовед из семейства Таббани, коего звали Бу Салих, дядя с материнской стороны родительницы упомянутого Бу Садика Таббани. /***199***/ Султан Махмуд в ту пору, когда был в Нишабуре саманидским сипахсаларом, пригласил его и отправил в Газну, дабы здесь был имам для последователей Бу Ханифы, да будет над ним милость Аллаха. Отправление его состоялось в лето триста восемьдесят пятое [107]. В тамошней медресе у ворот Бустиян он преподавал науку [ученикам]. Главный казий Абу Сулейман Дауд, сын Юнуса, да продлит Аллах его жизнь, который здравствует поныне, предводитель и старейшина этого города, — хотя он и дошел уже до края жизни, но мышление его сохранилось, — и его брат казий Зеки Махмуд, да продлит Аллах его жизнь, являются учениками Бу Салиха и науку переняли от него. Уважение эмира Махмуда к Бу Салиху было столь высоко, что когда он скончался в лето четырехсотое [108], то эмир сказал ходже Абу-л-Аббасу Исфераини, везиру: «Пойди в медресе этого имама и исполни обряд оплакивания его, а то у него нет ни одного сына, кто бы совершил

этот обряд. По своей вере и убеждению я согласен и сам лично отдать этот долг, но люди станут об этом говорить и, возможно, осуждать. А у меня нет более знатного слуги, чем ты. Ты наш везир и наместник».

Бу Башар Таббани, да смилуется над ним Аллах, тоже был знаменитый имам во времена Саманидов. Он имел золотую [конскую] сбрую, а в ту пору это было весьма важное пожалование, потому что в делах соблюдали бережливость. Ежели из читателей этой книги кто-нибудь скажет, дескать, что это Бу-л-Фазл все растягивает речь, то ответ будет такой: я пишу историю пятидесяти лет, которая укладывается на нескольких тысячах листах, в ней заключаются имена многих знатных и важных людей из разных сословий, и ежели я отдаю долг также и своим согражданам и одну столь знаменитую семью освещаю побольше, то пусть меня простят.

Я снова возвращаюсь к повествованию [о времени] сипахсаларства султана Махмуда, да будет им доволен Аллах, со стороны Саманидов и выскажу несколько беглых замечаний о том, в чем содержится

польза. Отправление имама Абу Тахира Таббани, прибытие Бог-ра-хана [109], отца Кадыр-хана, и разлад дела дома Саманова происходили в месяце раби ал-эввель лета триста восьмидесятого [110], и речь об этом долгая. [Богра-хан] забрал из казнохранилища семьи Самани несметные богатства и драгоценные сокровища. Потом он заболел **[198]** почечуем, и когда приготовился к возвращению в Кашгар, то [приказал] привести Абдалазиза, сына Нуха, сына Насра Самани, одарил его и сказал: «Я слышал, что владение у тебя отобрали силой, /***200***/ отдаю [его] тебе обратно, потому что ты отважен, справедлив и добронравен. Не падай духом, всегда, когда придет нужда, я тебе помогу». Хан ушел в Самарканд. Там недуг его обострился, и он получил повеление [отойти в иной мир], *да смилуется над ним Аллах. Каждому человеку на свете считанное дыхание и определенный срок жизни*.

Эмир Рази [111] вернулся обратно в Бухару в среду, в половине месяца джумада-л-ухра лета триста восьмидесятого [112], схватил Абдалазиза, своего дядю, и заключил, а [потом] наполнил ему оба глаза

камфорой, чтобы он ослеп. Абу-л-Хасан Али, сын Ахмеда, сына Абу Тахира, верный друг эмира Рази, рассказывал так: дескать, я присутствовал в то время, когда ослепляли этого несчастного. Он очень рыдал и плакал и потом сказал: «Какое великое счастье, что на том свете настанет день возмездия и расплаты и справедливого суда, который взыщет с насильников за обиду угнетенных! Не будь это так, сердце и печень разорвались бы на части».

Когда эмир Рази сел в столице и обиды и пренебрежение [со стороны] Бу Али Симджура вышли из границ, он написал письмо эмиру Себук-тегину и отправил посла с просьбой, чтобы тот побеспокоился и прибыл в Нахшебскую степь [113] для свидания и принятия мер по этому делу. Справедливый эмир Себук-тегин двинулся с большим устроенным войском и множеством слонов. Эмира Махмуда, которого Себук-тегин приказал привезти, он взял с собой, ибо эмиру Махмуду отдавалась должность сипахсалара в Хорасане. Они пошли, встретились друг с другом, и сипахсаларство отдали эмиру Махмуду. [Отец и сын] вместе ушли в

Балх и эмиру Махмуду присвоили почетное прозвище Меч державы [114].

Эмир Рази тоже выступил из Бухары с большим войском. Они объединились и потянулись в сторону Герата. Там находился Бу Али Симджур с братьями, Фаик и большое войско. Два-три дня ездили туда и обратно гонцы, авось кончится мирным путем, но миром не кончилось, потому что войско Бу Али не согласилось. Под Гератом произошло сражение, во вторник, в половине месяца рамазана лета триста восемьдесят четвертого [115]. Бу Али потерпел поражение и отступил к Нишабуру, а эмир Хорасана к Бухаре. Эмир Гузганана, тесть султана Махмуда, Абу-л-Харис Феригун и справедливый эмир Себук-тегин отправились в Нишабур в последний день месяца шавваля сего же года [116], а Бу Али Симджур /***201***/ подался в сторону Гургана.

Тут я прерываю эту повесть и доскажу ее после, ибо пристегнул еще одну повесть, весьма замечательную, достойную того, чтобы ее знали, связанную с эмиром Себук-тегином. **[199]**

ПРОИСШЕСТВИЕ, КОТОРОЕ ПРИКЛЮЧИЛОСЬ У СПРАВЕДЛИВОГО ЭМИРА СЕБУК-ТЕГИНА, ДА БУДЕТ ИМ ДОВОЛЕН АЛЛАХ, С ЕГО ХОЗЯИНОМ, ПРИВЕДШИМ ЕГО ИЗ ТУРКЕСТАНА, И СОН ЭМИРА СЕБУК-ТЕГИНА

Рассказал мне благородный Абу-л-Музаффар, сын Ахмеда, сына Абу-л-Касима ал-Хашими по прозванию ал-Аляви в месяце шаввале лета четыреста пятидесятого [117], — это человек весьма великодушный, честный и родовитый, образованный и прекрасный стихотворец, ему принадлежат около ста тысяч бейтов стихов, [сочиненных] в пору ныне существующей державы и [при] покойных государях, да будет ими доволен Аллах и да продлит он жизнь преславного султана Абу Шуд-жа Фаррухзада, сына Поборника веры в Аллаха, — он рассказал:

«Когда справедливый эмир отправился в Бухару, чтобы встретиться с эмиром Рази, он послал моего деда [118] Ахмеда, сына Абу-л-Касима, сына Джа'фара ал-Хашими, к бухарскому эмиру и с ним вместе послал эмира Гузганана в силу того, что тот был сипахсалар, дабы они уладили дело. Эмир принял деда милостиво и дал ему грамоту на скидку с

хараджа, [платимого] со двора, коим он владел. Когда дед мой скончался, эту скидку перевел на имя моего отца и пожаловал грамоту эмир Махмуд, ибо он сделался эмиром Хорасана, а [когда] дом Саманов пал, он стал царем. Дед мой рассказывал: «Когда мы окончили сражение под Гератом и потянулись к Нишабуру, то был такой обычай, что ежедневно эмир Гузганана и все вельможные начальники как саманидские, так и хорасанские, являлись к шатру справедливого эмира Себук-тегина, после молитвы, и сидя верхом, останавливались. Когда он выходил, чтобы сесть на коня, все эти вельможи слезали с лошадей, покуда он садился верхом. [Затем] двигались к [следующей] стоянке. Дойдя до /***202***/ стоянки, которую называют Хакестер [119], он как-то устроил там прием и раздал много милостыни беднякам. После предзакатной молитвы [120] он сел верхом и стал кружить по той степи и с ним все вельможи. Местами степь была холмистая и гористая.

Увидели мы какую-то гору. «Нашел!» — воскликнул эмир Себук-тегин и придержал коня. Он приказал

спешиться пяти-шести гулямам и сказал: копайте, мол, в таком-то месте. Они начали копать и немного углубились [в землю. Вдруг] показался железный кол, увесистый, какие употребляют для коновязей, кольцо у него отвалилось. Вытащили. Завидев его, эмир Себук-тегин опустился с коня наземь, поблагодарил бога, велик он и всемогущ, положил земной поклон, прослезился, попросил молитвенный коврик и сотворил два рак'ата молитвы. [Потом] приказал взять этот кол с собой, сел верхом и остановился. Вельможи спросили; «Что все это значит, что сейчас происходит?»— **[200]** «Замечательное приключение, — ответил он, — слушайте. До того как я попал в серай Альп-тетина, хозяин, коему я принадлежал, переправил меня и тринадцать моих товарищей через Джейхун и повел в Шапурган, а оттуда в Гузганан. Отец нынешнего эмира в ту пору был повелителем Гузганана. Нас привели к нему. Семерых, без меня, он купил, а меня и еще пятерых не выбрал. Хозяин оттуда потащился в Нишабур. В Мерварруде и в Серахсе он продал еще четырех гулямов, остались я и еще товарища два.

Меня называли Себук-тегин долговязый. Случайно три лошади моего хозяина получили подо мною ссадины. Когда доехали до этого Хакестера, я ссаднил под собой еще одну лошадь. Хозяин крепко меня побил и взвалил седло мне на спину. Я сильно горевал по судьбе своей и несчастью, что меня никто не покупал. А хозяин мой побожился, что доведет меня до Нишабура пешим, и так-таки довел. В ту ночь я уснул в величайшем горе. Во сне я увидел Хызра [121], привет ему. Он подошел ко мне и спросил: «Почему ты так горюешь?» — «От злосчастья моего», — ответил я. «Не горюй — сказал он, — я передаю тебе радостную весть, что будешь ты человек великий и знаменитый, так что когда-нибудь пройдешь по этой степи со многими вельможами и начальником над ними будешь ты. Будь бодр и когда поднимешься на эту ступень, делай добро божьим людям, дабы жизнь твоя стала долгой и [твое] могущество /***203***/ досталось твоим потомкам». — «Благодарствую», — ответил я. «Дай мне руку, — промолвил он, — и обещай». Я подал ему руку и обещался. Он крепко пожал мне руку, я проснулся и

казалось будто след от пожатия [продолжает] оставаться на моей руке. В полночь я встал, совершил полное омовение, стал на молитву и сотворил рак'атов пятьдесят, много молился и плакал, а [потом] почувствовал прилив силы. Затем я взял этот кол, поехал в степь и поставил знак. Когда рассвело, хозяин навьючил поклажу, стал искать кол, не нашел [и] опять сильно меня высек кнутом и торжественно поклялся: продам, дескать, за любую цену, за какую тебя захотят купить. Два перехода до Нишабура я шел пешком. Альп-тегин находился в Нишабуре в должности саманидского сипахсалара с многочисленной свитой. Меня и двух моих товарищей [хозяин] продал ему. После этого тоже [следует] долгая история, покуда я не достиг теперешней степени, кою вы видите. А Аллах знает лучше!»

РАССКАЗ ОБ ЭМИРЕ СЕБУК-ТЕГИНЕ, ЛАНИ И ДЕТЕНЫШЕ ЕЕ, ЕГО МИЛОСЕРДИИ К НИМ И О СНЕ ЕГО

От Абдалмелика Мустовфи я слышал в Бусте тоже в четыреста пятидесятом году [122] — сей благородный человек — дебир, всеми уважаемый, бывалый и дока

в своем деле, — он рассказал: «В то время, **[201]** когда Себук-тегин, да будет им доволен Аллах, взял Буст, и род Бай-тузов пал, в области Талькан был некий за'им по имени Ахмед, сын Бу Амра, человек старый, благоразумный и богатый. Из всех людей той области он понравился эмиру Себук-тегину более других и эмир отнесся к нему милостиво и приблизил к себе. Доверие эмира к нему доходило до того, что он каждый вечер его призывал и тот допоздна оставался у эмира. У эмира с ним бывали секретные собеседования и он рассказывал ему горе свое, радости и тайны. Сей старец был друг моего отца, Ахмеда Бу Насра Мустовфи. Однажды он говорил моему отцу, а я [при этом] присутствовал: дескать, эмир Себук-тегин как-то раз вечером беседовал со мной и рассказывал обстоятельства и тайны своих приключений, потом он поведал [следующее].

«Еще до того, как я попал в Газну, я однажды, сев верхом, близко к часу предзакатной молитвы, выехал в степь около Балха. Лошадь у меня была /***204***/ очень резвая и бегучая, так что всякое животное, что

появлялось впереди меня, не уходило. Увидел я лань, самку с детенышем, подстегнул лошадь, постарался как следует и отбил детеныша от матки, он затосковал. Я поймал его, перекинул через седло и поехал обратно. День клонился к часу вечерней молитвы. Проехав немного, я услыхал какой-то звук [и] оглянулся, — то была матка детеныша, которая бежала вслед за мной, блеяла и скулила. Я повернул [лошадь] с мыслью, не поймаю ли и ее тоже, и помчался. Словно ветер она ускакала от меня. Я опять поехал назад. Раза два-три все повторялось сызнова. Бедняжка бежала [сзади] и ныла. Мне стало жалко ее и я подумал, на что мне этот козленок? Надо сжалиться над этой любящей матерью. Отпустил я детеныша, и он побежал к матке. Они заблеяли и вместе исчезли в степи. Домой я добрался уже темной ночью, конь мой остался без ячменя, и я очень [этим] огорчился. Когда я, горюя, уснул в палатке, то увидел во сне старца очень мудрого, который подошел ко мне и говорит: «О Себук-тегин, знай, что за доброту, которую ты проявил к лани, отдав ей обратно детеныша, и [за то, что] лошадь

свою тебе [пришлось] оставить без ячменя, мы дарим тебе и потомкам твоим город, называемый Газна, и Завулистан. Я посланник творца, *да славится величие его и да святятся имена его, нет божества кроме него*. Я проснулся и окреп сердцем. Все время я думал об этом сне, и вот я достиг сей степени. Я верю, что царство останется моему семейству и потомкам до того срока, который предопределил господь бог, велик он и всемогущ!». **[202]**

РАССКАЗ О ПРОРОКЕ МОИСЕЕ, ПРИВЕТ ЕМУ, И ЯГНЕНКЕ И О МИЛОСЕРДИИ МОИСЕЯ К НЕМУ [123]

Когда тальканский старец кончил рассказывать, отец мой сказал: «Очень замечательный и хороший сон. Эта доброта и милосердие весьма прекрасны, особливо к немым существам, от коих не бывает обиды, /***205***/ вроде кошек и подобных им. Я читал в преданиях о Моисее, мир ему, что в ту пору, когда он пастушествовал, он однажды вечером гнал овец в загон. Наступил уже час молитвы и [опустилась] темная ночь. Когда Моисей был уже близок от загона, один ягненок сбежал. Моисей, мир ему,

обеспокоился и побежал за ним с тем, чтобы поймав его, хорошенько побить. Словив его, ему стало жалко, он подхватил его под мышку, положил ему на голову руку и сказал: «Эх ты, бедняга! Позади опасности нет, а впереди нет надежды. Ты зачем убежал и матку бросил?» И хотя еще в предвечности было указано ему быть пророком, от явленного [им] милосердия пророческое назначение еще тверже укрепилось за ним».

Я рассказал эти два сна и рассказ, чтобы было понято и стало ясно, что сия держава останется за этим царским родом на долгие века. Теперь возвращаюсь к повести, которую начал, чтобы досказать ее до конца.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОВЕСТИ О СЕМЕЙСТВЕ ТАББАНИ

Эмир Себук-тегин некоторое время провел в Нишабуре, покуда дело эмира Махмуда не кончилось успешно, затем снова повернул обратно в Герат. Бу Али Симджур хотел из Гургана отправиться в Фарс и Керман и захватить те области, ибо воздух в Гургане был плох, и он боялся, как бы с ним не

приключилось того же, что случилось с Ташем, который там скончался. Но оторвать сердце от Хорасана и Нишабура он не смог — нет лекарства от [болезни], самим себе причиняемой. Пословица гласит: *обе руки твои оперлись и рот твой надулся*, — когда он услышал, что эмир Себук-тегин ушел в Герат, а у эмира Махмуда людей совсем мало, он загорелся жаждой отбить Нишабур обратно. Первого числа месяца раби ал-эввель лета триста восемьдесят пятого [124] он выступил из Гургана. С ним были его братья, личный слуга Фаик [125] и сильное, устроенное войско. Когда известие о нем дошло до эмира Махмуда, эмир вышел из города и расположился в [саду] Баг-и Амр-и Лейс в одном фарсанге от города. К нему присоединился хаджиб Бу Наср, сын Махмуда, дед со стороны матери ходжи Бу Насра Новки, который состоит рейсом Газны. Весь город отправился к Бу Али Симджуру и при его появлении [все] возликовали, взялись за /***206***/ оружие и пошли воевать. Это был **[203]** неравный бой. Эмир Махмуд напряг все силы, [но] когда не стало мочи

отбиваться, [в ограде] сада сделали пролом и ушли в сторону Герата.

Его отец [126] разослал конных [гонцов] и начал сзывать войско. Собралось много народа: индийцев, халаджей и прочих. Бу Али остановился в Нишабуре и приказал читать хутбу на его имя. *Только тот, кому придавали вид победителя, был больше похож на побежденного*. Эмиры Себук-тегин и Махмуд выступили из Герата. Систанского правителя они отпустили в Пушенге, а сына его со значительным войском увели с собой. Бу Али, получив сообщение о них, отправился из Нишабура в Туе, чтобы дать там бой. Враги [его] шли по пятам. Эмир Себук-тегин послал к Бу Али гонца с уведомлением: дескать, род ваш — древний, и я не стремлюсь губить его своей рукой. Прими мой совет и склонись к миру, дабы нам уйти в Мерв, а тебе быть наместником сына моего Махмуда в Нишабуре, я же выступлю посредником и буду ходатайствовать, чтобы эмир Хорасана [127] остался вами доволен, дела бы поправились и исчезла [взаимная] боязнь. Я, мол, знаю, что тебе это не подойдет, однако ты обратись к разуму, сочти

хорошенько свои силы, дабы понять, что я говорю верно и даю отеческий совет. Будь уверен, я совсем не слаб и веду эти речи не от бессилия. С таким большим войском, как у меня, любое дело можно сделать с помощью бога, да будет он преславен и превелик. Я ищу [лишь] блага и не тороплюсь ступить на путь применения силы.

Нельзя сказать, чтобы это пришлось не по душе Бу Али, поскольку он [уже] видел признаки [грядущего] поражения. Это сообщение он передал своим предводителям. «Что за разговоры! — сказали все, — нужно драться!» Бу-л-Хасан, сын Кесира, отец ходжи Абу-л-Касима сильно просил за этот мир и давал много советов, но тщетно. Свершилась судьба, не дай бог какая! Когда пришло поражение, все мероприятия оказались ошибкой. Поэт говорит, стихи:

*Когда захотел Аллах, чтобы ушло благоденствие
Из страны народа, то [народ] совершил ошибку в расчетах [своих]*.

На рассвете в воскресенье, за десять дней до конца месяца джу-мада-л-ухра лета триста восемьдесят

пятого [128] /***207***/ они сразились и крепко напрягли силы. Главные силы рати Себук-тегина знатно потрепали, и они уже были близки к бегству. Эмир Махмуд и сын Халафа с отборнейшими всадниками и отдохнувшими бойцами внезапно выскочили из засады и ударили на Фаика и Иль-Менгу, очень сильно ударили, так что те обратились в бегство. Увидев это, Бу Али [тоже] пришел в замешательство и побежал [в] Дерруд [129], чтобы оттуда убраться восвояси. Многих из его вельмож и предводителей взяли в плен **[204]** как-то: хаджиба Бу Али, Бек-тегина Мургаби, йинал-тегина, Мухаммеда, сына хаджиба Тугана, Мухаммеда Шар-тегина, Ляшкерситана Дейлема [130], Ахмеда Арслана, казначея Бу Али [Симджура], сына Нуш-тегина и Арслана Самарканди. С ними вместе отобрали обратно своих пленников и слонов, коих они захватили в том [неравном] бою. Бу-л-Фатх Бусти [131] про это сражение говорит:

*Разве не видывал Абу Али ты?
Я полагал его умным и ловким —
Он восстал на царя; напал на него
Народ, повергающий Абу Кувейс [132].

Туе, твердыню его, совратили. Стал Для него Тус зловещей павлина [133]*.

Не успели сосчитать раз-два, как с могуществом дома Симджури было покончено так, что ноги его [членов] на земле не находили покоя. Бу Али попал в Хорезм и там его задержали. Его гулям Иль-Менгу, дабы его освободили, подавил восстание против хорезмцев. Потом Бу Али перенес насмешки эмира Хорасана и, претерпев немало унижений, прибыл в Бухару. В течение нескольких дней, покуда он являлся к эмиру Рази, его войско и нескольких предводителей уничтожили. В час вечерней молитвы Бу Али с пятнадцатью человеками отвели в кухандиз и там заперли в месяце джумада-л-ухра триста восемьдесят третьего года [134].

Эмир Себук-тегин пребывал в Балхе и беспрестанно слал послов и письма в Бухару, дескать, Хорасан не успокоится, доколе Бу Али в Бухаре. Следует его прислать к нам, дабы мы посадили его в Газний-скую крепость. А наперсники Рази отвечали: «Посылать, мол, неудобно». В этой проволочке проходило [время]. Себук-тегин все уговаривал и пугал их. [Но]

дело Саманидов уже подходило к концу. Хотели они [того] или не хотели, /***208***/ а Бу Али и Иль-Менгу отправили в Балх в месяце ша'бане сего же года [135]. Один из балхских законников рассказывал: я, дескать, видел обоих в тот день, когда их ввозили в Балх. Бу Али сидел верхом на муле в ножных оковах, скрытых [одеждой], на нем была уттабовская [136] джубба зеленого цвета и шелковая чалма. Доехав до Кдджаджьяна, он спросил, как это [место] называется, ему ответили: «Так-то». — «Звездочеты нам предсказывали, что мы попадем в эту местность, — промолвил он, — не думали мы, что сбудется». Эмир Рази раскаялся, что отправил Бу Али и говорил: «Соседние государи нас грызут [за это]». Он написал письмо и потребовал вернуть Бу Али обратно. Представитель двора письменно уведомил [Себук-тегина], что едет посол за такой услугой, но Себук-тегин еще до прибытия посла и письма переправил Бу Али и Иль-Менгу с одним из своих хаджибов в Газну, чтобы их заперли в крепости Гардиз. **[205]**

По прибытии посла [эмир] в ответ послал с ним письмо, что Хорасан-де волнуется, и я, мол, занимаюсь прибранием его к рукам. Когда с этим покончу, то поеду в Газну и [тогда] Бу Али будет возвращен. Сын Бу Али, Бу-л-Хасан, попал в Рей к Фахр ад-довле. Его содержали очень хорошо и ежемесячно выдавали ему пять тысяч диремов жалованья. Из страсти к одной женщине или гуляму он вернулся обратно в Нишабур и [там] скрывался. Эмир Махмуд приказал постараться его разыскать. Его поймали, отправили в Газну и заперли в крепости Гардиз. *Упаси, боже, от превратностей судьбы!* Семейство Симджури пало, сипахсаларство укрепилось за эмиром Махмудом и он приобрел могущество [137]. Душой он был очень привязан к Газне. Где бы он ни находил мужчину или женщину, искусных в каком-нибудь мастерстве, он отсылал их туда. Одним из них был Бу Салих Таббани, да смилуется над ним Аллах, имя коего и обстоятельства жизни я уже упоминал. Рассказ сей пришел к концу, он не лишен примечательного и занимательного.

Имам Бу Садик Таббани, да смилуется над ним Аллах, живущий ныне в Газне,— дядя его с материнской стороны был Бу Салих, о жизни коего я уже упомянул, — занимался в Нишабуре науками. Когда эмир Махмуд, да будет им доволен Аллах, заключил с правителем Гургана Минучихром договор и обязательство и определил ему в жены благородную дочь, чтобы отвезти туда, он сказал ходже Али Микалу, когда тот собирался ехать в четыреста втором году [138]: /***209***/ «Истинное вероучение имама Абу Ханифы, да смилуется над ним Аллах, [только] у членов семьи Таббани и у их учеников, так что их нельзя упрекнуть ни в чем. Бу Салих помер, когда приедешь в Нишабур, спроси, сколько их осталось, кто из них достоин быть в Газне и в нашем собрании. Всех [их] обласкай и подай надежду на нашу милость и доброту [к ним]». — «Слушаюсь», — ответил [Али Микал].

Я, Бу-л-Фазл, коему в то время было шестнадцать лет, видел, как ради той благородной девицы, которую привезли в Нишабур, прибыл ходжа, и как в Нишабуре исполнили очень пышно обряд [встречи],

с арками и украшениями [на улицах], так что потом я подобного в Нишабуре уже больше не видел. Али Микал обласкал членов семейства Таббани, подал добрую надежду Бу Садику, Бу Тахиру и другим от имени султанского собрания и направился в Гурган, повезя туда благородную дочь. При них состоял Эмирек Бейхаки, занимаясь тем, что уведомлял обо всем, что происходило — в ту пору он был дебиром посольского дивана и учился у Абдаллаха, дебира — я видел его совсем юным в очень красивом убранстве. Ходжа Али из Гургана поехал обратно. Гурганцы отпраздновали очень пышно. Он прибыл в Нишабур и из Нишабура отбыл в Газну. **[206]**

В тот год, четыреста четырнадцатый [139], когда эмир Махмуд дал Хасанеку разрешение отправиться в хаджж, он также приказал ему по прибытии в Нишабур, обойтись ласково с Бу Садиком Таббани и прочими. [Хасанек], приехав туда, обласкал имама Бу Садика и других, подал им весьма добрые надежды и уехал. Он совершил паломничество и возвращался в Балх. Эмир Махмуд находился там и готовился, когда наступит новруз, встретиться с

Кадыр-ханом. Хасанек вез с собой имама Бу Садика и еще несколько человек из нишабурских улемов. Бу Садик был прославленный знаток в науках. Он приобрел большие знания помимо законоведения. Эмир спросил Хасанека о положении членов семьи Таббани. «Бу Тахир, — ответил тот, — исправляет должность судьи в Тусе и Нисе и привезти его без высочайшего повеления было невозможно. Я привез Бу Садика». — «Ладно», — сказал эмир. [Однако] у них было много важных дел и они отослали Бу Садика обратно. К тому же и Хасанеку не хотелось вводить его в государево собрание, ибо он задумал и переговорил об этом с Бу Садиком в Нишабуре, построить в околотке Занбильбафан [140] великолепную медресе, чтобы посадить там Бу Садика для преподавания. Надобно, однако, знать, что сколько ученость ни утаивать, она в конце концов все же проявит себя подобно душистому запаху мускуса. Бу Садику случилось быть в обществе /***210***/ балхского казия Абу-л-Аббаса, казия Али Тайкани и других улемов. Обсуждались спорные вопросы, очень трудные. Бу Садик принял участие [в

обсуждении] и всех превзошел, так что эти старцы признались, что такого ученого, как он, они еще не видели.

Известие об этом Бу Бекр Хусейри и Бу-л-Хасан Кархи [141] довели до эмира Махмуда, и тому это весьма понравилось. Он вызвал Бу Садика к себе и свиделся с ним. [Затем] состоялось ученое собрание, [эмир] одобрил Бу Садика и сказал: «Надобно готовиться ехать в Ма-вераннахр, а оттуда в Газну». [Бу Садик] удалился из того собрания. Эмир Махмуд собирался перейти реку [Джейхун]. Он одарил Хасанека и приказал ему вернуться в Нишабур. А Хасанек сказал Бу Садику: «Наш государь намеревается совершить великое дело и отправляется в чужие края, врагов у него много, кто знает, что может случиться, а ты человек ученый, в походах не бывал, не следует тебе терпеть невзгоды, возвращайся со мной в Нишабур с почетом и уважением. Когда султан покончит с этим важным делом, я поеду в Газну и тебя возьму с собой, чтобы ты там поселился». Бу Садик отправился с ним в Нишабур.

Эмир повидался с Кадыр-ханом, приехал летом в Газну и задумал совершить поход на Сумнат. Хасанеку он изволил написать, что тебе, дескать, необходимо остаться в Нишабуре, ибо мы намереваемся пойти в дальный поход. Когда мы здравы и невредимы вернемся **[207]** обратно в Газну, тебе нужно будет явиться на служение. Эмир отправился, вел священную войну в Сумнате и в полном здравии, счастливо повернул обратно. С дороги он послал письмо Хасанеку: нужно, мол, тебе поспешить явиться на служение и привезти с собой Бу Садика Таббани, он сгодится для нашего собрания. Хасанек выехал из Нишабура и с ним славное созвездие судей, законников, знатных мужей и вельмож, чтобы поздравить эмира. Они были милостиво приняты и получили подарки соразмерно достоинству и чину и поехали обратно в Нишабур. Имама Бу Садика эмир велел оставить, обошелся с ним ласково, назначил месячное жалованье, а через короткое время дал ему должность главного казия в Хутталане, где находятся двадцать с лишним медресе с вакфами при них. Во все времена там был

[свой] князь, властный и могущественный. [Бу Садик] остался здесь, в сей славной столице, да пребудет она навеки /***211***/ и да здравствует он сам, ибо от него много пользы. Он поселился в рабате Манк Али Меймуна. Государи ему оказывали доверие, и он исполнял важные посольства. Когда я дойду до череда [каждого] государя, то расскажу о том, какие мне давали распоряжения, *ежели будет угодно Аллаху и он отсрочит смертный час [мой]!*.

Казий Бу Тахир Таббани пребывал в Нишабуре в то время, когда эмир Мас'уд подвигался туда из Рея. С казием Бу-л-Хасаном, сыном казия имама Абу-л-Ала, он выехал вперед на несколько переходов, чтобы встретить [эмира], попросил [себе] должность главного казия Рея с его округой и получил согласие. Когда они прибыли в Нишабур и туда же приехал казий Бу Тахир, эмир ему сказал: «Мы хотели тебя послать в Рей, чтобы ты был там главным казием, да отдали уже эту должность Бу-л-Хасану. Тебе следует идти с нами, как только дела придут в спокойное состояние, должность главного казия Туса и Нисы будет твоей, там твои заместители, к ней мы

прибавим еще должность нишабурского судьи. [Но сначала] мы пошлем тебя с большим и важным поручением в Туркестан ради [возобновления] договора и обязательства. Когда ты с этим покончишь и вернешься ко двору, то с лаской и наградой поедешь в Нишабур и там поселишься в должности судьи, а заместители твои будут в Тусе и Нисе, ибо мнение наше о тебе самое лучшее». Бу Тахир поклонился. Вместе с эмиром он приехал в Герат. Дела пришли в порядок, и эмир отправился в Балх.

Повесть об обстоятельствах жизни [членов семейства Таббани], которую я начал выше, окончена. Бу Тахир, да смилуется над ним Аллах, был назначен послом вместе с Бу-л-Касимом Хусейри, да приветствует его Аллах, чтобы отправились они к Кадыр-хану, в Туркестан. Поскольку повесть о семействе Таббани рассказана, я теперь впишу в «Историю» послание и два словесных заявления, дабы они стали известны, *ежели будет угодно Аллаху всевышнему*. **[208]**

СПИСОК С ПОСЛАНИЯ И ДВУХ СЛОВЕСНЫХ ЗАЯВЛЕНИИ ОБОИХ УПОМЯНУТЫХ ПОСЛОВ, ОТПРАВЛЕННЫХ В ТУРКЕСТАН

Во имя Аллаха милостивого, милосердого! Когда мы здравы и невредимы и с победой прибыли в Балх — да будет долгой жизнь преславного хана! — и все необходимые условия царства были приведены в порядок, мы изволили послать письмо со спешным стремянным, чтобы [хану] стало известно, чего господь бог, да славится поминание его, нам облегчил достигнуть с того времени, как мы направились в Исфаган и до сего времени. Когда /***212***/ прибыли сюда, в смысле [дарования] знатных побед, кои [не может] постигнуть ничье воображение и [ничья] мысль, дабы в силу единодушия, кое утвердилось между [нашими] домами, [и вы тоже] прияли долю радости и признания.

Мы упомянули [в письме], что вслед будут отправлены послы ради договора и обязательства, дабы основы дружбы, для укрепления коих было положено столь много трудов, окрепли еще более. В настоящее время брат мой и верный друг Абу-л-Касим Ибрахим, сын Абдаллаха Хусейри, да упрочит

Аллах его славу, доверенный муж нашего собрания, состоящий в степени особого наперсника нашего, коего всегда любил и жаловал покойный эмир, отец наш, да просветит Аллах его доказательство, и с кем он вел беседы о выгодах царства, [кто] ныне для нас наиболее пригоден для дела [из тех, кто у нас] в памяти и чье умение дать совет и способности явны, отправляется послом, дабы передать хану наше приветствие и пожелание всего наилучшего и преуспеяния и приступить к тому, что ему предписано, чтобы оно было доведено до конца и он, исполнив его, вернулся обратно с точной и верной основой.

[Послу] придан казий Абу Тахир Абдаллах, сын Ахмеда Таббани, да продлит Аллах свою помощь ему, дабы когда выпадет радость заключения договора и обязательства согласно образцу, имеющемуся у посла [142], казий привел их статьи полностью в соответствие с требованиями шариата. Сей казий из числа знатных улемов [нашего] присутствия, он уже исполнял важные дела и

поручения и в каждом из них оправдались его благие советы и благочестие.

У посла Абу-л-Касима имеется устное заявление, в коем на словах речь идет более пространно, так что ежели ему будет дозволено, то он это заявление доложит. У него же имеется еще одно устное заявление [тоже] о важных делах, кое он докладывать не будет, ежели о них не зайдет речи. Поздней, буде [речь все же] зайдет, он непременно заявление представит, дабы цели были достигнуты. Доверие [наше] к нему столь высоко, что ежели начатые переговоры затянутся, то все, что он скажет, равносильно тому, как будто мы это сказали сами, ибо все, что [ему] надлежит сказать, обсуждено с нами в нескольких **[209]** заседаниях, и он выслушал твердые решения, дабы не испытывать нужды запрашивать наше мнение, как решить тот или иной вопрос, и вернуться обратно, завершив дела.

У него с собой и поминки [143], как повелось в обычае. С обеих сторон обоюдное подношение даров и взаимная приветливость существовали постоянно,

так что коли взглянуть на них благожелательным взором, то недостатки их останутся не замечены.

Было бы достойно величия той великодушной стороны не задерживать послов там долго, а возвратить их обратно в скорости, удовлетворив /***213***/ домогательство, ибо население двух больших земных поясов [144] ожидает, чтобы между нами обоими установилась дружба. Когда по достижении желаемого послы [наши] будут отпущены обратно, надобно, чтобы с ними поехали послы той богоспасаемой стороны, знакомые с существом дела [145], дабы по прибытии их в наше присутствие, мы тоже исполнили то, что является условием дружбы и единодушия, кои испрашивались *с соизволением Аллаха, велик он и всемогущ*.

ПЕРВОЕ СЛОВЕСНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

О брат мой и верный друг мой Абу-л-Касим Ибрахим, сын Абдаллаха Хусейри, да продлит Аллах твою жизнь! Надобно тебе, когда ты явишься в собрание хана, передать ему наше приветствие путем величания и изъявления почтения. [А что до]

поминков, кои посланы с тобой в знак приязни и внимания, то ты как можно лучше объясни их незначительность и скажи, что эти ничтожные вещи посылаются лишь ради соблюдения обычая, и засим следуют извинения и что, дескать, подносить друг другу и приветствовать друг друга подобает обеим сторонам.

Затем скажи, что хану, дескать, ведомо, что ныне люди двух больших земных поясов, кои покорны нам, двум властелинам, и чужеземцы ближние и дальние, кругом, ожидают, каким способом между нами установится дружба, дабы поскольку, слава Аллаху, между [нашими] домами уже есть единство, она стала еще крепче. Друзья и преданные люди этому обрадуются, потому что проживут жизнь в безопасности и покое, а недруги и злонамеренные люди придут в отчаяние и падут духом, ибо им станет ясно, что [отныне] на их рынке будет застой. Стало быть, лучше и похвальней, чтобы между нами, двумя друзьями, существовало точное обязательство и к нему были бы присоединены договоры [146] с обеих сторон, ибо когда мы будет состоять в свойстве и

тесном общении, то разговоры уже успеха иметь не будут, и на рынке подстрекателей и злонамеренных людей окажется застой. У врагов обеих сторон, когда они проведают о единодушии и единогласии, зубы затупятся и они поймут, что удобного повода им не найти **[210]** и цели своей они ни в коем случае не достигнут, по той причине, что раз [наша] дружба подтверждена, то они будут знать, [что она ради] взаимной поддержки и содействия в приобретении новых владений, совершении дальних славных походов, увеселения души покойных государей, да будет доволен ими всеми Аллах, ибо коль скоро мы возобновим их обычай совершать походы, то они возрадуются и /***214***/ это призовет благословение на нас и на наших потомков.

Когда эта часть будет изложена, и хан выразит удовольствие заключить обязательство, [тогда] попроси назначить день по благоусмотрению [его] для заключения обязательства и затем попроси, чтобы в ханское собрание явились все вельможи и облеченные доверием мужи, окружающие великого хана, дядья, братья и сыновья [его], да продлит

Аллах для них помощь свою, вместе со знатными казнями и улемами. И ты пойди туда же и возьми с собой казия Бу Тахира и представь образец письменного обязательства, который [тебе] дан, дабы стали ясны его статьи, и скажи, что когда, дескать, такое обязательство будет дано и послы той богоспасаемой стороны, коих отправят вместе с вами, прибудут к нашему двору и нас повидают, то и мы тоже дадим обязательство по тому образцу, который мы испросили, и он находится при вас, так что в него не попадет ничего лишнего и [не окажется] никакого недостатка.

Само собой разумеется, в условиях обязательства ничего не надобно изменять или заменять, ибо цель всех — благо. Ни в какие времена не считали предосудительным в таких больших и важных делах настаивать на том, что чем точнее обязательство, тем лучше и больше пользы, и ежели какой-нибудь облеченный доверием той стороны скажет на счет чего-либо лучше, чем [в условиях образца], то ты выслушай и отвечай по справедливости, а прения, коли они понадобятся, веди без пристрастия, ибо

решение [после] рассмотрения принадлежит там тебе, и с тем, как ты поступишь, мы согласимся и одобренное тобой исполним. Однако надобно так, чтобы все, на что ты ответишь согласием, не причиняло ущерба [нашему] государству, и ежели попадется вопрос очень трудный, который приведет тебя в замешательство, и мы на счет его указаний не давали, запроси наше мнение посылай письма со спешными гонцами, чтобы тот вопрос разрешить, ибо дело это большое, соприкасающееся [с другими вопросами] и, возможно, в одно-два заседания или даже больше оно не сладится, понадобится обмен мнений. Ежели ты долго не возвратишься ко двору, то это ничего. Надобно только, чтобы когда приедешь, то приехал бы с законченным делом, дабы к нему не нужно было возвращаться.

Когда дело с обязательством разрешится, пусть казий [Бу Тахир], да продлит Аллах его здоровье, попросит хана, чтобы он те условия и клятвы, кои написаны в обязательстве, полностью громко прочитал **[211]** при свидетелях. Нужно соблюсти большую осторожность, чтобы обязательство было составлено

в соответствии с требованиями шариата. Потом пусть вельможи напишут на нем свое свидетельство и поставят свою подпись, как повелось в обычае. Затем скажи хану, что поскольку, дескать, дело завершилось благоприятно и благие плоды его достанутся потомкам, то по нашему, мол, мнению [необходимо], чтобы со стороны хана было /***215***/ два договора о [вступлении] в свойство: один со мной и один с нашим сыном Абу-л-Фатхом Мавдудом, да продлит Аллах для него помощь свою, который является старшим из сыновей и после нас унаследует престол царства. Та нареченная, кою предназначат нам, должна быть из детей и благородных дочерей [147], [рожденных] от хана, а другая нареченная — из детей эмира, сына [его] Богра*, хана, который является наследником престола, Однака надобно, чтобы обе благородные девицы были от хатун [148], [дочерей] почтенных родителей.

Коль скоро хану будет угодно с нами согласиться, как подобает его высокому душевному величию и добронравию, —- ведь ни в коем, случае недопустимо и недостойно человечности нам в этом

отказывать — то станет несомненно, что раз он не отказал нам, мы [тоже] целиком исполним то, что просит он, дабы наша дружба таким обратзом была подтверждена и судьба никак не могла бы повлиять на ее расторжение. Когда он ответит согласием — я знаю, что ответит, ведь нет ему равного в любом великодушном деле — ты на другой день заручись обещанием, что в тот же день оба брачных договора буду счастливо завершены. Казия Бу Тахира возьми с собой, чтобы составить оба брачных договора и исполнить, что необходимо по части предписаний и основных правил. Калым за двух нареченных ты укажи за ту, что предназначена мне — пятьдесят тысяч гератских динаров, а калым за другую, предназначенную для сына,— тридцать тысяч гератских динаров.

Удалившись из собрания, где заключились брачные договоры, ты прикажи казначеям, состоящим при тебе, чтобы они отнесли и передали подарки [149] и подношения, кои отправлены с тобой, для хана, наследника престола, для хатун и матерей обеих нареченных, [а также] предназначенные дядьям,

родственникам и свите, *да продлит Аллах для них помощь свою и да сохранит их всех*, — согласно тому как гласит имеющийся у тебя перечень. Да принеси извинения, какие надобно принести, что, дескать, то, что прислано ныне в спешном порядке, это только для осыпания, ради соблюдения обычая времени. Когда же будут посланы балдахины, чтобы благополучно привезти нареченных, то все, что условлено и в обычае [и] достойно обеих сторон, будет [отправлено] с балдахинами, а покуда взирали бы благосклонно на [привезенные] подарки. **[212]**

После того, как эти дела будут завершены и утверждены, попроси позволения возвратиться обратно, и послов, коих назначат, возьми с собой. Когда все здравы и невредимы прибудут ко двору, мы тоже последуем примеру хана и то, что /***216***/ необходимо на сей счет, дабы послы уехали, укрепив еще больше дружбу и взаимную поддержку, исполним, *ежели будет угодно Аллаху всевышнему*.

ВТОРОЕ СЛОВЕСНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

О брат мой и верный друг мой, Абу-л-Касим ал-Хусейри, да продлит Аллах твою жизнь! Я думаю, может быть, тебя спросят о случае с братом нашим, эмиром Абу Ахмедом Мухаммедом, да продлит Аллах его здоровье, и скажут, дескать, в ту пору, когда встречались в Самарканде и заключили договоры и обязательства, один договор о [вступлении] в свойство был заключен на имя нашего брата, как известно. Что делать теперь с тем [договором]? Ведь во всяком случае недопустимо и шариат [того] не требует, чтобы оставить его без внимания.

Ежели на сей счет более или менее ничего не скажут, пощадят мое сердце и предоставят начать разговор мне, то ты тоже сего предмета не касайся, покуда послы той высокой стороны не прибудут к нашему двору вместе с вами. Тогда, коль скоро они об этом заведут речь, им будет отвечено так, как [наше] разумение признает нужным. А ежели они спросят [там], то ответ, который тебе должно дать, мы велели написать в сем словесном заявлении, дабы ты знал, в

каком роде надобно вести речь, и не было бы нужды запрашивать наше мнение.

Скажи: пусть, дескать, не останется скрытым, сколь много нас любил и дорожил нами покойный эмир, да просветит Аллах его доказательство, и отдавал нам предпочтение перед другими братьями, когда мы были еще отроком. Потом, когда мы превзошли учение и прошло некоторое время, он в лето четыреста шестое сделал нас своим наследником престола. Сначала братьев его Насра и Юсуфа, а потом родственников, царевичей и свиту, его окружавших, привели к присяге и взяли с них обязательство, что когда его постигнет приговор смерти, то престол царства будет принадлежать нам. Все нужные для этого документы были составлены и приняты меры предосторожности.

Герaтскую область он отдал нам, а область Гузганан — нашему брату, после того, как с него приняли присягу, что он будет послушен и покорен нам, когда мы сядем на престол царства. Все, что обычно дают наследникам престола: гулямов, убранства, утварь,

кедхудая за везира, хаджибов и слуг, все это он пожаловал нам в большом **[213]** достатке. В лето четыреста восьмое он повелел нам отправиться в Герат, главную жемчужину Хорасана [150], и приказал свите, судьям и чиновникам, знати и раиятам явиться к нам на поклон и всем слушаться наших слов. Он желал, чтобы таким образом в дальние и ближние места дошло известие о том, что мы его наместник и наследник престола.

Некоторое время мы пребывали в Герате и все в /***217***/ Хорасане действовали по указам, кои издавали мы, покуда подстрекатели и завистники не ожесточили на нас сердце государя, да будет им доволен Аллах. Они возводили всевозможные возмутительные небылицы, коих господь, да славится поминание его, совсем не создавал, да у нас и в помыслах не бывали. Они всячески изощрялись испортить доброе мнение отца обо мне, а он все то, что они сочиняли, принимал на веру. Не побуждала ли его природа человеческая, которая не в состоянии видеть никого, кто достоин занять место [предшественника], обходиться с нами сурово? Он отозвал нас из Герата

и отправил в Мультан. Там мы находились несколько времени как бы в заключении, хотя это и не называлось заключением. Брата же нашего он возвысил, оказывал ему милости и награждал разного рода благами, дабы нам было тяжелее.

Со всем тем, однако, он не отнимал от нас звания наследника престола. Ради сего он не произвел никаких изменений и замен, он [даже] одернул завистников и врагов наших, кои весьма тонко и многозначительно намекая, заговаривали об этом. Мы же терпели и положились на господа бога, да славится поминание его, дабы он по милости своей расположил к нам сердце государя, да будет над ним милость Аллаха, ибо вины за нами не было. И государю открылось то, что натворили завистники: это были те же возмутительные небылицы, кои сочиняли в пору нашего деда, справедливого эмира, да будет им доволен Аллах. Он понял и с уст его сорвалось: «Мас'уду от нас досталось так же, как и нам от отца».

Он нас вернул из Мультана, безмерно осыпал милостями и снова послал в Герат. Хотя обстоятельства сложились именно так, [враги наши] все же не допустили, чтобы государь, да будет им доволен Аллах, полностью вернул нам свою благосклонность. То они говорили, что мы принимаем присягу от войска, то говорили, что мы намереваемся уйти в Керман и Ирак, и такого рода возмутительные небылицы и ложные доносы они сочиняли, дабы сердце отца с нами не примирялось. Беспрестанно [к нам] приходили письма с попреками, а поступки нашего брата нам ставились в пример. Все это мы терпели, ибо господь всевышний не даст погибнуть рабам [своим], кои правы, уповают на него и терпеливы.

От множества ложных доносов, кои представлялись, и возмутительных небылиц, кои сочинялись, дело дошло до того, что каждый **[214]** год, когда он нас вызывал в Газну, во дворце и в эмирском собрании он устанавливал для нас [с братом] одинаковый порядок прихода, сидения и ухода, а потом приказал, [чтобы] в то время, когда мы пребывали во дворце,

/***218/*** один день первенствовали мы, а другой день — наш брат. И ежедневно нам передавали [от государя] устные сообщения с большим или малым порицанием и укором, а брату — с лаской и похвалой. Больше того, когда он просил для себя, для нас, [для брата нашего] и для брата своего Юсуфа прибавления почетных прозвищ, то распорядился писать в письме к его величеству халифу сперва имя нашего брата. Но мы никакой тревоги не проявили и сказали: мол, иначе, как так, и не подобает, лишь бы не придирались.

Когда [государь] отправился в Рей и доехал до Гургана и туда прибыл Хаджиб Фазл, дядя хорезмшаха по отцу, и государь задумал оставить нас в Рее, а Хорасан и престол царства предоставить Мухаммеду, то он совещался об этом с хорезмшахом и войсковой старшиной, но у них не достало смелости дать решительный ответ, и они просили [разрешения] прислать его через устное уведомление [на что] и получили согласие. Много было разговоров и устных сообщений, покуда не порешили на том, чтобы между нами и братом

заключить договор: когда, дескать, отец скончается, нам друг на друга не посягать— ибо отцу никак [не удалось] получить разрешения лишить нас звания наследника престола — и еще, чтобы брат полностью отдал нашу долю. Брата нашего [отец] послал в Хорасан, а нас взял с собой прибрал к рукам ту область, препоручил [ее] нам и отправился обратно по причине недуга и приближения смертного часа.

В Рее он нас оставил без снаряжения и без войска настолько, что всякий жаждал на нас [напасть]. Была у него и другая цель; чтобы нас обесславили и мы вернулись обратно бессильные, с оторванным хвостом. Однако бог, велик он и всемогущ, милостиво поддержал нас по обыкновению своему [151], так что в одну зиму много наших желаний исполнилось, как-то: сражение у Серджехана [152], пленение тарымского салара, затем удар по сыну Каку и взятие Исфагана, каковые обстоятельства уже все ведомы хану, а ежели не все, то Абу-л-Касим Хусей-ри расскажет, ему все известно. Оттуда мы хотели пойти на Хамадан, Хульван, Керманшахан и

Багдад однако в Исфагане до нас дошло известие о кончине великого государя и могучего столпа, отца [нашего], да будет им доволен Аллах, так что все повернулось иначе. Мы стояли за то, чтобы соблюсти завещание отца и чтобы не воспоследовало правонарушение, однако [нас к тому] не допустили и волей-неволей; пришлось /***219***/ двинуться: в Хорасан и домой, как уже ранее обо всем этом было отписано через стремянного, и хану то ведомо.

Ныне царство закрепилось за нами, и брат попал [в наши] руки. Положение его при жизни отца было таково, как изложено в сем устное **[215]** заявлении. После кончины отца произошло так, как произошло. В голове брата зародилась пустая мечта царствовать, жажда издавать указы, отпускать зря из казнохранилища деньги, раздавать. Что же вышло бы, когда бы он был на свободе? Ведь два клинка никак нельзя вложить в одни ножны, не вместятся. Благополучие его, войска и раиятов в том, что он по нашему указу находится в заключении в одном месте и содержат его наилучшим образом. Освобождение его породило бы большое неустройство. Вот пройдет

некоторое время, дела окончательно придут в порядок и устоятся, тогда то, что определит бог, велик он и всемогущ, да к чему обяжет [нас] приговор времени и очевидность, то и будет насчет его приказано *с соизволения Аллаха, велик он и всемогущ*.

Когда хан с этим устным заявлением ознакомится, то в силу совершенного разума, данного ему от бога, велик он и всемогущ, и прочих принадлежностей величия и превосходства, мы знаем, он нас извинит в том, что сказано, и не сочтет уместным упоминать о договоре, заключенном на имя нашего брата, ибо [слова] *продолжается милость Аллаха к нему* так засели [153], что он ныне столь же хорошо блюдет исправность наших дел, как своих собственных. Мы молим бога, да славится поминание его, о помощи, дабы дружественные отношения, в кои мы вступили, были осуществлены до конца.

Ежели не будет нужды докладывать сие словесное заявление, содержащее в себе случай с нашим братом и [брачным] договором, то надобно его

оставить. А ежели зайдет об этом речь, то решительный ответ [заключен] в сем словесном заявлении — доложи, чтобы стало ясно. То, что тебе нужно будет сказать — ведь ты был свидетель всех событий и ничего от тебя не скрыто — ты скажи, дабы об этом решительно никаких разговоров не поднималось, *ежели будет угодно Аллаху, велик он и всемогущ*.

Вот каков список с послания и двух словесных заявлений. От внимательного рассмотрения их /***220***/ окажется много пользы, *ежели будет угодно Аллаху всевышнему*.

Эмир Мас'уд, да будет им доволен Аллах, негласно беседовал с ходжой Ахмедом, сыном Хасана, и Бу Насром, начальником посольского дивана. Позвали и двух послов, и потаенная беседа тянулась до часа предзакатной молитвы. То, что надобно было сказать, послам сказали и дали указания. Составили опись подносимых поминков как тех, что пойдут к хану в первый день, так и подношений, весьма многочисленных, [в день] заключения брачных

договоров. То были два кубка золотых с самоцветными камнями, с нитями жемчуга, ткани золототканные и прочие ткани разного рода: румские, багдадские, исфаганские и нишабурские, разнообразные полотна, индийские чалмы, мускус, алоэ, амбра, два ожерелья жемчужных, кои называют **[216]** «екдане» [154] для хана, для его сына Богра-тегина, хатунам и невестам, дядьям, хаджибам и свите. Все, что внесли в опись, доставили из казнохранилищ, дали осмотреть и препоручили послам.

Назначен был один казначей с подручными и носильщики для [переноски] казны, чтобы они отправились вместе с послами. Послы ушли. Позвали посольского пристава Бу Али и выдали ему оба знатных халата, чтобы он снес [их] к послам. Все дела уладили, и они выехали из Балха в четверг, когда прошло десять дней месяца раби ал-эввель лета четыреста двадцать второго [155]. Потом, в своем месте, я расскажу повесть об этих послах, как они прибыли в Кашгар к Кадыр-хану, что вышло касательно обязательств и договоров, и права по

договору [эмира] Мухаммеда, [расскажу] о долгом сроке времени, покуда послы там оставались, о спорах, кои происходили, о гонцах и послах кои приезжали с письмами и уезжали с ответами до той поры, когда дело разрешилось, *ежели будет угодно Аллаху всевышнему*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ АРЬЯРУКА, ХАДЖИБА, НАЧАЛЬНИКА ИНДИЙСКОГО ВОЙСКА, И О ТОМ, КАК ЭТО ПРОИСХОДИЛО, ДО ВРЕМЕНИ ЕГО УБИЕНИЯ В ГУРЕ, ДА БУДЕТ НАД НИМ МИЛОСТЬ АЛЛАХА!

Я рассказал ранее об обстоятельствах жизни Арьярука, салара Хиндустана, [повествуя] [156] о поре эмира Махмуда, /***221***/ да будет им доволен Аллах, о том, как он начал заноситься, покуда его не стали считать полумятежником, в царствование Мухаммеда он им [157] даже не поддался. [Рассказал я] и каким хитрым способом ныне выманил его из Хиндустана великий ходжа Ахмед, сын Хасана. Повидавшись с эмиром, [ходжа] сказал: «Ежели рассчитывать на Хиндустан, то не следует, чтобы Арьярук туда возвращался». [Рассказывал я и о] ежедневной явке Арьярука во дворец с несколькими мертебедарами и оруженосцами вместе с

сипахсаларом Гази и [о том, что] преимущество этих двух людей и [уделяемое им] внимание с трудом сносилось сторонниками отца, махмудовцами. Поскольку положение было такое, что у сих двух вельмож, Арьярука и Гази, нет никого, кто умел бы помочь и устроить дела, и нет у этих сипахсаларов двух достойных кедхудаев, знакомых с искусством дебира, прошедшего сквозь огонь и воду, — ибо ясно, что могло выйти из Са'ида Серрафа и подобных ему безвестных и бездарных слуг, — то вокруг таких мужей вертятся турки и они не задумываются о последствиях, покуда неминуючи не случится беда, потому что никакого опыта у них нет. Хотя сами они люди дельные и великодушные и есть у них роскошные убранства и [разные] принадлежности, но в дебирстве они толку не понимают и не отличают завтра от сегодня. Где уж тут предотвратить беду! **[217]**

Когда махмудовцы об этом проведали и нащупали слабое место, чтобы свалить сих двоих, они согласились друг с другом о способе, как устранить этих двух начальников. Несчастье и судьба тому

способствовали. Во-первых, эмир предложил Абдусу соблазнить их кедхудаев и тайно привести в эмирское собрание. Эмир их обласкал, обнадежил и сговорился с ними, что они будут считать каждое дыхание своих господ и обо всем, что происходит, сообщать Абдусу, дабы тот докладывал [эмиру]. Оба безвестных недоумка прельстились оказанной им милостью, которая им никогда и во сне не снилась. Не понимали они, что когда господа их падут, они [сами] окажутся подлецами ниже праха. Но откуда им было знать? Они ничему /***222***/ не учились и книг не читали. Эти два человека взялись за дело и ко всему, что говорилось, ко лжи и правде, прислушивались и передавали Абдусу. То, что доходило до слуха эмира, вызывало в его сердце все больше неудовольствия к Арьяруку, да и Гази несколько упал в его глазах. Махмудовцы стали разговаривать смелее, и насчет этого кое-что сообщили эмиру, а он охотно внимал и слушал. Они постановили между собой, что сначала надобно ловко свалить Арьярука, а когда он падет и Гази останется один, то может статься, и его можно будет

свалить. Махмудовцы получили кое-какие сведения об этих двух кедхудаях, кои хвастались за вином, что они-де слуги султана, и выяснили, что их переманили. Они начали с ними любезничать, кое-что дарить и всаживать [им в голову], что коли господ их не будет, султан им пожалует большие дела.

И во-вторых, пришла еще беда. Сипахсалар Гази был столь хитер, что сам черт, да проклянет его Аллах, не сумел бы его попутать [158]. Раньше он никогда не пил вина, но когда все желания его сбылись и мера его исполнилась, он пристрастился к вину и запил. Эмир, услышав [об этом], стал угощать обоих сипахсаларов вином, а вино большое несчастье, ежели пить чересчур. С пьющим непомерно что угодно можно сделать. Начал он в силу того, что был сипахсаларом, изъявлять любовь и ласку к войску, каждодневно оставлять у себя в доме отряд воинов, угощать их вином и награждать. Бывал у него и Арьярук, и Гази тоже ходил к нему в гости. И в обоих собраниях, когда вино являло свою силу, вельможи по-турецки хвалили этих двух сипахсаларов, а старшего хаджиба

Бильга-тегина называли двуполым, Али Дая — бабой, начальника дворцовых гулямов — колченогим слепоумком и прочим точно так же приписывали какой-нибудь порок или уродство.

Я слышал от Абдаллаха, который был кедхудаем Бектугды, уже после того, как эти два сипахсалара пали, он рассказывал: «Однажды у эмира приема не было и он пил вино. Гази удалился [из дворца] вместе с Арьяруком и увели они с собой много народа. Пили вино. Салар Бектугды послал меня тайком к Бильга-тегину и Али и [велел] **[218]** передать им на словах: «Дескать, эти два нахала выходят из границ [дозволенного]. Ежели Бильга-тегин одобрит, то пусть выедет [за город] под предлогом охоты и [возьмет] с собой человек двадцать гулямов, дабы он [Бектугды] с Бу Абдаллахом и несколькими гулямами приехал к ним /***223***/ обсудить, какие принять меры по этому делу». — «Прекрасно,— ответил тот, — мы отправимся в Мейхваран, покуда подоспеет салар». Они сели верхом и поехали. Бектугды тоже выехал верхом и прихватил с собой меня. С собой взяли ловчих

соколов и гепардов и разных хищных птиц и животных.

Отъехав фарсанга на два, эти три человека остановились на одном холме с тремя кедхудаями: мной, Бу Ахмедом Текли, кедхудаем старшего хаджйба, и Эмиреком, доверенным человеком Али. Гулямов с ловчими отпустили за добычей, а мы вшестером остались. Вельможи завели разговор и некоторое время выражали отчаяние по поводу эмира и засилья тех двух сипахсаларов. «Удивительная вещь, — сказал Бектугды,— в Махмудовых сераях не было никого более безвестного, чем эти двое, тысячу раз они мне кланялись в ноги. Однако оба смелы и мужественны. Гази был ловкач из ловкачей, а Арьярук — осёл из ослов, покуда эмир Махмуд их не вытянул, не возвел на высокую степень и они стали заметны. Гази оказал весьма добрую услугу нынешнему султану в Нишабуре, прежде чем получил столь высокую степень. Хотя сердце султана не расположено к Арьяруку и склонно к Гази, [но] когда они напьются вина и бахвалятся, то сердце султана можно

отвратить и от Гази. Однако до тех пор, пока Арьярук не падет, с Гази ничего не поделаешь, когда же ссучить их нити воедино, тогда они оба свалятся вместе, и мы от этой беды избавимся». Старший хаджиб и Али сказали: дескать, приготовить бы какое-нибудь питье или столкнуть бы лицом к лицу с кем-либо, чтобы тот Арьярука уничтожил. «Оба эти [способа] никуда не годятся, — промолвил са'лар Бектугды, — и успеха иметь не будут, себя мы обесславим, а они оба станут еще сильней. Действовать [нужно] так: мы на это дело внимания обращать не станем и будем выставлять себя друзьями, но назначим людей, чтобы они сеяли всяческую смуту и раздували то, что турки и эти два салара говорят [между собой] свободно, и показывали бы как далеко зашло дело». На этом порешили. Гулямы и ловчие вернулись обратно, день уже был поздний. Раскрыли охотничьи коробы, чтобы пообедать. Подчиненные, гулямы и челядь все поели. [Потом] поехали обратно и взялись за тех двоих так, как поладили [между собой]».

Прошло несколько дней после этого разговора и сердце /***224***/ султана ожесточилось на Арьярука. Он устроил негласное совещание, как его устранить, и жаловался на Арьярука везиру. «Дело доходит до того,— говорил; он, — что Гази из-за него погибнет, а царство таких вещей не **[219]** терпит. Не позволительно, чтобы салары чинили самоуправство, ибо даже у сыновей [наших] не достает на это смелости. Наступила священная обязанность его устранить, потому что, когда его устранят, Гази исправится. Что скажет на это ходжа?» Великий ходжа несколько времени размышлял, затем сказал: «Да будет долгой жизнь владыки мира! Клянусь, я никаких выгод государства не предам. Разговор о саларе и войске есть нечто весьма щекотливое, [разрешить его] полномочен [сам] государь. Не угодно было бы высочайшему мнению в этом одном деле обойтись без слуги [его] и повелеть то, что сам государь сочтет за благо. Ежели слуга [его] на сей счет что-нибудь выскажет, оно, быть может, не совпадет с мнением государя, и в сердце его поднимется неудовольствие». —«Ходжа наш

наместник, — ответил эмир,— и самый верный из всех слуг, само собой, что в подобных делах надобно вести речи с ним, дабы он сказал все, что знает, а мы бы послушали. Потом мы про себя прикинем и то, что наше мнение признает необходимым, прикажем».

«Теперь слуга [твой] может сказать свое слово, — промолвил ходжа, —да будет долгой жизнь государя! То, что было говорено об Арьяруке в день, когда он явился сюда, было советом, данным насчет Хиндустана, потому что от сего человека там исходило много преступлений и самоуправства. Ему случилось обрести там большую славу и он сам же ее уничтожил, ибо покойный эмир его вызвал к себе, а он все мешкал, тянул да раздумывал. И эмир Мухаммед его зазывал, а он опять же не поехал и ответил: дескать, наследник престола отца —эмир Мас'уд, ежели он даст согласие, чтобы [на престол] сел брат и из Ирака не пойдет в Газну, тогда-де он на поклон явится. Когда он услышал о славе государя, и слуга [твой] высказал ему все, что надлежало сказать, он со слугой [твоим] прибыл [сюда], и я до

сего времени не слышал о каком-либо его безрассудстве и непослушании о коих нужно было бы беспокоить сердце. А бесцеремонность, показ излишнего множества принадлежностей и непозволительные пиршества с Гази и турками — это совершенные пустяки, я исправлю [все это] на одном собрании, так что и об этом говорить не стоит. У государя владения умножились и стали нужны дельные люди, а такого, как Арьярук, не скоро добудешь. Все, что слуге [твоему] думалось, он доложил, а [дальше] — воля государя». — «Я понял, — сказал эмир,— все так, как ты говорил. Разговор этот держи в тайне, покуда я [его] обдумаю получше».— «Слушаюсь и повинуюсь»,— ответил ходжа и удалился.

/***225***/ Махмудовцы не переставали подстрекать до того, что внушили эмиру, будто Арьярук стал [что-то] подозревать и решил вместе с Гази учинить злодеяние, а ежели не будет им удачи, то они уйдут, и большая часть войска присягнула на верность им. Однажды у эмира был **[220]** прием, и весь народ [придворный] собрался. Закрывши прием, эмир

изволил сказать: «Не расходитесь, будем пить вино». Великий ходжа, ариз и начальник посольского дивана тоже сели. Начали расставлять столики с угощением. Один поставили на престол перед эмиром, один перед Гази и один перед Арьяруком, по одному перед аризом Бу Сахлем Завзани и Бу Насром Мишканом и перед недимами по одному на двоих. Бу-л-Касим Кесир сидел как положено недимам. Приказали подать лакашту [159] и ришту, подали весьма много. Затем, когда вельможи поели, они встали и перешли в терем дивана, расселись и умыли руки. Великий ходжа похвалил обоих саларов и любезно с ними поговорил. Они ответили: «Всем от государя приязнь и ласка, мы же жертвуем жизнью на службе, однако сердца наши держат в тревоге, и мы не знаем, что [нам] нужно делать». — «Это черная желчь и пустое воображение, — ответил ходжа, — вы сейчас же успокоитесь, погодите, покуда я освобожусь и вас позову».

Он пошел один [к эмиру], попросил негласной беседы, доложил об этом обстоятельстве и убедил оказать им снова приязнь, а там, дескать, воля

государя, что найдет нужным, то и прикажет. «Я понял», — ответил эмир. Созвали всех придворных, мутрибы пришли и приступили к делу, пир пошел горой, и разговоры были всякие. Когда день дошел до часа пополуденной молитвы, эмир сделал знак мутрибам, чтобы они замолчали. Затем он повернулся к везиру и сказал: «До сих пор я приказывал чтить заслуги сих двух сипахсаларов как должно. Что до Гази, то он сослужил службу в Нишабуре — мы были [тогда] в Исфагане — какую не сослужил ни один слуга, и явился из Газны. Услышав, что мы прибыли в Балх, Арьярук вместе с ходжой поспешил и явился на служение. Мы слышим, что несколько человек им завидуют /***226***/ и держат их сердце в тревоге, этого [им] не должно опасаться. Надобно с доверием отнестись к тому, что мы сказали, ибо мы ничьих слов о них слушать не будем». — «Больше говорить нечего, — сказал ходжа, — какая милость может быть больше той, что сошла с высочайших уст». Оба сипахсалара облобызали землю, поцеловали также престол, вернулись на свое место и сели весьма радостные.

Эмир велел принести два кафтана со своего плеча, оба раззолоченные, и два меча с перевязью, осыпанной самоцветными камнями, так что говорили цена обоих — пятьдесят тысяч динаров. [Эмир] еще раз подозвал обоих [сипахсаларов] и приказал набросить им на плечи кафтаны и застегнуть своими руками, а своей рукой эмир набросил им на шею перевязь [мечей]. Они поцеловали руку и престол, облобызали землю, [потом] удалились, сели верхом и уехали. Все мертебедары придворные отправились вместе с ними, покуда сипахсалары не доехали до своих жилищ.

Я, Бу-л-Фазл, в тот день был дежурный. Все это я видел сам и внес в роспись дней сего года [160]. После того как [оба салара] удалились. **[221]** эмир приказал справить на два собрания золотых кубков с кувшинами, полными вина, блюда со сластями и вазы с нарциссами для двух саларов и сказал Бу-л-Хасану Кархи: ступай, мол, к сипахсалару Гази, а это понесут вслед за тобой, да пусть придут с тобой три моих собственных мутриба и скажи: ты-де удалился из нашего собрания, ублаготворен неполно, выпей

[теперь] со [своими] недимами под песни и игру мутрибов. Три мутриба отправились с ним, а ферраши понесли эти щедрые дары. Недиму Музаффару [эмир] приказал с тремя мутрибами и [с такими же] дарами пойти к Арьяруку. Ходжа по этому случаю произнес несколько слов, как умел произнести [только] он. Около часа предзакатной молитвы он удалился, начали расходиться и прочие. Эмир оставался почти до вечера, затем встал и сразу пошел в серай. От только что случившегося махмудовцы приуныли, ни они не знали, ни кто другой, что таится в неизвестности. Судьба красноречивыми словами пела, однако никто не слышал, стихи:

*О счастливо уснувший в начале ночи!
На рассвете, ты знай, приходят несчастья.
Рад не будь началу хорошему ночи,
В конце ночи часто бывают пожары.*

Два названных недима отправились к обоим саларам с дарами и мутрибами. Салары отвесили установленные поклоны и, когда услышали словесное сообщение султана, они с удовольствием

стали пить вино и очень радовались. Когда они почти опьянели, недимам дали лошадей с золоченой сбруей, одежду, серебро, по одному турецкому гуляму /***227***/ и похорошему отпустили обратно. Точно так же и мутрибов одарили одеждой и серебром. Гази лег спать, а у Арьярука была привычка, раз уж он сел за вино, то пил [подряд] трое-четверо суток. Эту ночь он пил до света на радостях от милости, коей был удостоен.

На следующий день эмир открыл прием. Сипахсалар Гази приехал во дворец на другом скакуне, с превеликой пышностью. Когда он сел, эмир спросил: «Как это Арьярук не приехал?» — «У него в обычае пить вино по трое-четверо суток, — ответил Гази, — особенно на радостях от вчерашней милости». Эмир рассмеялся и сказал: «Надобно бы и нам тоже сегодня выпить вина, да Арьяруку поднести». Гази облобызал землю, чтобы удалиться. «Не уходи», — промолвил эмир. Начали пить вино. Эмир приказал позвать сипахдара Эмирека Хумарчи, а он здоров был пить вино, и у Арьярука с ним была близкая дружба. Эмир Махмуд в том месяце, когда

скончался, и его тоже посылал к Арьяруку в Индию [с тем], чтобы он явился ко двору и отбыл бы обратно, как я уже поведал ранее. Эмирек пришел. Эмир сказал ему: «С тобой понесут пятьдесят караб [161] вина, ступай к хаджибу Арьяруку и побудь у него, — вы с ним приятели, покуда он не опьянеет и не уснет. И скажи: мы, мол, **[222]** дали тебе позволение не являться на поклон, пей вино по [своему] обыкновению».

Эмирек пошел. Арьярука он застал едва соображавшим [162] и блуждавшим в плодовом саду. Он упивался вином, а мутрибы играли и пели. [Эмирек] передал словесное поручение. [Арьярук] облобызал землю и сильно расплакался. Эмиреку и феррашам он подарил денег. [Ферраши] удалились, Эмирек же остался там. А сипахсалар Гази пребывал с эмиром до позднего утра все в том же месте. Потом он удалился, уведя с собой несколько серхенгов и хаджиба. Сели пить вино, и в тот день он раздал всякого добра [163]: динаров, диремов, лошадей, гулямов и одежды. Арьярук же, по обыкновению своему, ложился, вставал, ел ришту, снова пил вино,

так что совсем не соображал, что делает. В тот день, в ту ночь и на другой день он нисколько не отдыхал.

На следующий день эмир не открывал приема и приготовился к тому, чтобы устранить Арьярука. Он взошел на хазру и сел напротив терема посольского дивана. Мы же находились в диване. Кто-то скрытно ходил и приносил вести об Арьяруке. Тем временем подошел час пополуденной молитвы. Явился Абдус и что-то сказал на ухо Бу Насру. Тот встал и сказал дебирам: «Разойдитесь, сад хотят освободить /***228***/ [от людей]». Все, кроме меня, встали и ушли. «Отправь коня домой и посиди в дехлизе дивана, — сказал мне тайком [Бу Наср], — покуда покончат с одним важным делом, кое предстоит, да будь внимателен, все, что будет происходить, записывай, потом принесешь ко мне».— «Исполню в точности», — ответил я. Он ушел. Везир, ариз и прочий народ тоже все удалились.

В дехлиз вошел хаджиб Бек-тегин, зять Али Дая, и направился к эмиру. Час времени он оставался у него и опять возвратился в дехлиз, вызвал начальника

стражи Мухтаджа и неслышно с ним переговорил. Тот вышел, привел пятьсот пехотинцев разного рода в полном вооружении и послал их в сад, чтобы они сели [там], спрятавшись. Пришли индийские накибы и привели человек триста индийцев, они тоже засели в саду. Один пердедар и один сипахдар отправились к Арьяруку и сказали: «Султан пирует за вином, люди пошли за сипахсаларом Гази, чтобы он явился, [эмир] зовет и тебя». А Арьярук был в таком опьянении, что не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. «Как я могу пойти в таком виде!—сказал он,—как я сумею поклониться?» Сипахдар Эмирек, с коим султан раньше сговорился, заметил: «Да будет долгой жизнь сипахсалара! Повеление государя надлежит исполнить и явиться во дворец. Когда государь увидит [сипахсалара] в таком состоянии, он его извинит и отпустит. А не пойти было бы весьма некрасиво, поднимутся толки». Его хаджиба Алтун-тегина Эмирек тоже подбил сказать, что пойти, мол, обязательно нужно. **[223]**

Арьярук потребовал одежду, высокие сапоги и шапку и оделся, с многочисленной челядью и

сотнями двумя пехотинцев. Эмирек сказал его хаджибу: «Это некрасиво, он же идет пить вино, человек десять гулямов-оруженосцев да пехотинцев сотня было бы довольно». Тот отпустил многолюдный отряд, а Арьяруку и невдомек, что делается на свете. Когда он прибыл во дворец, к нему вышли хаджиб Бек-тегин и начальник стражи. Они его встретили и пошли впереди него до терема и там усадили. Он посидел там чуть-чуть, встал и сказал: «Я пьян, не могу, уйду». «Было бы неприлично удалиться без повеления, — заметил Бек-тегин, — [погоди], покуда доложим». Он сел в дехлизе — а я, Бу-л-Фазл, смотрел на него и подозвал Хаджи-водоносца [164]. Тот подошел и протянул ему кувшин с водой. [Арьярук] запустил [в кувшин] руку, стал вытаскивать [кусочки] льда и есть. «О брат, это некрасиво,— сказал Бек-тегин,—ты — сипахсалар и ешь в дехлизе лед. Зайди в терем и делай, что хочешь». Тот перешел в терем.

Ежели бы он не был пьян, и его бы хотели схватить, то это было бы дело весьма мешкотное. Когда же он уселся в тереме, внезапно прибыли пятьдесят

дворцовых серхенгов /***229***/ из числа вояк-задирал. Вошел Бек-тегин и обнял Арьярука, а зашедшие справа и слева серхенги так схватили его, что он и пошевелиться не мог. Он крикнул Бек-тегину: «Брат негодный, ты что же это со мной сделал?» Вошли еще другие гулямы. С ног его стянули сапоги, в каждом из них оказалось по два кинжала [165]. Пришел Мухтадж, принесли кандалы весьма крепкие и наложили ему на ноги. Сняли кафтан, в груди кафтана нашли яд и талисманы, все у него отняли и вытащили. Человек пятьдесят пехотинцев окружили его, другие пехотинцы побежали и забрали его лошадей, снаряжение и гулямов. Его хаджиб с тремя гулямами удрали из-под носа, [прочие] гулямы Арьярука схватились за оружие и взобрались на крышу. Поднялось великое смятение. Эмир, занявшись с Бек-тегином устранением Арьярука, погнал людей к Бектугды, к старшему хаджибу Бильга-тегину и военачальникам, дескать, он занят таким-то делом, пусть выезжают. Все, приготовившись, выехали. Когда Арьярука связали, и гулямы и челядь его возмутились, эти

вооруженные люди направились в дом Арьярука. К ним примкнуло еще множество других конников всякого рода. Поднялся большой бой.

Эмир послал к людям Арьярука Абдуса с уведомлением: дескать, Арьярук был нахал, и вы с ним попали в беду. Было благоразумно сегодня его посадить, и хозяева ваши — мы. Бросьте ребячиться и прекратите бой. Ведь ясно, сколько вас числом, через час вас всех перебьют и вы никакой пользы Арьяруку не принесете. Ежели будете благоразумны, то мы, мол, вас помилуем и достойно наградим. И хаджибу его [Абдус] передал словесное уведомление и весьма добрые обещания. Когда Абдус ...исполнил, эти поручения, то на огонь пролилась вода — **[224]** хаджиб и гулямы Арьярука облобызали землю. Усобица тотчас же улеглась. Серай заняли и запечатали двери. К закату солнца стало так, будто он никогда не был жилищем человеческим.

Я пошел и все, что видел, рассказал моему наставнику. По сотворении молитвы на сон Арьярука из терема перевели в кухандиз. После этого, дней

через десять, его повезли в Газну и препоручили [там] серхе'нгу Бу Али, кутвалу. Бу Али по указу продержал его некоторое время в крепости, так что никто даже не узнал, что он в заключении, а затем его отправили в Гур к Бу-л-Хасану Халафу, дабы он содержал его в каком-нибудь месте. Повесть о нем пришла к концу, и я /***230***/ расскажу в своем месте, каков был конец дела и как его убили. Устранили его в Балхе в среду, девятнадцатого числа месяца раби ал-эввель лета четыреста двадцать второго [166].

На другой день после устранения эмир послал в дом Арьярука Пируза Везири, слугу, мушрифа Бу Са'ида, поныне здравствующего и пребывающего в рабате Канди, — тогда он еще не был мушрифом, ибо должность придворного мушрифа исправлял Казн Хусров,— Бу-л-Хасана Абдалджалиля и Бу Насра Мустовфи. Мустовфи и кедхудая Арьярука, кои были схвачены, привели туда же. Двери распечатали и изъяли большое богатство. Представили список, что и в Хиндустане [тоже] имеется огромное имущество [167]. Прошло три дня, покуда полностью переписали то, что принадлежало Арьяруку, и

доставили во дворец [эмира]. Из принадлежавших ему гулямов отборных отправили в висаки [эмирских гулямов], а то, что было среднего [по качеству, эмир] отдал сипахсалару Гази и хаджибам. Бу-л-Хасана Абдалджалиля; и мушрифа Абу Са'ида [эмир] назначил поехать в Хиндустан для доставки имущества [168] Арьярука. Оба поспешно отбыли. Еще до того, как его устранили, были отправлены спешные хейльташи с письмами, чтобы за домочадцами и людьми Арьярука осторожно вели наблюдение.

На следующий день после того, как посадили Арьярука, Гази явился во дворец очень убитый и испуганный. Когда прием кончился, эмир, оставшись наедине с везиром и Гази, сказал: «Иное дело сей человек, иное дело прочие слуги. Тот [169] человек непокорный, вельможей он стал в пору нашего отца. Там, [в Хиндустане], он проливал невинную кровь. У чиновников и начальников почт не хватало смелости полностью раскрыть его дела, потому что это было опасно для жизни: дороги преграждали, и никто не смел ехать без его пропуска. На требование нашего

отца он не приехал из Хиндустана, не приезжал и [поздней], а ежели до него добирались, то он поднимал большую смуту. Ходжа долго ворожил, покуда не сумел его привезти. Такой слуга для дела не годится. Мы говорим это к тому, чтобы сипахсалар [Гази] не тревожил свое сердце по поводу случившегося. Положение его иное, и служба, кою он сослужил **[225]** нам в то время, когда мы были в Исфагане и оттуда двинулись в Хорасан, не та». Сипахсалар облобызал землю и ответил: «Я — слуга [государя]. Ежели он мне велит быть погонщиком мулов вместо настоящей должности, то я этого достоин. Воля государя, ибо он лучше знает жизнь слуг [своих]». Ходжа [тоже] сказал несколько слов насчет Арьярук, а также о /***231***/ приязни Гази, как умел говорить он. Потом оба удалились. Ходжа сел с ним в тереме и позвал моего наставника Бу Насра, чтобы тот рассказал, какие неистовства и преступления чинил Арьярук; так наущают и действуют только враги. Он все рассказал, так что Гази остался в изумлении и сказал: «Этого ни в коем случае нельзя было оставлять без внимания». Бу

Наср пошел, поговорил с эмиром и принес добрые ответы. Оба вельможи говорили приятные сердцу речи, покуда Гази не ободрился и не ушел.

Я слышал от ходжи Бу Насра, [он рассказывал]: «Ходжа Ахмед говорил мне, дескать, сей турок [что-то] подозревает, ибо он смышлен и хитер, и подобные дела не проходят над его головой [незамеченными]. Жаль такого, как Арьярук! Он ведь мог бы прибрать к рукам целый земной пояс, кроме Хиндустана, и я бы за него поручился. Но наш государь слишком уж прислушивается к молве, его не оставят в покое, и все эти дела перевернут вверх дном. Гази тоже [уже] пропал, помяни мое слово». Он поднялся, пошел в диван и был весьма задумчив. Сей старый волк говорил: «Устроили свиту из махмудовцев и мас'удовцев, они и занимаются своекорыстными делами. *Да ниспошлет благополучный конец господь бог, и да славится поминание его*».

О ЗАКЛЮЧЕНИИ ВОЕНАЧАЛЬНИКА [170] АСИГ-ТЕГИНА АЛ-ГАЗИ, О ТОМ, КАК ЭТО ПРОИСХОДИЛО ДО ВРЕМЕНИ ОТПРАВЛЕНИЯ ЕГО В КРЕПОСТЬ ДЖАРДИЗ [171] И КОНЧИНЫ В НЕЙ, ДА БУДЕТ НАД НИМ МИЛОСТЬ АЛЛАХА!

Нелепо было бы писать что-либо, похожее на неправду, ибо сии люди, толки о коих я упоминаю, уже долгие годы как отошли [в иной мир] и соперничество их отложено до воскресения из мертвых. Однако надобно знать, что у султана Мас'уда поистине совсем не было в помыслах устранить Гази и никакой несправедливости он ему не оказывал. Сипахсаларство в Ираке, кое отдали Ташу, он давал ему, но тут случились два обстоятельства, коим способствовала судьба-победительница, и с саларством произошло именно так. *Нельзя противиться приговору Аллаха!* Во-первых, махмудовцы не прекращали преследовать сего человека, строить козни, подстрекать и возбуждать. Сердце эмира преисполнилось множеством того, что ему пришлось услышать. Строили козни, подстрекали и возбуждали до тех пор, покуда не добились цели. Второе было гораздо важнее первого, — Гази был салар молодой и не

уважал стариков, покуда по молодости не совершил **[226]** предосудительный поступок, за что и пропал, помимо желания своего государя.

/***232***/ Случилось так, что Гази после падения Арьярука стал подозрителен, насторожился и бросил пить вино. Поскольку на него то находило, то отходило отчаяние, он, беседуя с кем-нибудь наедине, высказывал безнадежность и плакался. Это раздували раз в десять, сочиняли всяческую ложь и разносили, покуда котел не переполнился, и у эмира не стало тошно на душе. Но несмотря на это, он выказывал царственную терпимость. Вот до чего дошли козни махмудовцев. У Хасана, сына Михрана, в Нишабуре была жена очень умная и сведущая в делах, дочь Бу-л-Фазла Бусти. Она осталась после его смерти, и хотя многие вельможи сватались к ней, она замуж не выходила. Эта женщина была приемной матерью одной служанки, которая смотрела за всем помещением гарема [172] Гази и была туда вхожа. У нее был красивый почерк и она прекрасно писала на [языке] парси. [К ней] подослали людей, так что никто не догадался, дабы

под видом совета сбить ее с толка. Ей сообщили, что, дескать, бедного Гази эмир хочет устранить, что [срок] подступил уже очень близко и произойдет это в такую-то ночь. Женщина эта пришла и сообщила той служанке, а служанка пришла и рассказала Гази, и очень его напугала, сказав: «Прими, мол, меры по этому делу, покуда ты на воле, дабы не схватили тебя врасплох, как Арьярука». Гази очень встревожился и сказал служанке: «Ты-де позови сию благородную женщину, чтобы она получше обдумала, а я ее отблагодарю, ежели эта история минует». Служанка позвала ее. Та ответила, что прийти не может, потому что боится, однако то, что будет происходить, опишет в записке. Ты, мол, написанное читать умеешь и расскажешь салару. «Очень хорошо», — промолвила служанка.

Женщина стала посылать записки и рассказывать то, что слышала. Но махмудовцы в этом деле были мастера, где было догадаться сей женщине, покуда судьба не сделала своего дела. В час предзакатной молитвы, в понедельник, девятого числа месяца раби ал-эввель лета четыреста двадцать второго [173] этой

женщине сообщили: «Завтра, когда Гази явится во дворец, его устранят». Дело это они выдумали, но указали [на его] признаки. Женщина немедля написала записку и рассказала обстоятельство, а служанка передала Гази. Гази загорелся, ибо и другие люди [тоже] его напугали. В тот же час он тайком, так, чтобы не узнали его кедхудай, Са'ид Серраф и другие сторонние люди [174], приказал подковать лошадей.

Был час вечерней молитвы, и казалось, будто султан посылал его в ту ночь куда-то по важному делу, но так, чтобы весть об этом не вышла наружу. /***233***/ Открыли казну. Все, что из драгоценностей, золота, серебра и одежды было легче всего, [Гази] выдал гулямам, чтобы они **[227]** прихватили с собой. После полуночной молитвы он сел верхом. Села верхом и та служанка и еще четыре девушки. Гази подождал, покуда не сели все гулямы. Навьючили легко мулов, а также быстроходных верблюдов, — а проживал он в доме Арслана Джазиба на окраине Балха, очень далеко от серая султана, — и тронулись.

Гази доехал до раздорожья, один [путь] вел в Хорасан, другой — в Мавераннахр. Словно в недоумении он остановился, постоял и промолвил: «Куда же нам ехать, ведь я ищу жизни». Гулямы и его люди ответили: «Туда, куда заблагорассудится [сипахсалару]. Ежели за нами будет погоня, мы будем биться жизни ради». — «Лучше к Джейхуну, — сказал [Гази], — перейдем через него и будем в безопасности, ибо до Хорасана далеко».— «Воля твоя»,— сказали они. Он повернул в сторону Сияхгирда [175] и быстро погнал. Когда оставалось еще одна стража ночи [176], он доехал до Джейхуна, погнал к самой реке через рабат Зу-л-карнейн, [177] до [местности] напротив Термеза, нашел судно и в нем просторное место, чтобы сесть. Ветра не было, Джейхун он застал спокойным и благополучно переправился через реку. На том берегу он остановился, потом сказал: «Ошибку я сделал, что ступил на вражескую землю. Позор падет на меня, ведь здесь такой враг державы Махмуда, как Али-тегин. Лучше было пойти в Хорасан». Он переправился обратно на эту сторону [реки].

Рассвело. Гази сотворил утреннюю молитву и собирался податься в сторону Келифа [178], чтобы держать путь на Амуй [179], добраться до хорезмшаха, дабы тот за него заступился и поправил его дело. Он огляделся. Показался отряд султанского войска из всадников налегке и отборных бойцов, потому что в полночь к эмиру Мас'уду принесли известие, что Гази ушел в сторону Сияхгирда; [эмир] находился вне [дворца], и он отправил войска на четыре стороны, Гази был весьма озадачен.

На другой день, когда мы направились во дворец, была большая суматоха, и друг за другом уходили вооруженные люди. Султан был встревожен. Между тем он позвал Абдуса, отдал ему свой перстень, собственноручно написал прощение и поручил передать на словах: враги, дескать, твои сделали свое дело, теперь ты можешь убедиться. Возвратись, чтобы им не достигнуть желания, ибо мы к тебе относимся, как раньше; и он торжественно поклялся. Абдус немедленно отправился, чтобы догнать Гази. Махмудовцы двинули отборный отряд войска и

тайно распорядились, чтобы Гази разгромили и, ежели возможно, убили. Отряды шли след в след.

/***234***/ Гази хотел было снова перейти через реку, чтобы обезопасить себя от этих войск, но возможности уже не было: поднялся ветер, Джейхун разволновался, так что судно плыть не могло. А войско уже угрожало его жизни. Конечно, он по необходимости остановился для боя, ибо был настоящий вояка. Гулямы начали драться, так что **[228]** завязался ожесточенный бой. Султанские воины продолжали подходить. Гази все больше падал духом, но не переставал отбиваться, так что в его щите засело много стрел. Одна стрела сильно поразила его колено, его одолели и почти было убили. Подоспел Абдус, остановил бой и стал выговаривать воинам: «Вам, дескать, не было приказа биться, зачем вступили в бой? Надо было остановиться напротив него, покуда не пришел бы второй приказ». Они отвечали: «Мы-де бились по необходимости, ибо он хотел перейти на ту сторону, а когда стало невозможно, то намеревался бежать в Амуй, поневоле мы его удерживали, потому что

боялись попреков султана. Теперь, когда ты подоспел, мы биться перестанем, [подождем], какой будет приказ».

Абдус направился к Гази. Тот стоял на одном холме, страдая от раны. [Абдус] сказал: «О сипахсалар, какой дьявол тебя попутал сделать то, что желают враги?» [Гази] совсем сомлел, заплакал и прознес: «Такова была судьба, да и застращали [меня]». — «Не тревожься, — промолвил [Абдус], — это можно поправить». Он переслал ему прощение и перстень [эмира], передал словесное поручение и упомянул о клятвах эмира. Гази слез с коня и облобызал землю, а [султанские] воины и его гулямы стояли по обе стороны. Абдус утешил его. Гази снял с себя оружие, подвели слона с балдахином, Гази посадили в балдахин, а гулямов и людей его [тоже] утешили. Щит Гази со всаженными в него стрелами, как он был, Абдус отослал со спешными всадниками [к эмиру] и на словах передал обо всем, что произошло. В полночь щит доставили в серай. Увидев его и услышав сообщение Абдуса, эмир успокоился. Ходжа Ахмед и все вельможи явились во дворец и

удалились только тогда, когда эмир сказал: «Разойдитесь». Все удалились. Эмир быстро вошел в серай, тогда же кое-что поели. Рано утром прибыл Абдус с войском и привел Гази и всех его гулямов и людей. Известили эмира. Эмир вышел из серая и некоторое время беседовал с Абдусом наедине. Потом Абдус пришел и передал Гази ласковое сообщение [эмира] и сказал, что, дескать, указ таков, чтобы [Гази] расположился в Мухаммедовом серае, который находится напротив собственного сада эмира [Мас'уда], и отдохнул бы, покуда не будет приказано завтра то, что приказать надлежит. Гази препроводили туда и [там] поместили. Тотчас же привели Бу-л-Касима /***235***/ Каххаля, чтобы он извлек у Гази стрелу и наложил [на рану] лекарство. Гази успокоился. Из султанской поварни подали яства, [от эмира] передавали сообщение за сообщением, ласковые и утешительные. Гази немного поел и уснул. Лошадей, принадлежавших гулямам Гази, увели, [самих] гулямов разместили в висаках того же дворца, принесли им еды, и они тоже расположились на покой. А справа и Слева от серая, так, чтобы не

заметил Гази, расставили с тысячу **[229]** пехотинцев. Абдус удалился после того, как с Гази остались отдыхать девушки.

Наступил день. У эмира начался прием, явилась служилая знать. [Эмир] сказал. «Гази — человек честный и для дела пригодный. В настоящее время за ним никакой провинности нет, его застращали. Это дело будет расследовано и тому, кто его содеял, будет воздано по заслугам». Великий ходжа и вельможи ответили, что так, мол, и нужно. Этот разговор Абдус через своего человека довел до Гази, и тот весьма обрадовался. После приема эмир послал к Гази Бу-л-Хасана Укайли, Якуба, сына Данияла, и Бу-л-Ала, личных своих лекарей, что, дескать, не надобно тревожить сердце, это, мол, тебе подстроили, и мы учиним розыск сему делу и то, что необходимо приказать, прикажем. А Гази пусть не обижается, что его поместили в саду нашего брата, это сделано ради того, чтобы он был поближе к нам и чтобы лекари могли ходить для осмотра и ухода, дабы немощь прошла. Все, что для него понадобится, будет тут же приказано.

Когда Гази это услышал, он, сидя, облобызал землю, потому что встать был не в силах, поплакал, помолился [за эмира], потом сказал: «Подвели [меня], слугу, что вышла такая ошибка, [но] слуги ошибаются, а государи прощают. У [меня], слуги, нет слов для извинения, пусть государь поступит так, как подобает его величию. Бу-л-Хасан вернулся обратно и доложил [эмиру] то, что говорил Гази. Махмудовцы, проведав о происходившем, весьма приуныли, но задумали ухитриться не дать упавшему подняться. Кедхудай и люди Гази, увидев такого рода обстоятельства, через два-три дня вылезли из разных углов и направились к нему. Но я не буду дольше затягивать повествование. [Махмудовцы] довели дело Гази до того, что с каждым днем мнение эмира о нем портилось все больше, поскольку эмиру нашептывали отвращающие речи, да и со стороны Гази неизбежно обнаруживались ошибки, и судьба этому способствовала. Эмир стал подозрительней, стал опасаться и понял, что кирпич вывалился /***236***/ из своего места. Он призвал Абдуса, остался с ним наедине и сказал: «Нам сей выродок ни к чему не

пригоден, ибо он ославил себя тем, что натворил, отцовские же сторонники на все идут. Нельзя ведь из-за одного человека, совершившего этакое предательство, будоражить целый мир. Ступай туда к Гази и скажи ему, что тебе, дескать, лучше несколько времени побыть не с нами. Поживи в Газне, раз уж произошла такая ошибка, покуда дурная слава постепенно, потихоньку с тебя не сойдет, и дело не поправится. Когда ты ему это скажешь, ты удали от него его людей, кроме тех двух скрытоликих, коих нужно будет отпустить с ним. Всех, лиц, за которыми он объявит какое-либо имущество, отправь в диван. Надобно найти Са'ида Серрафа и сказать [ему], чтобы явился во дворец, потому что он нужен для одной услуги. Всех гулямов отправь в **[230]** наш серай, чтобы вместе с ними установили имущество, кое имеется у них на руках, и сдали в казну. Затем пусть сохранят тех людей [Гази], которые стоят службы при серае [180], а насчет нестоящих будет приказано, что окажется нужным по нашему усмотрению. Да гляди хорошенько, чтобы из немого и говорящего [достояния] [181] этого

человека ничего не осталось сокрытым. Когда со всем этим покончишь, наряди пехотинцев, чтобы сторожили Гази так, чтобы без твоего ведома никто с ним не виделся, покуда не будет повелено, что мы найдем нужным». Абдус пошел и исполнил поручение эмира. Выслушав [его], Гази облобызал землю, заплакал и сказал: «Благо слуг в том, что повелевают государи. У меня есть заслуги. Не позволит ли государь слуге [своему] поселиться в каком-нибудь месте, где бы он был в безопасности за жизнь, ибо враги будут посягать на нее. А когда пройдет время, и, сердце государя смягчится и он захочет назначить меня погонщиком мулов, я буду готов. Пусть он пожалует мне сих скрытоликих, одежду и продовольствие, без чего нельзя обойтись. А ты, ходжа, будь мне порукой, что принимаешь меня от бога и будешь нести заботу обо мне». И он плакал, говоря это. «Все гораздо лучше, чем ты думаешь,— отвечал Абдус, — не расстраивайся». — «Я не ребенок, — промолвил Гази, — и понимаю, что отныне уже больше не увижу ходжи». Абдус пожал ему руку, поклялся в верности, обещал свое

покровительство и заключил в объятия. [Затем] он расстался с ним и вышел, /***237***/ сел в большой суффе и исполнил все, что [ему] велел эмир, так что к часу предзакатной молитвы уже не оставалось никаких дел. Он явился к эмиру после того, как поставил пехотинцев бдительно стеречь Гази, рассказал эмиру все, что было, и представил описи. Было выявлено громадное достояние [182], немое и говорящее. Гулямов развели по висакам и осмотрели тщательно [их] имущество. То, что салар им дал, говорили они, он отобрал обратно. Эмир их вызвал и самых лучших отослал в висаки [183], а тех, кои оказались не нужны, раздал хаджибам и придворным.

Когда это дело было справлено, эмир сказал Абдусу: «Гази необходимо отправить в Газну».— «В каком виде государь это прикажет сделать?» — спросил Абдус и рассказал все, что говорил ему Гази, как плакал и отдался под его покровительство. У эмира защемило сердце и он сказал Абдусу: «Этот человек невиновен. Господь бог, велик он и всемогущ, один может сохранить рабов [своих]. Нельзя допускать покушения на Гази, и я препоручаю его тебе,

позаботься о его деле». — «В каком виде прикажет его отправить государь?» — спросил [Абдус]. «Распорядись, чтобы приготовили десять верблюдов, — ответил эмир, — балдахин, кежаве и трех верховых животных, побольше верхней одежды для Гази, а также для девушек, трех поваров» тысячу динаров и двадцать тысяч диремов на столовое довольствие. **[231]** Да скажи, чтобы к Бу Али, кутвалу, написали письмо с [моей] печатью, дабы для него и его людей приготовили хорошее место и посадили там Гази вместе с ними, но в оковах, потому что осторожности ради таково правило содержания в заключении.

[Затем] надобно купить трех индийских гулямов для услужения ему и для переноски необходимых припасов. Когда все это будет справлено, нужно будет скрытно, так, чтобы не узнали, в полночь их отправить с тремя сотнями индийской конницы и двумястами пехотинцев, тоже индийских, и одним вожатым. Назначь еще одного надежного человека от себя и отправь вместе с Гази, чтобы он не допускал как-либо обижать его или что-нибудь от него

требовать, покуда его не доставят в Газнийскую крепость. Да пусть привезут обратно собственноручное ответное письмо от самого кутвала Бу Али». Абдус пошел и все это исполнил. *И пришел конец его веку*, ибо больше он его не увидел. Рассказ о его кончине я приведу в другом месте, под тем годом, когда он получил повеление [переселиться на тот свет].

/***238***/ Итак, повесть о двух могущественных саларах пришла к концу. Она весьма растянулась, однако ничего не поделаешь, раз было взято за правило все повести излагать полностью и обстоятельно. Эти два мужа были большими вельможами, и я правило соблюл, и речь хотя была долга, она все же не лишена соли и примечательна. Так чем же кончилось дело двух сипахсаларов? Все кончилось так, будто [их] никогда не бывало. Рок и судьба по воле господа бога, да славится поминание его, совершают подобное часто и еще много раз совершат. Умен тот, кто не прельщается богатством и соблазнительными благами, кои дает ему судьба, и остерегается [их] отнятия, ибо отнимает она весьма ужасно и

безжалостно. Умному человеку надобно стараться оказывать добро благородным людям, сеять семена благодеяния [ради] сего и того света, дабы сохранилась о нем на память добрая слава, а не то, чтобы он все съедал сам и все надевал [только] на себя, ибо таким способом никто доброй славы не приобрел. В стародавние времена жил один человек по имени Забаркан, сын Бедра, и владел огромным богатством. У него было обыкновение самому [все] съедать и самому все надевать [на себя]. Никому [ничего] не доставалось, покуда Хутай'а [184], стихотворец, не сказал о нем:

*Забудь благородство к тебе, чтоб найти его, в путь не пускайся,
Сиди себе дома, ты ведь сам все съедаешь и надеваешь!*

Я читал, что когда эту касыду Хутай'а прочитал Забаркану, его недимы сказали: «Это злая насмешка, которую Хутай'а сочинил на тебя». Забаркан явился к повелителю верующих Омару, сыну Хаттаба, да будет им доволен Аллах, стал обвинять [стихотворца], жаловаться **[232]** и попросил: «Защити меня». Омар велел привести Хутай'ю. Тот сказал: «Я в этом никакой брани и насмешки не

знаю. Сочинение стихов, их тонкости и трудности — не дело повелителя верующих. Пусть позовут Хуссана Сабита и тот поклянется, что честно расскажет все, что в этих [стихах] найдет». Омар послал кого-то, Хуссана привели — уже слепого — и он сел. Ему прочитали двустишие, и Хуссан сказал эмиру: «О повелитель верующих, не насмеялся он, а испражнился на Забаркана». Омар улыбнулся и дал им знак удалиться. А двустишие это осталось. Уже четыреста с лишним лет его переписывают и читают, и вот я его написал по-арабски, может быть, кто-нибудь прочитает и оно [ему] пригодится, чтобы оставить на память [о себе] доброе имя. И сие двустишие весьма прекрасно сказал Мутанабби, стихи:

/***239***/ "Память о юности для него жизнь вторая — нужды
Нет питаться, излишества жизни не беспокоят*.

Но ежели бы я принялся писать в таком смысле, то [повествование мое] очень растянулось бы. Довольно и этого поучения для людей разумных и понимающих. Я запомнил [еще] три двустишия,

принадлежащих Абу-л-Атахии [185], подходящих к случаю и к судьбе сих двух саларов. Я пишу их здесь, ибо в них есть назидательный смысл:

*Ты жизнь проводишь свою то в невзгоде, то в счастье,
И ищешь найти сыновей, семью и богатство.
Узришь ли снова царя, коего видел вчера?
Даются ль в подарок созданью мирские блага?
Если царь и бывает к людям крепко привязан,
Со временем узы с царем ослабнут законно.*

Тоже и Рудаки сказал прекрасно:

*Все умерли князья на свете,
Главу сложили ради смерти все,
И в землю глубоко ушли все те,
Кто кушки воздвигали для себя.
Из миллиона благ и роскоши
Не принесли ль к концу лишь саван?
По милости одежда им была,
И что давалось и что вкушали.*

Кончил я сию повесть и, верно, есть в ней некоторая длиннота, но ведь новое слово не докучливо.

Султан Мас'уд, да будет им доволен Аллах, после того, как успокоил сердце касательно этих двух дел, и обоих саларов отправили в Газну, как я рассказал,

[решил], по обычаю своего отца, эмира Махмуда, да смилуется над ним Аллах, развлечься вином и охотой в стороне Термеза. Из Балха он выступил в четверг, девятнадцатого числа месяца раби ал-ахир четыреста двадцать второго года [186]. Большинство **[233]** родичей и свиты отправилось с ним. Наставник мой, Бу Наср, [тоже] поехал — он из осторожности не воздерживался от подобной услуги, чтобы быть на глазах у эмира и не испортили бы его дела, а я находился при нем. Когда мы прибыли на берег Джейхуна, эмир остановился. Началось пирование /***240***/ и пили три дня подряд. На четвертый день [эмир] сел верхом и поехал охотиться на львов и на других зверей. Четырех львов он убил собственноручно — в смелости он был бесподобен, как рассказано в нескольких местах «Истории» —и множество разного рода других животных было добыто. Эмир захотел есть, принесли охотничьи коробы, пообедали и принялись пить вино. Все время попивая, [эмир] доехал до шатра и просидел почти всю ночь. На другой день он сел верхом и поехал на берег Джейхуна.

На эту сторону пригнали суда, а крепость снарядили разного рода оружием. Для приветствия явилось множество пехоты с серхенгами и остановилось на том берегу Джейхуна. На одно судно взошел эмир, на другие сели недимы, мутрибы и гулямы и направились под крепость. Кутвал крепости в то время был Кутлуг, гулям Себук-тегина, человек знатный и с весом. Кутвал и все серхенги облобызали землю и поднесли дары. Пехотинцы тоже пали ниц, а в крепости стали трубить в рога, бить в барабаны, и поднялись крики. По газнийскому обычаю от знати было предложено угощение: дичина, рыба, маринады и тонкие лепешки. Эмиру это очень понравилось. Стали есть, вкруговую пошло вино, с судов раздавалось пение мутрибов, а на берегу за дело взялись термезские мутрибы, танцовщицы и барабанщики, свыше трехсот человек, и стали танцевать и играть, так что то, что я видел в Термезе, я мало где видывал. Дело пошло так, что подобного раньше никто не знавал. В это время приспели пять всадников, двое от эмира Юсуфа, сына Насираддина, из Кусдара, где он [тогда]

пребывал, как я рассказывал [выше], и трое от хаджиба-джамедара Ярук-Тугмиша и привезли известие о победе в Мекране, об убиении Исы, сына Ма'дана, и о том, что его брат, Бу-л-Аскар, остался жив и область /***241***/ покорена. Потом об этом я расскажу обстоятельно.

Доложили эмиру, отправили лодку и доставили гонцов к судну эмира. Подъехав к эмирскому судну, они отвесили поклон и подали письмо. Бу Наср Мишкан взял письма, — он находился на судне недимов, — и громким голосом их прочитал. Эмиру было очень приятно; обратившись к кутвалу и серхенгам, он сказал: «Этот ваш город был благословен для нашей державы всегда, а сегодня мы считаем [его] еще благословенней, потому что пришло столь радостное известие и завоевано огромное владение». Все, и мужчины и женщины, облобызали землю, также и жители крепости на крышах, и вдруг сразу поднялся пребольшой шум. Затем эмир обратился к амилю и рейсу Термеза и сказал! «Прощаю раиятам сто тысяч диремов из хараджа **[234]** нынешнего года. Надобно им

засчитать их и выдать бераты так, чтобы раздел был произведен поровну. Пятьдесят тысяч диремов [из] казначейства [187] надобно раздать в награду пехотинцам крепости и пять тысяч диремов этим мутрибам и танцовщицам». —«Так и сделаем», — ответили амиль и рейс. Раздался голос, что государь-султан соизволил отдать три таких распоряжения, и люди знатные и простой народ пожелали ему добра. Затем [эмир] сказал кутвалу: «Следуй за мной в войсковой стан со всеми серхенгами крепости, чтобы и вам, по существующему обычаю, пожаловали халаты и награды, ибо мы завтра отсюда пойдем обратно в Балх». Суда отплыли. Около часа пополуденной молитвы прибыли в войсковой стан, и эмир сел за вино. Явились кутвал Термеза и серхенги. Старший хаджиб Бильга-тегин посадил их перед собой в нимтерге и через своего заместителя Тахира Кенде [188] дал знать аризу Бу Сахлю Завзани, распивавшему вино с султаном, чтобы тот доложил. Бу Сахль доложил. «Ступай в нимтерг, — сказал эмир, — и передай казначеям и мушрифам, чтобы по списку на халаты, данному им, они всем раздали

халаты и представили [награжденных] нам. Кутвал и серхенги надели халаты и предстали пред лицо эмира. Эмир велел кутвала Кутлуга, [пожалованного] халатом, и Бу-л-Хасана с [Абу] Насром [189], имевших золотую конскую сбрую [190], посадить, а прочих оставить стоять. Всем поднесли по чаше вина, они выпили и поклонились. Эмир сказал: «Возвращайтесь обратно и будьте бдительны и благоразумны, и милость наша к вам пребудет всегда». — «Слушаемся и повинуемся», — ответили они, облобызали землю, удалились, сели на суда и вернулись в крепость. Эмир до полуночи пил вино, а утром на заре встал, пробили в литавры и тронулись в путь. Привал сделали в Сияхгирде.

/***242***/ На другой день, в пятницу, за три дня до конца месяца раби ал-ахир [191], эмир прибыл в Балх и в счастливый час увидел новолуние месяца джумада-л-ула. Из сада он переехал в кушк Дер-и Абдал'ала и приказал справить все, что надлежало справить: «Дескать, через одну-две недели мы отправимся в Газну, потому что пришло время». — «Сделаем так»,

— отвечали ему и усердно начали готовиться. *А Аллах знает лучше*.

РАССКАЗ ОБ ОБЛАСТИ МЕКРАН И О ТОМ, ЧТО ТАМ ПРОИЗОШЛО В ПОРУ ЭМИРА МАХМУДА, ДА БУДЕТ ИМ ДОВОЛЕН АЛЛАХ!

Когда Ма'адан, правитель Мекрана, умер, между двумя его сыновьями, Исой и Бу-л-Аскаром, возникло разногласие, и дело со ступени слов перешло на ступень мечей. Войско и раияты склонились на сторону Исы, и Бу-л-Аскар бежал и прибыл в Систан, — а мы тогда ходили в поход на Сумнат. Ходжа Бу Наср Хафи, поистине **[235]** благородный человек, хорошо его приютил, представил ему достойное жилище и обращался с ним, как с дорогим гостем. Ходжа Абу-л-Фередж Али сын Музаффара, да продлит Аллах его великолепие, ныне, в счастливое царствование преславного султана Абу Шуджа Фаррухзада, сына Поборника веры, да продлит Аллах его существование и да поможет родичам его, исправляющий должность государственного мушрифа вместе со своими наместниками,

единственный в свое время по образованности, уму, знанию и обходительности человек, приехал в том же году [192] в Систан и [там] у него завязалось общение и дружба с ходжой, отцом моим, да смилуется над ним Аллах. Он многое рассказывает об этом событии и ныне мой друг. А брат его, ходжа Бу Наср, да смилуется над ним Аллах, тоже в том году прибыл в Каин. [Потом] оба они приехали в Газну и много послужили, покуда не достигли столь [высоких] степеней, что Бу Наср умер, будучи в должности ариза. Он был весьма образован, хорош собой, обходителен и мудр. Почтенный сын его жив и ему поручена должность мушрифа Газны и Газнийской области.

Бу Наср Хафи рассказывал об обстоятельствах жизни Бу-л-Аскара: «Когда мы вернулись из похода в Сумнат, эмир Махмуд прислал [рассказчику] письмо, чтобы он по-хорошему отправил [Бу-л-Аскара] ко двору. Тот отправил. Эмир милостиво принял Бу-л-Аскара и оставил его при дворе. Весть об этом дошла до его брата, правителя Мекрана. Колючка попала ему в сапог, он перетрусил и послал ко двору [эмира

Махмуда] мекранского казия с рейсом и несколькими благочестивыми и знатными подданными с письмами и представлениями с изложением дела, что он, дескать, наследник престола отца и что коль скоро брат не ступил бы на путь раздора, а ладил бы и поступал по указу его отца, /***243***/ то для него не пожалели бы никаких благ. А теперь, коль государь рассудит за благо, то это владение отказал бы ему, слуге [своему], и постановил бы то, что надлежит постановить, так же как великий справедливый эмир постановил [в свое время] касательно его отца. [Письмо сие] он посылает при удобном случае с поклоном к праздникам новруза и михрегана, а брату он пошлет то, что ему причитается и что прикажет государь, так что никакой нужды [у него] не будет. Доверенный человек его подпишет условие, на которое [государь] согласиться, дабы [его] слуга покорно его исполнил. Пусть будет назначен посол от высочайшего двора с жалованной грамотой на владение, ежели соблаговолит на то государь, и пусть с послом будет халат, ибо слуга [его] прочитал хутбу на имя

государя, дабы слуга ободрился, и сия область, которую он помянул в хутбе на имя государя, была закреплена за ним.

Эмир Махмуд, да будет им доволен Аллах, согласился, то, что нужно было постановить, постановили, и мекранцев отпустили обратно. **[236]**

Послом отправили Хасана Сипахани Сарбана, чтобы он привез денежный харадж [193] с Мекрана и Кусдара. Ему вручили очень драгоценный халат и жалованную грамоту, и мекранское дело поправилось. Хасан Сипахани возвратился назад с химлями [194] из Мекрана и Кусдара и с ним [прибыл] мекранский посол, доставивший дары эмиру и придворным: золото, серебро, жемчуг, амбру и предметы, производимые в той стране, а также обязательство, что ежегодно, когда [Иса] будет посылать харадж, для брата будут десять тысяч динаров гератских, кроме одежды и редкостных вещей. За один год уже привезено с собой. На это было выражено султанское удовлетворение. Мекранских послов отправили обратно, а Бу-л-Аскар

остался при дворе [эмира Махмуда] и отдался службе.

Эмир Махмуд положил выдавать ему жалованье, каждый месяц по пять тысяч диремов, и ежегодно он получал по два халата. Никогда я [195] не видел его на собраниях у эмира пьющим вино или играющим в човган или за другими развлечениями, как я видел Абу Тахира Сим-джури и подобного рода людей, ибо Бу-л-Аскар был человек степенный, дородный. Только время от времени, когда бывали большие собрания, его тоже усаживали за угощение, и как только угощение убирали, его отпускали и он удалялся. В походах он бывал с нами. В том году, когда мы пошли в Хорасан, и поход уже стал докучать, окрестные эмиры, оттого что эмир Махмуд очень страдал от старческой немощи и дело его подходило к концу, видели каждый кое-какие сновидения, но просыпаясь, находили себя без головы и без владения. Иса мекранский был одним из тех, кто видел сновидения, и эмир Махмуд подал надежду Бу-л-Аскару, когда, дескать, он вернется в Газну, то даст ему войско и даст с собой знатного

полководца, /***244***/ чтобы прогнать брата, а владение его препоручит ему. Однако возвратившись в Газну, [эмир Махмуд] времени [для этого] не нашел и дела не исполнил. Эмиру Мухаммеду во время его правления [тоже] не удалось исполнить эту [отцовскую] волю, потому что ему предстояло важное дело. Он тоже был милостив к Бу-л-Аскару, пожаловал ему халат, подал надежду, но не успел, ибо случилось то, что случилось».

Султан Мас'уд, да будет им доволен Аллах, когда в Герате дела пришли в порядок, как я упомянул в пятом томе «Истории», назначил джамедара Ярук-Тугмиша с сильным отрядом дворцового войска и туркменами Кзыла, Буки и Кокташа, которые, отдавшись под покровительство, прибыли служить, и отправил их в Систан, а оттуда они двинулись в Мекран. Эмира Юсуфа [тоже] с сильным отрядом войска он послал в Кусдар и сказал: «Это, дескать, ваша подмога, коль скоро наступит нужда в помощи, он пошлет людей, а ежели он сам потребуется, то придет». Начальнику же этого войска он тайно приказал, чтобы тот наблюдал за Юсуфом. Цель

посылки его в Кусдар **[237]** заключалась в том, чтобы его на некоторое время удалить с глаз воинства, ибо на нем лежало звание сипахсалара. В общем в этом же году его устранили в Балаке [196], в Пули Хумартегин, когда мы шли в Газну. Рассказ об этом пойдет ниже, в томе седьмом.

Когда мекранец услышал известие об этих отрядах и о брате, он приготовился к войне и собрал двадцать тысяч пехотинцев киджских, ригских и мекранских из каждой области и из всякого разряда [197] [людей], а также шесть тысяч конницы. Хаджиб-джамедар прибыл в Мекран — это был очень умный и осмотрительный полководец, знаменитый воин — и с ним начальники и алчущее [сразиться], устроенное войско. Две тысячи султанской конницы и туркмены расположились в засаде, в насаждениях финиковых пальм [противника]. Пробили в литавры. Показался мекранец. Он был на слоне и вел свое войско, конное и пешее, и десять отборных слонов. Завязали бой, словно жернова закрутились в крови. Оба войска доблестно сражались, не жалея жизни и джамедар уже почти был разбит, но он выехал вперед, бросил

клич своему войску, бойцы и знатные мужи поддержали, ринулись из засады и мекранец, потерпев поражение, повернул вспять. Его настигли в тесном месте, где он бежал, убили и отрезали /***245***/ голову. Множество его воинов было перебито. Город и округу на три дня предали разграблению. Потом эмиром поставили Бу-л-Аскара и когда он стал крепко, и население области его признало, джамедар с отрядом вернулся обратно, как потом будет упомянуто. Владение Мекран оставалось за Бу-л-Аскаром до самой его смерти, как [тоже] будет рассказано в сей «Истории», [в частях] о правлении государей. Да смилуется над ними Аллах и да дозволит он насладиться преславному султану Фаррухзаду жизнью, молодостью, престолом и царством!

ОБ ОТБЫТИИ ЭМИРА МАС'УДА, ДА БУДЕТ ИМ ДОВОЛЕН АЛЛАХ ИЗ БАЛХА В ГАЗНУ

В конце тома шестого я сказал, что эмир Мас'уд первого числа месяца джумада-л-ула лета четыреста двадцать второго [198] переехал из сада в кушк Абдал'ала [199] и соизволил отдать распоряжение о том, что необходимо, дескать, уладить те дела,

которые еще остались неулаженными, ибо он на этой неделе отправится в Газну. Все дела уладили. Когда он намеревался выступить, то сказал Ахмеду, сыну Хасана: «Тебе придется пробыть неделю в Балхе, потому что здесь остаются всякого рода люди — амили, казии, шихне разных городов и жалобщики. Выслушай их речи и всех отпусти обратно. Потом в Баглане присоединись к нам, потому что мы по пути немного займемся охотой и вином в Семенгане». — «Слушаюсь, — ответил [ходжа],—только мне понадобится дебир из посольского дивана, дабы написать что-либо, **[238]** ежели прикажет государь, и казначей, ежели надобно будет кому-нибудь дать халат». — «Ладно, — ответил эмир, — скажи Бу Насру Мишкану, чтобы назначил одного дебира, да чтобы поставили кого-либо из казначеев с диремами, динарами и одеждой, дабы ходжа приказывал [выдать] то, что сочтет подходящим. И пусть [сам ходжа] сделает так, чтобы дней через десять освободиться от всех дел и поспеть к нам в Баглан».

Наставник мой Бу Наср назначил меня, а я — Бу-л-Фазл; назначили и казначея, Бу-л-Хасана Курейша,

дебира казнохранилища. Сей Бу-л-Хасан был дебир весьма способный, служил государям дома Самани. У них он был при казнохранилищах в Бухаре, и привез его с собой ходжа Бу-л-Аббас Исфераини. Эмир Махмуд оказывал ему полное доверие. У него было двое подручных, один из них Али, сын Абдалджалиля, [то есть] сын дяди Бу-л-Хасана Абдалджалиля. Все они помер ли, да смилуется над ними Аллах! /***246***/ *Я* упоминаю имена этих людей с двоякой целью, во-первых, мы были товарищи, и хлеб-соль я с ними водил, вот и рассказываю о каждом немножко, а во-вторых, ради того, чтобы установить обстоятельства каждого дела, каково оно было в минувшие времена, дабы читатели сей «Истории» приобрели кое-какой опыт и поучительный пример.

Эмир Мас'уд, да будет им доволен Аллах, выступил из Балха в воскресенье, тринадцатого числа месяца джумала-л-ула и остановился в саду ходжи Али Микала, ибо дела все-таки не были улажены. Сад находился поблизости от города, и гостей принимал Музаффар, сын Али Микала [200], так, что все об этом

говорили. Придворной знати предложили угощение, а эмиру принесли множество даров и золота и серебра. Эмир снялся оттуда счастливо и радостно и, развлекаясь удовольствиями, попивая вино и охотясь, ехал от одного гостеприимного хозяина к другому в Хульме, Пирузонахджире [201] и Бадахшане. Правителем этих мест считался Ахмед, сын Али Нуш-тегина, конюшего, а Баглана и Тохаристана — старший хаджиб Бильга-тегин.

Великий ходжа Ахмед, сын Хасана, ежедневно открывал прием в своем помещении в Дер-и Абдал'ала, сидел [там] до часа пополуденнои молитвы и правил дела. Я находился вместе с его дебирами, и писал то, что он мне приказывал, и исполнял дело. [Ходжа] жаловал султанские халаты и награды. По сотворении пополуденнои молитвы посторонние расходились, а дебиров, своих людей и меня вели к столу, мы обедали и удалялись. Так миновала целая неделя, покуда все дела не были окончены; я много чего получил. Затем [ходжа] двинулся в путь из Балха. В дороге, несмотря на то, что с ходжой был слон с балдахином и верховое

животное с люлькой, он сидел в закрытых носилках с прорезанным впереди окошком, которые тащили на себе **[239]** человек пять. Из Хиндустана в Балх он приехал таким же способом, чтобы телу было легче и покойней.

В Баглане мы догнали эмира, а эмир /***247***/ уже там развлекался, охотился и поджидал ходжу. По прибытии [ходжа] доложил, что было сделано по каждому делу, и эмир остался весьма доволен. Простояли еще один день, и войско потянулось по долине Зиркана и Гурвенда; вышли из нее и сделали привал на три дня с винопитием и охотой в Дешт-и Хуране. Такого времени никто не запомнил, потому что мир походил на свадебное торжество, и государь, окруженный блестящей свитой, ехал беззаботно, со спокойным сердцем до Первана. Выступили из Первана и, все так же веселясь и развлекаясь, дошли до Балака. Каждый день из Газны навстречу прибывала с поклоном новая толпа народу. Так, Бу-л-Музаффар, рейс [города] Газны, заместитель своего отца ходжи Али, представился в Перване, [привезя] множество яств необычных и тонких, а

вслед за ним и другие, покуда мы не приехали сюда в Балак. Приезжавшие лица удостаивались милости соразмерно своему месту и чину. *А Аллах знает лучше!*.

О ЗАКЛЮЧЕНИИ ЭМИРА АБУ ЯКУБ ЮСУФА, СЫНА НАСИРАДДИНА АБУ МАНСУРА СЕБУК-ТЕГИНА СПРАВЕДЛИВОГО, ДА СМИЛУЕТСЯ НАД НИМИ АЛЛАХ!

Устранение сего эмира произошло в этом Балаке. Про это событие есть что рассказать в подробности, [о нем] нужно написать обязательно, чтобы дело узнали полностью. Эмир Юсуф был человек очень незлобивый и к раздорам и крамольным делам непричастный. В пору [царствования] его брата, султана Махмуда, да смилуется над ним Аллах, он каждый день столь был занят двукратным предстанием на поклон, что к прочим делам не поспевал, а в промежутки, когда освобождался от службы, он предавался своим забавам, веселью и вину. При подобном образе жизни, будучи юным и здоровым, живя в довольстве, достающемся без труда, ясно, какой он мог приобрести жизненный опыт. Когда эмир Махмуд скончался, и слоновод сошел с головы слона, в Газну прибыл и сел на

престол царства эмир Мухаммед. Дяде своему, эмиру Юсуфу, он препоручил должность сипахсалара, и дела пошли так, как пошли, [об этом] я уже рассказывал. Срок существования этого царства был весьма недолговременный, [с ним и срок] сипахсаларства Юсуфа, где же тут было научиться бдительности. Тогда случилось, что эмира Мухаммеда посадили в крепость Кухтиз в Тегинабаде. Несмотря на то, что могущественных царей умасливают и стараются стать к ним поближе, /***248***/ и цари охотно идут навстречу такому заискиванию, они этим людям не доверяют. **[240]**

В рассказах о Якубе, сыне Лейса [202], я читал, что он намеревался взять Нишабур, чтобы свергнуть хорасанского правителя Мухаммеда, сына Абдаллаха, сына Тахира [203]. Вельможи поры могущества [этого правителя] искали сблизиться с Якубом и посылали к нему спешных гонцов с письмами: надобно, дескать, поторопиться скорей, дабы пограничная область Хорасан, область огромная, не пошла прахом, а то от нашего господина толку нет никакого, кроме забавы. Трое

стариков, более подвинутых в годах и более мудрых, не стали смотреть [в сторону] Якуба и благорасположения его не искали, а продолжали оставаться в серае Мухаммеда, сына Тахира, до тех пор, покуда не явился Якуб, сын Лейса. Мухаммеда, сына Тахира, заковали, а этих троих схватили и доставили к Якубу. «Почему вы не искали сближения со мной, — спросил Якуб, — как поступили ваши товарищи?» — «Ты великий государь,— отвечали они, — и станешь еще более велик, чем теперь; ежели мы ответим правду, и ты на нас не разгневаешься, то мы скажем». — «Говорите, не разгневаюсь», — приказал [Якуб]. — «Видел ли нас эмир когда-либо, кроме сегодняшнего дня?» — спросили они. «Нет, не видел», — ответил [эмир]. «Была ли когда-нибудь у нас с ним или у него с нами какая-либо переписка и посылались ли гонцы?» — «Нет, не было». — «Так вот, мы люди старые, ветхие и долгие годы служили государям дома Тахира и в их державе видели много хорошего и приобрели высокий сан; пристойно ли нам было вступить на путь неблагодарности и искать благорасположения у

их противников, даже ежели отрубят голову? Вот каково наше положение, сегодня мы в руках эмира, а наш государь пал. Пусть же [эмир] поступит с нами так, как угодно будет господу богу, да славится имя его, и как подобает благородству и великодушию эмира». — «Ступайте домой и будьте спокойны,— промолвил эмир, — таких благородных людей, как вы, нужно сохранить, вы нам пригодитесь, вам всегда следует находиться при моем дворе». И они, поблагодарив, удалились с миром. Потом Якуб всех тех людей, которые искали его милости, приказал отстранить, все их достояние отобрать и их прогнать, а этих трех он возвысил и оказывал им доверие в государственных делах. Такие рассказы я привожу ради того, чтобы хулители легкомысленно не болтали о великом государе Мас'уде, а говорили, как было поистине, потому что естество государей, их образ жизни и обычаи не таковы, как у прочих: то, что они видят, никто видеть не может. К тому же у эмира Юсуфа появилось благожелательное отношение к эмиру Мухаммеду, ради того, чтобы соблюсти волю султана Махмуда, но став на одну

сторону, он обидел другую. У эмира Юсуфа были две дочери, одна большая, /***249***/ уже совершеннолетняя, а другая маленькая, еще не созревшая. Эмир Махмуд выдал совершеннолетнюю за эмира Мухаммеда и совершил бракосочетание, а незрелую, чтобы не было обиды, пообещал эмиру Мас'уду, но **[241]** бракосочетания не совершали. Справить свадьбу эмир Махмуд велел стол пышно в серае эмира Мухаммеда на Малой площади, что подобной никто не запомнил. Когда серай красиво убрали и все устроили, эмир Махмуд сел верхом и приехал туда, был очень ласков с эмиром Мухаммедом, пожаловал его царским халатом, одарил его множеством вещей. [Все] удалились, а благородные жены серая [204] остались у жениха. Внезапно новобрачную схватила горячка. В час полуночной молитвы доставили носилки. На реке было полно знатных женщин со множеством зажженых свечей и факелов, чтобы проводить новобранную в Кушки Шах, и несчастная, не видавшая света, нарядная, вся в золоте, драгоценных уборах и самоцветных камнях, отдала, богу душу. И

все дело рухнуло. Об этом тотчас же узнали и довели до эмира Махмуда. [Эмир] очень огорчился, но что поделаешь с налетевшей судьбой, ведь господь бог, да славится поминание его, показывает рабам своим подобные случаи, чтобы они понимали свою ничтожность. На другой день [султан Махмуд] приказал совершить бракосочетание эмира Мухаммеда со второй дочерью, которая была обещана эмиру Мас'уду. Эмир Мас'уд был весьма удручен но разговора быть не могло. Девочка была еще совсем маленькая и перевод ее в, дом [супруга] отложили. Время шло, обстоятельства менялись, эмир Махмуд скончался, и, в конце концов, эта девочка попала в гарем эмира Мухаммеда в то время, когда он прибыл в Газну и сел на престол царства. Говорили, ей было четырнадцать лет. В тот вечер, когда ее из нашего околотка Сери Асья провожали из отцовского серая в эмирский кушк, я наблюдал чрезвычайно пышный обряд. После того, как эмира Мухаммеда посадили, девочку отправили к нему в крепость. Несколько времени она провела там и возвратилась обратно, потому что сердце ее стало

скучать. Она и по сей день здесь в Газне. Эмир Мас'уд был оскорблен подобной невежливостью своего дяди. Этому способствовала еще и судьба-победительница, и Юсуф с престола упал в колодец [205]. *Упаси нас Аллах от несчастья!* Когда в (Герате дела султана Мас'уда пришли в порядок и выправились, как я рассказывал, он отправил хаджиба Ярук-Тугмиша, джамедара,. в Мекран со значительным отрядом, чтобы очистить Мекран от врагов и посадить там Бу-л-Аскара. Эмира Юсуфа же он послал с десятью ее рхенгами и отрядом войска в Кусдар, чтобы быть подмогой джамедару и чтобы мекранское дело поскорее разрешилось. /***250***/ Но это был лишь предлог, поскольку он хотел, чтобы Юсуф некоторое время провел подальше от его глаз и глаз войск и пребывал в Кусдаре как бы пленником [этого] города, а серхенги состояли бы при нем приставами. Его хаджиба Тогрула, которого он любил больше своих детей, тайно соблазнили по повелению султана и подговорили, чтобы он был соглядатаем при [эмире Юсуфе] и доносил бы все, что будет происходить, **[242]** дабы [потом] получить

плоды этой услуги в виде высокого положения. И сей глупый турок съел этот глум [206], не понимая, что вероломство влечет за собой несчастье. Он приобщил к делу гонцов, посылал их из Кусдара в Балх и сообщал скрытно Абдусу правду и ложь, и это докладывали султану. Где было Юсуфу догадаться, что его наперсник следит за ним неотступно душой и телом, чаще всего за вином, когда он ворчал и говорил более откровенно: «Дескать, что случилось, что все мы полетели кувырком, эдак мы все один за другим пропадем; слово, что ли, нужно нарушить или совершить измену, чтобы как-то поправить дело?» Обо всем этом писали да [от себя] добавляли, чтобы еще больше рассердить султана. К тому же Тогрул сообщил, что Юсуф собирается податься в Туркестан и уже начал переписку с ханами.

Султан тайно написал письмо вельможам, кои состояли приставами при Юсуфе, что нужно, мол, быть очень осмотрительным, сторожа Юсуфа, покуда он не приедет в Газну, а когда, дескать, мы из Балха двинемся в Газну, то позовем его. А ежели он захочет уйти в другую сторону, то не пускать, а

заковать и закованного представить нам. Коль скоро же он пойдет прямо в Буст и Газну, то не следует ему знать о том, что мы [вам] приказали. Вельможи приказ соблюли и все, что было необходимо ради осторожности, исполнили.

Мы находились в Балхе. Несколько раз, три, четыре, пять, из Кусдара приезжали нарочные на верблюдах и привозили письма от Юсуфа и [доставляли] померанцы, гранаты и хороший сахарный тростник. Они передавали поклоны и рассказывали о положении в Мекране и Кусдаре. Эмир Мас'уд слал обратно добрые ответы и обращения, [в них] было такое: «Славный эмир, дядя Абу Якуб Юсуф, сын Насираддина». [Он же] написал: «Мы, дескать, в такой-то день двинемся из Балха, мекранское дело разрешилось, надобно, чтобы и эмир Юсуф по сей же божественной воле поскорее выступил из Кусдара и одновременна с нами прибыл в Газну, заслуги его непременно будут признаны. Эмир Юсуф вышел из Кусдара и добрался до Газны раньше Султана Мас'уда. Услышав, что султанский поезд из Первана направляется, в Газну, он со своим сыном

Сулейманом, с этим вероломным Тогрулом /***251***/ и полсотней гулямов, совсем налегке, выехал навстречу для приветствия.

Когда оставалась еще одна стража ночи, эмир снялся из Сатаджа и тронулся в Балак, ибо сераперде разбили там. Он сидел в балдахине на слонихе. Зажегши факелы, ехали, рассказывая приключения. Недалеко от города, издали, со стороны Газны, в степи, показались [огни] факелов. «Это, должно быть, мой дядя Юсуф, которого мы позвали, — сказал эмир, — он хотел приехать принять [нас]», — и приказал двум накибам съездить и встретить его. Они поскакали по направлению к факелам, доехали до них, примчались обратно и доложили: «Да будет **[243]** долгой жизнь государя, это — эмир Юсуф». Через час он подъехал. Эмир Мас'уд придержал слониху, а эмир Юсуф спешился и облобызал землю. Старший хаджиб Бильга-тегин и все вельможи и старшины, бывшие с эмиром, тоже спешились. Кликнули его коня и посадили на него с пребольшим почетом. Эмир Мас'уд очень живо его расспрашивал, непомерно много. Они ехали, и [эмир Мас'уд]

разговаривал только с ним, пока не рассвело. Остановились для молитвы. Эмир со слонихи пересел на коня и [снова] поехали, разговаривая, Юеуф по левую руку, покуда не прибыли в войсковой стан.

Эмир Мас'уд, обратившись к Абдусу, сказал: «Дядя мой приехал налегке, скажи, чтобы здесь же перед сераперде раскинули намет, сделали суффы и разбили шатры, — дядя расположится тут, чтобы быть поближе к нам». — «Слушаюсь», — ответил тот. Эмир Мас'уд вошел в шатер и остановился в хергахе, а эмира Юсуфа поместили в нимтерге, покуда натягивали намет и ставили суффу, потом он перешел туда. Разбили еще палатки и разместили там его гулямов. Принесли и поставили угощение, — а я все наблюдал из своего дивана; [Юсуф] ни к чему не притронулся и [сидел], чрезвычайно углубленный в себя, ибо он почуял кое-что от той беды, которая [потом] стряслась. Когда угощение убрали, и придворные вельможи стали расходиться, эмир, оставались наедине, позвал Абдуса и долго держал [его у себя]. Затем Абдус вышел и направился к

эмиру Юсуфу. Они остались одни и долгое время вели разговор. Абдус то уходил, то приходил, а речь все шла: считали преступления эмира Юсуфа.

Конец этому был таков, когда день подошел к часу пополуденной молитвы, там поставили трех индийских старшин с пятью сотнями конницы в полном вооружении и трех индийских накибов с тремястами отборных пехотинцев. Привели оседланного мула. *Я* видел /***252***/ эмира Юсуфа, как он встал, все еще в шапке, высоких сапогах и поясе, обнял своего сына и заплакал. [Потом] он растегнул пояс, отбросил его и обратился к Абдусу: «Этого мальчика я препоручил господу богу, велик он и всемогущ, а после него тебе». Тогрулу же он сказал: «Радуйся, предатель! Для того ли я тебя воспитал и любил больше родного сына, чтобы ты со мной так поступил ради ласкового взгляда, который купил? Достанется и тебе по заслугам!» Он сел на лошадь и его увезли в крепость Секавенд. После этого я его уже больше не видел. В следующем году, четыреста двадцать третьем, когда мы возвратились из Балха, с дороги пришло письмо, что он скончался в крепости

Деруне, да смилуется над ним Аллах! Об этом Тогруле есть рассказ коротенький, но примечательный. Я его обязательно расскажу, а потом снова вернусь к [повествованию] истории. **[244]**

РАССКАЗ О ГУЛЯМЕ ТОГРУЛЕ АЗУДИ

Это был гулям, ничем не выделявшийся среди тысячи гулямов, подобных ему по виду, росту, цвету лица, красоте и статности. Его прислала из Туркестана эмиру Махмуду жена Арслана. Сия хатуна имела обыкновение ежегодно присылать эмиру Махмуду одного редкостного гуляма и одну отборную девушку в виде подарка, а эмир ей посылал платки из тонкого полотна, кисею, жемчуга и румский шелк. Эмиру этот Тогрул понравился и он его держал после Аяза в числе семи-восьми гулямов, бывших у него виночерпиями.

Прошло два года. Однажды случилось так, что эмир пил вино в саду Пирузи, на цветах. Рассыпали столько роз, что им не было ни; края ни меры. Луноликие виночерпии входили по двое поочередно.

Вошел Тогрул, одетый в алый кафтан, а на товарище его кафтан был бирюзовый, и оба красавца стали потчевать вином. Держа в руках: ярко-красное вино, Тогрул остановился и налил [чашу] эмиру Юсуфу. Взор Юсуфа остановился на нем, и Юсуф в него влюбился. Сколько он ни старался удержать себя, он был не в силах оторвать от него глаз. Эмир Махмуд украдкой поглядывал и видел вспыхнувшую страсть и безумие брата, но прикидывался ничего не замечающим. Так прошла некоторое время, /***253***/ и эмир Махмуд сказал: «Брат, ты после отца остался мальчиком, а отец, умирая, сказал Абдаллаху, дебиру, дескать, несомненно, что Газнийским царством будет править Махмуд, потому что Исмаил не тот человек. Так передай же от меня Махмуду, что я мол, беспокоюсь за Юсуфа и поручаю его тебе, воспитай в нем такой; же нрав, как у тебя, и люби его как своего сына. Ты знаешь, сколько добра я тебе сделал по сию пору, и мы полагали, что из тебя выйдет воспитанный человек, но оказывается ты не таков, как мы думали. Чего ради ты разглядываешь на пиру наших гулямов? Тебе приятно было бы, коль

кто-нибудь на пиру стал бы заглядываться на твоих гулямов? Взор твой уже давно прикован к этому Тогрулу. Не будь у меня уважения к душе отца, тебя бы постигло суровое наказание. На сей раз я тебя прощаю и дарю тебе этого гуляма, потому что у меня таких как он много. Но будь осторожен, чтобы в другой раз такого промаха не случилось, а то с Махмудом такие шутки плохи». Юсуф смутился, встал, облобызал землю и промолвил: «Каюсь, такого проступка больше не случится». — «Садись», — сказал эмир, тот сел. [Эмир Махмуд], пренебрег этой нечаянностью, продолжал пир, и ради Юсуфа была выпита чаша примирения.

Эмир Махмуд позвал своего слугу по имени Сафи под началом коего находилось несколько гулямов, и приказал ему отослать Тогрула к брату. Его отправили, Юсуф возликовал, щедро одарил слуг и, раздал много милостыни, а того гуляма возвысил. Тот сделался у него **[245]** хаджибом, и Юсуф любил его пуще сына. Когда черная ночь для него сменилась ясным днем, а солнцу случилось затмение [207], Тогрул посватал себе жену из именитого

семейства и обставил бракосочетание и свадебное торжество столь неуместной пышностью, что некоторые благоразумные люди [этого] не одобрили. Наказание и возмездие тому вельможе были такие, как я рассказал, а Тогрул после смерти своего господина получил нечто вроде чина и кое-какую благодарность от султана Мас'уда, но стал ненавистен ему и большей части людей. Предательство измучило его и он умер в молодом возрасте, обманутый в надеждах. Это и есть наказание за вероломство. Сохрани господь, да славится поминание его, всех мусульман в добродетельной чистоте и да окажет он вернейшую помощь отблагодарить его за благодеяния, ибо облагодетельствованы мы по милости и всеобъемлещему милосердию его! /***254***/

После кончины эмира Юсуфа, да смилуется над ним Аллах, слуги его разбрелись. У его кедхудая Бу Сахля Лакшана [208] приключились затруднения, он подвергся отобранию имущества [209], а был он человек образованный, умный и скромный. Конец его был таков, что ему поручили должность амиля в

Бусте [210], ибо он сам происходил из Буста, и в этой должности он и получил повеление [переселиться в иной мир]. А ходжа Исмаил претерпел много неприятностей и хлебнул много холодного и горячего. Он охранял права этого семейства и взял на себя заботу о детях эмира Юсуфа. Стоял за них, падал, снова шел в гору и в пору эмира Мавдуда [211] стал опять более известен, начал заниматься личными делами упомянутого государя, преуспел в них, оправдал доверие и, само собой, сделался уважаемым лицом, так что теперь, в счастливые дни преславного султана Абу Шуджа Фаррухзада, сына Поборника веры в Аллаха, ему пожалована должность уполномоченного и управляющего царскими имениями и много [других] дел. Он долгое время исправлял эти должности таким образом, что за ним не открылось ни одной провинности.

Еще был Амуй. Амуй, когда дела его стали плохи, отошел в безопасное место. После [смерти] Юсуфа он бросил служить созданию [человеческому] и предпочел михраб, молитву, Коран и благочестие и при этом остался. Государи из этого дома, да будет

ими доволен Аллах, несколько раз предлагали, чтобы он исправлял какую-нибудь должность, и он недолгое время был саларом газнийских газиев, но в конце концов он подговорил ходатаев за себя и от этого избавился. Несколько раз просили, чтобы он поехал послом, но он ухитрялся отделаться. В четыреста сорок девятом году к нему приставали, чтобы он взял на себя должность мушрифа газнийских вакфов, и просили ради того, чтобы привести в цветущий вид, но он увертывался, покуда разговор, не прикончил. Нужно быть совершенным человеком, чтобы суметь **[246]** сделать подобное и оказаться в силах свернуть шею алчности и страстям. Господь бог, да славится поминание его, не даст погибнуть ни одному рабу своему, идущему по пути его! Бу-л-Касим Хакик [212], бывший недим эмира Юсуфа, человек содержательный и деловой, тоже никому не служил, он был благороден и исполнил свое обязательство. Оба они живы поныне, находятся здесь в Газне и дружат друг с другом. У меня нет возможности рассказать о дружеской привязанности всех [остальных], хотя это и не отошло бы от

правила бытописания. Поскольку этот рассказ окончен, /***255***/ я теперь возвращаюсь к истории султана Мас'уда, да будет им доволен Аллах, после устранения эмира Юсуфа и ссылки его в крепость Секавенд.

На другой день [эмир] выступил из Балака и потянулся к Шаджгаву [213]. Явились серхенг Бу Али, кутвал, и Абу-л-Касим Али Новки, начальник почты. Им обоим навсегда было приказано выезжать навстречу до этого места. Эмир их милостиво принял соразмерно достоинству [каждого]. Кутвал, как он это умел делать, привез с собой столь много вкусных яств, что им меры не было. Эмиру это пришлось очень по душе, он сказал много любезных слов и отправил обоих обратно в город. [Тогда же] он дал приказ кутвалу хорошенько подумать и расставить значительное число пехоты, начиная от Халкани [214] до кушка, чтобы не случилось беспорядка, поскольку триумфальные арки стояли [близко] одна за другой. На следующий день, в четверг, восьмого числа месяца джумада-л-ухра четыреста двадцать второго года [215], эмир с большой пышностью отправился в

столицу. Жители города, мужчины, женщины и дети, волнуясь вышли на улицы. В Халкани разбили столько роскошных шатров, что старики признавались, подобных не помнят. Рассыпали деньги без меры. Пробиться сквозь триумфальные арки можно было только с великим трудом. Много народу отправилось к Хушкруду и на поле Шабехар. Около часу пополуденной молитвы эмир прибыл во дворец Кушки Ма'мур и благополучно и счастливо там остановился. Его тетка, благородная Хатли, да будет ею доволен Аллах, по обычаю прежних лет, как делалось для эмира Махмуда, приготовила множество прекрасных яств и прислала [эмиру Мас'уду]. Ему это было очень приятно. В тот день в час предзакатной молитвы приема не было. Вечером удалили всех посторонних, и повидать эмира пришли все высокоблагородные женщины гарема [216]. В тот день и в ту ночь /***256***/ в городе было столько ликования, веселья, гулянья, питья вина, хождения и приглашения в гости, что никто подобного не помнил.

На другой день [у эмира] был прием. Он сидел в державной суффе [217] на престоле отца и деда, да смилуется над ними всеми Аллах. Начали приходить толпами жители города. Родичи, свита, военные и горожане поднесли дары сверх всякой меры, ибо в тот день на престоле сидел поистине великий султан. Стихотворцы читали множество **[247]** стихов, как видно из собраний их стихотворений. Здесь я ни одного из них не привожу, а то [рассказ] слишком растянулся бы. Толпление продолжалось до часа пополуденной молитвы, потом эмир встал, вошел в серай и [один], без недимов, угостился вином.

В час предзакатной молитвы приема не было и на следующий день приема тоже не было. [Эмир] сел верхом и поехал в сторону Супустзара, в Баги Пирузи. [Там] он посетил могилу отца, да будет им доволен Аллах, поплакал и пожаловал проживавших при гробнице людей двадцатью тысячами диремов. Законоведу Небиху и войсковому судье Насру, сыну Халафа, он сказал, что надобно поставить на работу кучу народа, дабы поскорее построить рабат, о котором приказано, и что следует хорошенько

подумать о вакфах этой гробницы, дабы они расходовались по назначению [218]. Дескать, отец мой очень любил этот сад, потому-то он и велел себя здесь похоронить, а мы-де, из большого почтения к нему, это место сделали для себя священным, чтобы приходить сюда только ради поклонения. Овощи и прочую годную для еды зелень нужно всю вырвать и не позволять, чтобы кто-либо приходил сюда гулять. «Слушаемся и повинуемся», — ответили оба, а присутствовавшие пожелали [ему] добра. Эмир вышел из сада и направился в поле. Родичи, свита и вельможи провожали его. Приехав в Афган-Шали, он остановился у гробницы справедливого эмира Себук-тегина, да будет им доволен Аллах, поклонился ей и изволил подарить людям при гробнице десять тысяч диремов. Оттуда он возвратился обратно в Кушки Довлет. Служилая знать разместилась в диванах и на другой день принялась за работу. Во вторник, двадцатого числа месяца джумада-л-ухра [219] [эмир] поехал в Баги Махмуди и там пировал. [Сад] ему полюбился и он приказал перевезти туда обозы и диваны, и придворные все переехали туда: гулямы и

гарем, диваны везирский, войсковой, посольский и управления хозяйством [220]. Вельможи и служилая знать разместились, и дела пошли, как всегда.

Воинство, раияты, вельможи /***257***/ и служилая знать все были счастливы и привязались сердцем к этому могущественному государю, и он с ними обходился любезно и благосклонно. Ежели бы так оставалось, то никакого беспорядка не произошло бы. Но кроме досточтимого ходжи Ахмеда, сына Хасана, были еще скрытые везиры, не умевшие придерживаться благоразумия и толкавшие на такие дела, коим сердце государей, особливо когда они молоды, страстно желает успеха.

Первое, что охладило сердце всех к сему государю, было то, что Бу Сахль Завзани и прочие втихомолку придумали и расписали в приятном для сердца государя виде мероприятие, что, дескать, деньги [221] присягнувшим на верность и наградные, которые брат твой, эмир Мухаммед, раздал, надобно отобрать обратно, ибо жалко и обидно оставлять за непрощенное дело туркам, тазикам и войскам разных

[248] разрядов свыше сёмидесяти-восьмидесяти раз тысяча тысяч диремов [222]. Они говорили: «Приверженцы отца [223] по двоедушию своему не хотят, чтобы Государь потребовал обратно эти деньги, поскольку они замарали себя, взявши деньги, кои подлежат возврату; это им не по вкусу. Правильно будет затребовать от казначеев список расходов, произведенный ими и отослать его в войсковой диван. Я, Бу Сахль, воинству раздам письменные виды на получение денег друг с друга [224]; пусть напишут бераты, чтобы эта сумма покрылась, а месячное жалованье выдавать не нужно в течение года, покамест эти деньги не поступят в казну от воинства и тазиков, которые уже сорок лет копят деньги и все богаты. И что они сделали такого, чтобы оставить за ними столь большие деньги?». — «Ладно», — сказал эмир.

Он остался наедине с великим ходжой и переговорил с ним на сей счет. Ходжа дал [такой] ответ: «Воля государя приказать, что ему угодно, но хорошо ли он обдумал это дело?» — «Я обдумал, — промолвил эмир,—так будет правильно — деньги большие».

«[Позволь] и [мне], слуге [твоему], подумать и потом доложить, к чему он придет, сразу ведь не скажешь. А там, что высочайшее мнение сочтет нужным, то [государь] и прикажет». — «Ладно», — согласился эмир. Ходжа удалился и в тот день и в ту ночь отдал думы свои тому делу, и показалось оно ему очень темным, ибо был он не из тех видавших виды вельмож, сметливых и хитрых, для ясного ума /***258***/ коих суть подобных вещей могла бы остаться сокровенной.

На следующий день, когда эмир кончил прием и люди разошлись, он спросил ходжу, что тот надумал насчет вчерашнего разговора. «Я пойду в терем и [оттуда] дам знать», — ответил [ходжа]. «Хорошо»,— промолвил [эмир]. Ходжа пришел в терем, позвал ходжу Бу Насра, остался с ним с глазу на глаз и спросил: «Ведомо тебе, что натворили?»— «Нет»,—ответил [Бу Наср]. «В государе-султане пробудили жажду отобрать назад все, что его брат раздал в награду войскам, благородным людям и стихотворцам, даже трубачам, барабанщикам и скоморохам. Государь со мной беседовал на сей счет,

и очень мне не понравился этот разговор. Я тогда много не говорил, ибо заметил, что эмир уж больно загорелся отобрать деньги [225] и сказал, что подумаю. Вчера днем и ночью я все размышлял об этом, но сколько ни раскидывал умом, [ничего] хорошего не вижу в этом случае, потому что выйдет [из нее] большое бесчестие и много ценностей пропадет [226], так что суметь их отобрать будет нельзя. Что ты скажешь на сей счет?» Бу Наср ответил: «Великий ходжа — начальник и наставник всех слуг, сверх того, что он признал за верное, другого быть не может. Скажу только то, что и он говорит: никто так не поступал [и никто] не читал и не слыхивал ни в какие времена, чтобы так поступали. О персидских царях, живших в далекое от нас [время], мы сведений не **[249]** имеем, но, по крайней мере, во времена ислама не было читано, чтобы халифы и правители Хорасана и Ирака требовали обратно награды и деньги за присягу. Но сейчас подобный разговор, конечно, бесполезен. Во всяком случае я, Бу Наср, все, что мне подарил эмир Мухаммед, золото и серебро, некроеные ткани, кафтаны и платки держу

сложенными в порядке, ибо, по правде говоря, я предвидел такое время, Я сегодня же отошлю [все] в казнохранилище, раньше, чем дадут кому-нибудь письменный вид на получение с меня этого добра, и честь моя будет поругана. Вести переговоры на сей счет бесполезно. Что касается моего, то тут просто, поскольку у меня все налицо, но ежели бы [налицо] не оказалось, как бы я сумел возместить? Что же касается достояния какого-нибудь ексувара или небольшого человека, тут разговору будет много и [придется] им поломать голову. Не знаю, сколь далеко зайдет дело, потому что этого милосердного, доброго и совестливого государя не оставят в покое, как уже замечалось за ним. Все эти постановления войдут в силу, каков только будет конец?» Великий ходжа на это сказал: «Придется [тебе] пойти и передать от меня [эмиру] сообщение весьма решительное и без боязни огорчить, дабы к завтрашнему утру, когда это безобразие совершится, — может быть, /***259***/ что он и одумается, — я бы уже снял с себя ответственность за [него], и эмир не мог бы сказать, дескать, никого не оказалось, кто бы

рассказал о мерзости этого дела». Бу Наср пошел и передал сообщение, очень твердое и решительное. Пользы [оно] не принесло, ибо горе-везиры уже успели дело закрепить. Ответ эмира был таков: «Дескать, ходжа говорит прекрасно, мы подумаем и то, что признаем за благо, прикажем». Бу Наср возвратился обратно в терем и рассказал обстоятельно о том, что говорил. «Пользы не будет», — заключил он.

Ходжа отправился в диван, а Бу Наср, вернувшись домой, послал скрытно верного человека к казначеям и попросил составить список того, что ему в пору царствования и правления эмира Мухаммеда дали: золота и серебра, кафтанов и разного добра. Они составили и прислали, он возвратил [ценности] и все тотчас же отослал в казнохранилище. В доказательство он взял от казначеев расписку на списке же. Известие об этом довели до эмира. Оно было [выслушано] с одобрением, поскольку Бу Сахль Завзани и другие заранее говорили, что так будет с имуществом всех [прочих]. На два-три дня засадили Бу Мансура Мустовфи, казначеев, мушрифов и

дебиров казнохранилища составить список награждений и подарков, которые в свой черед царствования брат его, эмир Мухамед, раздал служилой знати, столпам государства, свите и разного рода людям. [Сумма] ценностей оказалась преогромной. Эмир просмотрел [список], передал Бу Сахлю Завзани и сказал: «Мы завтра уезжаем на охоту в Жех; это дело займет дней двадцать, тогда мы двинемся, скажи, чтобы написали **[250]** бераты для сих на тех, от того на этого, дабы ценности возместили в счет жалования [227] и представили в казну то, что надлежит представить». — «Сделаю так», — ответил тот.

В этот день, в пятницу, первого числа месяца раджаба [228] сего года, он направился в Жех на охоту со значительным припасом и снаряжением, а досточтимый ходжа, ариз и начальник посольского дивана остались в Газне. После отъезда эмира стали рассылать бераты. Поднялись невероятные разговоры, и совершился такой позор, что с трудом можно описать. Каждый, кто приходил к великому ходже и жаловался, слышал в ответ: «[Это] дело

султана и ариза, а я тут ни при чем». Каждому из недимов, свиты или кому иному, /***260***/ кто разговаривал с эмиром, тот отвечал: «[Это] дело ходжи и ариза»,— и прикидывался, будто он сам не понимает, что делается. Применялись строгости и насилие и в конце концов много ценностей пропало. Сердца сразу охладели и все расположение и благожелательство [к эмиру], кои наблюдались раньше, исчезли. Бу Сахль не сходил с уст людей, все [зло] видели в нем, хотя у него были товарищи в этом деле. Их имена не упоминались, а о нем пошла дурная слава. Он раскаялся, но без пользы. Среди пословиц есть такая: *отмерь, потом отрежь*, он же сначала отрезал, не сняв мерки, потом сшил, и вышли сапоги и кафтан тесные и несуразные.

О СЕЙЛЕ [229]

В субботу, девятого числа месяца раджаба [230], в промежуток между двумя молитвами [231] шел мелкий-мелкий дождик, так что он слегка смачивал почву. В русле газнийской реки расположилась кучка пастухов и остановила там же скот. Сколько им ни

говорили: «Вставайте, мол, и уходите, нелепо находиться на пути сейля», — они не слушались, покамест дождь не пошел сильней. [Тогда] они нехотя поднялись и подались к подножию стен, что примыкают к околотку Дихи Ахангеран, [там] укрылись и успокоились. Но и это было ошибкой. А по ту сторону реки, на стороне Афган-Шали, среди деревьев, привязали множество султанских мулов, до [самых] стен мельницы. Протянули коновязи, разбили шатры и спокойно сидели. И это тоже было ошибкой, ибо и они находились на пути сейля. Пророк наш Мухаммед, избранник божий, да благословит его Аллах и да приветствует, сказал: *Спаси нас боже от немых и глухих*, и этим двум немым и двум глухим пожелал и воды и огня [232]. Этот мост в то время был не таков. То был мост крепкий, возведенный на прочных опорах, настил был положен мощный, довольно низко, а на нем друг против друга в два ряда были лавки, как и сейчас. Когда его разрушил сейль, купец Абавейх [233], человек благочестивый и добрый, да смилуется над ним Аллах, построил вот этот **[251]** мост. Один свод,

очень хороший и красивый, остался [как] прекрасный след [былого]. Подобные вещи остаются на память о людях!

/***261***/ В час предзакатной молитвы полил такой ливень [234], какого в памяти не имели, и продолжался он еще долго после часа молитвы на сон. А когда миновала одна стража ночи, приспел сейль, какого, признавались древние старики, на их памяти не бывало. Он нес с собой вырванные с корнем деревья и нахлынул внезапно. Пастухи сбежали и спасли себе жизнь, точно также и погонщики мулов, а коров и мулов увлек за собой сейль и достиг моста. Поскольку пролеты [моста] были узкие, то где было сразу пройти такой куче наносов, деревьев и животных. Своды моста закупорило, так что воде проходу не было и она повалила через настил. А сейлю все прибывала подмога, словно приспевало яростное войско. Вода в реке стала выходить из берегов, хлынула на базары, так что дошла почти да лавок менял и причинила много ущерба. Еще счастье большое, что [вода] сорвала мост вместе с лавками и проложила себе путь. Однако множество караван-

сараев, бывших в рядах, она разрушила; все базары были уничтожены. Вода доходила до развалин крепости, как было в старину, еще до времени Якуба, сына Лейса, потому что сей шаристан и Газнийскую крепость привел в благоустроенный вид уже Амр, брат Якуба.

Эти события весьма прекрасно описал устад Махмуд Варрак в сочиненной им в четыреста пятидесятом году [235] истории, [обнимающей] несколько тысячелетий до лета четыреста девятого [236]. /***262***/ Он остановил перо в силу того, что я начал [мою «Историю»] с этого девятого года. Сей Махмуд — человек достойный доверия, с мнением коего считаются. В похвалу ему у меня имелось пространное слово: я видел до десяти-пятнадцати его замечательных сочинений по разным вопросам. Когда весть дошла до его сыновей, они позвали меня и сказали: «Мы, его сыновья, не согласились бы, чтобы ты подхватывал или опускал слова; отца нашего до того, как он их сказал». Я, конечно, воздержался. Этот сильный сейль причинил людям столько убытков, что и сосчитать невозможно. На

следующий день по обеим сторонам реки: стояли люди и глядели. Около часу пополуденной молитвы сейль стих. Несколько дней моста не было, и люди с трудом перебирались с одной стороны на другую и обратно, покуда снова не навели мосты. Я слышал от нескольких достойных доверия завульцев [237], что после того, как сейль прекратился, жители находили золото, серебро и испорченную одежду, которые сейль занес туда. Один только господь бог, велик он и всемогущ, может знать, что от богатства досталось голодающим!

С охоты в Жехе эмир переехал в Баги Седхёзар в субботу, шестнадцатого числа месяца раджаба и провел там семь дней в развлечениях и питье вина, покуда не прибыли добытые животные, и охота **[252]** кончилась. Затем он оттуда прибыл в Баг-и Махмуди.

За несколько дней до этого из Рея привезли письма, что дела идут хорошо, что Сын Каку и окрестные господа успокоились, твердо придерживаются договора, ибо они испытали на себе не такого рода победу, которая понуждала бы их предаваться

сновидениям [о восстании]. Однако нужен туда салар властный и знающий дело, ибо Рейская область весьма велика, как государь видел сам, и хотя сейчас никакого беспорядка нет, но случится может. Эмир, да будет им доволен Аллах, заперся с досточтимым ходжой Ахмедом, сыном Хасана, вельможами и столпами государства, с господами пера и меча и [с ними] на сей счет совещался.

«С этой большой и обширной области доход велик, — сказал эмир, — ни в коем случае нельзя ее бросить после того, как мы завоевали ее мечом. Враги там не такие, чтобы их страшиться. Останься я в том краю еще немного, все было бы захвачено до самого Багдада, потому что во всем Ираке, можно сказать, нет ни одного воина, который бы годился, /***263***/ есть только толпа мужиков-широкоштанников. В Рей нам надобен салар очень благоразумный и бдительный и кедхудай, — кто достоин этих должностей?» Все молчали, что-то скажет ходжа Ахмед. Ходжа обратился к собравшимся и промолвил: «Отвечайте же государю». —«Лучше бы начать досточтимому ходже, — ответили они,— а

потом и мы, каждый в меру своего разумения, что-нибудь скажем».

Да будет долгой жизнь государя, — начал ходжа, — Рей и Джибаль — область большая, с громадным доходом. В пору [правления] дона Буйе были там могущественные щаханшахи и кедхудаи, вроде Сахиб Исмаила Аббада, да и помимо него. Как читается в книгах, рейское дело целиком поглотило казну дома Самани, ибо Бу Али Чагани с сыном долгое время ходили туда, занимали Рей и Джибаль, но приходили, снарядившись, государи дома Буйе и снова их изгоняли. Али Чагани со своим сыном до тех пор занимались этим делом, покуда не пали, и саларство в Хорасане не перешло к Бу-л-Хасану Симджуру. Это был человек хитрого склада ума и плут, но не храбрец и не человек сердца. Он встрял [в это дело] и заключил соглашение между государями домов Самани, Буйе и Фенна Хусровом, чтобы ежегодно из Рея в Нишабур доставляли четырежды тысячу тысяч диремов для раздачи воинству. Установился мир, и мечи были вложены в ножны. Тридцать лет это соглашение оставалось [в силе],

покуда Бу-л-Хасан не помер, дело дома Самани, как равно и дома Буйе, не погибло, и эмир Махмуд не захватил Хорасан. После этого покойный эмир на тайных совещаниях много раз говорил со мной о Рее, надо, дескать, попытаться захватить те места, а я отвечал: «Как будет угодно государю, ради той области не приходится бояться, правит им женщина» [238]. Он смеялся и **[253]** говорил: «Будь эта женщина мужчиной, нам бы пришлось держать в Нишабуре много войска». И покуда эта женщина не пала, он на Рей не посягал, а когда покусился, и Рей достался [ему], он посадил там государя [239]. Эта область от нас весьма далеко. [Тогда] сень государя была иной, и ныне будто иная. Слуге [твоему] было бы милей отдать эту область Сыну Каку — он хотя и враг наполовину, но от него можно ожидать соблюдения справедливости, и [тогда] не было бы нужды держать там большое войско и салара. С Сыном Каку заключили бы условие о харадже, который он ежегодно платил бы, а казии и начальники почт от высочайшего двора /***264***/ состояли бы при нем и были его заместителями в той области».

«Я об [этом] думал, и оно прекрасно, — ответил эмир, — но имеется большой недостаток и сей недостаток заключается в том, что покуда Сын Каку был только в Исфагане, то и тогда Маджд-ад-довле и рейцы постоянно терпели от него обиду и беспокойство, а теперь, когда в его руки попали Рей, Кум, Кашан и все те области, он еще год-два останется спокойным, а потом зазнается, станет мечтать, как бы сделаться шаханшахом, и поведет вперед народ. Нет, обязательно нужно послать властного салара со значительным войском, чтобы его свалить. Хватит ему одного Исфагана, как нашему наместнику там. Салар и кедхудаи, которых мы сегодня пошлем, пусть стоят у него над головой и душой, а Рей и Джибаль пусть достанутся нам. От этих зубов Сын Каку будет держать голову опущенной долу».

«Тут государю надлежит поступить по своему усмотрению, — промолвил ходжа, — но что государь скажет о гурганцах и Бакалиджаре, что думает [о них]?» — «Бакалиджар неплох, — ответил эмир, — да только дело Гургана и Табаристана

пошло вкривь, поскольку мальчик, сын Минучихра, не вышел такой, как нужно, и в голове у него нет высоких помыслов о царстве. Ежели он будет отстраняться от управления, то Джибаль и область пойдут прахом. Значит, обязательно туда нужно послать салара». — «Итак, наша обязанность — назначить внушающего уважение салара, — сказал ходжа, — все [слуги] пред лицом и сердцем государя, как те, кто при деле и на службе, так и те, кто в заключении не восстановит ли их милосердие и благосклонность государя?» — «Ни в коем случае нельзя возлагать доверие на заключенных, — возразил эмир, — потому что каждый из них задержан за большое преступление, они не достойны нового доверия. А вельможи, что состоят при дворе, все исправляют какую-нибудь должность, вроде старшего хаджиба, начальника дворцовых гулямов и тому подобного. Они не могут отлучаться от своего места, чтобы не произошло беспорядка. Надобно [назначить] из других».

«Что скажет государь насчет Али Дая? — спросил [ходжа], — он Человек знатный и деловой. В

отсутствие государя он сослужил такую **[254]** службу, что никому не тайна. Или [насчет] Аяза, прекрасного салара, который с покойным эмиром был во всех делах?» — Эмир ответил: «Али весьма достойный [вельможа] и к делу пригодный, мы пожалуем ему высокую должность, как [после] будет сказано ходже. Аязу оказано много ласки и любви, и хотя он вылитый отец наш, но из дворца он далеко не отлучался, горячего и холодного не отведывал, и никакого опыта у него не накопилось. /***265***/ Некоторое время ему надобно будет состоять при нас вне дворца, пошагать на любой службе, чтобы пройти испытание, а там посмотрим — то, что понадобиться приказать, прикажем».

«Слуга [твой] высказал, что знал, — промолвил ходжа, — нет сомнения, что государь [все] обдумал и решил; высочайшее мнение превыше всего». — «Сердце мое остановилось на Ташферраше, ибо он отцовский [питомец], был с нами в Рее, там мы его вывели в знать и таким он остался. А теперь пускай он спешно отправится в Нишабур, останется там месяца на два на три, потому что есть важное дело —

ходже о нем будет сказано, — пускай покончит с этим делом и затем двинется в Рей. Когда же мы зимой направимся в Балх, то назначим кедхудая, начальника почты и других лиц, коих надлежит назначить, дабы и они туда поехали». — «Государь весьма прекрасно надумал и изволил выбрать, — заметил ходжа, — только нужно, чтобы люди отправились [туда], подкрепленные воинами, оружием и снаряжением». — «Именно так, — ответил эмир, — что следует приказать, будет приказано».

Приближенные разошлись. Эмир велел приготовить весьма красивый почетный халат для Таша, золотой пояс, двурогую шапку, золотое узорочье на седло, весом в тысячу мискалов, двадцать гулямов, сто тысяч диремов, шесть слонов с тремя слонихами, десять штук одежды со своего плеча, литавру и знамя. Приготовили как можно лучше и все [прочее], что к тому полагается [240] осталось от сего месяца, эмир открыл прием, а когда он с приемом покончил, то приказал Ташферраша отвести в вещевую палату, надеть на него халат и представить [ему]. Эмир

сказал: «Да будет благословен сей халат иракского салара для нас и для тебя! Знай, у нас есть множество слуг, но мы облекли тебя этим саном и удостоили этой честью потому, что ты послужил нам в Рее и был нашим саларом. Сколь много ты будешь усерден в службе, столь много же мы повысим [нашу] милость [к тебе], твое достоинство и сан». Таш облобызал землю и ответил: «Раб [твой] сам не обладал достоинством и саном и был из самых малых слуг государевых, государь же повелел то, что достойно его величия. Слуга [твой] приложит старание и молит господа, велик он и всемогущ, о помощи, дабы сослужить [государю] такую службу, которая отвечала бы [его величию]». Он [еще раз] облобызал землю и удалился домой. **[255]** Придворная знать направилась к нему и поздравила его по чести.

/***266***/ Через неделю эмир с Ташем уединились. Великий ходжа Ахмед, сын Хасана, ходжа Бу Наср Мишкан и Бу Сахль Завзани, все они, [тоже] были на том тайном совещании. Эмир дал Ташу повеления касательно Рея и Джибаля и сказал: «В Нишабуре

[тебе] придется пробыть три месяца, покуда назначенные войска не подойдут туда и сахиб-диван Сури не выдаст жалованье; затем, приготовившись, надо выступить. Ягмару, Буке, Кокташу и Кзылу мы приказали явиться к тебе в Нишабуре со всеми туркменами. Саларом у них пусть будет хаджиб Хумарташ. Надобно постараться этих предводителей устранить — в голове у них крамола, это нам твердо известно — а туркмен задобрить и препоручить [Хумар]ташу; и тогда отправиться в Рей». — «Слушаюсь и повинуюсь», — ответил [Ташферраш] и удалился.

«Да будет долгой жизнь государя, — сказал ходжа, — с самого начала было ошибкой призвать этих туркмен и посадить внутри своего дома. Много я говорил тогда Алтунташу, Арслан Джазибу и прочим, но без пользы, ибо покойный эмир был человек в решении самовластный, и сию ошибку совершил он. Сколь много объявлялось последствий, чтобы разодрать им загривок и выставить из Хорасана, а государь их снова привел. Теперь, когда они успокоились, и народ сей приступил к службе,

их нужно препоручить какому-нибудь салару, но устранить их предводителей — нехорошо; они почуят неладное и прямодушны не будут». —«Да ведь это просили [сделать] некоторые из их же предводителей, — ответил эмир, — сделать это нужно, они успокоятся». —«Я уже несколько лет в эти дела не вникал, — заметил ходжа, — государю, конечно, лучше известно. То, что усматривает его величество, слуги видеть не могут. [Решение государя] — правильно», — и он поднялся. Идучи по дороге в диван, он сказал Бу Насру Мишкану и Бу Сахлю Завзани: «Весьма странное решение! Снимаю с себя ответственность, а вы оба будьте мои свидетели», — и ушел.

Через несколько дней после этого эмир сказал ходже: «Хиндустан без салара не обойдется, кого бы назначить?» — «Государь слуг своих знает,— ответил [ходжа],—и, верно, наметил слугу достойного этой должности, а должность весьма важная и знаменитая. Поскольку там был такой, как Арьярук, и было проявлено большое могущество, /***267***/ нужен кто-нибудь подстать ему, хотя дела и

вершатся величием государя. Требуется, наконец салар сведущий, поучившийся». — «Сердце мое остановилось на Ахмеде Йинал-тегине, — сказал эмир, — хотя он и не бывал помощником салара. Был он казначеем нашего отца, служил во всех походах, видел и знаком с обстоятельствами жизни и обычаями покойного эмира».

Ходжа призадумался. Плох он был с Ахмедом по той причине, что от того исходили нападки в то время, когда разбиралось дело ходжи. **[256]**

Он же скупил за бесценок домашний скарб ходжи, когда его заключили. Отплатить [ему ходжа] еще не успел и только теперь велел произвести перепись имущества Ахмеда Йинал-тегина [241], несправедливо придирался и вел с ним споры, чтобы оттягать у него кое-какое добро,— таким способом он хотел наложить целебный пластырь на сердечную рану, поскольку эмир ему, благоволил. К тому же ходжа был весьма плох с Казием Ширазским, Бу-л-Хасаном Али, вследствие того, что эмир Махмуд несколько раз говорил, как бывало у него в обычае: доколе,

дескать, будет такое прославление Ахмеда? Уж не потому ли, что у нас нет других людей, чтобы быть нашим везиром? Вон один — Казий Ширазский! А Казий не стоил и десятой доли сего могущественного вельможи, но цари, что хотят, то и говорят; приводить для них доказательства не приходится никогда. [Вот] ходжа и надумал на том совещании натравить на Казия Ширазского такого могучего вельможу, как Ахмед Йинал-тегин, чтобы этот его обесславил. «Да будет долгой жизнь государя, — сказал он, — [государь] очень хорошо придумал, нет достойней Ахмеда, только надо, чтобы Ахмед все скрепил присягой и оставил здесь заложником своего сына». —«Именно так, — ответил эмир, — пускай ходжа его позовет и то, что необходимо на этот счет, ему скажет и сделает».

Ходжа явился в везирский диван, вызвали Ахмеда Йинал-тегина. Он очень испугался новой неприятности, с которой может столкнуться, но пришел. Ходжа его усадил и сказал: «Ты знаешь, были с тобой счеты за несколько лет, потому что я дал торжественную клятву, что буду изо всех сил

стараться в государевых делах. /***268***/ Тебе не должно представляться, что я на тебя в обиде или у меня какое-нибудь намерение [на тебя]. Ты на меня не сердись, — там, где дело идет о выгоде государя-султана, у слуг [его] державы [дружеского] совета и снисхождения совсем не остается». Ахмед облобызал землю и ответил: «У слуги [твоего] таких нелепых мыслей совсем нет, ибо он не первый день видится с господином, а встречался с ним многие годы. Благополучие слуг заключается в том, что повелит султан-государь и признает за верное великий ходжа».—«Султан сегодня беседовал [со мной] тайно,— сказал везир, — и речь шла о разных делах, но главным образом о положении в Хиндустане. Там, сказал он, есть один носитель дурра'ы вроде Казия Ширазского, да из него салара не выйдет. Туда надобно отправить именитого салара, властного, который бы совершал походы и собирал харадж. Казий пускай несет заботу о податях и налогах, а салар в подходящее время пускай ходит воевать, взимать харадж и [забирать] слонов, да бил бы мятежных индийцев по макушке. Когда же я

спросил, дескать, государь всех слуг [своих] знает, кого, мол, он соизволит назначить, то он ответил, что сердце-де мое останавливается на Ахмеде Йинал-тегине. О тебе у государя мнение весьма доброе, да **[257]** и я тоже рассказал, что знал о твоей доблести и деловитости. Повелел он мне тебя позвать, от лица Высокого собрания по-дружески с тобой поговорить и уладить твое дело, чтобы ты мог отправиться. Что скажешь?».

Ахмед облобызал землю, встал и промолвил: «У меня, слуги, нет слов для благодарности за это благодеяние, я не считаю, что заслуживаю сей [высокий] чин. Слушаюсь и повинуюсь. Всякую службу, кою мне прикажут, я исполню со всем усердием, так чтобы было ясно, что никакого снисхождения и наставления не требуется». Ходжа тепло с ним побеседовал, наговорил добрых слов и отпустил. [Затем] он позвал Музаффара Хакима, недима, рассказал ему, что происходило и добавил: «Скажи эмиру, что надобно приказать приготовить Для Ахмеда Йинал-тегина халат лучше, чем смастерили для Арьярука, когда тот [поехал] саларом

в Хиндустан. А Бу Наср Мишкан пусть напишет ему жалованную грамоту, дабы ее украсить царской печатью. По облачении необходимо совершить все положенное для торжественного скрепления этого дела, дабы он в скорости же мог уехать, вступить в должность и поспешить отправиться в поход».

Музаффар пошел и словесное сообщение передал. Эмир велел приготовить Ахмеду халат, барабан, знамя, литавру и все, что полагается к тому, что дают саларам. В воскресенье второго числа месяца ша'бана сего ***/269***/ года [242] эмир повелел отвести Ахмеда Йинал-тегина в вещевую палату и надеть [на него] халат, халат весьма драгоценный. Он предстал [перед султаном], опоясанный золотым тысячным [243] поясом, в двурогой шапке — конский убор его тоже был тысячный — и исполнил обряд преклонения [перед государем]. Эмир с ним милостиво поговорил, и Ахмед Йинал-тегин удалился. С большими почестями он отправился домой, и его поздравили весьма достойно.

На другой день он явился во дворец. У эмира было тайное собеседование с великим ходжой и ходжой Бу Насром, начальником посольского дивана. Позвали Ахмеда и он выслушал повеления из высочайших уст. Оттуда перешли в терем и все трое остались одни. Написали жалованную грамоту и соглашение с ответами, скрепив оба царской печатью; их отнесли к Ахмеду. Принесли присяжную грамоту, он присягнул, как положено, и подписался под ней. [Ее] представили эмиру и отдали на хранение даватдару.

«Этот человечишка ширазский, — говорил ходжа Ахмеду Йинал-тегину, — [этот] закоренелый пакостник хочет, чтобы салары были под его началом. Имел он дело со слабушей вроде Абдаллаха Кара-Тегина, а когда услышал имя Арьярука, то понял, что появился зубастый человек, стал искать послать туда амиля и мушрифа и послал Бу-л-Фатха Дамгани и Бу-л-Фереджа Кермани. Они тоже не справились с Арьяруком. То, что приключилось с Арьяруком, случилось оттого, что он **[258]** вершил дела по своему усмотрению. Тебе же, как салару, надлежит поступать согласно соглашению и ответам

[султана]. Во взимание податей и налогов ты, разумеется, не вмешивайся, потому что слов твоих никто слушать не станет, что же касается правил саларства, то ты их исполняй полностью, так чтобы тот человечишка тебя не опутал и не посчитал бы бессильным. Бу-л-Касим, сын Бу-л-Хакама, начальник почты, человек надежный, он сам в свое время сообщает о том, что происходит, султанские и диванские постановления [туда] поступают, так что Высочайшего собрания ради вам обоим беспокоиться нечего. То, что надлежит писать ко мне, нужно писать совсем откровенно, чтобы [на это] приходили решительные ответы. Высочайшее мнение рассудило так, чтобы с тобой было отправлено несколько человек дейлемских вельмож, как-то: Бу Наср Тейфур и другие, дабы они находились подальше от [государева] двора, ибо люди они чужие, а также несколько человек, из-за которых в их областях поднимается желание отколоться, вроде бамианского Бу Насра, брата балхского за'има, сына дяди рейса, и еще несколько человек строптивых дворцовых гулямов, совершавших обманы. Им нужно

объяснить, что их хотят отпустить [на волю] и дать вознаграждение, и [нужно] показать им, что они состоят в твоем хейле.

Их придется взять с собой /***270***/ и обращаться с ними очень приветливо и ласково, но, конечно нельзя, чтобы хоть один из них переправился через реку Чандраха [244] без повеления султана и без твоего ведома и пропуска. Когда пойдете в поход, этих людей нужно брать с собой и присматривать за ними хорошенько, чтобы они не якшались с лахорским войском, [вместе] не распивали вино и в човган не играли. Держи среди них лазутчиков и соглядатаев, это относится к делам важным, коих откладывать нельзя. Бу-л-Касим, сын Бу-л-Хакама, на сей счет мастак, ему будет написано, чтобы он с тобой сговорился и исполнил бы все, что для этого необходимо. А что до прочего, на что была высочайшая воля, жалованная грамота и ответы соглашения, то [все] готово. О том, что ты слышал тайного, тебе дан приказ государя, и [это] должно держать в тайне. Когда приступишь к делу, о прочих обстоятельствах, кои вновь возникнут, докладывайте

каждый, что его касается, дабы как только придут повеления, поступать согласно им».

«Слуге [твоему] все ясно, — ответил Ахмед Йинал-тегин, — будет приложено старание, чтобы не случилось непорядка». И он удалился. Ходжа вслед за ним послал словесное сообщение через своего хаджиба Хасана, что, дескать, высочайше повелено тебе оставить здесь твоего сына, а жену и детей скрытоликих [245] ты безусловно возьмешь с собой. Устрой дело этого сына, чтобы он мог оставаться в твоем серае с воспитателем и управляющим, потому что там он сможет держать себя свободней. Государь, щадя твое сердце, не захотел, чтобы этот сын жил в серае дворцовых гулямов. Мне было совестно тебе об этом говорить **[259]** не от тебя бы требовать заложника. Хотя султан на сей счет никакого приказания не давал, все же отступать от условий и правил нельзя. У меня нет иного выхода, как блюсти выгоды государства, малые или большие, даже за счет твоих выгод и тебе подобных». Ахмед ответил: «Слушаюсь. Благо мое и сегодня и завтра будет заключаться в том, что усматривает и

приказывает великий ходжа». Он вежливо обошелся с хаджибом и отослал его обратно. Дело сына он с готовностью уладил, справили и все другие саларские дела [согласно тому], как он это видел [раньше] и перенял; на сей счет он был дока.

Когда все было приготовлено, он попросил разрешения отбыть и получил [его]. В субботу, за пять дней до конца месяца шабана [246] эмир выехал [из дворца] и прибыл на поле Шабехар со множеством народу. Он сидел на слоне в балдахине и остановился напротив дуккана. Появился Ахмед Йинал-тегин, одетый /***271***/ в кафтан яхонтового цвета, и поклонился. Мимо проследовал великолепный поезд, [состоявший] из множества воинов в полном вооружении: серхенги, дейлемцы и прочих разрядов люди, кои были назначены с ним. Вслед за ними прошли сто тридцать султанских гулямов, большей частью с пробивающейся бородой [247], которых эмир освободил и препоручил ему, с тремя дворцовыми серхенгами и тремя значками со львом и дротиками, по обычаю дворцовых гулямов, а за ними литавра и знамя Ахмеда из алого шелка,

манджук, семьдесят пять гулямов и много заводных лошадей и быстроходных верблюдов. Эмир сказал Ахмеду: «Ступай счастливо, будь благоразумен и сознавай цену сего благодеяния. Имей перед глазами нашу особу, служи похвально, дабы заслужить много милости». Тот ответил, что исполнит все необходимое по службе и поклонился. Выкликнули коня салара Хиндустана, он сел и поехал. *И на сем кончились встречи с ним*, потому что совратили человека с прямого пути и пошел он путем кривым, как потом, в своем месте, будет поведано. Змир возвратился обратно в Кушки Махмуди в Афган-Шали, поскольку он уже [осуществил все] мероприятия, [кои надлежало сделать] в ша'бане, согласно сему двустишию, сочиненному стихотворцем Бухтури [248], стихи:

*Оба кравчих моих, разрешая ша'бан,
Сладчайшей амброзии райской налили*.

Вернули обратно в кушк и обозы. Приготовились к благоговейному времени месяца рамазана.

В понедельник, в первый день месяца [249], запостились. Во вторник эмир сел в большой суффе поесть хлеба [250] вместе с вельможами. Все было обставлено с большим благолепием. Затем в дежурном покое хаджибов и недимов сели за стол вместе с ними эмиры Са'ид и Мавдуд, а хейльташи и накибы в других покоях; но обычно султан разговлялся в серае один. Эмир повелел обследовать тюрьмы [города] Газны **[260]** и его области и [также] крепости, проверить списки заключенных и просмотреть их имена, дабы насчет каждого он приказал то, что приказать надлежит. Он же распорядился выдать из казны тысячу тысяч диремов бедным и нуждающимся города Газны и его области. По всей стране разослали письма, чтобы надушили мечети благовонием и устраивали собрания [251]. Однако о деньгах зеката [252], которые отец его, да будет им доволен Аллах, ежегодно давал, он ничего не приказал. Но никому не пристало на сей счет что-либо говорить, /***272***/ ибо великие государи повелевают то, что им больше по нраву, и их слугам

не подобает их осуждать. С ними лучше молчать всякому человеку, ибо [тут] действует судьба.

Этим летом Бу-л-Касим Али Новки, начальник почты Газны, просил Бу Насра Мишкана, чтобы он ввел его сыновей в посольский диван — а между ними я наблюдал дружбу, превосходившую братство — и Бу Наср дал согласие. Старший его сын Музаффар, умница, уже стоял на ногах как в пору эмира Махмуда, так и ныне. В ту пору, помимо дебирства и месячного жалования [253], кое он имел, на нем лежала еще весьма секретно обязанность мушрифа над дворцовыми гулямами, так что поставщики продовольственных припасов в висаки приходили к нему и все тайны гулямов, которые они узнавали, передавали ему, чтобы он письменно изъяснял их смысл и из своих рук, без посредника, представлял [султану]. У эмира Махмуда в этой тайне было полное доверие к Бу-л-Касиму, и я видел, как Музаффар несколько раз получал значительное вознаграждение. Он был мой большущий приятель, очень дельный молодой человек, с красивым почерком, но в искусстве дебира он хромал. Помер

он в молодые годы, да смилуется Аллах над сыном и над родителем.

Наставник мой о сыновьях Бу-л-Касима переговорил с эмиром и получил позволение: Бу Мансур и Бу Бекр были приняты в посольский диван. [Бу Наср] послал их к эмиру, чтобы они поклонились ему и принесли подарок. Бу Мансур был образован, воспитан и обладал хорошим почерком. По повелению эмира, его вместе с эмиром Мавдудом отправили в Лахор, как я расскажу, но было в этом Бу Мансуре какое-то злоязычие и злодушие. Умер он в молодости, да смилуется над ним Аллах. Бу Бекр тоже был образован, воспитан и с хорошим почерком. Несколько времени он оставался в диване, но нрав его склонялся к коварству, покуда его не постигла беда, как я расскажу в своем месте. *Не восставай против приговора Аллаха, да славится поминание его!* Из посольского дивана он выпал, но, приняв во внимание старые заслуги отца, государи над ним сжалились и дали ему должность мушрифа в области Гири [254]. Он уже долгое время,

как находится там, и ныне в лето четыреста пятьдесят первое [255] пребывает там же. **[261]**

Самым младшим братом был Бу Наср, но благородным с обеих сторон, как по отцу, так и по родительнице, происходившей от хаджиба Махмуда, главы /***273***/ хаджибов Бу-л-Хасана Симджура. Само собой, произошло так, как должно было [произойти] — он остался в посольском диване, благодаря своему уму и скромности, сделался дебиром с прекрасным почерком и получил должность начальника почты Газны. За это время ему поручали еще несколько должностей, как-то: начальника войсковой почты и другие, все значительные, перечисление коих растянулось бы. В конце концов вышло так, что в счастливую пору справедливого султана Абу Шуджа Фаррухзада, сына Поборника веры в Аллаха, он сел в посольском диване, а когда пришла надобность, чтобы в сем большом, столичном городе был дельный рейс из старинного дома, то избрали его и он получил достойный халат. Ныне, когда я пишу это сочинение, он исправляет эту должность и сверх того должность начальника почты. Он мой старинный

друг, и читателям моей «Истории» надобно милостиво и великодушно простить [мне] докучливость и надоедливость, ежели я слишком растягиваю речь; но обязательно приходится отдать должное дружбе, особливо, когда она очень старинная. *Да поможет Аллах завершить то, что задумано мной по милости его!*

Третьего числа месяца рамазана [256] эмир сказал старшему хаджибу Бильга-тегину, что, дескать, надобно согнать в стороне Хармарга хашар [257], потому что мы хотим там устроить охоту. Хаджиб пришел в наш диван и вызвал сыновей Ниязи Кавдкеша [258], коим было поручено это дело. Они потребовали роспись, находившуюся у нас в диване для подобных вещей. Написали распоряжения, хейльташи отправились и собрали пеший хашар. В субботу тринадцатого числа сего месяца эмир поехал в Хервар и Хармарг [259], и там состоялась великолепная охота. В Газну эмир возвратился в воскресенье, за семь дней до конца этого месяца [260].

В понедельник, за два дня до конца месяца рамазана [261], [эмир] сел отпраздновать михреган. Ему поднесли столько пожертвований [262], даров, редкостных вещей и верховых животных, что не было им ни краю, ни меры. Сахиб-диван Сури переслал [своему] представителю [263] несметное множество [добра], чтобы тот поднес его [эмиру]; точно также и представители соседних высоких особ, как-то: хорезмшаха Алтунташа, чаганьянского эмира, гурганского эмира, правителей Кусдара и Мекрана и другие много чего привезли. День прошел славно.

В среду устроили празднество. Эмир, да будет им доволен Аллах, Приказал сделать [все] так, /***274***/ как я видел в пору покойного султана отца его, да смилуется над ним Аллах, когда случалось, в столицу приезжали послы от знатных особ и государей Ирака и Туркестана. Окончив торжество, эмир с площади перешел в большую суффу. Там **[262]** с большой пышностью было подано угощение. Эмир сел, усадили родичей; свиту и вельмож. Явились стихотворцы и [начали] читать стихи; вслед

за ними заиграли и запели мутрибы, и в круговую пошло вино как за этим столом, так и за столом, где были серхенги, хейльташи и разных разрядов военные. Пили много, так что из-за стола разошлись пьяные. Эмир за столом выпил несколько чаш. На большом, главном престоле [264] в суффе был открыт прием. Созвали такое собрание, что подобного ему никто не помнил. Явились везир, ариз, начальник посольского дивана и недимы. Дворцовые и позванные со стороны мутрибы принялись за дело, и поднялось веселье, как будто в сей обители не остались горести и вся она бежала.

Стихотворцам менее известным эмир пожаловал по двадцать тысяч диремов, к Аляви Зинати [265] свезли домой пятьдесят тысяч диремов на слоне, Унсури [266] дали тысячу динаров, а мутрибам и скоморохам — тридцать тысяч диремов. Стихи, которые читали, все помещены в диванах. Ежели бы я написал их здесь, то вышло бы очень длинно, потому что мастера читали много [стихов], описывая собрание и вино, прославляя праздник и восхваляя царей. Здесь я записал [только] одну касыду, которая оказалась у

меня, весьма прекрасную. В ней описываются кончина султана Махмуда, восшествие [на престол] Мухаммеда, прибытие из Исфагана эмира Мас'уда, да будет им доволен Аллах, и все события. Причина тому была такова: в то время, когда я довел свою «Историю» до этого места, мне случилось беседовать с устадом Бу Ханифой Искафи, а я уже очень много слышал о его образованности, воспитанности и знаниях. Однако, когда я его повидал, то гораздо лучше понял это двустишие, [сочиненное] Мутанабби:

Я слухам придал большое значение до встречи с ним,
И вера наша не умалила достоверность вестей*.

В разговоре я сказал, что хотя тебя, мол, в пору покойных султанов не было, дабы они [могли] услышать твои стихи, но [несомненно], награда и милость для тебя были бы не меньше, чем для других. Следовало бы сейчас сочинить касыду, в стихах оживить минувшее, дабы стихами украсить «Историю». Он сочинил /***275***/ сию касыду и прислал ее мне. Ежели кто-нибудь в силах сочинить такие стихи о государе, ушедшем [в иной мир], то до какой

же высоты мастерства он довел бы свое слово; коль скоро сам государь подвигнул бы его, попросив стихов! Ныне, хвала Аллаху и по милости его, подобного города [267] не кажут нигде, цветущего, многолюдного, безопасного и спокойного, с любезным, справедливым султаном, да здравствует навеки сей государь и жители города! Однако, что касается базара учености и поэзии, то на нем как бы застой, и владеющие этим мастерством [как бы] под запретом. Поскольку в начале сей «Истории» я сказал пространное слово в похвалу Газны [268] — **[263]** да здравствует великая столица! – я считаю необходимым и своей святой обязанностью поминать тех людей, кои происходят из этого города и имеют какие-либо заслуги, особливо, такого человека, как Бу Ханифа, наименьшее достоинство коего - стихи, кто, не получая жалования и содержания, учит людей словесности и науке бесплатно. Посему я, положившись на его превосходство, попросил подходящих для «Истории» стихов, какие мне были нужны [269]. И вот следует испрошенная мной касыда, дабы стала она известна:

КАСЫДА

*** **[267]**

Кончилась касыда, блестящая словно шелк, [в которой] приятное слово переплетается с [захватывающим] содержанием. Ежели бы сего ученого избавили от прижимок судьбы и какой-нибудь падишах оказал помощь его таланту благодеянием, как оказывали мастерам слова в прежние времена, например, Унсури, Асджади [270], Зинати [271] и Фаррухи, [272] да смилуется Аллах над всеми ними, то [в своем мастерстве] слова он [сумел бы] расщепить надвое волосок и многим утер бы нос [273].

Но, быть может, он и получит [такую помощь], ибо еще молод и *вот кто угоден Аллаху!* Кончился сей рассказ.*

В воскресенье, в пятый день месяца шавваля [274], эмир Мас'уд, да будет им доволен Аллах, сделал выезд. Сидя в балдахине на слоне, /***281***/ он явился на поле Шабехар. Его сопровождали весьма пышно убранные слоны и заводные кони: тридцать коней в

сбруе, осыпанной жемчугом, бирюзой, яшмой [275] и другими драгоценностями; человек триста гулямов, утопающих в золоте и серебре, все в кафтанах из скарлатного сукна [276] и румского шелка; еще пятьдесят заводных коней в золотой сбруе; все гулямы дворцовые шествовали впереди со стрелами, луками и золотыми и серебряными булавами, [а также] мервские щитоносцы и три тысячи человек пехоты из Систана, Газны, Герата, Балха и Серахса, множество военных, вельможи, родичи и столпы царства, а я, Бу-л-Фазл, отправился полюбоваться и остановился, сидя на коне. Эмир велел придержать слона с балдахином у дуккана. Ходжа Ахмед, сын Хасана, ариз и ходжа Бу Наср Мишкан находились около слона. [Эмир] начал разбирать жалобы, затребовали тяжебные сказки [277]; жалобы челобитчиков выслушали и их отпустили. [Государь] позвал недимов, потребовал вина и мутрибов. Он задержал знатных особ выпить вина; стали обносить блюдами с невалой и самбусой, дабы желающие могли закусить, начали подавать вино, а мутрибы играли и пели. День выдался неповторимый, радость

и веселье охватили [всех]. Поздним, утром раздался бой литавр и барабанов и звук рогов: то сегодня Ташферраш уходил в Хорасан и Ирак дорогой через Буст. Сначала появился джамедар Ярук-Тугмиш, снаряженный, с изрядной толпой сопровождающих. Люди его прошли мимо, а он отвесил **[268]** [султану] поклон и остановился, вслед за ним серхенг-махмудовец, [награжденный] тремя золотыми поясами и семью серебряными, в полном вооружении. За ними следовали Говхара'ин, казначей сего государя, который возвысил мервца и поставил высоко, и несколько хаджибов и серхенгов нашего государя с хейлями. Хейли следовали мимо, а начальники останавливались. Затем прибыл сипахсалар Таш с литаврой и знаменем, хорошо вооруженный и снаряженный, с полутора сотнями гулямов и сотней султанских гулямов, /***282***/ коих отпустили на волю и препоручили ему. Таш сошел наземь и совершил обряд поклонения. Эмир приказал посадить его [снова] верхом; выкликнули коня сипахсалара Ирака. Ему поднесли вина, а также предводителям, коих назначили с ним. Эмир

обратился к Ташу: «Будь благоразумен. Должность, тебе пожалованная, очень важна. Прислушивайся к распоряжениям кедхудая, который приедет вслед за тобой, во всем, что касается выгод [государства]. Пиши письма, дабы получать [наши] ответы и поступать согласно им. Из числа надежных людей будет назначен начальник почты, так надобно его поддержать как следует, чтобы он описывал события как можно обстоятельней, А сию служилую знать и начальников нужно содержать сообразно их месту и чинам, потому что они отцовские [слуги], принадлежащие [теперь] нам, дабы они, как мы приказали, тебе повиновались и слушались, и дела шли в порядке. Надеюсь, что господь бог, да славится поминание его, отдаст в твои руки весь Ирак». — «Слуги твои покорны и повинуются», — ответил Таш и прочие. Они спешились и облобызали землю. «С богом, — промолвил эмир, — шествуйте радостно и счастливо!» Они сели верхом и потянулись в сторону Буста. Потом в «Истории» пойдет очень подробная глава о саларстве Таша и

кедхудайстве двух амидов — Бу Сахля Хамдеви и Тахира Кархи, дабы то стало известно.

Эмир удалился и приехал в Кушки Довлет. [Там] он сел за вино и пил два дня. На третий день он открыл прием и сказал: «Надобно уладить дела, кои еще остаются, ибо мы хотим отправиться в Кабул, оттуда дальше, куда рассудим за благо». Старшему хаджибу Бильга-тегину он сказал: «Я велел согнать слонов в Кабул, дабы сделать им смотр, когда они [туда] прибудут?» «Уже несколько дней, как верховые уехали, — ответил Бильга-тегин, — и на этой неделе, вероятно, лриведут в Кабул всех слонов». — «Ладно», — промолвил эмир и закрыл прием. Он удержал великого ходжу с аризом, Бу Насра Мишкана, хаджибов Бильга-тегина и Бектугды и остался с ними. «В какую сторону нам двинуться?»— спросил эмир. «А как полагает государь, как думает он?» — спросил [в свою очередь] ходжа. «Мне бы очень хотелось, — ответил эмир, — в благодарность за милость, нам недавно оказанную, [за то], что не случилось никаких затруднений и никакого мятежа не поднялось,

совершить поход в Хиндустан как можно **[269]** дальше, возобновить обычай [наших] отцов, добыть славу и вознести благодарность [Аллаху], а также чтобы проявить [свое] могущество в Хиндустане и индийцы бы знали, что хотя отец наш отошел [в вечность], мы не позволим им /***283***/ предаваться сновидениям и жить приятно и спокойно».

«Государь все очень хорошо рассудил, иначе и нельзя, — сказал ходжа, — правильно так, как усматривает высочайшее мнение. Однако есть тут одна задача, и коль скоро беседа [у нас] идет совещательная, я выскажу то, что знаю, а государь послушает со вниманием, и сии слуги, кои присутствуют, тоже пускай послушают, верно ли [я говорю] или нет. Потом, что покажется лучше, то и надобно будет сделать. Государь послал в Хиндустан салара знаменитого, снаряженного, да и там есть войско наготове. Начал приходить и народ из Мавераннахра, он тоже примкнет к са'идам [278].

В нынешнем году поход для них пойдет удачно, и государю за него зачтется. Другой салар отправился

в Хорасан и Рей. Чтобы с его помощью укрепить положение, потребуется время, и этот салар станет твердой ногой в той стране, ежели государь будет пребывать в Хорасане. Али-тегин — змея с оторванным хвостом, брат [его] пал [279], и он остался без поддержки. С Кадыр-ханом ведутся переговоры о [заключении] договора и обязательства, [к нему] поехали послы, происходят споры и решение [еще] не принято, как [гласят] пришедшие от послов письма. Ежели высочайшее знамя решит двинуться в Хиндустан, то эти дела будут заброшены и пойдут вкривь и вкось. Али-тегин стоит близко от Балха, и народу у него много, потому что потомки Сельджука с ним стали заодно. Ежели он и не посягнет на Балх и Тохаристан, то, возможно, пойдет на Хутталан, Чаганьян и Термез. [Там] он разведет крамолу, и можно опозориться. [Мне], слуге, кажется правильней, чтобы государь этой зимой пошел в Балх, дабы благодаря нынешнему могуществу, [наших] послов вернули обратно с прочным договором и обязательством, как желательно, и [чтобы] из Балха вслед за Ташем поехал

назначенный [туда] кедхудай, — ведь покуда не приедет кедхудай, дела будут стоять.

С Али-тегином надобно покончить либо войной, либо миром, ибо в голову ему заронили пустую мечту еще тогда, когда государь шел в Хорасан, а брат [государя], эмир Мухаммед, еще [сидел] на месте. Эмир посылал к нему кого-то, что Хутталан, мол, достанется ему, [с тех пор] эта страстная мечта так и осталась у него в душе. К тому же из Багдада пришли известия, что халиф ал-Кадир биллах занемог, уже простился с сим светом и препоручил дела своему сыну Кайму. Ежели придет извещение о его кончине, то государю, пожалуй, лучше было бы находиться в Хорасане. Надобно также назначить **[270]** послов в Гурган и заключить [с гурганцами] соглашение. Помимо этого, возникнут еще дела, /***284***/ уладить их — наша святая обязанность. Когда же эти основы будут заложены прочно, то ежели захочется совершить дальний поход, его можно будет сделать на будущий год со спокойным сердцем. Вы, присутствующие, что скажете на мою речь?» Все ответили: «Как мы можем видеть и знать

то, что видит и знает великий ходжа? Его совет да забота ведомы государю».— «Мнение, которое высказал ходжа, правильно, — промолвил эмир, — другого быть не может — он нам отец. Быть по сему. Ступайте и [все] уладьте, ибо на этой неделе мы тронемся». Присутствовавшие на тайном совещании разошлись, хваля и желая добра ходже. Подобного ему в ту пору не было.

В четверг, в половине месяца шавваля [280], эмир выступил из Газны, отправился в Кабул и пробыл там три дня. Ему показали слонов, тысячу шестьсот семьдесят самцов и самок. Эмир остался доволен — [все] они были в теле и хорошем состоянии. Начальником слоноводов был такой человек, как хаджиб Бу Наср. Сыновья Каракмана и все слоноводы подчинялись ему. Эмир милостиво обошелся с Бу Насром, очень его похвалил и сказал: «Сей благородный человек, стоя за нас, претерпел много бед и испытал большие неприятности от покойного эмира. Ему, например, однажды зараз дали тысячу палок, а он на допросе остался на нашей стороне и, поистине, жертвовал за нас [своей]

жизнью. Пришло время вознаградить его по заслугам. Жаль было бы такого человека оставить начальником слоноводов при его способностях, умении дать хороший совет и сказать доброе слово и при [знании] всех обрядов, кои он постиг ради царской службы». — «Заслуги у Бу Насра имеются, — заметил ходжа, — такой человек надобен у престола для передачи словесных извещений [государя]». Эмир велел отвести его в вещевую палату и надеть на него халат хаджиба, который у него уже когда-то был.

Бу Наср предстал пред лицо эмира в черном кафтане, в двурогой шапке, [опоясанный] златосеребряным поясом, исполнил обряд преклонения и удалился в свой шатер. Все придворные обязательно отдали ему должное. После этого он с каждым днем становился все именитей, покуда не получил степени главы хаджибов, как я расскажу в своем месте, в какое время это произошло. Ныне, в лето четыреста пятьдесят первое, он, слава Аллаху, жив. И да здравствует преславный султан Абу Шуджа Фаррухзад, сын Поборника веры в Аллаха, который

обласкал его и признал его старые заслуги. Он водит войска, его рукой совершаются славные дела, как я [потом] упомяну. Когда он бывает в Газне, то участвует в обсуждении государственных мероприятий, а ежели приезжает какой-нибудь посол, он указывает, [какие] обряды [следует соблюсти]. В трудных вопросах, /***285***/ относящихся ко времени **[271]** [эмиров] Махмуда, Мас'уда и Мавдуда, да будет ими доволен Аллах, обращаются к нему. Важную должность кутвала Газнийской крепости, которая числится за ним, за него исправляет его личный хаджиб Кутлуг-тегин.

После смотра слонов эмир устроил пиршество. По предстательству старшего хаджиба Бильга-тегина он пожаловал слоноводам халаты. Сто слонов-самцов были выделены для сопровождения высочайшего знамени в Балх. Прочих слонов отвели обратно на свои места. Выступив из Кабула, эмир прибыл в Перван. Там он провел пять дней, развлекаясь охотой и пиршествами, покуда обозы, тяжести и слоны не миновали перевал Гужек. Затем он [сам] перешел через перевал и пил вино в Чавкани. Оттуда он

переехал в Вальвалидж [281] и оставался там два дня. Из Вальвалиджа он потянулся в Балх и вступил в город в понедельник, тринадцатого числа месяца зу-л-ка'да лета четыреста двадцать второго [282]. Одну неделю он пребывал в кушке Дер-и Абдал'ала, а затем переехал в Баги Бузург. Туда же доставили все обозы и там же устроили диваны в таком виде, как распорядился эмир и как он начертил [на чертеже], дехлизы, площади и диваны. Кроме того, соорудили все висаки для гулямов. Большой ручей, который течет через сад, сделали водометом.

Когда пребывали в Газне, Бу Сахль Завзани учинил в отношении хорезмшаха Алтунташа злонамеренную проделку. Он подстрекал [против него] и сеял неприязнь к нему среди [особ] государева совета, так что Алтунташ из-за этого погиб, а Бу Сахля по этой причине тоже постигло большое испытание в Балхе и ему пришлось это испытание претерпевать некоторое время: здесь еще не место рассказывать об этом. [Сначала] будет написано, как сей государь прибыл в Балх и исполнил несколько неотложных дел, которые он раньше наметил и которые приспели

[там], а потом я поведаю макаму полностью, ибо в ней есть много примечательного и удивительного, что надобно знать.

/286/ Во вторник, когда оставалось еще десять дней [до конца] сего месяца [283], пришло известие, что повелитель верующих ал-Кадир биллах, да осветит Аллах его доказательство, отошел [в вечность], и повелителя верующих Абу Джа'фара имама ал-Каима биамриллах, да продлит Аллах его господство, здравствующего ныне, в лето четыреста пятьдесят первое [284] — и да здравствует он — бывшего тогда наследником престола, посадили на престол халифата. Вельможи ему присягнули на верность и знатные люди из рода Али, семейства Бени Хашим и [из семейства] Аббаса успокоились, покорясь и подчинясь ему, [а также] все население Багдада. Во все концы света писали письма и отправляли послов, чтобы принимать присягу на верность от вельможных правителей [стран]. Факих Абу Бекр Мухаммед, сын Мухаммеда ас-Сулеймани, ат-Туси, был назначен [поехать] в присутствие султана и **[272]** ради этого важного дела прибыл в Хорасан. Эмир

Мас'уд, да будет им доволен Аллах, над этим известием призадумался и секретно совещался с ходжой Ахмедом и моим наставником Бу Насром. «Что делать по этому случаю?» — спросил он. «Да будет долгой жизнь государя в могуществе и величии, дабы быть ему наследником жизней! [285] — ответил ходжа, — хотя это известие верное, не лучше было бы его сохранить в тайне и [продолжать] читать хутбу на имя Кддяра, ведь посол, как пишут, едет вслед за письмом и, быть может, в скорости приедет. Потом, когда он приедет и отдохнет, его достойным: образом представят государю, дабы он вручил печальное и поздравительное послания и удалился. А на другой день государь сядет и три; дня будет совершать обряд оплакивания. Затем, в пятницу, государь отправится в мечеть для исполнения обряда поздравления и чтения, хутбы на имя Кайма, [тогда же] поднесут подарки». — «Так правильно»,— согласился эмир. Известие утаили, не объявляли. В субботу, десятого числа месяца зу-л-хиджжа сего года [286] с пребольшой пышностью совершили обряд

празднования [дня] жертвоприношения; было сделано много всякого рода украшений.

Во вторник, в половине месяца зу-л-хиджжа сего года, пришла письмо, что Сулеймани, посол, прибыл в Шапурган и что от Рея до того места о нем весьма отменно позаботились правители, чиновники и назначенные султаном люди, соблюдая обряд встречи. Эмир позвал ходжу Али Микала, да смилуется над ним Аллах, и сказал: «Едет посол. Устрой так, чтобы для встречи [его] прежде выехать тебе с большим поездом благородных потомков Али, казиев, улемов и факихов, а придворная знать и мертебедары, чтобы выехали следом за тобой и достойным образом доставили бы посла в город». Али все обставил с неимоверной пышностью, ибо он был главой рейсов, и такие дела ему уже приходилось исполнять. Ради счастливого /***287***/ семейства его, да здравствует сей дом в земном бытии ходжиамида Абу Абдаллаха Хусейна, сына Микала, *да продлит Аллах [свою] помощь ему и да усладит конец жизни этого садра [287]* [Али Микал] отправился навстречу послу, а следом за ним

двинулся Бу Али, посольский пристав, со множеством мертебедаров и заводных коней. Когда посол приблизился к городу, принять его выехали хаджиб Бу-л-Хасан Кархи и недим Музаффар Хаким, умевшие хорошо говорить по-арабски, и десять серхенгов с тысячью всадников. С превеликим почетом посла доставили в город в субботу, за восемь дней до конца месяца зу-л-хиджжа [288], и поместили в околотке Себедбафан [289], в красиво убранном серае. Тотчас же подали множество прекрасно приготовленных яств. *Аллах же ведает лучше!*

Комментарии

1. 29 декабря 1030 г.

2. ГФ и АП - ***; ВМ— ***, СН ***. Ниже, на стр. 648, 765 и 791, эта же, по всей вероятности, местность названа *** — так что настоящее название остается под сомнением.

3. *** — дословно “месторасположение войск, военный лагерь”; так назывался военный городок в одном фарсанге от Буста на дороге в Газну. Археологические изыскания, начатые в 1949 г., обнаружили до сих пор три группы развалин, представляющих собой остатки дворцов, зданий административных учреждений мечети, казарм и др., относящихся к времени первых Газневидов. Самый большой дворец был южный, на берегу Гильменда, по-видимому, в местности, носившей упомянутое в предыдущем примечании название. Место, где в настоящее время производятся раскопки, известно под названием Лашкари Базар, D. Schlumberge Les fouiles de Lashkari Bazar, "Afghanistan", 1949, No 2; d o, La grande mosque de Lashkari Bazar, "Afghanistan", 1952, No 2; do, Le palais Ghaznevide de Lashka Bazar, "Syria", XXIX, 1952; ***

4. ***

5. Краткие биографические сведения о везире Ахмед б. Хасане см. в Приложении I.

6. *** крепость приблизительно в 200 милях от Мультана. Alberuni's India 163, 6.

7. В оригинале — “пустым”.

8. Т. е. то Ахмеду б. Хасану, то Бу Сахлю Завзани.

9. ***

10. ***

11. *** BM: "которую я назвал Книгой макам"; о ней см. "0т переводчика", стр. 33

12. Т. е. возможных кандидатов на пост везира.

13. Ср. ниже, стр. 331.

14. Эта дата, надо полагать, указана неправильно, так как на стр. 164 упоминается 7 сафара = 3 феврля [1031 г.], которое действительно падало на среду. Из дальнейшего текста видно, что до 7 сафара прошло два дня, следовательно, здесь должно было быть 4 сафара = 31 января [1031 г.].

15. Т. е. астролог.

16. ***

17. *** — см. примеч. 276 к этой же главе.

18. ***

19. ***

20. Т. е. камнями весом в 40 мискалов.

21. ***

22. Это предложение в списках имеет разночтения. ГФ остановились на варианте: *** — что не совсем правильно грамматически и допускает иное понимание.

23. Т. е. “хотя по долгу службы вам приходилось неуклонно исполнять приказы других начальников, я вам все же доверяю”.

24. ***

25. ***

26. Абу-л-Хасан Ахмед б. Мухаммед по прозванию Эмирек Бейхаки, дебир, 15 лет оберегал крепость

Термез от Сельджукидов. После сдачи крепости отказался служить им и уехал в Газну, где умер в 1056 г. Дед Ибн Фундука, автора ***.

27. *** т. е. реестры своего имущества, конфискованного, когда его заключили в крепость.

28. 3 февраля 1031 г.

29. ***

30. Т. е. весом в 700 мискалов.

31. Бу Сахль Хамдеви был везиром у эмира Мухаммеда.

32. "Он купил" могло значить "ему понравился, полюбился" Ср. ***

33. Т. е. ходжи Ахмеда.

34. 7 февраля 1031 г.

35. Т. е. Бильга-тегину.

36. ***

37. Т. е. паломничество, совершаемое мусульманами в Мекку.

38. 11 февраля 1031 г.

39. Ниже *** - наместник эмира в городе.

40. Гилим — небольшой ковер; смысл поговорки в том, что каждый должен оставаться в пределах своего гилима. Ср. старую русскую пословицу — всяк сверчок знай свой шесток.

41. Бу Наср намекает на то, что Ибрахим возглавил восстание против своего брата, халифа Ма'муна, вызванное тем, что Ма'мун провозгласил наследником дского престола Алида Али б. Муса ар-Ризу. Однако, когда Ма'мун круто изменил свою политику, восстание потеряло почву, и соратники Ибрахима, изменив ему, перешли на сторону Ма'муна, который остался победителем в этой борьбе. Но рассказывать об этом ходже было столь же зря, сколь возить финики в Басру, где их и без того изобилие, ибо этот случай хорошо известен ходже. Столкновение эмира Мас'уда с братом

Мухаммедом завершилось аналогичным образом, и поскольку теперь Мас'уд единственный полновластный повелитель, то не стоит с ним ссориться и на оказанное им ходже благодеяние лучше ответить исполнением его неофициального желания. О восстании Ибрахима см. Muller, Der Islam... 1. 504, 506.

42. ***

43. ***

44. Носилки, носимые двумя вьючными животными.

45. ***

46. Об Афшине и Бабеке см. примеч. 319, 320 к летописи 421 г.

47. Бу Дулеф ал-Касим б. Иса ал-Иджли — дский полководец и поэт. Основатель династии Дулефидов в Курдистане (ок. 825 — ок. 898). ГФ, 173 со ссылкой на ***; С. Лэн-Пуль. Мусульманские династии, 102.

48. *** — род покрывала из козьего или верблюжьего подшерстка, ниспадающего с

головного убора на спину. Тайласаны судей и ученых, черного цвета, бы ли длинней обычных.

49 *** — кожаный коврик, который постилали при совершении убийства в жилом помещении.

50. Усрушана — древняя область в Средней Азии, занимавшая территорию вокруг нынешнего города Ура-Тюбе, центра Ленинабадской области Таджикской ССР.

51. ***

52. Речь к себе в подлиннике в 1 лице.

53. В подлиннике прямая речь.

54. Конец рассказа Ахмед б. Дуада.

55. Январь 1060 г.

56. Т. е. эти качества его неисправимы.

57. Т. е. султану Махмуду.

58. Т. е. эмира Мас'уда.

59. Сесть на деревянного коня значит проститься с жизнью и в деревянном гробу быть отнесенным на кладбище.

60. Кор $^{2}_{128}$.

61. *** — верхняя одежда из хлопчатой бумаги или грубой шерсти, накидываемая на плечи, и воинский плащ. Думается, что ближе всего к данному случаю определение, которое находим в Сафар-наме Насир-и Хусрова [1003—между 1072-77]: “На нем [фатимидском халифе] была белая рубашка, а сверху длинный широкий плащ, какие обыкновенно носят в арабских странах. Такие плащи в Пер сии называют дурра'а”. Перевод Е. Э. Бертельса, 116.

62. Знаменитая крепость между Канауджем (город в долине р. Ганга, захваченный в 1018 г. Махмудом Газнийским) и Каджураха, столицей царства Джаджахут следуя по западному берегу реки на юго-восток. Alberuni's, India..., 99.

63. Заключенный между знаком * и сноской отрывок в привлеченных ГФ списка и публикациях либо

сильно искажен, либо совершенно опущен (вопреки утверждению издателей текста, с которого сделан наш перевод, он опущен и в АП, поэтому в переводе передан только приблизительный смысл отрывка).

64. Вади-л-кура — небольшой город к северу от Медины.

65. ***

66. Какой вид сапог назывался микаловским — прямых указаний нет. Ибн Фундук в *** л. 121б, сообщает, что этот округ, откуда, между прочим, происходит род Микал, славился производством женских и мужских сапог с голенищами с серебряной вышивкой и т. п.

67. ***

68. Хусейн — второй сын халифа Али и дочери Мухаммеда Фатимы. Погиб в 680 г. в бою, оспаривая право на халифат. Память о нем особо чтится шиитами.

69. Т. е. Бу Сахль Завзани.

70. ***

71. ***

72. ***

73. Т. е. к везиру Ахмед б. Хасану Мейменди.

74. Возможно, это было инсценировано, так как из предыдущего явствует, что было будто бы только устное уведомление с послом, приезжавшим в Нишапур.

75. *** — непонятный в данном случае жест. Быть может, здесь налицо идиоматическое выражение [***], содержание которого нам неизвестно.

76. Абдаллах б. Зубейр оспаривал право халифата у омеядских халифов Мервана I (683—685) и Абдалмелика (685—705), провозгласив себя халифом в Мекке.

77. Хаджжадж б. Юсуф — до похода в Мекку и победы над Абдаллахом ничем себя не проявивший военачальник на службе у Омейядов.

78. Зубейр б. Аввам — один из сподвижников Мухаммеда.

79. Бу Бекр ас-Сиддик — тесть и сподвижник Мухаммеда, первый “праведный” халиф (632—634).

80. Кор. 68.

81. Кор. 76.

82. Вероятно, цитата из какого-то арабского источника.

83. Это произошло в середине джумады I, т. е. в первых числах октября 693 г. "Выставляя Абдаллаха б. Зубейра героем, Абу Фазл Бейхаки тем самым обнаруживает свою симпатию к шиизму.

84. Кор. 28_{68}.

85. ***

86. В ГФ указывается, что стихи, приписываемые автором “некоему басрийцу, на самом деле, согласно исследованию Ибн Рашика в его ***, представляют

собой смешение стихов двух поэтов: Фазла б. Абдассамада Ракаши и Сулеймана А'ма. ГФ, 193.

87. ***

88. Листы документов наклеивались на полосу ткани, которая свертывалась в свиток, и в таком виде хранились в архивах.

89. Абу Тахир Мухаммед б. Бакийа б. Али Насир ад-довле, везир Бунда Изз ад-довле Бахтийара, сына Му'изз ад-довле.

90. Абу Исхак Ибрахим б. Хилал б. Ибрахим ал-Харрани ас-Саби, (926—996), дебир, служил в государственной канцелярии Бундов Му'изз ад-довле и его сыча Изз ад-довле. По поручению Азуд ад-довле написал историю династии Бундов под названием *** [Венечная книга], которую редактировал лично Азуд ад-довле.

91. Т. е. *** — элегию. Стихи у ГФ исправлены издателями в соответствии с булакским изданием Ибн Халликана, где они упоминаются, как

принадлежащие Абу-л-Хасану Мухаммеду б. Умар ал-Анбари.

92. Внук четвертого “праведного” халифа Али. Убит в 740 г. при попытке поднять восстание против Омейядов.

93. Хишам б. Абдалмелик — халиф из дома Омейядов (724—743).

94. Абу-л-Аббас Саффах (750—754), первый халиф из дома Аббасидов.

95. Михрас — название ручья. “Убиенный в стороне Михраса”—Хамза б. Абдал-муталлаб; так ГФ, 196, со ссылкой на ***

96. Рассказано, очевидно, в недошедшей до нашего времени части “Истории” Бейхаки, посвященной султану Махмуду.

97. Зейнаб — дочь султана Махмуда.

98. Богра-хан Махмуд, по некоторым источникам — Мухаммед, он же Йига(н)-тегин, илек, второй сын

Кадыр-хана Юсуфа, владетель Таласа и Исфиджаба. Жил до 449/1057—1058 г.

99. 28 февраля 1031 г.

100. Первая — город в долине р. Бенджхир, ныне Пянджшир, ведущей к перевалу на южную сторону Гиндукуша в бассейн р. Инда. От Первана вели два пути, один в Кабульскую долину, другой в Газну. Бартольд, Обзор, 16. Ныне Перван — Джебел ас-Сирадж. ***

101. *** — фраза несколько не ясна, можно понять и так, что автор снова восстановил по памяти документ. Возможно, автор имеет в виду пропажу документов из его архива при разграблении его дома. См “От переводчика”, стр. 8.

102. ГФ, ссылаясь на Сам'ани, читают нисбу не Тубани, а Таббани; ГФ стр. 84.

103. Абу Ханифа — основатель одного из четырех главных толков правоверного мусульманства.

104. ***

105. ***

106. Известные мусульманские богословы-имамы.

107. 995 г.

108. 1009—1010 г.

109. Имеется в виду Богра-хан Харун; см. Barthold, Turkestan... 257—260.

110. В июне 990 г.

111. Т. е. Нух б. Мансур (976—997).

112. В начале сентября 990 г.

113. Нахшеб (Несеф) — город, известный в связи с восстанием Муканны, народным движением, охватившим Среднюю Азию в 776—783 гг. С XIV в. носит название Карши (ныне город в Сурхандарышской области Узбекской ССР). Нахшебская, ныне Каршинская, степь занимает большую часть упомянутой области.

114. Сейф ад-довле.

115. Конец октября 994 г.

116. 7 ноября 994 г.

117. 21 ноября—20 декабря 1058 г.

118. Выше было сказано, что Абу-л-Музаффар сын, а не внук Ахмеда.

119. ГФ без ссылки на источник сообщают на стр. 696, что в Хорасане имеются два места, носящих название Хакестер. Одно, Хакестер Лаин, расположено в северных пограничных горах Хорасана; другое — на пути из Герата в Серахс, называемое рабат Хакестер, теперь пришедшее в запустение. ГФ считают, что речь идет о втором месте. Они же указывают, что Мукаддаси в числе станций между Нишапуром и Серахсом называет ар-Рамада, что по-арабски означает тот же Хакестер, т. е. “зола”.

120. Описка, нужно пополуденной.

121. Хызр — мифический пророк, согласно легенде испивший из найденного им источника живой воды и

потому живущий до скончания веков. Доброе существо, являющееся терпящим нужду и несчастье и приносящее им избавление и утешение.

122. 1058 г.

123. Продолжение рассказа Абдалмелика Мустовфи.

124. 5 апреля 995 г.

125. ***

126. Т. е. эмир Себук-тегин.

127. Т. е. Нух б. Мансур Саманид.

128. 21 июля 995 г.

129. Это место текста испорчено. Если восстановить недостающий предлог ** или *** — “в”, то Дарруд, как указывает М. Бехар, — гористая местность между Нишапуром и Тусом. ***.

130. ***

131. Абу-л-Фатх Бусти (971 — 1010) — поэт иранского происхождения, писавший на арабском и персидском языках при дворе Махмуда Газнийского.

132. Абу Кувейс — гора, на которой по преданию поселились Адам и Ева после изгнания их из рая.

133. Считалось, что павлин приносит болезни, в частности, кожную болезнь, известную в Средней Азии под названием песь.

134. Описка, нужно 385 г.— конец июля — начало августа.

135. В сентябре.

136. Род полосатой шелковой ткани, ***

137. Рассказ Абу-л-Фазла Бейхаки о борьбе Фаика и Абу Али Симджура с Себук-тегином и Махмудом несколько отличается от сведений Утбя и Гардизи, сообщенных В. В. Бартольдом.

138. 1011-1012 г.

139. 1023—1024 г.

140. Т. е. в околотке, плетельщиков корзин.

141. Бу-л-Хасан Кархи, так во всех списках. ГФ склонны читать нисбу Караджи

142. ***

143. *** от корня *** — поминать. Поминки — дары, посылаемые с послом к царствующим лицам. Ср. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен кн. III, 306, 411, 412, 415.

144. Имеется в виду предложенное Эратосфеном (III в. до н. э.) и Гиппархом (II в. до н. э.) разделение земной поверхности на семь поясов-климатов, впоследствии принятое географами мусульманских стран.

145. ***

146. Речь идет о брачных договорах.

147. ***

148. *** (монг.) — госпожа, государыня; так называли жен и дочерей тюркских ханов.

149. ***

150. ***

151. ***

152. *** Сарджахан, См. ***

153. Текст подлинника здесь, видимо, неисправен.

154. Т. е. с крупными зернами одинаковой величины.

155. Если считать, что отъезд послов состоялся 10 раби 1, то это соответствует 7 марта 1031 г., в понедельник, а не в четверг.

156. В недошедший до нас части “Истории” Бейхаки.

157. Т. е. Мухаммеду и его сторонникам.

158. ***

159. *** — тонко раскатанное тесто, нарезанное квадратами, в бульоне с мясом, луком и специями; *** — род лапши.

160. Т. е. в дневник 1031 г.

161. *** — бутыль.

162. *** — дословно: ставший как шар или мяч для игры в поло.

163. ***

164. ***

165. ***

166. 16 марта 1031 г.

167. ***

168. ***

169. Т. е. Арьярук.

170. *** — то же, что по-персидски сипахсалар.

171. Арабизованная форма названия города Гардиз.

172. ***

173. 9 марта 1031 г.

174. ***

175. Сияхгирд — селение в 5 фарсангах к северо-востоку от Балха, существующее поныне под тем же названием.

176. Ночное время, от наступления темноты до рассвета, делили на три периода — “стражи”.

177. См. следующее примечание.

178. Согласно арабским географам, город Келиф находился в двух днях пути от Термеза вниз по реке и в 18 фарсангах от Балха. “В X в. Келиф был расположен на обоих берегах реки. Главная часть города с мечетью, помещавшейся в рабате Зу-л-карнейн, находилась на левом берегу; на правом берегу был рабат Кефель”. Barthold, Turkestan . . . 80

Абу-л-Фазл Бейхаки, как видно, помещает рабат Зу-л-карнейн гораздо ближе к Термезу, на дороге от Сияхгирда к Джейхуну.

179. Амуй — город на левом берегу Аму-Дарьи (ныне Чарджуй), на пути из Мер-ва в Бухару и Мавераннахр. Здесь совершалась переправа через реку. Город имел большое значение вследствие

большого количества проходивших через него караванов. Le Strange, 403.

180. Т. е. при дворце султана.

181. Говорящим достоянием называли деньги в чеканной монете, имеющей надписи и изображения, а немым — благородные металлы в слитках и поделках, а также драгоценные камни.

182. ***

183. Т. е. в висаки своей гвардии.

184. Джервел б. Аус по прозванию ал-Хутай'а [“Малыш”] — арабский поэт-сатирик, ум. ок. 650 г. Его едкий язык, приносивший много вреда, принудил халифа Омара даже посадить поэта в наказание в тюрьму. C. Brockelmann, GAL, Leipzig, 1001, 60.

185. Исма'ил ибн ал-Касим Абу-л-Атахийа, ок. 750—825 г. — поэт, “первый серьезный представитель философско-рефлексивного направления в арабской поэзии”. И. Ю. Крачковский, Поэтическое

творчество Абу-л-Атахийи, Избранные сочинения, II, 20.

186. 15 апреля 1031 г.

187. ***

188. В оригинале *** огласовка и значение этого слова не ясны.

189. Два брата из рода Анбари. Первый был известен под прозвищем Эмирек.

190. Т. е. имевших высокий знак отличия.

191. 23 апреля 1031 г.

192. Т. е. в году, когда туда бежал Бу-л-Аскар.

193. ***

194. *** химль, букв, “перевозимый груз”, в администативной практике того времени термин, означавший казенные деньги, перевозимые в мешках или иной упаковке, по-видимому, определенного веса. ГФ 411, примеч. издателей со ссылкой на ***

195. Т. е. Бу Наср Хафи.

196. Балак, ныне Барак — город по дороге из Кабула в Газну через Секавенд, ***

197. ***

198. 26 мая 1031 г.

199. В других местах всюду Дер-и Абдал'ала.

200. Поскольку на стр. 239 автор сообщает, что Бу-л-Музаффар, сын Али, выехал навстречу эмиру Мас'уду, надо полагать, что он либо обогнал эмира в пути, либо в саду Али Микала его принимал сам Али Микал, и имя Музаффар написано по ошибке.

201. В оригинале название, вероятно, искажено. Читать его, как предлагают ГФ, Перван и Пенджхир, однако, нельзя, это нарушило бы последовательность этапов. Возможно, что имелось в виду селение, которое в настоящее время на английской карте названо Barazacha, между Хульмом и Хайбаком (Семенганом), см. Бартольд, Обзор, 15.

202. Якуб б. Лейс ас-Саффар (861—879)—сначала кузнец, потом атаман разбойничьей шайки, затем начальник отряда наемников-добровольцев, на службе халифа, для борьбы с повстанцами хариджитами в Систане и, наконец, глава государства, низложивший династию Тахиридов.

203. Мухаммед б. Абдаллах б. Тахир (862—873) — последний эмир из династии Тахиридов.

204. Вместо — *** — читаю *** ср. ниже, стр. 246. Под “благородными женами серая” имеются, очевидно, в виду явившиеся на свадьбу обитательницы гаремов эмира Махмуда и эмира Юсуфа.

205. Намек на библейскую и кораническую притчу об Иосифе Прекрасном.

206. Здесь игра слов: *** — съесть чурбак — жареное в масле тонкое печенье, которым угощают на похоронах. Вместе с тем чурбак значит насмешка, едкая ирония, сарказм.

207. Т.е. когда для Тогрула пришла пора привольной жизни, а Юсуфу, солнцу, пришлось проститься с жизнью.

208. абу Сахль Абдаллах б. Ахмед б. Лакшан — дебир и кедхудай эмира Юсуфа, сам писавший стихи. Поэт Фаррухи посвятил ему несколько хвалебных касыд. Бертельс, История..., 149; СН, 300.

209. ***

210. ***

211. ВМ: Мас'уда.

212. По другой версии — Халик.

213. ГФ: ***, но в АП на поле стр. 433 сделано примечание, что *** — селение в двух переходах от Газны и ныне называется ***.

214. Околоток города Газны.

215. 2 мая 1031 г.

216. ***

217. *** в других местах — *** — венечная суффа, т. е. тронный зал.

218. ***

219. 4 июня 1031 г.

220. *** — Household Department. M. Nazim, The Life and Times... l31.

221. ***

222. *** — 80 миллионов диремов.

223. Т. е. султана Махмуда.

224. ***

225. ***

226. ***

227. *** т.е. чтобы военные, как сказано было выше, получили деньги в счет своего жалования, а что окажется свыше, обратили в казну.

228. 24 июня 1031 г.

229. В русской специальной литературе сель — паводок горных рек, несущий большое количество грязе-каменных наносов. Сели возникают вследствие бурного таяния снегов или ливней.

230. 1 июля 1031 г.

231. Т. е. между пополуденной и предзакатной молитвами.

232. Т. е. за непослушание пожелал им божие наказание.

233. *** чтение в переводе условно.

234. В оригинале слово *** — мост, явно бессмысленное в данном контексте. Поэтому ГФ высказали предположение, что слово *** означало также и дождь. Нам же представляется здесь искажение слова — читать следует не *** или *** а *** —ливень,

235. 1058—1059 г. В АП ошибочно 350 г. х. — 961—962 г.

236. 1018—1019 г.

237. ВМ: ***

238. См. примеч. 59 к летописи года 421.

239. Т. е. эмира Мас'уда.

240. Лакуна в оригинале; очевидно, здесь должно было быть проставлено число дней, оставшихся до конца месяца раджаба.

241. ***

242. 25 июля 1031 г.

243. Т. е. весом в 1000 мискалей.

244. *** [Чандрабхага], ныне Ченаб, главный приток р. Сатледж, пересекающий Пенджаб. Alberuni's India... 101, 3.

245. Т. е. дочерей, носивших чадру.

246. 17 августа 1031 г.

247. ***

248. Велид б. Убейд ал-Бухтури (820—897) — известный арабский поэт, составитель сборника старинных арабских песен [хамаса].

249. 22 августа 1031.

250. Это выражение и поныне употребительно в Таджикистане, Афганистане и Иране в смысле завтракать, обедать и вообще принимать пищу.

251. ***

252. ***

253. ***

254. ***

255. 1059—1060 г.

256. 24 августа 1031 г.

257. *** — сбор в принудительном порядке властями местного населения для выполнения какой-либо работы.

258. ***

259. Харвар и Хармарг.

260. 14 сентября 1031 г.

261. 19 сентября

262. ***

263. ***

264. ***

265. Мансур Аляви Зинати, по другой версии Зейнабн — любимый поэт султана Мас'уда.

266. Йусуф Унсури, ум. ок. 1039—1040 г., известный таджикский поэт-панегирист султана Махмуда Газнийского.

267. Т. е. Газны.

268. Опять-таки в недошедшей до нас части.

269. Формы глаголов этого предложения в оригинале вызывают сомнение. В переводе отдано предпочтение прошедшему времени и изъявительному наклонению.

270. Абу Назар Абдал'азиз б. Мансур Асджади, ум. 1040—1041 г., поэт школы Унсури.

271. В тексте Зейнаби.

272. Абу-л-Хасан б. Джулуг Фаррухи, родом из Систана, ум. 1037—1038 г. — видный поэт газневидского круга.

273. ***

274. 25 сентября 1031 г.

275. Во всех списках — *** — шерсть, вместо *** — яшма.

276. *** — род шелковой, тканной золотом материи. Особенно ценился саклатун багдадской выделки (Dozy, Supplement... s. v.). Под этим же названием было известно также сукно красного цвета, называвшееся на Руси скарлатным.

277. ***

278. *** - “те, кому суждено вечное блаженство”, здесь, вероятно, то же, что газии или мутавви'а—

добровольцы—т. е. имевшее корпоративное устройство сословие “борцов за веру”, принимавшее участие в “священных войнах” (газават) с немусульманскими народами, особенно в Индии. Ср. Barthold, Turkestan... 214—215.

279. См. выше, стр. 108.

280. 6 октября 1031 г.

281. Вальвалидж — город в долине Ак-Серая, по дороге на восток от Хульма, административный центр (касаба) Тохаристана. Бартольд, Обзор, 16; Худуд ал-Алем, л. 216; H'A Min, 340, 73.

282. 1 ноября 1031 г.

283. ***

284. 1059—1060 г.

285. ***, т. е. жить ему вечно.

286. 28 ноября 1031 г.

287. *** — глава, предводитель. Вся фраза в тексте не ясна.

288. 11 декабря 1031 г.

289. Т. е. плетельщиков корзин.

ЛЕТОПИСЬ ГОДА ЧЕТЫРЕСТА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕГО

О ПРИБЫТИИ ПОСЛА ИЗ БАГДАДА, ОБЪЯВЛЕНИИ О КОНЧИНЕ ХАЛИФА АЛ-КАДИРА БИЛЛАХ, ДА БУДЕТ ИМ ДОВОЛЕН АЛЛАХ, ИСПОЛНЕНИИ ОБРЯДА ЧТЕНИЯ ХУТБЫ НА ИМЯ ИМАМА АЛ-КАИМА БИАМРИЛЛАХ, ДА ПРОДЛИТ АЛЛАХ ЕГО ВЕК И ЕГО ВЕЛИЧИЕ И ВОЗВЫШЕНИЕ

Когда посол отдохнул и его три дня весьма прекрасно содержали, эмир сказал ходже, дескать, посол отдохнул и надобно его принять, «Да, пора уже, — ответил ходжа, — каковы будут приказания?» —«Я считаю, — сказал эмир, — что было бы хорошо переехать на несколько дней в кушк Дери Абдал'ала, потому что там для подобных случаев более удобно, более приспособлено и имеются два серая. Гулямам и мертебедарам там можно будет встать как полагается, да и обряд оплакивания и поздравления исполнить более достойным образом; а потом, когда с этим покончим,

вернемся обратно в сад». — «Государь решил прекрасно, — промолвил ходжа, — так и следует сделать». Позвали старшего хаджиба, начальника гулямов, ариза и начальника посольского дивана. Они явились. Все, что нужно было повелеть сделать касательно посла, послания, войска, мертебедаров и дворцовых; гулямов, обо всем эмир распорядился, и они удалились.

В час предзакатной молитвы эмир выехал в кушк Дери Абдал'ала, туда же перевели и все обозы. Также решили поступить с диванами. /***288***/ Сошлись на том, чтобы принять посла в первый день месяца мухаррама [1], который является началом года. Наставник мой Бу Наср Мишкан передал посольскому приставу Бу Али установленное обычаем [царское] повеление. Принесли послание [халифа] и ознакомились с ним. [В нем] было написано о печальном и о радостном. В конце сего рассказа будет приведено [содержание] этого послания и присяжной грамоты, дабы они стали известны. Это послание я искал несколько времени, покуда не нашел недавно, когда уже довел

«Историю» до этого места, у сына моего наставника ходжи Бу Насра, да продлит Аллах: его здоровье и да смилуется над родителями его. Ежели бы мои бумаги и списки [с подлинников] преднамеренно не уничтожили, то сия «История» предстала бы в ином виде. *Да рассудит меня Аллах с тем, кто это содеял!* Что касалось войска, дворцовых гулямов [2] и мертебедаров* старший хаджиб исалары полностью уладили. **[274]**

Первым днем месяца мухаррама лета четыреста двадцать третьего был четверг. Все было приготовлено заблаговременно. Когда забрезжилась заря, четыре тысячи дворцовых гулямов построились в несколько рядов по обе стороны эмирского серая. Две тысячи были в двурогих шапках, в дорогах поясах о десяти подвесках, каждый с серебряной булавой, а две тысячи в четырехперых шапках меховых [3], с поясом, повязанным на чреслах, с саблей, колчаном и налучником у пояса, и у каждого гуляма в руках лук и три стрелы, все в кафтанах из шуштарского шелка. Человек триста гулямов-телохранителей [4] стояли по сторонам суффы, близко

от эмира, в еще более дорогом одеянии, в двурогих шапках, золоченых поясах с золотыми булавами. А несколько человек из них были даже в поясах, украшенных самоцветными камнями. Человек пятьдесят-шестьдесят держали наготове поодаль — внутри серая дейлемцев. Все придворные вельможи, правители областей [5] и хаджибы были в двурогих шапках и золотых поясах. Снаружи серая стояли мертебедары и [там же] держали множество слонов. Войско при оружии, со [слонами] в доспехах и покрывалах из разноцветного шелка, с балдахинами и броней, стояло со значками в два ряда, друг против друга, чтобы посла провести между ними [6]. Посольский пристав отправился с заводными конями и с кучей народа; посла посадили верхом и повезли. /***289***/ Раздался такой рев рогов и бой барабанов и «слоновых чаш» [7], будто наступило светопреставление. С таким превеликим благолепием проводили посла; он увидел нечто такое, чего не видывал в жизни своей. Изумленный и ошеломленный, он вступил в кушк.

Эмир, да будет им доволен Аллах, был на престоле перед суффой. Халифский посол произнес приветствие; одет он был в черное. [Ему] ответил досточтимый ходжа Ахмед, сын Хасана. Кроме него никто не сидел перед эмиром — все прочие стояли на ногах. Хаджиб Бу Наср взял посла под руку и посадил. Эмир спросил: «В каком состоянии ты оставил халифа?» Посол ответил: «Господь бог, да славится поминание его, пусть утешит великого султана в [горе по] кончине имама ал-Кадира биллах, повелителя верующих, да осветит Аллах его доказательство. *Мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся* [8]. Несчастье весьма велико, однако милость [господня], дарующая жизнь государю, еще больше. *Да уготовит господь покойному халифу место в раю*, а государя веры и мира, повелителя верующих, да сохранит навсегда!» Великий ходжа произнес несколько слов по-арабски весьма прекрасно в таком же смысле и в своей речи намекнул послу, чтобы он подал послание. Посол поднялся, поднес к престолу послание, завернутое в черный шелк, вручил эмиру, отступил назад и сел на

то же место, где его посадили. Эмир подозвал Бу Насра, тот подошел к престолу, принял послание, попятился назад и остановился лицом к престолу. [Затем] он развернул обертку и прочитал [громким голосом] послание. **[275]** Когда он кончил, эмир сказал: «Прочитай перевод его, дабы всем было ясно». [Бу Наср] прочитал по-персидски, так что слушатели признавались [потом], ни у кого, мол, такой способности нет. Посла отпустили и с почестями проводили домой. Эмир приготовился к обряду оплакивания.

На другой день, когда он открыл прием, чалма и кафтан на нем были белые и все родичи, свита и хаджибы явились в белом. Ввели посла, чтобы он был очевидцем происходившего. Базары закрыли, толпами приходили жители и разных разрядов раияты. Так продолжалось три дня. Посла приводили и поздним утром, когда эмир подымался [9], [его] опять провожали обратно. Через три дня люди вернулись на базары, диваны открыли двери, забили в барабаны и бубны. Эмир позвал ходжу Али и сказал: «Распорядись, чтобы соорудили арки от

дворца до самой пятничной мечети, и пусть обставят все как можно благолепней, ибо близится пятница, и мы своей особой проследуем в пятничную мечеть ради чтения хутбы на имя повелителя верующих». — «Сделаю так», — ответил тот и удалился. И вельмож /***290***/ балхских призвал [эмир] и сказал [им] то, что надлежало сказать. И те приступили к делу в понедельник, вторник, среду и четверг, покуда не украсили Балх от [кушка] Дери Абдал'ала до соборной мечети, так что никто не помнил Балх в таком наряде. Соорудили много арок от базаров до начала улицы Абдал'ала и оттуда до дворца и улиц вельмож, которые там селились. С вечера пятницы [10] до утра мастерили украшения и сделали так [хорошо], что не было никакой нужды в каких-либо дополнениях.

В пятницу утром эмир открыл прием. Когда прием закрылся, ходжа Али Микал сказал: «Да будет долгой жизнь государя! То, что было высочайше приказано насчет арок и украшения — готово; что еще будет повелено?» — «Надобно сказать, — ответил эмир, — чтобы раияты сидели смирно,

каждое сословие на своем месте, и чтобы никто себя не проявлял ни пением, ни музыкой; покуда мы не пройдем, чтобы не раздавалось ни звука. Потом, когда пройдем, дело их, пускай делают, что хотят, потому что мы, сотворив молитву, возвратимся в сад другой стороной шаристана». — «Слушаюсь», — промолвил [ходжа Али], пошел и распорядился. Явились сияхпуши [11] и получили все указания.

Поздним утром эмир выехал [из дворца]. Четыре тысячи гулямов в тех же уборах, как я упомянул в день представления посла, шли пешие впереди, следом за ними салар Бектугды, за ним гулямы-телохранители с султанским знаменем, мертебедарами и хаджибами во главе, за ними старший хаджиб Биль'га-тегин. За султаном следовал великий ходжа с ходжами и придворной знатью, за ним ходжа Али Микал, казии, факихи, улемы, за'имы и балхская знать. Халифский посол [следовал] с этим поездом по правую руку Али Микала. В таком **[276]** порядке эмир подвигался к соборной мечети весьма тихо, так что кроме хлопания бичей и возгласов

мертебедаров: «Поди! Берегись!» — никаких других звуков не было слышно.

Когда эмир вошел в мечеть, он сел под минбаром, а минбар весь был окутан золототканой парчой. Сел и досточтимый ходжа и придворная знать. Али Микал с халифским послом сели поодаль. /***291***/ Хатиб совершил обряд чтения хутбы и сотворил молитву. Когда он кончил, и все успокоились, явились султанские казначеи и положили у подножия минбара десять тысяч динаров в пяти шелковых мешках, как подарок халифу. Вслед за этим стали приносить еще подарки для царевичей, эмиров-сыновей, для великого ходжи, для старшего хаджиба, а потом и для других и объявляли: «Подарок такому-то! подарок такому-то!»— и складывали, покуда не сложили много золота и серебра. Когда все было закончено, эмир поднялся, сел верхом [12]и с гулямами, свитой и придворными отправился в Баги Бузург низом шаристана. Великий ходжа последовал за ним. Казначеи, дебиры казначейства и мустовфии отнесли подарки в казнохранилище дорогой через базар. Ходжа Али Микал сел верхом и взял с собой

посла. Они проехали вдоль рядов базара. Жители Балха сильно ликовали и разбрасывали много диремов и динаров, ценные предметы и разные вещи. Времени ушло почти до часа вечерней молитвы, покуда добрались до Дери Абдал'ала. Затем. Али другой дорогой повернул обратно и в том же поезде привез посла в свой серай. Здесь все было обставлено весьма пышно. Пообедали, и Али поднес послу соответствующий праздничный подарок, и это эмиру показалось очень кстати.

На другой день эмир дал распоряжение Бу Насру Мишкану пойти к великому ходже и принять меры к заключению договора с халифом и к возвращению посла обратно. Бу Наср отправился в диван везира. [Там] они уединились, позвали туда же посла и долго вели переговоры, покуда не решили, что надлежало решить чтобы эмир по образцу [договора], который привез [с собой посол], написал обязательство с тем условием, чтобы когда [посол] прибудет в Багдад, повелитель верующих пришлет новую жалованную грамоту, в коей будут [значиться] Хорасан, Хорезм, Нимруз, Завулистан [13], вся Индия и Синд, Чаганьян,

Хутталан, Кубадьян, Термез, Кусдар, Мекран, Валиштан, Киканан, Рей, Джибаль, Исфаган целиком до перевала Хульван, Гурган и Табаристан; и что с туркестанскими ханами переписки вести не станут, никаких почетных званий жаловать и подарков посылать не будут без посредства сего [царствующего] дома, как было в прежнее время, согласно тому как отошедший [в вечность] халиф ал-Кадир биллах, да будет им доволен Аллах, постановил с покойным султаном, да покроет его Аллах своим милосердием. **[277]**

А он, Сулейман, пусть снова приедет по этому делу и привезет с собой по благоусмотрению повелителя верующих халат, коему подобного ни в какие времена ни у кого не бывало, [и повелитель верующих] дал бы разрешение напасть на Керман со стороны Систана, а со стороны Мекрана — /***292***/ на Оман; карматам же быть поверженными. Собралось, дескать, несметное войско, и есть нужда приумножить владения, войску непременно нужно воевать. Не будь уважения ко двору халифа, то неминуемо посягнули бы на Багдад, чтобы открыть

путь паломникам [в Мекку], ибо это дело отец в Рее предоставил нам. И ежели бы нас не понудили, когда он скончался, вернуться в Хорасан, мы бы сегодня обязательно были в Египте или Сирии. У нас подросли дельные сыновья и еще подрастают, и надобно их занять делом. С домом Буйе у нас приязнь и обижать их негоже, однако им бы не мешало быть поосторожней и восстановить прежнее достоинство его величества халифа и открыть путь хаджжа, потому что людям владения [нашего] повелено приготовиться к хаджжу, так что пойдут они с одним из наших саларов. Мы вот привели доказательство и ежели на сей счет никакого старания приложено не будет, то мы [сами] поусердствуем, пусть взыщет с нас за это господь бог, да славится поминание его, ибо на нашей стороне и сила и снаряжение, оружие и рать несчетная.

«Все сказанное — верно, — сказал посол, — надобно написать памятную записку, чтобы было при мне письменное доказательство». — «Ладно», —

ответили ему и отпустили. Все, что происходило, Бу Наср рассказал эмиру и [тому] очень понравилось.

В четверг, в половине месяца мухаррама [14], позвали казиев, балхских вельмож и сейидов. По окончании приема их представили пред лицо эмира. Явился и Али Микал. Посольский пристав привез посла. Присутствовали великий ходжа, ариз, Бу Наср Мишкан, старший хаджиб Бильга-тегин и хаджиб Бектугды. Сначала наставник мой составил присяжную грамоту по-персидски — изложение просто как шелк, — в ней он предусмотрел все условия и доложил послу. Арабский [список] Бу Наср вручил послу, чтобы тот смотрел [в него], а [сам] громким голосом стал читать [персидский], так чтобы присутствующие слышали. «Глаз божий на шейхе, — произнес посол, — [персидский] тождествен арабскому [списку], ничего не опущено. Точно так я скажу и повелителю верующих, да продлит Аллах его жизнь». Бу Наср прочитал целиком и арабский список. «Я слышал, — промолвил эмир, — и содержание его мне ясно. Подай мне персидский список». Бу Наср ему подал.

Эмир Мас'уд начал читать. Из государей этого дома, да будет ими доволен Аллах, я не видел никого, кто бы мог писать и читать по-персидски, как он. [Эмир] дочитал обязательство до конца, /***293***/ ни разу не запнувшись. Затем принесли царский чернильный прибор, и эмир собственноручно подписал арабское и персидское обязательства, то, которое **[278]** привезли из Багдада, и то, что составил мой наставник. Из посольского дивана принесли и поставили другой чернильный прибор, и великий ходжа с присутствующими в знак свидетельства [тоже] поставили свои подписи. Салар Бектугды не умел писать, за него расписался Бу Наср.

Посла и балхских людей отпустили, удалились и хаджибы. Остался эмир и эти трое. «Надобно посла отправить обратно», — сказал ходже эмир. «Непременно, — ответил [тот], —пусть Бу Наср напишет письмо, [опись] поминков и словесные заявления и представит на высочайшее усмотрение, а [эмир] пусть пожалует халат и вознаграждение послу и вручит ему, что положено по обычаю для его величества халифа, дабы [посол] мог уехать». —

«Что же послать халифу?» — спросил эмир. «Обычно полагается, — ответил Ахмед, — двадцать тысяч менов индиго лично [для халифа] и пять тысяч менов для придворной челяди, да значительную толику денег, как сделали в день чтения хутбы—в царской казне они есть — да еще кое-что пусть подарит государь из одежды, самоцветных камней и благовоний. Что дают послу— известно. В преданиях об Амре, сыне Лейса [15], я читал, что когда его брат Якуб помер в Ахвазе, — а халиф Му'тамад был на него в обиде, потому что тот шел [на него] войной и был разбит — к Амру, брату Якуба, приехал посол Ахмед, сын Абу-л-Асба, и Амра обязали вернуться назад и обождать в Нишабуре, покуда ему туда привезут жалованную грамоту, обязательство и стяг. Амр сразу же дал послу сто тысяч диремов и отпустил обратно. Когда же посол приехал в Нишабур с двумя слугами и привезли два халата, подарки, стяг и обязательство, то на них пошло [еще] семьсот тысяч диремов. Сей Сулеймани прибыл послом по важному делу, для него понадобится достойный халат и сто тысяч диремов

вознаграждения. Потом, когда он снова приедет и привезет то, что нам желательно, [государь] по своему усмотрению даст [ему еще], что найдет нужным».

«Очень хорошо, — сказал эмир и начал перечислять что добавить халифу, а ходжа записывал, — сто штук тканей, все ценных, разного рода, из них десять с золотом, пятьдесят мешочков с мускусом, сто лепешек камфоры, двести штук чалм самых наилучших из тонкого полотна, пятьдесят драгоценных индийских мечей, золотой кубок весом в тысячу мискалов, полный жемчуга, десять яхонтов и двадцать лалов бадахшанских весьма прекрасных, /***294***/ десять хорасанских коней хутталанской породы с попонами и покрывалами и пять дорогих тюркских гулямов». Когда [это] было написано, эмир сказал, чтобы все приготовили. «Слушаюсь», — ответил ходжа, удалился и сел в тереме посольского дивана. [Перечень] прочитали казначеям, сделали распоряжения и разошлись. Казначеи все справили, эмир осмотрел и одобрил. Мой наставник ходжа Бу Наср составил черновик послания, крайне

прекрасного, как он умел составить, ибо в искусстве дебиров был [в свою] пору **[279]** представителем. Послание переписал набело я, Бу-л-Фазл, ведь письма к его величеству халифу, к туркестанским ханам и к окрестным князьям все писались моей рукой; У меня были все списки с них, [но их] нарочито уничтожили. Жаль, много раз жаль, что этих райских садов уже нет, а то бы сия «История» через них стала кое-чем редкостным. Однако я не теряю надежды, что по милости господней они снова попадут ко мне для того, чтобы всех их обнародовать, и людям бы стала лучше известна способность этого почтенного начальника, *Вот, кто угоден Аллаху!* Была написана и памятная записка. Ходжа Бу Наср представил их везиру, а потом изложил и то и другое по-персидски и по-арабски и прочитал в султанском собрании. Они очень понравились.

В субботу, двадцатого числа месяца мухаррама [16], привезли посла, вручили [ему] великолепный халат, какой дают ученым законоведам, и к нему золотую сбрую в пятьсот мискалов, мула и двух лошадей, и

отпустили обратно. Следом за ним повезли к нему то, что предназначалось халифу, [а также] сто тысяч диремов наградных и двадцать одежд дорогих послу. Великий ходжа от себя отправил ему мула с попоной и покрывалом, пятьсот динаров и десять штук тканей. Наставник мой ходжа Бу Наср передал послу через посольского пристава ответное письмо, и посол выехал из Балха в четверг, двадцать второго числа месяца мухаррама. С ним отправили пять человек гонцов, так чтобы он возвращал их обратно одного за другим со свежими известиями, а двух человек послал бы из Багдада с упоминанием о том, что происходит и что делается. В числе пешего люда [17] и конюхов тайно послали одного осведомителя, /***295***/ чтобы он через этих гонцов доносил и малое и большое, все, что будет происходить. Эмир Мас'уд на сей счет был дока; в нескольких местах я упомяну о том, что он приказывал в подобных случаях. Спешной почтой [18] пошли письма во все владения, лежавшие на пути посла, чтобы ему оказывали достойную встречу и содержали как можно лучше, дабы он ехал в довольстве.

Поскольку я окончил сей рассказ, то мне необходимо [теперь] исполнить обещание касательно написанного халифом послания и списка с обязательствами [эмира Мас'уда].

СПИСОК С ПОСЛАНИЯ

*От Раба божьего, сына раба божьего Абу Джа'фара, имама Кайма биамриллах, повелителя верующих к Поборнику веры в Аллаха, Хранителю рабов его и Отмстителю врагам его, Опоре наместника его, Абу Са'иду, Другу повелителя верующих, сыну Устава веры, Прибежища ислама и мусульман, Десницы державы, Смотрителя общины [мусульманской], Абу-л-Касима, Помощника повелителя верующих. **[280]**

Высочайшая печать: «О помощи молю Аллаха!». Привет тебе! Поистине, повелитель верующих славит /***296***/ Аллаха, кроме которого нет божества, и просит его благословить Мухаммеда, посланника его. Да благословит его Аллах и семейство его и да приветствует!

Засим. Да сохранит тебя Аллах наилучше и да насладит тобой повелителя верующих и не лишит тебя никогда великого благодеяния, высокого подаяния и драгоценного дара [своего, сделанных] тебе. Хвала и слава господу всесильному в величии своем и всемогущему в великолепии своем, вечному, исконному, превеликому, милосердному, царю единовластному, покровителю грозному и милостивому, обладателю могущества, великолепия и царства, живому бессмертному, создателю утра, отнимателю душ, которого не ослабит трудность и не постигнет зрение, для которого ночи и дни не текут чередой, учредителю книги для каждого срока и для каждого дела — разряда, [установившему] для каждого происшествия причину и для каждого живущего назначенный час смерти. «Аллах берет к себе души людей в час их кончины и [души] тех, кто не умер на спальном ложе; и он берет тех, кого он присудил к смерти и оставляет других до назначенного срока» [19]. Поистине, в этом есть знамения для людей размышляющих. Единый в господстве своем повелитель решает жизнь созданий

своих в час определенный через повеление людям, и справедливости ради приговора сего не избежит ни царь приближенный, ни пророк ниспосланный, ни чистый сердцем избранник, ни угодник собеседующий. Рек Аллах, велик он и всемогущ: «И каждому народу есть назначенный срок, и когда он наступает, им не отдалить его ни на час и не приблизить» [20]. И рек он, да славится имя его: «Поистине, мы наследуем землю и всех, кто на ней, к нам они возвратятся» [21].

Хвала господу, избравшему Мухаммеда, да будет благословение на нем и на семействе его. Привет наидостойнейшему из [племени] Корейш по знатности происхождения и наиблагороднейшему по самобытности родословия, наиславнейшему из [племени] Корейш по корню [рода] и наичистейшему из [племени] Корейш по ветви [его]. [Аллах] возвел его в такое состояние, что стал он светочем, проливающим свет, подающим благую весть, устрашающим, руководствующим и руководимым, посланником, коим господь был доволен. Он побуждал людей к вере в него и призывал людей к

нему; он опирался на божественный довод, дабы устрашать тиранов и нести благую весть людям благонравным. Он осуществил посланничество, исполнил поверенное ему, наставил народ и воевал за господа, воспитавшего его; и служил он ему дотоле, покуда не наступил смертный час его. Да простит его господь бог и да приветствует и да дарует ему славу и почет. **[281]**

Хвала господу, избравшему повелителя верующих из людей сей общины, древо коей поднялось высоко, /***297***/ основание упрочилось, корень благоденствует и ветви в сохранности. И выбрал его [Аллах] из среды народа, коего огниво рассыпает искры, и избрал из сердцевины халифата, коего звезда сияет ярко. Он создал его единственным по добродетельному нраву и обособил прекрасными отличиями, наделил угодными богу обычаями, в числе коих самые нужные, самые добрые, самые истинные и самые достойные суть послушание велениям господа бога, повиновение приговору его и терпеливое снесение [ниспосланных] им тягостей и бедствий. И так исполнял повелитель верующих все, что было

подобно сему, и держался сего, и исполнял по правилу праведных дедов своих, и следовал светлому и ясному пути их. И [повелитель верующих] за дар сей возносит усердно благодарение богу и смиренно противостоит тяжкому испытанию, коему подвергает его господь, и встречает поразившее его несчастье, соглашаясь с приговором, повиноваться коему его обязал всевышний господь; и в обоих случаях справедливого приговора, [сиречь в благодеянии и испытании], он славит творца и владыку своего и связывает благодеяние с чем-либо, что делает его постоянным и сладостным, а перенесение несчастья безропотно — приносит прощение.

И утверждает [повелитель верующих], что благоволение божие к нему полное, и доказательство тому, что в благодеянии и испытании заключается несомненная польза, огромно; и озлобление не отвратит его от господа его, слава ему! Он сознает в благодеянии милость господню, а в невзгоде — [ниспосланное] ему испытание; в итоге он обретает еще большую милость Аллаха и получает награду в самой высокой мере. Не истощается никак для него

благосостояние, и он его никоим образом не связывает с желанием своим, ибо знает, что Аллах, слава ему, оказывает благодеяние по милости своей без чьего-либо домогательства, что он выносит приговоры по справедливости. Судьбу всего сущего он предопределяет по мудрости своей, и разнообразие ее замышляет по воле своей и осуществляет по хотению своему. Единый во владычестве и созидании он решает житие созданий по усмотрению своему и каждому вменяет в обязанность повиноваться непрекословно и довольствоваться покорно решениями его. Да святится тот, кого славят и в радости и в горе, и да будет благословен тот, кто непогрешим в постановлениях своих и в злую и в добрую годину. Глаголет он, да славится имя его: «Мы испытываем вас злом и добром, и к нам вы возвращаетесь» [22].

/***298***/ И когда всемогущий Аллах по беспредельной воле своей пречистого, суровой жизни имама ал-Кадира биллах, да благословит его господь в живых и в мертвых и да освятит душу его в жизни вечной и тленной, перенес в чертог величия и великолепия

своего и близость свою в **[282]** предопределенный конечный срок, наступивший в назначенный час, и приобщил его к праотцам, халифам праведным, да будут благословения божий над ними всеми, то совершилось сие по неизбежному приговору всевышнего господа всему живому, кроме него [самого], всем созданиям, сотворенным рукою его. И повелитель верующих славит переселение [имама ал-Кадира биллах] в обитель вечного успокоения, ибо знает, что господь милосердный за то сподобит его сообщества благочестивых пророков и удостоит его покоя и почтения в доме вечного пребывания, приуготовленном для него.

Однако терзание душевной муки и боль разлуки оставили в наследство [повелителю верующих] смирение и безмолвную скорбь и принесли ему горести и заботы, и он остановился между повелением и запрещением, произнося: «Поистине, мы принадлежим Аллаху, и, поистине, мы возвратимся к нему»,— и предал [покойного], снискивая благоволение и возвращая [его] обратно тому, кто владычествует и сотворяет, неодолимому в

решениях своих, непреоборимому в отмене и утверждении. «Его молит [каждый], кто пребывает на небесах и на земле, он непрестанно в действии» [23]. Посему прибегнул повелитель верующих [к милосердию Аллаха] после сего печального события и горестной кончины, заслонившей то, что хочет от него господь и к чему обязал его; он смирился, образумившись, отскорбев и повторяя слова о возвращении к богу; он перетерпел, смирился и возблагодарил [Аллаха], избавившись совсем от сковывавшего ужаса и отстранив от себя всякое мучительное переживание.

Разум покойного имама ал-Кадира биллах, да будет им доволен господь и да очистит душу его, был звездою сверкающей, а кротость его была горою, высоко вознесшей главу. Он крепко держался веры и принял твердое решение оказывать повиновение Аллаху, владыке миров. Да благословит его господь таким благословением, что поселит его в услаждающих садах рая и укажет ему путь правильный; сей святой души [имам] совершал прекрасные деяния и были у него достохвальные

душевные качества, так что степень его возвышается высоко среди благочестивых имамов, да воссияет его доказательство в мирах! «Истинно, не пропадет за Аллахом вознаграждение добродетельствующих!» [24].

И ум повелителя верующих в силу прирожденной проницательности его и ясного мышления его отвел помыслы от скорбления по несчастью к домогательству [получить от господа] награду за добрые дела и довел до всевышнего бога желания и прошения свои о том, чтобы возвратить обратно господу то, что он поверил ему сохранить, и [чтобы господь] побудил его на дело, к которому он способен. /***299***/ И молит повелитель верующих всевышнего господа, дабы отличил он пречистого имама ал-Кадира биллах, да будут ему благословение и одобрение и прощение божий за содеянные им ранее добрые дела, приближающие к господу **[283]** богу, и да уважил за то, что было сделано им прежде, так чтобы встретили ангелы сего имама, возвестили ему радостную весть о прощении и донесли до него дар божий. Рек Аллах всеблагий и всевышний: «И подал им господь их по милости своей радостную

весть о благоволении и о райских садах, в коих будут они пребывать в блаженстве навеки; истинно, велика награда Аллаха» [25].

И приготовился повелитель верующих к тому, чтобы овладать с тем делом, которое препоручил ему Аллах и которое стало для него обязательно согласно указанию пречистого имама ал-Кадира биллах, да почтит Аллах его гробницу и да осветит ложе его, чтобы привел он в исправность неисправное, укрепил божественные установления, прибрал [к рукам] те из дел, которые запустили, починил бы слабые места и трещины, выправил бы все допущенные отступления, воздал бы в пастве своей что положено богу и соблюдал бы то, что лежит на нем по части охранения божьего люда. Посему воссел он в собрании общем в присутствии столпов державы и святых отцов [26], призывающих [к богу], предводителей и старейшин, вельмож тайных и явных, именитых казиев, факихов, шахидов и улемов, знатных и благочестивых людей; и изъявили они желание, чтобы повелитель верующих был их имамом и приступил к воздаянию Аллаху того, что

им надлежит воздавать; и обязались они исполнять все, что возложил на них Аллах по части повиновения имаму; и присягая, подали они правые руки для рукопожатия, рукопожатия соглашения, послушания, снискания благословения и счастья в час, когда Аллах просветил их острый ум, очистил сердца их, указал верный путь и наставил, как крепко держаться истинной веры [в него].

Свершилось дело, несущее величие и уничтожение того, что несет расстройство. Положение изменилось: все бедствия устранены, все невзгоды миновали, все рассыпавшееся составилось воедино, все блага выявлены и обнаружены, и повелитель верующих отправил сие послание, между тем как все дела для него выправились и пошли согласно тому, что было предусмотрено: он получил сан праведных праотцов своих и самодержавно воссел на место предков своих, руководствуемых богом, да будут благословения господни над ними всеми. Страшится он всемогущества Аллаха втайне и наяву, наружно и внутренне, ища удовлетворить его во всем, что развязывает и связывает, хочет и не хочет. Он

следует к цели, держась повеления божьего, и судит, ища приблизиться к нему через то, что создает близость, и удовольствует [его], прося о чем-либо, что угодно ему, и боясь недовольства его. Он не отдает предпочтения никакой близости, кроме близости к богу, и не перестает поклоняться [ему] из личной заслуги, у него имеющейся не будет думать и размышлять [о чем-либо], кроме как об охранений стран ислама и паствы, покуда не будут установлены должным образом законы, /***300***/ зачинены трещины и не станут безопасны дороги, а воды **[284]** сладки, [покуда] не будут потушены смуты и не погаснут их пожары, не будут разрушены их маяки, стерты следы их, уничтожены их последователи и рассеяны их сторонники. И молит он господа бога помочь делу, на которое он назначил его, и руководствовать его, поддерживая во всех предприятиях, направляя его и содействуя здравому смыслу в начинаниях и суждениях его.

Так протяни же — да поможет тебе Аллах благословением и доброй поддержкой своей — руку твою для присяги на верность повелителю верующих

и да протянут руку для присяги все товарищи твои и все, кто в столице твоей, ибо ты для повелителя верующих—звезда державы его, которая не померкнет, и путеводитель ее, не ведающий неудачи, ты — меч непритупляющийся и не знающий застоя. Последуй же достославнейшему из путей твоих, самому благоуказующему из добродетелей твоих, наипрекраснейшему из обычаев твоих и наиблагороднейшему из преимуществ твоих, блюдя то, что мы предоставили тебе, ограждая, оберегая и защищая его. Подданным будь отцом заботливым и любящей матерью, ибо повелитель верующих просил тебя взять их под защиту и управлять ими и пригласил тебя господствовать над ними. Прими же на душу твою присягу, посланную тебе с подателем сего послания, и огласи ее всем, кто [состоит] при тебе, в присутствии доверенного [посла] повелителя верующих Мухаммеда, сына Мухаммеда ас-Сулеймани, ради того, чтобы решение божие и решение повелителя верующих стало нерушимо для тебя и для них, и сохранение верности к нему обязательно и необходимо. И знай, что значение твое

у повелителя верующих равно значению человека верного, не находящегося под подозрением, почему он и возложил на тебя дело правления и ищет помощи твоей, а не попирает тебя, потому что ведомо ему, что ты пойдешь путем преданных и будешь в числе счастливцев, ибо, поистине, сие сочетается с блаженством и полно благодати; и да будет тебе благо всех благ, большое и постоянное. Удостоверь людей знатных и простых, что повелитель верующих не пренебрегает общим их благополучием, исполняя в этом смысле повеление Аллаха, владыки миров, ибо глаголет правдивейший из вещателей: «Тем [помогает] он, кои, когда он даровал им силу на земле, творят молитву, платят зекат, повелевают справедливо и воздерживаются от греховного; и Аллах есть исход всего» [27].

Сие есть тайная беседа с тобой повелителя верующих, да насладит его Аллах тобою и продлит переписку с тобой после того, как ты примешь [его послание] благожелательно, признав высокое значение его. Уясни всем содержание его и обнародуй во всеобщее сведение то, что упомянуто в

нем, и пополнится радость и ликование [народа], и успокоятся [люди] на том, что открыл им Аллах от благосклонности к ним повелителя верующих /***301***/ и взирания на них сострадательным оком. Поддерживай призывание к повелителю верующих с минбаров царства **[285]** твоего, заставляя внимать ему, поучая, излагая начала и повторяя. Поспеши с ответом повелителю верующих на сие послание, выбрав по своему желанию то, что в нем есть от него, ибо, поистине, он ждет с нетерпением и просит об этом. Уведоми его о твоем одобрении того, к чему он приступил и о честном намерении твоем наилучшим образом оказывать ему повиновение и наипрекраснейшим способом являть ему послушание, потому что, поистине, повелитель верующих уповает на сие, ищет, ожидает и надеется, ежели будет угодно Аллаху.

Привет тебе! И да будет тебе милость господня и благословение его и благословение раба его, повелителя верующих, и да не лишит тебя господь великого благодеяния, высокого подаяния и драгоценного дара [своего, ниспосланных] тебе. Да

будет благословение господа над Мухаммедом и всем семейством его! Довольно нам Аллаха единого!

СПИСОК С ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

*Даю присягу на верность подданства господину нашему и владыке рабу божьему, сыну раба божьего, Абу Джа'фару, имаму ал-Каиму биамриллах, повелителю верующих, присягая послушно и по воле своей, заверяя от глубины души, с честным намерением, искренним расположением, с истинным убеждением моим и твердой решимостью, охотно, а не с отвращением, добровольно, а не по принуждению и даже признавая милость его, повинуясь праву его, сознавая благословение его, уповая на доброе воздаяние его, понимая, что [повелителю верующих] известны польза от настояния на обязательстве особом и общем и [то], как соединить воедино распавшееся, и [известны] последствия дел, как успокоить напасти, возвеличить друзей, истребить безбожников и принудить упорствующих, ибо он господин наш и владыка, имам ал-Каим биамриллах, повелитель верующих,

раб божий и наместник его. Я обещаю повиноваться ему и давать ему добрые советы, и имамство и опека его обязательны для всего, исповедывающего ислам, народа, и обязательно для него [28] стоять за право [повелителя верующих] и хранить верность [данному] ему обещанию. Нет у меня сомнения в этом и колебания, нет небрежения к повелениям его и не питаю я склонности к кому-либо иному. И потому я друг его друзей и враг его врагов, особых и общих, близких и дальних, присутствующих и отсутствующих. Я крепко буду держаться присяги сохранить верность обязательству и не освобождать [себя] от долга; в тайнике души моей в этом смысле [обстоит] так же, как и в явности моей, и нутро мое в этом смысле подобно внешности. Посему, совершенная в душе моей господину нашему и владыке ал-Каиму биамриллах, повелителю верующих, присяга, обеспечение [долга] по которой лежит на мне, [исходила] из здравого намерения, честной решимости и непрестанного стремления и разумения моего. /***302***/ Посему я не **[286]** буду стараться нарушить что-либо [в этой присяге],

толковать ее [по-своему] и покушаться нанести ей изъян ни в пору благоденствия, ни в пору невзгоды; не перестану давать советы [повелителю верующих], где бы я ни был, близко или далеко, никогда не оставлю помышления угодить ему во всех делах, не переиначу ничего, в чем обязал себя присягой, не отвернусь от нее и не раскаюсь в ней, не направлю помыслы и намерения мои против нее и не поступлю вопреки ей, никогда и ни при каких обстоятельствах не буду вредить [повелителю верующих], а также его писцам, слугам, хаджибам и всей прислуге [29]и арбабам его. Сия присяга обязывает к соблюдению [упомянутых] в ней условий и к исполнению [данных] в ней обещаний.

Я клянусь в этом, будучи доволен, а не против воли, находясь в безопасности, а не под угрозой; даю клятву, за которую спросит меня Аллах в день, когда я предстану перед ним, и за которую он взыщет с меня по заслугам, в день, когда я буду стоять перед лицом его. Клянусь богом, кроме которого нет божества, который знает явное и сокровенное, [богом] милосердным и милостивым, всевеликим,

всевышним, всепобеждающим, всепостигающим, всемогущим и погубляющим, которого знание проникает в недра земные и в небеса, которому известно и прошлое и грядущее; клянусь благословенными именами господними, высокими знамениями его и совершенным словом его; клянусь всеми обетами и обязательствами, которые Аллах взял от всех созданий своих; клянусь великим Кораном и тем, кто ниспослал его; клянусь Торой, Евангелием и священными писаниями; клянусь Мухаммедом, пророком-избранником, да благословит Аллах его и семейство его и да приветствует; клянусь благочестивыми женами его, матерями людей правой веры, привет всем им; клянусь архангелами и пророками ниспосланными, что сия присяга моя, которой я обязал себя рукой и словом, есть присяга покорности; [и поскольку] господь бог, да славится величие его, знает о том, что я возложил на себя, он знает и то, что я останусь верен всей совокупности ее и что я буду чистосердечен в оказании помощи и приязни людям, [помянутым] в ней. Я заявляю это с открытой душой,

нелицеприятно, без обмана, без изъяна и без коварства, доколе не предстану перед господом, сохранив верность своему обязательству по присяге, и не исполню поверенное мне, ни в чем не подозреваемый, не нарушив, не истолковав [иначе] и не отменив, ибо те, кто присягают повелителям, «на руке их рука Аллаха, значит, кто изменит присяге — тот изменит самому себе, а тот, кто исполнит обещанное, того Аллах вознаградит щедро» [30]. Посему сия присяга, обязывающая меня, ради которой я протянул руку и ударил по рукам, с обусловленными в ней верностью, приязнью, приверженностью, повиновением, усердием и прилежанием /***303***/ есть обещание перед богом. «Истинно, за обязательство с вас будет спрошено» [31], как спрашивается с пророков и посланников [Аллаха], **[287]** привет им, и с каждого из рабов его, как подкрепленное письменно взаимным договором.

И все, что я взял на себя, на том присягнув, я не переиначу, буду ему следовать и не буду противиться; я буду прямодушен и не буду вводить в заблуждение, буду постоянным и не буду

переменчивым и буду держаться того, чем обязал себя перед Аллахом, как покорные держатся покорности своей, а честные и верные — правды и верности. Итак, ежели я нарушу сию присягу или часть ее, или переиначу какое-нибудь условие из условий ее, или нарушу какое-либо определение из определений ее, или переделаю какое-либо дело из предписаний ее, тайно или явно, хитростью или толкуя иначе, или затемняя смысл, или неблагодарно, или скрою [что-либо], или буду отделываться отговорками от чего-либо, [заключенного] в присяге, кою принял на душу свою, и от обязательств, кои взял перед богом, таким способом, что сойду с пути, по которому шествует тот, кто не небрежет поверенным [ему] и не считает для себя дозволенным обман и измену и кого ничто не удерживает от исполнения обязательств, принятых на себя, то да не буду я веровать в преславный Коран и в ниспославшего его и в то, что в нем ниспослано, и да буду я отлучен от Аллаха и посланника его, а Аллах и посланник его да отрекутся от меня; да не буду я веровать в ангелов

господа бога и в писания его, в посланников его и в день воскресения из мертвых. И все, чем я владею ныне, когда произношу сию присягу, или завладею в остаток жизни моей из золота, чеканных диремов, или драгоценных каменьев, или утвари, или построек, или одежды, или ковров, или земель, или недвижимостей, или деревень, или пастбищ, или пашен, или скота, или иного какого-либо обычного как для бедных, так и для богатых имущества — да не будет принадлежать мне и обратится в подаяние бедным ради Аллаха, владыки миров, а для меня да будет запретно все то, что вкупе или частично [можно] возвратить обратно в мою собственность с помощью какого-либо ухищрения из ухищрений, или способа из способов, или причины из причин, или притворства из притворств.

И да будут свободны ради Аллаха все рабы как мужского, так и женского пола, состоявшие у меня в рабстве в то время, когда я произношу сию клятву, или коих заполучу во владение в остаток жизни моей, и да не станет никто из них снова рабом. И все животные, которыми я владею, как-то: верховые

лошади, мулы, ослы и верблюды, или которыми буду владеть — да будут отпущены на волю ради Аллаха. И все жены, кои состоят или будут состоять в брачном союзе со мной, да будут считаться разведенными троекратным, не отменным, безвозвратным разводом. [Говоря это, я] не затемняю [истинный] смысл ни одним способом из способов, позволительных в подобном случае. **[288]**

Буде же я нарушу какое-нибудь условие из условий сей моей присяги, или поступлю вопреки какому-нибудь правилу из правил ее, или затемню смысл их, или поступлю вероломно, или истолкую их иначе, или буду произносить их в противность моему убеждению, или внешнее содержание речи моей не будет согласно с внутренним содержанием моих поступков, /***304***/ то да совершу я паломничество в древлесвященный храм божий внутри Мекки три [32] раза, идучи пеши, а не едучи на конях. И буде я не соблюду данную мною клятву, то да не примет от меня Аллах пожертвования и да не уравнит с прочими [мусульманами], покуда я не исполню требований присяги, и да оставит меня Аллах без

поддержки в день, когда я буду нуждаться в помощи и пособии его, и да лишит он меня сил и здоровья на этом свете и прощения на том свете.

Сия клятва есть моя клятва и сия письменная присяга — моя присяга. Я поклялся с уверенностью, что соблюду ее от начала до конца и что обязательства ее висят ожерельем на шее моей. Помысел [мой] при всех помышлениях есть помысел о господине нашем рабе божьем, сыне раба божьего, Абу Джа'фар, имаме ал-Каиме биамриллах, повелителе верующих, да продлит Аллах его существование на время, соответствующее для дел мирских и веры, и да продолжит жизнь его на срок, достаточный для пользы всеобщей! Да дарует [Аллах] победу знаменам его, да почтит речь его и возвысит слово его! Да повергнет врагов его и усилит друзей его! Беру в свидетели себе Аллаха всевышнего, а свидетельство его совершенно! [33].

/***316***/ О ДЕЛАХ ХОДЖИ АБУ САХЛЯ МУХАММЕДА, СЫНА ХАСАНА ЗАВЗАНИ, АРИЗА, И ОБ ОТСТРАНЕНИИ ЕГО

В этом же томе выше я упомянул, что когда эмир Мас'уд, да будет им доволен Аллах, имел ввиду переехать из Газны в Балх, Бу Сахль Завзани еще до нашего выезда из Газны стал подло вредить хорезмшаху Алтунташу; он сильно подстрекал на него и ябедничал, и по этой причине тот терпел большие неприятности. Историю этого подстрекательства я изложу обстоятельно и расскажу, какова была причина, почему его отстранили.

От ходжи Бу Насра я слышал, что Бу Сахль убедил султана, будто хорезмшах Алтунташ не прямодушен и что его в Шапургане следовало бы устранить. Когда он уезжал, он, дескать, уезжал угрюмый. Такие, мол, могучие люди, как Али Кариб, Арьярук и Гази, все пали, а хорезмшах Алтунташ остался, потому что у него есть сила, оружие и войско. Ежели бы его свалить и посадить там [34] от имени государя верного человека, то [государь] прибавил бы большое государство [к своему], богатую казну и много войска. «Что же делать?—спросил эмир. — Ведь туда понадобятся сильное войско и [сильный]

салар, чтобы **[289]** сотворить такие дела». «Это очень просто, — ответил Бу,Сахль, /***317***/ дело останется в тайне. Пусть государь своей рукой напишетизатщсКу. к Каид-Манджуку, начальнику войска кёчатов и царского величества [35], который находится в Хорезме и жаждет крови хорезмшаха чтобы он принял меры к убийству и свержению его. [У Каид-Манджука] там около трех тысяч своих людей, а сколько составляет хорезмшах и его приверженцы — известно; его легко можно свалить. Поскольку, записка будет написана рукой государя, ей поверят. Пусть только никто из дебиров и иных людей об этом ничего не знает».— «Прекрасно — промолвил эмир,— ты — ариз, так составь мне список с именами каждого». [Тот] так и сделал, а султан написал своей рукой записку, упомянув в ней имена всех, кто имел при себе слуг. Бу Сахль и не, задумывался над тем, что это не останется в тайне, и что хорезмшах ускользнет. По бдительности и осторожности ему нет равных, не так-то легко, его свалить и взбудоражить целый мир. Надобно знать еще, что по приговору Аллаха, велик он и всемогущ,

за Хорезм пришлось расплатиться Хорасаном и что ходжа Ахмед, сын Абдассамада, кедхудай хореашмшаха поуму и способностям не имел товарищей. Все это я расскажу в своем месте.

Ходжа Бу Наср, мой наставник, рассказывал, что когда собственноручную записку султана отослали, эмир эту тайну поведал Абдусу. Абдус на пиру рассказал ее Бу-л-Фатху Хатими, поверенному его тайн,— а между Абдусом и Бу Сахлем была кровная вражда, и он говорил, что Бу Сахль, мол, сию великую державу пустит по ветру. Бу-л-Фатх Хатими на другой день пересказал [тайну] по дружбе Бу Мухамг меду Мус'ади, представителю хорезмшаха, и получил [за то] кое-чего хорошего. Мус'ади тотчас тайнописью, условленной с ходжой Ахмедом, сыном Абдассамада, об этом обстоятельстве пространно сообщил. Но Бу Сахль преградил путь в Хорезм, письма перехватили и приняли меры предосторожности. Тайнопись Мус'ади вскрыли. Султан устно, запросил великого ходжу, почему, дескать, представителю двора хорезмшаха нужно

уславливаться писать тайнописью, будь настороже и допроси его.

«Мус'ади призвали в диван, — я, Бу Наср, [при этом], присутствовал,— и спросили, что это за тайнопись. «Я представитель двора вельможного лица — ответил он,— получаю крупное жалованье, содержание и наградные и торжественно поклялся в том, что немедля буду сообщать все, что касается его благополучия. Господин знает, что от меня не исходит никакой крамолы, и ходже Бу Насру моя жизнь хорошо известна. /***318***/ Поскольку было важное дело, я написал эту тайнопись». «Какое важное дело?»—спросили [его]. «Этого мне сказать нельзя», - ответил он. «Сказать надо обязательно,— твердили ему,— ведь допрос ведется в таком виде только из уважения к твоему ходже, а не то тебя **[290]** допросят иным способом». — «Коль скоро спасения нет,— промолвил [Мус'ади],— то [мне] непременно нужно помилование от государя султана». Доложили и получили от государя помилование. [Мус'ади] рассказал Дело, что слышал-де [его] от Абу-л-Фатха Хатими, а тот от Абдуса.

Узнав об этом обстоятельстве, ходжа возмутился и, обернувшись ко мне, сказал: «Видишь, что делают?» Потом спросил у Мус'ади: «Ты что-нибудь писал раньше?» [Тот] ответил: «Писал, а это [письмо] послал в подтверждение того». — «Конечно,— заметил ходжа, — раз он представитель двора вельможного лица, получает жалованье, содержание и наградные и торжественно поклялся, то у него [иного] выхода не было; а Бу-л-Фатха Хатими придется наказать за то, что солгал». Мне же он сказал втихомолку: «Передай султану, что эту тайну не следует объявлять Абдусу и Бу Сахлю, [посмотрим], что выйдет. Мус'ади сказано, чтобы он сей же час написал тайнописью письмо с одним из своих гонцов, а другое со спешной почтой, дескать, то, что я написал раньше — ложь. Иной разумной меры сегодня нет, а завтра, когда то письмо туда дойдет, я скажу, что происходит, что делают и что мы видим. Султан пусть отступится от этой истории и принесет в жертву Абу-л-Фатха Хатими, хотя все равно это дело в тайне не останется и причинит весьма много вреда».

Я пошел и доложил словесное поручение ходжи. Когда [султан] выслушал, он был столь ошеломлен, что не мог сказать слова, и я сел. Потом он обратился ко мне и проговорил: «На сей счет нужно сказать все, что на пользу, что Абу-л-Фатх Хатими солгал, что между Бу Сах-лем и Абдусом неприязнь и что тот пес все наущал к этому и представлял в ложном виде». Я вернулся обратно и пересказал ходже как все проиеходило. Ходжа ободрил Мус'ади, и тот написал тайнописью два письма по черновикам, кои я для сего случая составил. Одно [послали] с гонцом, другое с султанским всадником, дескать, то, что было написано, было подстрекательство Бу-л-Фатха двух начальников, которые плохи друг с другом, и по этой причине Хатими за содеянное наказан. Мус'ади отпустили, Бу-л-Фатху дали пятьсот палок и отрешили от пожалованной ему должности балхского мушрифа.

/***319***/ Когда Мус'ади ушел, ходжа остался со мной вдвоем и спросил: «Ты видел, что наделали? Ведь целый мир взбудоражили. И то Алтунташ, а не [какой-нибудь] девсаба [36], да к тому еще при нем

такой [человек], как Ахмед, сын Абдассамада. Как допустили такую историю? [Теперь] Алтунташ [для нас] потерян; это так, потому что он турок умный и, состарившись, не захочет себя опозорить. Только не накликал бы он на нас много бед. Главное, что я, как ты видишь, весьма далек от подобных дел, а ведь Алтунташ все это свалит на меня. Ступай к эмиру и скажи, что во всяком случае что-то произошло скрытно от меня. Государь ежели сочтет нужным, пусть откроет мне, дабы сделать все, что **[291]** необходимо для исправления». Я пошел и сказал. Эмир был очень расстроен. «На этот счет не произошло ничего такого, о чем стоило бы беспокоиться,— сказал он, — Абу Сахль говорил нам только, что Алтунташ дешево отделался, уехав в Шапурган, и я на него прикрикнул. Абдус же пошел и наговорил с три короба Хатими, что Бу Сахль, мол, не остановится перед подлостью. Хатими из этого устроил базар, но поручил по заслугам и наказан».— «Это прекрасно,—ответил я,— да будет долгой жизнь государя, дело можно поправить, ежели не произошло ничего другого». И я вернулся обратно и

рассказал ходже, «Произошло, Бу Наср,— промолвил он,— произошло тайком, и от нас это скрывают. Вот посмотри, что из этого выйдет». Я удалился.

Потом как-то в час предзакатной молитвы я сидел у эмира. Как раз в диван доставили спешную почту из Хорезма, окольцованную и запечатанную [37]. Диванбан знал, что всякая спешная почта, которая прибывает в таком виде, /***320***/ очень важная, и принес ее. Я принял и вскрыл: то было письмо от начальника почты [в Хорезме], брата Абу-л-Фатха Хатими. Я подал [письмо] эмиру, он взял, прочитал и молча встал. Я понял, что случилось что-то важное, но ничего не спросил и стал откланиваться. «Не уходи»,— произнес он, я сел. Он сделал знак, чтобы недимы и хаджибы удалились, и закрыл прием. Никто там не оставался [Эмир] бросил мне письмо и сказал: «Читай!» Было написано: «Сегодня, в пятницу, хорезмшах устроил прием. Явились родичи и свита. Каид-Манджук [38], салар кёчатов, был пьян и не сел на свое место, а прошел дальше вперед. Хорезмшах засмеялся и сказал ему: «Салар вчера ночью все больше [гостей] принимал и проспал до

поздна». Каид запальчиво ответил: «[Значит] милость твоя ко мне уж очень велика, раз я предаюсь забавам и вину. Я от этого беспутства погибну. Сперва хлеб, а потом вино. Тот, кто богат, сам пьет вино». Хорезмшах посмеялся и сказал: «Не говорите мне пьяных речей». «Конечно,— ответил [Каид],— сытый голодного считает пьяным и безумным, и мы виноваты, что это терпим». Таш Махруй, сипахсалар хорезмшаха, крикнул на него и сказал: «Знаешь ли ты, что говоришь? Большой вельможа с тобой разговаривает, шутя и смеясь, а ты предела своего не соблюдаешь. Не будь уважения к сему Высокому собранию, ответ [тебе] на это был бы мечом». Каид заревел на него и схватился за карачур. Хаджибы и гулямы вцепились в него и оттаскивали назад, а он ругался и схватился с ними. Хорезмшах кричал: «Отпустите [его!]». В этой сумятице [Каиду] досталось от них несколько пинков ногой под живот и в грудь. Его отнесли домой. В час пополуденной молитвы он получил повеление [божие] и приказал долго жить Высокому собранию, да пребудет вечно владыка мира. Хорезмшах [меня], слугу [государя],

позвал и сказал: «Ты, начальник почты, был очевидцем этого происшествия, как оно случилось. Сообщи [о нем], дабы его не довели до Высокого собрания в ином виде». **[292]**

Слуга [государя] представил [все] обстоятельно, чтобы высочайшее суждение, да вознесет Аллах его еще выше, было оповещено, ежели будет угодно великому господу. В письмо была вложена записка, дескать, поскольку с Каидом случилось такое происшествие, то насчет его дома и пожитков [хорезмшах] приказал принять меры предосторожности, дабы не случилось беспорядка. Его дебира вместе с сыном Каида доставили в диван и задержали. [Сообщается] для сведения, *с соизволения Аллаха*».

/***321***/ Когда я кончил читать письмо, эмир обратился ко мне: «Что скажешь? Что [это] может быть?» Я ответил: «Да будет долгой жизнь государя, я не могу знать сокровенного. Знаю лишь столько, что хорезмшах человек очень умный, совестливый и скромный, и никто не отважился бы в присутствии

его подымать такой шум и спор, и что убили салара подобного Каиду, должно быть, по ошибке. Во всяком случае подоплека тут иная. Начальник почты не мог открыто писать иначе, как по их желанию и с их голоса. Но он дал клятву, что будет тайно оповещать обо всем, что происходит, поскольку это ему будет удаваться, и до тех пор, покуда от него не придет тайное письмо, нельзя будет узнать об [истинном] положении». Эмир промолвил: «Я от тебя, Бу Насра, кое-что скрываю. Бу Сахль понудил нас к тому-то и тому-то и имеется собственноручная записка наша о том-то и том-то. Когда письмо правителя [его двора] дошло [туда], Каида, вероятно, уже убили, подстроив эдакий повод. Беспокойство наше не из-за убийства Каида, а оттого, как бы наша собственноручная записка не попала к ним в руки, и [дело] не разрослось. Задержание сына Каида и его дебира имеет важную цель: записка в руках этого дебиришки. Как быть с этим?» «Как это поправить, может знать великий ходжа, — ответил я, — без его присутствия ничего не выйдет».—«Это происшествие,— промолвил [эмир],— надобно

сохранить в тайне эту ночь до утра, когда явится хожда». Я удалился очень удрученный и пораженный, ибо понимал, что хорезмшах потерян окончательно. Всю ночь я провел в раздумье.

На другой день, когда [эмир] закрыл прием, он уединился с ходжой и потребовал письма. Я принес, [эмир их] передал ходже. Прочитав, тот сказал: «Бедняге Каиду плохо пришлось, а прочее поправить можно»— «Тут есть другое обстоятельство, которого ходжа еще не слышал,— промолвил эмир,— вчера вечером я его рассказал Бу Насру. Бу Сахль понуждал нас к тому-то и тому-то, покуда к Каиду не пошла наша собственноручная записка. Теперь я опасаюсь, как бы записка не попала в руки Алтунташа».— «Да уж наверняка попадет,— ответил ходжа,— потому что она у того дебира. Надобно написать хорезмшаху письмо. Только бы он не натворил какого другого вреда. Полагаю все же что не натворит, ибо он турок старый и мудрый. Может быть государя к этому /***322***/ и понудили, но у [меня], слуги [его], с Алтунташем **[293]** приязни не было никогда, и он, разумеется, [это] дело припишет мне.

Бу Сахль поступил нехорошо и неправыми [своими] советами ответил неблагодарностью государю. [Я], слуга [государя], не понимаю, к чему было скрывать от меня содеянное, я бы указал на ошибки и как исправить дело». «Верно, так бы нужно было,— ответил эмир, — но сейчас как быть?» — «Придется немедленно ответить на письмо начальника почты, — сказал ходжа,— а делу Каида не следует придавать большого значения. К Алтунташу, конечно, писать ничего не нужно, покамест не увидим, что произойдет дальше. Однако помнить нужно столько, что Каид натворил глупостей и вышел из границ, а что он умер, тому способствовал приговор божий. Права его надобно соблюсти, детей его и хейль передать сыну, только дадут ли? Во всяком случае, на этих днях должно придти письмо от начальника почты тайно — ежели он сумеет [его] послать и пути не преграждены — [в нем] он, наверное, обстоятельно опишет события, и тогда мы примем меры сообразно тому, что прочитаем. Заместитель начальника почты там брат нашего Бу-л-Фатха Хатими; Бу-л-Фатх ради брата создал этот

случай».—«Именно так,— сказал эмир,— Бу-л-Фатх в то время, когда состоял в диване Бу Насра ради своего отца, который находился в Герате в диване наместника, писал нам обо всем, что касалось нашего отца». Я, Бу Наср, [на это] заметил: «Жаль, что только сегодня об этом слышу». — «Ну, а ежели бы ты тогда слышал, чтобы ты сделал?»— спросил эмир. «Я бы сказал,— ответил я,— чтобы ему надрали шею и выгнали из дивана, потому что дебир-предатель мне не годен». И я встал и удалился.

Эмир вызвал к себе Бу Сахля, задал ему на словах трепку, осадил его и сказал: «Доколе будут эти неправые советы? Ежели ты впредь заговоришь со мной о чем бы то ни было, кроме войсковых дел, я прикажу тебе голову снести». И Абдуса он тоже позвал и очень побранил, ты, мол, разглашаешь наши тайны, кои мы поведали тебе; не стоите вы, чтобы вас за что-либо считали, достанется вам, предателям, по заслугам». /***323***/ Эмир потом был очень озабочен и разговаривал с великим ходжой и со мной обо всем, о чем надлежало переговорить. Спеси у этих людей

поубавилось, ибо было ясно, что все, что они говорят и слышат — не верно.

Однажды я был у себя дома, когда доложили, что у ворот какой-то странник говорит, что [явился] по важному делу. У меня мелькнула мысль: «Уж не из Хорезма ли он пришел?»— «Приведите его»,— сказал я. Он вошел и попросил остаться [со мной] наедине. [Потом] расколол бывший при нем посох, вынул и подал мне маленькую записку от Бу Абдаллаха Хатими, заместителя начальника почты, [посланную] мне. Он писал: «Я придумал, дал сему страннику денег и заверил, что в столице его наградят за опасность, которой он подвергался, и за то, что пришел, ежели только он прибудет к высочайшему двору здрав и **[294]** невредим. Здесь он был очевидцем события и передаст словесные мои сообщения, ибо человек он понятливый. Надобно его выслушать и сказанному верить, ежели угодно Аллаху».

«А каково словесное сообщение»,— спросил я. Он рассказал: «[Бу Абдаллах Хатими] передает, дескать,

то, что раньше писал, что Каиду в драке в серае хорезмшаха дали несколько пинков под живот и в сердце и он умер, то я писал по черновику, который составил кедхудай хорезмшаха Ахмед, сын Абдассамада. Они мне дали серебра и платьев и ежели бы я написал иначе, то подверг бы жизнь [свою] опасности. Правда же такова: Каид в тот день, на другой после которого был убит, пригласил к себе большое общество и позвал шайку забияк из свитских кёчатов и джиграков [39], и стал во всеуслышание говорить неподходящие речи вроде того, что в мире, мол, дела не останутся неизменны. [Теперь], дескать, Алтунташ и Ахмед — для себя, сыновья и гулямы — для себя, но этому положению есть конец. Ясно, мол, доколе я и другие благородные мужи можем терпеть нужду.

Об этом сообщили хорезмшаху. На другой день он на приеме спросил Каида: «Ты вчера днем и ночью принимал гостей?».— «Да»,— ответил тот. «Ты что же мяса и закусок не достал, что пожирал меня и моего кедхудая?» Каид ответил ему довольно запальчиво. Хорезмшах рассмеялся и поглядел на

Ахмеда. Когда Каид удалился, хорезмшах спросил у Ахмеда: «Ты заметил в голове у него спесь великодержавную?» [40] — «Нужно ее оттуда изгнать»,— ответил Ахмед и удалился домой. Было заведено, чтобы по пятницам Ахмед возвращался [во дворец] пораньше утром, /***324***/ и все приходили приветствовать [хорезмшаха]. Слуга [твой] тоже там присутствовал. Явился Каид и заговорил с Ахмедом с некоторым раздражением и между прочим спросил: «О чем это мне говорил сегодня хорезмшах?» Ахмед ответил: «Государь мой кроток и великодушен, а не то он поговорил бы с тобой батогами да мечом. Кто вы такие, ты и тебе подобные, что, перепившись, говорите, что вам вздумается?» Каид ответил грубо и даже замахнулся рукой на Ахмеда. «Эта спесь к тебе из [султанского] присутствия пришла?— заметил Ахмед,— ты бы хоть прикрыл ее немного, покуда не станешь хорезмшахом». «Да уж тебе то места хорезмшаха никак не дождаться», — возразил Каид и поднялся, чтобы уйти. «Держите эту собаку!» — крикнул Ахмед. «Никак тебе не взять меня!». Ахмед хлопнул в ладоши: «Дайте [ему]!» Появилось

человек двести, стоявших наготове. Каид уже добрался до середины серая, но они пустили в ход мечи, секиры и топоры и убили его, привязали к ногам веревку и поволокли по городу.

Серай его оцепили, сына с дебиром задержали, а меня заставили написать письмо с черновика, который они составили, как ты читал. На другой день от его дебира потребовали записку, прибывшую, как сказывали, от его величества [султана]. Тот отпирался, [говорил], что Каид **[295]** ему ничего не давал. Осмотрели дом и бумаги Каида, однако никакой записки не нашли. [Тогда снова] стали крепко допрашивать дебира. Он признался и отдал им записку. Они взяли, [никому] не показали и, говорят, спрятали так, что никто о ней не узнал. Три дня у хорезмшаха приема не было, и он уединялся с Ахмедом. На четвертый день, в пятницу, открыли прием, как бывало ежедневно, но с иного рода великолепием и обрядом. Во время молитвы прочитали хутбу как обычно. Они не проявляют ничего, что напоминало бы восстание, но меня ни о чем не оповещают, кроме того, что полагается по

правилу. Гулямов и верховых животных они начали скупать гораздо больше, чем обычно. Все, что я напишу после этого, будет по их желанию и с их слов, и доверять тому никак нельзя. Мне теперь остается ограничиться странниками да тайными гонцами, и это опасно для жизни, *дай боже уменья*».

Это словесное сообщение я изложил на бумаге и отнес во дворец. Эмир прочел, тихо встал и сказал: «Это надобно запечатать до завтра, покуда придет ходжа». Я так и сделал. На следующий день, когда [эмир] закрыл /***325***/ прием, он остался с великим ходжой и со мной. Когда ходжа прочитал письмо [заместителя начальника] почты и запись словесного сообщения, он сказал: «Да будет долгой жизнь государя. Вот, каково бывает последствие необдуманного дела. Теперь придется отказаться от Алтунташа, ибо нам от него добра не ждать. Только бы он нам не напортил, не сговорился бы с Али-тегином, ведь они близко друг от друга, и не причинил бы большого зла». — «Не обязательно, чтобы он это сделал,— заметил я,— он хранит

верность к покойному эмиру и знает, что нашего государя ввело в заблуждение злое наущение». «Как же быть с моей собственноручной запиской, которую они захватили как доказательство? Как мне отречься, коль скоро они станут доказывать?»— спросил эмир. «Это теперь уже ни к чему, — ответил ходжа,— но остается еще кое-что; ежели его исполнить, то дело можно будет сразу же немного успокоить. Это [кое-что] можно возместить, хотя бы оно оказалось не совсем приятно для сердца государя; а что касается Алтунташа и той громадной страны, то ведь их не возместишь». — «Что же это такое, — спросил эмир, — ежели бы даже мне пришлось отдать любимого сына, чтобы уладить дело и [чтобы] оно не тянулось, то я не пожалею».

«[Мне], слуге [твоему], надлежит [блюсти] благополучие дел государевых,— начал ходжа, — и не нужно представлять себе, что слуга [твой] говорит [сейчас] из ненависти к одному из слуг высочайшего двора». «Ходжу в этом не подозревают и никогда не будут подозревать,—заметил эмир. «Корень этой пагубы — Бу Сахль,— продолжал ходжа,— и

Алтунташ его ненавидит. Хотя записка написана рукой государя, ему совершенно ясно, что Бу Сахль придумывал, как ее достать от государя, и достал. Его надобно принести в жертву этому делу таким **[296]** способом, что государь прикажет его посадить за то, что он дал два дурных совета и побуждал к дурным поступкам, для исправления коих понадобится много времени. Ему [должно] покаяться перед обоими государями, во-первых, в том, что отобрал обратно награды, [выданные] эмиром Мухаммедом, братом государя, и во-вторых, в том, что внушил подозрения Алтунташу. Как только его посадят, вину возложат на его шею. От государя можно написать об этом письмо, так чтобы подозрения Алтунташа исчезли. Ежели он даже и не явится [сам] ко двору, то по крайней мере ни с одним [нашим] противником не объединится и злобы к нам не проявит. Я, слуга [государя], тоже могу написать письмо и могу подержать перед лицом его зеркало [41], дабы он понял, что у меня в этом деле «никаких верблюдов не было» [42]. Пусть [государь] послушается моих слов, и дело отпадет».—

«Прекрасно,— сказал [эмир],— завтра же прикажу его посадить. /***326***/ Пусть ходжа примет [меры] предосторожности касательно Бу Сахля и людей его здесь и в областях, дабы они не ускользнули и ничего не пропало».— «Слушаюсь»,— промолвил [ходжа]. Мы удалились. По дороге ходжа мне сказал: «Теперь государю нашему стало понятно, что стадо забрело слишком далеко. И то хорошо, что подобного больше не произойдет».

На другой день, когда [государь] кончил прием, ходжа пошел в свой диван, Бу-Сахль — в войсковой диван, а я сел один в посольском диване. Спешно отправили письма, чтобы людей и добро Бу Сахля в Мерве, Завзане, Нишабуре, Туре, Герате, Бадгисе и Газне забрали. Когда эти письма уже отослали, ходже через Абу-л-Хасана Кудьяни, недима, пришел приказ эмира: «Письменные сообщения, насчет которых вчера был разговор с ходжой, отправить во все места словесно, пусть поедут спешные гонцы; ходже покончить с делом этого человека». Великий ходжа позвал [к себе] Бу Сахля вместе с его помощниками по войсковому дивану и потребовал

войсковые реестры; они остались одни и занялись ими. Скрыто ходжа дал распоряжение дежурному хаджибу сесть верхом, поехать домой к Бу Сахлю с мушрифами и доверенными лицами ходжи и занять его жилище, а родичей и приверженцев его, всех находящихся в Балхе, задержать. Об исполнении того, что было сделано ходже доложили. Он уехал из дивана, сказав, чтобы Бу Сахля отправили в кухандиз [43]. Дежурный хаджиб посадил его на мула и отвез с толпой конных и пеших в кухандиз. На пути привели двух его служителей и шестьдесят гулямов—они шли к нему. Их доставили в серай, а Бу Сахля увели в кухандиз и заковали в цепи. И [дума] о своем злодеянии сверлила ему голову. О происшедшем рассказали эмиру.

На следующий день, закрыв прием, он уединился с ходжой. Позвали меня. Эмир сказал: «История с Бу Сахлем кончена, и это большое счастье, потому что человек препятствовал появлению благополучия. Что теперь делать?». [Ходжа] ответил: «Лучше всего было бы **[297]** приказать Мус'ади, чтобы он сейчас же написал письмо хорезмшаху, как положено

писать представителю двора, и сообщил, что поскольку Высочайшему собранию стало ясно, что /***327***/ с самого прибытия Бу Сахля ко двору, он обманывал и обманывает в государстве до такой степени, что сбил с толку насчет столь благородного старца, как хорезмшах, и тому пришлось уехать омраченному. Он и после этого не переставал настраивать против хорезмшаха и против других, [поэтому] по высочайшему усмотрению Бу Сахля отрешили от должности [главы] войскового дивана и посадили, дабы царство и слуги [государевы] избавились от его подстрекательства и вредительства.

Потом слуга [твой] скажет Мус'ади по секрету, чтобы он написал тайнописью: государь султан, мол все это совершил потому, что Бу Сахль воспользовался удобным случаем, составил черновик, улучив время, когда государь выпил вина, и [побудил] его написать высочайшей рукой записку. Он тотчас же отправил ее в Хорезм, а на следующий день, когда государь об этом поразмыслил и потребовал записку обратно, поклялся жизнью

государя, что сам, обдумав и поняв совершенную ошибку, [записку] разорвал. Когда было установлено, что это ложь, [государь] велел его достойно наказать. Пусть это письмо сегодня же отправят. Потом, через неделю, напишет письмо Бу Наср, изложит сие обстоятельство пространно, и сердце хорезмшаха будет обретено. Слуга [твой] тоже напишет, а от высочайшего двора будет назначен какой-нибудь верный человек, расторопный, благоразумный, понимающий толк в словах и красноречивый, поехать в Хорезм и передать письма, исполнить словесные поручения, уяснить себе положение и вернуться обратно. Хотя все это сработано грубо, и люди умудренные и бывалые на это не попадутся—они поймут, что сие только сладкое блюдо [44] — но все же внешне добрые отношения друг с другом сохранятся, потому что турок успокоится. Его сына Сати надобно завтра же обласкать и дать ему часть хаджиба и тысяч пять динаров в награду, дабы сердце того старца нашло покой».

«Все это — прекрасно,— промолвил эмир,— [и] полностью нужно осуществить. А ходже надобно знать: впредь все, что будет совершаться [по части] управления, денежных средств [45] и [разных] мероприятий, все 'будет происходить по его указанию и с его совета». Ходжа облобызал землю, прослезился и сказал: «Государю /***328***/ следует знать, что три-четыре старика, кои здесь [еще] остаются, лучше тысячи молодых. Господь бог велик он и всемогущ, оставил их в помощь державе государя, не стоит их сразу выбрасывать». Эмир подозвал его к себе, заключил в объятья и сказал ему много добрых слов. И меня он обласкал. Мы удалились, [Ходжа] вызвал Мус'ади и с ним уединился. Я составил черновик того что надлежало написать, дабы он переписал [его] явно и тайнописью; письмо отправили. Через неделю после этого ходжа назначил Бу-л-Касима **[298]** Дамгани, чтобы он поехал в Хорезм, а Бу-л-Касим этот был человек старый, мудрый и красноречивый. [Ходжа] написал хорезмшаху письмо от себя, весьма любезное, а я

написал письмо от [имени] Высокого собрания такого содержания:

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОСЛАНИЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ШИХАБ АД-ДОВЛЕ АБУ СА'ИДА МАС'УДА, ДА БУДЕТ ИМ ДОВОЛЕН АЛЛАХ, НАПИСАННОЕ К АЛТУНТАШУ, ХОРЕЗМШАХУ

«Во имя Аллаха милостивого, милосердого! Превосходительный хаджиб, дядя, хорезмшах, да продлит Аллах ему помощь свою! Он нам сегодня заместо отца и державе он величайший столп. При всех обстоятельствах он проявлял честность, единодушие и богобоязненность свою и искренне показал нутро сердца и привязанность свою, ибо то, что он сделал и оказал во время кончены отца нашего, покойного эмира, да смилуется над ним Аллах, по части сочувствия и советов вновь ставшим у власти людям [46] в Газне, кои счел [для себя] долгом, они таковы, что не обязывают [их] когда-либо позабыть. Затем прибытие [его] ко двору с чистым сердцем и без лицемерия, его советывание по вопросам государственного управления и оказывание помощи таковы, что о том можно сочинить историю [47]. Можно понять, сколь счастливый удел уже обрел

и обретет в сем мире и в жизни загробной — по слову *жил счастливо и умер достойно* — человек, коего убеждения таковы, [кто], ради державы кровь и плоть свою отдает ей, [кто] столь хранит верность и считает для себя должным платить благодарностью за милости покойного эмира и нынешнего государя и прилагает старание исполнить и другие обязанности перед государем. Да живет он всегда, и ни одно ухо да не услышит об утрате его! Поскольку с его стороны непрестанно было прямодушие, чистосердечие, неизменная привязанность и доброжелательство а от нас взамен /***329***/ не оказывалось никакой ласки, напротив, смутьяны, подстрекатели, люди недальновидные и неопытные творили недопустимые дела, то нам совестно и мы порицаем себя [за это], хотя у нас и было постоянно доброе мнение о его советах. Однако мы полагаемся на доблесть и полноту его благоразумия, пусть смотрит он в корень и не тревожит сердце из-за ветвей, он, Алтунташ — единственный по прямодушию и чистосердечию человек. И ежели до слуха его что-нибудь доведут или уже довели, или

покажут ему что-либо воочию, отчего на сердце его падет беспокойство, то пусть он вспомнит и представит перед собой особу покойного эмира, да осветит Аллах его доказательство, и взглянет на его благодеяния и милости, на величие и нрав его, а не на то, что показывают ему завистники и смутьяны, ибо он мудр, рассудителен, дальновиден и проницателен, следовательно, не так-то скоро сумеют сбросить его камень в реку [48]. Мы молим господа **[299]** бога, велик он и всемогущ, помочь [нам] вознаградить хорезмшаха за его заслуги, и ежели что-нибудь произошло, роняющее его достоинства или заронившее в его сердце отвращение, то оно непременно будет исправлено, *господь пресвятой — благодетель и миротворец по всеобъемлющей милости и милосердию своему*.

Когда мы двинулись из Рея, чтобы принять царский престол отца [нашего] и прибыли в Дамган, к нам присоединился Бу Сахль Завзани. Он служил нам раньше долгое время, будучи нашим доброжелателем, понес много трудов и оказался в Газнийской крепости. Нам представилось, что в эту

пору он был самый верный советник и добрый друг из числа слуг [наших]. Около нас не было [тогда] никого из подвинутых в годах вельмож державы, кто вершил бы дела и принимал нужные меры, а перед нами стояло большое дело. Поскольку он в то время превосходил всех прочих, то само собой, вел речи о разном, и мы украшали их своим одобрением. Человек [этот] становился все более виден, люди возлагали на него, как полагается, свои надежды, и было несколько человек, как-то: Тахир, Абдус и еще [кое-кто] помимо них, которые подчинились ему. Такое положение его оставалось, покуда мы не прибыли в Герат. Брата нашего посадили в некоем месте, а родичи, свита и все войско явились на служение нашему двору. Дела вершил этот человек, приверженцы же отца [нас] сторонились и чуждались, покуда он, [Бу Сахль], не зашел столь далеко, что стал считать должность везира ниже своего достоинства. /***330***/ Поскольку мы искали поправить дела еще лучше и взвесили их со всех сторон, то сочли за правильное повелеть доставить из Хиндустана превосходительного ходжу Абу-л-

Касима Ахмеда, сына Хасана, да продлит Аллах ему свою помощь. Мы укоротили руки этому злоискусителю и украсили должность везира [великим ходжой], а Бу Сахля заняли войсковым делом, чтобы состоял он при нем одном, и собрание наше нашло покой от его вольностей и развязности. Однако он не находил для себя верного пути; высокомерие, зародившееся в его голове, из нее не уходило, он не воздерживался от вольностей и вмешательства до тех пор, покуда все вельможи двора нашего не стали уязвлены и обижены им настолько, что начали проситься от отставки с должностей им пожалованных, кои править могли только они, а других, кто бы обладал должным весом, не было. Они отвратили свои сердца от нас и от дел наших, через что в царстве началась неурядица. При всем этом он бранил господ меча [49] и оговаривал их облыжно, вот как нынче поступил с хаджибом [50], потревожив его сердце.

Он привлек [к своему замыслу] Каид-Манджука, расхваливал его на все лады и понуждал нас к тому, чтобы переменить доброе мнение о хаджибе,

который нам заместо отца и дядя. Когда человек этот о своих деяниях хватил через край и пресловутые облыжные дела его **[300]** для нас стали ясны, мы повелели отставить его от войскового дивана, посадить в каком-либо месте и начисто отобрать имущество, которое у него было, дабы прочие безрассудные люди получили поучительный урок. Несомненно, доверенные слуги хаджиба написали ему об этом обстоятельстве и открыли ему причины. Ныне мы без промедления оказали великую милость отпрыску хаджиба Сати, сыну и доверенному человеку [его],— он получил степень хаджиба, и мы любим его, как [своего] сына, ибо кто бы заслуживал этого больше, нежели он, в смысле сыновства, благородного происхождения и достойности. [Но] в сравнении с заслугами хаджиба это весьма мало. Ежели от собрания нашего хаджибу до сих пор не оказано никакой милости, то теперь она будет непрестанна, покуда не исчезнут отвращение и все подозрения, кои посеял тот смутьян. Великий ходжа по нашему велению послал одного верного человека, написал в этом смысле более пространно и дал ему

словесные поручения, которые слышал из наших уст. /***331***/ Надобно, чтобы [хаджиб] отнесся к ним с доверием и не столь сердился бы [на нас], как раньше. Пусть нашего верного человека: поскорее возвратят самого, а все, что желательно [хаджибу] и вернет ему сердечный покой, пусть он полностью просит, ибо согласие на то будет дано *с соизволения Аллаха*» [51].

Это письмо написали, доверенный человек из дивана везира поехал и вернулся обратно. Внешне наступило успокоение и сразу никакого большого возмущения не произошло, но все таки дело хорезмшаха Алтунташа продолжало оставаться сложным до тех пор, покуда из султанского присутствия не снарядили значительное войско, и Алтунташ получил распоряжение прибыть с хорезмским войском к Амую. К нему присоединились [другие] войска, и он отправился на войну с Али-тегином. У Дебуси [52] они сразились, Али-тегин потерпел поражение, и множество его воинов было убито. В хорезмшаха попала стрела, он лишился сил и на другую ночь получил [божье]

повеление [отойти в иной мир]: Ходжа Ахмед, сын Абдассамада, да смилуется над ним Аллах, человек способный, знающий и опытный, прежде чем объявить смерть хорезмшаха, [успел] ночью заключить мир с Али-тегином, и Али-тегин благодарил за этот мир. На другой же день [Ахмед, сын Абдассамада], поднял войско, казну и дворцовых гулямов и, применив тонкие ухищрения, благополучно увел их обратно в Хорезм, да смилуется Аллах над ними всеми. Как сие происходило, я расскажу в своем месте.

Об убийстве Каид-Манджука я, Бу-л-Фазл, слышал подробнее от ходжи Ахмеда, сына Абдассамада, в том году, когда эмир Мавдуд прибыл в Динавер, отмстил за павшего жертвой эмира [Мас'уда], отправился [затем] в Газну и сел на престол царства. Должность везира он отдал ходже Ахмеду. После [назначения] везиром ходжа Ахмед, сын Абдассамада, прожил недолго и умер [53], да смилуется над ним Аллах. **[301]**

Однажды я сидел у этого ходжи, а пришел я к нему со словесным поручением. Бу Сахль Завзани еще не прибыл из Буста. «Когда приедет ходжа Бу Сахль?»— спросил он меня. «Извещения из Буста не было,— ответил я,— однако, должно быть, /***332***/ дней через десять приедет».— «Эмир хочет поручить посольский диван ему?»— спросил он [еще]. «Да кто же достойней его?— заметил я,— при павшем жертвой эмире он его возглавлял». Зашел разговор о Хорезме и Каид-Манджуке, и я рассказал о том, в каком смысле я был причастен к делу. «Ты рассказал совершенно верно, так оно и происходило, но одно важное обстоятельство тебе неведомо, а знать его нужно». Ежели ходжа признает полезным, пусть расскажет, мне, слуге [его], оно пригодится — я собирался писать эту «Историю» и хватался за всякое стоящее внимания сведение, где бы его ни узнавал. Я спросил у него о том, что было с Каид-Манджуком, и он рассказал:

«В первый же день, когда хорезмшах мне поручил должность, кедхудая, он установил такое правило, чтобы я ежедневно являлся к нему, садился и

оставался [у него] один-два часа. Когда же он громко произносил: «Начинайте прием!»— входили и прочие. Бывало ли что-нибудь важное или нет, он оставлял меня и расспрашивал, что, мол, делал вчера вечером, что ел, как спал; а я, мол, делал то-то. «Что за прихоть такая,— спрашивал я себя,— каждый день оставаться [со мной] наедине?» Однажды мы были в Герате. Ночью случилось очень важное дело, и от покойного эмира пришло письмо. Оно была разрешено в той же негласной беседе, и никто [ничего] не узнал. Он сказал мне: «Вот для такого случая я и остаюсь с тобой вдвоем ежедневно». «Здорово я ошибался, хорезмшах прав,— подумал я про себя. То же было и в Хорезме. Когда прибыла тайнопись Мус'ади, он остался со мной. Закрытая беседа наша тянулась долго. [Хорезмшах] был в большом отчаянии, он плакал и говорил: «Да будут прокляты эти злоучители. Такого, как Али Кариб, еще не бывало— его свалили, [устранили] и таких, как Гази и Арьярук у Шапургана был близок к тому и я, да сохранил господь всевышний, преблагий. Теперь они прибегают к подобного рода

ухищрениям, но того не ведают, что человеку как Каид-Манджук меня не устранить. [Но] допустим, я пал, как можно будет уберечь такое огромное владение, как у султана, от врагов? Ежели они даже тысячу раз так поступят, я свое доброе имя не замараю, ибо я стал уже стар и час от часу ожидаю смерти». Я ответил: «Совершенно верно, однако же зубы показать надо, чтобы и здесь высокомерие поубавилось, и в присутствии [государя] тоже поняли, что хорезмшах не дремлет и не так-то скоро на него можно наложить руку». «Поскольку Каид /***333***/ зазнается, надо его одернуть», — сказал [Алтунташ]. «Лучше того нужно [сделать],— возразил я,— голову, в которую такой государь как Мас'уд, заронил пустую мечту быть хорезмшахом **[302]** следует отсечь, а не то вреда от нее будет много».— «Это слишком дерзко и бессовестно»,— промолвил он. «Пусть господин предоставит это мне»,— заметил я. «Предоставляю»,— сказал он.

Это тайное собеседование происходило в четверг. Собственноручная записка султана дошла до Каида и породила в нем страшную заносчивость. В тот же

четверг он созвал большое собрание гостей и приступил к пресловутому делу. В пятницу Каид пришел приветствовать хорезмшаха. Он был пьян, произносил неблагопристойные речи и угрожал. Хорезмшах терпел, сколько ни ругал [Каид-Манджука] Таш Нахруй, сипахсалар хорезмшаха. Я отправился домой и распорядился насчет его. Когда Каид пришел ко мне — обыкновенно по пятницам все являлись ко мне — я увидел в нем такую заносчивость, что сильнее я быть не может. Я начал [к нему] придираться и бранить его, зачем он не соблюдал предела приличия перед хорезмшахом и говорил непристойно. Он рассвирепел,— а был он человечишка кичливый, пустомеля, надутый спесью,— и стал разговаривать громко. Я хлопнул в ладоши,— это был знак,— вошла толпа воинов-кёчатов и зарубила его. Хорезмшах тогда [только] услышал, когда в городе поднялся крик и шум — то к ногам Каида привязали веревку и волокли. [Потом] я позвал заместителя начальника почты, дал ему денег и одежд, дабы он послал извещение согласно той прописи, как ты читал. Хорезмшах позвал меня и

спросил: «Что же это произошло, Ахмед?»— «Это был верный способ»,— ответил я. «Что вы скажете [султанскому] присутствию?»—«Я уже придумал»,— сказал я и доложил о том, что написали. «Смелый ты человек»,— промолвил он. «Иначе нельзя быть хорезмшахом»,— ответил я; и весьма большой гнев утих».

Поскольку происшествие с заключенным [в острог] Бу Сахлем пришло к концу, я считаю [своим] долгом рассказать одну повесть о заточении в тюрьму.

РАССКАЗ

Я так читал, что когда Бузурджмихр [54], мудрец, отверг веру гебров [55], ибо то была вера с недостатками, и принял веру пророка Иисуса, да будут над ним благословения Аллаха, он завещал братьям: «Я читал в книгах, что в конце времени явится пророк по имени Мухаммед, избранник божий, да благословит его Аллах и да приветствует. /***334***/ Ежели я доживу, то первый человек, кто последует за ним, буду я, а ежели не доживу, то надеюсь, что нашу братию объединят с его общиной.

То же самое вы завещайте своим детям, дабы они попали в рай».

Это довели до сведения царя Нуширвана. Царь написал своему амилю письмо: «Тотчас же, как только прочитаешь это письмо, **[303]** отправь ко двору Бузурджмихра в тяжких оковах и ошейнике». Амиль, согласно повелению, отправил. В Парсе распространился слух, что схваченного завтра увезут. Ученые и улемы приходили к нему и говорили: «Удели нам от твоего знания, не пожалей ничего, дабы и мы стали сведущи. Ты был нашей светлой звездой, указующей нам праведный путь, и был прохладной водой, ибо ты поил нас, и был нашим пастбищем полным плодов, ибо много чего мы обрели от тебя. Государь разгневался на тебя, и тебя увозят, но ты не из тех мудрецов, которые сходят с правого пути. Оставь же нам на память часть знания твоего».

Он ответил: «Заповедую вам верить в единство господа бога, велик он и всемогущ, покоритесь ему и знайте, что он видит ваши деяния, дурные и добрые,

и ведает то, что у вас на сердце. В жизни вашей волен он, и когда вы умрете, то возвращение ваше к друзьям и собравшимся будет в день воскресения из мертвых, [в день] вопрошения и ответствования, награждения и наказания. Говорите правду и творите добро, ибо господь бог, велик он и всемогущ, сотворил вас, сотворил для добра. Остерегайтесь, не совершайте дурного, сторонитесь дурных людей, ибо жизнь злодеев бывает коротка. Будьте благочестивы и держите в отдалении очи и плоть, руки и срамы [свои] от запретного и от достояния чужого. Ведайте, что смерть есть дом жизни; сколько бы вы ни жили, придется войти в него. Облачитесь в одеяние стыдливости, ибо оно есть одеяние людей благородных. Говорите всегда правду, ибо от сего просияет лицо. Люди любят говорящих правду и говорящий правду не погибнет. Избегайте говорить ложь, ибо ежели лжец даст правдивое свидетельство, [ему] не поверят. Зависть есть увядание тела, завистнику никогда не бывает покоя, ибо он постоянно борется с предопределением господним, да славится имя его. Зависть убивает людей еще до

прихода смертного часа. А алчному нет отдохновения, потому что он ищет то, что, быть может, положили не для него. Отдаляйтесь от жен, которые получают хорошее содержание, но разоряют дома. Каждый, кто хочет, чтобы жена его оставалась честной, /***335***/ тот пусть не ходит за чужими женами. Не осуждайте людей, ибо никто не безгрешен. Каждый, кто слеп к своим недостаткам, тот самый невежественный из людей. Добрый нрав есть величайший дар господень, велик он и всемогущ, отрешитесь от злонравия, ибо оно — тяжкие оковы на сердце и на ногах. Злонравный всегда очень страдает [сам], и люди от него страдают, а для добронравного — и сей мир, и тот мир, и в обоих мирах [ему] хвала. Каждого из вас, кто по рождению старше, считайте выше [себя], соблюдайте к нему уважение и не противьтесь ему. Все вы не полагайтесь на надежду настолько, чтобы прекратить работать. Люди, которые строили города, селения, **[304]** здания и каризы и вкусили горести сего света, все они покинули то и отошли [в иной мир], а построенное превратилось в ничто. Сказанного мною

достаточно, и знаю я; что мы встретимся в день страшного суда.

Когда Бузурджмихра доставили на царский двор, царь велел его, как он есть, в оковах и ошейнике, привести к себе. Его привели. Царь спросил: «Не по нашему ли благоусмотрению, о Бузурджмихр, ты был пожалован милостью и чинами? Что сталось с ними? Ты достиг степени везира, тебе было поручено распоряжаться в царстве, почему же ты отверг веру отцов твоих? Почему ты, мудрец [нашего! времени, говорил людям, что царь, войско и подданные стоят не на правом пути? Цель твоя была возмутить против меня царство и натравить на меня знатных и простых людей. Я казню тебя так, как еще не казнили ни одного преступника, ибо вина на тебе большая, или покайся и вернись к вере отцов и дедов твоих, дабы получить прощение, потому что было бы жалко убивать такого, как ты мудреца, ведь другого, подобного тебе, нет». — «Да будет долгой жизнь царя,— ответил Бузурджмихр,— люди называют меня мудрецом, сведущим и умным, следовательно, ежели я из тьмы пришел к свету, то уже не

возвращусь обратно в тьму, ведь я был бы тогда безумцем и невеждой».— «Я велю тебе отрубить голову»,— сказал царь. «Судья, к коему я отправлюсь, справедлив; он не потребует свидетельства и вознаградит [меня], а от тебя отвратит милость свою»,— промолвил Бузурджмихр. Царь разгневался, как не бывало никогда, и сказал: «Уберите его, покуда я прикажу, что надобно будет сделать». Его убрали.

Когда гнев царя утих, он промолвил: «Этого жалко было бы губить»,— и велел посадить его в помещение совсем темное, как могила, и заковать /***336***/ его в тяжелые железа и надеть на него жесткую власяницу. Каждый день ему давали на пропитание по две ячменных лепешки со щепотью соли и кувшин воды, [Царь] приставил к нему надсмотрщиков, которые прислушивались к каждому его дыханию и доносили царю. В таком положении он оставался два года. Однажды его голоса не услышали, сказали царю. У царя защемило сердце, и он велел отворить темницу Бузурджмихра. К нему привели его близких и родичей, чтобы они

заговорили с ним, не ответит ли? Его вывели на свет и увидели в плотном теле с неввалившимися щеками. «О мудрец,— спросили его,— тебя мы видим в грубой власянице, в тяжких оковах, в тесном и темном месте, отчего же щеки у тебя не ввалились, а тело [стало] еще плотней, в чем причина?» Бузурджмихр ответил: «Я сделал себе лекарство из шести веществ и его каждый день понемногу принимаю, вот и остался такой».— «О мудрец, попросили они,— ежели можно, научи нас **[305]** этому лекарству, дабы когда у кого-либо из нас или друзей наших случится нужда или кто-нибудь попадет в такое же положение, то попользовался бы им». Он ответил: «Первое, я твердо уверовал: все что предопределил господь бог, да славится поминание его, то сбудется; второе: я довольствуюсь приговором его; третье: я надел на себя рубашку смирения, ибо от несчастья нет [лучшего средства], чем терпение; четвертое: ежели я не могу сдержаться, то все-таки не допускаю к себе уныния и нетерпения; пятое: я думаю о том, что у какого-нибудь создания, вроде меня, положение еще хуже

этого, [и] я благодарю [создателя]; шестое: я не теряю надежду на то, что пресвятой и всевышний бог каждый час может дать мне избавление. Все, что происходило, и все, что он говорил, передали царю, и царь сказал себе: «Как можно убить такого человека!» Однако, в конце концов, он все же велел казнить его смертью для острастки [других], и Бузурджмихр пошел в рай, а царь в ад.

Я знаю, каждый, кто прочитает, не осудит [меня] за этот рассказ; ибо он не без пользы, и история такими рассказами украшается. Теперь мы снова возвратимся к [нашей] «Истории» *по воле Аллаха и с помощью и руководством его*.

Когда покончили с заключением [в крепость] Бу Сахля Завзани, эмир Мас'уд, да будет им доволен Аллах, уединился с ходжой Ахмедом, сыном Хасана, по поводу войскового дивана, кому бы заботиться об этом деле. «Из наших людей,— сказал ходжа,— больше всех подходит Бу Сахль Хамдеви». А эмир [на это] возразил, что мы-де ему пожаловали должность мушрифа [всего] государства и это

поважнее. Нет ли, мол, у тебя другого ему подобного. Нужен другой кто-нибудь, /***337***/ «Других государь [сам] знает,— ответил ходжа,— кого прикажет?» — «Мне нравится Бу-л-Фатх Рази,— сказал эмир,— он ведь несколько лет работал у ходжи».— «Он человек видный, - промолвил ходжа,— хороший и способный, да есть в нем изъян: он все чего-то выжидает, а это дело надобно вести решительно». «Помощники опасливы и медлительны,— заметил эмир,— а когда становятся начальниками и приобретают вес, то работают по-другому. Надо его позвать и посулить ему эту должность». «Слушаюсь»,— ответил везир.

Когда он вернулся [к себе], то позвал Бу-л-Фатха Рази, остался с ним вдвоем и сказал: «О тебе был сегодня разговор насчет должности начальника войскового дивана, выбор султана пал на тебя. Я тебя давно уже испытал, эту должность ты выпросил без моего веления и указания, сделав сбережение. От меня, Ахмеда, такие **[306]** вещи не остаются в тайне. Я бы при всех обстоятельствах просил для тебя это покровительство, но было бы лучше, когда б ты мне

говорил все. Теперь пусть будет так, я прощаю. Будь же смелей и веди дело как надо. Но я ни в коем случае не потерплю сбережений и чтобы ты сократил войско, потому что в государстве окажется слабое место, от чего произойдет большой вред. Ежели ты, однако, сумеешь возместить злоупотребления и воровство, совершенные Бу-л-Касимом Кесиром и его помощниками, и вернешь [деньги] в государственную казну, то окажешь похвальную услугу».— «Уже двадцать лет я, слуга господина, состою при нем мустовфием, и он меня испытал и знает как честного человека. Я видел, что происходят злоупотребления и хотел, чтобы о времени везирства господина сохранился какой-нибудь славный след, [поэтому] я сделал сбережение и доложил [о нем] Высокому собранию. Может быть превосходительное мнение [ходжи] меня простит за то, что я не доложил [о сбережении] на усмотрение господина?» — «Прощаю,—промолвил [ходжа],— ступай, эта должность за тобой».

На другой день, в субботу, Бу-л-Фатха отвели в вещевую палату и надели на него халат ариза. Он

повязал халат семисотенным поясом, предстал пред лицом [эмира] и отвесил [установленный] поклон. По возвращении его домой придворные и военные вельможи прекрасно воздали ему должное. На следующий день он явился во дворец, принял дела и оказался /***338***/ человеком проницательным и способным. Покуда ходжа Ахмед был жив, он не решался наибольшие дела, но когда тот помер, он нашел для себя широкое поле и приступил к сокращению войска, а это принесло пребольшой вред. В своем месте я все расскажу.

В это время прибыли письма от осведомителей из Бухары о том, что Али-тегин никак не унимается, говорит вздорные речи и снаряжает рать. Две вещи его особенно сердят: во-первых, что покойный эмир встретился с Кадыр-ханом и что вследствие этого ханское величие ушло из их дома и, во-вторых, государь посулил ему отдать какое-нибудь владение, коль скоро он пришлет на подмогу войско с сыном для умиротворения царства. Когда же дело уладилось без войны и неурядицы и престол достался государю без борьбы, он понял . . . [56] что

найдет какой-нибудь удобный повод и причинит какое-нибудь зло; покуда государь в Балхе, надобно подумать.

Когда эмир узнал об этом обстоятельстве, он позвал великого ходжу Ахмеда, сына Хасана, и Бу Насра Мишкана, остался с ними наедине и попросил на сей счет совета. Говорились разные речи. «Али-тегин — сильный враг,— говорил эмир,— и желание, которое у него вдруг появилось, нелепо. Лучше всего его совсем изгнать из Мавераннахра. Ежели сын Кадыр-хана Богра-тегин, состоящий **[307]** с нами в свойстве [57], придет, то будет нашим наместником. Сестру нашу, которая за него просватана, пусть отошлют, чтобы он был наш зять и наместник и чтобы устранить зловредность такого искателя поводов. А ежели он не придет, то мы велим хорезмшаху Алтунташу направиться в Мавераннахр с сильной ратью, ибо дела в Хорезме хороши — пусть там посадят одного сына с отрядом войска». Ходжа сказал: «Мавераннахр — владение большое. Саманиды, которые были эмирами Хорасана, устроили там свою столицу. Ежели он достанется

[нам] — это будет превеликое дело. Однако Алитегин ловок и хитер, он уже тридцать лет как обретается там. Ежели у Алтунташа есть опасение, то лучше послать к хорезмшаху именитого посла и обменяться на сей счет мнениями устно. Коль скоро он будет отговариваться /***339***/ и на сердце у него еще остается происшествие с Каид-Манджуком, то происшествие нужно совсем загладить, потому-что без мощи хорезмшаха свалить Алитегина нельзя, покуда [это] не будет придумано иным способом. А ежели он пойдет охотно, значит той раны уже нет». — «Это разумно, — заметил эмир, — кто поедет?» — Пошлем Эмирека Бейхаки, начальника почты Балха, — предложил ходжа Бу Наср, — а ежели мы хотим, чтобы хорезмшах выступил, то пошлем и войскового кедхудая Абдуса».

Мой начальник составил письма необычайные и весьма замечательные; [приготовили] знатный халат и вдобавок пять слонов, самцов и самок, для хорезмшаха и еще халаты для ходжи Ахмеда, сына Абдассамада, для ближних людей хорезмшаха и родичей и для султанской свиты. Абдус отправился

из Балха к хорезмшаху. Хорезмшах пошел на Алитегина и был убит. В это же время султан Мас'уд исполнил несколько дел, все весьма важных; их тоже следует опирать, как полагается и принято в бытописании.

В пятницу, второго числа месяца раби-ал-эввель [58], эмир приехал в Манджукиян [59] на охоту. Там все было обставлено очень пышно, весь мир был в зеленом, желтом и красном. К тому же [эмир] приказал дворцовым гулямам метать дротики издали, а он при этом пил вино и развлекался. Обратно в сад он возвратился в последние дни раби-ал-эввеля. Первого числа месяца раби-ал-ахир [60] прибыло несколько гонцов от Абдуса: дела, мол, идут как желательно [нам], Алтунташ надел халат [61] и приготовился к походу.

Эмир [еще ранее] назначил дебира Тахира отправиться в Рей на должность кедхудая войска сипахсалара Ташферраша. Были назначены и начальник почты и казначей. Тахиру справили халат. Бу-л-Хасану Кархи, недиму, [эмир] дал должность

казначея, Бу-л-Хасану Хабаши — должность начальника почты, а Говхара'ину Хазинедару — должность салара. [Эмир] назначил [еще] и Ярук-Тугмиша, хаджиба-джамедара [султана] Махмуда и несколько других лиц из числа хаджибов и **[308]** серхенгов кумских, кашанских, джибальских и тамошних мест. Во вторник, шестого числа месяца раби ал-ахир [62], /***340***/ справили халаты. Они их надели и предстали [пред лицо эмира], эмир милостиво к ним обратился. В четверг, восьмого числа сего месяца, их отправили.

В этот же день пришло известие, что Нуширван, сын Минучихра, скончался в Гургане, и говорили, будто Бакалиджар, его дядя с материнской стороны, подстроил это со старшим хаджибом Минучихра: его отравили,— а он был еще невозмужавший юноша,— чтобы царство захватить Бякалиджару. В Газну пришли письма, что из дома Мердавиза и Вушмагира не осталось никого мужского пола, кому бы можно было отдать царство. Ежели государь в этом владении удержит Бакалиджара, который при жизни Минучихра вершил все дела, то порядок сохранится.

Было отвечено: Ладно. Высочайшее знамя имеет намерение провести михреган в Балхе. Надобно прислать послов, дабы с ними решить то, что надлежит решить. Когда в Балх приехали: Бу-л-Махасин, рейс Гургана и Табаристана, гурганский казий Бу Мухаммед Вистами, Шериф Бу-л-Берекат, Дейлеми Мухташам и Ши-редж Лейли, их привели пред лицо [султана]. Затем великий ходжа сел, и дела решили: эмиром быть Бакалиджару и пусть он пришлет из Гургана свою дочь. Наставник мой написал жалованную грамоту [на имя] Бакалиджара, [ему же] справили великолепнейший халат и вручили послам; им [тоже] подарили халаты. Тахиру было распоряжение потребовать откупные деньги за прошлое и за то, что сейчас взяли на откуп [63] и отослать их в Нишабур к сахиб-дивану Сури, дабы с нишабурским грузом доставить в столицу.

Восемнадцатого числа сего месяца [64] пришло письмо о кончине родительницы Бу Насра Мишкана. Это была женщина умная. От наставника моего я слышал: когда, дескать, султан Махмуд отдал должность везира Хасанеку и [потом] возненавидел

его несмотря на то, что так любил его [раньше], родительница моя сказала: «Сын мой, когда султан кого-нибудь делает везиром, то хотя он и любит его, однако через неделю начинает ненавидеть по той причине, что тог становится соучастником с ним в царствовании, а царствовать сообща нельзя». Бу Наср совершил обряд оплакивания и прекрасно воздал должное [покойной]. На этот обряд явился и великий ходжа; он осмотрел сад, похожий на рай от множества цветущего жасмина и других душистых растений: мирт, нарциссов и цветущих дерев. Он сказал Бу Насру: «Чтобы воздать должное этому саду, /***341***/ как в пору султана Махмуда воздали должное саду в Газне, нам бы [сюда] прийти не по случаю печальной утраты». Его лошадь подали к краю ривака, где исполняли обряд оплакивания, и он сел верхом. Бу Наср поцеловал его стремя и сказал: «Да здравствует господин! Честь, которую он оказал мне, утруждая себя, никогда не изгладится из памяти, **[309]** и льщу себя надеждой [65], что сей сад обретет такое же счастье, как сад в Газне». Хотя эмир передал [свое] сочувствие через Бу-л-Хасана

Укайли, он и сам высочайшим словом выразил Бу Насру соболезнование, когда тот в среду явился к нему на поклон.

Я расскажу случай с газнийским садом и приездом ходжи. Сначала укажу только на то, сколь много значил мой наставник, если такой важный везир, как Ахмед, сын Хасана, явился на обряд оплакивания и по приглашению. Я слышал от моего наставника: «Однажды в Газне покойный эмир развлекался вином, и принесли множество цветов. Из моего сада я послал, ему рано на заре только что распустившиеся розы, а вслед за тем и сам отправился на поклон. Пришли великий ходжа, родичи и свита. Эмир сидел за вином. Он удержал [при себе] ходжу и меня, и пошло большое веселье. Поздним утром ходжа сказал: «Да будет долгой жизнь государя! Есть обычай в пору роз выпить сатгин [за них], ибо они гости на сорок дней; особенно за такие, как эти, прекрасней и душистей коих и быть не может». «Это Бу Наср прислал из своего сада»,— заметил эмир. «Следовало бы посмотреть на этот сад»,— промолвил ходжа. «Ты

что же, напрашиваешься в гости?»—спросил эмир. «Что же делать?»— ответил тот. Обратившись ко мне, эмир спросил: «Ты на это что скажешь?» — «Да будет долгой жизнь государя,— ответил я,— у лисиц не хватает смелости охотиться на яростного льва с помощью леопардов — эта дверь заперта наглухо».— «А ежели лев отпустит?» — задал вопрос эмир. «Тогда показать можно»,— был мой ответ. «Я отпускаю, покажи»,— промолвил эмир. Оба ходжи поклонились. Принесли сатгины, с удовольствием выпили, и на этом пиршество кончилось. Через неделю наставник мой отпросился у султана и получил увольнение. Ходжа Ахмед приехал в сад, и там сделали большое, славное дело. В час предзакатной молитвы эмир прислал туда Бу-л-Хасана Укайли с устным извещением, дескать, поухаживайте за Бу-л-Хасаном, мы даем вам увольнение. Завтра с похмелья выпейте утренний кубок, ведь на заре сад еще прекрасней. Оба вельможи обрадовались этой милости, и на другой день [тоже] шло большое веселье, а в час предзакатной молитвы разъехались.

/***342***/ Во вторник, двадцатого числа сего месяца [66], пришло письмо от Абдуса со спешными гонцами, хорезмшах, дескать, выступил из Хорасана, а меня отправил обратно ко двору, [удовлетворив] желания. Эмир на другой день сел верхом, выехал в поле и сделал смотр салару и рати, коих назначили соединиться с Алтунташем. До часа предзакатной молитвы проходила конница в полном вооружении и снаряжении и множество пехоты; говорили, что их было пятнадцать тысяч. Когда рать отбыла смотр, эмир сказал обоим саларам, Бектегину Човгани, отцовскому [служаке], и мас'удовскому Пири **[310]** Ахуру, а также серхенгам: «Будьте благоразумны и бдительны и запретите войскам обижать раиятов как в наших владениях, так и во владениях чужих и неприятельских. Когда вы приедете к Алтунташу, то служите честно, действуйте по его приказу и ничему не противьтесь». Все ответили: «Слушаемся», — сошли с коней, облобызали землю и отправились. Эмирека Бейхаки, начальника почты, назначили начальником почты при этой рати. [Эмир] позвал его вместе с везиром и Бу Насром Мишканом, остался

наедине [с ними] и дал распоряжение по всем вопросам. Эмирек же откланялся и поехал.

В понедельник, первого числа месяца джумада-л-ула сего года [67], Али Дая проводили в вещевую палату и надели на него халат си-Пахсалара, потому что великий ходжа говорил, что нет более почтенного человека и старца, чем он, и есть у него оружие, снаряжение, воины и гулямы. На него надели халат, какой по старинному обычаю полагался сипахсаларам, и он удалился. [Все] хорошо воздали ему должное. На другой день он двинулся в Хорасан с четырьмя тысячами султанской конницы с тем, чтобы всем слушаться распоряжений сипахсалара Ташферраша и дебира Тахира, расположиться в Тусе и поддерживать тех людей, а [Али Дая] внушал бы всем бодрость и заботился, чтобы в Хорасане не случилось неурядицы.

От Эмирека пришло сообщение тайнописью: «Когда хорезмшах завидел султанскую рать, то сначала испугался было, что это Али-тегин приготовился к битве, собрался и погнал судно по Джейхуну

обратно, покуда его кедхудай Ахмед, сын Абдассамада, не придал ему бодрости. Хотя [Ахмед, сын Абдассамада] это сделал, хорезмшах /***343***/ как будто пал духом, и я несколько раз ходил к нему, покуда он немного успокоился. Может быть, исход дела и будет благополучный, но теперь, в начале, он представляется по меньшей мере темным». Везир сказал: «Хорезмшах не повернул обратно и не ушел, дело поправится и вреда не произойдет». На балхской дороге посадили почтовых гонцов и стали с нетерпением ожидать оттуда известий. Спешная почта приходила каждый день.

[Однажды] утром почта пришла окольцованная и запечатанная: «Когда хорезмшах переправился через Джейхун, Али-тегину стало об этом известно. Он препоручил город Бухару маверaннахрским газиям, а казну и что было у него полегче увез с собой в Дебуси, чтобы дать там сражение. Он распорядился, чтобы в кухандизе держали сотни полторы гулямов, кои были получше. Услышав об этом, хорезмшах отправил в набег на Бухару десять серхенгов с [их] хейлями и отправился сам, приготовившись к битве и

преградив слева и справа дороги, чтобы не понести урона от засад. Когда он достиг Бухары, шихне Али-тегина бежал в Дебуси, а маверaннахрские газии и **[311]** горожане смиренно вышли навстречу, изъявили рабскую покорность высокой державе и сказали, что они уже давно страстно желают быть подданными великого султана, царя ислама Шихаб-ад-довле, да продлит Аллах его господство. Хорезмшах обошелся с ними милостиво и приказал окружить кухандиз и взять силой и мечом. Человек семьдесят отборных турецких гулямов попались в плен. Их отделили, чтобы отправить к высочайшему двору, а кухандиз и хисар разграбили; в руки войска попало много добычи и животных. Хорезмшах на другой день пошел на Дебуси.

Явились лазутчики и сообщили, что Али-тегин привел огромную, рать как ту, которая у него была, так и туркмен потомков Сельджука, и ополчение и хочет дать бой у Дебуси, что примыкает к Саганьяну, в месте, удобном для засад, с проточными водами и множеством деревьев. Победа и успех выпадут на долю высокой державы».

Несколько времени тому назад эмир приказал соорудить суффу на другой стороне сада, напротив хазры, суффу очень высокую и просторную, на небольшом холме, возвышающемся над садом, а перед [суффой сделать] большой водоем и широкую площадку, так чтобы войско могло стоять в два ряда. Некоторое время ушло на постройку и сейчас [ее] кончили. Ходже /***344***/ Абдаллах ал-Хусейну, сыну Али Микала, велели приготовить все наилучшим образом, потому что эмир во вторник, восемнадцатого числа месяца джумада-л-ула [68], сядет в этой новой суффе. В этот день он открыл там прием; [его] осыпали таким множеством монет, что не было ни меры, ни предела. После приема эмир поехал на поле по близости от суффы; играли в човган и метали копья. В суффе поставили пребольшой стол. Эмир с поля отправился в баню, а из бани к столу. К столу пригласили вельмож и столпов [государства] и принялись за еду. В круговую пошло вино, и из-за стола разошлись навеселе. Эмир пожелал вздремнуть. Принесли

множество цветов и распорядились, чтобы [никто] не уходил, потому что будет угощение вином.

Наставник мой из цветника прошел в диван. Прибыла почта от [Эмирека] Бейхаки, окольцованная и запечатанная. Наставник ее вскрыл, и краска сбежала с его лица. Обыкновенно, когда приходили письма, Бу Наср писал записку и отдавал диванбану, чтобы тот ее доставил к [эмирскому] слуге, а ежели бывало [что-нибудь] важное, то передавал мне. А это письмо он взял сам и отнес к Агаджи, денщику, эмира. Агаджи доложил, [Бу Насра] пригласили, он вошел; мутрибов удалили и позвали великого ходжу. Эмир вышел из серая и вел с ними беседу негласно до часа предзакатной молитвы. Везир ушел, а наставник мой сел в диване. Позвали меня и я начал переписывать письмо: Это были записки Эмирека Бейхаки такого содержания: **[312]**

«Когда Алтунташ подошел к Дебуси, появились передовые разъезды Али-тегина. [Хорезмшах] приказал пробить в литавры, протрубить в рога и в полном боевом порядке двинулся вперед. Стали

лагерем перед неприятелем и большой рекой. Начались сильные стычки, и к войскам обеих сторон, которые были головными отрядами, подоспела подмога. Ко времени между двумя молитвами рать остановилась, и головные отряды повернули обратно. Хорезмшах встал на холме, созвал всех начальников и служилую знать и обратился /***345***/ [к ним]: «Завтра — бой при любых обстоятельствах, возвращайтесь на свои места, Этой ночью будьте очень настороже. Ежели случится какой-нибудь шум, не пугайтесь и друг к другу не ходите, ибо я принял меры предосторожности от военных хитростей, [позаботился] о том, чтобы выставить полевые караулы и [как вести] бой, дабы когда неприятель подойдет, приказ был бы сообразно обстоятельству и очевидности». [После этого хорезмшах] взял с собой Эмирека Бейхаки и предложил поесть. Вызвали его кедхудая и ближних людей. Покончив с едой, [хорезмшах] остался с Ахмедом [69], сипахсаларом Таш [Махруем] и несколькими серхенгами-махмудовцами и сказал: «Али-тегин— сильный враг. Из страха перед покойным эмиром он держал себя

тихо. Его обнадеживали, и ежели бы так продолжали поступать, когда дело [эмира Мас'уда] уладилось, то этот человек не чинил бы никакого вреда и не выказывал бы никакой вражды. Однако, поскольку осведомители писали, что он кривит душой, государь султан прислал ко мне Абдуса и дал [мне] на сей счет приказ, да только что толку от повиновения приказу, когда подстрекатели испоганили мое обличье. Теперь дело дошло до меча. Завтра будет тяжкий бой, и я не из тех людей, кто отступает. Ежели не повезет, я души своей не унесу в Хорезм. Коль скоро меня убьют, то хорошо пасть жертвой повиновения своему государю. Однако надобно за старые заслуги мои позаботиться о моих детях». Все ответили: «Коли захочет Аллах всевышний, будет благополучие и успех». Потом Алтунташ распорядился отправить на четыре стороны разведчиков и принял все меры предосторожности, какие только можно было прочитать и слышать о больших полководцах, и люди удалились. Неприятель несколько раз покушался [напасть, но] подымали тревогу, и он не солоно хлебавши отходил.

Когда забрезжилось утро, хорезмшах остановился на холме и около него полководцы и предводители, а боевые порядки [войск] оставались в прежнем положении. Он сказал: «Благородные витязи! Когда наступит день, [на нас] выйдет дерзкий и бывалый враг, рать у него единодушна, биться будет насмерть. Мы же пришли, чтобы отнять /***346***/ жизнь врагов и достояние и [их] искоренить. Будьте благоразумны и бдительны, глядите на мое знамя в большом полку, ибо я буду там. Ежели вы, боже упаси, ослабнете духом, случится беда: впереди **[313]** Джейхун широкий, а до прибежища в Хорезме очень далеко. [Скажу] по правде, я не отступлю, а ежели вы меня бросите, вам, в конце концов, придется искать милости государя. Я сказал все, что знал». Они отвечали: «Хорезмшах говорит справедливо, будем драться, пока живы».

Хорезмшах встал в большом полку, а что из войска было сильного на крылах, стянул к большому полку, дабы когда случится нужда в воинах в полках правой и левой руки, послать [туда]. Бек-тегину Човгани и Пири Ахуру, салару, он велел встать в полку правой

руки с очень сильным войском, а Таш [Махруя], своего сипахсалара, поставил в полку левой руки вместе с частью султанских войск. Сильный сторожевой полк он расположил по обе стороны. Пятерым почтенным серхенгам с бойцами он отдал приказ рубить пополам всякого, кто из войска повернет назад. Самых отборных конных воинов [хорезмшах] начал посылать вровень [70] передовому полку. Когда рассвело, пробили в литавры и протрубили в рога, раздался клич. Хорезмшах, тотовый к бою, двинул вперед [полки]. Когда он прошел около фарсанга [вдоль] берега, на реке оказалось мелководье и стало опасно [двигаться дальше] [71]. Из передового полка примчалось несколько конных [и сообщило], что Али-тегин переправился через реку и остановился на очень широком поле. По одну сторону река и множество деревьев, а по другую далеко-далеко [встали] войска, потому что здесь произойдет битва. Говорят, что [Али-тегин] в трех местах устроил засады на обозы и сторожевой полк, чтобы [засадные отряды] перешли через реку [72] и беспокоили с тыла. Хотя хорезмшах

кедхудая своего с обозом и сильным сторожевым полком уже остановил, он повернул назад [еще] тысячу конных и тысячу пехотинцев, чтобы они были наготове против тех [засадных] отрядов. Он пустил вскачь накибов к Ахмеду и остановил сторожевой полк, а предводителей, стоявших в [боевом] порядке на берегу реки, известил каково положение. Потом хорезмшах повел [полки] вперед, и они добрались до врага. Он захватил с собой Эмирека, чтобы тот воочию видел происходящее и был его свидетелем; на одном холме он поставил Эмирека рядом с собой.

Али-тегйн тоже остановился на холме. Принесли красные значки и зонты, и обе рати завязали /***347***/ бой. Сражение было такое, что хорезмшах говорил, за время [своей] жизни подобного не помнит. Полк правой руки Али-тегина в час пополуденной молитвы ударил на полк левой руки хорезмшаха; бились жестоко и Хорезмшаху пришлось осадить назад. Он крикнул и послал помощь из большого полка, [но] удержать не мог: войска левой руки уходили. Остался Таш Махруй, его сипахсалар, и

человек двести конных, они бросились в реку и все погибли [73]. Хорезмшах послал свой полк правой руки на полк левой руки [неприятеля]. Проявил большое упорство; враг очень осмелел, так что с **[314]** обеих сторон было множество убитых и раненых. Полк правой руки обратился вспять. Хаджиб Бек-тегин Човгани и салар Пири Ахур и с ними сотен пять конных продолжали сражаться. Неприятель повалил на них еще более густой толпой и появилась опасность, что все они погибнут.

Тут тронулся с места хорезмшах с большим полком, он двинулся на большой полк Али-тегина. К нему присоединились Бек-тегии Пири и кучка отступавших всадников. Али-тегин тоже пошел вперед с большим полком и полком левой руки. Хорезмшах взял в руки копье и выехал вперед. Когда войска увидели его значок, они надвинулись [на врага] словно гора из железа. С обеих сторон было столь много убитых, что всадникам стало трудно гарцевать, но обе рати терпели эту напасть до вечера. Потом они отступили друг от друга, и битва

приостановилась. Ежели бы хорезмшах этого не сделал, то столь великая рать пропала бы задаром.

В Хорезмшаха попала стрела и вонзилась как раз в то самое место, куда его ударил в левую ногу камень, [пущенный] когда-то из одной крепости в Хиндустане. Этот доблестный воин, претерпевая боль, не показывал вида на поле битвы и приказал гуляму вытащить стрелу и перевязать рану. Прибыв в войсковой стан, он нашел там людей в прежнем состоянии, никакого беспорядка там не случилось. Ободрив отступивших, он назначил их по своим местам. Хотя засадные отряды [неприятеля] несколько раз покушались совершить нападение, но ходжа Ахмед, его кедхудай, и люди, которые стояли там наготове, принимали меры предосторожности, чтобы не случилось беды. Хорезмшах очень похвалил их, и хотя он был ранен, никто [этого] не знал. Он созвал начальников, усадил их и некоторым /***348***/ выразил порицание. Каждый извинился, извинение их было принято. «Ступайте,— сказал [им хорезмшах], — утром явитесь, чтобы порешить дело врага, ибо враг подавлен. Ежели бы не наступила

ночь, то была бы победа». — «Слушаемся»,— ответили они.

Он задержал Ахмеда и меня [74] и сказал: Наша рать сегодня пропала бы за ничто, ежели бы я не держался крепко и не жертвовал бы жизнью, да вот стрела попала в то самое место, куда когда-то ударил камень. Однако, хотя это и так, завтра я [снова] пойду на бой»,— «Не пригоже раненому идти на бой,— заметил Ахмед,— не полезней ли будет обождать немного [75], посмотрим, что делает неприятель, я послал лазутчиков, к концу ночи они приспеют». Хорезмшах назначил передовые разъезды, люди успокоились, и я удалился. На рассвете кто-то явился и позвал меня спешно, я пошел к Хорезмшаху. «Я эту ночь совсем не спал из-за раны, через часок пришли лазутчики и рассказали, будто Али-тегин сильно разбит и не знает, что делать, ибо **[315]** людей у него стало мало. Он стоит за то, чтобы послать послов и вести разговоры о мире. Хотя оно и так, [но] делать нечего, уж как-нибудь мы ухитримся сесть верхом и двинемся вперед».— «А что скажет ходжа?» — спросил

Ахмед. «Надобно созвать войсковую старшину,— ответил я, — показать [вид], что [хорезмшах] пойдет в бой, чтобы войска приготовились выступить; затем кого-нибудь пустим вскачь, так чтобы он прибыл по дороге от противника, со [стороны] расположения головного отряда, и сообщил бы, что враг на бой не выйдет, потому что едет посол. [Это] для того, чтобы сегодня дать покой Хорезмшаху, а там посмотрим». — «Ладно», — промолвил Хорезмшах.

Созвали старшин и предводителей, они повидали хорезмшаха, вышли и остановились, сидя на конях. Пробили в боевые литавры, хорезмшах потребовал лошадь и с трудом сел на нее. Лошадь забилась и он, по воле судьбы, упал опять на раненую сторону и сломал руку. Скрытно его унесли в сераперде и положили в хергахе на престол; он лишился сознания. [Потом] он позвал Ахмеда и Эмирека и сказал: «Вот какой случай со мной произошел, [придется] заняться собой. Сделайте то, что следует, дабы неприятель не достиг цели, и наша рать зря не пропала». Ахмед заплакал и ответил: «Лучше бы господин сам придумал, какие к тому принять

меры». [Ахмед] повел Эмирека к войскам /***349***/ и сказал им: «Сегодня сражения не будет, говорят Али-тегин разбит и хочет прислать посла. Придвиньте головной отряд войска вплотную к стану противника, ежели он завяжет бой, мы сядем [на коней] и начнем дело, а ежели Али-тегин пришлет посла, будет приказ наблюдать».— «Очень хорошо»,— ответили [все]; двинули вперед [передовой полк], били в литавры и соблюдали осторожность.

Этот старый волк [76] видывал сражения прежних дней и [понимал] немощное состояние своего господина. Ночью он отправил кого-то к Махмуд-беку, кедхудаю Али-тегина, и передал ему устное сообщение, представив [положение] и сказав: «От вас исходили отчаянное безрассудство и произвол до тех пор, покуда султан не послал сюда хорезмшаха. Поскольку мы перешли через реку, то следовало бы,— и [это] было бы довольно мудро,— чтобы господин твой прислал посла и попросил извинения за злословие и разговоры, на которые обиделся наш султан, дабы хорезмшах выступил посредником,

походатайствовал за него и поправил дело; и крови бы столько не лилось. [Так] решила судьба. Я сие говорю не по слабости — на примере было видно: султан в Балхе, а рать стоит вплотную. Мы, кедхудай, — помощники могущественных особ, на нас лежит долг блюсти благо. Хорезмшаху не ведомо то, что я говорю,— ежели бы он узнал, меня постигла бы беда,— это я ради мусульманства и соседства владений; **[316]** не хочу, чтобы еще лилась кровь. Я снимаю со [своей] шеи [ответственность]. Поступайте, как считаете для себя лучше».

Кедхудай Али-тегина и [сам] Али-тегин воспользовались этим случаем и той же ночью назначили посла, одного благородного человека рода Алиева из влиятельных мужей Самарканда, и дали ему устные поручения. Утром того дня, [когда] рать стояла наготове, посол приехал. Ахмед сказал хорезмшаху, что им было сделано. Хотя хорезмшах телесно страдал и хотел в ту ночь остаться один, он промолвил: «Ахмед, я-то умру, не пострадали бы только дети мои оттого, что султан скажет, хорезмшах, мол, сговорился с Али-тегином». Ахмед

ответил: «Дело уже переступило через эту ступень. Благо в том, что я начал ради установления мира и [для того, чтобы] нам уйти отсюда поздорову в Амуй [и] пойти той стороной Джейхуна; потом я расскажу об обстоятельствах. Такой доверенный человек [султана], как Эмирек, находится здесь. Положение ясно, как солнце. /***350***/ Ежели бы так не было сделано, то случилась бы большая беда. Хорезмшаху придется еще потерпеть, посидеть часок, покуда приведут посла».

Хорезмшах надел сапоги и шапку и пришел в большой шатер. Стояли гулямы, большая свита [77] и вельможи. Вошел посол и облобызал землю. Его посадили как можно ближе к хорезмшаху. Начались переговоры о мире. Посол сказал: «Али-тегин говорит, меня-де покойный эмир называл сыном, а когда нынешний султан намеревался идти на брата и на Газну, я предложил [ему] войско и сына [своего], воздаяние же мне было таково. Ныне хорезмшах — старейшина державы, то, что произошло, надобно простить. Пусть он с согласия султана отправится в Амуй, остановится там с ратью и будет посредником,

чтобы государь султан принял мое извинение, и положение смягчилось, как было в пору покойного государя султана, дабы не лилась кровь». Хорезмшах ответил: «[Посол] сказал прекрасно, я это дело сделаю и завершу благое начинание. Мы пойдем к Амую и будем пребывать там». Посол пожелал добра; его увели и посадили в шатре, а хорезмшах спросил Бек-тегина, салара Пири Ахура и прочих предводителей: «Что скажете?» Те отвечали: «По повелению государя султана мы подчиняемся хорезмшаху и действуем по его приказу. Наши ексувары сильно пострадали и потерпели очень жестокое поражение. Ежели бы хорезмшах не проявил стойкость, вместо того, чтобы впасть в отчаяние, то случилась бы непоправимая беда; и хорезмшах ранен и множество народа убито». [Хорезмшах] сказал: «Сейчас не занимайтесь разговором, приготовьтесь к бою, конные и пешие, соблюдайте полную осторожность и пошлите разъезды на все четыре стороны, ибо нельзя считать себя в безопасности от коварства врага». — «Слушаемся», — ответили они. Хорезмшах встал, но

слабость его стала сильней, к тому же его три раза пронесло. Он **[317]** призвал Ахмеда и сказал: «Мне пришел конец, поспеши с делом посла». Ахмед прослезился, вышел из сераперде и сел в большом шатре. Он дал послу прекрасный халат и достойное вознаграждение и отпустил его. Вместе с ним он отправил ловкого, речистого человека из числа верных своих людей. Переговоры кончились на том, что когда посол придет к Али-тегину, тот отпустит нашего посла и отступит назад на один переход, /***351***/ а мы до отъезда нашего посла [оттуда] тоже отойдем на один переход в сторону Амуя.

Рать расположили [на месте] и назначили во все стороны разъезды. Понос и слабость хорезмшаха усилились. Слуга Шукр-Хадим позвал дворецкого [78] и сказал: «Позови Ахмеда». Когда [хорезмшах] увидел Ахмеда, он промолвил: «Я умираю, не скорбите и не плачьте [по мне], конец делу человеческому — смерть. Вы, воины, поддержите друг друга и сделайте так, чтобы смерть моя сегодня и завтра оставалась в тайне. Когда совершите один переход, то решение, показать ли [мое тело] воочию,

будет принадлежать вам, ибо ежели, упаси боже, известие о моей смерти дойдет до Али-тегина, когда вы еще не переправились через Джейхун, то вы и рать увидите такое, чего, пожалуй, в жизни не видели. Эмирек, когда с войском придет ко двору султана, пусть расскажет, что [мне] не было ничего дороже, как пожертвовать жизнью ради благосклонности государя. Я уповаю на то, что за заслуги мои вознаградят моих детей. Нет больше сил говорить, буду отдавать душу и читать *свидетельствую* [79]». Ахмед и Шукр заплакали, вышли и занялись распоряжениями. К часу предзакатной молитвы хорезмшаху сделалось столь [плохо], что надежды не осталось. Ахмед прошел в свой большой шатер, позвал накибов и сообщил войскам: «Дело мира решено. Али-тегин отступил на один переход в сторону Самарканда. Посол [наш] прибыл еще до часа ночной молитвы и вернул обратно головной отряд, потому что хорезмшах [тоже] двинется, ожидайте боя литавр. На походе надобно полк правой руки и сторожевой полк держать в боевой готовности, потому что хотя и мир,

а от врага никогда нельзя быть в безопасности». Предводители пожелали [ему добра]. Вот конец человеческий, как говорит стихотворец:

*Коль прожил человек даже семьдесят лет,
До могилы ему всегда было близко*.

Мудр тот, кто довольствуется малым, ибо нагой он пришел, нагой и уйдет. Ведь говорится: «*Кто встает ранним утром спокойно в стае своей, тот телом здоров, у него есть хлеб насущный и он как будто владеет всем миром*». Да поможет всевышний господь благодеяниями [своими] и да наделит счастьем на сем и на том свете.

Когда хорезмшах получил повеление [отойти в вечность], то нельзя было сделать гроб и принадлежности к нему, потому что известие **[318]** [о смерти] распространилось бы. /***352***/ Приготовили балдахин на слоне и в конце ночи положили его в балдахине и назначили служителя, чтобы он охранял [тело]. Говорили, будто [хорезмшах] из-за раны не может сидеть и едет в балдахине ради спокойствия и удобства. [Но] слух о смерти [все же] проник к

гулямам. Шукр-Хадим велел пробить в литавры, и вся рать при оружии, в боевом порядке, со множеством зажженных факелов тронулась в путь. До часа утренней молитвы прошли семь фарсангов; расставили шатер, хергах и сераперде. [Тело] хорезмшаха сняли со слона, и известие о смерти стало распространяться от уха к уху. Ахмед и Шукр-Хадим позвали несколько человек из ближних людей [хорезмшаха], лекаря и войскового судью и сказали: «Займитесь омовением и постройкой гроба». Ахмед послал накибов, созвал войсковую старшину и сказал: «Есть устное сообщение от хорезмшаха; каждый приведите с собой отряд войска». Все явились: вооруженные, отряды построились. Ахмед усадил старшину, удалил посторонних и рассказал, что сделал до смерти хорезмшаха, начиная с письма посла и мира, и кончая предстоящим переходом. Все выразили скорбь по поводу смерти хорезмшаха, очень похвалили Ахмеда и сказали: «Теперь поскорее двинемся в Амуй». Ходжа сообщил: «Али-тегин, побитый и потрепанный, сейчас от нас в двадцати фарсангах, и покамест до него дойдет весть

о смерти хорезмшаха, мы уже будем в Амуе. Самые угодливые гулямы хорезмшаха, уже пронюхали, что он умер. Я вас побеспокоил для того, чтобы вы их прибрали к рукам. В час предзакатной молитвы все мы выступим и целую ночь будем идти, так чтобы к утру поспеть к реке, постараемся как можно скорее переправиться через Джейхун».— «Хорошо придумано,— ответили они,— все мы подчиняемся приказу ходжи, что бы он ни велел».

Ахмед позвал Шукр-Хадима и сказал: «Позови серхенгов хорезмшаха!» Когда серхенги явились, он [предложил] им сесть, но они стеснялись Ахмеда и не садились. С большим трудом он их усадил и сказал: «Вы знаете, сколько потрудился хорезмшах, чтобы поднять вас до этого чина. Вчера ночью он скончался — человеку смерти не избежать, но государь, /***353***/ да здравствует султан, жив. [У хорезмшаха] есть достойные сыновья и великие заслуги. Сии салары [80] и Эмирек, доверенные люди султана, прибыв ко двору, обязательно расскажут о событии, и [государь] пошлет в Хорезм на место отца достойного сына хорезмшаха. Я для сего и

заключил мир с Али-тегином. Он далеко от нас, мы продержимся [здесь только] до предзакатной молитвы, дабы поскорее добраться до Амуя. [Оттуда] эти начальники потянутся в Балх, а мы в Хорезм. Ежели вы со мной договоритесь, то внушите дворцовым гулямам, чтобы они вели себя благоразумно; **[319]** когда прибудем в Амуй, им из казны хорезмшаха будет выплачено вознаграждение. Себя не позорьте и все сохраняйте добрую славу. А ежели, упаси бог, начнете шуметь и бунтовать, то ведь известно, сколько вас, вот эти шесть тысяч всадников в один час вас изничтожат. Коль несколько человек [захочет] переметнуться к Али-тегину, то он вас [теперь] ни в грош не ценит. Нет у вас пристанища. Все это я вам сказал откровенно, дабы вы оставили пустые мечтания. Эти начальники, которые здесь сидят, со мной согласны». [Потом], обратившись к серхенгам, он спросил: «И вы то же самое скажете?» — «Мы слуги [твои] покорные»,— ответили они. Ахмед связал их торжественной клятвой, и они пошли и рассказали гулямам.

Те все заволновались, стали кричать и бросились к лошадям и оружию. Эти предводители [81] сели на коней, [Ахмед] приказал сесть верхом всему войску. Увидев [это], гулямы несколько времени совещались со своими предводителями. [Затем] предводители пришли со словами: гулямы, дескать, решились, но требуют от ходжи-начальника обещания и клятвы, что он их не обидит и будет содержать также, как при хорезмшахе. Ходжа Ахмед ответил: «Ладно, содержать будут даже лучше, чем при жизни хорезмшаха». Предводители ушли и вернулись обратно. Ахмед дал клятву, однако сказал: «На сегодняшнюю ночь лошадей от вас отберут и вы сядете на мулов, а завтра вам лошадей отдадут обратно; один этот переход придется ехать так. Гулямы немного подумали на сей счет и, наконец, сказали так: «Мы повинуемся тому, что приказывает ходжа. Пусть от каждого висака в десять гулямов один гулям будет на лошади и едет с серхенгами, дабы сердца наши были спокойны». «Прекрасно»,— ответил [Ахмед]. На этом разошлись, немного поели, собрались и всю ночь шли.

Рано утром сделали привал, но лошадей гулямам не возвратили а все так же двинулись дальше, покуда не перешли через Джейхун /***354***/ не прибыли в Амуй. Эмирек Бейхаки остался здесь. Ахмед сказал: «Поскольку наша великая рать благополучно пришла обратно, я бы Хотел отправиться к высочайшему двору, однако весть об этом дойдет до Хорезма и трудно будет суметь прекратить неурядицу. Все, что вам известно, доложите султану, и пусть государь из благодарности за заслуги хорезмшаха окажет покровительство этому старинному дому». Все благодарили ходжу Ахмеда и простились с ним. Ходжа Ахмед распорядился отдать обратно гулямам лошадей. [Я] же, раб, составил письмо и кратко описал [события], дабы высочайшее мнение о том было осведомлено, *ежели будет угодно Аллаху всевышнему*» [82]. Хотя такие рассказы далеки от истории, ибо в историях читают, что такой-то царь отправил какого-то военачальника на такую-то **[320]** войну и [что] в такой-то день сразились или помирились, и что этот побил того, а он этого, и на этом они разошлись, я все же делаю то, что должно.

Великий ходжа и мой наставник сидели наедине. Они позвали Бу-л-Хасана Абдаллаха и Абдалджалиля. Я тоже присутствовал. Составили письма к Эмиреку Бейхаки, что ему надлежит прибыть ранее войска. Бек-тегиу и Пири велели пребывать в Келифе и Земме [83] и чтобы наши войска не трогали раиятов, [да знали бы], идет Мухаммед-бедуин, дабы стоять в Амуе с курдским и арабским войском. Пошло письмо к эмиру Чаганьяна с описанием этих событий, чтобы он был внимателен: Али-тегин-де пришлет посла и его искание сблизиться будет принято [благосклонно]. Пошло письмо и к ходже Ахмеду, сыну Абдассамада. Обращение к нему было «наш шейх», «шейх мой», «поверенный мой», со множеством любезностей к Ахмеду. [В письме государь] говорил: «За то, что хорезмшах на службе нам жертвовал драгоценной жизнью [своей] и отдал ее и за заслуги этого доброго-старца, мы, несомненно, вознаградим его сыновей, состоящих при нас и воспитанных на службе. Один, коего признает нужным наше разумение, будет послан вслед за [письмом], чтобы

дела там должным образом пришли в порядок». Было написано [также] письмо и свите хорезмшаха с похвалой за оказанную службу. Эти письма [государь] скрепил царской печатью и собственноручной подписью. Однажды был прием /***355***/ и [государь] подозвал к себе Харуна, сына хорезмшаха, который со стороны матери был из семейства Рафи'и — Рафи, сын Сейяра, до Якуба, сына Лейса, был эмиром Хорасана и сидел в Пушенге. Хорезмшах женился на матери Харуна, когда пребывал в Герате в пору Ямин ад-довле, еще до того, как стал хорезмша-хом — и Харун оставался на приеме целый час. Людям стало ясно, что он будет преемником отца. Разошлись по домам во время между двух молитв, пополуденной и предзакатной. Жалованную грамоту на владение Хорезмом для Харуна составили как заместителю царевича, эмира Са'ида, сына Мас'уда, в жалованной грамоте этого царевича хорезмшахом был назван он. Харуну же положили титул: наместник дома хорезмшаха [84]; жалованная грамота была украшена царской печатью. Написаны были письма Ахмеду,

сыну Абдассамада, и свите, что Абдассамаду быть кедхудаем. Обращение к Харуну было «сын мой», «поверенный мой». В четверг, восьмого числа месяца джумада-л-ула лета четыреста двадцать третьего [85], Харуну справили халат в половину [стоимости] халата, [пожалованного] его отцу, и надели на него. Оттуда он направился домой, и ему хорошо воздали должное. Сати, другой сын хорезмшаха, был более мужествен и более виден. **[321]**

Он ожидал, что [государь] пошлет его, и потому опечалился и впал в отчаяние. Эмир его обласкал и сказал: «Ты пригодишься для более славной службы, нежели эта». [Сати] облобызал землю и ответил; «Благо слуг в том, что сочтет нужным государь, раб [твой] не может сравнить ни одного дня службы и лицезрения государя со всеми благами владения миром».

В пятницу Харун пришел в терем, у Бу Насра уже была написана присяжная грамота, Он представил [ее], и Харун громко прочитал, а служилая знать и вельможи засвидетельствовали. Затем [Харун]

явился к эмиру и попросил разрешения отбыть. Эмир сказал: «Будь благоразумен, имей перед глазами нашу особу, дабы достоинство твое возрастало. Ахмед тебе будет отцом, будь послушен его распоряжениям; обращайся хорошо со слугами отца [твоего], признавай заслуги каждого и не забывай наше высокое право на оказание, нам услуг». Впоследствии он забыл это право. Через несколько лет, когда в Хорасане случилась неурядица из-за туркмен, этого молодого человека попутал дьявол /***356***/ и он, неопытный, пропал задаром. В своем, месте я расскажу, что из всего этого вышло с того времени, когда ходжу Ахмеда, сына Абдассамада, призвали [ко двору султана] и дали должность везира, сына же его отослали к Харуну вместо отца, как дело попало к двум молодым человекам и оба погибли друг из-за друга, а то владение и области пришли в расстройство. Так случалось с каждым, кто выходил из повиновения престолу эмира Мас'уда. Потом я займусь этой главой, вернусь назад и расскажу об удивительных делах, *ежели будет угодно всевышнему Аллаху*.

Эмирек приехал и обстоятельно рассказал о событиях. Сердце эмира восстановили против него, потому что великий ходжа был с ним плох из-за Бу Абдаллаха Парен, своего слуги, ведь Эмирек в пору несчастья ходжи ездил в Балх ради того, чтобы отстранить Бу Абдаллаха и [получить] должность начальника почты [86]. Ходжа все время искал удобного случая. За время, пока тот ездил в Бухару, он его всячески расписывал и предпринимал ловкие шаги, покуда от Эмирека не отобрали должность начальника почты в Балхе и не передали ее Бу-л-Касиму Хатимеку [87]. Эмирека султан утешил: «Мы пожалуем тебе должность поважней; никакого обмана мы за тобой не обнаружили». [Это] потому, что не может быть человека совестливей и великодушней султана. Дальше я расскажу об обстоятельствах жизни Эмирека.

Поскольку основа дел сложилась так, и погода в Балхе установилась жаркая, эмир выехал из Балха, когда оставалось восемь дней [до конца] месяца джумада-л-ула лета четыреста двадцать третьего **88**[88], по дороге на Дереджез [89], развлекаясь, пируя и

охотясь. Одиннадцатого числа месяца джумада-л-ухра [90] он остановился в Кушк-и Махмуди, **[322]** эмирском дворце в Газне, а в половине сего месяца переехал в Баг-и Махмуди. Лошадей отправили на луга, а султанских мулов пустили на степные пастбища [91] Рабат-и Карнан, как повелось исстари. *А Аллах знает лучше*.

СВЕДЕНИЯ О ДЕЛАХ ПОСЛОВ, КОИ ИЗ СТОЛИЦЫ ГАЗНЫ ОТПРАВИЛИСЬ В СТОЛИЧНЫЙ ГРАД ХАЛИФАТА, И О ТОМ, КАКОВО БЫЛО ИХ ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБРАТНО

Так. как Сулеймани, посол ал-Каима [биамри]ллах, повелителя верующих, был отпущен из Балха, и /***357***/ эмир был озабочен насчет Хаджжа и преград на [его] пути и просил предпринять усилия к открытию этого пути, то пришел ответ, что халиф из столицы своей дал повеление семейству Буйе благоустроить путь хаджжа и соорудить водоемы и что [теперь] ни одного препятствия не осталось. От его величества Мас'уда пусть будет назначен именитый салар и отправятся паломники из Хорасана и Мавераннахра. В Хорасан пошли спешные распоряжения приготовиться, а люди жаждали [побывать] в

обители божьей, велик он и всемогущ. [Государь] назначил саларом паломников ходжу Али Микала, и тот устроил все с великолепием безграничным и безмерным, ибо обладал снаряжением, разным добром и был щедр. Ученого мужа Хасана Бармеки [государь] назначил послом, потому что он уже раньше исполнял посольства и два-три раза ездил в Багдад. К халифу и везиру халифа наставник мой составил письма, были написаны письма и к Ташферрашу, салару Ирака, к дебиру Тахиру и прочим. В воскресенье, за восемь дней до конца сего месяца [92], ходжа Али Микал надел [на себя] драгоценный Халат и к сему халату были добавлены седло, золотая сбруя, наседельное покрывало и звание «ходжа», а это в ту пору обозначало весьма высокий [сан]. Ныне значение звания ходжи умалилось, и это установление миновало. Я расскажу один случай, который произошел в Нишабуре из-за наседельного чепрака.

РАССКАЗ

Ходжа по имени Абу-л-Музаффар Баргаши [93] был везиром у семейства Самани. Когда он в конце концов убедился, что их державе пришел конец, и стал придумывать, как бы ему убежать, он заплатил хорошее вознаграждение одному из лекарей дома Самани,— пять тысяч динаров,— заручился его помощью и [с ним] условился. Однажды, когда был сильный мороз, он поехал по льду, сделал вид, что упал с лошади, застонал и прикинулся, /***358***/ будто бы лишился сознания. Его на носилках отнесли домой. Милостыни и пожертвований тогда пошло **[323]** без меры. Дали знать. Пришел [сам] эмир справиться [о здоровье. Баргаши] знаком отвесил ему поклон. Лекаришка принес с собой губки и пластырь и сказал, что нога, мол, сломалась. Лекаря эмир спрашивал ежедневно, а тот отвечал, что перелом произошел сложный. И каждый день он рассказывал что-нибудь иное, эмир приходил в отчаяние, а дела стояли, покуда [Баргаши] не приставил к эмиру помощником вместо себя одного молодого человека, которому доверял. Этот молодой человек возмечтал быть везиром, эмир возлагал на него надежды. А

лекарь с каждым днем отнимал у эмира веру [в выздоровление] Баргаши.

Когда эмир от него отказался, Баргаши стал своевременно и при удобном случае переправлять в Гузганан то, что было полегче, и купил там хорошее имение [94]. Потом он составил реестр [того, что у него имелось] из немого и говорящего, скота и рабов, позвал факихов и почтенных людей и поклялся [в их присутствии], что кроме имения в Гузганане и того, чему он составил реестр, у него ничего из немого и говорящего в собственности не имеется и в залог никому не отдано. Затем он послал к эмиру и попросил, дескать, пусть [государь] даст мне разрешение поехать в то имение, потому что здешний воздух для меня не благоприятен, а там я буду молиться за державу [его]. Эмиру это показалось уважительно, он согласился, дал разрешение, оказал благодеяние и гузгананское имение ему подарил, надписал распоряжение эмиру Гузганана, чтобы тот оказывал [ходже] уважение, и [затем] отпустил. При нем было несколько верблюдов и [несколько] человек, которые о нем

заботились. Там [в Гузганане] он поселился, покуда дом Самани не пал. [Тогда] он гузгананские имения продал и здоровый и бодрый, с целой ногой поехал в Нишабур и поселился там.

Я, Бу-л-Фазл, видел сего Бу-л-Музаффара в Нишабуре в четырехсотом году [95]. [Это] был величественный старик, высокий, с румяным лицом и седыми, словно камфора, волосами. Он надевал на себя белую дурра'у со множеством складок из мервекого мульхама [96] и ездил на рослой лошади. Оголовь, нагрудник, пахва и железный прибор были с серебряной насечкой, /***359***/ очень красивые, седельная крышка кожаная, белая с наседельным чепраком. Стремянный поддерживал его. Он ни к кому не ездил на поклон, к себе никого не пускал и ни с кем не водился. Недимы его были три старика, его ровесники. Они сидели с ним и никого [больше] он не признавал. Был у него сад Мухаммедабад на окраине города, большей частью он бывал там. Ежели умирал какой-нибудь почтенный человек, он являлся на обряд оплакивания; я видел его, когда он приехал на обряд оплакивания Ис-маила Дивани, мне

[тогда] было пятнадцать лет. Присутствовали ходжа имам, Сахль Су'луки, казий имам Абу-л-Хайсам, Казн Са'ид **[324]** нишабурский сахиб-диван, рейс [города] Пушенга и шихне Бек-теги, хаджиб эмира сипахсалара [97]. Ему уступили почетное место и оказывали [другие] почести. Когда он уезжал, выкликнули коня, великого ходжи. В таком воздержании и окруженный всеобщим благоговением он помер. Эмир Махмуд называл его ходжа и так же обращался к нему в письмах. Несколько раз [эмир] намеревался отдать ему должность везира, но он не сдавался.

Был один человек в Нишабуре, коего звали Бу-л-Касим Рази. Сей Бу-л-Касим воспитывал девушек-невольниц, отводил их к эмиру Насру и возвращался обратно с наградой. Таким образом он привел несколько девушек. Однажды эмир Наср подарил ему чалму и написал благодарственную грамоту. Нишабурцы его поздравили, а он принес грамоту на судебное разбирательство [и там] ее прочитали. От отца я слышал, что казий Бу-л-Хайсам потихоньку сказал—он был большой насмешник— «Бу-л-Касим,

запомни: сводничество лучше судейства!» Бу-л-Музаффар Баргаши как раз в тот час ехал из сада Мухаммедабад. Он увидел Бу-л-Касима Рази, сидящего на дорогой лошади с драгоценной золоченой сбруей, с широким наседельным чепраком, целиком в узорах и рисунках. Когда Бу-л-Касим заметил Бу-л-Музаффара Баргаши, то сошел с лошади и низко поклонился. «Да будет благословен сипахсаларский подарок»,— промолвил Бу-л-Музаффар, [тот] еще раз поклонился. Бу-л-Музаффар поехал дальше. Отъехав, он сказал стремянному: «Брось наседельный чепрак под ту стену!» /***360***/ Стремянный бросил, но спросить не посмел.

Прошла неделя. Бу-л-Музаффар пожелал выехать. Стремянный спросил одного из недимов: «А что изволил сказать [господин] насчет наседельного чепрака?» Недим пришел и передал: «Он сказал, что надобно [тебе] сунуть под кафтан дамганский платок, а когда он сойдет с коня, покрыть [им] седло». И так поступали до конца его жизни. Старики недимы в собрании рассказывали этот случай, будто Бу-л-Музаффар сказал: «Ежели Бу-л-

Касим Рази сделался обладателем наседельного чепрака, то нам иметь чепрак нелепо». Эти слова получили огласку в Нишабуре. Весть дошла до эмира Махмуда, он помрачнел и попрекнул брата, а двору эмиров Мухаммеда и Мас'уда насчет наседельных чепраков и седельных крышек пришел приказ и строгие наставления. А ныне к каждому, у кого есть пятьдесят диремов и он может купить, тащут наседельные чепраки. Падишахам об этом неизвестно, но на то ведь есть осведомители и соглядатаи, дабы такие мелочи не скрывали. Однако все что пишут на бумаге, лучше [самой] бумаги, хотя и оно этак сойдет [98]. Вернемся снова к [нашей] «Истории». **[325]**

Эмир Мас'уд после одарения Али Микала отправился в Баг-и Седхезаре, выехал в поле, и Али Микал прошел мимо него в полной готовности, слез с коня и отвесил поклон. Мой наставник скрыто назначил к нему осведомителя, так чтобы непрестанно приезжали нарочные с извещениями; им давали вознаграждение, чтобы делом не пренебрегали, потому что у него был свиток, в который он

записывал важные дела. Эмир Мас'уд был на сей счет дока и у него на это было много тонкостей. Ходжа Али и паломники направились в Балх, чтобы пойти в столицу халифата в Багдад.

Султан пробыл неделю в Баг-и Седхезаре и распорядился, чтобы благоустроили старый махмудовский кушк, завульский, дабы над некорыми из эмиров-сыновей совершить обрезание. [Кушк] украсили разного вида тканой с золотом материей, множеством самоцветных камней и золоченными сидениями [99] и положили там много амбры и камфоры, а [также] мускуса и алоэ. Устроили такое великолепие, какого никто не помнил. Первого числа месяца раджаба был прием гостей, всех родичей и свиты. В четверг султан сел верхом и отправился в Кушк-и Сепид с семью царевичами, предводителями, хаджибами и приближенными. Там пробыли неделю, покуда совершили этот обряд. Затем государь выехал и снова вернулся в эмирский серай.

/***361***/ Пятнадцатого числа сего месяца [100] приехали гонцы из Туркестана от ходжи Бу-л-Касима Хусейри

и Бу Тахира Таббани, а они уже сообщили для памяти, что их-де поселили и долгое время держали в Кашгаре. [Государь] приказал приютить гонцов и наградить, чтобы они отдохнули, а сам задался целью поехать в Герат и разбить сераперде в Герате. Первого числа месяца зу-л-хиджжа [101] он охотился на львов в Рабате Ширубуз, убил несколько львов своей рукой и пил вино. В середине месяца он с большим великолепием, [со множеством] принадлежностей и сопровождающих прибыл в Герат. Этот город он очень любил, ибо раньше приятно проводил там время.

1. 19 декабря 1031 г. 1 мухаррама — начало лунного года хиджры. В том году день нового года был воскресенье, а не четверг, как сказано ниже.

2. Т. е. султанская гвардия.

3. В тексте ***, что значит колчан, но в этом значении в данном предложении уже есть слово ***.

Мы читаем ***: по некоторым ферхенгам *** — "мех некоего зверька", по другим источникам — куница, соболь и их мех. Поскольку, однако, мало вероятно, чтобы 2000 гулямов были в столь дорогих шапках, оставляем в переводе условно "в меховых". Ср. то же слово ниже, на стр. 408,

4. ***

5. ***

6. Об одеждах и вооружении султанской гвардии см. также A. A. Kohzad, Uniformes et armes des gardes des sultans de Ghazni, "Afghanistan", 1951, No 1.

7. *** — род литавры котлообразной формы.

8. Кор. 2_{151}.

9. Т. е. когда эмир закрывал аудиенцию.

10. Начало суток мусульмане считают с заходом солнца, так что вечер пятницы по нашему календарю равен вечеру четверга.

11. *** — полицейские, шедшие впереди царских процессий и разгонявшие толпившийся народ. Vullers, Lexicon Persico-Latinum . . . s. v.

12. *** — воссел; этот глагол мог означать также сел на носилки, сел в балдахин на слона и т. п.

13. Завулистан — горная местность в области нынешнего Кандагара, в верхнем течении р. Гильменд. Le Strange, 344. См. также примеч. 153 на стр. 625.

14. 2 января 1031 г.

15. Брат Якуба б. Лейса; о нем см. примеч. 202 к летописи 422 г.

16. 7 января 1031 г.

17. ***

18. *** — этим словом обозначалась не только почтовая организация, пересылавшая корреспонденцию, но также и курьер, доставлявший ее, и сама корреспонденция; ср. значение слова почта в русском языке.

19. Кор. 39_{43}.

20. Кор. 7_{32}.

21. Кор. 19_{41}.

22. Кор. 21_{36}.

23. Кор. 55_{29}.

24. Кор. 11_{117}.

25. Кор. $9_{21\text{-}22}$.

26. ***

27. Кор. 22_{42}.

28. Т. е. для народа.

29. ***

30. Кор. 48_{10}.

31. Кор. 17_{36}.

32. В оригинале ошибочно “тридцать”; для тридцатикратного путешествия пешком не хватило бы человеческой жизни. Каждый хаджж длился два-

три года. Ср. в Приложении III присяжную грамоту везира Ахмеда б. Хасана Мейменди.

33. Далее на стр. 304—316 оригинала следует переложение послания и присяжной грамоты на персидском языке.

34. Т. е. в Хорезме.

35. Т. е. войск эмира Мас'уда, стоявших в Хорезме.

36. ***; пренебрежительное значение этого слова установить не удалось.

37. *** Мелик аш-Шу'ара Бехар объясняет, что важные и секретные письма, свернутые в свиток, заклеивали полоской бумаги, называвшейся ***. Кольца, о которых говорит Бейхаки, были либо металлические, либо кожаные. Их надевали одно или несколько на свиток и затем закрепляли. Слово ***, по его мнению, искаженное *** то есть каемка, застежка, и является тем же *** которым заклеивали свиток или сумку или то и другое одновременно. Когда посылали особо важные и секретные документы, свитки вкладывались в кожаные сумки.

На каждый свиток надевалось кольцо, через которое вдоль свитка наклеивалась полоска бумаги и ставилась печать. Точно так же и на сумку надевалось и закреплялось кольцо и ставилась печать, ***

38. ВМ: *** и ***

39. В тексте ***, что, видимо, ошибочно вместо *** Ср. на стр. 104 и 602.

40. ***

41. ***

42. *** — т. е. я к этому делу совсем не причастен.

43. Т. е. в цитадель города Балха.

44. ***

45. ***

46. ***

47. ***

48. ***, — иначе говоря, лишить его достоинства и веса.

49. Т. е. военачальников.

50. Т. е. с хорезмшахом Алтунташем, который имел чин хаджиба.

51. Конец рассказа Абу Насра Мишкана, начатого на стр. 289.

52. Дебуси или Дебусия — селение по дороге из Бухары в Самарканд, в 5 фарсан-тах от нынешнего Кермине.

53. В действительности он был отравлен в тюрьме. См. “От переводчика”, стр. 20.

54. Арабизованная форма имени Бузургмихр, легендарного везира царя Ану-ширвана.

55. Т. е. последователей культа Ахура Мазды.

56. В оригинале на этом месте, очевидно, пропуск.

57. Свойства еще как будто не было, и сестру Мас'уда к Богра-хану не отправили. См. ниже, стр. 306—307.

58. 18 февраля 1032 г.

59. *** не описка ли? Вероятней *** как предполагают ГФ. Ср. выше, на стр. 167 и 218.

60. 17 марта 1032 г.

61. Т. е. принял подарок.

62. 22 марта.

63. ***

64. 2 апреля 1032 г.

65. ***

66. 5 апреля 1032 г.

67. 15 апреля 1032 г.

68. 2 мая 1032 г.

69. Т. е. с Ахмедом, сыном Абдассамада.

70. ***

71. Опасно в том смысле, что противник мог переправиться в этом месте через реку и ударить по тылу войск хорезмшаха. Ср. ГФ, 346, примеч. 2, из которого видно, что издатели это место не поняли.

72. В тексте ошибочно *** вместо ***

73. ***. Здесь, очевидно, глагол не значит “переправились”, как можно было бы ожидать, а “отошли [на тот свет]”, “умерли”, поскольку ниже, на стр. 337, говорится, что Таш Махруй в этом сражении погиб.

74. Т. е. Эмирека Бейхаки.

75. В оригинале поговорка: *** - чтобы ветерок продул.

76. Т. е. Ахмед, сын Абдассамада

77. ***

78. ***

79. Т. е. два положения мусульманского вероисповедания: ***

80. Т. е. Пири Ахур и Бек-тегин Човгани.

81. Т. е. вызванные Ахмедом накибы с военными отрядами.

82. Конец записок Эмирека Бейхаки, начатых на стр. 312.

83. Земм — город на левом берегу Аму-Дарьи ниже Келифа, в 5 днях пути от Термеза и в 4 днях от Амуля (Чарджуя), очевидно на месте нынешнего города Керки Чарджоуской обл. Туркменск. ССР. Barthold, Turkestan... 80.

84. ***

85. 22 апреля 1032 г.

86. См. выше, стр. 163.

87. Список с жалованной грамоты эмира Мас'уда воспроизведен в *** лл. 61б—62а.

88. 7 мая 1032 г.

89. В АП примечание: Дерегез — один из округов Балха...

90. 25 мая.

91. ***

92. 5 июня 1032 г.

93. Абу-л-Музаффар Мухаммед б. Ибрахим Баргаши оставался в должности везира до смерти Нуха б. Мансура Самани 14 раджаба 387 г.— 23 июля 997 г. При сыне и преемнике его Абу-л-Харисе Мансуре Баргаши был отставлен от должности везира и удален в Гузганан, что не совсем согласуется с рассказом Абу-л-Фазла Бейхаки. Об этом Barthold, Turkestan... 264—265.

94. ***

95. 1009—1010 г.

96. *** — шелковая ткань; В. А. Крачковская, О средневековых текстильных изделиях в Средней Азии (мервские ткани IX—X вв.), Материалы Первой

Всесоюзной конференции востоковедов в г. Ташкенте, Ташкент, 1958, 615.

97. Т. е. Абу-л-Музаффара Насра, брата султана Махмуда.

98. Т. е. забудется или будет смыто, как в то время часто практиковалось, чтобы использовать бумагу для другого письма.

99. *** Ср. ниже, стр. 479.

100. О каком месяце идет речь установить трудно. Последние упомянутые даты на стр. 320 и 322 были концом джумады 1, т. е. концом апреля — началом мая, а следующая — 1 зу-л-хиджжа — 8 ноябрем. Следовательно, приезд гонцов состоялся между маем и ноябрем.

101. 8 ноября.

[ЛЕТОПИСЬ ГОДА ЧЕТЫРЕСТА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОГО]

Наступило лето четыреста двадцать четвертое. Первый день месяца и, года; был четверг [1]. В дороге пришло письмо от начальника почты в Рее: «Ташферраш здесь показал большую силу и сын Каку и все, кто находится по сторонам, повесили головы. Дебир Тахир должность кедхудая исправляет хорошо, никакой неурядицы нет. Сын Говхарагина, Шахренуш, зазнался и захватил было Казвин, принадлежавший его отцу. [Ташферраш] послал Ярук-Тугмиша, джамедара, и несколько сильных саларов: Говхараина Хазине[дара], Хумарташа-и хейль туркмен, и покончил с делом этого негодяя, а сейчас совершает объезд [по окрестным местам], чтобы поубавить спеси; и в Ираке поднялась суматоха». Вместе с похвалой было отвечено, что у нас-де есть намерение из Буста пойти в Герат. Когда прибудем туда, то назначим верного человека и пришлем с ним подарки Таш[феррашу], дебиру Тахиру и тем, кто ходил на войну с сыном Говхараина, Шахренушем, а также приказы отправиться в Рей, Джибаль и Хамадан. Когда [государь] приехал в Герат, то с помощью Мас'уда,

сына Мухаммеда Лейса, человека доблестного, умного, проницательного и незаурядного, служившего эмиру в Герате и умершего в молодые годы, были справлены подарки и посланы. Говорили, /***362***/ что высочайшее знамя пойдет следом в Нишабур, дабы зиму и весну провести там и Мас'уд с подарками отправился.

Десятого числа месяца мухаррама [2] ходжа Ахмед, сын Хасана, занемог. Недуг был весьма тяжкий, так что навис приговор смерти. Он не мог являться в везирский диван, сидел у себя дома и занимался каким-нибудь делом, принимался за людей, а люди грызли его. Он притянул Абу-л-Касима Кесира, который прежде был сахиб-диваном Хорасана, понуждал рассчитаться, угрожал и даже приказал доставить дыбу, кнут и палача и хотел было его сечь. Тот протянул руки к моему наставнику и взмолился о помощи. Наставник написал записку эмиру и устно через Абдуса дал знать: «Я не говорю, что не нужно требовать расчета от государственного дивана [3] и средства [4], которые **[327]** числятся за ним, ему придется отдать во что бы то ни стало [5], однака слуг

и рабов государевых, возвышенных султаном-отцом, нельзя истреблять нарочно. Наш везир тяжко болен и, потеряв надежду выжить, хочет до смерти успеть свести счеты. У Бу-л-Касима Кесира есть старые заслуги и он сделался знаменитым человеком. Ежели высочайшее усмотрение одобрит, то его надобно спасти». Узнав это, эмир соизволил сказать: «Ты, Бу Наср, сходи к великому ходже под предлогом навестить болящего, а Абдус, чтобы пришел вслед за тобой, справился о здоровье от нашего [имени] и сделал, что требуется на сей счет». Бу Наср отправился.

Придя в серай везира, он увидел в суффе Абу-л-Касима Кесира, с ним шел спор о [казенных] средствах, [тут же находились] доставленные мустахридж, дыба, кнут и орудия пытки, пришел и палач. [Бу-л-Касиму] передавали грубые сообщения ходжи. «Остановите на час это дело,— сказал Бу Наср,— покуда я повидаюсь с ходжой». Он вошел к ходже и увидел его одного на почетном месте, лежащего на спине, очень озабоченного и больного. «Как себя чувствует ходжа?»— спросил Бу Наср.

«Сегодня мне лучше,— ответил ходжа,— да только меня все время удручает этот племянник Кесира. Сей человечишка утаил [казенные] средства и желает их присвоить, но не понимает, что прежде чем умереть, я их вытяну у него из глаз и зубов, прикажу вздернуть на дыбу и сечь, покуда он не вернет обратно то, что украл». «Зачем господину горячиться?— заметил Бу Наср,— Бу-л-Касим ни в коем случае не осмелится присвоить достояние государственного казначейства [6]. Прикажи, я выйду к нему и выну у него из /***363***/ ушей хлопчатую бумагу [7]».— «Не стоит,— ответил ходжа,— пусть на себе почувствует возмездие».

На этом подошел Абдус, отвесил поклон и сказал: «Государь султан спрашивает и говорит, как себя чувствует сегодня ходжа?» Тот поцеловал подушку и ответил: «Сегодня по милости государя лучше, через каких-нибудь два-три дня я поправлюсь настолько, что смогу явиться на поклон». Абдус продолжал: «Государь говорит, мы, дескать, слышим, великий ходжа возлагает на себя непосильный труд, печалится и ввязался в дела Бу-л-Касима Кесира

касательно [казенных] средств. Никто не посмеет утаить достояние государственного казначейства, пусть этот труд [ходжа] на себя не берет. Сумму того, что с Бу-л-Касима надлежит получить, пусть ходжа напишет и передаст Абдусу, дабы [Бу-л-Касима] привели ко двору и не отпускали с раннего утра, пока еще солнце не бросило тени [8], до тех пор, покуда он не отдаст [казенное] добро. И сказал государь, пусть, мол, мустовфии напишут памятку и вручат Абдусу, и еще он сказал, что надобно, мол, Бу-л-Касима отправить с ним во дворец». [Затем] Бу Наср и Абдус сказали: «Ежели мнение господина найдет возможным, пусть **[328]** [Бу-л-Касим] явится к государю». «Нет и нет милости!» — ответил тот. «Он стар,—доложили они,— и заслуги у него есть».

Долго они таким образом разговаривали, покуда [ходжа] не дал разрешения. Бу-л-Касима ввели, он поклонился очень вежливо. Ходжа его усадил и спросил: «Зачем ты не отдаешь султанское достояние?» [9]. Тот ответил: «Да будет долгой жизнь господина! Я отдам все, что по правде будет установлено и господин не будет недоволен

мной».— Вернешь то, что украл, выкинешь из головы мечту стать везиром и никому до тебя не будет дела»,— промолвил [ходжа]. «Слушаюсь, все что верно, я отдам, а мечты о везирстве у меня нет и не было; ежели бы она была, то великого ходжи здесь не было бы из-за тех посягательств, кои на него совершали».—«Ты их совершал или кто другой?» — спросил [ходжа]. Бу-л-Касим опустил руку и достал из-за голенища сапога письмо, отдал его гуляму, чтобы тот передал ходже. [Ходжа] взял и стал читать, развертывая письмо своей рукой. Прочитав до конца, он снова его свернул и прикрыв унван [10], положил перед собой. Несколько времени он оставался в задумчивости и как будто был смущен, затем /***364***/ сказал Абдусу: «Ступай, сегодня вечером я дам распоряжение, чтобы выявили [казенные] средства и недоимку с него, а завтра [справку] вместе [с Бу-л-Касимом] доставят во дворец, дабы мнение государя повелело, что найдет нужным».

Абдус откланялся и удалился. Выйдя из серая, он остановился, покуда не вышел Бу Наср. Сойдясь вместе, Абдус сказал Бу Насру: «Странное дело,

[ходжа] прицепился к человеку, приготовил дыбу, дело дошло до последней крайности, передано было и устное сообщение от султана по этому же делу, а [тут Бу-л-Касим] дал ходже какое-то письмо, тот прочитал и [сразу] уважил».— «Ты еще молод, ходжа,— рассмеялся Бу Наср,— он его сейчас [даже] отпустит, и Бу-л-Касим придет ко мне домой, приходи и ты ко мне». В час вечерней молитвы Бу-л-Касим явился в дом Бу Насра и поблагодарил его и Абдуса за их заботу и пожелал много добра султану за то, что он удостоил его высочайшим вниманием. Он попросил, чтобы наилучшим образом передали и рассказали эмиру, что за ним по государственному казначейству ничего не числится. Горстку излишков, однако, собрали, а мустовфии из страха перед ходжой Ахмедом присчитали [стоимость] продовольствия, которое он [Бу-л-Касим] и его люди съели за время пребывания [его] сахиб-диваном, и месячное жалование, кое они получали, и все это сильно преувеличили. То, что у него есть, он имеет по повелению государя. Коль скоро он не будет прощен, на [жизнь] раба [государя] посягнут. «Все

это будет сказано,— ответил Бу Наср,— даже больше того, но расскажи случай с письмом, что случилось, почему человек смягчился, когда прочитал, [расскажи], чтобы Абдус мог завтра пересказать эмиру», Бу-л-Касим поведал: «То было **[329]** повеление эмира Махмуда, с его печатью, уничтожить ходжу Ахмеда, ибо необходимо возмездие за пролитую по его приказу кровь. Я же пошел наперекор такому падишаху, как Махмуд и, чтобы человек остался жив, ответил: не мое, мол, дело. Будь у меня желание, его тотчас же убили бы. Когда ходжа прочитал письмо, ему стало совестно, и после вашего ухода он много извинялся».

Абдус пошел и рассказал все, как было. Эмир спросил, в каком состоянии ходжа. «Он болен,— ответил Абдус,— я узнавал у лекаря. [Тот] говорит, что наступила слабость и к тому еще две-три болезни. Излечить их трудно, ежели он от них избавится, то будет необычайно».— «Надобно сказать Бу-л-Касиму Кесиру, чтобы он сдался,— промолвил эмир,— не упорствовал бы и не упрямился, дабы его не огорчать. Мы на этой неделе

поедем в Нишабур; Бу-л-Касиму с ходжой надо остаться здесь, [посмотрим] каково будет состояние болезни». С этой надеждой Бу-л-Касим вновь обрел жизнь.

/***365***/ Восемнадцатого числа месяца мухаррама [11] султан выехал из Герата в Нишабур. Ходжа со всеми чиновниками остался в Герате, Первого числа месяца сафара [12] эмир расположился в Шадьяхе. В тот день стояла сильная стужа и было много снега. [Государь] дал распоряжение, чтобы висаки гулямов и дворцовых людей построили в Нишабуре поближе к нему, а подальше расположили бы челядь.

В субботу прибыла спешная почта из Герата, что ходжа Ахмед, сын Хасана, через неделю после отбытия высочайшего знамени отошел [в иной мир], после того как обидел многих чиновников. Наставник мой, прочитав письмо, пошел к эмиру, представил письмо и сказал: «Да будет государю мира жизнь долгая — досточтимый ходжа Ахмед приказал долго жить Высокому собранию». «Жаль,— промолвил эмир,— Ахмед единственный

человек [нашего] времени, редко бывает такой, как он». [Государь] очень жалел и скорбел и сказал: «Ежели бы его продали обратно, мы не пожалели бы никаких сокровищ для него». Бу Наср ответил: «Сему слуге довольно счастья было умереть в благосклонности [к нему] государя». [Затем] он пошел в диван, час-другой провел в размышлении и на смерть [ходжи] сочинил стихи. Вместе с другими [моими] бумагами они утрачены, но в памяти у меня остался один стих:

*О объявляющий смерть затмением солнца и месяца,
Ты возвестил утрату, омрачение и скорбь!*

Со смертью этого вельможи умерли доблесть, благочестие, способность и великодушие. Сей мир не вечен для прохожего, все мы [лишь] на стоянке каравана и уйдем один вслед за другим, никто здесь не останется. Жить надобно так, чтобы после смерти за человека молились. Ходжа Бу Наср, оплакавший этого вельможу в стихах, тоже скончался в **[330]** Герате. Я расскажу [об этом] в своем месте. Сын Руми в этом смысле прекрасно сказал стихи:

*Время отнимет все мне доверенное
И нет в вещах благ, данных и отнятых,
Оно облекло меня в одеяние юности и речи
И то, чем облекло, похитило скоро*.

/***366***/ Я удивляюсь алчности людей и спорам друг с другом, множеству золота и страданию, почитанию и униженности, ведь голодного нищего, несчастного и стонущего, и богача, [владеющего] всеми благами, когда придет смерть, не отличить друг от друга. Человек — тот, коего имя после смерти остается в живых. Рудаки сочинил кыт'у:

Долга ли жизнь иль коротка она,
Ведь все равно придется умереть —
Смотается с катушки наконец
Нить жизни, будь она даже предлинной.
Живи ты хоть в несчастье и невзгодах
Или в спокойствии, богато, в холе,
Мирись хоть с самой малой долей мира,
Хоть захвати от Рея до Тараза, —
Все это для души лишь суета.
Что значит сон — одно воображенье!
Все в день кончины станет безразлично,
Ты друг от друга их не отличишь!

Когда эмир кончил прием, он остался с вельможами и столпами [царства], с сипахсаларом Али Дая,

старшим хаджибом Бильга-тегином, аризом Бу-л-Фатхом Рази, Бу Сахлем Хамдеви и Бу Насром Мишканом и затем сказал: «Ходжа Ахмед скончался. То был старец мудрый, издавна вельможный; нас он не заставлял ломать голову. Обязательно нужен везир, потому что без посредника дело не пойдет прямо. Кого вы знаете, кто бы мог возглавить эту большую должность? Они ответили: «Государь знает слуг как своих, так и тех, коих возвысил покойный эмир. Кого [государь] назначит, тому все будут повиноваться и блюсти величие его должности; никто не осмелится возразить против высочайшего мнения государя». «Ступайте туда и сядьте без посторонних, где место дебиров». Они уселись в тереме посередине сада, где было место дебиров посольского дивана.

[Эмир] позвал Бу Насра обратно и сказал: «В то время, когда мой отец посадил Ахмеда, он назвал несколько имен, которые были поставлены выше Хасанека, скажи, кто они?» Бу Наср ответил: «Бу-л-Хаеан Сейяри, но султан Махмуд заметил: «Человек он способный, но его высокий рост и чалму я не

люблю, ему быть сахиб-диваном, ибо есть в нем способность и честность». О Тахире Мустовфи эмир сказал, что он-де из всех /***367***/ самый достойный, однако медлителен, а я тороплив, рассержусь, а у него руки-ноги отнимаются. У Бу-л-Хасана **[331]** Укайли есть достоинство и способность, однако он деревенщина, но [умеет] передать устные сообщения, которые я посылаю, а к тому что он разговаривает неотесанно, я привык; получив ответ, он принесет [13]. Бу Сахль Хамдеви возвышен нами, он долго был помощником Ахмеда, сына Хасана, однако еще молод, ему надобно еще некоторое время побыть помощником, покуда поболее образуется, тогда он будет стоить важного дела и должности в Газне, а область эта очень велика. Нужен человек, который нас не заставлял бы ломать голову. Хасан приобрел значение, но не знает счетоводства и письмоводства, но его наместники правят должность [сахиб-дивана] в Нишабуре они могут благодаря его силе. Достойней всех Ахмед, сын Абдаида. Таких как он у Алтунташа больше нет, а Хорезм страна общая. Таково положение с этим народом, да будет долгой

жизнь государя. В конце концов султан назначил [везиром] Хасанека, но потом каялся. Все они и по сейчас живы, кроме Хасанека. Но у государя ведь есть и свои стоящие рабы и слуги». «Нужно написать имен всех людей и представить вельможам»,— сказал эмир. Бу Наср написал и пошел к ним. Они ответили: «Один достойней другого, государь кого надобно облечет доверием». Эмир сказал Бу Насру: «Бу-л-Хасан Сейяри исправляет должность сахиб-дивана Рея и Джибаля и благодоря ему это дело приведено в порядок. Бу Сахль Хамдеви отправился в Рей, потому что от дебира Тахира кроме пьянства и легкомыслия ничего не получается. Тахир Мустовфи годится для счетного дела. Бу-л-Хасан Укайли — для нашего собрания. Наше сердце, как в конце концов у султана, остановилось на Ахмеде, сыне Абдаиде потому что он сумел привести в Амуй столь громадное войско, знает хорошо письмоводство, счетоводство торговое дело [15] и человек благоразумный». Бу Наср ответил: «В пору халифов из рода Аббаса и во времена [правления дома] Самани везирство давали кедхудаям эмиров и

хаджибом кедхудаем Бу-л-Хасана Симджури был Кесир, [эмиры дома] Самани несколько раз его /***368***/ выпрашивали у Бу-л-Хасана чтобы поручить должность везира, Бу-л-Хасан говаривал, что у него, мол, помимо [Кесира] никого нет. Дела в Хорезме были в порядке. Сын ходжи Ахмеда, Абдалджаббар, когда его отец получит степень везира, сможет заступить на его место».

Эмир велел принести чернила и написал своей рукой записку Ахмеду такого содержания: «У нас к ходже есть дело государственной важности. Сей хейльташ послан спешно. Надобно, чтобы как только ты ознакомишься с этим письмом, написанным нашей рукой, срочно через Нису приехал ко двору и не мешкал бы в Хорезме», [эмир] отдал Бу Насру и сказал: «Припиши что-нибудь свое и упомяни в обращении «шейх мой», «поверенный мой», **[332].** На случай, ежели в Хорезме произошел бы беспорядок, пусть вместо себя оставит надежного человека, а сына своего Абдалджаббара пусть возьмет с собой. Как только ему будет оказана честь приема у нас, он с подарком и лаской, [с

соблюдением] правила и порядка вернется в Хорезм. И от себя тоже напиши письмо и расскажи обстоятельно, что зовут его ради того, чтобы назначить везиром, что, мол, султан со мной в тайности говорил [об этом, упомяни это], дабы его ободрить. Бу Наср составил письмо [от имени] султана, как он умел это сделать, потому что по этой части был искусником своего времени. От себя он написал записку такого содержания:

«Да будет долгой жизнь ходжи сейида и да здравствует он многие лета во славе и счастье! Пусть ведает он, что в тайнике рока заключено много участей, и тайна та ведома господу богу, велик он и всемогущ, ибо участи предопределил он. Еще государь султан, великий благодетель, предпочел избрать сего друга [ходжи сейида] Бу Насра Мишкана узнать эту тайну — султанское послание написал я своей рукой по высочайшему повелению, да вознесет Аллах его еще выше, и оно было скреплено царской печатью; к нему приложена записка, [написанная] высочайшей рукой. А сие письмо я пишу от себя по высочайшему

распоряжению, его придется несколько растянуть. Пусть [ходжа] как можно скорей приедет, потому что грудь везирства истомилась по человеку, который достоин ее, а [достоин] ходжа сейид. Пусть приезжает он поскорей, дабы глаза [сих] ничтожных узрели свет от встречи с ним. /***369***/ *Аллах всевышний да продлит его дорогую, драгоценную жизнь, доведет до цели его намерение и да сведет меня с ним по милости своей!*» Эти письма [Бу Наср] снабдил царской печатью. Назначили одного из хейльташей и девсуваров и наказали ему, чтобы он в десять дней съездил в Хорезм и вернулся обратно в Нишабур. Тот сейчас же поехал.

Седьмого числа месяца сафара [16] из Буста спешной почтой прибыло письмо, что факих Бу Бекр Хусейри, который оставался там больной, помер. Сколь удивительны превратности судьбы! Между ходжой Ахмедом, сыном Хасана, и этим факихом постоянно была неприязнь, а смерть их обоих случилась почти одновременно.

В это же время пришло известие, что посол ал-Каима биамриллах, Бу Бекр Сулеймани доехал до Рея и вместе с ним слуга из личных слуг халифа. Подарки находятся при нем, а прочие важные предметы — при после. [Государь] повелел оказать им добрую встречу. Они пробыли там одну неделю, и содержали их прекрасно. Со значительным отрядом телохранителей и людей, кои заботились о нуждах их, они прибыли в Нишабур. Эмир приказал, чтобы в округ Бейхак спешно отправились люди и заготовили продовольствие и корм для животных [17]. Восьмого числа месяца раби ал-ахир [18] нишабурские факихи, казии и **[333]** вельможи выехали для встречи. В среду отправились мертебедары и посольские приставы. От ворот рейской дороги до самой пятничной мечети сделали украшения, а также на базарах рассыпали и разбрасывали много диремов, динаров, сахару и [всяких] диковинок.

[Посла] поместили в саду Абу-л-Касима Хезани и [это] заняло время до часа пополуденной молитвы. [Туда] отнесли много роскошного угощения из яств и десять тысяч диремов на баню. Каждый день

[оказывали] какую-нибудь новую любезность. По прошествии недели, когда [посол] отдохнул, устроили блестящее шествие от дверей сада Шадьях до дверей серая посла. Все войско, служилая знать и серхенги сидели верхом, держа [в руках] значки. Пешие в полном вооружении построились перед конницей, а мертебедары в два ряда. В суффе на престоле сидел эмир, да будет им доволен Аллах, и находились военачальники и хаджибы. День был весьма торжественный. Одного хаджиба и несколько сипахдаров, пердедаров, щитоносцев, заводных лошадей и около двадцати мулов [19] [отправили за послом]. Рано утром в серай посла за дарами ездил посольский пристав.

Посла и слугу [халифа] посадили верхом, а халифские дары в сундуках навьючили на мулов. Во главе казначейские помощники вели в поводу восемь оседланных лошадей /***370***/ с золотыми сбруями и седлами; свернутый стяг в руках одного всадника и жалованную грамоту и послание в руках другого всадника держали, как полагалось, перед послом, а впереди них хаджибы и мертебедары. Раздались

звуки рогов и барабанов и поднялись клики, ты сказал бы, что ужасающий шум сей есть наступление дня страшного суда; держали и несколько слонов.

Посла и слугу [халифа] спешили и ввели к эмиру. Посол приложился к руке, слуга облобызал землю и оба стали на месте. «Как поживает государь, повелитель верующих?» — вопросил эмир. «Он в полном здравии и благополучии, все дела [его] в согласии с желанием и он доволен великим султаном, долгая жизнь ему, [который] для него — опора величайшая» — ответствовал посол. Хаджиб Бу Наср взял посла под руку и подвел его от середины суффы к престолу и усадил. В этой суффе сидели [только] сипахсалар Али Дая и ариз везира ведь не было, как я рассказал.

Посол начал говорить: «Да будет долгой жизнь государя! Когда я прибыл в столицу халифата и изъяснил Высокому собранию послушание, повиновение и подданство султана, как он признал обязательным [для себя] исполнить обряд оплакивания по ал-Кадиру биллах, и как совершил

торжественное поздравление повелителя верующих, [ныне] украшающего [собой] престол халифата, и как он позаботился об обряде чтения хутбы, и каким образом он затем исполнил требования присяги на верность и достойно отпустил меня обратно,— **[334]** повелитель верующих, как подобает его высокой доблести, воссел на престол я на той же неделе открыл общий прием. С каждым, кто подходил к его престолу, он беседовал, хвалил султана и находил нужным сказать [о нем] столь много хорошего, что даже изволил промолвить: «Величайшая опора наша и ныне наикрепчайшая—Поборник веры в Аллаха, Хранитель стран божиих, Отмститель врагам Аллаха, Абу Са'ид Мас'уд». И на том же собрании он повелел написать на имя султана жалованную грамоту на владения унаследованные, благоприобретенные и на те, что он захватит вновь. Он прочитал ее во всеуслышание, принесли чернила и он украсил ее высочайшей подписью и печатью. «В час добрый!» — произнесли высочайшие уста. Потом он велел запечатать [жалованную грамоту] и ее препоручили любезному слуге вместе с посланием. [Повелитель

верующих] потребовал стяг, [его] принесли и он своей рукой свернул его. Принесли ожерелье, пояс, перчатки и венец; каждую вещь по отдельности он вручил [слуге] и помолился, чтобы господь бог, /***371***/ велик он и всемогущ, благословил [их]. Принесли и шитые одежды. Он упомянул о разных великолепных предметах, а также о царских верховых животных, коих вслед за сим привели, и между прочим [сказал], чтобы принесли чалму и меч. Высочайшие уста произнесли слова: «Сия чалма свернута нашей рукой, [ее] надобно вручить все так же связанной Поборнику веры в Аллаха, пусть он возложит [ее] на голову после венца». Он обнажил меч и промолвил: «Надобно повергнуть зиндиков и карматов и соблюсти в этом обычай отца [султана]—Десницы державы и веры —и силой меча захватить другие владения, кои находятся в руках супостатов». Все это передали мне на том же собрании, а сегодня доставили сюда, дабы султан по [своему] усмотрению распорядился [ими], как сочтет необходимым».

Эмир, да будет им доволен Аллах, сделал знак Бу Насру Мишкяну, мол, надо принять жалованную грамоту и послание. Бу Наср вышел из ряда и сказал послу по-арабски, чтобы он встал и жалованную грамоту, завернутую в черный шелк, поднес эмиру и положил на престол. Бу Наср принял [ее], отошел в сторону [20] и остановился. Посол, стоя, сказал султану: «Ежели [государь] соблаговолит, пусть сойдет с престола, дабы в добрый час надеть на себя халат повелителя верующих». «Постелите мусаллу!» — велел [государь]. Оружничий, державший при себе мусаллу, постелил. Эмир обратился лицом к кибле; затрубили в золотые рога, которые держали на середине сада. Звуки их смешались со звуками других рогов и поднялся рев, а у дворца забили в литавры и заиграли на рогах и слоновых зерцалах [21]. Подбежал Бильга-тегин и другие хаджибы и, взяв эмира под руки, [помогли] сойти с престола. [Эмир] сел на мусаллу. Посол потребовал сундуки *с* дарами, [их] принесли. Вынули семь фереджи [22], одно из них было **[335]** черного шелка, а прочие разные из багдадских тканей. Эмир приложился к ним устами,

исполнил два рак'ата молитвы и взошел на престол. Поднесли венец, осыпанный самоцветными камнями, ожерелье и перчатки, [тоже] украшенные [самоцветами], поцеловали их и положили на престол по правую руку от эмира. Свернутую чалму поднес слуга. Эмир приложил ее к губам и, сняв шапку, возложил ее на голову, правой рукой подержал стяг, подвесил меч на перевязи, [затем] поцеловал и отложил в сторону.

/***372***/ Бу Наср прочитал послание и перевел его на персидский язык, прочитал и жалованную грамоту. Начали осыпать деньгами, так что середина суффы стала золотой от рассыпанных монет, а середина сада — серебряной от кошельков. Посла повезли обратно, кидая [в народ] ценные вещи, так что не было [им] предела. В час предзакатной молитвы посол прибыл домой в великом благолепии. Несколько дней подряд непрестанно продолжалось ликование и музыка. Веселились и ликовали ночью и днем. Ни в какие времена никто подобного не запомнил.

В это время пришло известие, что сын Ягмара туркмена и сыновья других туркменских предводителей, коих Ташферраш, сипахсалар Ирака, приказал убить, прибыли с Балхан-куха со множеством других туркмен в то время, как Ташферраш двигался в Рей, и намереваются напасть на окраины владения, чтобы отомстить мусульманам за отцов. Эмир, да будет им доволен Аллах, приказал сипахсалару Али Дая отправиться в Туе, а старшему хаджибу Бильга-тегину — в Серахс. Отправили разведывательный отряд разведать положение туркмен. Старший хаджиб Бильга-тегин со своими гулямами и хейлем выступил из Нишабура, а сипахсалар Али [Дая двинулся] на другой день, в среду. Пошли письма к Бакалиджару с гонцами на верблюдах-скороходах, чтобы он был бдителен и осторожен и послал сильное войско в Дихистан, дабы оно стало в рабате [23] и охраняло дороги. Пошли также письма в Нису и Баверд, чтобы шихне и население тех областей слушались сипахсалара Али [Дая] и хаджиба Бильга-тегин а.

Спешный хейльташ, ездивший в Хорезм к ходже Ахмеду, сыну Абдассамада, привез обратно ответ и сообщил: «Он меня держал два дня и подарил дорогого коня, двадцать штук одежды и двадцать тысяч диремов, сказав, что двинется вслед за мной через три дня». Ответное письмо было такого содержания: «Высочайшее повеление прибыло, [написанное] рукой ходжи Бу Насра Мишкана и украшенное царской печатью; к нему была приложена записка, [начертанная] высочайшей рукой. [Я], слуга, приложил их к голове и очам [24]. Бу Наср тоже написал записку по высочайшему повелению и довел до моего ведома несколько слов, от коих слуга [государя] был весьма испуган **[336]** по той причине, что услышал он нечто такое, чего он не стоит, чего он никогда и в мыслях не допускал и чего не заслуживает. Хейльташэ он, [слуга], отпустил обратно, а должность, которую исправляет, передаст Бу Насру Баргаши, ибо он человек способный и добропорядочный. Харун весьма /***373***/ умен и воздержан. Ежели будет угодно Аллаху всевышнему, он в отсутствии слуги [государя] таким и останется.

Абдалджаббара слуга [государев] привезет с собой в силу высочайшего повеления, дабы он вернулся обратно, получив указания и счастье сослужить службу высочайшему двору. Слуга [государя] отбудет отсюда вслед за хейльташем через три дня, дабы поскорей прибыть к высочайшему двору». Он написал ответ и моему наставнику с обычным обращением: «Превосходительному шейху, сейиду Абу Насру, сыну Мишкана — Ахмед, сын Абдассамада, его малый и ничтожный [слуга]». Он высказал ему много слов с подобострастием, так что Бу Наср удивился и сказал: «Совершенный человек сей вельможа. Я был с ним знаком, однако не знал, что он таков». Письма [мой наставник] отнес к эмиру.

Когда пришло известие, что ходжа приближается к Нишабуру, эмир приказал, чтобы все выехали встретить его. Все было приготовились поехать, как узнали, что он уже прибыл ко двору с сыном в. среду, в первый день месяца джумада-л-ула [25]. Приезжавшие люди приветствовали [его]. Эмир открыл прием. [Ему] объявили, что приехал ходжа

Ахмед, и он велел ходже явиться. [Ахмед, сын Абдассамада], облобызал два-три раза землю и остановился у шатрового столба. Эмир сделал знак Бильга-тегину, Бильга-тегин сделал знак одному хаджибу, распорядился ввести [ходжу Ахмеда] в суффу и усадил его в отдалении от престола. Для ходжи Ахмеда приготовили в подарок тысячу динаров, а он извлек из рукава жемчужное ожерелье,— говорили, оно стоило [тоже] тысячу динаров,— хаджиб Бильга-тегин принял его и передал хаджибу Бу Насру, чтобы тот поднес эмиру. «В каком, состоянии ты оставил дела Хорезма, Харуна и войска?», — спросил [эмир]. «Благодаря величию высокой державы, как желательно, никакой неурядицы нет»,— ответил [ходжа]. «Ты потрудился, надобно отдохнуть»— промолвил эмир. [Ходжа] откланялся и удалился. Коня выкликнули по кунье [ходжи], поспешно снарядили, и он поехал в серай Абу-л-Фазла Микала, который убрали и привели в порядок для него, и [там] расположился; а сын его в другом серае поблизости от помещения отца.

Приставу было распоряжение посылать побольше яств и угощений. Каждый день [ходжа] являлся во дворец на поклон и удалялся. Когда прошло три дня, эмир велел усадить его в тереме близ суффы, удалил также посторонних из своего собрания, и Бу Наср Мишкан, Бу-л-Хасан Укайли и Абдус носили между [ними] устные сообщения. Эти негласные переговоры длились до часа пополуденной молитвы. **[337]**

Много было разговора, о везирстве, но ходжа не соглашался и говорил: «Слуга [государя] чужой /***374***/ среди [придворных] людей и не знаком с правилом этой службы, ему бы лучше оставаться все тем же помощником да исполнителем».

Рассказ об этом, ежели его изложить [обстоятельно], затянулся бы. Короче говоря, [дело] было решено, и [ходжа] услышал много милостивых, задушевных слов от Высокого собрания и из благословенных уст [его], И он удалился с тем, чтобы написать, как положено, соглашение и испросить в нем [согласие на свои] условия исправлять должность [везира].

Коня его опять выкликнули по кунье. Когда людям стало ясно, что везирем будет он, они стали в нем заискивать и оказывать услуги. [Ходжа] написал соглашение и послал к моему наставнику. Эмир собственноручно написал ответы и согласился на все, что тот требовал и просил в условиях. Приготовили самый великолепный халат и в понедельник, шестого дня месяца джумада-л-ула [26], халат надели [на ходжу], пояс к нему был тысячный. Хаджиб Бильга-тегин взял его под руку и посадил около престола. Эмир сказал: «Да будет благословен [сей] халат для нас, для ходжи, для воинства и для раиятов!» Ходжа встал, поклонился и поднес эмиру жемчужное ожерелье ценой в пять тысяч динаров. Эмир вручил ходже бирюзовый перстень с начертанным на нем именем эмира и сказал: «Сей перстень— царство, его мы отдаем ходже, он наш наместник. С бодрым сердцем и большой радостью надобно приняться за работу, ибо после нашего приказа, приказывать надлежит ему по всем делам, кои направлены на благо державы и государства». Ходжа ответил: «Слуга [твой] повинуется и

приложит все старание, какое требует покорная служба, дабы оправдать благоволение государя»,— облобызал землю и удалился.

Одному из принадлежащих ему гулямов, как водится, дали халат хаджиба, и он ушел вместе с ним. Когда ходжа пришел домой, все [султанские] родичи, свита и придворные вельможи отправились к нему с поздравлением и богато осыпали его деньгами. Золото, серебро и то, что [ему] поднесли, он целиком [приказал] вписать в реестр и послал эмиру очень много. А то, что привезли из Хорезма, он тоже послал отдельно с сыном Таша Махруя, поскольку отец с сыном в чести не были, а Таш в битве с Али-тегином погиб на глазах хорезмшаха. Эмир все одобрил, а сына Таша сделал своим телохранителем, ибо таких как он не было и трех-четырех среди трех-четырех тысяч гулямов. У него появились завистники и поклонники тоже из числа дворцовых гулямов. Случилось так, что однажды ночью к нему пришел с намерением один из его товарищей по висаку, обуянный к нему страстью. /***375***/ Сын Таша ударил кинжалом, и тот гулям был

убит. Упаси боже от злосчастья! Эмир повелел отплатить ему тем же. **[338]**

«Да будет долгой жизнь государя! — сказал дворецкий [27],— жаль было бы закопать в землю такое лицо». «Дать ему тысячу палок и оскопить! Ежели помрет, значит ему отплатили, а коль выживет, посмотрим, на что он будет годен».

Он выжил и вернулся к своему ремеслу слуги, сделался еще в тысячу раз лучше и прекрасней, чем прежде, и его произвели в хранители эмирского чернильного прибора. Конец его жизни был таков. В пору эмирства Абдаррашида его заподозрили в том, что он вошел в соглашение с эмиром Мерданшахом, да будет им доволен Аллах, которого содержали в крепости, и тот будто бы принял от него присягу на верность. [Эмир Мерданшах] с другими лицами и с сим беднягой были казнены. [Их] положили на клыки слонов и с ними вместе несколько хаджибов, старшин и серхенгов унесли с майдана и бросили. *Да будет милость Аллаха над всеми ними*.

Ходжа Ахмед сел в диване и начал править должность везира отменно хорошо. Он установил строй и порядок, потому что был человек способный и достойный, тихий и вежливый, ученый и обходительный при многих душевных свойствах мужа выдающегося. Много прекрасных дел он совершил, так что стало ясно, сколь совершенный человек он был. Эти два бейта будто сказаны про него:

*Явилось везирство покорно к нему,
Ему приготовясь усердно служить.
Везирство его лишь было достойно,
А он был достоен только везирства*.

При том он был отважен, храбр и смел. В благословенную пору падишаха Мас'уда он водил рати и совершал славные подвиги. За все время его везирства за ним заметили только одно-два прегрешения, но ведь человека безгрешного и быть не может. Первое, он в начале везирства [своего] во всеуслышание сказал несколько неприятных слов ходже Али и ходже Абдаррезаку, сыновьям ходжи Ахмеда, сына Хасана, и при этом пренебрежительно

отозвался об их столь почтенном отце. Люди, знатные и простые, остались недовольны. Второе, в конце [своего] везирства при эмире Мавдуде /***376***/ он сказал несколько слов об Ар-тегине [28], которого сам возвысил [29], отчего сей турок оскорбился и заподозрил недоброе, а ходжа из-за этого погиб. В своем месте я об этом расскажу, оно весьма замечательно [30]; это—*люди высокообразованные*.

В пятницу, в десятый день месяца джумада-л-ула, эмир повелел надеть на сына везира Абдалджаббара халат и также изволил сказать, что необходимо потребовать с гурганского правителя Бакали-джара откупные деньги и привезти его дочь, на которую заключили брачный договор, прежде чем он уедет из Нишабура. Было решено послать туда послом Абдалджаббара, сына везира, вместе с одним **[339]** законоведом и служилыми людьми, как положено. Эмир промолвил: «Это — первая служба, которая возлагается на твоего сына». Наставник мой Бу Наср составил черновики писем и устных сообщений и [их] переписали. С Абдалджаббаром были назначены законовед Бу-л-Хасан Каттан, из числа выдающихся

учеников имама Казн Са'ида, и Кафур Му'аммири, доверенный слуга [эмира] Махмуда. Справили балдахин, служителей и дары, как положено по правилу и обычаю. Двенадцатого дня месяца джумал-ула Абдалджаббар с этими людьми отбыл из Нишабура в Гурган.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЗНАЧЕНИИ МИРА

Скажу я несколько слов о мире обманчивом, одной рукой рассыпающем сахар, а другой рукой отравляющем ядом, одних испытующем несчастьем, других одевающем в рубашку благоденствия, дабы людям умным стало ясно, что привязываться душой к благам мирским — нелепо. Мутанабби говорит стихи:

*Кто в мире долго прожил, [у того] изменился он
На глазах так, что представляется истина ложью*.

До этого места я довел сей том «Истории», [когда] падишах Фаррухзад отдал благородную и драгоценную душу свою отнимающему жизнь и препоручил ему. Полили его водой, омыли и воссел он на коня деревянного [31] и, вместо множества

цветущих садов, дворцов и чертогов деда, отца и брата, он удовольствовался четырьмя-пятью локтями земли, а над ним сложили груду праха. Дакики [32] сказал по этому случаю [33] стихи:

Увы, как Мир Бу Насра жаль, как жалко! /***377***/
Не много радости познал он с детства,
Но у владык великодушных, славных
Дни жизни коротки, цветам подобно.

Стихи

Где царь царей, царь Нуширван?
Где живший до него Шапур?
Уж древних греков славных, владык земли, не поминают!
[Где] устроители земель, к которым Тигр тек и Хавур?
Судьбы превратность: разорено именье, двор покинут.
Они листок увядший от ветра с запада и всхода.
Стихи Абу Таййиба Мус'аби [34]
О призрачный мир наслажденья, увы нам,
Ни с кем ты не ровен, ни с кем ты не ладишь!
На вид ты как месяц, на слух ты как солнце, **[340]**
Когда ж отнимаешь, ты — коршун, ты — сокол.
На вкус ты отрава, послушать — ты лютня,
Подвижен как ветер, сверкаешь алмазом.
Алоэ Кимара ты, мускус Тибета,
Ты амбра состава Йемена, Хиджаза.
Снаружи ты дом, весь в рисунках Азера,
Внутри же свинья и мерзостный боров.

Одному ты блаженство, другому ты ад,
Кого вознесешь, кого в пропасть спровадишь.
Плодовый ты сад, и богатств в нем довольно,
Но к этому скуп ты, тому благодетель.
Ты весь испытанье, ты полон видений,
Ты кажешься будто шитье по атласу.
«Шах и мат!» от тебя перенял шахматист,
Для тебя все мы пешки в шахматной игре.
Почему кто умен, тот живет в нищете,
Почему дураку жить в довольстве дано?
Зачем живут мало фазаны, павлины,
К чему долголетье гадюке и грифу?
/***378***/ Сто с лишним годов сумасброду-невежде,
А муж сей араб зачем жил шестьдесят три? [35]
Если действуешь ты не в противность всегда,
Отчего же ты любишь того, кто скверней?
О мир наслажденья! В судьбе сей, конечно,
Повинны мы сами, ибо жаждем тебя.

Предопределяющий течение жизней, создатель ночи и дня, преславный и всемогущий, да вознесется величие его и да святятся имена его, положил сроку жизни и царствования эмира Фаррухзада, да будет над ним милость Аллаха, такую меру, и скорбь превеликая поразила сердца людей знатных и простых по случаю безвременной кончины его при столь многих достославных деяниях и

достохвальном образе жизни и явном правосудии, дошедшем до всех стран света. Стихи:

*Однако же люди — доброе слово,
Так будь добрым словом тому, кто помнит!*

Поскольку он отошел [в иной мир], господь бог, велик он и всемогущ, в счастливый час, блаженный и великий, привел в столицу, к престолу предков, дабы его украсить восшествием на него, — память хосроев, наидостойнейшего из государей, великого султана и благодетеля Абу Музаффара Ибрахима, сына Поборника веры в Аллаха. Древние старики узрели [в нем] исчезнувшие следы Махмуда и Мас'уда. Да будет сей повелитель ублаготворен постоянно и да насладится он царством и юностью. В понедельник, девятнадцатого числа месяца сафара лета четыреста пятьдесят первого [36], когда я довел «Историю» до сего места, великий султан Абу Музаффар Ибрахим, сын Поборника веры в Аллаха украсил государство этого обширного земного пояса своей особой. Время прекраснейшим языком сказало, стихи: **[341]**

Ушел падишах высокого рода,
Сел на престол царь, рожденный от гурии.
Весь мир по усопшем погружен в печаль,
Весь мир торжествует от севшего вновь.
И если отняли светильник от нас,
Свечу на замену поставили нам.
Такого, как царь Ибрахим, получил
Всяк, кто утратил царя Фаррухзада [37].

Величие сего падишаха было, во-первых, оттого, что из крепостного мрака [взошло] столь яркое солнце, что достигнув девятнадцатой степени, оно осветило весь мир, когда попало в эмирский дворец. Родичей, свиту и весь /***379***/ народ он расставил в таком порядке, как того требовало дело управления государством и степень царской власти. В указаниях и речах к живущим на свете он представил и изъяснил значение самодержавности. Сначала он изволил исполнить обряд оплакивания брата и дал понять на самом деле, что для сей паствы пришел такой пастырь, что она уже больше не понесет убытка от волков и диких зверей. Воинство, которое не было довольно, он с помощью царственных подарков полностью оживил и привел к единодушию и согласию. Он выслушал слова жалобщиков и

страждущих и оказал правосудие; он —чтобы не сглазить [38] —второй Нуширван [39].

Ежели кто-нибудь скажет: «Великий! Высочайший! Есть дело эмирского достоинства», то ежели оно попадет в руки самодержавного, умного и могущественного властелина, он его таким способом разрешит и так с ним справится, что его будут истинная вера и мир земной, а ежели попадет в руки слабого [падишаха],то он сам себя изведет и народ из-за него изведется. Боже сохрани, чтобы кто-нибудь оказался куплен их благодеяниями и говорил бы непутевые слова о царствовании владык этого дома. Но видавшие свет старики, претерпевшие превратности судьбы, из сочувствия и по любви говорят: вот, дескать, такое-то дело он сделал достойно, а в таком-то — допустил ошибку. Так бывало, начиная с Адама и до наших дней. Рассказывают, что *пришел человек к пророку, да благословит его Аллах и семейство его и да приветствует, и спросил его: «Скверная ли вещь господство? Тот, привет ему, ответил: «Процветает дело господства, ежели оно взято по праву и

законно»*. Великий султан взял по праву и законно и явил то, что являют могущественные властелины. Еще хадис. Когда царь Парвиз [40] скончался, весть дошла до пророка, привет ему, и он спросил: «*Кто преемник его?» [Ему] ответили: «Дочь его, Пурандохт». Он сказал, привет ему: «Никогда не будет хорош народ, который предоставляет повелевать женщине*». Это самое большое доказательство. Царству нужен муж смелый, способный и сильный, ибо ежели он не таков, то мужчина и женщина одинаковы. Ка'б-Ахбар [41] высказал [суждение]: «Султан и народ подобны шатру, воздвигнутому и **[342]** держащемуся на одном столбе, а тяжи его натянуты и прикреплены к колышкам; шатер мусульманства — царство, подпора — падишах, тяжи и колышки — раияты. Ежели приглядеться, то основой является подпора, на коей держится шатер; когда она ослабнет и упадет, ни шатра не останется, ни тяжей, ни колышков». Нуширван говорит: «Не живите в городе, где нет властного, сильного государя, справедливого судьи, /***380***/ длительных дождей,

ученого лекаря и проточной воды. Но ежели даже все есть, но нет могучего падишаха, то и это исчезнет». *Пошли сии дела кругом [42] благодаря эмиру, как шар вращается вокруг оси, а ось есть царь*.

Явился владыка справедливый и добрый, да будет он явен всегда и да здравствует! И ежели из рода Махмуда и Мас'уда воссел [на престол] царства государь могущественный и властный, то нет ничего удивительного. Ведь Якуб, сын Лейса, был медником, а Бу Шуджа Азуд ад-довле в-ад-дин не был ли сыном Бу-л-Хасана Буйе, который покорно явился к сынам дома Самани из среды дейлемцев. Благодаря своему величию и способности и промыслу господа бога, да превознесется слава его, Бу-л-Хасан Буйе обрел царство; потом его сын Азуд; благодаря своим способностям и величию стал могущественней отца и родственников и содеял и явил то, что рассказано в «Венечной книге» Бу Исхака Саби [43]. Предания о Бу Муслиме, поборнике дела дома Аб-басова, о Тахире Зу-л-яминейне и Насре, сыне Ахмеда Самани, читают много. Рек господь бог, да будет он славен и превознесен, а он

правдивейший из возвещавших о достоинстве Саула: *и умножил он ему объем в знании и в теле* [44]. Всюду, куда обращается заботливость творца, да вознесется величие его, и проявляются все добродетели и высокие качества души, там из-под пепла возгорается огонь.

Работая над этой «Историей», я попросил факиха Бу Ханифу Искафи сочинить касыды на смерть султана Махмуда, на восшествие на престол эмира Мухаммеда и на взятие государства Мас'удом. Я предсказывал, что коль скоро он без вознаграждения и без месячного содержания [сумеет] сочинить этакие касыды, то ежели какой-нибудь падишах пойдет ему навстречу, Бу Ханифа доведет [свое] слово до большой высоты [45]. Предсказание оправдалось. То, что прошло над сердцем, по тому прошлось перо. Когда престол достался великому султану Ибрахиму, он увидел несколько книг, написанных факихом Бу Ханифой, и одобрил их слог и слово, и [мое] предсказание получило признание. По восшествии на престол царства [султан] заказал Бу Ханифе стихи. Тот сочинил касыду и был

вознагражден. Затем [султан] потребовал еще стихов, и прочие стихотворцы после того, как оставались семь лет без покровительства и наград и о них не спрашивали, /***381***/ снова получили жалованье. Бу Ханифа сделался видным человеком и сочиняет блестящие касыды. Вот одна из его касыд: **[343]**

Сто тысяч похвал премудрого господа
Да будут туче милосердия Ибрахима,
Солнца царей семи земных поясов,
Ибо силой его цветет величие древнее.
Ради того, чтоб расцвел сад прославления,
Снова полился щедрости ливень,
Снова запел соловей мастерства
И донеслось из сада дыхание славы.
Хотя по превратности судеб мира
Жемчужина долго пребывала в раковине,
Но, слава Аллаху, в конце концов
Сменились невзгоды благополучием.
С небес искусства снизошел Джем [46],
Вновь захромал черт, побитый камнями.
Лев, оскаливший зубы, расправивший когти,
И усобицы бык сами собой утратили силу.
Что может поделать фараонов волшебник,
Коль посох Авраамов сделался змием.
Каждый из тех, кто познал Соломона,
Тот прекрасным трон Билькис не сочтет.
Как поступить, от творца знает царь,

Не доверяет он звезд предсказаньям.
Пути не проложит к нему раскаяние,
Ибо в гневе бывает он мягок.
Везир у него по его доброй воле,
Недимы — по доброму нраву его.
О царь, властелин, государь!
Речь к тебе поведу, как нанизанный жемчуг.
Меньше не станет побед падишаху,
Когда он забаву надвое разрубит.
Задумаешь дело, пусть свершится оно по желанию.
Терпенью отдай предпочтение пред страстью.
У каждого бывает такая пора,
Что мать-государство его от груди отлучает
И сторонится его как недруга недруг.
Если не выдержать кожу на дне колодца,
Она от воды чистой не станет. /***382***/
В шахматное царство сыграй кое с кем.
. . . . . [47]
Как пойдет для начала соперник?
Что судьба под гилимом скрывает?
Возьмись за клинок, откажись от вина.
Коль услышал, что царство без пользы.
Если перо ты с мечом подружишь,
То справишься с царством в семь земных поясов.
Не такой-то совершил преступление, ни имярек,
Ни лежала надежда на ком-то, ни кто-то был страшен,
Все зло и добро, что нас постигает,
Бывает велением милосердного бога.
Мужчина змеею гюрзой должен быть,

А не представлять собой рыбу.
Не следует быть и змеею и рыбой,
Ни эта, ни та, неприятного нрава. **[344]**

Ниже подлеца ты никого не считай,
Хотя б возносил его всякий высоко.
Обычай, повадка сей шайки злодеев,
На страуса очень походит, коль взглянешь.
Никто не друг и бог не помощник
Тому, чью душу пожрал адский пламень.
Краткий рассказ многословия краше,
Жемчужин рудник не дает, а серебра — море.
Будь неподатлив и лют наподобие бесов,
Коих за свойство сие исторгнуло небо [48].
Доколе стан добронравных прям как элиф,
Доколь словно джим [49] людей добрых кудри,
Пусть будешь свеж ты и румяно лицо,
А зложелатель боль мучений терпит.
Да будет поприще твое поприщем скромных,
Как в пору хаджжа к опоре хатим [50].
Подобно деду деда и деду отца твоего
Будь милостив и к знатным и к люду простому.

Тоже его

Слава ланитам прекрасным как серебро
И паре черных кудрей твоих в виде двух джимов!
Твой с головы и до ног я, ничего другого не вижу.
Коль рассказ поведу я о твоей, красоте, то на неделю.

Видишь ли стан словно тополь, ступающий плавно и томно,
Что природы рука на серебро кладет груду роз?
/***383***/ . . . . . [51] . . . . . .
От свиданья с тобой нет у друга в руках ничего,—
Для мужа с благим устремлением бедность мученье.
Ты лицом и телом на луну и на рыбу похожа,
Видал ли кто-либо луну нежней, чем естество рыбы?
За «сиротство» твое и двуличие тебя осуждают —
Не роза всяк тот, кто двулик, сирота [52] не всегда жемчуг.
Если пряди волос на висках твоих не будут спокойны,
То не диво, коль заскочат они в ямки заушные белые.
Не похищай мой разум! Не хватает того, чтобы ради тебя
Был сражен и убит твоими кудрями мудрец.
Был ли смущен и испуган жеманный твой взор,
Если только не испугала его кудрявая прядь вороная?
Кто же твои кудри такие, что пугают твой взор,
Иль кто ты сама, что их учишь внушать боязнь другому?
Ты больше не будь такой дерзкой и смелой,
Если слышала имя царя семи земных поясов,
Хусроя Ирана, эмира арабов, персидского шаха —
Лучше кратко сказать — Ибрахима, властителя мира.
Того, кто как дед и отец, во всех случаях жизни, всегда
Поминал и славил Аллаха, ты получаешь от мудрого бога.
Царь — в сердце народа, праведник — в сердце своем,
У такого царя государство бессильным не станет. **[345]**
Не являет он миру какой-либо доблести, покуда
В сердце своем первенство не отдаст помыслам умных людей.
Терпеливый искатель, своих тайн сердечных хранитель,
Победитель могучий, милосердный к своим побежденным.

Его помысел словно судьба и диремы как звезды,
А страсти старых и юных — все тот же дьявол проклятый.
Без того, чтобы совершить какой-либо грех,
Он тринадцать лет терпел гнет злодейки судьбы,
Если кто-нибудь в жизни пробудет тринадцать лет
В заключении, тому жизнь покажется адом.
Тринадцать годов царь царей оставался в тюрьме
И из всех услад мира в недимы ему досталось терпенье.
Только господь его охранял от дурного народа,
Хоть претерпел он строгости разной для страха.
Раз царство богом дается и он же его отнимает,
К чему же тогда поговорка, мол, *царство бесплодно*?
О хусров, шах, эмир, государь справедливый!
Зачем же тогда надо бить в барабан под гилимом?/***384***/
Послушай кое-какие советы и за них не серчай,
Ведь такой раб как я простодушен и глуп.
О мудрый шах, уму поучайся у неумных людей,
Ведь скосивши калам [53], научились писать люди верно [54].
Могучим мечом обнови Махмудов обычай,
Ведь решению судьбы никто сопротивляться не станет.
Надень меч через плечо, но не взыщи за минувшее,
Если желаешь, чтобы имя твое докатилось до Мекки.
Для начала ты мощь покажи, потом избери себе кротость;
Когда кротость не от мощи исходит, человек не кроток.
Кто из тазиков и турок этой великой столицы
Тебя не любил бы сильней серебра и злата?
Со стариками такими, даже с такими юнцами
Хорасанское ожерелье вскоре будет в порядке нанизано.
То, что из славной повадки своей ты являешь,

Ни один не делал хусров, ни эмир, ни за'им.
Что за беда, что Авраам не владел речью,
Зато превратил он посох в змия.
Не следует быть совсем непреклонным с врагом,
Иногда неплоха пополам поделенная точка.
Ныне завистник так схоронился, молчит,
Что вчера я не отличал его от Дабшалима [55].
Человек туповат по природе, не скородум,
Его уловка — молчание, как у недруга бедного.
Славу воздай господу мира, кто удостоил
Древним царством тебя без чьих-либо стараний.
Сделал то ни такой-то, ни другой, ни старый, ни юный,
Ни от смены года то было, ни от звезд предсказанья,
Нет, все свершилось по воле владыки вселенной,
По воле властителя мира, по приветствию слуг,
Дабы сказали: мученик царь был высоких помыслов,
Из всех царей его добрый нрав был наилучшим.
Ликуй, веселись и вино пей из ручек кумира,
Чьи уста словно мим созданы для лобзанья,
Твой враг сокрушен, разбит и узами связан,
Он ниспровергнут и в сокрушении остался без сил, **[346]**
Справедливостью и радушием благоустрой государство,
Да не будет здрав никогда тот, кто не славит тебя!

Эти две касыды написаны со столь многим назиданием и советом, а к великим, могущественным и славным повелителям такое слово и надобно обращать, справедливое и суровое, и побуждать их

возвести величественное здание, дабы они, хотя в их естестве это заложено от природы, двигали дело, /***385***/ благодаря слову и побуждению. Независимые владыки с высокими помыслами были как раз из тех, кто хранил слово как сокровище. Всех ближе к нам Сейф ад-довле Абу-л-Хасан Али [56]. Следует посмотреть, поскольку он был муж отважный и способный, преисполненный усердия, какое похвальное слово ему сочинил Мутанабби; доколе на свете будет существовать арабский язык, то слово не будет забыто. С каждым днем оно будет делаться свежее и слава Сейф ад-довле благодаря ему останется живой. Вот как он сочинил: [57]

*Друг мой, я не вижу стихотворца иного!
Раз их ищут, от меня исходят касыды.
Нет удивленья обилию мечей! Оно
Теперь лишь единому Сейф ад-довле! [58]
Нрав его благородный проявляется в битве,
Держась доброты и прощенья, он опускает меч.
Когда увидал я, что род людской не стоит его,
То понял: людскому веку он оценку дает.
Достоин званья Сейф тот, кто рубит шеи,
И повелителя — тот, кому не в тягость несчастье.
Рум, беднейшая из божьих стран, ее сыны

Согласны в том, и в похвале тебе у них отказа нет.
Не раз подвергал ты Рум грабежам, пока не бросил,
И франки дальние за ним от страха сна не знали.
Виднеются их замки на горах высоких,
А конница твоя их окружает ожерельем.
Походов ратных друг, его мечи не отдыхали,
Тогда лишь разве, как застывал Сейхан [59].
Никто не получал пощады помимо юных жен
С губами алыми, высокогрудых.
Оплачивают их во тьме ночной батрики [60],
Зато у нас они товар без спроса.
Так судит рок в среде своих людей:
Кому несчастье достается, кому барыш.
Хотя и убивал ты, однако за отвагу
В среде людей ты полюбился как прощатель.
Столь много жизней ты сгубил, что если б прожил их,
То век бы ликовал весь мир, тебя благодаря.
Ты — меч державы и поражает им Аллах,
Ты — знамя веры и повязал его господь.
Люблю тебя, о солнце века и луна его,
Хоть и бранят меня за то два Фаркада [61] и Суха [62],
Все потому, что добродетели твои сияют
И жизнь легкая тебе чужда*. **[347]**

Не будь у этого мужа столь высоких помыслов, где бы Мутанабби нашел смелость сочинить о нем такое слово, ведь большие люди скрытую насмешку не терпят и за нее отрубают голову. Сколько свет стоит,

владыки совершают великие дела и поэты их воспевают. Нужно посмотреть на величие славного дома султана Махмуда, да будет им доволен Аллах, на то, что сочинил в похвалу ему Унсури, несколько блестящих касыд коего я привел в моей «Истории» [63]. Очевидны ясные признаки, что от этого великого падишаха, султана Ибрахима, увидят махмудовские деяния, дабы наездники прозы и поэзии вступили на ристалище красноречия и показали изумительное искусство гарцевать, так чтобы утереть нос предшественникам. *Аллах, да славится поминание его, по милости и могуществу своему облегчит и упростит ему [дело], ибо всесильный над ним, и он угоден Аллаху*.

То, что сочинил Дакики, я тоже написал вслед за этими словами, дабы когда читатели «Истории» дойдут до этого места, они ознакомились бы с ним себе на пользу. Затем я снова возвращусь к истории поры павшего жертвой султана Мас'уда, да будет над ним милость Аллаха, чтобы начать оттуда, где я отложил перо, ежели будет угодно Аллаху, велик он всемогущ. Дакики говорит, стихи:

Двумя вещами забирают владенья,
Одна словно шелк, другая будто шафран.
Одной господь бог дал название злато,
Другая — железо Йемена с закалкой.
В ком возникает мечта добыть себе царство,
Того небо подвигнуть должно на сие.
Речистый язык нужен, щедрые руки,
Коварство всегда, постоянно любезность.
Царство твое ведь добыча, коей не взять
Ни орлу в поднебесье, ни страшному льву.
Две вещи есть, кои добыть его могут:
Индийский меч и самородное злато.
Мечом его надо присвоить себе,
Динаром связать ему ноги, коль сможешь./***386***/
Кто счастьем владеет, мечом и динаром.
Копьем с длинным древком, кто царского рода,
Тому нужны мудрость и щедрость и смелость:
Судьба разве даром дает государство?

Написана и эта касыда. Как стало видно в недавние дни по делам сего могущественного государя, мы, старики, коли живы будем, еще узрим похвальные деяния, ибо когда в молодом деревце заметны целость, блеск и полномочие, то можно понять, каковы у него будут плоды. И я, Бу-л-Фазл, пребуду в сем обманчивом, пожирающем людей, мире дотоле, покуда не напишу книгу о деяниях сего

царского дома и о счастливой поре этого падишаха, да живет он долгие годы. И когда я дойду до того места, то внесу [свою] долю участия, и хусройский: **[348]** шелк, который я начал ткать, его именем превращу в золотую парчу, клянусь Аллахом, подателем помощи при [исполнении] намерения и убеждения, по милости и превосходству его! [64]

ОСТАЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ ГОДА ЧЕТЫРЕСТА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОГО

Историю этого года я уже изложил выше, в томе седьмом, до того места, когда павший жертвой эмир Мас'уд, да будет им доволен Аллах, послал Абдалджаббара, сына ходжи Ахмеда, сына Абдассамада, с посольством в Гурган со служилыми людьми и балдахином, чтобы нареченную [эмира, дочь] Бакалиджара, привезти из тамошнего гарема в гарем сего падишаха. Тогда, когда я писал эти повествования, положение переменилось в этом великом государстве в таком виде, как я рассказывал [65], и пришлось прервать работу. Но вот я снова вернулся к повествованию истории.

Прибыли письма из Рея, дескать, дебир Тахир, кедхудай Рея и тамошнего края, столь предается забавам, веселью и [разным] обрядам, что дело дошло до разврата, ибо однажды, в пору цветения роз, он рассыпал их столько, как не поступил бы ни один царь, и при том среди лепестков роз находились разбросанные динары и диремы. Таш и все предводители были у него, всем унесли с пира ценные подношения [66]. Когда они удалились пьяные, Тахир со своими гулямами и близкими людьми отбросил всякий стыд, и непристойность /***388***/ дошла до того, что он велел принести золотые и серебряные чаши. Их завернули в шелковую полосу, он повязал ею чресла, как поясом, надел на голову венец, свитый из миртовых веток, украшенный красными розами, и пустился в пляс, и собутыльники и гулямы его [тоже] пустились в пляс с венцами [67] на голове. Потом, на другой день, это происшествие распространилось, все жители города, чужие и свои, говорили о нем. Ежели до неприятелей дойдет слух, что кедхудай, [управляющий] сбором налогов и денежными средствами [68] и [ведающий]

хозяйственной частью, таков, а сипах-салар Таш и прочие тоже следуют его [примеру] в забавах и увеселениях, то что же останется от уважения? Это не прибавит ничего, кроме неприятности и беспокойства. Обязательно нужно запретить эту беззаботность, потому что было бы предосудительно прикрывать это дело. Решить должно высочайшее усмотрение. Эмир очень огорчился, но сразу ничего не сказал.

На следующий день, окончив прием, он задержал везира и моего наставника Бу Насра и сказал, чтобы принесли письма, кои хранились запечатанные. Он остался наедине с этими двумя особами, и они рассуждали о положении. «Я знал о легкомыслии и непригодности Тахира, нелепо было его туда посылать», — сказал эмир. Ходжа ответил: «Покуда ничего еще не случилось, надобно написать письмо с порицанием его **[349]** и выговором, чтобы он больше этого не делал и дал зарок целый год не пить вина». «Это само собой,— сказал эмир,— Бу Наср напишет, но надо подумать о другом кедхудае, кого пошлем?» Они ответили: «Как угодно высочайшему мнению,

[но] за один проступок, им совершенный, [его] не стоило бы смещать». «Вы не знаете положения в той стране,— заметил эмир,— а я знаю. Тамошний народ не любит хорасанцев. Там надобно заставлять уважать себя со всей силой, только так дело пойдет. А ежели будет наоборот, то они [нас] сочтут бессильными, и все устои полетят кувырком». «Государь знает слуг престола, туда надобен человек внушительный. Из Герата приехал Бу-л-Касим Кесир, у него есть имя; Бу Сахль Хамдеви тоже человек доблестный и способный, и Бу Сахль Завзани также, он уже претерпел много, слуга государю и тоже с именем; равно и Абдус стяжал славу и сан; вот самые внушительные слуги государя. Пусть государь теперь подумает и укажет на того, кого избрало его мнение и сердце»,— сказали [везир и Бу Наср]. Эмир ответил: /***389***/ «Бу-л-Касим Кесир еще не сложил с себя ответственности по [бывшей] должности [своей] [69]. С него надо получить отчет, пусть представит, ведь Ахмед, сын Хасана, не успел [в этом]. Когда с его отчетом порешат, то о кем будет повелено, что найдет

нужным [наше] разумение. Бу Сахль Завзани не годится ни на какую должность, ни малую ни большую, разве только для подстрекательства, вредительства и переворачивания дел вверх дном. Обманы, которые он учинял по отношению к хорезмшаху и прочим,— мерзки. Бу Сахль Хамдеви стоит этого дела, ибо он и благороден и способен, сведущ и исправлял важные должности». «Государь решил прекрасно, — промолвил ходжа,— достойней его нет».

Эмир крикнул служителя, стоявшего стражем у полога, и велел позвать Бу Сахля Хамдеви. Согласно приказу его позвали. Он явился, предстал [пред лицо эмира] и сел. Эмир обратился [к нему]: «Мы испытали тебя в разных делах и нашли тебя доблестным, способным и надежным человеком. Должность кедхудая Рея и тамошних областей самая важная из всех. Тахир с ней справиться не может»,— и он рассказал о его проделках. Потом продолжил: «Наш выбор падает на тебя, ступай, приготовься ехать. Что надобно приказать, мы прикажем». Бу Сахль облобызал землю и произнес: «Слуга [твой]

предпочел бы служить при высочайшем дворе, однако слугам выбирать не подобает — повелевать надлежит государю. Ежели высочайшее мнение позволит, слуга [государев] сядет вместе с ходжой и Бу Насром и выскажет все, что знает насчет сего, напишет соглашение и испросит то, что нужно испросить, ибо слуга [государев] слышал, что то дело как бы поизносилось, ему же [надо] идти правильно, как положено». «Ладно, так хорошо»,— ответил эмир **[350]**

Все трое сели без посторонних и сделали так, [как сказал Хамдеви]. Разговор происходил очень долгий, все, что надобно было сказать и решить, сказали и решили и [затем] разошлись. Бу Сахль Хамдеви написал соглашение по всем вопросам со всеми условиями, как он умел писать, ибо он был человек весьма способный и сведущий. Бу Наср Мишкан представил его [государю]. Эмир собственноручно написал ответы: один такой, что Бу Сахлю в той [должности] будет большая честь, а другой — длинный с полным признанием и пониманием [его мнений]; он написал все соображения и поставил на

них царскую печать. Их отнесли к Бу Сахлю Хамдеви вместе с сорока письмами с царскими печатями, /***390***/ которые переписал я, Бу-л-Фазл. Все они были составлены вчерне моим наставником. Эмир велел отправить Бу Сахлю халат, какой дают везирам; к халату были добавлены пояс, балдахин, десять конных гулямов, сто тысяч диремов и сто штук одежды. Титуловать его эмир приказал «аш-шейх ал-'амид».

Из-за этого титула досточтимый ходжа Ахмед, сын Абдассамада, обиделся, призвал меня, Бу-л-Фазла, корил вместе с моим наставником, убивался и поручил передать Бу Насру длинное устное сообщение. Я пошел и передал. Бу Наср был человек скромный, держал себя в границах и обходился с людьми любезно, услужливо и весьма вежливо. Поэтому он сказал: «Спорят в подобных случаях только глупцы; коль скоро государь возвышает какого-нибудь стремянного и жалует его должностью везира, то надобно соблюдать уважение к высочайшему повелению султана, а не к тому человеку, которого он поставил, будь он

неизвестного происхождения или нет». Но не взирая на то, что он таким образом держал себя в границах, он был чрезвычайно тверд и ни за что не допускал, чтобы задевали его личное достоинство или [достоинство] его дивана. Он ответил мне: «Скажи великому ходже, что я господина великого ходжу знаю уже очень давно и понимаю, что он источник доблести и превосходства и дебир с совершенным умом, что ежели бы он такими свойствами не обладал, то не получил бы столь важной степени в среде столь многих выдающихся людей, имена коих были написаны, а он знает, что все они вельможи, сановники и несли службу султанам. Выбор эмира пал на него. Есть правила службы падишахам, которые, [видимо], остаются неизвестны его мнению, так как он не занимался службой царям и обычаи и нрав их себе не представляет и общения у него с ними не было, наоборот, он состоял [только] при людях, подвластных царям, и, наверное, читал [о царской службе лишь] в книгах, а в подобных случаях книги — одно, а личный опыт — другое. Наш султан редкостный человек в настоящую пору,

особливо по письменной части, в сочинении писем и награждении титулами. О титуле Бу Сахля он сам высочайшими устами произнес, что слово «амид», дескать, нужно писать потому, что мы выше рода Буйе, и наш слуга **[351]** выше, чем Сахиб Аббад, и великий ходжа понимает, что государь назвав его так, прав. Ведь ежели отдать справедливость, Бу Сахль еще в молодые годы получил от такого государя, как Махмуд, золотую [конскую] сбрую и должность сахиб-дивана столицы Газны и [тех] сторон Хиндустанского владения [70], /***391***/ кои близки от Газны. Он долгое время был помощником такого везира, как Ахмед, сын Хасана, а при эмире Мухаммеде, когда тот вступил на престол, получил должность везира и надел на себя везирский халат. И хорезмшах Алтунташ писал ему письма; ходжа [сам] знает, как он писал от себя, я об этом не осведомлен. Значит, надобно отдать справедливость, ежели я, начальник подольского дивана, с одобрения которого [71] даются титулы [72], писал Бу Сахлю так, то никто меня порицать [не должен], ибо я писал, имея на то право. Следовательно, раз государь падишах

повелел, а меня за это бранят, то сие несправедливо. Ходжа еще новичок в этих делах, вот пройдет некоторое время, и он меня лучше узнает. Но хотя оно и так, я замечаний великого ходжи, которые он изволил выразить, не оставлю в небрежении. Ежели он по сему поводу напишет записку, я доведу ее до Высокого собрания, и ежели передаст устное сообщение, я тоже его доложу».

Это сообщение я отнес ходже Ахмеду. Несколько времени он размышлял, потом сказал: «На сей счет ходжа Бу Наср прав. Не годится об этом случае докладывать Высокому собранию, ибо это ни к чему. Пусть и Бу Сахль о нем ничего не знает, дабы не обижаться на меня. Я буду просить ходжу Бу Насра не воздерживаться от подобных наставлений мне, ибо что бы он ни сказал, все будет принято и обяжет к благодарности». Я возвратился обратно, рассказал моему наставнику о словах ходжи, и он очень обрадовался. На другой день они переговорили об этом между собой и на этом дело кончилось.

Во вторник, в шестой день месяца джумада-л-ухра [73], после приема, Бу Сахль Хамдеви надел халат, предстал [пред лицо государя], облобызал землю и поднес эмиру жемчужное ожерелье. Его усадили. «В добрый час!» — промолвил эмир и дал Бу Сахлю перстень с начертанным на нем именем султана, сказал: «Сей перстень — владение Ирак, отдаю его в твои руки, ты — мой наместник в той стране. После приказа нашего воинству и раиятам надлежит действовать по твоему распоряжению [74] во всем, что касается выгод государства. Верши дела смело». Бу Сахль ответил: «Слуга [твой] повинуется, будет стараться и молит господа бога, велик он и всемогущ, о помощи, дабы оправдать доверие». Он облобызал землю и удалился домой. Все вельможи отправились к нему и прекрасно воздали ему должное.

/***392***/ На следующий день эмир, да будет им доволен Аллах, открыл прием. После приема он остался наедине с везиром, Бу Сахлем Хамдеви и Бу Наерота-Мищканом. Эмир обратился к Бу Сахлю: «Минувшей **[352]** ночью я размышлял о положении в

Рее и Джибале Иракском и нам показалось правильно отправить с тобой сына [нашего] эмира Са'ида, снаряженного и с достойным его убранством, дабы он был для представительства, а ты бы исправлял должность кедхудая, так чтобы тебе принадлежало [право] связывать и развязывать, понижать и возвышать, приказывать и запрещать, а сын [наш] слушался бы твоих указаний, и было бы всеобщее уважение». Бу Сахль ответил: «Высочайшее мнение превыше всех мнений. Государю тамошнее положение яснее и повелевает он. Ежели будет позволено, слуга [государя] в меру своего знания расскажет то, что случилось ему видеть и [в чем] он осведомлен, а после сделает так, как повелит государь». «Расскажи обстоятельно, — промолвил эмир, — потому что твой дружеский совет известен».

Бу Сахль доложил: «Да будет долгой жизнь государя! Нынешнее положение в Рее и Джибале противоположно тому, в каком оставил их государь. Там происходит смута. [Наши] люди, кои туда отправились, как явствует, показали не много силы,

ибо ежели бы они это сделали, то слугу [государя] ныне не посылали бы [туда]. Рей и Джибаль полны неприятелей, и народ тех стран хорасанцев не любит. Сокровища семейства Самани все уходили на Рей, настолько, что Бу-л-Хасан Симджур заключил мир между его государями и семейством Буйе. На некоторое время вражда приостановилась, и мечи вложили в ножны. Сын Каку, ныне владеющий Исфаганом, Хамаданом и частью Джибаля — враг изворотливый, [обладающий] денежными средствами, войском и припасами, хитростью и коварством до тех пор, покуда ему не будут показаны зубы, так чтобы ему досталось по заслугам и он лишился бы богатства и владения; или пусть смирится, пришлет сына к высочайшему двору, станет покорным слугой и платит ежегодно значительную дань [75], какой, его обложат, а окрестные владетели глядели бы на него, поджавши хвост; иначе дела в Рее и Джибале не придут в порядок. Тахир, Таш и люди, кои там находятся, предаются вину и забавам и сидят беспечно, как же может дело преуспевать? Я, слуга [государя], по

прибытии в Рей останусь там на месяц, а [затем] пойду на Исфаган и на Сына Каку и, покуда не покончу с ним, не успокоюсь, Реем заниматься не буду.

Ежели царевич будет со мной, я ни за что не допущу, чтобы он оставался в Рее, /***393***/ потому что рейцам я доверять не могу, непременно возьму его с собой и не буду спускать с него глаз. Но когда я пойду на врага, то не знаю, будет ли мир или война. Ежели мир —хорошо, а ежели война, то слуг, подобных мне, ради службы и благоволения государя уйдет множество [76]. Не знаю, в каком положении окажется царевич. Покуда он издалека доберется до Нишабура, врагов [наберется] свыше ста тысяч. Коли государь найдет возможным, то [лучше] правителем Рея и Ирака сделать его, а слугу [государя] отправить его **[353]** заместителем; он прочитал бы хутбу на его имя, пробыл бы в Рее месяц, покуда чиновники не принялись бы за работу и не уладились бы дела Таша и стоящего там войска, а также дела войска, назначенного со мной от царского двора. Приготовившись, мы пошли бы на Сына Каку,

справились бы с его делом миром или войной каким-либо способом и со спокойным сердцем вернулись бы обратно и уведомили бы государя. Тогда царевич выступил бы на твердом основании, прибыл бы в Рей, и никакого беспокойства больше не оставалось бы. Все, что пришло на ум слуге [государя], он доложил; высочайшее мнение превыше [всего]».

«Что скажете вы?», — спросил эмир досточтимого ходжу и Бу Насра. Ахмед ответил: «Мнение [Бу Сахля] очень правильное и более уважительного, кроме него, нет. Необходимо привести его в исполнение». «Хотя это и не мной написано, — заметил Бу Наср, — но я, по крайней мере, в этих словах почуял запах исфаганской победы». Эмир рассмеялся и сказал: «Я такого же мнения, как Бу Сахль, лучшего не может быть. Там есть сильное войско, нужно еще немного добавить, а чиновников надобно назначить из людей, состоящих при дворе». Бу Сахль ответил: «Хотя там войско большое, слуге [государя] необходимо выступить отсюда во всеоружии с другим войском, дабы в сердца союзников и противников запало уважение ко мне, а

Сын Каку и прочие поняли бы, что из Хорасана вслед надвигается войско и внушительная сила». «Ладно,— промолвил эмир,— войсковую старшину и предводителей ты знаешь, составь список и проси у нас назначения».

Бу Сахль попросил чернил и бумаги, [их] принесли из посольского дивана. Бу Сахль начал писать. Он потребовал сына Арслана Джазиба, заметив: «У него и имя есть, и сам он [настоящий] воин». С ним согласились. И еще он попросил двух видных дворцовых серхенгов с двумя сотнями дворцовых гулямов, самых дерзких вояк, почти бородатых [77]. [На это тоже] он получил согласие. «Да будет жизнь /***394***/ государя долгой,— [снова] попросил Бу Сахль,— нужны еще пять отборных слонов-самцов и пять самок стенорушных и вратобитных, быть может, они пригодятся при осаде какого-нибудь города». И на это последовало согласие. Из чиновников он попросил Бу-л-Хасана Сейяри, Бу Са'да Гассана и Абдаррезака Мустовфи и получил согласие. Эмир сказал везиру: «Ступай в диван и устрой все дела воинства и чиновников, а мы

прикажем снарядить гулямов и слонов, так чтобы в первый день месяца рад-жаба [78] Бу Сахль отправился в Рей, дабы [нам] быть спокойным за Рей и Ирак, потому что, во всяком случае, мы третьего или четвертого рад-жаба двинемся в Герат». Они удалились из присутствия эмира. Везир в тот день до часа вечерней молитвы оставался в диване, чтобы вызвать предводителей и выдать им жалование [79]. Он сказал им: «Приготовьтесь, потому что пойдете с Бу Сахлем в Рей». Они разошлись и начали **[354]** готовиться. Эмир позвал дворецкого [80] и дебира гулямов и выделил двести гулямов, большей частью с пробивающейся бородой, все отборных вояк, умевших владеть оружием. Имена их переписали и представили [государю] вместе с двумя удалыми серхенгами. [Государь] всех их отпустил на волю. Им выдали вознаграждение, жалование и хороших лошадей, а серхенгам халаты и значки и приказали пойти к Бу Сахлю. Выбрали также слонов и отвели к нему же. Бу Сахль начал ревностно готовиться. Он раздобывал много убранства и снаряжения и налаживал дело. Десятка два гулямов у него было да

еще человек пятьдесят-шестьдесят он прикупил до отбытия в Рей.

Приехал Абдалджаббар, сын великого ходжи, с нареченной и откупными деньгами [81]. Он достиг всех целей и заключил с Бакалиджаром полное соглашение. Эмиру это пришлось весьма кстати. Он велел привести гурганских послов утром. Затем к балдахину с дочерью Бакалиджара отнесли устроенные заранее балдахины с женами нишабурских вельмож, как-то: рейса, казиев, факихов, старшин и чиновников, а находилась она в полуфарсанге от города. Слуг и людей гурганцев, оказывая им любезности, проводили в город. Хасанековский серай и кушки украсили словно ступени всевышнего рая. Эмир приказал балдахин [с нареченной] остановить там вместе с множеством женщин, нянек да мамок и [прочей] прислугой. /***395***/ Нишабурские женщины, слуги, служанки и знатные госпожи удалились.

В тот вечер в Нишабуре было светло, как днем, от плошек и факелов. Слуги султанского гарема сидели

у дверей гарема. Для охраны во двор серая [82] назначили большое число пехотинцев и одного хаджиба с множеством людей. По высочайшему повелению приготовили всего столько, что не было меры, и послали [в дом, где остановилась нареченная]. В полночь все обитательницы султанского гарема из Шадьяха приехали туда. На другой день эмир приказал отнести туда же много золота, драгоценных камней и редкостных вещей и с большим великолепием устроить гостям угощение. Всех жен нишабурских вельмож [тоже] доставили туда. Совершили обряд осыпания деньгами, поели и разошлись. Нареченную, сидевшую в балдахине, никто не видел.

В час молитвы на сон эмир выехал из Шадьяха с множеством людей свиты, с тремя сотнями гулямов-телохранителей, все верхом на конях, с тремя сотнями пехоты и пятью придворными хаджибами, прибыл в этот хасанековский кушк и прошел в помещение гарема с десятком слуг из числа своих близких, коим дозволялось видеть гарем. Эти слуги и гулямы разместились в висаках, которые Хасанек

построил для своих пятисот-шестисот гулямов. Солнце встречи с султаном случилось при месяце. У гурганцев от света сего солнца прибавилось чести и славы. Дело сие совершилось прекрасно, как предопределил господь бог, да славится поминание его. Посторонних подобное событие не **[355]** касалось ни в то время и не касается сейчас. И не подобает, чтобы мое перо описало [его], как я [о нем] думаю.

Следующий день эмир провел тоже развлекаясь в домашнем кругу. На третий день под утро он уехал в Шадьях и, когда рассвело, открыл прием. Явились на поклон родичи и свита. Бу Сахль Хамдеви и люди, с ним назначенные, надевши дорожные одежды, отдали прощальный поклон. Эмир милостиво к ним обратился, еще раз обласкал их, и они выступили в Рей после пятничной молитвы, в первый день месяца раджаба лета четыреста двадцать четвертого [83].

В то время, когда сей вельможа находился в Рее, благодаря ему было совершено много разных деяний, похвальных и непохвальных, таких, что

были сделаны по его распоряжению, и таких, которые учинили самовластно. [Происходило это] до тех пор, пока они не возвратились обратно к этому государю, что случилось после события при Дендане-кане. /***396***/ Я упомяну о сих обстоятельствах в отдельной главе этого сочинения в силу того, что они случились далеко от нас, происходили в местах не близких, так что из той главы обстоятельства станут ясны. Она будет наподобие главы о Хорезме. Из этих двух глав я сначала напишу главу о Хорезме и поведаю о том, как Харун, сын хорезмшаха Алтунташа, открыто объявил свое неповиновение, а сын досточтимого ходжи Ахмеда, сына Абдассамада, спрятался. В этих двух главах будет заключаться много удивительного и необыкновенного. Теперь же продолжим изложение хода истории, которую начали повествовать, и исполним то, что было обещано.

Второго числа месяца раджаба [84] послов и слуг Бакалиджара, прибывших из Гургана с балдахином [85], одарили достойными их халатами, и один халат весьма великолепный им вручили для Бакалиджара.

На следующий день, в воскресенье третьего раджаба они отбыли в Гурган. С дочерью Бакалиджара привезли столько вещей сговоренного приданого, что не было им ни меры, ни предела, и подробное их перечисление дать трудно. Я, Бу-л-Фазл, слышал от мутрибы Ситти Заррин — эта женщина была весьма близка к султану Мас'уду и сделалась при дворе чем-то вроде хаджибы: через нее султан передавал разного рода устные сообщения проживавшим в серае — она говорила, что у девушки был престол наподобие плодового сада — его доставили в числе приданого— земля была из серебряных пластин, переплетенных и отделанных, а на ней поставлены тридцать дерев золотых: листья дерев были бирюзовые и яхонтовые, а плоды из разноцветных яхонтов, так что эмир, осмотрев его, весьма одобрил. Вокруг тех дерев поставили двадцать цветочных ваз, и все цветы в них из серебра, золота и множества самоцветных камней, а кругом этих серебряных ваз с цветами расставили золотые блюда, все полные амбры и камфорных лепешечек. Вот описание части

приданого, а о прочих предметах надо судить по сказанному. **[356]**

/***397***/ У ходжи Бу-л-Хасана Укайли в конце месяца джумада-л-ухра [86] приключилось несчастье, на спине у него, упаси боже от подобного, появилось что-то. Эмир посылал к нему лекарей, но что может сделать лекарь с судьбой? В понедельник, в четвертый день месяца раджаба [87], он получил повеление [отойти в иной мир]. *Да будет над ним милость Аллаха!*.

О ТОМ ЧТО В НИШАБУРЕ СЛУЧИЛОСЬ ПРИМЕЧАТЕЛЬНОГО ЛЕТОМ СЕГО ГОДА

Однажды у эмира Мас'уда, да будет им доволен Аллах, был прием и после часа утренней молитвы пришло письмо от начальника почты в Рее: «Туркмены никак не унимаются и с тех пор, как они услышали известие о сыне Ягмара, что он с Балханских гор пустился с войском а степь, чтобы отмстить за отца и убитых, [положение] стало иное, и когда-нибудь от них изойдет зло крамолы. Сипахсалар Таш [ферраш] и Тахир по этой причине обеспокоены и сказали, что необходимо сообщить

[государю]. Слуга [государя] послал [сие] известие, чтобы было ясно».

Я, Бу-л-Фазл, находился [там же], потому что была моя очередь дежурить, а наставник мой Бу Наср еще не пришел. Эмир кликнул меня: «Пошли кого-нибудь, чтобы пришел Бу Наср!» Я спешно послал представителя двора, Бу Наср сейчас же явился, но уже стало поздновато. Эмир уединился с ним почти до вечера. В час вечерней молитвы мой наставник вышел и сказал: «Знай, Бу-л-Фазл, что принято такое решение, которое причинит большой вред». Потом он потихоньку шепнул мне: «Ежели эмир спросит, ушел ли Бу Наср, ответь — он-де понес бумагу, чтобы написать то, что надлежит написать» [88]. После его ухода эмир позвал меня и спросил: «Бу Наср когда ушел?» «В час вечерней молитвы, — ответил я,— и с ним понесли бумагу». «Напиши ему от себя записку,— сказал эмир,— и скажи, что сегодня вечером надобно составить [только] черновик письма, которое я приказал, и переписывать набело не нужно. Завтра мы над черновиком подумаем и еще раз обменяемся мнениями с ходжой, а там будет

приказано, что надлежит приказать». Я пошел, написал записку и послал.

На другой день, когда прием окончился [государь] беседовал наедине с везиром /***398***/ и Бу Насром до позднего утра. Потом они поднялись. На краю лужайки имелся дуккан, там они сели вдвоем [89] и долго разговаривали. [Затем] Ахмед отправился в свой диван, а для Бу Насра среди деревьев постлали ковер Он позвал меня, и я пришел к нему. У него был составлен черновик письма дебиру Тахиру, он отдал его мне сказав, что нужно составить маленькую записку. Это было распоряжение Тахиру: «Наше решение остановилось на том, чтобы послать **[357]** ходжу-начальника Бу Сахля Хамдеви с сильным отрядом войска [90] и известным предводителем. Он прибудет вскоре после этой записки. А мы пятого числа месяца раджаба [91] двинемся в Герат. Когда мы здравы и невредимы придем туда, там будет уничтожена толпа туркмен, и обозы их угнаны в Газну. Надобно, чтобы и ты, Тахир, скрытно принял меры к такому же делу; уничтожь их под предлогом, что хочешь сделать смотр войскам. По прибытии

туда Бу Сахля Хамдеви следует соблюсти его указания на сей счет. Это важное дело — не малое происшествие. Сия краткая записка скреплена нашей царской печатью и стремянному тайно приказано спрятать ее в конский потник или под подкладку голенища, как найдет удобнее. При нем же есть письмо с царской печатью, написанное гласно касательно тамошних дел, на большой бумаге, дабы казалось, что он едет по этой надобности». Это другое письмо было с извещением об обязательном исполнении кое-каких дел в Рее и Джибале.

Я, Бу-л-Фазл, переписал набело эту краткую записку и большое письмо, и мой наставник отнес их [государю], скрепил их царской печатью, и записку и письмо принес обратно. [Их] вручили одному надежному стремянному, дали ему доброго коня и две тысячи диремов наградных, а наставник мой сделал ему указания, как поступить с краткой запиской и как доставить большое письмо. Я написал открытый приказ [92], и стремянной отправился, а Бу Наср пошел к /***399***/ эмиру и доложил, что сделал. Эмир встал, вошел в серай и усладил себя вином

наедине. Бу Наср вернулся обратно туда же [93], сел без посторонних людей и сказал мне: «Напиши от меня управителю моему в Гузганане и Керване, чтобы он моих десять тысяч овец, находящихся у него, маток и ягнят, как только прочитает это письмо, оценил и продал по цене дня, получил бы золото и серебро чистоганом и отправил в Газну. Я письмо написал, а он скрепил его своей подписью. [Письмо] свернули и приложили к гузгананской спешной почте, окольцевали, запечатали и отправили.

Наставник мой погрузился в долгое раздумье, а я себе думал: «Ежели эмир велел устранить туркмен в Рее, то что означает продажа овец по цене дня в рабате Керван?» «Ты, конечно, размышляешь о туркменах, об их устранении и о моем письме продать овец?» — спросил [меня Бу Наср]. «Ей богу, клянусь душой и головой господина! Думал именно об этом!» Он сказал: «Знай, что устранить туркмен — замысел небывалый и мероприятие ошибочное. Никак нельзя уничтожить три-четыре тысячи всадников. Оттуда к султану письма [еще] не было,

каким способом [там] расправились с туркменами, а он торопится, приказывает в Герате устранить несколько человек и угнать обозы, людей же, которые при обозах, переселить. [Об этом] слух дойдет до Рея и взбудоражит туркмен, Сын Ягмара придет с Балханских гор с другим **[358]** конным полчищем, все они объединятся, нагрянут на Хорасан, похитят весь скот, какой найдут, и причинят много зла. Я [это] предвижу и распорядился продать овец. Ежели их продадут даже по самой дешевой цене, то мне, на худой конец, хоть что-нибудь достанется, они не будут ограблены задаром из-за того, что придумали неверное мероприятие. Великий ходжа и я, мы на сей счет много говорили и разъясняли последствия этого дела, но без пользы. Наш государь по [своим] помыслам и по сердцу противоположен отцу. Отец был человек /***400***/ своенравный, но дальновидный. Ежели он говорил что-нибудь несуразное, я, мол, хочу это сделать, то говорил в силу своего самовластья и самодержавности, и ежели кто-либо разъяснял ему правоту или ошибку, то он сердился,

подымал бучу и бранился. Но когда он снова начинал обдумывать [дело], то находил правильный путь. А нрав у нашего государя иной, он поступает самовластно, не раздумывая. Не знаю, чем эти дела кончатся». Сказавши это, он пошел домой. «Очень далеко видит этот человек,— подумал я про себя, — но, может быть, так не случится». Однако, как ни как, а вышло именно так, как представлял себе он, потому что замысел устранить туркмен в Рее не удался, они возмутились, как я потом расскажу. Из Рея туркмены пришли в Хорасан и от них произошло столько зла, сколько произошло,— большую часть скота в Гузганане они угнали. Через год я [однажды] в Газне обедал у моего наставника. Мне и Бу Насру Тейфуру, бывшему сипахсалару шаханшахов, подали весьма жирного барашка. «Каков барашек?»,— спросил наставник. «Чрезвычайно сочный»,— ответил я. «Это ведь гузгананский»,— заметил он. Мы посмотрели друг на друга, он рассмеялся и промолвил: «Этого барашка купили на деньги за овец, которых продали в рабате Керван»,— и он рассказал случай, который я описал [выше].

Этим же летом переменились и обстоятельства жизни Ахмеда Йинал-тегина, салара Хиндустана. Человека принудили поднять мятеж, а причиной тому была смута в Хорасане и засилье туркмен и потомков Сельджука [94] по приговору господа бога, да славится поминание его. Всякому делу есть причина. Великий ходжа Ахмед, сын Хасана, был плох с этим Ахмедом по той причине — я уже рассказывал о ней выше [95] — что Ахмед Йинал-тегин посягал на его добро в то время, когда случился суд над ходжой. Был он не в ладах и с Казием Ширазским за то, что несколько раз эмир Махмуд говаривал: «Казий стоит должности везира». Ахмед, сын Хасана, когда отправляли Ахмеда Йинал-тегина саларом в Хиндустан, внушил ему, что с Казием Ширазским считаться нечего, ты, дескать, салар хиндустанский по повелению султана, и у него над тобой приказа нет; не случилось бы так, что он тебя /***401***/ зачарует и подчинит себе. И Ахмед, предубежденный и полный задора, поехал, нимало не опасаясь Казия в смысле [своего] саларства. Этот Ахмед был **[359]** человек благородный, его считали

вылитым эмиром Махмудом и он сильно был похож на него. О его матери, его рождении и эмире Махмуде было много разговоров. Между этим падишахом и его матерью была будто бы любовь, [но] правду знает господь бог, велик он и всемогущ. Этот человак хорошо перенял повадку и обыкновение эмира Махмуда, как сидеть и как вести речь.

Когда он приехал в Хиндустан, у него было несколько удалых, воинственных гулямов и порядочно снаряжения и убранства. Между ним и Казием Ширазским стали происходить споры о саларстве. Казий говорил, что должность салара надобно отдать Абдаллаху Кара-тегину и быть под его началом. Ахмед возражал: ни за что, дескать, не буду, султан эту должность пожаловал мне и я всегда был благородней и знатней; ему да прочим надо ходить под моим значком. Эта история затянулась. Лахорская свита и газии требовали Ахмеда, и он пошел наперекор Казию и стал совершать дальние походы. Казий с жалобами на него послал нарочных. Нарочные прибыли в Буст, а мы собирались [тогда]

отправиться в Герат и Нишабур. Эмир Мас'уд запросил великого ходжу Ахмеда, сына Хасана, как тут поступить правильней. Тот ответил, что больше всех достоин должности салара Ахмед Йинал-тегин. Казию надобно отписать, что ты, дескать, кедхудай по части денежных средств [96], какое, мол, тебе дело до должности салара и до войска; Ахмед сам что нужно сделает: будет взимать с таккаров [97] денежные средства в счет хараджа и по соглашению да совершать походы, и в казну будут поступать большие доходы, и не будет спора между дверью и домом. Эмиру [совет] пришелся по нраву, и ответ отписали в таком роде.

Ахмед Йинал-тегин сильно воспрял духом, ибо ходжа ему сообщил, что Казий писал то-то /***402***/ и то-то, а отвечено ему было так-то и так-то. Он поехал к газиям и лахорскому войску, полностью собрал харадж с таккаров и потянулся дальше, переправился через реку Ганг и пошел левым [берегом]. Вдруг он наткнулся на город, который называется Бенарес, он принадлежал к области Ганг. Исламское войско никогда до того места не доходило, до города в два

на два фарсанга со множеством речек. Войско не могло задерживаться долее, чем с рассвета до часа предзакатной молитвы, потому что было опасно. И нельзя было еще сильней ограбить базары продавцов тканей, благовоний и самоцветных камней, эти три базара. Войско разбогатело, ибо все добыли золота, серебра и самоцветов; достигнув цели, оно повернуло назад.

Казий по возвращении [Ахмеда] из этого знатного похода почти помешался в уме. Он отправил в Нишабур спешных гонцов. Те прибыли к нам и передали: «Ахмед Йинал-тегин собрал огромные средства с таккаров по соглашению [98] и с плательщиков хараджа; большую часть собранного дохода [99] он припрятал, а самую безделицу отправил к **[360]** высочайшему двору. Надежные мои [Казия] люди потаенно состояли при нем так, чтобы он не знал, а также были [при нем] мушрифы и начальник почты. Все, что он взял, они занесли в список, который посылается, дабы высочайшее мнение было оповещено, и сей обманщик не сумел бы представить [дело] в ложном виде. И в Туркестан он посылал

тайком через Пенджхир, чтобы к нему доставили турецких гулямов. По сию пору ему уже доставили слишком семьдесят гулямов и [за ними] следуют еще. Находящихся здесь туркмен, он всех взял себе в товарищи, и они [считают себя] обиженными. Обстоятельства жизни его никому неизвестны, он же говорит, я-де сын Махмуда. Слуги [государя] уведомили [об этом] из сочувствия, а высочайшее мнение превыше [всего]». Эти письма подействовали на сердце эмира и весьма на него повлияли. Он велел моему наставнику хранить их втайне, так чтобы никто о них не знал. Следом за ними прибыли вестники и привезли письма от хиндустанского салара Ахмеда Йинал-тегина и начальника войсковой почты о победе в Бенаресе, о том, что совершено знатное дело, что войско разбогатело, что с него [города] взяты огромные средства, а также харадж с таккаров и добыто несколько слонов. Слуги [государя] написали письма из Андарбиди [100] и направились в Лахор. Все, что происходило, они сообщили [101].

/***403***/ Из примечательных происшествий, кои в сей промежуток времени случились: Сати, сын Алтунташа, однажды пьяный поднялся на крышу, чтобы оттуда полюбоваться, но случайно упал с крыши и отдал душу. Юношу похоронили, и эмир очень горевал, потому что Сати был достойный и доблестный [молодой человек] — статный, красивый и умелый. Весь порок его — пристрастие к вину, за что он поплатился жизнью. Хуже всего было то, что подстрекатели и крамольники потаенно написали письмо к его брату Харуну, который был хорезмшахом [102], и донесли, что эмир-де подговорил одного предателя сбросить твоего брата с крыши и убить. И так поступят со всеми сыновьями хорезмшаха [Алтунташа]. Харун и сам несколько подозрительно относился к досточтимому ходже Ахмеду, сыну Абдассамада, и за вольности и развязности осадил его сына Абдалджаббара. Когда до него дошло это письмо, да вдобавок и дьявол его немного попутал, он возомнил много, стал подозрителен и начал понапрасну оскорблять честь Абдалджаббара, смотреть на него пренебрежительно

и возражать против его благоусмотрении. В конце концов дошло до того, что Харун поднял мятеж, и Абдалджаббару пришлось скрыться из страха за жизнь [свою]. И оба пропали друг из-за друга. Об этих обстоятельствах я подробно рассказу в главе, которая будет в сей «Истории» посвящена Хорезму, так что из той главы все станет известно, *ежели угодно будет Аллаху*.

В пятницу, четвертого дня месяца джумада-л-ухра [103] великому ходже [эмир] пожаловал халат благоволения, ибо тот собирался **[361]** отправиться в Тохаристан и Балх по той причине, что округа Хутталана стали волноваться из-за нашествия кумиджиев [104], а также пойти в Вальвалидж и Пянджаб [105] [с тем, чтобы] шихне областей присоединился к нему, и они [вместе] пошли бы уладить /***404***/ то важное происшествие и устрашить еретиков [106]. Эмир за беседой обласкал ходжу, сказал много любезных слов, и тот отправился домой. Столичные вельможи полностью отдали ему должное. После молитвы он отбыл; вместе с ним отправились четыре хаджиба, десять серхенгов и

тысяча конных. Начальник посольского дивана по приказу эмира назначил поехать с ходжой в должности начальника войсковой почты факиха Бу Бекра Мубашшира. Написали письма всей служилой знати, имевшей при себе людей [107], чтобы она слушалась распоряжений везира. Бу Бекру тоже был дан приказ ежедневно писать султану о том, что ходжа считает нужным делать ради пользы государства. Везир отправился дорогой через перевал Гужек. Потом, в своем месте, я расскажу, какие знатный дела были совершены рукой этого вельможи, как того требует [правило] бытописания. На следующий день эмир переехал в сад Седхезаре с тем, чтобы провести там одну неделю. Все обозы перевели туда же.

В это самое время пришли письма, что Ахмед Йинал-тегин возвратился в Лахор с туркменами и множеством лахорских крамольников, и что вокруг него собрались разного рода люди. Ежели не сменить его на должности, то дело затянется, ибо мощь и величие его растут с каждым днем. Эмир как раз находился в саду Седхезаре. Он созвал негласно

совещание с сипахсаларом, вельможами и свитой и запросил их мнение, что надобно сделать, чтобы осадить бунтарство этого разбойника и мятежника, дабы сердце было совершенно спокойно за его действия. Сипахсалар сказал: «У Ахмеда, когда он от него бежал, не много оставалось силы [108]. Всякий салар, которого назначат пойти ему навстречу, с легкостью справится с этим делом, потому что в Лахоре войско большое. Ежели государь прикажет отправиться [мне], слуге [своему], то я через неделю выступлю, хотя погода сильно жаркая». «При том большом числе дел,— ответил эмир,— было бы глупо и нелепо идти тебе, ибо в Хорасане всякая смута, да и в Хутталане и в Тохаристане тоже случились беспорядки. Хотя везир отправился и он там преуспеет, нам, когда минует михреган, обязательно придется отправиться в Буст и Балх, и тебе нужно будет пойти при нашем знамени. Пошлем какого-нибудь салара и хватит». «Как прикажет государь,— промолвил сипахсалар,— салары и некоторые другие присутствуют в Высоком

собрании, а прочие при дворе, кому из рабов [своих] государь повелит идти?»

Тилак индиец сказал: /***405***/ «Да будет долгой жизнь государя! Я пойду и сослужу эту службу, дабы отплатить за благоволение, милость и благодеяния. К тому же я сам из Хиндустана, там стоит знойная пора, а мне в той местности легче опознаться. Ежели высочайшее усмотрение **[362]** найдет возможным, то не пожалеет для слуги [государя] этой службы». Эмир похвалил его за предупредительность, проявленную им, и спросил присутствующих: «Что скажете?» Они отвечали: «Человек приобрел имя и стоит всяческой службы; у него есть оружие, снаряжение и люди. Поскольку он много милости [на себе] испытал по высочайшему соизволению, то он это дело сумеет довести до конца». «Ступайте,— промолвил, эмир,— я об этом подумаю». Люди удалились.

Эмир в серае говорил своим близким: «Никому из вельмож не по сердцу оказалось это дело, только Тилаку стало совестно и он выступил». Эмир

негласно послал к Тилаку дебира Ираки, передал ему на словах [свое] благоволение и сообщил: «От нас, мол, то не скрыто, о чем ты сегодня говорил. Слова твои совсем не понравились людям, которые около нас находились, нынче ты их потрепал [за ухо]; делать нечего, нам приходится с тобой согласиться. Завтра мы назначим [тебя] на эту должность, сделаем, что возможно и дадим тебе большие средства [109], бессчетное число людей и значительное количество снаряжения, дабы сие дело было сделано твоей рукой, и ослушник пал без хвастовства и бахвальства вельмож, а ты стал бы еще именитей. Ведь этим людям совсем не по душе, когда мы возвышаем кого-нибудь, дабы мы постоянно в них нуждались, а они ничего бы не делали. Твое возвышение их очень испугало. Теперь поусердствуй как следует в этом деле, на которое, ты сказал, пойдешь. Ошибка, которая произошла, случилась по их наговору и наущению, и минувшего уже не воротишь». Тилак облобызал землю и ответил: «Ежели бы слуга [государя] не видел, чем сие кончится, он не решился бы явить смелость в столь

высоком собрании, Теперь я испрошу все, что на этот случай потребуется, составлю список, дабы его представили на высочайшее усмотрение, и я вскорости отправился бы повергнуть ниц того забытого богом». Ираки возвратился обратно и передал [эти слова] эмиру. Эмир сказал: «Очень хорошо, надобно написать». Ираки порадел этому делу и представил на усмотрение эмира список, который Тилак подробно составил согласно своему желанию.

/***406***/ Эмир развязал Тилаку руки: как только он минует Пажпажан [110], он волен поступать, как хочет, заручившись дружбой индийцев. Через Ираки он сообщил начальнику посольского дивана, чтобы написали Тилаку жалованную грамоту и письма. У Бу Насра было обыкновение в таких случаях прилагать все свое старание к тому, что повелевали владельцы престола, дабы [потом] не поплатиться [111]. Все, что требовалось написать, было написано. Придворной знати это предприятие казалось легкомысленным, но *выстрел произошел без стрелка* и причиной смерти Ахмеда Йинал-тегина

сделался этот человек, как я расскажу в своем месте. Однако сперва я исполню правило бытописания и расскажу, каковы были обстоятельства жизни и дела Тилака от начала и до того **[363]** времени, когда он достиг сей степени, потому что от писания таких вещей приобретается польза.

ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ЖИЗНИ ТИЛАКА ИНДИЙЦА

Тилак был сыном цирюльника, однако красив лицом и внешностью, красноречив и писал прекрасно по-индийски и по-персидски. На долгое время он совершил хождение в Кашмир, учился [там] и научился немного притворству, темным деяниям и чародейству. Оттуда он заявился к Казию Ширазскому, Бу-л-Хасану, и приобрел его доверие, потому что всякий вельможа, раз его увидевший, обязательно очаровывался им. Тилак у него был сборщиком налогов [112], стянул большие средства и был таков [113]. Казий приказал изловить его каким бы ни было способом. Тилак ловко увертывался, покуда его дело не довели до [сведения] великого ходжи Ахмеда, сына Хасана, да будет им доволен Аллах, и

сказали, что он, мол, может унять козни Казия. Ходжа послал приказ с султанской печатью с тремя хейльташами, чтобы, на зло Казию, Тилака доставили ко двору.

Ходжа Ахмед, сын Хасана, выслушав его слова, сообразил, как поступить и согласился записку /***407***/ его хитроумным способом довести до эмира Махмуда, да будет им доволен Аллах, чтобы тот не догадался, что подстроил [это] ходжа. Эмир велел ходже выслушать доклад Тилака, и Казий попал в жестокую беду. Когда эта стычка миновала, Тилак сделался [одним] из самых близких доверенных лиц ходжи. Ходжа сделал его дебиром и толмачем [для сношений] с индийцами, подобно тому как Бирбал в нашем диване, и дело его пошло в гору. В диване ходжи я, Бу-л-Фазл, видел его стоящим на ногах [твердо], ибо, помимо того, что он был дебир и толмач, он относил и приносил устные сообщения [государя] и исполнял их весьма хорошо.

Когда ходжу постигло несчастье, о коем я рассказывал, и эмир Махмуд вызвал его работников

и дебиров, чтобы достойных назначить на службу при дворе, он одобрил Тилака, и Тилак сделался помощником [султанского] толмача Бехрама. Он был моложе и речистей, а эмиру Махмуду такие люди были нужны. Дело его расцвело. Втайне он оказывал добрые услуги султану Мас'уду: всех индийцев Катура [114] и часть, живущих вне его [115] он связал обязательством поддерживать его. При таком падишахе, как Махмуд, он подвергал себя весьма большой опасности. Когда шах Мас'уд из Герата прибыл в Балх, и дела государства пришли в порядок, а Сондара, сипахсалара индийских войск, уже не было в живых, он обласкал Тилака, пожаловал ему золотой халат, повесил ему на шею золотое ожерелье, осыпанное самоцветными камнями, и дал ему хейль. Тилак сделался именитым человеком, построил [себе] маленькое сераперде и зонт; при нем играли на тамбаке, барабане, **[364]** какой в обычае у индийских предводителей, к тому прибавилось знамя с манджуком *и тому подобное*. Значение его поднялось столь высоко, что он стал заседать с вельможами в негласных совещаниях,

обдумывал мероприятия, покуда не взялся за такое дело, как я указал об Ахмеде Йинал-тегине, чтобы его прикончить. Счастье и удача помогли, и он справился. *Всякому делу есть причина и люди зависят от нее*. Мудрые люди такие случаи не считают странными, ибо никто не родится от матери уважаемым. [Уважения] достигают мужи, но при условии, что оставляют [по себе] добрую память. Тилак был человек деятельный и нрав являл похвальный. Покуда он жил, ему не вредило, что был он сын цирюльника. А будь он при том душевном складе, уме и помыслах /***408***/ еще и родовит, было бы лучше, ибо знатность происхождения и личные заслуги — весьма хороши, однако [одна только] знатность гроша не стоит, ежели у человека нет превосходства в знании и почтенных нравственных качествах, прирожденных и благоприобретенных, и все речи коего сводятся к тому, что, мол, отец мой был вот какой. Один стихотворец прекрасно сказал:

*Коль говоря о знатности рода, ты б о заслугах сказал,
Тогда б ты был прав, но отцы сынов нехороших родили*.

О личных заслугах и знатности рода я помнил несколько стихов из Джерира [116] и Мутанабби: [117]

Самородка к главенству ведет его дух,
И знамя его — нападенье и натиск.
Дух повелителем славным ставит его*.
И последнее слово о знатности рода невежды:
*Коль кто-либо жив лишь славой предков умерших,
То мертвые предки живы, а сам он мертвец.
Ты говоришь: построено зданье потомкам!
Ты сие зданье низверг, не сделав другого.
Ведь каждый, кто обладает домом высоким,
И он его разорит, у того дома нет*.

Я читал, что один безвестный человек пришел к Яхье, сыну Халида Бармеки. Происходило общее собрание разного рода мужей, одаренных и ничем не выдающихся. Человек тот заговорил и начал рассыпать самоцветы и раскрывать жемчужницы. В некоторых из присутствующих знатного рода он вызвал зависть и гнев, они сказали: «Да будет долгой жизнь везира! Жаль [нам] этого человека, вот кабы он был родовит!* Яхья, улыбнувшись, ответил: «*Он сам по себе высоко родовит*». И он человека возвысил, и тот сделался одним из замечательных мужей [своего] времени. А в наше время имеются

мужи знатного происхождения, [обладатели] золотой конской сбруи, драгоценных одежд, [белой] седельной крышки и наседельного чепрака [118], но которые, когда им **[365]** доведется повести речь и показать [свое] знание и умение, напоминают осла на льду и только и могут сказать: «Вот, какой у меня был отец и сделал он то-то». Главное при этом, что люди ученые и умелые страдают от их наговоров и высокомерия. *Способности дарует Аллах!*.

/***409***/ Когда покончили с письмами и распоряжениями для Тилака, эмир Мас'уд, да будет им доволен Аллах, приказал справить ему очень драгоценный халат и к тому халату — литавру и значок. Тилак надел на себя халат, и эмир обласкал его милостивыми словами и оказал ему много любезности. На другой день Тилак в полной готовности явился в [сад] Баг-и Пирузи и эмир выехал для того, чтобы мимо него прошло индийское войско, много конных и пеших в полном вооружении, а [также] дворцовая конница, которая была назначена [пойти] с ним — отряд хорошо снаряженный. Казий Ширазский писал, что людей

там достаточно, надобен [только] от [султанского] двора салар именитый. Салар сошел с коня, облобызал землю и опять сел верхом. Коня ему выкликнули как салару индийцев. Выступил он в среду, в половине месяца джумада-л-ухра [119].

В сей же день, в час предзакатной молитвы, эмир снова возвратился в город, в Кушк-и Довлет, а на следующий день поехал в Кушк-и Сепид и там три дня развлекался, играл в човган и пил вино. Потом он приехал в Баг-и Махмуди, и туда же перевели обозы. Там он пробыл до половины месяца раджаба [120] и [затем] решил оттуда поехать в Газнийскую крепость. [Там] гостей принимал кутзал [крепости] серхенг Бу Али. Приехал туда [эмир] в четверг, двадцать третьего числа месяца раджаба [121] и пребывал там четыре дня. Один день он был гостем серхенга кутвала, а на другой день свита была в гостях у эмира. На следующий день [эмир] уединился. Говорили, будто он давал тайные распоряжения насчет казнохранилищ, потому что приближался отъезд. Пил вино с недимами и мутрибами, а в первый день месяца ша'бана [122] он

вернулся в город в старый Махмудов кушк, а во вторник, двадцать пятого числа месяца ша'бана [123] эмир с утра, после приема, пировал с недимами в приемной суффе.

Гулям, которого звали Нуш-тегин Новбати, из числа тех гулямов, коих привел эмир Махмуд в то время, когда имел свидание с Кадыр-ханом, был гулям, подобный сотне тысяч красавцев, краше и пригожей коего человека не видывали. Эмир Махмуд велел держать его в числе самых близких гулямов, ибо тот был еще мальчик и [эмир] задумал возвысить его до степени Аяза, умершего в Пушенге, потому что вдобавок к красивой внешности он был еще живой и веселого нрава. Когда Махмуд скончался, его сын Мухаммед, приехав в Газну и сев на престол, возвысил Нуш-тегина, повелел ему быть отведывателем [124] /***410***/ и виночерпием и подарил ему безмерно много добра [125]. Когда пора его царствования пришла, к концу, Нуш-тегина возвысил его брат, султан **[366]** Мас'уд, до такой степени, что пожаловал ему [управление] области Гузтанан. К гуляму, к слуге, ставшему близким, приставили двух

слуг, дабы они поочередно, ночью и днем, находились при нем. О всех его делах заботился служитель Икбаль Зарриндест, дворецкий [126].

По воле судьбы случилось так, что Бу На'им, недим, увлеченный разговорами об этом турке, на пиру часто украдкой на него поглядывал. Государь это заметил и намотал на ус. В тот день ненароком вышло так, что у Бу На'има еще не прошло ночное опьянение и у эмира тоже. Эмир дал Нуш-тегину пучок левкоев и белых лилий и сказал: «Передай Бу На'иму». Тот передал, а Бу На'им ущипнул пальцами Нуш-тегина за руку. «Что за непристойность щипать дерзкими пальцами за руку султанского гуляма!» — закричал Нуш-тегин. От этого эмир вспылил страшно и [только] господу богу, да славится поминание его, могло быть ведомо, как обстояло дело, ибо никто не в состоянии знать мысли и воображение царей. «Ты что же, — крикнул он Бу На'иму, — пришел к нам грешить с гулямами?!» Бу На'им ответил грубо, он был весьма резок: «Когда государь видел от меня подобное? Коль он мной наскучился, то можно найти повод [отделаться]

более приятный, чем этот». Эмир пришел в ярость, приказал выволокнуть Бу На'има за ноги и запереть в келье, а Икбалю сказал: «Все, что у этой дерзкой собаки есть немого и говорящего, все отдаю Нуш-тегину!» Люди пошли, захватили его серай и отобрали все его богатства.

В час предзакатной молитвы того же дня Икбаль явился в наш диван вместе с Нуш-тегином и получил письма и жалованную грамоту с царскими печатями, чтобы все имущество и имения [127] Бу На'има в Систане и прочих местах отобрали и передали людям Нуш-тегина. Бу На'им довольно долгое время оставался в опале, так что доходы с урожая в тех имениях [128] доставались Нуш-тегину. Но подул благоприятный ветерок, за Бу На'има стали ходатайствовать, покуда эмир не умиротворился. Он велел Бу На'има из крепости отправить домой. Потом позвал его, подарил ему халат, воззратил обратно его имения и наградил десятью тысячами динаров, дабы он завел себе убранства, гулямов и животных, ибо все у него отобрали. Время от времени я слышал, что эмир на пиршествах спрашивал Бу На'има:

«Поглядываешь на Нуш-тегина?!». Тот отвечал: «От одного того взгляда мне не больно сладко пришлось, /***411***/ чтобы еще [на него] поглядывать». А эмир смеялся. Никто не видывал государя великодушней и милосердней, да будет над ним милость Аллаха, и не читал. Затем эмир сделал Нуш-тегина, помимо двух должностей, кои он исправлял, еще и хранителем чернильного прибора, и он сделался очень видным, так что, когда у него начали пробиваться усы и борода и он возмужал [129], [эмир] возвысил его до начальствования над войсками, и люди начали распевать стихи Саби [130], **[367]** который сочинил их в ту пору, когда эмир Ирака Му'изз ад-довле [131] послал Тегина-джамедара на должность салара войска, стихи:

Мальцу нежнотелому, кто сосет по щекам текущие слезы,
Столь на девицу похожему, что вот-вот округлятся груди,
Препоясали чресла мечом, так что тяжесть согнула его,
Полководцем назвали, и сгинули всадники, коих он вел.

Потом Бу На'им и Нуш-тегин Новбати совершали дела, покуда оба не померли. Так [проходит] над головой человеческой горячая и холодная пора. В

своем месте о том будет рассказано, а здесь довольно и этого. В субботу, шестнадцатого дня месяца ша'бана [132], эмир, да будет им доволен Аллах, поехал на охоту в Жех. За неделю до [этого туда] отправились люди, чтобы собрать хашар для облавы на зверей. Добычи было взято много, и охота прошла прекрасно. Эмир возвратился обратно в Баг-и Махмуди. За два дня до конца месяца ша'бана [133] из Ниша-бура приехал сахиб-диван Бу-л-Фазл Сури Му'изз. Он предстал пред лицо [султана], поклонился ему и поднес тысячу динаров нишабурских и очень дорогое жемчужное ожерелье. Эмир из Баг-и Махмуди снова переехал в старый отцовский кушк в городе в субботу, в первый день месяца рамазана [134]. Начали пост.

В третий день месяца рамазана [эмиру] представили подарки, которые заготовил сахиб-диван Хорасана — пятьсот химлей [135]. Я видел [подобное] у Хасанека, он привез в таком же роде для эмира Махмуда в том году, когда возвратился из хаджжа и из Нишабура приехал в Балх. В этом приношении Сури было столь много тканей, редкостных

предметов, золотых и серебряных, гулямов, /***412***/ девушек-невольниц, мускуса и камфоры, ююбы и жемчуга, ковров-махфури, ковров-кали, соболей [136] и разного добра, что эмир и присутствующие остались в изумлении, потому что Сури добывал самое редкостное во всех городах Хорасана, в Багдаде, Рее, Джибале, Гургане и Табаристане; и соответственно— яства и вина. Золотые монеты были в шелковых мешочках, красных и зеленых, а серебряные — в желтых дидари. От мустовфия Бу Мансура я слышал, а он был человек надежный и в делах честный, комар носа не подточит, с открытой душой и светлым умом, он говорил: «Эмир велел тайным образом сделать оценку этих даров, вышло четырежды тысяча тысяч диремов. Эмир сказал мне, Бу Мансуру: «Добрый слуга этот Сури, будь у меня двое-трое таких слуг, получалось бы много прибытку».— «Точно так»,— ответил я, но не решился сказать: «Надо бы спросить у хорасанских раиятов, благородных и простых, сколько им доставлено мученья, покуда заготавливались такие

дары. Завтра объявится, каково будет последствие этого дела».

И впрямь было так, как сказал Бу Мансур, что Сури — человек необузданный и тиран. Когда ему развязали руки в Хорасане, он разорил всех вельмож и рейсов и отобрал [у них] без меры добра [137], а зла **[368]** от его тиранства пало на бедняков [138]. Из того, что он забирает, он пять диремов из десяти отдает султану. Знать извелась и начала писать письма в Мавераннахр, посылать послов к турецким вельможам и упрашивать, чтобы они побудили туркмен [занять Хорасан]; бедняки же жаловались на свое положение господу богу, да славится поминание его. У осведомителей не доставало смелости писать правду о деяниях Сури, а эмир ничьих слов о нем не слушал и любовался его чрезмерными подношениями до тех пор, пока Хорасан взаправду не пропал из-за тиранства и лихоимства Сури. Когда случился разгром [139], Сури прибыл к нам в Газну и в пору царствования Мавдуда исправлял должность сахиб-дивана столицы Газны. Он хотел было пойти тем же путем выколачивания [средств из народа], но

не пошел: руки ему укоротили.. Конец этого человека был таков, что ему пришлось умереть в Газнийской крепости, как будет рассказано в своем месте. Да смилуется над ним господь бог, велик он и всемогущ, дело его попало к судье справедливому и милосердному.

/***413***/ Может быть, ему зачтется, что несмотря на тиранство, он был человек щедрый на милостыню и богомольный, и в Тусе есть много следов его добрых деяний. Между прочим, к гробнице Али, сына Мусы, ар-Ризы, привет ему, которую благоустроил Бу Бекр Шахмерд, кедхудай Фаика, личного царского слуги, Сури приказал сделать много добавлений: возвел минарет, деревню купил знатную [140] и обратил ее в вакф [святыни]; в Нишабуре мусаллу устроил такую, какую ни в какие времена эмиры не устраивали; она и посейчас существует. Между околотками Балакабад и Хей'ати есть маленькая речка. Весной в нее низвергался многоводный сейль, и оттого мусульманам причинялсоь много ущерба. Сури распорядился сделать облицовочную кладку из камня и обожженного кирпича, и разрушение

прекратилось. Эти два предмета он обратил в вакф, дабы их не забросили. В рабате Феравы и в Нисе он тоже приказал соорудить важные постройки и они сейчас на месте. Все это есть, однако я убежден в том, что многое из этого — ничто против насилия, чинимого над слабым. Очень хорошо сказал стихотворец:

*Как воровка гранатов из кучи соседа,
Привыкнув к довольству, алчет еще утащить*.

Красть хлеб у соседей и отдавать соседям, [об этом] в божественном законе не сказано. Не понимаю, что находят молодые люди на сем свете, чтобы карабкаться вверх, стяжать горсть благ мирских, ради них проливать кровь и бороться, а потом так просто все кинуть и с болью в сердце уйти. *Да окажет [нам] внимание господь бог, славно поминание его, по любви и щедрости своей!*.

Бу-л-Фазл Джумахи [141] под конец дней [деятельности] Сури отправился в Нишабур на должность начальника почты по приказу эмира **[369]** Мас'уда, да будет им доволен Аллах, Об

обстоятельствах, жизни сего достойного человека упоминается в нескольких местах нашей «Истории». Великий ходжа Ахмед, сын Абдассамада, очень его уважал и ценил и дал ему негласное распоряжение осведомлять беспристрастно о том, что исходит от Сури. И он это делал. Сури стал искать отмстить Бу-л-Фазлу Джумахи, однако его письма влияли на сердце эмира, и [Бу-л-Фазл] еще откровенней писал названному везиру. Однажды он прислал везиру несколько бейтов, я их видел, и два-три бейта, которые запомнил, [здесь] сообщаю. Везир ухитрился довести стихи до слуха эмира, ибо они были обращены к нему. Вот стихи:

Ты взгляни, повелитель, на Хорасан, /***414***/
Откуда Сури привозит богатства.
Коль зловещая длань продолжит грабеж,
Хлопот причинит он тебе немало.
Какое бы дело ему ты не дал,
Его он свершит как плутяга пастух [142].

Кончилось тем, что пришли неприятели и захватили Хорасан, как будет «писано дальше.

В связи с этим мне вспомнился очень замечательный и поучительный рассказ. Я счел нужным написать его, дабы читатели получили пользу, ибо подобного тому, что натворил Сури, на свете много, хотя речь [моя] и растянется.

Рассказ

В преданиях о халифах я читал, что когда семейство Бармеки достигло высокого положения и повелитель верующих Харун ар-Рашид назвал Яхью, сына Халида Бармеки, отцом, а двух сыновей, Фазла и Джа'фара, возвысил и поднял, как известно, до больших степеней, выступил некий потомок Али, захватил Гурган, Табаристан и все Гилянские горы, и дело его сильно окрепло. Харун встревожился, ибо читал в книгах, что первый ущерб халифата дома Аббаса произойдет оттого, что на Табаристанской земле появится некий мятежник из потомков Али. Поэтому он призвал Яхью Бармеки, уединился с ним и сказал: «Произошло то-то. Это не такое дело, кое можно уладить с помощью какого-нибудь салара. Или мне придется пойти, или тебе, или одному из

твоих сыновей, Фазлу или Джа'фару». Яхья ответил: «Никак не годится, чтобы повелитель верующих выступал на всякого мятежника, который объявится. Я останусь при государе, дабы распоряжаться людьми и деньгами [143], а сыновья мои Фазл и Джа'фар ждут высочайшего повеления, что [государь] прикажет». «Надобно пойти Фазлу,— сказал [Харун],— и надо препоручить ему владения Хорасан, Рей, Джи-баль, Хорезм, Сиетан и Мавераннахр, дабы он сел в Рее, а **[370]** заместителей [своих] послал /***415***/ по городам, взялся бы за дело этого мятежника и избавил [нас] от него войной или миром. Нужно устроить дело Фазла и его рати так, чтобы он завтра же надел халат [144], а послезавтра отправился и остановился в Нахрване [145], покуда к нему подойдут войска. Подмога и достаточное снаряжение». «Слушаюсь и повинуюсь,— ответил Яхья,— удалился, все, что требовалось приготовил. И наедине сказал Фазлу: «Сын мой, на великое дело изволил послать тебя халиф и удостоил он тебя превысокой степени на этом свете, но [подвергнет] сильному наказанию на том свете, потому что тебе

придется разгромить одного из потомков пророка, привет ему! Однако, кроме повиновения, выхода нет, чтобы не уронить себя в глазах нашего государя; у нас и так много врагов и нас подозревают в [сочувствии] к дому Али». «Не тревожься,— ответил Фазл, — я постараюсь, чтобы дело кончилось миром, хотя бы мне сие стоило жизни».

На другой день Яхья и Фазл предстали пред [лицо халифа]. Харун ар-Рашид закрепил копье и знамя Хорасана за Фазлом и [их] вместе с жалованной грамотой вручили ему. Все придворные вельможи отправились к нему и его поздравили. На другой день он выступил, дошел до Нахрвана и там простоял три дня, покуда к нему не подошли пятьдесят тысяч конницы, салары и предводители. Он прибыл в Рей, там расположился и выслал передовой полк в двадцать тысяч всадников по дороге на Денбавенд [146] в Табаристане и войска с другими главарями двинул дальше в Хорасан.

Фазл часто посылал послов к Яхье [147], из дома Али, любезно переговаривался с ним, покуда тот не

согласился на мир с условием, что Харун пришлет ему обязательство, написанное собственноручно по образцу, составленному [Яхьей]. Фазл сообщил о положении, и Харун ар-Рашид согласился и очень обрадовался. Яхья послал образец с послом из числа надежных своих людей. Харун переписал его своей рукой, а казии и свидетели заверили после того, как он произнес слова клятвы. Яхья на этом успокоился, приехал к Фазлу; ему оказали большие почести и он отправился в Богдад. Харун его обласкал и подарил ему множество добра [148]. Фазл двинулся в Хорасан и пробыл там два года. Он раздал большие средства паломникам и стихотворцам, а после попросил его уволить в отставку и ее получил. Он возвратился обратно и Багдад, и Харун оказал ему столько благоволения, что не было предела. Рассказывать о том, каковы были обстоятельства жизни потомка Али — долго [149]; цель /***416***/ наша заключается в ином, а не в жизнеописании потомка Али.

Фазл привез Рашиду дары, как положено. Потом [Харун ар-Рашид] захотел послать в Хорасан салара и выбор его пал на Али, сына Исы. сына Махана [150].

Он сказал [об этом] Яхье [Бармеки] и спросил его мнение. Яхья [Бармеки] ответил: «Воля государя, Али — насильник и **[371]** тиран»,—а положение семьи Бармеки уже покачнулось. Рашид на зло Яхье [Бармеки] послал в Хорасан Али, сына Исы. Али дал себе волю и начал силой собирать огромные богатства [151], но никто не осмеливался [об этом] заявлять. Осведомители писали к Яхье, тот, выждав удобный случай, ухитрялся кое-что доводить до слуха Рашида. Он побудил одного жалобщика внезапно на пути предстать пред лицо халифа, но никакой пользы это не принесло. Дело дошло до того, что Рашид побожился, всякого, кто будет жаловаться на Али, отсылать к нему. Яхья [Бармеки] и все люди замолчали. Али разорил и поверг в нищету Хорасан, Мавераннахр, Рей, Джибаль, Гурган, Табаристан, Керман, Исфаган, Хорезм, Нимруз и Систан [152] и награбил столько, что [награбленному] не было ни предела, ни счета. Потом он приготовил приношение для Рашида, какое ни до него, ни после никто не приготавливал. Дары

прибыли в Багдад и список их представили Рашиду. Он возликовал и остался в изумлении.

Фазл, сын Раби, старший хаджиб, усердствовал в нетерпимости к семейству Бармеки и поддерживал Али, сына Исы. Рашид спросил Фазла [Раби], что следует сделать с дарами, прибывшими; из Хорасана. «Государю надобно сесть и посмотреть на [них],— ответил тот,— а Яхью и сыновей его с прочими слугами [тоже] посадить или поставить около [себя], покуда будут представлять, дары, дабы сердца у семейства Бармеки разорвались, и людям знатным и простым стало ясно, какой они учинили обман; ведь Фазл, сын Яхьи, привез из Хорасана такое, приношение, что какой-нибудь амиль из одного города привозит больше». Этот совет пришелся Рашиду сильно по душе, /***417***/ ибо он был сердит на семейство Бармеки, и его могущество уже почти пришло к концу.

На другой день [халиф] прибыл на площадь-хазру и сел [там]; Яхью [Бармеки] и двух его сыновей, Фазла, сына Раби, и других людей он посадил, а

некоторые стояли. Дары доставили на площадь: тысячу турецких гулямов, в руках у каждого по две [штуки?] ткани цветной шуштарской, исфаганской, скарлатной, мульхама парчового, узорочного шелка турецкого и дидари и разного другого рода. Гулямы с этими тканями остановились. Вслед за ними явилась тысяча турецких девушек-невольниц, в руках у каждой по золотому или серебряному кубку, полному мускуса, камфоры, амбры и всяческих благовоний, и редкостные изделия [разных] городов, [затем] сто индийских гулямов и сто индийских девушек чрезвычайно миловидных с надетыми дорогими индийскими чалмами — у гулямов были клинки самые отборные, а у девушек тонкие чалмы в прекраснейших корзинках из тростника — и при них вели пять слонов и двух слоних — самцы в уборе из узорочного шелка с золотыми и серебряными зеркалами, а самки с золотыми балдахинами, с подпругами и сбруей, осыпанной бадахшанскими самоцветами и бирюзой; гилянские кони и двести хорасанских коней с попонами из **[372]** узорочного шелка; двадцать [ловчих] орлов и двадцать соколов;

привели тысячу мулов — двести с вьючными седлами и шелковой сбруей, с натянутыми на седла узорочными шелками, с красивыми вещевыми кошелями; триста мулов с носилками и люльками, двадцать— с золочеными люльками; пятьсот тысяч триста штук разного рода стеклянных изделий; сто пар быков [153]; двадцать очень дорогих ожерелий и триста тысяч штук [рассыпного] жемчуга, двести предметов китайского фарфора — больших блюд, чаш и прочего, каким не обладал ни один падишах; две тысячи других фарфоровых изделий — тарелок, больших мисок, фарфоровых кувшинов больших и малых и разного другого; двести штук ковров кали и двести штук ковров махфури.

Когда это разнообразное богатство доставили в присутствие халифа на площадь, войска издали клич: «Велик Аллах!», забили в барабаны и затрубили в рога, как никто подобного не помнил, не читал и не слыхал, Харун ар-Рашид повернулся к Яхье Бармеки и спросил: «Где все это было в пору [эмирства] твоего сына Фазла?» Яхья ответил: «Да будет долгой жизнь повелителя верующих! Все это в пору /***418***/

эмирства сына моего находилось в домах владельцев этих вещей в городах Иракаг и Хорасана». От такого ответа Харун ар-Рашид сильно нахмурился; очарование даров исчезло. Он сделал кислое лицо, встал и уехал с той хазры. Все вещи увезли из собрания на площади и распределили по-казнохранилищам, дворцам, конюшням и конюхам. А халиф сидел, весьма подавленный словами Яхьи, ибо Харун ар-Рашид был человек разумный и понимал глубину [дела].

Когда Яхья вернулся домой, его сыновья Фазл и Джа'фар сказали ему: «Мы слуги и негоже нам возражать против слов и мнения; отца, [но] мы очень боимся за те слишком смелые слова, которые ты сказал халифу. Надо было бы вложить в них больше мягкости и осторожности». «Дети мои,— ответил [Яхья],— мы уже мертвецы, наше дело пришло к концу. Причина несчастья — после божьего приговора — вы [сами]. Покуда я жив, я непременно буду говорить правду и не стану льстить и заискивать, ибо обманом и плутовством от судьбы не уйдешь, ведь говорят: *ежели срок пришел к концу,

то и в уловке смерть*. То, что я сказал сегодня ночью, будет вертеться в голове этого самовластного человека, а завтра он обязательно заговорит на этот счет и запросит просвещенного мнения. О чем будет идти речь, я вам сообщу. Ступайте и не тревожьтесь». Они удалились очень опечаленные, ибо были люди молодые, неискушенные, а тот был старик опытный, видавший свет.

Он спокойно потрапезовал с приятелями, потом вошел в серай, остался наедине, потребовал руд и девушку и стал попивать вино. Была книга, название коей было «Тонкости ухищрений людей способных» [154], он потребовал и ее и, потихоньку попивая, благодушно внимал. **[373]** пению и музыке и почитывал книгу, покуда не прошел остаток дня и половина ночи. Затем он сказал про себя: «Придумал!» — и лег почивать.

Наутро он встал и пошел на поклон [к халифу]. Когда Харун ар-Рашид закрыл прием, он остался вдвоем с Яхьей и сказал: «Отец, как можно было обращаться ко мне со столь грубыми словами,

которые ты мне сказал вчера?» Яхья ответил: «Да будет долгой жизнь государя! Слова правды и истины были и есть суровы. /***419***/ В прежнее время за это хвалили, а ныне стало иначе; таков обманчивый мир, он не сохраняет одно и то же положение. Хотя завистники изменили мнение государя обо мне и я замечаю следы отчуждения и перемены, я все же, покуда нахожусь у дел, не прекращу подавать советы и неблагодарностью не отплачу».— «Не говори таких слов, отец,— промолвил Харун,— и не сердись, ибо отношусь я к тебе и к сыновьям твоим так же, как и раньше. Советы не прекращай, ибо они правильны и замечательны, все они мне по душе и заслуживают одобрения. То, что ты мне вчера сказал, очень повлияло на мое сердце. Нужно, чтобы ты рассказал обстоятельно, дабы [все] стало ясно». Яхья поднялся, облобызал землю, сел и сказал: «Да будет долгой жизнь государя! Подробности того, что говорил вчера, я могу рассказать сегодня [только] частью, но большая часть самым пространным образом будет доложена завтра». «Ладно»,— согласился [халиф]. Яхья рассказал: «Государь

развязал руки Али, дабы он мог делать, что хочет. Осведомителям не хватает смелости доносить обо всем, что происходит, ибо двух человек, коих я, слуга [твой], назначил тайком, он убил, хорасанских раиятов извел, а сильных и знатных разорил, деревни и имения [155] отнял и рать государеву обратил в нищих. А Хорасан —страна большая, и враг, подобный туркам, близок. Не стоит глядеть на эти дары, присланные им, ибо из десяти диремов, которые он отнял, он прислал сюда два-три; а нужно ожидать, что с часу на час стрясется беда, которую нельзя будет исправить. Ведь хорасанский народ, отчаявшись в государе, протянет руки к господу богу, да славится поминание его, поднимет великую смуту и будет просить помощи у турок. Боюсь, что дело зайдет столь далеко, что государю самому придется отправиться, чтобы его уладить, и за каждый дирем, присланный Али, придется издержать пятьдесят диремов или больше, покуда смута не утихнет. Слуга [твой] сказал все, что знал, и снял с себя ответственность. Повелеть надлежит государю. А завтра я приведу образец и доказательство еще

более ясное». «Да, это так, как ты говоришь, отец, *да вознаградит тебя Аллах добром*,—ответил Харун ар-Рашид,—то, что нужно, будет сделано. Ступай и исполни, что обещал».

Ободренный Яхья удалился и рассказал сыновьям Фазлу и Джа'фару, что происходило. Те обрадовались. Яхья послал кого-то **[374]** позвать десять багдадских продавцов драгоценностей, самых богатых, /***420***/ и сказал [им]: «Халифу требуется на тридцать раз тысяча тысяч диремов самоцветных камней, самых редкостных и дорогих». «Очень хорошо,—ответили они,— благодаря могуществу государя и правосудию его, ежели кто-нибудь захочет на тридцать раз тысяча тысяч динаров самоцветных камней, в Багдаде найдется. У нас у десятерых есть, сколько [халифу] потребно, даже больше есть». «Да благословит вас Аллах,— сказал Яхья,— ступайте и приходите завтра во дворец с драгоценными камнями, вас представят пред лицом халифа и то, что высочайшее мнение сочтет нужным, будет исполнено».

Продавцы драгоценностей удалились и на другой день явились во дворец с ларцами самоцветных камней. Яхья испросил негласного приема у Харун ар-Рашида. Это было сделано. Их привели [к халифу] с драгоценностями. Они показали их и халиф одобрил. Яхья дал продавцам расписку на двадцать восемь раз тысяча тысяч диремов, а Харун ар-Рашид скрепил ее халифской печатью и сказал: «Ступайте, покуда я подумаю, что надлежит сделать на сей счет, а завтра приходите к Яхье, он исполнит то, что я прикажу». Торговцы драгоценностями удалились, а ларцы заперли на замок, опечатали и оставили в казнохранилище. «Что значит то, что ты сделал, отец?— спросил Харув ар-Рашид. [Яхья] ответил: «Да будет долгой жизнь государя! Придержи драгоценности до завтра, покамест я отниму расписку и разорву. Владельцы драгоценностей не посмеют слова сказать. Ежели они придут с жалобой к государю, пусть он направит их ко мне за ответом». «Это мы можем сделать,— промолвил Харун,— но как мы оправдаемся перед богом, да славится поминание его, в день страшного суда? Раияты и

чужеземцы убегут из этой страны, и мы будем опозорены на весь мир». «Так ведь таково же положение Али, сына Исы, в Хорасане, как я указывал,— заметил Яхья,— ежели государь не допускает, чтобы на него жаловались десять человек и пострадали, то почему же он допускает, чтобы сто [раз] тысяча тысяч мусульман были повергнуты в горе из-за одного его правителя и желали ему зла?» «Ай да отец, слава тебе! Ты хорошо придумал. Иди домой, отдай драгоценности владельцам, а я знаю, что нужно сделать с этим притеснителем Али, сыном Исы». Яхья удалился. На другой день пришли торговцы драгоценностями. [Яхья] приказал вернуть им ларцы, запертые на замок и опечатанные, куплю-продажу отменили и расписку взяли обратно. [Яхья] сказал: «Этот товар не свободен, когда прибудут караваньт с химлем из Египта и Сирии, драгоценности будут куплены». Они пожелали добра и ушли.

Это происшествие запало на сердце Рашида и он стал обдумывать, /***421***/ как устранить Али. Но могуществу семейства Бармеки пришел конец — [халиф]

расправился с ними, как хорошо известно. В **[375]** Мавераннахре восстал Рафи, сын Лейса, сына Насра, сына Сейяра, [156] который от лица Али, сына Исы, был там эмиром. К нему отправилось из Мерва множество влиятельных людей [157], а при нем находилось большое войско, и из Мавераннахра. вокруг него собралось множество [народа] и пошло с ним. Весь Хорасан преисполнился смуты. Несколько отрядов войск, коих посылал Али, сын Исы, были разбиты. Дело дошло до того, что он попросил помощи от Харуна. Харун отправил на подмогу Али, [сыну] Исы, Харсаму А'йана с большой ратью, тайно с ним согласился и дал ему собственноручно написанную жалованную грамоту на управление [158], дабы он неожиданно схватил Али, заковал и заставил бы его справедливо удовлетворить хорасанских раиятов. Затем отослал бы его в Багдад и занялся бы делом Рафи, дабы покончить с ним войной или миром.

Харсама выступил, в Мерве внезапно схватил Али, отобрал все что у него было, а затем в оковах с одним из слуг Рашида отправил в Багдад. Харсама

несколько прибрал к рукам Хорасан, но дело Рафи с каждым днем крепчало, и Харсама оказался бессилен с ним справиться, покуда Рашиду не пришлось самому отправиться с большой ратью, но с пришедшей к концу закваской жизни и недужной плотью. Сын его Ма'мун шел в передовом полку. В этом походе [халиф] не раз говорил: «Жаль семейство Бармеки! Ныне мне вспоминаются слова Яхьи. Да будут у халифов везиры, подобные Яхье!» Конец его был такой: Ма'мун дошел до Мерва и там остановился, войско с Харсамой [халиф] отправил в Самарканд. Дойдя до Туса, Харун ар-Рашид там помер.

Рассказ пришел к концу. Такие рассказы я повествую для того, хотя они и растягивают сочинение, что от них получается польза, дабы стало известно. Вот и все [159].

В воскресенье, в десятый день месяца рамазана лета четыреста двадцать пятого [160], пришел один путник из Хорезма и принес маленькую записку, зашитую под чехол дорожной баклажки, от начальника

тамошней почты, в пять строк, /***422***/ отсылающих к путнику, мол, об обстоятельствах следует расспросить его [устно]. Путник рассказал: «Начальник почты говорит, мое, дескать, дело доносить теперь о событиях – это ставит на кон жизнь. Абдалджаббар, сын везиря, схоронился, потому что опасался за жизнь. Его ищут, но не находят, так как он в надежном месте. Харун стал действовать самовластно, устраивает войско, прикупил много гулямов и лошадей и намерен пойти на Мевр. Всех людей ходжи схватили и [имущество их] отобрали в казну [161]. **[376]** Однако хутбу читают по-прежнему — открыто Харун мятежа не объявлял. Он говорит, что Абдалджаббар тени своей боится и бежал от своего же насилия. Меня, начальника почты, держат на моем месте и я служу им. Все, что я буду писать, будет согласно их желанию; пусть знают. Хаджиб Бай-тегин и виночерпий Ай-тегин, Калбак, индийцы и большая часть махмудовских предводителей очень недовольны, но что они могут сделать, когда они не справляются с хейлями. Необходимо принять меры, ежели на это владение

рассчитывают, потому что зловредность Харуна растет с каждым днем, да будет ведомо. Вот и все».

Узнав об этом обстоятельстве, эмир Мас'уд очень забеспокоился. Он уединился с Бу Насром Мишканом и долго с ним беседовал. Порешили на том, чтобы путника отослать обратно и написать письмо предводителям, чтобы они сделали наставления Харуну и уняли его, дабы он не чинил крамолы, ибо, как только высочайшее знамя прибудет в Хорасан, это дело будет улажено. Порешили [также], чтобы эмир приготовился двинуться в Буст, а оттуда пойти в Герат. [Эмир] велел написать письмо ходже Ахмеду, сыну Абдассамада, и [спросить], как он смотрит на эти важные дела, и чтобы он сделал, что необходимо, и от себя [тоже] написал бы [в Хорезм]. Бу Наср остался один и составил записки в Хорезм очень краткие, и эмир украсил их царской печатью. Путнику дали большое вознаграждение, и он отправился в Хорезм. То, что нужно на сей счет, написали везиру. [Ниже] будет отдельная глава о

событиях в Хорезме, более полная. Здесь я обстоятельного сообщения не делаю.

/***423***/ В половине сего же месяца [162] пришло письмо из Лахора, что туда прибыл Ахмед йинал-тегин со множеством народа, что Казий Ширазский и все оставшиеся верными ушли в крепость Манд Какур. Все время происходят бои, округу разоряют и наносят непрерывно вред. Эмир весьма призадумался, ибо тревожился за три стороны: по причине туркмен в Ираке, за Хорезм и за Лахор по причинам, кои я описал.

Пришли также письма из Нишабура, что жители Туса и Баверда, поскольку Сури отлучился, хотят поднять мятеж. Ахмед, сын Али Нуш-тегина, бежавший из Кермана, прибыл туда с теми людьми, кои при нем, и соглашается воевать с ними. Эмир, да будет им доволен Аллах, приказал, чтобы Сури немедленно поехал в Нишабур. [Тот] ответил: «Слушаюсь и повинуюсь!»— и четвертого числа сего месяца [163] ему пожаловали весьма дорогой и прекрасный халат.

Во вторник праздновали. Эмир, да будет им доволен Аллах, приказал устроить все чин чином. Затем был накрыт стол, и эмир велел подать вина к столу царевичей, свиты и военных. Разошлись навеселе. А эмир пировал с недимами, но проявил немного веселья, ибо сердце его было встревожено разными напастями. Пришли очень важные сообщения из Лахора, что Ахмед йинал-тегин взял было крепость, **[377]** но приспело известие что индиец Тилак снарядил сильное войско разного рода и направляется сюда. Этот забытый богом пал духом, а в войске его произошло раздвоение. Эмир тут же на пиру, как только прочитал эти записки, приказал написать Тилаку индийцу письмо и приложить к нему [упомянутые] записки, а также [послать] распоряжение поскорее напасть на Ахмеда. Письмо эмир украсил своей печатью и собственноручно приписал к нему несколько слов весьма сильных, как писал он, по-царски. В ту пору наш диван титуловал Тилака «ал-му'тамад» [164]. Письмо это спешно отправили.

/***424***/ В четверг, восемнадцатого шавваля [165], пришло из Гардиза письмо, что сипахсалар Гази, коего там содержали, скончался. Я слышал так, что в заключении в крепости его содержали очень хорошо, в легких оковах. Кто-то тайком пришел к кутвалу той крепости и сообщил, что Гази хитростью удалось получить большой крепкий нож, и он по ночам делает подкоп, а землю, чтобы не узнали, приминает под шадурваном, который [там] имеется. Днем до вечера он держит подкоп прикрытым. Кутвал пошел в неурочное время, увидел землю, нож и подкоп и стал бранить Гази: «Зачем-де ты это сделал, тебе ведь ни в чем хорошем не отказывают?» Гази отвечал, что вины за ним не было, государя султана понуждали завистники, покуда он не рассердился; что он [Гази] надеялся на высочайшее внимание к нему, а когда его оказано не было и заключение затянулось, он прибегнул к средству, к коему прибегают узники и отчаявшиеся» Ежели бы он освободился, то бросился бы к государю, и тот, конечно, сжалился бы над ним. Кутвал перевел его в другое помещение, усилил бдительность, приказал

замуровать подкоп кирпичом и глиной и донес о происшествии. Обратно пришел ответ, что Гази невиновен, что ему будет оказано царское внимание, когда придет время. Надобно его ободрить и содержать хорошо. От сих слов Гази очень обрадовался. Внимание эмира было ему оказано, однако подоспел приговор смерти, от коего нет спасения ни одному человеку, и он отошел [в иной мир]. *Да будет над ним милость Аллаха*, хороший он был салар.

[ЛЕТОПИСЬ ГОДА ЧЕТЫРЕСТА ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО]

О СУЛТАНСКИХ ПОСЛАХ, ВОЗВРАТИВШИХСЯ ИЗ ТУРКЕСТАНА С БАЛДАХИНОМ И НАРЕЧЕННОЙ, И О ХАНСКИХ ПОСЛАХ, КОИ ПРИЕХАЛИ С НИМИ

Прошло уже почти четыре года с тех пор, как наши послы ходжа Абу-л-Касим Хусейри, недим, и казий Бу Тахир Таббани отправились из Балха в Туркестан для заключения договора с Кадыр-ханом, сватовства одной из его дочерей за султана Мас'уда и одной из дочерей Богра-тегина за царевича эмира Мавдуда.

Они заключили договор и брачные обязательства. Кадыр-хан помер, а Богра-тегин, старший сын [его] и наследник престола, сел ханом в Туркестане /***425***/ и ему присвоили почетное прозвище Арслан-хан. По этой причине случилось междуцарствие, оно заняло много времени, и послы наши оставались там долго. Отсюда были отправлены письма с поздравлением и соболезнованием, как установлено обычаем в подобных случаях.

Когда [положение] в Туркестане и дело ханства упрочилось, наших послов, удовлетворив желания, отправили обратно. Арслан-хан с ними послал [своих] послов и они везли с собой нареченных. По воле судьбы девушка, просватанная за царевича эмира Мавдуда, получила повеление [отойти в иной мир]. Шах-хатун, дочь Кадыр-хана, предназначенную султану Мас'уду, привезли. Доехав до Первана, казий Бу Тахир Таббани там получил повеление [отойти в вечность]. Многое рассказывали по случаю его смерти. Некоторые говорили, что у него случился; сильный понос и он [от него] помер. Другие говорили, что к нему принесли несколько

жареных куриц отравленных; поев их, он помер. *[Никто] не ведает сокровенного, кроме Аллаха, велик он и всемогущ!* Сколь много тайн объявится в день страшного суда, *в день, когда не помогут ни богатство, ни сыновья, разве только кто идет к Аллаху с чистым сердцем* [166]. Большим глупцом я считаю того, кто ради чина и благ мирских решается проливать кровь мусульман. *Сохранит нас Аллах, да славится поминание его, и всех мусульман от запретного и зла его и от подчинения страстям, по всеобъемлющей милости своей и превосходству!*

В пятницу, девятнадцатого дня месяца шавваля [167], город Газну разукрасили как надлежало разукрасить, в таком роде, как видели в **[379]** том году, когда нынешний султан прибыл из Ирака дорогой через Балх. Соорудили столько арок и сделали столько пышных украшений, что нельзя ни определить, ни описать, ибо то была первая царская невеста, которую сюда привезли из Туркестана. Эмир хотел показать туркам такое, подобного которому они никогда не видывали. Когда послы и царская невеста доехали до Шаджгава, был получен [царский]

приказ, чтобы они там остановились. Ходжа Бу-л-Касим, недим, тотчас же прибыл ко двору и предстал пред лицо султана. Ему было оказано большое благоволение, потому что он много потрудился. [Султан] уединился с ним, так что кроме начальника посольского дивана, Бу Насра Мишкана, там никого не было. Негласная беседа затянулась почти до часа предзакатной молитвы, потом [Бу-л-Касим] удалился домой.

На другой день, в понедельник, когда оставалось восемь дней [месяца] шавваля [168], мертебедары, начальник стражи, посольский пристав с заводными конями поехали /***426***/ и привезли ханских послов. Весь город от края до края убрали и украсили и все чин чином устроили. Завидев послов, их осыпали в Афган-Шали, на площади Расуле и на базарах динарами, диремами и всякой всячиной, так что послы остались в изумлении. Их разместили и, приготовив яства, угостили. В час предзакатной молитвы все жены вельмож со слугами отправились встретить нареченную. В Шаджгаве тоже отправился народ большим поездом, так что говорили, такого

никто не помнил. Кушк столь красиво убрали, что Ситти Заррин и Анделиб рассказывали, будто никогда эмир такого великолепия не устраивал и не приказывал. В те дни все _драгоценности и принадлежности царской власти были на месте, да здравствует сия держава навсегда! Несколько дней город находился в убранстве, раияты ликовали, а знать устраивала разного рода игрища и пировала, покуда торжество не кончилось. Через некоторое время после того послы несколько раз побывали в султанском собрании и были установлены обязательства нашей стороны. По оказании им чести присутствовать на угощениях, пиршествах и играх в човган послов по-добру отпустили обратно в Туркестан, вполне ублаготворив.

Отправлены были очень хорошие письма по этим делам. В послании, кое сочинил я, они значатся; ежели бы я привел их здесь, повествование сильно растянулось бы, а сие сочинение и без того тянется. Я знаю, что меня сочтут за нагоняющего скуку. Однако, поскольку я хочу, чтобы правда о сем великом царственном доме была поведана

полностью, ибо ныне у меня перо в руке только ради этой цели, то я, само собой, и исполняю службу.

В четверг, двадцать пятого дня месяца шавваля [169], из Нишабура приехали вестники с письмами от Ахмеда, сына Али Нуш-тегина, и от шихне, что между Нишабуром и жителями Туса исстари существовала **[380]** нетерпимость [друг к другу]. Когда Сури вознамерился поехать в столицу и [туда] отправился, забытые богом [тусцы] стали искать удобный случай. К ним пришло много зловредного народа, чтобы разграбить Нишабур. Случайно туда прибыл через Тун [170] Ахмед, сын Али Нуш-тегина, спасаясь бегством из Кермана. От стыда /***427***/ он остановился там, и к нему было послано письмо, чтобы он явился ко двору. Еще до его отъезда забытые богом [тусцы] подступили к Нишабуру. Ахмед был человек боевой, бывал саларом, а в конном ристании, игре в човган и в лапту был единственным в [свое] время. Поэтому он приготовил прием тусцам. Дорогой через Баж-и Хару [171], Юшкан [172] и Халанджуй [173] подошло много народу, большей частью пешего, в беспорядке, начальником их был некий предводитель Таруди из

руководителей остатков [семейства] Абдарреззаки. [Эти люди] приближались бегом, торопясь, с криками, воплями и шумом, как будто бы все нишабурские караван-сараи растворили ворота, и город не препятствует и не спорит, чтобы караван уплатил свои пошлины, а тусцы навьючили бы [товар] и пошли обратно.

Ахмед, сын Али Нуш-тегина, богатырь, услышав об этом и увидев их в полном беспорядке, сказал своим людям: «Клянусь глазом, они сами пришли к своим могилам! Слушайтесь моего приказа и не торопитесь». «Повелевает эмир, — ответили они, — а мы слушаемся и повинуемся». Простым людям и черни, коих было свыше двадцати тысяч с оружием, дубинами и камнями, он приказал: «Смотрите, не двигайтесь со своих мест и помогайте мне криком, ибо ежели кучка из вас неосторожно выступит вперед, тусцы ее одолеют. А нишабурцы падут духом, ежели несколько человек из простого народа будут разбиты». «Сделаем так»,— отвечали те, остались на месте и подняли такой крик, словно в день воскресения из мертвых.

Человек триста конных Ахмед спрятал в засаде, в местах, окруженных стенами, и сказал им: «Будьте наготове и внимательны и прислушивайтесь ко мне — как только тусцы подойдут вплотную, /***428***/ я выйду навстречу, схвачусь с ними легонько, потом поверну назад и отступлю, чтобы руководителей их поболе раззадорить и они бы подумали, что я обратился в бегство. Я же спокойно их завлеку, покуда они не пройдут мимо вас. Как только они пройдут, я повернусь и стану крепко. Когда бой разгорится, и вы услышите рог, барабаны и крик нишабурцев, то выскакивайте из засады, и нам поможет господь бог, да славится поминание его, ибо знаю, что таким верным способом, который я придумал, победа будет за нами». «Сделаем так»,— ответили они.

Ахмед ушел с места засады и удалился к полю, где таможенная застава майдана Абдаррезака, и построил в боевой порядок свою пехоту и конницу: полки правой и левой руки, большой полк, оба крыла и сторожевой полк. Человек пятьдесят всадников на добрых конях он послал в передовой полк и

разъезды. Раздался клич «Велик Аллах!» **[381]** и послышалось чтение Корана. В городе была большая суматоха. К часу пополуденной молитвы подошли тусцы, превеликое множество народа, словно муравьи и саранча. От их совокупности отделились человек триста конных разного рода и пеших тысяч пять-шесть, вооруженных, и поспешно двинулись вперед, а прочие остановились. Ахмед медленно пошел навстречу и с ним сотни четыре конных и тысячи две пеших. Продвинувшись вперед за место засады, он застал свой передовой полк вступившим в жаркий бой с головным отрядом тусцев. Потом оба войска завязали сраженье, сраженье жестокое, с рукопашным делом. Оно длилось некоторое время, и с обеих сторон было убито несколько человек, а раненым не было счета.

К тусцам подошла подмога. Ахмед отдал приказ своим пехотинцам — он так с ними условился,— чтобы они начали отступать. Они спокойно отходили, тусцы, увидев такое, стали наседать смелее. Ахмед с боем отступал назад, покуда не понял, что миновал далеко место засады. Тут он

оказал сильнейшее сопротивление. К нему примкнули свежие всадники и пехотинцы, коих он оставил в сторожевом полку. Сраженье разгорелось еще сильней. Ахмед приказал затрубить вдруг в рога и забить в барабаны, а простым людям и черни разом поднять шум, так что казалось, земля разверзлась. И из засады появились отдохнувшие всадники, затрубили в рога и раздался боевой клич. Тусцев охватили спереди и сзади. Порядок /***429***/ [их] расстроился, они запутались, растерялись, бросились бежать и обрушились на остальных, кои подходили с тыла, и больше уж никто не стоял друг за друга.

Нишабурцы смело преследовали их и столько перебили, что не было ни меры, ни числа, потому что в смятении бегства и в страхе перед нишабурцами за свою жизнь они кинулись в виноградники и сады, побросав оружие. Нишабурцы отправились в виноградники и сады, хватали тусцев за бороду, вытаскивали и отсекали им голову. Видели, например, как пять-шесть женщин в нижних садах извлекли человек двадцать с лишним тусских мужиков и наделяли их оплеухами. Ахмед, сын Али

Нуш-тегина, с самыми отборными всадниками преследовал тех забытых богом до Халанджуя в трех фарсангах от города. Многих из них они убили и захватили в плен и с победой и славой, с добычей, животными и множеством оружия вернулись обратно в город в час вечерней молитвы. На другой день он велел соорудить виселицы, и многих тусцев на них повесили. Головы других убитых собрали и сложили у подножия виселиц, а толпу людей, казавшихся слабыми, отпустили. Большую силу приобрели нишабурцы, тусцы уже больше и смотреть на них не решались. Эмир, да будет им доволен Аллах, был признателен Ахмеду за совершенный им подвиг, и по этой причине с него спала дурная слава за поражение в Кермане. **[382]**

О ПОЛОЖЕНИИ В КЕРМАНЕ И О ПОРАЖЕНИИ ВОЙСКА, КОЕ ТАМ БЫЛО УСТРОЕНО

Из одного повествования непременно вырастает другое. Придется рассказать о керманском деле и о причине поражения, чтобы стало ясно, ибо сие необходимо в бытописании. В то время, когда эмир Мас'уд прибыл из Герата в Балх и отправил в Керман

войско с хаджибом-джамедаром, и дело пошло очень хорошо, и Бу-л-Аскар сел срочно, владение то было прибрано к рукам, и люди успокоились. Осведомители, кои находились в Керманской области, сообщили эмиру, дескать, правитель здесь — наместник багдадский [174]. Злонамеренные люди чинят крамолу, а он не взыскивает по той причине, что занят сам собой и беспомощен. /***430***/ Высокий помысел эмира остановился на том, чтобы захватить это владение, потому что Керман примыкал к краю Систана, а с другой стороны Рей и Исфаган до Хамадана держали в руках люди, послушные сей державе и слуги [ее].

По этому вопросу советовались в Балхе с великим ходжой Ахмедом, сыном Хасана. Несколько дней говорили только об этом, покуда не решились назначить Ахмеда, сына Али Нуш-тегина, быть правителем и сипахсаларом, а Бу-л-Фереджа Фариси быть кедхудаем войска, гражданского управления и денежных средств[175]. Об этом были написаны грамоты и украшены царской печатью. Справили прекрасные халаты; правителю — пояс, шапку

двурогую, литавру, значок, пять слонов и то, что полагается из прочих принадлежностей полностью; кедхудаю — золотую конскую сбрую и меч с перевязью. [Ахмед] надел халат, дела справили и приготовили весьма хорошее убранство. Эмир затребовал реестры войскового состава, явился ариз, и с Ахмедом назначили четыре тысячи конных, две тысячи индийцев, тысячу турок и тысячу курдов и арабов, а также пятьсот пехотинцев разного рода. Систанскому амилю было написано, чтобы он приготовил две тысячи пеших сегзийцев и месячное жалованье для них, а то, что им полагается, выдаст Бу-л-Феред ж из доходов с Кермана.

Когда все было готово, эмир сел верхом и выехал в поле, чтобы пропустить мимо себя это снаряженное войско с предводителями, имеющими золотые пояса; были они в полном вооружении. Он устно сделал еще распоряжения правителю, кедхудаю и предводителям. Те, как положено, откланялись, пошли и Керман захватили. Горстка дейлемских бродяг, там находившаяся, бежала, и дела правителя и кедхудая упрочились, раияты успокоились и

начали платить налоги. Багдадский наместник, который был в дружбе с покойным эмиром [Махмудом], переписывался [с ним] и обменивался посланцами, обиделся на эти действия, послал своего человека и попрекнул [эмира Мас'уда]. В ответ было сказано, дескать, та область с двух сторон смежная **[383]** с нашим владением, осталась в небрежении, и раияты стали взывать о помощи из-за крамольников. Нашей священной обязанностью было оказать сострадание мусульманам; к тому же, повелитель верующих прислал нам жалованную грамоту: брать себе такие области, кои мы увидим без хозяина и попечителя.

Багдадский наместник по этому поводу попрекнул халифа и счел себя обманутым в надеждах. [Халиф] ответил, что с этим делом нужно покончить. Дескать, Багдад, Куфа и Савад, кои у нашего изголовья, не прибраны к рукам должным образом, /***431***/ где тут заниматься Керманом, и он разговор об этом прекратил. Но обида осталась. Они боялись, что Керман будет снова взят, потому что наши войска

дрались по ту сторону Хамадана; опасались, что и Багдад уйдет из их рук.

Прошло некоторое время и в Хорасане, Хорезме и других местностях поднялась смута, положение пошатнулось. Туркмены стали одолевать, а наши люди в Кермане тоже дали волю рукам и чинили беспорядки, покуда раияты не измучились и не запросили о помощи. Тайно несколько человек пришло к везиру багдадского наместника, Сыну Макия [176], привезли письма от керманских вельмож, попросили помочь [им] и сказали: «Хорасанское войско держится беспечно и занято злодейством. Надобно прислать отряд конницы с почтенным саларом, дабы раияты выступили, и мы избавились от насилия хорасанцев и их изгнали». Сын Макия и хаджиб багдадского эмира неожиданно отправились с конницей тысяч до пяти, да в дороге к ним пристало еще тысяч до пяти храбрецов. Они вдруг приблизились к Керману и вошли [в него] с двух сторон. В Нермашире произошел большой бой. Раяяты все купно выступили против хорасанского войска. Ахмед, сын Али Нуш-тегина, бился славно,

однако индийцы проявили слабость и обратились в бегство. Прочие пали духом, и Ахмеду поневоле пришлось отступить. Он с толпой своих собственных людей и султанским войском через Каин пришел в Нишабур. [Другая] толпа пропала в Кермане, а индийцы пошли в Систан и оттуда в Газну. Я, Бу-л-Фазл, ездил на поклон к эмиру в Баг-и Седхезаре и видел предводителей сих индийцев, когда они туда приезжали, где держат посольский диван. Мушриф Бу-Са'ид носил им гневные устные сообщения от эмира, и дело дошло до того, что им было сказано: вам-де будет воздано. Шесть человек самых видных предводителей проткнули себя копьями, так что в том помещении текла кровь. Я, Бу Са'ид и прочие ушли из того помещения. Известие об этом довели до эмира, он сказал: /***432***/ «Эти копья нужно было метать в Кермане», — и он очень их отругал, но в конце концов простил. Потом дела пришли в порядок, и уж не было возможности послать в Керман другое [войско]. Ахмед, сын Али Нуш-тегина, тоже, прибыл и [держал себя] как человек

пристыженный и давший обет. Не прошло много времени, как он отошел [в иной мир]. **[384]**

О ВЫСТУПЛЕНИИ ЭМИРА МАС'УДА ИЗ ГАЗНЫ В БУСТ И ИЗ БУСТА В ХОРАСАН И ДЖУРДЖАН

Когда подошло время выступить в путь, а дела в Хорасане, Хорезме, Рее, Джибале и других областях были таковы, как мы рассказали, эмир Мас'уд, да будет им доволен Аллах, принял решение отправиться в Буст, чтобы оттуда потянуться в Герат и из Герата, жемчужины Хорасана, поглядеть, что следует приказать [сделать] по каждому делу. Эмир Мас'уд пожаловал эмиру Са'иду халат и препоручил ему столицу Газну, так чтобы он сидел в крепости в эмирском серае и там разбирал жалобы, а серхенг Бу Али, кутвал, состоял бы при царевиче советником и правителем дел. Прочих эмиров-сыновей с домашними денщиками и слугами он отослал в крепости Най и Дири [177], Эмира Мавдуда он подарил халатом, чтобы тот ехал при его стремени. Он велел [написать] письмо Тилаку, чтобы тот [кончал] с делом Ахмеда йинал-тегина, к которому ревностно приступил, и изгнал бы его в страхе из Лахора, а

Казий и его люди, спустившись из крепости, принялись бы [действовать] поусерднее, так чтобы сердце [эмира] сразу избавилось от Ахмеда йинал-тегина; а [также велел написать] везиру Ахмеду, сыну Абдассамада, чтобы тот, освободившись от забот в Хутталане и Тохаристане, ожидал приказа явиться ко двору туда, где будет находиться высочайшее знамя.

Затем, когда после этих важных дел выпал досуг, эмир, да будет им доволен Аллах, выехал из Газны в субботу, за три дня до конца месяца шавваля [178], и в седьмой день месяца зу-л-ка'да [179] достиг Теги-набада. Там он пробыл семь дней и [только] один раз пил вино, потому что на сердце было тревожно по нескольким причинам. Потом он прибыл в Буст, в четверг /***433***/ семнадцатого дня сего месяца [180], и расположился в кушке Дешт-и Ленкан, и там добавили садов, зданий и маленьких сераев.

Пришли важные письма из Хорасана касательно туркмен и прихода их в пределы Мерва, Серахса, Бадгиса и Баверда, о злодействах, происходящих во

множестве, о бессилии чиновников и шихне оказать им сопротивление и препятствие. Сури писал: «Ежели, не дай бог, государь в скорости не вознамерится приехать в Хорасан, то есть опасение, что [страна] будет потеряна, ибо [туркмены] получают скрытую помощь от Али-тегина. Харун из Хорезма тоже оказывает дурное влияние и говорят, будто он с Али-тегином втайне договорился, чтобы ему из Хорезма пойти в Мерв, а Али-тегину потянуться к Термезу и Балху, и им встретиться». По прибытии сих известий эмир весьма забеспокоился.

В среду, в последний день сего месяца [181], [эмир] выступил из Буста. В пути прибыли вестники и привезли письмо от Тилака об убийстве Ахмеда йинал-тегина, возгордившегося мятежника, о **[385]** пленений его сына и изъявлении покорности туркмен, кой находились вместе с ним. Этому известию эмир сильно обрадовался, ибо тревога его за тыл исчезла. Он приказал бить в барабаны и трубить в рога, пожаловал вестников халатами и наградами; их водили по всему войсковому стану, и они получили много добра [182]. Письма от Тилака,

Казия Ширазского и осведомителей были такого содержания: Тилак прибыл в Лахор, и несколько человек мусульман, сдружившихся с Ахмедом, схватили. Тилак велел отрубить им правую руку. Люди, собравшиеся вокруг Ахмеда Йинал-тегина, перепугались от такой расправы и проявленной силы, стали просить пощады и от Ахмеда отпали. Дело управления областью и денежными средствами исправилось [183].

Тилак, снаряженный и усиленный помощью, с большим числом людей, большей частью индийцев, последовал за Ахмедом. На пути происходили бои и схватки. Ахмед увидел себя лишенным божьей помощи, а Тилак соблазнял людей, и они приходили [к нему]. Произошел бой очень сильный, потому что Ахмед оказал упорство, но его разбили и он обратился в бегство. Туркмены все вкупе от него отпали, запросили пощады, и Тилак их пощадил. А Ахмед со своими телохранителями и с немногими людьми, наиболее провинившимися, и сотнями с тремя конных бежал. Тилак не тронулся вслед за ним. Он написал письма /***434***/ мятежным индийцам

[народа] джут [184], чтобы они преградили дорогу этому забытому богом и хорошенько стерегли; дескать, всякому, кто ко мне доставит Ахмеда Йинал-тегина или его голову, я выдам пятьсот тысяч диремов. По этой причине Ахмеду стал тесен мир для житья, и люди [его] продолжали от него бежать.

Конец его делу пришел такой: джуты и всякого рода неверные преследовали его. Однажды он подошел к какой-то реке. Он сидел на слоне и собирался переправиться [на другой берег]. Джуты —тысячи две-три конных и пеших — наскочили на него, а у него осталось менее двухсот всадников. Он бросился в реку. Джуты настигали с двух-трех сторон, жаждая больше товара и богатства, которые были при нем. Когда они подошли вплотную к нему, он хотел было своей рукой убить сына, но джуты не допустили. Сын его был на слоне, они [его] угнали и обратили стрелы, дротики и мечи на Ахмеда, а он сильно отбивался. Наконец его убили, отсекли голову и перебили и захватили в плен людей, кои оставались при нем. В руки джутов попало весьма много добра. Их начальник тотчас же послал кого-то к Тилаку — а

он был неподалеку — передал сию радостную весть. Тилак очень обрадовался. Подошли еще люди и сообщили, что голова Ахмеда и его сын будут доставлены. Пошла речь о пятистах тысячах диремов. Тилак сказал: «Громадное имущество [185] этого человека попало в ваши руки. Службу вы оказали султану великую и плоды ее достанутся вам, но надобно сделать скидку». Посланец **[386]** съездил еще раз, и согласились на ста тысячах диремов. Тилак послал [деньги], и голову и сына Ахмеда доставили к нему. Достигнув цели, он возвратился в Лахор, чтобы привести в порядок остаток дел, а затем поспешить к высочайшему двору, как можно скорее, *с соизволения Аллаха, велик он и всемогущ*. Эмир изволил ответить милостивым словом, обласкал и похвалил Тилака и прочих. Вестники были возвращены обратно, и Тилаку [султан] велел приехать ко двору с головой Ахмеда йинал-тегина и с его сыном. Вот каков бывает конец изменников и мятежников [186]. /***435***/ Так было от Адама, привет ему, до наших дней, дабы ни один раб не восставал на своего господина, не то он потеряет

голову. Поскольку [это] подтверждается в книгах, я много говорить не буду. Эмир по этому поводу приказал [написать] письма служилой знати и вельможам и послал по всем владениям вестников и приказоносцев [187].

Эмир приехал в Герат в четверг, в половине месяца зу-л-хидж-жа [188], а в среду, двадцать первого числа сего же месяца [189], отправился из Герата по дороге на Пушенг, чтобы дойти до Серахса и там сделать смотр войску. Привезли в оковах Музаффара, сына Тахира, амиля и за'има Пушенга. Хорасанский сахиб-диван Сури оговорил его облыжно, привлек к себе в помощники людей вроде Бу Сахля Завзани и других, мол, не удастся ли его свалить, потому что Бу Сахль [опять] удостоился высочайшего благоволения, вернулся обратно ко двору и сидел в недимах. По воле судьбы, от которой нельзя оборониться, случилось так, что в тот час, когда подняли разговор о Музаффаре, сыне Тахира, эмир, да освятит Аллах его душу, был очень разгневан и озабочен, ибо пришли письма о туркменах и их злодействах. Эмир с раздражением сказал: «Этого сводника Музаффара

следует повесить за ноги!» Глуповатый дворцовый хаджиб, которого звали Хумар-тегин Туршек, махмудовец, мужественный и отважный, вышел и рассказал про этот случай. Люди Сури и его приверженцы, враги Музаффара, воспользовались этими словами и поскорее дали сему хаджибу тысячу динаров. Тот, не обращаясь больше к эмиру, приказал вздернуть Музаффара, сына Тахира, на одно из деревьев, находившихся около дворца. [Его] повесили, и он отдал душу.

Бу Наср Мишкан был в диване. От этого поступка он пришел в ярость, позвал начальника стражи [190] Мухтаджа, сильно выбранил, задал нагоняй и сказал: «Это не малое дело, что произошло; [коль] султан отдает повеления в гневе, [исполнять] их нужно погодить, человек ведь не вор был!» «Пришел хаджиб,— отвечали,— и передал такой приказ, а мы согрешили, не расспросили об этом. Что прикажет ходжа?» «Что я прикажу?— ответил [ходжа],— весть об этом, конечно, дойдет до эмира, что прикажет он, я знать не могу». С онемевшими от страха руками и ногами они удалились. **[387]**

Гнев эмира утих. За обедом он устроил совещание и позвал Бу Насра. Во время обеда /***436***/ зашла речь о пушенгском деле. «Что говорит в свое оправдание эта собака, не знающая своего места, то есть Музаффар, касательно насилий, кои он чинил беднякам этой области?» — спросил эмир. «Где же тут Музаффару сказать или суметь сказать? Долго жить государю!» «Почему?— спросил эмир,— что с ним приключилось?» В этом базаре дворцовых гулямов Бу Наср поглядел на хаджиба Бектугды. Бектугды ответил: «Государю долгая жизнь Музаффара по высочайшему повелению повесили». «Что ты говоришь!?»— закричал эмир и бросил есть. Салар рассказал подробней. Эмир очень разгневался и сказал: «Весьма удивительно, как просто можно убить человека, особливо такого, как Музаффар. Ты — глава хаджибов и находился во дворце, как ты смел допустить это, не поставив меня в известность?» «Да будет долгой жизнь государя,— промолвил Бектугды,— я — начальник дворцовых гулямов, должность моя очень трудная и важная, кроме нее я ничем не занимаюсь и другие дела во

дворце не вмешиваюсь, да и слух об этом человеке дошел до меня тогда, когда его уже прикончили».

Эмир встал из-за стола в ужасном настроении и вымыл руки. Он позвал хаджиба Бектугды, его усадили. «Позовите того дворцового хаджиба!» — приказал эмир. Позвали, тот дрожал от страха. «Почему убили этого человека, собака?»— спросил эмир. Хаджиб ответил: «Государь изволил сказать то-то и то-то, я полагал, что это в самом деле». «Возьмите его!» — велел эмир. Слуги схватили его. «Выведите его из шатра и влепите тысячу палок, как секут слуг, дабы он признался, как было дело». Его вывели, начали бить и он признался. Эмиру стал известен случай с деньгами [191] и он сильно переменился к Бу Сахлю и Сури. Позвали начальника стражи Мухтаджа. «Зачем вы убили Музаффара?» «Было получено повеление государя через хаджиба». «Почему еще раз не переспросили?» «Надо было бы, впредь будем так делать». «Не будь тут дела этого дворцового хаджиба, я приказал бы снести вам головы, а теперь придется каждому дать

по тысячи ударов кнута, чтобы впредь были осторожней». Обоих вывели и высекли.

КОММЕНТАРИИ

1. 17 декабря 1032 г.

2. 26 декабря 1032 г.

3. ***

4. ***

5. ***

6. ***

7. Т. е. растолкую так, что он согласится.

8. Читаю: ***

9. ***

10. *** - адрес.

11. 24 декабря 1032 г.

12. 6 января 1033 г.

13. От знака * до сноски в АП: “А я к тому, что он скажет неотесанно, как упомянуто, и принесет удовлетворительный ответ, привык”.

14. ***

15. ***

16. 12 января 1033 г.

17. ***

18. 13 марта 1033 г.

19. Предложение не закончено в оригинале.

20. ***

21. *** тарелки, ударный музыкальный инструмент.

22. *** — широкая долгополая верхняя одежда, которую обычно делали из сукна с широкими и длинными рукавами, несколько перекрывающими концы пальцев.

23. О нем. Бартольд, Обзор, 81. Из последних археологических работ см. Г. А. Пугаченкова, Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса. Труды ЮТАКЭ, II, стр. 193 и сл.

24. Знак глубокого уважения и готовности служить.

25. 4 апреля 1033 г.

26. 9 апреля 1033 г., в среду.

27. *** — в его ведении находились гулямы-телохранители.

28. МИТТ, 278 — Тегин-Арук.

29. АП: “на сестре коего был женат”.

30. В сохранившейся части “Истории” Бейхаки об этом ничего нет. См. примеч. к летописи 423 г.

31. Т. е. положили в деревянный гроб, чтобы отнести к месту погребения.

32. Абу Мансур Мухаммед б. Ахмед Дакики (ум. между 977—981 гг.) — таджикский поэт; положил начало поэтическому эпосу Шах-намэ.

33. Не по случаю смерти Фаррухзада, конечно, так как Дакики в это время уже давно умер. Цитированные стихи относятся, вероятно, к кому-нибудь из саманидских царевичей или членов династии Мухтаджидов.

34. Абу Таййиб Мухаммед б. Хатим Мус'аби — малоизвестный вельможа, везир и поэт при дворе Саманидов.

35. Правильней читать не ***, как указано в некоторых списках и как сделал Е. Э. Бертельс. "Муж сей араб" — Мухаммед, основатель ислама, умерший в возрасте 63 лет. Бертельс. История..., 131.

36. 6 апреля 1060 г.

37. *** Абу-л-Фазл Бейхаки несколько изменил, применительно к упоминаемому событию, принадлежащие бухарскому поэту Фазл б. Аббасу Рабинджани следующие ниже стихи, написанные на смерть Наср б. Ахмеда Самани: *** В свое время Дж. Дармстетер отметил эти стихи как старейший случай изъявления формулы le roi est mort, vive le roi, хотя

еще раньше арабский поэт Абдаллах б. Хумам Салуси выразил эту же формулу в стихах по случаю смерти халифа Муавик (661 г.) и восшествия на престол Язида. Бертельс, История..., 343—344.

38. Добавлено по АП.

39. Далее до слов “Но видавшие свет старики”... текст оригинала местами испорчен и смысл его не всюду ясен.

40. Хусров Парвиз (590—628) — царь из династии Сасанидов.

41. Ка'б ал-Ахбар, Абу Исхак б. Мати б. Хайсу — еврей из Йемена, принявший мусульманство при халифе Абу Бекре. Старейший авторитет в области иудейско-мусульманских преданий у арабов. Ум. в 652 или 654 г.г.

42. Т. е. все дела потекли в порядке.

43. См. выше, стр. 193.

44. Кор. 2_{248}.

45. См. выше, стр. 267.

46. Джем — мифический царь-пастух Иима Хшаета (Джемшид Шах-намэ), по зороастрийской традиции (Авеста) он первый человек, который от божества Ахура Мазды получил наставление в маздаизме.

47. Неясное по смыслу полустишие: ***

48. Т. е. с подлецами и злодеями будь неподатлив и лют как бесы, которых за непослушание отвергло небо.

49. Т. е. стан, локоны на висках и, в следующей касыде, рот красавицы сравниваются с начертанием букв ***

50. Часть южной стены храма в Мекке.

51. В ГФ, СН и ВМ этот бейт представлен в таком виде, что смысл его не понятен, в АП он целиком опущен. См. к нему примечание в ГФ, 283.

52. *** — сиротство, а также единственность в своем роде, бесподобность; сиротой — *** — называют крупную редкостную жемчужину.

53. Чтобы писать, нужно сперва очинить калам (тростниковую палочку), срезав один конец наискось, наподобие стального пера.

54. ***

55. Дабшалим — индийский царь Девасарм, для которого была написана книга “Калила и Димна”. См. бейрутское издание этой книги, 1899 г., предисловие.

56. Сейф ад-довле Абу-л-Хасан Али б. Хамдан (915—967) — наиболе значительный из представителей династии Хамданидов, правившей в Халебе. Известен своими войнами с византийцами и покровительством ученых. Меценат Мутанабби.

57. Бейхаки цитирует, опустив начало касыды и ряд бейтов в приведенной ниже части ее. Ср. *** Укбари.

58. Игра слов: сейф — меч, Сейф ад-довле — почетное прозвище “Меч державы”.

59. Сейхан — река в юго-восточной части Малой Азии.

60. *** от латинск. patricius — так арабы называли военачальников христианских народов.

61. Два Фаркада — две звезды, избираемые в качестве путеводных при странствовании по пустыням.

62. Суха — название очень слабо светящейся звезды в созвездии Малой Медведицы.

63. Касыды Унсури, по-видимому, были приведены в утраченных начальных томах “Истории” Бейхаки.

64. Далее следует том VIII. Судя по содержанию начальных строк его, между написанием конца тома VII и началом VIII прошло некоторое время. Собственно говоря, том VII остался незаконченным, события, повествуемые после главы “О значении мира”, вызванные смертью эмира Фаррухзада, являются продолжением событий 424/1032—1033 гг.

65. Имеется в виду смерть Фаррухзада и восшествие на престол Ибрахима.

66. ***

67. ***; CH, 469, считает, что это не венец наподобие царского, а будто бы какой-то женский головной убор, в котором мужчине показываться зазорно.

68. ***

69. Бу-л-Касим Кесир был помощником везира Ахмеда б. Хасана при султане Махмуде и везиром при сыне его Мухаммеде.

70. ***

71. Похоже на то, что в посольском диване хранилось нечто вроде “личных дел” на крупных чиновников, и всякие награждения и повышения по службе производились по справкам из этих документов.

72. ***

73. 9 июня 1033 г.

74. Как видно, полномочия Абу Сахля Хамдеви распространялись и на войска, стоявшие в Рее, хотя там пребывал сипахсалар.

75. ***

76. Далее следуют не совсем понятные нам здесь слова: ***

77. Т. е. достаточно возмужавших и, следовательно, более опытных бойцов .

78. 2 июня 1033 г.

79. ***

80. ***

81. ***

82. ***

83. 2 июня 1033 г.

84. 3 июня 1033 г.

85. Т. е. доставивших дочь Бакалиджара, новобрачную жену Мас'уда.

86. Конец мая.

87. 5 июня.

88. Предложение “Потом он потихоньку...” в оригинале, по-видимому, ошибочно написано до фразы “В час вечерней молитвы...”.

89. Т. е. везир Ахмед, сын Хасана, и Бу Наср Мишкан.

90. Выше было упомянуто, что отряд не превышал 300 человек.

91. 6 июня 1033 г.

92. ***

93. Т. е. в дуккан на краю лужайки.

94. *** — Сельджукиды. У Бейхаки под этим родовым именем подразумеваются внуки туркменского князя Сельджука (ум. после 922 г.). Тогрул-бек Мухаммед, впоследствии первый султан из династии Великих Сельджукидов (429/1038 — 455/1063 гг.), Чагры-бек Дауд и их дядя Убейд Арслан Ябгу. В. В. Бартольд, Очерк истории Туркменского народа, Туркмения 1, 20—21.

95. См. выше, стр. 255.

96. ***

97. Согласно примечанию АП таккар означает людей богатых и знатных, глав племен и лиц, имеющих клиентов. Они занимали положение ниже раджей и выше людей среднего достатка (***).

98. ***

99. ***

100. ВМ и АП: ***

101. ВМ здесь сделано примечание: “В этом месте во всех шести списках (т. е. привлеченных Морлеем — Л. А.) — пробел. На поле одного из них написано: “Так же и в подлиннике. Утрачено приблизительно полторы страницы”.

102. Выше (стр. 320) указывалось, что номинально хорезмшахом считался сын эмира Мас'уда — Са'ид.

103. 7 мая 1033 г., в понедельник.

104. В тексте *** — народ, населявший область Кумед в бассейне р. Вахш и верховья р. Кафирниган.

Кумиджиев (в китайск. источн. Цзюй-ми-чжи) связывают с саками и эфталитами. Barthold, Turkestan... 70; В. В. Бартольд, рецензия на книгу Э. Шаванна ЗВО, XV, 0177—0178; МИТТ, I, 255, пр. 3.

105. Т. е. в долину реки Пяндж.

106. ***

107. ***

108. Смысл фразы неясен. Текст ее воспроизведен по ВМ; есть и другие чтения, но все неудовлетворительны.

109. ***

110. ВМ и АП: ***

111. *** т. е. чтобы на него не было обращено переводное обязательство уплатить.

112. ***

113. ***

114. Катур то же, что Читрал. Бартольд, Обзор, 56, 58.

115. ***

116. Джерир б. Атийа. б. ал-Хатафа — арабский поэт эпохи Омейядов (ум. 728-729 или 732—733 гг.). Главной темой его творчества было прославление родовой чести.

117. ГФ, 408 сомневаются в том, что цитаты принадлежат Джериру и Мутанабби и склонны считать их известными пословицами. При этом они ссылаются на книгу. ***

118. Т. е. со всеми атрибутами знатного лица в ту эпоху.

119. 20 мая 1033 г.

120. 16 июня.

121. 24 июня, в воскресенье.

122. 2 июля 1033 г.

123. 26 июля.

124. Придворная должность лица, отведывавшего пищу, подаваемую царю.

125. ***

126. ***

127. ***

128. ***

129. ***

130. См. примеч. 90 к летописи 422 г.

131. Абу-л-Хусейн Ахмед Му'изз ад-довле из дома Буидов (932—967) — правитель Ирака, Ахваза и Кермана.

132. 17 июля 1033 г., во вторник.

133. 28 июля 1033 г.

134. 31 июля, во вторник.

135. См. примеч. 194 к летописи 422 г.

136. *** — род льняной ткани. См. также примеч. 3 к летописи 423 г.

137. ***

138. ***

139. Имеется в виду разгром армии эмира Мас'уда под Денданеканом, о чем речь будет ниже.

140. ***

141. Очевидно описка, дальше всюду Бу-л-Музаффар Джумахи.

142. *** т.е. пастух, ставящий дурное клеймо.

143. ***

144. Т. е. почетный халат, жалуемый ему халифом как своему наместнику.

145. Нахрван — город в, 4 фарсангах от Багдада по дороге на Ханикин. Бартольд, Обзор, 134.

146. Данбаванд то же, что Демавенд.

147. Яхья б. Абдаллах — дядя Хусейна б. Али, поднявшего в 786 г. восстание против халифа Харун ар-Рашида. После подавления восстания Яхья бежал в Дейлем, который ему тоже удалось поднять против Харуна. Muller, Der Islam... I 492, 493.

148. ***

149. После примирения Харун ар-Рашид, придравшись к нарушению какой-то формальности, бросил Яхью в тюрьму и уморил его там голодом. Mueller, Der Islam... там же.

150. О нем см. выше, примеч. 78 к летописи 421 г.

151. ***

152. Нимруз, собственно говоря, и есть Систан.

153. *** возможно, что здесь первоначально был указан какой-то предмет, который впоследствии переписчики превратили в быков, или же быки был" помечены строкой выше, где говорилось о лошадях и мулах.

154. ***

155. ***

156. Внук омейядского наместника Хорасана Насра б. Сейяра. В 806—807 гг. возглавил антиарабское народное движение и захватил весь Мавераннахр. Mueller Der Islam... 497.

157. ***

158. ***

159. За этим рассказом следует перерыв в повествовании истории Мас'уда почти в один год.

160. 29 июля 1034 г.

161. ***

162. В первых числах августа 1034 г.

163. Так в подлиннике; относится число месяца к рамазану или к шаввалю, сказать трудно.

164. Т. е. поверенный.

165. 5 сентября 1034 г.

166. Кор. $26_{88\text{-}89}$

167. 6 сентября 1034 г.

168. 9 сентября 1034 г.

169. 12 сентября 1034 г.

170. См. примеч. 334 к летописи года 421.

171. Баж-и Хару — селение в горах между Тусом и Нишапуром, существует в настоящее время под тем же названием. См. ГФ, 427, примеч. 2.

172. ГФ полагают, что правильней читать Пушанган, селение, существующее поныне в Нишабурском округе, неподалеку от Баж-и Хару. Его называют также и Фу-шанджан. ГФ, 427, примеч. 3.

173. Современное название Каладжу; ГФ, 427, примеч. 4.

174. *** имеется в виду Имад ад-дин Абу Калинджар Марзбан, Буид (1024—1048).

175. ***

176. Ссылаясь на Ибн ал-Асира, ГФ указывают, что у него это имя пишется *** и что его отождествляют с

Бу Мансуром Бехрамом б. Мафендом. Поскольку, однако во всех списках “Истории” Бейхаки указывается имя Сын Макия ***, мы сохраняем его в таком написании.

177. ***

178. 14 сентября 1034 т.

179. 23 сентября.

180. 17 сентября.

181. 16 октября 1034 г.

182. ***

183. ***

184. Возможно, имеется в виду народность индийского происхождения, обитавшая в Мекране, которую арабы называли ар-Рут или ал-Джут. Бартольд, Обзор, 100.

185. ***

186. Гардизи описывает гибель Ахмеда Йинал-тегина иначе: “и Ахмед Йинал-тегин бежал и направился в Мансуру и Синд. Он хотел переправиться через реку Синда, но по несчастливой случайности подоспел паводок [сейль], утопил его и он помер. Вода унесла его на некоторое расстояние и выбросила на глухом месте. Кто-то из его воинов и семьи нашел его, опознал и отсек ему голову. [Ее] доставили к Тилаку, а Тилак отослал в Балх. Эмир Мас'уд, да смилуется над ним Аллах, велел водрузить шест и воздеть на нем голову”. Zainu'l Akhbar, 103.

187. ***

188. 31 октября 1034 г.

189. 6 ноября.

190. ***

191. ***

ЛЕТОПИСЬ ГОДА ЧЕТЫРЕСТА ДВАДЦАТЬ ШЕСТОГО

Первый день лета четыреста двадцать шестого [1] был суббота. Эмир, да будет им доволен Аллах, прибыл в Серахс. /***437***/ Четвертого числа месяца мухаррама [2] на краю большого арыка разбили сераперде и большой шатер. В войсковом стане было очень много войска.

В воскресенье, в девятый день сего месяца [3], пришло письмо от начальника почты в Рее о кончине Бу-л-Хасана Сейяри, да будет над ним милость Аллаха. Он исправлял должность сахиб-дивана и был человек: весьма способный и достойный. Эмир велел [написать] письмо в Систан — там находился Азиз Бу Шихне для выколачивания налогов [4], — чтобы он отправился в Рей и приступил к исправлению должности сахиб-дивана. Пошло письмо и к ходже Бу Сахлю Хамдеви, начальнику Ирака, с упоминанием этого обстоятельства.

В эти два-три дня прибыли тайные записки из Хорезма, что Харуи старательно готовится пойти на Мерв. [Эмир] переслал эти записки великому ходже Ахмеду, сыну Абдассамада. Прибыло письмо и от великого ходжи. Я тайно его вскрыл; ходжа писал: «Хотя слуга твой занимался Хутталаном и Тохаристаном, но вопросы о забытом богом Харуне и Хорезме, кои суть самые обязательные и важные вопросы, не забывал. Дело в большей части налажено к благополучию высочайшей державы, но денег ушло много. Оно доведено до того, что в день, когда незадачливый Харун выступит из Хорезма, чтобы направиться в Мерв, десять гулямов, давших присягу, вместе с доверенными людьми слуги [твоего], затеяв заносчивый спор, его убьют, а когда он будет убит, предприятие [его] рухнет, и намерение пропадет. Сын слуги [государя], Абдалджаббар, выйдет из потайного места снаряженный и возьмет город в свои руки, а воинство успокоит мечом и динарами, потому что большая часть войска — махмудовцы и алтунташевцы — тоже присягнула слуге [государя].

Все, что в силах человеческих, слуга [твой] сделал, [не знаю], как выйдет и что предопределил господь, да славится поминание его. Сии десять гулямов самые близкие к Харуну. Они уже несколько раз старались совершить это дело, но возможности не было, **[389]** ибо Харун сидит в кушке, а кругом много стражи. Он совсем не выезжает на прогулку, на охоту и на игру в човган, постоянно занят подготовкой похода на Мерв. Коль захочет Аллах, сей вожак, не знающий своего места, не достигнет цели и злополучие мятежа уничтожит его». Разобрав тайнопись, я написал [перевод письма] ясно. Бу Наср прочитал его, очень обрадовался и пошел на поклон ко двору.

Когда прием кончился, а я стоял [тут же], зашла речь о происшествии с Ахмедом Йинал-тегином /***438***/ и каждый что-нибудь говорил [по этому поводу]. Начали говорить и о делах Харуна и Хорезма. Хаджиб Бу-н-Наср сказал, что на случай с Харуном надобно смотреть так же, как на случай с Ахмедом: с часу на час придет известие. «Предсказание правдивое, — заметил [эмир], — ежели захочет

Аллах, так и будет». Бу Наср отдал перевод тайнописи турку, хранителю чернильного прибора. Эмир прочитал [перевод]; его переписали и отдали обратно Бу Насру. Поговорили еще с часок, эмир сделал знак, люди удалились. Ходжа Бу Наср возвратился обратно, но его снова позвали. Они сидели наедине до часа вечерней молитвы. Затем он пришел обратно в шатер, позвал меня и сказал: «Эмир очень рад прибывшей тайнописи, мы, говорит, полагали пойти в Мерв, но ежели дело Харуна прикончат, то нужно будет пойти в Нишабур, дабы в Рее и Джибале устранить беспорядки, а гурганцы прислали бы деньги» [5]. Я ответил: «Да будет долгой жизнь государя! Ежели с делом Харуна покончат, коль захочет Аллах, то покончат очень скоро, ибо признаки уже видны, а ежели это займет подольше времени, то слуге [твоему] думается, что лучше государю пойти в Мерв, потому что туркмены разбрелись по всему пространству этого владения, больше всего напирая в сторону Балха и Тохаристана, чтобы поразить их и чтобы пресечь оказание им помощи из Мавераннахра, потому что

бухарские и самаркандские осведомители пишут, что еще другие злодеи собираются переправиться через Джейхун. Когда высочайшее знамя будет близко от Балха и Джейхуна, в Мерве, который является жемчужиной Хорасана, все эти беспорядки исчезнут». — «Это так, — промолвил эмир, — теперь, по крайней мере, мы на несколько дней останемся в Серахсе, посмотрим, как повернутся обстоятельства». Бу Наср в подобных делах был самым дальновидным среди живущих на свете. *Да смилуется господь бог, велик он и всемогущ, над всеми отошедшими [в вечность], по доброте, превосходству и всеобъемлющей милости своей!*

В воскресенье, в половине месяца мухаррама [6], в войсковой стан прибыл сипахсалар Али Абдаллах, предстал пред лицо эмира и доложил о всех делах, кои он совершил. Для этого он и уезжал.

В среду, двадцать шестого числа сего же месяца [7], пришло письмо из Балха об убиении хаджиба Бектегина, сипахсалара, исправлявшего должность кутвала в Термезе. Он оказал большие услуги в пору

жизни **[390]** эмира Махмуда: в нишабурской округе он схватил сипахсалара шаханшахов и доставил в Газну, а в пору ныне [царствующего] /***439***/ государя он сослужил добрую службу в Тегинабаде, в событии с эмиром Мухамемедом, братом султана Мас'уда, как я упоминал выше. Теперь же по воле судьбы случилось так, что сильный отряд туркмен вторгся в пределы Термеза. Они произвели много злодеяний в Кубадьяне и грабежей и угнали скот. Хаджиб Бек-тегин, собравшись со значительным числом людей, бросился за ними. Уходя от него, они вступили в Андхуд [8]. Бек-тегин гнался с пылом и настиг их в пределах Шапургана, Завязался бой от позднего утра до времени между двумя молитвами. Дело шло весьма ожесточенно, и множество народу было перебито, большей частью туркмен.

В конце концов забытые богом враги потерпели поражение и пустились в степь. Бек-тегин пошел вслед [за ними]. Ближние его люди говорили, что враг-де бежит пораженный и разбитый и идти вслед [за ним] — ошибка, [но] Бек-тегин не послушался, ибо приспел [его] смертный час. Он нагнал

несколько человек неприятельских рубак, и снова загорелся сильный бой, потому что беглецы дрались за жизнь. Бек-тегин настиг одного из их всадников и хотел его сразить. Он приподнялся на седле и [у него] из-под кольчуги обнажился лобок. Один туркмен вдруг пустил стрелу, и она пришлась в это место. Бек-тегин остановился, мучаясь от боли. С трудом и усилием он вытащил стрелу [из раны] и никому не показал вида, покуда не стало тяжело. Он повернул обратно. Когда он добрался до стоянки, чтобы остановиться на полдороге до Сандаса [9], его освободили от подручной лошади, сняли с коня и уложили. Он помер. Войско пришло в Шапурган, и его похоронили.

Когда туркмены через три дня услышали весть об этом происшествии, они снова пришли. Эмир, да будет им доволен Аллах, узнав об этом, опечалился, потому что Бек-тегин был хороший салар. Тотчас же он позвал сипахсалара Али Абдаллаха и рассказал ему об этом случае. «Да будут души всех слуг жертвой служения, — сказал Али, — хотя великий ходжа и находится там, [все же] Тохаристан и

Гузганан до берега реки [10] остались без салара. Обязательно [туда] нужен салар с сильной ратью». — «Придется отправиться [туда] сипахсалару, — сказал эмир, — и с помощью войска затруднить переправу для зловредных скотоводов, потрепать их и отправиться в Балх». «Слушаюсь,— ответил сипахсалар, — когда нужно будет выступить?» «Послезавтра, — приказал эмир, — известие пришло очень важное, /***440***/ надобна пойти поскорей». — «Исполню в точности», — промолвил Али, облобызал землю и удалился. Люди, которые к нему были назначены и пришли на этой неделе, снова были предоставлены ему. В пятницу, двадцать восьмого числа месяца мухаррама [11], он явился на поклон, повидал **[391]** эмира и отправился в Гузганан. Ходжа Бу Наср по высочайшему повелению назначил дебира Бу Сахля Хамадани на должность начальника войсковой почты, и он отправился с сипахсаларом. Али отлично исполнил эту службу, ибо был человек осмотрительный и водил полки прекрасно. Скотоводов он привел к

повиновению, заключил с ними условия, а затем потянулся в Балх. Была явлена большая сила.

На другой день, в субботу, прибыло письмо из Мерва от Нуш-тегина, личного слуги, с двумя конными вестниками. Он писал: «Сюда пришел со стороны Серахса отряд туркмен, уходящий от победоносной рати. Когда слуга [государя об этом] получил известие, он со своими гулямами и войском поспешил выступить и добрался до них. Произошел жестокий бой, так что длился он от часа пополуденной молитвы до вечера. В конце концов их разбили и они ушли в степь Нух Гумбедан. Было неразумно пускаться в степь ночью. На другой день, когда пришло известие, что туркмены удалились на доброе расстояние, слуга [государя] возвратился назад, хорошенько показав силу. Головы убитых, около двухсот штук, вздели на жерди для острастки, а двести четыре человека из их бойцов, захваченных в сражении, отосланы, дабы о них было приказано, что найдет нужным [высочайшее] усмотрение». Эмир пил вино, когда прибыла сия радостная весть. Он велел выдать халаты и награду вестникам, и их

отправили обратно; пробили в барабаны и протрубили в рога. В час предзакатной молитвы [эмир] приказал бросить пленников под ноги слонов перед большим шатром. Это был ужасный день, и весть о нем разошлась по ближним и дальним местам.

Во вторник, в восьмой день месяца сафара [12], приехал великий ходжа Ахмед, сын Абдассамада с победой и славой, ибо его рукой было сделано большое дело в пределах Хутталана и Тохаристана, и он внес в эти области успокоение; явлена была большая сила. По высочайшему повелению ходжа препоручил эти области старшему хаджибу Бильга-тегину, который прибыл и уехал. Ему оказали достойную встречу. Когда ходжа предстал перед эмиром, тот его при людях очень милостиво принял и тотчас же с ним уединился. Начальник посольского дивана тоже был там. От него я слышал, что эмир сказал везиру: «Дела Хутталана и Тохаристана приведены в порядок трудами и старанием ходжи. С делом Харуна тоже, даст бог, скоро покончат. Туркмены испугались и ушли. Главные силы их /***441***/

от Баверда и Нисы бросились к Фераве. За ними следом отправилась сильная рать с саларом Пири Ахуром и несколькими весьма славными хаджибами и предводителями. Кедхудай и мудаббир [13] этой рати — Абдус. Сури по [моему] приказу, снарядившись, из Нишабура по дороге через Устуву, тоже примкнет к этой рати с хаджибом Кадыром и шихне Нишабура и Туса, и они не перестанут преследовать врагов до тех пор, покуда те не спасутся бегством в Балханские горы. Корм животным, снаряжение для пустыни **[392]** и все, что на сей счет требуется, Сури везет с собой. Решение наше остановилось на том, чтобы пойти в Мерв и провести там нынешнюю зиму, покуда дела не придут в порядок окончательно. «Что по этому поводу скажет ходжа?» Ахмед ответил: «Иного правильного решения нет, ибо благодаря этому решению и мероприятию Хорезм снова будет обретен, а туркмены уберутся из Хорасана и больше не осмелятся перейти через Джейхун». — «Ступайте, — заключил эмир, — я еще получше обдумаю эти вопросы, потому что мы еще пробудем здесь несколько дней». Они удалились. Ходжа отправился

в свой шатер, а вельможи, служилая знать и свитские пошли к нему с поклоном и приветствием.

В воскресенье, четырнадцатого числа месяца сафара [14], дебира Тахира с несколькими людьми и Бу-л-Музаффара Хабаши, начальника почты, привезли из Рея хейльташи, без оков, и остановили их у большого шатра сераперде на верховых животных в [сбруе] из пеньки [15] и известили эмира. [Эмир] велел их содержать в караульном шатре. Всех задержали. В час предзакатной молитвы эмир открыл прием, а после приема дебир Ираки носил между ними устные сообщения. В конце концов Бу-л-Музаффару дали тысячу ударов кнута на дыбе. Это был человек весьма деловой, благородный и очень близкий друг начальника посольского дивана; однако начальник дивана и дохнуть не посмел, ибо эмир был сильно разгневан. После него высекли еще четверых из работников Тахира и его людей, также по тысяче ударов. Насчет Тахира эмир тоже изволил сказать: «Придется высечь». Однако [за него] вступились и просили /***442***/ разные люди, покуда [эмир] не отменил сечение, Тахира отвезли в Хиндустан и

посадили в крепости Гири [16]. Прочих отвезли в Серахс и содержали в тюрьме. Бу Наср позаботился, чтобы Бу-л-Музаффара содержали хорошо. Целый год он оставался в заключении. Потом нашли удобный повод и попросили отпустить его на волю. Тахир же попал в опалу, и слава его померкла, так что он тоже никакой должности не исправлял и скончался, будучи не удел, *Спаси Аллах от переворота в обстоятельствах жизни!*

В среду, семнадцатого числа месяца сафара [17], после приема у эмира было негласное собеседование с везиром, начальником посольского дивана, родичами и свитскими. Там же был ходжа Хасан Микал. Совещались о [том, куда] двинутся. Решили податься в Мерв и на этом разошлись. Ходжа Хусейн, правитель царского двора [18], собрал все необходимое. В двадцатый день сего месяца отбыл Сури, чтобы распорядиться о заготовке значительного количества продовольствия, так чтобы не случилось никакой нужды, когда прибудет туда победоносное знамя. После его отъезда, дня через

три, эмир приказал раскинуть сераперде на дороге в Мерв, в трех фарсангах от войскового стана. **[393]**

Была близка сада [19]. Султанских мулов и принадлежавших войску погнали в степь и начали свозить гребенщик, чтобы справить саду, а после нее выступить в поход. Навезли гребенщика. В поле, где был большой арык, навалили огромную груду снега, так что она подымалась выше стен какой-нибудь крепости. Соорудили деревянные палатки [20], очень высокие, и набили их гребенщиком и еще собрали гребенщика, так что было его очень много и он превышал вершину высокого холма. Добыли орлов [21] множество и голубей и всего, что положено из украшений в эту ночь.

От ходжи Бу Насра я слышал: «Великий ходжа спросил меня: «Может ли быть, что решение отправиться в Мерв — правда?» Я ответил: «Покуда [эмир] не двинется [туда] придется пребывать в сомнении». — «В чем же сомнение, ведь походную сераперде [22] поставили, и правитель двора уже поехал?» — «И походную сераперде можно привезти

обратно, — ответил я, — и правитель двора может вернуться; во всяком случае, покуда [государь] не сделает одного-двух переходов по дороге в Мерв, в это дело поверить нельзя». Наступила сада. Сначала эмир сел на том берегу арыка, где натянули навес. Явились недимы и мутрибы, /***443***/ подожгли дрова. Впоследствии я слышал, что зарево огня видели на [расстоянии] около десяти фарсангов. Пустили голубей, обмазанных нефтью, начали бегать подожженные хищные звери, осыпанные снегом [23], и была такая сада, что я другой такой не видывал. Кончилась она приятно.

На другой день у эмира приема не было. На третий день, после приема, эмир вел негласную беседу с везиром, служилой знатью и столпами государства. Он сказал: «Наше намерение было таково, чтобы пойти в Мерв. Теперь я надумал: там находится Нуш-тегин, [наш] личный слуга, со значительной ратью, он разбил полчище туркмен, и они бежали от него. Мы отправили другой конный отряд, чтобы он примкнул к нему и усилил его людьми. В Нису отправилось сильное войско с Сури и Абдусом,

сипахсалар Али пошел в Гузганан и Балх, а старший хаджиб находится в Тохаристане с войском. Эти войска стоят близко друг от друга. Несомненно, Али-тегин, заключивший договор, и прочие не осмелятся совершить нападение. Верное решение я вижу в том, чтобы пойти в Нишабур и быть поближе к Рею, дабы показать силу, и запутанные дела распутались, а гурганцы испугались бы и прислали откупные деньги за два года». — «Правильно то, что видит высочайшее усмотрение», — заметил ходжа. Бу Наср не проронил ни слова. Хаджибы Бектугды, Субаши [24], Бу-н-Наср не решались высказываться о подобных делах, особливо потому, что везир выразился в таком роде. И эмир велел написать письмо правителю двора Хусейну, чтобы он возвращался назад, а походную сераперде привезли обратно. «Слушаемся»,— сказали [присутствовавшие] и удалились. Были назначены два **[394]** хейльташа и написано письмо. Они поспешно сели верхом и поехали. Бу Наср обратился к везиру: «Видел великий ходжа, как не позволили осуществиться правильному мероприятию?» «Видел, — ответил

ходжа, — и все это сделал дебир Ираки, я об этом узнал. Сегодня, во всяком случае, разговаривать больше нечего. Словом, мы пойдем до Нишабура, там [эмир] остановится. Потом, ежели Ираки будет его уговаривать, что надобно отправиться в Гурган и Сари [25] ради своей личной корысти, чтобы люди той области видели его убранства, принадлежности и близость к эмиру, и [эмир] вознамерится пойти, то я без стеснения открою порочность этого похода и сниму с себя ответственность, ибо Ираки — сумасброд, говорит все, что ему взбредет на ум, а наш государь слушает и представляет Ираки так, будто нет ни одного советника лучше него. Из-за него Хорасан и Ирак и впрямь пропадут, как я вижу».

/***444***/ Ферраши доставили обратно походную сераперде и ее повезли в Нишабур. В воскресенье, когда оставалось два дня месяца сафара [26], эмир, да будет им доволен Аллах, выехал из Серахса и прибыл в Нишабур в субботу, четырнадцатого числа месяца раби ал-эввель [27], и расположился в Шадьяхе. В этом году зима стояла сухая. Дошло до того, что

миновало уже двадцать дней месяца бахмана [28], а в Нишабуре снег выпал только один раз на четыре пальца. Все люди изумлялись такому? положению. Потом объявились последствия засухи, как я расскажу, [упоминая] о достопримечательных и необычайных событиях.

На третий день по прибытии в Нишабур [эмир] созвал негласное совещание с везиром и вельможами государства. Бу-л-Хасан Ираки стоял около престола. Говорили о разном. Эмир сказал: «Я пробуду здесь не более недели, потому что Хорасан успокоился, туркмены убрались в преисподнюю, а рать преследует их, а [также] для того, чтобы корма в Нишабуре остались на лето, когда мы вернемся сюда обратно. Скоро сюда возвратится Сури и займется другими делами. В Дихи-стане, говорят, десять менов пшеницы стоят один дирем и пятнадцать менов ячменя — дирем. Пойдем туда, кормясь задаром, войску будет вольготно и оно отдохнет от мучений [зимней] стужи. Мы будем находиться близко к Хорезму и Балханским горам, Абдус и рать получат от нас известие из Дихистана и окрепнут

духом. Что мы из Нишабура двинулись в те края, придет весть в Рей и Джибаль, и Бу Сахль [Хамдеви], Таш и состоящие при них лица, которые там находятся, [тоже] приободрятся, а Сын Каку и другие враги принесут головы на копьях [29] Таш пройдет до Хамадана, потому что там нет ни одного противника. То, что в Рее собрали золота и одежды, привезут ко двору, а Бакалиджар пришлет обусловленные соглашением деньги [30] за два года вместе с дарами, да [сам] явится на поклон. А ежели [дело] не пойдет просто, то мы разок сходим до Астрабада, а нужно будет, то и до Сари и Амуля [31], расстояние ведь близкое. Говорят, в Амуле тысяча тысяч **[395]** народу, ежели с каждого человека возьмут по одному динару, то это уже составит тысячу тысяч динаров. Одежды и золота тоже добудем, и все это сделается в три-четыре месяца. После новруза через некоторое время, когда мы возвратимся в Нишабур, коль скоро будет желание, лето можно будет провести там. Сури и раияты приготовят, что необходимо из продовольствия и кормов, полностью. Наше мнение

остановилось на этом, и мы обязательно отправимся. /***445***/ Как вы на это смотрите, что скажете?»

Великий ходжа Ахмед, сын Абдассамада, взглянул на собравшихся и произнес: «Вы — войсковая старшина, слово за вами». «Мы — слуги, — ответили те, — нас водят на войну разить мечом и приумножать владения. Все, что государь султан повелит, мы исполним и пожертвуем собой, а нужно ли, не нужно ли или можно ли, нельзя ли — это дело ходжи, ибо он везир. Мы этого не касаемся». Ходжа сказал: «Хотя Ахмед Йинал-тегин пал, Хиндустан взбудоражен. Отсюда до Газны расстояние долгое и поворачиваться спиной к Газне и Хиндустану — неразумно. С другой стороны, прошел непроверенный слух, что Али-тегин помер и приказал долго жить. Но я этому верю, так как слышал о болезни, которая на него напала. Человек он был смышленный, изворотливый и бывалый, понимал, как обходиться с любой стороной. Туркмены и потомки Сельджука были у него в запасе, и он их сберегал [для себя] словом и серебром, ибо понимал, что ежели они от него

отпадут, то он потеряет силу. Раз он помер, управление владением попадет [в руки] двух мальчиков слабосильных [32]. Как я слышал, потомки Сельджука, эти два сына и Кунуш, сипахсалар Али-тегина, плохи друг с другом. Надобно эту неприязнь раздуть, [тогда] потомки Сельджука, там не смогут пребывать, а податься в Хорезм им пути нет, ибо, как решено и я устроил, Харун, вероятно, уже выступил, его убили, область в смятении, и туда пришел Шахмелик [33], а он большой враг потомков Сельджука. Им не останется иного места, кроме Хорасана. Боюсь, что они обязательно придут в Хорасан, потому что, должно быть, слышали, как здесь обстоит дело с отрядами Буки, Ягмара, Кокташа и прочих, которые являются их слугами. Тогда, ежели не дай бог, случится так, а государь будет в отсутствии, дело весьма затянется. Правильное мероприятие было то, которое раньше государь придумал — пойти в Мерв, [но] высочайшее мнение от него отказалось. Слуга [государя] высказал все, что знал в меру своего ума, повелевать надлежит государю».

Эмир ответил: «Нуш-тегин, [наш] слуга, со значительной ратью в Мерве, два сильных салара с войсками в Балхе и Тохаристане, как же возможно туркменам Рудбара [34] покуситься на Мерв и пройти через пустыню? Алтунташевцы заняты собой /***446***/, стоящим перед ними делом. Для него нет более правильного решения, как пойти в Дихистан и **[396]** наблюдать, как потекут события в Хорезме». — «В добрый час», — промолвил ходжа. Эмир сказал хаджибу Субаши: «Надобно сообщить конюхам, чтобы они не гнали дальше верховых животных, потому что дней через пять мы выступим, Здесь мы оставим одного хаджиба с товарищами Сури, дабы когда Сури приедет, он действовал бы с ними заодно и они заготовили бы продовольствие и корма к нашему возвращению. А прочее войско пусть идет с нашим знаменем». «Слушаюсь», — ответил тот.

Бу Насру Мишкану он велел написать письма в Мерв и Балх, чтобы [там] были осторожны и осмотрительны и бдительно охраняли бы границы пустынь и переправы через Джейхун, потому-де, что мы намереваемся двинуться в Дихистан и оттуда

наблюдать за Хорезмом, Нисой и Балханскими горами и полностью изгнать туркмен из Хорасана, дабы не оставалось тревоги на сердце. Начальнику дворцовых гулямов, хаджибу Бектугды, [эмир] приказал: «Справь дела дворцовых гулямов; больных чтобы оставили здесь в кухандизе, а прочие в снаряжении отправились бы вместе с нашим знаменем. Точно так же и лошади подручные». [После этого] встали и разошлись.

Я слышал от ходжи Бу Насра Мишкана, он говорил: «Когда я вернулся [к себе], эмир позвал меня одного, уединился со мной и сказал: «Ты по этим вопросам не сказал ни слова». Я ответил: «Да будет долгой жизнь государя! Собрание было длительное, каждый говорил, что знал. У слуги [государя] ремесло дебира и сверх его он ничего не говорит». — «А на самом деле, — возразил эмир, — ты уже давно занимаешься государственными делами, и от меня не скрыто, что мой отец совещался с тобой обо всем, что делал. После того, как все высказались и удалились он обменивался с тобой мнениями, ибо взгляды твои ясны, сочувствие твое иное, а цель твоя — лишь

благо государства». Я сказал: «Да будет долгой жизнь государя! Ежели то, что говорилось государю о положении в Дихистане, Гургане и Табаристане по части продовольствия и кормов, золота и одежды исполнится и в Хорасане не случится беды, то это — весьма доброе дело и польза [от него] будет великая. Но ежели, не дай бог, стрясется беда, и эти вещи добыты не будут, то на сей счет надобно подумать получше и поглубже. Больше этого слуга [государя] ничего не скажет, потому что [государь] вообразит, что слуга [его] поддерживает Бакалиджара и гурганцев, ведь в высочайшем собрании представили [так], будто я поверенный тех людей, а я, ей богу, не являюсь им, никогда им не был и никогда не искал ничего, кроме мира. /***447***/ С помощью послов и увещевания дело с гурганцами поправится, ежели только нет иной цели».— «Есть другие цели, заметил эмир, — как ты слышал на нескольких заседаниях, — непременно нужно отправиться [в Дихистан]». — «Да **[397]** сопутствуют счастье и благополучие сему походу по [воле] господней, велик он и всемогущ», — промолвил я и удалился.

Везир поджидал [меня], его известили, что я один уединился [с эмиром]. Когда я туда пришел, везир заговорил со мной: «Ты долго оставался». Я рассказал, что происходило. «Свои намерения этот Ираки крепко вбил в голову сего человека, — произнес [везир], — в Серахсе он их закрепил, а здесь в Нишабуре каждый день развивает и подслащивает. Вот погляди, что отсюда расцветет и что мы увидим. Хотя это так, я все же хочу написать записку и высказаться пооткровенней, а докладывать ее следует никому другому, как тебе». — «Слушаюсь, — ответил я, — но думаю, это бесполезно». — «То, что лежит на мне, — возразил ходжа, — я сделаю, дабы завтра он этот поход отменил, и он, ей богу, отменит; ему это дело втемяшилось, чтобы [только] настоять на своем и проявить самовластье. Он не сможет сказать, что никого, дескать, не было, кто бы нам растолковал порочность и ошибочность этого похода. Я оттого хочу передать записку через тебя, дабы ты был моим свидетелем. Знаю, [она] ему придется очень не по душе. Он ко мне относится с подозрением и станет

подозревать еще сильней и ругать. Но я снесу и ни в коем случае не перестану советовать». — «Господин говорит очень хорошо, — заметил я, — ибо в этом заключается вера, убеждение и благодарность». Я пошел в диван. Письма, [которые эмир] приказал написать в Мерв, Балх и другие места, были составлены и посланы».

На другой день, когда [эмир] кончил прием, и ходжа [35] возвратился обратно, эмир сказал: «Я все же стою на том, чтобы мы послезавтра выступили». Ходжа ответил: «В добрый час! Все желания исполнятся. Слуга [государя] написал об этом деле записку и передал устное заявление Бу Насру. Ежели высочайшее мнение дозволит, он представит». — «Ладно», — промолвил эмир. Разошлись. [Ходжа] вручил записку Бу Насру. Он написал ее очень обстоятельно, дал решительные советы, но ясно добавил, что слугам не подобает говорить государям, дескать, такое-то дело исполнить необходимо, ибо великие государи делают все, что хотят и повелевают, но есть такой обычай и [такое] установление, что слуга, который получает степень

доверия подобную моей, не перестает давать советы по всем вопросам. Вчера вечером шел разговор о походе в Дихистан, и высочайшее усмотрение решило, что идти [туда] нужно обязательно. Обладатели /***448***/ меча в государственном собрании заявили, что они повинуются всему, что повелит [эмир]. Это есть долг их службы. Однако, когда все вышли, они мне потихоньку сказали, что идти [в сей поход] — неразумно, и ответственность с себя сняли. То, что усматривает высочайшее мнение, только оно бывает правильно, благоразумно и хорошо. Следовательно, ежели, не дай бог, стрясется беда, пусть государь не говорит, мол, среди слуг не нашлось **[398]** ни одного, который бы указал нам на ошибочность этого похода. Повелевать надлежит государю. Что бы он ни приказал, слугам остается только повиноваться.

«Эта записка очень остра, — заметил Бу Наср, — и обстоятельна. А каково устное сообщение?» Ходжа сказал: «Оно [будет зависеть от того], что услышишь; в ответ надобно сказать, что устное сообщение соответствует написанному». Бу Наср

пошел и записку подал. Эмир прочел ее два раза в раздумье, затем спросил: «Что в устном сообщении?» Бу Наср ответил: «Ходжа говорит, дескать, слуга [государя] соблюдает границы приличия в этой вольной речи, но нет иного средства: покуда он у дел, он в меру своего знания [должен] говорить, что знает. В записке он написал о разных вещах. Последнее соображение такое: слуга [государя] говорит, что неразумно идти в ту сторону и оставлять Хорасан со множеством смутьянов, мятежников и искателей удобного повода. Повелевать же остается государю». — «То, что хочет ходжа — пустое, — возразил государь, — Хорасан и переправы полны войск. Иракские туркмены бежали, их прогнали до Балханских гор, и войско следует за ними по пятам. Ясно, каково расстояние до Дихистана и Гургана. Как только явится желание, в Нишабур можно вернуться в две недели». — «Так точно, — сказал Бу Наср, — воля государя султана. Слугам остается исполнять то, что им говорят, особливо ходже». — «Да», — закончил эмир.

Эмир, да будет им доволен Аллах, из Нишабура выступил по исфераинской дороге, чтобы идти на Гурган, в воскресенье, двенадцатого числа месяца раби ал-эввель [36]. В пути была сильнейшая стужа и ветер, особенно до начала долины Динарсари. Этот поход происходил в месяце исфандор-музе [37], и на мне, Бу-л-Фазле, в начале этой долины были надеты... [38] из цапель, /***449*** / каба на красной лисице, дождевой плащ и другие подходящие на сей случай вещи и [все-таки] мне верхом на лошади было так, точно я на себя ничего не надел. Когда же мы добрались до долины Динарсари и втянулись в нее, — а длина всей долины была два фарсанга, — все эти одежды сделались мне в тягость. Я выехал из долины, и повсюду в степи оказалось рассыпанным безмерное множество нарциссов, фиалок, разнообразных пахучих трав, зелени и деревьев. Можно сказать, нет края цветущей, чем Гурган и Табаристан. Однако он преисполнен заразы, так что Бу-л-Фазл Беди [39] сказал; «*Джурджан, а знаешь ли ты, что такое Джурджан? Поел инжиру и тут же

смерть! А столяр, как только завидит хорасанца, так сразу и сколотит ему гроб по росту*».

Эмир, да будет им доволен Аллах, прибыл в Гурган в воскресенье, двадцать шестого дня месяца раби ал-эввель [40], проехал мимо гробницы Кабуса [41], находившейся у дороги, и расположился в той стороне города, которую называют Мухаммедабад, на берегу большой реки. Когда он **[399]** ехал с этой стороны города, чтобы расположиться на другой, один сын вольноотпущенника стянул овцу. Жалобщик явился к эмиру и стал плакаться. Эмир придержал коня и обратился к накибам: «Хочу, чтобы вы сейчас же представили этого сына вольноотпущенника!» Те помчались. По воле судьбы и потому что приспел его смертный час, они сына вольноотпущенника привели — он оказался состоящим на жаловании— вместе с овцой, которую он утащил. «Жалованье получаешь?» — спросил его эмир. «Получаю столько-то и столько-то». — «Зачем ты отнял овцу у людей области, которая является нашим владением? Коли ты нуждался в мясе, почему не купил за деньги? Ведь ты получаешь жалованье и

нужды не терпишь». — «Я виноват, согрешил», — ответил тот. «Все равно потерпишь наказание преступников!» Он велел повесить его на гурганских воротах, а коня его и сбрую отдать хозяину овцы. Объявили через глашатаев: «Всякому, кто учинит насилие над раиятами этой области, наказание будет такое же!» По этой причине был наведен большой страх. Пастырь может уберечь паству таким и подобными ему [способами], а когда государь не обращает внимания и не творит суда-расправы тут же на месте, все дела рушатся и гибнут. *А Аллах знает лучше!*.

/***450***/ РАССКАЗ О СУДЕ-РАСПРАВЕ СПРАВЕДЛИВОГО ЭМИРА СЕБУК-ТЕГИНА, ДА СМИЛУЕТСЯ НАД НИМ АЛЛАХ!

От ходжи Бу Насра я слышал, да помилует его Аллах, он говорил: «Однажды хорезмшах Алтунташ рассказывал. Шла речь о жизни царей, об их обычаях, о суде-расправе, которую они творят вовремя, а ежели не творят, то как ничего не получается [хорошего]. Он рассказал: «Я никогда не видывал человека подобного справедливому эмиру

Себук-тегину по [части] суда-расправы, прощения, хозяйской власти и знания всех законов царствования» — и поведал: «В пору, когда эмир Себук-тегин пошел на Буст, хитростью и коварством свалил байтузовцев, и то владение очистилось для него, он однажды в Бустской степи, в знойные часы дня, находился в сераперде, в хергахе. Я и девять моих товарищей были гулямы, которые ночь и день ни на час не отлучались с его глаз и по очереди по двое стояли [на часах].

К сераперде подошел какой-то жалобщик и поднял плач. Была моя очередь, и я стоял снаружи хергаха со своим товарищем, со щитом, мечом, луком и бердышом. Эмир кликнул меня, я подошел. Он сказал: «Приведи жалобщика, который вопит». Я привел. Эмир спросил его: «Чего ты плачешься?» Тот ответил: «Я бедный человек и у меня есть немного финиковых пальм. Около моих пальм держат слона, погонщик слона все мои финики обирает задаром. Аллах! Аллах! Помоги мне **[400]** государь!» Эмир, да будет им доволен Аллах, тотчас же сел верхом, и мы двое гулямов поехали с ним, а

жалобщик [шел] впереди. По удивительной случайности, мы, подъехав к финиковым пальмам, застали [там] погонщика слона. Привязав под пальмой слона, он обирал финики, не замечая, что эмир остановился неподалеку. По душу погонщика явился ангел смерти. Эмир сказал мне по-турецки: «Отцепи тетиву лука, ступай к слону, оттуда к дереву и повесь погонщика на тетиве». Я пошел, а человечишка весь отдался хищению фиников. Услышав мое приближение, он бросил взгляд на [меня], но не успел пошевельнуться, как я подоспел и, схватив его, начал набрасывать ему на шею тетиву и, душить. [Борясь] за жизнь, он вцепился в меня и чуть было не повалил. Эмир увидел, подскакал и гаркнул на негодяя. Когда тот услышал голос эмира, он потерял рассудок и смяк. Я прикончил /***451***/ его. Эмир велел принести веревку, и погонщика слона крепко привязали к пальме. Жалобщику эмир дал еще тысячу диремов и купил у него финиковую пальму. Страх был наведен превеликий, так что во всю пору его эмирства я не видел и не слышал, чтобы кто-нибудь осмелился где-либо взять силой

хоть яблоко. В Буст мы ездили несколько раз, а погонщик слона все висел на дереве. Наконец, веревку перерезали, и человек оттуда свалился на землю. Это — такого рода расправа, с помощью, коей можно держать в руках целый мир».

* * *

Бакалиджар и все гурганцы побросали дома и богатое добро, вооружились и ушли в Сари, захватив с собой Ануширвана, сына Мину-чихра, и вельмож-предводителей, как-то: Шахрагима, Мердавиза и других могущественных мужей, в которых Бакалиджар отчаялся. На другой день приехали эмир Мас'уд, да будет им доволен Аллах, и все арабские предводители со всеми хейлями. Говорили, [их] было четыре тысячи всадников. Они явились ко двору, и эмир обошелся с ними ласково и пожаловал предводителям халаты. Эти арабы были всей силой гурганцев; они остались при дворе и теперь еще остатки их находятся здесь. Говорили, будто Бакилиджар счел это за благо для себя, ибо они не

оправдали его чаяний из-за самоуправства и нежданных претензий.

Должность сахиб-дивана Гургана отдали Са'иду Серрафу, состоявшему кедхудаем при сипахсаларе Гази. Он надел на себя халат, отправился в город и начал изымать ценности [42]. Обыскивали сераи, старались отыскать ценности бежавших и то, что находили, забирали, [но] в казну мало что попало, потому что, как водится и бывает в таких случаях, [собранное] расхищали. Приехал посланец от сына Минучихра и от Бакалиджара и сообщил устное заявление, что владыка мира **[401]** дескать, вступил в свое владение и они, слуги, повинуются [ему]. Причина неявки [43] [их] заключалась в том, что они не могли достойно угостить и поклониться [государю] и устыдились. Они, мол, поселились в Сари и ожидают высочайшего повеления, дабы покорностью своей услужить тем, что будет приказано. [Эмир] ответил, что выступление решено, мы-де пойдем в Астрабад и там остановимся, потому что погода там благоприятней. Оттуда будет повелено, что надлежит повелеть. На этом посланец был отослан обратно.

Когда прошло дней десять, — мы в это время беспрестанно пили /***452***/ вино, —эмир созвал негласное совещание с везиром и вельможами державы. Постановили эмиру Мавдуду стоять в сем войсковом стане с четырьмя тысячами всадников из разных отрядов со своими предводителями, а хаджибу Алтунташу быть предводителем этого полка и всем слушаться царевича; двум тысячам этих [44] арабских всадников предосторожности ради пойти в Дихистан к салару Пири Ахуру, а трем тысячам султанских конников, наполовину турок, наполовину индийцев, тоже слушаться приказа эмира Мавдуда. Негласное совещание кончилось, войско отправилось в Дихистан, и распоряжения, кои султану надобно было сделать сыну, он сделал.

В понедельник, двенадцатого числа месяца раби ал-ахир [45] [эмир] выступил из Гургана, отсюда до Астрабада было два перехода. По дороге, которую называют Хештадпуль, несметное множество лесов и проточных речек. Небо в том году совсем не являло готовности пролить дождь, но ежели бы дожди прошли, эмиру пришлось бы поневоле повернуть

назад, ибо земля в том краю очень топкая, дороги же узкие, а ручьев и оврагов без числа, так что пойди дождь в течение недели, то потребовалось бы несколько дней, покуда смогло бы пройти небольшое число войск; где же бы было пройти столь великой рати, как была у государя. Однако, как и должно было быть по воле судьбы, чтобы в Хорасане стряслась большая беда, предопределение господне было таково, что в стране, где постоянно льет дождь, [его] совсем не выпадало до тех пор, покуда наш государь с этакой большой ратью без труда проследовал по этим дорогам и дошел до Амуля, как я расскажу.

В тринадцатый день месяца раби ал-ахир он прибыл в Астрабад. Большой шатер разбили на высоком месте города в той стороне, где дорога на Сари. Этот участок был весьма просторен и высок, и вся сельская округа Сари [расстилалась] под ним; место очень здоровое. Сераперде и все диваны раскинули ниже этого участка. Буки — войсковой караульщик и скоморох [46], человек приятный — сказал ходже Бу Насру — был он очень приятный человек, эмир и

войсковые начальники его любили, он же играл на тамбуре: — «В ту пору, когда Таш, сипахсалар дома Самани, разбитый Бу-л-Хасаном Симджуром, пришел в Гурган, и семейство Буйе и Сахиб Исмаил Аббад эту область отдали **[402]** ему, он [тоже] разбил большой шатер на этой высоте. Я, Буки, был [тогда] молодой войсковой караульщик. Он помер, Симджурии померли и султан Махмуд тоже помер. Боюсь, что /***453***/ и мне пришло время помирать». Бедняга предсказал верно, потому что на другой день он захворал. И вечером отошел [в иной мир]. Его там же похоронили. Похоже, что он прошел тысячу тысяч фарсангов, большей частью с эмиром Махмудом в Хиндустане. В боях за крепости я видел, как он бросался вперед, получал ранения от камней и разного другого, подвергал себя опасностям, но достигал цели. В конце концов, он дожил до девяноста трех лет и скончался здесь на постели. *И не знает Душа, в какой земле помрет* [47]. Прекрасно сказал Бу Исхак стихи:

*Бывает, что ко сну безмятежно отходят,
А поутру, не болевши, сходят в могилу.

О бездыханный, лежащий в могиле своей!
К тебе обращалась могила, ты не понял*.

Через три дня эмир с раннего утра услаждал себя вином на этой высоте. Была пора цитронов и померанцев. В садах этой страны их было превеликое множество, с этой высоты их было видно. [Эмир] велел нарвать с деревьев цитронов и померанцев [48] и ветвей с плодами. [Их] принесли, разбросали вокруг шатра на той высоте и украсили место словно рай. [Эмир] позвал недимов, явились и мутрибы и стали попивать вино. Поистине, то был день весьма приятный и радостный. К наставнику моему пришло повеление принести письма, которые прибыли, приготовив краткое изложение содержания писем. Когда [эмир] кончил чтение, он удержал Бу Насра выпить вина.

Между прочим эмир сказал ему, что помер Буки. Мой наставник ответил: «Да будет вечная жизнь государю и да насладится он царством и молодостью, дабы все слуги его [могли] умереть на службе ему и пользуясь его благоволением, ибо в этом их благо. Однако пусть будет государю

известно, что Буки помер, а я не знаю преемника ему во всем войске, который мог бы стать на его место». Эмир ничего не ответил. Казалось, тем [своим] словом он уже позвал других слуг, а ведь каждый, кто помирает, не оставляет [после себя] себе подобного [49]. В самом деле, Бу Наср сказал верно, другой, подобный Буки, не появится, и после него, можно сказать, что ежели бы искали войскового караульщика, подобного Буки, во всем мире, то не нашли бы. Однако дело в том, чтобы искать и найти. Но коль скоро считать сие пустяком, то пустяк и получится. В сем сочинении я рассказал, каким образом султан Махмуд, да смилуется /***454***/ над ним Аллах, велик он и всемогущ, воспитывал людей, так что нет нужды в повторении. Люди всегда находили в нем поддержку в смысле пастыря. Эти несколько мыслей я высказал оттого, что они пригодятся. **[403]**

Сюда прибыл еще посланец от Бакалиджара и прочих и они передали на словах, что они послушные слуги; дороги, дескать, узки — не стоит высочайшему стремени следовать дальше. На всякое желание, какое есть, будет сказано, чтобы его

исполнили послушно и покорно. Им ответили, что у нас-де появилось желание проехать до Сари, дабы посмотреть на ту местность, а когда мы туда придем, будет указано то, что надлежит указать. Посланцы вернулись обратно.

Новруз был за восемь дней до конца месяца раби ал-ахир [50]. Эмир выехал из Астрабада и приехал в Сари в четверг, за три дня до истечения сего месяца [51]. На другой день, в пятницу, хаджиба Нуш-тегина Вальвалиджи [52] с отрядом войска послали в одну деревню с крепостью, где сидел некий старец из числа гурганских вельмож, чтобы эту крепость занять, а дебира Бу-л-Хасана Дильшада назначили к нему начальником войсковой почты. Это было первое дело, приказанное Бу-л-Хасану. Крепость находилась очень близко от Сари. Отправились. В крепости не имелось боевых орудий, укрепление взяли в один день приступом и быстро вернулись обратно. Как рассказывал Бу-л-Хасан ходже Бу Насру, там происходил большой грабеж, и совершалось беззаконие. Работа Бу-л-Хасана еще не успела войти в силу, и в казну не много чего попало.

Все, что происходило, он выявил для себя тайком, так что мог доложить Высокому собранию. Это вышло [для него] удачно — решили, что он благоразумен и ловок. А старика доставили ко двору со старухой и тремя дочерьми, ограбленных, несчастных. Эмир раскаялся, обошелся со стариком ласково, попросил извинения и отправил обратно. Мне нельзя не рассказать о таких происшествиях потому что от сего возрастает бдительность, и изложение истории идет правильным путем, /***455***/ ибо в бытописании не дозволяется искажение переиначивание, недомолвка и [словесное] расточительство. Ежели Нуш-тегин Вальвалиджи поступил скверно, то он и сам потерпел [53] без меры

В воскресенье, в первый день месяца джумада-л-ула [54], эмир выступил из Сари, чтобы пойти в Амуль. Дороги, по которым мы передвигались, и другие были очень узки, так что нельзя было ехать больше чем двум-трем всадникам [в ряд]. Слева и справа всюду, до гор, был сплошной лес и текучие воды, так что слону проходу не было. На этой дороге встретился большой деревянный мост и большая

река, очень удивительная и примечательная, вся в излучинах [55]. Много пришлось помучиться войску, чтобы перейти через этот мост. Вода в реке [была] не столь большая, но почва возле нее была такова, что каждое животное, которое на нее ступало, увязало по шею — вот какова твердость этой почвы. Здесь остановились, потому что у дороги был город и пастбище большое, площадь [коего] была велика, так что расположиться могла большая рать. От Насира Али, предводителей Амуля и раиятов прибыли три посланца и рассказали, что сын Минучихра, Бакалиджар, **[404]** Шахрагим и прочие, услышав весть о приближении султана к Амулю, поспешно ушли в Натиль [56], Каджур и Руян [57], с тем чтобы в Натиле, где находятся труднопроходимые места, схватиться с победоносной ратью. Ежели они не смогут там удержаться, то перейдут через перевал Келар [58], ибо они — налегке, и убегут в Гилян; а раб Насир, прочие предводители и раияты — [мы]-де слуги султана. [Посланцы] задержались, чтобы услышать, каков будет приказ. [Эмир] ответил, что харадж с Амуля прощается, раиятам надлежит

оставаться на месте, ибо к ним дела нет, цель — поимка беглецов. С этим посланцы возвратились обратно.

Эмир поспешно двинулся дальше и прибыл в Амуль в пятницу, шестого числа месяца джумада-л-ула [59]. [Навстречу] за город вышло более пяти-шестисот тысяч /***456***/ человек, народ красивый, статный. Ни одного я не видал без тайласана из шатри или тури, или ситри, или рисмани [60], или ручной работы, то есть фута. Говорили, это у них в обычае. Эмир, да будет им доволен Аллах, проехал через городскую молитвенную площадь с отрядом личных своих гулямов и вдоль окраины города. По другую сторону его на расстоянии полуфарсанга разбили шатер, [там] эмир остановился. Салар Бектугды с дворцовыми гулямами и другим войском построился в полном порядке и вступил в город, а оттуда [прошел] в войсковой стан. Назначили джанбашиев, так что ни одному человеку не был нанесен ущерб даже на дирем, и раияты возносили молитвы с добрыми пожеланиями, ибо видели рать и снаряжение, подобных которым еще никогда не видывали. Я, Бу-

л-Фазл, отправился в город еще до того, как вступило в него войско, и увидел город весьма прекрасный. Все лавки были открыты, и народ радостен. После я расскажу, как изменилось положение, что наделали наустители и подстрекатели и как амульский рай превратился в ад.

На другой день эмир открыл прием, а после приема имел негласное совещание с везиром и вельможами державы. Он сказал: “Я сам своей особой хочу домчаться до Натиля”. Везир возразил: “Из-за гурганцев не стоит подвергать себя опасности, преследуя их по пятам. У нас, слава Аллаху, есть славные салары”. Вельможи тоже сказали: “Мы-то для чего же пришли? Ведь не ради того, чтобы государю приходилось подвергать свою особу тягостям”. Эмир ответил: “Надлежит сделать так: ходжа пусть останется здесь с обозами и обдумывает [дела], Бу Наср будет при нем, чтобы писать ответы на письма, хаджиб [Бектугды] тоже будет пребывать здесь, дабы осуществлять всякого рода предохранительные меры, кои потребуются. Сильный отряд гулямов тысячи в полторы пойдет со

мной и конников восемь тысяч самых отборных, [взятых] из разных отрядов [61], десять слонов, осадные орудия [62], да сотен пять вьючных животных с боевым припасом. Разойдитесь, сядьте в нимтерге и справьте все эти дела, потому что завтра **[405]** вечером я выступлю во что бы то ни стало. Дебир Ираки пойдет с нами, а недимы и все прочие останутся на месте". Присутствовавшие удалились и сделали все, что было приказано.

В воскресенье, восьмого числа месяца джумада-л-ула [63], в полночь эмир сел верхом и отправился в передовой полк. /***457***/ Пробили в литавры, и полк дворцовых гулямов тронулся, а следом за ним остальное войско отряд за отрядом, снаряженное и готовое [к бою]. На другой день, в час пополуденной молитвы, они достигли Натиля. Сделав еще перевод, натолкнулись на гурганцев, ставших для обороны и собравшихся биться. Гурганцы не знали, что султан явился сам. Произошел жестокий бой, как я объясню ниже. Во вторник, поздним утром, когда прошло десять дней месяца джумада-л-ула [64], приехали три дворцовых гуляма с вестью о победе и в знак ее

привезли перстень эмира, который он послал с поля битвы. Как только одержали победу, эмир отправил их вскачь о двуконь. Гулямы вручили перстень начальнику дворцовых гулямов, хаджибу Бектугды. Тот взял и поцеловал, поднялся и облобызал землю. [Затем] приказал бить в барабаны и трубить в рога. Из войскового стана раздались [радостные] клики. Дворцовых гулямов отправили обратно. Присутствовавшие вельможи: везир, хаджиб Бу-н-Наср и другие в точности исполнили, что полагается [в подобных случаях]. В час предзакатной молитвы они сели и отписали к эмиру благодарственные письма за победу от везира, хаджиба и придворных. Начальник посольского дивана Бу Наср Мишкан [тоже] написал письмо такое, что везир признался, что подобного по поводу перстня еще не видывал. В письме он поместил сей бейт, сочиненный Мутанабби, стихи:

Есть над тобой божья тайна; скорей же Вражьи слова — сумасбродные речи.

У меня имелся список с этого письма, написанный рукой ходжи, но он пропал, как я уже говорил об

этом обстоятельстве в нескольких местах сей книги. Салар Бектугды назначил двух дворцовых гулямов, чтобы они отвезли это письмо.

В час вечерней молитвы пришло письмо о победе, написанное рукой Ираки, эмир [ему] продиктовал: “Когда мы двинулись из Амуля, то шли всю ночь. Заросли срезали, ибо в них с трудом могла ползти даже змея. На другой день, в час пополуденной молитвы, мы добрались до Натиля. Гнали мы с большой скоростью, так что когда остановились, то войска продолжали подходить весь вечер. К полуночи подошли все люди, потому что за один раз сделали два перехода. На другой день, в понедельник, явились лазутчики и сообщили, что гурганцы провели обозы и сына Минучихра через город, и по ту сторону города устроили войсковой стан, и разбили шатры, а тяжелую кладь и непригодных к делу людей с обозами бросили. Бакалиджар, Шахрагим и множество **[406]** самой отборной и боевой конницы и пехоты с предводителями и храбрыми вояками вышли на эту сторону города. Есть мост один очень узкий, /***458***/

кроме него переправ нет; отгородив его от весьма узкого поля, они [65] хотят на том мосту драться, потому что дорога — одна, а кругом лес, реки, болота, ручьи. Они сказали и постановили, что ежели им случится потерпеть поражение, то конница из этих теснин уйдет, а пешие бойцы гелов [66] и дейлемцев, человек пятьдесят самых отборных, будут оборонять мост, усердно биться и держаться столько [времени], покуда не узнают, что [их войска] ушли из стана и удалились на [некое] расстояние, ибо дебри по ту сторону страшные, и их там достать нельзя. Когда нам это обстоятельство стало твердо известно, мы приняли необходимые противные меры, приказали, что надлежало приказать, надели на себя латы и сели на слониху. Оружие положили перед нами в балдахине, и мы повелели бить в боевые литавры. Гулямы — отряд конницы и отряд пехоты побольше — стали вокруг нашего слона, а [еще] отряд двинулся вперед и повел с собой большого слона, самого сильного, знаменитого и боевого. Мы тронулись, а следом за нами бесчисленная конница и пехота. Когда мы дошли до

того поля и моста, гурганцы вышли навстречу, множество конных и пеших, и завязался бой, бой очень сильный. Трудно было оттого, что войску не хватало места [развернуться]. Там было все равно, что сто тысяч конницы и пехоты, что пятьсот тысяч, ибо будь оно не так, у них не достало бы смелости противоборствовать, и менее чем через час один отряд нашего войска их бы убрал.

Несколько их всадников со многими пешими с силой напали [на нас]. Предводителем у них был какой-то всадник с закрытым лицом, хорошо знавший правила боевой схватки, и случилось так, что в балдахин нашего слона попал дротик. Дворцовые гулямы их потрепали. Мы, самолично напрягли силы, и нападавшие напрягли силы. Принадлежавшего нам слона-самца, который был вожаком, ранили и испугали стрелами и дротиками, так что он от боли повернул назад, побежал на нас, давя всех, кого попало из наших людей, а противник наступал следом [за ним] и издавал крик. Ежели бы такой слон-самец набежал на нас, он, конечно, сбил бы нашего слона, и произошла бы большая беда, /***459***/

которую нельзя было бы поправить, ибо всякий слон-самец, который в бою, получив ранения, поворачивает назад подобным образом, ничего не оставляя в целости. По счастливой случайности, [слон] в своем бегстве в тыл подался в левую сторону, на край поля. Сбоку был ручей с неглубокой водой в нем. Слоновод был ловок и опытен, он направил; слона туда, и по милости господней, да славится поминание его, предотвратил от нас и от войска несчастье от слона в том тесном месте.

Все ринулись на [вражье] войско: храбрые конные гулямы, хейльташи и пехотинцы напрягли силы против него. Из предводителей **[407]** гурганцев один напал на нас, мы крикнули на него со слона и нанесли [ему] удар булавой по голове и шее, так что он от этого ужаса свалился с лошади. Подбежали гулямы, чтобы его прикончить. Он позвал нас, попросил заступиться и сказал, что он Шахрагим. Мы велели его взять с коня [67]. Гурганцы, увидев его плененным, стали отступать, покуда не дошли до моста. Храбрецы дворцовые гулямы многих из них

перебили и многих забрали [в плен]. Бесчисленное множество их разбежалось в тех местах направо и налево или было убито и утонуло. Там, где стоял мост, поднялась превеликая давка, и [начался] жестокий бой. Схватились друг с другом, и с обеих сторон было перебито немало народу; подобного боя мы в жизни своей не видали. [Вражеские] пехотинцы на мосту держались почти до часа предзакатной молитвы и дрались прекрасно. К ним ни с одной стороны не было подступа. Наконец, на них вышли самые отборные наши пехотинцы со щитами и луками, в полном вооружении. Началась такая стрельба, что солнце закрылось. Напрягали [все] силы, покуда не взяли мост и не сумели через него переправиться, потому что пять-шесть ихних пеших воинов в чине серхенга попросили пощады; их помиловали, и они предстали перед нами. Когда мост освободили, [по нему] спешно промчался наш передовой полк; тронулись и мы. Несколько всадников подъехало к нам. Доложили, что с того часа, как Шахрагим был взят в плен, все гурганцы начали отступать и бросили нам войсковой стан,

шатры и все, что у них было, так что находили [даже] котлы с готовым варевом. Мы расположились там, потому что не было иного места /***460***/ для привала. Отдохнувшие конники пустились вслед за бежавшими, и большое множество всякого рода пеших было взято в плен. Но вельможи, предводители и конные успели отойти на доброе расстояние, дорога же была тесная. [Наши] вернулись назад и все, что происходило, было доложено, дабы положение стало ясно в подробности. Отсюда мы возвратимся в Амуль, так что скоро туда приедем, *ежели будет угодно Аллаху, велик он и всемогущ!*".

Двенадцатого числа месяца раби ал-эввель [68] эмир Мас'уд, да будет им доволен Аллах, возвратился обратно в Амуль здрав и невредим, с победой и славой, и остановился на другом месте. Он велел разбить на том месте сераперде и большой шатер и в счастливый час [там] расположился. Начальнику посольского дивана он сказал: "Надобно разослать письма о победе по государству через вестников". [Письма] написали, и хейльташи и дворцовые

гулямы поехали. В пятницу [эмир] открыл прием великолепный и торжественный. Потомок Али и городские вельможи все явились на поклон. Эмир сказал везиру: “Сядь в нимтерге и усади [там] алийца с городскими вельможами, потому что у нас есть кое-что им сообщить”. Ходжа отправился в нимтерг и усадил тех людей. Эмир [захотел] усладить себя вином; приступили к делу, **[408]** явились недимы и мутрибы. Бу Наср удалился, поскольку много потрудился, рассылая письма и вестников.

Я был дежурный и находился в посольском диване. Явился ферраш и позвал меня с чернилами и бумагой. Я пошел и предстал перед престолом. [Эмир] указал мне сесть, я сел. “Пиши, — сказал он, — то, что надобно получить с Амуля и Табаристана, Бу Сахль Исмаил это соберет: золота нишабурского — тысяча тысяч динаров, одежды [69] румской и других сортов — тысячу штук, ковров махфури и кали — тысячу штук, киш [70] — пять тысяч штук”. Я записал и встал. Он промолвил: “Сей список отнеси к ходже и передай ему от меня, чтобы он сообщил тем людям, дескать, нужно принять меры, дабы то, что

требуется, поскорее справили и не было бы нужды посылать выколачивателей и писать бераты на войско, чтобы отбирать силой". Я отнес письмо к везиру, незаметно представил ему и передал слова эмира. Он усмехнулся и сказал мне: "Погляди, как разорят и сожгут [71] эти места. Много получится позора, а не соберут и трех тысяч диремов. /***461***/ Вот тебе и прибыль! Ежели даже весь Хорасан перевернут, все равно не найдут такого [количества] золота и одежды. Султан ведь пьет вино и сказал эти слова, воображая свое богатство, деньги и сокровища".

Однако он обратился к этому потомку Али и к вельможам и сказал: "Знайте, за то, что гурганцы обнажили мечи на своего господина, восстали и [начали] бесчинствовать, на сию область не смотрят благосклонно. Сюда прибудет такой же властный правитель, как поехал в Хорезм, дабы прибрать эту область к рукам, и вы отдохнете от невзгод". Амульцы очень поблагодарили. [Ходжа] продолжил: "Знайте, государь султан израсходовал огромные деньги [72], чтобы привести сюда рать и нагнать страх

на насильников. Надобно, чтобы с этой области ему принесли достойные пожертвования”. — “Слушаемся, — ответили они, — то, что нам будет по силам, [пожертвуем], ведь область сия скудная, народ бедный и пожертвование наше с Амуля и Табаристана, как повелось исстари, бывало тысяч сто диремов и соответственно сему сколько-то штук ковров махфури и кали, а ежели потребуют больше сего, то раиятам будет много мучения. Что же теперь прикажет великий ходжа?” Ходжа ответил, что султан-де изволил приказать вот, этот список и передал через Бу-л-Фазла такое-то и такое-то сообщение. И он представил [им] список, передал слова эмира и добавил: “Я походатайствую, чтобы то, что написали в списке, взяли бы с Гургана, Табаристана, Сари и всех [прочих] мест, дабы вам пришлось не слишком трудно”. У амульцев, когда они услышали это сообщение, отнялись руки и ноги, они растерялись и сказали: “Мы-де на это сообщение сразу ничего ответить не можем, никто такого богатства не имеет. Ежели будет дозволено, мы удалимся и переговорим со всем народом”. Везир

обратился ко мне: “Скажи султану то, что слышал”. Я пошел и сказал. [Змир] **[409]** ответил: “Ладно, пусть идут, а завтра явятся с разумным ответом, потому что нам нужно собрать эту дань [73] очень быстро, мы здесь недолго останемся”. Я пришел и передал. Амульцы удалились очень печальные, везир тоже ушел. На другой день эмир открыл прием. После приема он уединился и спросил везира: “Что нужно сегодня постановить насчет дани?” Ходжа ответил: “Да будет долгой жизнь государя! Я был бы весьма рад, ежели бы откуда-нибудь явилось пополнение в государственную казну [74], но эта дань — велика, и амульцы вчера дали очень неутешительный ответ. Что прикажет [государь]?” — “То, что значится в списке, взыскивается с одного только Амуля. Ежели они список примут с покорностью, тем лучше, а ежели /***462***/ не примут, Бу Сахля Исмаила нужно послать в город: пусть силой выбьет из жителей больше [указанного] количества”, — приказал эмир.

Везир снова пришел в нимтерг, обратился к амульцам — их пришло много меньше — и передал

им то, что сказал султан. Алиец и казий ответили: “Вчера мы созвали собрание и рассказали положение. Поднялся очень большой шум и, конечно, [народ] ни на что согласия не дал и разошелся. Как стало известно, вчера ночью множество людей бежало из города, а нам нельзя было бежать, ибо мы никакого преступления не совершили и покорны. Теперь приказывать надлежит султану и великому ходже, пусть он прикажет в соответствии с этим положением”. Везир понимал, что все так, как они сообщают, однако разговаривать было ни к чему, он позвал Бу Сахля Исмаила, препоручил ему этих вельмож и отправил в город. Бу Сахль объявил ливанский побор [75] и взялся за народ. Те жители, кои попадались в его руки, выдавали беглецов, так что не было места в городе, где бы не раздавались вопли и стенания [76]. Конные и пешие воины рыскали по городу, хватали и приводили людей. Наемному войску Бу Сахль Исмаил выдавал бераты на взимание [с населения причитающегося ему] жалованья. Город подожгли, делали, что хотели, хватали, кого хотели. На светопреставление походил

побор [77] [Бу Сахля Исмаила], а султану об этом известно не было, и никто не решался уведомить и рассказать правду.

В течение четырех дней войску досталось сто шестьдесят тысяч динаров и в два раза больше было забрано сверх всякой меры, да [еще] продовольствие. Позор получился превеликий. Через семь-восемь месяцев выяснилось, что жалобщики из этого города ходили в Багдад и у двора халифа просили о помощи. Говорили, что они ходили и в Мекку, да сохранит ее Аллах, потому что жители Амуля [хоть] и немощны, однако на язык бойки и настойчивы, да и было у них, о чем говорить. Все совершенные преступления и злодеяния пали [на голову] Бу-л-Ха-сана Ираки и других, но и эмиру, да будет им доволен Аллах, тоже следовало бы поступать рассудительно в подобных делах. Очень мне тяжело, что с пера моего сходят такие слова, но что же делать, в **[410]** бытописании нельзя считаться с лицами. Те, кто с нами был в Амуле, когда прочтут эти строки, коль захотят быть справедливы, скажут, что написанное мною — правда.

/***463***/ Эмир, да будет им доволен Аллах, все время здесь предавался питью вина. В пятницу, за два дня до конца месяца джумада-л-ула [78], он с войском пошел к берегу Абескунского моря [79]. [Там] раскинули палатки и наметы, пили вино и ловили рыбу. Видели суда урусов [80], кои появлялись со всех сторон и проходили мимо. И никому не было возможно до них достать, ибо известно, к какой пристани держало путь каждое судно [81]. Сей Алхум [82] — город, который мал, я не видел, однака Бу-л-Хасан Дилыпад, ходивший [туда], мне поведал эти рассказы. В понедельник, второго числа месяца джумада-л-ухра [83], эмир, да будет им доволен Аллах, возвратился обратно в амульский войсковой стан.

Жители Амуля по большей части бежали и скрывались в лесах. В это время браговар хаджиба Бектугды отправился раздобыть немного льду и снега. На краю леса находилась деревня. Он поймал одну непорочную девицу с целью ее обесчестить. Ее отец и братья не допустили. Зашел спор, началась ссора с этим браговаром и его товарищами. В браговара запустили дротиком. Он прибежал и

рассказал, [об этом] салару Бектугды да приврал, а тот на другой день без [государева] приказа сел на слона и с отрядом конных султанских гулямов. отправился в ту деревню и в леса. Произошло много грабежа и убийства. Так, рассказывали, что несколько подвижников и благочестивых людей сидели на молитвенном ковре с Кораном в руках — их убили. Каждый, кто об этом слышал, возмущался. Весть дошла до эмира, он очень огорчился и сильно побранил Бектугды, потому что во всем, что произошло в этом краю, эмир раскаялся и все время говорил грозные речи Бу-л-Хасану, дебиру. *Но ягодки оказались впереди*, ибо, когда: мы вернулись назад, произошли игры посерьезней.

На этой неделе пришли важные известия из Дихистана, Нисы и Феравы, что полчище туркмен снова /***464***/ появилось из пустыни и намеревается вторгнуться в Дихистан, чтобы кое-что ограбить. Эмир Мавдуд писал, я, мол, послал разъезды на все четыре стороны, конных в большом числе, и распорядился, чтобы мулов и лошадей, [кои] в песках, пригнали поближе к Гургану и каждому

всаднику с животным добавил еще по два-три. Послали ответ, чтобы они хорошенько были настороже и что за письмом следует высочайшее знамя.

Во вторник, в третий день месяца джумада-л-ухра [84], приехал посол; от Бакалиджара; с послом он отправил и своего сына. Бакалиджар извинялся за возникшую войну, просил прощения и говорил: “Один сын слуги [твоего] занят службой при дворе государя в Газне, далеко or слуги [твоего], он не [может] приехать просить за меня. Явился на поклон его брат. Стоило бы из внимания и родственного чувства **[411]** государя смилостивиться, дабы древний род наш не поглотили враги”. Посла и сына представили пред лицо государя, оказали им ласку и отвели [помещение]. Эмир запросил мнение везира и вельмож державы. Везир промолвил: “Слуге [государя] кажется правильней подарить этого сына халатом и вместе с послом поздорову отпустить обратно, ибо у нас впереди важные дела. Посмотрим, как сложатся обстоятельства, а потом в силу того, что увидим, примем меры [насчет] этой области.

Словом, этот человек сразу [от нас] не уйдет". Эта речь эмиру пришлась весьма по душе. В ответ отписали благожелательные письма, сыну пожаловали прекрасный халат и послу тоже халат и по-хорошему их отпустили обратно.

Шестой день месяца джумада-л-ухра [85] был пятницей, когда прибыло письмо из Балха о кончине Али-тегина и что царство в том краю утвердилось за его старшим сыном. По этой причине эмиру на сердце пала тревога, ибо дело попало [в руки] юнцов неопытных [86]. Он сообразил, что нельзя допускать никакой дерзости [со стороны сыновей Али-тегина] и приказал [написать] на сей счет письма сипахсалару Али Дая, чтобы он шел в Балх, преградил дороги и принял все меры предосторожности, дабы не случилось беды. Точно так же [написали] в Термез кутвалу крепости и серхенгам Бу Насру и Бу-л-Хасану, а кутвал крепости в то время был Кутлуг, отцовский [служака], человек, мягковатый, но осторожный. Были наряжены двое стремянных /***465***/ с письмами в Бухару к сыну Али-тегина с соболезнованием и поздравлением, как полагается в

подобных случаях, да [велено было], чтобы ехали они быстро и привезли обратно верные сведения. Коль скоро сей юнец захочет учинить что-либо недоброе, то благодаря этому письму, он, быть может, постесняется. Титуловали его ал-амиру-л-фадилу-л-валад [87].

Хотя это письмо пошло, однако сей змееныш воспользовался смертью отца и отдаленностью султана от Хорасана. Он слышал, сколь беспокойно [там], и сговаривался с забытым богом мятежником Харуном, чтобы тот пришел в Мерв с большой ратью для захвата Хорасана. Оба молодца поладили между собой и постановили на том, чтобы Харуну идти в Мерв, а сыновья Али-тегина разграбят Чаганьян и Термез, а оттуда через Кубадьян пойдут в Андхуд и соединятся с Харуном. Сыновья Али-тегина разграбили Чаганьян. Правитель Чаганьяна Бу-л-Касим, зять [эмира Мас'уда], бежал от них и направился к кумиджиям. Опустошив Чаганьян, [алитегиновцы] через Дарзенги [88] подошли к Термезу. С крепости к ним донесся смех. Под крепость послали Авгара со знаменем и сотни три

конных, полагая, что лишь только Авгар там покажется, крепость тотчас же перейдет в их руки, и они на крыше: крепости водрузят знамя доблести.

Но *предположение оказалось ошибочно и принесло несчастье*. Они не ведали, что там — львы. Было так. Когда алитегиновцы **[412]** подступили к крепости, отважные львы отворили ворота крепости и крикнули: “С богом! Коли хватит у вас смелости, выходите, окружайте крепость!” Алитегиновцы мнили, что пришли скушать полуды [89], что дело пустяковое, однако случилось так: они двинулись было вперед, а конные и пешие воины из крепости налетели на них и в какой-нибудь час захватили целую толпу их и увели в плен. Алитегиновцы отступили назад до самого сына Али-тегина. Авгара упрекали, а он отвечал: “Сваренное в горшке яство стоит на месте, мы его немножко отведали; всякий, кто желает, пусть [сам] подойдет”. Авгара поносили и назвали двуполым.

Протрубили в рога, и Тунуш [90], сипахсалар, /***466***/ пошел с передовым полком, а прочие вслед за ним.

Вся рать обложила крепость кругом и остановилась на месте. От устада Абдаррахмана, каввала, я слышал — он от грабежа в Чаганьяне подался в Термез — [как] он рассказывал: “Алитегиновцы несколько раз вступали в бой с защитниками крепости и во всех сражениях терпели неудачу и выдохлись. Они выходили из себя [от ярости] из-за безобразных ругательств, коими [их] осыпали жены сегзийцев [91]. Однажды Авгар, который обладал хейлем в тысячу всадников и имел большое значение, захотел потягаться с крепостью. Он выступил вперед с широким щитом, пеший. Бу Наср и Бу-л-Хасан обратились к камнеметчику: “Мы дадим тебе пятьдесят динаров и два набора одежды, ежели ты перекувырнешь Авгара”. Тот приготовил камней пяти-шести менов [весом], несколько времени приглядывался и соображал; затем канаты камнемета натянули, камень полетел и угодил Авгару в поясницу. Авгар тотчас же отдал душу. В ту пору, ежели в кого-нибудь попадал пятименовый камень из камнемета, тот человек уже больше не разговаривал. Когда Авгар упал, среди вражеского

войска поднялся сильный крик и шум, потому что он был весьма большой человек. Его люди оттащили [тело] и унесли. Хребет алитегинцев был перебит и гурец камнеметчик получил золото и одежды.

До сыновей Али-тегина дошло известие, что забытого богом Харуна убили, а сипахсалар вступил в Балх, и они, обманувшись в надеждах и проиграв, от Термеза повернули обратно и через Дере-и Ахенин пошли в Самарканд.

После гонца прибыла записка от начальника почты в Рее Бу Нас-ра Бейхаки, брата Эмирека Бейхаки, что Бу-л-Музаффар Хабаши отставлен от должности начальника почты, и дело [это] передали Бу Насру. Сей благородный муж в пору эмира Махмуда, да будет им доволен Аллах, был правителем двора того государя, да смилуется над ним Аллах, подвергал себя многим опасностям и оказывал добрые услуги. Он — доблестный человек и мой старинный приятель. После того как мы потеряли Рей, над головой сего ходжи прошли добрые дни и невзгоды,

как о том будет упомянуто ниже в настоящем сочинении. **[413]**

Ныне, в лето четыреста пятьдесят первое [92], он живет здесь в Газне под сенью владыки мира, великого султана Абу-л-Музаффара Ибрахима, сына Поборника веры в Аллаха, да продлит Аллах его существование. В записке он писал, что сипахсалара Ташферраша потрепал передовой полк Сына Каку. Был послан ответ, что в делах, мол, нужно лучше соблюдать осторожность. Мы-де покончили с вопросами Гургана и Табаристана и теперь из Амуля через /***467***/ Демавенд идем в Рей, ибо в Хорасане нет ничего, что тревожило бы сердце. Сие мы написали устрашения ради, дабы противники в той стране боялись. В Хорасане у нас было столько важных дел, что о Рее и Сыне Каку мы не вспоминали. О положении в Рее и в Хорезме я оттого говорю частично и понемногу, что [ниже] будут две главы очень обстоятельные о положении в этих двух странах, как я уже упоминал раньше. А для сохраняющего в памяти летопись по месяцам и годам этого достаточно.

В воскресенье, двадцать второго числа месяца джумада-л-ухра [93], эмир, да будет им доволен Аллах, выступил из Амуля. Пребывание здесь длилось сорок шесть дней. Следуя в пути, он увидел пеших дворцовых воинов, которые вели в оковах нескольких амульцев. Эмир спросил, кто они. “Амульцы, которые не уплатили налога”, — ответили [ему]. “Отпустите [их], — приказал он, — и да будь проклят тот человек, который придумал пойти сюда”. Он велел одному хаджибу смотреть за этим делом, чтобы ни с кого ничего не взимали и всех отпустили. Так и сделали. Пошли непрерывные дожди, и людям и животным досталось много мученья. В среду, третьего числа месяца раджаба [94], пришло письмо, что Харуна, сына хорезмшаха Алтунташа, убили и что войско, кое намеревалось пойти на Мерв, возвратилось обратно в Хорезм. Получив это известие, эмир очень обрадовался и высказал много любезных слов великому ходже Ахмеду, сыну Абдассамада, который сумел провести Харуна, как я выше рассказывал, покуда

неблагодарный не пал. Прекрасно сказал балхский стихотворец Ма'руфи [95], он говорит:

Неблагодарный ровня отрицателю веры, —
Тщись и старайся убить нечестивца!

Да приберет господь бог, славно поминание его, всех неблагодарных и непризнающих благодеяний ради Мухаммеда и семейства его! Сказал пророк, привет ему: “*Бойся зла от того, кому оказал благодеяние*”, — а слова [мужа], умудренного божественным законом, — истина, ибо ни один благородный человек не забывает своего доброжелателя и благодетеля. Произошло так: когда Харун выступил из Хорезма, /***468***/ двенадцать гулямов, которые подготовили убийство, в четырех фарсангах от города, где он собирался остановиться, пустили в ход мечи, бердыши и искрошили сего неблагодарного пса, а войско возмутилось и **[414]** повернуло назад. Толки об этом — необычны, и я приведу их в отдельной главе, как обещал; здесь же достаточно столько.

В субботу, шестого числа месяца раджаба [96], пришло известие о кончине старшего хаджиба Бильга-тегина, да смилуется над ним Аллах. Когда сипахсалар Али Дая прибыл в Балх, старший хаджиб согласно повелению перешел в Нишабур и из Нишабура в Гурган. Большую часть арабов, охранявших Гурган, препоручили ему, чтобы он отвел их в Нишабур. В самое прибытие туда он получил повеление отойти [в иной мир]. *Не знает душа, в какой земле помрет*.

В понедельник, восьмого числа месяца раджаба, эмир приехал в Гурган. Погода стояла очень жаркая, особливо в местах гермсир. Животные ослабели, потому что в Амуле и в пути ели рисовую солому. От ходжи Бу Насра Мишкана, да смилуется над ним Аллах, я слышал, он говорил: “Эмир очень раскаялся в походе на Амуль, ибо теперь видел, что получится. Он позвал меня, и мы в уединении остались вдвоем. “Что это мы наделали? — спросил он, — будь проклят богом этот Иракиишка! Пользы не получилось, войску ничего не досталось, да еще я слышал, что раиятов этой области разорили”. “Да будет долгой жизнь государя, — ответил я, — ходжа

и другие слуги ведь говорили, но нельзя было больше возражать высочайшему мнению, ибо государь вообразил бы нечто иное. С высочайших уст сошли слова “что пользы было идти в эту страну?” Ежели ее не оказалось для государя, то для кого-то она оказалась; говорить об этом было бы дурно, дабы государь не подумал, что речь эта говорится из злорадства”. “Слова твои имеют вес, — промолвил [эмир], — все они — не злорадство и не шутка, а ты блюдешь нашу пользу. Заклинаю тебя душой и головой нашей, говори без стеснения”.

Я сказал: “Да будет долгой жизнь государя! Большая польза получилась для Бакалиджара, потому что он был человек незначительный, войско и раияты не очень-то его слушались; а государь схватил непокорных, кои были ему в тягость, и [их] ведут в оковах; предводители арабов с хейлями, причинявшие ему одну только головную боль, которым приходилось платить много денег [97], [ныне] отстали от этой области, /***469***/ и он от них избавился. От разнообразных насилий, что чинил Бу Сахль Исмаил, кое-какой [доход] достался и Бакалиджару.

Но все это пустяки, да будет долгой жизнь государя, ибо при небольшом внимании [дело] поправится. Бакалиджар ведь человек умный и слуга честный. С помощью письма и посла он снова войдет в границы покорности. Слуга [государя] надеется, что по милости господней, велик он и всемогущ, в Хорасане не случится никакой беды в отсутствии [султана]". "Да, это так", — заключил эмир, и я удалился".

И все же не допустили снова заполучить Бакалиджара после столь сильного отчуждения. Говорили, сюда-де надобно назначить амиля и **[415]** шихне, и не понимали того, что когда грозная сила высочайшего знамени удалится из этой страны, Бакалиджар снова возвратится обратно, и угнетенные раияты примкнут к нему. Абу-л-Хасана Абдалджалиля, да смилуется над ним Аллах, назначили на должность сахиб-дивана и кедхудая войска и [придали ему] сильный военный отряд, чтобы он оставался там, когда высочайшее знамя покинет Нишабур.

Когда дело утвердилось в таком виде, *приспела большая беда*. В час предзакатной молитвы того дня, когда эмир прибыл в Гурган, он веселился по случаю события в Хорезме и падения забытого богом Харуна и услаждал себя вином, ибо казалось, что [теперь] великое бедствие избегнуто. Все его люди из ставки удалились. Хотя погода была жаркая, все же решили две недели простоять в Гургане. После часа пополуденной молитвы меня позвал ходжа Бу Наср, и мы стали обедать. Примчались два всадника о двуконь из числа принадлежавших Бу-л-Фазлу Сури, из феравинских девсуваров. Подойдя, они поклонились. “Что случилось?” — спросил их Бу Наср. “Мы приехали из Нишабура в два с половиной дня. Всю дорогу мы брали свежих лошадей и мчались вскачь, так что ни днем, ни ночью не знали покоя, разве только когда что-нибудь ели, ибо таков был приказ сахиб-дивана. Причины и обстоятельства нам неведомы”. Ходжа перестал есть, посадил за еду их и взял письма. Он вскрыл обертку и начал читать, [затем] тихо поднялся и покачал головой. Я, Бу-л-Фазл, понял, что что-то произошло. Потом он

приказал седлать верховых животных, умыл руки и велел подать одежду. Мы встали. “Следуй за мной в ставку”, — сказал он мне. /***470***/ Всадников разместили на покой, и я направился в ставку. Ставка [оказалась] пуста: эмир до позднего утра пил вино, а после пиршества лег почивать.

Бу Наср — он был один — рассказал мне: “Туркмены-сельджуковды в большом числе переправились через реку [98], прошли через степь Нух Гумбедан в сторону Мерва и двинулись в Нису. Однако они сделали сахиб-дивана своим ходатаем, дабы он посредничал в предоставлений им Нисы, за то один из трех их предводителей прибудет ко двору и отдастся служению, туркмены же будут войском и станут нести любую службу, какую им укажут. Пропал Хорасан, Бу-л-Фазл! Ступай к великому ходже и сообщи ему это обстоятельство”. Я пошел и застал его вставшим после сна, он читал книгу. Увидев меня, он спросил: “Добрые вести?” “Может быть”, — ответил я. “Да знаю я, — возразил он, — потомки Сельджука вступили в Хорасан!” “Так точно”, — промолвил я, сел и рассказал о

случившемся. “*Нет могущества и силы, кроме как у всевышнего, всевеликого бога!* — воскликнул [ходжа]. Вот последствие похода в Амуль и мероприятий Ираки. Седлайте животных!” Я вышел наружу, а он [стал собираться] к выезду. **[416]**

Из своего дивана к нему явился Бу Наср. [Ходжа] отослал посторонних, никто другой, кроме меня, не остался. [Бу Наср] подал ему письмо от Сури: “Потомки Сельджука и Йинала [99], около десяти тысяч конных, пришли из Мерва в Нису. Находившихся там туркмен и толпу прочих хорезмийцев потомки Сельджука держат перед собой стоя, не сажают, считая сие неуместным. Письмо же, кое они написали к слуге [государя], он приложил к сему, дабы высочайшее мнение с ним ознакомилось”. Письмо было такого рода: “Превосходительному славному шейх арреису, сейиду мавлана Абу-л-Фазлу Сури от Убейда Ябгу” Тогрула и Дауда [100], рабов повелителя верующих.

Нам, слугам, нет больше возможности пребывать в Мавераннахре, в Бухаре, потому что, покуда был жив

Али-тегин, между нами была приязнь, дружба и свойство. Ныне же, когда он умер, и дело [его] попало в руки двух его сыновей, неопытных юнцов, и Тунуш, который был сипахсаларом Али-тегина, взял над ними власть и над царством и войском, у нас с ним установилась открытая вражда, так что мы там оставаться не могли. В Хорезме великое смятение из-за убийства Харуна, и нам нельзя было податься туда. Мы пришли под защиту владыки мира, великого султана благодетеля, дабы ходжа порадел [нам] /***471***/ и написал великому ходже [Ахмеду], сыну Абдассамада, и сделал его [нашим] заступником, ибо мы с ним знакомы. Хорезмшах Алтунташ, да смилуется над ним Аллах, каждую зиму, до весенней поры, давал в своем владении место нам, нашему народу и нашим животным, и ходатаем бывал великий ходжа. Не примет ли нас высочайшее усмотрение на службу, так чтобы один из нас служил при высочайшем дворе, а другие подымались бы на любую службу, которую повелит государь, и мы успокоились бы под широкой сенью его. И не пожалуют ли нам области Нисы и Феравы,

кои являются окраиной пустыни, дабы мы расположили там наши обозы, обрели душевный покой и не допускали проникнуть через Балханкух и Дихистан, из пределов Хорезма и через Джейхун ни одного злодея, а иракских и хорезмских туркмен мы будем преследовать. Ежели же, не дай бог, государь к нашей просьбе не снизойдет, то мы не знаем, каково будет положение, ибо у нас нет и не осталось никакой земли. Грозность Высокого собрания — велика, и мы не осмелились написать что-нибудь Высокому собранию, а написали ходже, дабы он осуществил это дело с помощью своего достоинства господина, ежели будет угодно Аллаху, велик он и всемогущ!”.

Прочитав это письмо, везир сказал Бу Насру: “О, ходжа, до сих пор мы имели дело с пастухами, поглядим [теперь], сколь возрастут неприятности, ибо нам еще предстоят испытания, теперь пришли завоеватели. Много я плакался, не надобно, мол, идти в Табаристан и Гурган, государь не послушался. Человечишка вроде Ираки, не умеющий отличить свою правую руку от левой, протянул горсть **[417]**

пустой приманки, из которой ничего не вышло, потому что была она нелепой и ложной. Такие умиротворенные владения как Гурган и Табаристан взволновались и пошли на ветер, покорные и послушные жители восстали, кои и с Бакалиджаром не ладили, а в Хорасане стряслась величайшая беда. Да поправит счастливо господь всевышний последствие этого дела! Теперь, несмотря на все это, [опять] не допускают принять правильное решение и раздражают этих потомков Сельджука, ведь можно понять, что впоследствии получится". Затем он сказал: "Это важней того, что можно на час отставить, надобно оповестить эмира". Бу Наср возразил: "Он всю ночь пил вино до позднего утра и [теперь] спит". "Какой тут может быть сон! — ответил везир, — нужно оповестить и сказать, что случилось важное дело, дабы его разбудили".

/***472***/ Меня, Бу-л-Фазла, послали к Агаджи, денщику [государя]. Я переговорил с ним, он вошел в сераперде, остановился и кашлянул. Я услышал голос эмира, спросивший, что случилось. Денщик ответил: "Явился Бу-л-Фазл и говорит, что великий

ходжа и Бу Наср пришли в нимтерг, им надобно видеть государя, потому что случилось важное дело". "Ладно", — ответил эмир и встал. Я пожелал ему добра. Эмир, да будет им доволен Аллах, потребовал таз и воды, умылся. Он вошел из сераперде в шатер, позвал их и [с ними] уединился. Я присутствовал, стоя. Прочитали письма. [Эмир] вскочил с места и крепко выругал Ираки. Великий ходжа сказал: "Божественное предопределение делает свое дело. Ираки и прочие, кроме него, все они только исполнители его. Государю в начале всякого дела, кое он предпринимает, надобно лучше [его] обдумывать. Теперь, когда событие совершилось, нужно постараться, чтобы оно не тянулось долго". "Что же делать?"— спросил эмир. Везир ответил: "Ежели позволит высочайшее мнение, то следует позвать хаджибов Бектугды и Бу-н-Насра, потому что сипахсалара здесь нет. Хаджиб Субаши, который самый дальновидный, пусть тоже явится вместе с людьми, коих сочтет нужными государь, из числа воинства и тазиков, дабы на сей счет поговорить и посоветоваться". "Согласен", — промолвил эмир.

Они вышли [из ставки], люди отправились и позвали предводителей. Народ, как положено, начал сходиться. В час предзакатной молитвы [эмир] открыл прием. [Государь] оставил великого ходжу Ахмеда, сына Абдассамада, ариза Бу-л-Фатха Рази, начальника посольского дивана Бу Насра Мишкана и хаджибов Бектугды, Бу-н-Насра и Субаши. Из числа недимов позвали Бу Сахля Завзани, которого [эмир] время от времени призывал и сажал в подобного рода негласных совещаниях.

По этому вопросу говорились всякого рода речи и обсуждались мероприятия. Эмир, да будет им доволен Аллах, сказал: “Это не пустячное событие — пришли десять тысяч турецких всадников со **[418]** многими предводителями, уселись посередине нашего владения и говорят, у нас-де нигде пристанища не осталось, будто впрямь наша сторона самая слабая. Мы им не позволим утвердиться на [нашей] земле и опериться. Посмотрите на туркмен, которых привел мой отец, переправил через реку и разместил в Хорасане. Они были скотоводы, [а] сколько бед от них причинилось. Им [потомкам

Сельджука], о которых ходжа говорит, будто они ищут над собой опеки, нельзя позволить /***473***/ дохнуть. Лучше всего, нам из Гургана же двинуться лично с дворцовыми гулямами и самой отборной ратью по семенганской дороге, которая выходит между Исфераином и Устувой, и совершить нападение на Нису, как можно сильнее, и истребить их".

"Так лучше всего, как усматривает высочайшее мнение", — заметил везир Ариз, начальник посольского дивана и Бу Сахль Завзани повторили то же самое. "Что скажете вы?" — спросил везир хаджибов. "Мы существуем ради войны, — ответили те, — действуем по приказу, который получаем, и разим мечом, дабы враги не достигли цели. Разработать мероприятия — дело ходжи". — "Во всяком случае, нужно разузнать о состоянии дороги, в каком она виде", — сказал везир. Тотчас привели несколько человек, кои были знакомы с той дорогой. Они описали три пути: один [через] пустыню со стороны Дихистана, очень трудный, без воды и кормов, а два — по большей части очень неровные и

пересеченные. Везир заявил: “То, что слуга [государя] знает, он скажет, как совет, приказывать же будет государь. Животные ексуваров и принадлежащие дворцовым гулямам большей частью долгое время в Амуле ели рисовую солому, а с тех пор как мы пришли [сюда], едят траву. Отсюда до Нисы [пути] таковы, как описали — неровные и трудные. Ежели государь двинется сам своей особой и будет спешить, животные устанут, и рать, которая дойдет до поля битвы, будет неспособна и утомлена, а враги, отдохнувши, готовы [к сражению] и животные [их] в силе. Надобно подумать, как бы не случилось беды, и нам себя не опозорить, ибо выступление государя лично драгоценной своей особой — дело немалое.

Во-вторых, туркмены спокойны и никаких злодеяний от них не обнаруживается; в таком роде они и писали Сури и выразили рабскую покорность. Слуге [государя] кажется лучше всего отписать Сури добрый ответ и сказать, что надобно-де передать дехканам [101], чтобы они не тревожились, потому что пришли к себе домой и находятся под нашей опекой

и защитой. У нас, мол, давно было намерение пойти в Рей, когда мы туда прибудем, то все, что наше усмотрение найдет нужным и будет им на благо, мы прикажем. Покуда это письмо пойдет [к ним], и государь отсюда счастливо будет совершать переход в Нишабур, животные отдохнут и наберутся сил, и намерения этих пришельцев тоже лучше /***474***/ проявятся. Тогда, ежели понадобится, и **[419]** мнение государя признает за лучшее изгнать их из Хорасана, пусть отправится, приготовив отряд сильного войска с опытным и благоразумным саларом и прикончит с успехом их дело, дабы показать [нашу] силу. [Но] ежели государь сам своей особой пойдет на них, особливо ежели наступление поведут отсюда, то слуга [государя] высказал все, что у него было на уме — приказывать надлежит государю". Присутствовавшие согласились, что это мнение — правильное и порешили на том, чтобы через три дня выступить в Нишабур.

Эмир велел позвать на это собрание Бу-л-Хасана Абдалджалиля. Он явился и получил распоряжение пойти в город Гурган с пятью предводителями из

серхенгов, с одним хаджибом и тысячью конных и быть кедхудаем [этого] войска — [посмотрим, мол], что станет с заверением Бакалиджара, которое он дал о присылке откупных денег [102]. Тогда то, что найдет нужным [государево] усмотрение, будет повелено. По этому вопросу несколько времени продолжались прения. [Затем] Бу-л-Хасана Абдалджалиля отвели в вещевую палату и надели на него халат. Он предстал пред лицо [государя] с предводителями и хаджибом; им тоже дали по халату. Они удалились, проследовали в полной готовности мимо ставки и выступили из города.

В среду, в десятый день месяца раджаба [103], прибыли спешные гонцы [104] из Хорезма и привезли известие об убийстве Абдалджаббара, сына великого ходжи, и его родичей и приверженцев. Абдалджаббар поторопился: когда убили Харуна, он тотчас же вышел из потайного убежища, сел на слона и поехал на площадь Серай-и Имарат. Другой сын хорезмшаха, которого звали Хендан, с Шукр-Хадимом и гулямами бежал. По несчастливой случайности Шукр-Хадим с несколькими гулямами

за каким-то делом пришел на площадь Серай-и Имарат. Он встретился с Абдалджаббаром, и Абдалджаббар стал его поносить. “Дайте ему!” — приказал Шукр гулямам. Те схватились за стрелы и бердыши и убили Абдалджаббара вместе с двумя его сыновьями, двоюродным братом со стороны отца и сорока с лишним его приверженцами. Они снова возвратили обратно Хендана и посадили его эмиром. Обстоятельное описание этих событий будет дано в главе о Хорезме.

Везир приступил к исполнению обряда оплакивания. Вся служилая знать и вельможи направились к нему. Я видел, какую он проявил твердость духа: ни одна слезинка не пролилась из его глаз. Во всех смыслах величия сей муж был единственным [в свое время] и в этом случае его тоже видели преисполненным смирения и похвалили [за это]. Впрямь было похоже на то, словно стихотворец вот этим бейтом имел в виду его, стихи: **[420]**

*По нас скорбели, мы не оплакивали никого,
Сердца верблюдов к нам сурово речь держали* [105].

Эмир прислал к нему факиха Абдалмелика Туей, недима, с уведомлением о соболезновании. /***475***/ Сей факих был красноречив и умен. Когда он передал устное сообщение, ходжа встал, облобызал землю, сел и сказал: “Слуга [государя], сыновья [его] и все, кто у него есть, да падут жертвой за один волосок государя, ибо счастье слуг в том, чтобы прожить жизнь в благоволении господина. Люди созданы по одному образцу — никто не приобретает славы по ошибке”. Сие воздержание от плача и стенаний совсем походило на то, как поступил Амр, сын Лейса,, и я расскажу, что на сей счет читал, дабы было известно. *А Аллах знает лучше!*.

РАССКАЗ ОБ АМРЕ, СЫНЕ ЛЕЙСА, ЭМИРЕ ХОРАСАНА, О ТВЕРДОСТИ ДУХА ВО ВРЕМЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ ЕМУ О СМЕРТИ СЫНА

Амр, сын Лейса, в каком-то году вернулся из Кермана в Систан. Его сын Мухаммед, коего называли почетным прозвищем Фата ал-аскар [106], вырос очень красивым юношей и способным. По воле судьбы в Керманской пустыне этого сына поразила болезнь кулендж [107], в пяти фарсангах от

города Систана [108], но Амру не представилась возможность задержаться в том месте. Он оставил сына там с лекарями и надежными людьми, с одним дебиром и сотней всадников на верблюдах-скороходах. Их за'иму он сказал: “Надо, чтобы всадники прибывали [ко мне] один за другим и чтобы дебир писал, как чувствует себя больной, что ест, что говорит; спит ли или не спит, дабы Амр знал о всех переменах, кои предопределил господь бог, да славится поминание его!”.

Амр доехал до города, расположился в личном своем серае и сел в уединении на ковре неустанной молитвы, так что пребывал там и днем и ночью, там же спал на полу без подушки под головой. Всадники на верблюдах непрерывно приезжали, раза двадцать три в сутки. То, что писал дебир, ему прочитывали, а он стенал и плакал и раздавал богатую милостыню. Семь суток прошло на такой лад: день в посте, ночью разрешая себя хлеб сухой, не подкрепляя себя каким-нибудь нанхваришем [109], в плаче и стенании.

На восьмой день перед рассветом приехал старшой всадников без письма, потому что сын отошел [в иной мир], а дебир не осмелился написать извещение о смерти. Он послал старшого, не сумеет ли тот рассказать о случившемся событии. Войдя к Амру, [старшой] облобызал землю, но письма при нем не было. Амр спросил: “Мальчик получил повеление?” За'им всадников ответил: /***476***/ “Долгие лета жизнь государю!” “Хвала Аллаху, слава господу, велик он и всемогущ, который содеял то, что хотел, и содеет то, что захочет! Ступай, храни, **[421]** в тайне это событие”. А сам встал и пошел в баню. Ему распустили волосы, вымыли. Он пришел успокоенный и лег отдохнуть.

После молитвы он приказал позвать правителя двора. Тот пришел. Амр распорядился: “Пойди, приготовь на завтра большое угощение, три тысячи барашков и то, что к ним полагается, вино и принадлежности к нему и приведи мутрибов”. Правитель двора удалился и все приготовил. Хаджибу Амр сказал: “Завтра будет всеобщий прием, оповести воинство и раиятов, знатных и простых”.

На другой день рано утром он сел и открыл прием. Расставили много столов, после приема к ним протянули руки; принесли вино, мутрибы начали свое дело. Когда уже кончали, Амр обратился к знатным вельможам, родичам и свите и произнес: “Знайте, что смерть — правда. Мы семь суток страдали за сына [нашего] Мухаммеда. Мы отказались от сна, от пищи, от покоя, — лишь бы он не умер. [Однако] приговор господа бога, велик он и всемогущ, был таков, чтобы сын скончался. Ежели бы его продали обратно, мы бы купили [его] за самое [для нас] драгоценное, но сей путь для человека закрыт, поскольку от отошел [в иной мир], и известно — мертвый не возвращается. Стенание и плач — безумие и дело женщин. Возвращайтесь по домам, будьте как всегда, живите радостно, ибо царям печалиться — нелепо”. Присутствовавшие пожелали ему добра и разошлись. От подобных рассказов у людей крепнет решимость, а людям презренным они воздают соответственно их сущности.

Эмир Мас'уд, да будет им доволен Аллах, выступил из Гургана в четверг, одиннадцатого числа месяца раджаба [110], и прибыл в Нишабур в понедельник за восемь дней до конца сего же месяца [111] и расположился в саду Шадьях. В воскресенье, за два дня до конца сего же месяца, в Нишабуре помер Ахмед Али Нуш-тегин, да смилуется над ним Аллах! *Каждый смертный час предначертан*! Со смертью его, можно сказать, забросили наездничество, човган, лапту и прочие предметы адаба [112].

Когда эмир приехал в город, он с жаром принялся устраивать дела войска, дабы послать его в Нису. Туркмены держали себя спокойно, выжидая, что произойдет [дальше]. Письма осведомителей из Баверда и Нисы были таковы: “С тех пор как мы выступили из Гургана и до остановки в Нишабуре, с их стороны никакого воровства и преступлений не было. /***477***/ Обозы их большей частью ограбил и увел Шахмелик, и они весьма несчастны. То, что у них осталось, они держат при себе, отвели в пустыню и зорко стерегут днем и ночью; **[422]** готовы они на войну и на мир. С ответом, который ими получен от

Сури, они немного успокоились. Однако потомки Сельджука находятся в большом страхе и каждый день они и йиналовцы с рассвета до позднего утра верхом на конях, остановившись на каком-нибудь холме, совещаются, что делать, ибо слышали, что высочайшее знамя двинулось на Нишабур. Они сильно боятся". Эти письма доложил ходжа Бу Наср, и эмир прекратил пить вино, крепко призадумался и раскаялся в походе, от коего в Табаристане не осталось ничего, кроме дурной славы, а в Хорасане установилось эдакое положение. У Ираки уже больше не хватало смелости говорить с эмиром о мероприятиях по управлению государством. Но хуже всего было то, что [у эмира] на великого ходжу Ахмеда, сына Абдассамада, возникли подозрения, несмотря на добрые услуги, кои он оказал, и на правильный расчет, как убить забытого богом Харуна. [Эмир] счел мятеж Харуна делом рук Абдалджаббара, сына великого ходжи. Кроме того, [ему] представили так, будто у ходжи с врагами есть общий язык и что приход потомков Сельджука в Хорасан ему желателен. От ходжи Бу Насра, да

смилуется над ним Аллах, в негласной беседе, которая у него была с Абу Мансуром Тейфуром и со мной, я слышал, он говорил:

“Господь, велик он и всемогущ, знает, что сей везир — человек честный и добросовестный и находится вне подобного рода подозрений. Однако бывает, что у царей разыгрывается воображение и [тогда! никто не может как следует постичь их убеждения и сердце и понять их образ действий. Я, Бу Наср, в силу того, что с юности и до наших дней соприкасаюсь с ними, более осведомлен в их образе жизни. То судьба захотела, что государь наш держит везира в подозрении до [того], что противодействует всякому правильному мероприятию, которое тот придумывает по любому вопросу. *Когда приходит судьба, слепнет зрение*.

Несколько раз [государь] испытывал этого вельможу, и тот оказывал важные услуги; он назначал его с громадной ратью в Балх, Тохаристан и Хутталан, приставляя к нему скрытно приставом какого-нибудь значительного салара. Ходжа все это знал и

переносил и ничуть не переставал [давать] советы. Ныне, когда приключилось событие с потомками Сельджука, и эмир по этой причине удручен, ветревожен и готовится /***478***/ послать в Нису рать, он по сему поводу созвал негласное совещание. Произносили всякого рода речи. На все, что ни говорил везир, эмир отвечал оскорбительно.

Когда мы вернулись обратно, ходжа уединился со мной и сказал: “Видишь, что мне препятствует!? Слава Аллаху великому! Такого сына моего как Абдалджаббар убили со множеством людей из приверженцев [его]! Погибли они Хорезма ради и при всем этом государь кое-что знал [о том], что я в хорезмских событиях не повинен. На всякий раз **[423]** когда у него зародится подозрение, и он [что-нибудь] вообразит, у меня же сына и стольких людей не найдется, чтобы им зря пропасть, а ему бы понять или не понять, что я невиновен. Но еще удивительней с этими туркменами. Уж не говоря ни о чем другом, с какой стати я бы питал к ним склонность? Что они дадут мне должность везира, когда наберутся мощи после столь многих земных

поклонов передо мной и лобызаний руки? Во всяком случае, теперь везир такого государя как Мас'уд, сын Махмуда, — я так понимаю — поважнее, чем будь я везиром какой-то кучки людей, которые мне долго служили. Ну а коль скоро положение таково, как оно есть, где во мне остаться сердцу? Как работать рукам и ногам моим, как действовать рассудку и соображению?”.

Я ответил: “Да будет долгой жизнь господина! Все это не так, не нужно заводить сердце в такие места, ибо ежели быть столь мнительным и недоверчивым тогда, когда впереди столь много важных дел, то [ничего] не получится”. “Ты что меня улещаешь, ходжа, — возразил везир, — я ведь не маленькое дитя. Разве ты не видел, сколько слов сегодня было сказано с оскорблением. Давно уже я это на себе чувствую, но пропускал мимо, а теперь оно выходит из границ”. “Ходжа позволит, ежели я об этом обстоятельстве доложу Высокому собранию?” — спросил я. “Будет бесполезно, — ответил он, — ибо сердце государя испортили. Ежели когда-нибудь зайдет разговор об этом, и ежели ты [тогда] дашь

честный совет, достойный тебя, и расскажешь по правде, что обо мне знаешь, то позволяю". "Прекрасно", — заключил я.

Случайно эмир созвал негласное совещание, где речь шла о Балхе, о сыновьях Али-тегина, о Хорезме и потомках Сельджука. Я сказал: "Да будет долгой жизнь государя! Нельзя откладывать важные дела, чтобы образовался склад. Эту тревогу на сердце принесло пренебрежительное отношение к делам. Надобно малость воздержаться от удовольствий и отдаться делу, посоветоваться с везиром". — "Что ты говоришь! — возразил эмир, — все это исходит от него, ведь он с нами не прямодушен". Эмир стоял [на своем] /***479***/ и начал жаловаться на великого ходжу, что в Хорезме произошло то-то и то-то, а сын его учинил так-то, и вот теперь он привел потомков Сельджука. "Да будет долгой жизнь государя! — сказал я в ответ, — у нас с ходжой на сей счет вчера была долгая беседа, много слов было сказано, и он выказал не в меру много отчаяния. Я спросил его, дозволено ли будет эти слова доложить Высокому собранию. Он ответил, что коль скоро придется к

слову, то дозволяется, ежели ты, мол, расскажешь от себя. Теперь, коль будет повеление, я расскажу?” — “Ладно”, — промолвил [эмир]. **[424]**

Я воспользовался случаем и рассказал полностью все, что говорил везир. Эмир на несколько времени крепко призадумался, потом сказал: “Верно, он говорит правду, что его достояние, сын и люди погибли за Хорезм. Для того, чтобы пал тот гордец, он принимал меры правильные, от [чистого] сердца”. — “Раз государь знает, что это так, — продолжал я, — а этот человек — везир, оказавший немало добрых услуг, кои от него были потребованы, жертвовавший своей жизнью и достоянием, то какая польза быть о нем дурного мнения и его подозревать, ведь вред от этого падет на государевы дела, ибо, как сумеет правильно рассудить заподозренный везир, ведь все, что он придумает и захочет доложить, будет, по его убеждению, понято совсем иначе. [Везир] говорит только то, что требуется [в данное] время, а правота и полезность [совета] пропадают”.

Эмир, да будет им доволен Аллах, ответил: “Да, это так, как ты сказал, до сих пор для нас от этого человека не обнаружилось никакого обмана, но нам о нем прожужжали уши и еще продолжают жужжать”. — “У государя нынче появилось много важных дел, — возразил я, — ежели высочайшее усмотрение позволит, то сердце сего человека следует заполучить [обратно]. Коль скоро после сего о нем будут что-либо говорить понапрасну, то [государь] прикрикнул бы на того человека, дабы у человека раскрылись разум и сердце, и дела государевы не запутывались, а шли бы прекрасно”. — “Что же надобно сделать на сей счет?” — спросил эмир. Я ответил: “Ежели государь найдет возможным, то пусть позовет его и наедине согреет его сердце”. “Нам совестно”, — промолвил [эмир]. Да простит господь всемогущий великого государя! Позволительно сказать, что не может быть государя более великодушного и мягкосердого, чем он.

“Как же полагает государь?” — спросил я. “Тебе следует пойти к нему около часа предзакатной молитвы с устным сообщением от нас и сказать ему

все, что ты сочтешь за благо /***480***/ и что принесет успокоение его сердцу; завтра и мы ему скажем лично то же, так что у него не останется никаких сомнений. Когда ты сходишь к нему, тебе нужно будет повидать меня и рассказать все, как было". — "Ежели высочайшее мнение позволит, то пусть со мной пойдет Абдус или кто-нибудь другой из ближних людей государя по его благоусмотрению, [все же] двое — не один" — "Я понимаю, что ты думаешь, — возразил эмир, — [но] от нас к тебе не приставлен соглядатай, и твое сочувствие и честность очень хорошо известны", — и он сказал [мне] много хорошего, так что я смутился, отвесил поклон и удалился.

В час предзакатной молитвы я отправился к ходже и все, что было, передал ему, а [также] устное сообщение [от эмира], полное ласки и сердечной теплоты. Когда я кончил, ходжа поднялся, облобызал землю, сел и прослезился. Он сказал: "Я никогда не забуду права **[425]** владыки, принадлежащие государю, несмотря на ту высокую степень, в коей он меня утвердил. Покуда я жив, я нисколько не

останусь в долгу по части служения, подачи совета и сочувствия. Но я прошу нижайше не слушать слов моих завистников и врагов обо мне. Ежели с моей стороны произойдет ошибка, пусть меня одернут и накажут, но не скрывают у себя на сердце и за нее не берут [меня] под подозрение. От страха у меня мысли и руки перестанут работать и ущерб от этого отразится на государственных делах. Как можно будет [тогда] вести речь о важных вопросах?" Я ответил: "Пусть господин великий ходжа ободрит и успокоит [свое] сердце, ибо ежели после этого будет проявлено какое-либо лицемерие, то за него надобно будет схватить Бу Насра". Я поднял его настроение, ушел и доложил полностью эмиру о том, что происходило, сказав: "Ежели высочайшее усмотрение найдет возможным, пусть завтра в негласной беседе великому ходже будет сказано доброе слово, ибо то, что он услышит из высочайших уст, будет не то, [что из моих]". — "Сделаю", — промолвил эмир.

На другой день после приема [эмир] уединился с ходжой, а приближенные удалились. [Эмир] позвал и

меня и сказал везиру несколько слов весьма любезных, так что у везира никаких сомнений не осталось. Слова эти были совершенно необходимы, дабы [везир], возможно, распутал бы дела, потому что без везира [ничего] не вышло бы” [113]. “Да, это так”, — заметили мы и пожелали ему добра за то, что он столь блюдет благополучие [государства].

/***481***/ Поскольку эмир Мас'уд, да будет им доволен Аллах, принял твердое решение послать сильную рать с властным саларом в Нису, он созвал негласное совещание с везиром, аризом, начальником посольского дивана и Бу Сахлем Завзани, недимом, с хаджибами Бектугды, Бу-н-Насром и Субаши. Кто-то пошел и позвал вельмож, серхенгов, хаджибов и правителей областей, как-то: хаджиба Нуш-тегина Валь-валиджи [114], салара Пири Ахура и других. Когда они явились, эмир сказал: “Несколько дней [мы] простояли на месте, войско освежилось, животные отдохнули. Хотя письма осведомителей из Нисы и Баверда приходят такого рода, что потомки Сельджука спокойны, боятся и раиятов не обижают, нам все же, сколько мы ни думаем, кажется некстати,

что десять тысяч турецких конников находятся среди нас. Как с ними быть?” Все поглядели друг на друга. “Говорите, — промолвил везир, — ведь государь вас спрашивает и позвал вас ради этого важного дела. Положение таково, как изволит видеть высочайшее усмотрение. От этих людей надобно либо очистить Хорасан и всех их отбросить на ту сторону реки, либо они должны покорно прийти на служение государю отдельными отрядами, и предводители их [должны] прислать заложников к высочайшему двору”. **[426]**

Заговорил Бектугды: “Хорошо известно, что покойный эмир по воле своей привел в Хорасан полчище туркмен, [известно], какое зло они причинили и все еще причиняют, а у этих, других [туркмен], загорелось желание прийти в Хорасан [через] тех. Враг никогда не сделается другом, — меч на них надобен, ведь это говорил еще Арслан Джазиб, но его не послушали, покуда не стало так, как есть”. Прочие вельможи сказали то же самое, и было положено, чтобы в Нису двинулась рать с опытным саларом. “Кого пошлем?” — спросил эмир.

[Ему] ответили: “Коль позволит усмотрение, мы, слуги, с везиром сядем снаружи, и дело решится путем устных передач”. “Ладно”, — согласился эмир. Они удалились.

Бу Наср Мишкан приходил и уходил. Много слов было сказано, покуда не остановились на десяти саларах, предводителях [из] свиты, так чтобы главой их был хаджиб Бектугды, а кедхудаем ходжа Хусейн, сын Али Микала; [постановили] также снарядить пятнадцать тысяч всадников разного рода и две тысячи дворцовых гулямов. Бектугды сказал: “Я, слуга, повинуюсь приказу, однако говорят, у семи поваров [115] котел не кипит: назначили в эту рать несколько человек /***482***/ именитых саларов, частью махмудовцев и кое-кого из возвышенных государем, молодежь неопытную, а ведь приказ должен быть един и дает [его] глава саларов. Я уже человек постаревший, глазами и телом слабый, и не могу [за всем] усмотреть. А в саларстве никакое противление не должно быть терпимо, от этого [может] стрястись большая беда. Государь-то знает от меня”. Эмир, да будет им доволен Аллах, ответил: “Никто из этих

саларов не осмелится выйти из повиновения тебе”. Кое-кому пришлось не по душе, что начальником пойдет Бектугды. Стали говорить: “Старик сей рассуждает правильно, не годится, чтобы дело пошло вкривь”. — “Бектугды все равно придется пойти, ибо выбор пал на него”, — промолвил эмир. Народ удалился, чтобы тем, кому должно было отправиться, справить дела”.

Великий ходжа по секрету сказал Бу Насру: “Уж очень мне нежелателен этот военный поход, но я не решаюсь слова сказать, ибо все перевернут иначе”. — “По какой же причине?” — спросил [Бу Наср]. “Сочетание светил очень дурное”, — ответил [ходжа], а он прекрасно знал науку о звездах. Бу Наср возразил: “И мне [поход] противен. Науки о звездах я не знаю, но знаю только, что толпище чужих людей, пришедших в эти края и изъявляющих рабскую покорность, принять [к себе] лучше, чем нагнать на них страх и вызвать в них недоверие. Однако, поскольку государь и салары решили так, то не остается ничего другого, как молчать. [Посмотрим], что предопределил господь бог, велик

он и всемогущ”. “Я обязательно доложу, — сказал ходжа, — ежели и не будет услышано, то я хоть не понесу **[427]** ответственность”. Он доложил, но без пользы, ибо приспела судьба, а приспевшую судьбу одолеть нельзя.

На другой день эмир выехал верхом и остановился на поле, кое находится перед садом Шадьях. Войско пересчитали концом кнута [116], так что все признались, что его достаточно на весь Туркестан, да еще две тысячи дворцовых гулямов — этого хватило бы на целый мир. Начальнику гулямов хаджибу Бектугды эмир выразил много любезности и обласкал [его], а всем вельможам и предводителям сказал: “Сей человек — ваш салар и мой наместник. Все вы слушайтесь его указаний, ибо его распоряжения равны нашим повелениям”. Все облобызали землю /***483***/ и промолвили: “Слушаемся и повинуемся”. Эмир вернулся обратно. Расставили столы и усадили вельмож, предводителей, родичей и свиту за обед. Когда покончили [с обедом], Бектугды и другим предводителям, назначенным на эту войну, дали халаты. Они предстали [пред лицо эмира],

поклонились [ему] и удалились. На другой день, в четверг девятого числа месяца ша'бана [117], эта рать отправилась в Нису с очень значительным запасом продовольствия, снаряжения и оружия, и с ней ходжа Хусейн, сын Али Микала, а при нем много одежды и золота, чтобы по степени заслуг раздавать по своему усмотрению награды людям, кои в день битвы будут хорошо сражаться. Назначили с ними и слонов, дабы когда салар поедет на слоне, Хусейн тоже садился бы на слона в день битвы и видел, что происходит.

В пятницу, десятого числа сего же месяца, эмир соизволил передать должность хатиба в Нишабуре устаду Абу Усману Исмаилу, сыну Абдаррахмана Сабуни, да смилуется над ним Аллах! Сей человек во всех видах мастерства был единственным в [свое] время, особливо в обряде прославления свойств божиих и красноречии, и высокое его превосходство видели в том, что все мастера красноречия перед ним побросали щиты [118]. В сей день он произнес весьма прекрасную хутбу. Казий Абу-л-Ала Са'ид, да покроет его Аллах своим милосердием, обиделся на это назначение и передал устные сообщения [эмиру],

что переворачивать, дескать, установленные правила — непохвально. Было отвечено: “Так пришлось, пусть не сердится”.

В час предзакатной молитвы во вторник, двадцать первого числа месяца ша'бана [119], пришла записка от осведомителя, состоявшего при войске, что туркмен разбили с первого раза, когда до них дошел передовой полк, так что не оказалось нужды в большом полке и полках правой и левой руки. Около семисот-восьмисот голов тут же посекли, множество народа захватили в плен и заполучили большую добычу. Как только пришло это известие, ферраши ради оповещения пошли по домам знатных людей с этой вестью и много чего [за то] получили. По прибытии вестников [эмир] приказал трубить в рога и бить в **[428]** барабаны и потребовал недимов и мутрибов. Они явились и принялись за дело. Всю ночь до утра [эмир] пил, и шло большое веселье, ибо он не пил вина уже несколько дней, а близок был месяц рамазан. Так же как он веселились по своим домам и все [прочие].

На рассвете пришло сообщение, что султанской рати /***484***/ нанесли страшное поражение и все, что у ней было драгоценного и принадлежностей, попало в руки противника. Салара Бектугды гулямы сняли со слона, посадили на коня и поспешно увезли, а ходжу Хусейна, сына Али Микала, взяли в плен, потому что он был на слоне, лошадь до него не дошла. Рать, отступая, двинулась несколькими путями. Как только прибыло это сообщение, дежурный дебир оповестил ходжу Бу Насра. У Бу Насра дом был в Мухаммедабаде, близко от Шадьяха. Он тотчас же явился во дворец. Прочитав письмо — оно было очень краткое — он до крайности растерялся и приуныл. Спросил, что делает эмир; ответили, что он перед рассветом лег почивать и невозможно, чтобы он проснулся ранее позднего утра. Бу Наср написал записку везиру, упомянув происшествие. Везир явился. По обыкновению начали сходиться родичи, свитские и вельможи.

Придя во дворец, я, Бу-л-Фазл, застал везира, ариза, начальника посольского дивана, Бу Сахля Завзани, Сури, хорасанского сахиб-дивана, Субаши и хаджиба

Бу-н-Насра, сидящих без посторонних у ворот сада. Ворота были заперты и сад пустой. Они горевали по поводу события и разговаривали, но сути того, что случилось, они не знали. Поздно утром написали записку эмиру, что произошло такое-то горестное событие, приложили [к ней] записку осведомителя и завернули в обертку. Слуга ее взял, передал и принес ответ: “Всем не расходиться, с часу на час придет другое известие, потому что конные [гонцы] беспрерывно в пути; после молитвы будет прием, чтобы на сей счет переговорить”. Других людей отпустили, а эти вельможи остались во дворце.

Около часа пополуденной молитвы прибыли два феравинских всадника из девсуваров, принадлежащих Сури, с лошадьми и снаряжением; отправились они с поля сражения, люди боевые и ехали очень быстро. Их вызвали и расспросили о положении: по какой причине в первом письме говорилось, что туркмен перебили и нанесли [им] поражение, а во втором письме — что враг победил. Они ответили: “Это божье дело, ни у кого и в мыслях не было, что враги, трусливые и безоружные,

несчастные бродяги, ни с того, ни с сего разгромят столь великую рать. Но нужно знать правду. Ежели бы приказы салара Бектугды исполняли, /***485***/ то этой беды не стряслось бы. Но ведь не исполняли. Всяк действовал по своему желанию, потому что саларов было много. Когда выступили отсюда, осмотрительность и осторожность соблюдали, и на каждом переходе движение совершали в **[429]** порядке: большой полк, полки правой и левой руки, оба крыла, запас, сторожевой полк и передовой полк шли правильно. Подойдя к становищу, увидели несколько горстей пустых шатров и животных и несколько пастухов. Салар приказал: “Будьте благоразумны, соблюдайте порядок, ибо враг находится по краю пустыни и устроил засады. Не случилось бы беды, пусть пойдет наш головной отряд и хорошенько разведает положение”. Приказа не послушались. Произошло так: головной отряд двинулся с места и набросился на те шатры, на домашний скарб, на отощавший скот и перебил много разного рода народа. Вот это и было первое сообщение, что туркмены разбиты.

Когда салар увидел такое положение, дело беспорядочное, он по необходимости двинул вперед большой полк, [полки] перемешались, и боевой порядок нарушился, особенно когда подошли к той деревне, где у противника имелись засады, и он подготовился к бою. Начали сраженье. Ходжа Хусейн сидел на слоне. Бой разгорелся, как сильнее не бывает, потому что враг старался затянуть дело и дрался хорошо. Вышло не так, как полагали, что при первом наскоке враг побежит. День выдался очень жаркий, песок раскалился, войска и животные изнемогали от жажды. В тылу у них был арык. Несколько неопытных саларов стали говорить, что нужно-де спокойно повернуть войско назад, налетая [на врага] и откатываясь, пока оно не дойдет до воды. Того не понимали эти салары, что поворот вспять бывает равносилен поражению, а мелкий люд [сам] не может додуматься, что это значит. Без ведома салара [Бектугды] повернули обратно. Враг, увидев это движение, счел его за отступление, ринулся из засад и насел с большой силой. Салар Бектугды растерялся. Слабый телом, беспомощный, верхом на

слонихе, где ему было поправить положение — войско [продолжало] идти своей дорогой, а враг сильно наступал и одолевал. Когда враг стал окружать слона, гулямы сняли с него Бектугды, пересадили на коня и, отбиваясь, увезли. Будь оно не так, то и он тоже попал бы в плен. Тут уж было не до воды и остановки там! Никто не выручал друг друга, каждый думал только о своей /***486***/ жизни, и [все] огромное имущество [120], богатое убранство и снаряжение попали в руки противника, потому что все наши люди ушли, каждый отряд по другой дороге.

Мы двое держались вместе, покуда туркмены не бросили преследовать наших и мы не оказались в безопасности. Потом мы мчались целую ночь и вот прибыли. Раньше нас никто не приехал. То, что мы рассказали — правда, потому что нас и восемь наших товарищей назначил к этой рати сахиб-диван для доставления известий. До сих пор мы не знаем, что случилось с нашими товарищами, куда они пропали. Ежели кто-нибудь скажет, что было наоборот, то слушать не нужно, ибо у нас только и была эта

должность в войске — узнавать **[430]** происшествия и сообщать. Жалко, что такое громадное снаряженное войско пошло на ветер из-за ослушания предводителей. Но такая уж была судьба!”.

Когда вельможи и предводители услышали эти слова, они очень огорчились, что столь великая, хорошо снаряженная рать пропала задаром. То, что слышал, ходжа Бу Наср продиктовал мне, и оно было записано. После молитвы эмир открыл прием, а потом устроили негласное совещание. Заседали эти же вельможи, и совещание продлилось до часа вечерней молитвы. Эмир прочитал список. Речь шла обо всем. Везир утешал эмира и говорил: “Такова была судьба. Так бывало с тех пор, как мир стоит, с большими ратями так случалось много раз. Да будет государю долгая жизнь, ибо покуда существует государь и его держава, все беды можно поправить”. “Помимо приговора господа бога, велик он и всемогущ, — сказал ариз, — это поражение произошло потому, что войсковые предводители не поддержали [салара Бектугды]”. Все говорили в таком же роде, кто помягче, кто порезче.

Когда они удалились, везир обратился к Бу Насру: “Ты все молчал, не говорил, а когда заговорил, то [словно] камень из камнемета пустил в стеклянный дом”. “Что же делать, — ответил Бу Наср, — я грубиян и с желчью своей не справляюсь. Однако от меня наш государь того не слышал, что от тебя. Событие случилось такое ужасное, что покуда жив буду, горечь его у меня во рту не пройдет. Не привык я к подобным событиям в сей великой державе. Первому скажу господину великому ходже, потом другим: ради того, чтобы расположить [к себе] султана, дабы греха на грехе не было, его воодушевляли, и я тоже кивал головой и поддакивал, потому что выхода /***487***/ не было. Внутри меня раздался [голос]: “Бу Наср, что ты говоришь?” [Голос] повторял, настаивал. Что же мне было делать, как не сказать правду, не дать хороший совет; быть может, он [после них] откажется от самовластья, станет прислушиваться к более верным делам?” “Да вознаградит тебя Аллах добром! Ты говорил и говоришь прекрасно”, — сказали все и разошлись.

Потом я спросил у ходжи Бу Насра: “Что за речь была сказана, столь напугавшая людей?” Он рассказал: “Все говорили лицемерные слова и случившееся важное событие считали пустяком, как водится. Я не проронил ни слова и от злобы меня корежило. А эмир [и впрямь] не придавал [событию] значения [121]. “Да будет долгой жизнь государя”, — сказал я, — хотя разговор о войне не мое ремесло, и я ничего не сказал ни тогда, когда рать отправляли, ни ныне, когда случилось важное событие, [но] сейчас, когда государь настаивает, было бы неприлично ничего не сказать. Сердце слуги [государя] обливается кровью, и я хотел бы быть мертвецом, чтобы не видеть сей день. Эмир **[431]** возразил: “Говорить следует без стеснения, ибо у нас нет никаких подозрений к твоим словам”. Я сказал: “Да будет долгой жизнь государя! Надобно немного воздержаться от веселья и удовольствий, самому сделать смотр войскам и те сбережения, коими ходжа ариз полагает, что оказывает услугу, пустить в расход, привлечь [к себе] сердца воинства и поберечь ратных людей, ведь покойный эмир большие

средства [122] тратил на смелых воинов. Ежели не беречь воинов, то они явятся и, не дай бог, расхитят средства и [нужно будет] страшиться любой опасности. Я, слуга, знаю, что государю эти слова придутся не по душе, слова правды и наставления — горьки, но другого способа нет. Сочувствующие слуги никогда не молчат". — "Да, это так, как ты говоришь, — заметил эмир, — искренность твоя и сочувствие — известны". Речь пошла обо всем. Решили отправить посла. Раньше нужно было бы послать, покуда еще не было этого позора! Я никоим образом в сие дело вникать не буду и каков будет конец не знаю. *Аллах оказывает помощь по милости своей*".

В субботу, за шесть дней до конца месяца ша'бана [123], пришло письмо из Газны о кончине /***488***/ Бу-л-Касима Али Новки, да будет над ним милосердие Аллаха, отца ходжи Бу Насра, который ныне, в счастливую пору великого султана Абу-л-Музаффара Ибрахима, сына Поборника веры в Аллаха Мас'уда, да будет ими доволен Аллах, состоит в должности мушрифа государства, а должность начальника

почты, которую исправлял Бу-л-Касим, эмир, да будет им доволен Аллах, в последние два года отдавал Хусейну, сыну дебира Абдаллаха, должность же газнийского мушрифа взамен этого была передана Бу-л-Касиму не потому, что обнаружился какой-нибудь обман, а [сам] Хусейн просил должность начальника почты. Он был сыном начальника посольского дивана эмира Махмуда, да будет им доволен Аллах, и в пору отца был в Герате везиром этого государя [124]. Государь посовестился отказать и должность начальника почты отдал ему, а должность мушрифа, более важную, — Бу-л-Касиму. Я нарочно изъясняю эти вот обстоятельства, чтобы отдать должное вельможам и старцам этого славного семейства и принести благодарность за хлеб-соль, которую вожу с ними.

После этого стали появляться беглецы. Они шли по разным дорогам и прибывали упавшие духом, пристыженные. Эмир велел их ободрить, и то, что случилось, приписали судьбе. С предводителями эмир поговорил лицом к лицу, строго их попрекнул за ослушание еалару, а они оправдывались. О

хаджибе Нуш-тегине Вальвалиджи я слышал, будто он у ходжи Бу Насра говаривал, что у него одного получился излишек в дважды тысячу тысяч диремов [125]. Салар Бектугды тоже прибыл, доложил о случившемся прямо самому эмиру и сказал: “Ежели бы предводители не противились приказам, я бы весь Туркестан **[432]** мог победить с этой ратью”. — “Нам [теперь] стало хорошо известно это событие, — промолвил эмир, — да будет тобой доволен Аллах, — и служба и искренность твоя — явны”. Прибрели и дворцовые гулямы, разбитые и притихшие, однако по большей части все верхом на лошадях.

Это был первый сильный удар, нанесенный сему государю, потом последовали удар за ударом до [его] конца, когда он пал жертвой и ушел из обманчивого мира сего с болью и с печалью по минувшему, как я все обстоятельно опишу на своем месте, ежели будет угодно Аллаху, велик он и всемогущ! Как можно было отразить приспевшую судьбу, когда божественный промысл был таков, что в эти края придут потомки Сельджука. *Аллах делает, что хочет и судит, как желает*. Счастье и могущество —

благоприятная случайность. Надобна почитать книги, рассказы, предания, ибо много есть удивительного я примечательного, и часто бывало именно в таком роде, дабы не торопились языки развязываться насчет сего могущественного падишаха и ему не приписывалось бы бессилие. Хотя /***489***/ в нем было сильное самовластье и в мероприятиях он совершал ошибки, но все это следует признать [за исходившее] от господа бога, да славится поминание его. Надобно знать, что ни один раб [божий] не желает себе зла. После того, как произошла эта битва, он только о ней и говорил, изливал свое горе аризу Бу-л-Фатху Рази, обращался милостиво с ратью и разбирал дела тех воинов, кои ходили на войну, ибо большая часть их потеряла снаряжение и животных.

Подошел месяц рамазан, начали поститься. От осведомителей, кои тайно пребывали в Нисе, пришли изустные сообщения, что в руки туркмен попало столько всякой утвари, добра и животных, золота и серебра, одежды, оружия и ценных вещей, что они совсем ошеломлены от этого и как будто даже не

верят, что произошло такое событие. Когда туркмены почувствовали себя в безопасности, они собрали совет. Вельможи, предводители и старики сели в одном большом шатре, стали совещаться и сказали: “Эдакое событие случилось нежданно-негаданно и было бы нелепо приписывать его своим силам. Эту большую рать не мы разбили, а случилось оно скорей потому, что мы себя сберегали, из-за беспорядка у них и [оттого, что] господь бог, да славится поминание его, хотел, чтобы так произошло, дабы нас одним махом не уничтожили. Непредвиденно нам досталось столь много добра и снаряжения. Были мы нищие и стали богаты. Султан Мас'уд — великий государь, подобного ему в исламе нет. С его ратью приключилось такое происшествие от неурядицы и безначалия. Саларов и войска у него много, нам от того, что случилось, зазнаваться не следует. Надобно послать посла, повести речь покорно и попросить извинения, ибо наши слова все те же, что были раньше. Нам не оставалось **[433]** ничего другого, как биться, когда посягнули на наши

жилища и места. Посмотрим, какой придет ответ, может быть, мы своего достигнем” [126].

Узнав об этих письмах, эмир немного успокоился и переговорил с везиром негласно. “Это не мероприятие для того, чтобы [его] выполнить, ибо ни в коем случае недопустимо разговаривать с ними иначе, как с помощью меча. Неправильно было посылать войско, на сей счет /***490***/ Бу Наср — мой свидетель, потому что я ему [это] говорил. Но поскольку государь [меня] сдерживал, и всякий произносил необдуманные слова, оставалось только молчать и [выжидать], что после этого произойдет нового”.

Вслед за записками осведомителей приехал ко двору посланец от тех туркмен сельджуковцев, человек старый, бухарец, ученый и речистый. С ним было письмо к великому ходже, написанное весьма смиренно. Было сказано: “Мы совершили ошибку, избрав посредником, ходатаем и пособником Сури, ибо он безрассуден и не сумел обеспечить [нам] благополучие и добрый исход [прошения].

Несомненно он толкнул султана на то, чтобы послать [на нас] рать. Упаси боже, чтобы у нас оказалась смелость обнажить меч на победоносное войско. Однако, когда [на нас] напали как волки на стадо — а мы ведь были подзащитными — и покусились на наши жилища, на жен и детей, что нам оставалось делать, как не защищаться, ведь жизнь мила? Ныне мы стоим, все на том же, что говорили сначала. А это роковое несчастье приключилось без нашего желания. Ежели великий ходжа найдет возможным в силу того, что он в Хорезме оказывал нам покровительство в пору хорезмшаха Алтунташа и водил [с нами] хлеб-соль, то взялся бы за посредничество, пособил и расположил бы [к нам] сердце государя султана, дабы наши извинения были приняты; да сего человека нашего отпустили бы обратно с ответным письмом с основой, на коей сердца наши успокоились бы, и попреки прекратились. Ежели пришлет великий ходжа с нашим [посланцем] какого-нибудь своего [доверенного] человека, — будет еще лучше: он

выслушает наши слова, и станет достоверно, что мы покорные слуги и ищем только благополучия”.

Великий ходжа прочитал это послание, выслушал речь посланца, согласную с письмом, только поподробней, распорядился, где поместить посланца и полностью доложил обстоятельства эмиру в негласной беседе. Явились и вельможи. Эмиру это искание сблизиться не было неприятно, и решили вместе с ученым бухарцем послать казия Бу Насра Сини, дабы он поехал и выслушал слова туркменских вельмож. Ежели лицемерия нет и то, что они говорят, не противоречит разуму, то пусть попросит, чтобы с ним отправили послов и те бы откровенно высказались, [дабы] была положена основа и сердца **[434]** успокоились бы. На этом вельможи от эмира ушли. Везир и начальник посольского дивана сели для негласной беседы и сделали так, что с большим трудом /***491***/ смягчили сердце государя к принятию извинения; сей посланец, дескать, из доверенных людей того двора, отпустить его надобно обработав, дабы снова поправить испорченные дела.

Чтобы соблюсти условия бытописания я, само собой, расскажу обстоятельства жизни этого Сини. Он был человек проницательный, большого образования [127], сметливый, к тому же хитрец и лицедей. Его отец учил эмира Махмуда, да будет им доволен Аллах, когда тот был мальчиком, читать Коран. Справедливый эмир [128], да смилуется над ним Аллах, был предстоятелем на молитве [129]. В то время он по злонравию [своему] рассердился, ушел в Туркестан и там обосновался в Узгенде у покойного илека [130]. Эмир Махмуд тайно сделал его осведомителем, и от него была получена большая польза. По этим двум причинам у Бу Насра Сини было прочное положение. В конце поры эмира Махмуда ему была пожалована должность мушрифа [султанского] двора. Этой должности Сини положил твердое основание.

Эмир Мас'уд в начале царствования эту должность сохранял за ним, но за развязность и вольное обращение он охладел к нему и передал должность Бу Са'иду, мушрифу, а Сини приказал быть за'имом в Талькане и Мерве. Сини послал туда заместителем своего сына, а [сам] вертелся около нас во всех

походах. Конец дела его был таков: в пору [эмира] Мавдуда Бу Сахль Завзани в силу того, что был с ним плох, бросил его в одну из крепостей в Хиндустане по ложному доносу, который он [сам] предложил на него написать. Там он и помер. О смерти его говорили всякое: и о браге и о вине, и о жарком, и о яйцах, но истину может знать только господь бог, да славится поминание его! Из этих людей уже никого не осталось. Наступит день воскресения из мертвых и отчет нелицеприятный, и суд праведный и мудрый. И много гнусности [тогда] востанет из-под земли. Господь бог, пусть славится поминание его, да пожалует нам благонравие ради Мухаммеда и всего семейства его!

Казию Сини добрую награду соизволил дать эмир. Он позвал его к себе и в присутствии везира и начальника посольского дивана передал ему [для туркмен] устное заявление по этому делу. Тот пошел и дело уладил. Старику бухарцу тоже дали награду, а везир его позвал и то, что нужно было сказать в ответ на устные заявления, ему сообщил. Они выехали из Нишабура в четверг, второго числа месяца рамазана

[131]. Сини оставался там некоторое время. С ним отправили гонцов, /***492***/ они приезжали и привозили письма для обмена мнений по разным вопросам, о которых шла [речь]. Посылались ответы, чтобы на чем-либо порешить. **[435]**

Сини приехал в Нишабур в среду, за десять дней до конца месяца шавваля [132], и с ним три посланца от туркмен: один от Ябгу, один от Тогрула и один от Дауда и с ними ученый бухарец. На другой день их отослали в диван везира. Было много разговора, и время ушло до часа предзакатной молитвы. С эмиром переговоры происходили путем передачи устных сообщений. В конце концов порешили на том, чтобы области Нисы, Феравы и Дихистан отдать этим трем предводителям и послать им халаты, жалованные грамоты и стяги, а Сини чтобы поехал, доставил им халаты и привел их к присяге, что они будут покорны и послушны султану и будут довольны этими тремя областями. А когда султан прибудет в Балх, и они будут находиться в безопасности, то чтобы один из сих трех предводителей приехал ко двору и нес службу.

Посольский пристав хорошо поместил посланцев, а наставник мой написал черновики жалованных грамот. Переписал [их набело] я — Дихистан на имя Дауда, Нису на имя Тогрула, Фераву на имя Ябгу — и эмир украсил их своей подписью. Письма написали от султана и этих предводителей титуловали дехканами. Приготовили три халата, какие полагается дарить правителям [133] [областей], двурогие шапки, стяги, шитые одежды, какие приняты у нас, коней, седельные украшения, пояса с золотом на турецкий пошиб и некроенных тканей всякого рода по тридцать штук. На другой день посланцев позвали, дали им халаты и награды и в пятницу после молитвы, за восемь дней до конца месяца шавваля [134], Сини и эти посланцы выехали из Нишабура в Нису. Эмир стал немножко спокойней и [снова] потянулся к удовольствиям и вину, ибо долгое время, как он не пил.

На этой же неделе пришло письмо от сипахсалара Али Абдаллаха и от начальника почты в Балхе Бу-л-Касима Хатимека, что сыновья Али-тегина, услышав, что салар Бектугды и наша рать ушли из Нисы не по

своей воле, снова покусились было на Чаганьян и Термез и уже сделали два-три перехода от Самарканда. До них дошло известие, что правитель Чаганьяна эмир Бу-л-Касим собрал множество народа из Кеменджа и кумиджиев [135] и [что] сипахсалар Али прибыл в Балх с сильной ратью и намеревается перейти через реку Джейхун. /***493***/ [Тогда] они повернули обратно и отказались от этой затеи. [На письма] было отвечено, что дело с туркменами-сельджуковцами, находившимися в Нисе, разрешилось — они покорились и поняли, что происшедшее отступление хаджиба Бектугды случилось не в силу их доблести и что халаты на владение они получили по нашей доброй воле. Они успокоились и ко двору явится один из трех предводителей. В Нишабуре мы-де остаемся, покуда не вернется обратно наш посол. Близок михреган, после михрегана мы через Герат прибудем в Балх, дабы зиму пробыть там и ответить на сию дерзость [136]**. [436]**

В пятницу, в шестнадцатый день месяца зу-л-ка'да [137], был михреган. Эмир, да будет им доволен Аллах,

рано утром сел за праздничный стол, но вина не пил. Совершили обряд осыпания монетами и поднесли дары весьма прекрасные, по всем правилам. Вернулся от туркмен Сини и в тайной беседе с везиром и начальником посольского дивана сказал: “Было бы нелепо лгать перед лицом султана. Когда я уезжал, то видел тех людей в превеликой спеси, как будто их околдовали. Хотя они и заключили договор, [но] у меня, Сини, к ним нет никакого доверия. Слышал я, что они на негласных встречах выказывали пренебрежение и двурогие шапки топтали ногами. Султану не следует столь усиленно готовиться уйти в Герат, потому что случится беда; я за нее не в ответе”.

“Ты говоришь невозможные вещи, — возразил везир, — сераперде уже вывезли, а завтра он [сам] выступит. Но [наша] священная обязанность высказать ему это соображение. Ежели он [все же] уедет, то, по крайней мере, устроит сильное войско здесь, и оно будет стоять [тут]”. Он передал ходже Бу Насру устное сообщение для эмира на сей счет, и тот пошел и доложил. Эмир ответил: “Не

обязательно, чтобы туркмены нарушили [договор], а ежели нарушат, то по ихнему делу непременно будут приняты меры. Но здесь больше оставаться нельзя, потому что положение с кормами очень стало тяжелое. Хаджибу Кадыру с хейлями и тысячью конных из разных отрядов [138] следует остаться с сахиб-диваном Сури — у него тоже много народу, и в Серахсе есть войско, а также в: Каине; в Герате мы тоже оставили сильный отряд. Всем сказать, чтобы слушались указаний сахиб-дивана. /***494***/ Ежели случится нужда и он их позовет, то чтобы быстро присоединились к нему. В соответствии с тем, что мы прочитаем в письмах осведомителей о действиях этих людей, мы из Балха укажем другие мероприятия, расстояние ведь недалекое. Нужно сказать ходже, чтобы он сегодня же исполнил то, что мы приказали, ибо как бы ни было, мы двинемся завтра”. Бу Наср пришел и передал везиру.

Все исполнили, и эмир Мас'уд, да будет им доволен Аллах, на другой день, в воскресенье девятнадцатого числа месяца зу-л-ка'да [139], отбыл из Нишабура и в последний день сего же месяца прибыл в Герат. В

воскресенье, шестой день месяца зу-л-хиджжа [140], он двинулся из Герата через Бевен [141], Баг [142] и Бадгис. В пути он был очень весел и предавался удовольствию пить вино и охоте. В Мерварруде предстал пред лицо era салар Тилак и поклонился [ему]. Он с победой и славой возвратился с войны с Ахмедом йинал-тегином, тщеславным мятежником. С ним было войско, очень хорошо снаряженное, и множество предводителей со значками, зонтами и индийскими тимаками. Это был уже совсем другой Тилак. Эмир весьма милостиво с ним обошелся, сказал [ему] много любезных слов и подал ему надежду, то же и индийским предводителям. **[437]** Ямип остановился на высоком месте, чтобы пропустить мимо себя индийское войско, конное и пешее. Оно медленно прошло мимо него; прекрасное был войско. Провели и слонов, пятьдесят пять голов, коих взяли в Мекране в счет хараджа. Эмиру очень понравилось это войско. В области Гузганан [эмир] сказал ходже Бу Насру: “Мас'уд, сын Мухаммеда Пейса стал стоящим молодым человеком, оказал похвальные услуги в Рее и что бы мы ему ни приказывали, мы

находили в нем надежного человека. Его надобно ввести в посольский диван". "Слушаюсь, - ответил Бу Наср - от действительно достоин этой милости". И его приняли в диван.

КОММЕНТАРИИ

1. 16 ноября 1034 г.

2. 19 ноября.

3. 24 ноября.

4. ***

5. ***

6. 30 ноября 1034 г.

7. 11 декабря.

8. Далее непонятное здесь слово ***; ВМ — ***

9. ***; ВМ; *** ; в некоторых списках это слово совсем опущено. Чтение его в переводе условно.

10. Т. е. до Аму-Дарьи,

11. 13 декабря 1034 г.

12. 23 декабря 1034 г.

13. Мудаббир — руководитель, распорядитель, указывающий образ действий.

14. 29 декабря 1034 г.

15. ***; перевод сомнителен.

16. Чтение названия крепости условно, имеется много разночтений.

17. 1 января 1035 г.

18. ***

19. *** — праздник зороастрийского культа Ахура Мазды, продолжавший существовать как пережиток среди мусульманского населения восточного Ирана еще в XI в, “Это абанруз месяца бахмана, то есть десятый день,— пишет Абу Рейхан Бируни, — в ночь сады, то есть между вечером десятого и днем одиннадцатого [бахмана] зажигают огни из ореха и

миндаля и вокруг них пьют вино, развлекаются и веселятся... название сада потому такое, что от нее до новруза пятьдесят дней и пятьдесят ночей". Праздник был связан с легендой об исчадии зла Биверасипе или драконе Аши Дахака. ***, перс. вар. изд. Джелал Хумайи, 257. См. также статью Е. Э. Бертельса, Праздник джашн-и сада в таджикской поэзии, где, между прочим утверждается, что этот праздник был запрещен Махмудом Газ-шийским и при Мас'уде двор не праздновал его; сб. статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию А. А. Семенова, 1953, 33—42.

20. ***

21. ***

22. *** ниже ***

23. *** .... "и одна толпа их (т. е. участников празднества) уходит, чтобы жечь животных" ...[***]. Бируни, там же.

24. *** (тюрк, сюбаши) — так назывались высшие начальники племен и племенных объединений, позднее должностные лица, стоявшие во главе областей и командующие войсками. В. А. Гордлевский, Государство Сельджукидов в Малой Азии, 63, 144, 153. В уцелевшей части “Истории” Бейхаки мусульманское имя лица, называемого Субаши, не упоминается.

25. Сари — древняя столица Табаристана на реке Теджене, в 3 фарсангах от моря. Бартольд, Обзор, 158.

26. 11января 1035 г.

27. 27 января.

28. Бахман — 11-ый месяц старого иранского календаря — 21 января — 20 февраля. См. примеч. 47 к летописи 421 г.

29. Т. е. смирятся и изъявят покорность.

30. ***

31. Амуль — главный город Табаристана. См. примеч. 50 к летописи года 421.

32. Т. е. к Нур-тегину и Ала ад-довле. В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, 25.

33. Шахмелик — владетель Дженда в первой половине XI в. Barthold, Turkestan... 178—179.

34. Имеется в виду местность в округе Туса, ныне называемая Кухпайа, известная как летнее становище кочевников. Через нее проходила старая дорога на Ниша-пур. ***

35. Т. е. везир Ахмед, сын Абдассамада.

36. 25 января 1035 г., в субботу.

37. Исфандормуз — 12-й месяц старого иранского календаря — 20 февраля — 20 марта. См. также примеч. 47 к летописи 421 г.

38. Неразобранное слово*** — по-видимому, искажение. Должно быть, род одежды или обуви из пуха (?) цапель.

39. Абу-л-Фазл Беди-и Хамадани, прозванный Беди-и земан, ум. 1007, г. в Герате, создатель типической формы макамы, выдающийся мастер слова.

40. 8 февраля 1035 г.

41. Гробница Кабуса б. Вушмагира Зиярида, была построена в 1006—1007 г. В. В. Бартольд, Башня Кабуса как древнейший датированный памятник мусульманской персидской архитектуры.

42. ***

43. *** — точнее “причина ухода все дальше вперед”, лучше была бы ***

44. Т. е. перешедших на сторону эмира Мас'уда.

45. 24 февраля 1035 г.

46. ***

47. Кор. 31_{34}.

48.***

49. Персидский текст фразы не вполне ясен, перевод нужно считать условным. Возможно, текст не в порядке.

50. 6 марта 1035 г.

51. 11 марта.

52. Здесь два раза нисба ***

53. См. предыдущее примеч. Сказуемое к имени Нуштегин во множ. числе. Вероятно, искаженная нисба принята переписчиком за отдельное лицо.

54

. 14 марта 1035 г.

55. ***

.

56. Натиль — небольшой город в западной части Табаристана. Худуд ал-Алем, л. 30а.

57. Руян или Руяндж — область, первоначально входившая в состав Дейлема, затем, во второй

половине VIII в., присоединенная к Табаристану. Бартольд. Обзор, 155.

58. Келар — селение и горный перевал в западной части Табаристана, на границе с Дейлемом. Бартольд, там же. стр. 156; Худуд ал-Алем, л. 30 а.

59. 19 марта 1035 г.

60. Названия различных сортов ткани.

61. ***

62. ***

63. 21 марта 1035 г., в пятницу.

64. 23 марта, в воскресенье.

65. Т. е. противник.

66. Гелы — древнее население Гиляна, от которого область получила свое название.

67. **

68. Ошибка. Это могло быть только в месяце джумада 1, т. е. 25 марта 1035 г., как явствует из

предыдущей даты на стр. 405 и последующей на стр. 410.

69. Это могла быть и нешитая ткань.

70. См. примеч. 3 к летописи 423 г.

71. Т. е. опустошат.

72. ***

73. ***

74. ***

75. *** — юридическое значение термина осталось неясно.

76. В виду неясности фразы в ГФ, перевод ее сделан по АП.

77. ***

78. 10 апреля 1035 г.

79. Абескунское море — Каспийское море, названное так по гавани Абескун, которая по-видимому,

находилась в устье реки Гурген. В. Бартольд, Обзор..., 81;

80. В АП этого слова нет; в ВМ вместо ***

81. Смысл последней фразы не ясен. Возможно, текст оригинала искажен.

82.*** порт города Амуля. В АП упоминания о нем нет. В Худуд ал-Алем на л. 30а он упомянут как торговый приморский город и стоянка корабельщиков. Арабы называли его ***. Якут пишет ***. Le Strange, 370; H'A Min. 386, 14.

83. 14 апреля 1035 г.

84. 15 апреля 1035 г.

85. 18 апреля.

86. См. выше, примеч. 32.

87. Т. е. превосходительный эмир, сын.

88. Многолюдное промышленное селение в южной частя долины реки Сурхан дарьи, ныне не существующее. Barthold, Turkestan... 73.

89. Род халвы.

90. Выше (стр. 395) он был назван Кунуш.

91. Т. е. систанцев; очевидно, гарнизон крепости состоял из уроженцев Систана.

92. 1059—1060 г.

93. 4 мая 1035. г.

94. 14 мая 1035 г.

95. Абу Абдаллах Мухаммед б. Хасан Ма'руфи. Балхи, таджикский поэт X в., связанный с придворным кругом Саманидов.

96. 17 мая 1035 г.

97. ***

98. Т. е. через Аму-Дарью.

99. *** — туркмены, по всей вероятности, связанные с Ибрахимом Йиналом, сводным братом Тогрул-бека. МИТТ, 246, прим. 1.

100. О них примеч. 94 к летописям 424 и 425 гг. Ябгу в тексте всюду***

101. Как видно, князья Сельджукиды, предводители туркмен носили звание дихкан еще до того, как они получали от султана Мас'уда жалованные грамоты на управление Дихистана, Нисы и Феравы. См. ниже, стр. 435. Ср. также Barthold, Turkestan... 307.

102. ***

103. 21 мая 1035 г.

104. ***

105. Т. е. к нему направлялись целые караваны. Говорится о почтенном мудреце или знаменитом своим великодушием и щедростью человеке, являющемся целью путешествия.

106. Т. е. Рыцарь воинства. Фата также могло значить “борец за веру”.

107. *** — острое кишечное заболевание. Ибн Сина, Канон врачебной науки, III —2, стр. 202 и сл.

108. Шахр-и Систан или Мадина Систан; под этим названием в средние века был известен Зерендж, главный город Систана. Развалины его находятся вокруг нынешних селений Захидан и Шахристан, по руслу одного из главных, в настоящее время пересохшего, протоков Гильменда. Le Strange, 355 ff.

109. *** — придающая силу пища.

110. 22 мая 1035 г.

111. 3 июня.

112. Комплекс знаний из области средневековых наук, обязательных для того, чтобы слыть образованным человеком, сверх указанных в тексте предметов физической культуры.

113. Конец рассказа Бу Насра Мишкана, начатого на стр. 422.

114. См. выше, примеч. 52.

115. Дословно: “у многих участников”,

116. *** — т.е. с поверкой, указывая концом кнута на каждого бойца.

117. 9 июня 1035 г.

118. Т. е. сдались, отступили на задний план.

119. 1 июля 1035 г.

120. ***

121. В АП дальше следуют слова: “и не отставал от меня: ты, дескать, тоже скажи что-нибудь”.

122. ***

123. 4 июля 1035 г.

124. Т. е. Мас'уда.

125. Эта фраза как будто в данном контексте не на месте. Очевидно ей предшествовали какие-то другие слова, позднее утраченные. Не имеет ли она отношение к бесчинству Вальвалиджи (см. стр. 403).

126. Здесь во всех списках, по-видимому, лакуна, потому что ниже идет речь о каком-то мероприятии

против туркмен, которое везир в беседе с эмиром отвергает.

127. Так в АП и ВМ. В других привлеченных списках: “небольшого образования”.

128. Т. е. Себук-тегин.

129. ***

130. Имеется в виду Наср, сын Али, Арслан-илек, правитель Мавераннахра (ум. ок. 404/1012—1013г.).

131. 11 июля 1035 г.

132. 28 августа 1035 г.

133. ***

134. 30 августа 1035 г.

135. в тексте ***; неясно, есть ли это испорченное написание названия народа кенджинэ (см. прим. 5 к летописи 430 г.) или названия области (Кумед (см. примечание 104 к летописям 424 и 425 гг.).

136. Т. е. на покушение алитегиновцев.

137. 22 сентября 1035 г. Этот день приходился на вторник.

138. ***

139. 25 сентября 1035 г., в пятницу.

140. 12 октября.

141. См. примеч. 114 к летописи 421 г.

142. Согласно примечанию на поле АП Баг то же, что Багшур, т. е. город на р. Кушке, притоке Мургаба, близ нынешнего селения Кала-и Маур. Через него вели пути из Герата в Мерварруд и на запад з Бадгис. Бартольд, Обзор, 33-34.

ЛЕТОПИСЬ ГОДА ЧЕТЫРЕСТА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОГО

Первым днем месяца мухаррама было воскресенье [1]. В среду, четвертого числа сего месяца [2], эмир, да будет им доволен Аллах. прибыл в Балх — это был первый [день] месяца азар [3] — и остановился в

кушке /***495***/ Дер-и Абдала'ла. В понедельник, девятого [4] числа сего же месяца, он перешел в Баг-и Бузург и туда же перевели висаки и диваны, кои устроили прекрасно. Место было просторное и самое приятное. В тот же день, когда эмир прибыл в Балх, [туда же] приехал и владетель [5] Чаганьяна. Ему устроили добрую встречу, поместили в достойном месте и подали безмерное число яств и хранившихся наготове закусок для приезжих. На следующий день он явился на поклон, повидал эмира и ему было оказано много почета и ласки. [Затем] он возвратился в тот же кушк, который для него приготовили. Несколько раз в день к нему являлся посольский пристав Бу Али и всякий раз приносил с собой какой-нибудь знак милости и подарок по высочайшему повелению. А дары, кои привез владетель Чаганьяна, как-то: дорогих лошадей, турецких гулямов, соколов, пантер и предметы, происходившие из тех краев, доставляли к эмиру во множестве и пришлись они кстати.

В четверг, девятого числа месяца мухаррама, устроили большое и прекрасное угощение.

Отправили заводных лошадей и привезли чаганьянского владетеля. Играли в човган, затем сели за стол, а потом пили вино. День прошел приятно. В среду, в половине месяца мухаррама [6], чаганьянский владетель надел на себя весьма дорогой халат, какой дают владетелям областей, а к нему еще сделали добавления; потому что сей благородный муж приходился зятем и состоял в свойстве с сей высокой стороной [по браку] с одной из царевен. Владетель Чаганьяна жив и поныне, в лето четыреста пятьдесят первое [7], [но] дело его испортилось, ибо оказался он нескромен, и в Чаганьяне за него находится ходжа-реис Али Микал [8]. Столько, сколько мы сказали,— достаточно. **[439]**

Когда владетель Чаганьяна надел на себя халат, его представили пред лицо эмира и он, как полагается, исполнил обряд поклонения. Эмир удостоил его большого уважения и ласки и сказал: “Много неприятностей доставили эмиру эти не знающие своего места выскочки, сыновья Али-тегина. Когда до нас дошла весть, был послан сипахсалар с войсками и мы [сами] прибыли сюда ради

исправления положения. Поезжай счастливо в свою область и собери свой народ, потому что отсюда через Джейхун переправится именитый салар с сильным войском, пусть твой народ возьмется рука об руку [с ним], дабы повергнуть ниц этих искателей подходящего случая". "Сделаю так",— ответил [тот], отдал поклон и удалился. Его усадили в саду в тереме, туда же пришли везир с начальником посольского дивана; они возобновили его договор с султаном и приняли от него присягу. [Потом] его отпустили обратно и он в час предзакатной молитвы отправился в Чаганьян.

/***496***/ Эмир в воскресенье, за четыре дня до конца месяца мухаррама [9], поехал в Дерегез на охоту с близкими своими людьми, недимами и мутрибами, и в воскресенье, в третий день месяца сафара [10], приехал в Баг-и Бузург. На другой день прибыл посол от сыновей Али-тегина по прозванию Ука, а по имени Муса-тегин, с одним самаркандским ученым мужем. Посольский пристав доставил их в город и хорошо угостил. Через три дня, когда отдохнули, их представили [пред лицо эмира], но эмир ничего не

произнес, ибо был в обиде на пославших. Везир спросил: “В каком состоянии вы оставили эмиров?” Ука ничего не мог ответить. Заговорил ученый муж — он был красноречив — и сказал: “Мы приехали принести извинения, и подобало бы по великодушию великого султана [их] принять, ибо эмиры наши молоды, а дурные и зловредные люди побуждают их ходить в этот край”. Великий ходжа ответил: “Повелитель мира глядит на [внутренние] убеждения, а не на поступки”. Их проводили в терем.

Везир с начальником посольского дивана уединились с эмиром для негласного совещания. “Да будет долгой жизнь государя! — сказал великий ходжа,— Хорасан, Рей, Гурган и Табаристан — все волнуются. Государь отозвал из Гургана Бу-л-Хасана Абдалджалиля с войском: с гурганцами заключили как бы соглашение и было благоразумно удалить [оттуда] Бу-л-Хасана под каким-нибудь видом. Сыновья Али-тегина нам наполовину враги, [но] лучше пусть будут между [нами] внешне добрые отношения, чем они станут настоящими врагами. Слуге [государя] кажется правильней принять

извинения этих молодцов и заключить договор, как с их отцом”. “Ладно,— согласился эмир, ступайте в терем и совершите это дело”.

Великий ходжа и ходжа Бу Наср пришли в терем и внимательно рассмотрели послание сыновей Али-тегина. Послание было весьма **[440]** смиренное — они просили извинения за Термез и Чаганьян, ибо то случилась ошибка, и человек, который их к ней побудил, наказан по заслугам. Может быть великий султан найдет возможным простить то, что произошло, дабы снова была восстановлена передававшаяся по наследству дружба. Устные заявления были в таком же роде. Бу Наср отправился к эмиру, доложил и принес хорошие ответы с большой сердечной теплотой. Посольский пристав проводил послов [сыновей Али-тегина] в их помещение. Везир назначил послом Мус'ади. Его дело справили, и написали послание и устное заявление. Али-тегишхским послам пожаловали халаты и награды. Все уехали. Наступил мир, заключили договор так, чтобы было спокойствие.

Владетеля Чаганьяна тоже присовокупили к этому делу, дабы и на него не покушались.

/***497***/ В воскресенье, десятого числа месяца сафара [11], везиру дали халат, весьма прекрасный халат. В тот же день хаджибу Субаши дали чин старшего хаджиба, халат и все принадлежности [к нему], как-то: значок, манджук, литавру, барабан малый, барабан большой, ковры, серебряные обертки [12] и другие предметы, кои дают с этой должностью. Оба вельможи отправились домой и им отлично воздали должное. На другой день дали халат Тилаку на саларство над индийцами, халат прекрасный. Когда он предстал пред лицо эмира и поклонился, эмир сказал казначею: “Принеси украшенное самоцветными камнями ожерелье, которое приготовили”. Принесли. Эмир взял [его], подозвал Тилака и высочайшей рукой своей набросил ему ожерелье на шею и на словах выразил ему много любезного за услугу, которую он оказал в деле с Ахмедом Йинал-тегином. [Тилак] удалился.

В среду, четырнадцатого числа месяца раби ал-эввель [13], устроили большое угощение, очень пышное. Расставили семь столов в большой суффе и на всех лужайках Баг-и Бузурга. Всех вельмож, родичей, свиту и военных из разных отрядов [14] разместили и усадили за те столы. Подали вино, и дело пошло знатно. Из-за столов вышли пьяные. Из сада эмир перешел на один дуккан и сел за вино. День окончился прекрасно. Во вторник, двадцатого числа сего же месяца, дебиру Бу-л-Ха-сану Ираки дали халат и золотой пояс на саларство над курдами и арабами, а его брату Бу Са'иду дали халат, чтобы он был его заместителем и преемником во главе этого отряда и с отрядом пошел бы в Хорасан, покуда вслед за ним не прибудет Бу-л-Хасан. В воскресенье, двадцать пятого числа сего же месяца [15], пришло письмо из Газны о кончине Бу-л-Музаффара, сына ходжи Али Микала, да будет над ним милость Аллаха! Замещая [своего] отца, он был мужем проницательного ума, способным и дельным.

В это же время приехали гонцы от хорасанского сахиб-дивана Сури и почтовых начальников, что

туркмены-сельджуковцы и иракские [туркмены], кои примкнули к ним, принялись за дело: посылают по **[441]** областям в разные места, обижают раиятов, отбирают все, что находят и зло от них большое. Пришло письмо из Буста, что толпа туркмен пришла в Ферах и Зиркан и угнала множество скота. Прибыли письма и из Гузганана и Серахса по тому же поводу. /***498***/ [В них] напоминали, что следует принять решительные меры на сей счет, а не то Хорасанская область пойдет прахом. Эмир Мас'уд, да будет им доволен Аллах, созвал негласное совещание с везиром, столпами державы, родичами и свитой. Порешили на том, чтобы старший хаджиб Субаши отправился в Хорасан с десятью тысячами конных и пятью тысячами пеших [воинов], а брат Бу-л-Хасана Ираки со всем курдским и арабским войском пребывал бы в Герате, покуда вслед за ним не подоспеет Бу-л-Хасан. Всем слушаться распоряжения старшего хаджиба и действовать как будет повелевать взаимное наблюдение [16]. Хорасанскому сахиб-дивану Сури обратить внимание на денежные средства для войска, дабы

оно не терпело нужды, и Хорасан был бы очищен от туркмен в скорости.

В понедельник, четырнадцатого числа месяца раби-ал-ахир [17], эмир сел верхом, поехал в поле и остановился на одном высоком месте с чрезвычайной пышностью. Царевич эмир Мавдуд, великий ходжа и все вельможи державы стояли, готовые служить [государю]. Конные и пешие, все снаряженные, в полном вооружении и множество ярых, отборных слонов под доспехами, с балдахинами и седлами, в том числе и те войска, кои были назначены в Хорасан, стояли каждая народность и каждый полк отдельно. Старший хаджиб Субаши устроил все весьма великолепно, так что эмир похвалил. Точно так же сделали Бу-л-Хасан Ираки и прочие предводители. Сотворив пополуденную молитву, с этим смотром покончили.

Назавтра, в исходе ночи, брат Ираки с курдским и арабским войском выступил. Через три дня двинулся с войском, кое было назначено с ним, хаджиб Субаши. Должность войскового кедхудая и

осведомителя эмир изволил дать Са'иду Серрафу. Получив распоряжение, тот отправился вслед за хаджибом. Говорили, что этим войскам, дабы заправлять их делами, надобен благоразумный и надежный ариз. Средства [18] войскам [пусть] давали бы по его бератам, [и право] разрешения и запрещения, утверждения и отмены должно быть у него, потому что положение в Хорасане меняется быстро и не всегда бывает возможно обращаться в [высочайшее] присутствие. Выбор пал на Бу Сахля Ахмеда, сына Али. Его наставник [19], ходжа Бу-л-Фатх Рази, ариз, отослал его к эмиру. Везир его очень расхвалил, и эмир соизволил насчет его дать указ со своей печатью. Послание к нему написал я, Бу-л-Фазл, и юн тоже уехал и очень прославился на этой службе.

/***499***/ Когда со старшим хаджибом в Хорасане случилась беда, как я расскажу, сей благородный муж лишился огромного состояния и **[442]** множества драгоценного убранства — оно попало в руки туркмен. Они причинили ему большие обиды и прочее его имущество отобрали [в свою] казну [20]. В

конце концов он спасся от них и возвратился в присутствие государя. Он жив доселе, когда я сочиняю сию книгу, и является крепкой подпорой войскового дивана, но, само собой, за ряд помощников [21] он не продвинулся — слишком он нетребователен, одинок и любит уединение. Никому до него нет дела, когда отставляют одного ариза, сажают другого. Все мудрые люди предпочитают поступать так, как он поступает. [Итак], он тоже отправился, присоединился к старшему хаджибу, н все пошли в Хорасан.

В четверг, девятого числа месяца джумада-л-ула [22], эмир поехал на охоту в окрестности Мерварруда и в понедельник тринадцатого числа сего же месяца приехал в Баг-и Бузург, а в среду, семнадцатого числа месяца джумада-л-ухра [23], он из Баг-и Бузурга возвратился в кушк Дер-и Абдала'ла. На другой день он оттуда поехал в Термез охотиться на львов. Прекрасная охота длилась семь дней; [затем] он снова вернулся в кушк. В субботу, в первый день месяца раджаба [24], он выступил из Балха по дороге в столицу Газну и в пятницу, двадцать первого числа

[сего же] месяца [25], здрав и невредим прибыл в столицу и счастливо расположился в старом махмудовом кушке в Афган-Шали. Мас'удов кушк был уже построен. Поздним утром он сел верхом и поехал туда, все обошел, пытливо осмотрел и назначил помещения для чиновников, висаки для дворцовых гулямов, для диванов везира, ариза, начальника посольского дивана и правителя двора. Затем он возвратился в старый Махмудов кушк. Все люди спешно занялись делом, каждый устраивал свое место. Ферраши расстилали султанские ковры и прибивали занавесы. Такой кушк нигде не показывают и ни один падишах подобного здания не изволил построить. Все [эмир Мас'уд] подготовил благодаря своему знанию и мастерству зодчего, и чертежи он начертал высочайшей своей рукой; в подобного рода приборах, особенно в зодческих, он разбирался отлично, да будет им доволен Аллах!

Сей кушк воздвигли в четыре года. Сверх средств [26], которые он истратил на содержание [наемных рабочих], еще в два раза больше пришло хашара и бесплатных рабочих [27]. От Абдалмелика, художника-

зодчего, я слышал, что однажды у серхенга Бу Али, кутвала, он говорил: у меня-де записано семь раз по тысяча тысяч диремов, истраченных на содержание. Бу Али сказал: /***500***/ а мне, дескать, известно, что хашара и бесплатных рабочих было в два раза больше, и все с моего ведома. Ныне этот кушк знаменит на весь мир, даром что приключилось много бедствий. Здания и сады — целы и уже двадцать лет, как к. зданиям делают добавления, и только кое-где у этих зданий произошли повреждения. Навсегда останется эта великая столица и славные здания жителям на радость, клянусь Мухаммедом и семейством его! **[443]**

Эмир, да будет им доволен Аллах, во вторник, за пять дней до конца месяца раджаба [28], переехал в сей кушк и там обосновался. В понедельник, девятого числа месяца ша'бана [29] над несколькими эмирами-сыновьями совершили обряд обрезания. Устроили большой званый праздник с отменной пышностью. Семь суток развлекались и услаждали себя вином. Эмир ради удовольствия по [случаю] этого торжества и кулух-андаза [30] — приближался месяц

рамазан — развлекался в этих садах. Были и пиры с вином. Потом приготовились к месяцу поста и с понедельника запостились. В пятницу, пятого числа того же месяца [31] пришли тайные извещения из Хорезма, весьма важные, что та область утвердилась за Исмаилом Хенданом, сыном хорезмшаха Алтунташа, и всех гулямов, кои убили его брата, поймали и в скорости казнили смертью, а также всех тех, кто принадлежал к великому ходже Ахмеду, сыну Абдассамада; другого его сына тоже убили. Хутбу прочитали на имя повелителя верующих и на имя Хендана. Все дела в руках Шукр-Хадима, дороги преграждены. От туркмен к нему непрерывно ездят посланцы и от него к ним.

Эмир крепко задумался при этом известии и приказал задержать в Газне брата Хендана — Рашида. В среду праздновали [32] по всем правилам и пышно. Царевичей и свиту усадили за столы и подали вино. В воскресенье, пятого числа месяца шавваля [33], эмир отправился на охоту в Жех с близкими военными людьми, недимами и мутрибами. Загнали много зверей и всадники на

верблюдах доставили [добычу] каждому из вельмож державы. В другое воскресенье, двадцать шестого числа месяца шавваля [34], Бу-л-Хасан Ираки, салар курдов и арабов, отправился в Герат через Гур с прекрасной сбруей и богатым убранством. Еще раньше двинулся в Хорасан /***501***/ с войском хаджиб Субаши; по этой причине заволновался и Джибаль.

В субботу, в третий день месяца зу-л-ка'да [35], царевич эмир Маджуд надел на себя халат эмирства в Хиндустане с тем, чтобы поехать в Лахор, халат прекрасный, какой дают эмирам, когда они сыновья подобного падишаха [как Мас'уд]. Ему придали трех хаджибов с войском. Бу Наср Али Новки из нашего дивана поехал с ним за дебира, Са'д Салман за мустовфия, а [право] развязывать и завязывать [36] получил серхенг Мухаммед. Были у этого царевича и литавра, значок, большой барабан, слон и балдахин. На другой день он предстал пред лицо отца, да будет им доволен Аллах, построив [свое войско] в полном порядке в Баг-и Пирузи. Султан обнял его, а он откланялся и отбыл. Рашида, сына хорезмшаха, в

узах повезли вслед за ним, чтобы ему находиться безвыездно в городе Лахоре.

В четверг, восьмого числа месяца зу-л-ка'да [37], прибыло письмо из Рея с тремя конными вестниками, что победоносное войско нанесло поражение Ала ад-довле Сыну Каку, и область Джибаль успокоилась. **[444]** Некоторое количество туркмен, коих он лаской приманил из Хорасана, дав им золота, снова ушло. С получением сего известия эмир повеселел. Протрубили в рога, пробили в барабаны, а вестников наградили и отослали обратно; они много чего получили. Написали ответы с похвалой ходже-начальнику Ирака Бу Сахлю Хамдеви и сипахсалару Таш[феррашу]. Было сказано: “Теперь знамя наше двинется в Буст, а оттуда мы пойдем в Герат, и дела поправятся”. Вестники уехали. Я потому не описываю эти бои, чтобы не лишить порядка “Историю”. Обстоятельное изложение того, что происходило в Рее и Джибале, будет подробно представлено в отдельной главе, начиная с того времени, как Бу Сахль поехал в Рей и до той поры,

когда он возвратился в Нишабур, и мы потеряли Рей и Джибаль. В той главе изъясняются все события.

В субботу, двадцать четвертого числа месяца зу-л-ка'да [38], был михреган. Эмир, да будет им доволен Аллах, сел праздновать михреган сначала в суффе нового серая в пишгахе [39]. Престол, венец и сидения [40] еще не были сделаны, их изготовляли золотых дел мастера и закончили только спустя долгое время. Для того был другой день, как будет описано в своем месте. Царевичи, /***502***/ родичи и свитские предстали пред лицо [государя], осыпали его монетами и удалились. Всех по чину усадили в той большой суффе, которая на правой и левой [стороне] от серая. Начали приносить дары от властителя Чаганьяна, от Бакалиджара, владетеля Гургана,— когда Бу-л-Хасан Абдалджалиль из того края вернулся обратно, и в Хорасане стало беспокойно, было признано за благо снискать расположение Бакалиджара, чтобы снова привлечь его [на свою сторону]; [от него] приезжал посол, отсюда ездил доверенный человек, и опять было заключено соглашение, хотя Бакалиджар был обижен и побит; одним словом, он успокоился и с

его стороны никаких покушений не происходило и никакой крамолы не объявлялось,— от владетеля Мекрана, от хорасанского сахиб-дивана Сури и от прочих чиновников со всех сторон государства. Заняло порядочно времени, покуда с этим покончили.

Потом эмир встал, перешел в маленький, личный свой серай и, переменив одежду, явился в зимнее помещение, в гумбад, который находился слева от приемной суффы. Такие два помещения, летнее справа и зимнее слева, никто не видывал, честное слово; помещения и до сего времени стоят на месте — и пусть стоят вечно!— нужно [только] пойти и посмотреть. Это [зимнее] помещение, весьма большое и просторное, украсили и сложили в нем печь, на которую ферраши подымались по ступенькам и закладывали топливо; и печь еще на месте. Дрова зажгли, вошли гулямы-стольники с вертелами и начали вертеть кур, [варить] яйца, каваже [41] и что требуется царям в день михреганз из сухты [42]; шпарили барашков [43]. **[445]**

На собрание явились вельможи державы, уселись и недимы и принялись /***503***/ за дело. Съедали все без остатка, вылизывая пальцем. Вкруговую пошло вино в многочисленных кадахах, балбалахисатгинах, заиграли мутрибы, и день выдался такой, какой выдается только у таких падишахов. Везир вина не пил и, когда оно обошло один-два круга, он удалился, а эмир оставался почти до часа пополуденной молитвы, так что прихожие недимы [44] удалились. Затем он пришел в суффу наибов, которая неподалеку от сада,— там с царским великолепием было устроено собрание. Туда явились ближние недимы [45] и мутрибы и [государь] пробыл там до часа предзакатной молитвы, потом разошлись.

В понедельник, в девятый день месяца зу-л-хиджжа и в десятый день [46], праздновали. Эмир, да будет им доволен Аллах, пришел на хазру, которая на возвышенной части площади лицом к Дашт-и Шабехар, и остановился. Сотворили праздничную молитву и исполнили обряд жертвоприношения. С хазры эмир спустился вниз и сел в большой суффе, где приготовили стол. За стол посадили родичей,

свитских и вельмож. На стол подали вино и пустили вкруговую.

На другой день эмир открыл прием, а после него созвал негласное совещание с визиром и вельможами державы. После многих прений было решено, что эмир отправится в Буст и везир будет находиться при нем — ежели потребуется, то высочайшее знамя двинется в Герат, а ежели [в этом] нужды не будет, [государь туда] пошлет везира. Царевич эмир Мавдуд и сипахсалар Али Абдаллах получили распоряжение выступить в Балх со своими людьми и сильным султанским войском и стоять там, покуда весь Хорасан не будет заполнен вельможами и свитскими. [Царевич и сипахсалар удалились] и стали готовиться.

На следующий день эмир сел на слона и с ближними людьми остановился на поле Шабехар для того, чтобы возлюбленный сын и сипахсалар прибыли со снаряженным войском и, построившись в порядке, прошли мимо [него]. Оба могущественных мужа и предводителя откланялись и двинулись в Балх;

халаты они получили еще до того, как тронулись [в путь]. Эмир счастливо приехал в кушк. Справили весьма дорогой халат эмиру Са'иду; он надел его на себя, а султан оказал ему ласку и дал распоряжение пребывать в Газне, в кушке Абу-л-Аббаса Исфераини в Дих-и Ахангеран. В крепости серхенгу Бу Али, кутвалу, /***504***/ дали халат, и он получил распоряжение руководить сына [государя] и ведать дела Газны. Законоведу Нуху на сей год султан повелел быть недимом царевича, а это человек, достоинство и важное значение которого ныне не составляет тайны, и он мой друг. О нем я [здесь] скажу лишь столько, впоследствии, по правилу бытописания, скажу еще, ибо обстоятельства меняются. Ходже Мухаммеду, сыну Мансура Мишкана, **[446]** да будет над ним милость Аллаха, тоже повелено быть недимом [царевича].

Султан возвышал этого сына и прибавлял ему драгоценных вещей гулямов, [всяких] принадлежностей, челяди и слуг. Казалось он любит его сильней всего. Так хотел отец, а господь бог, велик он и всемогущ — иначе: ибо царевич отошел

[в иной мир] в юности, как я расскажу ниже и престол царства после отца достался Мавдуду, и отмстил за отца сей отпрыск льва. Все они померли, да смилуется над ними Аллах, велик он и всемогущ, и да будет жизнь вечная великому султану Ибрахиму ради Мухаммеда и всего семейства его!

Когда эмир Мас'уд освободился от дел, сераперде разбили на дороге в Буст, и он выступил из Газны в четверг, тринадцатого числа месяца зу-л-хиджжа, [и остановился] в Тегинабаде в среду двадцать шестого числа сего же месяца. Там он семь дней предавался удовольствиям и питью вина, а затем потянулся в Буст. *А Аллах знает лучше!*

Комментарии

1. 5 ноября 1035 г., среда.

2. 8 ноября, суббота.

3. Азар — месяц древнеиранского календаря. Ныне соответствует времени 23 ноября — 22 декабря. См. примеч. 47 к летописи 421 г.

4. Так как ниже правильно указывается дата — четверг 9 мухаррама, то здесь, очевидно, следует читать понедельник 6 мухаррама.

5. ***

6. 20 ноября 1035 г.

7. 1059—1060 г.

8. Фраза в оригинале не совсем ясна. Возможно, текст не исправен.

9. 30 ноября 1035 г.

10. 7 декабря.

11. 14 декабря 1035 г.

12. ***

13. 18 декабря.

14. ***

15. 29 декабря 1035 г.

16. Т. е. взаимное наблюдение отдельных групп своих войск и оказание своевременной поддержки в случае надобности.

17. 15 февраля 1036 г.

18. ***

19. Т. е. начальник.

20. ***

21. ***

22. 10 марта 1036 т.

23. 17 апреля, суббота.

24. 30 апреля.

25. 20 мая.

26. ***

27. ***

28. 25 мая 1036 г.

29. 7 июня.

30. *** — последние дни или только один последний день месяца ша'бана, который отмечают разного рода развлечениями, увеселениями и угощениями перед постом месяца рамазана.

31. 2 июля 1036 г.

32. Праздник окончания поста.

33. 1 августа.

34. 22 августа.

35. 28 августа.

36. Т. е. разрешать и запрещать и вообще иметь полномочие на управление делами.

37. 2 сентября 1036 г.

38. 18 сентября 1036 г.

39. *** — портик, галлерея.

40. ***

41. ***, — яйца, сваренные в мешочек.

42. *** — хлеб из теста, замешанного на луковом соке. СН, II, 615.

43. ***; согласно примечанию на поле АП, 511, туши ягнят обдавали кипятком, удаляли руками шерсть, затем целиком жарили на вертеле.

44. *** - они, по-видимому, присутствовали только на торжествах и собраниях в приемных апартаментах дворца.

45. *** - ближние или личные недимы обязаны постоянно присутствовать при принятии пищи или питье падишаха независимо от того, присутствуют ли при этом другие недимы или нет. “Кабус-наме”, перевод Е. Э. Бертельса, 191. Кроме того, эти недимы, составлявшие более тесное окружение султана, имели, как видно, доступ и в личные покои его.

46. 3 октября 1036 г. В оригинале ошибочно вместо девятый второй. День жертвоприношения мусульмане празднуют 10 зу-л-хиджжа.

ЛЕТОПИСЬ ГОДА ЧЕТЫРЕСТА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОГО

Первый день месяца мухаррама был понедельник. [Государь] расположился в кушке Дашт-и Ленкан [1] в четверг, четвертого числа мухаррама, да будет им доволен Аллах. Кушк этот находился от Буста на расстоянии одного фарсанга. Около часа пополуденной молитвы все войско образовало круг для облавы и погнало хищных и других диких зверей, в тех краях диких зверей — меры нет. Когда круг сузился, зверей загнали в сад, который перед кушком. Зверей, кои попали в сад, было свыше пятисот-шестисот, да еще в поле затравили гепардами и собаками. Эмир сел на хазре и стрелял [из лука], а гулямы бегали в сад и брали [добычу]; охота была весьма хороша. А я еще раньше видел, как поступал иногда эмир Махмуд, да будет над ним милость Аллаха, и здесь и в Бусте: в пути ловили дикого осла, связывали /***505***/ ему ноги, налагали тавро с именем Махмуда и отпускали на волю, ибо

сказители распевали при нем, что так делал Бехрам Гур.

В пятницу, девятнадцатого числа месяца мухаррама [2], в Ляшкергах доставили двух посланцев от потомков Сельджука и хорошо [их] угостили тем, что имелось наготове. Один был ученый бухарец, человек красноречивый, другой — туркмен, который, говорили, приходится сродни той братии. На другой день, в субботу, эмир открыл прием очень торжественный и пышный. Посланцев привели пред лицо [государя], и они исполнили [чин] поклонения и изъявили покорность. Их проводили в диван везира, туда же отправился начальник посольского дивана ходжа Бу Наср Мишкан, и они остались наедине. [Потомки Сельджука] написали письмо ходже Ахмеду, сыну Абдассамада, и сослались на устное сообщение.

А устное сообщение было такое: “Нами до сих пор никакого насилия не совершено, однако, не тайна, что в Хорасане имеются другие туркмены, да придут еще, ибо пути через Джейхун и Балханкух открыты.

Область, кою нам отдали — тесна и не вмещает народ, который у нас имеется. Великий ходжа да станет посредником в деле и попросит у государя султана, чтобы нам отдали городки, расположенные по краю **[448]** пустыни, как-то, Мерв, Серахс и Баверд, так чтобы [в них] пребывали почтовые начальники, казии и сахиб-диваны государя, взимали налоги [3] и передавали нам в виде жалованья, дабы мы были государевым войском и очистили Хорасан от крамольников. Ежели понадобится какая-нибудь услуга в Ираке или ином месте, то мы ее окажем и будем готовы на самое трудное дело. А хаджиб Субаши и войско пусть стоят в. Нишабуре и Герате. Ежели они посягнут на нас, то нам поневоле придется прибегнуть к защите от них, и уважение исчезнет. Вот наше прошение, а высочайшее усмотрение превыше [всего]". Бу Наср пошел и доложил то, что было сказано. Эмир ответил: "Посланцев отпустите, а вы оба приходите, мы на сей счет поговорим".

Везир и Бу Наср отправились к султану. Эмир был весьма разгневан; он сказал везиру: "Господство,

развязность и домогательство этого народа вышли из границ. С одной стороны они прочесали [4] Хорасан, а с другой стороны строят глазки и объясняются в любви. Этих посланцев надобно отправить обратно и ясно сказать, дескать, между нами и вами — меч. Войска [наши] отправлены на войну [с вами], а мы сейчас выступаем из Буста и двинемся в Герат". Везир ответил: /***506***/ "Покуда эти люди разговаривают на сей лад, спокойны и по-юношески застенчивы — очень хорошо. Слуге [государя] представляется правильней дать им ответ суровый и [вместе с тем] мягкий, дабы сохранились внешне дружественные отношения. Потом, коль скоро государь повелит, [слуга] его со старшим хаджибом поедут в Герат, вся рать придет сюда же, к делу с ними подготовимся, и оно будет разрешено миром или войной. И государь тоже будет близко от нас; ежели понадобится, двинется и он".

"Прекрасно,— проволвил эмир,— вот эдак и нужно будет отправить посланцев обратно. То, что следует написать, ходжа Бу Наср напишет от себя, да пусть разбудит их хорошенько, чтобы они не предавались

сновидениям; да сказать [им], что теперь вот приедешь ты, Ахмед, и разберешь это дело”. Оба удалились. Два-три дня провели в прениях, покуда не вынесли решения совместно с посланцами. Передали ответное послание и устное сообщение, им был предоставлен мир и их отправили обратно в Хорасан в четверг, за пять дней до конца месяца мухаррама [5].

Во вторник, в первый день месяца сафара [6], пришли записки от начальников почты в Герате, Бадгисе и Гарджистане, что туркмен Дауд с четырьмя тысячами снаряженных всадников дорогой через рабат Резен [7], Гур и Сиях-кух направился в Газну. Сообщаются, мол, последние новости, а правду может знать только господь всевышний. Эмир очень встревожился от этого известия, позвал везира и сказал: “От этого люда прямодушия никогда не увидишь. Как враг может быть другом?! Придется тебе со снаряженным войском отправиться в Герат, покуда мы пойдем в Газну, ибо ни в коем случае нельзя оставлять дом пустым”.— “Слушаюсь и повинуюсь,— ответил везир,— однако мне **[449]** сие известие не верится, ибо прошло уже много времени

после михрегана, [теперь] даже птице не пролететь в Газну через рабат Резен". "Что за нелепицу ты говоришь?! — возразил эмир.— Когда это враг бывает связан морозом? Вставай, готовься к выступлению, ибо после завтра во всяком случае я тронусь в Газну".

Везир удалился, а кое-кто из присутствовавших на негласном совещании сели в одном месте и через Бу Насра передал устное сообщение эмиру: "Ежели-де, не дай бог, эта весть — правда, то приедет еще человек; государю надобно немного повременить, покуда прибудет другое извещение". /***507***/ Бу Наср пошел и исполнил поручение. "Согласен,— сказал эмир,— подождем три дня. Однако верблюдов и лошадей, принадлежащих гулямам, нужно пригнать с пастбища".— "Слушаемся", —ответили [ему], и люди отправились пригнать лошадей и верблюдов.

В Ляшкергахе поднялась большая суматоха. Люди, заготовившие впрок корма, начали [их] по дешевой цене продавать. Бу Наср сказал мне: "Придерживай корма, да еще прикупи — это известие совершенно

невероятно. Никакое сердце и [никакой] разум с ним согласиться [не могут]. Говорят, *неправдивы те вести, в коих нет смысла*. У нашего государя имеются все доблести и мужество, но в нем премного самоуверенности, которая заслоняет доблести". И в самом деле, вышло так, как он сказал. В субботу, пятого числа месяца сафара [8], пришло еще письмо, что [первое] известие [было] ложное, а правда такова: полторы сотни конных туркмен прошли через ту область, говоря, что они передовой полк Дауда. Они распространяли этот слух от страха, как бы вслед за ними не пошел какой-нибудь сборный отряд войска. После этого письма эмир успокоился и отменил поход в Газну. Люди [тоже] приутихли.

В понедельник, седьмого числа месяца сафара, эмир перед рассветом сел верхом и отправился к берегу реки Хирманд [9] с соколами, гепардами, свитой, недимами и мутрибами. С собой повезли съестное и вино. Добычи взяли много, ибо занимались охотой до позднего утра. Затем расположились на берегу реки. [Там же] разбили шатры и [натянули] наметы. Закусили и стали попивать вино. Пошло большое

веселье. Случилось так, что после молитвы эмир потребовал ладьи. Пригнали суден десять, одно побольше, чтобы посадить его. Постелили ковры и подняли на ладье парус. [Эмир] сел там с двумя недимами, с кравчим из заведывающих напитками, с двумя чашниками, одним гулямом и оружничим. Недимы, мутрибы, ферраши и разного рода люди находились в других ладьях. Никто ничего не знал. Вдруг заметили, что хлынула вода и, наполнившись, ладья стала оседать и давать трещины. Хватились только тогда, когда она уже чуть было не пошла ко дну. Поднялись крики, сумятица и вопли. Эмир встал. Хорошо еще, что другие ладьи оказались поблизости от него, они подлетели, семь-восемь человек подхватили эмира, унесли и пересадили на другое судно. [Его] крепко **[450]** ушибло, правую ногу поранило. Будто мешок с кожей и мясом развязался [10], оставалось только потонуть, но господь бог, /***508***/ да славится поминание его, сжалился после явления могущества [своего]. Столь великое ликование и веселье омрачилось. *О блаженство, да не омрачит его рок!*

Когда эмир оказался на [другой] ладье, суда погнали и привели к берегу реки. Вернувшись с того света, эмир вошел в шатер и переменил одежду—он промок насквозь,— [затем] сел верхом и быстро проехал в кушк, потому что в Ляшкергахе пробежал очень нехороший слух, и поднялось великое волнение и смятение. Служилая знать и везир вышли навстречу для приветствия. Когда падишаха узрели невредимым, со стороны воинства и раиятов поднялись [радостные] крики и добрые пожелания; стали раздавать столько милостыни, что ей не было меры. На другой день эмир велел [написать] письма в Газну и по всему государству об этом большом, горестном событии, которое случилось, и о благополучии, кое ему сопутствовало. В благодарность за это он распорядился раздать нуждающимся и беднякам в Газне тысячу тысяч диремов и дважды тысячу тысяч в прочих владениях. [Письма] написали, он скрепил их царской печатью, и вестники отправились. В четверг эмира схватила жгучая лихорадка и приключился серсам [11], так что он не мог открыть прием и оставался от людей

скрытым за завесой, за исключением лекарей и нескольких слуг, мужчин, и женщин. Сердца были в большом замешательстве и тревоге, как-то все обернется.

В среду, семнадцатого числа месяца сафара [12], прибыл посол от сыновей Али-тегина по имени Альп-тегин и с ним бухарский хатиб Абдаллах Парси. Встретить выехали посольский пристав с заводными лошадьми и мертебедары, и послов с почетом доставили в войсковой стан, хорошо устроили и послали обильное угощение. Уведомили эмира. Он передал везиру устное сообщение через лекаря Бу-л-Ала: “Мы-де хотя и недомогаем от сей болезни, однако не иначе, как придется потерпеть,— завтра мы откроем общий прием, так чтобы все войско нас увидало. Послов надобно представить, дабы они нас повидали. Потом, после пусть подумают о их возвращении обратно”. [Везир] ответил: “Государь говорит прекрасно, ибо сердца в тревоге. Ежели он побеспокоит благословенную свою плоть, то много пользы получится”. На другой день /***509***/ эмир воссел на престол, да будет им

доволен Аллах, в большой суффе и пишгахе. Везир, столпы державы, родичи и свита явились во дворец очень радостные, много приветствовали и желали [эмиру] добра; потекли пожертвования. Привели послов, дабы они поклонились, и [их] усадили. Эмир Мас'уд, да будет им доволен Аллах, спросил: “В каком состоянии вы оставили брата нашего илека?” [13]. Они ответили: “Благодаря могуществу великого султана — радостным и довольным. С тех пор как достигнуты дружба и благоволение сей высокой **[451]** стороны, на стороне илека прибавилось радости, уверенности в себе и мощи. Нас, слуг, он прислал, чтобы приумножить приязнь и согласие”. Посольский пристав провел их в диван везира, а эмир созвал тайное совещание с везиром Ахмедом, сыном Абдассамада, аризом Бу-л-Фат-хом Рази, Бу Насром Мишканом и хаджибами Бектугды и Бу-н-Насром. Значение Бу-н-Насра поднялось в высокой степени: все дела [султанского] двора исправлял он, будучи заместителем старшего хаджиба Субаши, который об этом просил во время отъезда из Балха в Хорасан и получил согласие эмира. Эмир сказал: “Надобно

выслушать речи послов и на этой же неделе отправить [их] обратно. Следует принять [меры] предосторожности, чтобы никто к ним не ходил без приказа и нужно прислушиваться к их людям. Нужно [еще сделать] так, чтобы они ни о чем не проведали. Больше у меня нет сил сидеть, позовите лекаря Бу-л-Ала и возьмите его с собой, дабы дело было решено сегодня же посредством устных передач".— "Слушаемся,— ответили ему, — государю сильно пришлось помучиться из-за этого приема, но [прием] был очень кстати".— "Да, это так",— промолвил эмир.

Народ весь удалился. Эмир встал и ушел к себе, а Бу-л-Ала явился в диван везира. Письма и устные сообщения [от послов] принял мой наставник и прочитал. Было написано: "Мы не знаем, как нам испросить извинения за ошибку, которая произошла, при столь многом царском внимании, кое оказывает государь султан. Ныне, когда приязнь и согласие достигли настоящей степени, у нас имеются три цели, ради коих посланы сии послы. Когда будет заключено [взаимное] обязательство, и эти три цели

осуществятся, все желания [наши] будут полностью достигнуты. Первое, нас бы очень почтили тем, что определили бы [нам] нареченную от той благородной стороны. Второе, уведомили бы нас о том, чтобы и с сей стороны была определена нареченная одному из сыновей /***510***/ султана, дабы все стремления к областям, кои примыкают к владениям государя, были пресечены. Третье, чтобы у нас с Арслан-ханом, набольшим и ханом Туркестана, с позволения и посредничества султана было бы [взаимное] обязательство и письменные сношения, и им стало бы ясно, что вражда исчезла и [владетельные] дома пришли к единодушию, а поводы к распре и открытой неприязни были бы уничтожены. По этой причине мы прислали сих послов с устными заявлениями и сообщениями. Было бы достойно высоких помыслов султана принять их благосклонно, да пусть приехали бы с нашими послами послы от высочайшего присутствия, дабы и мы исполнили то, что будет испрошено, ибо когда сии цели будут достигнуты, наши войска перейдут через реку, подадут руку войскам султана, и огонь распри будет

погашен. Договор на сей предмет мы будем соблюдать и то, что является долгом единения, исполним *с соизволения Аллаха, велик он и всемогущ*”. **[452]**

Словесные заявления и сообщения мой наставник записал своей рукой и отдал Бу-л-Ала, чтобы он отнес [их] к эмиру. Через час-другой он принес ответ: “Согласен”. Послов отпустили. Бу-л-Ала тоже ушел. Затем он снова явился и сказал везиру и Бу Насру Мишкану: “Государь спрашивает, что следует сделать по этим вопросам, как правильно поступить?” Они ответили: “Сей юнец [14] не просит чрезмерного. Ежели с ним на том согласиться, будет выгодно: во-первых, мы будем безопасны, что он со своей стороны нам головной боли не причинит и вреда [не нанесет], во-вторых, у него есть люди и, быть может, [у нас] в них окажется нужда. Вот что представлялось слугам [государя]. Хорошо было бы, чтобы высочайшее мнение [с этим] согласилось”. Бу-л-Ала. удалился, снова вернулся и сказал: “То, что вы сказали [15], весьма одобрено. Надобно дать согласие на все три домогательства, составить

ответное письмо и назначить кого-нибудь послом, чтобы поехал с ними”.

Написали имена нескольких человек, дабы был сделан выбор; через Бу-л-Ала список отослали. Эмир выбрал балхского рейса Абдасселама, который входил в круг недимов и уже ездил послом. Ходжа Бу Наср удалился. Письма и словесные заявления вручили Абдасселаму. Решено было заключить брачный договор [между] одной сестрой илека и царевичем эмиром Са'идом, а с нашей стороны между дочерью эмира Насра, сипахсалара, и илеком. На этом послы уехали во вторник, двадцать третьего числа месяца сафара [16], достигнув целей.

Еще до того, как миновала болезнь [эмира], прибыли письма от Бу Сахля Хамдеви, иракского амида: “Поскольку Сын /***511***/ Каку ударился головой об стену [17], он понял, что войной не одолеет. [Поэтому] он принес извинения и просит отдать ему Исфаган на откуп [18]. Слуга [государя] без высочайшего соизволения не посмел исполнить это дело и задержал посланца Сына Каку. Письма халифского

везира Раст Мухаммеда Эйюба к Высокому собранию и к слуге [государя], в которых он ходатайствует, чтобы этого человека оставили, отправлены [вместе с этим письмом], и слуга [государя] ожидает по сему поводу высочайшего повеления, дабы поступить согласно ему”. Бу Наср из этих писем своей рукой сделал извлечение,— еще, покуда болезнь не спала, он большей частью поступал так: из множества вопросов он извлекал только то, в чем не содержалось неприятного и через меня посылал в серай [эмира], а я отдавал денщику Агаджи и быстро приносил ответ. Эмира я совсем не видел, покуда не понес это извлечение; то была радостная весть, Агаджи принял и понес дальше. Через часочек он явился и сказал: “Абу-л-Фазл, эмир тебя зовет”.

Я вошел, увидел затемненное помещение с развешанными холщевыми полотнищами, смоченными водой, со множеством древесных ветвей на полу и поставленными на них большими тазами, полными льда. Эмира я застал сидящим на тахте, в тузской рубашке, с ожерельем на **[453]** шее,

монистом сплошь из камфоры, а лекаря Бу-л-Ала я заметил сидящим внизу тахта. [Эмир] сказал: “Передай Бу Насру, что я сегодня здоров, и дня через два-три состоится прием, поскольку лихорадка и недомогание совсем прошли. Бу Сахлю следует написать ответ, что надобно, мол, совершить это соглашение после того, как все статьи его будут выполнены, и пусть он докажет этому человеку, что мы второй раз изволим заключать такое соглашение, уважая ходатайство халифского везира, и что ежели впредь обнаружится какой-либо обман, то произойдет искоренение его семейства. Надобно написать, как полагается, и ответ халифскому везиру с приятностями на сей счет. Письмо, кое будет написано Бу Сахлем, ты принеси, чтобы я поставил печать, потому что будет и другое распоряжение”.

Я удалился и рассказал Бу Насру о том, что происходило. Он обрадовался и положил благодарственный земной поклон господу богу, велик он и всемогущ, за здравие султана. Письмо написали. Я отнес его к Агаджи и был допущен к счастью еще раз лицезреть августейшего государя.

Он прочитал письмо, потребовал чернила, поставил печать, бросил мне и сказал: “Нужно отдать двум знатным хейльташам, чтобы они спешно поехали вместе с гонцом Бу Сахля и привезли ответ. На письмо начальника почты в Рее надо ответить, что мы, мол, приняли ***512***\ твердое решение отправиться из Буста в Герат и Нишабур, дабы находиться поближе к вам и чтобы дела, кои предстоят вам, поскорее разрешились и продвигались успешно. Надобно написать письмо и сахиб-дивану Сури с этими же хейльташами и распорядиться, чтобы он в Нишабуре и на привалах по дороге в Рей заготовил значительное продовольствие, ибо болезнь, которая на нас напала, прошла и мы в скорости двинемся, чтобы уладить беспорядки, кои приключились в Хорасане. Когда письма будут отправлены, ты вернись обратно, потому что есть устное сообщение к Бу Насру по одному поводу, так чтобы его передать”.— “Слушаюсь”,— ответил я, удалился с письмом, украшенным царской печатью, и рассказал Бу Насру, что велено сделать.

Сей досточтимый человек и одаренный дебир, да будет над ним милосердие Аллаха, с удовольствием взялся за перо. К часу пополуденной молитвы он уже покончил с этими важными делами и отправил хейльташей и гонца. Потом написал эмиру записку, изложил [в ней] все, что сделал и передал мне. Я пошел, был допущен и [записку] доставил. Эмир прочитал и промолвил: “Хорошо”,— и приказал денщику Агаджи: “Принеси сумки!” — [затем] обратился ко мне: “Принимай! В каждой сумке тысяча мискалей золота в слитках. Скажи, что это золото наш отец, да будет им доволен Аллах, привез из похода в Хиндустан. Золотых идолов разбивали, плавили и делали слитки. Это самый дозволенный из доходов [19]; нам его доставляют из каждого похода, дабы милостыня, которую мы захотели бы подать, была безусловно дозволенной **[454]** и мы подавали бы из этого [золота]. Мы слышим, что бустский казий Бу-л-Хасан Булани и его сын сильно нуждаются и ни от кого ничего не принимают, а имение [20] у них жалкое. Одну сумку нужно отдать отцу, а другую — сыну, дабы купили они себе

именьице дозволенное и могли бы жить вольготней, а мы бы хоть немного отблагодарили господа бога, за здоровье, кое вновь обрели”.

Я принял сумки, доставил их к Бу Насру и рассказал в чем дело. Он помолился [за эмира] и сказал: “Это государь сделал прекрасно. Я слышал, что Бу-л-Хасан и его сын уже некоторое время перебиваются на десять диремов”. Он пошел домой, и сумки понесли за ним. После молитвы он послал кого-то позвать казия Бу-л-Хасана и его сына. Они пришли. Бу Наср рассказал, что ему поручил эмир. Бу-л-Хасан истово помолился [за государя] и произнес: “Это драгоценный дар, я [его], принимаю, но возвращаю обратно, ибо он мне ни к чему. День страшного суда близок, я не сумею дать в нем отчет. Не скажу, чтобы я не нуждался, но поскольку я довольствуюсь тем малым, что у меня есть, то к чему мне это золото и грех”. ***513***\ “Слава богу!— воскликнул Бу Наср. — Золото, кое султан Махмуд привез из священного похода, из капищ, разбив и превратив идолов в слитки, золото, кое [сам] повелитель верующих дозволяет брать, а казий его не

принимает!?” Казий ответил: “Да будет жизнь господина долгой! Халиф — дело другое, он— владыка. И ходжа с эмиром Махмудом бывал в походах, а я не бывал и для меня тайна, [совершены ли] походы согласно предписаниям к постановлениям избранника [божия], мир ему, или нет. Я никак не могу принять это и держать за него ответ”.

“Ежели ты не принимаешь, то отдай своим ученикам нуждающимся и беднякам”,— сказал Бу Наср. “Я в Бусте не знаю никаких нуждающихся, коим можно было бы отдать золото,— промолвил казий.— Зачем мне это? Кто-то другой возьмет золото, а отчет в нем в день страшного суда должен буду дать я. Этого я ни за что не возьму на себя”. Бу Наср обратился к сыну: “Возьми ты свою [сумку]”. Тот ответил: “Да будет долгой жизнь ходжи-начальника! Все равно, я же сын своего отца, сказавшего эти слова; знанию я от него научился. Ежели бы я видел его всего один день и познал образ жизни его и обычаи, для меня было бы обязательно всю жизнь следовать ему, что же сказать, когда я вижу его уже долгие годы? Я

тоже страшусь отчета, запинания [при ответе] и допроса в день страшного суда, как и он. То, что у меня имеется скудных благ мирских, то дозволено и [мне] достаточно; ни в каком добавлении я не нуждаюсь". "Как богато вас одарил Аллах! Какие вы великие люди!"—воскликнул Бу Наср; и он прослезился и отпустил их.

Остаток дня он был задумчив и все вспоминал об этом. На другой день он написал эмиру записку и рассказал о положении. Эмир остался **[455]** в изумлении; и я слышал несколько раз, что где бы он ни завидел суфия или человека с усами вроде терки [21], расставившего сеть притворства, или кого-нибудь, надевшего на себя палас плута, душою грязнее паласа, он посмеивался и говорил Бу Насру: "Не сглазили бы Буланиев!" Тут я вспомнил один рассказ весьма примечательный и приятный, который я читал в повестях о халифах из рода Аббасова; я счел необходимым его здесь написать.

РАССКАЗ О ПОВЕЛИТЕЛЕ ВЕРУЮЩИХ, ИБН САММАКЕ И ИБН АБДАЛАЗИЗЕ, ДВУХ ПОДВИЖНИКАХ

В каком-то году Харун ар-Рашид ездил в Мекку, да хранит его Аллах всевышний. Когда благочестивые обряды были исполнены, [ему] рассказали, что там есть два человека, знаменитых подвижника, одного зовут Ибн Саммак, а другого /***514***/ — [ибн] Абдулазиз Умри. Они не ходили ни к одному властителю. Харун ар-Рашид сказал Фазлу, сыну Раби: “О аббасовец! — он так его называл, — мне страшно хочется повидать этих двух святых мужей, кои не ходят к владыкам, послушать их слова и понять их образ жизни, нутро и наружу. Как это сделать?” Тот ответил: “Воля повелителя верующих, пусть он соизволит сказать, что он задумал и что желает, а слуга [его] придумает”. Халиф промолвил: “Желание мое заключается в том, чтобы, скрывая сан, отправиться к ним, [посмотрим], какими мы их застанем, ведь притворщиков можно узнать с помощью благ мирских”.— “Правильно,— заметил Фазл,— что же соизволит [государь]?”— “Ступай,— сказал халиф,— приготовь двух египетских ослов, две сумы по тысяче золотых динаров в каждой. Надень на себя одежду купцов и в час молитвы перед

сном будь у меня,— я скажу, что нужно будет делать”.

Фазл удалился, все это справил и в час молитвы перед сном [22] явился к Харуну. Он застал его одетым в одежду купцов. [Халиф] встал и сел на осла, а Фазл — на другого осла. Золото они отдали кому-то, кто знал сераи обоих подвижников. Его пустили вперед с двумя собственными стремянными [халифа], и они поехали переодетые, так что никто бы их не признал; ни факелов, ни светильника при них не было. Сначала они добрались до серая Умри. Несколько раз стучали в дверь, покуда не донесся голос: “Кто там?”— “Откройте дверь,— ответили они,— это некий человек, который хочет негласно увидеться с подвижником”. Явилась недорогая невольница-служанка и открыла дверь. Харун, Фазл и надежный проводник, все трое, вошли [и] застали Умри стоящим на молитве в комнате с раскинутым старым ковриком и подсвечником, поставленным на дно [перевернутого] кувшина.

Несколько времени Харун и Фазл провели сидя, покуда человек не кончил молиться и не произнес “уассалам!” Затем он повернулся **[456]** лицом к ним и спросил: “Кто вы такие и по какому делу пришли?” Фазл ответил: “Это повелитель верующих, он пришел повидать тебя, дабы получить благословение”. “Да воздаст тебе Аллах добром! Зачем же было беспокоить себя? Нужно было позвать меня, чтобы я пришел. Ведь я повинуюсь его велению, он ведь наместник пророка, привет ему, и повиноваться ему — священная, обязанность всех мусульман”. “Воля халифа была такова, чтобы самому придти”—возразил Фазл. “Да приумножит господь бог, велик он и всемогущ, святость и величие [халифа] так же, как он признал святость слуги своего”. Харун попросил: “Дай нам какое-нибудь наставление, скажи что-нибудь, дабы нам выслушать и поступать согласно [твоему слову]”. Тот сказал: “О человек, ты поставлен над созданиями господа бога, велик он и всемогущ; господь преславный, всевышний отдал тебе большую часть земли, дабы ты справедливостью к народу откупился

от геенны огненной. И еще: погляди /***515***/ в зеркало, дабы увидеть доброе лицо свое и понять, что такое лицо жалко [предавать] адскому пламени. Следи за собой и не делай ничего заслуживающего гнева создателя, да будет слава ему!”

Харун прослезился, и [вновь] попросил: “Скажи еще”. Тот сказал: “О повелитель верующих, от Багдада до Мекки, как знаешь, ты проезжал мимо множества кладбищ, там место возвращения людей. Ступай, благоустрой те обители, ибо в сей обители пребывание — недолговечно”. Харун заплакал еще сильней. “Послушай, Умри, хватит! Сколько еще [будет] таких дерзостей? Понимаешь ли ты, с кем разговариваешь?” Подвижник замолчал. Харун сделал знак положить перед ним одну суму. Халиф промолвил: “Мы хотели тебя избавить от нужды и пожаловали сие”. — “Семейный человек никогда не преуспевает, — ответил Умри,— у меня четыре дочери, ежели бы не забота о них, я не принял бы [деньги], ибо у меня в них нужды нет”. Харун встал, Умри дошел с ним до двери серая и [стоял], покуда тот не сел верхом и уехал. По дороге [халиф] сказал

Фазлу: “Я нашел в Умри человека, произносящего сильные слова, однако и он стремится к мирскому, уж больно соблазнительны эти диремы и динары. Великий человек — тот, кто может от них отказаться! Посмотрим, каков окажется Сын Саммака”.

Они подъехали к его сераю, долго стучали кольцом по двери, покуда послышался голос: “Кто там?” “Нам нужен Ибн Саммак”,— ответили они. Подавший голос ушел; через долгое время он возвратился и спросил: “Что вы хотите от Ибн Саммака?” Они ответили: “Откройте дверь, есть неотложное дело”. Еще некоторое время их продержали на сухой земле [23]. Фазл крикнул служанке, открывшей дверь, чтобы она принесла светильник. Служанка пришла и сказала им: “С той поры, как этот человек меня купил, я у него не видела светильника”. Харун изумился. Послали проводника, чтобы он постарался [добыть света]. Он постучал в несколько дверей и принес светильник. В серае стало **[457]** светло. “Где шейх?”— спросил Фазл служанку. “На крыше”,— ответила она.

Поднялись на крышу дома. Увидели Сына Саммака, он плакал, молясь, и читал этот стих: *Уж не считаете ли вы, что мы создали вас ради забавы?* [24] и снова возвращался и повторял то же самое, потом он произнес “уассалам!”, потому что заметил свет и услышал шепот людей. “Привет вам!”—сказал он. Затем Сын Саммака спросил: “Зачем вы пришли в такое время, кто вы такие?” Фазл промолвил: “Это повелитель верующих, /***516***/ пришел навестить тебя, ибо ему так хотелось тебя увидеть”.— “Нужно было от меня позволение на приход. Ежели бы я дал, тогда бы он и пришел; не годится расстраивать у людей душевное состояние”.— “Да, это нужно было бы, да теперь уже миновало, — заметил Фазл. — [Это] наместник пророка, привет ему, и послушание ему есть священная обязанность всех мусульман, а ты тоже вошел в их число, ибо господь бог, велик он и славен, говорит: “*Слушайтесь Аллаха, слушайтесь посланника [его] и повелевающих вами*”. Сын Саммака ответил: “Сей халиф следует по пути двух шейхов — под ними я разумею Бу Бекра и Омара, да будет ими доволен Аллах, — с каких же пор считают

повеление его равносильным повелению пророка?” “Так водится”,— ответил Фазл. “Странно,— возразил [Ибн Саммак],—ибо в Мекке, в священном месте, я следов этого не вижу, а ежели здесь нет, то можно представить, как оно в других областях”.

Фазл стоял молча. Харун попросил: “Дай мне какое-нибудь наставление, я ведь пришел за тем, чтобы послушать слово твое, дабы у меня прибавилось благоразумия”. Сын Саммака сказал: “О повелитель верующих, бойся бога, велик он и всемогущ, ибо он един, нет у него соучастников и в товарищах он не нуждается. Знай, что в день страшного суда тебя поставят пред лицо его, и дело твое решится только надвое — либо унесут тебя в рай, либо в ад; кроме сих двух обиталищ, третьего нет” Харун горько заплакал, так что лицо его и грудь стали мокры [от слез]. Фазл спросил: “О шейх, понимаешь ли ты, что говоришь? Есть ли сомнение в том, что повелитель верующих пойдет не только в рай?” Сын Саммака не дал ему ответа и не оробел перед ним. Обратившись к Харуну, он произнес: “О повелитель верующих, сей Фазл сегодня вечером с тобой, а завтра, в день

страшного суда, его с тобой не будет и говорить за тебя он не будет, а ежели и скажет, [его] не послушают. Взгляни на самого себя и пожалей себя”.

Фазл был ошеломлен, а Харун так заплакал, что за него испугались, как бы он не лишился чувств. Наконец он сказал: “Дайте мне воды”. Сын Саммака встал, принес кувшин с водой и подал Харуну. Когда тот хотел было отпить, подвижник сказал ему: “Поклянись мне, о халиф, родством с посланником божиим, привет ему, ежели тебе не дадут пить, за сколько ты купишь эту воду?” “За полцарства!” “Пей же на здоровье!” Потом, когда халиф отпил, подвижник спросил: “Буде **[458]** то, что ты выпил, в тебе застынет, сколько ты дашь, чтобы [оно] растворилось?” “Полцарства!” “О повелитель верующих,— продолжал Сын Саммака,— царство, цена коему — количество воды, которое можно выпить одним духом, стоит того, чтобы его не слишком превозносили. Но раз ты встрял в это дело, то, по крайней мере, твори правосудие и рабам господа бога, велик он и всемогущ, оказывай добро”. “Согласен”,— ответил Харун и подал знак, /***517***/

чтобы принесли суму. Фазл сказал: “О шейх, повелитель верующих слышал, что ты [живешь] в стесненных обстоятельствах. Сегодня вечером было решено пожаловать тебе сию дозволенную награду, возьми [ее]”. Сын Саммака усмехнулся и промолвил: “Слава всевеликому Аллаху! Я повелителю верующих говорю в назидание, чтобы он остерегался огня адского, а сей человек пришел ради того, чтобы ввергнуть в геенну огненную меня. Прочь! Прочь! Уберите от меня этот огонь, не то сейчас же сгорим мы и серай, и околоток!” Он встал и поднялся на крышу. Явилась служанка, засуетилась и сказала: “Уходите, благородные люди, вы сегодня вечером совсем замучили бедного старца”. Харун и Фазл удалились, проводник взял с собой золото. Они сели верхом и уехали. Харун всю дорогу повторял: “Вот, это человек!” [Долго] он вспоминал Сына Саммака после этого приключения. Подобные рассказы я привожу ради того, что, быть может, читателям [от них] будет польза и они оставят след в душе.

В четверг, в первый день месяца раби ал-эввель [25], эмир Мас'уд открыл прием, потому что он стал

совсем здоров. Прием был общий. Явились свитские, родичи и раияты Буста и осыпали эмира монетами. Раияты много приветствовали и молились за него. Ко дворцу привели много жертвенного [скота], приносили [его] в жертву и вместе с хлебом раздавали беднякам. Радость была такая, что подобной ей никто не помнил.

В понедельник, двенадцатого числа сего же месяца [26], прибыло письмо из Мерва о кончине Нуш-тегина, личного [слуги государя], который был шихне той области. Вспоминали, что когда он отходил из [этого мира], он сказал, что эмир Махмуд его не освободил [27] и все, что у него имеется, принадлежит султану. Султану [все] надобно показать, ибо когда он увидит, то освободит его, даст отпущение и исполнит его завещание на богоугодные дела [28]. Все прочее же, что у него есть: гулямы, драгоценные убранства, принадлежности и имения [29] — все принадлежит султану. Его гулямы — [народ] дельный и ради них он много потрудился. Не нужно, чтобы они распались. Есть один гулям, который у них за предводителя. Зовут его Хумар-тегин, чтец Корана.

[459] Воспитатель его слуга [государя], он — чистосердечный советчик, надежный человек и телом богатырь. Надобно, чтобы эмир оставил его во главе гулямов, ибо в этом благо.

Эмир освободил Нуш-тегина, царского слугу, и соизволил исполнить его завещание на богоугодные дела. На письма отписали ответ, с гулямами обошлись ласково. Хумар-тегин был оставлен у них за предводителя. /***518***/ Им было сказано, что они должны оставаться на месте, покуда амиль не выдаст им жалованье и плату за службу [30]. И пусть они займутся делом, какое найдется, покуда-де мы их не позовем и не пожалуем одному из сыновей наших и не препоручим ему. Письмо [это] было скреплено царской печатью и два хейльташа [его] повезли.

В четверг, двадцать второго числа сего же месяца [31], прибыли письма из Хорасана, что туркмены рассеялись в пределах области и разграбили город Тун, а Бу-л-Хасан Ираки, начальник курдов и арабов в Герате, ночью и днем предается вину. Амиль Бу Тальха Шейбани жалуется на него. Он, другие

именитые люди и искренние друзья от него в отчаянии. Одного из принадлежащих ему гулямов он послал с отрядом курдов и арабов на толпище туркмен, не предвидя, что [они] попадут впросак; многих убили и захватили в плен. Из-за этих известий эмир очень опечалился. Он позвал везира, и речь пошла о разном. Покончили на том, что эмир ему сказал: “Тебе надобно отправиться в Герат и пребывать там, покуда не придут к тебе хаджиб Субаши и все хорасанское войско. Всем сделай смотр, пусть выдадут [причитающиеся] им средства [32] и пусть они, снарядившись, выступят на туркмен, дабы изгнать их из Хорасана мечом, потому что прямодушны они не будут. То, что они говорили до сих пор и постановляли — все было обман, заигрывание и лицемерие, ибо куда бы они ни приходили, они не оставляли ни скота, ни пашен. А этого негодяя Иракиишку ты отставь от курдов и арабов и назначь им двух дельных саларов из их же [среды] и препоручи хаджибу. Ираки пришли ко двору, дабы он получил по заслугам, потому что Хорасан и Ирак пропадают из-за него и брата его.

Когда дойдешь до сути дела и своими глазами будешь наблюдать положение, ты непрестанно пиши, дабы мы сделали и другие распоряжения, какие надобно сделать”.— “Слушаюсь” — ответил [везир], удалился, сел вместе с Бу Насром и долго наедине с ним беседовал по этим вопросам. На другой день, написав соглашение [33], он принес его во дворец. Бу Наср доложил его эмиру в негласной беседе и тут же написал ответы, как приказал эмир. Эмир [их] одобрил и скрепил царской печатью. Во вторник, пятого числа месяца раби ал-ахир [34], великому ходже дали дорогой халат, к коему были добавлены слоны, самец и самка, подседельный мул, соколы и турецкие гулямы. Везир предстал пред лицо эмира. На словах эмир выразил ему столь много ласки, что даже сказал: “Ходжа — наш отец. Труды, кои следовало бы нести нам, несет он. И пусть **[460]** он освободит наше сердце /***519***/ от этих важных дел, потому что его распоряжения равносильны нашим”. Везир ответил: “Я — слуга и жизнь [свою] принесу в жертву повелению государя; к этому делу я приложу сколько есть человеческих сил”. И он удалился с

почестями и с превеликим поездом провожающих. Ему так воздали должное, что подобного никто не запомнил.

Между ним и Бу Насром в это время произошло чрезвычайное сближение, потому что Бу Наср хорошо узнал [этого] несравненного мужа. Он попросил его, чтобы с ним назначили надежного человека от посольского дивана, дабы тот писал отсылаемые к султану письма с его одобрения, доносил собранию султана о всех происшествиях и о том что делает [везир] по каждому вопросу. [Везир] на эту должность назначил дебира Бу Бекра Мубашира, и Бу Наср дал ему необходимые указания. На другой день везир отбыл в Герат с весьма значительной свитой, снаряжением и оснащением. При нем была тысяча всадников.

Эмир, да будет им доволен Аллах, в понедельник, двадцать пятого числа месяца раби ал-ахир [35], отправился в Юмнабад и Мейменд [36] ради прогулки и охоты. Ходжа Абдарреззак Хасан приготовил в Мейменде гостям угощение, как он умел угощать,

ибо во всех делах он был хорош и единственным в своем роде. После угощения он поднес подобающие подарки. Его управляющие подали обильное угощение и тем людям, которые находились при султане. Эмир остановился в Мейменде в тех царских палатах, кои построил ходжа Ахмед, сын Хасана, да будет над нам милость Аллаха. В среду, в четвертый день месяца джумада-л-ула [37] он возвратился обратно в кушк Дешт-и Ленкан. На следующий день пришло письмо о кончине Сатилмиша, хаджиба Арслана. Эмир еще раньше возвысил его и соизволил ему дать должность шихне в Бадгисе в силу того, что он в пору эмира Мухаммеда был хранителем казны и первым, кто из Хорасана пошел навстречу эмиру Мас'уду и увел с собой столько гулямов Арслана, как я уже рассказывал выше.

В воскресенье, восьмого числа сего же месяца [38], в Бусте помер Са'ид, сын Махмуда Тахира, казначей, да будет над ним милость Аллаха. Он был еще очень молодой и дельный человек и обладал мудростью старцев. Ходжа Бу Наср много с ним сиживал и

[часто] говорил: “Положение этого молодца таким не останется, ежели жив будет и не бросит постоянно пить вино с утра натощак”. Но он не бросил, и говорили, что оттого он и помер. Сколь [замечательно] изречение: *Есть у Аллаха создания и одно [39] из них мед!* Он помер в назначенный ему час. Удивительно было, что за несколько дней до того, как он отошел [в иной мир], /***520***/ он устроил званый пир великолепный, позвал Бу Насра и кое-какой другой народ. И я там был, много веселились, а для него [это] было прощание — через три дня он ушел уходом, из которого не **[461]** возвращаются. В памяти у меня сохранился сей бейт, сочиненный стихотворцем:

*Ночей последних наступило много, но вот пришла и к нам;
Немало возвращалось дней, но к нам день больше не придет!*

Махмуд Тахир, его отец, был человек влиятельный из [числа] казначеев эмира Махмуда, да будет им доволен Аллах, и эмир имел к нему большое доверие. Он тоже помер молодым, и тот падишах за заслуги покойного наградил благородного сына. Сей великодушный человек сделался знатной особой,

прославился, а эмир Мас'уд, да будет им доволен Аллах, жаловал [его] еще больше, дабы он стал еще именитей. Но прожил он недолго и помер в молодые годы. Он породнился с таким весьма почтенным семейством, как [семейство] Бу-н-Насра Захвади, очень важного вельможи из приверженцев хорезмшаха Алтуиташа и знакомца эмира Махмуда. [После него] осталось два способных сына.

[Их] дядя с материнской стороны ходжа Махмуд Захвади два раза исправлял должность ариза при двух падишахах — Мавдуде и Фаррух-заде, да будет над ними милость Аллаха, и совершил достохвальные деяния; он являл высокие подвиги благородных мужей и усердие людей великих и мужественных, и ежели в лето четыреста пятьдесят первое он испытал на себе по невеликодушию судьбы нерасположение и объявилась суровость [к нему], то в конце концов все уладится. В ручье, где раза два текла вода, вода вернется снова, и захромавшее счастье поправится. Нужно, чтобы сохранилась жизнь, а богатство приходит и уходит и несчастье, причиняющее страдание сердцу мужей

благородных, исчезнет совершенно. Каждый, кто услышит, скажет что это [даже] нельзя считать за несчастье. Я рассказал о сем потому, что пришлось кстати, и я касаюсь этого вельможи и его деятельности оттого, что приблизилось [в нашей книге то место], когда эмир Мас'уд, да будет им доволен Аллах, его возвысит и введет в государственные дела, а [сам он] испытает на себе судьбу и мягкую и суровую. Все будет упомянуто дальше [40] *по воле Аллаха всевышнего*.

В субботу, семнадцатого числа месяца джумада-л-ула [41] дебир Бу-л-Хасан Йраки, отстраненный от должности начальника курдов и арабов, прибыл ко двору. Великий ходжа Ахмед, сын Абдассамада, отправил его по-хорошему, однако приставил к нему пять конных приставов. Эмир не допустил его к себе и отослал к дебиру Мас'уду, сыну Мухаммеда Лейса, /***521***/ дабы он считался как бы задержанным. Многие его навещали, а он пребывал в сильном замешательстве и упал духом. Однако Бу Наср в силу того, что этот человек славился по письменной части, говорил насчет его, ходатайствовал, покуда не

смягчил сердце эмира. Бу-л-Хасан Ираки предстал [пред лицо эмира] на поклон и снова сел в посольском диване, но утратив честь, с посбитой спесью, так **[462]** что у него уже не было смелости говорить очень свободно. Кончилось его дело тем, что он помер, как я потом расскажу.

В воскресенье, двадцать первого числа сего же месяца [42] прибыли письма от Бу Сахля Хамдеви и начальника почты Рея, что слова Сына Каку оказались притворством, ложью и оттяжкой времени. Он собирал народ с разных сторон и тот [к нему] стекался. Часть туркмен кызыловдев, ягмаровцев и балханкухцев, бежавших от потомков Сельджука, тоже примкнула к нему, потому что у человека [43] много золота, казна и разного рода богатство. Снарядившись, он направился к Рею. Опасность в том, что он проведал о волнении в Хорасане из-за сельджуковцев и о невозможности оказать нам [44] помощь. Рабы [государя] постараются изо всех сил, [посмотрим, мол], каков окажется промысл божий, да славится поминание его. Эмир крепко призадумался и приказал ответить: “Везир и старший

хаджиб в Хорасане, войск там достаточно, чтобы справиться с потомками Сельджука. Мы тоже намереваемся отправиться в Хорасан. Не следует падать духом, нужно мужественно идти на бой, ибо с тем войском, кое у вас имеется, можно прибрать к рукам весь Ирак”. Ответы были отосланы спешной почтой, а также с нарочными гонцами. В отдельной главе о событиях в Рее я изложу эти обстоятельства полностью. Здесь хватит столько.

Во вторник, в последний день месяца джумада-л-ухра [45] пришли письма от везира. Он писал: “Слуга [государя] усердно принялся за дела. Амили городов, коих он вызвал, приезжают и [от них] принимаются собранные налоги [46]. Старший хаджиб и войска прибыли в Герат. Бу Сахль Ала, помощник ариза, крайне старательно поверяет войска при мне и раздает серебро. Когда дело подготовки войск будет закончено, и они пойдут на противника, слуга [государя] предпишет им правильный порядок действий и приложит все [свое] служебное рвение. Он надеется, что по милости господней, да славится поминание его, цели будут достигнуты. Слуге

[государя] кажется правильным, чтобы государь приехал в Герат, когда минует новруз, и пробыл бы лето здесь /***522***/ — все дела сделаны; относительно кормов и иного прочего никакой тревоги нет,— дабы слуга [государя мог] отправиться в Мерв, старший хаджиб с войском — на противников, [дабы] повсюду поднялся дух, со смутой было бы покончено и [чтобы] весьма запутанные дела в Рее и Джибале поправились, а государь обрел душевное спокойствие". Эмир соизволил ответить: "Ходжа — наш наместник в Хорасане. Мерв и прочие города — все полны войск, какая нужда в нашем присутствии в Герате? Мы отправимся в Газну, ибо так лучше. Сыновья Али-тегина стали [с нами] на честный путь — никакой тревоги за Балх и Тохаристан нет. Там же находится мой возлюбленный сын Мавдуд и сипахсалар Али. Ежели [вам] понадобится прибавить войска, просите от них". Ответы такого рода были отосланы. **[463]**

От Бу Насра я слышал, он говорил: "Правильный порядок действий тот, который предложил везир, однако эмир [его] не слушает и он, конечно, поедет в

Газну, ибо ему страшно хочется быть там, хотя Газну, хвала Аллаху, от него не отнимают. Ему следовало бы отправиться в Герат или в Мерв, или в Нишабур и просидеть год-два в Хорасане, покуда не утихнет великая смута. Я тоже несколько раз докладывал ему то, что везир писал ко мне — а писал он ко мне гораздо менее стесняясь — но никакой пользы это не дало. У преславного и великого господа бога есть желания, кои рабы [его] знать не могут”.

В одиннадцатый день месяца раджаба [47] эмир, да будет им доволен Аллах, выехал из Буста в Газну и прибыл туда в четверг, седьмого числа месяца ша'бана [48]. Он остановился в Баг-и Махмуди с тем, чтобы пробыть там некоторое время, и протянул руку к удовольствиям и вину; пил он беспрестанно, так что совсем не отдыхал. Во вторник, двенадцатого числа месяца ша'бана, из Балха в Газну прибыл царевич эмир Мавдуд, да будет над ним милость Аллаха, ибо ранее из Буста пошло письмо, чтобы он приехал. Он прибыл в назначенный день и был милостиво принят. Во вторник, девятнадцатого

ша'бана [49] эмир отправился в крепость и серхенг Бу Али, кутзал, принимал гостя. В пятницу, двадцать второго числа сего же месяца, эмир переехал в новый мас'удов кушк. Еще до отъезда из Баг-и Махмуди пришло письмо от везира, что дела войска улажены и оно двинулось на врага, окрепнув духом. Туркмены, поняв, что [против них] предприняты усиленные действия, ушли все в Нису и Фераву, так что в пределах Гузганана, Герата и сих областей никого из них не осталось. Старший /***523***/ хаджиб ушел в Мерв, поставил войсковой стан за городом, всюду разослал шихне и стал повелевать. Что делать слуге [государя]? Послан был ответ: “Поскольку положение таково, ходже надлежит приехать через Гур в Газну, дабы повидать нас и доложить самолично, что доложить должно, и выработать мероприятия более сильные”.

Наступил месяц поста. Эмир запостился в новом кушке, и каждый вечер царевичи эмиры Са'ид, Мавдуд и Абдарреззак, да будет ими доволен Аллах, бывали в большом доме и с ними поочередно хаджибы, свитские и недимы. Султан разговлялся в

[своем] дворце наедине. В субботу, в половине месяца рамазана [50], везир прибыл в Газну. Он явился к эмиру, и состоялось негласное собеседование с ним и начальником посольского дивана до часа пополуденной молитвы. Везир все доложил, что происходило и было сделано; эмир остался весьма доволен и похвалил везира. Везир удалился. На другой день созвали еще одно негласное совещание. Везир говорил: “Ежели бы государь приехал в Герат, то во всем Хорасане не осталось бы ни одного туркмена. Быть может и по сию пору не истекло время их пребывания там, но во всяком случае, покуда старший хаджиб и войска находятся в городах, от них **[464]** никакого вреда не произойдет. Но на сердце тревога за Рей и за Бу Сахля, за войско и за перевозку золота и одежды, кои находятся при них, из-за врага подобного Сыну Каку, ибо, вследствие неприбытия в Хорасан высочайшего знамени, нельзя знать, как переменится их положение”. Эмир ответил: “Никакой беды там не должно быть, потому что там есть значительное войско и хорошие салары, а Бу Сахль — человек

дельный. Сын Каку, дейлемцы и курды никакого значения не имеют — я их видел и испытал. Тамошнее положение у меня на виду". "Даст бог, благодаря могуществу и счастью государя все обойдется благополучно",— промолвил везир. В понедельник, семнадцатого числа месяца рамазана [51], прибыл налегке из Балха и сипахсалар Али со своими гулямами и ближними людьми, согласно высочайшему повелению, кое послали, чтобы он оставил рать в Балхе и явился с небольшим отрядом, ибо [надо] с ним обдумать дела. Али повидал султана, удостоился милостей и возвратился домой.

В понедельник был праздник разговения. Еще за неделю до этого эмир сделал распоряжение приготовиться к этому дню. Приготовления сделали такие, что древние старики признались, что в никакие времена подобного не запомнили. /***524***/ Было также и много конных на поле Шабехар. Эмир восседал в большой суффе нового серая на деревянном престоле, потому что золотой еще до сих пор не доделали. Начали приходить дворцовые гулямы, число коих в то время доходило до четырех

тысяч с чем-то; они построились в несколько рядов в том большом серае. Эмир открыл прием. Разговелись и дворцовые гулямы стали выходить на новую площадь и останавливались, потому что площадь и все поле превратились в тюльпанник. Затем эмир сел [верхом] и явился на хазру на площади и поле Шабехар. Сотворили праздничную молитву, и эмир сел за стол в беседке дома, стоящей справа от суффы. За этот же стол посадили сыновей [государя], везира, сипахсалара, дейлемских эмиров и вельмож свиты, а прочий народ — за другие столы. Стихотворцы читали стихи. Потом явились мутрибы, и пошла в круговую чаша, так что из-за стола разошлись пьяные. Эмир уехал и явился в Золотой дом на крышу, где устроили пиршество и с удовольствием выпили вина.

На следующий день приема не было; [эмир] открыл прием на третий день. Из Мерва прибыли гулямы Нуш-тегина, личного слуги [государя], с предводителем по имени Хумар-тегин, кедхудаем Нуш-тегина, дебиром Махмудеком и несколькими челядинцами, все нарядные, в богатом убранстве.

Они предстали пред лицо эмира и были приняты милостиво. Висачных гулямов [52] он приказал поместить отдельно в старом махмудовом кушке и хорошо содержать. На другой день он позвал их к себе, совсем без посторонних, и человек тридцать самых отборных гулямов взял себе, а прочих поделил между четырьмя сыновьями **[465]** Са'идом, Мавдудом, Маджудом и Абдарреззаком. Доля Абдарреззака была вдвое больше других, потому что у других было много, а у него нет, и он обращался с прошением, чтобы [государь] дал ему какую-нибудь область. В месяце же шаввале эмир отправился на охоту в Жех с отрядом дворцовых гулямов и войска, с недимами и музыкантами. Охота прошла прекрасно, развлекались и пили вино в охотничьем шалаше. Я присутствовал на этой охоте, а ходжи Бу Насра не было. Много добычи доставили в Газну на верблюдах-скороходах. С государем были родичи, свита и эмиры-сыновья, да будет доволен Аллах ими всеми!

В среду, двадцать четвертого числа сего же месяца [53], [государь] с охоты возвратился в Баг-и Седхезаре и

на следующий день распорядился, чтобы пожитки и имения [54], оставшиеся после Нуш-тегина, личного [слуги], тщательно проверили в присутствии его кедхудая, /***525***/ дебира Махмудека, и других управляющих. Завещание на содержание его могилы оставили в прежнем положении. Его дорожные принадлежности, палатки и хергах, несколько лошадей и верблюдов он подарил сыну эмиру Абдарреззаку с тремя селениями — одно в Забулистане и два в Пуршауре [55]. Все прочее, что было у личного [слуги государя], сохранили. Его серай [государь] подарил сыну эмиру Мерданшаху вместе с множеством ковров и несколькими серебряными изделиями. Ни предела не было тому, что оставил Нуш-тегин, ни [его] разного рода богатству. Мервскую область, коей он правил, [государь] отдал начальнику дворцовых гулямов хаджибу Бектугды. Написали жалованную грамоту, и тот послал туда своего кедхудая Бу Али Завзани. С саларом Бектугды на этой неделе произошло событие — царевичу эмиру Мерданшаху быть в свойстве с ним [через женитьбу] на дочери, коя у Бектугды

имеется. Устное сообщение [об этом было послано] с Бу Насром Мишканом. Бектугды слегка поломался, что нет, дескать, у него силы снести такую милость, да и откуда, мол, ей быть, но Бу Наср доказывал то, что требовалось, покуда тот не согласился. Ударили по рукам и дано было обещание заключить брачный договор тогда, когда будет повеление.

Салар Бектугды смекнул, что надобно делать и в чем [заключается] корысть. Он тут же приступил к делу и через год заключил брачный союз, подобного коему я в сей столице не видывал: не осталось ни одного видного человека, ни слуги в барском доме, простолюдина и знатного, сипахдара и пердедара, трубача и барабанщика, которым не досталась бы награда от салара Бектугды от двенадцати тысяч диремов до пяти, трех, двух, одной тысячи и пятисот, трехсот, двухсот и ста; меньше сего не было. Эмира Мерданшаха доставили в кушк салара Бектугды. Брачный договор заключили там, и динары и диремы покатились к каждому. На эмира Мерданшаха он надел черный шелковый кафтан, украшенный жемчугом, и возложил на голову шапку о четырех

золотых перах, осыпанную самоцветными каменьями, и повязал на него пояс, **[466]** весь выложенный самоцветами, и [подарил] ему коня очень дорогого, кованного золотыми подковками, седло, оправленное в золото, чепрак в самоцветах, десять гулямов турецких со сбруей служительской, с конями; десять тысяч динаров и сто штук дорогой ткани разных цветов. Покончив с заключением брачного договора, эмира Мерданшаха привели к эмиру, дабы он на него поглядел. Все, что происходило и [что] сделали, [ему] доложили. Царевич возвратился к родительнице. Эмир Мерданшах был еще совсем ребенком, ибо было ему тринадцать лет. Потом, когда он подрос, в начале лета четыреста тридцатого [56], дочь салара перевезли в гарем этого царевича; /***526***/ она тоже была совсем ребенком. Их посадили вместе и сыграли свадьбу, подобной которой никто не запомнил: с превеликой пышностью повелел ее справить эмир, ибо он сильно любил этого сына, а его мать была очень влиятельна. От мустовфия Бу Мансура я слышал, он говорил: “Столько-то дней со столькими-то помощниками я

занимался переписью приданого. Было его на десять раз тысячу тысяч диремов”. Я, Бу-л-Фазл, после смерти султана Мас'уда и эмира Мерданшаха, да будет ими доволен Аллах, видел тот список и остался в изумлении, как кто-либо сам [один] может то сделать. Я назову один-два предмета: четыре золотых венца, украшенных драгоценными каменьями, двадцать золотых блюд, плоды на них из разнообразных самоцветов, двадцать золотых укладок для веретен со вставленными в них драгоценными каменьями, золотая метелка с бородой из нитей жемчуга. Я назвал только несколько вещей, единицу из тысячи, [но и] этого достаточно, по этим вещам можно понять, каковы были прочие.

О НЕПРИЯЗНИ, СЛУЧИВШЕЙСЯ МЕЖДУ ЭМИРОМ МАС'УДОМ, ДА БУДЕТ ИМ ДОВОЛЕН АЛЛАХ, И БОГРА-ХАНОМ, И ОБ ОТПРАВЛЕНИИ ЭМИРОМ БУ САДИКА ТАББАНИ, ДА СМИЛУЕТСЯ НАД НИМ АЛЛАХ, ПОСЛОМ В КАШГАР И ТАРАЗ [57], В ТУРКЕСТАНЕ, ПОКУДА НЕПРИЯЗНЬ НЕ ИСЧЕЗЛА ПРИ ПОСРЕДСТВЕ АРСЛАН-ХАНА

Я уже рассказал, [повествуя] о поре покойного эмира, да будет им доволен Аллах, что Богра-хан при жизни своего отца — тогда его называли Йига-тегин — прибыл в Балх, чтобы следовать дальше в Газну в

силу того, что он был женихом благородной Зейнаб, дочери покойного эмира, которая была обещана ему, дабы с нашей поддержкой он отобрал от Али-тегина Бухару, Самарканд и те области, [согласно тому] как он был обнадежен нами. Он получил ответ, дескать, надобно, вернуться назад и помириться, потому-де, что мы намереваемся пойти на Сумнат. Когда мы с этим покончим, а вы захватите ханство над Туркестаном, тогда и будет принято решение. Расхоложенный Йига-тегин из Балха повернул обратно. Потом [произошло] наше возвращение из похода, захват ими ханства, пришествие на войну с Али-тегином, когда его брат **[467]** Туган-хан пал, /***527***/ отправление отсюда факиха Бу Бекра Хусейри в Мерв; происходили войны и снова возвращались к миру, ибо Арслан-хан не захотел, чтобы его брат был наш сосед, и он еще больше прибавил отчаяния Богра-хану, как рассказано в отдельной главе сего сочинения. Потом не удавалось отослать благородную Зейнаб, потому что эмир Махмуд отошел [в иной мир], и на престол царства сел эмир Мас'уд, а спустя год после этого помер Кадыр-хан.

Арслан-хан, который был наследником престола, сделался ханом Туркестана. Владения Тараз и Испиджаб [58] и те области он целиком отдал своему брату Богра-хану и положил ему сие почетное прозвище. Друг с другом они были внешне хороши, а скрытно — плохи. Эмир Мас'уд, как я уже повествовал, посылал послами ходжу Бу-л-Касима Хусейри и казия Бу Тахира Таббани, родственника имама Бу Садика Таббани, к Арслан-хану и Богра-хану, дабы обновить договор и обязательство. Они поехали и долгое время оставались [там], покуда дело не совершилось и они не возвратились обратно, достигнув дели, с одной хатуной, дочерью Кадыр-хана, кою помолвили за султана Мас'уда, и другой хатуной, дочерью Арслан-хана, кою помолвили для эмира Мавдуда, но она по дороге скончалась. В Перване казни Таббани тоже получил повеление [отойти в иной мир], а Бу-л-Касим со слугами и балдахином прибыл в Газну, и свадьба состоялась.

Богра-хан с нашими послами прислал одного хаджиба с ученым человеком и попросил отправить [к нему] благородную Зейнаб. Однако до слуха эмира

довели, что Богра-хан говорит непутевые речи по поводу наследства, что у Зейнаб-де есть [право на] долю в силу состояния [их] братом и сестрой. Эмир по этому случаю сильно обиделся и отослал обратно посла, не исполнив требуемого, с добрым посулом в другой срок, а Арслан-хану написал письмо с жалобой и в нем указал на неуместное желание. Арслан-хан попрекнул брата, зачем он говорит такие несуразные, необдуманные слова. Богра-хан весьма оскорбился и совсем отбился от рук, так что сделался настоящим врагом и для брата [свое-то] и для нас. Дело дошло до такой степени, что когда потомки Сельджука пришли в Хорасан и разбили Бектугды, и весть об этом дошла до Туркестана, то осведомители сообщали, что Богра-хан злорадствовал и торжествовал, во-первых, потому что был с нами плох, и во-вторых, потому что Тогрул был ему друг /***528***/ и им возвышен. Тайно он наущал и ободрял их и говорил: “Воевать надобно, потому что он-де пришлет столько людей из ханских, похожих на туркмен, сколько запросят”.

Оттого, что об этом приходили все новые известия, эмир очень помрачнел, ибо то была новость не пустячная. Потом на переправе у Амуя схватили одного подозрительного сапожника и допросили. Сапожник сознался, что он лазутчик Богра-хана, пробирается к туркменам, [что] к ним есть письма и он-де [письма] спрятал в некоем месте. **[468]**

Его отправили ко двору, и мой наставник сел с ним наедине и расследовал обстоятельства. Сапожник во всем признался и выложил из торбы сапожные инструменты. Сердцевины деревянных рукояток оказались выдолблены, туда вложены маленькие записки, закупорены щепочкой и закрашены под цвет дерева, так что нельзя догадаться. “Это Богра-хан у себя сделал”, — показал сапожник. Бу Наср посадил скрыто [этого] человека в одном месте, а записки отнес к эмиру. Все носили на себе знак тамги [59] и были они к Тогрулу, Дауду, Ябгу и йиналовцам. Богра-хан подстрекал, сколько мог, и наше дело представлял их глазам и сердцу пустяком, говоря, держитесь крепче, просите сколько вам нужно народу — пришлем.

Эмир вследствие этого стал весьма опаслив и сказал: “Надобно написать письмо к Арслан-хану и отправить спешного посла, отослать эти записки и сказать: не хорошо, мол, что Богра-хан так поступает, а хан соглашается”. Бу Наср ответил: “Да будет долгой жизнь государя! Турки ни за что нас не полюбят. Я много раз слышал от эмира Махмуда, как он говорил, что сближения с нами турки ищут по необходимости, а как только представится случай, они [дружбы] не хранят и видимости добрых отношений не соблюдают. Лучше всего сослать лазутчика в Хиндустан, дабы он работал в Лахоре, а записки эти запечатать и спрятать в каком-нибудь месте. А потом к Арслан-хану и Богра-хану поедет посол и вежливо поведет с ними переговоры, покуда при посредничестве Арслан-хана не исчезнет открытая вражда, и Богра-хан не перестанет вредить”. “Ты говоришь совершенно верно”,— произнес эмир. Он запечатал записки и [их] спрятали. Лазутчику [эмир] дал сто динаров, а мой наставник ему сказал: “Я выпросил твою жизнь,

убирайся в Лахор и шей там обувь”. Человека увели туда.

Эмир, везир и Бу Наср Мишкан сели без посторонних, и выбор для посольства пал на имама Бу Садика Таббани на том основании, что Бу Тахир приходился ему родственником и он с делом знаком. Эмир позвал его, любезно принял и сказал: “Исполни вот это посольство и по возвращении мы отдадим тебе должность казия в Нишабуре, поезжай туда”. Тот собрался /***529***/ и с драгоценными вещами свыше чем на десять тысыч динаров выехал из Газны во вторник, седьмого числа месяца зул-л-ка'да года двадцать восьмого [60]. Полтора года он трудился и вел переговоры, так что Богра-хан сказал: “Все прения и работу заводит и совершает Бу Ханифа”,— и все признались, что эдакого человека в смысле прямодушия и честного исполнения порученного не видывали. После происходивших многочисленных прений он заключил незыблемый договор и всех обязал к дружбе. Все осведомители [об этом] сообщили, и эмир сие узнал. Несколько раз он

говорил великому ходже и Бу Насру: “Не ошибался наш отец, сберегая этого человека”. **[469]**

Сей имам поехал обратно. В дороге [его] схватил правитель Джерма и отнял все, что у него было, ибо горные властители подняли голову. С помощью хитрости он избавился от рук злодеев, что было опасно для жизни, и добрался до Газны. Он прибыл туда в лето четыреста тридцатое [61], как раз в то время, когда мы собирались двинуться в Балх, на десять дней раньше. Султан его принял неописуемо любезно, и из уст эмира изошли [слова]: “Весь убыток, который тебе причинили разбойники, будет тебе отдан, даже больше, а также должность казия в Нишабуре, как мы обещали”.

В пятницу, одиннадцатого зу-л-ка'да [62], до молитвы, эмир отправился на охоту. Мой наставник и весь [придворный люд] были вместе с ним в Дешт-и Рахамарг. Дело шло прекрасно, было взято много добычи разного рода. Государь возвратился обратно в новый кушк в воскресенье двадцать первого числа. В воскресенье, в четвертый день месяца зу-л-хиджжа

[63], он сел отпраздновать михреган. В то время привезли со всех сторон государства дары, чтобы поднести. Родичи и свита тоже много доставили. Стихотворцы читали стихи и получили награду, потому что сей государь любил стихи и жаловал за них знатное вознаграждение. Я здесь те касыды не написал, и ежели какой-нибудь порицатель спросит, почему касыды на эмира Махмуда, да будет им доволен Аллах, ты привел, а на эмира Мас'уда, да будет им доволен Аллах, не привел?— то ответ таков: “Сие время к нам ближе, и ежели бы приводились все касыды, то [повествование] слишком бы растянулось. Известно ведь, в каком роде читают [стихи] на торжествах”. После стихов пошли развлечения и вино, и день кончился прелестно. В субботу [64] праздновали день жертвоприношения весьма пышно, В этот день производился смотр пешего и конного войска, находившегося при дворе, /***530***/ и показ безмерного числа утвари и украшений, ибо прибыли послы от Арслан-хана, Богра-хана, Ляшкер-хана и правителя Сакмана. Расставили пышно убранные столы и пили

вино. На другой день эмиру Мавдуду дали халат, какого он еще не получал, и к нему литавру, значки и барабан. Змир соизволил отдать ему область Балх и вручил жалованную грамату. В таком виде он удалился домой, и все вельможи, родичи и свита по повелению султана направились к нему — он стоял в доме Арслана Джазиба — и приличествующим образом воздали ему должное, как никогда не воздавали.

На третий день праздника после приема [эмир] отпустил посторонних и задержал везира, сипахсалара, ариза, моего начальника и хаджибов Бектугды и Бу-н-Насра. Речь шла о выступлении в поход эмира, в какую сторону лучше. Эти люди сказали: “Пусть государь сообщит слугам [своим], что он [сам] надумал, ибо то, что считает нужным высочайшее усмотрение, правильно, а [затем] слуги [его] выскажут, что знают”. Эмир сказал: “На меня ведь в этом году в Бусте напала **[470]** болезнь после приключения на реке и я дал обет: ежели господь бог, да славится поминание его, удостоит меня исцелением, то я пойду в Хиндустан воевать

крепость Ханси. С того времени, как я был вынужден возвратиться оттуда обратно без удачи, потому что я захворал и нужно было повернуть назад, у меня на сердце тоска и она не проходит. Для похода расстояние — недальнее. Я твердо решил отправить моего сына Мавдуда в Балх, с ним пойдут ходжа и сипахсалар со значительным войском. Хаджиб Субаши находится в Мерве с сильной ратью, так что туркмены не посмеют вторгнуться в благоустроенные места. Тоже и Сури стоит в Нишабуре с отрядом людей, а в Тусе, Кухистане, Герате и в других городах имеются шихне с немалыми [силами]. Не может быть в Хорасане никакой смуты и никакого вреда не произойдет, а ежели случится, то все мы близко друг от друга, и [его] быстро можно поправить Сыновья Али-тегина после соглашения успокоились, Абдасселам находится у них и еще тверже укрепляет обязательства. Как пишет Бу Сахль Хамдеви, у Сына Каку сил немного и из его людей ничего не получается. На туркмен, по его словам, [Сыну Каку] положиться нельзя. Там беды не может произойти. Я

же, по крайней мере, освобожу себя от обета. По взятии крепости Ханси я никакого другого дела предпринимать не буду и вернусь обратно, так что еще до новруза мы прибудем в Газну. Вот что мы надумали, /***531***/ и обязательно думу эту надо осуществить. А теперь сказывайте без стеснения, как вы сие понимаете”.

Везир поглядел на присутствовавших и промолвил: “Что скажете на то, что говорит султан?” Сипахсалар ответил: “Я и мне подобные — люди меча, мы блюдем повеление султана, пойдем всюду, куда он прикажет, и пожертвуем жизнью. Изъяны и достоинства этих дел ведает великий ходжа, вникающий в важные государственные вопросы, то, что он читал, слышал, знает и видит, мы знать не можем, это занятие везиров, не наше ремесло”. Повернувшись к хаджибам, он спросил: “Скажете ли вы то же самое, что и я?” — “Скажем”,— ответили те. Везир обратился к аризу и Бу Насру: “Сипахсалар и хаджибы возложили это дело на мою шею, а сами отстранились, что скажете вы?” Ариз был человек косный. “Известно,— произнес он,— что мое занятие

— войсковые дела, не знаю, как мне зайти дальше них. Должность ариза столь трудна, что нельзя заниматься еще каким-нибудь делом, кроме нее”. Бу Наср Мишкан ответил: “Сие дело, видно, пало на шею великого ходжи. Надобно сказать решительно: государь, мол, изволит говорить эдак, а я слуга [его] тоже выскажу, что знаю, и, клянусь благодеянием султана, сделаю [это] без всякого притворства”.

Везир сказал: “Я никак не могу одобрить, что государь пойдет в. Хиндустан, потому что лучше, чтобы он пошел в Балх, да не оставался бы в Балхе, а дошел до Мерва, дабы удержать в руках Хорасан и прибрать Джибаль, а сохранить верность обету можно [иначе]. Ежели **[471]** цель — завоевание Ханси, то для этого дела было бы достаточно начальника газиев и лахорского войска, да назначить одного хаджиба от султанского двора; и цель была бы достигнута и Хорасан сбережен. А коли государь в Хорасан не пойдет, то [еще неизвестно], захватят ли туркмены какую-нибудь область или не захватят. Ежели они захватят хоть одну деревню и натворят то, что у них в обычае: поголовное истязание,

убийство и предание пожару, то и десять походов на Ханси с этим не сравняются. Поход в Амуль и возвращение [оттуда] имело последствием это бедствие, а поход в Хиндустан еще хуже. Все, что в меру знания слуги [государя], он доложил и снял с себя ответственность; высочайшее усмотрение превыше [всего]".

Мой наставник произнес: "И я сказал бы то же самое, но еще прибавил бы одно соображение: ежели государь сочтет возможным, то назначит тайно людей, кои спросят воинство и раиятов, простолюдинов и знатных, в таком ли смятенном состоянии находятся Хорасан, Хорезм, Рей и Джибаль, как оно есть, и правильно ли будет или нет султану /***532***/ идти на Ханси. Что они скажут? Слуга [государя] полагает, что все скажут: неправильно. Рабы речь поведут свободно, ибо он дал разрешение; однако, воля государя". Эмир возразил: "Мне хорошо известно ваше доброжелательство и искренний совет, но есть обет, который лежит на мне. Я пойду сам, и ежели даже много бед приключится в Хорасане, пусть, я все же сдержу

слово перед господом богом, да славится поминание его, ибо господь всевышний все поправит”. — “Раз положение таково, — промолвил везир,— то сколько есть человеческих сил, они будут положены. Будем надеяться, что в отсутствие [государя] никакой беды не приключится”,— и они удалились; прочий народ [тоже] откланялся и ушел. Когда везир и Бу Наср вышли, они сели наедине в одном месте и говорили: “У этого государя самовластья свыше всякой меры и предела; говорить еще свободней нельзя, да и невозможно было говорить больше — это было бы неприлично. То, что предопределил господь бог, да славится поминание его, объявится”. И они разошлись.

В четверг, в половине месяца зу-л-хиджжа [65], надели халат на сипахсалара Али [Дая] весьма дорогой. Он предстал пред лицо государя и отвесил поклон. Эмир его похвалил, обласкал и сказал: “Сын [мой], везир и войско полагаются на тебя. Ходжа пойдет с вами и он — наш наместник. На нем лежит установление правильного порядка действий, добывание средств для войска, а на тебе — вождение войск и война.

Надобно исполнять его распоряжения и всем надо спаять воедино руки, сердца и мнения, дабы в отсутствие наше не случилось беды”. Сипахсалар, облобызав землю, ответил: “Слуга отдает жизнь [свою] на произвол государя”,— и удалился. Во вторник, семнадцатого числа сего месяца, дали халат везиру, халат очень драгоценный, **[472]** как полагалось по заведенному правилу, и [к нему] множество добавлений, ибо [эмир] сохранял [для себя] его сердце во всех отношениях, так как было ясно, что средоточием дел в отсутствие султана будет он. Когда он предстал пред лицо султана, тот сказал: “Да будет благославен [сей] халат! Во время этого похода в Хиндустан мы, после милости всевышнего Аллаха, полагаемся на ходжу. Есть обет и мы исполним его. Ходже мы препоручаем прежде всего сына, потом сипахсалара и всю свиту, кои остаются [с ним]. Всем надлежит действовать согласно его распоряжениям”.

Везир ответил: “Слушаюсь и повинуюсь, все условия покорного служения я исполню”. Он удалился и ему прекрасно воздали должное. /***533***/ В понедельник,

девятнадцатого числа месяца зу-л-хиджжа [66], эмир утром выехал верхом и остановился на поле Баги Пирузи, дабы рать, полк за полком, прошла мимо [него]. После этого, близ часа пополуденной молитвы, эти трое вельмож — сын, везир и сипахсалар — сошли с коней, исполнили обряд поклонения и отбыли. Наставник мой по высочайшему повелению назначил ходжу Бу Насра Новки, и тот поехал вместе с везиром, чтобы осведомлять [о ходе дел]. В четверг, за восемь дней до конца месяца зу-л-хиджжа, эмир, да будет им доволен Аллах, выступил из Газны по дороге в Кабул, дабы пойти походом в Хиндустан воевать Ханси. Десять дней он простоял в Кабуле.

Комментарии

1. *** см. прим. 3 к летописи 422 г.

2. 12 ноября 1036 г.

3. ***

4. Дословно: просеяли — ***.

5. 19 ноября 1036 г., суббота.

6. 24 ноября.

7. ***

8. 28 ноября 1036 г.

9. Т. е. Гильменд.

10. Т. е. ладья, полная людей, стала разваливаться.

11. *** — острый менингит, воспаление оболочек мозга, заболевание, описанное Ибн Синой; Канон врачебной науки, III—1, стр. 86 и сл.

12. 10 декабря 1036 г., пятница.

13. Имеется в виду один из сыновей Али-тегина, официально считавшийся правителем Бухары и Самарканда.

14. Т. е. илек, сын Али-тегина.

15. В подлиннике: “то, что говорят”.

16. 16 декабря 1036 г., четверг.

17. Народная поговорка, т. е. Сын Каку встретил отпор, оказался перед непосильной задачей.

18. *** - т. е. предоставить на откуп право взимать подати и налоги в Исфаганской области.

19. ***

20. ***

21. Т. е. коротко остриженными.

22. В оригинале: “в час предзакатной молитвы”.

23. “Держать на сухой земле” — держать зря, без пользы.

24. Кор. 4_{62}.

25. 23 декабря 1036 г.

26. 3 января 1037 г.

27. Т. е. не освободил от состояния рабства.

28. ***

29. ***

30. ***

31. 13 января 1037 г.

32. ***

33. *** - т.е. соглашение, в котором эмир подтверждает испрашиваемые каким-нибудь крупным чиновником полномочия. Ср. как образец соглашения Приложение II.

34. 27 декабря 1036 г.

35. 15 января 1037 г.

36. В данном случае речь идет о Мейменде, селении в округе Буста, а не о городе Мейменде (Меймене) в Гузганане. Это видно из того, что Мас'уд, выехав туда “ради прогулки и охоты” из дворца в *** (в одном фарсанге от Буста) 25 раби II=15 января, возвратился обратно 4 джумада 1, т.е.через 9 дней, что было бы невозможно, если бы он отправился в Гузганан. В. В. Бартольд, следовательно ошибался, считая родиной везира Ахмед б. Хасана город Мейменд Гузгананский.

37. 23 февраля.

38. 27 февраля.

39. Игра слов: ** — “рати” и “создания”.

40. В сохранившейся части “Истории” Бейхаки об этом не упоминается.

41. 8 марта 1037 г., вторник.

42. 12 марта 1037 г.

43. Т. е. у Сына Каку.

44. Т. е. чиновникам и войску Мас'уда, находившимся в Рее.

45. 19 апреля 1037 г.

46. ***

47. 30 апреля 1037 г.

48. 26 мая.

49. 5 июня 1037 г., воскресенье.

50. 2 июля.

51. 4 июля 1037 г.

52. *** — т.е. гулямов, состоявших в висаках. См. Глоссарий.

53. 11 июля 1037 г., понедельник.

54. ***

55. Пуршаур, ныне Пешавер в западном Пакистане.

56. 1038—1039 г.

57. Тараз — город (современный Джамбул, Казахская ССР).

58. Испиджаб или Исфиджаб — культурная полоса р. Арыси, правого притока Сыр-Дарьи. Barthold, Turkestan... 175, 176.

59. Т. е. печати с именем Богра-хана.

60. 22 августа 1037 г.

61. 1038—1039 г.

62. 26 августа 1037 г.

63. 18 сентября.

64. 10 зу-л-хиджжа — 24 сентября 1037 г. 65. 29 сентября 1037 г. 66. 3 октября 1037 г.

ЛЕТОПИСЬ ГОДА ЧЕТЫРЕСТА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОГО

Первый день месяца мухаррама [1] был субботой. В четверг, шестого числа сего же месяца, прибыли письма из Кабула и Рея, все важные, но эмир, конечно, не обратил на них внимания. Он сказал моему наставнику: “Напиши везиру письмо и к нему приложи эти письма, чтобы он знал о них и исполнил все, что нужно по каждому вопросу — нам не до них”. Во вторник, за пять дней до конца месяца мухаррама [2], эмир дошел до Джелама и расположился на берегу реки, близ Динар Гуна. У него случилась какая-то болезнь, и он хворал четырнадцать дней, так что приемов не было; и он зарекся пить вино. Все вина, кои держали в винном запасе, он велел вылить в реку Джелам, а орудия увеселения разбили. Никто уже не решался пить

вино открыто, ибо [эмир] назначил джанбашиев и мухтасибов и строго наказывал за это дело. По важному делу он послал Бу Са'ида, мушрифа, к индийцу Джаки в его крепость. Об этом никто не знал. Мы еще были у Джелама, когда пришло известие о великом радже и о состоянии раджи Кашмира и еще пребывали на этом же месте, как доставили извещение, что кашмирский раджа скончался.

В субботу, четырнадцатого числа месяца сафара [3], эмиру стало лучше; он открыл прием и во вторник, семнадцатого числа сего же месяца, он перешел через Джелам и в среду, в девятый день месяца раби ал-эввель [4], достиг крепости Ханси. У подножия крепости раскинули войсковой стан, и крепость обложили. Каждый день беспрестанно происходили бои, сильней коих не бывает, ибо сидевшие в крепости дрались отменно и охулки на руку не брали. Победоносное войско, особливо дворцовые гулямы /***534***/ напрягали [все] силы, а крепость все стояла словно девственная невеста. В конце концов сделали подкопы в пяти местах, обрушили стены и

взяли крепость мечом в субботу, за десять дней до конца месяца раби ал-эввель [5]. Брахманов с прочим военным людом перебили, а женщин и детей их обратили в рабство. Богатства, кои там имелись, попали в руки войска; сей крепости хиндустанской название было “кал'ат ал'азра”, то есть девственница, **[474]** потому что ни в какие времена никто ее взять не мог. Оттуда повернули назад в субботу, за четыре дня до конца сего месяца, и прибыли в Газну в воскресенье, в третий день месяца джумада-л-ула [6].

[Эмир] шел долиной Секавенда, в поле оказалось столь много снега, что никто меры не знал. Заранее было отправлено письмо к Бу Али, кутвалу, чтобы он выставил хашар очистить дорогу. Они [это] сделали, ибо ежели бы [снег с пути] не убрали, то никто не смог бы пройти. Просто было похоже на улицу от рабата Мухаммеда-султана до города. В те три дня, покуда мы приближались к городу, беспрестанно шел снег. Эмир Са'ид, кутвал, рейс и другие выехали для встречи на [расстояние] двух переходов [от города]. Эмир остановился в старом махмудовом кушке и пробыл [в нем] неделю, покуда в новом

кушке расстилали ковры и вешали украшения. Затем [эмир] переехал туда. Прибыли обозы, любимые и царевичи, пребывавшие в крепостях Сабиха. Сколько я служил сей великой державе, неприятности от зимней стужи я испытал [только] в том году в Газне. Ныне я даже поизмучился, ибо уже двадцать лет, как здесь [7]. Но быть может, благодаря сиянию державы великого султана Ибрахима, сына Поборника за веру в Аллаха, да сохранит Аллах навеки его царство, я снова вернусь [8] к первоначальному положению! Во вторник, за четыре дня до конца месяца джумада-л-ула [9], эмир сел отпраздновать новруз. Младшие отдали должное сему дню через подношение даров, эмир же отдал [должное] соблюдением установленного обычая, и услаждение вином произошло весьма достаточное, ибо с джеламского зарока до сего дня он не пил. Во вторник, в третий день месяца джумада-л-ухра [10], прибыли письма из Хорасана и Рея, очень важные. Во время отсутствия [государя] в начале зимы пришли туркмены и разграбили Талькан [11] и Фарьяб [12]. Несчастье постигло и другие места, потому что победоносным

войскам не было возможности передвигаться в такую пору. От похода /***535***/ султана на Ханси случилось множество неизмеримых бед, и Рей даже осадили. Эмир, да будет им доволен Аллах, раскаялся в походе в Хиндустан, но пользы не было. Приговор господень никто пересилить не может. Эмир соизволил дать ответы, что не нужно, дескать, падать духом, ибо как только погода установится хорошая, высочайшее знамя тронется в путь. В субботу, в половине сего же месяца [13], из Балха в Газну приехали эмир Мавдуд и сипахсалар Али [Дая], а везир, согласно повелению, остался на месте, потому что было много неотложных занятий. В среду, двадцать третьего числа месяца раджаба [14], эмир Абдарреззак надел на себя халат эмирства над областью Пуршаур и исполнил обряд поклонения [государю]. Двух его гулямов одели в черное на должность хаджибов, кедхудаем [к нему] приставили Сахля Абдал-мелика, и он [тоже] получил халат. Сахль был человек весьма способный из числа урожденных слуг Ахмеда Микала, долгое время он был **[475]** помощником Бу Сахля Хамдеви. Во

вторник, в девятый день сего же месяца [15], этот эмир отправился в Пуршаур хорошо снаряженный и было с ним человек двести гулямов.

На другой день прибыло письмо из Нишабура, что сюда-де приехал Бу Сахль Хамдеви, потому что в Рее он оставаться не мог, поскольку Ташферраша убили и стольких важных особ захватили [в плен]. Продолжительное время он отсиживался в осаде, однако туркмены брали верх — об этих обстоятельствах я расскажу в отдельной главе, о которой я говорил, что она будет о Рее и Джибале, со множеством примечательного и удивительного, — покуда он улучил удобный случай бежать. В то время, когда Бу Сахль прибыл в Нишабур, там находился старший хаджиб Субаши, а туркмены были в Мерве, и обе стороны готовились к битве и были начеку. Эмир считал, что хаджиб весьма небрежет делом, и с уст его постоянно срывалось: “Он с этим делом не справится, ему больше по душе эмирствовать в Хорасане. Отозвать его надобно и послать другого салара, который дал бы решительное сражение”. Это он говорил оттого, что от Са'ида

Серрафа, войскового кедхудая и осведомителя, беспрестанно получали письма, в коих он писал, что хаджиб, дескать, не пивший вина, теперь уже с год, как пристрастился и пьет не переставая, валяется с луноликими турецкими невольницами и уединяется. Все время он заставляет войско бродить по таким местам, где семь менов пшеницы бывают по дирему. На тысячу с лишним верблюдов, кои у него имеются, он нагружает зерновой хлеб, а войско ведет в такую местность, где мен хлеба стоит дирем. Я, говорит, откладываю про запас, а сам продает зерно войску и получает большущий доход [16], /***536***/ так что войсковые средства под таким предлогом поступают к нему. Эмир от этого, конечно, пришел в уныние. Оказалось не так, как говорили, будто Субаши принимал меры предосторожности, так что туркмены его прозвали Субаши-колдун. Когда замечания за медлительность и поправки эмира вышли из границ, хаджиб, как я расскажу, был принужден дать сражение. Но господь бог, велик он и всемогущ, никому не дает дара предвидения. Поскольку он вынес приговор, что Хорасан уйдет из наших рук, а

дело сего народа достигнет такой степени, как достигло, то неминуемо все мероприятия оказывались ошибкой. Приговор пересилить нельзя.

Итак, в среду двенадцатого числа месяца раджаба [17], Бу Сахль, доверенный пердедар хаджиба Субаши, дорогой через Гур в пятнадцать, дней приехал в Газну. Мой наставник сразу же взял от него письмо, понес [к султану] и доложил. [Субаши] писал: “Сердце государя удручено мной от многой нелепицы, которую пишут. Слуга [твой] до сих пор повинуется выговору. Как известно людям, достойным доверия, в то время, когда с хейльташем прибыло повеление дать решительный бой, слуга [твой] хотел было из Нишабура отправиться в Серахс, чтобы **[476]** сразиться, однако слуги [твои] Бу Сахль Хамдеви и сахиб-диван Сури сказали, что это, мол, нехорошо, основное достояние надобно беречь, а выгоды добиваться, ибо когда дело дойдет до меча, то поплатиться можно в один день, ведь нельзя знать, как будет. Казий Са'ид и нишабурские старцы полагают то же самое. Слуга [твой] убоялся порицания и потребовал от них письменного

подтверждения [их совета]. Все поставили свои подписи и слуга [твой] послал [его], дабы высочайшее мнение с ним ознакомилось. Слуга [государя] дожидается ответа, окончательного ответа, нужно ли дать решительное сражение или нет, чтобы поступить согласно ему. Сего верного своего человека, Бу Сахля, слуга послал по этому важному делу и наказал ему доехать до Газны дорогой через Гур в пятнадцать дней, пробыть [там] три дня и в пятнадцать дней вернуться обратно в Нишабур. Когда он возвратится, и слугу [государя] оставят при деле, он поступит согласно повелению, *ежели будет угодно Аллаху, велик он и всемогущ*".

Письмо это эмир прочитал и ознакомился с совместным заявлением. Он призвал Бу Сахля, и имел с ним негласное собеседование с позднего утра до пополуденной молитвы. [Эмир также] позвал моего наставника и расспросил Бу Сахля об обстоятельствах. [Тот] рассказал о повадках /***537***/ туркмен-сельджуковцев, что они-де разбиваются на двадцать-тридцать ватаг и пустыня им — отец с матерью, все равно, что для нас города. Слуга [твой]

Субаши щупал их до сих пор и делал разведку и хорошо разузнал их состояние и дела. Главные силы [свои] он до сего времени сберегал, дабы туркмены не могли осесть ни в одном городе Хорасана. Сбор [податей] производится, и амили государевы действуют. Происшествия в Фарьябе и Талькане, то есть убийства и грабеж, одно летом, другое зимой, случились внезапно, потому что Субаши наблюдал их главные силы, а они пустили один отряд, [который] пошел и нежданно учинил дело. Покуда слуга [твой] получил известие, дело уже было проиграно. Да и невозможно, чтобы сие войско ходило только выручать, есть ведь дела и с другими мятежниками.

[А что касается] Бу Сахля Хамдеви, Сури и прочих, кто подписался под заявлением, то верно и точно, что они говорят, нехорошо, мол, вступать в решительный бой; однако правильно государево мнение. Слуга [его] дожидается ответа и готов [отъехать]. Ежели надобно нанести удар и дать решительный бой, то следовало бы написать письмо рукой Бу Насра Мишкана с царской печатью, а внизу

письма в несколько строк высочайшей рукой повеление, что такое сражение дать должно. Как только такого рода письмо будет получено, слуга [государя] и дня не пробудет в Нишабуре, тотчас же отправится в Серахс и Мерв, и сражение будет дано, ибо нет никаких отговорок, войско в **[477]** хорошем виде, полностью вооружено и жалованье получило чистоганом.

Эмир обратился [к Бу Насру]: “Твое мнение какое?” “Это не дело слуги [твоего], — ответил тот, — он ни в коем случае не станет говорить о войне. Здесь находится сипахсалар, обменяться с ним мнениями будет весьма хорошо, а ежели еще написать ходже, то и это будет неплохо”. Эмир возразил: “Задерживать здесь Бу Сахля нельзя, покуда письмо дойдет до Балха и вернется обратно. С сипахсаларом мы переговорим завтра, а сегодня днем и вечером мы об этом подумаем”. “Вот так и следует сделать”, — промолвил Бу Наср и удалился. Он пришел домой и очень озабоченный сказал мне: “Вопрос попался очень важный и щекотливый. Не знаю, каков-то будет конец этому делу. Ведь вот Арслан Джазиб

умен был и ловок, каких не помнят, со столь обильным снаряжением, припасами и войском, и враг был не такой сильный и могучий, как эти туркмены, но и то известно и очевидно, сколь трудна и продолжительна была война и открытая вражда между /***538***/ ними. До тех пор, покуда эмир Махмуд [сам] не пошел в Пушенг и не отправил хаджиба Гази с хорошо снаряженной ратью, цели так и не [могли] достигнуть. А с этим народом дело иное, они султана за нос водят. Мы уже однажды опозорились в событии с Бектугды из-за неимоверного самовластья, кое было проявлено. Ежели, упаси боже, и с этим хаджибом случится беда, то другого не останется — придется государю отправиться самому, и величие сразу пропадет. Я-то знаю, что на сей счет надобно сделать, да не решаюсь сказать; посмотрим, каково желание господа бега, да славится поминание его. Дела в Рее и Джибале вон какие стали — рать, столь оснащенная, в полном расстройстве. Положение в Хорасане такое же, беда со всех сторон, а повелитель мира любит потеху и тщеславен; везир заподозрен и робеет, а прочие

важные салары все пропали задаром. Заместитель нынешнего ариза сбережениями развалил войско, а государь принимает его надувательства за чистую монету. Не знаю я, чем кончится это дело. Сердце мое обливается кровью, хоть бы не жить мне, не могу я видеть эту разруху" [18].

Потом, в субботу двадцать первого числа месяца раджаба [19], когда Бу Сахль [уже] приехал и отдохнул, на следующий день по окончании приема, эмир имел тайное совещание с сипахсаларом и моим наставником [20]. Совещались они насчет этого до позднего утра и было решено, чтобы Субаши непременно дал это сражение. Сипахсалар удалился, а Бу Наср спросил чернил и бумаги и [тут же] у эмира написал это письмо. Эмир, да будет им доволен Аллах, [тоже] потребовал чернила и калам, поставил свою печать, а под письмом начертал несколько слов: "Пусть превосходительный хаджиб доверяет тому, что написал Бу Наср по повелению нашему в нашем собрании, и вступит в решительное **[478]** сражение с врагами, дабы было содеяно то, что предопределил господь бог, да славится поминание

его. Мы уповаем на помощь божию, да славится поминание его. Уассалам!” [21] Эмир призвал пред лицо свое Бу Сахля, ему вручили письмо и [государь] промолвил: “Скажи хаджибу, что исполнить надобно все, к чему обязывает осмотрительность, и быть благоразумным”. Бу Сахль облобызал землю и вышел. В награду он получил пять тысяч диремов, пять штук ткани и гурского коня и поехал дорогой через Гур. Насчет сего эмир соизволил отправить /***539***/ везиру письмо со спешной почтой. Через две недели прибыл ответ, дескать, то, что усматривает высочайшее мнение — правильно и хорошо. К моему наставнику он своей рукой написал записку и высказал весьма откровенно то, что совсем не обязательно было высказывать, мол, не нужно было браться за это важное дело, ведь нельзя знать, что получится; дело нужно было делать согласно его наблюдениям, но стрела из лука вылетела, даст бог, все обойдется благополучно. Это письмо мой наставник представил эмиру. В понедельник, за два дня до конца месяца раджаба [22], эмир отправился в

Баг-и Махмуди с тем, чтобы пробыть там некоторое время. Обозы отвели туда же.

В понедельник, в шестой день месяца ша'бана [23], отошел [в вечность] Бу-л-Хасан Ираки, дебир, да будет над ним милость Аллаха. Говорили так, будто жены дали ему зелья, за то что он женился на [одной] женщине, мутрибе из Мерва. Человек он был злонравный и щепетильный. Не знаю, каково было положение, но на той неделе, когда он помер, я ходил его проведать и нашел его похудевшим как волосок, однако в здравом рассудке. Он завещал, чтобы гроб его отвезли к месту погребения Али, сына Мусы ар-Ризы, да будет над ним благоволение Аллаха, в Туе и там похоронили, ибо средства [24] на это дело он дал еще при жизни; пересохший кариз святого места снова пустил в ход, построил [там] караван-сарай и на содержание караван-сарая и кариза отказал доходную деревню с льготным хараджем [25]. В тридцать первом году [26], когда я ходил в Туе с победоносным знаменем, еще до того, как случилось поражение под Денданеканом, я был в Нукане [27], посетил гробницу Ризы, да будет им

доволен Аллах, и видел в тамошней мечети, которая является местом мученической кончины [имама], могилу Ираки в одной из ниш — от пола до ниши пять гязов — я посетил и ее и изумлялся превратности сего мира соблазнов: в восемь-девять лет он возвысил человека, тот поднялся до небес славы, но помер столь скоро и превратился в ничто.

В ту пору эмир все копался в делах и сообщениях Субаши, постоянно говорил о них и всем сердцем уповал на милость господню. Он велел поставить на гурской дороге череду конных гонцов для доставления известий, потому-де что это самое важное. Кончили строить золотой престол, ковер и сидения [28], которые эмир повелел [смастерить]; **[479]** над ними работали три года, даже дольше. Доложили эмиру и он приказал поставить их в большой суффе нового серая. Поставили и кушк украсили. Каждый, кто в тот день видел убранство, тому впоследствии все, что он видел, /***540***/ казалось ничтожно. Так, по крайней мере, мне, не знаю, как другим. Престол весь был из червонного золота, от него подымались вверх узорочья наподобие древесных ветвей, со

множеством вставленных в них самоцветов. Поставлены были перила, сплошь украшенные драгоценными каменьями, престол был накрыт шадурваном из румского узорочного шелка и на нем четыре подушки, шитые золотом и шелком, молитвенный коврик, валик за спинку, четыре подушки, две с этой стороны и две с той стороны. С потолка помещения суффы свисала золоченая цепь почти до венечной суффы и престола, к ней прикрепили венец; сделали четырех бронзовых истуканов по образу людей и водрузили [их] на поставленных на престоле балясинах, так что они, с занесенной для удара рукой, [как бы] охраняли венец. Голове от венца беспокойства не было, потому что цепочки и балясины прочно его придерживали, и он приходился над [29] шапкой падишаха [30].

Эту суффу убрали коврами, румскими узорочными шелками с золотом и букаламуном [31] с золотом и поставили [в ней] триста восемьдесят сидений золотых [32], каждое длиной в один гяз и шириной чуть поменьше гяза; на них были положены лепешечки из

камфоры, куски алоэ и амбры, а перед высочайшим престолом — пятнадцать яхонтов руманских [33] и бадахшанских, изумрудов, жемчужин и бирюзы. В беседке [34] приготовили стол и посередине стола — кушк из халвы до потолка и на нем много... [35]

Из Баг-и Махмуди эмир приехал в этот новый кушк и в большой суффе воссел на золотой престол во вторник, двадцать первого числа месяца ша'бана [36]. Венец держался у него на шапке, кафтан он надел на себя из алого шелка с золотом, так что ткани почти не видно было. Кругом перил стояли гулямы-телохранители в одеждах из скарлатного сукна багдадского и исфаганского, в двурогих шапках, золотых поясах с подвесками, в руках золотые булавы. В глубине суффы по правую и левую руку от престола стояли десять гулямов в шапках о четырех перах, в дорогих поясах, выложенных самоцветами, с мечами на перевязи, [тоже] украшенных; посередине серая были два ряда гулямов, один ряд стоял вдоль стены в четырехперых шапках, со стрелой в руках, с мечом, колчаном и налучником; другой ряд поставили посередине серая в двурогих шапках, в

дорогих поясах серебряных с подвесками, с серебряными булавами в руках. Все гулямы этих двух рядов были в кафтанах из шуштарского шелка. Десять лошадей в сбруе, /***541***/ украшенной драгоценными каменьями, и двадцать — чистым золотом, и пятьдесят щитов золотых держали дейлемцы. Стояли мертебедары. **[480]**

С внешней стороны сераперде стояло множество дворцовой челяди и хашара, все вооруженные.

Открыли прием. Столпы державы, родичи из свиты предстали пред лицо государя и осыпали его без меры монетами. Служилую знать, владетелей областей и вельмож посадили в той большой суффе. Эмир сидел до позднего утра, покуда явились недимы. Они поклонились [ему] и осыпали монетами. Затем государь поднялся, сел верхом и отправился в сад; он переменил одежду, снова вернулся верхом и сел за стол в беседке. Вельмож и столпов державы пригласили к столу. Другие скатерти постелили снаружи дома по эту сторону серая, за этот стол усадили серхенгов, хейльташей и

разного рода воинство и приступили к обеду. Заиграли мутрибы, вино пошло в круговую, словно вода в ручье, так что из-за стола разошлись опьяневшие. Эмир встал из-за стола довольный, сел верхом и приехал в сад. Там точно так же устроили весьма пышное собрание, явились недимы и почти до часа предзакатной молитвы пили вино, затем удалились.

Между тем эмир был весьма озабочен и внимательно следил за делами Субаши и войска, ибо прибыли письма из Нишабура, что когда-де Бу Сахль, пердедар, оттуда [37] приехал, хаджиб созвал совещание, и Бу Сахль Хамдеви, Сури и несколько человек других, бывших там, с ним тайно заседали. Он [им] представил султанское письмо, сказав: “Пришло такого рода повеление и разговор кончен. Что бы ни было, я завтра выступлю, дабы совершить дело, как предопределил господь бог, да славится поминание его. Вам здесь надлежит принять меры предосторожности и схоронить в надежном месте все, что доставлено из Рея: наличные деньги и ткани, ибо нельзя знать, как повернутся обстоятельства.

Осторожность и предусмотрительное сокрытие в сохранном месте совсем не повредят”. “Слушаемся, — ответили они, — этот твой поход нам совсем не по душе, но раз пришел эдакий приказ, никакого небрежения быть не может”. На другой день хаджиб Субаши со значительной ратью и множеством снаряжения и припасов двинулся по нишабурской дороге на Серахс.

После его ухода Сури все наличные средства нишабурской доставки [38]и свои собственные собрал вместе /***542***/ и сказал Бу Сахлю Хамдеви: “Ты тоже сложи то, что привез для отправления, в крепость Микали в волости Пушт [39], дабы в случае, ежели дела и обстоятельства, не дай бог, переменятся, эти средства не попали в чужие руки”. — “Очень ты хорошо придумал, — ответил тот, — только это решение надо сохранить в тайне”. Оба завьючили то, что у них было и приставили к тому сокровищу пятьдесят расторопных конников, так что никто [о нем] не догадался. В полночь [их] отправили; благополучно добравшись до крепости, они сдали [сокровище] кутвалу крепости Микали. Надежные

люди сих двух [вельмож] остались в крепости. Тяжелую кладь из **[481]** Нишабура, как-то: ткани и ковры шадьяхские, оружие и другие вещи кои нельзя было переправить в крепость Микали, Сури распорядился сложить в казнохранилище и выжидать, что станется с этими двумя вельможами. На серахской дороге поставили череду конных гонцов, дабы они быстро доставляли, какие случатся известия.

Я слышал от моего наставника, он рассказывал: “Когда прибыли, эти письма, я представил их эмиру, [то есть письма], которые доставим ли от Бу Сахля [Хамдеви] и Сури. [Государь] сказал мне: “Мы поторопились, [еще] мы не знаем, как повернется битва хаджиба и войска с противниками”. Я ответил: “Даст бог, ничего, кроме добра и благополучия, не будет”. Эмир вина не пил. В последний день месяца ша'бана [40], когда у него было тревожно на сердце, пришли записки из Серахса и Мерва, что противники, мол, услышав, что хаджиб из Нишабура намеревается идти, на них, очень встревожились и говорили, вон, дескать, какое дело случилось, — и

отправили обозы вглубь мервской пустыни со всадниками, самыми непригодными к делу, а [сами] начали готовить войско, так чтобы продвинуться к серахскому Тальхабу и там сразиться. Ежели [их] разобьют, то они поспешно отойдут, захватят с собой обозы и потянутся в Рей, ибо коль скоро Хорасан им станет недоступен, то кроме Рея и той области, кои самые слабые, им больше деться некуда".

В четверг [41] эмир, да будет им доволен Аллах, начал поститься, а пищу в сем месяце рамазане он ел с недимами и близкими людьми. Прием он открывал ежедневно два раза и просиживал долго, по обычаю отца, покойного эмира, /***543***/ да будет им доволен Аллах, ибо на сердце у него было тревожно, и было от чего. Но раз нагрянула судьба, размышлять и обдумывать совершенно бесполезно. В среду, в четвертый день сего месяца [42], эмир почти до часа пополуденной молитвы сидел в большой суффе нового кушка и занимался разными делами, потом он встал и вышел на хазру. Мой наставник уже собирался было удалиться из дивана, как приспел один конный из числа тех всадников, кои были

поставлены на гурской дороге; при нем имелась спешная почта с наброшенным кольцом и запечатанная, [надписанная] рукой Бу-л-Фатха Хатими, заместителя начальника почты в Герате. Мой наставник принял ее и вскрыл. В ней оказался свиток, тоже запечатанный. Прочитав несколько строк, он обомлел; затем свернул письмо и сказал, чтобы завернули в обертку и поставили печать спешной почты. Он позвал Бу Мансура, диванбана, и послал его с устным сообщением [кумиру]; тот отправился.

Наставник мой был сильно удручен и задумчив, так что всем дебирам стало ясно, что произошло очень большое событие. Диванбан Бу Мансур возвратился обратно без письма и сказал: “Он зовет”. Наставник мой пошел и оставался у эмира до часа предзакатной молитвы. **[482]** Потом он пришел в диван, передал мне ту записку Бу-л-Фатха Хатими и сказал: “Запечатай и спрячь в хранилище для важных деловых бумаг”. Он ушел и дебиры тоже. После я прочитал записку, Бу-л-Фатх Хатими писал: “Сего дня Субаши приехал в Герат и с ним двадцать

гулямов. Амиль Бу Тальха Шейбани отвел ему хорошее помещение, послал множество яств и в час предзакатной молитвы отправился к нему вместе со слугой [государя] и гератскими вельможами. Субашп был совсем сокрушен сердцем, и все его ободряли, говорили что с тех пор, как мир стоит, такое бывает. У великого султана, долгие лета ему, войска, снаряжения и припасов много. Эдакую беду поправить можно. Слава богу, что хаджиб остался жив. Он плакал и говорил: “Не знаю, как буду смотреть в лицо государю. У меня завязался бой с противниками, как сильнее не бывает, [он продолжался] от зари до часа предзакатной молитвы; вот-вот была бы победа, [но] презренные товарищи мои бросили меня, я был ранен и поневоле пришлось уйти в таком состоянии, как вы видите”. Народ разошелся.

/***544***/ [Субаши] задержал Бу Тальху и меня, уединился с нами и сказал: “Государя обманывали осведомители касательно врагов — они представляли их государю ничтожными, а я хотел терпеливо довести их до того, чтобы они убрались

[сами]. И опять-таки осведомители стали морочить государя, чтобы расхолодить ко мне его сердце, покуда он не приказал окончательно дать решительное сражение. Когда я дошел до врага, он был налегке [43], готов к бою и спокоен за обозы. Начался бой, сильней коего не бывает; он длился до часа пополуденной [44] молитвы. Народ наш старался, и победа была уже близка, [однако] на людей напала слабость, каждый цеплялся за шею какого-нибудь осла или за женщину; сто тысяч раз я кричал: не ведите с собой женщин! — они не слушались, покуда враг, увидев такое положение, не стал наседать смелее. Я приказал посередине поля боя натянуть намет и там остановился для того, чтобы последовали моему примеру и продолжали драться и [дабы] не случилось беды. Но они не обратили на меня внимания, пошли своей дорогой и покинули меня одного. Вельможи и предводители — свидетели, что я не провинился. Ежели будет спрошено, они покажут, как случилась беда. В меня попала стрела, мне поневоле пришлась повернуть назад и я о двуконь и человек двадцать гулямов

приехали сюда. Все, что было у меня и у тех презренных [товарищей], все попало в руки врага, как я слышал от тех, у кого кони были добрые, кто приезжал вслед за нами. Здесь я пробуду несколько дней, покуда подойдут люди, которые направляются сюда, а потом через Гур поеду ко двору и доложу самолично [государю] обстоятельства. То, что вы слышали, вам надлежит сообщить от моего имени [государю]" [45].

Сегодня эмир в час предзакатной молитвы приема не открывал и разговляться не выходил. Говорили, он разговелся шербетом, но пищи **[483]** не принимал, ибо стряслось событие немалое. Я видел моего наставника, что и он ничего не ел, за столом мы были вместе. На другой день эмир открыл прием, а после приема тайно совещался с сипахсаларом, аризом, Бу Насром и хаджибами Бектугды и Бу-н-Насром. Он представил им положение, а записку помощника [46] начальника почты в Герате им показал мой наставник. "Да будет долгой жизнь государя — сказали эти люди, — с той поры, как мир стоит, такие случаи бывали, это поправится. [Но] не лучше

ли послать кого-нибудь из верных людей к хаджибу, чтобы приободрить его и войско, так чтобы это подействовало словно пластырь, приложенный к сердцу?" "Я так и сделаю, — промолвил эмир, — покамест он далеко. То, что надлежит приказать, будет приказано. Но что скажете вы по этому поводу, что надобно сделать?" Они ответили: "Покуда хаджиб не приедет, ничего сказать нельзя. Ежели высочайшее усмотрение /***545***/ признает возможным, пусть напишут великому ходже, что произошел такой случай — хотя весть о нем, вероятно, до него уже дошла — дабы он в ответ поведал, что ему представляется по сему поводу". "Хорошо", — согласился [эмир] и дал распоряжение моему наставнику написать.

Люди утешали эмира, каждый высказывался [на свой] лад, изъявлял готовность служить, предлагал достояние [47] [свое] и жизнь и удалялся. Везиру об этом происшествии было написано весьма обстоятельно и запрошено его мнение. Раньше касательно туркмен в собрании эмира говорили только о их бессилии и ничтожестве, запрета не

было, а после этого события никто уже не решался произносить неуместных слов. На одного-двух человек эмир прикрикнул и [их] одернул, очень он был удручен.

В оставшиеся дни месяца рамазана ежедневно и даже ежечасно приходили жуткие вести, покамест не прибыло письмо от начальника почты в Нишабуре Бу-л-Музаффара Джумахи, тот писал: “Слуга [государя] спрятался и пребывал в подземелье. Когда в Нишабур пришло известие, что со старшим хаджибом и победоносным войском случилось такое событие, Сури тотчас же пересмотрел тюрьму. Нескольким человекам посекли головы, а прочих отпустили на волю. Сури с Бу Сахлем Хамдеви спешно поехали в волость Пушт, и каждый из нашего войска, кто находился в городе, примкнул к ним и отправился вместе. Пока неизвестно, куда они намерены податься. Слуге [государя] нельзя было уйти с ними, потому что Сури алчет слуги [государева] крови; слуга испугался за свою жизнь и схоронился здесь, в месте надежном и тайном. Он назначил всюду людей для доставления вестей: что-

то будет после сего и какое положение устоится. Поскольку будет удаваться, он будет посылать нарочных и сообщать сведения. Самое важное он будет посылать тайнописью везиру, дабы тот докладывал на высочайшее усмотрение". **[484]**

Прочитав это письмо, эмир впал в уныние. "Что ты скажешь, как будет с Бу Сахлем и Сури и что станется с теми ценностями" [48], — спрашивал [эмир] моего наставника. "Государь знает, что Бу Сахль — человек умный и сообразительный, а Сури необуздан и смел, — отвечал [Бу Наср], — они, должно быть, уже придумали для себя образ действий или придумывают, так что рука никого из противников до них не достанет. Ежели будет возможно, они пустятся [в путь] ко двору через пустыню обоих Теббесов [49], /***546***/ через Пушт, они ведь направились в волость Пушт. А буде случится [у них] какая-нибудь необходимость, то нельзя знать, куда они пойдут. Однако ни в коем случае они не отдадутся в руки этого народа [50], ибо знают, что их постигнет". "Во всяком случае они никак не могут пойти в Рей, потому что там Сын Каку, туркмены и много войска,

— продолжал эмир, — в Гурган они тоже не подадутся, ибо Бакалиджар для нас потерян. Ума не приложу, что с ними будет. Жаль сих двух мужей и столь много средств и добра, ежели они попадут в руки противников”.

Бу Наср возразил: “Ничья рука к этим ценностям не дотянется, поскольку они в крепости Микали; невозможно, чтобы кто-нибудь взял эту крепость. Кутвал, который там есть, — человек разумный и давнишний слуга государя, он сохранит крепость и средства, потому что она обеспечена продовольствием и водой. Бу Сахль и Сури на серахской дороге до Нишабура расставили череду конных гонцов. Весть об этом событии, наверное, дошла до них в три дня, и оба они быстро уехали, а враг, когда неожиданно для него произошло такое дело, сразу, вероятно; не пошел на Нишабур — ему ведь неделю стоять на месте, дабы покончить с боевыми действиями, затем разработать мероприятия, рассыпаться. Покуда враг дойдет до Нишабура, эти двое положат между [ним и собой] расстояние в целый мир”.

Эмир промолвил: “К ним надобно написать письмо с нарочным, как ты посчитаешь лучше”. — “Бесполезно посылать гонца вслепую до тех пор, покуда не станет известно, где они остановились, — ответил Бу Наср. — Когда они попадут в какое-нибудь место и сядут в безопасности, то они тотчас же пришлют гонцов, сообщат [о своем] положении и осведомят высочайшее мнение. Но наша обязанность двух-трех нарочных с записками за государевой печатью отправить в крепость Микили, чтобы ободрить кутвал, несомненно, что и от него прибудет гонец с письмом”. “Надобно написать сейчас же, — сказал эмир, — это одно из неотложных дел”.

Мой наставник пришел в диван и написал записку; ее украсили, царской печатью, и два спешных гонца отправились. Кутвалу было сказано: “Сейчас послано письмо, а вот после михрегана мы [сами] двинемся в Хорасан и пробудем там два года, до тех пор, пока эти **[485]** беспорядки, не будут устранены. Крепость надлежит хорошо оберегать, принимать меры предосторожности и быть бдительным”.

В пятницу был праздник разговения. Эмир ни стихов не слушал, ни вином себя не услаждал из-за кручины, /***547***/ что была на сердце, ибо ежечасно как громом поражало какое-нибудь известие, приходившие из Хорасана. В воскресенье Бу Сахль Хамадани, дебир, по повелению эмира был назначен поехать навстречу хаджибу [Субаши] и войску, утешить их в случившемся несчастьи, и подать добрую надежду от лица султанского собрания, так чтобы стыд и печаль у них исчезли. На сей счет мой наставник составил черновик распоряжения, его переписали [набело] и скрепили султанской печатью, и в тот же день, в час предзакатной молитвы, дебир отбыл. На следующий день пришло письмо от везира, очень встревоженное и печальное из-за большого события, кое произошло. Он писал: “Хотя и приключилась эдакая беда, но с помощью преуспеяния и счастья государя все можно поправить, надобно предпринять дела иного рода”. Он прислал и письмо, которое к нему написал Бу Исхак, сын покойного илека Ибрахима [51], из Узгенда [52], и сообщил: “Следует осведомить высочайшее

мнение об этом и исканию этого человека сблизиться, хотя он и сын врага, пойти навстречу, потоку что он настоящий мужчина, умен, вырвался с отрядом вооруженных всадников от сыновей Али-тегина и слава у него большая, дабы не поднялась смута в другом краю”.

Моему наставнику везир написал очень длинное письмо и высказал все, что было на сердце: “После приговора господа бога, да славится поминание его, эти несчастья вышли от двукратного похода: раз в Хиндустан и раз в Табаристан. Минувшего не воротишь и не восстановишь. Ныне противники достигли столь больших успехов, что никакие салары тут не помогут, ибо двух именитых саларов с эдакими громадными ратями они разбили и забрали много добра. Они осмелели. Дело не пойдет иначе, как в присутствии государя. Государю надобно приняться за дело по-другому и оставить забавы и развлечения, самому сделать смотр воинству, никому [другому] не предоставлять, а разговоры о сбережениях бросить. Сие письмо следует показать [государю] и сказать то, что нужно сообщить

раньше, чем состоится свидание, когда в этом смысле будет сказано пространней”.

Это письмо мой наставник представил и сказал, что надлежало. Эмир ответил: “То, что говорит ходжа — верно и его наставления я послушаюсь и поступлю согласно ему. Надобно отписать ему ответ в таком роде, и ты ему отпиши от себя, что следует, в этом же смысле. Что касается Бури-тегина [53], сына покойного илека, то он муж родовитый и подобные /***548***/ ему люди ныне [нам] пригодятся. Пусть ходжа напишет ему письмо и сообщит, что о его положении доложено в нашем собрании, дом наш — его дом, пусть присылает посла и напишет **[486]** письмо в наше присутствие, дабы нам узнать его притязания. То, что наше усмотрение признает нужным, мы соизволим повелеть”. Письмо это было написано и отправлено спешной почтой.

В воскресенье, в десятый день месяца шавваля [54], хаджиб Субаши прибыл в Газну. [Прямо] с дороги он явился ко двору и склонил голову перед султаном. Эмир обласкал и утешил его, а также несколько

человек предводителей, кои прибыли с ним. Они удалились и разошлись по домам, а вслед за ними стали приходить люди и их утешать. Эмир по прибытии хаджиба, через неделю, уединился с ним; совещание продлилось очень долго, и все обстоятельства были установлены. Эмир призывал каждого в отдельности и расспрашивал о положении в Хорасане, о противниках, о хаджибе и о том, как протекало сражение, покуда ему не стало ясно, как солнце, все, что произошло. Поскольку время было такое, что не позволяло кого бы то ни было порицать, то, само собой, он разговаривал только вежливо и любезно. О всем, что было, написали везиру.

В последний день месяца шавваля [55] от него пришло письмо по поводу Бури-тегина, он говорил: “К Бури-тегину надобно написать от Высокого собрания, ибо то, что писал [государь] к Ахмеду [56], нами уяснено: и что дом наш — его, и мы-де после михрегана намереваемся пойти в Балх и пусть, мол, теперь пришлет посла и расскажет обстоятельства прихода в Хорасан и какие имеются притязания, дабы о них

осведомиться; дескать, то, что окажется ему на благо и будет приличествовать ему, на то и будет соизволение”. Эмир сказал Бу Насру: “Надобно написать на сей счет, что разумно. Обращаться к нему так, чтобы в случае это письмо дойдет до сыновей Али-тегина, то не было бы ущерба”. Мой наставник сочинил письмо, как он умел сочинять, подобающее в подобных случаях. Обращение было “превосходительный эмир”, и называл он его эмиром; письмо это отправили, приложив к письму везира.

В среду, в третий день месяца зу-л-ка'да [57], доставили записки от Бу Сахля Хамдеви и от сахиб-дивана Сури со спешными гонцами из Гургана. Они писали: “Когда с хаджибом [Субаши] и ратью случилось столь горестное происшествие, и весть [о нем] быстро долетела до слуг [государя], ибо расставили череду конных [гонцов] на серахской дороге /***549***/ для доставления извещений, они тотчас же выехали из Нишабура по дороге в Пушт, к эмирской крепости [58], чтобы там в крепости засесть. Затем они это решение не признали разумным. Позвали кутвала и

своих надежных людей, кои находились у подножия крепости при ценностях [59], и сказали им, что требовалось сказать, дабы они были очень осмотрительны в сохранности крепости, и выдали, кутвалу и пехотинцам годовое жалование [60]. Покончив с самым главным, раскинули [умом], по какой дороге отправиться ко двору. Все **[487]** были готовы стрекануть далеко [61]: противник надвигался все ближе, да и было опасно.

Когда [слуги государя] добирались сюда, они захватили с собой добрых проводников. Ночь передохнули и по исфераинскому бездорожью отправились в Гурган. Бакалиджар находился в Астрабаде. Его оповестили. Он тотчас же приехал и заявил, что он-де слуга султана и вы, мол, хорошо сделали, что явились в эти края. Покуда у него душа в теле, он-де [рабов твоих] будет беречь, так что ни один противник до них не достанет. Сказал он еще, что в Гургане безвластие и оставаться здесь негоже, надо идти в Астрабад и пребывать там, дабы ежели, упаси бог, противники покусятся на сей край, то я, дескать, займусь их отражением, а вы ступайте в

Астрабад, потому что в те труднодоступные места они придти не могут, и ничья рука вас [там] не достанет. Слуги [государя] отправились в Астрабад, а Бакалиджар с войском остался стоять в Гургане, [посмотреть], дескать, что объявится.

Мы, слуги, находимся в Астрабаде с военными разного рода, не считая домочадцев, и Бакалиджар для них приготовил продовольствие и ничем для людей не скупится. Ежели высочайшее усмотрение позволит, то его следовало бы утешить по всем статьям вплоть до денег за откупа [62], что они-де будут ему пожалованы [обратно], поскольку он понес столь много трудов разных, особливо теперь, когда слуги и рабы государева двора нашли у него приют и их надобно оберегать. Да пусть будет сказано, что вслед [за письмом] двинется сам государь — [это] не пустое слово, ибо Хорасан нельзя оставлять эдакому народу — дабы сей человек окреп духом, потому что когда Хорасан будет очищен, Рей, Джибаль и области сии опять будут добыты. О слугах [государя] и отряде войска

пусть позаботятся, так как мы далеко оторвались от государева двора, дабы не случилось недостатка”.

Прочитав это письмо, эмир очень обрадовался, ибо на душе у него было весьма неспокойно за этих двух слуг и за огромные средства [63], кои при них находились. Их гонцов привели пред лицо государя /***550***/ и обо всем расспросили. Они отвечали, что туркмены предусмотрительно преградили все дороги и что им пришлось применить немало ухищрений, покуда удалось прибыть по бездорожью. Посольский пристав посадил их в некоем месте, не назвав, кто они такие, ради того, чтобы никто с ними не виделся. В ответ эмир приказал [отписать] письма: “Будьте очень осторожны. Ежели туркмены вознамерятся пойти на Астрабад, уходите в Сари, а ежели нападут на Сари, уходите в Табаристан, ибо невозможно, чтобы в тех труднопроходимых местах они смогли до вас добраться. Пусть не переставая пишут письма и непрерывно посылают гонцов, чтобы и отсюда было точно так же. Да знали бы, что после михрегана мы двинемся в Тохаристан и Балх с **[488]** ратью, какой в никакие времена никто не водил, так что мы

ни шагу не ступим из Хорасана, покамест не будет потушен пожар этой смуты. Не надобно падать духом, потому что эдакие неудачи в мире бывали часто, [все] поправится. Бакалиджару написали, что требовалось, и отослали, да будет им о том ведомо; потом пусть доложат". К Бакалиджару на сей счет было письмо крайне любезное, [в нем] говорилось: "Все средства, кои он отпустит, считаются за нами, и то, что сделают ради наших верных слуг, не пропадет даром. Мы вот идем и когда прибудем в Хорасан и уладим беспорядки, то за верную службу его возведут на такую ступень, о которой ему и не мечталось". Это письмо [государь] украсил своей печатью, и нарочные гонцы [его] повезли. Вслед за ними было послано еще несколько гонцов с важными письмами по этим делам.

В четверг, в седьмой день месяца зу-л-ка'да [64], пришла записка от Бу-л-Музаффара Джумахи, начальника почты в Нишабуре, что, дескать, слуга [государя] написал сие из сохранного места и со многими ухищрениями сумел отправить сего нарочного. [Слуга] сообщает, что по прибытии

известия о происшествии с хаджибом Субаши, через двенадцать дней, к окраине Нишабура подошел Ибрахим, сын Йинала, и с ним человек двести. Через посланца он устно известил, что он — передовой полк Тогрула, Дауда и Ябгу. Дескать, ежели хотят драться, то он повернет обратно и известит [об этом], а коли нет, то он войдет в город и переменит хутбу [65], ибо вслед за ним идет великое войско. Посланца приняли, и в городе началась сумятица.

Вся знать направилась к дому Казн Са'ида и обратилась к нему: ты, мол, наш предстоятель и предводитель, что скажешь о полученном устном: сообщении? Тот ответил: “А как вы думаете, каково ваше намерение?” Они сказали: “Положение города от тебя не скрыто: укреплений нет и [у него] словно песок в /***551***/ глазах [66], да и жители его не вояки. Эдакую превеликую рать, что была у хаджиба Субаши, и то разбили, чего нам соваться?” “Вы правильно рассудили, — промолвил Казн Са'ид, — негоже раиятам подымать руку на войско. У вас есть такой могущественный государь как эмир Мас'уд, коль скоро это владение для него не без пользы, то

он несомненно придет или кого-нибудь пришлет и приберет к рукам. Ныне большой пожар разгорелся, и некая братия омыла руки в крови и грабеже. Остается лишь покориться”.

Муваффак, предстоятель знатоков хадисов и все именитые горожане подтвердили: “Только так и правильно, ибо ежели будет сделано иначе, город сразу разграбят, а султан от нас далеко. За это можно попросить извинения, и он согласится”. Казн сказал: “В ту пору, когда из Бухары пришли войска илека с Субаши-тегином, жители Балха бились с ними до тех пор, покуда он не учинил резню и погром; а нишабурцы [тогда] сделали то же самое, что и сейчас делается [67]. Когда **[489]** эмир Махмуд, да будет над ним милость Аллаха, возвратился из Мультана в Газну, пробыл там некоторое, время и уладил дела, он направился в Хорасан. Прибыв в Балх и увидев сожженный базар Ашикан, который построили по его повелению, он стал порицать балхцев и сказал, дескать, какое дело раиятам до войны? Вот ваш город и разрушили и столь большое доходное предприятие [68], принадлежащее мне, сожгли. За это с

вас должно быть взыскано, но мы прощаем. Смотрите, чтобы вы впредь такого не делали, ибо всякому падишаху, который сильней и требует с вас харадж и вас охраняет, надобно платить харадж и себя соблюдать. Почему, дескать, вы не поглядели на жителей Нишабура и других городов, кои вышли с покорностью? То было правильно, чтобы не случилось грабежа. Почему не посмотрели на другие города, с которых не потребовали хараджа больше, чем его насчитывают? “Каемся,— отвечали они, — больше эдакой ошибки не допустим!” Сегодня вопрос тот же, что и тогда был”.

“Так точно”,— сказали все. Потом позвали посланца Ибрахима и передали ответ: мы-де раияты и у нас есть государь — раияты не воюют; пусть эмиры приедут — город их. А ежели султану область нужна, он за ней придет [сам] или кого-нибудь пришлет. Однако надобно знать, что жители из-за вас напуганы, [то есть] от грабежей, истязаний, убийств и сечения голов. Надо вам завести другой обычай, /***552***/ ибо кроме мира сего, есть мир другой. Нишабурцы таких, как вы, видели много. У жителей

этой местности оружие — молитва на рассвете. Коль султан наш далеко, зато близок господь бог, велик он и всемогущ, и слуга его — ангел смерти.

Посланец поехал обратно. Ибрахим, сын Йинала, осведомился об ответе и с того места, где находился, подошел к городу на расстояние одного фарсанга. Он еще раз прислал посланца и на словах передал, дескать, вы решили прекрасно и говорили словами мудрецов; я тотчас же написал Тогрулу и доложил о положении, потому что наш набольший — он, дабы Дауда и Ябгу он спровадил в Серахс и Мерв, других именитых предводителей, коих много, в другие места, а [сам] Тогрул, государь справедливый, приехал бы сюда с ближними людьми; вы-де не унывайте: то, что ныне происходило — грабежи и бесчинства со [стороны] мелкого люда, — то была необходимость, ибо они вели войну. Теперь, мол, дело другое, область стала нашей и никто не осмелится шевельнуться. Я-де завтра войду в город и остановлюсь, дабы ведали, в саду Хуррамек.

Услышав эти слова, нишабурская знать успокоилась. По базарам прошел глашатай и разъяснил положение, чтобы простой народ утих. В саду Хуррамек постлали ковры, припасли угощение и приготовились к встрече. Бузганский [69] салар Бу-л-Касим, человек способный и лукавый, битый и поротый Сури и решившийся что есть силы служить **[490]** делу туркмен, Муваффак, предстоятель знатоков хадисов, и другие именитые лица города собрались вместе и вышли навстречу Ибра-химу, сыну Йинала. Не пошли только Казн Са'ид и сейид Зейд, [здешний] глава потомков Али. В полуфарсанге от города показался Ибрахим с двумя-тремя сотнями всадников, со значком, с парой заводных коней, в порванном, потертом убранстве. Когда люди подошли к нему, он придержал лошадь. Он молод, пригож лицом и говорит складно. Склонив к себе все сердца, он поехал дальше. Бесчисленное множество народу вышло поглазеть. Более древние старики поглядывали украдкой, ибо не видывали [иных], кроме махмудовцев и мас'удовцев, и посмеивались над убранством и свитой [Ибрахима].

Ибрахим остановился в саду Хуррамек, и ему подали множество приготовленных яств и закусок. Каждый день к нему ходили на поклон. В пятницу Ибрахим явился в соборную мечеть, он уже был наряжен лучше. Еще раньше бузганский салар привел [с собой] тысячи три-четыре вооруженных людей, потому что он действовал /***553***/ заодно и вел переписку с тем народом, и вследствие насилий Сури все с ним сдружились, ибо поистине Хорасан пропал из-за Сури. Много повозились с хатибом Исмаилом Сабуни, чтобы он тишком прочитал хутбу. Когда хутбу прочитали на имя Тогрула, в народе поднялся ужасный рев, и возникла опасность, что [начнутся] беспорядки, покамест [людей] не успокоили. Сотворили молитву и разошлись. Потом в течение семи дней приезжали конные, имея при себе письма Тогрула к салару Бузгана и Муваффаку. Ибрахиму, сыну Йинала, он писал, что городская знать сделала то, что подобает ее разуму и она, конечно, узрит, сколь много добра будет оказано ей и всем раиятам. Брату Дауду, дяде Ябгу со всеми предводителями мы-де назначили [по] городу с войском. За

передовым полком теперь пришли и мы со своими телохранителями, дабы жителям области, поскольку они покорились и себя соблюли, не наносили обиды. Благодаря этим письмам жители успокоились.

В хасанековом саду в Шадьяхе постлали ковры и через три дня после этого в город прибыл Тогрул. Все вельможи вышли навстречу, кроме Казн Са'ида. С Тогрулом было тысячи три конных, большей частью в кольчугах, а у него был лук с нацепленной тетивой, перекинутый через руку, три стрелы за поясом и на себе полное вооружение. Надеты на нем были кафтан из мульхама, тузская чалма и войлочные сапоги с голенищами. Он остановился в саду Шадьях и с ним расположилось сколько там вместилось войска, остальные [стали] вокруг сада Шадьях. Туда отнесли множество приготовленных яств и закусок. Всему войску выдали довольствие. В пути Тогрул все время разговаривал с Муваффаком и саларом Бузгана, и салар исполнял все дела. На другой день, после того как с ним долгое время говорили с вечера, к Тогрулу на поклон отправился Казн Са'ид с сыновьями, **[491]** внуками, учениками и

с большим поездом сопровождающих. Глава алийцев тоже явился со всеми сейидами. Приемный шатер [хана] был без всякого блеска, горстка бродяг [сидела] вперемежку, никакого порядка не было; всякий, кто хотел, совершал вольность и заговаривал с Тогрулом, а он сидел на престоле государя султана в пишгахе суффы. Ради Казн Са'ида он встал. Внизу престола положили подушку и Казн сел. Он сказал: “Да будет долгой жизнь господина! Это престол султана Мас'уда, на коем ты восседаешь; в божественном промысле подобное бывает /***554***/ и нельзя знать, что еще станется. Будь благоразумен и бойся бога, да славится поминание его, твори правосудие и прислушивайся к словам угнетенных и несчастных, не допускай, чтобы войско чинило насилие, ибо несправедливость предрекает беду. Я этим приходом [своим] воздал тебе должное и больше не приду, ибо предаюсь изучению богословия и ничем другим не занимаюсь. Ежели ты обратишься к разуму, то наставление, кое я дал, достаточно”.

Тогрул ответил: “Я больше не хочу затруднять Казн приходом; все, что нужно, будет передаваться через устные сообщения. Я согласен поступать так, как ты сказал. Мы люди новые и чужие, с обычаями тазиков не знакомы, пусть Казн не откажет подавать нам советы, сообщая их устно”. — “Я буду так делать”, — промолвил Кази и удалился, и именитые люди, пришедшие вместе с ним, [тоже] все удалились. На следующий день [Тогрул] дал область бузганскому салару, и тот надел на себя халат, джуббу и дурра'у, которые сам справил, и золотые седельные украшения на турецкий пошиб. Он возвратился домой и принялся за дело. И в дурра'е телохранители узрели то весьма ужасное, что причинит [ему] его повелитель за Тогрула. Слуга [государя] находится у сейида Зейда, главы алийцев. Он большой друг, единственный. Впредь от слуги [государя] будут отправляться нарочные гонцы. Эту службу слуга [государя] сумеет исполнять благодаря силе сего алийца”.

Эмир ознакомился с этой запиской, тихо встал и сразу ничего не сказал. На другой день он наедине

обратился к моему наставнику: “Видишь, куда зашло дело этих туркмен?” Тот ответил: “Да будет долгой жизнь государя! С тех пор, как мир стоит, такое бывало. Правда всегда будет правдой, а ложь — ложью. Будем надеяться, что с выступлением в поход высочайшего стремени все желания сбудутся”. “Ответ на записку Джумахи надобно написать с большой сердечной лаской и большой похвалой, — промолвил [эмир], — а [также] записку к главе потомков Али, чтобы он хорошенько заботился о деле Бу-л-Музаффара Джумахи, [дабы] ничья рука до него не достала. Надобно написать записки и к Кази Са'иду и другим вельможам, кроме Муваффака, и ясно сказать: вот, дескать, мы выступаем в поход с пятидесятью **[492]** тысячами конных и пеших [воинов] и тремястами слонов, что мы-де не возвратимся в Газиу до тех пор, покуда Хорасан не будет очищен [от врагов], дабы они восприяли духом и сердца [свои] не отдавали целиком тому народу”. — “Слушаюсь”, — произнес [Бу Наср]. Он пришел, удалил посторонних, сел, составил письма, а я /***555***/ написал краткие записки. Эмир поставил [царскую]

печать. Гонцу дали весьма значительное вознаграждение, и он поехал.

Я сообщаю об этом столь обстоятельно потому, что в ту пору я был доверенным человеком. Об этих обстоятельствах никто из дебиров не был осведомлен, письма составлял только мой наставник Бу Наср, да смилуется над ним Аллах, а записки писал я. С письмами к окрестным князьям, к халифу, да продлит Аллах его существование, к туркестанским ханам и со всем, что было важного в диване, происходило точно так же, покуда Бу Наср был жив. И это не хвастовство с моей стороны и не тщеславие, а оправдательные доводы, на основании коих я хочу размышлять над сей “Историей”. Да не представится читателям [так], будто я пишу отсебятину — справедливым свидетелем того, что я сказал, являются дневники лет [70], кои у меня имеются, упоминающие об этих обстоятельствах. Каждый кто не верит, пусть явится в собрание судилища разума, дабы дневники предстали пред судьей и дали показания; сомнение для глаз лучших людей рассеялось бы. Вот и все.

В четверг, восьмого числа месяца зу-л-ка'да [71], пришло письмо от везира с запросом высочайшего мнения, пребывать ли ему в Балхе и Тохаристане или приехать в столицу, ибо у него тревожно на сердце и хочется быть при государе, дабы сказать [свое] слово по поводу важных событий и забот недавно случившихся. Эмир соизволил ответить: “[Час] нашего отбытия близок, наступит он после михрегана. Ходже надлежит приехать в Вальвалидж и там дожидаться и распорядиться, дабы там заготовили продовольствия на месяц, а в Перване, Беругане и Баглане — на двадцать дней, так чтобы ни в коем случае нужды не было. Да пусть оставит в Балхе надежного человека, чтобы он позаботился об остальном довольствии, дабы во время прибытия [туда] нашего знамени, мы ни в чем бы не нуждались”. Это было написано и отправлено спешной почтой.

В среду, в девятый день месяца зу-л-хиджжа [72], [эмир] сел отпраздновать михреган. Принесли множество даров. Был канун дня жертвоприношения [73]. Никто не смел ни тайно, ни явно предаваться

удовольствиям. На следующий день справили праздник жертвоприношения. Эмир устроил все с большим благолепием и по части угощения и по поводу войска, ибо встретились две рати [74]. Уже некоторое время эмир не пил вина. После /***556***/ молитвы и жертвоприношения он сел за стол. Ввели столпов державы и свиту и усадили за столы. Стихотворцы **[493]** читали стихи, потому что в праздник разговения эмир стихов не слушал, а вслед за ними начали играть и петь мутрибы, и полилось вино. Разошлись опьяневшие. Стихотворцам [государь] пожаловал награды, а мутрибам не пожаловал. Он встал из-за стола, выпив семь [чаш] вина, и ушел в серай; людей всех удалили.

После этого он целую неделю пил вино большей частью с недимами. Мутрибам он соизволил дать пятьдесят тысяч диремов и сказал: “Покажите-ка ваше умение, а то уйдем и в Хорасане будет не до вина, чтобы противникам не снились сновидения”. Мухаммед Башнуди, барбетчик, — отличный мастер, державший себя с эмиром вольно, — ответил: “Когда на долю государя выпадут победы, он сядет с

недимами, начнут читать дубейты и придут мутрибы, чтобы играть в собрании на рудах и барбетах, к чему тогда вино?” Эти слова эмиру пришлись по душе, и он пожаловал ему отдельно тысячу динаров. Затем на целую неделю он засел от зари до предзакатной молитвы, покамест не сделал поверку всему воинству. Потом составили расчет средств [75] для него не в рассрочку [76]. Во вторник хаджибу Субаши дали халат очень дорогой и нескольким предводителям, кои прибыли с ним из Хорасана. На другой день эмир верхом приехал на поле Шабехар и сел на дуккане. Рать в порядке прошла мимо него, преогромная рать; говорили будто было пятьдесят с чем-то тысяч конных и пеших воинов, все снаряженные, на добрых лошадях, в полном вооружении, а любители точности говорили, что было сорок тысяч. Времени заняло от одной до другой молитвы, покуда прошла вся рать.

Комментарии

1. 14 октября 1037 г.

2. 9 ноября.

3. 26 ноября 1037 г.

4. 20 декабря.

5. 31 декабря.

6. 11 января 1038 г.

7. Т. е. пока автор находился на службе, он зимнее время проводил вместе с двором либо в Балхе, либо в ином месте, а с тех пор, как находится в отставке, живет безвыездно в Газне.

8. Так ВМ; ГФ: 3 л. ед. ч.

9. 7 марта 1038 г.

10. 13 марта.

11. Талькан — город в восточной части бассейна Мургаба, в 3 днях пути от Мер-варруда и на таком же расстоянии от Фарьяба. Бартольд, Обзор, 25.

12. Фарьяб — один из самых значительных городов Гузганана, ныне не сущест-вующий. Он находился, вероятно, на месте нынешнего г. Даулетабада или

несколько южнее, где расположено селение Хайрабад. Бартольд, там же, 25; Le Strange, 425.

13. 25 марта 1038 г.

14. Принимая во внимание следующие ниже даты, здесь, повидимому, описка: вместо 23 следует читать 3 раджаба — 11 апреля.

15. 17 апреля.

16. ***

17. 20 апреля 1038 г.

18. На этом, по-видимому, кончался том VIII. Далее следует приводимый ниже отрывок текста, представляющий собой, вероятно, позднейшую интерполяцию, которой в Тегеранской литографии нет: “Так сказал ходжа Бу-л-Фазл, дебир, сочинитель сей книги: В продолжении того времени, когда султан Мас'уд, сын Махмуда, да будет над ним милость Аллаха, прибыл из Хиндустана в Газну и [уже] пробыл там несколько дней, ко двору приехал конный [посланец] салара [Субаши], Бу Сахль, и

самолично доложил [государю], что происходило. Султан полностью об этом был осведомлен и соизволил дать повеления о решительном сражении”.

19. 9 апреля 1038 г.

20. От начала абзаца до сноски текст оригинала, по-видимому, испорчен.

21. *** — привет. Слово ставилось в конце письма, аналогично латинскому vale.

22. 7 мая 1038 г.

23. 14 мая.

24. ***

25. ***

26. 1039—1040 г.

27. Нукан — город в округе Тус. Бартольд, Обзор, 70; Худуд ал-Алем, л. 19б.

28. ***

29. Вместо слова *** в оригинале — читаю ***

30. Этот царский венец из золота и драгоценных камней весил 70 менов. Zainu'I Akhbar, 103. В переводе на метрический вес это составляет 47,6 кг.

31. *** — хамелеон, а также род шелковой ткани, отливающей разными цветами.

32. ***

33. ***

34. ***

35. Сомнительное слово *** — барашек?

36. 29 мая 1038 г.

37. Т. е. из Газны от эмира.

38. *** т.е. деньги чеканной монетой, подлежащие доставке из Ни-шабура в государственное казначейство в Газну.

39. В тексте здесь и ниже *** Пушт — округ (***) к югу отНишапура. В. Бартольд, Обзор..., 76.

40. 6 июня 1038 г.

41. Т. е. 1 рамазана—7 июня.

42. 10 июня 1038 г., суббота.

43. Т. е. обозы, женщины, дети и скот были отведены вглубь пустыни.

44. Выше — до часа предзакатной молитвы.

45. Ибн Фундук передает любопытный для характеристики Субаши, как военачальника, рассказ своего деда Эмирека Бейхаки, что дед однажды в Нишапуре отправился в Шадьях к Субаши, в распоряжении которого находилось войско в 100000 конных воинов и 200 слонов. В это время сообщили, что в таком-то округе заметили 10 тюркских всадников. Субаши по тревоге поднял войско, начал читать Коран и молиться и попросил также Эмирека Бейхаки усердно помолиться за благополучное его возвращение. Эмирек как мог утешил его, и, выйдя от него, сказал людям: “Солнце этой державы приблизилось к закату”, *** л. 119б.

46. Выше было сказано, самого начальника почты. Таких мелких неточностей в тексте “Истории” много.

47. ***

48. ***

49. Таббасайн — так арабские географы именовали два города в области Кухистан. Для различия один назывался Теббес Финиковый — Таббас ат-тамр — а другой Теббес Ююбовый — Таббас ал-уннаб. Первый из них в X—XI вв. был большим цветущим городом в оазисе среди песчаной пустыни, окруженный многочисленными рощами финиковых пальм и садами, с развитой системой оросительных каналов. Часто название Таббасайн прилагалось к этому городу. Le Strange, 358 ff..

50. Т. е. туркмен.

51. Имя, вероятно, искажено: илека Ибрахима не существовало. Под “покойным илеком” ниже подразумевается Наср Арслан-илек. Barthold, Turkestan... 300.

52. ГФ ошибочно Ургендж, хотя в использованной ими АП правильно: Узгенд.

53. Бури-тегин (в тексте всюду Пур-Тегин) Абу Исхак Ибрахим, сын Насра Арслан-илека, правителя Ферганы. Бежал из плена у сыновей Али-тегина и впоследствии сделался правителем Мавераннахра с титулом Тамгач-хан. Barthold, Turkestan... 300, 311—314.

54. 16 июля 1038 г.

55. 4 августа 1038 г.

56. Т. е. к везиру Ахмеду, сыну Абдассамада.

57. 7 августа 1038 г., понедельник.

58. *** названная выше ***

59. ***

60. ***

61. ***

62. ***, т.е. откупа за право сбора податей и налогов.

63. ***

64. 11 августа 1038 г.

65. Т. е. хутба будет читаться уже не на имя султана Мас'уда, а на имя нового владетеля.

66. Т. е. город беспомощен как человек, которому песок запорошил глаза.

67. Barthold, Turkestan... 272—273.

68. ***

69. Бузган или Бужган — селение в Нишапурском округе. Худуд ал-Алем, л. 196.

70. ***

71. 12 августа 1038 г., суббота.

72. 12 сентября 1038 г.

73. *** — этот день обязательно отмечают паломники, находящиеся в Мекке, проводя его на горе Арафат в окрестности города. Отмечать этот

день в других местах не является религиозной обязанностью.

74. *** — смысл несколько не ясен.

75. ***

76. ***

ЛЕТОПИСЬ ГОДА ЧЕТЫРЕСТА ТРИДЦАТОГО

Первый день месяца мухаррама был в среду [1]. В четверг, во второй день мухаррама, вывезли сераперде и разбили у дуккана за садом Фирузи. Эмир повелел в этот день дать эмиру Са'иду халат, дабы он остался эмирствовать в Газне, и к халату были приданы разные предметы из принадлежностей повелителя. Его хаджибам, дебирам и недимам, /***557***/ кутвалу Бу Али, сахиб-дивану Бу Са'иду Сахлю и начальнику почты Хасану Абдаллаху [2] тоже дали

драгоценные халаты и [соответствующие] принадлежности. Прочих царевичей с гаремом в час молитвы на сон отвезли в крепости Най-и Мас'уди и Дири, как велел и распорядился [государь]. Эмир, да будет им доволен Аллах, выступил из Газны в четвертый день мухаррама [3] и остановился в сераперде, которое разбили у сада Фирузи; там он провел два дня, покуда не выступили все войска и люди, затем он снялся и погнал, поспешая.

В Ситахе [4] прибыло письмо от везира, он писал: “Слуга [государя] согласно высочайшему повелению приказал заготовить в Балхе продовольствие в изобилии. При выезде в Вальвалидж он оставил своим заместителем в Балхе Бу-л-Хасана Хариве, дабы тот справил все оставшиеся дела; именитых людей области он убедил, чтобы они хорошенько старались, потому что прибытие высочайшего знамени состоится весьма скоро. По приезде в Хульм доставили письмо от [начальника] почты в Вахше, что Бури-тегин хочет пойти в Перке через [область] кумиджиев и толпа их и турок кенджинэ [5] примкнула к нему по приказу и благодаря наградам, кои он

раздал начальникам кумиджиев. Они намереваются пойти в Хульбук. С ним находятся, как предполагают, три тысячи конников на добрых [лошадях]. Много бесчинств произвело здесь это войско, хотя Бури-тегин и говорит, что идет служить султану. Положение таково, как представлено. [Слуга государя] в силу того, что прочитал, остался здесь на три дня. Пришли и другие письма из пределов Хутталана, извещающие о Бури-тегине и войске, которое с ним, что куда бы они ни прибыли — грабят. **[495]**

Слуга [государя] не счел разумным идти в Перке, изменил путь следования и двинулся в Пирузонахджир, дабы отправиться /***558***/ в Баглан, а оттуда через Хашамгирд в Вальвалидж. Ежели Бури-тегин поторопится войти в Хутталан, перейдет реку Пяндж и на уме у него [будет] глупость, слуга [государя] подастся в Дере-и Шенкуй и поспешит на служение к высочайшему стремени, так как не стоит идти в Тохаристан, ибо из-за события, кое случилось со старшим хаджибом под Серахсом, [теперь] всякий подлец стал зазнаваться. В Вальвалидже

продовольствие заготовлено и [туда] написано письмо, чтобы были настороже. В той стороне есть и амили и шихне. При всем этом [слуга государя] написал к Бури-тегину письмо, послал посланца и указал [ему] на мерзость происшествий в Вахше и Хутталане и ясно заявил, что султан-де выступил из Газны, коль ты идешь изъявить покорность, то признаков покорности нет. Слуга [государя] ожидает ответ вскорости, чтобы поступить согласно повелению, *ежели захочет Аллах всевышний*".

Над этим письмом эмир призадумался. Он соизволил ответить: "Вот мы двинулись и идем по дороге на перевал Гужек. Ходже надлежит пойти в Баглан, а оттуда в Андераб и присоединиться к нам на стоянке Чавкани". Письмо это отправили со спешными хейльташами, а эмир стал передвигаться еще скорей. В Перване он на день остановился и миновал перевал Гужек. Дойдя до Човгани, простояли на месте три дня, покамест подтянулись обозы, арсенал, слоны и войско. Явился везир и повидал эмира. Негласная беседа была весьма долгая, разговор шел насчет этих дел. Эмир ему сказал: "Надо сперва взяться за Бури-

тегина, ибо он враг м детище врага. Поскольку для него у брата своего Айн-ад-довле места не оказалось и у него не хватило смелости, из страха перед сыном Али-тегина, пройти через его владения, а также из [страха перед] правителем Чаганьяна, он пришел в наши края, как будто наша сторона самая слабая, и всякий беглец, коему не находится места, должен придти сюда". Везир ответил: "Пусть государь [сначала] пойдет в Вальвалидж, там выяснится, что следует сделать".

На другой день эмир выступил в путь, гнал шибко и прибыл в Вальвалидж в понедельник, за десять дней до конца месяца мухаррама [6]. Там он немного задержался и перешел в Перван. Он придумал порядок действий, как прогнать Бури-тегина, и сказал: я-де сам пойду в наступление, и приготовился к тому, чтобы пойти на Бури-тегина. А Бури-тегин, услышав весть /***559***/ о султане, повернул назад за реку Пяндж и остановился на том берегу. Он написал к эмиру, что идет служить [ему] и что происшедшее в Вахше и пределах Хульбука было без его ведома. Везир сказал султану: "Может быть, будет лучше,

ежели государь этого наступления не сделает и останется здесь в Перване, покамест приедет посланец Бури-тегина, выслушаем его слова. Ежели он скажет что-нибудь путное, мы Бури-тегина позовем, его обласкают, и все решения и **[496]** письменные обязательства будут сделаны, ибо он человек ловкий, дельный, храбрый и у него сильный отряд войска. Нам бы его со значительной ратью и с каким-нибудь саларом отправить на туркмен, он лучше знает их военные повадки. А государь сел бы в Балхе и оставался в запасе [7]; сипахсалар со снаряженным войском пусть пошел бы в Мерв, а старший хаджиб с другой ратью потянулся бы в Герат и Нишабур. Они ударили бы на врагов и постарались их разбить; враги потерпели бы поражение, их бы перебили, захватили [в плен] и [остальные] убежали бы, и берега Джейхуна были бы заняты. Слуга [государя] пошел бы в Хорезм и снова прибрал бы к рукам тот край, ибо люди свиты султана, находящиеся там, и алтунташевцы, услышав о прибытии эмира в Балх и о моем выступлении отсюда в Хорезм, отпадут от сыновей Алтунташа и

вернутся к повиновению [государю], и та область будет очищена [от врагов]”.

“Все это неладно, что говорит ходжа, — возразил эмир, — эти дела я предприму сам, ради сего я и пришел, потому что, ежели я [только] скажу, то войска дела не сделают, а при мне они будут жертвовать жизнью, хотят ли [того] или нет. Бури-тегин хуже туркмен, ибо он улучил подходящее время, совершил нападение и разграбил большую часть Хутталана. Ежели бы мы прибыли позднее, он опустошил бы всю область. Я сперва примусь за него и когда с ним покончу, обращусь к другим”. — “Все обстоятельства дел, как их представляют себе слуги [государя], должны быть доложены, — промолвил везир, — однако высочайшее мнение самое верное”. Сипахсалар, старший хаджиб и салары, кои были на тайном совещании, сказали: “Бури-тегин занимается воровством, зачем государю ради него подвергать себя опасности, лично совершая на него нападение, на что же мы годимся?” “Они говорят правильно”, — заметил везир. “Пошлем сына [моего] Мавдуда”, — сказал эмир. “Тоже нехорошо”, — возразил везир. В

конце концов порешили на том, что пойдет сипахсалар и на том же собрании записали десять тысяч всадников. [Присутствовавшие] удалились, и дело справили. На другой день, в четверг за шесть дней /***560***/ до конца месяца мухар-рама, войска выступили в Хутталан. От моего наставника Бу Насра я слышал, он говорил: “Когда мы кончили это тайное совещание, везир обратился ко мне: “Видишь ли эту самонадеянность и неправильные мероприятия, кои совершает государь? Боюсь, что Хорасан ускользнет из наших рук, я не вижу никаких признаков успеха”. Я ответил: “Ходжа уже долгое время не был с нами, сей государь уже не тот, которого он видел, он совершенно не может слушать [чьих-либо] слов. У господа бога, да славится поминание его, в этих делах есть промысл, который человек познать не может; остается лишь молчать и быть терпеливым, однако из признательности [все же] надобно сообщать то, что нам известно, все равно будет ли оно услышано или нет”. Когда сипахсалар пошел [на Бури-тегина], эмир потянулся в пределы Гузганана. **[497]**

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЖИЗНИ КУХАНДИЗИ И ЕГО ПЛЕНЕНИЕ

В той области был человек, которого звали Али Кухандизи. Он жил там уже некоторое время и занимался воровством и грабежами. Несколько негодяев, люди ловкие, пошли к нему в товарищи и они [вместе] шарпали караваны и грабили деревни. Весть об этом еще раньше доходила до эмира, но сколько он ни посылал [туда] шихне, злодейств его прекратить не могли. Когда [эмир] прибыл в те края, сей Али Кухандизи прибрал к рукам одно место, которое называл Кухандиз, — окруженную прочной стеной жерловину на вершине горы, которую никак нельзя было взять с бою. Удалившись туда, он посадил там многочисленных воров и бродяг [8]. За время смут, кои случились в Хорасане, они причинили много зла: разбойничали и убивали людей и [тем] прославились.

Когда Али услышал весть о высочайшем знамени, что оно дошло до Первана, он укрылся в эту жерловину и приготовился отбиваться, ибо у него было весьма много продовольствия, проточная вода

и луг на той горе, а проход был один, и Али был спокоен, что его никак нельзя взять с бою. Эмир, да будет им доволен Аллах, по пути расположился на берегу речки. До той жерловины было полфарсанга. Войско собрало много кормов, нужды не было, ибо травы было на целый мир. Нет ей меры в пределах Гузганана, потому что он — луг цветущий, и прекрасный. Нуш-тегин Новбати в силу того, что был правителем Гузганана, попросился [пойти] в бой, хотя был еще безбородым и находился в серае [государя]. Эмир согласился, и он с пятидесятью безбородыми /***561***/ своими гулямами отправился к той жерловине. С ними пошли человек пятьсот дворцовых гулямов, а также тысячи три-четыре народу из разных отрядов [9], кто подраться, кто поглазеть. Нуш-тегин находился впереди. Завязали бой, но сидевшим за стеной беспокойства было не много; они скатывали [вниз] камни.

Гулям моего наставника Бай-тегин тоже пошел помогать... [10]. Бай-тегин этот еще жив, человек он ловкий и дельный, наездник, мастер владеть всяким оружием и нет у него также соперников в игре в мяч.

Ныне в лето четыреста пятьдесят первое, когда я довел историю до сего места, он несет службу государю великому султану Абу Музаффару Ибрахиму, да осветит Аллах его доказательство, службу самую особую и служба та — човган, владение оружием, [метание] копья, стрельба из лука и другие телесные упражнения. К тому же сила, значение и благоволение моего наставника помогли ему, и он достиг высоких чинов.

Бай-тегин бросился к Нуш-тегину Новбати. “Куда ты лезешь? — сказал ему Нуш-тегин, — там камни катятся, ударит камнем — и нет тебя; а случись с тобой беда, никто от ходжи-начальника Бу Насра не отделается”. — “Я еще чуток продвинусь вперед, а там погляжу” [11]. Бай-тегин пошел, покатились камни, он увертывался, потом крикнул: **[498]** “Я иду посланцем, не бросайтесь!” [Сбрасывать камни] перестали. Бай-тегин добрался до самой жерловины. Вниз опустили веревку и подтянули его вверх. Он очутился на месте высоком и неприступном и подумал про себя: “Попался в силок!” Его повели к Али Кухандизи и он проходил мимо множества

людей в полном вооружении. “Зачем пришел? — спросил его Али, — ежели ты хоть один день видел Бу Насра, то было бы нелепо подвергать себя этой опасности, это решение — не решение Бу Насра. И кто этот мальчик, с которым ты шел?” “Это мальчик, который захотел с тобой сразиться; он эмир Гузганана, гулям из числа шести тысяч гулямов, кои имеются у султана, — ответил Бай-тегин. — Он послал меня к тебе с устным сообщением: было бы жалко, коль такой человек как ты, раияты и владение пропали бы даром. Выходи, я отведу тебя к государю и получу [для тебя] халат и чин серхенга”. — “Надобно [прежде] помиловать [меня] и дружественно заверить”, — возразил Али. У Бай-тегина был перстень с яшмой, он его снял и сказал: “Это перстень государя султана, он его дал эмиру Нуш-тегину и сказал, что посылает тебе”.

Тому /***562***/ дурню пришел смертный час, его соблазнили эти слова и он встал, чтобы спуститься вниз. Его братия вцепилась в него и стала стращать изменой. Тот не слушал и дошел до выхода, но потом передумал и вернулся обратно. Бай-тегин начал

заговаривать ему зубы. Смертный час приспел, а отвага в крови прикрыла ему очи разума, он решился спуститься вниз. Покамест он собирался это сделать, бесчисленное множество султанских людей подошло к подножию [гребня] жерловины. Проход открыли и Бай-тегин, взяв Али за рукав, направился вниз. Состоялся спуск и взятие крепости, ибо все вояки [Али Кухандизи] были схвачены. Весть дошла до эмира. Нуш-тегин заявил, что совершил это он, и слава и достоинство его возросли, а сотворил это [на самом деле] Бай-тегин.

В ту пору он еще был очень молод, а сумел учинить этакое [дело]. Ныне, когда столь великий падишах, да продлит Аллах его владычество, его возвысил и приблизил к себе и он приобретает все больше одобрения и милости, то можно представить, что он умеет делать. [Так] я воздал должное и питомцу моего наставника, который мне как брат. Я исполнил условие бытописания, [упомянув] о взятии сей крепости. Эмир приказал посадить под стражу этого проклятого злодея, причинившего столько вреда с прочими злодеями, его товарищами. В среду этого

Али со ста семидесятые человеками повесили. Чур нас! Виселицы стояли в два ряда от прохода в жерловину до места, куда хватило. Жерловину сравняли и разрушили, дабы ни один злодей из нее не сделал убежища. Эмир снялся оттуда и потянулся в Балх. В пути пришло письмо от сипахсалара Али: Бури-тегин, дескать, бежал и ушел к кумиджиям, какое будет повеление рабу [государеву]? Следовать ли за ним из **[499]** Хутталана или оставаться там? Пошел ответ: “Надлежит идти в Балх и выработать порядок действий против него”. Эмир прибыл в Балх в четверг, четырнадцатого числа месяца сафара [12], [и] расположился в саду. После нас через одиннадцать дней подошел и сипахсалар Али и сказал эмиру: “Правильней было идти вслед за этим врагом, ибо в голове у него одни козни”, — и он рассказал, как жители Хутталана потерпели обиды от него и его войска и как те хвастались и говорили: “Коль скоро потомкам Сельджука повадно взять Хорасан, то Бури-тегину это еще более к лицу, ибо он царского рода”.

Эмир на другой день созвал тайное совещание с везиром и вельможами и сказал: “Священная обязанность /***563***/ сначала взяться за дело Бури-тегина и покончить с ним этой зимой, а когда наступит весна, пойти на туркмен”. Везир не произнес ничего. “Скажите же что-нибудь”, — промолвил эмир. Везир сказал: “Война — дело тонкое, на этот счет нужно говорить людям военным, а слуга [государя], доколе можно, по этим вопросам ничего не скажет, ибо что бы он ни предложил, государю то понравится”. Наставник мой произнес: “Великому ходже следует говорить и доброе и дурное, потому что султан хотя и будет настаивать на чем-либо, однако поразмыслив, в конце концов послушается слов советников и сочувствующих”.

Везир заговорил: “Я ни в коем случае не [могу] одобрить вести [в поход] войско в такую пору, когда льют воду, чтобы превратить в лед, потому что войска водят в две поры [года]: либо в новруз, когда появляется зелень, либо во время созревания злаков. Перед нами более важное дело, и занимать войско Бури-тегином — совсем неправильно. По-моему,

надо написать письма как владетелю Чаганьяна, так и сыновьям Али-тегина, которые заключили договор и обязались преследовать этого человека и нападать на его приверженцев, дабы и дело вышло и, ежели случится беда, то тяжесть [ее] пала бы на одного из них, а не на наше войско". Все согласились, что это правильное мнение. "Я покамест на сей счет хорошенько подумаю", — заключил эмир. [Все] удалились. Потом эмир объявил, что правильней пойти в поход на Бури-тегина.

Восьмого числа месяца раби-ал-эввель [13] Бек-тегину, Махмудову човтандару [14], было повелено навести мост через Джейхун, потому что движение высочайшего знамени начнется очень скоро. Должность кутвала Термеза после себуктегинова эмира Кутлуга [государь] отдал сему Бек-тегину, а он был человек воинственный и отважный, много начальствовал, как я рассказывал в нескольких местах этого сочинения. Пришел ответ: "Мост наведен в двух местах, а посередине остров; мост очень прочный и крепкий, ибо принадлежности и суда все налицо еще с того времени, как повелел

эмир Махмуд [15]. Слуга [государев] назначил к **[500]** наведенному мосту людей и с этой и с той стороны охранять [его] ночью и днем, дабы враг не ухитрился привести его в негодность”.

По получении этого ответа эмир начал готовиться к походу, чтобы выступить самому. Никто не осмеливался что-либо сказать по этому поводу, потому что эмир был очень раздосадован из-за множества приходивших разных вестей, каждый день о какой-нибудь новой беде. Дела все снова и снова делались необдуманно /***564***/ уже девять лет [16] и теперь объявились последствия. Всего удивительней было то, что эмир не оставлял самонадеянности; да и как было оставить, когда за ней крылся промысл создателя, да возвеличится слава его. Несколько раз везир говорил моему наставнику: “Видишь, что он хочет делать? Перейти реку в такую пору ради устрашения Бури-тегина за то, что он пришел в Хут-талан, перейдя Пянджаб? Это [такое] дело, что бог знает, чем оно кончится. Воображение и размышление бессильны”. Бу Наср ответил: “Остается только молчать, ибо совет, который

превращают в подозрительное [намерение], неисполним”. Все свитские понимали и обо всем вне дворца [17] кое-что говорили друг другу. Бу Са'ида, мушрифа, побудили написать, но пользы не было. Когда же являлись в присутствие эмира, то вели речи в согласии с ним, потому что он сердился.

В пятницу, тринадцатого числа месяца раби ал-эввель [18], отошел [в иной мир] Бу-л-Касим, дебир, исправлявший должность начальника почты в Балхе. Обстоятельства жизни этого Бу-л-Касима я [уже] поведал в сей истории и нет нужды говорить еще раз. На следующий день должность начальника почты [государь] отдал Эмиреку Бейхаки. Везир [19] и мой наставник хорошо поддержали его на сей счет и [взаимная] обида между ним и везиром прошла, так что дело было поправлено. Эмиреку Бейхаки дали прекрасный халат.

В субботу, в половине сего месяца [20], прибыло письмо из Газны о кончине эмира Са'ида, да будет над ним милость Аллаха. Эмир был в серае и пил вино. Передать ему такое известие во время питья

вина не решились. На другой день, когда он сел на престол, до того, как открыть прием, подстроили так, что один служитель отнес это письмо, подал и вернулся назад. Прочитав письмо, эмир сошел с престола и застонал так, что голос слышали во [всем] серае. Он приказал служителям спустить пиширвак, который уже подняли. Послышался голос: “Сегодня приема нет!” Гулямов удалили и /***565***/ везир, родичи и свитские пошли в терем и сидели [там] до предполуденного часа [в ожидании], не начнет ли эмир обряд оплакивания. Пришло устное извещение, дескать, расходитесь по домам, обряда не будет. Люди удалились.

Кончина сего замечательного юноши — целая история, я обязательно ее расскажу, ибо эмир его любил больше всех сыновей и сделал его наследником престола. Но господь бог, велик он и всемогущ, назначил преемником отца эмира Мавдуда, что мог сделать отец? Еще до того, **[501]** как прибыло извещение о смерти, приходили письма, что у [царевича] оспа. Эмир, да будет им доволен Аллах, тревожился и говорил: “У этого сына уже раз

была оспа, очень странно, что она во второй раз". Это была не оспа, — на юношу неопытного напала некая болезнь и для него закрылся путь мужской силы, так что он не мог быть с женщинами и общаться [с ними]. Ни одному лекарю об этом не сказали, дабы он мог искусно вылечить, ибо [царевич] не был бессилен — такая болезнь случается у молодых людей. А женщины, как они ухитряются придумать в своей лавочке, говорили: "Этого царевича околдовали". Некая старуха из Гардиза растворила какого-то ядовитого зелья, нацедила той жидкости, в нее что-то бросила и дала тому дорогому, славному [юноше]. Он выпил, все тело его разбил паралич [21]. Одиннадцать дней он пролежал и помер.

Эмир, да будет им доволен Аллах, много стенал и плакал по этому сыну во дворце. Сия неожиданная смерть еще более усилила несчастное стечение обстоятельств: никто уже больше не осмеливался доложить, что переход через реку является ошибкой, ибо он никого не принимал. Внезапно он сел верхом и направился к Термезу. Потом через два дня везиру

доставили устное извещение: “Я-де обязательно пойду [в поход], тебе с сыном [моим] Мавдудом надлежит оставаться в Балхе с войском, которое я здесь назначил из дворцовых гулямов и других разрядов. Хаджиб Субаши пусть пойдет в Дерегез — тот уже держал там, в той области, лошадей и дворцовых гулямов при оружии — и с ним две тысячи конных турок и индийцев, кроме гулямов и хейля его. Бектугды пусть остается там во главе гулямов. Сипахсалар чтобы шел с нами [22] и военные люди, предводители, серхенги и хаджибы, [имена] коих написаны. Все это надлежит исполнить”. Везир ответил: /***566***/ “Слушаюсь!” — и почти до часа вечерней молитвы оставался во дворце, покуда все дела были справлены.

Эмир из Балха отправился в Термез в понедельник, девятнадцатого числа сего месяца [23]. Он перешел через мост и расположился на поле перед крепостью Термеза. В этом походе мой наставник состоял при эмире, а я поехал с ним. Стужа стояла такая, какой никто за всю жизнь свою не запомнил. Эмир снялся из Термеза в четверг, за восемь дней до конца сего

месяца [24], и прибыл в Чаганьян в воскресенье, в последний день этого же месяца [25]. Оттуда он выступил в среду, в третий день месяца раби ал-ахир [26], и двинулся по дороге в Шуман [27], где указывали на следы Бури-тегина. Там стужа была иного рода. Непрестанно шел снег, и ни в одном походе войску не доставалось столько мучений, сколько в этом походе. Во вторник, девятого числа сего же месяца [28], со всадниками, расставленными чередой по прямой дороге, прибыло письмо от везира. [Эмир] вскрыл [письмо], везир писал: “Пришли вести, что Дауд из Серахса с сильной ратью идет в Гузганан, чтобы через Андхуд выйти к **[502]** берегу Джейхуна. Очевидно, он намерен разрушить мост, захватить берег реки и вызвать большое расстройство. Слуга [государя] донес об этом, дабы были приняты меры, ибо неприятность велика. Ежели, не дай бог, мост разрушат, будет позорно”.

Эмир весьма встревожился. Бури-тегин, уйдя из Шумана, занял одну долину, потому что был хорошо знаком с той местностью и имел прекрасных проводников. Не сделав дела, эмир оттуда повернул

назад в пятницу, двенадцатого числа [29] сего месяца, и гнал поспешно, покуда не прибыл в Термез. Бури-тегин воспользовался удобным случаем и ограбил часть обоза; несколько верблюдов и лошадей угнали. Была бесславие и тревога на сердце [30]. В Термез эмир прибыл в пятницу, двадцать шестого числа месяца раби ал-ахир [31]. Кутвал Бек-тегин, човгандар, в этот поход ходил вместе с эмиром и оказал похвальные услуги, а его помощники и серхенги крепости приняли здесь все меры предосторожности. [Государь] похвалил их и пожаловал им халаты. Следующий день он пробыл в Термезе, затем переправился через мост в воскресенье, за два дня до конца сего месяца [32]. В Балх он вступил в среду, во второй день месяца джумада-л-ухра [33]. В понедельник, в седьмой день сего же месяца, доставили письмо из Нишабура, что Дауд приезжал в Нишабур повидаться /***567***/ с братом и оставался там сорок дней, тоже в Шадьяхе, в том кушке. Пятьсот тысяч диремов дал ему в награду Тогрул. Эти деньги и другие деньги, в коих была нужда, все приготовил

бузгананский салар. Потом Дауд уехал из Нишабура в Серахс с тем, чтобы направиться в Гузганан.

Эмир сел праздновать новруз в среду, в восьмой день месяца джумада-л-ухра [34]. В пятницу, десятого числа сего же месяца, сообщили, что Дауд пришел в Талькан с сильной снаряженной ратью, а в четверг, шестнадцатого числа сего же месяца [35], доставили еще известие, что он прибыл в Фарьяб и хочет оттуда спешно перейти в Шабурган. Всюду, куда он заходит — грабежи и убийства. В субботу, восемнадцатого числа сего же месяца, десять туркменских наездников забрались ради воровства почти до султанского сада и убили четырех индийских пехотинцев. Оттуда повернули к самому кухандизу — там держали слонов, — высмотрели одного слона, пригляделись — на загривке слона оказался спящий мальчик. Туркмены подкрались а начали погонять слона, а мальчик все спал. Отойдя с фарсанг от города, туркмены разбудили мальчика и говорят: “Погоняй шибче! Ежели не погонишь — убьем!” Тот ответил “слушаюсь” и погнал, а всадники следовали в хвосте, понукали и покалывали [слона] копьями.

Днем они удалились уже на очень далекое расстояние и доставили слона в Шабурган. Дауд наградил наездников и сказал, чтобы слона отвели в Нишабур. Из-за этого пошла дурная слава, говорили, эти люди, дескать, столь беспечны, что противник даже слона может угнать. **[503]**

На другой день эмир об этом узнал, очень огорчился и крепко разругал слоноводов. Он приказал взять с них сто тысяч диремов, стоимость слона и несколько человек из индийских слоноводов высекли. В понедельник, в двадцатый день сего же месяца [36], туркмен Альти, хаджиб Дауда, с двумя тысячами конных подошел под самый Балх и остановился в местности, которую называют Бенд-и Кафиран. Деревни две ограбили. Когда он подошел к городу, эмир был очень огорчен, что лошади находились в Дерегезе, и старший хаджиб с войском около них. Он потребовал оружие, чтобы надеть [на себя] и выехать верхом с собственными гулямами, у которых были кони. Во дворце поднялся переполох. Явились везир и сипахсалар и сказали: “Да будет долгой жизнь государя! Что случилось, что государь каждый раз

требует оружие? Он ведь пришел сюда не как какой-нибудь предводитель [37], послать надобно человека [в чине] вроде этого, а ежели понадобится [кто] посильнее, /***568***/ то пойдет сипахсалар". "Как мне быть, — ответил [эмир], — эти трусливые вояки дела не делают, а только воду рубят!" — это было сильнейшее ругательство сего падишаха. Наконец решили, что пойдет один салар с несколькими конными хейльташами и других разрядов [воинами], а сипахсалар, переодетый, без литавры и значка, отправится вслед за ними.

В час предзакатной молитвы сцепились и произошла сильная схватка. Несколько человек с обеих сторон было убито и ранено. Ночью Альти отошел и подступил к Алиабаду. Говорили, ту ночь он простоял и сообщил Дауду о том, что произошло. Тот из Шабургана [тоже] подошел к Алиабаду. [Об этом] стало известно в четверг, за семь дней до конца месяца [38]. В Алиабаде раздался трубный глас, и началось светопреставление. Эмир отдал приказ войску из Дерегеза явиться и привести лошадей. Хаджиб Субаши с войском возвратился обратно. В

четверг, в первый день месяца раджаба [39], эмир, да будет им доволен Аллах, выступил из Балха и остановился у Пул-и Карван. Подошли войска. Эмир построил [их] в боевой порядок — я тоже ходил [с ним] — и двинулся оттуда с готовой к бою ратью и тридцатью слонами, большей частью разъяренными. В понедельник, девятого числа [сего] месяца [40], в Алиабадской степи, со стороны пустыни, показался противник. Султан остановился на холме — он сидел на слонихе, — и войско начало сражение. “Вон он какой дерзкий и отважный, — говорил каждый [о Дауде] — без брата, без своих людей и без вельмож предстал пред столь могучим падишахом”.

Загорелось сражение. На поле битвы ратовали менее пятисот всадников, прочее войско смотрело. Когда один отряд уставал, другой; свежий, вступал в дело. Таким образом продолжалось почти до часа пополуденной молитвы. Эмир рассердился, потребовал коня и, надев на себя оружие, пересел со слона на коня. Он отправил кого-то к **[504]** Бектугды, чтобы тот прислал тысячу боевых гулямов в кольчугах и на добрых лошадях, кои были выделены.

Собралось и много [воинов] из разных отрядов [41]. Эмир, да будет им доволен Аллах, сам своей особой бросился на поле [боя], затем остановился. Гулямы сделали натиск, и неприятель обратился в бегство, так что никто ради другого не задерживался. Несколько неприятельских воинов было убито, человек двадцать захвачено в плен, а прочие рассеялись и направились в пустыню.

Султанское /***569***/ войско хотело было пуститься вслед за ними, однако эмир послал накибов, чтобы никому не дозволяли преследовать беглецов. Он говорил: “[Здесь] пустыня и нелепо подвергать себя опасности. [Наша] цель — сокрушить всю совокупность [неприятеля], а эти, что пришли, уже испытали наше превосходство”. А ежели бы он стал преследовать, то никто из противников не спасся бы, ибо через месяц обстоятельства выяснились. Как показали наши лазутчики и осведомители, враги говорили: “Никто-де не может устоять против этого падишаха; ежели кто-нибудь пошел бы вслед за нами, отступавшими, нам пришлось бы худо”. Привели пленных и расспросили их о положении.

Они отвечали, что Дауд, мол, пришел без согласия и повеления Тогрула в эти края. “Я, — говорит, — попробую и погляжу”. Эмир велел им выдать пропитание и освободить. На один день он остановился в Алиабаде, затем повернул обратно и прибыл в Балх в субботу, семнадцатого числа месяца раджаба [42], и оставался там до тех пор, покуда не подоспело подкрепление, кое он просил из Газны.

Пришло письмо от Бури-тегина с посланцем. Он просил извинения, и эмир соизволил дать добрый ответ, потому что этот человек, поскольку владетель Чаганьяна помер молодым и сына от него не осталось, пошел и с поддержкой кумиджиев захватил Чаганьян [43], и между ним и сыновьями Али-тегина поднялась очень сильная открытая вражда. Так как эмиру предстояло [трудное] дело, то в настоящее время он не видел иного [способа], как натравливать их друг на друга, словно *собак на быка*, дабы они занимались друг другом и владения [эмира] во время его отсутствия не терпели ущерба от обеих этих сторон. Но в конце концов вышло не так, и я упомяну, дабы было ясно, что скрывалось за завесой

неизвестности, ибо это удивительно и достойно внимания. Воображение и умственные силы для сего недостаточны. Во вторник, в половине месяца ша'бана [44], эмир, да будет им доволен Аллах, выступил из Балха с тем, чтобы двинуться в Серахс с ратью и весьма значительным снаряжением. Все утверждали, что появись [хоть] весь Туркестан, [его] можно было бы разбить. В пути бывали остановки, чтобы [дать] подтянуться войскам из других мест, как приказал эмир. В воскресенье, в первый день [месяца] рамазана [45], [государь] дошел до Талькана и пробыл там два дня. Затем он пошел **[505]** [дальше], построив [войска] в боевой порядок. Прибыли нарочные гонцы и лазутчики: /***570***/ что Тогрул-де пришел из Нишабура в Серахс, что Дауд уже находится там и что Ябгу [тоже] пришел туда из Мерва и, говорят, их тысяч двадцать конных. Решение он принял такое, что двинутся на бой, [посмотрят], что выйдет, а сражаться будут у Таль-хаба и Дих-и Базарган.

Тогрул и йиналовцы говорили: “Рей, Джибаль и Гурган перед нами и там горстка насильников,

дейлемцев и курдов. Лучше отойти в сторонку и зажить в довольстве, ибо Дербенд-и Рум без врагов. Хорасан и эти места оставим султану столь великому и могущественному, у коего так много войска и раиятов". Дауд отвечал: "Вы жестоко ошибаетесь. Ежели вы шагнете за пределы Хорасана, то нигде на земле [вам] покоя не будет от посягательств этого падишаха и сильных врагов, коих он натравит на нас. Я видел бой под Алиабадом, [у них] сколько хочешь людей и припасов, но обоз — тяжел, и им невозможно его удалить от себя, потому что они не могут без него прожить и потому колеблются, себя ли суметь уберечь или обоз. А мы налегке. То, что случилось с Бектугды и Субаши, случилось от тяжести обоза. Наш обоз у нас в тылу в тридцати фарсангах, и мы готовы [к бою]. Пойдем мужественно на дело, посмотрим, что предопределил господь бог, да славится поминание его". Все одобрили такой порядок действия и на нем порешили.

Больше всех настаивал на сражении Бури-тегин [46] и наши перебежчики, принадлежавшие эмиру Юсуфу,

хаджибу Али Карибу, Гази, Арьяруку и другим. Тогрул и Ябгу говорили: “Как бы эти люди где-нибудь не причинили беспорядка; не дай бог, их соблазнили [с помощью] писем”. Дауд отвечал: “Держать их в тылу — неразумно. Они [слуги] казненных господ и пришли сюда по необходимости и прочие, которые начальники, как-то: Сулейман, сын Арслана Джазиба, хаджиб Кадыр и другие, всех, кто есть, надобно послать вперед, дабы быть в безопасности; [посмотрим], что выйдет. Ежели замыслили предательство, то часть из них уйдет и примкнет к своему государю, а коли будут драться — [для нас] еще лучше”. [Все] ответили: “И это еще верней”. Перебежчикам сказали: “Пришел султан, и мы слышали, что вас соблазнили и вы посреди битвы уйдете. Коль скоро это так, то уходите [сейчас], ибо /***571***/ ежели уходить будете во время боя, [вам], быть может, воспрепятствуют и вас постигнет беда, право гостеприимства будет недействительно”. Они все ответили: “Наших господ убили, и мы пришли к вам из страха и по необходимости. Мы будем биться насмерть и в доказательство хотим, чтобы вы нас

послали в свой передовой полк головным отрядом, дабы видно было, что мы сделаем, и какой подвиг совершим". "Ладно, на все согласны", — сказали им. Бури-тегина назначили и он отправился в передовой полк с тысячью всадников, большей **[506]** частью султанских, кои ушли из нашего войскового стана и нашли прибежище у них. Вслед за ним двинулся Сулейман, сын Арслана Джазиба, тоже с таким же числом людей.

БИТВА С ПОТОМКАМИ СЕЛЬДЖУКА В СЕРАХСКОЙ ПУСТЫНЕ И ИХ ПОРАЖЕНИЕ

Так, как об этих обстоятельствах был осведомлен эмир, дело представлялось в ином свете. Он понимал так, что как только появится его знамя, все те гулямы вернутся обратно. Однако то продавали гнилой товар, а мы покупали. В среду, восемнадцатого числа месяца рамазана [47], поздним утром около Тальхаба показался головной отряд противников, человек триста, а мы близились к месту привала, и позади шел обоз. Эмир задержался — он был на слоне — покамест разобьют шатры. Головной отряд неприятеля помчался [на нас], и с нашей стороны

помчались люди [навстречу]; произошла сильная стычка. Приспели [еще] их люди, и с нашей стороны отправились бойцы. Разбили шатры, и эмир с войском расположился [в них]. Неприятель ушел. В ту ночь в войсковом стане приняли все меры предосторожности, чтобы не случилось беды.

Утром пробили в литавры, рать в полной готовности села верхом и в боевом порядке выступила. Когда прошли два фарсанга, показалось большое вражеское войско. Головные отряды обеих сторон завязали бой, и воины обеих сторон хорошо дрались, покуда не показалась близко деревня Дих-и Базарган. Здесь была река и много ручьев, а в степи [вокруг деревни] много песку и гальки. Эмир находился в большом полку на слонихе. Он продвигался вперед, покуда не дошел до возвышенного моста вроде холма, не очень высокого. Он приказал разбить там большой [царский] шатер, дабы войско расположилось на берегу реки. Неприятель начал подходить с четырех сторон, и возник жестокий бой. Войску безмерно много труда /***572***/ стоило, покуда оно смогло остановиться и разбить палатки. Было сильное

опасение, что стрясется большая беда, однако вельможи и войсковые предводители весьма поусердствовали, пока не овладели положением. И все же противники угнали много верблюдов и убили и ранили несколько человек.

Больше всех старались в схватках наши перебежчики, ибо хотели показать туркменам, что их подозрение не верно и что они честны, дабы те уверились. И они уверились, ибо ни один из перебежчиков не перешел [обратно] на нашу сторону. Лазутчики наши в минувшее время на сей счет много врали, получая деньги, и сегодня обнаружилось, что все было обманом. Когда рать в боевом порядке расположилась на месте, султан стал в большом полку, сипахсалар Али **[507]** держал полк правой руки, старший хаджиб Субаши — полк левой руки, а сторожевым полком [повелевал] Ар-тегин. Неприятель же отошел, раскинул стан близко от нас, на краю луга, и [там] остановился, так что звук барабанов, в которые били обе рати, долетал друг к другу. С нами было много пехоты, она в тот день окружила войсковой стан рвами и соблюла все меры

предосторожности, кои были возможны, ибо эмир, да будет им доволен Аллах, был дока водить полки и исполнял все, что было в человеческих силах. Однако [счастливая] звезда его бездействовала. Господь всевышний хотел иное, и стало так, как он хотел. Во всем нашем войске верблюда нельзя было отвести ни на шаг, и каждый держал верблюда у своей палатки.

В час предзакатной молитвы подошел сильный неприятельский отряд и не допускал наше войско брать воду из реки. Эмир послал хаджиба Бедра и Ар-тегина с пятьюстами гулямов уничтожить противников и показать им крепкие зубы. Когда подошла ночь, во все стороны отправились сильные сторожевые дозоры. На другой день неприятель показался в большем числе, и завязался бой с трех сторон и даже со всех четырех сторон. По причине, что был конец месяца рамазана, эмир сам лично на бой не выезжал и предпочел биться после праздника, чтобы в такое время кровь не проливалась. Ежедневно происходили жаркие схватки в нескольких сторонах. Много усилий нужно было

прилагать, чтобы верблюды получали траву, доставлять корм можно было [только] с помощью двух-трех тысяч конных, ибо противники /***573***/ нападали слева и справа с наивозможной стремительностью. Насчет кормов стало туго. Эмир сильно призадумался и несколько раз созывал тайные совещания с везиром и вельможами и говорил: “Я не знал, что мощь этого народа на такой высоте. Меня насчет них надували и не говорили правды, как следовало бы, чтобы с самого начала выработать соответственный порядок действий. После праздника нужно будет дать решительное сражение, а потом придется предпринять против них меры иного рода”.

Такое положение продолжалось до конца месяца рамазана, и продолжались схватки. Когда месяц рамазан пришел к концу, эмир приступил к празднованию, а неприятель подошел, около четырех-пяти тысяч, и стал сильно стрелять из луков в то время как мы возносили молитвы. После молитвы наше войско задало противнику добрую трепку: человек двести убили и удовлетворили [свое]

душевное желание, ибо заставили их отведать крепкую пробу. Предводителей, которые сражались на берегу реки, эмир обласкал и пожаловал им награды. Всю ночь готовились. На заре пробили в литавры. Эмир сел на слониху, а вокруг нее находилось десятков пять заводных лошадей. Явились предводители из полков правой и левой руки, из обоих крыл из запасного полка, из передового полка и сторожевого. **[508]**

Эмир окликнул сипахсалара и сказал: “Поезжай на свое место, будь благоразумен и бейся, что есть мочи; сегодня мы хотим совершить это дело с помощью господа бога, да славится поминание его”. Старшему хаджибу он приказал: “Ты поезжай в полк левой руки и будь очень внимателен, слушай приказы и [следи] за нашим движением. Когда мы ударим на [неприятеля], ты не спеша направляйся на его полк правой руки, а сипахсалар двинется на его полк левой руки, я же буду наблюдать и посылать вам подмогу с крыл, [смотря по тому], как пойдет дело”. “Слушаемся”, — ответили они, и сипахсалар с Субаши помчались. Ар-тегина [государь] назначил в

сторожевой полк с пятьюстами султанских конников, самых сильных, и пятьюстами индийских конников и сказал ему: “Будь внимателен, чтобы обозу не причинили вреда и охраняй хорошенько дорогу. Ежели увидишь, что кто-нибудь из нашей рати повернул назад, тут же на месте руби пополам”. “Сделаю так”, — ответил Ар-тегин и поскакал. Покончив с этими делами, эмир погнал слона, и вся рать тронулась с места. Весь мир будто зашевелился и потемнело небо от крика людей и боя литавр, от рева труб и барабанов. Пройдя фарсанг, завидели очень сильную вражескую рать, хорошо вооруженную и готовую к бою. Она была построена в боевой порядок по обычаю царей [48]. На всех подступах начался жестокий бой. Я и подобные мне тазики, мы сами /***574***/ не понимали, где в мире находимся и что происходит. В час пополуденной молитвы поднялся ветер с песком и пылью, так, что никто не мог разглядеть друг друга. Боевой порядок расстроился. Я отделился от тыла слонов большого полка, находившийся при нас мелкий люд из гулямов и слуг от нас отстал. Мы сильно струсили, [но вдруг]

увидели себя на другом холме. [Тут] я нашел Бу-л-Фатха Бусти [и] пять-шесть его гулямов, снявших его [с лошади]. Он жалобно причитал и не мог сидеть на коне от ломоты в костях. Увидев меня, он спросил, каково положение. “Не тревожься, — ответил я, — все благополучно; эдакий ветер поднялся и произвел некоторое замешательство”.

Как раз, когда мы об этом разговаривали, показался зонт султана. Государь пересел со слона на коня и ехал скрытно с пятью сотнями гулямов из телохранителей, все в кольчугах. При нем везли короткое копье. Черное знамя он оставил в большом полку. “Эмир явился, ничего не случилось”, — сказал я Бу-л-Фатху. Тот обрадовался и приказал гулямам посадить его верхом. Я подхлестнул лошадь и догнал эмира. Он остановился. Халаф, доверенный Ма'руфа Раби, кедхудая старшего хаджиба Субаши и Эмирек Катли, доверенный сипахсалара, примчались к нему и доложили: “Пусть государь не беспокоится, боевой порядок в таком виде, как [ему] надлежит быть. Неприятель подавлен и не достигнет цели. Однако все три предводителя: Тогрул, Дауд и **[509]**

Ябгу с самыми отборными своими воинами направились на большой полк, а против нас йиналовцы и другие предводители. Пусть государь позаботится о большом полке, дабы не случилось беды”.

Эмир ответил им: “Я потому и отошел от большого полка, что эти трое [на него] направились. Будет устроена засада, дабы кое-что произошло. Скажите, чтобы все были внимательны и начеку: сейчас с помощью бога, велик он и всемогущ, это дело будет совершено”. Они ускакали. Эмир помчал накибов в большой полк: дескать, будьте внимательны, на вас идут главные силы вражеской рати. Я устраиваю засаду. Слушайте все меня. Обходите врага слева, как только он схватится с вами, а я выйду [на него] с тыла”. Бектугды он приказал: “Пришли ко мне тысячу самых храбрых гулямов в кольчугах”. Тотчас пришел ответ: “Пусть государь не тревожится, весь свет не сможет сдвинуть [с места] наш большой полк”. Неприятель подошел и опешил: /***575***/ наши полки правой и левой руки стояли на своих местах. Подоспели гулямы, а еще раньше подошли тысячи

две конных воинов и две тысячи пехоты сегзийской, газнийской, гурской и балхской. Эмир, да будет им доволен Аллах, взял копье и двинулся вперед с этой большой, готовой к бою ратью. Он перешел на другой холм и остановился. Я находился при нем, далеко отделившись от своих людей.

Издали я видел три черных знамени, которые держали на песчаном холме; я пришелся напротив него. Все три туркменских предводителя были [там]. Они получили донесение, что эмир из большого полка направляется на них. Между обоими холмами было большое поле. Эмир послал вперед пехотинцев с длинными копьями и широкими щитами, а вслед за ними человек триста конных. Неприятель с обеих сторон двинул с тысячу всадников. Когда они достигли поля, наши пехотинцы задержали этот народ копьями, а конные наскочили [на них] из-за пехоты. Завязался очень жаркий бой, так что одно черное знамя с холма тронулось — говорили, то был Дауд — и пустилось в поле. Эмир погнал очень быстро и крикнул: “Вперед сыны!” Гулямы помчались. Под холмом эмир остановился. Гулямы и

остальное засадное войско ринулись на врага и окружили. Я с одним мирным всадником [49] не совался вперед с того места и пристально наблюдал за зонтом эмира. Большой полк эмира двинулся вперед. Мир преисполнился шумом и криками, поднялся стук, словно колотили тысяча тысяч молотков; сквозь пыль я видел сверкание копий и мечей. Господь даровал победу: все три [туркменских предводителя] отступили, отошли и другие, так что из неприятелей никто не остался. Эмир сел на слона в балдахин и полфарсанга гнался за отступавшими.

Мы с тем всадником быстро поехали, покамест не добрались до эмира. Туда же подъехали старший хаджиб и предводители; они лобызали землю и поздравляли с победой. “Что делать?” -- спросил эмир. **[510]**

“Шатер раскинут на берегу такой-то реки, по левую сторону, — отвечали ему, — надобно пойти и в счастливый час остановиться, ибо неприятель отступил, получив хорошую трепку. Пусть кто-

нибудь из саларов, коего назначит государь, преследует отступающих". Бу-л-Хасан Абдалджалиль сказал: "Даже в такую жару государю следовало бы фарсанга два продвинуться вперед, преследуя врагов и потрудиться еще немного, дабы сразу [от них] отделаться, и привал сделать там". Салар на него прикрикнул — они были плохи друг с другом: "Ты и в бою разговариваешь? Отчего не говоришь, как подобает?" Предводители сказали то же самое, эмиру это не пришлось не по душе, /***576***/ и Бу-л-Хасан замолк. А после стало ясно, что правильно было мнение, высказанное тем беднягой. Ежели бы [эмир] стал преследовать туркмен, из них никто бы не спасся. Однако тот, кто сотворен, не может превзойти создателя; коль скоро делу сего народа положено было достигнуть такой высоты, то как же мероприятия [против него] могли оказаться верными.

Оттуда послали салара Пири Ахура с несколькими предводителями вслед за отступавшими. Они отправились, уставшие, вместе с всадниками, находившимися в таком же состоянии, и стали

просевать прах и соль [50], где-то отдохнули и к часу вечерней молитвы возвратились обратно в войсковой стан, сказав, что ходили далеко, но никого не нашли и повернули назад, потому что неприятель убрался в пески и пустыню, а при них принадлежностей, [нужных в] пустыне не было; мы-де побоялись, как бы не случилось беды. С этой отговоркой согласились и то, что произошло после, я расскажу. Ежели бы [государь] не остановился и пустился бы преследовать противников, то все войско пошло бы за ним. Но я сказал, что господь бог не хотел [этого], и таков был приговор; *нет убежища от приговора его!*

Между тем [государь] окликнул меня: “Где Бу Наср Мишкан?” Я ответил: “Да будет долгой жизнь государя! Он с Бу Сахлем Завзани был вместе около слонов. Я, слуга, находился с ними, а когда поднялись ветер и пыль, я очутился один, разлученный [с ними], и добрался сюда. Они, должно быть, [где-нибудь] остановились”. [Государь] сказал: “Ступай и скажи Бу Насру, чтобы он составил письмо о победе”. “Слушаюсь”, — промолвил я и

удалился. Эмир приказал двум накибам: “Поезжайте вместе с Бу-л-Фазлом в стан”. Накибы отправились со мной. Я ехал довольно долго, покуда доехал до стана. [Там] я нашел моего наставника, сидящего вместе с Бу Сахлем Завзани, в кафтанах и высоких сапогах, при оседланных лошадях, уже получивших извещение о победе. Они встали. Я сел и передал устное поручение. “Отлично”, — произнес Бу Наср и стал расспрашивать о положении. Я обрисовал все положение. “Правильное мнение выразил Бу-л-Хасан Абдалджалиль, но не хотят допустить нашего **[511]** государя /***577***/ поступить как должно”, — сказал мой наставник Бу Сахлю.

Оба сели верхом и поехали встретить эмира. Они удостоились чести приветствовать [государя] и поздравить с победой, обменялись мнениями по разным вопросам, [затем] откланялись и уехали. Когда мой наставник возвратился обратно, он сочинил весьма прекрасное письмо об этой победе, а я переписал его набело. В час предзакатной молитвы [Бу Наср] представил [его государю]. Эмир прочитал, одобрил и сказал: “Нужно сохранить. Завтра мы

пойдем в Серахс и, когда остановимся, там тоже будет написано письмо, и вестники пусть отправятся”. На другой день, третьего числа месяца шавваля [51], расположились по ту сторону речки, похожей на озеро [52]. Там показались неприятельские разъезды. В бой они не вступали, а помаячили на виду и ушли. Город Серахс мы застали разрушенным и без воды, а когда-то видели его цветущим и благоустроенным. Эмир забеспокоился, что здесь появились вражеские разъезды и сказал вельможам: “Может ли быть более дерзкий народ, чем этот. Мы полагали, что от той трепки, которая им досталась, они не натянут поводья [53] до самого Джейхуна и Балхан-куха. Эдак бывает отступление царей и князей. Когда ханские войска отступали перед покойным султаном, [тогда] тоже никто не видел ни одного из тех людей. А этот народ — горсть разбойников. Ежели они хотят вернуться, то им достанется больше того, чем досталось”.

В час предзакатной молитвы пришло известие, что неприятель возвратился обратно на расстояние двух фарсангов, привел хашар, отводит в сторону воду

этого источника и снова хочет биться. Эмир был весьма удручен. Ночью прибыли лазутчики и нарочные гонцы, доставившие записки осведомителей. Они писали: “Эта братия села выработать порядок действий и говорит, что неблагоразумно вступать в решительный бой с этим падишахом, будем блюсти свой обычай и не тревожиться за обозы и тяжелую поклажу. Эдакая сила пришла на нас, однако мы не разбежимся, покуда ему не станет страшно. Хочет ли он или нет, а повернет обратно. [Месяц] дей [54] миновал, наступил таммуз [55], но мы, жители пустыни, к зною и стуже привычные, можем вытерпеть, а он и его рать — не могут. Сколько бы ни мучились, они уйдут”. Затем мой наставник представил эти записки эмиру. Эмир пришел в отчаяние и замешательство.

На следующий день, после приема, он созвал тайное совещание с везиром и служилой знатью, рассказал об этом известии и прочитал им записки. /***578***/ “Что делать?” — спросил эмир. “Сделаем все, что прикажет государь”, — отвечали [присутствовавшие]. “Я думаю, что останусь здесь,

— сказал эмир, — приготовлю снаряжение для пустыни и дам еще одно решительное сражение, когда [туркмены] будут разбиты, я не перестану их преследовать до самого берега реки” [56]. “Надобно придумать что-нибудь получше, — возразил везир, — время плохое и **[512]** подвергать себя опасности — нелепо”. Как раз, когда они об этом вели беседу, вода в источнике перестала течь. Сообщили эмиру. Было позднее утро. Прискакал наш дозор: неприятель подступил к войсковому стану с четырех сторон! Шатры разбили так тесно и в беспорядке, что между расположением полков правой и левой руки и большого полка, было совсем малое расстояние, как я никогда не видывал.

Обратившись к вельможам, эмир произнес: “С богом, пойдемте, сядем на коней!” Все ответили: “Государю остаться бы на месте — их предводители, говорят, не явились. Мы, слуги, пойдем и что надо, сделаем. Ежели будет нужда в поддержке, сообщим”. Они удалились и, приготовясь, пошли на неприятеля. Везир и мой наставник некоторое время сидели и утешали эмира и распоряжение отправить письма [о

победе] и вестников приостановили, не объявится ли еще что. Ушли и они. Проточная вода уже далеко не доходила до нас. Мы накинулись на колодезную воду. Здесь, где мы находились, в небольшом расстоянии от города Серахса, колодцев было много. Оставшийся лед нельзя было доставить из-за нападений и преград врагов. Сильный бой продолжался до часа предзакатной молитвы. Много народа с обеих сторон было ранено и убито. Наши люди возвращались назад удрученные и подавленные, и победа большей частью оставалась за противником. Слабость и немощь овладели нашей ратью, словно она выбилась из сил. Тайные осведомители, кои находились в войсках, сообщали об этом эмиру. Вельможи и предводители тоже тайно посылали донесения к везиру через своих доверенных людей и жаловались на бездействие воинов, что они не дерутся, ропщут на нехватку кормов и нужду и говорят: “Ариз-де нас убивает ради больших сбережений, кои он делает. Мы боимся, что здесь стрясется большая беда”. Когда рать пустилась в разговоры, а неприятель одолевает,

это дело нельзя оставлять [без внимания]. В час вечерней молитвы везир сел верхом, приехал [к эмиру] и попросил тайного приема. Он оставался [у государя] до часа молитвы на сон и вместе с моим наставником рассказал эмиру об этих обстоятельствах. [Затем] они удалились. По дороге они [еще] беседовали друг с другом об этом и разошлись по шатрам.

/***579***/ На другой день неприятель подошел более сильный, более смелый, более многочисленный и более деятельный. Бой завязался со всех сторон. Положение стало тяжелое. В войсковом стане поднялся крик и смятение. Эмир сел верхом, скрытно, неузнанный отъехал в сторону и воочию увидел то, о чем говорили начальники. В час пополуденной молитвы он возвратился обратно и послал везиру устное сообщение, сказав: “То, что докладывал ходжа, мы наблюдали своими глазами”. В час предзакатной молитвы он позвал вельмож и сказал: “Дело идет весьма вяло, по какой причине?” Те отвечали: “Да будет долгой жизнь государя! Погода стоит очень жаркая, кормов не найти, и

животные гибнут. **[513]** Надобно принять более решительные меры в войне с этим народом”. И [еще] они сказали: “Мы-де к великому ходже посылали устные донесения и представляли свое оправдание; он, несомненно, [о них] докладывал, да у государя тоже есть осведомители в войске, они, должно быть, извещали”.

Везир сказал: “Я на сей счет совещался с государем султаном и всю вчерашнюю ночь об этом думал. Пришло мне на ум одно мероприятие, [о коем] я с государем не говорил, скажу наедине”. Вельможи все купно удалились. Остались эмир, везир и мой наставник. Везир сказал: “Да будет долгой жизнь государя и да свершатся все дела согласно его желанию! Ежели наша рать изнемогла, то туркмены изнемогли не менее, только они более стойки. Они лишены всего и бьются, за жизнь. Слуге [государя] кажется правильно послать от себя посланца, дать этим людям совет, ибо они весьма напуганы тем подзатыльником который съели, и сказать: “Ежели, мол, вы еще раз повяжете пояса на битву, то ни одного человека от вас не останется. Лучше

попросите извинения и смиритесь, дабы я уговорил государя султана принять ваше искание сблизиться и сказал бы, что они-де сопротивляются из боязни за жизнь, и упросил бы [государя] отойти в Герат, а они бы остались в этих пределах. Пусть, мол, ездят туда и обратно посланцы, покамест не будет положено основание, так чтобы исчезла открытая вражда и установилось благоприятное положение".

"С виду это неплохо, — возразил эмир, — однако поймут, и друг и враг, что [это] бессилие". "Так, — ответил везир, — но оно лучше, и безопасней, и в этом случае мы возвратимся назад невредимы. Государь видел, как они ведут войну и понял их способ действовать. Коль [государь] пожелает, то пусть после михрегана пойдет на этот народ из Герата, приготовясь и все предусмотрев полностью. Ежели они согласно нашему решению пойдут по прямому пути, а это наша цель, то дело будет сделано, а ежели, спаси бог, произойдет наоборот, то бесславия не избегнуть, ибо может случиться беда непоправимая. Когда государь рассмотрит, /***580***/ хорошенько обдумает и взвесит в благословенном

уме своем, то на чем высочайшее разумение остановится, то и будет сделано”. Они удалились. Придя в шатер, мой наставник позвал меня и сказал: “Видишь, куда зашло дело? Ах, ежели бы нас уже не было в живых и мы не видели этого позора!” Он разговорился, рассказал о всем, что происходило, о мнении везира, [на коем] остановились, [и промолвил]: “Эмир говорит совершенно верно — это явное бессилие, но оно неизбежно”. Мне он сказал: “Бу-л-Фазл, везир придумал все правильно, только выйдет ли этот замысел так, чтобы уйти в Герат, сохранив добрую славу; не дай бог случится беда и появится забота, как нам это бессилие поправить. Дай бог всего доброго, велик он и всемогущ!”. **[514]**

Во время нашего разговора пришел султанский ферраш и сказал: “Эмир зовет”. Мой наставник встал и отправился, а я вернулся в свой шатер очень удрученный. Было уже поздно вечером, когда мой наставник пришел обратно. Бу Наср позвал меня, и я пошел к нему. Он удалил посторонних и сказал: “Когда я явился к эмиру, он находился в хергахе, усадил одного меня и удалил всех, кто

присутствовал, и сказал: “Дело усложнилось и затянулось, как ты видишь. Враг был разбит, но столь дерзко пришел снова. Теперь мне стало ясно и я убедился воочию, что Бектугды и Субаши вступать с ним в бой было неразумно и [нельзя было] их посылать на него, но что случилось, то случилось. На этих врагов надобны люди налегке, как они сами, с припасом, но без обоза, дабы их разбить. С кем бы мы ни заговаривали об этом, настоящего ответа мы не получаем, ибо два могучих салара побиты и поколочены этим народом и они потворствуют тому, чтобы трудное положение сохранялось, дабы мы оправдывали их [поражение]. Другого рода человек — ходжа, которого я не могу понять. Он отсылает к сипахсалару, тот к нему. Разум наш в замешательстве. Ты человек, который говорит только правду, и нехорошего не посоветуешь. Что в этом деле видишь ты? Сказывай, не стесняйся, ибо из всех слуг сердце [наше] остановилось на тебе, дабы поговорил с нами ты, рассеял бы наше недоумение и показал, в чем заключается благо”.

Я, Бу Наср, ответил: “Да будет долгой жизнь государя! Пусть государь откровенно скажет слуге [своему], что он надумал, на чем остановилось высочайшее мнение, дабы [слуга его] в меру своего знания доложил, что правильно и /***581***/ благоразумно. Но не будучи осведомлен, он никак не [сможет] ответить на желание государя”. Эмир сказал: “Одобрено то, что предложил сегодня в час предзакатной молитвы ходжа, что он отправит посланца к этому народу заключить волчий мир, и мы пойдем в Герат и нынешнее лето проведем там, покамест рать не отдохнет. Мы потребуем из Газны лошадей, верблюдов, еще оружия и наладим дела иначе. Теперь, когда мы поняли повадки этого народа, мы с наступлением михрегана пойдем на Пушенг, Туе и Нишабур. Ежели туркмены выйдут навстречу и окажут сопротивление, мы будем налегке, потому что коль скоро будет сделано так, большой опасности от них нет. Ежели же они сопротивления не окажут и уйдут, то мы отправимся вслед за ними до Баверда и Нисы. Эту зиму мы

будем готовиться, дабы с помощью бога, да славится поминание его, Хорасан был очищен от них”.

Я возразил: “Предусмотрено прекрасно, но никто, ни везир, ни военачальники не указывают государю, что война идет, а приходится [вдруг] отступать, не разбив неприятеля; это потому, что они боятся — завтра, прибыв в Герат, государь скажет: “Вы-де проявили **[515]** нерадивость, чтобы мне поневоле пришлось отступить”. И я, слуга [твой], тоже такого указания не сделаю, так как это не мое дело. Однако возникает трудный вопрос и задать его обязательно нужно”. “Что ж такое?” — спросил эмир. Я сказал: “Всюду, где каменистые пустыни или заросли колючек, там наш войсковой стан, а тот народ располагается среди несжатых пашен и хлебов, на превосходных местах; они находят лед и проточную воду, а нам приходится пить воду из колодцев, проточной воды и льда мы не получаем. Их верблюды могут выходить на пастбище, и туркмены могут доставлять корм издалека, а нам приходится держать верблюдов в стане у самых палаток, потому что вокруг стана [их] пасти нельзя”.

Эмир ответил: “Причина в том, что у них нет тяжелого обоза, а с нами тяжелый обоз, ради охраны которого нельзя заниматься другими делами. Вот почему я и говорю, что нам надобно освободиться от обозов, потому что от туркмен большой опасности нет, с их делом можно покончить”. “Есть еще вопрос, — продолжал я, — но без везира, без сипахсалара и старшего хаджиба и без военачальников не обойтись. Ежели высочайшее мнение сочтет возможным, то пусть завтра состоится собрание, дабы обсудить его, взяться за хорошо продуманное дело и завершить”. “Ладно”, — промолвил эмир. “Еще есть одно соображение, — сказал я, — да будет долгой жизнь государя, /***582***/ которое слуга [твой] стесняется вымолвить”. “Сказывай, рассказать нужно, ибо выслушано будет благосклонно”, — произнес эмир. “Да будет долгой жизнь государя!— сказал я. — Известно, что на то, что ныне в Хорасане творит сей народ: злодейства, убийства и истязание людей, на то, что считает дозволенными запретных жен мусульман, — в последние сто лет не указывали, [этого] не бывало и в летописях не упоминается, но

тем не менее победа все же на их стороне. Скверные мы люди, что господь бог, да славится поминание его, сделал подобный народ нашим победителем и оказывает [ему] помощь. Дела в мире зависят от царей и божественного закона. Держава и мусульманская община — два брата, кои идут вместе и неразлучны. Ежели господь бог, велик он и всемогущ, оставляет без попечения своего какого-нибудь царя, так что этакий народ его осиливает, то это доказывает, что бог всевышний гневается на него. Пусть подумает государь о том, каковы дела у него с всевеликим царем небесным".

"Я не знаю [за собой] такого обхождения с кем-либо или [такого] поступка, которых не одобрил бы всевышний господь", — ответил эмир. "Слава богу! — произнес я. — То что я спросил и говорю — неучтиво, но я говорю это из сочувствия. Пусть государь взглянет получше на свое отношение к господу богу, велик он и всемогущ, и ежели нужно будет, попросит прощения и сделает это сегодня же вечером, [пусть] обратится к создателю со слезной мольбой, падет ниц, даст обеты и **[516]** покается [в

грехах], ежели они были у него перед богом, велик он и всемогущ, дабы с завтрашнего же дня увидеть появление следов того, что молитве царей, коль скоро она [исходит] от чистого сердца, с твердой верой, никакой преграды нет. Не нужно с [меня], слуги, взыскивать, потому что [государь] сам дал позволение". Когда я высказался, [эмир], промолвил: "Я согласен так поступить и тебя прощаю, ты говорил по моему повелению и исполнил долг благодарности мне и отцу моему. Ступай и всегда, когда захочешь, говори именно так и давай советы, ибо к тебе нет недоверия". Я поклонился и вышел. Надеюсь господь-бог, велик он и всемогущ, воздаст мне за то, что я сказал. Не знаю, понравилось ли или нет; по крайней мере, я снял с себя ответственность". Я, Бу-л-Фазл, сказал: "Да будет долгой жизнь господина! Что лежало на тебе и долг признательности ты исполнил", — и я ушел.

Когда наступил следующий день, созвали собрание и пошла беседа о разном. Совещались и вспоминали речи, кои /***583***/ вели враги, и дело ими учиненное. Порешили на том, чтобы везир послал посланца и

посоветовал им разойтись, чтобы они вступили в переговоры и вернулись к первоначальной основе [57], покамест дело не разрешится мирным путем и не исчезнет война и открытая вражда. Когда ушли от эмира, везир позвал хакима Бу Насра Мутауви'и-и Завзани — это был человек смышленный и речистый, прослуживший долгое время Мухаммеду Аляви, столь важному салару, знавший обычаи, как вести дела; после [салара] его оценил сей государь за способность и опытность и возложил на него попечение об арабах, стоящие они или нестоящие,— рассказал ему о чем шла речь, дал распоряжения и сказал: “Что султан об этом осведомлен, говорить, разумеется, не нужно. Поскольку я везир и должен размышлять о пользе для мусульман, друзей и врагов, то я говорю, конечно, об этих делах, дабы мечи были вложены в ножны; не пробивалась бы невинная кровь, и раияты пребывали в безопасности. [Скажи], что вы, мол, терпите мучения, вас колотят, бьют и убивают. Нашего столь могущественного падишаха вы сделали совсем врагом; завтра он не остановится преследовать вас, покуда не повергнет

[в прах]. Хотя у вас время от времени бывает дело в сей пустыне, но за то никакого возмездия быть не может, ежели вы изъявите полную покорность и изволите сообщить, чтобы я на сей счет походатайствовал в присутствии нашего падишаха и доложил бы ему, что они-де эту войну и распрю, несчастье и разруху терпят из боязни за жизнь свою и жен и детей своих, ибо нет у них места на свете, где бы они могли поселиться. Ежели царское милосердие и благосклонность снизойдут к ним и будут им пожалованы пастбища и какая-нибудь область, то пусть выразят рабское послушание, дабы рабы [государевы] обрели покой от набегов и войны. Я устрою так, что им будет определена какая-нибудь местность, а до тех пор пусть они остаются **[517]** спокойны и живут тихо и мирно". Таких и подобных слов, мудрых и лажных, теплых и холодных, везир высказал много, много увещевал и предостерегал и, наконец, отпустил его.

Хаким Мутауви'и отправился к тем юнцам и обстоятельно передал устное сообщение великого ходжи, объяснил все, что шло им на пользу. Он

присягнул, что великий султан, Поборник веры [в Аллаха], ничего об этом не знает, а везир, дескать, ради блага вашего дела и других мусульман прислал меня. Они оказали ему почести, поместили где-то и принесли много угощений. /***584***/ Потом все главари собрались вместе и совещались по этому поводу, мол, какого рода ответ нам послать везиру? Говорили и думали по-разному. В конце концов мнения сошлись на том, что с этим делом [надо] покончить на такой лад, как посоветовал везир, потому что падишах велик и войска, казны и владений у него без меры. Ежели-де нам и удались несколько дел мы разбили несколько его ратей и захватили область, то от одного удара, который он нанес своей особой, мы потерпели сильный разгром. Двинься он немедля за нами, никто из нас, жен и детей, не спасся бы. Но на наше счастье он остановился на месте и нас не преследовали. Благо в том, что сказал везир.

Когда они на этом порешили, то на следующий день позвали хажима Мутауви'и, изъявили покорность, оказали честь и сказали: “Положение таково, как его

видит великий ходжа. Теперь надобно явить великодушие, удостоить нас поддержки и походатайствовать [за нас], дабы из сердца великого султана исчезла обида, и он пожаловал бы нам какую-нибудь область, пустыню и пастбище, дабы мы там поселились, пребывали под державой сего государя и служили бы ему, а жители Хорасана не терпели ущерба от грабежей и набегов". Они назначили с хакимом Мутауви'и своих доверенных людей и [поручили] мне передать пространное устное сообщение в таком же смысле, прилично воздали должное Мутауви'и и отправили его обратно вместе со своим посланцем. Когда они прибыли в войсковой стан, хаким явился заранее, был принят великим ходжой и обстоятельно и полностью доложил, как обстоят дела, сказав [при этом]: "Хотя это племя и передало такого рода устное сообщение и ищет благосклонности, однако прямодушия от них ни в коем случае не увидишь, и царское высокомерие, кое засело у них в голове, не скоро выскочит, тем не менее положение смягчится, но из-за них [люди] спокойны не будут. То, что стало

известно, слуга [твой] доложил на усмотрение великого ходжи, Лабы он поступил, как рассудит за благо”.

Ознакомившись с положением, везир велел позвать посланца новоявленников. Его привели. [Везир] одобрил [его приезд], посланец, как требовалось, отвесил поклон, изъявил рабскую покорность и передал словесное поручение. Его отвели обратно, поставили в **[518]** помещении для послов и поднесли обильное угощение. Везир отправился к султану. Созвали тайное совещание, [на котором] присутствовал ходжа Бу Наср. Все, что везир слышал о положении вещей от Мутауви'и, я также устное сообщение, /***585***/ кое доставил посланец, он снова повторил и все истолковал для высочайшего разумения. [Государь] соблаговолил сказать: “Хотя это дело доказывает [наше] бессилие, но раз великий ходжа признает его за благо и своевременным, то пусть его завершает, как требуется”. Везир удалился.

На другой день он позвал посланца — ходжа Бу Наср Мишкан сидел у везира — и все, что нужно было

сказать и совершить, сказали и совершили в том смысле, как говорил везир, что я-де насчет вас походатайствовал и склонил государя к тому, чтобы вы оставались в той области, где находитесь, мы, дескать, отойдем и направимся в Герат [58]. Нису, Баверд и Фераву — эти пустыни и края он соблаговолил отдать вам с условием, что вы не будете нападать на мусульман, трогать пожитки раиятов и производить поборы и сборы по соглашению [59], удалитесь из сих трех мест, какие есть, и отправитесь в те области, кои вам назначены, дабы нам отойти в Герат, а вам туда. Пришлите раза два посланцев и выполните условия служения, чтобы нам приступить к составлению договора и какого-нибудь решения, от которого не было бы отступления, так чтобы раияты и владения успокоились, и вы бы избавились от бегства и нападения, битв, распри и возмущения. В таком смысле везир поручил сделать устное сообщение. Посланцу новоявленников воздали должное по части почестей и достойного вознаграждения, и он довольный уехал. По этому важному делу назначили

опять-таки хакима Мутауви'и и он отбыл вместе с посланцем. Он приехал к новоявленникам, и их посланец много благодарил и желал добра. Хакима Мутауви'и приняли негласно и он тоже передал словесное сообщение везира. Они поклонились и высказали о нем много любезного. Положение смягчилось, хотя они никак не успокаивались, потому что в голове у них засело высокомерие падишахов, [желание] развязывать и связывать, приказывать и запрещать и захватывать владения. Наружно они соблюдали дружественные отношения, угождали хакиму Мутауви'и, безмерно извинялись и говорили: “Мы покоряемся приказу везира, однако с нами надобно поступать честно и ни с какой стороны вероломства и коварства не чинить, дабы мы были спокойны, и открытая вражда не возникла бы неизбежно. Пусть не отступают от того, что сказали и пожаловали, а придерживаются его, чтобы раияты и войска обеих сторон вздохнули свободно, и не лилась невинная кровь” [60].

Согласно сему решению они снялись с места и отправились в те области, кои им были названы.

Когда они снялись с места и ушли, хаким Мутауви'и поехал обратно и прибыл /***586***/ в богохранимый **[519]** войсковой стан. Он негласно побывал у везира, рассказал, что видел и слышал о положении новоявленников, об их поступках и глумливых речах, кои они вели, и добавил: “Им отнюдь нельзя доверять. Устроение наших дел и уничтожение их или изгнание из [наших] владений надобно почитать наиважнейшей задачей. Полагаться на их льстивые и тщеславные слова нельзя, ибо они никогда не пойдут по праведному пути. Желание властвовать и издавать обязательные для исполнения приказы не уйдет у них из головы иначе, как с помощью острого меча. Сейчас они заключили это подобие мира и ушли, потому что потерпели сильный разгром от одного того удара, который им нанес государь своей особой. Однако все, что им будет удаваться: обман, измена, переманивание гулямов, захват областей, увеличение войска, призывание людей из Мавераннахра к себе в товарищи, чтобы стать многочисленней — [все это] они не оставят и никогда прямодушия блюсти не будут. Друг с другом они ведут крайне вольные речи.

Мне стало известно, что они уверены, будто сей государь бессилен и [говорят], что его везир-де по способности своей нас примирил и смуту потушил настолько, чтобы их войска [могли] отдохнуть и приготовиться; они, мол, нас будут преследовать и не успокоятся, покуда не отбросят нас или не изгонят из сих областей. По этой причине они установили мир и внешне дружественные отношения; а мы тоже согласились немного отдохнуть от набегов и уладить свои дела. Мы соберем войско, снарядимся, не допустим беззаботности, приготовимся и приспособим себя к войне и открытой вражде, дабы, когда на нас внезапно нападут, выйти им навстречу, ответить и драться за жизнь свою. Или мы одолеем, или пропадем, ибо весьма могуч государь, коего мы ухватили за пояс". Этаких речей они произносили много и ушли бодрые и веселые.Сказали [еще], что когда мы отправимся в Герат, они пришлют именитых посланцев и предъявят свои права. За службу и покорность попросят еще областей, потому что нас, мол, стало много и то, что вы нам дали, недостаточно. Коль скоро нам не хватит хараджа и

доходов [61], поневоле придется нам совершать поборы, сборы по соглашению [62] и набеги. Нужно будет отдавать и захватывать области, пусть [нас] не корят, ибо [это] поневоле. Сверх того, хаким Мутауви'и, чтобы услужить, рассказал великому ходже все, что было выяснено.

Везир сказал: “Я осведомился, понял и знаю, что нужно делать. Ежели падишах послушается моих слов и поступит /***587***/ по-моему, то с течением времени я устрою так, что не пущу их и шага ступить, покуда они все вкупе не падут или не уйдут из Земли Хорасанской бродить [по свету], переправясь через реку, и для нас с их смутой будет покончено навсегда с помощью правильных мероприятий и твердой решимости. Но я знаю, падишаха до этого не допустят, против моего разумения будут возражать; мало того, пошлют войска и налаженное **[520]** дело испортят: туркмен взбудоражат и пробудят в них опасение. С каждым днем дело будет становиться все трудней, а тот народ делаться сильней, многочисленней и больше. Хорасан и Ирак мы потеряем совсем. Мы испытаем и

другие неудачи, [посмотрим], каков приговор божий, велик он и всемогущ. Даст бог, все будет хорошо. Слова, которые ты сказал мне и слышал от меня, никому не передавай, [поглядим], что будет”.

Везир отпустил его и отправился к Высокому собранию. Пришел Бу Наср Мишкан, и они повели тайную беседу до позднего вечера. Везир обстоятельно и пространно доложил на высочайшее усмотрение все, что слышал от хакима Мутауви'и и [о чем его расспросил] и разъяснил, что имелось доброго и дурного; наступило спокойствие. На этом же заседании постановили сняться с места на другой день и двинуться в Герат и тамошние места, дабы рать избавилась от нужды и голода, пришла в себя и кони окрепли и [чтобы] вытребовать из столицы Газны и разных областей, войска, припасы, снаряжение, казну и оружие и приготовиться. Когда же все полностью будет готово, войска отдохнут и приспеют еще другие, то потом посмотрят, что делают эти мятежники. Ежели они сидят смирно и соблюдают внешне добрые отношения, то пусть так и останется на некоторое время и раздражать [их] не

будут. Но когда готовность будет достигнута, сбор войск завершится и прибудут вспомогательные отряды [63], тогда начнут действовать сообразно наблюдаемой обстановке. Высокое собрание выразило везиру много любезных слов, ободрило и соизволило сказать: “Благодаря твоему умению сейчас положение смягчилось. Теперь ты и впредь соблюдай то, что идет на пользу царству и державе, ибо у нас нет никаких возражений на твои мнения, дабы ты [мог] поправить беду своей способностью, опытом и твердой решимостью”. Везир поклонился и смиренно изъявил готовность служить. На этом разошлись.

На другой день царский поезд и войска тронулись в путь и потянулись в сторону Герата [64]. Шли очень медленно, покамест не вышли из пустыни и не попали в степь. [Там] отдохнули и пошли потихоньку, покуда не достигли Герата. В Герате остановились. *А Аллах знает лучше, он тот, к которому обращаются и к которому возвращаются*. **[521]**

/***588***/ О ПРИБЫТИИ В ГОРОД ГЕРАТ СУЛТАНА ШИХАБ АД-ДОВЛЕ И КУТБ АЛ-МИЛЛЕ АБУ СА'ИДА МАС'УДА, СЫНА ЯМИН АД-ДОВЛЕ, ДА БУДЕТ ИМИ ДОВОЛЕН АЛЛАХ ВСЕВЫШНИЙ, И О ПРЕБЫВАНИИ ЕГО ТАМ И РАССКАЗ О СОБЫТИЯХ, КОИ СЛУЧИЛИСЬ В ТОМ МЕСТЕ ДО ТОГО ВРЕМЕНИ, КОГДА ОН ПОШЕЛ В ПОХОД НА ТУРКМЕН, И О ХОДЕ ТЕХ СОБЫТИИ

В месяце зу-л-ка'да лета четыреста тридцатого [65] султан Шихаб ад-довле и Кугб ал-милле, да будет им доволен Аллах, прибыл в средоточие славы, в Герат, и там расположился. Несколько дней он и рать отдыхали, потом он распорядился отправить войска в разные стороны и нарядить разведывательные дозоры и отряды, дабы [Гератскую] область набить ратными людьми, да и войска получили продовольствие, а животные сено и ячмень и отдохнули. Сначала эмир послал старшего хаджиба в Пушенг с сильным войском и дал распоряжение двинуть оттуда разведывательные дозоры до Ходжи [66], — а это сельская округа Нишабура. Хаджиба Бедра эмир с сильным войском отправил в Бадгис, а также разослал сильные отряды по разным округам. Они пошли и все округа прибрали к рукам. Амили приступили к работе и стали взимать налоги [67]. А эмир предался удовольствиям и вину, так что совсем не отдыхал, а также открывал приемы и налаживал

дела. Пошло письмо в Газну к кутвалу Бу Али; от него затребовали кое-что из военного снаряжения для пустыни, лошадей, верблюдов, золота и одежды, чтобы [все] было прислано вскорости. На Герат, с его округами, на Бадгис и Гянджруста, докуда можно было достать, выписали бераты войску на тысячу тысяч динаров, и взимали насильно под предлогом: почему-де ладили с туркменами.

Однако дела переменились — этому падишаху жизнь пришла к концу. С самого начала никто не осмеливался с ним говорить и давать советы. Гератские вельможи Бу-л-Хасан и Аляви и другие бежали, посоветовав амилю Бу Тальха Шейбани, что нужно, мол, скрыться, но тот не скрылся. Эмир внезапно велел схватить и задержать Бу Тальху. Все, что у него имелось, начисто забрали. Потом с него содрали кожу, Фудто бритва брадобрея прошлась по ней. Он помер, да будет над ним милость Аллаха! Я его видел брошенным на навозную кучу по соседству с кушком Аднани, который /***589***/ называют Сенгин, и приставом при нем был Тегин Саклаби [68]. Этот Бу Тальха, когда туркмены разбили хаджиба Субаши и

двигались в Герат, вышел им навстречу и устроил угощение; это и было причиной, что его казнили. Бу-л-Фатха Хатими, помощника начальника почты в Герате, бывшего заместителя моего наставника Бу Насра, тоже схватили; он также ходил к той братии. Мой наставник решительно ничего не сказал, ибо не стоило [говорить] в то время. Его посадили вместе с Бу Али Шаданом Туей, **[522]** хорасанского шихне, и затем увезли в крепость Беркеж в области Пур-шаур и держали там [в заключении].

Прибыли письма, что Тогрул пошел обратно в Нишабур, Дауд остановился в Серахсе, а йиналовцы отправились в Нису и Баверд. “Как ты находишь положение? — спросил везир моего наставника. — Ведь государь уже забыл то, что происходило, [снова] протянул руку к удовольствиям, а дело [насчет] посла, противников и заключения соглашения не движется. Мне это сильно не по душе, потому что вопрос остается в прежнем состоянии, даже более тяжелом”. Мой наставник ответил: “Положение зашло даже дальше того, что можно поправить, и лучше не тратить слов, кои придутся не

по нраву. Государю, нынче наши, стариков, речи не угодны. Всего этого желают люди молодые, неопытные, потому-то они и представляют нас в дурном свете. Остается только молчать". "Это так, — промолвил везир, — коли [государь] спросит что-нибудь по этому делу, будем молчать".

В субботу, в первый день месяца зу-л-хиджжа [69], эмир назначил пять хейльташей отправиться в Гурган. Он велел написать Бу Сахлк Хамдеви, Сури и Бакалиджару письма такого содержания: "Под опекой божьего воспомоществования и счастья мы прибыли в Герат. Здесь мы пробудем некоторое время, покуда из Газны подоспеет затребованное: добавочные верблюды, денежные средства [70], лошади, боевой припас [71] и снаряжение для пустыни [72]. Затем, приготовясь, мы двинемся в Туе и Нишабур, ибо теперь мы знакомы со всеми привычками и уловками врагов и постигли их способы ведения войны. Так же, как и они, мы пошлем на них людей без обозов, а сами будем в запасе [73], дабы очистить от них мир. Бакалиджар оказал нам весьма добрую* услугу и совершил

подвиг. Награда за них от собрания нашего будет такого рода, /***590***/ какой до сей поры никому из подвластных сей державе не было. Эти письма мы соизволили написать, дабы вы воспряли духом и, когда царский поезд наш прибудет в Нишабур, явились бы ко двору с бодрым сердцем. Хейльташей держите при себе, покуда они приедут вместе с вами.

Эмир поставил царскую печать на эти письма и приказал хейль-ташам ехать так, чтобы любым путем доставить их в пределы Гургана. Они отправились. Наступил праздник жертвоприношения. Эмир велел устроить все с неимоверным великолепием. Герат — город, где столько оружия, как ни в одном городе. В день праздника на майдан вышло столько конных и пеших в полном вооружении, что по признанию достойных стариков, ни в какие времена подобного в памяти не было. Праздник справили, поставили столы, подали вино. После праздника эмир сделал смотр войскам на поле Хадахан и всякий, кто в тот день ходил полюбоваться, утверждал, что этакого войска совсем неприпомнит. **[523]**

Приблизился смертный час моего наставника. В эту пору с уст его сходили слова, которых мудрые люди не одобряли. Например, в день смотра он проезжал мимо кладбища, я был вместе с ним. В одном месте он остановился и глубоко задумался, потом поехал [дальше]. Близ города к нему пристал Бу Сахль Завзани, и оба поехали вместе. Дом Бу Сахля был по пути. Он пригласил моего наставника к себе в гости, но тот ответил: “Не хочется мне вина, ибо тоска на сердце”. Это было бесполезно, хозяин настойчиво упрашивал, и тот в конце концов вошел [в дом], вошел туда же и я. Бу Сахль распорядился приготовить яства и позвать недимов и мутрибов. Покамест приготавливали, мой наставник оставался все так же задумчив. “Что ты так невесел, не случилось ли чего?”— спросил Бу Сахль. “Я думаю о настоящем положении, в коем мы находимся, не нахожу выхода и никак не могу отвязаться от этой мысли. Я словно вижу, что мы в пустыне потерпим такое поражение, что друг друга не найдем; останемся мы там без гулямов и без товарищей и жить станет незачем. Да, придется увидеть, чего мы

никогда не видывали. Сегодня, когда я возвращался со смотра и проезжал мимо кладбища, я заметил две красивые могилы лепной работы, остановился на миг и от души пожелал, о ежели бы я был как те [покойники] во славе, дабы не пришлось испытать унижение!" Бу Сахль, смеясь, сказал: "Это в тебе черная желчь горит [74], пей, веселись и пользуйся благами мира!" Подали прекрасные яства /***591***/ и прекрасные вина. Пришли мутрибы и недимы; мы поели и приступили к делу. День прошел очень приятно, потому что много беседовали об изящной словесности, о музыке, сочиняли тут же ненароком стихи и разошлись навеселе. А дней через сорок наставник мой отошел [в иной мир], да будет им доволен Аллах! Я ниже расскажу.

Мы выступили из Герата и спустя семь месяцев у Денданекана Мервского произошло то поражение и великое событие; мы потерпели столько неудач. В пути Бу Сахль несколько раз говорил мне: "Слава Аллаху всевышнему! Какого ясного ума человек был Бу Наср Мишкан! Словно он видел день, который мы ныне переживаем". То, что сорвалось из уст Бу Насра

в том собрании, постарались дойнести до эмира и говорили: “Коль скоро этакие слова, сказанные начальником посольского дивана, доведут до противников, а он ведь мудрейший из столпов державы, то произойдет большая беда, и у противников прибавится смелости”. Эмир по этой причине страшно рассердился, но гнев свой сдерживал, покамест Бу Наср не скончался.

Я говорил в своем повествовании, что в собрании того дня шла беседа об изящной словесности. Хотя сия “История” становится [похожей] на “Сборник Суфьяна” [75] от приданной [ей] пространности, я все же внес в нее несколько бейтов из беседы в собрании того дня — повествование будет полней. Этих бейтов у меня не было и я расскажу, **[524]** как они попали в мои руки. В Герате жил человек, которого звали Кази Мансур, да будет над ним милость Аллаха. Он был весьма умел в отвлеченных рассуждениях и науках, в искусстве письмоводства, стихосложения и сочинения посланий, муж многодаровитый. Он понимал, что значит *бери хлеб насущный, простись с легкомыслием* и откажись от

мирских соблазнов, но пошел по другому пути: жил весело, вкусно ел и был общим любимцем в среде известных людей, так что всякое собрание, где он не присутствовал, ни во что не ставили.

У него были какие-то дела с Бу Сахлем Завзани и в силу связи по части словесности они постоянно бывали вместе и попивали вино. В тот день Кази Мансур вышел рано утром, отдался удовольствиям и порядочно выпил вина. Бу Сахль послал ему кыт'у в стихах, и тот сейчас же на обороте написал ответ тоже в стихах. Бу Сахль написал еще, и тот тоже написал, но [все же] не явился, и день прошел. Я страстно желал иметь у себя эти кыт'ы, /***592***/ покамест их не раздобыл. Получил я их случайно таким образом. Был некий ученый муж по имени Мас'уд, происходивший из рода Мансура, однако он расходился в мнениях с этим Кази. Все, что сочинялось в таком роде, он сберегал. Когда в Герате поднялось восстание, сей благородный законовед покинул свою родину и, странствуя, добрался до Арслан-хана, сына Кадыр-хана, который был властителем Туркестана. Там он пробыл много лет,

окруженный большим вниманием и уважением, потому что был человек выдающийся в науках и умении говорить поучительные речи [76]. Когда он увидел, что дело того царства близится к распаду из-за нетерпимости и раздвоения между братьями и родичами — *разумный чует* — он попросил позволения отправиться сюда, получил [его] и приехал в четыреста тридцать восьмом году. Приятностью речи он полонил сердца знатных и простых людей этого города, был принят, приближен и снискал любовь царского собрания. По этой причине он сделался именитым и видным человеком и ныне, в лето четыреста пятьдесят первое, он сделался еще знатней, благодаря расположению к нему великого султана Абу Музаффара Ибрахима, да продлит Аллах его владычество. На этом его дело не остановится, ибо он человек молодой, доблестный и превосходный. Поскольку он мне друг полезный и надежный и поскольку я водил с ним хлеб-соль и мне приводилось участвовать [с ним] в собеседованиях, то я помянул его в сей “Истории” и соблюл условие дружбы.

Стихи, кои написал шейх Абу Сахль Завзани

*О сердце собраний, пред славой которого сгибаются шеи!
Коль призыв наш ты примешь, собутыльников скуку развеешь.
Сокруши же тоску по питью, но вино пусть ее не изгонит!
Сделай милость, явись, в собравшихся жажда свиданья горит.
Отбрось отговорки, о чистый душою, и с нами сомкнись, **[525]**
Разлука с тобою — горька, а нрав твой — нам сладок.
Приди, в самом деле, тогда песнь, вино и юность придут.
Великодушие твое — настоящее море, а даровитость твоя — дождящая туча.
Взаправду, мир — темен, а твои превосходства — светило*.

Немедленный ответ Кази [77]

*О душа собрания, счастливый, почтенный, разумом чистый!
Твой лик — сияющий образ, ум твой — верная мысль. /***593**/
Весь мир у тебя, и прийти бы к тебе надлежало,
Но держит пьянство меня, я не в силах на любезность ответить,
У того я остался, кто объемлет все лучшие вещи,
Если б смог разделить я себя пополам, то было б прекрасно,
Однако не в силах я это свершить, и сердце пламя сжигает.
В строках писания сего, извинение свое начертал я*.

Ответ Бу Сахля

*О сердце собраний!
Хоть ты от меня отвернулся, но я от тебя не уйду.
Все, что есть у тебя, для меня великая честь, все, чего нет у тебя, — убыток.

Лицо твое — полный месяц, выглянувший из-за туч,
Близость твоя — сад прелестный, отказ твой — лес неприятный.
Посещенья твои для меня навеки приятны:
Ты словно даешь нам юности воду,
Иль дождь низвергаешь на орошенья просящую землю,
Даже мертвого, в прахе лежащего, будто снова к жизни приводишь*.

*После того, как его обуяло опьянение, Мансур написал:

Ноги отнялись мои, когда я мост перешел.
Ежели хочешь, прими мое извинение.
Странная вещь — сей кубок вина,
Кто меры не знает ему, того он пьянит*.

Вот какие были замечательные люди. Все трое они померли, да смилуется над ними господь; придется и нам уйти. Да будет благополучно окончание дел, *ежели будет угодно Аллаху; велик он и всемогущ!*

Эмир, да будет им доволен Аллах, сел праздновать михреган двадцать седьмого числа месяца зу-л-хиджжа [78]. Доставили много даров и /***594***/ обильно осыпали монетами. Стихотворцам [государь] ничего не пожаловал, а на Мас'уда Рази разгневался и приказал отослать его в Хиндустан, потому что

говорили, будто он сочинил касыду и в ней давал султану советы. В той касыде были эти два бейта:

Враги твои были муравьи и стали змеями,
Скорей уничтожь муравьев, ставших змеями!
На нас не указывай боле и время не трать [понапрасну],
Ибо драконом станет змея, коль ей время дадут.

Бедняга подал прекрасный совет, хотя и сунулся не в свое дело. Стихотворцам сие не к лицу. Мутрибов [эмир] тоже не наградил, потому что в ту пору изливающая злато туча иссякла и дождила скудно. Начались споры. Жизнь пришла к концу, — такова на свете судьба людей и держав. Миновали и кончились дни михрегана.

1. 3 октября 1038 г.

2. ВМ: Убайдаллах.

3. 6 октября 1038 г.

4. В Худуд а л-Алем — Истах — упоминается вместе с укрепленным городком Секавендом в Газнийском округе, как местожительство турок халаджей.

5. В тексте *** — народ, обитавший в долине между Хутталаном и Чаганьяном, его связывают с эфталитами; H'A Min, 361-362; МИТТ, 255, пр. 3.

6. 23 октября 1038 г.

7. ***

8. *** — этим словом назывались деклассированные элементы города и деревни, главным образом разоренные произволом помещиков и феодальной администрации крестьяне, бежавшие из родных деревень и скитавшиеся по стране. Нередко они приставали к шайке воров и грабителей.

9. ***

10. *** — неясное в данном контексте слово.

11. *** — дословно: немножко вперед пройду и на руке взвешу, т е. попробую, попытаю.

12. 24 ноября 1038 г.

13. 8 декабря 1038 г.

14. *** — хранитель принадлежностей для игры в човган, придворная должность.

15. Султан Махмуд в 1025 г. переправился здесь через Аму-Дарью по понтонному мосту из судов, связанных между собой цепями. Бартольд. Туркестан..., 14—17; Barthold, Turkestan... 282, 301.

16. Т. е. с начала правления Мас'уда.

17. ***

18. 13 декабря 1038 г.

19. В оригинале, вероятно, по ошибке — эмир.

20. 15 декабря; по другим источникам правильней — во вторник.

21. ***

22. Перевод сделан с учетом предположения ГФ.

23. 19 декабря 1038 г.

24. 23 декабря.

25. 30 декабря.

26. 2 января 1039 г.

27. Шуман — область в восточной части равнины, соединяющей долины Сурхан-дарьи и Кафирнигана. Barthold, Turkestan... 74.

28. 8 января 1039 г.

29. 11 января.

30. Гардизи в немногих словах сообщает об этом походе деталь, о которой Бей-хаки умалчивает: “Оповестили павшего жертвой эмира [Мас'уда], что в Мавверанахре поднялось восстание по причине Бури-тегина и его войска, ибо от них доставалось мучение раиятам. Павший жертвой эмир вознамерился это поправить, потому что великий хан Кадыр-хан помер и к Бури-тегину раияты питали отвращение. Он [эмир Мас'уд] подумал, не сумеет ли он, воспользовавшись этим случаем, присвоить себе Мавераннахр. Посему он повелел навести мост на Джейхуне, войско переправилось по мосту и пошло в Мавераннахр”. Zainu'l Akhbar, 104—105.

31. 25 января.

32. 27 января 1039 г,

33. 1 марта, четверг.

34. 7 марта, вторник.

35. 16 марта.

36. 19 марта.

37. *** — т. е. вроде просто офицера.

38. 16 марта 1039 г.

39. 29 марта.

40. 6 апреля, пятница.

41. ***

42. 14 апреля 1039 г.

43. *** — смысл фразы не совсем ясен.

44. 12 мая.

45. 27 мая 1039 г.

46. Как явствует из дальнейшего, этот Бури-тегин не илек, ранее упоминавшийся, а, вероятно, один из перебежавших на сторону туркмен гулямов.

47. 13 июня 1039 г.

48. Т. е. по правилам военного искусства, обычным для того времени в войсках правителей государств, а не по обычаю кочевников.

49. ***

50. Поговорка, т. е. делать только вид, что исполняют задание.

51. 28 июня 1039 г.

52. ***

53. Т. е. не остановятся.

54. Дей — месяц старого иранского календаря, соответствующий времени 23 декабря — 21 января. См. примеч. 47 к летописи 421 г. Наиболее холодная пора зимы.

55. Таммуз — месяц сирийского календаря, соответствует июлю. Наиболее жаркая пора лета.

56. Т. е. до берега Аму-Дарьи.

57. Т. е. ad statu quo ante.

58. ***

59. ***

60. Возможно, что отрывок текста, начиная со слов “Положение смягчилось” до сноски, с повторением уже сказанного выше, не в порядке или попал сюда из какого-то другого места.

61. ***

62. ***

63. ***

64. ***

65. Июль-август 1039 г.

66. *** — чтение сомнительно.

67. ***

68. Т. е. Тегин Славянин.

69. 24 августа 1039 г.

70. ***

71. ***

72. ***

73. ***

74. Т. е. на тебя меланхолия напала.

75. *** хотя в привлеченных списках — ***. По поводу исправления см. ГФ, 591, примеч. 1, и комментарий, стр. 705. Абу Абдаллах Суфйан ас-Саври (ок. 714—778) — составитель обширного труда по мусульманскому праву (фикх), который по обилию заключавшегося в нем разнообразного материала в шутку сравнивали с Ноевым ковчегом.

76. ***

77. На ту же рифму, что и стихи Бу Сахля, с окончанием — ***

78. 16 сентября 1039 г.

ЛЕТОПИСЬ ГОДА ЧЕТЫРЕСТА ТРИДЦАТЬ ПЕРВОГО

В четыреста тридцать первом году первым его днем был вторник. Эмир обязал себя каждый день до открытия приема тайно совещаться до позднего утра с везиром, столпами державы и военачальниками. Беседовали о важных делах предстоящих и удалялись, а эмир садился и по сему же поводу до вечера работал. Никогда не видали, чтобы он столько трудился. Со всех сторон приходили письма, что враги тоже налаживают свои дела, что они поддержали Бури-тегина людьми, так что тот [мог] несколько раз крепко сразиться с сыновьями Али-тегина и их побил. Уже близко [к тому], что он отнимет у них область Мавераннахр. Сын Алтунташа Хендан тоже завязал дружбу с тем народом, и на

Джейхуне повсюду открыли заставы. Люди начали приходить, жаждя пограбить в Хорасане. В одном письме я даже читал, что в Амуе видели старуху однорукую, одноглазую и одноногую с топором в руках. “Зачем пришла?” — спросили ее. “Я, — говорит, — слышала, что сокровища недр хорасанских будут выкапывать из-под земли, вот и пришла унести немного”. Эмир над этими вестями смеялся, но людям, понимавшим подоплеку дела, это было весьма тягостно.

Качали доставлять то, что было затребовано из Газны, прибывали добавочные войска. Бу-л-Хасан Абдалджалиль тайно совещался с эмиром, да будет им доволен Аллах, и сказал: “У нас, у тазиков, лошадей и верблюдов добавочных /***595***/ много. Эмир пришел с ратью и нуждается в пополнении, а мы все сделали по милости и благодаря могуществу его. Следовало бы составить список и против имени каждого что-нибудь написать”. Целью его при этом была не услуга, по злонравию и мерзости он просто хотел против имени моего наставника Бу Насра кое-что проставить. Он знал, что тот не согласится, будет

возражать, и эмир к нему почувствует неприязнь. Эта речь эмиру не показалась неподходящей и Бу-л-Хасан собственной рукой составил список и внес в него всех вельмож. Каждый из них произнес “слушаюсь” и представил [требуемое], а что у них в сердце делалось, ведал один господь бог, велик он и всемогущ. **[527]**

Бу Наср разбушевался [1]: [все] до одной лошади и верблюды [у меня], дескать, в работе! Он возмущался и говорил: что коль скоро дело Бу Насра дошло до того, что по слову этакого человека как Бу-л-Хасан на него пишут столько скота, то для него краше тюрьма, унижение, нищета и смерть. Он попросил лекаря Бу-л-Ала передать устно, дескать, слуга [государя] уже состарился и то немногое достояние, что у него есть, получено за службу, ежели в нем есть нужда, то надлежит государю повелеть. Какую крепость соизволит указать государь, чтобы слуге [его] туда отправиться и сесть? Бу-л-Ала спросил: “Известно ли хорошо ходже, что я его старинный друг?” “Да”, — ответил Бу Наср. “Это сообщение неладное, потому что султан не тот, что

был раньше, он придирается ко всем. Не нужно, чтобы произошла беда. Да простится мне, но я не могу слушать непотребные слова на твой счет”. Мой наставник написал записку очень резкую и подробно перечислил в ней все, что у него было немого и говорящего. Устное сообщение, которое он просил передать Бу-л-Ала, было изложено еще обстоятельней. Он пришел в висак Агаджи — такого легкомысленного шага юн никогда в жизни не совершал, — тот начал лебезить и ухаживать. Бу Наср вручил ему записку и Агаджи заверил, что найдет подходящее время передать записку [эмиру]. Наставник мой возвратился в диван и стал через других лиц торопить Агаджи, покуда тот вынужденно подал [ее] в то время, когда эмир был разгневан прибывшими неприятными известиями.

Выйдя от султана, Агаджи позвал меня и сказал: “Сообщи ходже-начальнику, что я [записку] передал, государь сказал “прощаю” и сказал по-хорошему, пусть ходжа не тревожится”. Он вернул мне записку обратно и сказал потихоньку: “Не говори твоему наставнику, не то он опечалится; эмир отшвырнул

записку, очень рассердился и сказал: /***596***/ “Виноват не Бу Наср, а мы, что оставили [ему] триста тысяч динаров, которые предлагали отобрать [от него]” [2]. Я возвратился в диван, положил перед ним записку и передал ему первые слова [Агаджи]. Он поклонился, несколько времени молчал, [потом] ушел и позвал меня. Когда мы покушали, он уединился со мной и промолвил: “Я знаю, то были не слова эмира. Ежели Агаджи сообщил иное и убедил тебя мне этого не говорить во имя дружбы и хлеба-соли, которую мы уже давно разделяем с тобой, [ты все же] скажи, дабы я разобрался в деле”. Я рассказал слова Агаджи. “Я так и знал и ждал этого, — промолвил он, — горе тому презренному, кто служит царям, ибо нет в них верности слову, чести и милосердия! Во всякой беде я сохранял стойкость духа и по слову каких-то бу-л-хасанов не дам ничего”. Я ушел, а он потом оставался печальным и задумчивым.

Эмир, да будет им доволен Аллах, [все же] соблюдал его достоинство; однажды он поднес ему вина и оказал много ласки. Бу Наср **[528]** возвратился домой радостный, воспрянув духом. Он позвал Бу Мансура

Тейфура, лекаря, присутствовал я, пришли и другие мутрибы. Явился также Бу Са'ид Баглани, он был помощником моего наставника в должности начальника почты в Герате. Между прочим Бу Са'ид сказал; “Мой садик красиво расположен в полуфарсанге от города, господин доставит [мне] удовольствие, ежели завтра пожалует туда”. “Прекрасно”, — ответил Бу Наср. Бу Са'ид удалился, чтобы устроить, дело, и мы тоже ушли. На другой день я был дежурный и пришел в диван. Мой наставник отправился в сад и велел Бу-л-Хасану Дилыиаду приехать туда же; приехали Бу Наср Тейфур и еще несколько человек. В час вечерней молитвы наставник мой возвратился обратно, потому что был вечер пятницы [3].

На следующий день он явился во дворец и после приема пошел в диван. День был очень холодный. Он сел в уголку в суффе сада Аднани. Дул сильный ветер. Потом он пошел к эмиру и представил ему пять-шесть писем, снова вернулся в суффу, написал ответы и [вдруг] поник. В одночасье у него приключились паралич лица, паралич тела и сакта [4].

Был день пятницы. Уведомили эмира. “Нечего Бу Насру представляться недужным, чтобы не пойти со мной в поход”, — заметил эмир. “Не такой человек Бу Наср, чтобы так поступить”, — сказали Бу-л-Касим Кесир и Бу Сахль Завзани. Эмир велел Бу-л-Ала сходить туда и принести сведения. Бу-л-Ала пришел, человек лежал пластом. Что нужно было посмотреть, [лекарь] посмотрел и, оставив надежду, вернулся к эмиру и сказал: “Да будет /***597***/ долгой жизнь государя! Кончился Бу Наср, надо поискать другого Бу Насра”. “Что ты говоришь?!” — о болью вскричал эмир. “Да то, что слуга [твой] сказал. В один день у него сразу случились три тяжких болезни, из которых даже от одной избавиться нельзя. Жизнь — в хранилище у господа бога всевышнего; ежели он даже останется жив, полтела действовать не будет”. “Жаль Бу Насра”, — промолвил эмир и встал.

Ходжи явились к изголовью Бу Насра, много плакали и сокрушались. Его положили в слоновые носилки, пять-шесть носильщиков подняли его и отнесли домой. В тот день он оставался жив и в ту ночь, а на

другой день отправился [в последний путь] [5], да смилуется над ним Аллах! Говорили, будто ему дали слишком много тыквенного вина с небизом в тот день, когда он был в саду, в гостях у помощника — эмир взял пять тысяч динаров с того помощника — и много всяких рассказов передавали о смерти Бу Насра. Мне нет дела до них, знать [истину] может господь бог, велик он и всемогущ, ибо все померли. Только одно мне ясно — не хочу собственности на земле [6]. Что достанется плоти после больших мучений с нею связанных? Ясно ведь, что унесет с собой человек, когда помрет, хотя бы он имел много богатства и высокий сан. Чего только не было у этого вельможи: и сила, и богатство, и **[529]** счастье, и высокое положение, и мудрость и ясный ум, и знание. Тридцать лет он трудился, не видав ни одного радостного дня. Его деяния, сообщения и обстоятельства жизни таковы, как упомянуто в “Макамах” и в сей “Истории”. Однако надобно знать достоверно, что *закончились на нем дарование, красноречие и здравый смысл*; он более достоин

того, что говорится о дебире Бу-л-Касиме Искафи, да будет над ним милость Аллаха, стихи:

Скорбь охватила посольский диван, бездействуют Перья и книги по причине утраты его.

Поскольку он мной дорожил, и я девятнадцать лет был ему дороже его сыновей, видел от него много ласки и приобрел благодаря ему имущество [7], высокое положение и славу, то счел обязательным показать и рассказать о некоторых его добродетелях и выдающихся деяниях, кои для меня стали ясны. Я сумел показать только из двух одно, исполнить лишь один долг из многих, кои лежат на мне. Когда я закончил хутбу, срок жизни сего вельможи истек; как [теперь] будет проходить остаток “Истории”, когда даже имя Бу Насра не будет писаться. В своем сочинении я заставлю /***598***/ перо немного поплакать по нем и приведу [отрывки] из поэзии и прозы знаменитых [мастеров], кои соответствуют подобным [ему] людям и подобным скорбным событиям, дабы мне и читателям сказать [ему] последнее прости. Затем я снова вернусь к

изложению истории, ежели захочет Аллах всевышний.

ВСТАВКА

После его смерти не бывало никогда, чтобы я не задумывался над теми его глубокого смысла словами, кои он высказывал. Похоже на то, что я вспомнил стихи, которые Бу-л-Музаффар Каини [8], дебир, сочинил на смерть Мутанабби, да будет над ним милость Аллаха, вот они, стихи:

*Ныне паству свою не уважил Аллах,
Вверг в несчастье, лишив нас мастера слова,
Второго не видит народ Мутанабби,
А если увидит другого, то кто ж он?
Величием души своей он знаменит,
Великолепием похож он на царя,
В речах своих он был пророк, но только
Объявлялись чудеса его в их смысле*.

И не бывало ни разу, чтобы я, проходя мимо двери его серая, не произносил двух бейтов, кои Бу-л-Аббас Забби [9] сочинил однажды, шествуя мимо двери серая Сахиба после его кончины, да будет над ним милость Аллаха, вот они, стихи: **[530]**

*О дверь, почему над тобою печаль?
Где ж завеса твоя, где привратник?
Где он, к кому прибегали во люди?
В прах во прахе он превратился теперь*.

И Бу Нувас, да смилуется над ним Аллах, сказал прекрасно стихи:

*Немало лиц прекрасных под землей,
Красы немало нежной под землей, /***599**/
Умов немало смелых под землей,
И стройных тел немало под землей.
В ком жизнь есть и сын живого — смертны,
И родовитый искони — умрет!*

А Рудаки говорит:

О ты, кто скорбит не попусту
И втайне роняешь слезу
По тому, кого я поминаю!
Боюсь, тебе тяжко от злодейки-судьбы —
Ушел тот, кто ушел, что свершилось — свершилось.
Что было, то было; напрасно зачем горевать?
От мира ты ждешь постоянства?
Но это же мир, где быть ему постоянным!
Не кричи в исступлении, он крика не слышит,
Не взывай громко, он воплей не слышит,
Стенай хоть до дня воскресения из мертвых,
Где же вернешь стенанием ушедшего!
Много обид ты потерпишь от неба,

Коль печалиться будешь по каждому случаю.
Кажется, будто беда от него предназначена
Всем, кому сердце ты отдаешь;
Не видно ни облака и мглы никакой,
Вдруг месяц закрылся, и мир весь во мраке.
Дашь ли приказ иль не дашь, я боюсь,
Ты себе не добьешься победы ни разу
Покуда ты в сердце не сломишь рать скорби.
Принеси-ка ты лучше и выпей вина!
В жестоком несчастье ведь познаются
Мудрость, величье души и главенство.

Кончину сего большого человека сочли безвременной и было даже так, что говорили: “*Он прижигал раскаленным железом мозг и сердце [людей] и разрывал их на куски, ранил души и внутренности и сжигал их, наполнял печалью груди и поражал их, устрашением вызывал слезы из глаз и вселял в груди ужас, наделял умы разными мыслями, оставляя после себя расцарапанные щеки, пролитые слезы и прегражденные пути; но удивительно, как превозносили его, утратив, как почитали, когда он сошел в могилу! Пришла пора плакать /***600***/ над ним, оплакивать дарование его, сожалеть вместе с сияющими звездами, лишиться его вместе с

достоинствами и прекрасными свойствами [его] и сказать похвальное слово за труды и памятные деяния его. Ежели **[531]** бы взамен смерти могло бы быть пожертвовано имущество, все, что помогает жить, даже слух и зрение, то люди благородные принесли бы жертвы за этого выдающегося человека ради того, чтобы спасти ему жизнь. Так-то. Но нет несчастья с верой и нет печали с Кораном и достаточно утешающего писания божьего при смерти неизбежной. Подлинно Аллах, да славится поминание его, облегчает тягость невзгод и дает утешение в несчастье напоминанием о повелении божием главе посланников [его] и печати пророков, да будут благословения божий над ним и всеми ими и да будет он доволен тем преславным, совершенным садром, и да соделает рай прибежищем и местом его пребывания, да простит ему прегрешения и облегчит ему отчет [на страшном суде]. И да пробудит нас [Аллах] от сна равнодушных. Аминь, аминь, о владыка миров!*”.

Эмир, да будет им доволен Аллах, послал Бу-л-Касима Кесира и Бу Сахля Завзани, чтобы они сели и

совершили обряд оплакивания. Они пришли и просидели целый день, покамест не исполнили все должное. Гроб его отнесли в степь, и множество народу молилось за него. В тот день явились сипахсалар и старший хаджиб со многими вельможами. Удивительно было и примечательно: близ тех двух могил, которые Бу Наср видел и сказал: “О если, бы я был с ними третьим”, — находился рабат, и могилу для него сделали в этом рабате. Он оставался там дней двадцать, потом отвезли в Газну и похоронили в рабате, который он построил в Ляшкери, в его саду.

Хороших, годных гулямов, кои были невольниками, отвели в серай султана, а на лошадях, верблюдах и мулах поставили султанское тавро. Те несколько голов из них, которые от него требовали, а он возмущался, теперь с такой легкостью он бросил и ушел. По повелению [эмира] явился мушриф Бу Са'ид, чтобы описать казну [Бу Нас-ра]. Все, чем человек владел, было точно [указано] в той записке, которую он отнес эмиру. Перечень вышел такой, что не обнаружили ни на волосок больше того, что [он

сам] написал. Эмир изумился честности сего человека при жизни и по смерти и очень его хвалил. Всякий раз когда о нем заходила речь, [государь] скорбел и сожалел, а Бу-л-Хасана Абдалджалиля поносил и называл неблагодарным.

На тайном совещании эмир отдал главенство в посольском диване ходже Бу Сахлю Завзани с тем, чтобы я состоял при нем помощником. На негласном совещании он говорил: “Не будь Бу-л-Фазл столь молод [10], /***601***/ я эту должность отдал бы ему, потому что Бу Наср еще до кончины своей, на последнем пиру, тишком сказал мне: “Я, мол, стал **[532]** стар, дело пришло к концу. Ежели помру, то Бу-л-Фазла надобно сохранить”. И везир тоже говорил [о нем] хорошие слова”. В час предзакатной молитвы я пошел к везиру — он был во дворце — и поблагодарил его. “Не меня благодари, а наставника благодари своего, ибо перед кончиной он сказал то-то и то-то, а эмир сегодня на тайном совещании [это] повторил”. Я помолился и за живых и за мертвого.

Работа не ладилась. Бу Сахль приходил и садился в этому саду в сторонке, покамест не надел на себя халат, драгоценный халат. В халате он отправился домой и ему славно воздали должное, ибо власть он имел значительную. В диване он сел в халате же в среду, одиннадцатого числа месяца сафара, и начал вершить дела. Был он весьма неприязнен. В работе я сколько мог старался ради его знатности и высокого сана, но когда я несколько времени терпел его злобность и коварство и понял, что он действует во всех отношениях наперекор Бу Насру Мишкану, я написал записку эмиру, да будет им доволен Аллах, как полагается писать в случаях просьбы об отставке от должности дебира. Я говорил: “Бу Наср, дескать, для [меня], слуги, [государя], был силой, но когда он приказал долго жить Высокому собранию, обстоятельства переменились; у [меня], слуги [государя], сила, что была в сердце, исчезла, но есть у слуги [твоего] старинные заслуги, и не должно, чтобы наставник мой со мной не соглашался в мнениях, потому что он человек злонравный. У государя есть еще должности, ежели высочайшее

усмотрение сочтет возможным, я займусь другой, службой”.

Эту записку я вручил Агаджи, он ее представил и принес обратно с надписью эмира на обороте ее: “Хотя Бу Наср помер, но мы живы и знаем тебя достоверно, зачем такое отчаяние?” Сей царственный ответ государя поднял во мне дух. Великодушие этого падишаха и его милость столь снизошли к слуге, что в негласной беседе с везиром он сказал Бу Сахлю: “Бу-л-Фазл тебе не подручный, он был дебир моего отца и доверенный человек его, обходись с ним по-хорошему. Ежели он будет жаловаться, я заодно с тобой не буду”. “Слушаюсь”, — ответил тот. Потом [государь] сказал везиру: “Бу-л-Фазла я препоручаю тебе, заботься о его деле”. Везир мне об этом сообщил тайком и меня ободрил. Дело мое [было] в порядке. Этот мой наставник меня очень полюбил и соблюдал ко мне уважение, покуда падишах оставался в. живых. Но после него дело переменилось, потому что переменился человек. Отчасти вина лежала на мне, и наступила суровая полоса жизни: я еще в молодые годы попал в клетку,

/***602***/ были совершены ошибки; я то поднимался, то падал и испытал много мягкого и жесткого. Прошло двадцать лет, и я все еще наказан за то, а все прошло. **[533]**

Большой человек был этот мой наставник, я не скажу негладкого слова. Но как мне было не упомянуть об этих обстоятельствах в “Истории”? Ежели я рассказываю о друзьях и вельможах, то поведал и о себе, а потом снова вернулся к делу; пусть не говорят, что Бу-л-Фазл, уподобившись Сули [11], начал сам себя прославлять, — Сули о халифах из рода Аббасова, да будет ими доволен Аллах, написал сочинение, название коему положил “Аврак”; он потратил много труда, потому что был человек ученый и единственный в свою пору [знаток] словесности, грамматики и составления словаря, подобных ему в столетие появляется мало — так он стал расхваливать себя и свои стихи. Стихов он сочинил много, люди даже заголосили “помогите!” и отнесли это к его неумеренности. Между прочим, он под каждой касыдой подписывал: “Когда я ее прочитал Абу-л-Хасану Али, сыну Фурат ал-Везира

[12], то сказал, ежели бы везир заказал у стихотворца Бухтури касыду в таком же роде и размере и с такой же рифмой, то везир от нее убежал бы". Везир рассмеялся и промолвил: "Верно!" Люди долгое время потешались над этим, читатели и теперь посмеялись бы, но поскольку я, Бу-л-Фазл, осведомлен об этом случае, то не пойду по пути Сули и восхвалять себя [не стану]. Это я написал, чтобы старики махмудовцы и мас'удовцы, узнав про сие, не упрекнули бы меня. *Да удержит нас Аллах от ошибок и ложных шагов по необъятной милости его превосходства!*

ПОВЕСТВОВАНИЕ О БИТВЕ СУЛТАНА МАС'УДА С ПОТОМКАМИ СЕЛЬДЖУКА ПОД МЕРВОМ

В среду, восемнадцатого числа месяца сафара эмир, да будет им доволен Аллах, выступил из Герата в Пушенг с очень большой снаряженной ратью, с боевыми слонами, со множеством пехоты и легчайшим обозом. В Пушенге он приказал построиться в боевой порядок: султан— в большом полку, сипахсалар Али — в полку правой руки, стархпий хаджиб Субаши — в полку левой руки.

Пири /***603***/ Ахур, салар, Бай-тегин Айдусонкор и хаджиб Бу Бекр со всеми курдами и арабами и пятьюстами хейльташей — в передовом полку. Ар-тегину, дворцовому хаджибу, [государь] пожаловал драгоценный халат, а салару [Пири] Ахуру дал двурогую шапку и пояс и сделал его заместителем хаджиба Бектугды, дабы он приказывал дворцовым гулямам то, что нужно приказать по распоряжению хаджиба. Было и множество индийцев как конных, даги [13], так и пеших с именитыми начальниками, распределенных по полкам большому, правой и левой руки и сторожевому. Точно так же и дворцовая пехота, большей частью на верблюдах-скороходах. Было в этой рати и пятьдесят слонов из самых отборных. Все признавались, что этакой рати еще не видывали. Переполох поднялся на свете от движения сей огромной рати. **[534]**

Тогрул находился в Нишабуре. Когда эмир дошел до Серай Сенджад [14] на распутье дорог в Нишабур и Туе, решение его остановилось на том, чтобы пойти на Туе, дабы Тогрул, не слишком беспокоясь, оставался [на месте] и выступил бы из Нишабура

поздней, а эмир тем временем бросится через Нук в Устуву и преградит пути, так чтобы он не мог уйти в Нису. Поскольку он не сможет пойти по той дороге, то его можно будет поймать, ежели он двинется по дороге на Герат и Серахс. С таким намерением эмир направился в Таберан Тусский и пробыл там два дня в Са'дабаде, покуда подтянулась вся рать. Потом он двинулся к Чешме и Ширхан. [Там] он принял слабительное, выждал действие лекарства, слегка соснул и в час предзакатной молитвы потребовал привести слониху, сел и дал распоряжение везиру, чтобы в час молитвы на сон он выступил [и чтобы] с везиром была пехота, обоз, барабан, знамя, хаджиб Бектугды и дворцовые гулямы, а рать [шла бы] за ним следом. Сказав это, он поспешно погнал слона, как бывает в набегах. При нем находилась тысяча дворцовых гулямов, две тысячи конников разного рода и две тысячи пехоты /***604***/ в полном вооружении на верблюдах-скороходах. После его ухода неназначенные войска [тоже] начали уходить; везир, сколько ни бился, остановить их не мог, тогда он

тоже дал приказ выступать. В час вечерней молитвы снялись с места и пошли.

Тогрул на дороге держал всадников на добрых конях. Услышав, что эмир направился в Туе, он решил, что преградит ему пути и быстро потянулся в Ун. По удивительному совпадению — видно Тогрулу не суждено было попасть в плен — султан принял немного терьяка, но не выспался и после часа молитвы уснул на слоне. Слоноводы, узнав об этом, не осмелились шибко гнать слона и вели его медленно, шагом. Султан спал почти до зари, и удобный случай был упущен. Ежели бы он не спал, то на рассвете нагрянул бы на Тогрула. Я находился при нем. Когда рассвело, мы погнали быстро, так что рано утром были в Нуке. Там [государь] остановился и сотворил утреннюю молитву. Пробили в медную литавру, находившуюся на верблюдах-скороходах. Эмир погнал слона еще шибче. Хаджиб Бедр с отрядом курдов и арабов и хаджиб Ар-тегин с пятью сотнями дворцовых гулямов отправились для весьма сильного нападения. Когда они прибыли в Худжан, в селение Устуву, Тогрул уже рано утром оттуда

убрался, ибо [до него] долетел звук литавры, и он убежал через горный перевал, так что в спешке побросал много тяжелой поклажи.

Эмир поспевал за ним вплотную. Это было в воскресенье, в пятый день месяца раби ал-эввель [15]. Он остановился очень рассерженный из-за упущенного удобного случая, клял себя и людей и ругался непристойно, так что я никогда не видел его в таком гневе. Он сейчас же отправил Тегина Джелами, боевого отважного наездника, и он имел... [16] с пятью сотнями хейльташей в погоню за беглецами. И **[535]** другого народа пошло много с сильной жаждой что-либо добыть. В час вечерней молитвы они вернулись обратно, доставив много всякого добра [17], и сообщили: “Тогрул здорово торопился, по дороге он держал свежих лошадей, так что его и не видали. Однако до одного отряда мы добрались, говорили, что во главе его были Сулейман, /***605***/ сын Арслана Джазиба и хаджиб Кадыр. Ущелье было тесное, они знали дорогу и ушли в горы, готовые к бою. Еще мы нашли одну шайку, но оказалось, что то были не туркмены”.

Здесь эмир на два дня сбросил вьюки, чтобы дать роздых войскам. Сюда же к нам приехали Бу Сахль Хамдеви и Сури с хаджибом-джамедаром, Говхара'ином Хазинедаром и другими предводителями и человек пятьсот всадников. Эмир им приказал: “Надобно, мол, отправиться в Нишабур и город прибрать к рукам, потому что пришло письмо от Бу-л-Музаффара Джумахи, начальника почты, что он-де вышел из потайного места, и потомки Али с ним единодушны, а знать бунтует и крамольничает, покамест город не приберут к рукам. Надобно заготовить продовольствия, сколько окажется возможным, ибо остаток зимы мы-де простоим там”. Они поехали. Эмир пошел наступать дальше и поспешил в Баверд. Везир приказал войскам, кои были назначены для этого наступления, следовать за эмиром. Эмир наступал с конницей налегке и на добрых лошадях. Заняли долину Бирахи [18].

Когда Тогрул достиг Баверда, он застал там Дауда и йиналовцев со всеми туркменскими войсками. Всем обозам было сказано уходить поспешно в пустыню,

дескать, мы немного погодим, постреляем, потому что падишах пришел в другом виде. Когда они собрались это сделать, дозорные, стоявшие на горах, поскакали друг к другу и передавали: султан прибыл! Весть доставили Тогрулу, Дауду и прочему люду. Обозы погнали. Покуда мы по холмам добирались до Бавердской степи, они уже удалились на некоторое расстояние, так что [эмир даже] получил просьбу: не пойдет ли он быстрей. Но случилось так — без желания господа бога, да славится поминание его, ни одно дело не подвинется, — что поймали одного сына вольноотпущенника. Хаджиб привел его к эмиру, и от него были спрошены сведения о туркменах. Он показал: “Уже несколько дней, как Али и Микал отвели обозы в пески Нисы и Феравы, а вельможи и предводители с многочисленным войском стоят наготове на краю пустыни, отсюда далеко, в десяти фарсан-гах. У меня конь захромал, и я отстал”.

/***606***/ Эмир прекратил преследование. Подъехало несколько всадников из числа предводителей дозоров и доложили эмиру: “Сын вольноопущенника

врет, обозы угнали поздним утром, мы видели пыль”. Сипахсалар Али и другие возразили: “То была пыль от войска, ибо они не столь беспечны, чтобы держать обозы близко от себя”. Эмира **[536]** разуверили. Он много ездил, день стоял теплый, и он остановился на окраине Баверда. А ежели бы он все так же быстро поспешал или послал войско, то все было бы захвачено, потому что ночью прибыли наши лазутчики и рассказали, что у туркмен руки-ноги отнялись [от страха], и они отчаялись остаться в живых, и обозы от них весьма близко. Ежели бы [государь] подошел, важная цель была бы достигнута. Так как они испугались, то спешно погнали обозы, дабы уйти в Нису: их обуял великий страх и ужас. Коль султан двинется на Фераву, то не обязательно, чтобы они оказали сопротивление, потому что весьма нуждаются в продовольствии. Они говорят, дескать, сколько бы нас ни преследовали, мы пойдем дальше, покуда не наступит зима, а им [19]-де станет страшно и они повернут обратно; мы же весной вернемся воевать без обоза.

Услышав эти известия, эмир остался в Баверде. Он призвал вельмож и совещался [с ними] на сей счет. Бу Сахль, начальник дивана..., [20] сообщил свои соображения и то, что разведали лазутчики. Разное было сказано. “Мнение государя превыше всего, — произнес везир, — отсюда дорога не дальняя и мне кажется, нам лучше всего пойти в Нису, пробыть там несколько дней и расходовать тамошнее продовольствие, потому что страх и ужас врагов в том месте возрастет, и они убегут еще дальше. Дойдет слух и до Хорезма, а это полезно: ближним и дальним станет ясно, что султан пришел в Хорасан с тем, чтобы не уходить до тех пор, покуда беспорядки полностью не будут устранены”. — “Лучше и быть не может”, — промолвил эмир. На следующий день [государь] выступил и направился в Нису. В тех краях поднялась сумятица, и враги из Феравы потянулись в пустыню, а обозы отвели в Балхан-кух. Ежели бы попытались напасть на них, то исполнилось бы много желаний. Через долгое время было установлено, что положение врагов было таково, что Тогрул несколько дней не снимал с себя

сапог и кольчуги, а когда ложился спать, клал под голову щит. Коль скоро предводитель народа пребывал в таком состоянии, то можно понять, каково оно было у прочих.

/***607***/ Эмир простоял в Нисе несколько дней и пил вино, ибо местность была прелестная. Султанское войско из Хорезма прислало тайную записку и заискивало. Мы написали на нее ответы, записки с царской печатью. Везир сказал мне: “Все это обман, ибо они знают, что мы на них не можем посягнуть, во-первых, потому, что в этих краях голод, и рать здесь долго пребывать не может, чтобы потянуться в Хорезм и, во-вторых, потому, что в Хорасане, столь близко от нас, находятся враги, из-за которых мы пришли. Нас усыпляют пустой бутылью. Надобно дать добрый ответ хорезмцам, дабы они повесили головы и замолчали, ежели у них на сердце крамола”. Когда неприятель удалился в разные стороны пустыни, и продовольствие в тех местах **[537]** нельзя было достать, дело стало крайне трудным, и среди воинства поднялся крик и шум. Эмир, да будет им

доволен Аллах, вышел из Нисы и опять через Баверд и Устуву потянулся в Нишабур.

Казии, улемы и факихи и сыновья Казн Са'ида, кроме самого Казн Са'ида, который не мог по причине слабости, вышли навстречу до селения Устувы, называемого Худжан, в четверг, в половине месяца раби ал-ахир [21]. Эмир прибыл в Нишабур двадцать седьмого числа [22] и расположился в Баг-и Шадьяхе. Сури уже распорядился престол Мас'уда, на коем сидел Тогрул, и ковры с суффы все разбить на куски и раздать беднякам, построил новый и многое починил, а конюшни, кои соорудили, срыл. Эмиру это весьма понравилось и он его похвалил. Сури потратил много усилий, чтобы заготовить двадцатидневный запас продовольствия. Нишабур на сей раз был не таким, каким я его видел раньше: все пришло в упадок и благоустройства осталось совсем мало. Мен хлеба стоил три дирема. Хозяева срывали кровлю домов, продавали, но все же умирали с голоду с женами и детьми. Имения обесценились [23], дирем шел за данак [24]. Имам Муваффак, знаток хадисов, ушел с Тогрулом.

Через неделю эмир послал хаджиба Бедра в округу Пушт, хаджиба Алтунташа — в округу Бейхак, старшего хаджиба — в Хаф, Бахарз [25] и Исфанд, сипахсалара — в Туе и все окрестности /***608***/ набил войсками, а [сам] предался вину и удовольствиям. Погода стояла очень холодная, и положение было крайне тяжелое. Этакого голода в Нишабуре не помнили. Множество народу померло, воинства и раиятов. В это время я видел кое-какие примечательные вещи, их надо обязательно рассказать, ибо каждая из них содержит в себе предостережение, дабы люди умные лучше познали сей мир.

В Нишабуре было селение, называлось оно Мухаммедабад и примыкало к Шадьяху. Место превосходное, и один джуфтвар простой земли — в Нищабуре, Исфагане и Кермане это называется джериб — там покупали за тысячу диремов, а ежели на ней были деревья и она возделывалась, то за три тысячи диремов. У моего наставника Бу Насра там был серай, очень хорошо построенный, с садом на три стороны [26]. В том году, когда мы возвращались

из Табаристана, остановиться случилось в Нишабуре, и Бу Наср захотел прикупить еще земли, дабы от серая был сад на четыре стороны [27]. Он сторговался с тремя кедхудаями за десять тысяч диремов, написали купчую [28], засвидетельствовали, но когда хотели заплатить — я при этом присутствовал — наставник мой сказал, дескать, часть нужно будет взять серебром, а другую — золотом. Продавцы заупрямились. “Надобно [уплатить] все золотом”. Бу Наср немного подумал, потом взял купчую, разорвал и сказал: “Не надобна земля!” Владельцы земли одумались и извинились. “Нет, совсем не хочу”, — сказал мой наставник, и люди ушли. **[538]**

А мне он сказал: “И что за страсть у меня была в голове к покупке земли. Ежели положение на свете такое, как я вижу, то всякий, кто останется жив, увидит, что здесь будет так, что землю станут продавать по десяти диремов за джуфтвар”. Я ушел и подумал про себя: “Все это от перегоревшей черной желчи [29] у этого вельможи”.

В том же году мы приехали в Нишабур, и Бу Сахль Завзани расположился в этом же серае моего наставника. Однажды я пришел к нему и застал у него несколько дихкан, они продавали тридцать джуфтваров земли близ этого дома, чтобы на его имя сделать там сад и серай. За джуфтвар они просили двести диремов, он упирался, но в конце концов купил. Стоимость уплатили. Я улыбнулся, и он заметил — очень он был подозрительный человек, не было ничего, что в душе он с чем-либо не связывал бы. Когда люди удалились, он сказал мне: “Ну и потрудиться же мне пришлось, покамест сделка не состоялась”. Я уже собрался было уйти, какой спросил: “Ты улыбался, когда платили за землю, по какой причине?” Я рассказал ему случай с моим наставником Бу Насром и землей, которую он хотел купить. /***609***/ Бу Сахль долго думал, потом произнес: “Жаль, что Бу Наср помер! Мудрый он был человек и дальновидный. Ежели бы ты мне это рассказал раньше, я бы ни за что не купил, но теперь раз уже куплено и уплачено золотом, отказаться от покупки было бы некрасиво”. Впоследствии, когда у

Денданекана с нами случилось то событие, я получил сообщение, что положение в Мухаммедабаде стало такое, что джуфтвар земли продавался за один мен пшеницы, и никто не покупал.

Вернемся [ко времени] до события этого года — джуфтвар земли покупают по тысяче диремов, потом продают по двести диремов, потом за мен пшеницы, и никто не покупает ни одного шебанруза! Этакие вещи надо брать себе в назидание. Или, например, стеклянные багдадские стаканы, простые и конические, их, багдадских, покупали по динару, а продавали [потом] по три дирема. После нашего возвращения в Нишабур мен хлеба дошел до тринадцати диремов, и большая часть жителей города и округов погибла. Положение с продовольствием сделалось такое, что однажды я видел — я был дежурный и находился в диване — как сидели эмир, везир, начальник посольского дивана и времени ушло [у них] до пополуденной молитвы, покамест они справили пятидневный запас продовольствия, [ибо] у гулямов не было хлеба и мяса, а у лошадей — сена и ячменя.

После пополуденной молитвы мы покончили с продовольственным делом, и эмир, смеясь, говорил об этом случае. Странно и удивительно, что в это самое время прибыла спешная почта из Газны, [кто-то] [30] ее принес. Было письмо от газнийского кутвала Бу Али. [Эмир] прочитал и, обратившись к недимам, сказал: “Кутвал пишет и спрашивает: в кандуях сложили двадцать с лишним тысяч кафизов зерна, продавать ли **[539]** или хранить? В Газне у нас столько зерна, а здесь этакая нужда!” Недимы изумились.

Потом до дня кончины сего падишаха, да будет им доволен Аллах, произошло много достопримечательного; в своем месте я расскажу наиболее достойное упоминание, дабы читателям был ясно, что переменчивый мир сей не стоит ни полушки [31]. Положение с продовольствием дошло до того, что верблюдов водили до Дамгана, и жизненные припасы возили оттуда. Конечно туркмены вокруг нас не крутились — они были заняты собой, ибо голод и нужда были повсюду.

/***610***/ Эмир был недоволен Бу Сахлем Хамдеви, и тот из-за этого печалился и не знал, что делать. Везир скрыто притворствовал и в посредники пригласил Бу Сахля Мас'уда Лейса. Несколько дней приносили и уносили устные сообщения, покамест не порешили на том, что Бу Сахль Хамдеви окажет государю услугу в пятьдесят тысяч динаров. Бу Сахль Хамдеви письменно признал правильность требования [32] и сейчас же прислал деньги [33] в казнохранилище. Эмир велел дать ему дорогой халат. Он стал приходить в эмирские собрания и сидеть в недимах. Через несколько дней после этого [государь] приказал ему поехать в Газну, оставив нишабурскую должность, спустить вниз, что было спрятано в крепости Микали, и через волость Пушт потянуться в Систан, оттуда направиться в Буст. Газнийский кутвал подготовил его дело [34]. Был назначен… [35] с двумя сотнями конников сопровождать его [36]. Выехали из Нишабура и к хаджибу Бедру пошло письмо, чтобы он проводил их на пути и довел до границы. Тот исполнил. Они благополучно добрались до Газны со

всем, что при них было, и той беды, которую испытали мы, они не испытали.

Должность рейса Нишабура эмир дал Бу-л-Хасану Абдалджалилю с такой же [царской] грамотой и с таким же богатым одеянием, как эмир Махмуд дал Хасанеку: он пожаловал ему драгоценный халат, тайласан и дурра'у. Тот предстал пред лицо [государя], отвесил поклоны и удалился. Выкликнули коня “великого ходжи, рейса Нишабура”. Бу-л-Хасан Абдалджалиль вернулся домой и ему прекрасно воздали должное. Знатные люди и предводители нишабурские явились к нему, а он перед ними чванился: я, мол, такой же, как Хасанек. Но они не очень-то его слушали — как нынешнее время может походить на пору Хасанека? Тогда же пришли письма от халифа, да продлит Аллах его существование, чрезвычайно милостивые. Султану было распоряжение не уходить из Хорасана до тех пор, покуда пожар мятежа, вспыхнувший по причине туркмен, не будет погашен. Когда с этим будет покончено, надобно-де потянуться в Рей и Джибаль, дабы и те края очистить от насильников.

Ответ был такой: “Высочайший указ выслушан покорно. Намерение слуги [повелителя верующих] было именно таково. Ныне, когда указ прибыл, он как раз прилагает большое [к тому] старание”. **[540]**

Багдадский эмир тоже написал, искал сближения и опасался действий сего падишаха. Ему также был послан добрый ответ. Бакалиджару, правителю Гургана и Табаристана, эмир тоже послал с послом весьма прекрасный халат /***611***/ и любезное и милостивое письмо за добрые услуги в то время, когда Бу Сахль Хамдеви и Сури находились там. Бу-л-Ха-сану Кархи, который был казначеем Ирака и вернулся обратно с этими людьми, эмир пожаловал звание недима. Он постарел и приехал уже не тем Бу-л-Хасаном, которого я видел. Время переменилось, и люди и все вещи.

В четверг, восемнадцатого числа месяца джумада-л-ухра [37], эмир сел отпраздновать новруз. Принесли много даров, и было много благолепия. Он слушал стихи стихотворцев, потому что был весел в эту зимнюю пору и радостен: никакой смуты не было.

[Стихотворцам] он пожаловал награды, пожаловал и мутрибам. Походатайствовали за стихотворца Мас'уда. Эмир в награду подарил ему триста динаров через письмо [38] и [назначил] ежемесячное содержание в тысячу динаров [39] [из доходов] от торговых сделок [40] в Джеламе, однако сказал, что оставаться [ему] следует там. После новруза он начал готовиться к походу. Завершили остававшееся еще недоделанным. Сахиб-дивану Сури [государь] сказал: “Приготовься пойти с нами, так чтобы совсем не оставаться в Нишабуре, пусть здесь в Нишабуре заместителем будет твой брат”. “Слушаюсь, — ответил Сури, — я сам имел такое намерение, чтобы ни на мгновение не отлучаться от государева стремени из-за того, что со мной случилось в последнее время”.

Он поставил своим заместителем брата и приготовился. А еще эмир говорил: “Сури придется взять с собой; ежели Хорасан будет очищен [от врагов], его можно будет отослать [обратно], а ежели случится по-другому, то [надо], чтобы он не достался противникам, не то он возмутит против меня весь

мир”. Говорили еще, что это Бу Сахль Хамдеви снаушничал эмиру. Бу-л-Музаффару Джумахи эмир пожаловал халат и утвердил его в должности начальника почты. [Государь] дал халаты потомкам Али и их главе и Бу-л-Музаффара препоручил ему. За это время Казн Са'ид виделся с эмиром только один раз, но сыновья его постоянно являлись на поклон. В последние дни Казн Са'ид пришел проститься, пожелал [государю] добра и дал много наставлений и советов. Обоих его сыновей эмир подарил халатами и отослал домой в Газну.

Эмир выступил из Нишабура в Туе в субботу, за два дня до конца месяца джумада-л-ухра, на десятый день новруза. Через Дере-и Сурх он вышел в степь на дороги в Серахс, Нису, Баверд, Устуву и Нишабур и послал во все стороны готовые к бою войска с бдительными предводителями, /***612***/ с именитыми саларами, дабы они несли разведывательную и дозорную службу. Неприятель тоже зашевелился и **[541]** придвинулся к Серахсу с многочисленным народом. Он выслал дозоры навстречу нашей рати, и обе стороны были настороже. Происходили стычки.

Эмир раскинул шатер на холме, стал в боевом порядке и попивал вино. Сам он с главными силами рати не ходил на неприятеля, выжидая, когда созреют хлеба. В это время цены выросли настолько, что мен хлеба стоил тринадцать диремов и достать его было невозможно, а ячменя и в глаза не видали. Туе и его округу опустошили. У каждого, кто имел хоть мен зерна, [его] отбирали; Сури разорил эту область. Люди и животные гибли от бескормицы, было ясно, сколько они могли прожить без корма. Дело дошло до того, что рать от отсутствия продовольствия стала бунтовать, и начался развал.

Эмира уведомили и обстоятельно рассказали, что наступает разруха, надобно уходить, ибо ежели это не сделать, то произойдет нечто такое, что трудно будет поправить. Эмир двинулся оттуда в сторону Серахса в субботу, девятнадцатого числа месяца ша'бана [41]. Покамест мы шли до Серахса, пало столько животных, что счета не было. Люди от неимения съестного припаса и голода были изнурены и уныли. Мы прибыли туда за день до конца месяца ша'бана. Город был разрушен и без воды, не было ни

колоска злаков, все жители разбежались, степь и горы словно выжжены — травы никакой. Люди не знали, что делать, уходили и издалека привозили гнилое сено, которое добрые люди сваливали в степи. Его мочили водой и бросали животным. Одно-два мгновения они [его] жрали, потом отворачивались и тупо смотрели, покуда не издыхали от голода. Положение пехотинцев было ещё хуже этого. Вследствие этих обстоятельств эмир находился в полном замешательстве. Он созвал заседание с везиром, Бу Сахлем, столпами державы и войсковой старшиной. Говорили о том, как помочь делу. Ежели, мол, так будет продолжаться, то не останется ни людей, ни животных. Эмир сказал: “Хотя неприятель собрался вместе, я знаю, что и у них такая же нужда”. Ему отвечали: “Да будет долгой жизнь государя! Положение в Мерве иное [в смысле] обилия продовольствия. Самое для неприятеля благоприятное, что там, вероятно, сейчас уже поспели хлеба и он находится возле них. Покуда мы туда доберемся, животные у них отдохнут, наберутся сил и посвежеют, мы же на пути туда

ничего не найдем. Кажется, лучше государю пойти в Герат, /***613***/ потому что там, в Бадгисе и тех областях, есть продовольствие; нам бы пробыть там немного дней, а потом, оправившись, двинуться на врага". Эмир возразил: "То, что вы говорите — нелепо. Я пойду только в Мерв, что бы ни было, ибо неприятель идет туда; я не могу ежедневно возвращаться к этому делу". "Воля государя, мы повинуемся, куда бы он ни пошел", — ответили они.

Они удалились от него, оставив надежду, устроили тайное совещание и через Бу-л-Хасана Абдалджалиля и Мас'уда Лейса передали ему **[542]** устное заявление, дескать, идти в Мерв неблагоразумно, потому что стоит засуха и на пути, говорят, воды нет и продовольствия найти нельзя; людям в дороге станет страшно. Упаси боже, случится беда, которую трудно будет поправить. Те пошли и заявление передали. Эмир впал в сильную ярость, осадил обоих, изругал и сказал: "Все вы, сводники, сговорились твердить одно и то же и не желаете, чтобы дело вышло, дабы я пребывал в затруднении, а вы бы занимались воровством. Я вас

доведу до того, что все вы полетите в колодец и издохнете, дабы я избавился от вас и ваших обманов, да и вы бы от меня избавились. В другой раз чтобы никто мне не передавал этаких заявлений, не то прикажу рубить головы!” Ошеломленные, оба вернулись обратно к пославшим и молча сели. “Что он ответил?”, — спрашивали вельможи. Бу-л-Фатх Лейс [42] начал было рассказывать, приукрашивая слова [эмира]. Бу-л-Хасан оборвал его: “Не слушайте, не так говорил эмир. Недопустимо, чтобы вас, начальников, вводили в заблуждение, особливо в такую пору, при этом ужасе. Эмир ответил нам так-то и так-то”. Везир посмотрел на сипахсалара. Старший хаджиб обратился к сипахсалару: “Тут разговаривать нечего, воля государя. Мы — слуги и для нас лучше то, что нам желает государь”. [Все] встали и ушли. Об этом сообщили эмиру. С сипахсаларом уже произошло несколько случаев, а также с Али Дая, за кои эмир затаил большую обиду. Один заключался в том, что когда мы стояли в Тусе, пришло донесение от хаджиба Алтунташа, дескать, в той стороне, где я нахожусь, [неприятель] напирает,

есть нужда в поддержке. Ему был послан ответ: держись, мы-де приказали сипахсалару присоединиться к тебе. А сипахсалару написали: выручай, мол, Алтунташа. “Что я подчиняться должен Алтунташу?! — сказал сипахсалар. — К чему тогда литавра, барабан и дабдаба?” [43] И он приказал их изломать и сжечь. Эмира известили [об этом]. /***614***/ Потребовалось послать Мас'уда Лейса к сипахсалару, чтобы его задобрить. Тот отправился, однако дело не шло на лад, покамест эмир не позвал сипахсалара и не успокоил в личной беседе.

Подобных случаев было [много], наступало охлаждение, расположение эмира к вельможам пропадало, и они тоже, потеряв надежду, ходили оскорбленные до той поры, когда стряслось великое несчастье. Придя в серай и сев без посторонних в хергахе, эмир стал жаловаться слугам на везира и на войскового старшину и говорил: “Нет у них никакого желания покончить с этим делом, дабы я мог успокоиться от сего страдания и горя. И нынче такое же произошло. Как бы ни было, я завтра двинусь в Мерв”. Слуги отвечали, что государю-де не должно

их спрашивать, действовать надобно по своему разумению, как сам рассудил. Об этом известили везира, он сказал Бу Сахлю Завзани: “Ах, коль скоро измышление порядка действий перешло к слугам, то что же **[543]** делать [нам]?” Среди слуг был некий Икбаль Зарриндест, притязавший на сообразительность, и я не сказал бы, что он сам по себе был человек несмышленный, неизворотливый и немногознающий, но в подобного рода важных делах откуда у него мог быть кругозор. “Хотя это и так, — ответил Бу Сахль, — все же пусть ходжа печется о благе, не сдается окончательно и скажет еще раз”. — “Я тоже так думаю”, — промолвил везир, пошел в свой шатер и послал кого-то позвать Алтунташа.

Тот пришел, везир остался с ним наедине и сказал: “Из среды всех военных предводителей я потому позвал тебя, что ты человек не двуличный и разбираешься верно и точно в пользе дел. Я и сипахсалар и старший хаджиб — мы бессильны перед государем султаном; что бы мы ни сказали и честно ни посоветовали, он не слушает и нас подозревает. Теперь случилось такое несчастье: он

хочет пойти в Мерв, а нам это представляется неразумным. Всех ексуваров я вижу страдающими от голода и безлошадья. А дворцовые гулямы — народ более строптивый, хаджиб Бектугды жалобно кричит: гулямы, дескать, не хотят дела делать, говорят, что, мол, им привалило, что приходится голодать; долго они искали пшеницу и ячмень и ничего не достали, мол, ни с одним падишахом они эдак не ходили [в поход]. Ясно, сколько у них есть еще силы терпеть. Оставшиеся индийцы — пешие и голодают. Что скажешь, к чему клонится дело?”

[Алтунташ] ответил: “Да будет долгой жизнь великого ходжи! /***615***/ Я турок неотесанный, говорю напрямик и без стеснения. Эта рать, сколько я вижу, воевать не будет и нас предаст, ибо она бессильна и голодна. Боюсь, что когда явится неприятель, произойдет беда, которую не поправишь”. “Ты смог бы это сказать государю?”, — спросил везир. “Отчего же не сказать? Я был накибом хейльташей эмира Махмуда, в Рее он меня оставил с этим государем. Там я получил звание старшего хаджиба, и [государь] пожаловал мне много добра и высокое

место; ныне я на степени саларов, зачем же мне воздерживаться от совета?” — “Тогда после молитвы попроси негласного приема, — промолвил везир, — и расскажи это. Коль скоро он послушает, то ты окажешь большое одолжение сей державе и нам, слугам, дабы ты знал; а ежели он тебя не послушает, то ты этим снимешь с себя ответственность и исполнишь долг признательности”. — “Сделаю так”, — сказал Алтунташ и удалился.

Везир позвал меня, Бу-л-Фазла, и передал через меня устное сообщение Бу Сахлю, дескать, произошло то-то и то-то; это последний способ, посмотрим, что получится. Не будь турок столь простодушен и честен, он бы согласия не дал. Я пошел и передал Бу Сахлю. Этот сказал: “То, что лежало на сем чистосердечном советнике, он сделал, поглядим, что выйдет”. Везир послал своих доверенных людей к сипахсалару и старшему хаджибу и сообщил им, что прибегнул к такому-то **[544]** средству; за это его все поблагодарили. В час между двумя молитвами все явились во дворец, но каждый робел. Эмир находился в хергахе. Алтунташа подзадоривали,

покуда он не пошел к слугам с просьбой о приеме, сказав, что у него-де неотложное и важное дело. Его приняли, он вошел и все доложил грубовато, по-турецки. “Тебя подучили сказать мне подобные слова по простоте [твоей] душевной — сказал эмир, — а ежели нет, то как ты осмелился на это? Ступай, прощаю тебя, потому что ты человек честный и невежда, но смотри, чтобы ты этакой дерзости больше не повторял!” Алтунташ удалился и втихомолку рассказал вельможам, что произошло. “Ты сделал то, что надлежало, — сказали они, — происшествие это храни в тайне”.

Везир ушел. Бу Сахлю не терпелось узнать, чем кончилось дело, он послал меня к везиру спросить. Я пошел и сказал: “Бу Сахль спрашивает, что вышло?” “Скажи Бу Сахлю, — ответил везир, — что Алтунташ получил такой-то ответ. Тут произойдет великое дело — судьбу предотвратить нельзя. Это тот самый случай с Амром, сыном Лейса, когда его везир сказал ему: “Иди из Нишабура в Балх, /***616***/ будь в запасе и посылай войска, ибо все, что разбивают и разбивается можно поправить, доколе

ты жив будешь. А коль скоро ты пойдешь и будешь разбит, то нога [твоя] уже больше не ступит твердо на землю”. Амр ответил: “О ходжа, верное и разумное мнение как раз то, что составил, и высказал ты и действовать надлежало бы в согласии с ним, но на сей раз просто похоже на то, что судьба, привалив, накинула [мне] крепко на шею веревку и тащит”. Последствие было такое, как ты читал. То же самое происходит с этим государем, [доказывать ему] бесполезно. Мы приготовились терпеть любое бедствие, приготовься и ты, тоже быть, для нас это будет лучше, чем размышлять”. Я возвратился обратно и передал [сказанное]. Бу Сахль перестал работать, ибо он был человек малодушный. Эмир постился. Приема в час предзакатной молитвы он не открыл. На словах передали: “Расходитесь мол, и готовьтесь, завтра мы отправимся в Мерв”. Отчаявшийся народ удалился и стал справлять дела.

На следующий день, в пятницу второго числа месяца рамазана [44], пробили в литавры; эмир сел верхом и пустился в путь на Мерв. Шли, однако, нерешительно, с поникшим духом. Совсем было

похоже на то, будто их ведут, отступая назад: страшная жара, скудное питание, бескормица, отощавшие животные и люди, блюдящие пост. В дороге эмир обогнал несколько человек, тащивших [за собой] лошадей и плачущих. Сердце у него защемило и он промолвил: “Сильно ухудшилось состояние этой рати”. Он приказал раздать им тысячи диремов [45] и все ухватились за надежду, не повернет ли он обратно. Но судьба оказалась сильней, ибо в час предзакатной молитвы он сам заговорил об этом случае и затем сказал: “Все эти мучения и тяготы **[545]** [только] до Мерва”. На другой день он снялся с того места [46]. Хуже всего, что и воды не было на этом пути. Никто не запомнил такой недостачи воды: даже когда мы подходили к большим протокам, они оказывались сухими. Положение стало такое, что на третий день после выступления из Серахса пришла нужда рыть колодцы, дабы достать воды. [Колодцев] вырыли много, вода набегала и пресная и горькая. Подожгли заросли камыша. Дувший ветер относил дым, погнал

его на полотняные наметы людей и закоптил. Подобных вещей на этом походе было немало.

В среду, седьмого числа месяца рамазана [47], когда мы снялись с места, поздним утром, появились с тысячу человек туркмен. Говорили, это йиналовцы и человек пятьсот наших беглых конников. Говорили [также], что начальником у них был Бури-тегин. /***617***/ Подошли с четырех сторон, и произошла жаркая схватка. Они угнали много верблюдов и дрались отлично. Наши люди вышли им навстречу и потрепали, так что они отошли подальше, но все так же нападали на нас до самого привала. В этот день эмир немного отрезвел, увидев отвагу неприятеля; всем стало ясно, что он раскаялся. В час предзакатной молитвы, когда он открыл прием, явились везир, сипахсалар и служилая знать. Эмир заговорил об этом происшествии и произнес: “Так вот и будет [повторяться], будут показываться менее двух тысяч всадников, похищать верблюдов и нас позорить, а столь великая рать, идущая в боевом порядке, не будет давать достойного отпора”. “Да будет долгой жизнь государя, — отвечали

сипахсалар и старший хаджиб, — неприятель сегодня появился внезапно, а ежели он завтра появится, то увидит бой иного рода”. Сказав это, они поднялись. Эмир пригласил их обратно и вместе с везиром и Бу Сахлем Завзани устроил тайное совещание. Переговорили о многом почти до вечера, затем разошлись.

Бу Сахль позвал меня, остался [со мной] наедине и сказал: “Хорошо Бу Наору Мишкану, что отошел [в иной мир] в славе, не видит сегодняшнего дня и не слышит этих пересудов. Сколько ни толковали падишаху, пользы не было. Сегодня он стал благоразумней, после того, как ему дали отведать немного, да что толку в раскаянии, [попав] в тенета. Вельможи и предводители на этом тайном совещании в час предзакатной молитвы откровенно рассказали ему положение и сообщили, что ексувары дерутся неохотно, потому что измучены, потеряли надежду [и] голодны. Положить жизнь за милость государя остается саларам да предводителям, но ведь ясно, сколько их числом — без ексуваров ничего не

выйдет; средство, как поправить дело, так и осталось скрыто.

Эмир сколько ни говорил им еще, их речи были все те же, покуда эмиру стало не по себе и он спросил, что же делать. “Государю лучше знать”, — ответили они. “Во всяком случае, возвращатася **[546]** назад нельзя, — сказал везир, — ибо это будет бегство. Сражения не было и поражение врагу не нанесли, чтобы можно было говорить [с ним] сообразно времени и положению. Слуге [государя] представляется разумным продолжить боевые действия, ибо расстояние уже близкое.Когда мы дойдем до Мерва, город и хлеба /***618***/ попадут в наши руки, неприятель подастся на края пустыни, [и] дело будет сделано. Два перехода, кои остаются, необходимо совершить с большой осторожностью”. Все одобрили это мнение и поднялись, чтобы исполнить нужное для предотвращения разных бед. Великий ходжа дал прекрасный совет, но в сердцах у наших большое опасение, как бы, не дай бог, не случилось несчастья от нашей же рати, ибо хаджиб Бектугды тишком сообщил эмиру, что сегодня

гулямы говорили: мы-де на верблюдах, ясно, сколько нас может быть; завтра, ежели будет бой, мы отберем коней от тазиков, потому что на верблюдах сражаться нельзя. Эмир ничего не ответил, однако очень вышел из себя”.

Как раз, когда мы об этом говорили, подоспел вестник и привез записки от осведомителей, дескать, по прибытии известия о султане, о том, что он выступил из Серахса, на сей народ напал великий страх и ужас. Тогрул собрал вокруг себя вельмож и пошел большой, всякого рода разговор. В конце концов они сказали Тогрулу: “Ты-де наш набольший, как признаешь за благо, так мы и будем действовать”. Тогрул ответил: “Нам кажется правильно пустить обозы вперед и отправиться в Дихистан и Гурган и захватить те области, ибо тазики маломощны и безоружны. Ежели мы там не сумеем остаться, то пойдем в Рей, ибо Рей, Джибаль и Исфаган — для нас. Падишах ни в коем случае за нами не двинется, когда мы уйдем из его владений, ибо сей падишах велик, у него есть рать, оружие, снаряжение и множество владений. Он узнал наш

военный обычай и преследовать нас не станет. И мы знаем, какие мучения претерпели в эту зиму, лучше добровольно уйдем от столь могучего государя". "Это самое приемлемое мнение, — сказали все, — в согласии с ним и надобно действовать".

Дауд не проронил ни слова. "Что ты скажешь?" — спросили его. "То, что вы сказали и решили — ничего не стоит. С самого начала не следовало бы так поступать и не следовало бы задевать этакого падишаха. А ныне, [раз] мы его задели, и он на нас в обиде, происходили сражения и мы опустошили несколько его областей, то придется биться на жизнь и смерть. Ежели мы его побьем, то весь мир приберем к рукам, а ежели он нас побьет, то мы не устанем бежать, ибо ясно, сколько за нами будут гнаться. Что касается обозов, то их надобно [держать] очень далеко от нас, где бы мы ни находились, дабы у конника налегке /***619***/ душа была спокойна. Знайте, ежели мы уйдем, не пошевельнув рукой, то сей падишах подумает, что мы испугались и убежали. Он начнет нас преследовать и с помощью писем поднимать против **[547]** нас всех правителей

областей [48]. Конечно, друзья нам станут врагами. Голод, который у нас был, да и сегодня еще есть, был точно так же и у них и до сих пор еще есть, как нам стало ведомо по достоверным известиям. Мы, по крайней мере, уже давно стоим возле кормов, и кони и люди наши отдохнули. А они идут через пустыню, значит, бессильны". "Это мнение самое верное", — сказали Ябгу, Тогрул, йиналовцы и все предводители. Обозы отправили вместе с двумя тысячами всадников наиболее юных и на худших лошадях. Прочему войску сделали смотр, оказалось шестнадцать тысяч всадников. Из этого числа они хотят послать передовой полк с йиналовцами и Бури-тегином. Надобно быть очень настороже, потому что положение поистине таково, как сообщается.

Бу Сахль тотчас же сел верхом и отправился в царскую ставку. Я поехал с ним. Эмир, прочитав записки, стал немного потише и сказал Бу Сахлю: "Беспокойное дело у нас впереди. Нам казалось лучше пойти в Герат и заключить с тем народом мир. Теперь это прошло, посмотрим, что предопределил господь бог, да славится поминание его, ведь

бедствие большое; шестнадцать тысяч хороших конников против ленивого озлобленного народа, который у нас имеется”. “Да не случится иного, кроме блага, — ответил Бу Сахль— надобно приложить усилия к тому, чтобы добраться до Мерва, там дело можно поправить либо войной, либо миром”. “Да, это так”, — промолвил [эмир]. Люди вышли. Позвали везира, сипахсалара, старшего хаджиба и служилую знать и прочитали им эти записки. Они воспряли духом и сказали: “Неприятель здорово испугался”. “Это, видно, дело Дауда, — промолвил везир, — задача в том, что час предзакатной молитвы уже прошел и надобно постараться дойти до Мерва так, чтобы не случилось беды. Там это дело как-нибудь можно уладить, ежели состояние неприятеля такое, как пишут осведомители”. — “Верно”, — заключили все и удалились.

Всю ночь готовились к бою. Военачальники давали наставления и внушали надежду ексуварам. Эмир позвал хаджиба Ар-тегина, который был заместителем Бектугды, вместе с дворцовыми

серхенгами и самыми отважными гулямами и сказал [им] то, что надлежало сказать, /***620***/ дабы они были благоразумны. Что [эмир] не позвал Бектугды, тоже было не к добру, потому что Бектугды обиделся, он был вроде как бы эмиром гулямов и все, что он говорил, те исполняли. А все, что происходило, было неблагоприятно, ибо судьба захотела сделать свое дело. *Когда Аллах захочет что-либо, он готовит повод к тому*.

На другой день, в четверг восьмого числа месяца рамазана [49], эмир выступил в полном боевом порядке и двинулся вперед. Не прошли мы и одного фарсанга, как появился неприятель в очень большом числе, слева и справа, с боков [50] и завязался бой. Дело было нешуточное, **[548]** потому что в то время как [туркмены] нападали со всех сторон, с нашей стороны отпор оказывали вяло, и бой шел поневоле. Неприятель делался все смелей, но мы все так же продолжали идти, отбиваясь от нападений. Несколько раз я видел, как султанские гулямы сходились с перебежчиками, и [те] дружились с султанскими гулямами, сидевшими, верхом на

верблюдах, и разговаривали. Хаджиб Бектугды сидел в балдахине на слоне и ехал вместе со своими гулямами; он и не мог иначе, как быть на слоне: глаза, руки и ноги у него отказались служить. Что бы у него ни спросили насчет гулямов в этот день, что, дескать, делать или надобно, мол, послать отряд гулямов туда-то, он отвечал: “Ар-тегин знает, султан поручил распоряжаться ему и серхенгам, а ж ничего не вижу и выбыл из строя; что вы от меня хотите?” И гулямы действовали вяло, а ексувары оставались зрителями.

Враг час от часу становился отважней, а наш народ — ленивей. [Войсковая] старшина и предводители сильно старались вместе с эмиром. Эмир, да будет им доволен Аллах, совершал мощные наскоки, но стало ясно, как солнце, что ему не поддадутся. Удивительно, что в этот день не произошла беда, ибо было уже совсем близко к тому. Неприятель отбил много верблюдов и добра. Схватки продолжались до часа молитвы, покуда не закончился переход, так что от того места, откуда мы вышли, до берега реки было три фарсанга. Расположились мы на берегу реки в

беспорядке, словно растерянные. Все люди утратили надежду; было несомненно, что произойдет большое несчастье. Начали скрытно готовить верблюдов-скороходов, подбирать заводных лошадей из числа сильных и крепких животных, заботиться о вещах и наличных, деньгах; прощались друг с другом, точно и впрямь произойдет светопреставление.

/***621***/ Эмир в сильном отчаянии выбивался из сил. В час предзакатной молитвы он открыл прием, созвал вельмож и устроил тайное совещание. Речей было много. Говорили: “До Мерва осталось два перехода, надобно, мол, принять меры предосторожности так же, как происходило сегодня, потому что, когда, дескать, мы доберемся до Мерва, все цели будут достигнуты. Ексувары сегодня ничего не делали, а индийцы, мол, [сами] ничего не делают да еще и в других войсках убивают бодрость. Где бы десять человек туркмен ни напали на наших пятьсот, эти разбегаются. Непонятно нам, что с ними случилось, чего они убегали, ведь вели же они войну в Хорезме. А дворцовым гулямам надобно постараться — они же большой полк и ничего сегодня не делали”. Эмир

спросил у Бектугды: “По какой причине гулямы не напрягают сил?” Тот ответил: “У большей [их] части нет лошадей, а те, что есть слабосильны от неимения ячменя. Тем не менее они сегодня не провинились. Слуга [твой] задал им головомойку, дабы они завтра постарались изо всех сил”. Произнесли еще несколько таких красных слов и разошлись. **[549]**

Эмир остался наедине с Бу Сахлем Завзани и везиром и сказал: “Дело выходит из границ, как быть?” “Не нужно было идти в поход, [ведь] говорили же, и слуга [твой] кричал, вот Бу Сахль мой свидетель. А теперь отступать никак невозможно — мы подошли к Мерву. Надобно позвать Бектугды, потому что Бу-л-Хасан Абдалджалиль в Герате с ним грубо поспорил, так что он расплакался, это тоже не исправлено, и, в-третьих, история с Ар-тегином, от его присутствия Бектугды с ума сходит. Он турок важный, хоть и бездействует, но ежели, например, скажет “нужно умереть”, — они умрут. Когда он утешится, гулямы будут драться, враг не столь опасен. А начальнику индийцев тоже надобно нарвать уши”. Кто-то пошел и позвал Бектугды

одного. Эмир обошелся с ним очень ласково и сказал: “Ты нам заместо дяди. То, что произошло с твоими людьми [51] в Газне, с помощью письма не понравилось, оно будет улажено в нашем присутствии, когда мы туда прибудем; ты увидишь, что будет приказано. Бу-л-Хасана Абдалджалиля опасаться нечего и жаловаться на него не следует, ибо он по заслугам своим /***622***/ получил и получает, а об Ар-тегине хаджиб сам просил и одобрил, чтобы он был его помощником. Ежели он не достоин, то его уберут”.

Бектугды облобызал землю и произнес: “Зачем же ставить слугу [государя] в такое положение, что приходится говорить ему такие слова. До сих пор от государя была одна только ласка. Кутвал — газнийский эмир, он кроме себя никого не может видеть. То, что следовало за нарушение чужого права, кое тот учинил, государь приказал, да и слуга [его] тоже не бессилен, чтобы с помощью могущества государя не суметь заставить относиться к себе справедливо. Кто такой дебир Бу-л-Хасан? Не будь [у меня] уважения к собранию государя, он бы

получил по заслугам. Позор бы пал на слугу [твоего], коль стал бы он жаловаться на него. А Ар-тегин весьма умен и годен для дела, и лучшего не надо. Бездействуют гулямы от безлошадья. Ежели государь найдет возможным, то пусть даст коней двести арабских и отборных из числа крепких, дабы дело пошло хорошо". "Прекрасно, — ответил эмир, — сегодня же вечером нужно дать". Индийцев тоже позвали и задали головомойку. Предводители их говорили: "Нам стыдно сказать государю, что люди наши голодны, а лошади бессильны, ибо уже четыре дня, как никто из нас не получал ни муки, ни ячменя. Однако, хотя это так, мы будем драться покуда живы и никакой провинности не допустим. Сегодня же вечером мы скажем всем, что нужно". И они удалились.

По прошествии части ночи меня позвал Бу Сахль. Он был в большом замешательстве и весьма удручен, рассказал мне о всех обстоятельствах, позвал гулямов и сказал: "Нужно, чтобы вы сегодня же ночью навьючили на верблюдов что есть в наличности и постельные **[550]** принадлежности.

Ничего такого [пока] не случилось, но предосторожность не мешает”. В его присутствии все навьючили на верблюдов; покончив с этим, он сказал: “Очень я боюсь этого положения”. “Даст бог, все обойдется благополучно”, — ответил я и тоже пошел в свой шатер и принял такие же меры предосторожности. Эмир, да будет им доволен Аллах, большую часть ночи бодрствовал, готовился, раздавал гулямам лошадей и отдавал распоряжения насчет казны и всяких мер предосторожности. Салары и предводители действовали таким же образом.

На рассвете сотворили утреннюю молитву, пробили в литавры и двинулись вперед. Вокруг эмира я видел пятьдесят-шестьдесят заводных верблюдов-скороходов, человек триста гулямов, утопавших в оружии, двенадцать слонов в доспехах /***623***/ и весьма изрядное количество боевых припасов. В этот день мы прошли каких-нибудь полфарсанга,как поднялся крик неприятеля, с четырех сторон набросилось множество людей, и начался бой, жестокий бой. Знамен Тогрула, Ябгу и Дау-да нигде не было видно.

Говорили, они находятся в сторожевом полку, выдвинули вперед всех самых отборных вояк, а сами стоят наготове, дабы ежели что-либо случится, уйти вслед за обозом. Вследствие больших трудностей, кои были в этот день, [неприятель] не сумел преградить путь нашим людям, и они бились хорошо.

Отбиваясь, мы поздним утром добрались до ограды Денданекана [52]. Там эмир остановился на одном холме и потребовал воды. Прочие тоже остановились, и враг оправился и остановился. [Все] устали. На стену ограды [53] вышло много людей и спускали вниз кувшины с водой. Бойцы задерживались и пили, ибо мучились от жажды и утомились, а большие протоки все пересохли и [в них] не было ни капли воды. Эмир приказал: “Спросите о водоеме для животных”. Они ответили: “В замке пять колодцев, и они дадут воду войску, а вне замка есть еще четыре колодца, в которые неприятель набросал падали и устья крепко забил, через час мы это исправим. А до того водоема, о коем говорили государю, отсюда пять фарсангов, и

нигде [по дороге] воды нет”. Эмиру докладывали, что нужно остановиться здесь, потому-де что сегодня дело шло чисто, и мы одержали победу. Он отвечал: “О чем тут разговаривать? Как могут семь-восемь колодцев напоить столь, великую рать! Пойдем сразу к водоему”. Да и как нам было стать здесь, раз должно было свершиться великое событие? [Нам] суждено было пойти, а беде случиться, потому что когда [государь] оттуда тронулся, порядок расстроился: дворцовые гулямы слезли с верблюдов и начали отнимать лошадей от тазиков и от всех, кто был послабее, под тем предлогом, что мы-де хотим воевать.

Забрали множество коней и, обзаведясь ими, — брали, хотя была ночь, лошадей арабских и хутталанских [54], — сговорились, и триста **[551]** семьдесят гулямов с львиными значками [55] вдруг примкнули к туркменам, а гулямы, кои сбежали от нас в пору Бури-тегина, прискакали [к ним; они] обнялись друг с другом, закричали: “Друзья! Друзья!” — и сделали сильное нападение. Никто ради другого не задерживался, /***624***/ по всем

сторонам порядок распался, и наши люди все обратились в бегство. Эмир остался и с ним ходжа Абдарреззак, сын Ахмеда, сына Хасана, Бу Сахль, Бу-н-Наср и Бу-л-Хасан со своими гулямами. Я и Бу-л-Хасан Дильшад удивительным образом тоже очутились там и увидели светопреставление еще при жизни. Бектугды и гулямы помчались на верблюдах на край пустыни, индийцы ударились бежать в другую сторону, курды и арабы исчезли, хейльташи подались в третью сторону. Строй в полках правой и левой руки смешался, каждый вопил: “Спасайся! Спасайся!” [56]. А неприятель налетел на обоз, грабил и наносил сильные удары.

Эмир стоял на месте, тогда напали на него; он ответил сильным ударом. При нем было смазанное ядом копье, кого бы он ни поражал, ни коня, ни бойца не оставалось. Несколько раз вражеские воины добирались совсем близко к эмиру, подымали клич, но все подряд получали удары и отбегали. Ежели бы в тот день падишаха поддержала тысяча хороших, дружных всадников, он справился бы с делом, но поддержки не было. Я видел эмира Мавдуда, да

будет им доволен Аллах, пригнувшись к луке седла, с обнаженным мечом в руке он мчался на коне и кричал воинам: “Негодяи! Несколько конных за мной!” Само собой, ни один всадник не последовал [за ним], покуда он, потеряв надежду, не присоединился к отцу. Гулямы-тазики стойко стояли с эмиром и бились крепко изо всех сил, особливо один хаджиб Абдарреззака, гулям высокого роста с мужественным обликом. Подскочил туркмен, ткнул его копьем в горло и повалил. Подскочили еще другие, схватили его коня и оружие, и гулям отдал душу, а прочие пали духом.

Появились еще туркмены и сильные гулямы. Было близко к тому, что случится большое несчастье. Абдарреззак, Бу-н-Наср и другие говорили: “Стоять не стоит, нужно двинуться”. Хаджиб-джамедар тоже сказал по-турецки: “Государь сейчас попадет в руки врага, ежели не уйдет”, — у этого хаджиба от огорчения лопнул желчный пузырь [57], когда добрались до Мерварруда. Эмир быстро погнал, держа путь на водоем. Встретился пересохший проток. Все, кто оказался по ту сторону протока [58],

попались, а все, кто был по эту сторону, избежали беды. Меня, Бу-л-Фазла, собственный мой слуга с десятком гулямов ухитрились /***625***/ переправить через проток; сами они помчались и скрылись, а я остался один, поскакал с другими, покуда не достиг водоема. Я застал прибывшего туда эмира и направившихся туда вельмож и предводителей. Прибывали другие. Мне подумалось, не окажет ли [эмир] **[552]** здесь сопротивление и не приберет ли к рукам рать, но дело зашло уже дальше этого: готовились к уходу. Развернули и поставили значки для того, чтобы вельможи, кои должны были приехать, подъезжали. Это заняло времени до часа пополуденной молитвы. Появились отряды туркмен, ибо они полагали, что [эмир] там остановился, чтобы снова вернуться. Эмир, да будет им доволен Аллах, выступил с братом и сыном, со всеми вельможами, знатными и важными лицами, погнал живо, так что многие отстали по дороге, и направился к замку [59], взяв в проводники двух жителей Гарчистана.

Туркмены шли по следам. Один отряд отвлекал внимание, а прочие занимались ограблением обозов.

На закате эмир приехал к очень большому водоему; я добрался туда в час вечерней молитвы. Для эмира связали верблюдов-скороходов [60]; он собирался ехать на верблюде, потому что на одном этом переходе под ним заморились шестнадцать лошадей. Хаджиб-конюший следовал позади и забирал с собой приставших лошадей, кои были подороже. Добравшись, я увидел толпу людей и поехал туда. То были везир, ариз Бу-л-Фатх Рази и Бу Сахль Исмаил, они налаживали верблюдов-скороходов. Заметив меня, они воскликнули: “Смотри, как это ты спасся?” Я рассказал о своих злоключениях и усталости. “Давай поедем вместе”, — предложили они. “Я очень устал”, — отвечал я. Кто-то крикнул: “Эмир поехал” Они тоже тронулись в путь, и я тоже отправился вслед за ними. Эмира я уже больше не видел восемь дней, покуда он не остановился в Гарчистане, как я поведаю [ниже] про все событие и его подробности. Нужно понять, что понадобится много [человеческих] жизней, даже века, покамест кто-либо сможет подобное увидеть! Я ехал по дороге, покуда ночью не заметил двух слоних без балдахинов, [их]

вели потихоньку. Царский слоновод оказался мне знаком, я спросил у него: “Отчего вы отстали?” Он ответил: “Эмир поехал шибко и указал нам путь, вот мы и идем”. Я спросил: /***626***/ “Кто из знати и вельмож был вместе с эмиром?” “Был его брат Абдаррашид, — ответил он, — сын, эмир Мавдуд, Абдарреззак, сын Ахмеда, сына Хасана, хаджиб Бу-н-Наср, Бу-л-Сахль Завзани, Бу-л-Хасан Абдалджалиль, начальник газиев Абдаллах Кара-тегин, а вслед за ними старший хаджиб и множество дворцовых гулямов вразброд, за ними — Бектугды со своими гулямами”. Я поехал с этим слоноводом.

Подходил разбежавшийся народ. По всей дороге мы проходили мимо брошенных кольчуг, лат, щитов и тяжелой клади. На рассвете слонов погнали быстрей. Я отстал и остановился. Вдали виднелись огни войскового стана. Поздним утром я доехал до замка Беркерд. Преследовавшие [нас] туркмены там отстали. Я ухитрился переправиться через речку Беркерд. Эмира я не застал, он уже отбыл в сторону Мерва. Я остался со знакомыми людьми и нас постигло много **[553]** бед и неприятностей. С

несколькими товарищами я пешком дошел до касабы Гарчистана в пятницу, шестнадцатого числа месяца рамазана [61]. Доехав до этого места, эмир сделал на два дня остановку, чтобы подоспели те, кто должен был прибыть. Я отправился в город к Бу Сахлю Завзани и застал его за приготовлениями в дорогу. Он с жаром меня расспросил. Прибыло несколько моих людей, все пешие. Они кое-что купили, и я с Бу Сахлем поел. Добрались до войскового стана. Во всем стане я заметил три полотняных намета: один для султана, другой для эмира Мавдуда и третий для Ахмеда, сына Абдассамада, у прочих были зонты из холста. А мы оказались обжорами [62].

В час предзакатной молитвы мы снялись [с места], человек семьдесят, и направились по дороге в Гур. В полночь следом за нами снялся с места и эмир. К рассвету мы сделали один переход. Там я застал Бу-л-Хасана Дилынада верхом [на коне]. Я тоже раздобыл лошадь, купив [ее] в долг. Мы столкнулись с товарищами, и Мас'уд Лейс сообщил мне: “Султан уже несколько раз справлялся о тебе, что, мол, приключилось с Бу-л-Фазлом, и очень по тебе

печалился”. В час предзакатной молитвы я предстал [пред лицо султана] в высоких сапогах с тесными голенищами, в старом кафтане и облобызал землю. Он рассмеялся и спросил: “Как ты попал сюда? Ну и красивый на тебе наряд!” — “Жизнь я спас благодаря могуществу государя, — ответил я, — а [прочее] от подаяния другого господина”.

Выступив оттуда, мы добрались до Гура и остановились на стоянке. Прибывали /***627***/ еще толпы и доставляли более свежие известия. Здесь я увиделся с одним знакомцем, седжестанцем, человеком ловким. Кое о чем я его расспросил. Он рассказал мне: “В тот день, когда султан уехал, и неприятель столь осмелел и стал грабить, я видел Бу-л-Хасана Кархи, лежавшего под деревом и стонущего от раны. Я подошел к нему, он меня узнал и заплакал. “Что случилось”, — спросил я. “Подъехали туркмены, — ответил он, — увидели сбрую и животное и крикнули: “Слезай!” Я начал слезать, но по старости слезал потихоньку. Они подумали, что я упрямлюсь, ткнули копьем в спину [так, что] оно вышло через живот, и угнали лошадь.

С трудом я забрался под это дерево. Смерть моя близка, — вот что со мной, — расскажи всем друзьями и знакомым”. Он попросил воды. С большим трудом я принес ему немного воды в кувшине. Он отпил и лишился чувств. Остаток воды я поставил около него и поехал. Что-то сталось с ним? Должно быть, ночью помер. В час между молитвами я увидел значки, которые приближались; говорили, это Тогрул, Ябгу и Дауд. Видел я и сына [Сына] Каку в узах на верблюде, которого сняли с верблюда и, освободив от уз, посадили на [другого] верблюда, принадлежавшего ходже Абдассамаду. Его отвезли к Тогрулу, а я поехал дальше и не знаю, что еще [там] происходило”. То, что я слышал, я доложил эмиру. **[554]** Эмир поспешно подвигался от стоянки к стоянке. Подоспели враз три вестника с записками от осведомителей, кои находились среди неприятеля. Бу Сахль Завзани отнес их к эмиру на стоянке, где мы остановились. Эмир прочитал и сказал: “Пусть эти записки держат в тайне, так чтобы о них никто не узнал”. — “Слушаюсь”, — ответил Бу

Сахль, принес [их] обратно и вручил мне. Я прочитал, запечатал и препоручил диванбану.

Писали: “Весьма примечательные вещи произошли на сей раз: у сего народа не оказалось ни мужества, ни отваги, обоз они отвели на шестнадцать переходов и приготовились к бегству. Ежедневно всех всадников, кои у них были, они посылали на султанскую рать и ожидали, что вот-вот их воины повернут вспять, ударят на них и уйдут. Но тут случилось, что дворцовые гулямы оказали неповиновение и создалось очень тяжелое положение [63]. Удивительней всего, что к этому народу пристал один мавлана-заде [64]. Он знает науку о звездах, был помощником у звездочета, и некоторые его высказывания оправдались. Он уверял их, [потомков Сельджука], в Мерве, говоря, ежели-де они /***628***/ не будут эмирствовать в Хорасане, то ему надобно отсечь голову. В пятницу, когда произошло это событие, он все время твердил: “Держитесь еще немножко, до часа пополуденной молитвы”. Как раз в это время туда подоспела конница, и цель была достигнута — султанская рать обратилась вспять.

Все три предводителя сошли с коней и земно поклонились мавлана-заде и тут же пожаловали ему несколько тысяч динаров, подали [ему] большие надежды и поехали туда, где произошло это событие. Разбили шатер и поставили престол. Тогрул сел на престол, явились все вельможи и приветствовали его эмиром Хорасана. Привели Ферамурза, сына [Сына] Каку. Тогрул обошелся с ним милостиво и сказал: “Ты претерпел мученья, воспрянь духом, ибо Исфаган и Рей будут отданы вам”. До часа вечерней молитвы они приносили награбленное и все разделили, звездочет получил немного и говорящего добра [65]. Собрали султанские бумаги и архивные документы [66]. Большая часть пропала, нашли только несколько черновиков и несколько писаний, но они очень им обрадовались.

Написали письма туркестанским ханам, сыновьям Али-тегина, Айн-ад-довле и всем туркестанским вельможам с извещением о победе и разослали с вестниками знаки архивных документов и войсковые значки. Гулямов-изменников, совершивших вероломный проступок, они очень обласкали и

поставили эмирами над областями, пожаловали хергах и еще кое-что; да они и сами разбогатели, ибо не было меры тому, что они заполучили от грабежа. И никто не осмеливается им слова сказать погромче, потому что они говорят: это, мол, мы содеяли. Бежавших [султанских] пехотинцев приказали угнать в Амуйскую пустыню, дабы люди посмотрели на них в Бухаре и тамошних областях и **[555]** стало несомненно, что поражение [султанской рати] — правда. Нет меры золоту и серебру, одежде и животным, попавшим в руки этого народа. Договорились, что Тогрул пойдет в Нишабур с тысячью конников, Ябгу сядет с йиналовцами в Мерве, а Дауд с главными силами войска отправится в Балх, чтобы захватить Балх и Тохаристан. То, что произошло до сего времени, — рассказано, а то, что впредь произойдет, [тоже] будет сообщено. Надобно, чтобы теперь нарочные гонцы обращались чаще /***629***/ и, дабы наша служба не приостанавливалась, дело [надо] предпринять иным способом, ибо бывшая основа дела опрокинулась.

Когда эмир остановился близ селения [принадлежавшего] Бу-л-Хасану Зафару [67], на поклон туда явились предводители и приготовили много снаряжения по части шатров, хергаха и всяких вещей, кои были необходимы. Простояли там два дня, чтобы люди тоже немного, как придется, поправили дела. Гурцы оказали весьма добрую услугу и поднесли много угощенья. Эмир стал спокойней. Он справил в том месте праздник, очень скромный праздник. В час предзакатной молитвы я стоял на дежурстве. [Государь] спросил меня: “Что на сей счет надо написать туркестанским ханам?” “Что прикажет государь”, — ответил я. “В этом смысле приготовили два черновика Бу-л-Хасан Абдалджалиль и Мас'уд Лейс, видел ты?” “Нет не видел, — сказал я, —но то, что оба написали, вероятно, превосходно”. Он рассмеялся и приказал хранителю письменных принадлежностей принести черновики. Тот принес. Я внимательно прочел. Поистине, оба прекрасно соблюли сторону государя султана, и похвал выразили много и несколько слов написали тайнописью. Но нехорошо было то, что они

писали: “Мы-де направляемся в Газну, сложив у Денданекана скарб, животных и снаряжение”. Эти два благородных человека всегда насмехались над Бу Сахлем, ибо навострили зубы на должность начальника посольского дивана и искали его промахов, а трудности по письменной части всегда случались. Эмир что-нибудь высказывал, а они отвечали, что надо, мол, передать Бу Сахлю, чтобы он составил черновик, понимая что на этом пути он пеший. Мне поневоле приходилось бить кулаком и я бил. Я прочитал черновики и сказал: “Прекрасно”. Эмир, да будет им доволен Аллах, произнес, — не было у него на свете равного в понимании тонкостей — :“Надобно еще лучше [написать], ибо это [письмо] — извинение, а туркестанские ханы из таких людей, для которых подобные обстоятельства не остаются скрыты”.— “Да будет долгой жизнь государя, — ответил я, — ежели будет надобность просить у ханов снаряжения и продовольствия, то нужно письмо иного рода”. — “Надобность, конечно, будет, и, когда мы прибудем в Газну, то отправим посла с письмами и устными сообщениями. А сейчас, с

дороги, надо написать письмо со стремянным о событии, кое приключилось”. — “Тогда надобно писать правду, дабы они нас не осудили, — заметил я, — ибо **[556]** покамест, дойдет наше письмо, вестники неприятеля уже, наверное, отправились, везя вещественные доказательства и значки, у туркмен такой обычай”. /***630***/ “Вот именно, — соизволил сказать эмир, — составь черновик и принеси посмотреть”.

Я удалился. Ночью черновик был сочинен и на следующий день, на другой стоянке, до того как прийти вместе с другими слугами, я понес его государю. Хранитель письменных принадлежностей принял, и эмир, прочитав, сказал: “Как раз то, что я хотел. Читай!” Я прочитал громким голосом. Присутствовали начальники дивана, все недимы и Бу-л-Хасан Абдалджалиль. Все сидели, а Бу-л-Фатх Лейс и я стояли. Когда [чтение] кончилось, эмир произнес: “Вот как я хотел”. Собравшиеся похвалили, подчиняясь слову повелителя, хотя кое-кому и не понравилось. Я по необходимости привел здесь список с того послания так же, как привел в

этом сочинении некоторые другие вещи. Что бы ни сказали читатели, я считаю [это] допустимым; я исполняю свое дело. А до этого я рассказал о событии, дабы ведомо было.

СПИСОК С ПОСЛАНИЯ К АРСЛАН-ХАНУ

“*Во имя бога милостивого, милосердого! Да продлит Аллах существование высокочтимого, преславного хана! Сие послание от меня к нему [писано] в рабате Керван, в семи переходах от Газны. Аллаху, да славится поминание его, хвала во всех обстоятельствах жизни! Да будет благословение божие над пророком-избранником Мухаммедом и семейством прекрасным его!*

Засим, да не останется скрыто от хана, что у господа бога, да славится поминание его, есть промысл, подобный мечу рассекающему, взмахи и ражение коего нельзя зреть, и то, что явится от того, постичь невозможно. Посему немощь человеческая объявляется в любое время, так что нельзя знать сейчас, что породит чреватая ночь. Мудрец тот, кто предает себя на волю бога и не полагается на

могущество и силу свою, на оружие, кое у него имеется, а дело свое предоставляет господу богу, да славится поминание его, и признает за [волей] его добро и зло, помощь и победу, ибо ежели он на мгновение выйдет из дланей, в кои предал себя, и допустит обуять себя гордыне и духовному упоению, то испытает такое, что никому и на ум не приходило и до чего не достигало воображение, и впадет в бессилие. Мы молим господа бога, да славится поминание его, с искренним желанием, с благим помышлением и с чистой верой, чтобы он помог и поддержал нас в любых обстоятельствах жизни: в радости, в горе и благоденствии, и ни на час, ни даже на мгновение не предоставлял нас [самим] себе в благополучии, кое он посылает, и в невзгодах, кои случаются, и внушал бы нам рабское терпение и благодарность и мы бы крепко **[557]** держались его, дабы за благодарность возросло благодеяние и за терпение воздалось добром. Хвала ему, благоприятствующему и помогающему!

/***631***/ Почти два года, покамест наше знамя находилось в Хорасане, обо всем, что происходило и

случалось, об удачах и неудачах, мягком и суровом, хана ставили в известность и соблюдали обычай товарищества и соучастия во всех случаях, ибо чистосердечные отношения между друзьями заключаются в том, чтобы ничто, ни малое, ни большое, не оставалось сокрыто. Последнее послание, кое мы приказали написать с конным [нарочным], как бы полупослом, было из Туса, в пяти переходах от Нишабура. Мы сообщили, что остановились в том месте с ратью, потому что там пограничная область, смежная с Серахсом, Бавердом, Нисой, Мервом и Гератом, дабы посмотреть, к чему обяжет положение и что будут делать новоявленные [враги], которые расположились по краю пустынь.

После того, как конный гонец отправился, мы шесть дней простояли на месте. Разумение наше признало за нужное потянуться к Серахсу. Когда мы прибыли туда, был первый день месяца рамазана. Область мы застали столь опустошенной и пашни невозделанными, что не находили, например, ни золотника [68] травы даже за динар. Цены возросли до того, что старики говорили, за последние сто лет

подобного не помнят. Мен муки поднялся до десяти диремов и нельзя было найти, а ячменя и соломы никто и в глаза не видел, так что по этой причине ексуварам и всей рати досталось много страданий. В нашей собственной свите со множеством животных и снаряжения обнаружились беспредельные трудности. Можно представить, каково было у родичей в [их] свите и у мелкого люда.

Наступило такое положение, что постоянно, по любому случаю между разными разрядами войск и дворцовыми [гулямами] происходили пререкания и открытая неприязнь по поводу съестного, кормов и животных, и эти споры со ступени слов поднялись на ступень меча. Доверенные люди донесли об этом обстоятельстве, и слуги, коих мы удостоили совещаться с нами по важным делам и докладывать то, что они считали благоразумным, наглядно и обстоятельно указывали, что правильное решение — податься в Герат, ибо продовольствие там имеется в изобилии, он близок к любой стороне области и жемчужина Хорасана. То, что они говорили, было благоразумно, однако в нас вселилось упорство и

противоречие. Оттого, что дело с новоявленными врагами оставалось сложным, мы, чтобы его разрешить, хотели идти в Мерв, да еще потому [хотели], что божественный промысл вел [нас] к тому, чтобы поневоле испытать то необыкновенное происшествие, которое случилось. Мы отправились в Мерв, а рассудок подсказывал, что это была чистейшая ошибка. **[558]** Из-за бескормицы, безводья, зноя и песков пустыни путь был не такой как следовало бы. После трех-четырех пройденных переходов /***632***/ между всеми разрядами войск начались безобразные пререкания насчет выступления со стоянок, кормов и животных, съестных припасов и других вещей. Эти споры успокаивали свитские сановники, кои были назначены в большом полку, полках правой и левой руки и в других местах. Но вспыхнувшие раздоры как должно не унимались, [наоборот], с каждым днем, даже с каждым часом они усиливались до тех пор, пока в такой-то день [69], в час предзакатной молитвы, когда мы снялись с такой-то стоянки, чтобы расположиться в таком-то месте, со всех

сторон пустынных песков не появилось полчище противников. Они налетели, проявили большую дерзость и хотели пограбить. Свита их крепко потрепала, так что они цели не достигли. Стычки продолжались до часа вечерней молитвы. Рать [двигалась] в боевом порядке, дралась и билась, но большого боя не возникло, должным образом перестрелки и смертоубийства не было. Ежели бы способные воины действовали старательней, бойцы всюду бы прогнали противников.

Вечером мы благополучно расположились в таком-то месте, не утратив славы. Все необходимое по части дарраджи и сторожевых дозоров [70], дабы ночью в темноте не случилось беды, было сделано. На следующий день все происходило в том же порядке, и мы приблизились к Мерву. На третий день мы двинулись с готовой к бою ратью в полном, образцовом порядке. Проводники предупредили, что, пройдя один фарсанг за крепость Денданекан, имеется проточная вода. Пошли. Когда мы достигли ограды Денданекана поздним утром, [оказалось], что неприятель завалил колодцы, кои находились у

самого замка, и наглухо забил [71], дабы не было возможности там остановиться. Жители Денданекана со стен кричали, что внутри замка имеется пять колодцев, кои дадут войску достаточно воды, и, ежели мы там расположимся, они за час времени откроют находящиеся вне замка колодцы, и воды будет довольно, никакой беды не случится. День стоял весьма жаркий и благоразумно было бы остановиться [здесь], однако предопределению надобно было сбыться и совершить свое дело. Отъехав оттуда /***633***/ с добрый фарсанг, мы наткнулись на пересохшие источники и небольшие водоемы. Проводники были ошеломлены, ибо полагали, что в них имеется вода, так как никто не помнил, чтобы те источники бывали без воды.

Поскольку воды не оказалось, люди испугались, и налаженный порядок расстроился, а неприятель напирал с четырех сторон очень сильно, так что пришлось нам своей особой отправиться в дело из большого полка. С нашей стороны нанесли сильные удары и думалось так, что конные отряды полков правой и левой руки [72] находятся на своих местах. О

том, что отряд дворцовых гулямов, посаженных на верблюды, **[559]** спешился и стал отнимать животных [73] у всех, кого находил, дабы идти в бой, известно не было. Пререкания из-за захвата животных и стаскивания с коней наземь дошли до того, что [люди] нападали друг на друга и оставили свои места незанятыми. Неприятель воспользовался этим обстоятельством, и создалось тяжелое положение, исправить которое как наш разум, так и умы именитых мужей оказались бессильны. Поневоле пришлось оставить неприятелю военные припасы и разное добро, кое имелось, и уйти. Враги занялись ими, а мы проехали около фарсанга, покамест не добрались до большого водоема со стоячей водой. Туда же прибыли здравы и невредимы все родичи, свита, братья и сыновья, именитые лица и подчиненные, так что ни с одним сановником беды не приключилось.

Нам доказывали, что надобно уходить, что положение поправить нельзя. Это мнение нам показалось правильным. Мы поехали и на восьмой день прибыли в касабу Гарчистана. Там мы пробыли

два дня, покуда не подошли дворцовые гулямы и вся рать, так что никто из знати не отстал. Отстали только дворцовый пеший народ и мелкий люд, которые известностью не пользовались. Из Гарчистана через Рабат-и Бери [74], Гератские горы и Гур мы прибыли в замок Бу-л-Аббаса, [сына?] Бу-л-Хасана Халафа [75], одного из слуг державы и предводителей Гура. Там отдохнули три дня и перешли оттуда в сей рабат [76], расположенный в шести-семи переходах от Газны. [Наше] разумение нашло необходимым — хотя и тяжело на сердце — написать это послание, ибо хану лучше прочитать обстоятельства дела в нашем описании, нежели [их] услышать через молву, потому что противники без сомнения хвастаются и преувеличивают это дело. Беда случилась по вине нашего войска, что пришлось испытать /***634***/ этакое необыкновенное происшествие. Ежели смертный час [наш] еще не близок, то по милости и благодеянию господа бога, да славится поминание его, и с помощью его положение поправится. По мудрости и многолетнему опыту, в силу которых он несравним, хан знает, что с

тех пор, как стоит мир, с царями и ратями приключались подобные случаи. Для Мухаммеда-избранника, да благословит его Аллах, из-за нечестивцев [рода] Корейш однажды произошла неудача, но пророчеству его [от того] ущерба не было, и он потом полностью достиг цели.

Истина всегда будет истиной. Коли теперь звезда врагов, наконец, на несколько дней взошла выше, то [все же], слава Аллаху, ось это мы, и на главном месте в государстве стоим благополучно мы, и сыновья, все родичи и свита, да сниспошлет им Аллах победу, здравы и невредимы. Эту беду скоро можно поправить, ибо имеется столько оружия и припасов, что никакой счетчик не исчислит их числа, особливо, когда у нас есть друг и товарищ, подобный хану. Несомненно, что он не пожалеет для нас войска и людей, а ежели мы попросим, чтобы он явился **[560]** сам своей особой, то он и этого не пожалеет, дабы устранить ущерб нашего достоинства, и не посчитает за труд. Да осчастливит нас господь, велик он и славен, дружбой с ханом и единомыслием, по милости и превосходству своему. Сие послание

отправлено с этим спешным стремянным. Когда мы здравы и невредимы прибудем в Газну, то назначим оттуда посла из доверенных мужей [нашего] собрания и поговорим в этом смысле попространней. То, что нужно будет решить, будет решено, то, что нужно будет сказать — сказано. Мы ожидаем, что ответ на сие послание вскоре прибудет, и мы узнаем мнение и убеждения хана в этих делах, дабы обновилась дружба, мы бы облачились в одеяние радости и посчитали [ответ] величайшим из даров *с соизволения Аллаха, велик он и всемогущ*”.

В день, когда мы возвратились в Газну с эмиром, и все потеряли радость жизни по причине тяжкого события, и самому великому падишаху жить оставалось уже недолго, у меня явилось желание написать нечто подобное этой книге в оправдание этого происшествия [и] поражение сие выставить в лучшем свете. Какой-нибудь превосходный мастер /***635***/ должен был сочинить [для] этого несколько бейтов, так чтобы была и поэзия и проза. Но из стихотворцев-современников, живших в течение последних двадцати лет в нашей державе, я не

находил ни одного, какого хотел, покамест не довел мою “Историю” до сего места. Тогда я попросил Бу Ханифу, да поможет ему Аллах, и он сочинил, прекрасно сочинил и прислал; *все хорошее у нас от него*. Дело этого мастера слова так не осталось — когда я ошибался в своем предсказании — и теперь, вскоре после начала державной поры государя султана Абу Музаффара Ибрахима, да продлит Аллах его существование и высочайшую заботливость [его], он обрел немалое покровительство и драгоценных наград, и ему пожаловали должность мушрифа в Тернеге [77]. На Тернег не следует смотреть пренебрежительно, ибо он был сначала владением хорезмшаха Алтунташа, да будет над ним милость Аллаха. Касыда такова:

Касыда

Если сердце царь оторвет от пиров в саду роз,
Он легко царство к рукам приберет, легко!
Царство есть что-то дикое, а посему знаю то,
Что от человека оно никак не зависит.
Правосудием можно его укротить и, коль его укротишь,
Человечным станет оно и все переменится в нем [78].
Кто же скажет тебе: не пил бы вина? **[561]**

Пей вино, получай опьянения радость,
Пей вино, но не так, чтоб в конце концов
Не терпеть его больше, как младенец груди.
Знает ли царь, что означает есть и спать?
Все дети, ходящие в школу, то знают.
Коль осмотрителен царь в своем деле бывает,
Он врага, связав, из сада удаляет в тюрьму.
Змея бывает врагом и, вырвав ей зубы,
Не считай себя безопасным, коль нужны тебе зубы.
Будь осторожен с врагом, когда он становится другом,
И муга [79] страшись, когда он принял мусульманство. /***636***/
Книге полезной заглавие дано ей в похвалу,
Но можно узнать по заглавию и вздорную книгу.
Когда себе царь справляет мишурный кафтан,
Враг разрывает его до тесьмы ворота.
Не прельстится величием слона и балдахина,
Каждый, кто испытал презренность верблюда с седлом.
Искусный мастер не бывает недвижим,
Ибо и небосвод стал вращаться для какого-то дела.
Ма'мун был из владык державы ислама,
Ровни ему никогда не видал араб и дихкан.
Из шелка джуббу он носил столь долго, что
Она износилась, истерлась на нем, изветшала.
Много тому удивлялись недимы,
Спросили его о причине они.
Ответил: “После царей остаются предания
У арабов и персов, а не льняная одежда и тузская.
Если царь восседает и спит на шелку и на бязи,
Слишком тяжел хафтан [80] ему кажется.

Царство, кое берешь ты в доспехе, с копьем,
Нельзя отдавать за водоем и душистые травы.
Если воинства сердце царь не будет беречь для себя
И во дворце, и на поле сраженья,
То как же в сраженье дело удастся ему?
Он унижение потерпит от униженных чертогом.
Хоть с помощью денег и крепнет войска дух,
Но вдохновлять его нужно и угощеньем.
С лекарем вежливо ты обходись, чтобы здоровье
Твое сохранял он лекарством и снадобьем.
Хочешь быть безопасным от злосчастных людей,
Не отходи от Корана и речь веди по Корану.
С ним благочестие связано, а знание с покорством.
Связана слава с величием души, а с диваном — поэзия.

Созданье формой сильно, а нрав — образом жизни.
Вера сильна сокровенною думой, а царство — султаном.

Царь тароватый, лев поля битвы, Мас'уд,
С ним счастье заключило союз!
О ты, кем постоянно украшено время,
Впрямь словно сад в месяце нисане [81],

Если вероотступник домогается признания пророком,
Лучше пусть от руки твоей он не получит поддержки. /***637***/
Рати силы ислама и помощи божьей,
Пророчества ради и доводов веры,
Могучую руку имей и речистый язык;
Моисею, сыну Имрана, из двух помогало одно. **[562]**
Богу хвала, что снова досталась мне
Милость тебя лицезреть в сем веселом дворце.
Раз невредим ты вернулся в столицу обратно,
То мы не боимся, ежели кто-то умрет.
Есть поговорка такая: человек коль на месте,
У него не иссякнет запас и добро.
Право, не сегодня этаким стал Хорасан,
Он постоянно такой с тех пор, как стоит.
Царство владыки вселенной больше, чем царство твое,
Но разве большая часть мира не в разореньи?
Если враг в бою захватил твое снаряженье,
То ведь дьявол сперва захватил престол Соломона.
А если еще и обиду нанес тебе враг твой,

То разве не был обижен Юпитер Сатурном?
Дождь есть милость господня на свете,
Но благотворность дождя бывает с грозой.
Нам от нас же досталось, коль взглянуть хорошо
На топор и на дерево, на терпуг и железо.
Дело снова начни, коня и клинок справь другие,
Особливо, когда зима уступит весне.
Ежели ты с раиятом и ратью помиришься,
То от согласия получишь двух витязей сильных.
Оттого, что ты господин князей века,
Оттого, что из всех тебя выбрал господь,
Ящер, лев и орел от сей для них вести ужасной
Сил лишились в воде и в глубинах пустыни.
С тем, кто не верит, что поступил дурно,
Не обращайся как с неприятелем.
Если пери и человек стали печальны от события этого,
Диву не дастся никто из животного царства.
Не выпьет вина тюльпана листок, не подарит улыбкою туча
Впредь, покуда не дашь повеления обоим.
Ты владыка Ирана еси и был им и будешь,

Хоть и вознесся люд низкий восстанием.
Но тот, кто сдуру пошел на господина войной,
Ему в плоть всадили стрелу, ибо бог оставил его.
В тот день утонул Фараон, когда для познания Нила
Хамран сделал несколько шагов.
Оплот государства Насира-Ямина.
Считай во всем мире прочней, нежели то. /***638***/
Ведь рано иль поздно от страшных ударов подмоги-
меча
Все враги разбегутся с израненным телом.
И если конь не сумеет тебя понести,
На слоне ты поедешь как Рустем, сын Дестана.
Если какой-то слуга твой совершил прегрешение,
То совершил его мир ради хлеба и платья рабов.
Если согласен принять ты судьбы извинение, то
ладно,
Ведь в поступке своем она принесла покаяние.
Царством ты правишь как море с жемчугом скатным,
Чтобы надрывались другие за мелкий жемчуг.
Венец тебе золотой и неусыпное счастье!
Тому, кто противник тебе,— нищета!
Роза такому как ты аромат не жалеет,

Что же говорить о колючке Египта? **[563]**
Не тревожь этим лучше ты сердце твое,
Ведь не будут слова эти тайной на свете.
Не стихи я слагаю, когда так говорю, говорю,
Вложив в свою речь всю Лукманову мудрость.
Да будет всем явно, я в стихах не пою
Кудри, ланиты да игру глаз красавиц, —
Я пою бескорыстно похвальное слово эмиру,
Ибо мне ведом припас для обоих миров.
Заботишка есть в голове сей как мяч,
Оттого спина моя стала смолоду клюшкой.
Господь твою жизнь продлит, государь,
За припас, что утрачен был в этом походе.
Только чтобы славить тебя я решаюсь дышать, ибо
Имя мне нужно хлеба насущного ради,
Дабы солнце сияло на небосклоне
Впрямь как чаша златая в тазу.
Радостен будь, серебром сыпь и златом,
Царством правь, приказ и запрет полагая.
Пусть румян будет лик твой и процветай,
Дабы недруг пал жертвой меча твоего!

Речь сия затянулась, однако от подобного рода слов, столь мастерских и преисполненных смысла, бумага возлагает на главу венец, осыпанный самоцветами. Жаль превосходных людей, когда они умирают! Да живет долго сей благородный муж! Покончив с этим, я теперь снова возвращаюсь к “Истории”. *А Аллах да облегчит [труд] по всемогуществу и всесилию своему*.

/***639***/ Еще до того, как эмир, да будет им доволен Аллах, тронулся в путь из рабата Керван, прибыл доверенный человек кутвала Бу Али и привез два черных зонта, черное знамя, короткие копья, все в чехлах из черного шелка, вместе с балдахином на слона, люлькой на мула и другими принадлежностями, потому что все это пропало; и от себя он прислал много некроенной ткани с прикладом и разные вещи. Услуга, которую он оказал, по необходимости пришлась весьма кстати. Родительница эмира, благородная Хатли и прочие тетки со стороны отца, сестры и тетки со стороны матери точно также прислали доверенных людей с множеством вещей. Родичам, свите и разным

военным их люди тоже прислали разные вещи, ибо [все] очень нуждались. Для приветствия жители Газны вышли навстречу. Эмир, да будет им доволен Аллах, был как будто смущен, потому что никогда прибытие царей и войска в Газну не бывало в таком виде. *Аллах делает, что хочет, и выносит приговор, как желает* [82].

Эмир прибыл в Газну в субботу, седьмого числа месяца шавваля [83], расположился в кушке. Его утешали, дескать, положение на свете не **[564]** бывает одинаково, и покамест голова на плечах беду поправить можно. Однако так не было, чтобы он не понимал, что произошло, потому что, когда он находился на пути в Гур, сей падишах однажды поехал вперед и с ним свита, как-то: Бу-л-Хасан Абдалджалиль, салар газие Абдаллах Кара-тегин и другие. Бу-л-Хасан и этот салар стали говорить красивые речи, что этакое, мол, событие странным образом произошло не от стойкости врага, а в силу судьбы и других обстоятельств, кои не скрыты. Когда-де государь здрав и невредим прибудет в столицу, дела можно устроить на иной лад, ибо

Абдаллах Кара-тегин говорит сейчас, что коль скоро государь повелит, он отправится в Хиндустан и приведет десять тысяч отборных пехотинцев, коих хватит на целый мир, и конницы приведет много. Приготовившись, пойдем, дескать, отсюда на врага, дабы прекратить беспорядки, повадка их военная [теперь] известна.

Такого рода речи вели Бу-л-Хасан и другие. Эмир обернулся лицом к ходже Абдарреззаку и промолвил: “Что за глупости они говорят? В Мерве мы взяли, в Мерве и потеряли”. Слова царей не легковесны и не пустяк, особливо такого царя, который был единственным в свое время. Этими загадочными словами он хотел [сказать], дескать, отец наш, покойный эмир, Хорасанскую область обрел в Мерве, разбив Саманидов, и здесь же Хорасан был нами потерян. *До чего удивительны превратности бренного мира!* Покойный эмир шел на то, /***640***/ чтобы дело Ирака и Рея возложить на эмира Мас'уда, да будет им доволен Аллах, и удалиться, а место Мас'уда вместе с эмирством над Хорасаном принадлежало бы [впредь] эмиру

Мухаммеду; но господь бог, да славится поминание его, хотел не так и расположил иначе. Рассказ об этом я написал, чтобы каждый знал, какие бывают случаи, и читателям досталась польза и чтобы обстоятельства истории прошлого были известны исследователям; я же, сочиняя книгу, поневоле делаю свое дело.

ПОВЕСТЬ ОБ ЭМИРЕ МАНСУРЕ, СЫНЕ НУХА САМАНИ

В преданиях о Саманидах я читал так, что когда эмир Нух, сын Мансура, помер, его сына, который был наследником престола, Абу Хариса Мансура, в Бухаре посадили на престол, и родичи и свита на нем успокоились. Он был юноша весьма красивый лицом, храбрый и речистый, но была в нем ужасная злость, так что все его боялись. Его восшествие на престол отца было в месяце раджабе лета триста, восемьдесят седьмого [84]. Он прекрасно справлялся с делом и правил твердо. Сипахсаларом в Нишабуре был Бегтузун, наперекор эмиру Махмуду, а эмир Махмуд пребывал в Балхе. Он считал неправильным оставлять Нишабур Бегтузуну, а повелитель Хорасана [85] сохранял [для **[565]** себя] сердца их

обоих. Однако внимание его больше склонялось к Бегтузуну. Когда это обстоятельство достоверно стало известно эмиру Махмуду, он начал готовиться к нападению на Бегтузуна. Бегтузун испугался и пожаловался повелителю Хорасана, и тот из Бухары пошел с войсками на Мерв. Фаик, царский слуга, был вместе с ним. Дело хотели уладить таким способом, чтобы не было войны и открытой вражды. Несколько дней они простояли в Мерве, затем потянулись в Серахс.

Бегтузун с многочисленным войском вышел для приветствия навстречу до этого места. Но повелителя Хорасана он не нашел таким, как полагал, ибо тот стал больше примеряться к эмиру Махмуду. По секрету он сказал Фаику: “Падишах молод и расположен к эмиру Махмуду, так что тот стал сильней. Ни я не останусь, ни ты”. — “Действительно так, как ты говоришь, — ответил Фаик, — сей повелитель легкомыслен, /***641***/ не признает заслуг и целиком склоняется на сторону Махмуда. Я опасаюсь, что он меня и тебя предаст в его руки, как его отец выдал Бу Али Симджура отцу

эмира Махмуда — Себук-тегину [86]. Однажды он меня спросил: “Почему, дескать, тебе дали прозвище Превосходный [87], а ты не превосходный”. Бегтузун произнес: “Правильное решение [для нас] в том, чтобы мы прекратили его владычество и посадили на царство одного из его братьев”. — “Ты хорошо сказал, — ответил Фаик, — это правильное мнение”. Оба начали готовиться к этому делу.

Однажды Бу-л-Харис выехал верхом из серая серахского рейса, где он остановился, и отправился на охоту. Фаик и Бегтузун стали на окраине Серахса и разбили шатры. Когда [Бу-л-Харис] возвращался обратно с двумя сотнями гулямов, Бегтузун сказал: “Государь развлекается, не зайдет ли он в шатер слуги [своего] и не откушает ли чего-либо? Есть и мнение насчет Махмуда”. — “Согласен”, — ответил [Бу-л-Харис] и по молодости и недомыслию вошел. Приспела судьба. Сев, он заметил какое-то смятение, заподозрил неладное и испугался. Но тут принесли узы и его связали. Это было в среду, двенадцатого числа месяца сафара лета триста весемьдесят девятого [88]. Через неделю его ослепили и отправили

в Бухару; срок его правления был не более девятнадцати месяцев.

Совершив это тяжкое преступление, Фаик и Бегтузун выступили и пришли в Мерв. К ним прибыл эмир Абу-л-Фаварис Абдалмелик, сын Нуха. Он был еще безбородый, сев на престол. Правление государством возложили на Седида Лейса. Он приступил к делу, но был очень обеспокоен и в замешательстве. Туда же прибыл Бу-л-Касим Симджур с многочисленным войском и был милостиво принят. Когда ввести об этом дошли до эмира Махмуда, его обуял сильный гнев за Абу-л-Хариса, и он промолвил: “Ей богу, как только я увижу **[566]** Бегтузуна, я его ослеплю своей рукой”. Он выступил из Герата, пришел в Мерварруд и словно разъяренный лев стал напротив того народа. Подошли ближе друг к другу и оба полчища были настороже. Туда и обратно начали ездить посланцы из числа столпов, казиев, имамов и факихов и долго переговаривались, покамест не решили на том, чтобы Бегтузуну быть сипахсаларом Хорасана и дать ему область Нишабура с другими местностями, как полагалось сипахсалару, а области Балха и Герата

чтобы принадлежали эмиру Махмуду. На этом заключили договор и дело утвердили.

Эмир Махмуд удовлетворился и приказал пожертвовать большие средства [89], потому что мир был достигнут без кровопролития. В субботу, за четыре дня /***642***/ до конца месяца джумада-л-ула лета триста восемьдесят девятого [90], эмир Махмуд приказал пробить в литавры и, оставив своего брата эмира Насра в сторожевом полку, сам ушел. Дара, сын Кабуса, сказал: “Седидовцев, хамидовцев и других родов военных людей здорово надули: сей Махмуд от вас избавился бесподобно. Вы хоть пойдите и утащите что-нибудь из его обоза”. Множество людей, жаждя золота и одежд, помчались без приказа и согласия предводителей и напали на обоз и войско эмира Махмуда. Увидев такое, эмир Наср мужественно вышел вперед, вступил в бой и послал конных оповестить брата. Махмуд тотчас же повернул обратно, помчался, ударил и обратил тот народ в бегство. И длилось это до двух дней.

Сумятица поднялась в войсковом стане [Бегтузуна и Фаика], никто больше не задерживался из-за другого и все, что у них было, попало в руки эмира Махмуда и его войск. Повелитель Хорасана, разбитый и без снаряжения, побрел в Бухару. “*Подлинно, Аллах не изменяет своего обращения к людям, прежде чем они изменят помыслы свои* [91],— произнес эмир Махмуд.— Сей народ заключил с нами мир и договор, а потом нарушил. Господь бог, да славится поминание его, [этого] не одобрил и даровал нам победу над ними. Так как они учинили насилие над своим царевичем, то бог отказал им в своей помощи и защите, отнял у них достояние и богатство и отдал нам”. Фаик в месяце ша'бане этого года [92] получил повеление [отойти в иной мир], а Бегтузун бежал от эмира Махмуда в Бухару. Бу-л-Касим Симджур прибег под защиту. С другой стороны, из Узгенда примчался илек Бу-л-Хусейн Наср, сын Али [93]. В первый день месяца зу-л-ка'да сего года [94] он явился в Бухару и представился так, будто пришел изъявить покорность и оказать помощь. Через день Бегтузуна внезапно схватили со многими предводителями и

заковали. Повелитель Хорасана спрятался: его тоже схватили со всеми братьями и родственниками и в балдахинах увезли в Узгенд. Могущество рода Саманидов пришло к концу, а эмир Махмуд, не помышляя, сделался столь быстро повелителем Хорасана. Повесть эта рассказана ради того, чтобы стали ясны **[567]** слова султана Мас'уда, да будет им доволен Аллах, и ради назидательного примера, ибо от этаких рассказов появляется много пользы.

* * *

Когда эмир Мас'уд, да будет им доволен Аллах, понял, что горевать бесполезно, /***643***/ он снова вернулся к удовольствиям и стал пить вино, однако следы озабоченности [на нем] были явны. Он вернул свободу Нуш-тегину Новбати, и тот вышел из серая и зажил с дочерью Арслана Джазиба. Потом эмир его послал в Буст с сильным войском из конницы и пехоты, чтобы он был там шихне. Вершение всех дел в той области эмир возложил на него, и тот туда отправился. [Султан] послал Мас'уда, сына Мухаммеда Лейса, послом к Арслан-хану с письмами

и словесными заявлениями касательно помощи, согласия и содействия, и тот в понедельник, двадцать четвертого числа месяца шавваля выехал из Газны через Пенджхир.

От начальника почты в Балхе Эмирека Бейхаки прибыли записки, написанные тайнописью. Я их перевел, он писал, что туда пришел Дауд, под самый Балх, со значительной ратью и полагал, что город оставят и просто сдадут ему. Слуга [государя], дескать, все дела еще раньше укрепил и привел в город из сельской округи бродяг [95]. А правитель Хутталана город покинул и пришел сюда, затем что оставаться там не мог. Теперь мы с ним заодно. Идет борьба. Враг каждый день дрался для виду, покамест не прислал посланца, чтобы мы сдали ему город. Получив суровый ответ и [отведав] меча, он потерял надежду. Ежели высочайшее усмотрение найдет возможным, то пусть пришлют сюда из Газны отряд войска с бдительным предводителем, дабы нам сей город удержать, потому что весь Хорасан* зависит от этого города. Коль скоро противники его возьмут, то честь и достоинство сразу будут потеряны.

Эмир созвал тайное совещание с везиром, аризом, Бу Сахлем Завзани, сипахсаларом и старшим хаджибом и показал им записки. “Хорошо удержали тот город,— сказали они,— и Эмирек держится посреди этакой смуты, что поднялась. Войско надобно послать, может быть, Балх останется в наших руках, ведь ежели противники его захватят, Термез, Кубадьян и Тохаристан пропадут”. “То, что написал Эмире Бейхаки, он сообщил и написал неладно,— произнес везир,— потому что положение, которое создалось в Хорасане, невозможно поправить кроме как с присутствием там государя. Тем, что несколько человек удержат за [собой] какой-нибудь чардивар [96] дело не сделается, ибо врага есть подмога. В Балхе имеется много гнусных людей, злонравных и злонамеренных, и у Эмирека нет никакой подмоги. Слуга [государя] что знал, то доложил, а высочайшее мнение /***644***/ превыше [всего]”. **[568]**

“Я скажу то же самое,— проговорил Бу Сахль,— что говорит ходжа. Эмирек Бейхаки полагает, что жители Балха ему покорны, как были раньше. Ежели посылать туда войско, то менее двух тысяч конных

послать нельзя, ибо коль скоро будет меньше, то случится бесчестье. К Арслан-хану отправился посол и слуге [государя] представляется вернее в этаком деле подождать, что скажет хан, а здесь надобно дела налаживать. Ежели они согласятся с нами, то поусердствуют и поведут войска, а с этой стороны двинется государь, войска соединятся, и дело пойдет чисто. А ежели не придут, [наших] слов не послушают и будут лицемерить, тогда надобно будет действовать в силу своего понимания дела. Но посылать войско, чтобы удержать Балх, не стоит". Сипахсалар, старший хаджиб и свитские говорили: "Это так, но от посылки салара с отрядом ратных людей в Тохаристан убытка не будет, он ведь наш. Коли станет возможно, что они сумеют сохранить в руках Балх, то было бы прекрасное дело, а коли не сумеют — ущерба не будет. Ежели войско не послать, хорасанцы совсем отчаятся в сей державе, и воинство и раиягы".

Беседу поэтому кончили постановлением спешно отправить хаджиба Алтунташа с тысячью разного рода всадников и удалились. Начали деятельно

снаряжать Алтунташа. Везир, ариз, сипахсалар и старший хаджиб сидели, составляли поименные списки отборных воинов и раздавали чистоганом серебряные деньги, дабы войско снарядить сильное. Эмиреку мы ответили со спешной почтой и скорыми нарочными гонцами, что идет сильное войско с именитым саларом. Тебе, мол, горожанам и прочим падать духом не следует, а нужно принять все меры предосторожности, чтобы сохранить город, ибо за записками следует войско. Во вторник эмир выехал на хазру, что напротив поля Шабехар, и [там] сел. Войско, построившись в порядке, прошло мимо него, отменно снаряженное, на добрых конях. Хаджиб Алтунташ с предводителями явился на хазру. “Идите смело,— сказал эмир,— ибо вслед за вами мы пошлем еще войско, а затем и сами тронемся. Не от врага произошло этакое событие, /***645***/ а оттого, что случился голод. Придет хан туркестанский с большой ратью, и мы тоже двинемся, чтобы поправить это дело. Сохраняйте бодрость и когда придете в Баглан, посмотрите: ежели сумеете внезапно пройти в город Балх, то соблюдайте

осторожность и ступайте, чтобы занять город. Жители города и находящееся там войско при виде вас воспрянут духом и соединятся с вами. А ежели туда пройти невозможно, то направляйтесь в Вальвалидж и держите в руках Тохаристан, покамест вам не будет приказано то, что надлежит приказать; и слушайтесь писем Эмирека Бейхаки". — "Сделаем так",— ответили они, а эмир сел за вино.

Везир позвал меня и сказал: "Пойди и передай от меня Бу Сахлю, дескать, видишь ли, что происходит? Пришел такой враг, как Дауд с **[569]** многочисленным войском, перетряхнул Балх и по слову трех-четырех калек, ложной надеждой коих кормится [эмир], положили вороне на хвост войско; погляди, что выйдет". Я пошел и передал. Тот ответил: "Дело вышло из границ; нельзя сказать решительней, чем сказал великий ходжа. Ты слышал, что я говорил в подкрепление его, но оно услышано не было. Здесь уж не Серахская пустыня, а отправлением обязанностей везира занимается ныне Бу-л-Хасан Абдалджалиль. Посмотрим, что объявится".

Во вторник, семнадцатого числа месяца зул-л-ка'да [97], эмир отправился в крепость. Хозяином, принимавшим гостей, был кутвал. Устроили [прием] с большим благолепием, и весь народ усадили за столы. Пили вино. Эмир очень милостиво обходился с сипахсаларом и хаджибом Субаши и любезно разговаривал. В час пополуденной молитвы весь народ удалился счастливый. Эмир лег почивать, так как оставался там допоздна. На другой день, в среду, эмир открыл прием в крепости и разбирал дела. После разбора дел он созвал тайный совет, который продлился до позднего утра. “Разойдитесь,— сказал эмир,— все, что было предусмотрено на сегодня, сделано”.

Сипахсалар вышел, его отвели в маленький серай, который [стоит] в дехлизе эмирского серая и казнохранилища, и там посадили; хаджиба Субаши посадили в другом малом серае казнохранилища, а Бектугды — в помещении серая кутвала, [сказав], что они оттуда пойдут к столу, потому что и на завтрашний день все устроили так же. Как только их посадили, тотчас же — все наготове было еще с ночи

— крепостные пехотинцы /***646***/ с предводителями и хаджибами отправились и заняли сераи этих трех мужей, а также схватили всех связанных с ними лиц, так что из рук никто не ушел. Все это эмир устроил еще ночью с кутвалом, Сури и Бу-л-Хасаном Абдалджалилем, так что никто об этом не знал. Везир и Бу Сахль сидели у эмира, а я и прочие дебиры находились в мечети в том дехлизе, куда переводят посольский диван в то время, когда государь ездит в крепость.

Пришел ферраш и позвал меня [к эмиру]. Я явился и застал стоявших Сури с Бу-л-Хасаном Абдалджалилем и лекаря Бу-л-Ала. Эмир приказал мне: “Ступай вместе с Сури к Субаши и Али Дая, к ним есть устное сообщение, ты выслушай его и ответ на него, мы тебя назначили мушрифом, дабы то доложил нам”. Бу-л-Хасану он сказал: “Ты пойдешь вместе с Бу-л-Ала к Бектугды, вы передадите наше сообщение Бектугды, мушрифом будет Бу-л-Ала”. Мы вышли все сообща. Они направились к Бектугды, а мы к этим двоим. Сначала мы зашли к Субаши. Его кемеркеш Хасан был с ним. При виде Сури его

румяное лицо побледнело, но он ничего ему не сказал, мне же оказал почтение. Я сел. “Что угодно?” — обратился он ко мне. “Есть устное сообщение от султана, он [Сури] передаст, а я мушриф, дабы отнести ответ”. Он **[570]** обомлел и несколько времени думал, потом спросил: “Какое сообщение?” Сури удалил кемеркеша, тот вышел и его схватили.

Сури вытащил из-под кафтана свиток, [на нем] рукой Бу-л-Хасана одно за другим были перечислены предательства Субаши, начиная с того дня, когда его послали в Хорасан на войну с туркменами, до настоящего времени, когда произошло событие под Денданеканом. В конце было сказано, что ты-де нас обманул с целью оправдать свое поражение. Субаши все выслушал и произнес: “Все это продиктовал сей человек, то есть Сури. Скажи султану, что я уже отвечал на эти наветы, когда приехал из Герата в Газну. Государь хорошо слышал и стало несомненно, что все сделанные представления ложны. С высочайших уст сошли [слова]: “Я прощаю, ибо [сие] — ложь”. Недостойно государя снова возвращаться к сему. [Что касается] его

соображения, что я домогался события под Денданеканом, то государю ведомо, что я предательство не совершал и говорил, что идти на Мерв не следует. /***647***/ У меня не осталось богатства, которое может где-нибудь обнаружиться. Ежели с моим заключением поправятся дела с противниками, то пусть станет жертвой царского повеления сотня жизней, подобных моей. Но поскольку я невиновен, то надеюсь, что на жизнь мою посягательства не будет Сына, который у меня есть, пусть взрастят в серае, дабы он не пропал",— и он заплакал, так что мое состояние было весьма неприятное. Сури стал с ним грубо спорить. После его некоторое время содержали в этой же комнате, как я расскажу в своем месте.

Мы ушли оттуда. По дороге Сури спросил у меня, не совершил ли он чего-нибудь предосудительного при передаче сообщения. "Нет, не совершил", — ответил я. "Расскажи же все", — сказал он. — "Непременно". Мы направились к сипахсалару. Он [сидел], опершись спиной о сундук, в одежде из шелкового мульхама [98]. Увидев меня, он спросил: "Что

прикажете?” “Есть устное сообщение от султана, написанное рукой Бу-л-Хасана Абдалджалиля,— ответил я,— а я мушриф, дабы выслушать ответ”. “Сказывайте”,— промолвил он. Сури начал читать ему другой свиток. Когда он кончил, сипахсалар сказал мне: “Я так и знал, это куча вздора, который написал Бу-л-Хасан и другие об отрезании ушей по дороге и прочем и о надувательстве тоже. У них загорелось желание, чтобы отняли то, что у меня имеется. Это дело ваше. Скажи султану, что я стал стар и уже насладился порой моего счастья. После эмира Махмуда до нынешнего дня я жил излишне. Завтра, дескать, посмотри, что увидишь от Бу-л-Хасана. Хорасан пропал из-за Сури. По крайней мере в Газне не давай ему воли”. Я удалился.

По дороге Сури сказал мне: “Разговор обо мне ты пропусти”. “Я не могу обманывать”,— возразил я. “Ну хоть везиру не говори, он плох со мной и будет злорадствовать, а эмиру доложи наедине”. “Я так и сделаю”,— ответил я, явился к эмиру, и ответы сих двоих были **[571]** пересказаны, кроме слов [о Сури]. Бу-л-Хасан и Бу-л-Ала тоже пришли и принесли

ответ от Бектутды в таком же роде. Двух детей, сына и дочь, он препоручил эмиру, сказав, что у него не осталось вкуса к жизни, потому что нет у него глаз, рук и ног. Везир, Бу Сахль и я удалились. Всех людей отпустили и крепость очистили, так что в крепости ни души не осталось.

/***648***/ На другой день приема не было. В час предзакатной молитвы эмир возвратился в новый кушк. В пятницу он открыл прием и сидел долго, потому что разбирал дела саларов, наличных денег, имущества и животных, принадлежавших арестованным. Из собственности Субаши не находили ничего, ибо она ограблена была два раза, зато из принадлежавшего Али и Бектугды находили очень много. Около часа предзакатной молитвы эмир встал. Я пошел и сказал Агаджи, что у меня есть тайное сообщение. Эмир вызвал меня к себе. Я доложил соображение о разговоре насчет Сури и сказал: “После того дня вышло промедление, потому что Сури просил то-то и то-то”. “Я так и думал, — заметил эмир,— точно так и оказалось. Ты скажи Сури, ежели спросит, что-нибудь другое”. Я

удалился, и Сури спросил. Я ввел его в заблуждение, сказав: “Эмир говорит, что скудоумные [советники] высказывают много глупостей”.

В среду, за пять дней до конца месяца зу-л-ка'да [99], дали два драгоценных халата хаджибу Бедру и хаджибу Ар-тегину: Бедру — [халат] старшего хаджиба, а Ар-тегину — начальника гулямов. Они удалились домой, и им хорошо воздали должное. Ежедневно они являлись ко двору со значительным нарядом слуг и прибором. На этой неделе эмир в глаза и через словесное сообщение выразил порицание Бу Сахлю Завзани за историю с Бу-л-Фазлом Курники [100] и сказал: “Причина его мятежа— ты, потому что начальником почты там был твой помощник, он с ним ладил и соглашался и не доносил правду о его намерении, а ежели бы донес кто-нибудь другой, то он бы стал жаждать его крови. С помощью хитрости Бу-л-Фазл был пойман, ты и Бу-л-Касим Хусейри заступились, взяли его из моих рук, а ныне он завязал переписку с туркменами и, когда случился в Хорасане беспорядок, поднял мятеж и намеревается напасть на Буст. Теперь тебе

придется отправиться в Буст, где находится Нуш-тегин Новбати со значительным войском, дабы войной или миром дело Бу-л-Фазла привести к благополучному концу”.

Бу Сахль очень взволновался, взял себе в помощники везира, подговорил ходатаев, ко сколь много ни говорили, эмир сильно бранился, как /***649***/ бывает в обычае у царей, когда они не расположены что-либо сделать. И везир потихоньку сказал Бу Сахлю: “Султан не тот, что был. Я совсем не знаю, что еще приключится. Не упорствуй, соглашайся и уезжай, не стоит, чтобы произошло что-нибудь, от чего мы все будем горевать”. Бу Сахль испугался и согласился. Как можно знать, что **[572]** находится за завесой неизвестности! *Быть может, вы чувствуете отвращение к чему-либо, а оно вам к добру* [101]. Ежели бы он не поехал в Буст, то после того, как эмир Мухаммед осилил этого падишаха в Мари-келе [102], первый человек, коего разрубили бы пополам, был бы Бу Сахль, в силу того зуба, который на него имел [эмир Мухаммед]. Дав согласие отправиться, он сделал меня своим заместителем и снова взял от

эмира грамоту с царской печатью, ибо опасался, как бы в его отсутствие его враги не напортили ему в диване. Я написал соглашение касательно дивана и дебиров, написал ответы, и [государь] сделал распоряжения. На рассвете Бу Сахль повидал эмира, был на словах обласкан и отбыл из Газны.

В четверг, в третий день месяца зу-л-хиджжа [103], он остановился в одном саду на окраине города. Я поехал туда, условился с ним о тайнописи, простился и вернулся обратно. Наступил праздник жертвоприношения. Эмир распорядился, чтобы никакой пышности насчет гулямов, пехотинцев, свиты и угощения не было. Он прибыл на хазру площади, сотворили праздничную молитву и совершили обряд жертвоприношения. Праздник был очень тихий, без шума. Угощения не было [104], и весь народ удалили. Люди не сочли это за доброе предзнаменование: пошли толки, что жизнь государя пришла к концу, но никто [ничего] не знал. В воскресенье, за два дня до конца месяца зу-л-хиджжа [105], пришла спешная почта из Дербенд-и Шакурда [106] с накинутым кольцом и запечатанная в нескольких

местах. Я вскрыл ее, было это около часа пополуденной молитвы. Эмир удалил посторонних из серая, чтобы выслушать новости спешной почты. Начальник почты Дербенда писал: “Только что разнеслась ужасная весть. Слуга [государев] не хотел сообщать ее до прошествия часа предзакатной молитвы, ибо опасался, что это ложные слухи. В час предзакатной молитвы прибыло подтверждение, записка тайнописью, посланная слуге [государя] Эмиреком Бейхаки. Да будет она ведома”. Я перевел тайнопись, Эмирек Бейхаки писал: “С тех пор, как пришло извещение, что Алтукташ выступил из Газны, /***650***/ слуга [государя], каждый день посылал к нему одного-двух нарочных гонцов, сообщал ему о том, что происходило нового в положении неприятеля, о чем писали осведомители, и говорил, как надобно идти и какого рода меры предосторожности принимать. Он поступал согласно тому, что читал, и шел осторожно, в боевом порядке. Как раз когда он вышел из Баглана и приблизился к неприятелю, [воины] осторожность отбросили и начали заниматься грабежом, так что раияты стали

взывать о помощи, спешно побежали и оповестили Дауда. Тот слышал, что из Газны идет салар и кто этот салар и держался настороже. Когда он со слов раиятов удостоверился, то сейчас же, чтобы убедиться полностью, назначил одного хаджиба с шестью тысячами всадников и несколькими предводителями встретить Алтунташа и распорядился, **[573]** дескать, надо в нескольких местах устроить засады. Сам он покажется с двумя тысячами конных и вступит в жаркую схватку. Затем даст тыл, чтобы те сгоряча последовали за ним и прошли мимо засад. Тогда пусть выскочат из засад с двух сторон, помчатся и вступят в дело.

Когда прибыла в таком смысле записка осведомителя, я сейчас же послал к Алтунташу и написал, чтобы были начеку, когда подойдут к неприятелю, но они должным образом мер предосторожности не принимали, покамест не случилась беда. На исходе ночи враг дошел до Алтунташа и завязал бой, хорошо бился, потом дал тыл. Наши люди в стремлении что-нибудь захватить помчались вслед. Свита салара и предводители

бездействовали. Неприятель выскочил из засад; многих убили, многих взяли в плен, а Алтунташ, отбиваясь, бросился к городу с сотнями двумя всадников. Мы, слуги, ободряли его и людей, кои были с ним покуда не наступило успокоение. Что сталось с тем войском [107], мы не знаем”.

Письмо из Дербенда с запиской тайнописью вместе с переводом я завернул в лоскут и отнес к Агаджи. Он понес в серай и долго там оставался. Потом появился и сказал: “Он тебя зовет”. Я пошел — эмира я в тот день уже при случае видел,— он сказал мне: “Дело с каждым днем усложняется все больше. Это предусмотрено не было, что да станет крепость Эмиреку силком и да улетит сокол еще до Балха: принадлежащее нам войско уничтожили. /***651***/ Снеси эти записки туда к ходже, чтобы он узнал об этом обстоятельстве, да скажи, что правильный замысел был тот, который предложил ходжа, но нас не предоставили самим себе: Али Дая, Субаши и Бектугды меня к этому принудили, а теперь обнаруживаются этакие предательства с их стороны. Пусть ходжа не говорит, что они невиновны”.

Я отправился к ходже. Он прочитал записки, выслушал словесное сообщение и сказал мне: “Каждый день что-нибудь такое. А султан, конечно, не откажется от самовластья и [своих] ошибочных мероприятий. Теперь, раз случилось этакое обстоятельство, нужно отписать к Эмиреку, чтобы хорошенько оберегали город и воодушевляли Алтунташа, дабы хоть та свита при нем не пропала даром, да были бы приняты меры, чтобы им суметь уйти в Термез, ибо есть опасение, что город Балх и столько мусульман пропадут по глупости саларства Эмирека”. Я ушел и доложил эмиру. “Надобно написать именно так”,— согласился он. Написали и спешной почтой отправили к кутвалу Бек-тегину, также и с нарочными. После этого, вызвавшего полную растерянность события, эмир совсем отказался от Газны. Пришел его смертный час, страх и ужас обуяли его, и он потерял надежду.

Комментарии

1. ***

2. См. выше стр. 89.

3. У мусульман сутки начинаются с заходом солнца, следовательно, вечер пятницы — вечер четверга.

4. О сакте см. Ибн Сина “Канон врачебной науки”. III—I, стр. 165 и сл. Все три названных заболевания и их симптомы позволяют думать о случившемся апоплексическом инсульте.

5. Дата смерти Бу Насра Мишкана, принимая во внимание все указанные выше даты,—21 мухаррама 431 г. х.— 13 октября 1039 г.

6. ***

7. ***

8. ГФ указывают, что в *** автором этих стихов назван Абу-л-Касим ал-Музаффар б. Али ат-Т.

9. В списках ***. В ГФ нисба переправлена на ***, со ссылкой на ***. (III, 117), где эти стихи приписываются Абу-л-Аббасу Забби.

10. “Молодому” Бу-л-Фазлу Бейхаки в ту пору было 45 лет.

11. Абу Бекр Мухаммед б. Яхья ас-Сули (ум. 946 г.) — арабский историк, филолог и поэт.

12. В других привлеченных ГФ списках, кроме АП: Али Рагш ал-Везир (?).

13. *** — значение этого слова в данном контексте неясно.

14. По сведениям ГФ, в округе Мешхеда ныне существует селение Рабат-и Сен-джад, которое, возможно, тождественно селению Серай Сенджад. Что касается селений, упоминаемых ниже, то по их же сведениям, Нук и поныне существует на старой дороге из Туса в Кучан и относится к районам последнего. Существуют сейчас также Таберан Тусский и Са'дабад, второй — в Мешхедском районе Дарзаб.

15. 25 ноября 1039 г.

16. Неясное слово ***. В АП этой фразы нет.

17. ***

18. Текст этого предложения испорчен и неясен. В некоторых списках оно совсем опущено. Сказуемое в plusquamperfect'e указывает, что “захватили” ранее чего-то другого, но чего?

19. Т. е. войскам Мас'уда.

20. Неясное слово ***

21. 4 января 1040 г.

22. 16 января.

23. ***

24. ***

25. Хаф и Бахара — два округа в Хорасане к западу и северо-западу от Герата.

26. ***

27. ***

28. ***

29. Т. е. от меланхолии.

30. Подлежащее в оригинале отсутствует.

31. ***

32. ***

33. ***

34. Фраза о газнийском кутвале как будто не на месте и попала сюда при переписке случайно.

35. Неясное слово ***

36. Т. е. Бу Сахля Хамдеви.

37. 6 марта 1040 г.

38. Т. е. через письменный приказ властям по месту ссылки Мас'уда заплатить ему указанную сумму.

39. Очевидно описка и следует читать диремов.

40. ***

41. 3 мая 1040 г.

42. Здесь названа кунья того же Мас'уда Лейса.

43. Т. е. знаки власти главнокомандующего.

44. 17 мая 1040 г.

45. ***

46. Откуда не сказано.

47. 22 мая 1040 г.

48. ***

49. 23 мая 1040 г.

50. *** — флангов; можно понимать и “с краев, от берегов”, но в таком случае с каких краев и от каких берегов?

51. Об этом инциденте в сохранившейся части “Истории Мас'уда” ничего не рассказывается.

52. ***. По словам Истахри и Мукаддаси, Денданекан находился в однодневном переходе от Мерва по дороге в Серахс. Это был небольшой город, укрепленный, с одними воротами. Бани и караульни (караван-сараи, рабаты) были расположены вне его. Развалины этого города в 33

км на юго-запад от современного г. Мары и в 65 км от Старого Мерва ныне известны под названием Таш-Рабат. В. Жуковский, Развалины старого Мерва, 21, 25; С. А. Ершов, Данденакан" КСИИМК, XV, 1947, 126; Г. А. Пугаченкова, Пути развития... 256 сл.

53. ***

54. Т. е. верховых лошадей хороших пород.

55. Т. е. со значками, на которых было изображение льва.

56. ***

57. ***

58. Т. е. на стороне противника.

59. Название замка в оригинале опущено.

60. Т. е. составили вереницу привязанных друг к другу верблюдов, как обычно для караванов.

61. 31 мая 1040 г.

62. *** — мы же не вхо-дили в их счет.

63. Тяжелое для султана Мас'уда.

64. Т. е. сын всеми почитаемого и уважаемого человека.

65. ***

66. *** здесь, по-видимому, в смысле походного султанского архива.

67. Ниже (стр. 559), в послании Мас'уда к Арслан-хану, оно названо замком [хисар] Бу-л-Аббаса [сына?] Бу-л-Хасана Халафа.

68. ***

69. Автор воспроизводит, очевидно, черновой образец послания, а потому в нем опущены некоторые даты и названия селений.

70. ***

71. *** дословно - ослепил. Источник — *** или *** т. е. глаз, поэтому закупорить источник и значит ослепить его.

72. ***

73. Т. е. верховых животных: лошадей и мулов.

74. *** вар.***. Чтение в переводе условно.

75. Ср. выше, на стр. 555.

76. Т. е. Рабат-и Керван.

77. По словам Якута Тернег — долина в области Буста. ГФ, 635, пр. 1.

78. Дальше в ВМ вставлены еще три бейта.

79. Т. е. огнепоклонника.

80. *** — Фуфайка, носимая под броней или, по другим сведениям, шлем и кольчуга и вообще военные доспехи.

81. Нисан — месяц сирийского календаря, соответствующий апрелю

82. Кор.5_1

83. 21 июня 1040 г.

84. Июль-август 997 г.

85. Т. е. Абу-л-Харис Мансур II, сын Нуха II, Саманид (387 — 389 г. х. — 997— 999 гг.).

86. См. выше стр. 204.

87. *** значит превосходный, знаменитый, славный.

88. 2 февраля 999 г.

89. ***

90. 16 мая 999 г.

91. Кор. 13_{12}

92. Июль-август 999 г.

93. Бу-л-Хусейн Наср I, сын Али (ок. 389—400 г. х. — 998—1001 гг.).

94. 14 октября 999 г.

95. *** — см. примеч. 8 к летописи 430 г.

96. *** — чардивар — дословно четверостение, так называлось место в степи, огороженное четырьмя земляными валами, за которыми укрывали скот и отсиживались караваны во время нападений на них.

97. 30 октября 999 г.

98. ***

99. 8 августа 1040 г.

100. Так читают нисбу ГФ, ссылаясь на Якута.

101. Кор. 2_{213}.

102. ***. Слово употребительно нарицательно — virgin fortress in the sense of an impregnable stronghold. Steingass, A Comprehensive Persian-English Dictionary, London, 1921, Ср. выше стр. 473.

103. 15 августа 1040 г., пятница.

104. Во всех списках *** — поставили угощение; отрицание введено ГФ.

105. 28 сентября 1040 г., вторник.

106. *** чтение в переводе условно, местоположение не установлено.

107. Т. е. остальной частью отряда Алтунташа.

[ЛЕТОПИСЬ] ГОДА ЧЕТЫРЕСТА ТРИДЦАТЬ ВТОРОГО

Первым днем месяца [мухаррама] и началом года была пятница [1]. Эмир после приема созвал совет с везиром, кутвалом, Бу Сахлем Хамдеви, аризом Бу-л-Фатхом Рази, старшим хаджибом Бедром и новым саларом [гулямов] Ар-тегином. Царский пердедар пошел и позвал царевича эмира Мавдуда. Потребовали реестры войскового дивана. Принесли. Явился ферраш и сказал мне: “Надобно принести бумагу и чернила”. Я пошел, [государь] усадил меня — с тех пор, как Бу Сахль уехал, меня в заседаниях [2] сажали и смотрели [на меня] другими глазами — и затем дал распоряжение аризу, и тот стал называть имена предводителей, а эмир сказал мне, чтобы я составлял два отряда, один в одном месте, другой — в другом, покамест не переписал большую часть свиты, коей быть в Хейбане. Когда мы с этим покончили, [государь] позвал придворного дебира,

тот пришел с реестром гулямов. [Эмир] назначал, /***652***/ а я записывал, так что самые отборные гулямы были записаны для Хейбана, а гулямов, самых близких к государю и попригожей лицом, он отобрал себе.

Когда мы покончили и с этим, эмир обратился к везиру и сказал: “С Алтунташем случилось известное событие, и он с несколькими всадниками пробился в Балх, а войско, кое было с ним, хотя и разбили и бросили на ветер, само собой, вернется обратно; пусть позаботятся о нем. Сыну Мавдуду мы поручим отправиться в Хейбан и пребывать там с войском, кое записано; хаджиб Бедр пусть пойдет с ним да Артегин и гулямы. А тебе, Ахмеду, надобно сделаться у него помощником и кедхудаем, покамест те войска из-под Балха не прибудут к вам. Пусть им сделают смотр, а помощник ариза пусть выдаст им средства [3]. Мы же снарядим другие войска и пошлем вслед за вами. Тогда вы пойдете нашим передовым полком, а мы, приготовившись, последуем за вами, дабы исполнилось то, что предопределил господь бог, да славится поминание его. Ступайте и делайте свои

дела; то, что нужно приказать, мы вам прикажем, покуда вы еще стоите здесь”.— “Слушаемся”,— ответили они и удалились. **[575]**

Ходжа пошел в диван, уединился, позвал меня и спросил: “Что за дело он опять предпринял?” “Суть дела и мероприятия, кои у него в мыслях, я знать не могу,— ответил я,— но столько знаю: с тех пор, как прибыло письмо от Эмирека о происшествии с Алтунташем, состояние государя сделалось совсем другое, им овладела безнадежность”. “Ежели положение таково, то мне не стоит говорить, пойду ли я или нет. Тебе нужно будет передать ему мое устное сообщение”,— произнес [везир]. “Слушаюсь”. Он сказал: “Передай, дескать, Ахмед говорит, что государь дал слуге [его] распоряжение отправиться вместе с царевичем в Хейбан, с вельможами и предводителями, и чтобы к нам примкнули другие войска. Грамота об этом не заготовлена и слуга [государя] не знает, как ему надобно будет поступать. Ежели высочайшее усмотрение сочтет возможным, то слуга [государя] написал бы соглашение и испросил то, что нужно

испросить, потому что этот поход весьма тонок вследствие того, что в передовом полку будет царевич и эти вельможи и указывается, что /***653***/ государь в счастливый час двинется вслед за нами. Воля его, и слуги повинуются, на любой службе они будут стоять, покуда душа в теле. Однако не обязательно скрывать от слуги, который является везиром государя, то, что государем задумано, ибо слуга [его] падет духом. Ежели высочайшее усмотрение найдет возможным, то пусть государь откроет, каково его намерение, чтобы действовать в согласии с ним и слуга [его] поступал бы соответственно соглашению, а царевич и военные предводители передвигались, повинуясь приказу, дабы не произошло никакого расстройства. Может статься, что слугам [государя] будет дан приказ, сколь можно быстрей отправиться в Балх и Тохаристан в то время, когда никак нельзя будет об этом снестись [с государем] письменно. [Государь] также удостоил царевича важной должности: юн сегодня получит сан наместника государя и начальника войск. Необходимо, чтобы снаряжение

его в смысле гулямов и всего прочего было больше, чем у других. Ему обязательно нужен кедхудай, который заботился бы о его личных делах. Сии слова — моя священная обязанность, дабы руководить царевича, храня его”.

Я отправился и передал это сообщение. Эмир доброе время размышлял, потом сказал: “Ступай и позови ходжу”. Я пошел и позвал его. Везир явился. Агаджи повел его. Эмир был в малом серае, везир вошел и оставался [там] очень долго. Потом пришел Агаджи и позвал меня с чернилами и бумагой. Я предстал пред лицо государя. Эмир сказал мне: “Пойди к ходже домой и сядь с ним наедине, дабы он тебе пересказал, что я говорю и приказываю и написал соглашение. В час предзакатной молитвы ты сам его принеси, чтобы написать ответы. То, что вы сделаете, и что ты услышишь, надобно держать в тайне”, Слушаюсь”,— ответил я, удалился и пошел с везиром к нему домой. Мы **[576]** немного закусили и отдохнули; потом он удалился и позвал меня, я сел.

Он произнес: “Да будет тебе ведомо, что эмир страшно боится врагов и сколько я ни силился [его успокоить], пользы не было. Не судьба ли приспела к нему, которую мы отвратить не можем? Ему представляется так, что поскольку с Алтунташем приключилось известное событие, Дауд непременно направится в Газну. Я много говорил, что этого никогда не будет, чтобы тот, не покончив с Балхом, покусился на другое какое-нибудь место, особливо на Газну. Конечно, пользы не было, и государь сказал: /***654***/ “То, что знаю я, вы не знаете. Надо приготовиться и скорей отправляться в Перван и Хейбан”. Насколько я видел по [его] действиям, настолько угадал, что он хочет уйти в Хиндустан. Он [это] скрыл от меня и говорит, что несколько времени пробудет в Газне; а потом он будто бы двинется за нами. Нелепо было больше расспрашивать. Он велел написать соглашение, чтобы ты ему представил и, написав ответы и приложив царскую печать, вручил мне. Должность кедхудая при царевиче решено дать зятю [моему] [4] Абу-л-Фатху Мас'уду, который достойней всех”.

“Прекрасный выбор он сделал,— ответил я, — даст бог, он это дело исполнит благополучно”. “Боюсь я этих состояний [его]”,— заметил везир и начал собственноручно писать соглашение. Заняло некоторое время, покамест [соглашение] было составлено. Господин ходжа по этой части кое-что из себя представлял. То, что писал он, не написали: бы несколько человек, ибо он был самый одаренный и искусный писец из сынов [того] времени. Он написал о том, в какой мере оказывать услугу царевичу и в какой степени тот должен соблюдать достоинства слуги [государя], значительную статью о дворцовых гулямах и их начальнике, статью о старшем хаджибе и прочих военных предводителях, статью насчет выступлений в поход и остановок и сбора сведений о неприятеле, и статью насчет жалования войску и назначения [на должность] и отставки представителя войскового дивана.

Я взял соглашение, понес во дворец и через служителя уведомил эмира, что принес соглашение. Он позвал меня к себе, распорядился больше никого не принимать, взял соглашение, внимательно

ознакомился и сказал: “Ответы на эти статьи ты в каком виде напишешь? Тебе ведь, несомненно, лучше известно, что написал бы на такие статьи Бу Наср Мишкан”. Я ответил: “Слуге [государя] известно. Ежели высочайшее усмотрение позволит, слуга [государя] напишет ответы на [статьи] соглашения, а [государь] высочайшей рукой приложит печать”. “Садись,— приказал [эмир],— и тут же пиши”. Я взял соглашение, написал ответы на статьи и прочитал. Эмиру понравилось; несколько выражений он изменил, я поправил, как сошло с его уст. Затем [ответы] в таком виде были утверждены, /***655***/ я переписал [их] **[577]** под статьями соглашения, и эмир поставил царскую печать, а внизу соглашения написал своей рукой: “Превосходительный ходжа, да продлит Аллах его помощь, пусть руководствуется сими ответами, кои написаны по моему повелению и скреплены царской печатью, и да покажет он свою способность и искренность, подавая совет по любому делу и при любых событиях, дабы заслужить похвалу и доверие к себе, ежели Аллаху будет угодно”.

Он отдал мне соглашение и сказал, чтобы я условился с везиром о тайнописи, дабы все, что поважнее, писали с обеих сторон этой тайнописью. “Скажи, чтобы [везир] сегодня вечером позвал к себе Мас'уда и от нашего имени [его] воодушевил и подал надежды, а завтра привел бы его с собой во дворец, чтобы он повидал нас ради предоставления ему должности кедхудая [нашего] сына и он бы удалился с халатом”.— “Сделаю так”,— ответил я, пошел к везиру, вручил ему соглашение и передал устное сообщение. Он весьма обрадовался и произнес: “Ты сегодня потрудился, стараясь по моему делу”.— “[Готов] служить, хотелось бы только, чтобы от моей помощи дело вышло”, — ответил я и стал собираться уйти. “Садись, — сказал [везир],— ты позабыл насчет разговора о тайнописи”.— “Нет, не забыл,— возразил я,— только я хотел этим заняться завтра, ибо я, должно быть, уже наскучил господину”. — “Я тебя кое-чему поучу,— проговорил он,— смотри, не откладывай сегодняшнее дело на завтра, ибо каждый грядущий день приносит свое дело. Говорят, откладывание сегодняшнего дела на завтра

происходит от лености плоти”.— “Свидание и заседание с господином только на пользу”,— ответил я.

Он взял перо, и мы условились о необычной тайнописи. [Затем] он снял со стойки какое-то письмо, на обороте его переписал тайнопись и сделанный своей рукой список передал мне. По-турецки он сказал несколько слов гуляму. Тот принес кису с серебром и золотом и одеяния и положил передо мной. Я облобызал землю и произнес: “Да уволит меня господин от этого”. Он ответил, что я сегодня работал как дебир и нелепо дебиров заставлять трудиться даром. “Воля господина”,— промолвил я и удалился. Деньги и одеяния вручили моему человеку; было пять тысяч диремов и пять штук одежды. На другой день ходжа привел с собой Мас'уда. Это был молодой человек знатного происхождения, умный, красивый лицом и статный, но не видавший света и не отведавший горячего и холодного, а молодому человеку обязательно нужно испытать трепку от судьбы и событий.

В преданиях о халифах я читал так, что Джа'фар, сын Яхьи; сын Халида Бармеки был столь несравним по части умения править **[578]** государством, образованности, вежливого обращения, мудрого суждения, воздержанности и способностей, что в пору везирства его отца его называли *второй везир*, ибо эту должность большей частью исправлял он. Однажды он заседал в судилище по разбору жалоб, прочитывал прошения и писал решения; таков был обычай. Всего было около тысячи прошений, на которых он написал решения [5], дескать, по такому-то делу надобно сделать то-то и то-то, а по такому-то — то-то. Последнее прошение был свиток в более чем сто строк мелкого, убористого письма. Явился личный слуга Джа'фара, сына Яхьи, освободить его, чтобы он больше не работал. Джа'фар на обороте того прошения написал: “*Просмотрено, пусть поступят насчет него так, как поступают в подобных делах*”. Когда Джа'фар встал, прошения те понесли в судилище, в [диваны] везира, постановлений, вакуфного и отказанного на

благоугодные дела имущества и податной [6], и [там] внимательно рассмотрели. Люди изумлялись и поздравляли его отца Яхью. Тот отвечал: “Абу Ахмед, то есть Джа'фар, в [наше] время единственный *во всем, что касается науки, однако он нуждается в труде, его совершенствующем*”.

Таково же было положение ходжи Мас'уда, да приветствует его Аллах, когда он из дома и училища попал к престолу владык. Конечно, ему пришлось претерпеть от судьбы то, что он претерпел, и вкусить того, что вкусил, как я расскажу в этом сочинении в своем месте [7]. Ныне, в лето четыреста пятьдесят первое, по повелению высокого государя, великого султана Абу-л-Музаффара Ибрахима, да продлит Аллах его существование и да дарует победу его родичам, он сидит в доме своем, покамест не придет повеление снова явиться к престолу. Говорят, что неустойчивое счастье должно восстанавливаться [вновь], а счастье, кое постоянно следует желанию, не отвращаясь, того обладатель падет раз навсегда. *Упаси боже от несчастья и перемены обстоятельств!*

Эмир, да будет им доволен Аллах, открыл прием и пред лицо его предстали везир и вельможи. Когда они сели, ввели ходжу Мас'уда. Он исполнил обряд поклонения и встал. Эмир произнес: “Мы избрали тебя на должность кедхудая сына [нашего] Мавдуда. Будь благоразумен и работай согласно распоряжениям, кои будет давать ходжа”. Мас'уд ответил: “Слуга [твой] повинуется”, — облобызал землю и удалился. Ему прекрасно воздали должное. Он возвратился домой, пробыл там с час, затем явился к эмиру Мавдуду. Все, что ему поднесли, доставили туда. Эмир /***657***/ Мавдуд его принял милостиво. Оттуда он **[579]** направился в дом везира. Тесть его, везир, был с ним очень добр и отпустил. В воскресенье, десятого числа месяца мухаррама [8], эмиру Мавдуду, везиру, старшему хаджибу Бедру, салару Ар-тегину и другим дали халаты весьма драгоценные; ни в какие времена подобных не давали и никто этаких не помнил. Названные особы предстали пред лицо государя, исполнили обряд поклонения и удалились. Эмиру Мавдуду дали двух слонов, самца и самку, барабан, дабдабу и вдобавок

много к сему подходящего; точно также и прочим. Все дела были полностью завершены.

Во вторник, двенадцатого числа сего же месяца, эмир, да будет им доволен Аллах, выехал [из дворца], прибыл в Баг-и Фирузи, на хазру Золотой площади и сел — здание и площадь ныне приняли другой вид, а тогда они были в своем [первоначальном] состоянии. Еще раньше он велел созвать гостей на пышный праздник, приготовить угощение и подать харису [9]. Приехали также эмир Мавдуд и везир и сели. Начало проходить войско [10]. Сначала шла свита эмира Мавдуда: зонт и широкие значки, двести человек гулямов, все в латах, с короткими копьями, множество поводных коней и верблюдов-скороходов, пехота и сто семьдесят человек дворцовых гулямов в полном вооружении. Вслед за ними — дворцовые гулямы, отряд в пятьдесят [человек], и человек двадцать серхенгов, их вожаков, хорошо снаряженных, с множеством поводных коней и верблюдов, а следом за ними вооруженные серхенги. Покуда все прошли, миновало время до часа пополуденной молитвы.

Эмир приказал посадить за стол сына, везира, старшего хаджиба, Ар-тегина и предводителей и сел сам. Покушали, и люди, отвесив прощальный поклон, удалились. *То была последняя встреча с сим владыкой, да будет над ним милость Аллаха*.

После их отбытия эмир обратился к ходже Абдарреззаку: “Что скажешь, не выпить ли нам несколько слоновых стоп [11] вина?” “День-то какой,— ответил тот,— и государь весел и царевич уехал как желал, с везиром и с вельможами, да при всем этом /***658***/ наелись мы харисы, ради какого же еще дня откладывать вино?” “Давайте отправимся запросто в поле и будем пить вино в Баг-и Фирузи”,— сказал эмир. Доставили уйму вина и тут же со [смотровой] площади отправились в сад. В палатке поставили штук пятьдесят сатгинов и бутылей. Сатгины пустили в ход. “Соблюдайте-ка справедливость,— заметил эмир,— наливайте сатгины поровну, чтобы не вышло обиды”. Поэтому пустили в ход сатгины по полмена [12] каждый, и пир пошел горой. Заиграли и запели мутрибы.

Бу-л-Хасан выпил пять сатгинов, на шестом бросил щит [13], на седьмом потерял рассудок, а на восьмом его начало тошнить и его уволокли ферраши. Лекарь Бу-л-Ала на пятом погрузился в раздумье и его увели. Хелиль, сын Дауда, выпил десять, Сия Пируз — девять, **[580]** обоих отнесли на улицу Дейлемцев. Бу На'им выпил двенадцать и удрал. Дауд Мейменди свалился пьяный, мутрибы и скоморохи тоже все перепились и сбежали. Остались султан и ходжа Абдарреззак. Ходжа выпил восемнадцать и попросил позволения уйти, сказав эмиру: “Довольно, ежели еще поднесут, пристойность и рассудок меня, покинут”. Эмир рассмеялся и отпустил его. Тот встал и, соблюдая, все правила приличия, удалился. После этого эмир пировал в одиночестве и выпил двадцать семь сатгинов по полмена. [Затем] поднялся, потребовал таз с водой и молитвенный коврик, сполоснул рот и сотворил молитву пополуденную и молитву предзакатную. Казалось, будто* он совсем и не пил вина. И все это я, Бу-л-Фазл, видел воочию, своими глазами. А эмир сел на слона и направился в кушк.

В четверг, девятнадцатого числа месяца мухаррама [14] кутвал Бу Али выступил с войском из Газны и пошел на халаджей, ибо от них: исходила крамола. По всем делам эмир обращался к Бу Сахлю Хамдеви, и на того нашло сильное отвращение, он отстранялся, но соблюдал сторону везира. Он заверял меня, что все тайные совещания и мероприятия, кои принимались, для него неприятны. Я тоже был причастеи к важным делам. Нежелание господствовать и несостоятельность суждений [эмира] дошли до такой степени, что он однажды устроил негласное совещание с Бу Сахлем /***659***/ — присутствовал и я — и сказал: “Область Балха и Тохаристан надобно отдать Бури-тегину, пусть он с мавераннахрским войском и свитой придет и воюет с туркменами”.

“Насчет этого следовало бы поговорить с везиром”,— ответил Бу Сахль. “Ты на него сваливаешь, потому что он человек просвещенный”,— произнес эмир и приказал мне в этом же заседании написать жалованную грамоту и письма.

Поставив печать, он сказал: “Нужно вручить кому-нибудь из стремянных, чтобы отвез”. “Слушаюсь”,— ответил я. Тогда Бу Сахль заметил: “Не лучше ли было бы стремянному поехать к везиру с решительным приказом послать грамоту дальше?” — “Ладно”, — промолвил эмир.

Великому ходже было написано [15], что султан повелевает исполнить подобного рода несуразицы, ходжа, мол, знает лучше, что приказать. Бу Сахль сказал мне: “Было бы желательно, чтобы ты от себя сообщил, что я неповинен в негласных советах и неправильных решениях”. Я написал ходже тайнописью и рассказал обстоятельства. Стремянного отправили, и он добрался до ходжи. Ходжа задержал стремянного, грамоту и письмо, потому что понимал, что это неприемлемо, и прислал мне ответ со спешной почтой.

В понедельник, в первый день месяца сафара [16], из Нагара в Газну приехал эмир Изедъяр [17], повидал государя и уехал обратно. Ночью из Нагарской крепости привезли эмира Мухаммеда в

сопровождении этого царевича и отвели в Газнийскую крепость. Приставом при нем **[581]** был Сенгуй, начальник стражи. Четырех его сыновей, которых привезли вместе с ним, Ахмеда, Абдаррахмана, Омара и Османа ночью поместили на хазре Баг-и Фирузи. На другой день, развлекаясь с раннего утра, эмир пил вино. Поздним утром он позвал меня и сказал: “Сходи скрытно к сыновьям моего брата Мухаммеда и возьми с них торжественную клятву, что они будут служить честно и не противиться, и будь как следует осмотрителен. Когда с этим покончишь, приободри их от нашего имени, что на них, мол, наденут халаты. Ты возвратись к нам обратно, чтобы сын Сенгуя поместил их в серае, который построили в шаристане”. Я отправился в Баг-и Фирузи, на хазру, где они находились. На всех на них были надеты холщовые поношенные /***660***/ кафтаны, сами они все потрясенные и растерянные.

Я передал им устное сообщение [государя], они пали ниц и сильно обрадовались. [Затем] я написал слова клятвы; то была присяга на верность. Каждый

отдельно прочитал ее громким голосом, и я взял с них подписи под [присягой]. После принесли халаты — драгоценные кафтаны из скарлатного сукна и шелковые чалмы. Войдя в дом, они надели их и красные сапоги с голенищами, вышли, сели на дорогих коней с золотым украшением на седлах и поехали. Я явился к эмиру и доложил, что происходило. Эмир сказал: “Напиши к нашему брату, что мы приказали то-то и то-то насчет его сыновей, берем их на службу и будем держать их при себе, дабы они преуспевали по нашему нраву, а моих скрытоликих детей [18] выдали за них. Да будет [это] ведомо”. Обращение в письме было такое: *Сиятельный эмир, брат*. Султан поставил свою печать, передал сыну Сенгуя и сказал: “Пошли к отцу”. Это он сделал ради того, чтобы не знали что Мухаммед находится в Газнийской крепости.

На другой день эти же племянники в чалмах предстали пред лицо государя и совершили обряд поклонения. Эмир их отослал в вещевую палату, чтобы на них надели халаты, шитые золотом кафтаны, шапки о четырех перах, золотые пояса и

[ко всему] дорогие кони. Каждому он дал в награду по тысяче динаров и по двадцать штук одежд. Они отправились обратно в тот серай, для них поставили правителя двора и назначили полное содержание. Ежедневно по два раза, на рассвете и поздним утром, они являлись на поклон. Благородная Гохар в скорости была помолвлена с эмиром Ахмедом, еще раньше, чем [государь] помолвил других, и совершили бракосочетание. Затем эмир совершенно скрытно послал доверенных людей для перевозки всех казнохранилищ: золота, диремов, тканей, драгоценных камней и множества другого, находившихся в Газне. Они приступили к работе. Послали устное сообщение благородным теткам, сестрам, родительнице и дочерям: собирайтесь, мол, поехать вместе с нами в Хиндустан, так чтобы в Газне не оставить ничего, о чем бы [потом] тревожиться. **[582]**

Волей-неволей все начали готовиться. У благородной Хатли и родительницы султана просили, дабы они на сей счет поговорили [с султаном]. Те сказали, но услышали в ответ: “Каждый, кто хочет попасть в

руки врага, пусть остается в Газне”. Больше ни у кого не доставало смелости говорить. Эмир начал выделять верблюдов и большую часть дня негласно советовался на сей счет с [Бу] Мансуром Мустовфи. Верблюдов требовалось много, а их оказывалось мало /***661***/ из-за обилия казны, родичей и свиты. “Что же это такое?” — потихоньку спрашивали меня, но никто не решался сказать слова. Однажды Бу Сахль Хам-деви и Бу-л-Касим Кесир сказали [мне]: “Следовало бы об этом деле поговорить с везиром, он, должно быть, читал об этом в письмах, [от своего] правителя двора”. “Он-то знает, — ответил я,— да написать первым не может, покамест эмир с ним не заговорит”.

Случайно эмир на другой день велел написать к везиру письмо, дескать, принято окончательное решение — мы отправляемся в Хиндустан и нынешнюю зиму будем проживать, устранившись в Вихенде, Мерминаре, Пуршауре, Гири и в тех областях. Надобно, чтобы вы оставались на месте, покуда мы выступим, доберемся до Пуршаура и к вам прибудет письмо от нас. Тогда идите в

Тохаристан, пробудьте зиму там, а коли будет возможно, ступайте в Балх, дабы противники не совсем достигли цели. Письмо это было написано и отослано, а я тайнописью обстоятельно сообщил, что нашего государя, дескать, устрашило неслучившееся дело [19] и он до самого Лахора не натянет поводья [20]. Туда уже тайно отправлены письма, дабы приготовились, но, кажется, что он и в Лахоре не остановится. Ни от гарема, ни от казнохранилищ ничего не останется в Газне. У родичей и свиты, кои здесь, руки-ноги отнялись, не знают, что делать. У всех надежда на великога ходжу, что осторожно-осторожно он ошибочное мероприятие в скорости поправит и откровенно напишет, ибо он от нас в нескольких переходах и писать можно свободно, не будет ли отмены сему неладному решению.

Столичным вельможам я тайно сообщил, что эмир приказал написать везиру письмо, и я написал то-то и то-то, а от себя тайнописью — то-то. “Весьма счастливый случай выпал,— сказали они,— даст бог всевышний, сей почтенный советник, напишет пространное письмо и вразумит нашего государя”.

Прибыл ответ на это письмо. Поистине, устрашающие слова высказал [везир], словно лук натянул и ни одной стрелы не оставил в колчане. Он сказал, что ежели государь уезжает, оттого что неприятель сражается под Балхом, то у неприятеля [все же] нет смелости подойти к городу, потому что наши люди настолько отважней его, /***662***/ что делают вылазки и вступают с ним в бой. Ежели государь повелит, то слуги [его] пойдут и прогонят врага из той области. Зачем государю идти в Хиндустан? Пусть он пробудет эту зиму в Газне, **[583]** слава богу, никакого бессилия нет. Да будет государь уверен, что коль скоро он пойдет в Хиндустан и увезет туда гарем и казнохранилища, и слух об этом распространится, дойдет до друзей и врагов, то достоинство сей великой державы пропадет, так что у всех прибавится жажды [посягнуть на нее]. Опять же и на индийцев положиться нельзя, чтобы везти в их землю столь большой гарем и казну: мы не очень-то важно обходились с индийцами. А какое доверие к гулямам, что государю приходится казну в поле поручать им? Государь до сих пор являл большое

самовластье и самонадеянность и последствия их испытал, но сия самонадеянность превосходит все. Ежели государь уйдет, слуги [его] падут духом. Слуга [государя] дал совет, исполнил долг благодарности и снял с себя ответственность. Решение зависит от воли государя.

Прочитав это письмо, эмир мгновенно объявил мне: “Этот человек с ума спятил, не понимает, что говорит. Напиши ответ: правильно так, как усматриваем мы; ходжа рассудил так из сочувствия. Пусть ожидает повеления, покамест не будет приказано то, что признает нужным наше разумение, ибо то, что вижу я, вы видеть не можете”. Ответ был написан. Все об этом узнали, пришли в отчаяние и начали готовиться к уходу. Бу Али, кутвал, вернулся из халаджей, уладив то дело. В понедельник, в первый день месяца раби ал-эввель [21], он предстал пред лицо эмира, был обласкан и удалился. На другой день он один имел с ним тайную беседу, которая длилась до часа по полуденной молитвы. Я слышал, что [государь] препоручил ему город, крепость и область, сказав: “Весной мы возвратимся

обратно. Надобно принять все меры предосторожности, дабы в городе не случилось беспорядка, ибо сын Мавдуд и везир с войсками находятся вне [города], для того чтобы зимой [наблюдать], как будет меняться положение противника. Потом, весной, это дело /***663***/ мы еще раз предпримем иным способом, потому что в эту зиму сочетание светил несчастливое, так решили ученые мужи". "Не лучше ли было бы гарем и казну укрыть в неприступных крепостях, чем везти их в степи Хиндустана?"— спросил кутвал. "Нет, лучше, чтобы они были с нами",— ответил [эмир]. "Дай бог вам благополучия, счастья и добра в этом путешествии",— пожелал кутвал.

В час предзакатной молитвы войсковая старшина отправилась к кутвалу и долго заседала, но никакой пользы не было. У господа бога, да славится поминание его, имелся на сие приговор и предопределение невидимые, что-то будет? "Завтра мы ударим камнем по кувшину, посмотрим, что произойдет",— сказали они. "Хорошо, хотя это бесполезно, и эмир еще больше раздосадуется",—

промолвил кутвал. На другой день после приема эмир удалился с [Бу] Мансуром Мустовфи, потому что требовались верблюды, чтобы сдвинуться с места, а их **[584]** не было. По этой причине он серчал все больше. Вельможи прибыли во дворец и обратились к Абдалджалилю, сыну ходжи Абдарреззака, передай, мол, [наше] устное сообщение, да и от себя [тоже] скажи, а тот ответил: “У меня-де сил нет слушать непозволительные слова” - и ушел. Люди уселись под железной дверью на чехартаке и просили меня подать их устное заявление: “У нас-де есть что сказать султану, передай скорей”. Я пошел. Эмира я застал в зимнем доме наедине с [Бу] Мансуром Мустовфи и передал просьбу. “Знаю,— ответил эмир,— принесли кучу вздора. Послушай их сообщение и приди, перескажи мне”.

Я вернулся к ним и сказал: “*Проситель не лжет своим людям*. Не выслушав сообщения, [эмир] сказал мне, что принесли, должно быть, кучу вздора”. “Ладно,— ответили они,— но ответственность мы с себя снимем”. Они встали и

сделали длинное заявление в таком же роде, как писал везир, даже свободней. Я возразил, что у меня смелости не хватает передать это заявление в таком виде. Лучше, мол, я напишу, написанное он обязательно прочитает. “Ладно говоришь”,— ответили они. Я взял перо и написал весьма обстоятельное сообщение, а они помогали. Затем они под ним подписали, /***664***/ что это их устное заявление. Я представил [его]. Государь два раза внимательно прочел и сказал: “Коль скоро неприятель придет, то у Бу-л-Касима Кесира найдется золото — он станет аризом, у Бу Сахля Хамдеви тоже имеется золото —он получит должность везира, то же самое и Тахир и Бу-л-Хасан. Для меня верно то, что я делаю. Ступай и прекрати этот разговор”. Я пошел и, что слышал, передал. Они потеряли надежду и стали в тупик. “Что он сказал обо мне?”— спросил кутвал. “О тебе, ей богу, разговора не было”, — ответил я. [Все] встали и сказали: “То, что лежало на нас, мы исполнили, больше у нас здесь разговора нет”,— и ушли. Через четыре дня после этого [эмир] тронулся в путь.

Сей том окончен. Я довел “Историю” до этого места, а хождение падишаха, да будет им доволен Аллах, в Хиндустан отставил, дабы том десятый сперва начать с рассказа двух глав о Хорезме и Джибале, тоже до сего же времени, каково условие бытописания. Потом, когда я с этим покончу, я возвращусь к основной задаче [своей] “Истории” и расскажу и поведаю о хождении сего падишаха в Хиндустан и до конца его дела, ежели будет угодно Аллаху, велик он и всемогущ!

* * *

В конце тома девятого я довел слово о поре эмира Мас'уда, да будет им доволен Аллах, до того места, когда он принял решение пойти в Хиндустан и собирался выступить через четыре дня. На этом **[585]** я том закончил и сказал, что в сем десятом томе сначала поведаю две главы: о Хорезме и Рее и пребывании в нем Бу Сахля Хамдеви с теми людьми и возвращении их обратно, об утрате нами той области и подробно расскажу о Хорезме и Алтунташе и о потере нами этой области, дабы

соблюсти обычный склад бытописания. Потом, когда с этим будет покончено, я снова вернусь к истории сего падишаха и сообщу о тех четырех днях и [времени] до конца его жизни, ибо осталось мало.

И вот я начинаю эти две главы, в коих весьма много чудесного и редкостного. Людям умным, которые над ними поразмыслят, станет ясно, что дело делается не с помощью усилий и стараний человеческих, хотя бы имелось много снаряжения, пособников и оружия, а делается, когда имеется помощь господня, да превознесется величие его! Чего только не было из того, что требуется царям, у эмира Мас'уда, да будет им доволен Аллах,— свита, слуги, столпы державы, люди меча и пера, несметная рать, слоны, /***665***/ огромное множество животных и богатая казна, однако, поскольку предопределено было, что он в дни царствования своего будет страдать и будет обманут и что Хорасан, Рей, Джибаль и Хорезм уйдут из рук его, то что он мог сделать, как не терпеть и подчиниться, ибо судьба не такова, чтобы человек имел смелость вступить с ней в борьбу. Сей падишах, да будет над ним милость

Аллаха, никакого преступления не совершил, хотя он и держался только своего собственного разумения. Он проводил ночи до рассвета [за работой], но дело его не подвигалось вперед, потому что господь бог предопределил в предвечной вечности, что Хорасан, как я уже рассказал, пропадет для него задаром, и точно так же Хорезм, Рей и Джибаль, как я сейчас поведаю. *А Аллах знает лучше!*

ПАМЯТКА О ХОРЕЗМЕ

Хорезм — область похожая на громадную страну восемьдесят на восемьдесят [22]. Там много минбаров, и он постоянно был обособленной столицей знаменитых владык. Как утверждается в книгах жизнеописаний персидских царей [23], один родственник Бехрама Гура пришел в ту землю, ибо он был царевич Персидского царства, и завладел той областью. Это событие считают верным. Когда образовалась арабская держава, да сохранится она навсегда, она объявила недействительными персидские законы и обычаи, благодаря первому и последнему господину Мухаммеду, избраннику божию, привет ему! Как явствует из исторических

книг, Хорезм все так же оставался самостоятелен, ибо у Хорезма постоянно был отдельный падишах, и эта область не входила в состав Хорасана, подобно Хутталану и Чаганьяну. В пору Му'азиев и **[586]** дома Тахира [24], когда случился небольшой беспорядок в халифстве Аб-басидов, Хорезм оставался все тем же, о чем свидетельствует род Ма'муна, ибо конец могуществу его наступил лишь в блистательную пору эмира Махмуда, да будет им доволен Аллах. Поскольку положение этой области было таково, я счел нужным написать к этой главе предисловие и поведать несколько слов о примечательных преданиях и рассказах, так чтобы люди умные их приняли и не отвергли.

/***666***/ СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Знай, что людей называют людьми за душу, а душевные качества крепнут и слабеют от слышания и видения, ибо покуда [человек] не увидит и не услышит доброе и злое, он не познает радость и горе на этом свете. Затем надобно знать, что глаза и уши суть наблюдатели и разведчики души, кои доносят душе то, что они видят и слышат, а ей то на пользу.

То, что душа от них достает, она представляет разуму, который является справедливым судьей, дабы отличить истину от лжи, прибрать то, что гоже, и отвергнуть, что негоже. Отсюда стремление людей узнать и услышать то, что от разума скрыто, чего он не знает и не слышал, о событиях как времен минувших, так и еще не наступивших. Сведения о минувшем можно получить трудясь, бродя по свету, напрягая свои силы и разыскивая эти сведения или изучая достойные доверия книги и просвещая себя верными преданиями. Но то, чего еще не было, к тому путь закрыт, ибо [сие] есть совершеннейшая тайна, ведь ежели бы люди ее знали, все добро и зло, то ничего злого их не постигло бы [25]. *Не ведает тайны никто, кроме Аллаха, велик он и всемогущ!* И хотя это так, люди мудрые все же в это впутались, ищут и кружат вокруг этого и говорят всерьез, что когда в эту тайну всмотрятся, она откроется.

Сведения о прошлом делят на два разряда, третьего для них не знают: или сведения нужно услышать от кого-либо или прочитать в какой-нибудь книге, но с условием, что сообщатели должны быть люди,

заслуживающие доверия и правдивые, а также и разум должен убедиться, что известие верное. Подкрепляется словом божиим, когда говорят: *не утверждай верность известия, в кое не верит разум*. И с книгой обстоит так же: все, что читают из преданий, и разум того не отвергает, слушатель принимает на веру, и умные люди пусть слушают и соглашаются. Простой народ — тот, который больше любит невозможные небылицы, вроде рассказов о дивах и пери, пустынных, горных и морских бесах, которых выдумывает какой-нибудь невежда. Собирается толпа людей, ему подобных, и он рассказывает: я, дескать, видел остров, в одном месте на том острове нас высадилось пятьдесят человек; стали мы варить пищу, пристроили котелки; когда **[587]** огонь разгорелся и жар от него дошел до земли, она двинулась с места — то была рыба. Или на такой-то горе я-де видел то-то и то-то, или старуха-волшебница обратила одного человека в осла и опять-таки другая старуха-волшебница смазала ему уши маслом, дабы он снова превратился в человека, и тому подобный вздор, /***667***/ который навевает сон

на невежд, когда им читают на ночь. Людей же, которые требуют правдивых слов, чтобы им поверить, считают просвещенными, но весьма невелико число [тех, кто] хорошее принимает, а несуразные речи отвергает. Бу-л-Фатх Бусти, да будет над ним милость Аллаха, весьма прекрасно сказал, стихи:

*Разуму даны весы, чтобы взвесить —
Опыт, поистине, верный путь дела*.

Я, предпринявший сочинение сей “Истории”, вменил себе в обязанность, чтобы все, что я пишу, было либо видено мной, либо точно слышано от верного человека. За долгое время до этого я видел книгу, написанную рукой устада Абу Рейхана, а он был человек [столь сведущий] в словесности и понимании сущности вещей, в геометрии и философии, что в его пору другого подобного ему не было, и он ничего не писал наобум. Я говорю столь длинно для того, чтобы стало ясно, сколь я был осторожен в этой “Истории”. Поскольку люди, о которых я повествую, большей частью померли, и

остаются еще очень немногие — совсем как сказал Бу Теммам [26], стихи:

*Потом ушли годы и люди тех лет,
Сновиденьем были и те и эти* —

у меня нет иного выхода, как кончить сию книгу, дабы имена тех досточтимых мужей, благодаря ей, продолжали жить, да и обо мне осталась бы память. Пусть после нас читают сию “Историю”, и станет несомненно величие сего [царского] дома, да пребудет он вечно!

Повествуя о Хорезме, я признал за лучшее начать с истории дома Ма'муна, по преемственной связи с Абу Рейханом, который поведал о том, что было причиной гибели могущества [этого дома], как ту область присоединили к державе махмудовой, в какое время пошел туда покойный эмир, да будет им доволен Аллах, и что сталось с той страной под его властью, как он поставил там хаджиба Алтунташа и сам возвратился обратно; какие события случились потом до того времени, когда сын Алтунташа пошел дорогой изменников, и дом Алтунташа пал. В сих

известиях есть немало замечательного и необычайного, так что читателям и слушателям от них получается много устраняющего заблуждение полезного. /***668***/ Молю о помощи господа бога, да славится поминание его, чтобы окончить сие сочинение. *Воистину, хвала ему, благоприятствующему и помогающему!* **[588]**

ПОВЕСТЬ О ХОРЕЗМШАХЕ АБУ-Л-АББАСЕ

В [книге] “Замечательные люди Хорезма” [27] Абу Рейхан писал так: Хорезмшах Бу-л- Аббас Ма'мун, сын Ма'муна, да будет над ним милость Аллаха, был последним правителем, ибо дом его после его кончины пал, и могущество рода Ма'мунова пришло к концу. Человек он был ученый, доблестный, деятельный и в делах настойчивый. Но сколько в нем было похвальных душевных свойств, столько же и непохвальных. Я это говорю для того, чтобы было ясно, что я не выражаю [свое] расположение и беспристрастен, ибо говорят: “*В подобных случаях судят по наиболее преобладающему и большому. Достойный [человек] тот, в котором добродетели сокрыты, тогда как поступки его соответствуют им,

хотя бы его пороки уничтожали его похвальные деяния*”. Наивысшая добродетель эмира Абу-л-Аббаса заключалась в том, что уста его были закрыты для сквернословия, непристойностей и всякого вздора. Я, Бу Рейхан, служил ему семь лет и не слышал, чтобы с уст его срывались бранные слова. Самое последнее ругательство, когда он бывал разгневан, было слово — собака!

Между ним и эмиром Махмудом установилась крепкая дружба. Они заключили между собой договор и туда [в Хорезм] привезли благородную Кальджи, дочь эмира Себук-тегина; она осталась в гареме Абу-л-Аббаса. Завязалась переписка, обмен любезностями и взаимное одаривание. Во всех делах Абу-л-Аббас держал сторону эмира Махмуда и до чрезвычайности соблюдал вежливую скромность настолько, что когда сидел за вином, то в тот день призывал самых именитых родичей, свитских, недимов и царевичей Саманидов, кои находились при его дворе, и прочих, приказывал с почестями привести и усадить послов, прибывших с разных сторон. Когда он брал в руки третью чашу, он

вставал, поминал эмира Махмуда и снова садился. Все люди стояли на ногах, каждого он жаловал отдельно, а они лобызали землю и продолжали стоять, покамест он кончал со всеми. Тогда он давал знак садиться. Появлялся служитель и следом за ним доставляли вознаграждение музыкантам и певцам: каждому дорогого коня, одеяние и кошелек, а в нем две тысячи диремов.

/***669***/ Сторону эмира Махмуда он соблюдал до такой степени, что повелитель верующих ал-Кадир биллях, да будет над ним милость Аллаха, прислал ему халат, жалованную грамоту, стяг и почетный титул *Око державы и Краса мусульманской общины [28]* через Хусейна, начальника паломников в Мекку. Хорезмшах рассудил, что не следует, чтобы эмир Махмуд принял сие за обиду, вступил бы в спор и говорил, зачем, дескать, он без моего посредства принял от халифа халат и пользуется такими щедротами и преимуществом. Во всяком случае, ради соблюдения добрых отношений он послал меня [29] встретить посла **[589]** на полпути в пустыне. Я тайком принял от него щедрые дары, доставил в

Хорезм и вручил ему, а он велел их спрятать, дабы сохранить благоприятное положение. [Их] не показывали и лишь потом, в то время, когда сей царский дом должен был пасть, их объявили, покуда не сбылось и не произошло то, что произошло.

В Хорезмшахе мягкости и доброты было весьма много. Однажды он пил вино, слушая игру на руде и делая много замечаний по части изящной словесности, ибо был человек весьма ученый и просвещенный. При нем был я и еще другой, коего звали Сахри [30], человек весьма ученый и образованный, который красно говорил и искусно составлял бумаги, однако очень невежливый, ибо прирожденного чувства приличия в нем не было нисколько, а говорят, что *прирожденное чувство приличия лучше, нежели заученная благовоспитанность*. Сахри держал в руке чашу с вином и собирался выпить. Дежурные лошади, коих держали во дворце, [вдруг] заржали, и одна испустила громкий ветер. “*В ус пьющему!*”, — произнес Хорезмшах. Сахри по несдержанности и невоспитанности отшвырнул чашу. Я испугался,

решил, что Хорезмшах прикажет отсечь Сахри голову, но он не приказал, а рассмеялся, оставил это без внимания и пошел стезей мягкосердечия и великодушия. А я, Бу-л-Фазл, слышал в Нишабуре от ходжи [Абу] Майсура Са'алиби, сочинителя книги “Драгоценная жемчужина века о похвальных деяниях современников” [31] и многих других книг — он ездил в Хорезм и некоторое время был в недимах у сего хорезмшаха и написал в честь его несколько сочинений — он рассказывал, дескать, однажды мы были на пиру и беседовали об изящной словесности; шел разговор о мнениях. Хорезмшах сказал: “*Мой помысел — книга и чтение ее, возлюбленная и любование ею, благородный человек и забота о нем*”.

[Еще] Бу Рейхан рассказал: Хорезмшах выехал [из дворца] /***670***/ выпить вина. Подъехав к моему помещению, он велел меня позвать. Я опоздал к нему, он уже довел коня до моего дежурного помещения и собирался спуститься наземь. Я облобызал землю и всячески заклинал его не сходить с коня, он ответил:

*Знание — самое превосходное из владений,
Все стремится к нему, само же оно не приходит*.

А потом сказал: “*Не будь таких законов в бренном мире, не мне бы тебя звать, ибо высоко знание, а не я*”. Может быть, он читал известия о Му'тадиде [32], повелителе верующих, потому что я там видел, что однажды Му'тадид, взяв за руку Сабита бен Курра [33], ходил по саду. Внезапно он убрал руку. Сабит спросил: “О повелитель верующих, почему ты убрал руку?” Тот ответил: “*Моя рука лежала поверх твоей, но ведь высоко стоит знание, а не я*”. *А Аллах знает лучше!* **[590]**

О ПРИЧИНЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ЦАРСТВА ЭТОГО ДОМА [34] И ПЕРЕДАЧИ ЕГО ХАДЖИБУ АЛТУНТАШУ, ДА БУДЕТ НАД НИМИ МИЛОСТЬ АЛЛАХА!

С внешней стороны отношения между эмиром Махмудом и эмиром Абу-л-Аббасом, хорезмшахом, были очень хорошие. Дружба была подтверждена, заключены договор и обязательства. Потом, после войны с Узгендом, эмир Махмуд пожелал, чтобы между ним и ханами [тоже] была бы дружба, обязательство и договор. По этому делу ездили серхенги. Эмир Махмуд выразил свою волю, чтобы

вместе с его послами был и посол хорезмшаха, дабы то, что будет происходить во время заключения договоров с ханами, было на его глазах. Хорезмшах на это не согласился, не подчинился и написал, сказав в ответ: “*Не сотворил Аллах человеку два сердца внутри его* [35]. Вследствие того, что я из среды эмиров, я с ханами никаких отношений не поддерживаю и ни за что никого к ним не пошлю”.

С одной стороны эмир Махмуд ответ этот от него принял, а с другой стороны в сердце его вселилось отчуждение, он стал подозревать хорезмшаха и сказал везиру Ахмеду, сыну Хасана: “Кажется, сей человек с нами не прямодушен, что говорит подобного рода слова”. Везир ответил: “Я им кое-что предложу, от чего станет ясно, прямодушен ли с нами этот народ или нет”,— и рассказал, что сделает. Эмиру пришлось по душе. Везир тайно сказал послу хорезмшаха: “Что за никчемные мысли государю /***671***/ твоему приходят на ум, что говорит он такие слова; он допускает напрасные подозрения, ведь наш государь весьма далек от этого. Ежели он хочет избавиться от всех этих разговоров, и толков и

пресечь стремление смертных захватить его владение, то почему бы ему не прочитать хутбу на имя султана и от всего этого успокоиться? Честное слово, я говорю это от себя, в виде совета, ради устранения его подозрений. О том, что я советую, султан не знает, он мне распоряжения не давал” [36].

О ПРОИСШЕСТВИИ В СВЯЗИ С ХУТБОЙ И ПОЯВЛЕНИЕ РАЗЛАДА И НЕСЧАСТИЙ ИЗ-ЗА НЕЕ

Бу Рейхан сказал: “Когда сей посол из Кабула приехал к нам—-эмир Махмуд в этом году ходил в Хиндустан — и доложил об этом разговоре, хорезмшах меня позвал, удалил посторонних и пересказал мне то, о чем на сей счет говорил везир Ахмед, сын Хасана”.— “Забудь этот разговор,— ответил я,— *отвернись от лая и не прислушивайся ко всякой речи, требующей ответа*. А словами, сказанными везиром, ты воспользуйся, он говорит по доброй воле, в виде совета, его государю об этом не ведомо. Разговор об этом держи в тайне, а то будет очень плохо”.— “Что ты говоришь,— возразил хорезмшах,— **[591]** разве он сказал бы подобные слова без позволения эмира? Как может пойти такая

игра с этаким человеком, как Махмуд? Я опасаюсь, что ежели я добровольно не прочитаю хутбу [на его имя], то он заставит это сделать. Лучше пошлем поскорей посла и пусть по этому поводу будет переговорено с везиром, хотя бы намеками, дабы они нас попросили прочитать хутбу. Было бы приятно, если бы не дошло до принуждения". "Воля повелителя",— ответил я.

Был некий человек по имени Якуб Дженди, зловредный, корыстолюбивый и нечестный. В пору Саманидов его однажды посылали в Бухару. Он стремился, чтобы Хорезм вследствие его посольства пропал. Теперь хорезмшах снова назначил его. Сколько ни говорили Бу Сахль и другие, пользы не было, ибо пришла судьба; намерение этого преисполненного хитростью человека так и осталось скрыто. Якуба отправили. Прибыв в Газну, он представил [дело] так, будто вопрос о хутбе и прочем будет улажен им. Он хвастался и доходил до крайностей, /***672***/ но двор Махмуда и везир в этом смысле не придавали ему никакого веса. Потеряв надежду, он решился написать хорезмшаху записку

на хорезмском языке. Слов он написал очень много, подстрекал на эмира Махмуда и раздувал огонь смуты. Замечательно и удивительно: спустя три года, когда эмир Махмуд захватил Хорезм и просмотрели бумаги и канцелярские дела, эта записка попала в руки эмира Махмуда. Он велел ее перевести, пришел в ярость и приказал привязать Дженди к столбу и побить камнями. *Где же барыш, коль капитал был убыточный?* Что бы ни писали, пишущим нужно быть осторожным, потому что от слов можно отречься, а от написанного отказаться нельзя и написанного не переменишь.

Везир писал письма, давал советы и устрашал, ибо перо действенней меча и [к тому же] у него была крепкая опора в лице такого падишаха, как Махмуд. Узнав об этих обстоятельствах, хорезмшах здорово испугался Махмудовой мощи, которая взбудоражила всех сильных мира сего, и потерял сон. Поэтому он собрал войсковую старшину вместе с предводителями раиятов и объявил, что хочет сделать по поводу хутбы, ибо ежели [это] не будет сделано, то он боится за себя, за них и за жителей

области. Все зашумели, заявили, что мы-де никак не согласны, вышли наружу, развернули значки, обнажили оружие и начали поносить хорезмшаха непристойно. Пришлось потратить много усилий и лести, покамест они не успокоились. Причиной успокоения были сказанные им слова: “Мы-де вас испытывали насчет сего, дабы для нас стали известны ваши намерения и сердца”. Хорезмшах уединился со мной и спросил: “Видел, что произошло? Кто они такие, что так дерзко идут против государя?” “Я говорил государю, что нехорошо начинать это дело, но он не согласился,— ответил я,— теперь, раз оно начато, придется его кончить, чтобы не потерять **[592]** чести. Тебе следовало бы прочитать эту хутбу врасплох, без совета, потому что когда бы ее услышали, никто бы не осмелился слова сказать. Это дело нельзя отставить теперь, поскольку проявлена слабость, да и эмир Махмуд будет [для нас] потерян”. “Обойди этих людей,— сказал хорезмшах,— сделай, что можешь”. Я обошел /***673***/ и словами серебра и золота уламывал их, покуда они не согласились. Они

явились ко двору, терлись лицом о прах порога, плакались и говорили, что совершили ошибку. Хорезмшах позвал меня, удалил посторонних и сказал: “Дело не разрешится”. “Точно так”,— ответил я. “Что же делать?”— “Теперь эмир Махмуд [для нас] потерян,— произнес я,— боюсь, что дело дойдет до меча”.— “Как же тогда быть с таким войском, как у нас?” — “Не могу знать,— ответил я,— потому что враг очень велик и могуч; оружия и снаряжения у него много и воинов разного рода. Ежели его бойцам сто раз достанется трепка, то они все же будут сильней, а коль скоро, не дай бог, он нас разобьет один раз, дело будет иное”. Ему стало весьма досадно от этих слов, так что я заметил в нем некоторое неудовольствие, *но я уже привык делать предостережения* [и] сказал: “Есть еще одно обстоятельство, самое важное из всех; коль будет повеление, я доложу”. “Сказывай”,— промолвил хорезмшах. Я сказал: “Туркестанские ханы в обиде на государя и дружны с эмиром Махмудом. С одним-то врагом трудно справиться, а когда оба соединятся, дело будет долгое. Ханов надобно привлечь на свою

сторону. В настоящее время они заняты борьбой под Узгендом [37]. Нужно приложить усилия, чтобы при посредстве государя между ханом и илеком был заключен мир. Они за это будут благодарны и помирятся; будет большая польза. Заключив мир, они никогда не станут противниками". "Я подумаю",— произнес хорезмшах; он хотел, чтобы эту мысль приписали ему одному. Затем он старательна принялся за дело, отправил послов с дорогими дарами, дабы помирились при его посредстве. Мир заключили, и [ханы] были весьма признательны хорезмшаху, потому что его слова им больше приходились по душе, чем слова эмира Махмуда. Они прислали послов и говорили, что сей мир состоялся благодаря благословенным заботам и сочувствию хорезмшаха. Они заключили с ним договоры, и завязалась дружественная связь.

Когда весть об этом дошла до эмира Махмуда, ему стало чудиться разное, он взял под подозрение и хорезмшаха и ханов туркестанских. Он выступил и прибыл в Балх, отправил послов и упрекнул хана и илека за то, что произошло. Те ответили: "Мы-де

считали и считаем хорезмшаха другом и зятем эмира. [Его] любезность была столь велика, что когда он прислал послов и заключил с нами договор, то просил эмира, чтобы тот [тоже] назначил и прислал посла, дабы то, что будет происходить, было бы на его глазах. Эмир не согласился **[593]** и не прислал; ежели он теперь на него в обиде, то нет надобности за это упрекать нас. /***674***/ Лучше мы будем посредничать между обеими сторонами, дабы снова восстановилась приязнь". Эмир на эти слова ничего не ответил, оборвал переговоры, замолчал и у него составилось дурное мнение о ханах.

С другой стороны, хан тайно отправил посла к хорезмшаху и сообщил ему об этом обстоятельстве. Тот ответил: "Хорошо бы нам послать пять отрядов всадников о двуконь в Хорасан с тремя предводителями, которых не знают, с неизвестными людьми, дабы они разъезжали по Хорасану. Хотя эмир Махмуд человек воинственный и легок на подъем, он все же, наткнувшись на один отряд, попадет впросак, ибо всякий раз, когда он устремится на один отряд в одну сторону, с другой

стороны подойдет другой отряд, и он будет сбит с толку. Но надобно получить заверение, что отряды, как те, кои пошлем мы, так те, что пошлют они [38], не будут обижать раиятов, а после этих набегов пусть подадут надежду, дабы в сердца народа вселилось спокойствие. Это дело нужно сделать, ибо ни в коем случае не годится поступать по его [39] указке, но дело не выйдет иначе, как соблюдая взаимное уважение".

Хан и илек обдумали предложение, но не признали за благо поступить таким образом и прислали ответ, что цель хорезмшаха заключается в том, чтобы обезопасить свою область, а между нами и эмиром Махмудом, дескать, есть обязательство и договор, и ни в коем случае их нарушать нельзя. Ежели хорезмшах пожелает, то мы выступим посредниками и благополучно восстановим расстроившееся дело. Тот ответил: "Ладно". Эмир Махмуд в ту зиму находился а Балхе и эти обстоятельства ему делались известны, потому что у него были осведомители, кои считали [каждое] дыхание и доносили. Он был весьма обеспокоен и возбужден. Когда был решен вопрос о посредничестве, он успокоился. Прибыли

послы хана и илека, привезли по этому делу письма и передали устные сообщения, а эмир дал подобающий ответ, что никакой-де обиды больше нет, а та, что была, благодаря их посредству и словам, вся исчезла. Послов отпустил обратно. Потом эмир Махмуд отправил посла к хорезмшаху и известия [его]:

“Хорошо известно, какого рода договор и обязательства существовали между нами и докуда простиралось наше право на него, и он, хорезмшах, насчет хутбы внял нашему желанию, ибо понимал, каков будет конец его положения. Однако его люди ему не позволили. Я на говорю: подчиняйся и слушайся приказа, ибо [здесь] нет подчиненного и покорного. Кто может сказать падишаху: делай или не делай, ведь это означало бы бессилие падишаха, что он не господий и не самостоятелен в своем царстве. Мы долгое время /***675***/ пребывали здесь **[594]** в Балхе, покамест не подготовили сто тысяч конных и пеших и пятьсот слонов ради сего дела, чтобы наказать и поставить на правильный путь народ, который оказывает этакое неповиновение и возражает против мнения своего государя, а также и

для того, чтобы просветить и наставить эмира, который нам брат и зять, как надобно править, так как бессильный правитель не годится. Теперь мы требуем ясное извинение, чтобы повернуть обратно в Газну. Из двух-трех дел сделать необходимо одно: либо, как он решил, нужно покорно и с охотой прочитать хутбу [на наше имя], либо надо прислать [нам] значительные пожертвования и дары, так чтобы они были достойны нас, дабы их [потом] скрытно отправить к нему обратно, ибо у нас нет нужды в излишних богатствах: земля в наших крепостях трескается от тяжести груза золота и серебра,— а ежели не это, то прислал бы к нам из той области вельмож, имамов и факихов с прошением о прощении, дабы мы ушли обратно со столь многими тысячами людей, кои приведены”.

Этим посланием хорезмшах был сильно испуган, поскольку он удостоверился, что не видно иного [выхода], кроме повиновения. Он снова принялся за дело с любезным видом и лестью и решил, читать хутбу на имя эмира Махмуда в Нисе и Фераве, которые в то время принадлежали им [40], и в других

городах, исключая Хорезм и Гургандж, и послать восемьдесят тысяч динаров и три тысячи лошадей с шейхами, казнями и вельможами области, дабы это дело разрешилось, сохранились дружественные отношения и не поднялась бы смута. *А Аллах знает лучше!*

ЗАСИЛЬЕ ЗЛОДЕЕВ

Сильное войско хорезмшаха стояло в Хезараспе. Саларом его был старший хаджиб хорезмшаха Альп-тегин Бухари. В сердцах у всех была измена и коварство. Услышав эту новость, войско обрело важный повод и подняло шум: мы-де Махмуду не подчинимся, и выступило из Хезараспа. Оно обагряло кровью руки до тех пор, покуда не убило везира и всех сановников державы этого правителя, затем, что они давали верные советы, отстраняя большие бедствия. Прочие все бежали и спрятались, потому что знали о действиях и занятиях цареотступников. А те негодяи напали на столицу и окружили ее. Хорезмшах укрылся в кушке. Кушк подожгли, добрались до него /***676***/ и убили. Это было в среду, в половине месяца шавваля лета четыреста

седьмого [41], а отроду сему павшему от насилия было тридцать два года. Сейчас же привели его племянника [42] Абу-л-Хариса Мухаммеда, сына Али, сына Ма'муна и посадили на царский престол. Ему было восемнадцать лет. Заправлял делами государства Альп-тегин с помощью везира Ахмеда **[595]** Тугана. Этого юношу посадили в уголке, ибо он еще не знал света, и стали творить, что хотели: убивать, отбирать добро [43] и богатство, истреблять хозяйства и, [ежели] у кого-нибудь к кому-нибудь была ненависть, дело поправляли с помощью его [Альп-тегина] и большой силы. Четыре месяца погода для них была ясной. Дом того царства они разорили своими руками, творили такое, чего не происходило с мусульманами в стране неверных.

Узнав о подобном положении, эмир Махмуд, да будет им доволен Аллах, сказал Ахмеду, сыну Хасана: “Никаких отговорок не осталось, Хорезм — наш. Мы непременно должны отмстить за кровь, казнить убийцу зятя и взять унаследованное царство”. “Государь говорит совершенно верно, — ответил везир,— ежели в этом деле произойдет

упущение, господь, да славится поминание его, не одобрит государя за это и спросит с него на страшном суде, ибо, слава Аллаху, налицо все: и большая рать и припасы. А самое главное, рать отдохнула, целую зиму не воевала. Цель будет достигнута весьма скоро. Но лучше, чтобы сначала отправился посол, и тот народ был бы устрашен за бесчинство, которое учинил, и было бы сказано [ему]: “Ежели-де хотите, чтобы мы не мстили за кровь и сохранили на месте тот царский род, то пришлите убийц к [нашему] двору и читайте хутбу на наше имя”. Они воспользуются этим, выдадут нескольких человек смутьянов и скажут, что вот эти, мол, пролили его кровь. Посол наш на это выразит удовлетворение, распишет какую-нибудь небылицу, дабы они подумали, что все в порядке. Тогда он от себя скажет: для вас, мол, будет лучше, ежели вы подобру пришлете благородную сестру [44], чтобы она попросила извинения. Они из страха за свое преступление это сделают, а мы втихомолку устроим свое дело. Когда придет письмо, что благородная здрава и невредима доехала до Амуя, мы светильню

вытянем повыше и скажем слова, кои ныне, по причине пребывания благородной там, еще сказать нельзя. А слова будут такие: “Сие злодеяние, дескать, совершено предводителями, как-то: Альп-тегином и другими; ежели хотите, чтобы /***677***/ не было посягательства на ваш край, то выдайте их, тогда посягательства не будет”. “Именно так надобно поступить”,— промолвил эмир.

Назначили посла, дали ему эти распоряжения и научили уловкам. Он поехал, а везир тайно послал человека в Хутталан, Кубадьян и Термез, чтобы приняли нужные меры, приготовили суда и собрали продовольствие в Амуе. Посол прибыл на место, искусно передал словесные сообщения и пустил в ход тонкие хитрости, покамест не засунул [их] в мешок [45]. В страхе перед эмиром Махмудом благородную поспешно собрали; по-хорошему, со значительным поездом провожатых она приехала. Пять-шесть человек схватили и сообщили, что вот эти мол, пролили кровь падишаха. Их посадили в тюрьму и заявили, **[596]** когда-де наш посол вернется обратно и будет заключено соглашение, их пришлют.

Они назначили посла, чтобы он поехал вместе с послом [эмира Махмуда] и заверили, что ежели посягательства на Хорезм не будет эмир смоет с сердца жажду мщения и будет заключено обязательство и договор, то они поклонятся двумястами тысяч динаров и четырьмя тысячами лошадей.

Просмотрев письмо, эмир отправился в Газну. Послы тоже приехала и доложили обстоятельства дела. Эмир дал ответы и потребовал выдачи Альп-тегина и прочих предводителей, чтобы [их] постигло возмездие. Те поняли, что случилось и начали готовиться к войне. Собрали, ратников, пятьдесят тысяч отменных всадников, и заверили друг друга, что будут биться за жизнь, ибо рать [эмира Махмуда] идет, чтобы отмстить всем". "Свяжем полу с полой и постараемся, сколько есть человеческих сил", — говорили они. По случаю убийства хорезмшаха эмир приказал написать письма хану и илеку через спешных стремянных, обстоятельно объяснил гнусность и беззаконие этого дела и сообщил, что намеревается потребовать возмещение за кровь зятя

и хочет захватить ту область, дабы как у него, так и у них голова из-за нее больше не болела. Хотя это обстоятельство им пришлось не по вкусу и они понимали, что когда Хорезм будет принадлежать ему, им, в сердце вонзится острый шип, они написали в ответ, что он-де рассудил правильно и то, что он собирается совершить, необходимо в силу человечности, суда-расправы и благочестия, дабы впредь ни у одного подданного не нашлось смелости пролить кровь владыки царства.

Когда все дела были полностью готовы, эмир, не взирая на жаркую погоду, двинулся на Хорезм /***678***/ через Амуй и шел осторожно. В передовом полку с Мухаммедом А'раби случилась беда; эмир пошел и беду ту поправил. На другой день он встретился лицом к лицу с теми мятежниками и цареубийцами. Он увидел огромную рать, с помощью которой можно было бы прибрать к рукам целый мир и сразить множество врагов. Однако гнев создателя, да вознесется величие его, скрутил их и воздал за кровь того падишаха: они ринулись на большой полк эмира Махмуда и потерпели поражение, так что всех

перевязали [46]. Это — рассказ долгий и он известен; я его пространно не излагаю и возвращаюсь к “Истории”, ибо удалился от [основной] цели. Хватит и этого. У Унсури насчет сего есть блестящая касыда, ее надобно прочитать со вниманием, дабы положение представилось ясно. Вот начальные строки этой касыды:

Вот какие следы оставил хосройский меч!
Так поступают герои, коль пойти надо в бой.
На меч шаха гляди, книг не читай о минувшем,
Ибо клинок его много правдивей, чем книга.

Других подобных касыд у него нет, ибо он вложил [в эту] столько **[597]** мастерства и тонких мыслей, сколько было возможно. Да она и стоила этакой победы и такого героя.

После обращения в бегство бойцы на добрых конях помчались вслед за сипахсаларом, эмиром Насром, да смилуется над ним Аллах. Они настигли тех презренных и привели обратно множество пленных. В конце концов, Альп-тегина Бухари, Хумарташа Ширабы и Шад-тегина Хани [47], саларов, которые сеяли крамолу, и несколько их товарищей-убийц

поймали и всех с обнаженной головой привели к эмиру. Змир сильно обрадовался этой поимке убийц и приказал отвести их и взять под стражу. Он прибыл в Хорезм и занял ту область. Сокровища [48] увезли, а новопосаженного правителя со всем семейством и родом Ма'мунов низложили.

Покончив с этим, эмир Махмуд приказал поставить три столба. Тех троих бросили под ноги слонам, чтобы они их растоптали. Потом положили слонам на клыки, чтобы их возить кругом, провозглашая: “Такое наказание постигнет всякого, кто убьет своего господина!” Затем их подняли на столбы и привязали крепкими веревками, а нижние концы столбов укрепили жженым кирпичом с гяджем [49], в виде /***679***/ трех пят и на них написали их имена. Множество людей из тех убийц перерубили пополам и четвертовали; страху нагнали весьма много. [Эмир Махмуд] в скорости препоручил ту область Алтунташу и повелел выкликнуть коня хорезмшаха. Арслана Джазиба он оставил там с ним, дабы он некоторое время там оставался, покуда в области не установится порядок, а потом возвратился бы

обратно. Эмир, да будет им доволен Аллах, повернул назад с победой и славой и направился в Газну. Вереница пленных простиралась от Балха до Лахора и Мультана. Ма'мунидов развезли по крепостям и держали в заключении.

По возвращении эмира из той области Бу Исхак, тесть Бу-л-Аббаса [50], собрал вокруг себя много народа и внезапно появился, чтобы захватить Хорезм. Произошло сильное сражение. Бу Исхаку нанесли поражение и он бежал, а люди его большей частью начали колебаться. Арслан Джазиб наподобие Хаджжаджа [51] приказывал совершать смертные казни, и таким образом область обуздали, и она успокоилась. После сего править с помощью суда-расправы уже нужды не было, и Арслан Джазиб тоже возвратился обратно. Алтунташ остался там и был честный слуга, умный и рассудительный, как в нескольких местах в сей “Истории” упоминалось о нем и его деяниях. Здесь мне вспомнился один его доблестный поступок, который я не рассказывал, а необходимо было о нем упомянуть.

От Ахмеда, сына Абдассамада, я слышал, он говорил: “Когда эмир Махмуд возвратился из Хорезма, и дела пришли в порядок, султанских всадников [52] было тысяча человек с предводителями, как-то: Ждлбак и другие, не считая гулямов. Алтунташ мне сказал, что тут, **[598]** дескать, надобно установить твердое правило, так чтобы было единовластие, и никто бы не осмеливался брать под [свое] покровительство какой-нибудь участок земли, ибо этому войску ежегодно требуются огромные средства [53] на жалование и значительные подношения султану и вельможам державы. А сей народ воображает, что эта область дана им на съедение, нужно, мол, грабить. Коли пойдет на сей лад, кафтаны станут узки. Я ответил: “Верно иначе и нельзя — ничего не выйдет”. И мы установили твердое правило, и Алтунташ, и я. С каждым днем строгость [к покровителям] становилась больше, и те, что были самые спесивые и неисправимы, в конце концов [все же] постепенно исправились. Однажды я сел верхом, чтобы поехать во дворец. Явился [мой], управляющий и доложил: /***680***/ “Гулямы собираются

выступать и связывают верблюдов-скороходов, а Алтунташ надевает оружие, не знаем, что случилось". Я очень встревожился, не понимая, какое происшествие вызвало [эту] надобность, и поехал как можно скорей. Когда я прибыл к нему, он стоял и подвязывал пояс. "Что случилось?" — спросил я.— "Еду на бой",— ответил он.— "Никаких известий о приходе врага, нет",— возразил я.— "Ты не знаешь, — сказал он,— конюхи Калбака отправились воровать султанское сено. Ежели им это спустить, будет разорение; когда на меня подымается враг в доме, нечего воевать с чужими". Я его долго ласково уговаривал, чтобы он сел. Явился Калбак, облобызал землю и очень просил прощения, говоря: я-де раскаялся и больше подобного не произойдет. Алтунташ успокоился и пренебрег этим происшествием. Покуда он был жив, он отпустил только одно это наказание из всех: человек должен уметь дело делать".

Когда он помер в замке Дебуси, возвращаясь из Бухары, как мы уже сообщали в этом сочинении, из Балха послали Харуна, а затем позвали из Нишабура

Ахмеда, сына Абдассамада, и он получил должность везира. Сын везира, Абдалджаббар, вернулся из посольства в Гурган, надел на себя халат кедхудая Хорезма и отправился [туда]. По причине того, что его отец был везиром, он стал там тиранствовать и совсем сковал руки Харуну и его людям. Харун затужил, но терпение его приходило к концу. Наустители и подстрекатели взяли его в оборот и приступили к делу. Воспользовавшись гибелью Сати, брата Харуна, в Газне, они представили [так], будто его нарочно столкнули с крыши. Хорасан был осквернен туркменами еще раньше, чем пришли потомки Сельджука, а также и звездочет один говорил Харуну и объявил, что он будет эмиром Хорасана, и вот в голове Харуна зародилась пустая мечта, и он перестал считаться с распоряжениями Абдалджаббара, возражал против его действий и лишал его слова на заседаниях, где решались дела, покуда не дошло до того, что однажды в заседании он закричал на Абдалджаббара и заставил **[599]** его замолчать, так что тот удалился разгневанный. [Люди] вступились, и заключен был волчий мир.

Абдалджаббар жаловался, но его отец не мог прийти к нему на помощь, потому это эмир Мас'уд ничьих слов о Харуне не слушал и с везиром был плох. Харун стал на такой путь, что ни у кого не хватало смелости что-нибудь написать о его порочном поведении. Начальника почты соблазнили, чтобы он писал донесения по желанию Харуна, и дело его оставалось в тайне, покамест он не обзавелся /***681***/ двумя тысячами с лишним гулямов, зонтом и черным знаменем и не начал тиранствовать по-султански, а Абдалджаббар остался не у дел. С разных сторон стали прибывать люди и войска Харуна. Послы его зачастили к Али-тегину и другим владетелям, и он начал готовиться к восстанию. Туркмены и потомки Сельджука пошли с ним заодно, потому что еще раньше установился обычай, что они ежегодно от Нура [54]. Бухарского ходили до Андергаза [55] и пребывали [там] некоторое время. Дело дошло до того, чтобы устранить Абдалджаббара, но у того были лазутчики около Харуна, и он принял меры к тому, чтобы бежать и спрятаться так, чтобы нельзя было найти. В среду, в первый день месяца раджаба

четыреста двадцать пятого года [56], в полночь, он вышел из дому переодетый с одним верной слугой, так что никто не узнал, и остановился в доме Бу Са'ида Сахли [57], как заранее с ним сговорился. Бу Са'ид спрятал его под землей в сердабе [58]. Это сердабе вырыли только в прошлом месяце ради этого дела и никто о нем не знал. На другой день Харуну сообщили, что Абдалджаббар-де вчера ночью бежал. Харун весьма огорчился и послал конных по всем дорогам. Те вернулись обратно, не найдя ни следов, ни вестей. Объявили через глашатаев в городе, что в чьем бы серае его ни нашли, хозяина серая разрубят пополам. Начали искать, но нигде сведений не нашли. Бу Са'ида заподозрили, что он спрятал Абдалджаббара под землей и отобрали у него дом, имение и вещи [59] и всех, кто был с ним связан, истребили.

Об этом положении эмир Мас'уд получил извещение и очень затужил. Удивительно было то, что он стал упрекать везира, дескать, Хорезм пропал из-за твоего сына; везиру ничего не оставалось, как молчать. Хозяйство и домочадцев его уничтожили, и он не

решался, слова сказать. Потом, через некоторое время, сему падишаху стало совсем ясно, что Харун собирается поднять мятеж, ибо прибыли записки с лазутчиками, что Харун отдал должность везира Бу Насру Баргаши в четверг, за два дня до конца месяца ша'бана четыреста двадцать пятого года [60]. В пятницу, двадцать третьего числа месяца; рамазана вслед за теми пришли другие записки, что хутбу переменили и что Харун приказал не поминать имени своего господина, а поминать его имя. Наши осведомители приступили там к делу, а также **[600]** осведомители ходжи Ахмеда. Приезжали нарочные гонцы, и все, что творил Харун, /***682***/ делалось достоверно известно. Эмир Мас'уд, да будет им доволен Аллах, от того обстоятельства, что и Хорасан заволновался и он [не мог] достать до Хорезма, чтобы прибрать его к рукам, пришел в сильное замешательство.

Он созывал тайные советы с везиром и Бу Насром Мишканом и от эмира к тамошней свите посылались краткие записки с собственноручной подписью, подстрекающие к низвержению Харуна; но, конечно,

никакой пользы не было. Тогрул, Дауд, йиналовцы и сельджуковцы с большим войском, с юртами, верблюдами, лошадьми и бесчисленными овцами пришли на подмогу Харуну, а он отвел им пастбища и хорошие места в Рабате Маше [61], Шурах-хане [62] и Говхваре [63], послал им много подарков и угощения и сказал: “Отдыхайте. Я намереваюсь пойти на Хорасан и готовлюсь. Когда двинусь, вы укрепите здесь обозы и пойдете моим передовым полком”. Те осели здесь в безопасности, потому что когда Али-тегин помер, у этого народа случилась неприязнь с его сыновьями, и он не мог оставаться в Нуре Бухарском и тех краях.

Между потомками Сельджука и Шахмеликом издавна существовала нетерпимость и жестокая кровная вражда. У Шахмелика были лазутчики. Услышав, что этот народ поселился там, он из Дженда, которым владел, выступил в пустыню с большим войском и внезапно на рассвете нагрянул на тех туркмен врасплох в месяце зу-л-хиджжа четыреста двадцать пятого года [64], спустя три дня после праздника жертвоприношения. Он нанес им

поражение, разбил наголову. Семь-восемь тысяч из них перебили и множество лошадей, женщин и детей заполонили. Бежавшие переправились по льду через Джейхун у хорезмского брода, потому что стояла зима, и пошли на рабат Немек; лошади у них были без корма [65]. Напротив рабата Немек находилась большая деревня, и в ней было много жителей. Они услышали весть об этих беглецах. Молодые люди схватились за оружие и сказали: “Пойдем перебьем их, чтобы мусульмане от них избавились”. Был [там] старец один, девяноста лет, всеми уважаемый и почитаемый среди того люда, он сказал: “Молодые люди! Побежденных, идущих к вам под защиту, не бейте, ибо они уже убиты от того, что у них не осталось ни жен, ни детей, ни воинов, ни скота”. Те остановились и не пошли. *Что всего удивительней в бренном мире и в превратности судьбы, это перемена положения*. Как им было убить их, когда они вот-вот [должны] достигнуть столь высокой мощи и силы, владений и разного снаряжения, ведь *Аллах делает так, как хочет, и выносит приговор, как желает*.

Когда весть об этом дошла до Харуна, он очень приуныл, но виду не подавал, что ему это неприятно. Тайно он послал кого-то к **[601]** потомкам Сельджука, надавал обещаний /***683***/ и сказал: “Собирайтесь и приведите других людей, потому что я и теперь придерживаюсь того, что с вами постановил”. После этого послания они успокоились и из рабата Немек возвратились к обозам. Дети, припасы, принадлежности и скот большей частью пропали, осталось только немного. Они начали налаживать дело, и туда пришли другие люди. С другой стороны Харун отправил посла к Шахмелику и всячески упрекал [его]: “Ты, дескать, пришел и разорил народ, который присоединился ко мне и был моим войском. Словом, ежели они тебе вначале причиняли неприятности, то ты им уже отплатил. Теперь тебе надобно со мной свидеться, и мы заключим договор; ты будешь мой, а я — твой. Обиду и неприязнь, кои имеются у тебя с потомками Сельджука, мы постараемся устранить, потому что мне предстоит важное дело: хочу захватить Хорасан”.

Шахмелик ответил: “Очень хорошо, я буду пребывать по эту сторону Джейхуна, ты же иди и расположись по ту сторону; пусть между нами обращаются послы и будет постановлено, что надлежит постановить. Когда договор будет заключен, я на ладье выеду на середину Джейхуна, и ты точно так же выезжай, дабы нам свидеться. Я дам тебе сильный полк моих воинов, дабы он тебе помог в деле, кое ты предпринимаешь, и сам уйду обратно в Дженд, но при условии, что ты со мной не будешь говорить о мире с потомками Сельджука, ибо между нами — кровь и меч, и я буду разить, покуда [не увижу], что явится по предопределению господа бога, да славится поминание - его”. На этом ответе Харун успокоился и приготовился пойти с большой ратью и встретиться. Снаряжено было около тридцати тысяч конных и пеших, множество гулямов и большой поезд провожатых.

За три дня до конца месяца зу-л-хиджжа четыреста двадцать пятого года [66] он расположился на берегу реки, напротив Шахмелика. Увидев столь много военного припаса и снаряжения, Шахмелик

испугался и сказал своим доверенным людям: “Встретилось нам дело, и мы победили своих врагов. [Теперь] нам лучше заключить волчий мир и уйти, ибо не следует допускать ошибку. Очень хорошо, что между нами Джейхун”. “Так и нужно сделать”,— отвечали ему. Потом с обеих сторон начали ездить туда и обратно послы. Заключили договор, и Харун с Шахмеликом выехали на середину Джейхуна, свиделись и быстро разъехались. В полночь, не известив Харуна, Шахмелик неожиданно снялся с места и пустился в путь через пустыню в свою область Джен-да и шел поспешно. Весть дошла /***684***/ до Харуна, он сказал: “Сей человек — большой враг, пришел в Хорезм и разбил сельджуковцев; с нами он встретился, и мир заключен. Из Дженда сюда прийти нельзя, разве только зимой, когда снег покрывает пустыню, а я направляюсь в Хорасан и передо мной важное дело. Когда я отсюда уйду, то, по **[602]** крайней мере, сердце мое будет спокойно за тыл”. “Верно”,— отвечали ему. Харун тоже выступил, возвратился в Хорезм и еще ревностней начал готовиться к походу. Со всех сторон к нему

стекались люди [племен] кёчат, джиграк и кыпчак [67], получилось большое войско. Харун оказал помощь потомкам Сельджука животными и оружием, дабы они стали сильней. Он распорядился, чтобы они пребывали в Даргане [68], на границе Хорезма, и ожидали бы, когда он отойдет на пять-шесть переходов, тогда тысячи три-четыре конных того народа двинулись бы на Мерв как передовой полк, а он пойдет вслед за ними.

Известия об этом дошли до эмира Мас'уда, да будет им доволен Аллах, от лазутчиков и осведомителей. Эмир уединился с везиром и Бу Насром Мишканом и выработал с ними порядок действия. Ахмед, сын Абдассамада, сказал: “Да будет долгой жизнь государя! Никто никогда не думал, что из-за этого несчастливчика произойдет подобное. Сыновья Алтунташа все вышли распутные, а сей подлый неудачник всех превзошел. Однако никогда ни один раб не шел по неправедному пути и не выступал против своего господина с пользой для себя. Государь увидит, что достанется этому неблагодарному. Слуга [государя] в ход пустил

хитрость: Бу Са'иду Сахли, в доме коего скрывается мой сын, сообщено тайнописью, чтобы он, куда рука дотянется, раздавал деньги и подкупил какую-нибудь шайку, не сумеет ли она убить этого горемыку. Он ревностно взялся за дело и пишет, что соблазнил восемь из самых близких к Харуну гулямов, как-то: оруженосца, зонтоносца и знаменосца, и порешили на том, что в день, когда Харун выедет из города, они, быть может, в дороге сумеют его убить, потому что в городе невозможно из-за Шукр-Хадима, который принял все меры предосторожности. Будем уповать на господа, велик он и всемогущ, что это дело сбудется. Когда этого пса убьют, все дела переменятся, их войско рассеется и не соберется". "Это весьма доброе мероприятие и решение,— произнес эмир,— надобно поддержать; а от нашего имени подавать надежды этому старому /***685***/ волку, покуда дело его не будет прикончено месяцев через четыре-пять".

Когда Харун освободился от дел, и подошло время выступления в поход, его злосчастное сераперде с прочими принадлежностями вывезли и поставили в

трех фарсангах от города, а он в недобрый час сел верхом и выехал из города в воскресенье, второго числа месяца джумада-л-ухра четыреста двадцать шестого года [69], и с весьма значительным военным припасом пошел воевать Хорасан. Но судьба над ним посмеялась, ибо уже через два дня он помирал. С теми гулямами вступили в заговор другие дворцовые гулямы. Когда человек приблизился к сераперде, он остановился на холме. Шукр-Хадим занялся размещением на стоянке. Дворцовые же гулямы и какое-то числа непобедимой пехоты отстали. Эти дворцовые гулямы пустили в ход **[603]** мечи, секиры и булавы и повергли наземь Харуна. В нем еще держалась душа, когда они удалялись, а вместе с ними и гулямы-телохранители. Явился словно потерявший рассудок Шукр-Хадим, чтобы унести Харуна. Объявили во всеуслышание, что Харун жив, положили в балдахин на слоне и направились в город. Поднялась большая суматоха и сумятица. Каждый занялся самим собой, дабы броситься в город, сильному пожрать слабого и пограбить. Порядок расстроился, и все пошло прахом.

Харуна доставили в город. В погоню за убийцами отправились конные. Харун прожил еще три дня и в четверг получил повеление [переселиться в иной мир], да смилуется над ним господь всевышний, ибо был он хороший, но совершил большую ошибку, что сел на престол государя. Нелепо воробью домогаться гнезда сокола! Со времен Адама, привет ему, и до наших дней закон таков: каждый раб, посягнувший на жизнь господина, теряет жизнь дорогую. Ежели а подымется ненадолго ветерок, то пройдет без пользы и уймется. Прочитать надобно внимательно летописи, чтобы стало ясно, что подобное бывало очень часто в любые времена и в любом царстве. Поглядите на судьбу презренного, тщеславного Тогрула [70], покусившегося на сей царский дом и севшего на престол эмиров Махмуда, Мас'уда и Мавдуда, что сталось с ним и что серхенг Тогрулкуш [71] сделал с ним и его приверженцами. Да ниспошлет господь бог, велик он и славен, счастливый конец!

Когда по городу разнесся слух, что Харун помер, поднялся большой беспорядок. Шукр-Хадим сел верхом /***686***/ со всеми гулямами умершего

господина, поставил во главе брата Харуна — Исмаила, прозванного Хендан [72], и выступил из города в пятницу, двадцатого числа месяца джумада-л-ухра [73]. Город волновался. Абдалджаббар поторопился, — его смертный час тоже настал, — когда Хендан, Шукр и гулямы ушли, он покинул потайное место и направился в эмирский серай. Сахли убеждал, дескать, выезд этот преждевременный, надо обождать, покуда Шукр, Хендан и гулямы не отойдут на два-три перехода и покамест к тебе не придут алтунташевцы и султанские войска, потому-де, что город разделился на два лагеря, возбужден и приказам не повинуется, но Абдалджаббар не послушался и погнал на двух слонах. Вокруг него собрались горлодеры, как сказывается в пословице: *когда собрались — победили, а когда разбежались — не знают*. Он доехал до площади и там остановился.

Стали трубить в рог и бить в барабан. Отовсюду, где кто прятался, начали появляться люди Абдалджаббара. Поднялся шум и превеликая суматоха. Шукр с окраины города помчался обратно

с пятью сотнямк гулямов, снаряженных и готовых к бою. Он подъехал к Абдалджаббару. Ежели бы Абдалджаббар обошелся с ними вежливо, то **[604]** установилось бы спокойствие, но он [этого] не сделал и закричал на Шукра: “Ах ты такой-сякой!” — “Дайте [ему]!” — приказал Шукр гулямам. Слева и справа начали пускать стрелы по слону, покуда человека не изрешетили; никто не отважился подать ему помощь, он упал со слона и отдал душу. Бездельники и крикуны привязали к его ногам веревку и стали волочить его по городу и кричать: “Исмаил Хендан и алтунташевцы снова взяли верх!” А люди Абдалджаббара, убитые и избитые, пропали. К Исмаилу послали с доброй вестью, что произошло этакое событие, воротись скорей обратно и приезжай в город.

Исмаил очень обрадовался, много чего подарил вестникам, рассыпал монеты и принимал пожертвования. Он приблизился к городу поздним утром в субботу, двадцать седьмого числа месяца джумада-л-ухра [74]. Шукр с гулямами и горожанами вышли навстречу, и он вошел в город и остановился

в кушке. В городе навели порядок и назначили джанбашиев. В тот день занимались этим, покуда к полночи не разрешили с Исмаилом все, что надлежало разрешить. Заключили обязательства и раздали деньги за признание [75]. На следующий день, в воскресенье [двадцать] девятого числа месяца джумада-л-ухра четыреста двадцать шестого года, Исмаил сел на престол царства и открыл прием. /***687***/ Явились все военные и вельможи и утвердили за ним эмирство, совершили обряд поклонения, осыпали монетами и удалились. А он сел и успокоился. Когда весть [о случившемся] дошла до эмира Мас'уда, он выразил соболезнование везиру по случаю несчастья, кое приключилось, и что большая часть его людей пала. “Да будет долгой жизнь государя и да здравствует он! — ответил везир.— Слугам и домочадцам подобало жертвовать своей жизнью, повинуясь и служа государю. Что прошло, то прошло, [теперь] надобно придумать иной способ действий”.

“Что же делать с этим новым негодяем, которого посадили?”— спросил эмир. “Надо тайно отправить

посланца из военных людей Алтунташа,— ответил везир,— а государь соизволит написать записки со своей подписью к хаджибу Альп-тегину и к другим махмудовским предводителям, дабы, ежели окажется возможно, то наставили бы на ум того юношу. А то, что должно написать мне, слуге [государя], то я напишу Бу Са'иду Сахли и Бу-л-Касиму Искафи, что они могли бы сделать”.— “Ладно”,— промолвил эмир, и везир удалился. Был назначен посланец и в тот же день написаны султанские письма.

Посланец уехал, потом возвратился и стало известно, что государственные дела перешли к Шукр-Хадиму, а тот юноша занимается только едой да охотой и никто о нем не вспоминает. Альп-тегин и прочие отписали ответы, выразили рабскую покорность, просили извинить [их] и указывали, что область можно призвать к порядку только мечом и расправой, потому что правила и законы попраны. **[605]**

Дела испортил Харун. Положение в Хорезме привело эмира в отчаяние, так как ему предстояли важные

дела в Хорасане, Рее и Хиндустане, как я рассказывал выше в этом сочинении.

Когда обстановка в Хорезме складывалась так и произошло событие с Харуном, потомки Сельджука еще больше пали духом: ни а Бухару они не могли податься, потому что Али-тегин помер, а царство захватили его сыновья и какие-то наглецы, ни в Хорезме им нельзя было оставаться из страха перед Шахмеликом. Они начали придумывать способ уйти из Хорезма, чтобы отдаться под защиту. Людей подготовили. Внезапно они выступили и переправились через реку. В тот день реку перешли девятьсот [76] всадников. Потом к ним примкнуло еще много народа и они разграбили Амуй и пошли дальше, продвинулись в сторону Мерва и Нисы и остановились. Это было в то время, когда мы возвращались обратно из Амуля и Табаристана и дошли до Гургана. В “Истории” весьма обстоятельно упоминалось, /***688***/ как эти события протекали.

Полезная цель сей главы о Хорезме заключается в том, чтобы изъяснить самую суть событий, почему

потомки Сельджука из Хорезма перешли в Хорасан и отчего их дело сопровождалось успехом. Шахмелик отправил к Исмаилу в Хорезм посланца со словесным сообщением, что Харун, дескать, придал силы потомкам Сельджука, кои были моими врагами и которых я разбил и оставил без людей, так что они впали в ничтожество и оказались без становищ. Харун попрал долг благодарности и покусился на господина [своего] и его владение, с тем чтобы они были [его] передовым полком. Но господь, велик он и всемогущ, не одобрил этого, и Харуна постигло то, что постигло; и теперь потомки Сельджука подались в Хорасан. Ежели и был у меня с Харуном договор, то он отпал, и ныне между мной и вами — меч. Приготовьтесь, мол, я приду и захвачу Хорезм, а вас, поправших долг признательности, ниспровергну. Покончив с вами, я пойду в Хорасан и, служа и благожелательствуя султану, совершенно разнесу потомков Сельджука. Я-де знаю, что тот государь не пожалеет для меня этой области [77], коль скоро я ему окажу этакую услугу и искореню врага в его владении. Сию спесь и самохвальство в голову

Шахмелика заложил Ахмед, сын Абдассамада, для того, чтобы Исмаил и Шукр пали и он отомстил бы за своего сына и приверженцев, хотя Шахмелик и сам тоже шел на это, как будет поведано в повествовании о поре царствования эмира Мавдуда, да будет над ним милость Аллаха.

Исмаил и Шукр довели дело до того, что стрела из колчана везира Ахмеда, сына Абдассамада, была пущена, и этому делу большей частью [основание] положил он. Посланца Шахмелика отпустили обратно с весьма грубыми ответами: “Мы-де готовы, приходите, когда, пожелаете; виноват был Харун, что с такой огромной ратью, увидев **[606]** тебя бессильного, не приказал потомкам Сельджука, кои повиновались ему, пустить из тебя дым, что тебе ныне снятся этакие сновидения”. Через некоторое время Бу Насра Баргуши, исправлявшего должность везира, сняли. Везирство передали Бу-л-Касиму Искафи в первый день месяца мухаррама четыреста двадцать восьмого года [78]. Поводом к заключению в тюрьму Баргуши выставляли, будто он благожелательствовал эмиру Мас'уду, и Ахмед, сын

Абдассамада, поддерживал его и Шахмелика как верными советами, так и султанскими посланцами и письмами. Когда дело потомков Сельджука /***689***/ пошло столь удачно, что они разбили Бектугды и хаджиба Субаши, эмир уединился с везиром и сказал: “Враждебные действия сельджуковцев выходят из границ и меры. Придется Хорезмскую область отдать Шахмелику, дабы стихла алчность, и он бы ниспроверг сих неблагодарных и взял Хорезм, ибо с его приходом туда у меня перестанет болеть голова как по причине хорезмцев, так и по причине сельджуковцев”.— “Государь решил очень хорошо”,— ответил везир. Написали жалованную грамоту на имя Шахмелика и к ней присовокупили прекрасный халат. Назначили Хасана Таббани, который был одним из самых близких доверенных лиц двора и уже исполнил много посольств, старика хитрого ума и благомыслящего, с несколькими всадниками; он поехал с халатом, жалованной грамотой и решительными устными сообщениями. Поездки послов между Шахмеликом и хорезмцами заняли долгое время; слов было сказано много, ибо

Шахмелик говорил и утверждал, что эмир Мас'уд — эмир законный, по воле повелителя верующих, и он-де область передал мне, вы ее сдайте, а хорезмцы отвечали, что они никого не признают и что область принадлежит им; приходите, мол, посмотрим, что предопределил господь, да славится поминание его, и кто возьмет верх.

Шахмелик с многочисленной ратью пришел на поле, кое называется Асиб [79], и сошелся с Шукром в пятницу, шестого числа месяца джумада-л-ухра лета четыреста тридцать второго [80]. Битва между ними шла трое суток, так что мельничные жернова вращались от [потока] крови. Множество народа с обеих сторон было убито. Хасан Таббани находился при Шахмелике. После он мне говорил: “Побывал я в многих битвах с эмиром Махмудом, как-то: под Мервом и Гератом с симджурцами, с Тогрулом под Мервом, с ханами в степи Кард [81], но битвы подобной той, что была между этими двумя сторонами, не помню”. В конце концов Шахмелик одержал верх. На третий день к часу пополуденной молитвы он разбил хорезмцев, те обратились вспять,

бежали в город, и заперлись в крепости. Ежели бы стали сражаться с сидящими в крепости, то дело бы усложнилось и затянулось, но [этого] **[607]** не сделали. Бог, да славится поминание его, оставил хорезмцев без поддержки.

Шахмелик пробыл пятнадцать дней в рабате, у которого он их разбил, покуда не похоронили убитых и раненые не выздоровели. Посланцы приезжали и уезжали. Хорезмцы искали мира и давали деньги. Шахмелик говорил: “Требую область, ибо она моя по воле ламестника повелителя верующих”. По счастливой случайности пришло /***690***/ еще войско к Шахмелику, хорошо снаряженное, и благодаря ему решимость их усилилась, а хорезмцы, услышав, пали духом. Шахмелик готовился, а хорезмцы все надеялись, что враг с часу на час уйдет. Но по роковому стечению обстоятельств случилось такое дело, что Исмаила, Шукра и алтунташевцев напугали султанским войском и заронили между ними рознь. Исмаилу и Шукру представилось так, что их свергнут, чтобы выдать Шахмелику, что это сделал эмир Мас'уд и его везир Ахмед, сын Абдассамада, а

султанская свита им в этом помогает. Исмаил и Шукр со своими близкими и алтунташевцами из Хорезма бежали в субботу, двадцать второго числа месяца раджаба четыреста тридцать второго года [82], чтобы податься к потомкам Сельджука, кои с ними были заодно.

В тот день, когда Исмаил бежал, Шахмелик в погоню за ним послал войско. Дошли до границ области, но его не настигли. Шахмелик двадцать дней оставался за городом, покамест не упрочил дела, в городе не стало спокойно и не явились те люди, кои должны были явиться на поклон и под защиту. Когда он понял, что дело удалось, он вошел в город и сел на престол царства в четверг, в половине месяца ша'бана четыреста тридцать второго года [83]. Рассыпали монеты, город разукрасили, и беспорядок исчез. На другой день, в пятницу, он явился в соборную мечеть в сопровождении множества конницы и пехоты н большого поезда провожатых. Прочитали хутбу на имя повелителя верующих и султана Мас'уда, а потом на его имя. Послушайте, какие чудеса происходили: в тот день, когда там

читали хутбу на имя эмира Мас'уда, он уже несколько времени раньше был убит в крепости Гири, а эмир Мавдуд в том же месяце ша'бане, когда Шахмелик переменил хутбу, прибыл в Динавер, сразился, взял в плен своего дядю [84] вместе с его сыновьями и людьми, которые этому падишаху [85] оказывали помощь, и всех казнил смертью, как вслед за этим, [в повествовании] об остатке поры павшего мученической смертью эмира Мас'уда, да будет им доволен Аллах, и времени эмира Мавдуда, да будет им доволен Аллах, будет обстоятельно рассказано, в точности, как оно было, *ежели угодно будет Аллаху* [86].

Потомки Сельджука не остались верны Исмаилу, Шукру и алтунташевцам. Несколько времени они их содержали хорошо, но в конце концов связали. Господь, велик он и всемогущ, знает, что было тому **[608]** причиной. Отпрыски рода Алтунташа все впали в ничтожество. Я расскажу [в повествовании] о поре эмира Мавдуда, каково было положение Хорезма и Шахмелика до того времени, /***691***/ когда Шахмелик за доброжелательство державе Махмудовой попал в

руки потомков Сельджука и отошел [в иной мир], а жены и дети его людей все достались, тем, кто на них зарился; все это достойно внимания и удивительно.

Глава сия о Хорезме пришла к концу. В ней заключается много разного рода пользы. Ежели я скажу, что имеется особая книга сведений [87], то я не выйду за пределы истины; но для людей умных и в сей главе много поучительного. Поскольку я с ней покончил, то начну другую главу, дабы исполнить обещанное, *ежели будет угодна Аллаху*.

Комментарии

1. 11 сентября 1040 г.

2. ***

3. ***

4. См. ниже стр. 578—579

5. ***

6. ***

7. В сохранившейся части “Истории Мас'уда” об Абу-л-Фатхе Мас'уде уже больше речи нет.

8. 20 сентября 1040 г.

9. *** — род густой похлебки из дробленой пшеницы, кусочков мяса, масла и пряностей.

10. Текст описания прохождения войска в оригинале явно неисправен, с пропусками и искажениями.

11. *** — род чаши.

12. Если следовать таблице мер и весов, приведенной Ибн Синой в конце книги V “Канона врачебной науки”, то обычный мен равен 680 граммам, следовательно, сатгин в полмена вмещал в себя около 340 граммов.

13. Т. е. сдался; в данном случае опьянел.

14. 29 сентября 1040 г., понедельник.

15. Из следующих ниже слов Бу Сахля Хамдеви можно заключить, что письмо везиру было написано им, а не Бу Фазлом Бейхаки.

16. 11 октября 1040 г., суббота.

17. По-видимому, один из сыновей Мас'уда.

18. Т. е. дочерей.

19. ***

20. Т. е. не остановится.

21. 9 ноября 1040 г.

22. ***

23. см. "От переводчика", стр. 27.

24. ***.

25. В оригинале эта фраза несколько искажена.

26. Абу Теммам Хабиб ибн Аус ат-Та'и (ок. 805—846), арабский поэт.

27. См. “От переводчика”, стр. 25—26.

28. ***

29. Т. е. Абу Рейхана Бируни.

30. *** и к нему ряд вариантов. Как в точности произносилась эта нисба сказать трудно.

31. Абу Мансур Абд-ал-Малик б. Мухаммад ас Са'алиби из Нишабура (961— 1038), составитель 4-х томной антологии арабской поэзии под названием ***.

32. Му'тадид — халиф из дома Аббасидов (892—902 гг.).

33. Сабит б. Курра (836—901) — математик, медик и философ, один из выдаю-щихся арабских ученых IX века.

34. Т. е. дома Ма'мунидов.

35. Кор. 33_4.

36. Подробней см. фрагмент макам Абу Насра Мишкана, воспроизведенный в ***, лл. 102а—104б.

37. См. Barthold, Turkestan... 274—275.

38. Т. е. хан и илек.

39. Т. е. Махмуда.

40. Т. е. Газневидам.

41. 16 февраля 1018 г .

42. ***

43. ***

44. Т. е. сестру эмира Махмуда, оставшуюся вдовой после Ма'муна II.

45. *** — в значении русской поговорки: покуда не заговорил зубы, покуда не обморочил.

46. ***, смысл сомнителен.

47. ВМ: Саййад-тагин.

48. ***

49. См. примеч. 278 к летописи 421 г.

50. Т. е. Ма'муна II.

51. Хаджжадж б. йусуф ас-Сакафи — наместник Ирака при халифе Абдалмелике (685—705), известный своим жестоким подавлением всякого

движения, направленного против дома Омеядов, и особенно ненавистный персам.

52. Т. е. конной гвардии Махмуда.

53. ***

54. Нур, ныне Нур-ата — селение к северо-востоку от Бухары, около гор. Оно было расположено на границе между культурной областью и степью и имело важное стратегическое значение как укрепление. Barthold, Turkestan... 119.

55. ***

56. 22 мая 1034 г.

57. Вар. Сухайли.

58. *** — проветриваемое подземное помещение для хранения воды и пребывания людей во время дневного зноя в летнее время.

59. ***

60. 17 июля 1034 г.

61. Рабат-и Маша — находился в 4 переходах от города Кят (ныне Шаббаз, Каракалпакская АССР), вверх по правому берегу Аму-Дарьи. Barthold, Turkestan... 142,

62. Шурах-хан или Шурахан — селение в одном переходе от Кята вверх по правому берегу Аму-Дарьи. Barthold, Turkestan... 149, 150.

63. В тексте ***. Говхвара (Гаухоре) — канал, выведенный, по словам Истахри, от правого берега Аму-Дарьи, в 6 фарсахах выше селения Гарабхашна, и прилегающая к нему территория, Исправлено по Barthold, Turkestan... 144, 150; Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен..., Ташкент, 1957, 126—127.

64. Октябрь-ноябрь 1034 г.

65. ***

66. 13 ноября 1034 г.

67. В ГФ и СН: ***, правильно ***.

68. Дарган — самый южный город Хорезма, считавшийся в X в. самым большим после Гурганджа, на левом берегу Аму-Дарьи.

69. 14 апреля 1035 г.

70. Речь идет об узурпаторе Тогруле, свергшем с престола султана Абдаррашида Газнийского и в течение двух месяцев продержавшемся на престоле.

71. Дословно “серхенг Тогрулобой”, он действительно, вступив в заговор, убил Тогрула.

72. ***, т.е. смеющийся.

73. 2 мая 1035 г.

74. 9 мая 1035 г.

75. ***

76. ВМ: 700. Выше три раза, на стр. 416, 417 и 425 указывалось, что через Аму-Дарью перешли около 10 000 всадников. Это число кажется более вероятным, потому что 700—900 конных туркмен вряд ли могли представить существенную угрозу для Хорасана и

вызвать столь сильное беспокойство у правительства Мас'уда.

77. Т. е. Хорезма.

78. 25 октября 1036 г.

79. ***

80. 11 февраля 1041 г., среда.

81. ***

82. 28 марта 1041 г.

83. 18 июня.

84. Т. е. эмира Мухаммеда.

85. Т. е. эмиру Мухаммеду.

86. Повествование об остатке поры царствования Мас'уда заключалось в недошедшей до нас части “Истории Мас'уда”. Конец жизни Мас'уда в общих чертах описан современником Бу-л-Фазла Бейхаки Абу Са'идом Гардизи.

87. *** - т. е. сведений найдется столько, что можно составить целую книгу.

ПРИЛОЖЕНИЯ

МАКАМА О ВЕЗИРЕ АХМЕДЕ, СЫНЕ ХАСАНА

(Сокращенный перевод)

Абу-л-Касим Ахмед б. Хасан Мейменди был везиром султана Махмуда. В макамах ходжи Абу Насра Мишкана указано, что везиром Махмуда был именно он, а не его отец Хасан Мейменди. В некоторых та'рихах имеются сведения, что отец Ахмеда — Хасан — в пору Себук-тегина был сборщиком податей в Бусте, но за злоупотребления и хищения налоговых сумм Себук-тегин приказал распять его на дереве.

Ходжа Ахмед б. Хасан был молочным братом султана Махмуда и вместе с ним учился в мактабе. Он был известен своей образованностью, великодушием и щедростью. Пользовался большой властью и влиянием в государственных делах. В начале царствования Махмуда он был назначен

начальником государственной канцелярии. Доверие Махмуда к ходже Ахмеду все возрастало и он назначил его главой государственных финансов. Сюда прибавился еще пост ариза. Через несколько лет к этим должностям была присовокуплена должность му-тасаррифа, амиля и хакима Хорасана. Когда султан заключил в тюрьму Абу-л-Аббаса Исфераини и направился в Индию, он послал Ахмеда б. Хасана в Хорасан собрать там денежные средства и харадж. По возвращении султана он предоставил ему огромные суммы. За верную службу султан назначил его на пост везира, предоставив ему очень большие полномочия.

Вследствие того, что Абу-л-Аббас Исфераини был не силен в арабском языке, он в свое время приказал, чтобы вся диванская переписка, распоряжения, постановления и султанские указы писались по-персидски. По вступлении на пост везира Ахмед б. Хасан отменил это постановление и снова ввел в официальное делопроизводство арабский язык. **[684]**

В течение 19 лет, пока он занимал пост министра, он приобрел в придворных кругах сильных врагов, писавших на него султану и правдивые и ложные доносы. Среди них был Алтунташ, глава хаджибов и предводительствующих наибов султана, хаджиб Мир Али Хишавенд, оказывающий сильное влияние на Махмуда, хатун Хатли, сестра султана, с мнением которой он очень считался. Поскольку на Ахмеда б. Хасана ополчилось много знати и султанских помощников из числа недимов, эмиров, катибов, хаджибов и т. п., отношение к нему •самого султана испортилось. В этой распре особенно проявил себя Хасанек.

В книге *“Макамат-и ходжа Абу Наср Мишкани”* рассказывается, что когда враги Ахмеда б. Хасана объединились, чтобы его устранить, старший хаджиб Арслан Джазиб написал Абу Насру письмо, в котором указывал на губительные последствия, которые может вызвать отставка этого везира, и предлагал Абу Насру как лицу, приближенному к султану, заступиться за Ахмеда б. Хасана и склонить султана сохранить его на посту везира (Возможно,

что в этом фрагменте макам воспроизведена отредактированная Абу Насром или Абу Фазлом копия подлинного письма Арслана Джазиба со всеми деталями).

Получив это письмо, Абу Наср ответил, что при сложившихся обстоятельствах весьма опасно выступить ходатаем перед Махмудом за оставление везира на посту, но что он, тем не менее, рискнет это сделать из двух побуждений: во-первых, он много обязан Ахмеду, б. Хасану, и, во-вторых, он дебир и обязан докладывать государю обо всем, что ему пишут. Но спешить с этим делом нельзя, ибо враги сильны, а в настроении султана произошли большие перемены. Нужно дождаться удобного случая, чтобы доклад представить совершенно секретно, чтобы враги об этом ничего не узнали.

Ахмед б. Хасан тоже прислал к Абу Насру верного своего человека передать на словах, что раньше, когда султан на него гневался, он утишал его гнев большими деньгами, но на сей раз дошло до того, что деньги не помогают, и он в полном отчаянии. Ахмед

жалуется, что окружен врагами, которые жаждут его свалить, что среди них есть такие люди, которым он в свое время помог в беде. Между прочим, он сообщает: “Абу Али Хасан, сын Мухаммеда, Микал [Хасанек] по причине злоупотреблений, которые он совершил при сборе налога с пастбищ и таксации овец был обвинен в измене, и жизни его грозила опасность”. Ахмед спас его и его сыновей и сделал, как он говорит, **[685]** все не плохо — четыре миллиона диремов, все их достояние, из беды вызволил.

Далее Ахмед б. Хасан передает, что считает Абу Насра своим-другом, которому он полностью доверяет, и просит его ставить в известность письменно, или через третье лицо, или устно о том, что будет происходить на совещаниях у султана, на которые его не приглашают, и что о нем будут говорить.

Абу Наср на это отвечает, что хотя это и весьма опасно, он попробует кое-что сделать, попытается уговорить молчать некоторых его противников, как-то: Абу-л-Хусейна Укайли и Хусейна Али, а также

Абу Бекра Хусейри. “Хасанек же — дурак, — говорит он, — который кичится своим положением и богатством, не разбирается в делах и носится с мыслью стать везиром” (Кстати, в другом месте (см. л. 122а) Абу Наср соглашается с Махмудом, что наиболее подходящая кандидатура на пост везира — Хасанек). Говорит он и о других противниках Ахмеда б. Хасана, указывая на их характерные черты. Он замечает, что ему лично трудно добиться чего-либо положительного, ибо и у него есть враги. Он ничего не решается писать, потому что его заместитель Абдассамад с ним плох и тоже стремится пробраться в везиры. Однако к нему можно найти пути через его управляющего Али Парси, человека умного и бывалого. Равным образом и Алтунташ, с ним можно говорить только через третье лицо. Пути же к эмиру Мухаммеду, к домашним и к женщинам для Абу Насра закрыты.

Чтобы найти случай переговорить с Махмудом наедине, Абу Наср принимает участие в одной из царских охот. Но Махмуд тотчас же догадывается, ради чего Абу Наср явился, и открыто ему об этом

заявляет. Абу Насру осталось только чистосердечно сознаться. После охоты, на пиру, Махмуд, разговаривая с Абу Насром, между прочим сказал: “Везиры — враги падишаха. Читал ли ты об этом в какой-либо книге?” “Нет, в таком смысле не читал, — ответил я, — но читал, что дурак и невежда тот, кто ищет и стремится быть у него везиром”. — “Почему?” — спросил султан. “Потому что падишахи не переносят соучастников в царствовании, которые отдают повеления. Человека, которого назначают на пост везира, хотя бы даже его весьма уважал и любил [падишах], менее чем через неделю считают врагом и относятся к нему с презрением. На это султан, разумеется, ничего не ответил”. Весь этот разговор передали Ахмеду б. Хасану.

По прошествии некоторого времени Махмуд снова вызвал к себе Абу Насра и с глазу на глаз, в разговоре, сказал ему: “Этот Ахмед человек весьма способный и полезный и при решении вопросов не заставляет меня ломать голову, но я ему не внушаю уважения к себе, **[686]** поскольку мы с детства всегда

были вместе, и он знает обстоятельства моей жизни и мои обычаи. Он не стесняется и очень алчен, загребает деньги несоразмерно своему положению, берет по сто-двести тысяч динаров, да еще протестует против моих повелений, считая их не основательными. К тому же, мне еще донесли, что он позорил и бесчестил моих гулямов и еще разное говорили и писали, о чем тебе частично известно. Во всяком случае я твердо решил отставить его от этой должнооти. Все, с кем я об этом говорил, относятся к его отставке одобрительно". Абу Наср еще раз постарался склонить Махмуда сохранить при себе Ахмеда б. Хасана, но попытка не увенчалась успехом (Нужно иметь в виду, что в *** фрагменты из *** содержат в себе гораздо больше деталей и имен. Материал ценный и интересный. Между прочим, имя отца Абу Насра — Мишкан — превращено в этой рукописи в нисбу).

*Из ркп *** № 2009, ИВАН УзССР, лл. 96а — 104б.*

II

14a СОГЛАШЕНИЕ СУЛТАНА МАС'УДА И ВЕЗИРА АХМЕДА, СЫНА ХАСАНА МЕЙМЕНДИ

СООБЩЕНИЕ МНЕНИЯ И ОТВЕТЫ

Сие есть сообщение мнения, кое написал слуга [государев], дабы статьи его представили на высочайшее усмотрение, да умножит Аллах величие его, и под каждой статьей был бы [дан] ответ ради того, чтобы [слуга государев] с бодрой душой мог взяться за исправление должности везира и чтобы соглашение было как бы руководством, к коему обращаются, дабы слуга [государев] не был бы все время-принужден по любому поводу утруждать Высокое собрание, да продлит Аллах его превосходство над окружающим, Аллах есть источник блага и благодати, ибо в нем добро по всемогуществу господства его!

От высочайшего разумения государя, преславного султана благодетеля не осталось скрыто, что слуга [государев] предпочитал в остаток жизни [своей] отдать себя молитвам за высокую державу, да

утвердит ее Аллах, поскольку слуге [государеву] было оказано милосердие и он из когтей несчастья был вознесен высоко и поскольку слуга [государев] стал стар и немощен /***141б***/ и наступила пора покаяться в грехах и отказаться от дел мирских. Однако раз высочайшая воля такова, чтобы непременно приступить к исправлению должности везира, то какой [другой] исход остается слугам [государевым], как не повиноваться отдаться служению и приложить все старания, ибо от него не исходит **[687]** ничего, кроме прямодушия и чистосердечного совета. Никогда, ни при каких обстоятельствах мы его никак не осудим за дело, к коему он не причастен.

От высочайшего разумения, да возвеличит Аллах высоту его, не скрыто, что везир — наместник падишаха и ему неминуемо приходится отдавать распоряжения по всем делам. Владыка мира, да продлит Аллах его господство, — царь и повелитель. Однако есть вещи, кои, быть может, скрывают от высочайшего усмотрения, а слуга [государев] ни в коем случае не может допустить обмана и его обязательно нужно открыть, потому что завистники

и враги слуги [государева] будут облыжно расписывать, что слуга [государев], дескать, противодействует высочайшим решениям и, таким образом, /***115a***/ они будут это распростра-нять и ухищряться извратить картину обстоятельств. Надобно, чтобы слуга [государев] был от сего безопасен, и стало бы ясно, что все, что он откроет из подобных дел, хорошо.

Ответ. Не следует тревожить сердце на сей счет, ибо подобного рода дела от нас утаить нельзя. Надобно править дела со спокойным сердцем и постоянно и всегда открывать правду и быть беспристрастным как к [нашим] родичам, свите и разного рода воинству, так и к амилям и к управляющим денежными средствами, а также и к любезным сыновьям [нашим] и к важным государственным делам, ибо нам ведомо: то, что он раскроет, то правда. Ни у кого не найдется смелости хитрить в подобного рода случаях. Пусть сердце [ходжи] будет спокойно.

Слуга [государев] видит, что всякий берет [на себя] дерзость вести перед престолом речи касательно амилей и денежных средств, устраивает людей на должность амиля и получает приказы и грамоты с царской печатью насчет денежных средств и эти средства приберегает. Вред от того весьма велик, ибо всякий делает это, чтобы задобрить высочайшее мнение и сделать выгодным [для себя], а надобно знать, что сие преисполнено скверны и убытков. Необходимо, чтобы эта дверь была заперта для всех. Каждый, кто сделает какое-нибудь сбережение, должен по этому поводу обратиться к слуге [государеву], дабы тот сбережение одобрил и признал правильным, потому что ежели останется в таком виде, как сейчас, то объявится много беспорядка, не сегодня, так завтра. Это дело надобно хорошо рассмотреть.

Ответ. /***115б***/ Когда мы из Исфагана повернули обратно в эти края, то впереди было много забот. Тогда этак было нужно, чтобы всякий держал себя и разговаривал с нами вольно, а мы бы выдавали царские указы, ибо дела [тогда] еще не утвердились.

Ныне положение иное, дела, слава богу, пришли в порядок на первоначальной основе, все заботы исчезли и указы стали [ей] соответствовать. Ни у кого [теперь] нет **[688]** возможности говорить с нами о чем-либо, кроме как по должности своей. Будь спокоен, повелеваем мы и, кроме нас, превосходительный ходжа, а прочие — наши слуги и его подручные. И ежели кто-нибудь захочет выйти за пределы своего места и должности, мы того слушать не станем, чтобы знать, [и] согласие ни в коем случае дано не будет. И ежели станут обманывать [Высокое] собрание и это дойдет до слуха превосходительного ходжи, то с этим мириться не должно, и коли ему не покажется правильным, пусть доложит мне, дабы то, что разумение [наше] сочтет нужным, было поведено для исправления дела.

Войсковой диван и диван управления хозяйства — два важных дивана, и начальники их должны быть лица, коих избирает воля повелителя мира, да продлит Аллах его царство, лица, обладающие именем и достоинством, и добрые советники. Однако надобно, чтобы слуга [государев] знал

обстоятельства их жизни и хорошие свойства, ибо в этих должностях происходят превышения [власти], до коих высочайшее разумение, возможно, дойти не может. Должен быть издан указ в том смысле, чтобы возглавляющие эти две должности /***116a***/ соблюдали предел своей меры и после высочайших повелений слушались распоряжений слуги [государева], дабы не случилось непорядка. *А Аллах руководствует на пути правильном*.

Ответ. Установился такой обычай, чтобы в подобного рода делах вести беседу с везирами, и мы это наблюдали в пору отца нашего, да просветит Аллах его доказательство. В этих двух диванах до сих пор не наведен порядок, и начальники их не назначены. Так пришлось, что мы занялись одной работой и хотели сначала упорядочить дело ведомства везира, поскольку прочие диваны подчиняются ему. Ныне, когда это дело утвердилось, мы по этому поводу посовещаемся с превосходительным ходжой, дабы на эти две важных должности были поставлены два пригодных достославных человека и они бы приступили к

работе. И хотя они наши слуги и возвышены нами, они являются его [ходжи] подручными и должны действовать согласно его распоряжениям. Превосходительному ходже должны быть ведомы их приход и расход, установленная смета, понижение и повышение [ее], дабы не случилось неустройства и расточительности. Коль скоро будет не так и превосходительный ходжа заметит, то ни в коем случае пусть не мирится, [не то] он подвергнется взысканию.

Родичи и свита государя, да поможет им Аллах, все они имеют много владений, богатств и дорогих достопримечательностей. Благодаря высочайшему благоусмотрению, да вознесет Аллах его величие, они даны им ради того, чтобы руки у них были коротки, они бы не прибегали к покровительству [государя], не чинили бы насилия над людьми. **[689]** не касались дела амилей и рук /***116б***/ им не связывали, а каждый довольст-вовался бы тем, что имеет. Ежели же допустить их развязать руки в подобного рода делах и вмешиваться, то будет

нанесен вред государственному казначейству и будет он весьма велик.

Ответ. Дверь прибегания к покровительству для детей наших, затем для родичей и свиты закрыта. Ни в коем случае не будет [дано] согласие на то, чтобы кто-нибудь притронулся рукой до земли покровительства. Превосходительному ходже надлежит постоянно на сей счет думать, и единомышленников, кои прибегали бы к [нашему] покровительству, быть не должно. Все, что на сей предмет необходимо, надобно исполнить, не следует оставлять так и проявлять уступчивость. И ежели ему что-либо не покажется правильным, то пусть без стеснения доложит нам, дабы повелено было, что признает наше усмотрение.

Вошло в обычай, что должностями начальника почты и муш-рифа удостоивает рабов [своих] повелитель мира, да продлит Аллах. его царство, однако служители их должны быть из дивана слуги [государева], дабы то были люди преданные и надежные, которых бы слуга [государев] знал. [Это

для того], чтобы начальники почты и муш-рифы не сговаривались с амилями красть деньги начальствующих должностных лиц совместно, не сокращали бы месячное содержание, кое отпускается, и излишки не присваивали. Слуга [государев] укажет причитающееся им, дабы им выдавали [его] полностью и они использовали [его] на службе.

Ответ. Мы согласны с превосходительным ходжой, Да продлит Аллах ему свою помощь.

То, что установлено обычаем, /***117а***/ мы написали. Говорит Абу Са'ид Мас'уд, сын Махмуда: мы клянемся Аллахом взыскующим, всесильным, милостивым и милосердным, что на том будем хранить Абу-л Касима Ахмеда, сына Хасана, и доколе в царстве не объявится с его стороны обмана, мы не отвратим от него свою благосклонность и не будем слушать о нем слов завистников и врагов его. Мы призвали в том свидетелем господа бога, велик он и всемогущ, и достаточно иметь свидетелем Аллаха.

Написано собственноручно тогда-то.

*Перевод из ркп. *** № 2009, ИВАН УзССР.*

III

ПРИСЯГА, ПРОЧИТАННАЯ ХОДЖОЙ АХМЕДОМ, СЫНОМ ХАСАНА

Во имя Аллаха милостивого, милосердого! *Истинно, те, кто за дешевую цену продают обязательства свои перед Аллахом и **[690]** вероисповедание свое, те недостойны загробного мира. Не к ним будет говорить Аллах и не на них взирать в день воскресения из мертвых. Он не оправдает их, и будет им мучительная кара*.

Клянусь богом и защитой божьей, клянусь господом, ведающим тайное и явное созданий [своих], клянусь богом, воистину ниспославшим людям посланников своих, да будут благословения Аллаха над всеми ними, что я, Абу-л-Касим Ахмед, сын Хасана, буду честен с повелителем мира, великим султаном Абу Са'идом Мас'удом, сыном Махмуда, да продлит Аллах его век, в сердце и в намерениях [моих], буду

дружить с его друзьями и враждовать с его врагами; буду усердно стараться во всем, что касается благополучия его особы, детей его, родичей, свиты, разных родов воинства, достояния и царства. Не буду входить в сговоры и скрытничать и в сей должности везира, кою государь мне поверил, буду идти прямым путем и не буду чинить обмана, как-то: присваивать себе деньги /***117б***/ и уничтожать принадлежащие ему подарки и ценности, а буду стараться изо всех сил в сборе налогов и доходов в его владениях. Не буду входить в сговор ни в чем с его детьми, сипахсаларами и свитой, от чего вред мог бы обратиться на него и на царство его, и буду соблюдать в этом полное усердие. Точно так же [не буду сговариваться] с врагами и противниками его державы, и ежели надобно будет что-либо сказать или написать письмо к кому-нибудь из противников или благожелателей, как-то: ханов и местных князей, то буду делать сие по высочайшему повелению и не буду делать никакого дела в скрытности, от коего мог бы произойти вред его особе и царству.

И ежели я сии статьи, каждую по отдельности, не исполню, то значит я избегаю силу и могущество господа бога, велик он и славен, и полагаюсь на свою силу и могущество, и тогда всякое богатство и достояние, коими я владею, немое и говорящее, и которое я приобрету до конца жизни, да будет обращено на богоугодные дела, коль скоро я сию присягу сделаю ложью. Все рабы, кои у меня имеются и коих я куплю до конца жизни, [да будут] свободны; все жены, кои у меня имеются или с коими я вступлю в брак до конца жизни, да будут разведены со мной троекратным разводом, ежели сию присягу я сделаю ложью. И да будут для меня обязательны три паломничества, так чтобы отправиться в Мекку, да хранит ее Аллах, и исполнить священные обязанности [поклонения]; и да не получу я вознаграждения за усердие [мое], ежели сию присягу нарушу, и буде в сей присяге стану домогаться какой-нибудь уступки или буду делать исключения [из нее]. Сия присяга обязательна для меня целиком, и думал я, давая клятвы, о повелителе мира, преславном султане Абу Са'иде

Мас'уде, сыне Махмуда, да продлит Аллах его век. Я призвал в свидетели данной мной присяги господа бога, велик он и всемогущ, /***118а***/ и достаточно иметь свидетелем Аллаха. **[691]**

[Написано] сие в день.....

*Перевод из рк. *** № 2009, ИВАН УзССР.*

IV

Эмира Маджду да, да смилуется над ним Аллах, он [султан Мас'уд] послал в Мультан с двумя тысячами конницы, а эмира Изедъяра к подножию Газнийских гор, где находились афганцы и мятежники, и ска-зал: “Оберегай эту область, дабы никакой беды не было”. Потом он велел доставить в Газну всю казну и сокровища, которые эмир Махмуд ранее сложил в крепостях, как-то: в крепости Диди Ру, Мандиш, Пай Ламан, ***. Затем все, что было богатства из самоцветных камней, золота, серебра, ковров и утвари погрузили на верблюдов. Войско тронулось и потянулось в Хиндустан со всей казной, гаремом и обозом. С дороги он послал кого-то, чтобы брата его,

эмира Мухаммеда, да смилуется над ним Аллах, из крепости *** [у Бейхаки ***] доставили в Ляшкергах. Когда он достиг окрестностей рабата Марикеле, казну везли при нем. Несколько дурного поведения гулямов и незнающих страха воинов подъехали к казне. Они увидели громадное число верблюдов и мулов, все нагруженных самоцветными камнями, золотом и серебром, протянули к ним руку и какую-то толику утащили. Войска возмутились, разодрали вдруг всю казну и начисто ограбили. Содеяв это бесчинство, они поняли, что оно с рук не сойдет, разве только будет какой-нибудь другой эмир. Случайно подоспел эмир Мухаммед, поэтому толпа преступников пришла и приветствовала эмира Мухаммеда на царстве. Когда павший жертвой эмир, да смилуется над ним Аллах, увидел подобное, а учинить расправу или сразиться было не ко времени, он отправился в Марикеле и ту ночь провел в рабате. Когда наступил день, он вышел [из рабата] и приложил много сил, но нагрянула судьба, он ничего не мог поделать, повернул обратно и заперся в рабате, после чего войско окружило его. Толпа

людей со слонами проникла в рабат. Эмира Мас'уда, да смилуется над ним Аллах, вывели и наложили на него оковы и оттуда увезли в крепость Гири. Там он пробыл до одиннадцатого числа месяца джумада-л-ула лета четыреста тридцать второго [17 января 1041 г.]. В конце концов те люди, которые усердствовали в его низложении, устроили коварную уловку. Они кого-то послали к кутвалу [крепости] Гири и от имени эмира Мухаммеда передали устное сообщение — эмиру Мухаммеду об этом известно не было — чтобы кутвал его убил, отсек ему голову и прислал ее к эмиру Мухаммеду, да смилуется над ним Аллах. Эмир Мухаммед много плакал и бранил тех людей.

Перевод из Zainu'l Акhbar, 109 — 110.

ГЛОССАРИЙ

Амид — “начальник, глава” — государственный чиновник, стоявший во главе гражданского управления области; крупный административный чиновник.

Амиль — финансовый чиновник, ведавший сбором налогов в городах и округах.

Арбаб — мн. ч. от рабб — “господин” — здесь в значении “клиенты” средневекового феодала.

Ариз — начальник войскового дивана, в его ведении находился учет личного состава вооруженных сил, снабжение и выплата жалования.

Балбала — род кубка или чаши.

Барбет — струнный музыкальный инструмент вроде лютни или бандуры.

Берат — ассигновка на получение с кого-либо причитающейся с него суммы денег, или на получение сумм из податных сборов.

Бирун-хане — мужская половина дома.

Вакф — завещанное на “богоугодные” или благотворительные цели недвижимое имущество или завещанные с той же целью другие предметы собственности завещателя.

Вали — правитель области.

Везир — глава правительства, первый министр.

Висак — шатер или помещение из какого-либо строительного материала, служащее для жилья одного подразделения гулямов (10 чел.).

Газий — “воитель за веру”, участник “газавата”, т. е. войны мусульман с “неверными”. Под видом “газавата” совершались грабительские походы Махмуда Газнийского в Индию.

Гяджгер — штукатур

Гяз — мера длины, равная, приблизительно, 3 футам.

Гулям — “мальчик, юноша” — раб, обычно тюркского происхождения, купленный, главным образом, для военной службы. Гулямы составляли гвардию повелителя и часто назначались на высокие военные и административные посты.

Гумбад — купол, куполообразное здание.

Даватдар — придворный чин, хранитель письменного прибора монарха, он же и хранитель личного его архива.

Данак (данг) — разменная монета, 1/6 дирема (даргема)

Дарраджа — то же, что даббаба, т. е. подвижное боевое сооружение на колесах и" щитов с бойницами, применявшееся в пеленой воине и при осаде крепостей. Род русского средневекового гуляй-города.

Дебир — см. "От переводчика, стр. 18

Девсувар — "дьявол-всадник", гонец чрезвычайно спешней почты. I

Дергах и майдан - присутственное место монарха и сборный двор, где происходили заседания для решения дел и суда.

Дестар — платок, чалма.

Дехлиз — сени, прихожая; крытая галерея; коридор.

Джамедар — хранитель султанского гардероба.

Джанбаши — значение термина точно не установлено, огласовка первого слога условна. Судя по контексту, так назывались чины военной полиции.

Джериб — мера площади пашни, равная пространству, на которое высевается один джериб зерна, т. е. приблизительно 10 кг.

Джубба — длиннополая верхняя одежда, открытая спереди, с широкими рукавами.

Диван — 1, Канцелярия, государственное учреждение наподобие русских приказов допетровского времени. Посольский диван — государственный секретариат. 2. Собрание стихов какого-нибудь поэта.

Диванбан — лицо, заведывавшее канцелярией и хранившее дела дивана.

Динар — золотая монета, в средние века имевшая хождение в странах мусульманского Востока. Первоначальный вес золота в монете = 4,25 г.

Впоследствии этот вес подвергался колебаниям в зависимости от эпохи и места чеканки.

Дирем — серебряная монета, в которой содержание чистого серебра колебалось в. зависимости от времени чеканки и страны от 2,97 г и ниже.

Дихкан — крупный землевладелец, владевший подчас целым районом; этот же термин прилагался иногда к вождям тюркских кочевых племен.

Дубейт — строфа, состоящая из четырех полустиший.

Дуккан — постройка с плоской кровлей, возвышающаяся над окружающим пространством; с кровли можно было обозревать прилегающую окрестность, производить смотр проходящим войскам, обращаться к собравшимся людям и т. п.

Ексувары — *** — значение термина точно не установлено. Возможно, так назывались конные гулямы, умевшие вести одиночный бой.

За'им — “предводитель” — в сельских местностях крупный землевладелец, представлявший определенный округ: термин *за'им* часто употреблялся вместо *реис.* За'имом называли и начальника небольшого отряда.

Зар — (мера длины) — длина вытянутой руки.

Зекат — подать, взимаемая с имущества в пользу бедных согласно шариату.

Имам — предстоятель на пятничной молитве мусульманской обшины, в более узком значении — законный глава и руководитель мусульманской общины.

Каввал — странствующий поэт-певец, автор-исполвитель.

Кадах — большая чашка, чаша.

Казий — судья, судящий по законам шариата.

Кали - ковер обычного способа тканья.

Канду — закром для хранения зерна в виде неподвижного глинобитного ларя с деревянным дном, без крышки.

Караба — бутыль, фляга

Карачур — род большого кинжала.

Кариз — оросительный канал открытый или подземный.

Касаба — так в X — XI вв. назывался административный центр волости или округа.

Касыда — ода, поэма панегирического или дикактического содержания.

Кафиз — мера объема сыпучих тел, содержащая в себе 170 кг.

Кедхудай — “хозяин дома” — у Бейхаки этот термин употребляется в значении майор дома, управляющего финансами и хозяйством владетельного лица. Кедхудай мелких феодальных владетелей исполнял должность везира. Встречается

это слово у Бейхаки и в значении хозяина недвижимого имущества.

Кежаве — два крытых сидения, расположенные по бокам верблюда, мула и иного вьючного животного.

Кемеркеш — слуга, носящий перед господином пожалованный последнему в знак отличия золотой или серебряный пояс, весивший 2 — 4,5 кг.

Кербас — грубая бумажная ткань.

Кибла — направление в сторону Мекки, куда обращаются мусульмане, читая молитву.

Кунья — имя по сыну, например, Абу Наср — отец Насра.

Курдус — небольшой отряд конницы.

Кутвал — комендант крепости.

Кухандиз — цитадель города.

Кушк — укрепленное жилище крупного феодала; дворец. Например, дворец в Ляшкергахе Бейхаки называет кушком.

Кыт'а — короткое стихотворение на одну рифму.

Майдан — площадь, поле; широкая площадь за чертой города, где делалась останов-ка при выезде и въезде в город.

Манджук — 1. Золоченый или медный полумесяц на острие древка знамени. 2. Бун-чук, т.. е. древко с полумесяцем на острие и подвешенным на поперечной рейке конским хвостом, знак власти важного военачальника.

Махфури — ковер с выпуклым орнаментом.

Мен — мера веса, колеблющаяся в зависимости от эпохи и места. Здесь, приблизительно, 600 — 680 г.

Мертебедары — “обладатели чина” — придворные чиновники среднего ранга.

Минбар — кафедра в мечети; употребляется также как нумератив при указании количества мечетей.

Мискаль — мера веса, равная 4,25 г.

Михраб — ниша внутри здания мечети, ориентированная в сторону Мекки, обычно перекрытая аркой с орнаментами и надписями.

Мусалла — место общественной молитвы за чертой города; молитвенный коврик

Мустахридж — “вытаскивающий, вытягивающий” — здесь — лицо присутствующее при пытках и “вытягивающее” из обвиняемого признание вины.

Мустовфи — счетно-финансовый работник, чиновник, ведавший составлением приходо-расходных смет и учетом денежных сумм и других ценностей.

Мутрибы — артисты-музыканты, певцы и танцоры обоего пола.

Мухаддис — сказитель хадисов, т. е. преданий о жизни основоположника ислама Мухаммеда и вообще рассказчик занимательных историй.

Мухтасиб — здесь специально назначенные лица, которые обязаны были следить за нравственностью

военных чинов и за соблюдением религиозных обязанностей и исполнением повелений султана совместно с джанбашиями (см.)

Мушрифы — 1. Официальные чиновники-контролеры различного ранга, от государственного контролера до контролера отдельного учреждения или заведения, которые были обязаны следить за правильным производством дел и пресекать злоупотребления. 2. Тайные соглядатаи и информаторы, назначавшиеся для негласного наблюдения за отдельными членами царствующего дома, должностными и частными лицами.

Наиб — заместитель, помощник.

Накиб — “предводитель” — здесь в значении “командир военной части”, “офицер”.

Небиз — спиртные напитки (водки), обычно приготовляемые из фиников, инжира и др.

Невала — разные закуски.

Недим — компаньон, советник и собутыльник владетельного лица или крупного сановника.

Нимтерг — тент, навес для защиты от солнца и дождя.

Палас — грубый ковер; грубая шерстяная одежда дервишей.

Пердедар — дворцовый служитель; камердинер.

Пиширивак — занавес, закрывающий ривак (см.)

Рабад — предместья города, окруженные стенами.

Рабат — первоначально небольшое пограничное укрепленное селение, предназначенное для газиев (“борцов за веру”). Рабаты представляли собой как бы казармы для конных сторожевыхотрядов, охранявших границу. В них селились как бойцы, так и члены их семей. Иногда рабатами назывались пограничные крепости.

Рак'ат — “поясной поклон” — у мусульман часть молитвы, состоящая из двух коленопреклонений с последующим поясным поклоном.

Ребаб и рубаб — смычковый музыкальный инструмент с коротким грифом и круглым кузовом, с оленьей кожей вместо деки.

Реис — ра'ис — глава города и его округи; являлся первым лицом в городе и представителем его населения; через него объявлялась воля повелителя жителям.

Ривак — портик, галерея вокруг двора.

Руд — музыкальный струнный щипковый инструмент.

Садр — “глава”, “начальник”, здесь — представитель высшего мусульманского духовенства.

Саз — музыкальный струнный инструмент.

Салар — высший военачальник; начальник войскового соединения.

Самбуса — пирожки из пшеничного теста с фаршем из баранины, лука и пряностей, испеченные в особой печи, называемой таннур или тандур.

Сатгин — стакан.

Сахиб-диван — “начальник дивана” — но у Бейхаки этот термин чаще употребляется в значении гражданского правителя областей, в ведении которого находились местные финансы и сбор налогов.

Серай — дом, дворец; комната, зала.

Сераперде — 1. Царская ставка. 2. Большой царский шатер (хергах), палатки ближних вельмож и телохранителей, окруженные с четырех сторон завесой. 3. Завеса, отделяющая женскую половину дворца от остальной части.

Серхенг — военный чин вроде более позднего “есаула” в казачьих войсках, командир “хейля”.

Сипахдары — дворцовые служители.

Сипахсалар — главнокомандующий вооруженными силами страны; в зависимости от важности фронта, стратегической и политической, войска фронта могли иметь отдельного сипахсалара.

Суффа — 1. Род вестибюля или крытого сверху и открытого спереди портика. 2. Платформа, плоское возвышение каменное или глинобитное для сидения и лежания на нем.

Тамбак — род барабана.

Тамбура — струнный музыкальный инструмент вроде домры.

Тамга — клеймо, печать.

Тахтираван — носилки, носимые двумя лошадьми или мулами, идущими в затылок.

Терем — деревянный дом наподобие хергаха (см.), так же называют и плоскую кровлю дома.

Терьяк — опиум.

Тираз — позумент (оторочка) парадного одеяния.

Улемы — ученые богословы.

Устад — учитель, наставник, мастер, руководитель. Титул ученого человека.

Факих — законовед, ученый специалист по мусульманскому праву.

Фарсанг — мера длины, колеблющаяся в зависимости от местности, от 6 до 8 км.

Ферраш — “постельничий” — дворцовый слуга, употребляемый для разных надобностей.

Фетва — разрешение юридического вопроса, даваемое муфтием.

Фута — передник, полотенце, кусок простой ткани, которую повязывают вокруг бедер при купании в бане.

Хаджж — паломничество в Мекку с соблюдением установленных для него обрядов, и правил.

Хаджиб - придворный чин вроде камергера. При Газневидах чаще всего военачальник достигший этого чина из гулямов.

Хадис — предание о каком-либо случае из жизни основоположника, ислама Мухаммеда.

Хазра — *** — высокое место в населенном пункте, поросшее зеленью, откуда открывается широкий вид.

Хаким — здесь в смысле господин, наставник, ментор, руководитель как почетное звание.

Харадж — общая поземельная подать, поступающая в государственную казну. Иногда в настоящей книге встречается в значении “дань”.

Хатиб — проповедник, мулла, читающий хутбу.

Хашар — гражданское население, мобилизованное в порядке трудовой повинности для постройки больших зданий, оросительных каналов, производства охотничьих облав, оборонных работ и т. п.

Хейль — дружина; конный отряд, не превышавший, по-видимому, 100 человек.

Хейльташи — конные воины, входящие в состав одного хейля.

Хергах — большой круглый шатер.

Ходжа — почетный титул заслуженного, достигшего преклонного возраста ученого или сановника. Об изменении значения этого титула при первых Газневидах см. стр. 322. Ходжа-амид, ходжа-начальник — сановник, исполняющий крупную административную должность.

Хутба — мусульманская ектения, возглашаемая по пятницам в мечети. В ней совершается моление о царствующем монархе. Слово употребляется также в значении обращения к кому-нибудь с речью.

Човган — игра, напоминающая современную игру поло; клюшка для этой игры.

Шадурван — ковер

Шаристан, Шахристан — "место, где находится власть" — первоначальное городское поселение с цитаделью, обнесенное стенами, впоследствии (X — XI вв.) слившееся со своими предместьями (рабадом) в единый город.

Шахид — “свидетельствующий” — здесь в смысле лица, присутствующего на судебном разбирательстве и свидетельствующего законность решения судьи.

Шербет — сладкий напиток, приготовляемый из воды, сахара и фруктового сока.

Шихне — комендант города, начальник полиции.

Эмир — “повелитель” — в Газнийском царстве звание царей и царевичей династии Газневидов.

СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бартольд В. В. Башня Кабуса как древнейший датированный памятник мусульманской персидской архитектуры, Ежегодник Российского Института истории искусств, т. 1, Петроград, 1922.

Бартольд В. В. Иран, Исторический обзор, Ташкент 1926. Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана, СПб, 1903. Бартольд В. В. История

культурной жизни Туркестана, изд. АН СССР, Л., 1927.

Бартольд В. В. К истории крестьянских движений в Персии, “Из далекого и близкого прошлого”, сб. в честь И. Н. Кареева, Пг. — М., 1923.

Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана, ЗВО, т. XIX, СПб., 1909.

Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа, сб. “Туркмения”, т. I Л., 1929

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. 1, Тексты; т. II, Исследование, СПб, 1900.

Бертельс А. Е. Насир-и Хосров и исмаилизм, М., Изд-во вост. л., 1959.

Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы, Избранные труды М., Изд-во вост. лит., 1960.

Бертельс Е. Э. Праздник джашн-и сада в таджикской поэзии, Сб. статей по истории и филологии народов

Средней Азии, посвященный 80-летию А. А. Семенова, 1953.

Беленицкий А. М. Историко-географический очерк Хутталя, Материалы и исследования по археологии СССР, 1950, № 15.

Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении, т. 1, С древнейших времен до Великой Октябрьской Революции 1917 г., под ред. И. Брагинского, М., Госполитиздат, 1949.

Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов в Малой Азии, М. — Л., Изд-во АНСССР, 1941.

Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, Изд-во АНУзССР, 1957.

Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии, М. — Л., 1939.

Ершов С. А. Данденакан, (Археологические разведки у Таш-Рабата в 1942 г.) КСИИМК, XV, 1947.

Захидов В. Ю. Бируни как мыслитель, “Бируни”, сб. статей под ред. С. П. Толстова, М. — Л., Изд-во АНСССР., 1950.

Заходер Б. Н. Хорасан и образование государства сельджуков, “Вопросы истории”, 1945, № 5-6.

Ибн Сина. Канон врачебной науки, кн. I — V, Ташкент, Изд-во АНУзССР, 1954 — 1960.

История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. под ред. акад. В. В. Струве, акад. И. А. Орбели, проф И. П. Петрушевского, изд. Ленгосуниверситета, Л., 1958.

Кабус-намэ, Перевод, статья и примечания Е. Э. Бертельса, АН СССР, Литературные памятники, М., 1953.

Крачковская В. А. О средневековых текстильных изделиях в Средней Азии (мервские ткани IX — X вв.), Материалы Первой всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте 4 — 11 июня 1957 г., Ташкент, 1958.

Крачковский И. Ю. Ал-Бируни и географы в XI в. на Востоке, Избранные сочинения, т. IV, изд. АНСССР, М. — Л., 1957.

Крачковский И. Ю. Поэтическое творчество Абу-л-Атахии, Избранные сочинения, т. II, изд. АНСССР, М. — Л., 1956.

Лэн-Пуль С. Мусульманские династии, Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями, Перевод В. Бартольда, СПб, 1899.

Массон М. Е. Городища Старого Термеза и их изучение, Труды Узб. фил. АН СССР, серия 1, история, археология, в. 2, Термезская археол. комплексн. экспедиция 1936 г., Ташкент, 1941.

Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. 1, арабские и персидские источники, Труды Ин-та востоковедения АН СССР, в. XXIX, М. — Л., 1939.

Насир-и Хусрау, Сафар-намэ, книга путешествия, перевод и вступ. статья Е. Э. Бертельса, Восточные

литературы под общ. ред. В. А. Гордлевского и акад. И. Ю. Крачковского, Academia, М. — Л., 1933.

Наршах и Мухаммед, История Бухары, перевел с персидского Н. Лыкошин, под ред. В. В. Бартольда, Ташкент, 1897.

Петрушевский И. П. Городская знать в государстве Хулагуидов, “Советское востоковедение”, 1948, т. V.

Пугаченкова Г. А. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда Серах-са, Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953.

Пугаченкова Г. А., Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, под ред. М. Е. Массона, Труды ЮТАКЭ, т. VI, изд. АНСССР, М., 1958.

Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька, перевод, введение в изучение и примечания Б. Н. Заходера, АН СССР, Литературные памятники, М. — Л., 1949.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. III, М., Соцэкгиз, 1960.

Толстов С. П. Бируни и его время, “Бируни”, сб. статей под ред. С. П. Толстова, изд. АН СССР, М. — Л., 1960.

Толстов С. П. Города гузов, “Советская этнография”, 1947, № 3.

Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, М. — Л., Изд-во АНСССР, 1948.

Худуд ал-'Алем, Рукопись Туманского с введением и указателем В. В. Бартольда, изд. АНСССР, Л., 1930.

Чириков Е. И. Путевой журнал, под ред. М. А. Гамазова, Зап.-кавказ. отд. Русского геогр. общ-ва, кн. IX, СПб., 1875.

Шишкин В. А. “Курган” и мечеть Чор-сутун в развалинах Старого Термеза, Труды АН УзССР, сер. 1, история, археология, в. 2, Термезская археол. компл. эксп. 1937 и 1938 гг., Ташкент, 1945.

Якубовский А. Ю. Время Авиценны, "Изв. АН СССР," Отд. общ. н., 193, № 3.

Якубовский А. Ю. Махмуд Газневи, сб. "Фердовси", изд. АН СССР, Л., 1934

Якубовский А. Ю. Развалины Ургенча, Изв. Гос. акад. матер. культ., т. VI, в. 2, 1900.

Якубовский А. Ю. Сельджукское движение и туркмены, "Изв. АН СССР," Отд. общ. н., 1937, № 4.

Якубовский А. Ю. Феодальное общество в Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X — XI вв., Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. ч. 1, Л, 1932.

Alberuni's India, an Account of the Religion, Philosophy, Literature, Chronology, Astronomy, Customs, Laws and Astrology of India about a. D. 1030, ed. in the Arab. Orig. by E. Sachau. London, 1887.

Barthold W. Turkestan down to the Mongol Invasion. Second edition. Translated from the original Russian (by

V. Minorsky) and revised by the author with the assistance of H. A. R. Gibb. GMS, NS, V, London, 1958.

Biberstein Kazimirski A. Menoutchehri, poete persan du 11-eme siecle... texte, traduction, notes et introduction historique, Paris, 1886 — 1887.

Brockelmann C. Geschichte der arabischen Literatur, I — II, Weimar — Berlin, 1898 — 1902.

Browne E. G. A Literary History of Persia, vols 1-4, London, 1902 — 1906.

Dozy R. Supplement aux Dictionnaires arabes, Leyde, 1881.

Encyclopaedie des Islam, Leiden, 1913 — 1930.

(Hajji Khalifa) Lexicon bibliographicum et encyclopaedicum a Mustapha ben Abdallah Katib Jelebi dicto et nomine Haji Khalfa celebrate composltum, I — VII, Edidit G. Flugel. Leipzig — London, 1835-1858.

Hashmi Yusuf Abbas, Society and Religion under the Ghaznawids, Journ. of the Pakistan Historical Society, 1958, oct. vol. 6. pt. 4

Ibn al-Athiri chronicon quod perfectissimum inscribitur ed. C. J. Tornberg, I — XIV Lugduni Batavorum, 1851 — 1876.

Kitab Zainu'l Akhbar, Composed by Abu Said... Gardizi about 440 a. H. Ed. by Muhammad Nazim, (E. G. Browne Mem. Ser., I), Berlin, 1923.

Kohzad A. A. Uniformes et armes des sultans de Ghazni, "Afghanistan", No I 1951.

Krause M. Al-Biruni, Ein iranischer Forscher des Mittelalters, "Der Islam", 26, 1940,

Le Strange G. The Lands of the Eastern Caliphate, Cambridge, 1930.

Meyerhof M., Das Vorwort zur Drogenkunde des Beruni, Quellen u. Studien z. Gesch. d. Naturwissensch. u. d. Med., III, Berlin, 1932.

Minorsky V. Hudud al-'Alam, "The Regions of the World" a persian geography 372 a. H. — 982 a. D., Translated and explained by V. Minorsky, with the

preface by V. V. Barthold, translated from the russian, GMS, NS, XI, London, 1937.

Muhammad Nazim, The Life and Times of Sultan Mahmud of Ghazna, Cambridge, 1931.

Mueller A. Der Islam im Morgen-und Abendland, I — II, Berlin, 1885 — 1887, Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen, herausgegeben von W. Oncкen.

Rypka J. Iranische Literaturgeschichte, Leipzig, 1959.

Sachau E. Zur Geschichte und Chronologie von Khwarizm, I — II Wien, 1873.

Schlumberger D. La grande mosquee de Lashkari Bazar, "Afghanistan", 1952, No 2.

Schlumberger D. Le palais Ghaznevide de Lashkari Bazar, "Syria", t. XXIX, 1952.

Schlumberger D. Les fouiles de Lashkari Bazar, "Afghanistan", 1949, No 2.

Tabakat-i Nasiri. transl... by H. G. Raverty, I — II, London, 1881.

Tadhkirat al-Muluk... translated and explained by V. Minorsky, GMS, NS, XVI, 1943.

The Tarikh-i Baihaki containing the life of Masaud, son of sultan Mahmud of Ghaznin... ed. by W. N. Morley, (Bibliotheca Indica), Cilcutta, 1861 — 1862.

Vullers J. A. Lexicon persico-latinum, Bonnae, 1855.

Wright R. The Book of Instruction in the Elements of the Art of Astrology by Abul-Rayhan Muhammad Ibn Ahmad al-Biruni. Written in Ghazna, 1029 a. D. Reproduced from Brit. Mus. Or. 8349. The Translation facing the Text by,.. London, 1934.

(Yaqut) The Irshad al-arib ila ma'rifat al-adib. Ed.by D. S. Margolioutn... vol. VI. GMS, vol. 6, Leyden-London, 1913.

***

Ркп. ИВАН Уз ССР № 2009 ***

Ркп. ИВАН Уз ССР № 9989 ***

Ркп. ИВАН Уз ССР № 1524 ***

Ркп. ИВАН УзССР №№ 306, 307 ***